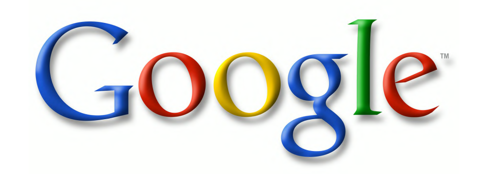
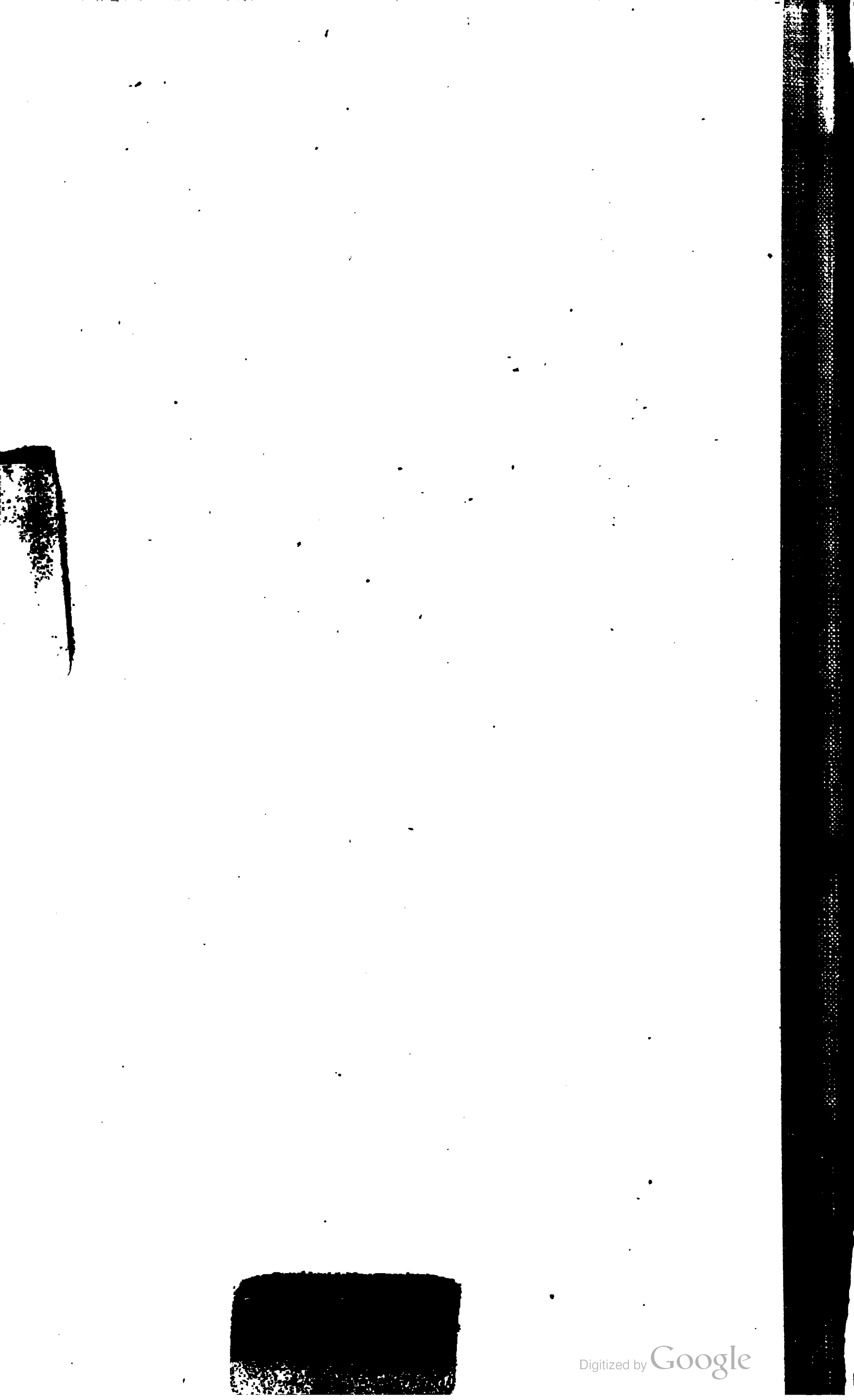




ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XI. — ТОМЪ CCXXXIV. — 1/13 ІЮЛЯ, 1876.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

(238)

АЛМОРСКІЕ ПѢВЦЫ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Въ концѣ мая жара въ Бенаресѣ становилась невыносимою, въ полномъ смыслѣ этого слова. Ни на минуту, ни днемъ, ни ночью, ни въ комнатѣ, ни на дворѣ нельзя было отыскать прохлады. Среди дня, выходить изъ дому не было никакой возможности; солнце палило и ослѣпляло своимъ блескомъ; отъ стѣнъ, отъ бѣлаго песку несло жаромъ; отъ отражающихся лучей становилось больно глазамъ. Вѣтеръ душилъ, обдавая облакомъ пыли. Даже утромъ, въ половинѣ шестого или въ шесть часовъ становилось жарко и душно; недолгая прогулка утомляла и разслабляла. Ни зонтикъ, ни индійскій шлемъ, ничто не спасало отъ вліянія лучей индійскаго солнца; изъ всѣхъ поръ точился потъ; и послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мокрое платье липло къ разгоряченному тѣлу, тѣмъ самымъ связывая движеніе и вызывая во всемъ существѣ какое-то очень непріятное чувство не-по-себѣ. Чрезъ двѣ-три мили утомленіе брало верхъ надъ любопытствомъ; на диковинки, на разновидные курьёзы начинаешь тупо и безучастно смотрѣть; позываетъ къ себѣ, въ полутемный покой, гдѣ подъ вліяніемъ панка возможно было найти временный отдыхъ. До тѣхъ поръ, пока *панка* двигался, въ районѣ его вѣянія дышалось легко; но, лишь задремлетъ рабочій, погоняющій зефиръ, и панка остановится, мгновенно все тѣло, съ головы до ногъ, покрывалось обильною испариною; ночью, къ этому присоединялись миріады москитовъ. И откуда только они бра-

лись! Не успѣетъ панка остановиться, какъ они тутъ: жужжатъ и снуютъ, и кусаютъ и спать не даютъ. Но въ Индіи жара все-таки сноснѣе, нежели на Цейлонѣ; здѣсь всюду, во всѣхъ комнатахъ, водятся панка; всюду возможно отыскать чистую воду, а въ большихъ городахъ даже лёдъ. Въ отеляхъ, въ Дакъ-бангалоу (т.-е. казенныхъ постоялыхъ дворахъ), при каждой комнатѣ есть купальня. На Цейлонѣ всѣ эти удобства не всегда доступны; путешественникъ бо̀льшею частью принужденъ жить среди болѣе первобытныхъ условій; не только лёдъ, но и чистая вода тамъ рѣдкость; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ центрѣ острова, и грязной воды не обильно. Въ «Коломбо», въ лучшемъ отелѣ, на сотни живущихъ тамъ всего двѣ-три купальни; расположены онѣ въ дальномъ разстояніи отъ комнатъ и за всякое купанье взимается шиллингъ, т.-е. 35 копѣекъ.

Несмотря, однакоже, на обиліе воды въ даровой купальнѣ, на ледъ, на вѣяніе панка, въ Бенаресѣ было все-таки душно и несносно, и такъ каждый день, отъ полуночи до полуночи; казалось, что живешь въ постоянной банѣ. Трудно вообразить себѣ, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ развивалась лѣнь, подъ вліяніемъ этой температуры; среди дня, являлась возможность заснуть за книгой, полной новизны и интереса. Сонъ въ неурочный часъ не только не освѣжалъ, но еще болѣе располагалъ къ ничего-недѣланію; заставить себя написать нѣсколько строкъ сто̀ило не малыхъ усилій. Туземцы чувствовали себя отлично въ эту погоду и предрекали, что въ іюнѣ будетъ потеплѣе. Я рѣшился ѣхать на сѣверъ, въ Гималаи, не дожидаясь іюня, и въ концѣ мая, въ одинъ, дѣйствительно прекрасный, день бѣжалъ изъ священнаго града; утро, какъ-бы на зло, въ тотъ день было сравнительно съ прежними прохладно. Накрапывалъ небольшой дождь и не было вѣтра. Въ вагонѣ былъ панка, и какъ только поѣздъ двинулся по направленію къ Лакноу, явился рабочій двигать панка; при закрытыхъ окнахъ и вѣяніи панка внутри вагона не только было сносно, но даже пріятно послѣ бенаресской жары.

Къ сожалѣнію, все это продолжалось не долго; въ девять часовъ жаръ сталъ чувствителенъ; поднялся вѣтеръ, и столбы дыма, пыли врывались въ вагонъ, чрезъ жалузи. Отъ панка не было никакой прохлады, искусственный зефиръ обдавалъ путешественника горячимъ пескомъ и ѣдкимъ дымомъ. Поѣздъ двигался довольно быстро, но съ безпрестанными, продолжительными остановками; и такъ какъ въ это время года мало кто изъ европейцевъ ѣздитъ, то на всемъ пути отъ Бенареса до Лакноу нельзя

было достать никакой ѣды. Кое-гдѣ, на станціяхъ чуть не совершенно нагіе мальчишки продавали полугнилые бананы, и необыкновенно великіе и аппетитные арбузы. Англичанинъ, житель Индіи, знаетъ кáкъ путешествовать по Индіи; на буфеты онъ не разсчитываетъ, а беретъ съ собою всякаго рода продовольствія и даже постель и подушки; ѣдетъ за нѣсколько миль съ своимъ домкомъ и двумя-тремя слугами разныхъ исповѣданій. Одного слугу,—мусульманина, англичанинъ беретъ за обѣдомъ служить, такъ какъ ни одинъ индіецъ не согласится подать ѣду европейцу или присутствовать за его обѣдомъ. То и другое оскверняетъ индійца и лишаетъ его касты. Другого, индійца, онъ беретъ въ должности valet; и, конечно, чѣмъ важнѣе англичанинъ, тѣмъ многочисленнѣе его свита; двое, трое слугъ всего чаще сопровождаютъ путешествующаго здѣсь англичанина. Слуги здѣсь, въ сѣверной Индіи, рѣдко говорятъ по-англійски, но всѣ понимаютъ ломанный и коверканный урду европейцевъ. Это не мало, и по всей вѣроятности достигается ими не безъ нѣкотораго труда и навыка, такъ какъ извѣстно, что англичане не мастера изъясняться на иностранныхъ языкахъ. Не имѣвъ всѣхъ этихъ удобствъ при себѣ: ни слугъ, ни запасовъ, и проголодавъ въ продолженіи двѣнадцати часовъ, я былъ очень радъ, когда наконецъ мы добрались поздно вечеромъ до Лакноу; нашъ поѣздъ опоздалъ нѣсколькими часами по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Лакноу, какъ большинство городовъ Индіи, если безусловно вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, существуетъ тысячи лѣтъ. Говорятъ, что городъ былъ выстроенъ Лакшманомъ, братомъ Рамы (воспѣтаго въ Рамаянѣ); увѣряютъ, что городъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шестьдесятъ тысячъ мудрецовъ подвизались въ лѣсу Наймиши. Вѣрно однакоже одно, съ 1775 года Лакноу сталъ столицею Ауда и всѣ наиболѣе замѣчательныя зданія города воздвигнуты были послѣ того. Въ настоящее время (и вѣроятно также было и прежде) городъ представляетъ странную смѣсь нищеты, грязи и тяжелой, безобразной роскоши. Городъ дворцовъ, мечетей, индусскихъ храмовъ, мавзолеевъ, величественныхъ воротъ, и въ то же время съ узенькими улицами, плохо вымощенными и грязными; въ рединѣ города попадаются полуразвалившіеся заборы, на бокъ покачнувшіяся хижины, крытыя соломою; европейская часть города т.-е. *cantonments*, представляетъ, какъ и повсюду въ Индіи, разительный контрастъ съ туземнымъ городомъ: всюду широкія улицы, обиліе зелени, просторъ и чистота. Аудъ былъ присоединенъ къ британскимъ владѣніямъ въ 1856; послѣдній аудскій король до сихъ поръ живетъ около

Кальнутты. Его громадный дворецъ, съ пространными садами, бросается въ глаза при приближеніи къ Калькуттѣ; здѣсь падшій король проживаетъ ежегодно свои двѣнадцать лаковъ (т.-е. сто-двадцать тысячъ фунтовъ), никогда не сводя концы съ концами и постоянно должая. Присоединеніе Ауда, какъ извѣстно, считается одною изъ главныхъ причинъ послѣдняго возстанія (1857), и осада Лакноу до сихъ поръ свѣжо помнится старожилами. Бунтъ засталъ англичанъ неприготовленными; они дорого поплатились за свое незнаніе народа, но, нужно отдать имъ справедливость, мужественно отстояли свои права. Въ Лакноу разыгрался одинъ изъ геройскихъ эпизодовъ этой кровавой драмы. Здѣсь, въ такъ-называемой резиденціи (т.-е. въ домѣ, гдѣ жилъ британскій резидентъ, до присоединенія Ауда) около тысячи англичанъ, солдатъ и женщинъ выдержали тяжелую осаду съ 30-го мая 1857 по 22 ноября того же года. «The Residency» самое любопытное мѣсто въ Лакноу; домъ былъ выстроенъ въ 1800, стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи и окруженъ большимъ садомъ, въ которомъ нѣсколько меньшихъ зданій; теперь зданія въ полуразвалившемся состояніи; вполнѣ сохранилось подземелье, въ которомъ прятались жены и дѣти осажденныхъ, да садъ, кругомъ зданій, поддерживается съ большимъ тщаніемъ. Кромѣ резиденціи, въ Лакноу, городѣ мусульманскомъ, есть нѣсколько другихъ примѣчательныхъ зданій: Имамбара, бывшая мечеть, а теперь мѣсто склада для пушекъ, ружей и т. д. Кайзеръ-Багъ, дворецъ, выстроенный послѣднимъ королемъ, и множество другихъ дворцовъ и зданій съ громкими именами: «домъ солнца» «радость сердца» и т. д. Древнихъ зданій въ городѣ нѣтъ; стиль всѣхъ почти построекъ полуитальянскій съ примѣсью восточной тяжелой роскоши. Древнѣйшимъ образцомъ итальянской архитектуры здѣсь считается домъ, выстроенный французскимъ генераломъ Клодъ-Мартеномъ (Claude-Martin), и въ которомъ теперь помѣщается La Martinière College. Населеніе города (295 т.) главнымъ образомъ мусульманское, и какъ мнѣ привелось слыхать на мѣстѣ, не считается англичанами *«лояльнымъ»*: это не значитъ однакоже, чтобы лакноуцы подумывали о новомъ бунтѣ. Послѣ 1857 англичане стали гораздо предусмотрительнѣе и врядъ ли дадутъ себя захватить врасплохъ. Я провелъ въ Лакноу нѣсколько дней; послѣ Бенареса, лакноуская жара казалась сносною. Безъ панка и здѣсь нельзя было жить, но по утрамъ бывало прохладно и около шести часовъ вечера жаръ значительно спадалъ. — Отъ Лакноу до Барелли продолжается та же линія желѣзной дороги (Oude and Rohilkund) и тѣ же по-

радки: безпрестанныя и продолжительныя остановки, станціи съ буфетами и безъ всякой ѣды. Въ Барелли желѣзная дорога кончается; далѣе, съ Ранибагомъ, у подошвы горъ, сообщеніе производится посредствомъ *Horse dak*. Отъ Барелли до Ранибага считается семьдесятъ-пять миль; за тридцать рупи (т.-е. три фунта) путешественнику дается индійская карета и пара лошадей (мѣняющіяся чрезъ каждыя пять - шесть миль). Индійская карета (гари) наружно мало чѣмъ отличается отъ европейской; но въ гари можно только лежать, а не сидѣть, что въ дорогѣ большое удобство. Ранибагъ въ гидахъ обозначается «at the foot of the hills»; на самомъ дѣлѣ нужно пройти около трехъ миль, и затѣмъ начинается подъемъ въ гору, къ Найни-Талу. Дорога не представляетъ ничего любопытнаго, но сама по себѣ замѣчательно хороша; гладкое широкое шоссе ведетъ вплоть до Найни-Тала (10 миль.)

Найни-Талъ—небольшой городъ на высотѣ семи тысячъ футовъ, и его озеро, какъ круглое зеркало, положенное среди высокихъ горъ, грандіозно-красиво. Всюду по горамъ густая зелень, изъ-за которой выглядываютъ бѣлыя стѣны домовъ и домиковъ, разбросанныхъ по склонамъ. Къ каждому дому вьется подъ густою тѣнью дорожка, прекрасно вымощенная; широкое шоссе огибаетъ все озеро. Климатъ на такой высотѣ совершенно какъ въ южной Европѣ; жары нѣтъ даже въ полдень; панка, зонтикъ, шлемъ здѣсь не нужны; здѣсь бродить можно цѣлый день, не уставая и не въ потѣ лица. Вечеромъ, когда солнце начинаетъ заходить, на озеро, на ярко освѣщенныя вершины горы съ ихъ вѣковыми деревами нельзя достаточно налюбоваться. Предъ глазами—одна изъ тѣхъ величественныхъ картинъ, которыя такъ глубоко вліяли на развитіе индійскаго религіознаго міросозерцанія; живя среди такой природы, первобытный индіецъ, не разгадывая ея тайнъ, но глубоко чуя ея красоты, сталъ обожать гималайскія рѣки и озера. Въ этотъ часъ по озеру снуютъ лодки; изъ всѣхъ домиковъ показываются носилки (седаны, жампаны) съ дамами. Найни-Талъ, какъ всѣ такъ-называемыя hill-stations въ Индіи, мѣсто модное, начиная съ апрѣля до конца октября; на это время сюда пріѣзжаетъ губернаторъ сѣверозападной провинціи, его штатъ, — всякій, кому посчастливилось получить отпускъ; множество военныхъ живутъ здѣсь въ это время. Вечеромъ, начиная съ пяти и до обѣда, словомъ —въ модные часы, шоссе около озера превращается въ Роттенъ-роу Гайдъ-парка. Такъ какъ въ экипажахъ здѣсь ѣздить нельзя, то дамы разносятся кругомъ озера въ седанахъ, жампанахъ, т.-е. въ носилкахъ;

толпы туземной прислуги окружають каждый жампанъ; это восточное заимствованіе западнымъ человѣкомъ сначала, съ непривычки, кажется очень страннымъ. Около иного жампана, въ которомъ сидитъ щедущная англичанка, человѣкъ двадцать носильщиковъ; при этомъ иногда случается, что супругъ по болѣзни или старости не можетъ ѣздить верхомъ и сопровождаетъ супругу въ другомъ жампанѣ, съ такимъ же числомъ прислуги. Во все продолженіе сезона удовольствія не прекращаются; главнымъ образомъ крикетъ и бадмингтонъ занимаютъ публику; объ отличившихся въ этихъ играхъ да о boat-race говорится неустанно, и почти-что ежедневно пишется въ газетахъ; но, кромѣ того, въ сезонъ здѣсь бываютъ любительскія драматическія представленія, балы, концерты и т. д.. Здѣсь есть также библіотека, очень изрядная по количеству томовъ; странно однакоже, что большинство книгъ не относится до Индіи, и число выписываемыхъ индійскихъ газетъ въ сравненіи съ лондонскими ничтожно. Послѣднее отчасти понятно: большинству индійскія газеты нужны для того, чтобы слѣдить за производствами, перемѣщеніемъ оффиціальныхъ лицъ, и т. д.; для такой цѣли, конечно, достаточно одной, много двухъ газетъ. Въ такихъ мѣстахъ, какъ Найни-Талъ, Симла и т. п., всего труднѣе видѣть настоящую, туземную Индію; колонія сагибовъ, пріѣзжающихъ сюда, старается по возможности забыть на время объ Индіи и окружить себя, насколько силъ хватаетъ, европейской обстановкой; мѣстный характеръ склада жизни, конечно, вполнѣ не исчезаетъ, и бросается въ глаза человѣку непривычному къ мѣстнымъ порядкамъ; но весь складъ англо-индійской жизни такъ мало интересенъ, что жить въ Найни-Талѣ для изученія этого было-бы по меньшей мѣрѣ скучнымъ дѣломъ; къ тому же, дождливое время должно было скоро наступить, а потому, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, я пустился далѣе къ сѣверу, въ Алмору. Отъ Найни-Тала до Алморы считается по кратчайшей дорогѣ двадцать-девять миль; дорога на всемъ протяженіи отличная, но такъ какъ она частью вьется въ гору, и къ тому же багажъ, а иногда и путешествующій вынужденъ передвигаться на плечахъ носильщиковъ, то переѣздъ изъ Найни-Тала до Алморы занимаетъ около двухъ дней. На полъ-пути, въ Кернѣ, выстроенъ просторный Дакъ-бангалоу. Первая половина пути до Керна самая легкая и пріятная; какъ только переберешься чрезъ горы, стѣною окружающія Найни-Тальское озеро, во всю дорогу двигаешься подъ гору; до Керна то же обиліе зелени и тѣни, что и въ Найни-Талѣ; горы покрыты густымъ лѣсомъ; характеръ мѣстности вдоль рѣки Коси

напоминаетъ долину рѣки Рапути, въ Непалѣ. Въ Кернѣ, въ продолженіи шести миль, тоже роскошная обстановка; идешь вдоль шумливой рѣки (Коси) подъ тѣнистымъ сводомъ; по склону горъ, у самой дороги кое-гдѣ цвѣтутъ рододендроны, попадаются дубы, а у самой вершины виднѣется ель. Послѣ шестой мили дорога поворачиваетъ на востокъ; лѣсъ исчезаетъ; скудная трава и по временамъ совершенно обнаженные склоны горъ длятся во всю дорогу, вплоть до Алморы. Шоссе продолжается, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно такъ узко, что двѣ лошади съ трудомъ могутъ разойтись. Мѣстность, кругомъ, не густо населенная, кое-гдѣ виднѣются одиночные домики, и, кромѣ носильщиковъ съ чаемъ, никто по дорогѣ не встрѣчается.

Алмора, главный городъ провинціи Камаонъ, расположенъ на высотѣ 5340 ф. Городъ выстроенъ на вершинѣ кряжа, направляющагося отъ востока къ западу, и базаръ, главная улица города, растянутъ на цѣлую милю. Городъ населенъ исключительно туземцами; домы европейцевъ, всѣ безъ исключенія, внѣ города, и разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ ближайшей окрестности по склонамъ горъ. Городъ не красивъ; но съ вершинъ нѣкоторыхъ ближайшихъ горъ открывается широкій видъ; вся страна кругомъ представляется перерѣзанною различными кряжами, безъ широкихъ долинъ; кряжи, взаимно другъ друга пересѣкая, вьются въ разныхъ направленіяхъ. Къ сѣверо-западу, въ ясное утро, послѣ дождя, обрисовываются отдаленныя снѣжныя вершины. Всѣ ближайшія горы, насколько онѣ видны изъ города, безъ лѣса, но въ обиліи покрыты травою; по склонамъ множество домовъ, туземныхъ и европейскихъ; какъ тѣ, такъ и другіе исключительно каменные и крыты каменными плитами; архитектура туземныхъ домовъ имѣетъ отдаленное сходство съ непальскою; но въ рѣдкихъ туземныхъ домахъ, кое-гдѣ, попадается рѣзьба, довольно грубая. Ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ нѣтъ ни замѣчательныхъ храмовъ или другихъ какихъ-либо зданій; нѣтъ, также какихъ-либо памятниковъ глубокой древности; исторія Камаона извѣстна въ обрывкахъ, и начинается очень поздно (XII в.). У здѣшнихъ брахмановъ попадаются списки древнихъ царей, списки брахманскихъ семей, съ обозначеніемъ, кто откуда пришелъ и какими землями владѣлъ. Изъ этихъ немногочисленныхъ данныхъ можно вывести одно заключеніе: арійская колонизація этихъ гималайскихъ странъ шла съ юга, частью изъ Ража-путаны; Камаонъ, также какъ Гарвалъ, повидимому, никогда не принадлежалъ одной династіи, а былъ раздѣленъ между множествомъ мелкихъ владѣтелей; каждый такой ража владѣлъ своимъ

клочкомъ земли, жилъ въ укрѣпленномъ замкѣ, разбойничалъ и воевалъ съ сосѣдями. Такъ продолжалось до конца прошлаго столѣтія (1790) или до завоеванія Камаона непальцами. Непальцы владѣли Камаономъ до 1816, и до этого года Камаонъ былъ совершенно неизвѣстенъ; въ Алмору англичанъ не пускали, здѣшній фортъ считался непальцами непокоримою твердынею. Въ 1815 г. между англичанами и Непаломъ возникли недоразумѣнія; переговоры не уладили затрудненій, а повели къ войнѣ. Непальцы дрались храбро, и въ началѣ кампаніи всюду били англичанъ, совершенно незнавшихъ горной страны, въ которой имъ пришлось дѣйствовать. Въ концѣ-концовъ, однакоже, умѣнье и искусство взяли верхъ надъ храбростью; непальцы были побѣждены и изгнаны изъ Камаона. Камаонъ вмѣстѣ съ Гарваломъ были присоединены къ британскимъ владѣніямъ; вмѣстѣ съ этимъ, конечно, исчезла всякая тѣнь камаонской самостоятельности; алморскій ража былъ низложенъ и зажилъ какъ частный человѣкъ, получая пенсію отъ остъ-индской компаніи. Его внукъ до сихъ поръ живетъ въ Алморѣ; больной, развращенный и совершенный невѣжда, Бимъ-Сенъ не имѣетъ никакого значенія и нисколько не опасенъ англичанамъ. Даже въ послѣднее возстаніе камаонцы остались вѣрными англичанамъ, и теперь никто изъ нихъ не думаетъ о возстановленіи старой, туземной династіи. Представитель этой династіи не богатъ и народъ почитаетъ его за полусумасшедшаго. Его бывшіе вѣрноподданные не оказываютъ ему даже наружнаго почтенія: при встрѣчѣ съ нимъ алморцы не кланяются такъ низко и подобострастно, какъ англійскому барасагибу (великому господину). Словомъ, Камаонъ можетъ считаться вѣрною провинціею британской короны и провинціею очень важною; здѣсь множество чайныхъ плантацій, и сѣверные предѣлы провинціи касаются Тибета; наименѣе затруднительные проходы чрезъ Гималаи, въ Тибетъ, находятся въ Камаонѣ. Въ Тибетъ въ настоящее время европейцу ходу нѣтъ; но что такой порядокъ не будетъ продолжителенъ, есть основаніе предполагать. Въ 1873 нѣсколько туземцевъ-топографовъ, по порученію англійскаго правительства, проникли до Тенгринора и частью обошли это озеро. Сотни спортсменовъ англичанъ ежегодно подходятъ къ самымъ границамъ Тибета, иногда иной предпріимчивый охотникъ добирается и до Манасорова. Объ этихъ поѣздкахъ въ печати ничего неизвѣстно; они затѣваются обыкновенно съ увеселительною цѣлью; отъ наблюденій большинства этихъ путешественниковъ наука не можетъ ожидать какихъ-либо новыхъ фактовъ; затѣваются эти поѣздки бо́льшею

частью лицами военной профессіи; объ успѣхѣ какихъ бы то ни было знаній путешественники не заботятся; ихъ цѣль пріятно провести свободное время, отдохнуть отъ жары индустанскихъ равнинъ; они пошныряютъ въ Гималаяхъ, постреляютъ, и послѣ временной отлучки вернутся опять къ своему посту, къ отправленію своихъ обычныхъ занятій. Сумма свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ въ эти поѣздки, не велика; но такъ какъ этими свѣдѣніями обладаетъ не одинъ и не два человѣка, а десятки и сотни, то практическое значеніе ихъ неоспоримо; такимъ образомъ, нельзя отрицать, что въ Англіи новое предпріятіе или новая идея объ открытіи новыхъ путей въ сердце Азіи, или объ открытіи новыхъ рынковъ застаютъ публику интересующеюся и отчасти подготовленною къ оцѣнкѣ всего этого. Значеніе англичанъ въ Азіи растетъ съ каждымъ годомъ, хотя сами англичане отрицаютъ это и въ газетахъ толкуютъ о противномъ, о какихъ-то происках и контрминахъ Россіи. Но неопровержимые факты разъясняютъ всего лучше настоящее положеніе предпріимчивой націи въ Азіи. До 1870 года въ Кашгарѣ не бывало англійскихъ торговыхъ людей. На послѣдней Кашгарской выставкѣ (въ 1875) въ Калькуттѣ, устроенной по возвращеніи изъ Кашгара сэра Д. Форсайта, большинство кашгарскихъ вещей, матерій, было русскаго издѣлья. Теперь въ Кашгарѣ на время англійскій резидентъ, и не извѣстно, послѣ новаго трактата съ Англіей, въ будущемъ русскіе товары найдутъ ли въ Кашгарѣ такой же сбытъ. Поговариваютъ, что и въ Кабулѣ скоро будетъ назначенъ англійскій резидентъ. Недоразумѣнія съ Бирмою покончены, и открытію пути въ Юнань, чрезъ Бирму и Бамо, бирманскій король врядъ-ли посмѣетъ теперь противиться. Непалъ и Тибетъ пока закрыты; индійскій чай до сихъ поръ не ввозился въ Тибетъ, гдѣ, какъ извѣстно, потребленіе чая громадное. Новый переворотъ въ Непалѣ, который всѣми, кто знаетъ хорошо положеніе дѣлъ тамъ, признается неминуемымъ, откроетъ англичанамъ весь Непалъ, а съ этимъ вмѣстѣ тѣсно связано и открытіе Тибета. Каково будетъ ихъ торговое значеніе въ Азіи послѣ того—не требуетъ никакихъ разъясненій. Но англичане, ревниво слѣдящіе за успѣхами Россіи въ Средней Азіи, въ душѣ убѣждены, что вся азіатская торговля должна быть въ ихъ рукахъ; они не хотятъ и не желаютъ понять, что другіе народы въ свою очередь могутъ сомнѣваться въ справедливости такихъ притязаній. Отсюда ропотъ и крики противъ всякаго кажущагося посягательства на англійскую прерогативу—всюду проникать, всюду заводить факторіи и т. д. Въ Индіи едва ли кто серьёзно боится или серьёзно вѣритъ въ возможность

проникновенія сюда русскаго народа; даже образованные туземцы подготовлены англійскою прессою смотрѣть на Россію враждебно. Россіи здѣсь, какъ и всюду, не знаютъ, и самый дикій слухъ, самое невѣроятное описаніе русскихъ порядковъ и людей считается за истину. Англичане очень хорошо знаютъ, что послѣ нихъ европейское господство здѣсь едва ли возможно, хотя-бы на короткое время; они знаютъ, или по крайней мѣрѣ толкуютъ о томъ, что ихъ владычество здѣсь, несмотря на то, что они сильнѣе въ Индіи, нежели всѣ прежніе завоеватели, далеко не прочно. Народъ ихъ не любитъ и не понимаетъ. *Nigger'a* (такъ бѣлый британецъ зоветъ чернаго индійца) англичане сильно не любятъ и мало знаютъ. Но, нелюбимые народомъ, мало знающіе его, англичане въ Индіи все-таки сильны; они сильны здѣсь не потому, чтобы опирались на массы войска; несильны они и народною любовью. Индіецъ не выноситъ иноземнаго господства. Онъ кое-какъ ладилъ съ мусульманами, и терпѣлъ ихъ, потому что побѣдители смѣшивались съ побѣжденными; развитіе магометанства въ Индіи и порожденіе такого страннаго языка, какъ «урду», доказываютъ неопровержимо, что между мусульманами-побѣдителями и индусами-побѣжденными была возможна амальгамація, и при всемъ томъ это владычество не было мирное и никогда не охватывало всей Индіи. Сліяніе европейскихъ завоевателей-англичанъ съ индусами немыслимо; nigger молчитъ, но владычество христіанъ онъ ненавидитъ сильнѣе, нежели мусульманскихъ деспотовъ. Англичане сильны здѣсь, конечно, до поры до времени, своею упорною энергіею; сильны тѣмъ, что важность Индіи для Англіи отлично сознается не одними оффиціальными лицами, а всѣми англичанами вообще; англійское вліяніе въ сильной мѣрѣ распространяется частною предпріимчивостью, безъ всякаго содѣйствія правительственной инниціативы. И при всемъ томъ англичане въ Индіи не пустили глубокихъ корней; они здѣсь какъ-бы наносный элементъ. Много добра они сдѣлали Индіи, и, нужно надѣяться, успѣютъ сдѣлать еще болѣе; но здѣсь нѣтъ колонистовъ, здѣсь нѣтъ осѣдлыхъ англичанъ, третье поколѣніе англичанъ въ Индіи—рѣдкость. Совершенно отчужденное отъ туземцевъ, англійское общество здѣсь передвижное; нужда, исканіе наживы пригоняетъ сюда англичанина, и какъ только онъ нажился, онъ уходитъ домой.

II.

Въ Алморѣ я пожилъ нѣкоторое время; здѣсь нашлось дѣло и много любопытнаго для наблюденія. Въ Найни-Талѣ многое напоминаетъ Европу, нашу дачную жизнь или жизнь на германскихъ водахъ; въ Алморѣ, въ тридцати миляхъ оттуда, глушь и вмѣстѣ съ этимъ все разнообразіе диковинокъ индійскаго захолустья. Здѣсь живутъ многіе англійскіе чиновники съ ихъ семьями, стоитъ полкъ горжинцевъ, есть и миссіонерская школа и библіотека, но большинство туземцевъ осталось не тронутымъ европейскою цивилизаціею; близкое сосѣдство съ европейскою колоніею не повліяло глубоко даже на тѣхъ камаонцевъ, которые прошли чрезъ миссіонерскую школу; въ школѣ около сотни мальчиковъ, и едвали одинъ христіанинъ. Какъ всѣ горцы, камаонцы народъ суевѣрный и поэтическій. Ихъ устная литература необыкновенно богата и разнообразна; кромѣ сказокъ фантастическаго содержанія и историческихъ пѣсенъ, здѣшній народъ выработалъ для лирической поэзіи нѣсколько совершенно оригинальныхъ формъ. Изъ всей этой массы народнаго творчества, пѣсни про старину наиболѣе любопытны; множество такихъ пѣсенъ знаютъ мѣстные мелкіе землевладѣльцы (земиндары). Во дни независимости Камаона, каждый ража, сильный и менѣе значительный, имѣлъ своего пѣвца, *бата*. Батъ пѣвалъ царямъ или про ихъ дѣдовъ, или вычислялъ ихъ предковъ; онъ былъ необходимымъ членомъ всякаго пиршества, всюду слѣдовалъ за царемъ, возвѣщая народу, какъ силенъ его господинъ и какъ славны предки владыки. Въ старинныхъ пѣсняхъ, древній батъ обыкновенно рисуется такъ: «перекинулъ онъ черезъ плечо дорогой платъ, въ руки взялъ остроконечный посохъ и запѣлъ про славу царскаго рода!» Теперь ражи обѣднѣли, потеряли всякую независимость, и вмѣстѣ съ этимъ профессія пѣвца стала неприбыльна. Батовъ здѣсь, въ настоящее время, немного, и почти всѣ они изъ низшей касты, *домъ*. Происхожденіе этой касты очень загадочно. Домы всѣ пѣвцы и барабанщики, во всѣхъ религіозныхъ процессіяхъ они бьютъ въ барабаны и распѣваютъ нѣкоторые гимны. Наружно они отличаются отъ остальныхъ жителей Камаона: ихъ цвѣтъ лица гораздо темнѣе и волосы курчавы. До прихода англичанъ сюда, домы были рабами, и происхожденія этого рабства ни бывшіе рабы, ни ихъ бывшіе владѣтели не умѣютъ объяснить. Весьма возможно, что домы — остатки первоначальнаго населенія этой части Гималаевъ, порабощеннаго арійскими при-

шельцами изъ равнинъ. Память начала этого порабощенія совершенно исчезла. Домы говорятъ тѣмъ же языкомъ, что̀ и остальные камаонцы, но это можетъ служить доказательствомъ только того, что арійское господство здѣсь очень древне и что языкъ до̀мовъ вымеръ тѣмъ же процессомъ, какимъ вымираютъ въ настоящее время въ Гималаяхъ другіе не-арійскіе языки, съ начала переполняясь чуждыми арійскими словами, но удерживая при этомъ свою грамматику, и наконецъ уподобляя свою грамматику арійской. Каждая такая ступень вымиранія можетъ быть пояснена примѣрами. Религія до̀мовъ та же, что̀ и у остальныхъ камаонцевъ: индуизмъ и множество мѣстныхъ суевѣрій и чтимыхъ боговъ, которыхъ священныя индійскія книги не знаютъ. Трудно сказать, откуда все это взялось, и насколько это нужно считать слѣдствіемъ смѣшенія арійскаго и не-арійскаго населенія. Одного изъ такихъ домовъ-пѣвцовъ мнѣ случилось часто видѣть въ Алморѣ; своимъ видомъ онъ не напоминалъ вѣщаго пѣвца. Онъ былъ малъ ростомъ, очень худъ и очень грязенъ, безъ дорогой шали чрезъ плечо и въ какихъ-то старыхъ отрепьяхъ. Грязное полотенце обвивало его голову и служило ему вмѣсто турбана. Онъ не былъ представителенъ, говорилъ сильно заикаясь, складъ рѣчи былъ восточный: почтительно-униженный. Въ этомъ отчасти сказывался придворный человѣкъ: пѣвецъ состоялъ на жалованьи у аскотскаго ражи; за пятнадцать рупи въ годъ (т.-е. около 10 руб.) онъ обязанъ былъ пѣть въ праздники, передъ ражею. Жилъ онъ постоянно въ Аскотѣ (къ ю.-в. отъ Алморы), и въ Алмору явился искать суда на своего тестя. Изъ его несвязнаго разсказа можно было вывести, что тесть увелъ его жену и вмѣстѣ съ тѣмъ забралъ ея наряды; зять, т.-е. пѣвецъ, пожаловался въ судъ, или качери, и выигралъ дѣло: жена вернулась къ нему, но безъ нарядовъ. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ новымъ распрямъ между тестемъ и зятемъ, семейный разладъ длился три года и судъ до сихъ поръ не рѣшилъ, кто правъ, кто виноватъ. Пѣвецъ утверждаетъ, что тесть отобралъ всѣ наряды, что̀ были у жены, и сказалъ ему: «ступай, жалуйся въ качери!» Тесть же показываетъ, что онъ не давалъ за дочерью никакихъ нарядовъ, а потому, конечно, и не могъ ничего отобрать, такъ какъ зять его бѣднѣе факира, а слѣдовательно не въ состояніи покупать нарядовъ женѣ. Дѣло пѣвца до сихъ поръ въ качери, и не рѣшено, но онъ сильно и настойчиво хлопочетъ, и грозится дойти до коммиссіонера, т.-е. губернатора провинціи, и жалѣетъ, что спора нельзя рѣшить по старинному, посредствомъ воззванія къ богу, Вира-Ветала. Богъ этотъ, ни болѣе, ни менѣе,

какъ какой-то черный камень на вершинѣ одного холма у деревни Сироли, близъ Алморы. Исторію бога и самого бога нѣвецъ зналъ отлично, такъ какъ служеніе черному камню составляло его наслѣдственное занятіе.

«Вира-Ветала богъ,—говорилъ онъ,—великій судья! Когда сагибъ Тиліаръ (т.-е. Traill) былъ здѣсь коммисіонеромъ, послалъ онъ разъ истца и отвѣтчика судиться туда къ богу, Вира-Веталу. Пришли они къ храму и стоятъ.

— Зачѣмъ пришли? спрашиваетъ ихъ богъ.

— Разсуди ты нашъ споръ! отвѣчаютъ оба вмѣстѣ.

Затрясся тутъ бѣснующій Калу-Силу, что богу служитъ, и говоритъ:

— Если сагибъ Тиліаръ васъ прислалъ за рѣшеніемъ, то я, спросясь бога, дамъ рѣшеніе. Кто солжетъ, на того отмѣтку положу!

Разсказали они свой споръ, все какъ было.

Забили тогда въ барабаны. Пришелъ богъ. Трясся, трясся Калу-Силу и началъ пить. Выпилъ онъ двадцать-два горшка воды да горшекъ коровей урины.

И говоритъ онъ отвѣтчику:

— Ты лжешь!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не лгу!

— Смотри, говоритъ ему богъ, я тебя накажу!

А онъ отвѣчаетъ:

— Хорошо! пришелъ къ тебѣ судиться, такъ да будетъ твое рѣшеніе!»

И заболѣлъ у лжеца животъ. Потекла кровь и покрыла всю землю, кругомъ. Узналъ объ этомъ сагибъ Тиліаръ и наказалъ лжеца!

Тогда богъ Вира-Ветала сталъ очень могущъ.

Трайлъ былъ здѣсь коммиссіонеромъ, вскорѣ послѣ присоединенія Камаона къ британскимъ владѣніямъ. Сомнительно, чтобы онъ посылалъ кого-нибудь судиться такимъ первобытнымъ способомъ, но былъ этотъ сагибъ очень популяренъ здѣсь. Жилъ онъ по старинному, какъ англійскіе чиновники живали въ Индіи во дни остъ-индской компаніи, со всею восточною роскошью и придерживаясь нѣкоторыхъ восточныхъ обычаевъ. Алморскіе старики увѣряютъ, что у него былъ гаремъ; одна изъ его подругъ до сихъ поръ жива и пребываетъ въ Алморѣ.

Богъ Вира-Ветала имѣетъ многочисленныхъ поклонниковъ здѣсь, къ нему прибѣгаютъ для рѣшенія затруднительныхъ спо-

ровъ. Обыкновенно богъ изрекаетъ свои рѣшенія, вселяясь въ тѣло какого-нибудь изъ своихъ служителей. Избранный начинаетъ трястись и громко вопить, иногда безсмыслицу, иногда какую-нибудь молитву. Пѣвецъ утверждалъ, что разъ богъ вселился въ него; случилось это въ дни какого-то праздника. Наитіе нашло на него вдругъ, онъ сталъ трястись, прыгать, бить въ барабанъ, и вопилъ:

Богъ чистой горы, подай мнѣ даръ!
Хо! хо! подай мнѣ даръ!
Милліоны боговъ! подайте мнѣ даръ!
Хо! хо! подайте мнѣ даръ!

Служеніе этому богу очень просто: ему приносятъ въ жертву козъ, въ извѣстные дни, по ночамъ. Жертвоприношеніе совершается при закрытыхъ дверяхъ, и посторонніе лица, а тѣмъ болѣе европейцы, не допускаются. Тутъ читаются нѣкоторыя молитвы. Одну изъ молитвъ къ богу Вира-Ветала пѣвецъ сообщилъ мнѣ, послѣ нѣкотораго колебанія и не безъ содѣйствія презрѣннаго серебра. Эту молитву не читаютъ однакоже при ночныхъ жертвоприношеніяхъ; ее произноситъ тотъ, кто пришелъ почтить бога и принесъ ему нѣсколько мѣдныхъ монетъ или какую-нибудь ѣду; при этомъ онъ говоритъ:

«Чудо творецъ-царь! Міръ ты вращаешь! Изъ суши зелень творишь! Изъ зелени сушь творишь! Пустошь наполняешь! Изобиліе въ пустошь обращаешь! Глину въ злато превращаешь. Изъ злата глину дѣлаешь! На землѣ живешь, и земли ты царь! Въ лѣсу живешь, и лѣса ты царь!»

Пѣть, бить въ барабанъ, всему этому бaтъ научился отъ отца или, вѣрнѣе, отъ отцовъ, ибо онъ помнилъ мать и говорилъ, что на ней были женаты два брата близнеца, т.-е. его родители, одинъ дядя и другой отецъ, или оба дяди и оба отца. Пѣть, играть оба были, по его словамъ, великіе мастера; пѣсенъ, сказокъ знали болѣе нежели кто-либо въ настоящее время. До женитьбы на матери пѣвца, братья близнецы странствовали по свѣту, были въ Тибетѣ и въ такихъ странахъ, о которыхъ не упоминается ни въ одной европейской географіи: они были въ странѣ, гдѣ у жителей такія длинныя уши, что на одномъ человѣкъ спалъ, а другимъ покрывался, видѣли людей съ лошадиными и собачьими мордами. Всему этому почтительный сынъ вѣрилъ. Родились близнецы чудеснымъ образомъ. О дѣдѣ и бабкѣ пѣвецъ разсказывалъ слѣдующее: девять разъ рожала его бабка, и ни одинъ ребенокъ не оставался въ живыхъ. Родила она въ десятый разъ, и на двадцать-второмъ дню ребенокъ померъ. Ска-

зала она тогда мужу:» — «Не живутъ дѣти у того, кто чтитъ бога Ветала. Положу мертваго ребенка въ храмъ бога.

Взяла подъ мышку мертваго ребенка и пошла. Стала она подходить къ храму и въ четырехъ-пяти шагахъ оттуда заслышала голосъ.

— Читра! (имя бабки) меня ты хочешь осквернить! Не носи ко мнѣ мертваго ребенка! Дамъ тебѣ близнецовъ. Ступай домой, въ деревню; когда по дорогѣ, что за моимъ храмомъ, справа и слѣва выростетъ по дереву *devadaru* (Pinus devadaru), тогда родятся и твои близнецы! Ты сперва покропи молокомъ тѣ два дерева, и затѣмъ корми своихъ близнецовъ. И заплачутъ тогда твои близнецы!»

На десятый мѣсяцъ родила Читра близнецовъ.

Оставила ребятъ дома и побѣжала къ тѣмъ деревамъ. По дорогѣ сказалъ ей богъ Вира-Ветала:

— Слушай, Читра, покропи своимъ молокомъ съ начала правое дерево, и станетъ оно твоимъ старшимъ сыномъ, затѣмъ покропи лѣвое дерево, и будетъ оно твоимъ младшимъ сыномъ!

Читра такъ и сдѣлала: покропила своимъ молокомъ дерева и пришла домой. Правую грудь дала старшему сыну, лѣвую младшему.

Дѣдъ пѣвца былъ также барабанщикомъ при храмѣ бога Ветала. Какъ и внукъ, былъ онъ бѣднѣе факира, а потому неожиданная милость бога, приращеніе семьи, заставила его задуматься. Но милости бога этимъ не покончились.

И вотъ, ночью видитъ онъ сонъ. Въ то время Камаономъ владѣлъ непальскій царь. Говорилъ дѣду богъ Ветала:

— Встань утромъ и иди къ рѣкѣ. Въ рѣкѣ найдешь вещицу!

Всталъ на утро дѣдъ, подумалъ о снѣ и пошелъ къ рѣкѣ. И случилось, что пришелъ въ тотъ день богатый горкинецъ въ рѣкѣ купаться. Снялъ онъ съ руки золотой перстень и уронилъ его въ рѣку. Вымылъ руки, лицо и ушелъ, забывъ о перстнѣ. Дѣдъ все это видѣлъ. Нырнулъ въ рѣку, вытащилъ перстень и ушелъ къ себѣ. И была тому перстню цѣна шестьдесятъ рупи.

Таково было происхожденіе пѣвца и таковы обрывки его религіи. Пѣвалъ онъ про старое время не отлично, монотоннымъ речитативомъ подъ звуки маленькаго барабана; онъ разсказывалъ о томъ, какъ въ старинное время дрались цари, увозили красавицъ, пировали, были храбры и были богаты. Только эти черты старины сохранились въ народной памяти: войны царей и ихъ богатство. На вычисленіи этихъ богатствъ онъ любилъ останав-

ливаться. Онъ при этомъ какъ будто воодушевлялся и, скромно опустивъ глаза, возвышалъ голосъ, и ускореннымъ речитативомъ перечислялъ чтó было у такого-то царя.

«Было у него двѣнадцать дюжинъ коровъ, да буйволовъ столько же.

«Принадлежали ему равнины Бальхари. Былъ у него буйволъ Чарува и буйволъ Багува.

«Были у него козлы съ четырьмя рогами и для двадцати дюжинъ козъ загонъ.

«Была у него лохматая собака и кошка пушистая.

«Въ равнинахъ Бальхари висѣли колосья его рису.

«Были у него двѣ пары мельницъ, дичь въ горахъ и рыба въ рѣкахъ» и т. д.

Нѣкоторыя изъ его пѣсенъ вѣроятно пѣвались предъ лицомъ старыхъ царей. Разсказъ прерывался послѣ каждаго стиха обращеніемъ къ слушателю: «о, славный мой герой!» или: «о, другъ! матери доблестный сынъ! или просто, «о, отецъ!» Но такихъ пѣсенъ онъ зналъ только двѣ. И вообще многое пѣвецъ перезабылъ; многое умѣлъ разсказать и не умѣлъ спѣть, и такихъ разсказовъ онъ зналъ достаточно. Зналъ онъ также множество различныхъ генеалогій, царскихъ и именитыхъ родовъ. Одна изъ любимѣйшихъ пѣсенъ въ Камаонѣ есть сказаніе о какомъ-то царѣ Малý-саи, похитившемъ красавицу изъ Тибета. Народъ здѣсь вѣритъ, что Тибетъ населенъ красавицами и серьёзно увѣряетъ, что ботійцы притворились не-индусами, невѣрующими въ индійскихъ боговъ, съ цѣлью воспрепятствовать похищенію своихъ женъ и дочерей и ихъ браку съ индусами. Въ настоящее время ботійцы считаются индусами за низшую касту. Ни одинъ индусъ не выпьетъ воды, поданной тибетцемъ. Въ старинной пѣснѣ царь Малý-саи и пилъ и ѣлъ съ тибетцами, и увезъ тибетскую красавицу. Пѣснь эта начинается такъ:

«Въ полночь отчего Малý-саи не спалъ?

«Стала мать ему говорить: — «ты не спишь? или семь царицъ не при тебѣ? или нѣтъ съ тобою дѣтей?

«У воротъ твоихъ не стоитъ ли голодный странникъ?

«Или твоего буйвола Чарува въ хлѣвѣ нѣтъ?

«Не одинъ ли ты у меня сынъ? не одинъ ли свѣтъ въ глазу? какая кручина у тебя?

— «И сказалъ бы я матери, да сказать стыдно?»

«Нѣтъ стыда предъ матерью родною! какъ во чревѣ я носила тебя, не стыдился ты тогда! и какъ родился, не стыдился ты въ ту пору! десять мѣсяцевъ грудью поила тебя, и въ пелен-

каха цѣлый годъ берегла тебя, дорогой мой! дорогой мой, ты признайся мнѣ теперь!»

— «Мать! мать! въ полночь мнѣ приснилась Калу-саукели, изъ тибетской страны, дочь тибетца Калу-саука. Съ горящимъ свѣтильникомъ въ одной рукѣ и чашею благоуханій въ другой чрезъ окно она взошла.

«Въ ногахъ, у ложа моего стояла Калу-саукели; пестро разряженная стояла у ложа моего.

«Отъ ногъ до головы и отъ головы до ногъ она вытерла меня благоуханіями. И страшно мнѣ стало; говорила она уходя: — «ты полюбишь меня, и придешь ко мнѣ, въ чудный Тибетъ, коль мужа ты сынъ. Въ домѣ будешь сидѣть, коль рабыни ты сынъ! слышишь мать, или нѣтъ!»

За этимъ діалогомъ слѣдують нѣжныя увѣщанія матери; они остались тщетными. Малу-саи отправился въ Тибетъ. Переодившись факиромъ и захвативъ съ собой свирѣль, онъ явился въ домъ красавицы. Плѣненная его игрою, красавица сама научила возлюбленнаго, какъ похитить ее. Малу-саи вернулся домой, женился на тибеткѣ, устроилъ великое пиршество, одарилъ своихъ подданныхъ и жилъ счастливо.

III.

Хотя пѣвцовъ по профессіи въ Камаонѣ, около Алморы, немного, но народъ здѣшній знаетъ много пѣсенъ, любовныхъ, грустныхъ, и т. д.; такія пѣсни творятся понынѣ, по образцу старинныхъ; въ нихъ мало поэзіи и нѣтъ смысла весьма часто; сочинитель подбираетъ риѳмы, не заботясь о содержаніи и связи одного стиха съ другимъ. Для каждаго рода старинныхъ пѣсенъ обычай установилъ особое время, когда онѣ должны распѣваться. Такъ, есть пѣсни для извѣстныхъ праздниковъ, или во время полевыхъ работъ; есть пѣсни, которыя поются мужчинами и женщинами вмѣстѣ; пѣвцы и пѣвицы, взявшись за руки, тихо двигаются стѣною и поютъ, нѣчто въ родѣ нашего хоровода. Въ іюнѣ, въ здѣшнихъ мѣстахъ оканчиваются полевыя работы; за этимъ слѣдуетъ праздникъ *Харьяли* (въ честь боговъ Кришны, Маходевы и богини Парвати), и неумолкаемое пѣніе слышится въ продолженіи нѣсколькихъ дней; большинство пѣсенъ имѣютъ какой-то грустный оттѣнокъ, и не лишены своего рода прелести, хотя содержаніе и бѣдно. Вотъ буквальный переводъ одной пѣсни;

въ оригиналѣ каждый стихъ отдѣляется отъ слѣдующаго ничего незначащими слогами: *ве* или *хо*.

У дороги поле—ве!
Поросло поле травою—хо!
О, мой свекоръ!
Ужъ насталъ—ве!
Праздникъ Харьяли—хо!
О, мой свекоръ!
Пойду я, свекоръ—ве!
Къ матушкѣ, домой—хо!
О, мой свекоръ!
Состарѣлись батюшка съ матушкой—ве!
Пойду я къ матушкѣ, домой, о, свекоръ—хо!
О! мой свекоръ!
Натаскай ты семь ведеръ воды, поставь ихъ—хо!
Сноха моя!
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ домой—хо!
Сноха моя!
Семь ведеръ сбей масла,
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матущкѣ, домой—хо!
Сноха моя!
Семь ношъ травы ты нарѣжь,
А потомъ ты иди, сноха!
Къ матушкѣ, домой—хо!
Сноха моя!
Не ѣдятъ быки травки съ низей,
Не ѣдятъ телята травки съ верхняго поля,
Принеси, сноха, травки съ горъ!
Свѣтъ ушелъ за вершины горъ, свекоръ!
Уйду, свекоръ, къ матушкѣ, домой!
О, свекоръ мой!

Съ наступленіемъ холоднаго времени и длинныхъ вечеровъ камаонцы любятъ потѣшаться разсказываніемъ сказокъ и мѣстныхъ побывальщинъ. Толпа слушателей собирается или у когонибудь въ домѣ, или же всего чаще на базарѣ, у какой-нибудь лавки. Купцы (банья) славятся здѣсь умѣньемъ разсказывать сказки комическаго содержанія и всякаго рода мѣстные скандалы. Цѣлыя ночи проводятся за такою потѣхою, если разсказчикъ съумѣетъ овладѣть вниманіемъ своихъ слушателей. Одного изъ мастеровъ сказывать сказки мнѣ пришлось узнать здѣсь. Онъ былъ банья, т.-е. купецъ. Лавки своей не имѣлъ, но занимался розничною торговлею; хаживалъ по домамъ европейцевъ и умѣлъ добывать всякаго рода вещи: кожи, ножи, шали, камни, птицъ, рукописи, все у него было, или все онъ умѣлъ добыть. За все за-

прашивалъ въ-три-дорога и очень легко сдавался. Видомъ, цвѣтомъ лица, онъ напоминалъ итальянца, носилъ постоянно плисовую куртку, европейскаго покроя и на голомъ тѣлѣ. Старины, пѣсенъ о дѣяніяхъ древнихъ царей и силачей онъ не зналъ, но сказки комическаго содержанія умѣлъ разсказывать мастерски; въ большинствѣ его сказокъ дѣло шло о купцахъ и купеческихъ женахъ, и послѣднихъ онъ не щадилъ; женскую лживость рисовалъ самыми мрачными красками. Зналъ онъ также пѣсни, но пѣсни нѣжнаго содержанія, и пытался самъ сочинять. Одну изъ своихъ эпиграммъ «Красный Хари» (такъ его звали) особенно цѣнилъ; она была сочинена на одного писца изъ бенгальцевъ; писецъ этотъ до сихъ поръ существуетъ въ Найни-Талѣ. Въ этой эпиграммѣ поэтъ говоритъ: «ты извѣстенъ, Гавардатъ; у тебя, на кашмирскихъ шальварахъ, полотняныя заплаты. Будь же милостивъ къ намъ, или дѣла ты оставь, или подругу покинь!» Какъ пѣвецъ и комикъ, Красный Хари принималъ большое участіе въ драматическихъ представленіяхъ, въ праздникъ Холи. Здѣсь народъ вѣритъ, что въ этотъ праздникъ женскій демонъ, Жвара, получаетъ необыкновенную силу и старается вредить младенцамъ; драматическія представленія, особенно съ нескромными выходками, умилостивляютъ демона и предотвращаютъ зло, какое демонъ въ состояніи сдѣлать. Большинство драматическихъ представленій, импровизируемыхъ на базарѣ, подъ открытымъ небомъ, полны циническихъ выходокъ; но, среди разгара необузданной веселости и нескромныхъ шутокъ, народъ весьма часто откровенно высказываетъ, какъ онъ смотритъ на разныя явленія своей жизни, а потому эти представленія въ извѣстной степени любопытны. Красный Хари игралъ обыкновенно или факира, или англичанина. По-англійски онъ не говорилъ, хотя и пытался, но кромѣ: Yes! или I go! у него ничего не выходило. Но публика не требовала глубокихъ познаній англійскаго языка или англійской жизни. Если англичане мало знаютъ народъ, то народъ еще менѣе знаетъ и понимаетъ ихъ; многіе, по деревнямъ, до сихъ поръ убѣждены, что принадлежатъ не королевѣ Викторіи, а какой-то баснословной, непонятной компаніи. Монета (рупи) съ изображеніемъ ея величества до сихъ поръ зовется во многихъ мѣстахъ «компанейской». Народъ знаетъ англичанъ по тѣмъ податямъ, которыя они наложили на землю, и врядъ-ли подозрѣваетъ, что англичане пришли сюда, для его же блага, завести въ Индіи порядокъ, пріучить индійцевъ къ самоуправленію; игнорируя гуманную цѣль своихъ предпріимчивыхъ господъ, онъ кое-гдѣ ропщетъ на эти подати. Бѣдняга

знаетъ англичанина въ судѣ и твердо убѣжденъ, что сагибъ душою не кривитъ, взятокъ не беретъ, судъ и расправу творитъ *по-своему* справедливо, весьма часто не зная ни народныхъ обычаевъ, ни народнаго міровоззрѣнія; знаетъ также бѣднята, что въ судѣ, около сагиба, много ему родственнаго, чернокожаго народа, голодныхъ писцовъ, бабу, мунши и т. д., и коль хочешь не кривого суда, каждому дай; туземецъ подаркомъ не гнушается. Сагибъ говоритъ на родномъ языкѣ; всѣ сагибы изъясняются на ломаномъ урду, и рѣдкій умѣетъ читать какой-либо восточный алфавитъ, но за то у каждаго сагиба большой запасъ ругательствъ на чистѣйшемъ урду; это народъ, конечно, понимаетъ, особенно если такое краснорѣчіе сопровождается толчкомъ, пинкомъ. Англичане, гордые, свободолюбивые, преисполненные собственнаго достоинства,—англичане въ Индіи зачастую прибѣгаютъ къ ручной расправѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось улыбаться, когда какой-нибудь поживпій въ Индіи англичанинъ характеризовалъ жителей Пенджаба или сѣверо-западныхъ провинцій такъ: «тутъ народъ совсѣмъ иной. Попробуйте ударить кого-нибудь тамъ; всякій сдачи дастъ!» Слушающій могъ заключить изъ этого, что въ иныхъ мѣстахъ Индіи драться можно, если и не безнаказанно, то съ нѣкоторою свободою; и кто, наслушавшись такого рода этнологическихъ характеристикъ, побывалъ на различныхъ плантаціяхъ, тотъ собственными глазами могъ убѣдиться, что заключеніе его вѣрно. Видитъ народъ, какъ сагибы, ихъ жены, дочери по вечерамъ играютъ въ крикэтъ, бадмингтонъ, какъ тѣ и другія ѣздятъ верхомъ, смѣются и разговариваютъ между собою, совершенно свободно. Конечно, все это непонятно коренному инцийцу, и далъ онъ своему просвѣтителю и господину кличку—*бандара*, т.-е. обезьяна, и говоритъ, что на головѣ у сагиба *дала* (т.-е. корзина, въ которой скотинѣ приносятъ траву и всякій кормъ), а на плечахъ рубище. Выводить сагиба въ импровизированныхъ драматическихъ представленіяхъ—общелюбимая потѣха. Глубокой сатиры тутъ, конечно, нельзя ожидать, но самый фарсъ поясняетъ отлично, каково взаимное пониманіе между побѣдителями и побѣжденными, и какъ они другъ друга любятъ. Актеры обыкновенно натираютъ мѣломъ лицо и руки, и предъ публику выходятъ: сагибъ, мэмъ-сагибъ (его жена) и бэби. Сначала, при громкомъ хохотѣ зрителей, сагибъ начинаетъ разговаривать съ мэмъ-сагибомъ; говоритъ онъ безсмысленный наборъ звуковъ: есъ, но, денсъ, нештъ, готъ, готъ, топъ, топъ! Затѣмъ сагибъ и мэмъ-сагибъ начинаютъ танцовать по-англійски, а бэби въ это время поетъ: «папа, мама енгири (english); мама,

нана жбли (joly)». Представленіе заключается уродливымъ изображеніемъ англійскаго обѣда; башмаки на блюдѣ изображаютъ бифштексъ, является и необходимая бранди и, какъ финалъ, драка сагиба съ поваромъ, при звукахъ пѣсни: «Ренъ комъ инъ, (rain come in) на базарѣ воды много! Полисъ сойдъ (police saide), нога поскользнулась доромъ-домъ!» Поваръ въ концѣ-концовъ повергаетъ сагиба на землю.

Такого сагиба игралъ Красный Хари на базарѣ города Алморы, потѣшая алморскую публику, и самъ говорилъ, что игралъ хорошо; всѣ, кто ни былъ на базарѣ, много смѣялись. Игралъ онъ также факира. Факиромъ или Іоги въ Индіи называютъ монаховъ различныхъ орденовъ. Начало этихъ странствующихъ, монашествующихъ, безстрастныхъ, нищенствующихъ, словомъ, подвизающихся святыхъ людей теряется въ глубокой древности. Въ Индіи ихъ всегда было обиліе, болѣе, нежели нужно было такой роскоши. Ихъ существованіе объясняется глубоко религіознымъ настроеніемъ массы индійцевъ, какъ въ древности, такъ и понынѣ. До сихъ поръ множество людей здѣсь уважаютъ всякаго факира, относятся къ нему съ подобострастнымъ почтеніемъ и считаютъ голаго, вымазаннаго пепломъ шатуна, невѣжественнаго и глупаго, за святого человѣка. Въ святость факира вѣрятъ не только женщины, живущія взаперти и внѣ всякаго вліянія европейской цивилизаціи, но весьма часто люди, знающіе по-англійски, читающіе англійскія газеты и находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англичанами.

— Какъ не святой? Какъ обманщикъ? — говорилъ мнѣ горячась одинъ изъ такихъ туземцевъ. — Представьте, чтò онъ еще сдѣлалъ: сижу я въ своей палаткѣ и пишу письма. Входитъ онъ (т.-е. факиръ) и садится на землю, у моего стола. «Чтò ты дѣлаешь?» спрашиваетъ онъ меня. «Письма пишу!» говорю я ему. Помолчалъ онъ, и говоритъ опять: «дай мнѣ бумажку!» Далъ я ему чистый листокъ почтовой бумаги. Взялъ онъ этотъ листокъ, развернулъ его на свѣтъ, и показываетъ мнѣ. Вижу, чистый листокъ, ничего на немъ не написано. Сталъ онъ складывать этотъ листокъ тутъ же при мнѣ, не отходя отъ стола. Сложилъ его въ маленькій пакетъ, потеръ пакетикомъ лобъ и отдаетъ мнѣ: «Разверни и читай!» говоритъ. Развернулъ я пакетикъ, и вижу—тамъ молитва написана. И это не чудо?

Но, рядомъ съ вѣрующими есть и невѣрующіе или колеблющіеся въ вѣрѣ. Уже въ древности поэтъ съ отрицательнымъ направленіемъ нарисовалъ не совсѣмъ лестный образъ нищенствующаго: «святые тексты онъ громко распѣваетъ, много старинныхъ

побывавшихъ помнитъ. Онъ съ женами болтливъ, ребятъ ихъ ласкаетъ, мужей восхваляетъ и въ восторгѣ отъ ихъ стряпни.... Умеръ ли кто, или народился, гдѣ поминки справляютъ, сто радостей ему во дню, и такъ онъ бѣгаетъ... Онъ первый за обѣдомъ, и послѣдній на молитвѣ. Придетъ ли на кухню, онъ ораторъ, лишь-бы кухарю угодить»... Живетъ большинство факировъ не особнякомъ отъ народа и не всякій изъ нихъ умѣетъ хоронить свои слабости отъ зоркихъ глазъ невѣрующихъ или колеблющихся въ вѣрѣ. Ихъ жадность до денегъ и слабость къ прекрасному полу современная сатира уловила отлично. Не трудно было народу разглядѣть, что безстрастный не навсегда уморилъ въ себѣ страсти; въ его низкую, душную келью, гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ житейскаго шума, у святого храма знаютъ дорогу въ сумерки не одни богомольцы или богомолки; не всегда святой человѣкъ соблюдаетъ здѣсь, у святого храма, обѣты уединенной и цѣломудренной жизни. И не диво! стóитъ только взглянуть на этихъ подвижниковъ по вечерамъ, въ часъ молитвы, когда они собираются у какого-нибудь храма, напр. въ Бенаресѣ, у храма богини Плодородія. Здоровый, рослый народъ; иной хотя и вымазанъ пепломъ, и нагъ, и волосы упряталъ подъ мочалки, а все-таки не лишенъ нѣкоторой мужественной красоты; идетъ, тяжело ступая и громко бормоча священные тексты. У столькихъ святыхъ мѣстъ перебывалъ иной, такъ сладко умѣетъ поразсказать о видѣнномъ,—какъ тутъ устоять противъ обаянія святости!

Красный Хари не чтилъ факировъ; во чтó онъ вѣрилъ, я не умѣлъ ни разспросить, ни разгадать, онъ не боялся даже чертей, которыхъ всѣ алморцы боятся и чтутъ. Игралъ онъ факира отлично: маленькій, худенькій, въ факирскомъ дезабилье, онъ походилъ на факира болѣе, нежели другой откормленный безстрастный, настоящій факиръ. Игра въ факира самая длинная; факиръ поётъ нѣсколько пѣсенъ съ циническими выходками противъ чтимыхъ въ Индіи боговъ; народъ смѣется, хотя на другой день послѣ того идетъ въ храмы чтить тѣхъ же боговъ. Во все продолженіе игры факиръ предается самому необузданному цинизму; въ его пѣсняхъ, въ діалогахъ съ публикою осмѣивается народная святыня, религіозные обряды, семейныя отношенія, и все это дѣлается передъ лицомъ всего народа, при громкомъ, одобрительномъ смѣхѣ всѣхъ. Его спрашиваютъ, какъ его зовутъ? «Дѣдушка всѣхъ!» отвѣчаетъ онъ, и тутъ же поясняетъ, какого рода недуховное родство онъ понимаетъ. Онъ, чтимый массами, живущій общественными подаяніями, эксплуатирующій религіозное

чувство тысячъ и тысячъ, выводится на сцену, при слѣдующемъ пѣніи хора:

«О! матушка! пришелъ факиръ! съ востока пришелъ плутъ въ красномъ плащѣ! Пришелъ факиръ!

«Что-же принесъ плутъ въ красномъ плащѣ?

«Трость да чашу принесъ веселый факиръ отъ Кедара-ната!».—Кедара-натъ одна изъ святынь Индіи, къ сѣверу отъ Алморы.

Такъ индійцы смѣются надъ своими *сагибами* (господами) и надъ своею святынею. Смѣясь надъ тѣмъ, что обожаютъ, и надъ своими религіозными обрядами, они не подпускаютъ въ то же время къ своимъ храмамъ европейца; не пускаютъ его туда, куда впускается и корова, и обезьяна, и даже собака; считаютъ европейца не чище собаки, но кланяются ему въ поясъ; безъ башмаковъ входятъ къ нему въ комнату, т.-е. разуваются предъ его дверьми, такъ же, какъ и предъ дверьми храма.

И. Минаевъ.

Алмора, 1875.
Іюня 30-го.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ЛИНЧЪ

РАЗСКАЗЪ

I.

Тетушка моя умерла въ январѣ прошлаго года, а въ маѣ, въ десятыхъ числахъ, я уже переселился въ доставшееся мнѣ отъ нея по наслѣдству имѣніе, сельцо Дождинки.

Нельзя сказать, чтобы переселеніе мое совершилось при особенно благопріятныхъ условіяхъ, и чтобы мнѣ довелось сразу увидать новое владѣніе съ его казоваго конца... Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!

Погода, если помните, стояла преотвратительная: холода и дожди вплоть до половины іюня. А обстановка новаго at home оказывалась не многимъ лучше погоды.

Впрочемъ, вамъ, можетъ быть, и случалось заглядывать въ нашъ уѣздъ? Въ тѣ мѣста, напримѣръ, которыя лежатъ по шоссе верстахъ въ сорока-пяти отъ губернскаго города и далѣе? Если случалось, то вы уже знаете, какого рода угодья достались на мою долю: вѣдь мѣста-то у насъ всѣ на одинъ ладъ. Поля плоскія, безнадежно плоскія со всѣхъ сторонъ; а между тѣмъ простора для глазъ все-таки мало, потому что мѣстность неровная. Рѣки нѣтъ, если не считать серьёзно рѣкою нашу Бездну, черезъ которую крестьяне лѣтомъ прыгаютъ съ разбѣга, для сокращенія пути. Вмѣсто лѣсовъ—пріятныя воспоминанія мѣстныхъ старожиловъ, что вотъ тутъ, молъ, Акучаровъ вырубилъ рощу, а тамъ—Засѣкинъ, Павла Петровича отецъ; а дальше, подъ Липовкой—Кривуновъ, вырубилъ же.

Выйдешь за околицу... Направо тянется ровное, постепенно возвышающееся поле, которое разомъ заслоняетъ собою всякую даль. Налѣво—опять поле, но слегка покатое къ заливному лугу, который узенькой полоской тянется вдоль Бездны, и за которымъ—тоже поле, возвышающееся. Наконецъ, прямо—еще разъ поле съ тремя ракитками край дороги... Впрочемъ, прямо-то въ ясную погоду виденъ еще верхъ бѣлой колокольни и золотой крестъ святодуховской церкви, стоящей въ шести верстахъ отъ Дождинокъ: это и есть самый обширный изъ нашихъ видовъ.

Такъ—за околицей. Въ самой же деревнѣ десятка три или четыре довольно невзрачныхъ дворовъ выстроились двумя длинными рядами на сырой, глинистой низинѣ, образуя улицу съ обычными наростами на задворкахъ, въ видѣ какихъ-то плетушекъ, сараевъ и тому подобнаго. Грунтъ земли такого свойства, что при весенней распутицѣ ноги всякаго пѣшехода выказываютъ почти непобѣдимое стремленіе разъѣхаться въ разныя стороны. Два боковые переулочка, обставленные съ обѣихъ сторонъ плетнями, и только плетнями, выводятъ на мокрый выгонъ, поросшій мелкою травкой—прибѣжище всѣхъ деревенскихъ гусей. Середина деревни перерѣзана ручьемъ, и на одномъ изъ его топкихъ береговъ уцѣлѣло дюжины двѣ старыхъ березъ, сучья которыхъ, еще полунагіе, благодаря позднимъ холодамъ, точно шапками, увѣшаны гнѣздами грачей. Тутъ-то хлопочутъ, и вьются, и каркаютъ крикливыя птицы! Наконецъ, немного поодаль, въ сторонѣ, лѣпится и моя усадьба съ большимъ стариннымъ садомъ, изъ котораго особенно рѣзко вылѣзаютъ кверху три группы высочайшихъ елей.

Впослѣдствіи, при хорошей погодѣ и при измѣнившихся обстоятельствахъ, всѣ эти убогія картины оказались совсѣмъ ужъ не такъ плохи, какъ иной можетъ подумать: въ нихъ тоже есть своя особая, тихая и даже трогательная прелесть...

Но это оказалось впослѣдствіи. А покуда представьте себѣ положеніе человѣка, живьемъ зарытаго въ подобную глушь, безъ семьи, безъ знакомыхъ, и подъ вліяніемъ нескончаемыхъ дождей прошлогодняго мая мѣсяца!

Да еще домъ... Чего стоилъ одинъ домъ! Огромный и когда-то отдѣланный по-барски, но заброшенный и обобранный лѣтъ десять тому назадъ, онъ былъ холоденъ и сыръ непомѣрно; а топить нельзя: всѣ печи поразвалились. Ходишь, бывало, по пустымъ комнатамъ: кое-гдѣ стоитъ безногая мебель, оборванные диваны, обои висятъ кусками со стѣнъ, пахнетъ погребомъ... И во всемъ-то домѣ, кромѣ меня, только одно живое существо: нѣ-

кій старецъ садовникъ, изъ дворовыхъ, онъ же лакей, онъ же и поваръ, наводившій на меня уныніе своей стряпнею.

Пріѣхалъ я въ Дождинки, собственно говоря, за дѣломъ: хотѣлось похозяйничать и хоть немного привести имѣніе въ порядокъ. Занятій, слѣдовательно, у меня было довольно. Но вѣдь у нашего брата-деревенщины и досуга всегда слишкомъ довольно. Такъ, вотъ, куда мнѣ было досугъ-то этотъ дѣвать? Я рѣшительно недоумѣвалъ. Въ другомъ мѣстѣ хоть съ ружьемъ пошляешься, что-ли, если есть свободное время, а у насъ и стрѣлять нечего. Голубей развѣ по полямъ высматривать... такъ ужь это слишкомъ тоскливое занятіе. Завелась, правда, на сосѣднихъ копаняхъ [1]) пара неосторожныхъ утокъ, самецъ и самка; но за то каждое ихъ движеніе было извѣстно чуть ли не всѣмъ окрестнымъ пастухамъ и ребятишкамъ, такъ что при первомъ появленіи моего ружья въ Дождинкахъ тотчасъ нашлись доброхотные проводники-указчики, и обѣ утки пали жертвами собственнаго неблагоразумія.

Дичь, слѣдовательно, была вся перебита; и я составилъ неблаговидную привычку валяться въ свободное время на диванѣ и, когда глаза устанутъ отъ чтенія, наигрывать по цѣлымъ часамъ разныя пьесы губами.

Что-жъ! Было это, такъ и скрывать не хочу!

II.

Такимъ-то манеромъ, какъ теперь помню, лежалъ я 18-го мая, въ воскресенье, и наигрывалъ нѣчто изъ *Севильскаго Цирульника*; то-есть, кто его знаетъ, можетъ оно и не оттуда совсѣмъ выходило, но желалось по крайней мѣрѣ изобразить именно Фигаро и Розину.

Только-что я съ нѣкоторымъ, кажется мнѣ, успѣхомъ вручилъ (за Розину) цирульнику письмо къ Альмавивѣ и затѣмъ не безъ увлеченія обозвалъ самъ себя дуракомъ (въ роли Фигаро, не забудьте!),—въ комнату осторожно вошелъ староста.

Этотъ староста, по имени Ульянъ, бѣлокурый мужикъ средняго роста, съ ясными голубыми глазами, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ и съ длинной рыжеватой бородой—вообще очень миловидный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ—служилъ въ томъ

[1]) Копанями называются въ нашихъ мѣстностяхъ ямы, вырытыя гдѣ-нибудь на низинахъ, по торфяникамъ, для вымочки пеньки. Такихъ ямъ бываетъ обыкновенно по пяти-шести вмѣстѣ.

же званіи лѣтъ девять еще при тетушкѣ; да и я радъ былъ заполучить его вмѣстѣ съ имѣніемъ по наслѣдству. Хозяинъ онъ хоть не очень бойкій, даже посредственный—особливо вслѣдствіе своей мягкости, благодаря которой рабочіе у насъ всегда нѣсколько распущены, а жалованья получаютъ больше, чѣмъ у сосѣдей—за то человѣкъ честный и довольно рачительный. Наконецъ, и запиваетъ онъ рѣдко; развѣ ужъ по какому-нибудь особому случаю прорвется, а то даже въ самые большіе праздники—не пьянъ. Черта тѣмъ болѣе замѣчательная, что жена его пьетъ мертвую.

Впрочемъ, объ этой женщинѣ стóитъ сказать нѣсколько словъ особо.

Поступила она къ тетушкѣ—вмѣстѣ съ мужемъ, разумѣется,—бабой лѣтъ двадцати-пяти. Я ее видалъ въ то время. И какая-жъ это была красавица! Высокая, стройная, руки и ноги небольшія, бѣлая и нѣжная, какъ барышня, правильныя черты лица, и къ этому какое-то врожденное изящество въ рѣчахъ и движеніяхъ. Трудно было повѣрить, что она—дочь простого крестьянина, выросла въ простой крестьянской избѣ — принцесса переодѣтая!.. Тетушка поручила ей молочное хозяйство, и пять лѣтъ сряду не могла нахвалиться Настасьей.

Все это измѣнилось вдругъ.

Въ работницы къ скотному двору нанята была нѣкая Авдотья, пьяная, развратная и хитрая баба, какъ оказалось впослѣдствіи. Богъ знаетъ, какимъ образомъ удалось ей завязать самую тѣсную дружбу съ Настасьей: старостиха, до тѣхъ поръ въ ротъ небравшая водки, стала пить, сначала тайкомъ отъ мужа, а потомъ безъ всякаго удержу. «Вдову-Авдотью» поспѣшили прогнать со двора, но дѣло было сдѣлано. Да и пріятельницы, по возможности, поддерживали сношенія, вопреки изгнанію «вдовы» и торжественному обѣту Ульяна переломать ей всѣ кости, если она хоть разъ осмѣлится явиться на барскій дворъ.

Несмотря на жестокое *ученье* (по-просту, побои) со стороны мужа, Настасья за спиной у него каждый разъ напивалась до безпамятства, чуть только онъ уѣдетъ куда-нибудь, хоть на день, или даже просто отлучится на нѣсколько часовъ сряду, чтобы присмотрѣть за работами. Да и при немъ почти постоянно ходила она въ полпьяна, стараясь только избѣгнуть всякаго разговора, чтобы не слышно было виннаго запаха изо-рта: почему-то ей казалось, что, помимо виннаго запаха, никакъ нельзя догадаться объ ея состояніи. Денегъ ей мужъ въ руки не

давалъ, и она тащила въ кабакъ все, чтó только можно было украсть, не попавшись слишкомъ явно. Молочное хозяйство у нея, разумѣется, отобрали. За четыре года бѣдная женщина сдѣлалась неузнаваема: болѣзненная, худая, какъ щепка, лицо синее, опухшее... Куда дѣвалась вся красота! Дѣтей своихъ забросила.

Жестокій это былъ ударъ для Ульяна! Поколотивши въ первый разъ жену, онъ первый же разъ въ жизни напился до-пьяна (тоже до тѣхъ поръ водки въ ротъ не бралъ). Бѣднякъ любилъ жену всѣми силами души, да и теперь еще, несмотря ни на чтó, любитъ ее, пожалуй, не меньше. При случаѣ онъ съ наслажденіемъ, трогательно описываетъ разныя ея достоинства, не бывшія, замѣтьте, а настоящія, хотя никому въ мірѣ невѣдомыя. И скромная-то она, и безотвѣтная, и добрая-предобрая, и никогда чужого не тронетъ... Послѣднее ужъ совершенный вздоръ, и самъ Ульянъ знаетъ, что вздоръ,—да хочется самого себя хоть на минуту увѣрить, самому себѣ солгать! По части житейскихъ дѣлъ, всѣ помыслы Ульяна, страдающаго болѣзнью сердца, клонятся къ тому, какъ бы не оставить жену безъ средствъ послѣ своей близкой кончины; хотя, собственно говоря, всей опасности своего положенія онъ не знаетъ, а дѣйствуетъ такъ только потому, что «въ смертномъ своемъ часѣ никто не воленъ и угадать его не можно».

Безшабашное пьянство жены тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на Ульяна, что онъ за нее стыдится. Настасья сдѣлалась предметомъ грубыхъ шутокъ и зубоскальства для всей деревни, для послѣдняго изъ рабочихъ, а староста амбиціозенъ въ замѣчательной степени. Амбиція даже самая слабая изъ его струнокъ, на которой очень ловко умѣютъ играть нѣкоторые изъ рабочихъ, сосѣдніе крестьяне, и всякій другой людъ, имѣющій съ нимъ дѣловыя сношенія. Чтобы избѣжать публичнаго выговора отъ тетушки, или впослѣдствіи отъ меня, за какой-нибудь промахъ, онъ лучше готовъ подвергнуться всякому негласному штрафу. Разъ, послѣ одного рѣзкаго и заслуженнаго замѣчанія съ моей стороны, онъ на колѣняхъ умолялъ меня никогда не бранить его при людяхъ, а если чтó случится, то «взыскать наединѣ». Еще мальчикомъ, шестнадцати лѣтъ, проболѣлъ онъ двѣ недѣли, потому что, попавши первый разъ въ артель плотниковъ, не хотѣлъ отстать отъ другихъ, и черезъ три дня слегъ въ постель. Даже за своихъ господъ гордится онъ передъ сосѣдями. Бываетъ, договариваясь въ чемъ-нибудь съ крестьяниномъ или мастеровымъ, онъ вдругъ съ особеннымъ наслажденіемъ объяснитъ: «да

ужъ ты не сумлѣвайся, обиженъ не будешь. Слава Богу, наши господа—хучь гдѣ хошь про нихъ спрашивай, а не то что... Скорѣе же они сами что да нибудь свое упустятъ, малость какую, только ужъ человѣка не обидятъ. Съ тебя дорогого не возьмемъ, чтобъ тебя обчесть, вотъ что, милый!» И говоря это, Ульянъ сіяетъ, точно на него падаютъ лучи господской доброй славы.

Можно судить по этому, каково доставалось ему безобразное пьянство жены. Первые три-четыре раза, когда онъ видѣлъ ее пьяной, на него находилъ столбнякъ, онъ какъ-то терялся и недоумѣвалъ; затѣмъ, при частомъ повтореніи подобныхъ случаевъ, сталъ приходить въ бѣшенство, билъ жену молча и стиснувъ зубы, но жестоко... Теперь онъ уже не дерется; но какъ только Настасья запьетъ на нѣсколько дней сряду, онъ совершенно падаетъ духомъ, дѣлается скученъ и неразговорчивъ. Въ характерѣ его вообще исчезла прежняя бойкость и настойчивость.

Впрочемъ, пора вернуться къ разсказу.

III.

Итакъ, я воображалъ себя испанскимъ цирульникомъ, когда староста осторожно вошелъ въ комнату и остановился у порога.

— Здравствуй, Ульянъ! Чего тебѣ?

Онъ, не торопясь, три раза перекрестился на образъ, и затѣмъ уже, со степеннымъ поклономъ, отвѣтилъ:

— Здравствуйте... Вотъ липовскіе мужики пришли.

— Зачѣмъ?

— Это тѣ, чтó землю у насъ обчесвóмъ держатъ.

— Ну, такъ что-жъ?

— Поклониться пришли, поздравить васъ на новомъ мѣстѣ... Два ста яицъ принесли.

Староста всякій докладъ начиналъ сухимъ, дѣловымъ тономъ и съ озабоченнымъ, даже угрюмымъ лицомъ. Только при подробныхъ объясненіяхъ, смотря по содержанію ихъ, лицо его принимало затѣмъ то или другое выраженіе. Такъ и теперь, онъ вдругъ прояснѣлъ, даже сталъ въ болѣе свободную, самоувѣренную позу.

— Что-жъ, надо бы имъ водки поставить.

— Сколько прикажете?

— Не знаю, право... Ведро, что-ли?

— Обойдемся полуведеркой, Сергѣй Александрычъ. Чтó имъ

поить-то? Еслибъ дѣло какое было—ну, такъ... А то перепьются, еще драку, пожалуй, затѣять... Лучше-жъ потомъ штофъ прибавить, глядя по дѣламъ, если мало будетъ.

— Ну, какъ знаешь. Ступай же, распорядись.

Ульянъ переминался на мѣстѣ.

— Чтó еще?

— А сами вы не изволите выдти, Сергѣй Александрычъ?

— Какъ же изволю! Приди сказать, когда будетъ готово.

— То-то, не стали бы обижаться. А стола не прикажете на дворъ поставить? Чтобъ хлѣбъ-соль была... ну, огурцы... закуска, значитъ.

— Ахъ, да! Поставь, пожалуйста.

— Кхе... кхе... гхм!

— Чего тебѣ еще?

— Вы бы изволили, Сергѣй Александрычъ, сами стаканчикъ съ ними выкушать... коли вамъ не противно будетъ.

— Ладно, выпью.

Когда все было готово, я вышелъ къ липовцамъ. Ихъ было восемнадцать человѣкъ. Всѣ они, за круговою порукой, снимали у меня сто-пятьдесятъ десятинъ земли, съ уплатою аренды отчасти деньгами, отчасти работой. Такъ повелось еще при тетушкѣ, лѣтъ пять тому назадъ.

— Здравствуйте, братцы!

— Здравствуй, Сергѣй Ляксандрычъ!

Послѣдовали обычныя въ такихъ случаяхъ привѣтствія. Вспомнили и тетушку мою, которая всегда жила «по-сусѣдски, мужика не тѣснила, надо прямо говорить»; объяснили, что «господа въ Дождинкахъ—одно слово... завсегда... отцы!» Закинули ловкимъ манеромъ и насчетъ того, что, молъ, тетушка-покойница, царство ей небесное, «коли мужикъ чтó по глупости и провинится—миловала, не взыскивала».

— Нѣтъ, ты, слышь, погоди!—вдругъ вызвался на это какой-то рыжебородый крестьянинъ.—Теперь этто, бывало, скотинка забѣжитъ на барскую землю, по сусѣдственности, значитъ. Рази за ей углядишь на всякій часъ? Ну, придешь къ барынѣ, поклонишься ей низко: «Анна Тимоѳеевна! Пожалѣй, молъ, ты нашу бѣдность непокрытую!» И ничего—помилуетъ; то-есть, братцы, даже вотъ какъ есть худое слово—и того не скажетъ. Кольки раздвъ бывало. А поди-ка у Крикунова выпросись, аль у Тюпина—спытай!

— Это точно! Что и говорить! Гдѣ!!—хоромъ загалдѣло «обчесвó».

— Постой, постой, братецъ!—улыбнулся я невольно.—Когда-жъ это ты скотинку-то столько разъ отпрашивалъ? Вѣдь тетушка наѣзжала сюда одиножды въ годъ, да и то на недѣлю, не больше; а послѣдніе четыре года даже вовсе не была, по болѣзни. Такъ когда-жъ?

— Это точно!—опять загалдѣло «обчесво».—Вотъ такъ ловко! Митрай! Колй-жъ ты выпрашивался? Сказывай! Ха-ха-ха!

Рыжая борода скрылась въ толпѣ.

— Ну, баринъ!—продолжали хохотать мужики.—Ловко! Вразъ, значитъ, домекнулся! Митрай! а, Митрай!

— Ульянъ, налей-ка мнѣ водки,—обратился я къ старостѣ, когда всѣ немножко поуспокоились; и, поднявъ стаканъ, съ глубокимъ волненіемъ (которое пойметъ каждый деревенскій обыватель, если онъ добрый человѣкъ) громко сказалъ:

— Ну, братцы, дай Богъ намъ жить въ мирѣ и любви, по сосѣдски, другъ другу радѣть всей душой, и другъ около друга кормиться для всѣхъ безобидно.

— Дай Богъ! Дай Богъ!—загудѣло въ толпѣ.

Я залпомъ выпилъ стаканъ.

— Кто изъ васъ тутъ самый старый?

Подтолкнули худенькаго, сѣдобородаго старичёнка.

— Ну, поцѣлуемся, братъ!

Онъ вытеръ усы, и мы три раза поцѣловались.

— А теперь, братцы, вы меня отпустите; я много пить не привыкъ. Вотъ староста васъ за меня поподчуетъ. Ульянъ, проси хорошенько, чтобъ не побрезгали.

— Благодаримъ покорно! Много довольны! Во-тá! Хлѣбомъ-солью да брезгать!—раздались голоса.

Ульянъ, въ пунцовой канаусовой рубахѣ, въ новомъ суконномъ кафтанѣ (и когда онъ успѣлъ переодѣться!)—чинно выступилъ впередъ.

....Угощеніе мое удалось. Долго слышалъ я крики, смѣхъ и пѣсни, раздававшіеся на дворѣ. Даже день, по счастію, былъ не дождливый; солнышко по временамъ выглядывало изъ-за разорванныхъ, сѣрыхъ облаковъ, и такъ весело блестѣли тогда крупныя капли на травѣ и деревьяхъ. Пахло сиренью.

IV.

Изнанкой повернулась идиллія на другой день.

Староста съ необыкновенно-хмурымъ видомъ пришелъ доложить, что Сигней желаетъ меня видѣть.

— Какой Сигней?

— Липовскій... Чтò вотъ пили вчера на нашемъ дворѣ.

— Чего-жъ ему нужно?

— Хотитъ просить, чтобъ Аѳанасія изъ обчесвà вонъ. Только это какъ вамъ угодно, Сергѣй Александрычъ, а вступаться намъ въ это дѣло не для чего.

— Да говори ты, ради Бога, толкомъ! Изъ какого обчесва? Какой Аѳанасій! Вѣдь я ровно ничего не понимаю.

— Подрались они тутъ вчера, пимши-то. Ну, и Сигнею порядошно досталось, то-ись, даже очень довольно влетѣло. Вотъ онъ теперь и хотитъ жалиться.

— Я-то что-жъ? На то есть волость, есть мировой судъ; а я чтò могу сдѣлать? Дуракъ онъ, что-ли?

— Нѣтъ, не совсимъ, чтобы дуракъ...

— Какъ же онъ не разсудилъ, кому пожаловаться! Ну, чтò я могу сдѣлать? Драться, что-ли, пойду съ этимъ... какъ его — Аѳанасій, кажется, побилъ-то?

— Аѳанасій Петровъ.

— Ну, такъ и скажи Сигнею, чтобы шелъ жаловаться въ волость.

— Зачѣмъ ему въ волость... Въ волости-то еще какъ-бы самому по загривку не наклали! Мировой посредственникъ тоже давно приказалъ старшинѣ за Сигнейкой примѣчать, чтобъ не очень ужъ баловался.

— Вотъ какъ! Хорошъ, должно быть, гусь!

— Хорошаго малость, совсимъ даже ничего нѣтъ. А васъ онъ хотитъ просить не то, чтобъ Аѳанасія наказывать боемъ, либò что—а чтобъ изъ обчесвà его вонъ.

— То-есть, какъ изъ обчесва? Изъ какого?

— Изъ обчесва, чтò землю у насъ держитъ.

— А, вотъ что! Ну, все-таки глупая просьба. Во-первыхъ, какая мнѣ надобность путаться въ ихнія драки? А во-вторыхъ, я даже еслибы и хотѣлъ, то не въ правѣ выключить кого-нибудь изъ условія, если онъ исполняетъ, чтò слѣдуетъ... Да чтò этотъ Аѳанасій буянъ, что-ли, большой?

— Нѣтъ, онъ ничего, мужикъ степенный.

— Съ чего же онъ въ драку-то полѣзъ? Напился вѣрно черезъ-чуръ?

— Извѣстно, всѣ пили... Да вѣдь не онъ первый началъ.

— А кто же?

— Сигней. Ужъ этотъ завсегда такъ! Чуть если малость лишняго выпилъ—сейчасъ идетъ на задоръ. Пристанетъ хуже язвы какой или лихоманки; ругается скверными словами, срамитъ при всѣхъ, да еще къ рылу лѣзетъ. Неужто-жъ ему спущать? А вотъ какъ помяли хорошенько—теперь злобится... Ровно змѣя шипитъ!

— Такъ онъ же и драться началъ?

— Онъ самый.

— Ахъ, каналья! Какова дерзость! Гони въ шею!

— Слушаю-съ.

Староста какъ-то нерѣшительно притворилъ дверь, выходя изъ комнаты. Но черезъ минуту онъ опять стоялъ на порогѣ, съ довольно смущеннымъ видомъ.

— Чего еще?

— Сами вы, Сергѣй Александрычъ, не изволите поговорить съ Сигнеемъ?

— Это зачѣмъ?

— Ну... все-таки... обнадежили бы его, что это, молъ, вздоръ; не важное дѣло, коли и влетѣло немножко.

— Да зачѣмъ? Церемоніи-то зачѣмъ?

Я очень удивился, зная, что не въ нравахъ Ульяна потакать какому бы то ни было буйству. Буяновъ онъ, такъ сказать, органически ненавидѣлъ.

— Не въ чистую-бы разсердился... Можетъ, еще попросить когда придется... А онъ памятливый, Боже мой! ехидна настоящая!

— Попросить? намъ? На счетъ чего же?

— Мало ли чтó прилучится!... А онъ и при тетенькѣ кольки разовъ намъ уважалъ; это что-жъ, надо правду говорить. Сѣно-ли убрать поскорѣича, другое ли чтò... Вѣдь вотъ и прошлый годъ—сѣну бы пропадать, какъ есть. А я ему говорю: «Будь другъ! Видишь, дѣло-то какое подошло! Уважь! Мы тебя и сами когда ни на есть уважимъ.»—Чтó-жъ, говоритъ, можно! Для чего не уважить?—Потолковалъ, потолковалъ на сходкѣ-то... И что онъ тамъ имъ наговорилъ, Богъ его знаетъ... Смотрю—а сѣно-то всей деревней убрали. Не на одну бы сотню рублевъ пропало! И за всю-то послугу два ведра водки вышло. Самъ я ѣздилъ косцовъ наймать—поди-ка! За три четвертака—и то только двухъ

человѣкъ нашелъ, ей-Богу! Даже за рубь нейдутъ, потому—пора такая. А тутъ два ведра! Пришлось ли имъ по гривеннику на рыло? И вѣдь что-жъ! Денька четыре погода постояла, только-что успѣли въ стоги посметать—какъ хлынетъ дождь, да на цѣлый мѣсяцъ! У Крикунова покосы, почитай, совсѣмъ пропали; а у насъ—чай вышелъ, не сѣно, такъ надо сказать!

— Что-же, онъ у липовскихъ въ старостахъ, что-ли, ходитъ?

— Ладилъ онъ и въ старостѣ, да не подошло его дѣло. Посумлѣвались на міру, какъ-бы онъ, то-ись, денегъ обчесвенныхъ не размытарилъ. Да такъ и есть, что размытарилъ бы безпремѣнно, на то шелъ. Безъ этого кто ему велитъ въ старостѣ добиваться? Нешто въ старостàхъ-то ходить сласть какая?

— Такъ вѣрно богатый? Деньги подъ товаръ довѣряетъ?

Ульянъ засмѣялся.

— Деньги? Гдѣ ему денегъ-то взять? Онъ бы самъ радъ перехватить хоть малость, да только никто не повѣритъ. Онъ и пьянствуетъ-то на чужину, потому что къ гулячему человѣку безпремѣнно примажется. На это ловокъ, Боже мой! Ужъ на что Эльпидифоръ изъ Антоновки—и тотъ его два дня поилъ. Смѣху-то сколько было! А такъ чтобы въ рукахъ водились деньги, откудова имъ взяться? Дворъ разоренный; корова, лошадь, ну, четыре овцы... вотъ и все его богатство. Работать тоже не любитъ...

— Отчего же его слушаются?

— Ну, на это онъ даже очень ловокъ! Вѣдь вотъ и теперь: ему что дорого? Чтобъ вы согласились. А ужъ обчесвó онъ сейчасъ уломаетъ. Хоть не хотятъ по его сдѣлать, да сдѣлаютъ! Заговоритъ, заговоритъ—просто не знамо чтó выходитъ. Кажись, не такъ совсѣмъ порѣшить думали, анъ рѣшили по его же. Языкомъ вертѣть мастеръ!

V.

Заинтересовалъ меня этотъ деревенскій Цицеронъ. Притомъ же, всякій бывалый землевладѣлецъ по опыту знаетъ, какъ непріятно и часто невыгодно ссориться съ вліятельными людьми изъ крестьянъ, какого бы рода вліяніе ихъ ни было, и на чемъ бы оно ни основывалось. Итакъ, я рѣшился—выдти къ Сигнею въ переднюю и обойтись съ нимъ по возможности дипломатически.

Сигней оказался «лядащимъ» человѣчкомъ средняго роста,

съ небольшой черной, всклокоченной бородёнкой, съ лицомъ, тронутымъ оспой, и живыми вороватыми глазами. Одѣтъ онъ былъ довольно бѣдно, то-есть бѣдно даже для крестьянина, въ плохой, дырявый зипунишко; но держалъ себя развязно и самоувѣренно.

Признаюсь, я не безъ любопытства ждалъ его рѣчей. Чтó, молъ, за краснорѣчіе у человѣка? Ужъ не рожденъ ли и въ самомъ дѣлѣ Цицерономъ?

— Здравствуй, Евсигней Силычъ!

Полное имя его узналъ я заранѣе отъ Ульяна.

— Здравствуйте, Сергѣй Александрычъ!

— Чтó скажешь?

— Къ вашей милости...

— Ну?

Сигней быстро взглянулъ на старосту.

— Да вѣдь, чай, Ульянъ Тимоѳеичъ вамъ сказывалъ?

— А мнѣ какая надобность про тебя съ бариномъ разговаривать?—хмуро отозвался Ульянъ.—Своя рѣчь была, о кирпичномъ заводѣ. А твое дѣло—ты самъ и сказывай.

Староста рѣшительно хитрилъ и побаивался. Сигней, впрочемъ, не повѣрилъ ему ни на грошъ; однако не счелъ нужнымъ настаивать.

— Не говорилъ — и не говорилъ! — бросилъ онъ какъ-то вскользь.—Сергѣй Александрычъ! крѣпко меня обидѣли на вашемъ дворѣ.

— На моемъ дворѣ? Кто же? Ульянъ, кто у меня тутъ буйствуетъ?

— Аѳанасій Петровъ, ихній же липовскій, вчера пимши.

— А, липовскій! Такъ чего-жъ ты, Евсигней Силычъ, дворъ мой припуталъ? Другое дѣло, еслибъ тебя кто изъ моихъ людей обидѣлъ. А то свой же, да еще, можетъ быть, пьяный... Пьяный и въ твоемъ собственномъ домѣ тебя изругаетъ, а не то что на чужомъ дворѣ.

— Еслибъ-то выругалъ! Я-бъ изъ такой малости не сталъ и безпокоить вашу милость.

— А то чтó же?

— Избилъ! — съ глубокой ненавистью сверкнулъ глазами Сигней.

— Избилъ? Такъ чего-жъ ты ко мнѣ? Развѣ я—мировой?

— На счетъ мирового... это еще будетъ... Управу найдемъ, извѣстно! Тоже разбойничать не показано, хвалить не станутъ... А въ вашей милости я на счетъ того, что не приходится вамъ такого бунтовщика держать въ наёмщикахъ; еще и вашей ми-

лости, Боже сохрани, бунтъ какой сдѣлаетъ, а мы за него всѣ должны въ отвѣтѣ быть? Такъ дозвольте обчесву, чтобъ его прочь.

— Это тебя обчесво прислало просить?

— Нѣтъ, я самъ... Изъ усердія.

— Чтó же я стану дозволять, если обчесвó, можетъ быть, и не желаетъ совсѣмъ?

— Чтó обчесвó! Было бы ваше согласіе. А обчесвó—тьфу!

— Ну, Евсигней Силычъ, я согласиться не могу.

— Вы извольте спросить про меня, Сергѣй Александрычъ, извольте спросить вотъ хоть вашего старосту, какой-такой я есть человѣкъ. Онъ передъ вами солгать не посмѣетъ. А я къ вашей тётенькѣ завсегда былъ усерденъ, и вамъ надѣюсь услужить... Ужъ я барина на мужика не промѣняю, это никакъ! Чтò мужикъ? Шкаликомъ рази коло его попользуешься; такъ не очень велика корысть. А къ барину, если подъ веселый стихъ, только на глаза попадись—и то онъ тебѣ подарить можетъ, кольки отъ мужика за цѣлый годъ не вымозжишь.

— Это все хорошо, Евсигней Силычъ. А все-таки я не имѣю права самовольно исключать Аѳанасія, если онъ значится въ условіи.

— Во-нà!—улыбнулся Сигней.—Какъ же это вы—баринъ, да не имѣете права! Чья-жъ она, земля-то, коли не ваша? И кому онъ пойдетъ жалиться? Да еще посмѣетъ ли, по своей глупости, на барина?

— Хоть не посмѣетъ—все-таки я не хочу противъ совѣсти дѣлать.

— Неужто передъ мужикомъ барину совѣсть имѣть! Жирно будетъ!

— А то какъ же? Совѣсть-то, чай, все одна: чтó для мужика, чтó для барина.

— Гдѣ-жъ одна! Къ примѣру сказать, рази можетъ мужикъ передъ бариномъ невѣжество сдѣлать? А баринъ передъ мужикомъ хучь онъ голый ходи, хучь другое что—безо всякой совѣсти, потому—никто не осудитъ.

— Не всякій баринъ...

— Конечно, есть и промежъ баръ такіе, что простого мужика-сиволапа боятся. Какъ-де я его обижу—а вдругъ онъ пожалится! Хе-хе-хе!

— Ну, вотъ, Евсигней Силычъ, и я какъ разъ изъ такихъ-же, изъ робкихъ.

Сигней съ недоумѣніемъ и непріязненно глянулъ на меня.

— Не можетъ этого быть!—рѣшительно тряхнулъ онъ голо-

вой.—Довольно наслышаны. Чтó я еще хотѣлъ доложить вашей милости, Сергѣй Александрычъ.

— Ну?

— Вѣдь на тотъ годъ условіе наше на счетъ земли кончается, чтò съ вашей тётенькой дѣлали.

— Да, кончается. Такъ что-жъ?

— Вы эту землю опять будете отдавать?

— Вѣроятно. Гдѣ-жъ мнѣ самому на всей работать, не управишься.

— Знамо дѣло, выгоды никакой нѣтути, окромя убытку... Вы ужъ насъ, липовскихъ, не обидьте, землицу-то за нами оставьте... А что на счетъ того, чтобы, значитъ, цѣну прибавить—это вы не извольте себя безпокоить: прибавятъ, Сигней для господъ завсегда душевно... Да вѣдь намъ, липовскимъ, помимо вашей землицы, и кормиться-то нечѣмъ, надо прямо говорить. Завоютъ, а прибавятъ... Только ужъ вы тогда Сигнея не забудьте, мое, значитъ, радѣнье!

— Что рано загадывать? Какъ выйдетъ условію срокъ, тогда объ этомъ и потолкуемъ. Ну, прощай, Евсигней Силычъ. Намъ со старостой на кирпичный заводъ надо, дѣло есть.

— Прощайте, Сергѣй Александрычъ. Такъ прикажете обчеству просить васъ на счетъ Аѳанасія?

— Ну, нѣтъ. Исключить его я не согласенъ.

— Какъ же такъ? И значитъ, могитъ онъ драться на барскомъ дворѣ?

— Мой дворъ—не церковь. Да вѣдь и ты, чай, дрался же, не спину подставлялъ. Охота тебѣ, Евсигней Силычъ, изъ-за такого вздора пѣтушиться! Важное дѣло, что погрѣлись маленько! Ну, поставитъ виноватый правому штофъ—вотъ и дѣло съ концомъ.

— А чтобъ съ земли его ссадить, этого нельзя?

— Нельзя.

— Прощенья просимъ, Сергѣй Александрычъ!

— Прощай, будь здоровъ.

... Черезъ день староста, улыбаясь, донесъ мнѣ, что Сигней взялъ съ Аѳанасія штофъ водки, на томъ основаніи, что такъ, молъ, «разсудилъ и приказалъ баринъ, а ослушаться барина нельзя, потому—не было бы хуже!»

— Мужикъ—воръ!—пояснилъ Ульянъ.

Я съ своей стороны такимъ окончаніемъ дѣла остался доволенъ.

VI.

Въ теченіи всего лѣта мнѣ только одинъ разъ довелось еще встрѣтиться съ Сигнеемъ, и случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Гостилъ у меня двоюродный братъ мой, Платонъ Семеновичъ Пещеринъ, и весьма интересовался всѣмъ деревенскимъ бытомъ, кромѣ, впрочемъ, полеводства и вообще сельскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ слова. По этой части только разъ выразилъ онъ строгое порицаніе моему обыкновенію ежегодно продавать хлѣбъ и совѣтовалъ прочесть Либиха, доказавшаго ясно, какъ день, что всякая продажа полевыхъ продуктовъ—есть убійство производительности самаго поля. Противъ Либиха я, разумѣется, ничего не рѣшился сказать; но, съ другой стороны, разсудивъ, что безъ денегъ ужъ не полю, а мнѣ самому придется плохо—рѣшился продавать хлѣбъ по прежнему.

Подоспѣлъ тутъ нашъ храмовой праздникъ.

Платонъ Семеновичъ, узнавъ, что такой день празднуется обыкновенно народомъ съ нѣкоторою особою торжественностью, пожелалъ воспользоваться случаемъ для своихъ наблюденій, а я согласился съ нимъ ѣхать тѣмъ охотнѣе, что вообще по храмовымъ праздникамъ непремѣнно бываю въ церкви. Радуетъ меня свѣтлое настроеніе крестьянскаго люда, умиленнаго и восхищеннаго бѣднымъ великолѣпіемъ своего храма, отцвѣтшей красотою священныхъ ризъ и торжественностью служенія съ наборнымъ хоромъ изъ мѣстныхъ пѣвцовъ-любителей. Какъ ни тускло глядитъ, какъ ни потерта вся эта смиренная роскошь—а все-таки она краше обыденной обстановки бѣднаго народа, а все-таки каждый послѣдній голякъ стоитъ здѣсь въ своей церкви и говоритъ со своимъ Богомъ, передъ которымъ онъ равенъ и барину, и становому, и кулаку-пакеньщику [1]), передъ которымъ, однимъ словомъ, онъ—тоже человѣкъ...

Наша приходская церковь отстоитъ отъ Дождинокъ версты на двѣ, въ селѣ Петровскомъ. Мы поѣхали верхомъ, пользуясь свѣжестью великолѣпнаго лѣтняго утра.

Солнце еще не очень высоко поднялось надъ землею; былъ только восьмой часъ. Необсохшая роса свѣтлыми слезинками блестѣла на травѣ. Жаворонки точно взапуски трещали съ вы-

---

1) Пакеньщиками (отъ слова: патентъ) въ нашихъ мѣстахъ крестьяне называютъ содержателей кабаковъ.

шины. Сіяло огромное, голубое небо. И со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ, шли небольшими толпами богомольцы и богомолки, разодѣтые по праздничному; красные платки и красные сарафаны точно плыли по зеленымъ волнамъ овсянаго поля. Чуть не каждыя двѣ-три минуты мы обгоняли кучку людей, весело говорившихъ между собою, и раскланивавшихся съ нами какъ-то особенно привѣтливо. Праздникъ былъ у всѣхъ въ душѣ и на лицахъ...

Мы уже были недалеко отъ щеголеватой постройки извѣстнаго пакеньщика Андрея, расположившагося на самомъ въѣздѣ въ Петровское, когда поравнялись еще съ одной кучкой богомольцевъ, изъ которой меня вдругъ окликнулъ бойкій, необыкновенно-веселый голосъ:

— Сергѣй Ляксандрычъ! Здравствуйте! За вашу милость идемъ Богу молиться.

— А, Евсигней Силычъ! Здоровъ ли ходишь?—Сейчасъ же осадилъ я лошадь.

Онъ уже былъ на-веселѣ, но едва замѣтно, и находился въ отличнѣйшемъ расположеніи духа, видимо составляя центръ своей группы, исключительно мужской и чему-то смѣявшейся при нашемъ приближеніи. За руку держалъ онъ какого-то мальчика лѣтъ десяти, который былъ замѣчательно на него похожъ, и обладалъ такими же быстрыми, вороватыми черными глазками.

— Кто это? Ужъ не сынъ ли твой?—спросилъ я Сигнея.

— Сынишка и есть! — положилъ онъ мальчику на голову руку, съ необыкновенной въ крестьянскомъ быту ласковостью и съ какимъ-то почти влюбленнымъ взглядомъ на свое дитя. — Одинъ у меня только, сынишка-то; тѣ двое—дѣвчонки. Что́ дѣвчонки? Кой прокъ? А этотъ шустёръ будетъ—бѣда! Десяти годовъ мальченку нѣту-ти, а брехать такъ ловокъ, ажно меня самого иной разъ съ толку собьетъ; такъ-таки въ дураки и поставитъ, ей-Богу! Вотъ, не давнѣе вчера, я дѣвчонокъ-то оттузилъ, а вышло—это онъ, шельма, напакостилъ. Ловокъ! Балуется только очень. Ну, да погоди, ужъ попаду я тебя когда-нибудь!

И Сигней опять съ той же нѣжностью приласкалъ ребенка.

— Вы къ обѣднѣ?

— Къ обѣднѣ.

— И прекрасное дѣло. Жаль, вотъ только, церковь не на мѣстѣ строена.

— Какъ-такъ не на мѣстѣ?

— Да вотъ, Эльпидифоръ на петровскихъ все жалится: ску-

пеньки, говоритъ, петровскіе-то. Коли-бъ, говоритъ, въ нашей деревнѣ былъ храмъ,—я-бъ, говоритъ, на свой счетъ весь приходъ бы напоилъ.

Мужики загоготали: Эльпидифоръ антоновскій по всей округѣ знаменитъ былъ своей скаредностью. Самъ же Эльпидифоръ, необыкновенно длинный, угловатый и нескладный дѣтина, недовольнымъ тономъ промычалъ:

— Мало ты, видно, выпилъ на мои денежки, прошлымъ-то лѣтомъ? Утроба твоя несытая!

— Коли-жъ мало! И до севодни пьянъ.

— Коломъ бы тебѣ глотку заткнуть... Вотъ это бы ладно!

— Оно бы можно, да вѣдь ты кола пожалѣешь.

VII.

Не буду гоняться за подробнымъ описаніемъ праздника въ Петровскомъ, тѣмъ болѣе, что все происходило именно такъ, какъ обыкновенно происходитъ въ подобныхъ случаяхъ, и никакихъ особыхъ событій не было, если не считать таковымъ красное шелковое платье, неимовѣрно длинное, въ первый разъ надѣтое помѣщицей Ручкиной, вмѣстѣ съ новымъ, выписаннымъ шиньономъ. Въ этомъ платьѣ весьма округленныя формы госпожи Ручкиной, а можетъ быть и оффиціальное ея званіе одинокой вдовы, произвели столь благопріятное впечатлѣніе на наблюдающаго Пещерина, что онъ даже просилъ меня познакомить его съ интересной особой, чтó я и исполнилъ, къ обоюдному ихъ, кажется, удовольствію.

Затѣмъ, все обстояло благополучно. «Съ измальства пристрастный къ церковному благогласію», пакеньщикъ Андрей руководилъ хоромъ пѣвчихъ, съ бóльшею, впрочемъ, энергіею, нежели успѣхомъ. Помѣщица Тюпина, стоя направо отъ алтаря, отрывисто и по-французски приказывала своимъ дочерямъ стоять прямо и не вертѣться во всѣ стороны. Враждебная ей госпожа Крикунова сохраняла свое достоинство отъ алтаря налѣво.

А на небольшой площади вокругъ церкви разставлены были лотки съ орѣхами, съ пряниками, съ подсолнухами, и даже одинъ балаганъ съ краснымъ товаромъ. Сюда-то и высыпалъ народъ, какъ только отошла обѣдня. Начались игры, пѣсни, щелканье орѣховъ и подсолнуховъ. Показались и пьяные; сначала двое, трое, потомъ больше.

Платонъ Семенычъ, проводивъ госпожу Ручкину до экипажа

и получивъ самое любезное приглашеніе—«не забывать ея одиночества» (вдова охотно выражалась высокимъ слогомъ) — вернулся въ толпу въ нѣсколько игривомъ и предпріимчивомъ настроеніи мысли. Онъ заговаривалъ съ дѣвками и смазливыми бабёнками, путался въ ихъ хороводы, угощалъ орѣхами, вообще изучалъ нравы съ очень спеціальной стороны, и повидимому, не безъ успѣха; по крайней мѣрѣ онъ явился ко мнѣ, послѣ своихъ подвиговъ, въ очень веселомъ и возбужденномъ настроеніи, готовый болтать безъ умолку.

Согласившись отправиться домой, мы пѣшкомъ двинулись къ пакеньщику Андрею, у котораго оставили лошадей. По дорогѣ присталъ къ намъ и староста Ульянъ, разодѣтый по праздничному, но совершенно трезвый.

Передъ кабакомъ, по обыкновенію, стояла толпа крестьянъ, о чемъ-то кричавшихъ, почему-то размахивавшихъ руками, почему-то налѣзавшихъ другъ на друга, частью ужъ очень развеселыхъ, частью неимовѣрно разсудительныхъ, хотя и съ посоловѣлыми глазами.

Все это—дѣло знакомое, и я бы не обратилъ на то ни малѣйшаго вниманія, еслибъ Ульянъ не замѣтилъ мимоходомъ:

— Ну, теперь Сигней опять шибко запьетъ.

— Сигней? Что такъ?

— У антоновскихъ мужиковъ землю мѣряетъ, потому и угощаютъ. Видите, вонъ какой стоитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, среди шумной толпы стоялъ Сигней, очевидно, выпившій основательно, хотя и сохранившій сознаніе, судя по ехидной усмѣшкѣ, съ которою онъ слушалъ длиннаго Эльпидифора. А Эльпидифоръ этотъ, нескладно пошатываясь на ногахъ, оралъ нѣчто о землѣ и о мірскомъ дѣлѣ, нисколько, впрочемъ, не поощряемый вниманіемъ сограждан.

— Землю мѣряетъ? Да развѣ онъ землемѣръ? — вмѣшался Платонъ Семенычъ.

— Не совсѣмъ, чтобы землемѣръ, одначе дѣло это правитъ ловко.

— Да чѣмъ же онъ мѣряетъ? Инструментъ у него есть?

— Нѣтъ, какой струменъ! По-мужицки, на шнурѣ мѣряетъ.

— На шнурѣ-ѣ? Должно быть, хорошо выходитъ! Сергѣй Александрычъ, постойте, ради Бога! Дайте мнѣ поговорить съ нимъ; вѣдь преинтересная личность, должно быть... Какъ, бишь, вы его зовете по-батюшкѣ-то?

— Силычъ.

— Евсигней Силычъ!—крикнулъ Пещеринъ.—Пожалуйте-ка сюда на пару словъ.

Сигней, отчасти удивленный, вышелъ изъ толпы.

— Позвольте познакомиться, мы вѣдь съ вами товарищи: я тоже немножко геометріей, сирѣчь землеизмѣреніемъ занимаюсь.

Сигней нахмурился: онъ тотчасъ почуялъ насмѣшку.

— Чтó вамъ угодно, баринъ?

— Да, вотъ, разскажите, пожалуйста, какъ это вы на шнурѣ мѣряете?

— Какая наша мѣра, баринъ: смѣхъ одинъ. А вы, въ самомъ дѣлѣ землемѣръ будете?

— Хоть не совсѣмъ землемѣръ, однако дѣло смекаю не худо.

— Батюшка—не знаю, какъ васъ звать,—сдѣлай божескую милость!

— Ну?

— Вотъ мы у ихъ благородія, у Сергѣй Лясандрыча, обчесвóмъ одиннадцать десятинокъ луга снимаемъ; а какъ подѣлить на восемнадцать-то дворовъ, чтобъ, значитъ, ровно было — это намъ и невдомёкъ. Бóязно, какъ бы иному за обиду не показалося. Батюшка! (Сигней низко поклонился). Развяжи ты нашу душу, научи насъ, темныхъ, какъ этотъ самый лугъ дѣлить.

— Видите ли, Евсигней Силычъ, какъ же я васъ научу-то? Оно хоть и не очень хитрая штука, да все-таки, знаете, шнуромъ-то, пожалуй, и не сдѣлаешь.

— Одначе? Еслибъ вашей милости таперичка дѣлить пришлось?

— На то инструментъ такой есть, астролябіей зовется.

— Ишь ты! И можно этимъ самымъ струменомъ орудовать, чтобъ какъ есть ровныя части вышли?

— Можно.

— Боже ты мой! Сила какая въ струменъ положена! Чего живъ человѣкъ не сдѣлаетъ, то струменъ могитъ!.. А если-жъ теперь, къ примѣру говорить, трава на лугу неровная; въ одномъ мѣстѣ, значитъ, получше, а въ другомъ похуже. Тутъ какъ?

— Можно отъ лучшихъ участковъ прирѣзать къ худшимъ.

— Все-жъ-таки, чай, совсúмъ ровно не будетъ, чтобъ въ самую точку?

— Въ самую точку не будетъ.

— Какъ же такъ?

— Надо жребій бросить, кому какой участокъ достанется.

— Ишь ты, ученье-то значитъ! Мудреная вещь. А мы по

мужицкой глупости, бываю, скосимъ весь лугъ обчесвóмъ, да и дѣлимъ сѣно межъ собой поровну. Тутъ тебѣ все! Вамъ, чай, баринъ, смѣшно на нашу глупость?

— Нѣтъ, отчего же, это тоже недурно... Ну, прощай!—заспѣшилъ вдругъ Пещеринъ и пошелъ во дворъ, гдѣ были привязаны наши лошади.

— А чтò, Сигней? Чтó баринъ?—послышалось намъ въ слѣдъ.

— Да ничего. Хитеръ, а только телёнокъ его хитрѣя.

VIII.

Отблистало, прозвучало и унеслось куда-то лѣто... Нѣтъ больше яркаго утра съ золотистымъ блескомъ на травѣ и на деревьяхъ, съ сильнымъ запахомъ цвѣтовъ и неумолчной разноголосицей птицъ въ старинномъ, густомъ саду; нѣтъ длинныхъ и задумчивыхъ вечеровъ съ ихъ мягкимъ, стелющимся по землѣ сумракомъ, съ янтарно-розовыми отблесками неба и несущимися издалека обрывками хороводной пѣсни. Кипучая дѣятельность на лугахъ и въ полѣ, грохотъ телѣгъ по дорогамъ—все это замерло, заглохло до другого лѣта. Покоротѣли дни; засѣрѣли холодные туманы...

Вышли мы какъ-то съ Ульяномъ за околицу. Бѣлые гуси небольшими стадами расхаживаютъ по опустѣлому, мокрому жнивью. Случайный лучъ солнышка ярко озарилъ пологіе грязно-желтые холмы и далекій крестъ святодуховской церкви; но тяжелыя, низкія облака необыкновенно быстро, какими-то неуклюжими клубами ползутъ къ голубому просвѣту неба — и черезъ минуту опять все покроется сѣрой, унылою тѣнью... Гоготанье гусиныхъ стадъ да хлопотливое карканье безчисленныхъ грачей, собирающихся къ отлету и покуда черной стаей усѣвшихся по свѣжей озими—вотъ и всѣ звуки отжившей поры.

Остановясь на сырой межѣ, еще блестѣвшей мелкими каплями недавняго осенняго дождя, я молча смотрѣлъ впередъ... Съ какими мыслями—самъ не знаю. Что-то щемящее, неопредѣленное легло на сердце. Приходили въ голову какія-то воспоминанія, какія-то неконченныя, безцѣльныя мысли; просилась изъ груди пѣсня, унылая, безъ словъ, слышанная ли когда-то, тутъ ли сейчасъ же сложившаяся—кто ее знаетъ. И кажется, простоялъ бы такъ цѣлый часъ, не двигаясь съ мѣста и не спуская глазъ съ безлюдной картины.

Сѣрыя тѣни побѣжали по землѣ, дальше, дальше... Вотъ

онѣ охватили дальній холмъ, вотъ погасъ крестъ святодуховской церкви... Прощай, солнышко! Гуси дико загоготали, потянувшись на новое мѣсто; грачи черной сѣткой закружились въ воздухѣ...

Долго простоялъ бы я такимъ образомъ, еслибъ не вздумалъ разбудить меня Ульянъ.

— Вотъ и зима скоро!—вздохнулъ онъ у меня за спиною.— Съ пенькой убрались... Недѣли черезъ три-четыре, пожалуй, первопутье станетъ.

— Да...

— Лѣтомъ много работы; маешься, маешься — и Боже мой! А все какъ-будто веселѣе.

— Лѣто...

— Чтó я хотѣлъ доложить вамъ, Сергѣй Александрычъ:— вы скоро будете посылать въ городъ?

— Ну? Скоро.

— Приказали бы два замка купить побольше да одинъ маленькій.

— Это зачѣмъ?

— Для конюшни да для каретнаго сарая. Неровенъ часъ. Время таперича, сами изволите знать, позднее.

— Такъ что-жъ, что позднее?

— Самое такое время... Лѣтомъ мужику объ этихъ глупостяхъ думать не приходится, потому—дѣловъ много, а таперича вотъ въ самый разъ. Свадьбу ли сыграть, праздникъ ли какой, поминки—все какъ-будто время послободнѣе... Ну, и прочее баловство тутъ же затѣваютъ.

— Такъ по нашимъ мѣстамъ не безъ того, пошаливаютъ?

— Гдѣ-жъ отъ лихого человѣка убережешься? Не то, чтобы очень шалили, одначе бываетъ... Особливо какъ на мельницахъ начнутъ работать.

— Мельницы-то тутъ причемъ же?

— Извѣстно, отъ жилья въ сторонѣ; ну, опять-же покорыстоваться есть чѣмъ. А дѣло легкое: подъѣхалъ ночью, сломалъ замóкъ, муку повыбралъ—да и поминай какъ звали. Гдѣ его потомъ искать? Поди-ка! Еще онъ же первый и ахать будетъ: дѣло, молъ, какое сдѣлалось!

— Ну, искать, я думаю, не очень трудно; вѣдь знають же у васъ другъ друга, кого можно подозрѣвать.

— Знать-то, конечно, что знають... Одначе, лѣтось двѣ вѣтрянки очень прекрасно обчистили, рублевъ даже на восемьдесятъ; а кто сдѣлалъ—такъ и не нашли, точно въ воду кануло.

— Не нашли? А кто искалъ?

— Всѣ искали. И становой пріѣзжалъ, и помѣщикъ самъ Иванъ Алексѣичъ бился, и посредственникъ старшинѣ наказывалъ строго, чтобъ безпремѣнно найти... Бросались туда и сюда — нѣтъ! Ни слуху, ни слѣду, ни зацѣпки; точно вотъ въ землю провалилось.

— Кого-жъ, однако, подозрѣвали?

— Кто ихъ знаетъ... Сказываютъ люди, будто какъ Сигнеево это дѣло; а между прочимъ — неизвѣстно.

— Сигнеево? Вотъ какъ! Значитъ, онъ и такимъ художествомъ промышляетъ?

— Мужикъ вздорный, это какъ есть. Онъ ужъ разъ и въ острогѣ сидѣлъ... Ну, только не за настоящее дѣло, а такъ, по дурости.

— Какъ, по дурости?

— Вывѣску у пакеньщика стащилъ, спьяну похвалямшись. Ну, вотъ и засадили. Надо быть, мѣсяцевъ шесть сидѣлъ.

— Эге! какой гусь! А мнѣ, признаться, и въ голову не приходило.

— Нѣтъ, что-жъ, онъ противъ насъ ничего; это грѣхъ сказать — не трогаетъ. Рáзи иной разъ гривенникъ выспроситъ на водку, али въ огородѣ мóркве да огурцовъ нарветъ. Ну, это ужъ ему спущаешь, молчишь. Богъ съ тобою, молъ, не тронь только чего другого!

— Видно, въ самомъ дѣлѣ придется купить замки.

— Безъ замковъ нельзя. Опасаючись, все-таки лучше.

IX.

Въ справедливости опасеній Ульяна я имѣлъ случай убѣдиться мѣсяцами двумя попозже.

Однажды пришлось мнѣ ѣхать въ городъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ полу-дѣлового и полу-бездѣльнаго свойства. Не безъ досады разсчитывалъ я, что могу вернуться домой не раньше трехъ дней, и даже объяснилъ это своему старостѣ. Между тѣмъ, по благосклонному велѣнію судебъ и одного изъ уѣздныхъ представителей власти, вышло такъ, что къ вечеру второго дня все было кончено и рѣшено. Просидѣвши у того же представителя за пулькой преферанса часовъ до двѣнадцати, я вышелъ на крыльцо совершенно свободнымъ человѣкомъ.

Ночь была торжественно хороша. Свѣжій, слегка морозный воздухъ тихо плылъ надъ снѣговой пеленою, облитой свѣтомъ

полной луны, и потому искрившейся тысячами блестокъ; великолѣпное, бездонное небо горѣло миріадами звѣздъ. Такъ легко дышалось, такъ отчетливо каждый звукъ, каждый шорохъ передавался въ этомъ дрожащемъ, прозрачномъ морѣ воздуха...

«Неужто уйти отъ такой ночи въ грязный, прокуренный табакомъ нумеръ уѣздной гостинницы?» подумалъ я брезгливо. «Ѣду домой!»

И разбудивъ соннаго кучера да заплативши по счету, черезъ часъ я былъ уже за заставой, на просторной снѣговой равнинѣ, только въ одномъ мѣстѣ прерванной рядомъ сонныхъ ракитокъ, пушисто одѣтыхъ инеемъ.

— Эй вы, соколики-и!

И бѣгутъ промерзшіе кони, звенитъ колокольчикъ, точно тѣнь скользятъ легкія саночки по блестящей равнинѣ.

Въ половинѣ четвертаго на темномъ горизонтѣ выросли три знакомыя группы елей дождинскаго сада. Еще нѣсколько минутъ, и...

— Стой! Стой!—вдругъ закричалъ я кучеру.

— Тпрр... Лѣша-ай!

— Смотри-ка, что̀ это?

— Ограбили! баринъ, воры!!

Мы оба выскочили изъ саней.

Дверь моей вѣтряной мельницы стояла на̀стежь, замо̀къ отбитъ, мука̀—пудовъ пятьдесятъ—выкрадена.

— Домой!—бросился я въ сани.—Скорѣй!

Тотчасъ разбудили Ульяна. Одного изъ рабочихъ послалъ я верхомъ въ Петровское къ волостному старшинѣ, съ объясненіемъ дѣла и съ просьбою немедленно прибыть въ Липовку, такъ какъ я имѣю подозрѣніе на одного изъ тамошнихъ крестьянъ, и желалъ бы сдѣлать обыскъ по горячему слѣду. Самъ я, вмѣстѣ съ Ульяномъ, помчался туда же. Но доро̀гой, одумавшись, мы отвязали колокольчикъ, остановили лошадей за околицей, и тихонько пѣшкомъ вошли въ деревню—прямо къ выборному старостѣ.

Староста—человѣкъ неглупый, честный и главное — врагъ Сигнея, который заправляетъ мірскимъ мнѣніемъ на сходкахъ, а оппозицію старосты каждый разъ поднимаетъ насмѣхъ. Отсюда глубокая вражда. Слѣдовательно, я имѣлъ всѣ основанія разсчитывать на горячее содѣйствіе сельской власти, если только воромъ былъ въ самомъ дѣлѣ Сигней.

Осторожно и потому довольно долго стучались мы къ Якову Онисимовичу (такъ зовутъ липовскаго старосту). Наконецъ, ворота отворилъ старшій сынъ, а черезъ минуту явился и самъ

хозяинъ, удивленный и нѣсколько испуганный нашимъ посѣщеніемъ въ столь неурочный часъ. Я приступилъ прямо къ дѣлу.

— Мельницу у меня сейчасъ обокрали.

— Ой-ли? Мати Пресвятая Богородица!.. Что-жъ, рáзи къ нашей деревнѣ слѣдъ?

— Слѣда по наѣзженной дорогѣ не разберешь, особливо ночью. А хочу спытать у Сигнея. Собери, пожалуйста, двухъ-трехъ сосѣдей, да пойдемъ къ нему во дворъ.

— Къ Сигнею-то? Вѣдь онъ съ утра уѣхамши въ городъ.

— Въ городъ!

Мы оба остолбенѣли.

— Какъ же, холсты повезъ. И отъ мишуткиной бабы, и съ Прохорова дворá то-жъ съ собой повезъ. Вотъ какъ онъ деньги-то ихнія размытаритъ, которыя, значитъ, за холстъ—тогда и будутъ знать, каковъ Сигнейка молодецъ!

— А вѣдь я такъ и думалъ, что наврядъ-ли Сигней насъ тронетъ!—обратился ко мнѣ Ульянъ.—Обиды онъ отъ насъ никакой, окромя хорошаго, не видалъ... А тутъ другого мастера дѣло.

— Какого-жъ мастера? Гдѣ намъ теперь искать?

— По обáпольности [1]) точно что... Рáзи Гришутку спытать?

— Нѣтъ, чтó пустое говорить!—махнулъ рукой Яковъ Онисимычъ.—Гришутка что-да-нибудь пустое, что плохо лежитъ—стащитъ, въ кабакъ снести. Только онъ это безъ разсужденія. А мельницы разбивать—гдѣ ему! Онъ и теперь, поди, безъ языка валяется пьяный.

— Какъ же теперь быть?

— Это съ-подъ-городскихъ дѣло, вотъ какъ я полагаю. Здѣшній—нѣтъ, здѣшній на это не пойдетъ.

— Ну, и сосновскіе ребята ловкіе!—отозвался Ульянъ.—Тоже, пожалуй, не миновать, что въ Сосновкѣ розыскивать.

— Пожалуй.

— Гдѣ это Сосновка?—освѣдомился я, еще не вполнѣ знакомый съ мѣстною топографіей.

— А верстъ за двадцать-пять отселева.

— Знаешь чтó, Ульянъ: поѣдемъ-ка спать.

Мой вѣрный служитель съ ужасомъ вытаращилъ на меня глаза.

— Чтó-жъ ты?

— Такое дѣло сдѣлалось, а мы спать?

---

[1]) Обапольность—окрестность, мѣстное слово.

— Да вѣдь до утра все равно броситься нѣкуда.

— Это точно, что некуда. Одначе...

Чтó «одначе»—Ульянъ и самъ не зналъ.

X.

Въ эту минуту въ тишинѣ ночи звонко раздался топотъ лошади; кто-то, явно торопившійся, скакалъ по улицѣ. Мы подошли къ воротамъ. Это—волостной старшина, для скорости прибывшій на той же лошади, которую я посылалъ къ нему съ работникомъ.

Послѣдовали необходимыя объясненія. Старшина тоже оказался такого мнѣнія, что до разсвѣта дѣлать больше нечего.

Мы уже собирались вмѣстѣ отправиться во-свояси, когда онъ вдругъ обратился къ липовскому старостѣ съ вопросомъ:

— Да, чуть не забылъ! Яковъ Онисимычъ, у тебя рига-то пуста стоитъ?

— Пуста. А что?

— То-то. Ѣхамши сюда, показалось мнѣ, быдто какъ кто-то въ твою ригу шастнулъ.

— Ой-ли? Наше мѣсто свято! Кому надобеть? Не *онъ*-ли?

— А може и такъ.

Всѣ три крестьянина перекрестились.

— Постойте-ка, братцы!—предложилъ я.—Все равно, ужъ мы на походѣ; такъ давайте посмотримъ, кто это ночью по ригамъ ходитъ.

— Ну его! лучше не замать.

— Пойдемте, насъ много.

— Чтò, въ самомъ дѣлѣ!—расхрабрился Ульянъ.—Пойдемте. Може, и впрямь лихой человѣкъ.

— Чтó тамъ лихому человѣку найтить-то?.. Да по мнѣ что-жъ, пожалуй, коли всѣ вмѣстѣ... Риги-то жалко. Коли впрямь лихой человѣкъ — не спалилъ-бы, чего добраго... Рига-то новая, лѣтось строена.

— Пойдемъ.

— Сенька, иди съ нами!—крикнулъ Яковъ Онисимычъ своему сыну.

Я предложилъ идти по возможности тихо, чтобы не спугнуть ночнаго шатуна. Но только-что мы поровнялись съ послѣдними избами деревни, отъ черной массы одной изъ крайнихъ ригъ (впрочемъ не той, которая принадлежала Якову Они-

симычу) отдѣлились крестьянскія сани въ одну лошадку и съ однимъ сѣдокомъ.

— Иванъ Павлычъ!—обратился я къ волостному старшинѣ.— Вы конный. Пожалуйста, догоните-ка этого молодца.

— Э-ге-ге!—протянулъ онъ въ отвѣтъ и, хлестнувъ лошадь, помчался во всю прыть.

Таинственныя сани тоже ѣхали довольно шибко, но тотчасъ же легко было замѣтить, что имъ не уйти отъ преслѣдователя.

— Сеня!—попросилъ я старостина сына.—Сбѣгай-ка, пожалуйста, за моими лошадьми; онѣ на той сторонѣ у карягинскаго огорода оставлены.

— Бѣги, Сенька, скорѣе!—подтвердилъ отецъ.

Семенъ ушелъ. Сани и волостной старшина тоже исчезли въ ночной мглѣ. Луна уже стояла очень низко надъ землею и свѣтила далеко не такъ ярко. Поднялся небольшой поземокъ, слегка замутившій воздухъ снѣжной пылью...

Мы зашли въ ригу Яковъ Онисимыча; но въ ней никого не было и ничего особеннаго не замѣчалось: все было на мѣстѣ, да и взять-то нечего, кромѣ двухъ-трехъ пуковъ соломы, забытой или брошенной по небрежности.

— Видно, ошибся Иванъ Павлычъ.

— А може, и хоронился кто-сь отъ проѣзжаго человѣка.

— Для-че ему хорониться, коли онъ никакого худа за собой не знаетъ?

— А може я такой, что знаетъ!

Черезъ пять-шесть минутъ изъ деревни показались мои лошади; а съ противоположной стороны подъѣзжалъ къ намъ волостной старшина и за нимъ, трусцою, догнанныя сани.

Мы, разумѣется, поспѣшили на встрѣчу.

— Ну, что? Какъ? Кто это?—посыпались вопросы.

— А вотъ!

Въ саняхъ оказался—Сигней.

— Сигней! Ты какъ же это? Вѣдь ты-жъ былъ уѣхамши въ городъ?!—воскликнулъ Яковъ Онисимычъ.

Но Сигней былъ пьянъ мертвецки, и только мычалъ что-то безсмысленное.

— Иванъ Павлычъ!—объявилъ я.—Я васъ прошу сей часъже собрать понятыхъ и обыскать Сигнеевъ дворъ.

— Хорошо-съ.

Мука моя, въ количествѣ двадцати-восьми пудовъ, нашлась просто въ свѣтелкѣ Сигнея: ее даже не успѣли прибрать къ

мѣсту. Воръ, ссыпавъ ее на веретья кое-какъ, очевидно поручилъ припрятать своимъ домашнимъ, чтобъ самому поскорѣе исчезнуть, и оказаться такимъ образомъ «уѣзжавшимъ въ городъ».

На другой день нашлись и мои клейменые мѣшки, въ которыхъ лежала мука: они были подброшены въ пустую печь риги Якова Онисимыча. А черезъ недѣлю Сигней уличенъ былъ въ преступленіи судебнымъ слѣдователемъ, успѣвшимъ розыскать и товарища его, одного молодца изъ Сосновки.

XI.

Въ ясный, холодный день я наблюдалъ за работниками, которые рубили у меня на дворѣ срубъ изъ новенькаго еловаго девятиаршинника. Я только-что собирался сдѣлать какое-то замѣчаніе одному изъ плотниковъ, когда подошли ко мнѣ двое мужичковъ изъ нашей же деревни, изъ Дождинокъ.

— Чтò вамъ, сосѣди?

— Къ вашей милости, Сергѣй Ляксандрычъ.

— Ну?

— Сказывали липовскіе мужики, чтобъ безпремѣнно завтра деньги тебѣ платить за землю; такъ подожди на насъ, сдѣлай таку божескую милость.

— А вы тутъ чтò? Развѣ вы липовскіе? въ обществѣ?

— Нѣтъ, мы свои, дождинскіе. Да намъ, вишь, за Сигнея платить, что въ острогѣ сидитъ.

— Отчего-жъ такъ?

— Землицу-то мы у него снимаемъ.

— То-есть, мою землю? чтò липовскіе берутъ?

— Ну, да. Значитъ, его долю за себя беремъ.

— Вотъ какъ! Отчего-жъ онъ сдалъ? Развѣ онъ ее самъ не пашетъ?

— Коли-жъ самъ! Такой-ли онъ человѣкъ? Со своимъ надѣломъ, и то не управляется. А извѣстно, изъ барыша, изъ копѣйки въ обчесвò втерся... Такъ за нимъ видно и пропадать тринадцати-то рубликамъ, анахвемская его душа! Еще спасибо, обчесвò примаетъ: платите, молъ, за его деньги, да и держите его часть по прежнему... А полведра мы обчесвý поставили.

— Отчего-жъ тринадцать рубликовъ пропали?

— Отдалъ ихъ ему, анахвемѣ! Да вѣдь какъ ловко подъѣхалъ! Идутъ, вижу, мужики липовскіе, человѣкъ девять. А тутъ

Сигней сейчасъ и подвернулся. «Давай, молъ Михѣй Борисычъ, деньги: вишь, къ барину идемъ, деньги платить». У меня на грѣхъ и деньги-то были готовыя: берегъ для того случая. Что-жъ, думаю, бери, коли къ барину; дѣло небходимое, безъ того нельзя. А самъ еще про себя думаю: вишь, какъ липовскіе нонича удосужились; завтра срокъ, а всѣ деньги въ сборѣ. Потому допрежде завсегда какъ быдто недѣля, али полторы проволочки выходило; тоже вѣдь и безъ этого невозможно. Ну, вынулъ, значить, тринадцать рублевиковъ, сичасъ подаю ему... А потомъ, вышло, и мужики-то тѣ совсимъ въ Петровское ходили, въ волость требовалось, руки задавать, на счетъ, то-есть, приговора; и деньги табѣ только завтра подадутъ. Вотъ дѣло-то какое! Сотвори божескую милость! Черезъ мѣсяцъ непремѣнно доставимъ. Вы съ насъ хушь процентъ какой положьте.

Подождать я согласился, и мужики ушли крайне довольные.

XII.

Сигней, отсидѣвши свой срокъ въ острогѣ, вернулся домой въ началѣ сентября мѣсяца.

На селѣ иные зубоскалы встрѣтили его насмѣшками и попреками, впрочемъ скорѣе въ шутливомъ, чѣмъ въ озлобленномъ тонѣ; а большинство отнеслось къ нему дружелюбно, и даже какъ будто обрадовалось его возвращенію.

Однако радоваться было нечему.

Очень скоро оказалось, что Сигней вернулся домой не такимъ человѣкомъ, каковъ онъ былъ прежде... Онъ почти совершенно отказался отъ обычныхъ крестьянскихъ работъ, не исполняя ихъ даже для вида; отказался отъ своего былого вліянія на сходкахъ, говорилъ рѣдко и мало; вообще, онъ какъ-то отсторонился отъ другихъ крестьянъ, и если подъ пьяную минуту вступалъ съ ними въ бесѣду, то только для того, чтобы зло насмѣяться надъ ихъ работой, нуждой, безкормицей, и т. п. Подъ пьяную минуту онъ даже прямо хвалился тѣмъ, что безъ работы проживетъ лучше перваго богача въ деревнѣ. Мало того: онъ требовалъ поклоновъ и уваженія, грозя непокорнымъ загадочными предвѣщаніями. «Смотри, молъ, Кирюха или Андрей, какъ бы тебѣ опосля не всплакаться черезъ евто черезъ самое. И поклонился бы тогда Сигнею—да поздно будетъ».

И дѣйствительно, вслѣдъ за подобною угрозою у Кирюхи или Андрея уводили лошадей, а не то падала корова.

Сигней хотя не занимался никакою работой, находилъ однако средства пить безъ просыпа по цѣлымъ днямъ. Онъ даже купилъ хорошую корову, нѣсколько овецъ, завелъ борова для выкормки къ Рождеству, и наконецъ затѣялъ отстроить себѣ новую избу.

Между тѣмъ, въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ по возвращеніи Сигнея домой, сведены были лошади съ одиннадцати дворовъ, и обокрадены три вѣтряныя мельницы.

Стонъ и оханье поднялись во всей округѣ. Пошаливали у насъ и прежде, но не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ; а о конокрадствѣ даже и вовсе не было слышно. Поэтому легко понять, какой ужасный переполохъ произвели между крестьянами частыя кражи.

Народная молва прямо указывала на Сигнея, какъ на виновника новой бѣды. Но кражи совершались такъ тонко, съ такою, можно сказать, художественною чистотою отдѣлки, что поймать и уличить вора рѣшительно не удавалось. Сигней только посмѣивался надъ обокраденными. По времени онъ сдѣлался до того дерзокъ, что съ иныхъ богатыхъ крестьянъ даже прямо бралъ деньги, въ видѣ откупного; а тѣмъ изъ обворованныхъ, которые кричали или дѣйствовали слишкомъ энергично, намекалъ, что при случаѣ къ нимъ можно и краснаго пѣтуха пустить.

Дѣйствительно, у одного изъ этихъ несчастныхъ, Ивлея Петровскаго, въ одну прекрасную ночь сгорѣла рига и весь хлѣбъ на гумнѣ, причемъ едва-едва успѣли отстоять скирды остальной деревни.

Это произвело рѣшительную панику. Разбушевалось наше обыкновенно сонное болото: пошли толки, суды и пересуды... Но Сигнея въ глаза стали величать Евсигней Силычемъ, и въ кабакахъ онъ почти постоянно угощался на чужой счетъ.

XIII.

Однажды, въ концѣ ноября, стоялъ я у себя на дворѣ, объясняясь съ кучкою крестьянъ, во главѣ которыхъ находился уже извѣстный читателю Эльпидифоръ изъ Антоновки. Онъ очень хорошій плотникъ, и мы съ нимъ договаривались на счетъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ построекъ. (Ужъ эти мнѣ постройки! Второй годъ строюсь — а конца нѣтъ, и нѣтъ). Только-что мы

начали по шнуру разбивать мѣсто для фундамента, изъ-за амбара появился — Сигней.

«Что ему нужно?» подумалъ я съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

Пошатываясь и очевидно навеселѣ, онъ подходилъ прямо ко мнѣ.

— Здравствуйте, Сергѣй Ляксандрычъ!

— Здравствуй. Чтó угодно?

— Повидаться пришелъ къ вашей милости. Давно не видамшись, какъ быдто скучился.

— Благодарю. Только если другого дѣла нѣту, то проходи, братъ, своей дорогой, съ Богомъ. Мнѣ некогда.

— Что-жъ такъ загордѣли? А вѣдь я васъ еще не благодарилъ, по своему невѣжеству.

— За чтó?

— А въ острогѣ-то я шесть мѣсяцевъ высидѣлъ.

— Не стóитъ благодарности. При случаѣ опять постараюсь.

Сигней говорилъ такъ цинично и такимъ дерзко-вызывающимъ тономъ, что, признаюсь, я потерялъ терпѣніе и чувствовалъ, какъ кровь приливаетъ у меня къ головѣ. Невольный гнѣвъ овладѣвалъ мною.

— Вотъ ка-акъ!—протянулъ Сигней.—Ну, что-жъ... А я вѣдь, признаться, пришелъ, думалъ рублишковъ пятьдесятъ денегъ отъ васъ разжиться.

— Какихъ?

— Въ долгъ!—разсмѣялся Сигней.—Отдамъ безпремѣнно, на той недѣлѣ.

— Я не даю денегъ.

— Ну, мнѣ-то можно-бы.

— За чтó?

— За мою обиду. Вѣдь черезъ васъ я въ острогѣ-то сидѣлъ.

— Не черезъ меня, а за воровство. Послушай, ступай съ Богомъ, мнѣ некогда.

— А на счетъ денегъ?

— Если ты сейчасъ не уберешься, я прикажу тебя выгнать.

— Вотъ что-о... Нѣтъ, что-жъ, я самъ уйду. Прощенья просимъ... Только не каяться бы вамъ опосля, Сергѣй Ляксандрычъ. Построечки-то, вишь, какія новенькія, чай, подороже пятидесяти рублевъ стали.

— Ребята! — обратился я къ крестьянамъ. — Вы слышали,

чтó онъ сказалъ? Будьте свидѣтели. А я сегодня же оповѣщу исправника.

Крестьяне въ смущеніи загудѣли между собою. Видимо, никто изъ нихъ не хотѣлъ впутываться въ это дѣло.

— Чтó же я сказалъ? Ничего не сказалъ. А вы посвидѣтельствуйте барину-то!—съ усмѣшкой обратился Сигней къ крестьянамъ. — Что-жъ, посвидѣтельствуйте! Ты, Эльпидофоръ, нашелъ лошадей своихъ, ай нѣтъ? Купи, милый, новенькихъ; да смотри, получше. А то вѣдь ты—ровно жидъ; пожалуй, такихъ купишь, что съ нихъ доброму человѣку, окромя шкуры, и взять-то нечего. Ха-ха-ха!

— Ахъ ты, аспидъ анахвемскій!—бросился Эльпидофоръ впередъ съ сжатыми кулаками.—Обидѣлъ, разорилъ въ корень, кровь выпилъ—да еще смѣешься!.. Да еще мало тебѣ, анахвемѣ!.. Еще до другихъ лошадей добираешься!..

Долговязый мужичина, очевидно, потерялъ всякое самообладаніе. Глаза его налились кровью, голосъ прерывался, руки тряслись...

— Вишь! вишь!—залился хохотомъ Сигней.—Жалко мошны-то? Сколько годовъ копилъ! Небось, не то что пару, цѣлый десятокъ лошадей купишь. Развѣ вотъ, что повѣсишься съ горя, какъ денежки-то вынимать придется. Ну, ужъ только бы узнать, гдѣ у тебя копилка прятана!

— Ребята! Да что-жъ это? — завопилъ Эльпидифоръ. — Батюшка, Сергѣй Ляксандрычъ! Я вамъ посвидѣтельствую на него разбойника, христопродавца!

— По-сви-дѣ-тель-ству-ешь? — протянулъ Сигней. — А вѣдь хлѣбца-то у тебя порядочно поставлено, на гумнѣ-то. Порядочно, я видѣлъ!

Эльпидифоръ вдругъ замолчалъ, поблѣднѣлъ какъ полотно, и точно замеръ на своемъ мѣстѣ.

— Иванъ!—крикнулъ я одному изъ рабочихъ.—Садись верхомъ да поѣзжай къ старшинѣ. Попроси его сейчасъ сюда пріѣхать.

Сигней исподлобья глянулъ на меня со змѣиной ненавистью.

— Безъ старшины уйдемъ, дорогу знаемъ! — замѣтилъ онъ сердито, и ушелъ, не поклонившись.

— Зачѣмъ вы такого держите?—обратился я къ крестьянамъ.

— Да чтó съ нимъ подѣлаешь? Ужъ не то что мы, а ваша милость сами на воровствѣ его тогда поймали—ну, одначе, полгода посидѣлъ, да на насъ же его и выпустили.

— Вѣдь вы его можете сослать по общественному приговору.

— Еще деньги за его платить!—отозвался Эльпидифоръ.

— А останется здѣсь, такъ и того дороже станетъ. Мало онъ вамъ развѣ бѣды надѣлалъ?

— Объ этомъ что́ и говорить! Хуже татарскаго разоренія разорилъ!

— Такъ чего же вы смотрите?

— То-то и дѣло, что деньги надоть! — отозвался одинъ изъ липовскихъ. — Ты бы и радъ заплатилъ, да міръ великъ; двое, либо трое заартачатся — и все дѣло врозь... А онъ тебѣ припомнитъ, что ссылать-то его хотѣлъ.

XIV.

Мнѣ не пришлось посчитаться съ Сигнеемъ за его угрозы и вымогательство. Судьба разочлась съ нимъ по-своему, гораздо скорѣе и гораздо грознѣе, чѣмъ я когда-нибудь воображалъ.

Въ одно прекрасное утро, Ульянъ, между прочимъ, счелъ своимъ долгомъ сообщить мнѣ, что въ Дашкиномъ Оврагѣ найдено тѣло Сигнея.

— Какъ тѣло? — воскликнулъ я въ невольномъ удивленіи и даже страхѣ. — Развѣ онъ умеръ?

Всегда как-то особенно дѣйствуетъ извѣстіе о внезапной смерти человѣка, хотя бы и не близкаго, если вы за два, за три дня передъ тѣмъ видѣли его здоровымъ и полнымъ жизни.

— Стало быть, побывшился, — отвѣтилъ Ульянъ на мой довольно глупый вопросъ.

— Отчего-жъ онъ умеръ?

— Кто знаетъ... Сказываютъ, пилъ крѣпко въ петровскомъ кабакѣ, значитъ, съ вечера. Ну, и того... опился.

— Это вздоръ. Дашкинъ Оврагъ отъ петровскаго версты двѣ будетъ. Еслибъ опился — какъ бы онъ туда добрелъ?

— Кто-жъ его знаетъ...

— Однако, что́ говорятъ въ народѣ-то?

— Вотъ, говорятъ, опился, — не поднимая глазъ и очень сухо отвѣтилъ Ульянъ. — Мало ли слуховъ въ народѣ? На то и собака, чтобъ брехала. Извѣстно, языкъ привѣшенъ — для-че не болтать?

— Что же болтаютъ?

— Ну... болтаютъ тоже, быдто какъ убили.

— Убили?! Да вѣдь если убили, значитъ, есть знаки: голова, тамъ, у него разбита, или топоромъ изрубленъ, что-ли?

— Нѣтъ, знаковъ нѣтути никакихъ. Да вотъ дохтуръ пріѣдетъ— тогда потрошить станутъ.

Такъ я ничего больше отъ Ульяна и не добился.

Дня черезъ три нагрянуло слѣдствіе.

Слѣдствіе, впрочемъ, окончилось весьма быстро. Сигней оказался умершимъ естественною смертью: отъ удара, приключившагося вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Тѣло его предано землѣ.

Однако, когда затѣмъ прошла недѣля, или побольше, и крестьяне убѣдились, что Сигнеево дѣло въ самомъ дѣлѣ покончено разъ навсегда, ко мнѣ стали доходить съ разныхъ сторонъ настойчивые слухи о томъ, будто Сигней погибъ смертью сына Годунова. Ульянъ, въ минуту откровенности, даже сообщилъ мнѣ, что виновниками событія были по бóльшей части антоновскіе крестьяне, и во главѣ всѣхъ тотъ самый Эльпидифоръ-Длинный или Эльпидифоръ-Скаредъ, которому Сигней угрожалъ поджогомъ.

Меня заинтересовала загадка. Я твердо рѣшился поразспросить обо всемъ самого становаго, производившаго дознаніе.

Иванъ Андреичъ Пересвѣтовъ, то-есть нашъ становой, мнѣ кстати немного пріятель. На видъ ему лѣтъ сорокъ-пять; онъ весьма серьёзенъ вообще, а при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей почти суровъ. Старшины, старосты и всякія сельскія власти давно знаютъ, что съ Иваномъ Андреичемъ шутить нельзя; тѣмъ болѣе, что ихъ всѣхъ, со всѣми ихъ личными грѣшками и слабостями, Иванъ Андреичъ отлично знаетъ на перечётъ, точно также какъ онъ отлично знаетъ всѣ мѣстныя обстоятельства, нравы, обычаи и бытовыя условія крестьянства. Поэтому, при сборѣ податей, при дачѣ показаній о промысловыхъ заведеніяхъ, при долговыхъ взысканіяхъ, при развѣдкахъ на счетъ кормчества, и т. д., и т. д.—съ Иваномъ Андреичемъ надо держать ухо востро да и востро: потачекъ не любитъ! Идей онъ держится довольно отсталыхъ, и—слыхалъ я—иной разъ не брезгаетъ попользоваться кое-чѣмъ помимо казеннаго жалованья... Человѣкъ семейный! Но, съ другой стороны, Иванъ Андреичъ— *человѣкъ справедливый*, какъ выражаются о немъ крестьяне: безъ надобности *не тѣснитъ и не разоряетъ;* Иванъ Андреичъ *душу имѣетъ*, онъ *не то что, какъ по другимъ прочимъ мѣстамъ...* Однимъ словомъ, крестьяне имъ довольны, любятъ его и уважаютъ.

Я очень обрадовался, когда разъ вечеромъ, въ бурную погоду, Пересвѣтовъ заѣхалъ ко мнѣ переночевать, по случаю поднявшейся метели.

— Иванъ Андреичъ! приступилъ я къ нему за стаканомъ чая.—Скажите-ка вы мнѣ правду, по совѣсти: какъ умеръ Сигней? Это, помните, что тѣло-то нашлось въ Дашкиномъ Оврагѣ.

— Какъ умеръ? Да все такъ же, какъ и мы съ вами помремъ, я полагаю. Чтó же въ его смерти особеннаго?

— Говорятъ, будто онъ убитъ (я сказалъ, какъ именно). Ну-те-ка, между нами, объяснитесь откровенно.

— Совершенный вздоръ!—и спокойно затянулся папироской Иванъ Андреичъ.—Посудите сами: если-бы онъ былъ убитъ, хотя бы и такъ, какъ вы вотъ разсказали—все же при вскрытіи тѣла это бы непремѣнно обнаружилось, и, слѣдовательно, производилось бы слѣдствіе, дѣлались бы допросы, и пр., и пр. А ничего этого нѣтъ.

— И вы это говорите мнѣ не какъ должностное лицо, а какъ Иванъ Андреичъ Пересвѣтовъ, по-пріятельски?

— Разумѣется.

Затѣмъ Иванъ Андреичъ отхлебнулъ изъ стакана, поудобнѣе развалился на диванѣ, и повелъ такую рѣчь:

— А между прочимъ, знаете, вы меня своимъ вопросомъ навели на разныя мысли, довольно интересныя... Въ настоящемъ случаѣ ничего подобнаго нѣтъ. Но предположите, что Сигней въ самомъ дѣлѣ былъ бы убитъ. Какъ тутъ разсудить дѣло? Наказать виновныхъ? Оно, конечно, это по закону и просто, и ясно. Но опять, если вникнуть въ положеніе крестьянъ. Заводится между ними вотъ этакій Сигней, съ которымъ нельзя сладить никоимъ образомъ. Онъ ихъ и грабитъ, и жжетъ, и разоряетъ на каждомъ шагу. Какъ тутъ быть? Отдѣлаться обыкновеннымъ способомъ—нельзя. Сослать бы по приговору на поселеніе—оно бы пожалуй: ужъ куда бы ни шла трудовая мужицкая денежка! Но вѣдь пока состоится ссылка—злодѣй десять разъ успѣетъ спалить всю деревню изъ мести. Какъ тутъ быть, скажите? Крестьяне пожалуй могутъ рѣшиться расправиться своимъ судомъ. На такое дѣло идетъ ихъ пятнадцать, двадцать человѣкъ—все самый трудовой, самый дѣльный народъ, именно тѣ люди, которые любятъ свою собственность, потому что знаютъ ей цѣну, добывъ ее кровавымъ пóтомъ. Какъ поступить съ этими людьми?! Разорить, погубить ихъ, сослать на каторгу двадцать честныхъ работниковъ за то, что они вздумали отстоять свой трудовой кусокъ хлѣба

отъ одного развратнаго лѣнтяя?... Я, разумѣется, все это говорю примѣрно; ничего подобнаго у насъ, слава Богу, не было, и Сигней умеръ просто отъ пьянства. Но если-бъ случилось, какъ бы вы поступили на мѣстѣ слѣдователя, Сергѣй Александрычъ? Мнѣ очень интересно знать ваше мнѣніе.

— Однако, нельзя же дозволять самосудъ!..

— Разумѣется, нельзя: не порядокъ, чтó и говорить! Такъ какъ же, значитъ, вы бы все-таки нашли справедливымъ сослать ихъ на каторгу?

Я не тотчасъ отвѣчалъ, а Иванъ Андреичъ воспользовался моимъ молчаніемъ и перемѣнилъ разговоръ.

Ѳ. Ромеръ.

ПИТЕЙНОЕ ДѢЛО
И
КАБАЦКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ

I.

Отношеніе общества и печати къ вопросу о пьянствѣ и дѣйствительное положеніе питейнаго дѣла въ Россіи.—Взглядъ на него законодательства.—Административное гоненіе на кабаки и его послѣдствія.

Никогда, къ сожалѣнію, неумирающій у насъ вопросъ о пьянствѣ и тѣсно связанный съ нимъ кабацкій вопросъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые, казалось бы, не могутъ подать повода къ недоразумѣніямъ и спорамъ, такъ какъ относительно ихъ, повидимому, не можетъ существовать двухъ различныхъ мнѣній. Но на дѣлѣ до сихъ поръ выходило иначе, и мнѣнія высказывались не только различныя, но и противоположныя. Въ зависимости отъ такой борьбы мнѣній находились, конечно, и мѣры, принимаемыя противъ пьянства. Въ послѣднее время одержало верхъ то мнѣніе, что вся бѣда въ многочисленности кабаковъ, и при этомъ не обратили вниманія на то, что численность кабаковъ есть только послѣдствіе спроса, а не причина его. Соотвѣтственно такому мнѣнію, думали уменьшеніемъ числа кабаковъ достигнуть уменьшенія пьянства; это и было бы вѣрно, еслибы отъ числа кабаковъ зависѣла степень пьянства въ народѣ. Но ограниченіе числа кабаковъ, преслѣдованіе ихъ и затрудненіе къ открытію произвели совсѣмъ другія послѣдствія, а всего

менѣе подѣйствовали на уменьшеніе пьянства. Эти послѣдствія до сихъ поръ остаются мало замѣтными для общества, и даже печать не касалась ихъ. Между тѣмъ нашлись эксплуататоры добрыхъ намѣреній общества, убѣжденнаго, что закрытіе кабаковъ одно можетъ уничтожить пьянство, и подъ защитою этого убѣжденія начали обдѣлываться дѣла, нисколько не лучшія того зла, съ которымъ общество выступило на борьбу. Медаль, оказалось, имѣетъ оборотную сторону; указать на эту оборотную сторону составляетъ главную задачу настоящей статьи.

Пьянство есть и было всегда однимъ изъ тяжкихъ золъ, удручающихъ русскій народъ и тормазящихъ развитіе у насъ народнаго хозяйства и улучшеніе народнаго благосостоянія. До начала шестидесятыхъ годовъ противъ пьянства въ Россіи не только ничего не предпринималось, но, напротивъ, оно пользовалось нѣкотораго рода покровительствомъ со стороны закона и властей,— больше народъ пилъ—больше было доходу откупщикамъ, а откупщики представляли силу, которой не очень-то легко было перечить. Съ уничтоженіемъ откуповъ и введеніемъ новой акцизной системы были приняты законодательствомъ нѣкоторыя ограничительныя мѣры противъ пьянства,—или, вѣрнѣе, законодательство предоставило самому обществу, черезъ посредство общественныхъ учрежденій, возможность предохраненія себя отъ чрезмѣрнаго развитія потребленія крѣпкихъ напитковъ и контролированія благонадежности виноторговцевъ, которымъ общество могло разрѣшить или не разрѣшить производство питейной торговли. Въ этихъ предѣлахъ представлялось возможнымъ и наблюденіе за правильностью питейной торговли, и преслѣдованіе вредныхъ ея уклоненій; но для противодѣйствія пьянству и чрезмѣрному потребленію вина народомъ, надлежало идти инымъ путемъ, — изыскивая самыя причины, которыя вызываютъ и поддерживаютъ у насъ существованіе пьянства, и стараясь уже прямо дѣйствовать и влiять на эти самыя причины, а не на послѣдствія ихъ. Не доискиваясь до причины явленія и не будучи, притомъ, въ силахъ сдѣлать что бы то ни было для устраненія его, общество ухватилось за первое средство, которое попалось ему подъ руку и казалось дѣйствительнымъ, такъ какъ вслѣдствіе примѣненія его—зло скрывалось съ поверхности. Началось преслѣдованіе кабаковъ, выразившееся—сначала въ пензенской губерніи, а потомъ и въ нѣсколькихъ другихъ—въ закрытіи кабаковъ, составленіи сельскими обществами приговоровъ противъ пьянства, учрежденіи обществъ трезвости и т. п. Все это дѣлалось съ самою благою цѣлью, и, ограничивая число кабаковъ, думали достигнуть иско-

ренения зла, а на дѣлѣ было достигнуто совсѣмъ другое, а именно, безобразная нажива низшаго класса виноторговцевъ, кабатчиковъ и всѣхъ, кто непосредственно заинтересованъ въ низшемъ видѣ питейной торговли. Народъ и даже винокуренные заводчики и казна остались тутъ не при чемъ. Дѣло въ томъ, что пьянство, какъ при настоящихъ условіяхъ питейной продажи, такъ и при обыкновенныхъ нормальныхъ, нисколько или лишь въ самой малой мѣрѣ зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго числа *явныхъ* питейныхъ заведеній, а обусловливается общимъ строемъ жизни народонаселенія, условіями его быта, его экономическимъ положеніемъ. Эти же условія день ото-дня не измѣняются, и измѣненіе ихъ во всякомъ случаѣ не во власти низшихъ и высшихъ чиновъ мѣстной администраціи, не во власти даже отдѣльныхъ представителей самого народонаселенія. Единственное, что̀ можетъ имѣть вліяніе въ этомъ случаѣ, это сознаніе самого общества и притомъ всего общества, но это сознаніе должно быть свободнымъ, самопроизвольнымъ и искреннимъ; къ нему нельзя примѣнять никакихъ своекорыстныхъ интересовъ и побужденій, и оно не должно идти въ разрѣзъ съ основными началами свободы въ питейной промышленности, такъ какъ этими началами обусловливается правильное и нормальное ея теченіе, одинаково важное и съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ, и съ точки зрѣнія государственной казны. Внѣ этихъ началъ—монополія и откупъ, эксплуатація народа и превращеніе виноторговли чуть ли не въ средство открытаго грабежа,—факты, достаточно извѣданные русскимъ народомъ во времена, недоброй памяти, откупного порядка. Между тѣмъ, сознательное и притомъ дѣйствительное противодѣйствіе чрезмѣрному развитію потребленія горячихъ напитковъ и борьба съ пьянствомъ возможны и въ предѣлахъ свободной торговли; но эта борьба должна вестись не такъ, какъ она ведется въ настоящее время. Изъ настоящаго очерка читатель, быть можетъ, пойметъ, что̀ въ дѣйствительности имѣетъ у насъ мѣсто подъ видомъ стремленія къ ограниченію пьянства, и къ чему на самомъ дѣлѣ такое ограниченіе приводитъ.

Все, что̀ мы приведемъ по этому поводу, будетъ взято нами изъ жизни; изъ жизни же мы возьмемъ и тѣ основанія, которыя могутъ быть положены для дальнѣйшей организаціи питейной торговли на будущее время, безъ нарушенія правильныхъ экономическихъ началъ ея, какъ промышленности, но съ предоставленіемъ въ то же время самому обществу возможности оградить себя противъ чрезмѣрнаго, вреднаго для матеріальнаго благосо-

стоянія народа и для народной нравственности, ничѣмъ нестѣсненнаго, безконтрольнаго ея развитія.

Въ «кабацкомъ вопросѣ» есть одно положеніе, которое представляется основнымъ, хотя оно обыкновенно не только игнорируется, но и считается парадоксальнымъ. Между числомъ питейныхъ заведеній и степенью пьянства народонаселенія невозможно искать никакой связи. Число питейныхъ заведеній можетъ быть весьма значительнымъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ пьянство нисколько не представляется развитымъ, и наоборотъ. Мы могли бы привести въ подтвержденіе того длинный рядъ статистическихъ данныхъ; но вотъ—фактъ. Если бы отношеніе числа кабаковъ къ населенію имѣло значеніе, то пришлось бы предположить, что пьянство наиболѣе развито въ губерніяхъ: херсонской, гдѣ въ 1874 году одно мѣсто продажи крѣпкихъ напитковъ приходилось на 245 душъ; екатеринославской—одно на 300 душъ; гродненской—1 : 310; лифляндской—1 : 315; бессарабской—1 : 338; таврической—1 : 340; волынской—1 : 358; харьковской—1 : 430, и вообще въ губерніяхъ новороссійскихъ, малороссійскихъ, юго-западныхъ, сѣверо-западныхъ и балтійскихъ,—и наоборотъ, наиболѣе трезвыми пришлось бы признать губерніи: вологодскую (одно мѣсто продажи на 1100 душъ), олонецкую и казанскую—1 : 1000 душъ, архангельскую—1 : 856, симбирскую—1 : 830, костромскую—1 : 822, новгородскую—1 : 760, тверскую—1 : 670, смоленскую—1 : 635, владимірскую—1 : 633, калужскую—1 : 620, нижегородскую—1 : 600, тульскую—1 : 515 и прочія центральныя великороссійскія и восточныя губерніи. Между тѣмъ, эти-то именно губерніи и представляютъ собою настоящія гнѣзда пьянства, въ то время, какъ въ первыхъ жалобъ на пьянство почти не слышится, хотя средняя цифра потребленія вина на душу тамъ значительно выше, нежели во вторыхъ. Въ 1867 году годовая цифра потребленія вина составляла въ западныхъ, сѣверо- и юго-западныхъ (то-есть, въ такъ-называемыхъ бывшихъ привилегированныхъ губ.) 1,11 вед. вина въ 40° на душу; въ губерніяхъ великороссійскихъ — 0,86 вед.; въ 1868 г.: 1,05 въ первыхъ, и 0,90 во вторыхъ. Отсюда вытекаетъ между прочимъ и то, что между размѣрами потребленія вина и пьянствомъ, точно такъ же, какъ между пьянствомъ и числомъ кабаковъ, невозможно искать никакой связи. Общій размѣръ средняго годового потребленія вина на душу въ Россіи (отъ 0,85 до 1,05 ведра на единицу населенія) вовсе не высокъ, если принять въ соображеніе,

что въ Даніи, напримѣръ, приходится среднимъ числомъ болѣе 1,58 ведр. 40-градуснаго вина на душу, въ Бельгіи—1,33 вед. и т. д. Между тѣмъ потребленіе алкоголя, *при настоящихъ условіяхъ жизни и питанія русскаго народа*, представляется потребностью организма крестьянина, и стараться только объ одномъ —*объ* уменьшеніи размѣровъ этого потребленія, значитъ стараться объ ухудшеніи условій жизни нашего народа, такъ какъ только алкоголемъ крестьянинъ восполняетъ недостаточность своего питанія, отсутствіе тепла и т. п. Запретить ему алкоголь, все равно, что воспретить англичанину мясо, или лапландцу рыбій жиръ.

Какова же фактическая картина современнаго положенія питейнаго дѣла въ Россіи, подъ вліяніемъ мысли, что стóитъ только закрыть всѣ кабаки—и пьянства не будетъ, а также и подъ вліяніемъ нѣкоторой неопредѣленности нашего законодательства о питейной торговлѣ по отношенію къ тому, чтó касается предупрежденія монополіи въ питейной продажѣ, фальсификаціи продукта и т. п.?

По силѣ нынѣ дѣйствующаго законодательства (Уст. о пит. сб., ст. 6), «продажа оптовая и раздробительная оплаченныхъ акцизомъ напитковъ и издѣлій изъ оныхъ составляетъ предметъ вольнаго промысла; опредѣленной цѣны напиткамъ и числа мѣстъ продажи оныхъ не назначается».

Еще до введенія въ дѣйствіе положенія о питейномъ сборѣ 1861 г., государственный совѣтъ, при обсужденіи основныхъ началъ будущей системы, призналъ, что «ограниченіе числа питейныхъ домовъ, какъ мѣра къ уменьшенію пьянства, само по себѣ лишено правильнаго основанія, такъ какъ хотя установленіе ограниченнаго числа питейныхъ домавъ и препятствуетъ въ удаленныхъ отъ нихъ мѣстахъ покупкѣ вина, но за то, гдѣ оные существуютъ, преподаетъ всѣ средства къ пьянству». Общее собраніе государственнаго совѣта, обсуждая тогда же тотъ же вопросъ, въ свою очередь нашло, что «ограничивать число мѣстъ продажи вина, въ видахъ охраненія народной нравственности, было бы неудобно уже потому, что мѣста сіи и при ограниченіи числа оныхъ все-таки оставляются въ значительномъ числѣ, и тамъ, гдѣ они находятся, нравственность не только не охраняется, а напротивъ того, подрывается тѣмъ, что питейные дома, которые, при достаточномъ числѣ ихъ, могли бы быть мѣстами обыденнаго умѣреннаго употребленія вина, обращаются при скопленіи въ нихъ народа въ дѣйствительныя пристанища разврата».

Ограниченіе числа мѣстъ продажи, по мнѣнію государственнаго совѣта, «стѣснительно и для частной промышленности, и для потребителей, потому что при этомъ всегда является монополія и злоупотребленія. Будутъ ли мѣста сіи отданы въ содержаніе съ торговъ или инымъ способомъ, содержатели ихъ, при отсутствіи свободной конкурренціи, сдѣлаются монополистами и будутъ продавать вино дорого и дурного качества» [1]). Въ то же время, для вящшаго огражденія торговли отъ самой возможности возникновенія монополіи, правительство постановляло, что «питейная продажа, въ мѣстахъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, не можетъ быть отдаваема исключительно одному лицу или какимъ-либо образомъ стѣсняема въ пользу одного или нѣсколькихъ лицъ [2]). Впослѣдствіи это постановленіе было дополнено и измѣнено въ слѣдующемъ смыслѣ [3]): «приговоры, постановленія и условія, на основаніи коихъ учрежденія, общества и лица дозволяютъ кому-либо продажу крѣпкихъ напитковъ въ данной мѣстности со взиманіемъ опредѣленной платы, собственно за право торговли напитками, считаются недѣйствительными и патенты по такимъ приговорамъ не выдаются. Равномѣрно недѣйствительны постановленія и приговоры объ отдачѣ на земляхъ, непринадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, питейной продажи исключительно одному или нѣсколькимъ лицамъ въ видѣ монополіи». Но въ то же время, въ видахъ установленія контроля самого населенія надъ мѣстами продажи, законодательство ставило возникновеніе послѣднихъ въ зависимость отъ согласія въ городахъ—думъ, въ селеніяхъ—сельскихъ сходовъ и т. п.

Отъ этихъ основныхъ принциповъ вошедшей въ дѣйствіе съ 1-го января 1863 года системы законодательство не отступало до самаго послѣдняго времени, только расширяя понемногу, съ цѣлью ограниченія размѣровъ потребленія и охраны народной нравственности,—права общественныхъ учрежденій на разрѣшеніе питейной продажи и обставляя послѣднюю все болѣе и болѣе строгими внѣшними, формальными условіями, возвышая постепенно размѣръ акциза, съ цѣлью поднятія продажной стоимости вина, и размѣръ патентнаго сбора,—съ цѣлью уменьшенія числа питейныхъ заведеній. Исключеніе составляютъ только временно и въ видѣ опыта введенныя особыя правила для обоихъ столицъ, Одессы и петербургской губерніи.

---

1) Свѣдѣнія о питейныхъ сборахъ въ Россіи, т. V. Спб. 1860 г.

2) Ст. 245 Полож. о пит. сбор. 1861 г.

3) Прим. 3 къ ст. 310 Уст. о пит. сб., изд. 1867 г.

Въ основу всего нашего законодательства о питейной торговлѣ легло, такимъ образомъ, начало экономической свободы, согласно которому, питейная торговля, какъ и всякая другая, имѣла подчиняться только условіямъ спроса и предложенія, условіямъ, которыя, по убѣжденію самого правительства, выходили изъ круга его дѣйствія и являлись послѣдствіями гораздо болѣе глубокихъ законовъ экономической жизни, привычекъ, потребностей и всей обстановки, всего склада жизни русскаго народа. Но не такъ вышло это на практикѣ.

Въ пензенской губерніи, въ теченіи одного года, къ 1-му января 1874 года, составлено было разными крестьянскими обществами болѣе 1200 приговоровъ трезвости. Но немногимъ извѣстно, съ чего и какъ это дѣло началось, и въ чемъ собственно оно состояло?

Началось дѣло такъ: крестьяне села Поливанова, керенскаго уѣзда, поссорились съ цѣловальникомъ, снявшимъ у сосѣдняго помѣщика принадлежащій ему кабакъ; поссорились они изъ-за того, что новый цѣловальникъ отказался платить обществу тѣ деньги, которыя платилъ ему прежній содержатель того же кабака. Крестьяне, въ отместку, согласились не ходить въ кабакъ до тѣхъ поръ, пока цѣловальникъ не уломается и денегъ имъ не выдастъ. О томъ узналъ мировой посредникъ г. Ѳ....., явился въ Поливаново, собралъ сходъ и велѣлъ составить приговоръ такого рода, что крестьяне, познавъ вредъ пьянства и убѣдившись доводами своего посредника, рѣшили впредь въ кабакъ отнюдь не ходить и вина не пить. Приговоръ этотъ г. Ѳ...., при донесеніи, тотчасъ же препроводилъ губернатору и тѣмъ временемъ распорядился, чтобы за исполненіемъ приговора слѣдили сельскія власти, а виновныхъ въ неисполненіи постановленія сталъ наказывать, сначала штрафомъ и арестомъ, потомъ розгами. Получивъ отъ начальства благодарность, г. Ѳ.... отправился по всѣмъ селамъ и деревнямъ своего участка, составлять приговоры, которые съ слѣдующей же почтой и препроводилъ къ губернатору. Нѣсколько приговоровъ напечатано было въ мѣстной газетѣ. Сотоварищи г. Ѳ.... повторили его пріемъ, и каждая почта приносила въ губернію массы приговоровъ; гидра пьянства казалась побѣжденной, уничтоженной навсегда.

Но что̀ это были за приговоры, какъ они составлялись и какъ потомъ соблюдались,—это необходимо объяснить. Приведу прежде всего примѣръ того, насколько эти приговоры составлялись по собственной инниціативѣ и по дѣйствительному убѣжденію крестьянъ. Вотъ, для образца, выдержки изъ предписанія, съ

которымъ одинъ изъ мировыхъ посредниковъ обратился къ архангельскому волостному правленію: «немедленно, по полученіи сего, предписываю собрать сходъ и предложить мое мнѣніе: 1) всѣ буйства, кражи, даже своего собственнаго имущества, все это производится и сбывается въ питейныхъ домахъ; 2) молодые люди, которымъ не слѣдовало бы вовсе пить, укрываются отъ своихъ родителей и тѣмъ портятъ свою нравственность; 3) всѣ пьянства, буйства, волненія на улицѣ происходятъ отъ употребленія вина въ питейныхъ домахъ. Я не говорю о томъ, чтобы вовсе не пить, но пить слѣдуетъ не въ кабакахъ, а дома»,—далѣе идетъ извѣстное поученіе насчетъ «рюмки вина передъ обѣдомъ», и проч. «и потому я приказываю волостному старшинѣ съ писаремъ: прочитать внятно мое предписаніе, растолковать и выяснить крестьянамъ всю пользу моего предложенія, и своимъ вліяніемъ на нихъ непремѣнно склонить къ принятію сего,—а для того, чтобы это было не на словахъ только, а на дѣлѣ,—составить приговоръ, и избрать въ каждомъ обществѣ по два человѣка самыхъ строгихъ правилъ и нравственныхъ, которые бы, вмѣстѣ со старостой, имѣли наблюденіе за исполненіемъ сего приговора. Кто окажется виновнымъ въ томъ, что пьетъ вино въ питейномъ домѣ, на первый разъ наказывать штрафомъ въ 1 рубль, второй разъ—2 руб. и т. д., прибавляя за каждый разъ по одному рублю»...

А вотъ и самый приговоръ, послѣдовавшій вслѣдъ за этимъ представленіемъ: «Приговоръ Кучукъ-Пора, архангельской волости. Мы, крестьяне, на полномъ волостномъ сходѣ, апрѣля 18-го дня 1873 года, слушавъ предписаніе мирового посредника, послѣдовавшее нашему волостному правленію, постановляемъ: изъявить ему, чрезъ старшину, чувствительную нашу благодарность за поученіе и поставить въ обязанность вина въ кабакахъ или лавочкахъ не пить». Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе предложенныхъ мировымъ посредникомъ наказаній. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ мировые посредники были построже, наказанія назначались гораздо болѣе значительныя, доходили до 3—4 руб. штрафу, иными приговорами—назначался арестъ на 3, на 6 дней, даже розги, до 20-ти ударовъ,—и все это по совѣту, или по предложенію гг. мировыхъ посредниковъ. Но достаточно знать характеръ отношеній, существовавшихъ между посредниками и крестьянами, чтобы понять, что̀ значатъ въ дѣйствительности «совѣтъ или предложеніе» мирового посредника, и что̀ такое «вліяніе волостного старшины и писаря на сходъ». Крестьяне, съ которыми мнѣ случалось говорить по этому поводу, въ пензен-

свой губерніи, иногда въ тѣхъ самыхъ селеніяхъ, гдѣ только-что передъ тѣмъ были подписаны приговоры, просто недоумѣвали по поводу этой напасти и очень наивно спрашивали: «какой такой вышелъ новый законъ»... и чрезвычайно удивлялись, когда я имъ разъяснялъ, что никакого новаго закона не выходило и что приговоры постановляются ими по собственному желанію и побужденію...

Въ другихъ случаяхъ было еще лучше: крестьяне иныхъ деревень, приговоры которыхъ также красовались въ Пензѣ, въ канцеляріи начальства, сами ничего о томъ не знали и не подозрѣвали даже, что они составили какой-то приговоръ;—писались эти приговоры иногда просто въ волостномъ правленіи писаремъ, по заранѣе данной отъ посредника формѣ, а за неграмотностью членовъ общества, подписывался какой-нибудь одинъ мужикъ, который, можетъ быть, даже и не интересовался узнать, чтó такое онъ подписываетъ (мнѣ пришлось видѣть цѣлую книгу приговоровъ изъ керенскаго уѣзда, которые были буквально списаны одинъ съ другого,—и всѣ подписаны одною рукою—крестьянина Василія Струева). Въ одномъ изъ видѣнныхъ мною въ Пензѣ крестьянскихъ приговоровъ поименовано было, какъ присутствовавшихъ на сходѣ, всего 38 крестьянъ, между тѣмъ въ селѣ Черкасскомъ насчитывается 874 души и 276 домохозяевъ. Но составители всѣхъ этихъ приговоровъ заботились не о дѣлѣ; въ большинствѣ случаевъ и мировые посредники, и крестьяне, и даже сами кабатчики отлично понимали, что все это продѣлывается только для виду, на показъ губернской администраціи. Серьёзныхъ приговоровъ, приговоровъ, могущихъ имѣть дѣйствительныя послѣдствія, напримѣръ, о *совершенномъ* закрытіи кабаковъ,—было весьма мало,—изъ 1200 не болѣе 40; остальные всѣ заключались въ томъ, чтобы не посѣщать кабака для распитія въ немъ вина, а только для покупки, и пить вино на дому, въ кругу семейства и пр.; были приговоры объ открытіи въ деревняхъ чайныхъ,—были и такіе, гдѣ говорилось просто, что «хотя кабака въ нашей деревнѣ не имѣется, но и впредь таковаго имѣть не желаемъ». Впрочемъ, и тѣ приговоры, которыми воспрещалось распитіе вина въ кабакахъ, нигдѣ не соблюдались, или соблюдались только въ первое время, пока слѣдило начальство; штрафы и наказанія не налагались, или, если налагались, то—виномъ же. Такъ, въ селѣ Старомъ-Воловомъ, чембарскаго уѣзда, поймали какъ-то въ питейномъ домѣ, за полуштофомъ, четырехъ крестьянъ, въ томъ числѣ Михайлу Мартьянова и Дмитрія Майорова, которые принадлежали къ обществу,

давшему приговоръ. Сельское начальство намѣревалось-было посадить ихъ подъ арестъ, но Мартьяновъ выставилъ четверть вина, и все дѣло кончилось къ обоюдному удовольствію,—а цѣловальникъ даже остался въ барышахъ, такъ какъ у него, вмѣсто полуштофа, вышла четверть. Вообще, по отзывамъ лицъ, близко знающихъ питейное дѣло въ пензенской губерніи, приговоры трезвости представляются очень выгодными для цѣловальниковъ, такъ какъ вина выходитъ гораздо болѣе, чѣмъ прежде: вино идетъ на угощеніе деревенскаго начальства и поставленныхъ отъ него сторожей,—а въ случаѣ поимки виновныхъ,—виномъ же берутся съ нихъ штрафы. Судя по тому, что̀ разсказывалъ мнѣ одинъ мировой посредникъ пензенскаго уѣзда, авторъ многихъ приговоровъ и въ то же время самъ владѣлецъ цѣлой сотни кабаковъ (и такіе курьёзы тамъ случаются),—въ иныхъ мѣстахъ крестьяне распоряжаются еще проще: кабакъ, напримѣръ, одинъ, а возлѣ него усадьбы двухъ сельскихъ обществъ, давшихъ приговоры. Сегодня у кабака стоятъ сторожа́ отъ деревни В. и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы не ходили въ кабакъ ихъ односельцы,—до другихъ имъ нѣтъ дѣла,—въ кабакѣ гуляетъ деревня А.; назавтра сторожа отъ деревни А,—очередь гулять за деревнею В.;—такимъ образомъ, и сторожа свое дѣло строго исполняютъ, никого изъ своихъ въ кабакъ не пускаютъ, да и трудъ распредѣленъ: сегодня отъ одной деревни у кабака караулъ стоитъ, завтра отъ другой, пьянствуетъ же каждая деревня по прежнему, но только черезъ день,—и то прогрессъ. А приговоры трезвости отъ этихъ деревень были между тѣмъ напечатаны въ губернскихъ вѣдомостяхъ, и начальство ими утѣшалось и благодарило автора за заботу о благѣ народномъ, хотя проще было бы, кажется, и ближе къ цѣли, посовѣтовать этому «автору» закрыть хоть часть изъ принадлежащей самому ему сотни кабаковъ.

Это неискреннее отношеніе къ дѣлу, эта недобросовѣстность со стороны большинства нашихъ quasi-гонителей пьянства изъ числа чиновъ администраціи, болѣе всего поражаютъ безпристрастнаго наблюдателя и возмущаютъ его нравственное чувство; пьянство, при такомъ образѣ дѣйствія, нисколько не сокращается, но въ то же время народъ еще болѣе развращается, пріучается ко лжи, къ обману. Народу говорятъ прямо: вы только кабаковъ открывать не смѣйте, а пить—пейте себѣ сколько душѣ угодно, торгуйте виномъ потихоньку, хоть въ разворъ пропивайтесь, мы васъ тревожить не будемъ,—лишь бы начальство о томъ не провѣдало. Нѣчто подобное дѣлается теперь чуть ли не повсемѣстно, по крайней мѣрѣ, въ великороссійскихъ и восточныхъ губер-

ніяхъ и въ Сибири, и результаты такого образа дѣйствія, очевидно, таковы, какими они только и могутъ быть: повсемѣстная безпатентная продажа, тайное пьянство,—а тамъ, гдѣ полиція еще строже и самое пріобрѣтеніе вина затрудняется, даже тайная выдѣлка вина на тайныхъ винокуренныхъ заводахъ.

Мы нисколько не преувеличиваемъ. Въ воронежской губерніи, напримѣръ, въ богучарскомъ уѣздѣ, полиція, въ образѣ становыхъ приставовъ, явилась на сельскіе сходы и воспретила, подъ разными угрозами, сельскимъ сходамъ выдавать приговоры на открытіе кабаковъ, а начальству утверждать ихъ. Въ екатеринославской губерніи бывшіе мировые посредники прилагали всѣ свои усилія и, подобно пензенскимъ, употребляли все свое *вліяніе* на крестьянъ, чтобы не допускать ихъ до выдачи разрѣшеній на открытіе питейныхъ домовъ. Въ симбирской губерніи начальство не дозволяетъ вовсе открытія такъ-называемыхъ временныхъ выставокъ на ярмаркахъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ярмарки происходятъ въ мѣстахъ ненаселенныхъ и гдѣ нѣтъ никакихъ питейныхъ заведеній (очевидно, что подобною мѣрою только прямо вызывается безпатентная продажа, такъ какъ ярмарка безъ вина немыслима). Въ восточной Сибири формальное разслѣдованіе обнаружило, говорятъ, прямое участіе чиновъ полиціи и прочихъ властей въ ограниченіи и стѣсненіи питейной торговли. Въ западной Сибири такой же образъ дѣйствія администраціи вызвалъ, наконецъ, распоряженіе начальства о прекращеніи противозаконныхъ поступковъ чиновъ мѣстной полиціи по вмѣшательству ихъ въ дѣло выдачи разрѣшеній на открытіе мѣстъ питейной продажи, и т. д.

Послѣдствія такого порядка вещей не замедлили явиться; прежде всего, конечно, они отразились на значительномъ сокращеніи числа мѣстъ питейной продажи и на повсемѣстной, затѣмъ, съ поразительною быстротою развившейся, тайной безпатентной продажѣ. Тайная продажа вина стала принимать всѣ формы и образы и сдѣлала то, что, несмотря на значительное сокращеніе числа явныхъ кабаковъ, размѣры потребленія вина, за немногими исключеніями, не только не уменьшились, а напротивъ, мѣстами даже возросли. Въ воронежской губерніи, напримѣръ, тамъ, гдѣ прежде было 2—3 явныхъ кабака, съ закрытіемъ ихъ появилось 10—15 мѣстъ тайной продажи, и въ иныхъ селеніяхъ крестьяне прямо заявляютъ, что у нихъ теперь чтó ни домъ, то кабакъ; извѣстны даже случаи продажи вина въ развозъ и въ разносъ. Въ пензенской губерніи тайная продажа достигла небывалыхъ прежде размѣровъ и являлась подъ всевоз-

можными видами. Вмѣсто питейныхъ заведеній во многихъ селеніяхъ устроились, напримѣръ, по инщіативѣ властей, чайныя (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, за отсутствіемъ желающихъ, содержателями такихъ чайныхъ являлись, по приказанію мировыхъ посредниковъ, волостные писаря); при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что чайныя незамедлили обратиться къ той же безпатентной продажѣ, такъ какъ въ нихъ неоднократно обнаруживаема была продажа посѣтителямъ вина, изъ чайниковъ, подъ названіемъ «холоднаго чаю»; мнѣ пришлось самому просматривать нѣсколько возбужденныхъ по этому поводу дѣлъ. Въ самарской губерніи, въ уѣздахъ: бузулукскомъ, бугурусланскомъ и николаевскомъ, гдѣ, въ 1873 году, по случаю голода, закрыты были всѣ мѣста раздробительной продажи вина,—въ значительной мѣрѣ увеличилось число оптовыхъ складовъ и не замедлили обнаружиться случаи раздробительной продажи вина изъ складовъ, и рядомъ съ тѣмъ возникла безпатентная продажа. Въ прежніе годы въ этихъ мѣстностяхъ никогда не возбуждалось противъ тайной продажи болѣе 12 дѣлъ въ годъ; послѣ же, несмотря на дѣйствительно бѣдственное положеніе края, въ теченіи одного года возбуждено было 147 дѣлъ такого же рода. Въ казанской губерніи, при все бо́льшемъ и бо́льшемъ стѣсненіи открытія питейныхъ заведеній, стало вдругъ быстро увеличиваться число погребовъ съ продажею «русскихъ виноградныхъ винъ»; въ 1872 году ихъ было всего 3, въ 1873 году—13, въ 1874—63 (извѣстно, однакоже, что въ казанской губерніи виноградъ не родится). При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что въ этихъ погребахъ, подъ видомъ «русскаго виноградняго вина», продается простая водка, слегка только подкрашенная на манеръ краснаго вина. Въ Сибири, гдѣ мѣстами, по настоянію администраціи, кабаковъ не открывается вовсе, невозможно, какъ утверждаютъ, отличить тѣ селенія, гдѣ кабаки еще остались, отъ тѣхъ, гдѣ ихъ больше не имѣется: пьяные и здѣсь и тамъ попадаются одинаково часто, а послѣдствія пьянства оказываются даже болѣе вредными въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ явныхъ питейныхъ заведеній, такъ какъ пьянство, прежде сосредоточенное въ кабакахъ, теперь вносится въ дома, становится явленіемъ повседневнымъ:—идти въ кабакъ и напиться въ будни иной мужикъ считалъ постыднымъ, а въ своей избѣ кто его увидитъ, было бы только вино; несравненно болѣе прежняго, при этомъ, какъ говорятъ, пьянствуютъ и бабы, которымъ ходить въ кабакъ тоже считалось зазорнымъ. Съ малолѣтства пріучаются къ вину и пьянству—дѣти!

Стѣсненіе продажи вина и запрещеніе открывать питейныя заведенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они безусловно необходимы, повсемѣстно имѣетъ, какъ мы видѣли, прямымъ своимъ послѣдствіемъ тайную продажу вина; въ такихъ же глухихъ мѣстахъ, какъ Сибирь, гдѣ надзоръ и преслѣдованіе еще затруднительнѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи,—является даже и тайная выдѣлка вина на тайныхъ винокуренныхъ заводахъ, которые въ Западной Сибири въ послѣднее время уже не разъ бывали обнаруживаемы акцизными чиновниками.

Въ сентябрѣ 1875 года, напримѣръ, помощникъ акцизнаго надзирателя г. Ковалевскій открылъ въ тобольскомъ округѣ два такихъ завода (по мѣстному названію *каштаки*). На допросѣ крестьяне показали, что корчемная выкурка вина появилась у нихъ именно съ того времени, какъ исправникъ и засѣдатель стали требовать приговоровъ противъ открытія питейныхъ заведеній. Повинуясь начальству, крестьяне кабаки прикрыли, такъ что во всей ашлыкской волости, насчитывающей 30 почти деревень, осталось одно только питейное заведеніе въ деревнѣ Петровской, между тѣмъ какъ прежде ихъ было до 8, и тогда, въ деревняхъ, удаленныхъ отъ питейнаго заведенія на 90 и на 100 верстъ, крестьяне принялись за тайное винокуреніе.

Тайное винокуреніе составляетъ въ настоящее время, какъ утверждаютъ лица, близко знакомыя съ краемъ, явленіе вовсе не исключительное въ Сибири и не ограничивающееся однимъ тобольскимъ округомъ. Оно распространено по всей томской губерніи, въ особенности въ маріинскомъ золотопромышленномъ округѣ и на Алтаѣ: въ барнаульскомъ, бійскомъ и кузнецкомъ округахъ, въ тобольской губерніи, въ тобольскомъ и туринскомъ округахъ и т. п. О размѣрахъ, которые принимаетъ тайное винокуреніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можно судить по тому, что, напримѣръ, на двухъ открытыхъ въ деревнѣ тальшенской, барнаульскаго округа, каштакахъ, совокупная ёмкость квасильной посуды составляла до 500 ведеръ. Открытіе корчемныхъ заводовъ акцизными чиновниками представляетъ огромныя затрудненія,—въ тайномъ винокуреніи участвуетъ обыкновенно вся деревня, съ волостными и сельскими властями во главѣ;—со стороны же чиновъ полиціи и администраціи тайная выдѣлка вина встрѣчаетъ, повидимому, гораздо менѣе противодѣйствія, нежели открытіе явныхъ питейныхъ заведеній, съ установленными закономъ патентами...

Къ сожалѣнію, всѣ эти «ревнители» трезвости, изъ числа исправниковъ и становыхъ, не понимаютъ того, что они не въ

силахъ подавить фактически существующей, насущной потребности народа въ винѣ, потребности, коренящейся во всѣхъ условіяхъ его жизни и быта. Они не въ состояніи понять, что, поставляя преграды возможности законнаго удовлетворенія этой, закономъ признанной, потребности населенія,—они тѣмъ самымъ заставляютъ народъ искать ей удовлетворенія тайными, гораздо болѣе вредными путями, и, подавая въ то же время народу примѣръ оффиціальнаго обмана, пріучаютъ его къ притворству и ко лжи... И если на бумагѣ, въ донесеніяхъ становыхъ и исправниковъ, да на столбцахъ губернскихъ оффиціальныхъ изданій, прописывается ежедневно, что, вслѣдствіе усердія мѣстной администраціи и заботъ ея о благѣ народномъ, пьянство сокращается и народная нравственность улучшается не по днямъ, а по часамъ,—то тѣмъ необходимѣе, кажется намъ, выставить наконецъ настоящее положеніе питейнаго дѣла въ Россіи въ его настоящемъ свѣтѣ, и обратиться затѣмъ къ изысканію такихъ мѣръ, которыя были бы нѣсколько болѣе дѣйствительны, чѣмъ описанныя выше распоряженія посредниковъ, приставовъ и прочихъ губернскихъ и уѣздныхъ властей.

II.

Монополизація питейной продажи въ деревняхъ и возвращеніе наше къ откупнымъ порядкамъ.—Новый косвенный налогъ на крестьянъ.—Низкопробныя водки, какъ законное средство эксплуатаціи народа.—Стремленіе думъ завести въ городахъ тотъ же порядокъ.—Результаты примѣненія временныхъ правилъ о питейной торговлѣ въ петербургской губерніи, Москвѣ и Одессѣ.—Нѣсколько данныхъ о числѣ питейныхъ заведеній и о размѣрахъ потребленія крѣпкихъ напитковъ въ Россіи.

Подъ вліяніемъ неоднократнаго, съ 1863 года, то-есть, со введеніемъ акцизной системы, возвышенія цѣны патентовъ на питейныя заведенія и прочихъ ограничительныхъ стремленій законодательства, равно какъ и указанныя выше преслѣдованія кабаковъ со стороны администраціи,—питейная торговля въ Россіи утратила мало-по-малу тотъ первоначальный характеръ мелкаго, общедоступнаго промысла, который былъ ей приданъ вступившимъ въ силу 1 января 1863 года положеніемъ о питейномъ сборѣ, и всецѣло перешла въ руки крупныхъ предпринимателей виноторговцевъ. Вопреки приведенному выше закону, запрещающему на земляхъ, не принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, взиманіе какой бы то ни было платы собственно за право питейной торговли,—виноторговцы стали платить сельскимъ обще-

ствамъ за предоставленіе имъ исключительнаго права на эту торговлю и, устраняя такимъ образомъ возможность всякой съ собою конкурренціи,—понемногу забрали въ свои руки цѣлые обширные районы и стали настоящими монополистами-откупщиками. Въ селеніяхъ въ настоящее время дѣло обыкновенно происходитъ слѣдующимъ образомъ: виноторговецъ, желающій открыть питейное заведеніе, склоняетъ въ свою пользу сельскихъ должностныхъ лицъ и говоруновъ на сходкахъ, добивается, денежными подарками и обильнымъ угощеніемъ, вліянія ихъ на міръ или сельскій сходъ, и хлопочетъ затѣмъ о выдачѣ ему разрѣшительнаго приговора на питейную продажу. Если, несмотря на это, дѣло на ладъ нейдетъ, то онъ обѣщается, обыкновенно сверхъ договариваемой платы въ пользу общества, сдѣлать пожертвованіе на церковь, уплатить какую-нибудь числящуюся за обществомъ недоимку, и, въ то же время,—это уже само собою разумѣется,—вплоть до самой выдачи приговора, щедро поить народъ водкой, иногда въ теченіи нѣсколькихъ дней. Въ концѣ-концовъ, побѣда очевидно остается на его сторонѣ и онъ получаетъ приговоръ, стоющій, ему однако, смотря по выгодности мѣста, отъ 100 и даже до 40,000 рублей, но приговоръ этотъ предоставляетъ за то исключительное право на питейную торговлю въ районѣ сельскаго общества, право на открытіе одного, двухъ, трехъ кабаковъ, смотря по условію. Очевидно, въ то же время, что виноторговецъ, получившій подобный приговоръ, становится совершеннымъ откупщикомъ-монополистомъ. Составляемые же, подъ вліяніемъ вина, подкупа и взятки, самые общественные приговоры о выдачѣ разрѣшеній на питейную продажу бываютъ очень часто незаконные, подписываются не при узаконенномъ составѣ схода, и иногда совсѣмъ не на сходѣ даже, а въ домахъ; при засвидѣтельствованіи этихъ приговоровъ сельскими властями сплошь да рядомъ совершаются подлоги, словомъ, дѣло сопровождается всевозможными злоупотребленіями. Въ юго-восточной Россіи, напримѣръ, въ воронежской губерніи, въ области войска донскаго и на всемъ нижнемъ Поволжьѣ нѣтъ въ настоящее время почти ни одного села, гдѣ бы продажа вина не была сдана на откупъ; мѣстами, монополисты захватываютъ въ свои руки чуть не цѣлые уѣзды и устанавливаютъ затѣмъ цѣны на вино совершенно по своему произволу.

Правда, что въ селеніяхъ общества, приговоры которыхъ въ основѣ своей незаконны, всегда сохраняютъ право, послѣ выдачи разрѣшенія на питейную торговлю одному, выдать такое же разрѣшеніе и другому, и третьему желающему, но послѣ нѣсколькихъ

примѣровъ такого несоблюденія обществами своихъ обѣщаній, вслѣдствіе слишкомъ наглаго образа дѣйствія и эксплуатаціи населенія со стороны откупщиковъ, монополисты стали настолько умнѣе, что теперь выплачиваютъ деньги обыкновенно не сразу, а по частямъ, помѣсячно, и составляютъ въ такомъ смыслѣ договоры. То же имѣетъ мѣсто въ губерніяхъ: владимірской, нижегородской, ярославской, костромской, казанской, пермской, оренбургской, пензенской, тамбовской, орловской, смоленской, черниговской, курской, тверской, новгородской, словомъ, чуть не повсемѣстно.

Упомянутая выше статья закона о невыдачѣ разрѣшеній на питейную продажу за плату обходится обыкновенно тѣмъ, что деньги указываются полученными не за право торговли, но, напримѣръ, за наёмъ дома подъ кабакъ, за пользованіе какою-нибудь оброчною статьею и т. п. Въ какой мѣрѣ такое объясненіе правдоподобно, можно однако судить по тому, что за пользованіе какой-нибудь мазанкой подъ питейное заведеніе показывается, напримѣръ, цѣна въ нѣсколько тысячъ рублей, и т. п. Впрочемъ, чаще всего, и несмотря на то, что приговоры выдаются иногда послѣ гласно совершённыхъ торговъ,—самые приговоры составляются по формѣ, и въ нихъ нѣтъ и рѣчи ни о какомъ вознагражденіи, такъ что акцизное управленіе, несмотря на завѣдомую противозаконность такихъ приговоровъ, не имѣетъ права отказать въ выдачѣ по нимъ патентовъ. Въ другихъ случаяхъ, даже при обнаруженіи того, что приговоръ выданъ неправильно, за деньги, судебное преслѣдованіе виновныхъ въ томъ почти невозможно, такъ какъ законъ, воспрещающій взиманіе денегъ за разрѣшеніе питейной продажи, не опредѣляетъ однако же за то никакого взысканія съ виновныхъ. На этомъ основаніи мировые судьи и прокурорскій надзоръ отъ возбужденія такихъ дѣлъ въ большинствѣ случаевъ отказываются. Въ приговоры не включается обыкновенно и обязательства не выдавать разрѣшеній на питейную продажу другимъ лицамъ,—все это дѣлается келейно и тайно, но, какъ уже сказано, виноторговецъ поддерживаетъ выговоренное себѣ исключительное право уплатой денегъ по частямъ и, кромѣ того, постояннымъ угощеніемъ и подкупомъ сельскаго и волостного начальства. Въ то же время, черезъ посредство этого начальства, онъ все болѣе и болѣе входитъ въ силу, самъ пріобрѣтаетъ вѣсъ и значеніе на сходахъ,—и все болѣе и болѣе забираетъ въ свои руки крестьянъ, которымъ выдаетъ вино въ долгъ и отъ которыхъ покупаетъ за безцѣнокъ продукты. Рано или поздно, вся деревня оказывается у кабатчика въ полной кабалѣ.

Несмотря на значительность суммъ, выплачиваемыхъ такимъ образомъ виноторговцами (въ астраханской губерніи, напримѣръ, плата за одно питейное заведеніе колеблется отъ 50 р. до 2300, причемъ самыя селенія выручаютъ за право торговли до 11,000 рублей; въ самарской губерніи въ селѣ Балаковѣ право питейной продажи сдавалось за 16,000 р., а на текущій годъ сдано, какъ утверждаютъ, за 30,000 р. и т. п.), сельскимъ обществамъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ этихъ денегъ мало проку. Какъ доходъ незаконный и тайный, суммы эти поступаютъ негласно, въ книги не записываются и никакому учету не подлежатъ; на нужды общества расходуется изъ нихъ обыкновенно только самая малая часть,—а бо́льшая половина поступаетъ въ карманы сельскихъ должностныхъ лицъ и вліятельныхъ крестьянъ, или же пропивается сообща цѣлымъ сходомъ, т.-е., возвращается въ кабакъ.

Само собою разумѣется, въ то же время, что виноторговецъ, уплачивающій такія большія суммы мужикамъ, беретъ деньги не изъ своего кармана, и не изъ своей выручки, а съ лихвою собираетъ ихъ съ тѣхъ же мужиковъ, такъ что кажущаяся выгода отъ поступленія этихъ денегъ въ общественный капиталъ въ дѣйствительности чисто мнимая. На самомъ дѣлѣ, такая организація питейной торговли приводитъ только къ наложенію на крестьянъ новаго и весьма значительнаго косвеннаго налога. О размѣрахъ, достигаемыхъ этимъ налогомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, можно судить изъ слѣдующаго примѣра: въ астраханской губерніи, въ 1874 году размѣръ поступившаго казеннаго патентнаго сбора равнялся 56,340 р. (не считая патентнаго сбора въ г. Астрахани); въ томъ же году и тамъ же, по собраннымъ частнымъ свѣдѣніямъ, сборы обществъ достигли 141,285 рублей; такимъ образомъ, незаконный сборъ обществъ съ питейныхъ домовъ превысилъ казенный патентный сборъ на 250%. А такъ какъ въ концѣ-концовъ этотъ сборъ былъ взятъ съ тѣхъ же крестьянъ, то значитъ въ прибавку къ тѣмъ $18^3/_4$ коп. налога, который ложится въ астраханской губерніи, въ видѣ патентнаго сбора съ кабаковъ, на каждую единицу населенія,—общества произвольно наложили на крестьянъ еще добавочный налогъ въ 52 коп. на душу.

Такъ, или иначе, виноторговецъ поставленъ въ необходимость выручать затраченныя имъ на пріобрѣтеніе права на торговлю деньги. Повысить продажной стоимости продаваемыхъ напитковъ онъ обыкновенно не можетъ, изъ опасенія лишиться потребителей, и остается ему одинъ исходъ,—прибѣгнуть къ фальсификаціи продукта, ухудшить его качество, не уменьшая цѣны,—

иначе, продавать воду за вино. Низкопробныя водки даютъ къ тому въ настоящее время полнѣйшую возможность. Допущеніе въ продажѣ низкопробныхъ водокъ, при установленіи обязательной крѣпости для вина, составляетъ, по нашему мнѣнію, самое вопіющее зло современныхъ условій питейной продажи. Устанавливая для вина обязательную крѣпость въ 40°, законъ въ то же время освобождаетъ отъ обязательной крѣпости всѣ издѣлія, вышедшія изъ водочныхъ заводовъ и носящія печать водочнаго завода, хотя бы издѣлія эти были водками только по имени и отличались отъ простого вина только прибавкою нѣкотораго количества воды... Признаковъ водокъ законъ ближайшимъ образомъ не установляетъ, такъ что, если только соблюдена упомянутая выше формальность печати,—преслѣдованіе низкопробныхъ водокъ невозможно. Между тѣмъ, продажа такихъ водокъ, въ связи съ монополизаціей питейной торговли и какъ прямое послѣдствіе этой монополизаціи, пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все бо́льшее и бо́льшее развитіе и, подрывая интересы потребителей вина—крестьянъ и настоящихъ его производителей—винокуренныхъ заводчиковъ—въ пользу однихъ только владѣльцевъ водочныхъ заводовъ, да кабатчиковъ, начинаетъ угрожать уже и казенному доходу. Отъ распространенія низкопробныхъ водокъ доходъ казны уменьшается, вслѣдствіе того, что уменьшается количество потребляемыхъ народомъ въ винѣ градусовъ спирта, которые замѣняются водою, но за эту воду народъ платитъ кабатчикамъ совершенно такъ же, какъ за вино. По мѣрѣ распространенія низкопробныхъ водокъ, падаетъ мѣстами даже самое производство вина; вино съ винокуренныхъ заводовъ уже не можетъ поступать прямо къ потребителямъ, а должно сначала пройти сквозь руки водочныхъ заводчиковъ, которые одни пользуются, какъ привилегіей, правомъ разбавлять его водою. Хотя водки въ продажѣ обыкновенно нѣсколько и дешевле простого вина, но эта дешевизна только кажущаяся,—въ дѣйствительности градусъ спирта въ водкѣ оплачивается народомъ гораздо дороже, чѣмъ въ винѣ. Такъ, въ нижегородской губерніи, напримѣръ, гдѣ вино продается по 3 р. 80 коп. за ведро, а низкопробная, въ 25°, водка по 3 р. 60 к.—градусъ спирта въ винѣ обходится покупателю въ 9½ коп., а въ водкѣ болѣе чѣмъ въ 14 коп., то-есть почти на одну треть цѣны дороже; кабатчикъ же имѣетъ отъ продажи водокъ обыкновенно не менѣе 1 рубля на ведро барыша. При развившейся монополіи, мѣстами простого вина въ продажѣ совсѣмъ болѣе нѣтъ—однѣ только водки, на которыхъ виноторговцы и выручаютъ сдѣланныя по пріобрѣтенію патентовъ за-

траты. Въ симбирской губерніи, напримѣръ, въ 1874 году, изъ 2510 осмотрѣнныхъ акцизными чиновниками питейныхъ заведеній,—въ 1414-ти найдены исключительно водки, крѣпостью отъ 26° до 36°; въ уѣздахъ камышинскомъ и царицынскомъ, гдѣ вся торговля монополизирована, изъ 510 заведеній—509 торговали исключительно водками, и только въ одномъ найдено было настоящее вино! То же повторяется во всѣхъ, безъ исключенія, губерніяхъ, гдѣ питейныя заведенія сданы обществами на откупъ, и отовсюду слышатся жалобы на этотъ ненормальный порядокъ вещей, при которомъ крестьяне пьютъ столько же, сколько и прежде, то-есть пропиваютъ столько же денегъ, но получаютъ за свои деньги продуктъ, качество котораго отнюдь не соотвѣтствуетъ цѣнѣ; избытокъ же цѣны идетъ въ этомъ случаѣ не въ пользу казны и не въ пользу дѣйствительнаго производителя—винокуреннаго заводчика, а въ пользу кабатчика-монополиста, да владѣльца водочнаго завода, или, вѣрнѣе, владѣльца печати водочнаго завода, такъ какъ въ сущности одна только эта печать и даетъ право на разбавку вина водой; винокуренные же заводчики пріобрѣтать этой печати, или, что̀ то же, открывать водочнаго завода по закону не могутъ (за исключеніемъ только того времени, когда ихъ заводы стоятъ, чѣмъ въ настоящее время они въ большинствѣ случаевъ и пользуются). Законъ, освобождающій такимъ образомъ водки отъ обязательной крѣпости и не устанавливающій никакихъ отличительныхъ признаковъ для водокъ, даетъ, слѣдовательно, въ руки виноторговцевъ еще лишнее средство для эксплуатаціи народа, и этимъ средствомъ они, конечно, очень широко и пользуются. Горчица, перецъ, всякія жгучія снадобья и даже ядовитыя эссенціи пускаются тутъ въ дѣло, чтобы только скрыть отсутствіе спирта въ винѣ. Несомнѣнно, въ то же время, что если состоится предположенная, какъ говорятъ, отмѣна обязательной крѣпости и для вина, то это зло,—фальсификація продаваемаго народу продукта,—разовьется еще въ бо̀льшей мѣрѣ, въ особенности при сохраненіи въ питейной торговлѣ настоящихъ, ненормальныхъ порядковъ.

Въ городахъ питейная торговля до самаго послѣдняго времени стояла въ гораздо болѣе правильныхъ условіяхъ. Но 1875 годъ принесъ и здѣсь большія замѣшательства, о которыхъ уже не мало было писано въ газетахъ, хотя до настоящей минуты вопросъ не можетъ считаться безпристрастно разъясненнымъ. Вотъ, вкратцѣ, въ чемъ собственно дѣло. До 1875 года, въ городахъ думы о сокращеніи числа питейныхъ заведеній не помышляли, и если принимали мѣры къ ограниченію вреднаго вліянія кабаковъ,

то только въ томъ отношеніи, что, въ силу предоставленнаго имъ права разрѣшать, или воспрещать открытіе питейныхъ заведеній въ городѣ, устраняли отъ этого дѣла людей порочныхъ, и, насколько это было возможно, заботились о внѣшнемъ благообразіи и благочиніи въ мѣстахъ продажи вина. Но, въ теченіи прошлаго лѣта, нерехтская дума постановила, въ видахъ ограниченія пьянства и увеличенія средствъ города, съ 1 января 1876 года воспретить вовсе питейную продажу въ прежнихъ питейныхъ заведеніяхъ и допустить ее только въ трехъ кабакахъ, отстроенныхъ городомъ на городской землѣ и отданныхъ отъ города въ аренду желающимъ, съ торговъ. Кабаки отстроены, торги произведены, и на торгахъ три кабака эти остались за купцами Сыромятниковымъ и Савельевымъ, которые заплатили за нихъ городу по 4000 руб. за каждый,—но стали за то монополистами-откупщиками питейной торговли въ г. Нерехтѣ;—кромѣ гг. Сыромятникова и Савельева, никто уже не могъ содержать тамъ питейныхъ домовъ, а ренсковые погреба, число которыхъ было также ограничено, попали въ руки къ нимъ же. Примѣру Нерехты быстро послѣдовало множество городовъ и посадовъ россійской имперіи, которые всѣ, въ видахъ улучшенія нравственности и увеличенія городскихъ доходовъ, завели у себя городскіе кабаки, точь-въ-точь прежніе окладные питейные дома, и сдавъ ихъ съ торговъ, возвратили-было города къ откупному порядку, на этотъ разъ установленному только уже не правительствомъ и не въ пользу государства (которое одно считаетъ себя у насъ собственникомъ питейнаго дохода), а городами въ свою собственную. Эти стремленія думъ городовъ возбудили въ нашей печати въ концѣ прошлаго года много шуму, въ особенности когда послѣдовало по этому вопросу разногласіе между министерствами: министерство финансовъ отрицало за думами право поступать такъ, какъ они это дѣлали, министерство же внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ и сенатъ, не находили въ томъ ничего противозаконнаго, разъясняя, что думы сдаютъ съ торговъ не право торговли виномъ, что́ запрещается закономъ, а право пользованія городскимъ мѣстомъ, или домомъ (хотя съ этимъ мѣстомъ или домомъ и связывалось, однако, исключительное право на питейную торговлю). Въ этихъ стремленіяхъ думъ къ ограниченію кабаковъ хотѣли видѣть у насъ обыкновенно только первую цѣль—заботу объ улучшеніи нравственности городского населенія и ограниченіи пьянства, въ дѣйствительности же—главнымъ, чтобы не сказать единственнымъ, побужденіемъ думъ въ этихъ случаяхъ было желаніе увеличить городскіе доходы установленіемъ новаго косвен-

наго налога на городскихъ жителей, въ пользу города, черезъ кабатчиковъ, откупщиковъ этого налога (очевидно, что вѣдь и въ городахъ, какъ въ селеніяхъ, откупная сумма взялась бы не изъ кармана кабатчика, а съ того же городского населенія). Объясненіе же о томъ, что городъ получаетъ плату не за право торговли, а за пользованіе мѣстомъ, очевидно, представляется только обходомъ закона, такъ какъ нельзя вѣдь предположить, чтобы въ какой-нибудь Нерехтѣ арендная плата за домъ, хотя бы лучшій въ городѣ, отведенный подъ кабакъ, могла дойти до 4000 рублей въ годъ; между тѣмъ, бывали примѣры сдачи подъ питейныя заведенія, но такимъ же высокимъ цѣнамъ, даже не домовъ, а просто участковъ городской земли, съ обязательствомъ для съёмщика выстроить на нихъ кабакъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того опредѣленнаго процента, который по закону взимается городомъ въ свою пользу съ каждаго выданнаго патента, думы вдругъ стали получать съ каждаго кабака по нѣскольку тысячъ рублей. Недовольствуясь, однако, этимъ, думы въ то же время стали прибѣгать и къ другому еще средству для полученія дохода въ обходъ закона. По закону, размѣръ акциза съ трактирныхъ заведеній совершенно предоставляется усмотрѣнію думъ, и, за исключеніемъ опредѣленнаго казною патентнаго сбора, всецѣло идетъ въ пользу города. Воспользовавшись этимъ, думы во многихъ городахъ постановили: ни питейныхъ домовъ, ни другихъ заведеній для продажи питей не разрѣшать, а открывать одни только трактиры, акцизъ же съ трактировъ увеличить втрое, вчетверо сравнительно съ прежнимъ [1]). Что въ огромномъ

[1]) Къ концу 1875 года уже болѣе 50-ти городскихъ думъ составили постановленія въ томъ или другомъ смыслѣ, причемъ обыкновенно нисколько и не скрывалось того, что эти постановленія дѣлаются съ цѣлью увеличенія городскихъ доходовъ. Въ Коломнѣ, напримѣръ, московской губерніи, вмѣсто прежнихъ 40 питейныхъ заведеній, дума постановила имѣть всего 8, для которыхъ и отвела помѣщенія на городской землѣ и которыя отдала съ торговъ; ренсковыхъ погребовъ съ распивочной продажей постановлено не имѣть вовсе, а на трактиры городской акцизъ увеличенъ до 600 р. съ каждаго, вмѣсто прежнихъ 195 р. Въ г. Перми распивочная продажа въ ренсковыхъ погребахъ постановленіемъ думы точно также была воспрещена вовсе, а число питейныхъ заведеній, вмѣсто прежнихъ 100, ограничено въ 25, питейная продажа разрѣшена исключительно на городской землѣ, и въ городскихъ зданіяхъ, сданныхъ съ торговъ. Въ г. Новгородѣ винная торговля была воспрещена думою повсюду, за исключеніемъ 14-ти мѣстъ на городской землѣ, или же въ особо нанятыхъ для того отъ города помѣщеніяхъ. Въ гг. Бѣжецкѣ, Осташковѣ, Красномъ-Холму, Касимовѣ, Калязинѣ, Лукьяновѣ, Холмогорахъ, Кунгурѣ, Красноуфимскѣ, Ливнахъ, Тюмени, въ Сумскомъ посадѣ архангельской губерніи, въ гг. Харьковѣ, Сумахъ, Путивлѣ, Тамбовѣ, Борисоглѣбскѣ, въ бóльшей части городовъ губерній симбирской, саратовской, самарской и во многихъ еще, сдѣланы были однородныя постановленія, при-

большинствѣ этихъ случаевъ думами руководили исключительно корыстныя побужденія, и именно желаніе присвоить себѣ непринадлежащій имъ винный доходъ, можно заключить изъ того, что когда 1-го января 1876 года послѣдовалъ новый (временный) законъ, коимъ разрѣшалось думамъ ограничивать число питейныхъ домовъ и опредѣлять тѣ части города, гдѣ такіе дома совсѣмъ не могутъ быть открываемы, но запрещалось подъ какимъ бы то ни было предлогомъ взимать за нихъ плату, а также ограничивать питейную торговлю одною только городскою землею, бо̀льшая часть городовъ совсѣмъ отказалась отъ всякаго ограниченія питейной продажи, и думы стали выдавать разрѣшенія всѣмъ желающимъ, по старому. Въ другихъ мѣстахъ, однако же, борьба и до сихъ поръ еще не улеглась; нѣкоторыя думы, напримѣръ, въ городахъ южнаго Поволжья, положили настоять на своемъ, и съ этою цѣлью считаютъ себя въ правѣ не выдавать вовсе разрѣшеній на открытіе питейныхъ домовъ, съ тѣмъ, чтобы, какъ сказано, имѣть въ городѣ одни трактиры, обложеніе которыхъ имъ предоставлено; чѣмъ все это кончится, пока еще невозможно сказать. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что пресловутая борьба городовъ съ кабаками, на которую смотрятъ, почему-то, какъ на «борьбу трезвости съ пьянствомъ», въ дѣйствительности сводится на стремленіе думъ забрать въ свои руки питейное дѣло и винный налогъ.

Стремленіе ограничить размѣры потребленія крѣпкихъ напитковъ и тѣмъ противодѣйствовать развитію пьянства въ народѣ

чемъ разрѣшаемое къ открытію число питейныхъ заведеній бывало обыкновенно ограничиваемо четвертою, или пятою частью, противъ прежде существовавшихъ. Разрѣшаемыя къ открытію питейныя заведенія бывали затѣмъ сдаваемы на откупъ, иногда на сроки весьма продолжительные, напримѣръ, на 4 и даже на 6 лѣтъ (Черниговъ). Обыкновенно, при отдачѣ съ торговъ питейныхъ заведеній сдавались на откупъ и ренсковые погреба, число которыхъ точно также ограничивалось, или же въ нихъ совершенно воспрещалась распивочная продажа, а акцизъ на трактиры увеличивался до весьма значительныхъ цифръ. Такъ, въ городѣ Самарѣ, при отдачѣ питейныхъ заведеній съ торговъ по 2000 руб. за каждое, акцизъ съ трактировъ былъ опредѣленъ думою въ 600 руб.; въ г. Ардатовѣ, симбирской губерніи, при сокращеніи числа питейныхъ заведеній съ 26 на 4, на трактиры наложенъ добавочный сборъ въ 4000 р. Въ г. Красноярскѣ, гдѣ торги на питейныя заведенія начались съ цифры 1000 руб. за каждое, акцизъ на трактиры повышенъ до 350 руб., и въ ренсковыхъ погребахъ разрѣшено продавать одни виноградныя вина. Даже въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ, цифры, съ которыхъ, согласно постановленіямъ думъ, начинаемы были торги, достигали громадныхъ размѣровъ; такъ, въ городахъ самарской губерніи—Бугурусланѣ, Ставрополѣ, Сергѣевѣ и др.—первоначальная цѣна питейнаго заведенія опредѣлена была въ 500 и даже въ 1000 руб.; въ Дубовскомъ посадѣ торги начались съ цифры 500 р. и т. п.

привело правительство къ тому, что оно рѣшилось, наконецъ, въ 1873 году отступить отъ принятаго имъ начала полной экономической свободы въ питейной торговлѣ, и организовать послѣднюю на иныхъ основаніяхъ. Согласно этому, въ 1873 году составлены были новыя правила, въ силу коихъ допущено было непосредственное вмѣшательство въ питейное дѣло органовъ административной власти, которымъ предоставлено: во-первыхъ, ограничивать число питейныхъ заведеній заранѣе опредѣленной цифрою; во-вторыхъ, опредѣлять условія ихъ размѣщенія, имѣть ближайшій надзоръ за внутреннимъ устройствомъ питейныхъ домовъ, порядкомъ торговли въ нихъ и т. п.; въ-третьихъ, удостовѣряться въ нравственной благонадежности лицъ, желающихъ приняться за питейную торговлю, требованіемъ отъ нихъ представленія одобрительныхъ отзывовъ или аттестатовъ и т. п.; наконецъ, въ-четвертыхъ, самое право на устройство питейныхъ заведеній низшихъ разрядовъ, то-есть по-просту кабаковъ, положено сдавать съ торговъ. Правила эти, въ корень измѣнившія прежнія, введенныя нашею акцизною системою послѣ уничтоженія откуповъ, условія питейной продажи были однако же первоначально примѣнены къ одному только Петербургу, да и то въ видѣ опыта, на три года; въ 1874 году тѣ же правила, съ незначительными только измѣненіями, распространены на Москву и Одессу и на всю петербургскую губернію, впрочемъ, тоже только въ видѣ опыта и на три года.

Несмотря на то, что въ настоящее время назначенный трехълѣтній опытный періодъ дѣйствія этихъ правилъ еще далеко не прошелъ, послѣдствія примѣненія ихъ успѣли уже выказаться настолько рельефно, что мы смѣло можемъ о нихъ говорить и доказывать полнѣйшую несостоятельность создаваемаго ими питейной торговлѣ положенія и абсолютную невозможность распространенія ихъ на всю Россію. Фактовъ на это въ нашемъ распоряженіи достаточно.

Со введеніемъ новыхъ правилъ, число питейныхъ заведеній въ Петербургѣ, вмѣсто 1081 зав. въ 1873 году, было опредѣлено всего въ 180. Но средства полицейскаго надзора въ Петербургѣ настолько значительны, что администрація имѣетъ, конечно, полную возможность слѣдить за правильностью питейной торговли вообще и энергически преслѣдовать малѣйшее поползновеніе къ какому бы то ни было нарушенію ея условій. Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, если въ Петербургѣ новыя правила и отразились вообще благопріятно, какъ на уменьшеніи пьянства и уличнаго разгула, такъ и на нѣкоторомъ сокращеніи

размѣровъ потребленія крѣпкихъ напитковъ массою населенія. Согласно сообщенію г. с.-петербургскаго градоначальника, напечатанному въ одномъ изъ №№ «Правительственнаго Вѣстника» за 1875 г. — въ 1873 году было задержано полиціею пьяныхъ 47,800, а въ 1874 году—41,300, то-есть на 6½ тысячъ менѣе; точно также и число случаевъ уличнаго безпорядка, производимаго пьяными, съ 6893 случаевъ въ 1873 году сократилось до 5980 въ 1874. Что касается до уменьшенія размѣровъ потребленія вина въ столицѣ, то это уменьшеніе лишь въ извѣстной мѣрѣ можетъ быть приписано вліянію новыхъ правилъ, такъ какъ введеніе ихъ почти совпало съ послѣдовавшимъ во второй половинѣ 1873 года повышеніемъ акциза съ 6 на 7 коп., которое вызвало и повсемѣстное повышеніе цѣнъ на вино; доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что уже къ слѣдующему году потребленіе вина въ Петербургѣ вновь значительно поднялось и почти сравнялось съ нормою 1873 года. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1874 году, потребленіе вина въ Петербургѣ сравнительно съ 1873 годомъ сократилось на 224,000 ведръ, или примѣрно на 10%, но въ слѣдующемъ же 1875 году вновь поднялось на 151,000, и осталось всего на 3% ниже нормы 1873 года, въ то время какъ число питейныхъ заведеній въ 1875 году было на 83% ниже, чѣмъ въ 1873 году. Если же рядомъ съ этимъ и были достигнуты относительно хорошіе результаты по отношенію къ уменьшенію пьянства и уличнаго безобразія, то это слѣдуетъ приписать не столько вліянію самыхъ правилъ, сколько именно возможности сосредоточить вокругъ питейныхъ заведеній, при незначительномъ числѣ ихъ, строгій полицейскій надзоръ; но изъ этого отнюдь нельзя еще выводить общихъ заключеній.

Въ прочихъ мѣстностяхъ петербургской губерніи, на которыя дѣйствія новыхъ правилъ распространены съ 1 іюля 1874 года, далеко нельзя было замѣтить такого же улучшенія. Правда, что потребленіе вина и тамъ уменьшилось на 6%; но опять-таки, насколько имѣли въ этомъ случаѣ вліяніе новыя правила, а не вздорожаніе вина вслѣдствіе повышенія акциза—судить невозможно. Съ другой стороны, сокращеніе числа заведеній, торгующихъ крѣпкими напитками, при отсутствіи того надзора, который могъ быть за ними установленъ въ Петербургѣ,—вызвало значительное развитіе безпатентной продажи, о размѣрахъ которой можно судить хотя бы по тому факту, что въ 1875 году число дѣлъ, возбужденныхъ передъ судомъ вслѣдствіе обнаруженія тайной продажи вина, было въ два раза значительнѣе, нежели въ

предшествовавшіе годы. Между тѣмъ, несомнѣнно, что безпатентная продажа въ дѣйствительности открывается и преслѣдуется передъ судомъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ сельское населеніе, очевидно, прямо заинтересовано въ сокрытіи всякихъ слѣдовъ ея; если, напримѣръ, полицейскому, или акцизному чиновнику и удается иногда накрыть пьющихъ въ такомъ домѣ, гдѣ, какъ ему завѣдомо извѣстно, производится тайная продажа, то хозяинъ дома заявляетъ всегда, что это его гости, которыхъ онъ угощаетъ, и тѣ, конечно, въ свою очередь подтверждаютъ заявленіе хозяина; спрашивается, какое же при этомъ возможно преслѣдованіе, и какія доказательства представить въ подтвержденіе факта, дѣйствительность котораго однако же никакому сомнѣнію не подлежитъ?

Развитіе безпатентной продажи нельзя, впрочемъ, приписать исключительно сокращенію числа питейныхъ заведеній; важную роль играетъ при этомъ и чрезмѣрно возвышенная, вслѣдствіе конкурренціи на торгахъ, цѣна самыхъ патентовъ. Въ петербургской губерніи, напримѣръ, смотря по мѣсту и ожидаемой прибыльности торговли, цѣна заведеніямъ на торгахъ колебалась отъ 100 и до 2,500 р. (въ самомъ же Петербургѣ отъ 600 и до 3,000 р.); рядомъ съ этимъ, какъ и при старыхъ порядкахъ, виноторговцу приходится выплачивать значительныя суммы сельскимъ обществамъ, за которыми оставлено право выдачи разрѣшительныхъ приговоровъ. Неся столь значительные расходы на пріобрѣтеніе права на торговлю, виноторговецъ волей-неволей долженъ возвышать цѣну на вино. И дѣйствительно, при цѣнѣ вина въ оптовой продажѣ въ 3 р. 80 к. и 4 р. за ведро,—въ распивочной, въ питейныхъ заведеніяхъ—цѣна ему доходитъ до 7 и 8 р. Лица же, тайно торгующія виномъ, имѣютъ полную возможность, покупая вино въ складахъ, продавать его на два рубля дешевле, чѣмъ въ законной продажѣ, получая при этомъ довольно порядочный барышъ, и въ то же время, очевидно, привлекая къ себѣ массу покупателей. Подобныя условія приводятъ къ тому, что и лица, снявшія питейныя заведенія съ торговъ, видятъ себя вынужденными, въ концѣ-концовъ, прибѣгнуть къ той же тайной продажѣ, чтобы быть въ состояніи бороться со своими конкуррентами: для этого они заводятъ тайныхъ агентовъ, которымъ сдаютъ вино на коммиссію, тѣ въ свою очередь развозятъ вино по такимъ деревнямъ и селеніямъ, гдѣ вовсе нѣтъ питейныхъ заведеній, и т. д. Тайная продажа является такимъ образомъ естественнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новыхъ правилъ и обусловливаемаго ими чрезмѣрнаго стѣсненія питейной торговли; отъ нея не спасаетъ даже установляемая этими правилами монополія.

Въ Москвѣ результаты примѣненія новыхъ правилъ оказались столько же плачевными. Несмотря на то, что число питейныхъ заведеній съ 954 въ 1873 г. сокращено до 240 въ 1875 г., причемъ за патенты на торгахъ заплачены громадныя суммы, отъ 1,000 и до 3,000 р., питейная торговля по новой системѣ никакихъ благодѣтельныхъ измѣненій, противъ прежняго, не представила,—пьянство въ средѣ московскаго простонародья осталось въ прежнихъ размѣрахъ. Кабаки, правда, поубавились, но число мѣстъ винной продажи осталось почти то же, если только не увеличилось: сократилось число оффиціально открытыхъ кабаковъ, но увеличилась за то безпатентная торговля, или же торговля, хотя и съ патентомъ, но не кабацкимъ. Такъ, запрещено было, напримѣръ, открывать кабаки на нѣкоторыхъ главныхъ улицахъ Москвы; ихъ тамъ и не открыли, но вмѣсто кабаковъ явились ренсковые погреба, дешевые трактиры, портерныя лавки и т. п. Удобство пьянствовать не только не уменьшилось, но скорѣе увеличилось,—явилась возможность покупать водку и изъ фруктовыхъ лавокъ, гдѣ она продается подъ названіемъ «особаго уксуса», и изъ табачныхъ, и изъ мелочныхъ; появилась продажа вина въ развозъ (какой-то торговецъ придумалъ, говорятъ, устроить подвижной кабакъ и, усѣвшись съ боченкомъ вина въ извозчичью карету, сталъ разъѣзжать по улицамъ и площадямъ города, останавливаясь на людныхъ мѣстахъ и приглашая посѣтителей въ свою карету), и даже въ разносъ, подъ видомъ сбитня и т. п. О размѣрахъ, которые принимаетъ тайная продажа вина въ Москвѣ, можно составить себѣ понятіе по тому, что со времени введенія новыхъ правилъ по 1 января 1876 г., то-есть въ теченіи полутора года, было составлено полиціей и чиновниками акцизнаго управленія болѣе 400 протоколовъ о торговлѣ безъ патента, не считая прочихъ случаевъ нарушенія питейнаго устава, въ родѣ производства распивочной продажи въ мѣстахъ, имѣющихъ право торговать только на выносъ и т. п. Естественно, что отъ такого порядка вещей,—не говоря уже о вредныхъ для народной нравственности послѣдствіяхъ его,—должны прежде всего страдать явные виноторговцы, черезъчуръ дорого заплатившіе за свои патенты, но не подумавшіе о конкурренціи тайныхъ торговцевъ. Остается имъ теперь только два исхода: или самимъ приняться за тайную продажу, внѣ своихъ законныхъ заведеній, на что многіе и рѣшаются, или совсѣмъ закрыть торговлю, не возобновляя своихъ патентовъ, что точно также дѣлаютъ многіе. Но очевидно, что происшедшее, вслѣдствіе этого, новое сокращеніе числа питейныхъ заведеній въ Москвѣ не можетъ же считаться признакомъ уменьшенія пьянства, хотя бы его и хотѣли выдать за такой.

Столько же доказательствъ несостоятельности новаго порядка вещей и ненормальности открываемыхъ имъ питейной торговли условій представила Одесса. Самые торги на право открытія питейныхъ заведеній въ Одессѣ привели къ совершенно неправильнымъ результатамъ: вмѣшалась въ дѣло спекуляція, составились стачки виноторговцевъ и т. п. Заведенія, на счетъ которыхъ не было предварительнаго соглашенія между торговцами, пошли за очень высокія цѣны, торги съ предварительными сдѣлками дали самыя ничтожныя суммы; въ концѣ-концовъ виноторговцы пришли къ убѣжденію, что назначеніе цѣнъ на торгахъ совершенно зависитъ отъ ихъ произвола и ловкости, и на будущее время они поведутъ свое дѣло, конечно, еще гораздо успѣшнѣе, чѣмъ теперь. Впрочемъ, въ первый же годъ примѣненія новыхъ правилъ въ Одессѣ, виноторговцы имѣли полнѣйшую возможность убѣдиться и въ томъ еще, что для торговли виномъ нѣтъ никакой надобности и открывать питейное заведеніе: гораздо лучше открыть послѣдняго разряда трактиръ, или штофную лавку, или портерную, или, наконецъ, ничего не открывая, просто торговать. Видя это, многіе содержатели питейныхъ заведеній въ Одессѣ, какъ и въ Москвѣ, не замедлили отказаться отъ возобновленія своихъ патентовъ, которые на новыхъ торгахъ пошли уже процентовъ на 50 дешевле прежняго. Послѣдствіемъ же всего этого явилась полнѣйшая неурядица въ питейной торговлѣ, винная продажа измельчала и проникла всюду, злоупотребленія, прежде рѣдкія, сдѣлались общимъ правиломъ, а вмѣстѣ явилась и полнѣйшая невозможность для администраціи бороться съ ними сколько-нибудь успѣшно.

Результаты, подобные тѣмъ, которые получены въ петербургской губерніи, въ Москвѣ и Одессѣ, представляются, впрочемъ, весьма естественными, другихъ нельзя было и ожидать. Какъ мы уже говорили выше, чрезмѣрное стѣсненіе питейной торговли и поставленіе народа въ невозможность удовлетворить свою потребность въ винѣ нормальнымъ путемъ, ни къ чему другому привести не могутъ. Мы не хотимъ, впрочемъ, сказать этимъ, чтобы извѣстными законодательными мѣрами, извѣстнымъ измѣненіемъ условій питейной торговли, извѣстною степенью контроля надъ нею со стороны тѣхъ или другихъ органовъ административной власти или общественныхъ учрежденій, невозможно было вліять до нѣкоторой степени на самый характеръ потребленія крѣпкихъ напитковъ населеніемъ, направлять тѣмъ или другимъ путемъ развитіе питейной торговли и пара-

лизовать до нѣкоторой мѣры вредныя ея послѣдствія; напротивъ того, мы готовы допустить возможность того, и другого, и третьяго, но только въ этомъ вліяніи на питейное дѣло со стороны закона, общества, и даже со стороны самой администраціи нужно умѣть во-время остановиться и не переходить извѣстнаго предѣла, за которымъ всякое вліяніе окажется уже безсильнымъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, при помощи которыхъ можно было бы, по нашему мнѣнію, достигнуть полезныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ, мы считаемъ не лишнимъ привести еще нѣсколько данныхъ относительно размѣровъ потребленія у насъ крѣпкихъ напитковъ вообще и численности питейныхъ заведеній въ различные годы, такъ какъ эти цифры представятъ весьма вѣскія данныя въ подтвержденіе высказываемыхъ нами положеній.

I. До введенія акцизной системы:

Въ 1859 г. число мѣстъ питейной продажи достигло 77,386, а потребленіе безводнаго спирта равнялось 21.000,000 ведръ, т.-е. 0,80 ведра душевого потребленія вина въ 40°.

II. Послѣ уничтоженія откуповъ и введенія новой системы, съ акцизомъ въ 4 коп. на градусъ, безводнаго спирта потреблено:

1863 г. въ 239,266 мѣстахъ } среднимъ числомъ 27.596,241 ведро въ годъ, т.-е. 1,05.
1864 » » 273,508 »

Въ 1864 году послѣдовало повышеніе акциза съ 4 на 5 к. и въ концѣ года увеличенъ патентный сборъ съ мѣстъ продажи:

1865 г. въ 249,332 мѣстахъ 24.527,862 ведра. т.-е. 0,92.

Въ концѣ 1865 г. изданы нѣкоторыя ограничительныя правила, особенно относительно устройства извѣстныхъ видовъ заведеній, напримѣръ штофныхъ лавокъ, число которыхъ подверглось значительному сокращенію:

1866 г. въ	235,839	мѣстахъ	23.709,828	ведръ, т.-е.	0,88.
1867 » »	238,443	»	24.734,168	» »	0,91.
1868 » »	230,103	»	24.883,619	» »	0,91.

Въ концѣ 1868 г. повышенъ патентный сборъ со всѣхъ мѣстъ продажи:

1869 г. въ 209,879 мѣстахъ 25.888,570 ведръ, т.-е. 0,93.

Въ 1870 г. послѣдовало повышеніе акциза съ 5 на 6 коп.:

1870 г. въ 212,664 мѣстахъ 25.852,368 ведръ, т.-е. 0,93.

Съ 1-го января 1871 г. патентный сборъ вновь повышенъ:

1871 г. въ 206,829 мѣстахъ 27.312.457 ведръ, т.-е. 0,98.

Въ концѣ 1871 года патентный сборъ для нѣкоторыхъ мѣстъ продажи повышенъ, для другихъ пониженъ:

1872 г. въ 206,518 мѣстахъ 27.598,548 ведръ, т.-е. 0,99.
1873 » » 204,432 » 27.372,466 » » 0,98.

Въ 1873 году повышенъ акцизъ съ 6 на 7 коп. и значительно увеличенъ патентный сборъ (на 1874 г.):

1874 г. въ 135,585 мѣстахъ 26.097,495 ведръ, т.-е. 0,94.

Изъ этихъ данныхъ, на которыхъ мы не будемъ ближайшимъ образомъ останавливаться, можно однако вывести слѣдующія общія заключенія.

Уничтоженіе откуповъ вызвало какъ значительное увеличеніе числа мѣстъ продажи, такъ и значительное увеличеніе размѣровъ потребленія вина въ Россіи; но послѣдовавшее уже въ слѣдующемъ, за введеніемъ акцизной системы, году повышеніе акциза, а еще черезъ годъ—повышеніе патентнаго сбора обусловили какъ весьма чувствительное пониженіе потребленія вина, распространившееся и на 1866 годъ, такъ и значительное сокращеніе числа питейныхъ заведеній. Повышеніе акциза и увеличеніе патентнаго сбора имѣли также весьма рѣзкія послѣдствія въ 1874 году; но въ 1868, 1871 и 1872 годахъ измѣненіе въ размѣрахъ патентнаго сбора, замѣтно отражавшееся на числѣ питейныхъ заведеній, оставалось въ то же время безъ всякаго вліянія на размѣры потребленія, которое за то же время, до самаго 1873 года, весьма замѣтно возрастало. Такое увеличеніе потребленія, при одновременномъ сокращеніи числа мѣстъ продажи, очевидно подтверждаетъ сказанное нами выше относительно отсутствія какой бы то ни было непосредственной связи между числомъ питейныхъ заведеній и развитіемъ въ народѣ пьянства. Съ другой стороны, это обстоятельство является согласнымъ и съ тѣмъ, что́ мы сказали относительно утраты питейною торговлею своего первоначальнаго характера—мелкаго, общедоступнаго промысла, и превращенія ея въ болѣе или менѣе крупное торговое предпріятіе, которое требуетъ уже извѣстнаго капитала. Въ 1866 и 1867 годахъ, напримѣръ, при среднемъ числѣ мѣстъ продажи въ 237,000 и средней цифры потребленія въ 24 милліона ведръ безводнаго спирта, на долю каждаго мѣста продажи пришлось, слѣдовательно, круглымъ счетомъ, 102 ведра спирта или 255 ведръ сорока-градуснаго вина, которыя, при тогдашней средней стоимости вина въ 3 руб. ведро, представляли собою капиталъ въ 765 руб.; въ 1874 году, при сокращеніи числа мѣстъ продажи питей до 135,585 и при общемъ размѣрѣ потребленія въ 26.097,495 ведръ, каждое

мѣсто распродало, слѣдовательно, свыше 190 ведръ спирта, или около 480 ведръ вина, которыя, при существующей въ настоящее время средней цѣнѣ вина въ 4 руб., представляютъ собою капиталъ въ 1,920 руб. На самомъ дѣлѣ, и если выключить изъ счета всѣ западныя (бывшія привилегированныя) губерніи, на которыя не распространяется почти ни одно изъ указанныхъ нами ненормальныхъ явленій питейной продажи, — разница будетъ еще несравненно болѣе значительною.

Наиболѣе важнымъ выводомъ, который мы считаемъ возможнымъ сдѣлать изъ приведенныхъ данныхъ, есть, по нашему мнѣнію, тотъ, что прямымъ средствомъ къ уменьшенію числа питейныхъ заведеній является повышеніе цѣны патентовъ, хотя въ тоже время размѣръ потребленія вина отъ числа мѣстъ продажи почти не зависитъ; болѣе того, даже отъ продажной стоимости вина размѣры потребленія зависятъ лишь въ весьма малой мѣрѣ; мы видѣли, что въ 1870 году, напримѣръ, повышеніе акциза съ 5 на 6 коп., значительно увеличившее цѣну вина, почти не сопровождалось соотвѣтственнымъ пониженіемъ потребленія. Въ общемъ же, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, потребленіе крѣпкихъ напитковъ въ Россіи постоянно растетъ, хотя и съ временными, періодическими остановками и даже колебаніями въ обратную сторону. Въ то же время, ни постоянное возрастаніе цѣны продукта, вслѣдствіе повышеній акциза и патентнаго сбора, ни всевозможныя стѣсненія питейной торговли со стороны администраціи не въ силахъ не только остановить, но и задержать на сколько-нибудь продолжительное время (размѣры потребленія вина въ первые два года акцизной системы не могутъ считаться нормальными) постепенно прогрессирующее развитіе потребленія крѣпкихъ напитковъ массою народонаселенія. Но это развитіе едва ли можетъ служить доказательствомъ возрастанія въ народѣ пьянства. Оно является скорѣе признакомъ медленнаго и постепеннаго развитія матеріальнаго благосостоянія народа и улучшенія экономическихъ условій его быта; и если мы говорили выше и будемъ еще говорить о мѣрахъ, которыми можно было бы ограничить и стѣснить питейную торговлю, то этими мѣрами мы имѣемъ въ виду отнюдь не положить предѣлъ *естественному* развитію, и даже не замедлить его, но лишь парализировать вредныя его послѣдствія и предохранить питейную торговлю отъ такихъ ненормальныхъ ея уклоненій, которыя представляются пагубными, столько же съ нравственной точки зрѣнія, сколько и съ экономической.

А. Е.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Изъ Гейне.

На твоихъ горячихъ щечкахъ
Лѣто жаркое горитъ,
А сердечко небольшое
Холодъ леденитъ.

Перемѣнится и это,
Милая моя:
Скоро въ сердцѣ будетъ лѣто,
На лицѣ—зима.

II.

Человѣкъ посѣялъ горе,
Сѣмя это дало цвѣтъ;
Разлетѣлось сѣмя вскорѣ
И застлало цѣлый свѣтъ.

Человѣкъ посѣялъ счастье,
Счастье выросло—и вотъ—
Вѣтеръ, буря и ненастье
Счастье съ корнемъ съ поля рветъ.

III.

Эхъ, ручьи да рѣчки, рѣки разливныя,
Рѣки-то ужъ будто чудо-медовыя,
А на самомъ дѣлѣ рѣки да рѣчонки,
Словно горемъ полны—словно слезовыя.

Что бы вамъ, рѣченкамъ, широко разлиться,
Горемъ да тоскою съ полемъ подѣлиться,
Или поле тоже ждетъ и не дождется,
Что съ разливомъ съ поля горе унесется?

На рѣкахъ медовыхъ слободы стояли,
Въ слободахъ просторныхъ вольные живали,
А на рѣчкахъ слезныхъ—все-то деревушки,
Бѣдныя, хилыя, въ двѣ да въ три избушки,
Да и тѣ, гляди-ка, къ рѣчкѣ навалятся,
Словно горе къ горю, и людей боятся...

Эхъ, ручьи да рѣчки,—рѣки разливныя,
Рѣки-то ужъ будто чудо-медовыя,
А на самомъ дѣлѣ—рѣки да рѣчонки,
Словно горемъ полны—словно слезовыя.

IV.

И ты оглянешься назадъ
На жизнь прошедшую, и рядъ
Упрековъ, сожалѣній
И много горькихъ размышленій
Наморщатъ лобъ и свяжутъ взглядъ.
И скажешь ты, какъ говорилъ
Твой дѣдъ, когда отца училъ:
Все, все, чтó въ жизни ты узналъ,
Давно природѣ Богъ сказалъ.

Л—нъ.

ГОРНОЗАВОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

НА

УРАЛѢ

Наше горнозаводское дѣло, сравнительно съ другими странами, развито вообще слабо, несоотвѣтственно ни потребностямъ Россіи, ни ея богатству рудами, топливомъ и рабочими силами; притомъ, развитіе этого дѣла идетъ у насъ весьма туго, и даже болѣе,—для нѣкоторыхъ металловъ (для серебра, свинца, мѣди и олова) замѣчается постепенное и упорное уменьшеніе добычи. Между тѣмъ какъ въ сѣверной Америкѣ, въ Англіи, въ Пруссіи и въ другихъ странахъ, горное дѣло развивается быстро и правильно, безъ поворотовъ назадъ, идетъ впередъ исполинскими шагами, — у насъ оно какъ-бы дѣлаетъ на три шага впередъ, два назадъ, подвержено замѣчательнымъ колебаніямъ, развивается вяло и нерѣшительно; мы или толчемся подолгу на одномъ мѣстѣ, или медленно, «на долгихъ», подвигаемся впередъ, или вдругъ поворачиваемъ назадъ. Говоря это, я основываюсь на цифрахъ; весьма поучительно здѣсь сравненіе состоянія горнаго дѣла за послѣднія 10—15 лѣтъ у насъ и, напримѣръ, въ Пруссіи; такое сравненіе какъ нельзя лучше подтвердить сказанное выше, наперекоръ многимъ нашимъ горнымъ инженерамъ, увѣреннымъ, что лучшихъ результатовъ для нашей горнозаводской промышленности и желать не слѣдуетъ.

Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ мѣста, я не могу здѣсь при-

вести полныхъ таблицъ, изъ которыхъ видны успѣхи горнаго дѣла въ Россіи и въ Пруссіи за каждый годъ и для каждаго металла въ теченіи послѣдняго времени; но я настоятельно рекомендую всякому, желающему получить вѣрное понятіе о ходѣ нашего горнозаводскаго дѣла, сдѣлать указываемое мною сравненіе за весь рядъ годовъ, начиная хоть съ 1860 г. [1]).

Однако, чтобы выводы мои не казались голословными, приведу здѣсь сопоставленіе результатовъ горнозаводскаго дѣла въ Россіи и въ Пруссіи въ 1867 и въ 1873 гг. Уже изъ этого сопоставленія будетъ ясно видно, какъ сильно отстала Россія отъ Пруссіи въ этомъ дѣлѣ, и какъ неправильно идетъ у насъ это дѣло въ сравненіи съ прусскимъ. Напомню при этомъ, что Пруссія значительно меньше Россіи и пространствомъ, и числомъ жителей; что она много бѣднѣе Россіи ископаемыми богатствами, и что развитіе въ ней горнозаводскаго дѣла было сильно замедлено войной 1870—1871 гг.

	Въ Россіи.		Въ Пруссіи.	
Добыто пудовъ:	въ 1867 г.	въ 1873 г.	въ 1867 г.	въ 1873 г.
Золота	1649,6	2024,75	0,17	18,65
Платины	108,91	96,[illegible]	—	—
Серебра. . . .	1106,12	606,5	2812,2	7073,5
Свинца	54,283	57,606	2.324,469	3.580,626
Цинка	180,263	206,037	3.826,854	3.753,702
Мѣди	258,869	223,282	223,446	465,069
Чугуна вообще.	17.552,893	23.464,307	54.940,077	94.434,123
Чугуннаго литья.	1.643,377	2.451,060	11.863,242	21.553,749
Желѣза. . . .	11.457,645	15.585,387	33.256,008	58.535,172
Стали	382,554	546,033	7.044,564	18.236,334
Олова	1,121	130	—	—
Хром. желѣзн.	56,877	391,809	—	—
Каменнаго угля.	26.776,215	71.486,328	1.592.546,084	2.420.144,496

Что добыча многихъ металловъ въ Россіи или уменьшается, или стоитъ на мѣстѣ, видно изъ слѣдующей таблицы:

---

[1]) Источниками для такого сравненія мнѣ служили:

Zeitschrift für das Berg-Hütten-und Salinenwesen in dem preussischen Staate, за послѣднія 10 лѣтъ.

„Горный Журналъ“, 1874, №№ 1 и 2. Рапортъ директора горнаго департамента министру финансовъ, о горной производительности Россіи за послѣднія 10 лѣтъ.

„Горный Журналъ“, 1874, № 9. К. Скальковскій, Горнозаводская производительность Россіи за 1872 годъ.

„Горный Журналъ“, 1875, № 9. К. Скальковскій, Горнозаводская производительность Россіи за 1873 годъ.

Добыто пудовъ:	1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.
Платины . .	106,5	108,6	122,5	142,6	118,6	125,1	92,6	96,1
Серебра . . .	1112,8	1106,1	1117,6	768,5	867,6	828,7	752,1	606,5
Свинца . . .	104,430	105,917	100,224	65,092	100,653	97,963	74,662	57,606
Мѣди. . . .	269,652	258,869	267,772	259,803	308,440	260,007	227,375	223,282
Олова. . . .		1,121				475	263	130
Цинка . . .		180,263	198,259	221,328	230,776	166,581	188,144	206,037
Хром. желѣзн.		56,877	41,084	66,831	600,024	450,973	372,549	391,809

Изъ этихъ таблицъ видно, что въ Россіи правильно увеличивается только добыча золота, чугуна и каменнаго угля (желѣзо, сталь и чугунное литье, какъ продукты переработки чугуна, не могутъ увеличить числа металловъ съ возрастающей добычей); правильно уменьшается добыча серебра, свинца, мѣди и олова; наконецъ, добыча платины, цинка и хромистаго желѣзняка колеблется на одной высотѣ или показываетъ склонность къ уменьшенію. Послѣднее ясно видно, если сложить количества добычи въ теченіи трехъ или четырехъ предъидущихъ годовъ и результатъ сравнить съ суммой добычи столькихъ же послѣдующихъ годовъ (для платины 480 и 432 пуда, для цинка 599,850 и 561,502 п.)

Горнозаводское дѣло въ Пруссіи идетъ совсѣмъ по-другому. Результаты этого дѣла за послѣднія 10—15 лѣтъ показываютъ, что добыча всѣхъ металловъ и ископаемыхъ веществъ въ Пруссіи увеличивается быстро и правильно, ни пониженій, ни колебаній въ цифрахъ добычи незамѣтно; видно, что прусское горное дѣло не находится въ нерѣшительномъ, неопредѣленномъ положеніи, какъ русское, а двигается неуклонно и безповоротно впередъ. Исключеніе составляетъ только одинъ цинкъ, добыча котораго въ Пруссіи за послѣднее время уменьшается, вслѣдствіе несомнѣннаго истощенія цинковыхъ рудъ.

Изъ приведенной таблицы вообще видно, что горнозаводская производительность Россіи составляетъ лишь очень небольшую часть производительности Пруссіи. Въ 1873 году у насъ добывалось: каменнаго угля, приблизительно, въ 30 разъ меньше, чѣмъ въ Пруссіи, стали въ 34 раза, цинка въ 15 разъ, свинца въ 60 разъ, серебра въ 12 разъ, желѣза и чугуна въ 4 раза, мѣди въ 2 раза. Въ ряду другихъ странъ Европы, по своей горной производительности, Россія не только далеко отстала отъ Англіи, Германіи, Франціи и Австріи, но даже отъ Бельгіи и Швеціи. И если принять въ разсчетъ, насколько Россія больше всѣхъ этихъ странъ пространствомъ и числомъ жителей, и насколько она богаче ихъ надѣлена горными мѣстностями, изоби-

лующими ископаемыми веществами, то едва ли не окажется, что по развитію горнозаводской промышленности Россія занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду остальныхъ европейскихъ странъ.

И притомъ, разсматривая результаты горнаго дѣла въ Россіи за послѣднее время, и сравнивая ихъ съ результатами этого дѣла въ другихъ странахъ, нельзя заключить, чтобы у насъ замѣчалось ясное и рѣшительное стремленіе догнать эти страны въ ихъ горной производительности. Въ самомъ дѣлѣ, добыча многихъ, если не бóльшей части металловъ, у насъ постепенно уменьшается; увеличеніе же добычи золота, чугуна, желѣза, стали и каменнаго угля идетъ не настолько быстро, чтобы безъ натяжки можно было говорить о стараніяхъ Россіи догнать другія страны въ развитіи ихъ горнозаводской дѣятельности.

Гдѣ же причины такого печальнаго состоянія нашей горнозаводской промышленности и какими мѣрами можно ихъ устранить? Я не берусь отвѣтить на этотъ сложный и обширный вопросъ; но, познакомившись при многочисленныхъ поѣздкахъ въ теченіи четырехъ лѣтъ съ нашей важнѣйшей горнозаводской мѣстностью, съ Ураломъ, я хотѣлъ бы обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны жизни въ этой мѣстности, въ которыхъ, какъ мнѣ кажется, можно найти полезное разъясненіе къ упомянутымъ вопросамъ. Я долженъ добавить, что мои поѣздки по Уралу непосредственно чередовались съ поѣздками въ Англію, въ Германію, въ Швейцарію или въ другія мѣстности Россіи. Это не могло, конечно, не отозваться на томъ, къ какимъ выводамъ я пришелъ относительно Урала. Мнѣ много разъ приходилось сравнивать его съ другими мѣстностями, и при личномъ обзорѣ этихъ мѣстностей, одной непосредственно за другой, легче было замѣтить, чего недостаетъ въ одной, въ противоположность къ другой. Ниже я сообщаю объ Уралѣ только то, что́, какъ мнѣ кажется, имѣетъ связь съ вопросомъ о причинахъ застоя въ нашей горнозаводской промышленности.

I.

Прежде всего необходимо ясно опредѣлить, что̀ такое Уралъ. Подъ этимъ именемъ составлено четыре совершенно различныхъ понятія. Во-первыхъ, Ураломъ называютъ весь горный хребетъ или весь огромный валъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи; Уралъ въ этомъ смыслѣ имѣетъ нѣсколько сотъ верстъ ширины и нѣсколько тысячъ длины; онъ подразумѣвается при этомъ весь цѣликомъ, вмѣстѣ со склонами и вершиной вала. Во-вторыхъ, Ураломъ называютъ только верхнюю полосу уральскаго хребта, имѣющую лишь немного десятковъ верстъ въ ширину; здѣсь мѣстность и всѣ условія быта имѣютъ своеобразный, «горный» характеръ, рѣзко отличный отъ характера мѣстностей земледѣльческихъ; здѣсь сосредоточены всѣ рудники, розсыпи и заводы. Въ-третьихъ, Ураломъ мѣстные жители зовутъ средній и высшій гребень изъ числа отдѣльныхъ горъ и гребней, покрывающихъ уральскій хребетъ; этотъ гребень образуетъ водораздѣльную линію между европейскими и азіатскими рѣками; переѣздъ черезъ него обыкновенно не длиннѣе 5—10 верстъ. Въ-четвертыхъ, Уралъ—долина рѣки, впадающей въ Каспійское море.

Ураломъ я буду называть всегда узкую горную полосу, тянущуюся по-верху уральскаго горнаго хребта и имѣющую рѣзко-очерченный характеръ мѣстности горной. Здѣсь отдѣльныя горы, покрывающія вообще весь уральскій хребетъ, тѣсно или близко навалены одна около другой; обширныхъ долинъ между ними нѣтъ, онѣ непосредственно переходятъ одна въ другую, образуя лишь длинные и узкіе лога, по которымъ текутъ неглубокія, но чрезвычайно быстрыя и извилистыя горныя рѣки и рѣчки. И горы, и лога здѣсь густо покрыты сплошнымъ лѣсомъ, хвойнымъ или, рѣже, березовымъ; лиственныхъ лѣсовъ здѣсь почти нѣтъ, кустарниковъ тоже. Почва здѣсь камениста или, говоря вѣрнѣе, просто каменная, изъ массивныхъ горныхъ породъ, съ тонкимъ покровомъ дерна. Земледѣліе здѣсь невозможно, такъ какъ здѣсь невозможно отложеніе слоя мелко измельченныхъ частицъ, составляющихъ въ мѣстахъ низменныхъ или болѣе ровныхъ хлѣбородную почву. Понятно, что при крутости склоновъ горъ, при отсутствіи долинъ, при быстротѣ, съ которой дождевая и снѣговая вода обмываетъ почву,—на Уралѣ пашни нигдѣ образоваться не можетъ: всѣ мелкія частички постоянно смываются водой и уносятся прочь, въ мѣста болѣе ровныя и спокойныя. И не только мелкія частички смываются этой водой, бурно обмы-

вающей Уралъ весной и послѣ дождей, она уноситъ далеко даже крупные камни или подмываетъ и разрушаетъ крѣпкія скалы. Образованіе хлѣбороднаго слоя, годнаго для культуры хлѣбныхъ растеній, возможно только въ мѣстахъ спокойнихъ, гдѣ этотъ слой можетъ улечься на долгое время.

Чѣмъ болѣе удаляться отъ этой горной полосы, чѣмъ дальше спускаться по склонамъ уральскаго хребта, тѣмъ замѣтнѣе становится переходъ къ мѣстностямъ земледѣльческимъ или «степямъ», какъ ихъ зовутъ уральцы. Горы становятся ниже, положе и рѣже, лога — шире и ровнѣе; послѣдніе переходятъ въ долины или въ большія пространства съ ровнымъ характеромъ поверхности; лѣса дѣлаются рѣже и замѣняются понемногу лиственными; рѣки становятся прямѣе и глубже, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ теченіе дѣлается медленнѣе; количество годной для обработки земли все болѣе увеличивается. Рудники, россыпи, заводы и промывки, столь частые на Уралѣ, попадаются все рѣже и рѣже. Голыя скалы или горныя породы, на каждомъ шагу бьющія въ глаза на Уралѣ, уходятъ въ глубь земли, прячутся подъ толстымъ слоемъ мелко-измельченныхъ и перемѣшанныхъ частицъ камней и растительныхъ остатковъ,—подъ слоемъ хлѣбородной почвы. Въ числѣ занятій жителей земледѣліе все болѣе и болѣе начинаетъ выступать на первый планъ.

Такимъ образомъ, по опредѣленію самой природы, земледѣльческая дѣятельность невозможна для уральскаго населенія; обработка огородовъ и собираніе травы съ покосовъ, разсѣянныхъ среди лѣсовъ,—единственныя земледѣльческія занятія уральцевъ. Но, взамѣнъ того, природа щедро наградила Уралъ ископаемыми богатствами, топливомъ и водяной силой; этимъ она сама какъ-бы вынуждаетъ уральское населеніе заниматься горнозаводскими промыслами.

Многочисленныя горныя рѣки и рѣчки въ высшей степени удобны для устройства плотинъ и для полученія огромной и весьма дешевой движущей силы: онѣ чрезвычайно быстры и заключены между близко-стоящими одна около другой и крутыми горами. Всѣ уральскіе заводы пользуются этой дешевой движущей силой, которая дѣлаетъ въ нихъ примѣненіе пара почти излишнимъ; но еще бо́льшая часть этой силы стекаетъ безплодно съ Урала, такъ какъ существующихъ заводовъ далеко недостаточно для полной ея утилизаціи. Лѣсъ, густо покрывающій Уралъ, обильно предлагаетъ горючій и строительный матеріалъ; въ разныхъ мѣстахъ по Уралу и въ особенности по его склонамъ найденъ каменный уголь. Уральскія горы заключаютъ въ изобиліи

всевозможныя руды и матеріалы, необходимые въ горнозаводскомъ дѣлѣ; то, что извѣстно теперь изъ этихъ рудъ и матеріаловъ, составляетъ лишь ничтожную часть тѣхъ богатствъ, которыя могутъ дать эти горы, занимающія огромную территорію, густо покрытыя лѣсомъ и разслѣдованныя до сихъ поръ только въ малой части, если только найдутся охотники искать этихъ богатствъ и пользоваться ими.

Такимъ образомъ, Уралъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для возможности развитія горнозаводскаго дѣла въ широкихъ размѣрахъ: огромнымъ запасомъ дешевой движущей силы, топливомъ въ изобиліѣ и всевозможными рудами и матеріалами, нужными для добычи различныхъ металловъ. И къ тому же, онъ населенъ сотнями тысячъ здороваго, смышленаго, расторопнаго и работящаго населенія.

Понятно, что внѣшнія условія быта на Уралѣ, столь рѣзко отличныя отъ условій природы и почвы въ низменной земледѣльческой Россіи, опредѣляя родъ занятія уральскаго населенія, не могли не повліять и на весь складъ уральской жизни, на видъ уральскихъ поселеній, на характеръ и степень развитости жителей, на складъ ихъ домашняго быта, на ихъ одежду и т. д. И дѣйствительно, жизнь уральскаго населенія представляетъ много своеобразнаго. Въ общемъ выводѣ нельзя не замѣтить, что занятіе горными и другими промыслами сдѣлало изъ уральцевъ, сравнительно съ населеніемъ исключительно земледѣльческихъ мѣстностей, народъ болѣе чистый, смышленный, расторопный и даже болѣе образованный. Знакомство съ Ураломъ и съ уральцами производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, и въ то же время житель земледѣльческой Россіи, пріѣхавъ на Уралъ, почувствуетъ себя здѣсь какъ-бы чужимъ, иностранцемъ. Онъ увидитъ здѣсь много новаго, любопытнаго, онъ увидитъ, что все здѣсь свое, русское, но что въ то же время все имѣетъ свой особенный, самостоятельный отпечатокъ. Можно думать, что на жителя средней Россіи Уралъ произведетъ, приблизительно, такое же впечатлѣніе, какъ на баварца, напримѣръ, Саксонія.

Поселенія на Уралѣ рѣдки, но обыкновенно значительно многолюднѣе селъ и деревень Россіи. Это обстоятельство зависитъ, конечно, отъ отсутствія здѣсь земледѣльческой дѣятельности, при которой населеніе должно размѣщаться возможно ближе къ своимъ полямъ и лугамъ, или даже должно занимать мѣсто въ ихъ серединѣ. Слово «село» почти неизвѣстно на Уралѣ, оно замѣнено здѣсь словомъ «заводъ», хотя иногда и случается, что самый заводъ давно уже прекратилъ свое существованіе и осталось

одно населенное мѣсто, безъ заводской дѣятельности. Заводы довольно рѣдко разсѣяны по Уралу, и въ нихъ сосредоточивается вся жизнь съ окружающей ихъ площадью во много десятковъ и сотенъ квадратныхъ верстъ. Въ самыхъ небольшихъ заводахъ около 1000 душъ населенія, въ среднихъ—5—8 тысячъ, а большіе, какъ златоустовскій, міясскій или нижне-тагильскій, по населенности могутъ быть названы городами. Проѣзжая по Уралу, на протяженіи иногда 20 — 30 верстъ не видишь ни малѣйшаго признака населенія, ни одной деревни, ни одного дома, ни одного обработаннаго поля или скошеннаго луга; тѣмъ бóльшее впечатлѣніе производятъ эти заводы, широко раскинувшіеся во всѣ стороны по склонамъ горъ возлѣ обширныхъ прудовъ, съ ихъ безконечно длинными улицами, многолюднымъ населеніемъ и фабричной дѣятельностью.

Во внѣшнемъ видѣ всѣхъ уральскихъ заводовъ есть много сходнаго. Всѣ они расположены по склонамъ горъ вокругъ пруда, составляющаго необходимую принадлежность каждаго завода. Пруды имѣютъ довольно значительные размѣры: нѣсколько верстъ въ длину, а иногда и въ ширину; черезъ плотину ведетъ дорога изъ одной части завода въ другую. У плотины сосредоточены фабричныя зданія; здѣсь помѣщаются доменныя печи, изъ которыхъ, какъ видно по ночамъ, поднимаются вверхъ огненные столбы (вопреки всѣмъ правиламъ объ экономіи въ топливѣ); множество трубъ поднимается надъ зданіями; шумъ падающей черезъ плотину воды и стукъ тяжелыхъ молотовъ, поднимаемыхъ этой водой, разносятся далеко во всѣ стороны. Здѣсь же, около заводскихъ зданій, почти всегда увидишь огромныя черныя кучи древеснаго угля, ничѣмъ не покрытыя (въ ущербъ экономіи въ топливѣ, такъ какъ уголь поглощаетъ при этомъ значительное количество воды); здѣсь же увидишь иногда кучи желѣзной руды желтаго или краснаго цвѣта. По близости—зданія конторы, больницы, аптеки, помѣщеніе управляющаго или владѣльца; недалеко же отсюда скромно пріютилась гдѣ-нибудь церковь. Именно «скромно пріютилась», потому что церкви въ уральскихъ заводахъ какъ-то теряются въ общей массѣ построекъ: онѣ не бросаются здѣсь сразу въ глаза, какъ въ селахъ земледѣльческой Россіи, гдѣ ихъ окружаютъ низенькія, невзрачныя избенки; на Уралѣ ихъ видъ и постройки обыкновенно самые скромные и простые.

Отъ плотины, какъ отъ центра, ведутъ во всѣ стороны улицы прямыя, широкія и длинныя. Онѣ обставлены привѣтливо и чисто смотрящими домами, въ 3, 4, 5 и болѣе оконъ, нерѣдко двухъ-этажными, иногда каменными, съ раскрашенными ставнями

и тесовыми крышами. Соломы на крышахъ здѣсь, конечно, нигдѣ не увидишь; при отсутствіи земледѣлія ее трудно достать и за деньги, лѣсъ же на Уралѣ весьма дешевъ. Заводскія улицы чисты и опрятны; навоза или навозныхъ кучъ, которыя въ земледѣльческихъ селахъ лежатъ вездѣ, гдѣ имъ не слѣдуетъ, здѣсь нигдѣ не видно; каменистая почва не допускаетъ образованія большой грязи, или же улицы вымощены плитнякомъ, шлакой или битымъ камнемъ.

Внутренность дворовъ, или по-уральски «оградъ», и домовъ, производитъ не менѣе пріятное впечатлѣніе. Дворы обыкновенно крытые и выстланные плитнякомъ или досками; внутри дома 2—3 комнаты, съ расписанными полами, потолками и стѣнами, съ картинками по стѣнамъ, съ простой, но чистой мебелью. Кухня—особо, чистая половина, или пріемная—особо. Послѣдняя отличается даже изысканностью убранства: на окнахъ цвѣты и занавѣски, по стѣнамъ — картины, зеркало, часы; кровать закрыта ситцевыми пологами; у стѣны большой шкапъ съ посудой; на полу коврики. Почти въ каждомъ домѣ найдешь самоваръ со всѣми принадлежностями, такъ какъ чай сдѣлался необходимой потребностью жизни для уральцевъ.

Наружность населенія вполнѣ соотвѣтствуетъ этой обстановкѣ. Все это—красивый, рослый, чисто одѣтый народъ, мало похожій на нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Мужчины ходятъ въ суконныхъ сюртукахъ или кафтанахъ, въ брюкахъ, сапогахъ, фуражкахъ, зимой—крытыхъ сукномъ шубахъ; женщины—въ ситцевыхъ платьяхъ, въ платкахъ, башмакахъ, въ крытыхъ шубейкахъ. Ни на комъ не увидишь сермяги, ни лаптей, ни голой овчины; наружность населенія напоминаетъ болѣе мѣщанъ или городскихъ ремесленниковъ, чѣмъ деревенскихъ жителей; по виду уральцы похожи на жителей московской, владимірской или другихъ промышленныхъ губерній. Грамотныхъ между ними больше, чѣмъ среди населенія земледѣльческихъ мѣстностей; ихъ никогда не увидишь въ такомъ безобразно-пьяномъ видѣ, какъ нашихъ мужиковъ-земледѣльцевъ; отъ нихъ не услышишь такой грубой рѣчи, такихъ безобразныхъ ругательствъ, какъ отъ этихъ. Ихъ обхожденіе и разговоры показываютъ знакомство со свѣтомъ, съ людьми образованными и бывалыми. Они развитѣе, образованнѣе и такъ-сказать болѣе приличны, чѣмъ крестьяне-пахари.

Домашнія занятія уральцевъ ограничиваются заботами о скотѣ, объ огородѣ и о покосахъ. На далекомъ пространствѣ вокругъ заводовъ разсѣяны среди лѣса покосы или небольшіе клочки луговъ, съ которыхъ уральцы имѣютъ право брать сѣно

для своей скотины. Выгономъ для скотины служитъ тотъ же лѣсъ, причемъ на лошадей и коровъ, какъ и въ Швейцаріи, надѣваютъ колокольчики, по звуку которыхъ и находятъ потомъ скотину; и кстати сказать, эти колокольчики, и формой, и звукомъ, чрезвычайно похожи на швейцарскіе. Вообще скотина — лошади, коровы и козы — самый важный предметъ въ хозяйствѣ уральцевъ, составляющій для нихъ едвали не главное средство пропитанія; въ особенности значительную роль играютъ въ быту уральцевъ лошади, доставляя имъ возможность многихъ заработковъ. И уральское населеніе любитъ и холитъ свою скотину, которая имѣетъ у него сытый и чистый видъ; уральскія лошади славятся быстротой бѣга и выносливостью. Поэтому неурожаи на Уралѣ — сѣна, а не хлѣба — имѣютъ также огромное значеніе и тяжело отзываются на хозяйственномъ бюджетѣ населенія.

Эти небольшіе клочки луговъ или покосовъ да огороды при усадьбахъ, составляютъ единственныя мѣста, которыми уральцы имѣютъ право пользоваться; со времени освобожденія крестьянъ, мѣста эти поступили имъ въ надѣлъ. Впрочемъ, съ этихъ мѣстъ уральцы могутъ брать только сѣно да овощи; на руду и на различные ископаемые предметы они вообще права пользованія не имѣютъ. Имъ дается, кромѣ того, извѣстное количество дровъ и сѣна изъ заводской дачи, для построекъ и для отопленія жилищъ.

Но если уральцамъ почти нечего дѣлать на своей землѣ за неимѣніемъ таковой, то выгодное положеніе Урала между Европой и Азіей, и богатства окружающей природы доставляютъ имъ множество разнообразныхъ занятій. У нихъ нѣтъ одного постояннаго, преобладающаго дѣла, они — промышленники не только по горнозаводской части, но и по многимъ другимъ, и мѣняютъ эти промыслы, смотря по обстоятельствамъ. Они добываютъ и возятъ руду; работаютъ на заводахъ, въ рудникахъ, на промывкахъ и на пріискахъ; рубятъ лѣсъ и жгутъ уголь; строютъ барки и сплавляютъ ихъ, возятъ хлѣбъ, шерсть, сало, чай и т. д.; возятъ за прогоны; гонятъ деготь; дѣлаютъ деревянную и желѣзную посуду; кузнечничаютъ и слесарничаютъ; промышляютъ скотиной или мясомъ, держатъ мельницы; дѣлаютъ жернова и точила; дѣлаютъ ножи, кинжалы, печати и т. п.; обработываютъ кожи; промышляютъ мѣхами и т. д. Извозъ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ занятій уральцевъ: они возятъ пшеницу, хлѣбъ изъ-за Урала, кожи и шерсть изъ киргизскихъ степей, сало, масло и чай изъ Сибири, съ Урала — различные металлы, руды и камни. Кромѣ того, уральцы — записные рыболовы и охотники, и наконецъ, очень

многіе изъ нихъ живутъ на промыслахъ на сторонѣ или сплавляютъ барки въ Нижній, въ Петербургъ и другія мѣста.

Отличіе уральцевъ отъ жителей земледѣльческой Россіи можно бы было провести до послѣднихъ мелочей. Оно выражается и въ ихъ занятіяхъ, и въ ихъ образѣ жизни, и въ одеждѣ, и въ пищѣ, въ обычаяхъ, въ пѣсняхъ, въ языкѣ и т. д. Относительно пищи можно замѣтить, что у уральцевъ не занимаетъ первое мѣсто «сѣно», т.-е. рѣдька, капуста, каша, хлѣбъ, картофель, лукъ и т. п., какъ у жителей средней Россіи, но что они чаще ѣдятъ мясо и рыбу; пельмени—ихъ любимое кушанье; хлѣбъ они ѣдятъ только пшеничный; пьютъ часто чай и т. п. Въ языкѣ уральцевъ есть также много отличій: они говорятъ нѣсколько на-распѣвъ, вмѣсто утвердительной частицы «да» говорятъ «ну», употребляютъ много словъ, неизвѣстныхъ въ средней Россіи, и вообще ихъ языкъ настолько отличенъ, хотя и въ мелочахъ, что пріѣзжаго на Уралѣ можно отличить по разговору. Пѣсни уральцевъ также совсѣмъ другія, неизвѣстныя въ земледѣльческой Россіи. Болѣе подробное изложеніе особенностей уральскаго быта не входитъ, впрочемъ, въ мою программу.

II.

Я очертилъ въ короткихъ словахъ природу и жизнь на Уралѣ, какими онѣ представляются на первый взглядъ, при бѣгломъ обзорѣ мимоѣздомъ. Картина вышла, пожалуй, довольно идиллическая, съ пріятнымъ для глазъ розовымъ оттѣнкомъ. Дѣйствительно, если ѣхать изъ низменной Россіи, то Уралъ поражаетъ множествомъ новаго и интереснаго, представляющаго пріятный контрастъ съ мѣстностями земледѣльческими; виды уральской природы, рудники, промывки, пріиски и заводы, разнообразныя и значительныя минеральныя богатства, видъ и характеръ населенія, — все это производитъ на пріѣзжаго сильное и пріятное впечатлѣніе. Но не столь идиллична окажется уральская жизнь: если ее изучить внимательнѣе и въ подробностяхъ, если вникнуть въ самую суть этой жизни, глаза свыкнутся помемногу съ красивыми на видъ декораціями и перестанутъ замѣчать ихъ внѣшнюю нарядность; а за декораціями, какъ и въ настоящемъ, но плохомъ театрѣ, окажется цѣлая масса безпорядочно разбросанныхъ матеріаловъ и предметовъ, между которыми праздно и безтолково бродятъ люди, не зная за что взяться, чѣмъ наполнить эту бивуачную жизнь; окажется хаосъ людей и пред-

метовъ въ родѣ того, который былъ нѣкогда выраженъ нашими предками въ жалобѣ, что «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ».

Да, если поѣздить да пожить на Уралѣ и вникнуть въ смыслъ уральской жизни, то неутѣшительное составишь о немъ понятіе. Вездѣ будешь видѣть одно и то же: массы рудъ, неистощимыя богатства горной природы, обиліе горючаго матеріала, значительныя и дешевыя движущія силы, и рядомъ съ этимъ — населеніе многолюдное, способное, жаждущее работы и почти голодающее среди этихъ богатствъ природы, перебивающееся коекакъ и кое-чѣмъ, занимающееся всякими случайными и маловажными промыслами, и почти не участвующее въ главномъ — въ горномъ. Есть, въ самомъ дѣлѣ, много хаотическаго въ такомъ порядкѣ вещей, въ такомъ разъединеніи и стремленіи врозь элементовъ, которымъ сама природа назначила дружно и сообща подвигать впередъ русскую горную промышленность; въ настоящее время уральскому населенію нѣтъ почти никакого дѣла до рудъ и другихъ горныхъ богатствъ; оно занимается не столько горнымъ дѣломъ, назначеннымъ ему въ удѣлъ самой природой, сколько извозомъ, гонкой дегтя и тому подобными мелочными промыслами. Руды и ископаемыя богатства на Уралѣ лежатъ спокойно сами по себѣ, какъ ни къ чему негодныя, никого не интересуя; быстрыя рѣки уносятъ безплодно движущую силу — сами по себѣ; лѣса или стоятъ праздно, или вырубаются и губятся по мелочи, безъ всякаго порядка, безъ толку и безъ разумной цѣли; а населеніе живетъ само по себѣ, мало интересуясь окружающими его горными богатствами и занимаясь такими промыслами, какіе были бы умѣстны гдѣ-нибудь въ калужской или рязанской губерніи, но неумѣстны на Уралѣ. Всѣ эти богатые, могучіе элементы, которые при другихъ условіяхъ были бы способны завалить всемірный рынокъ произведеніями русскаго горнозаводскаго дѣла, теперь кажутся случайно и безъ пользы собранными вмѣстѣ; они не направлены въ одну дружную, стройную систему для развитія горнаго дѣла, а лѣзутъ врозь, или не хотятъ знать другъ друга. Уралъ—это прекрасная большая желѣзная дорога въ бойкой и выгодной мѣстности, но разобранная по частямъ и наваленная безпорядочными кучами; мудрено ли, что наше горное дѣло по такой дорогѣ далеко уѣхать не можетъ?

При настоящемъ положеніи вещей на Уралѣ, на немъ некому заниматься *большимъ* развитіемъ горнозаводскаго дѣла; новыхъ предпринимателей или расширенія горнозаводской дѣятель-

ности на Уралѣ ждать неоткуда. Тѣ силы, которыя двигають теперь тамъ впередъ горное дѣло, и слишкомъ малы, и чрезъчуръ уже завалены работой; онѣ могутъ увеличивать размѣры своей дѣятельности лишь въ незначительной степени; новыхъ же силъ или новыхъ дѣятелей, безъ реформы соціально-экономическаго строя уральской жизни, ждать неоткуда или можно прождать очень долго. Я объясню это, разобравъ одинъ за другимъ всѣ элементы, отъ которыхъ теперь можно бы было ждать расширенія горнозаводской дѣятельности.

Прежде всего, горнозаводскимъ дѣломъ на Уралѣ занимается само правительство. Ему принадлежатъ многіе заводы, бо̀льшею частью дѣйствующіе и теперь, съ огромными дачами. Правительство уже рѣшило въ принципѣ передать бо̀льшую часть принадлежащихъ ему заводовъ и пріисковъ въ частныя руки; продажа ихъ должна состояться въ непродолжительномъ будущемъ, предполагая, конечно, что найдутся охотники купить ихъ. По этой причинѣ, большого развитія горнозаводскаго дѣла или увеличенія въ немъ предпріимчивости нельзя ждать на всемъ огромномъ пространствѣ, принадлежащемъ правительству и составляющемъ въ суммѣ значительную часть всего Урала. Понятно, что, порѣшивъ отказаться отъ заводовъ, правительство не заинтересовано ни розыскомъ новыхъ рудъ, ни увеличеніемъ добычи металловъ на существующихъ заводахъ, ни постройкой новыхъ заводовъ. Съ другой стороны, извѣстно, какъ невыгодны были въ коммерческомъ отношеніи для правительства его заводы; такимъ образомъ, и съ этой стороны для правительства нѣтъ побужденія расширять горнозаводское дѣло въ принадлежащихъ ему дачахъ. Въ результатѣ такого переходнаго положенія оказывается, что значительная часть Урала, принадлежащая казнѣ, лишена возможности прогрессировать въ горномъ дѣлѣ на неопредѣленно долгое время. Насколько основательно ждать скораго появленія покупщиковъ на казенные заводы—будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія. Дѣйствующіе казенные заводы занимаютъ лишь небольшую часть всего способнаго къ работѣ населенія; остальная часть въ эксплуатаціи казенныхъ заводскихъ дачъ участія не принимаетъ и принять не можетъ.

Затѣмъ, горнымъ дѣломъ на Уралѣ занимаются частные владѣльцы; имъ принадлежитъ также весьма значительная часть Урала. Если ихъ пересчитать всѣхъ: гг. Демидовыхъ, Пашковыхъ, Безардаки, Губиныхъ, Зотовыхъ, Строгоновыхъ, Яковлевыхъ, Стенбокъ-Ферморъ и т. д.,—то сумма окажется очень небол-

шая, отъ 20 до 30 фамилій [1]). Этому небольшому числу лицъ принадлежатъ всѣ остальные уральскіе заводы съ огромными дачами; нѣкоторыя изъ нихъ владѣютъ территоріями, величина которыхъ превышаетъ иныя германскія княжества или герцогства. Такимъ образомъ, небольшому числу лицъ принадлежитъ право пользованія огромной частью Урала и возможность расширять въ этой части горнозаводское дѣло. Для другихъ предпринимателей, стороннихъ или мѣстныхъ, горнозаводская дѣятельность въ дачахъ частныхъ владѣльцевъ или совершенно невозможна, или же затруднительна по необходимости большого капитала на покупку лѣса и содержащаго руду участка, и на постройку завода, по невыгодности конкурренціи, со стороны владѣльцевъ и т. п. Но въ особенности здѣсь слѣдуетъ упомянуть о двухъ важныхъ обстоятельствахъ, затрудняющихъ или даже дѣлающихъ невозможной предпріимческую дѣятельность со стороны новыхъ лицъ въ дачахъ частныхъ заводчиковъ. Во-первыхъ, большая часть послѣднихъ владѣетъ землей лишь на правахъ посессіонныхъ, не имѣя владѣльческихъ правъ распоряжаться этой землей. Во-вторыхъ, на бо̀льшей части частныхъ уральскихъ заводовъ лежатъ огромныя суммы долговъ, преимущественно правительству, превышающія иногда значительно даже дѣйствительную ихъ стоимость. Такимъ образомъ, устройство заводовъ въ дачахъ частныхъ владѣльцевъ новыми предпринимателями затруднено или отсрочено на неопредѣленно долгое время, именно до тѣхъ поръ, пока не будутъ точно опредѣлены или регулированы права посессіонныхъ владѣльцевъ на землю, и пока долги, лежащіе на заводскихъ дачахъ, не перестанутъ быть тормазомъ для неповиннаго ни въ чемъ русскаго горнаго дѣла.

Между тѣмъ, отъ самихъ частныхъ владѣльцевъ нельзя ждать значительнаго увеличенія горнозаводской дѣятельности въ ихъ владѣніяхъ. Они уже и теперь завалены работой по-горло, большая часть изъ нихъ имѣетъ уже и теперь по нѣскольку дѣйствующихъ заводовъ. Вообще, 20—30 фирмамъ частныхъ заводчиковъ на Уралѣ принадлежатъ около 120 заводовъ, т.-е. на каждаго среднимъ числомъ приходится 4 завода [2]). Очевидно,

[1]) Я насчиталъ около 30 фирмъ и фамилій, которымъ принадлежатъ на Уралѣ заводы; между тѣмъ, въ небольшомъ Царствѣ Польскомъ, не имѣющемъ для горнозаводской дѣятельности такого важнаго значенія какъ Уралъ, значительно меньшемъ и по пространству, и по количеству добычи металловъ, владѣльцевъ горныхъ заводовъ больше 70!—Сборникъ статистич. свѣдѣній по горной части, 1867 г.

[2]) Вотъ рядъ цифръ, выражающихъ, сколько заводовъ (безъ пріисковъ) находится въ однѣхъ рукахъ у частныхъ заводчиковъ Урала: 8, 16, 4, 3, 8, 6, 5, 8, 6, 7, 3, 4,

что если отъ частныхъ заводчиковъ Урала и можно ждать нѣкотораго ежегоднаго расширенія горнозаводской дѣятельности, то отнюдь не такого, въ какомъ нуждается русское горное дѣло. Для успѣшнаго расширенія этого дѣла нужны новыя, свѣжія силы.

Право собственности на остальную часть Урала принадлежитъ башкирамъ. Это народъ лѣнивый, безпечный и къ развитію горнаго дѣла во всякомъ случаѣ неспособный. Башкиры пользуются принадлежащими имъ огромными участками безъ толку, а по бо́льшей части и ровно ничего съ ними не дѣлаютъ. Они продаютъ или отдаютъ въ аренду свои лѣса и земли за безцѣнокъ, сами же ихъ никогда не эксплуатируютъ и по своимъ національнымъ качествамъ эксплуатировать не могутъ. Найденныя на ихъ землѣ рудныя мѣсторожденія они продаютъ или сдаютъ въ аренду за ничтожную плату; а само собой разумѣется, что руду находятъ въ этихъ случаяхъ не сами башкиры, а сторонніе предприниматели. При подобныхъ сдачахъ въ аренду или продажахъ участковъ, башкиры—первые взяточники въ свѣтѣ; каждый изъ нихъ старается получить въ свою пользу съ охотника на участокъ побольше денегъ и чаю (башкиръ задобриваютъ чаемъ, какъ русскихъ—виномъ) и не противорѣчитъ за это отдачѣ общественнаго участка за ничтожную плату. Если есть возможность, то, сдавши рудникъ или участокъ одному лицу, башкиры сдаютъ его и другому, или же берутъ по крайней мѣрѣ съ обоихъ лицъ и деньги, и чай. Работы башкиры не любятъ, большую часть года ничего не дѣлаютъ и на рудникахъ рабочіе изъ нихъ не цѣнятся, какъ лѣнивые и слабосильные. Вообще, башкиры неспособны къ правильному, постоянному, систематическому занятію, требующему любви къ труду, терпѣнія и энергіи; они любятъ легкую наживу, для которой не нужно настойчивой работы; ихъ идеалъ, котораго они и достигаютъ довольно успѣшно,—абсолютно праздная жизнь съ безпрерывными чаепитіями, съ частой ѣздой въ гости, приниманіемъ и угощеніемъ гостей съ утра до вечера, покупкой, продажей и мѣной земли, лошадей, скотины, сватаньемъ невѣстъ и жениховъ, и т. п. Только крайняя нужда заставляетъ башкиръ работать, и при первой возможности они спѣшатъ бросить работу. Пахатную землю они сдаютъ иногда въ аренду русскимъ, и зачастую работаютъ потомъ у послѣднихъ въ качествѣ поденьщиковъ. Несмотря на

3, 6, 5, 8, 4, 6 по 2 и 5 по 1 заводу. Если же причислить къ заводамъ пріиски и промыслы, находящіеся въ тѣхъ же рукахъ, то цифры эти увеличатся еще болѣе.— Сборникъ стат. свѣд. по горной части за 1867 г.

то, что башкиры богатые собственники, они живутъ несравненно хуже русскихъ: въ дрянныхъ домишкахъ, съ плохими оградами, или вовсе неогороженныхъ; одежда на нихъ рваная и мизерная; на улицахъ лѣтомъ у нихъ нерѣдко видишь совершенно голыхъ ребятишекъ, и т. п.

Но какъ бы ни былъ негоденъ этотъ народъ въ культурномъ отношеніи, онъ достоинъ похвалы за то, что всѣмъ охотникамъ арендовать землю для горнозаводской дѣятельности даетъ возможность пріобрѣтать отличные участки за цѣну поистинѣ баснословно-дешевую [1]). Поэтому, въ числѣ уральскихъ собственниковъ, башкиры едвали не самые благопріятные для расширенія горнаго дѣла. Охотники начать горнозаводскую дѣятельность могутъ пріобрѣсти отъ башкиръ нужный или даже ненужно большой участокъ легко и дешево, много легче и дешевле, чѣмъ отъ правительства или отъ другихъ частныхъ владѣльцевъ. Кстати сказать, это обстоятельство способно послужить немалымъ препятствіемъ для продажи казенныхъ и частныхъ заводскихъ дачъ: кому охота платить огромный капиталъ за дачу, когда такую же дачу можно пріобрѣсти у башкиръ за безцѣнокъ?

Наконецъ, дальнѣйшаго развитія горнозаводскаго дѣла можно бы было ждать отъ частныхъ, стороннихъ или мѣстныхъ предпринимателей, неимѣющихъ на Уралѣ права собственности на землю, но могущихъ пріобрѣтать ее покупкой или арендованіемъ. Посмотримъ, основательно ли ждать прогресса въ горномъ дѣлѣ съ этой стороны, или, вѣрнѣе, поищемъ объясненія тому печальному обстоятельству, что новыхъ предпринимателей въ горномъ дѣлѣ на Уралѣ до сихъ поръ ни откуда не являлось.

Многіе заводы частныхъ владѣльцевъ, преимущественно со времени освобожденія крестьянъ, не работаютъ; они или продаются за долги, или находятъ работу съ наемными рабочими невыгодной; извѣстны заводы, продающіеся или недѣйствующіе уже лѣтъ 15 и даже болѣе. Да, впрочемъ, нужно ли здѣсь говорить о безуспѣшной продажѣ именно заводовъ? Отчего вообще не появляется покупателей на землю, лежащую теперь почти безъ всякой пользы для кого бы то ни было и которой на Уралѣ такъ много? Новые предприниматели всегда могли бы найти участки для покупки или арендованія, и устроить на нихъ заводы и помимо заводовъ существующихъ; но дѣло въ томъ, что они ни откуда не являются или же появляются весьма рѣдко, какъ-бы въ видѣ исключенія.

[1]) Мнѣ извѣстны примѣры пріобрѣтенія у башкиръ огромныхъ участковъ въ аренду на 70 лѣтъ по нѣскольку копѣекъ ежегодной платы за десятину.

И это кажется мнѣ вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Между мѣстнымъ населеніемъ на Уралѣ нѣтъ людей достаточно богатыхъ для покупки заводскихъ дачъ и заводовъ; стороннихъ же предпринимателей трудно ждать на Уралѣ по многимъ важнымъ причинамъ. Во-первыхъ, для того, чтобы начать тамъ горнозаводское дѣло, нуженъ очень большой капиталъ на покупку дачи съ заводомъ и на первое обзаведеніе; а извѣстно, что въ Россіи такіе крупные капиталисты со свободными деньгами—явленіе весьма рѣдкое. Во-вторыхъ, въ Россіи еще такъ слабо развиты торговля и промышленность, что всякій имѣетъ или найдетъ дѣло и дома, гдѣ онъ свой человѣкъ, гдѣ всѣ условія быта и занятія ему извѣстны; кому охота ѣхать въ неизвѣстную мѣстность для начинанія новаго незнакомаго дѣла, когда и дома, куда ни обернись, можно найти занятіе выгодное и уже достаточно извѣстное въ главнѣйшихъ подробностяхъ? Въ-третьихъ, горнозаводское дѣло, даже и для людей съ нимъ знакомыхъ, сопряжено съ значительнымъ рискомъ; можно истратить много денегъ, пока будетъ найдена хорошая и обильная руда, или вообще пока дѣло пойдетъ правильно и будетъ давать хорошую выгоду. Наконецъ, если принять въ разсчетъ необходимость огромнаго капитала для покупки и устройства завода, и для оборота, и сообразить невыгоды конкурренціи съ частными владѣльцами и казной, которые на покупку земли такихъ капиталовъ не затрачивали, то окажется, что горнозаводское дѣло для новыхъ предпринимателей не настолько заманчиво или выгодно, чтобы къ нему стоило стремиться предпочтительно передъ всякими другими занятіями. Сомнительно, чтобы при существующихъ условіяхъ это дѣло было выгоднѣе и доступнѣе винокуреннаго, свеклосахарнаго, торговли хлѣбомъ, мельничнаго, биржевого, желѣзнодорожнаго и многихъ другихъ, которыхъ въ Россіи еще непочатой уголъ.

Немаловажнымъ препятствіемъ для покупки или арендованія новыми предпринимателями заводскихъ дачъ, кромѣ огромной величины послѣднихъ, являются и два, уже раньше упомянутыя обстоятельства: неопредѣленность положенія, въ какомъ находятся поссессіонные владѣльцы относительно своихъ правъ на землю, и масса долговъ, лежащихъ на заводскихъ дачахъ и затрудняющихъ покупку этихъ дачъ. Къ этому присоединяются многія болѣе мелкія неудобства и препятствія, удерживающія стороннихъ предпринимателей отъ начинанія дѣла на Уралѣ. Сюда нужно отнести отдаленность Урала, неудобства путей сообщенія [1]), скудное

[1]) Застой нашего горнозаводскаго дѣла обусловливается цѣлой системой причинъ между которыми неудобство путей сообщенія далеко не важнѣйшая. Поэтому можно

распространеніе въ нашемъ промышленномъ обществѣ техническихъ свѣдѣній, наше незнакомство съ отечествомъ вообще и съ Ураломъ въ частности, невыгодность конкурренціи съ заграничными металлами и металлическими издѣліями и т. п.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему на Уралѣ не является новыхъ предпринимателей, почему не строютъ тамъ новыхъ заводовъ или почему вообще такъ туго расширяется наше горнозаводское дѣло. Право собственности на уральскія земли принадлежитъ незначительному числу лицъ или учрежденій, отъ которыхъ нельзя ждать значительнаго расширенія горнаго дѣла; для новыхъ же предпринимателей начинаніе горнозаводскаго дѣла на Уралѣ затрудняется перечисленными обстоятельствами настолько сильно, что устройство новыхъ заводовъ тамъ едвали можно ждать много болѣе, чѣмъ, напримѣръ, на Новой Землѣ или въ сѣверной Сибири.

Настоящее положеніе горнозаводскаго дѣла невыгодно тѣмъ, что этимъ дѣломъ занимаются не простые смертные, не буржуазія или не «третье сословіе», а только денежная или потомственная аристократія; только эта аристократія владѣетъ издавна заводами, или же располагаетъ такими огромными средствами, какія нужны теперь для устройства новыхъ заводовъ; масса же промышленнаго общества въ Россіи лишена возможности принять участіе въ расширеніи горнозаводскаго дѣла. Понятно, что истиннаго прогресса въ этомъ дѣлѣ можно ждать только при участіи въ немъ сотенъ предпринимателей, а не двухъ-трехъ десятковъ, какъ теперь; и что величина теперешнихъ владѣній этихъ немногихъ дѣятелей на Уралѣ не соотвѣтствовала бы ихъ способностямъ и силамъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы они были геніями предпріимчивости и энергіи. Заводскія дачи на Уралѣ теперь несоотвѣтственно велики; для успѣшнаго развитія горнаго дѣла слѣдуетъ разбить ихъ на части и дать возможность заниматься въ нихъ горнозаводскимъ дѣломъ не только крупнымъ капиталистамъ, съ милліонами и сотнями тысячъ рублей въ однихъ рукахъ, но и болѣе мелкимъ, для которыхъ возможно теперь всякое другое заводское, фабричное или промышленное дѣло—винокуренное, свеклосахарное, кожевенное, писчебумажное, стекловаренное, хлѣбное, льнопрядильное и т. д.,—но невозможно горное дѣло.

относиться скептически къ довольно распространенному убѣжденію, что соединеніе Урала съ Россіей желѣзной дорогой поведетъ къ скорому развитію горнаго дѣла. Еслибы это было справедливо, то рецептъ для созиданія сильно развитыхъ и обширныхъ промышленностей былъ бы весьма простъ и легко выполнимъ, и Россія уже вскорѣ могла бы превратиться въ страну съ цвѣтущей промышленностью.

Въ самомъ дѣлѣ, если я хочу завести винокуренный заводъ, мнѣ не нужно для этого покупать имѣнія въ нѣсколько сотъ или тысячъ десятинъ: я могу завести такой заводъ съ небольшимъ капиталомъ, на купленномъ или арендованномъ небольшомъ участкѣ; хлѣбъ и всѣ нужные матеріалы я буду получать отъ сосѣднихъ крестьянъ, у мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Для кожевеннаго или мыловареннаго завода нѣтъ необходимости располагать цѣлой степью для содержанія скота, — кожи и сало можно пріобрѣтать и просто покупкой. Для того, чтобы завести крупчатную мельницу, не нужно имѣть своихъ полей для собиранія пшеницы; для содовой фабрики не необходимо имѣть собственныя залежи поваренной соли. Такихъ примѣровъ можно набрать сотни; они доказываютъ, что всякое промышленное или фабричное дѣло можно начать и не будучи крупнымъ собственникомъ-землевладѣльцемъ или крупнымъ капиталистомъ; многія изъ такихъ дѣлъ можно даже начать съ очень небольшими средствами и въ небольшихъ сначала размѣрахъ.

Совсѣмъ другое видимъ мы въ горномъ дѣлѣ: для возможности заниматься этимъ дѣломъ нужно, или принадлежать къ одной изъ немногихъ привилегированныхъ фамилій, или же имѣть капиталъ въ сотни тысячъ рублей, необходимый для покупки завода и заводской дачи. Всякій, желающій заняться горнозаводской дѣятельностью, долженъ сдѣлаться крупнымъ собственникомъ-землевладѣльцемъ на Уралѣ; онъ долженъ прикрѣпить себя навѣчно или надолго къ Уралу, отказаться отъ легкой возможности отступить вспять въ случаѣ неудачи, малой выгодности дѣла или какихъ-либо другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Начать же горнозаводскую дѣятельность съ малыми средствами или въ небольшихъ сначала размѣрахъ,—теперь на Уралѣ почти невозможно.

III.

Въ настоящее время Уралъ принадлежитъ, какъ я говорилъ, правительству, немногимъ частнымъ владѣльцамъ и башкирамъ. Ждать значительнаго усиленія горнозаводской дѣятельности отъ этихъ элементовъ немыслимо; новыхъ стороннихъ предпринимателей на Уралѣ не является; ихъ не является и изъ мѣстнаго населенія. Многіе заводы не дѣйствуютъ или безуспѣшно продаются десятки лѣтъ; огромныя дачи лежатъ втунѣ, не находя охотниковъ къ ихъ эксплуатаціи; значительная часть заводскихъ дачъ при дѣйствующихъ заводахъ лежитъ также безъ употребленія.

Если-бы существовало правило, по которому право собственности обязываетъ къ фактическому пользованію землей и земля втунѣ лежащая никому не принадлежитъ, то значительная часть Урала оказалась бы безъ владѣльцевъ, въ ожиданіи свѣжихъ силъ, которыя пожелали бы ею заняться.

Кто эти будущія силы? Иногда на Уралѣ слышишь разговоры объ англичанахъ, объ иностранцахъ; сколько помнится, Бѣлорѣцкіе заводы пріобрѣтены какой-то компаніей съ нерусскими именами. Слѣдуетъ ли намъ покорно сложить руки и отказаться пока отъ надежды на скорое расширеніе горнаго дѣла, признавая, что теперь въ земномъ предѣлѣ мы уже совершили все земное, и что дальнѣйшаго и болѣе значительнаго прогресса русскаго горнаго дѣла можно ждать только отъ времени, которое должно намъ доставить дѣятелей, хотя бы и извнѣ Россіи?

Мнѣ кажется, что отчаяваться въ возможности скораго расширенія горнаго дѣла нѣтъ основаній и было бы для этого дѣла наиболѣе вредно; отъ необходимости ждать помощи иностранцевъ мы уже далеко ушли съ тѣхъ поръ, когда бо́льшая часть нашихъ горныхъ заводовъ руководилась иностранными мастерами. Пусть иностранцы являются на Уралѣ, милости просимъ!—работы хватитъ на всѣхъ, и ихъ дѣятельность послужитъ лишь на пользу Россіи. Пусть устраиваются акціонерныя общества и всякія компаніи для выработки металловъ; пусть для этой цѣли являются на Уралѣ и русскіе предприниматели-капиталисты. Но далеко-ли и скоро ли мы подвинемся впередъ, если пассивно будемъ ждать этихъ дѣятелей? Судя по тому, какъ скудно появлялась до сихъ поръ на Уралѣ частная предпріимчивость, можно думать, что, дожидаясь ее, русское горное дѣло разовьется какъ слѣдуетъ только въ далекомъ будущемъ; путемъ терпѣнія и ожиданія, едва ли намъ удастся вскорѣ наверстать свою прежнюю бездѣятельность въ горномъ дѣлѣ. Ясно, что для надлежащаго и скораго расширенія горнозаводскаго дѣла слѣдуетъ найти для него новыхъ дѣятелей и дать имъ легкую возможность заниматься этимъ дѣломъ, и притомъ такихъ дѣятелей, которые были бы подъ рукой, на мѣстѣ, а не въ неопредѣленномъ пространствѣ, какъ ожидаемые теперь крупные иностранные и русскіе капиталисты.

Безспорно одно, что заводскія дачи на Уралѣ въ настоящее время слишкомъ велики, не соотвѣтствуютъ величиной добычѣ металловъ въ существующихъ заводахъ, и должны поэтому въ значительной своей части лежать втунѣ. Соотвѣтственно этому, расширеніе горнозаводскаго дѣла можно ждать только однимъ путемъ: увеличеніемъ числа заводскихъ дачъ и привлеченіемъ къ

эксплуатаціи ихъ новыхъ предпринимателей. И очевидно, что чѣмъ больше, въ извѣстныхъ границахъ, появится этихъ предпринимателей, тѣмъ лучше, тѣмъ быстрѣе пойдетъ впередъ русское горное дѣло. Главную массу этихъ предпринимателей можетъ дать только одно русское населеніе Урала. Что можетъ быть естественнѣе и выгоднѣе, какъ привлечь это населеніе къ соучастію въ горномъ дѣлѣ, дать ему возможность самостоятельно заниматься этимъ дѣломъ, подобно тому, какъ крестьянамъ-землепашцамъ уже предоставлена возможность самостоятельно заниматься земледѣліемъ и прогрессировать въ экономическомъ отношеніи, съ помощію труда и энергіи, увеличивая свои надѣлы покупкой или арендой новой земли.

Русское населеніе Урала не дастъ, конечно, сразу множества заводчиковъ, не устроитъ немедленно многихъ новыхъ заводовъ; но оно сдѣлается источникомъ предпринимательскихъ силъ на Уралѣ и, прогрессируя постепенно, приметъ со временемъ живое участіе въ расширеніи нашего горнозаводскаго дѣла. Помимо этого, привлеченіе населенія Урала къ участію въ горномъ дѣлѣ, какъ будетъ объяснено ниже, уже и теперь должно облегчить весьма сильно устройство новыхъ заводовъ, нахожденіе новыхъ рудъ, или возобновленіе дѣятельности на заводахъ недѣйствующихъ.

А между тѣмъ русское населеніе Урала или главное, коренное его населеніе не имѣетъ теперь возможности принять участіе въ горнозаводскомъ дѣлѣ и очень мало заинтересовано въ успѣхахъ этого дѣла. Обстоятельство это такъ важно для Урала и для всей Россіи, составляя одну изъ главнѣйшихъ причинъ застоя въ нашей горнозаводской промышленности, что на немъ слѣдуетъ остановиться подольше.

Дѣйствующіе уральскіе заводы занимаютъ лишь небольшую часть годнаго къ работѣ русскаго населенія; есть, кромѣ того, много заводовъ, прекратившихъ работу, въ которыхъ населеніе совсѣмъ лишено возможности заниматься горнымъ дѣломъ. Наконецъ, въ многочисленныхъ «не-заводахъ», т.-е. въ деревняхъ и городахъ, разсѣянныхъ по горной полосѣ Урала, населеніе также весьма мало участвуетъ въ горнозаводской дѣятельности [1]).

---

[1]) Р. Поповъ, въ статьѣ своей „Горнозаводскій Уралъ" (Отеч. Записки, декабрь, 1874) высчитываетъ, что въ 1867 г. изъ горнаго населенія пермской губерніи работали на заводахъ было занято около 36% мужского населенія; полагая 50% на малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, онъ думаетъ, что 14—19% годнаго въ работу населенія не занято горнымъ дѣломъ. Я не сомнѣваюсь, что цифры эти вполнѣ согласны съ статистическими данными, но не думаю, чтобы сущность дѣла соотвѣтствовала

Кромѣ того, что дѣйствующіе заводы даютъ работу лишь небольшой части населенія (если брать въ разсчетъ только тѣхъ рабочихъ, для которыхъ горное дѣло составляетъ постоянное занятіе), эти заводы со времени уничтоженія крѣпостного права стремятся къ уменьшенію числа рабочихъ, къ экономіи въ издержкахъ на ручную работу, замѣняя эту работу машинной или производя въ техникѣ дѣла различныя усовершенствованія.

Возьмите любой заводъ: въ немъ на нѣсколько тысячъ жителей лишь нѣсколько сотъ работаютъ постоянно на заводѣ или для завода. Остальное населеніе занимается чѣмъ Богъ пошлетъ; у него нѣтъ однако главнаго, преобладающаго занятія, которое обезпечивало бы его существованіе и занимало бы все его время, всѣ его помыслы; оно занимается множествомъ различныхъ промысловъ, работъ и подѣлокъ, мѣняя ихъ смотря по обстоятельствамъ.

Когда еще существовало крѣпостное право, положеніе русскаго населенія Урала было во многихъ отношеніяхъ лучше теперешняго. Заводы представляли тогда какъ-бы цѣльныя семьи, въ которыхъ не было оттолкнутыхъ отъ дѣла, предоставленныхъ на произволъ судьбы членовъ; всѣ имѣли опредѣленное занятіе и обезпеченное пропитаніе. Владѣльцы заводовъ не могли тогда изолировать отъ дѣла никого изъ своихъ крестьянъ; такъ какъ на Уралѣ невозможно земледѣліе, а его мѣсто занимаетъ горное дѣло, то и было вполнѣ естественно и необходимо, чтобы владѣльцы заводовъ кормили заводское населеніе, требуя взамѣнъ того отъ послѣдняго работы. Это было conditio sine qua non крѣпостной системы на Уралѣ, подобно тому, какъ въ земледѣльческой Россіи помѣщики обязаны были давать крестьянамъ

этимъ выводамъ. Въ статистическихъ спискахъ, рабочимъ означаютъ уже и того, кто хоть недѣлю въ годъ при случаѣ проработаетъ на заводѣ, или кто привезетъ для завода нѣсколько возовъ руды, дровъ или угля въ годъ. Можно ли про такихъ рабочихъ говорить, что они занимаются горнымъ дѣломъ? Нѣтъ, потому что извозъ или другіе промыслы занимаютъ ихъ, можетъ быть, еще больше горнаго дѣла; если крестьяне-землепашцы работаютъ въ свободное время на винокуренныхъ и другихъ заводахъ, то никто не скажетъ же, что они—населеніе фабричное. Управляющіе горными заводами уменьшаютъ иногда рабочую плату или число рабочихъ; по этимъ, или по другимъ причинамъ, одни рабочіе оставляютъ иногда работу и замѣняются потомъ другими; въ статистическихъ же спискахъ ихъ означаютъ всѣхъ вмѣстѣ, какъ горныхъ рабочихъ. Цифра престарѣлыхъ и малолѣтнихъ въ 50% слишкомъ высока; по таблицамъ Буняковскаго, въ Россіи только 39% нерабочаго мужского населенія. Кромѣ того, у г. Попова изъ числа рабочаго населенія исключенъ женскій полъ, хотя женщины могутъ исполнять и исполняютъ многія работы въ горномъ дѣлѣ, напримѣръ, добываніе руды изъ шахтъ, переноску руды, вскрышочныя работы, шурфовку, добываніе золотоноснаго песка, промывку его и т. п.

свободное время для обработки хлѣба, безъ чего крестьянамъ было бы нечѣмъ пропитываться; на Уралѣ, при невозможности земледѣлія, помѣщики пропитывали населеніе натурой.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права матеріальное положеніе населенія круто измѣнилось, и если въ земледѣльческой Россіи жаловаться на уничтоженіе этого права имѣли нѣкоторое основаніе помѣщики, то на Уралѣ, наоборотъ, крестьяне оказались въ худшемъ положеніи сравнительно съ прежнимъ. У нихъ были отняты и готовое пропитаніе, и постоянное занятіе, и взамѣнъ этого имъ не дано почти ничего въ смыслѣ правильнаго, постояннаго заработка. Теперь владѣльцы заводовъ стали по понятнымъ причинамъ стремиться къ изолированію населенія отъ горнаго дѣла, уменьшая число рабочихъ, замѣняя ихъ работу машинными и механическими приводами, и производя различныя усовершенствованія въ техникѣ дѣла. Населеніе Урала вдругъ увидало себя въ положеніи почти пролетаріатномъ, не имѣя опредѣленнаго занятія и обезпеченнаго заработка. Хлѣбородной земли ему дать не могли, ея нѣтъ на Уралѣ; ему дали усадьбы, покосы, трава съ которыхъ можетъ пропитать его скотину (исключая лошадей), огороды для полученія овощей, да дрова для отопленія домовъ. Очевидно, что этого недостаточно, что на сѣнѣ, дровахъ и овощахъ нельзя основать правильнаго быта; недостаетъ главнаго: правильнаго, постояннаго занятія, которое наполняло бы всю жизнь населенія, давало бы ему хлѣбъ и всѣ необходимыя средства къ жизни, и представляло бы для него, такъ сказать, карьеру, въ которой оно могло бы трудомъ и стараніями улучшать свое положеніе.

И вотъ, имѣя мало возможности заниматься горнымъ дѣломъ, назначеннымъ ему въ удѣлъ самой природой, уральское населеніе, для покрытія хозяйственныхъ дефицитовъ и для наполненія праздной жизни, занимается чѣмъ Богъ пошлетъ, перебивается кое-какъ и кое-чѣмъ, различными случайными промыслами и заработками, которые, какъ я говорилъ, были бы весьма умѣстны въ срединныхъ губерніяхъ Россіи, но совсѣмъ нейдутъ къ такой богатой горной мѣстности, какъ Уралъ.

Русскимъ свойственна способность, въ случаѣ нужды, сжиматься до крайности въ удовлетвореніи различныхъ потребностей жизни, или приноровляться къ невыгоднымъ условіямъ быта, не пытаясь измѣнить эти условія. Такъ сжалось до поры до времени и русское населеніе Урала, но оно не унываетъ: съ одной стороны оно обезпечено усадьбами, покосами, дровами, съ другой—оно дѣятельно ищетъ работы и бо́льшею частью находитъ

ее. Но, къ сожалѣнію, этого нельзя сказать объ всемъ Уралѣ. На немъ есть цѣлыя поселенія, жители которыхъ извѣстны за конокрадовъ, тайныхъ промывателей золота, за лѣсокрадовъ и т. п. Сомнительно, чтобы такіе факты были возможны, еслибы населеніе имѣло правильное занятіе, которое давало бы ему достаточный заработокъ, наполняло бы разумнымъ образомъ его время и давало бы ему возможность улучшать свое матеріальное положеніе.

Въ уральскихъ заводахъ поражаютъ, такимъ образомъ, двѣ несообразности: съ одной стороны, огромные размѣры заводскихъ дачъ, несоотвѣтствующіе потребностямъ заводовъ, и съ другой — масса свободнаго рабочаго населенія, занимающагося различными посторонними промыслами, несмотря на лежащія втунѣ горныя богатства, или несмотря на всю возможность и необходимость бóльшаго развитія горнозаводскаго дѣла.

Уже небольшой части заводскихъ дачъ было бы достаточно для снабженія существующихъ заводовъ всѣмъ необходимымъ; остальная часть этихъ дачъ въ настоящее время лежитъ втунѣ, какъ мертвый капиталъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы заводами эксплуатировалась только рѣзко отдѣленная часть ихъ дачъ, и чтобы остальная часть послѣднихъ представляла совершенно непочатую территорію; напротивъ, сѣть рудниковъ, мѣстъ рубки лѣса, обжига угля, добычи камня и т. п., распространяется обыкновенно по всему пространству дачъ. Но это доказываетъ не необходимость именно такихъ огромныхъ дачъ для заводской дѣятельности, а крайнюю экстенсивность горнозаводскаго хозяйства на Уралѣ. Какъ наше земледѣльческое хозяйство въ высшей степени экстенсивно, въ противоположность къ интенсивному хозяйству, существующему за-границей, такъ и наше горнозаводское дѣло отличается сильно экстенсивнымъ характеромъ, сравнительно съ другими странами, напримѣръ, хоть съ Пруссіей. Эта экстенсивность выражается и въ разбросанности рудниковъ, мѣстъ обжига угля, рубки лѣса и т. п., и въ пренебреженіи рудами или песками бѣдными, и въ расточительномъ обращеніи съ топливомъ, рудой, движущей и рабочей силой, и въ маломъ процентѣ добываемаго изъ сырого матеріала металла. Но даже и при такомъ экстенсивномъ хозяйствѣ существующія заводскія дачи несоразмѣрно велики, въ ущербъ численности дѣйствующихъ заводовъ.

Избытокъ въ величинѣ территоріи, въ минеральныхъ и растительныхъ богатствахъ, принадлежащихъ заводамъ, является въ особенности поразительнымъ въ виду массы населенія, нуждаю-

щагося въ работѣ и принужденнаго искать ее не въ горномъ промыслѣ. Существующихъ заводовъ недостаточно ни для надлежаще-интенсивной эксплуатаціи огромныхъ заводскихъ дачъ, ни для привлеченія всего уральскаго населенія къ горнозаводской дѣятельности.

IV.

Нетрудно понять, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ населеніе Урала, по освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости, оказалось изолированнымъ отъ горнаго дѣла.

Освобождая крестьянъ изъ-подъ крѣпостного права, правительство въ высшей степени разумно связало ихъ освобожденіе съ надѣленіемъ ихъ землей; такимъ образомъ, оно не только освободило крестьянъ отъ прежней зависимости, въ юридическомъ или нравственномъ отношеніи, но и обезпечило ихъ въ отношеніи матеріальномъ. Въ земледѣльческой Россіи, гдѣ земледѣліе составляетъ главное, коренное занятіе жителей, дающее имъ всѣ средства къ жизни, надѣленіе крестьянъ землей было conditio sine qua non освобожденія; оно было тамъ необходимо по самымъ условіямъ быта и природы, сдѣлавшимъ изъ жителей земледѣльцевъ. Будучи освобождены изъ-подъ нравственнаго и юридическаго ига, крестьяне не попали въ другую крайность, не сдѣлались пролетаріями, а стали собственниками и хозяевами; правительство дало имъ возможность и послѣ освобожденія, независимо отъ помѣщиковъ, заниматься и пропитываться тѣмъ же, чѣмъ они занимались и пропитывались и при крѣпостномъ правѣ. Реформою 1861 года судьба ихъ была твердо опредѣлена и обезпечена; мало того, предоставляя крестьянамъ право арендовать и покупать землю сверхъ земли надѣльной, правительство открыло имъ путь къ экономическому прогрессу, къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ прогрессу умственному, нравственному и политическому.

На Уралѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имѣло совсѣмъ другіе результаты. Здѣсь земледѣліе невозможно и никогда не составляло главнаго, коренного занятія жителей. Получивъ въ надѣлъ покосы и усадьбы, но не получивъ возможности заниматься, на правахъ собственниковъ, прежнимъ своимъ кореннымъ дѣломъ—горнымъ, крестьяне оказались вдругъ изолированными, оттолкнутыми отъ этого дѣла, которое назначается имъ въ удѣлъ и всѣми природными условіями, и практикой прежняго времени, подобно тому, какъ воздѣлываніе земли

назначено въ удѣлъ и фактически уже предоставлено населенію хлѣбородной Россіи. Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости крестьянъ на Уралѣ, если и не создало пролетаріата, такъ какъ эти крестьяне все-таки надѣлены кое-какими угодьями, то и не обезпечило ихъ судьбу относительно главной потребности человѣческой жизни — правильнаго, соотвѣтствующаго условіямъ мѣстности и быта, занятія.

Фактическое матеріальное положеніе уральскаго населенія представляется теперь въ слѣдующемъ видѣ: уральцамъ даны усадьбы и покосы; они имѣютъ сѣно для скотины, жилище, дрова, овощи; небольшая часть ихъ можетъ заработывать деньги на дѣйствующихъ заводахъ, довольно малочисленныхъ относительно количества населенія и величины территоріи; затѣмъ, остальное населеніе для своего пропитанія принуждено прибѣгать къ различнымъ, не относящимся къ горному дѣлу промысламъ. Населеніе, работающее на заводахъ, не имѣетъ съ ними никакой прочной, опредѣляющей его судьбу, связи; оно работаетъ на нихъ бо́льшею частью въ качествѣ временныхъ, случайныхъ работниковъ, даже поденьщиковъ; заводо-управленіе можетъ по произволу мѣнять рабочихъ, уменьшать имъ плату, замѣнять ихъ работу машинной. Такимъ образомъ, для уральскаго населенія горнозаводское дѣло представляетъ какъ-бы такой же случайный и временный промыселъ, какъ и всѣ другіе, которыми оно теперь занимается.

Очевидно, что еслибы принципы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости были проведены на Уралѣ со всею послѣдовательностью и соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ быта и природы, то населеніе слѣдовало бы надѣлить частью заводскихъ дачъ, съ правомъ отыскивать и добывать руду и другія минеральныя богатства, обжигать уголь, выплавлять и добывать металлы, отдавать лѣса и рудники въ аренду, продавать уголь, руду и ископаемыя вещества, и т. п. Такое надѣленіе было бы вполнѣ сообразно и съ условіями мѣстности, и съ основными началами великой реформы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Еслибы правительство, освобождая крестьянъ въ земледѣльческой Россіи, надѣлило ихъ только лугами да усадьбами, но не хлѣбородной землей, то очевидно, что оно сдѣлало бы нѣчто нерѣшительное, неполное и безцѣльное, нѣчто теперь совершенно даже немыслимое. Между тѣмъ, если вникнуть въ условія уральской жизни, то окажется, что реформа освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землей, столь благодѣтельная и, такъ сказать, уже законченная въ земледѣльческой Россіи, едва ли не имѣла на

Уралѣ такого неполнаго, нерѣшительнаго значенія. Для этого убѣжденія не нужно даже особенно близкаго знакомства съ Ураломъ; достаточно знать, что земледѣліе тамъ невозможно, и что взамѣнъ земледѣлія природа и историческія условія назначили тамъ населенію въ удѣлъ — горнозаводское дѣло, которымъ это населеніе и занималось сообща съ владѣльцами до 1861 года. Освободивъ уральскихъ крестьянъ, правительство не дало имъ прочной и обезпеченной возможности, какъ это сдѣлано для земледѣльческой Россіи, заниматься и пропитываться тѣмъ же, чѣмъ они занимались и пропитывались раньше освобожденія.

Выкупъ части заводскихъ дачъ населеніемъ является, поэтому, и логически, и фактически необходимымъ; его требуютъ и природныя условія Урала, и основные принципы реформы освобожденія крестьянъ, и примѣръ земледѣльческой Россіи, и неопредѣленность положенія уральскаго населенія; его требуютъ, наконецъ, слабая развитость русскаго горнаго дѣла и нужда Россіи въ металлахъ, потому что привлеченіе населенія или массы свѣжихъ силъ къ участію въ горномъ дѣлѣ должно, безъ сомнѣнія, повести къ быстрому и дружному развитію этого дѣла. И мнѣ кажется, что возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ этого выкупа, не болѣе состоятельны, чѣмъ тѣ доводы, которые приводились противъ выкупа крестьянами помѣщичьей хлѣбородной земли.

Выкупъ населеніемъ части уральской территоріи не измѣнилъ бы почти ничего въ дѣятельности существующихъ заводовъ; они продолжали бы дѣйствовать такъ же, какъ и прежде, и въ тѣхъ же рукахъ, въ которыхъ и теперь находятся. Уралъ такъ великъ, на немъ еще такъ мало заводовъ, и теперешнія дачи этихъ заводовъ такъ непомѣрно велики, что въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Выкуплена была бы та часть заводскихъ дачъ, которая лежитъ теперь втунѣ; я уже говорилъ, что только небольшая часть территоріи Урала участвуетъ въ добычѣ металловъ и что теперешнее горное хозяйство на Уралѣ до чрезвычайности экстенсивно. Если выкупъ части заводскихъ дачъ сдѣлаетъ это хозяйство интенсивнѣе, то для русскаго горнаго дѣла это будетъ весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ; однако, размѣры заводскихъ дачъ такъ огромны, что надѣяться на это можно не больше, чѣмъ на то, что наше сельское хозяйство въ земледѣльческой Россіи сдѣлается интенсивнѣе вслѣдствіе выкупа крестьянами части помѣщичьей земли.

Выкупъ населеніемъ части казенныхъ заводскихъ дачъ, назначенныхъ въ продажу частнымъ лицамъ, значительно облег-

чилъ бы и ускорилъ продажу казенныхъ заводовъ, покупка которыхъ теперь затрудняется необходимостью для нея огромныхъ капиталовъ. При настоящемъ же положеніи, по всѣмъ видимостямъ, казеннымъ заводамъ придется ждать покупателей еще очень долго.

То же самое можно сказать и о частныхъ заводахъ, которые продаются въ настоящее время за долги или по другимъ причинамъ, и не находятъ покупателей. Многіе изъ этихъ заводовъ теперь не дѣйствуютъ, постройки въ нихъ разрушаются, населеніе же, будучи лишено возможности заниматься горнымъ дѣломъ, перебивается кое-какъ, занимаясь разными случайными промыслами. Выкупъ дачъ этихъ заводовъ былъ бы тѣмъ болѣе легкимъ, что большая часть долговъ, за которые они продаются, слѣдуетъ или въ казну, или тому же населенію.

Такъ, заводы кагинскій и узянскій (на рѣкѣ Бѣлой) уже около 15-ти лѣтъ не дѣйствуютъ, тщетно ожидая покупщиковъ. Населеніе обоихъ заводовъ немногочисленно—около 2,000 душъ въ обоихъ. Заводы продаются, если не ошибаюсь, за 200,000 рублей. Такимъ образомъ, для выкупа заводскихъ дачъ, населеніе должно бы было уплатить по 100 рублей на душу единовременно, или же могло бы уплачивать по 10 рублей ежегодно въ теченіи 10 лѣтъ. Если принять къ тому же во вниманіе, что часть выкупной суммы должна покрыться долгами прежняго заводо-управленія населенію и что эти 10 рублей ежегодно съ избыткомъ выработаются населеніемъ на томъ же заводѣ, работой на арендатора этого завода, то выкупъ заводскихъ дачъ явится дѣломъ еще болѣе легко-осуществимымъ.

Но если выкупъ заводовъ или заводскихъ дачъ населеніемъ представляется дѣломъ незатруднительнымъ, или не болѣе затруднительнымъ, чѣмъ выкупъ помѣщичьей земли крестьянами-земледѣльцами, то больше сомнѣній можетъ возбудить вопросъ о томъ, какъ населеніе будетъ пользоваться заводскими дачами. Горнозаводское дѣло столь отлично отъ земледѣльческаго, что уже одного этого отличія достаточно для возбужденія такихъ сомнѣній. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла окажется, что пользованіе населеніемъ заводскими дачами не должно будетъ принять какихъ-либо особенныхъ, новыхъ формъ, и что оно будетъ происходить тѣмъ же порядкомъ, который существуетъ, если не въ земледѣліи, то въ бо́льшей части другихъ промышленностей и фабрикацій.

Прежде всего необходимо объяснить, что̀ такое заводъ и какую роль играютъ въ горнозаводской дѣятельности заводская дача и заводъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. На Уралѣ подъ общимъ

названіемъ завода подразумѣваютъ совокупность дачи, заводскаго поселенія и заводскихъ построекъ и приспособленій. Заводская дача составляетъ самую важную и цѣнную часть въ общемъ понятіи о заводѣ; она необходима для полученія рудъ, угля, топлива, строительнаго матеріала, флюсовъ и т. д. Заводъ въ тѣсномъ смыслѣ слова заключаетъ прудъ и плотину, различныя постройки, печи, тюрбины и молота, и т. д. Все это заводское устройство не требуетъ затраты большого капитала; и еслибы не было необходимымъ для заводовъ имѣть большую и дорогую дачу, то устройство новыхъ заводовъ и возобновленіе дѣйствія на существующихъ было бы доступно весьма многимъ, даже изъ мѣстнаго населенія. Заводскія дачи на Уралѣ можно, приблизительно, сравнить съ дачами земледѣльческихъ имѣній; а заводы въ тѣсномъ смыслѣ слова съ совокупностью разныхъ приспособленій для обдѣлки хлѣба, состоящихъ изъ овиновъ, вѣялокъ, молотилокъ, приводовъ и т. д. И понимать подъ «выкупомъ» заводовъ преимущественно выкупъ заводскихъ устройствъ, такъ же ошибочно, какъ подъ выкупомъ въ земледѣльческой Россіи понимать преимущественно выкупъ ригъ, овиновъ, мельницъ, молотилокъ, сушилень и т. п.

Заводскія дачи или части ихъ должны быть выкуплены населеніемъ, заводы же собственно могутъ устраиваться, покупаться или браться въ аренду посторонними или мѣстными предпринимателями.

Еслибы населеніе имѣло свои дачи съ тѣми же на нихъ правами, какія имѣютъ другіе владѣльцы уральской территоріи, то арендаторы на существующіе заводы, строители новыхъ заводовъ и вообще желающіе выплавлять или добывать металлы и другіе «горные» продукты, нашлись бы безъ труда, какъ въ средѣ того же населенія, такъ и со стороны. Заинтересованное личными выгодами, населеніе стало бы тогда усердно искать руды, и вообще заботиться о томъ, чтобы въ его дачѣ стала возможна и выгодна заводская дѣятельность; такъ, напримѣръ, оно само стало бы шурфовать и изслѣдывать найденныя рудныя мѣсторожденія, избавляя этимъ частныхъ предпринимателей отъ значительныхъ и рискованныхъ издержекъ, которыя они принуждены теперь дѣлать при розыскахъ хорошихъ рудныхъ мѣсторожденій. Затѣмъ, населеніе могло бы добывать руду и разныя ископаемыя вещества, обжигать уголь, рубить бревна и т. п. Всѣ эти продукты оно могло бы продавать или поставлять на окрестные заводы, подобно тому, какъ оно доставляетъ теперь дрова и хлѣбъ на заводы винокуренные, поташъ и песокъ на стекловаренные заводы и т. п. Оно

сдавало бы въ аренду рудники, россыпи, каменоломни, лѣсные участки или цѣлыя части дачъ для заводской дѣятельности и для устройства заводовъ. Само собой разумѣется, что населеніе исполняло бы при этомъ на заводахъ всѣ работы, доставляя заводамъ мастеровъ, рабочихъ и подрядчиковъ на разные матеріалы и работы.

Очевидно, что розыски и развѣдка новыхъ рудныхъ залежей, покупка или арендованіе заводовъ существующихъ и устройство новыхъ облегчились бы такимъ образомъ въ весьма значительной степени. Въ настоящее время для горнозаводской дѣятельности необходимо пріобрѣтеніе большой, дорого стоющей дачи и завода, нужны развѣдки и шурфовки, требующія значительныхъ издержекъ; нужно рисковать въ томъ отношеніи, что выгодность дѣла легко можетъ не соотвѣтствовать значительной затратѣ капитала. Въ случаѣ же выкупа населеніемъ заводскихъ дачъ, для арендованія покупки старыхъ и устройства новыхъ заводовъ требовались бы, сравнительно, небольшія средства. Теперь горнозаводское дѣло ведется, можно сказать, только en gros, тогда возможно бы было устройство и большихъ, и маленькихъ заводовъ, сообразно со средствами предпринимателей. Доступъ къ горному дѣлу былъ бы открытъ для всѣхъ: и для крупныхъ, и для мелкихъ предпринимателей, и для болѣе зажиточныхъ изъ среды самого уральскаго населенія.

Горные заводы были бы тогда поставлены почти въ то же положеніе, въ какомъ находятся всѣ другіе фабрики и заводы. Возьму для сравненія хоть заводы винокуренные и свеклосахарные. Такіе заводы могутъ устраивать и некрупные капиталисты; для того, чтобы начать курить вино или дѣлать сахаръ, не нужно сдѣлаться крупнымъ земельнымъ собственникомъ, не нужно покупки большихъ земельныхъ участковъ; землю можно снять въ аренду, или можно получать отъ мѣстнаго населенія покупкой хлѣбъ, свекловицу, дрова и всѣ нужные матеріалы. Въ подобное же положеніе слѣдовало бы поставить и заводы горные; слѣдуетъ доставить возможность выплавки и добычи металловъ многочисленному кругу предпринимателей съ небольшими капиталами. Наоборотъ, сильное развитіе винокуреннаго и свеклосахарнаго дѣла, замѣчаемое въ настоящее время, едва ли было бы возможно, еслибы винокуренные и свеклосахарные заводы были, такъ сказать, прикрѣплены къ огромнымъ дачамъ, въ десятки и сотни тысячъ десятинъ, какъ это существуетъ на Уралѣ относительно горныхъ заводовъ.

Безспорно, что между горными заводами и ихъ дачами су-

ществуетъ связь болѣе тѣсная, чѣмъ между другими фабриками и заводами и тѣми мѣстами, откуда они получаютъ всѣ нужные для нихъ сырые матеріалы. Для горнаго заводчика немыслимо начинать свою дѣятельность, не заручившись прочнымъ образомъ участкомъ, достаточнымъ для добычи всѣхъ матеріаловъ, нужныхъ для завода; рудники, каменоломни, мѣста добычи флюсовъ и т. п., по многимъ причинамъ, неудобно отдѣлять отъ заводовъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ. Но связь эта не должна возрастать до абсурда, напротивъ, ее слѣдовало бы ослабить до возможнаго минимума, такъ чтобы устройство новыхъ заводовъ, покупка или арендованіе старыхъ были легко осуществимы и доступны возможно бо́льшему числу предпринимателей. Съ другой стороны, является, однако, опасеніе того, что, отдавая заводскія дачи въ руки населенія, а заводскую дѣятельность предоставляя частнымъ предпринимателямъ, на правахъ аренды, можно поставить заводы въ шаткое, непрочное положеніе, въ зависимость отъ произвола населенія. Но если вникнуть въ дѣло, то едва ли такое положеніе горныхъ заводовъ будетъ менѣе прочно или болѣе зависимо отъ произвола населенія, чѣмъ положеніе всѣхъ другихъ фабрикъ и заводовъ, точно такъ же зависящихъ отъ мѣстнаго населенія или стороннихъ предпринимателей относительно арендуемыхъ участковъ, или относительно доставки всѣхъ сырыхъ матеріаловъ. Не правдоподобнѣе ли предположить, что населеніе не только не будетъ стѣснять заводскую дѣятельность арендаторовъ рудниковъ и заводскихъ участковъ, но что оно будетъ всячески помогать этой дѣятельности? Можно ли думать иначе, когда оно будетъ такъ близко заинтересовано въ томъ, чтобы заводы въ ихъ дачахъ дѣйствовали съ достаточной выгодой для заводчиковъ, устраивались бы вновь въ возможно бо́льшемъ числѣ и расширяли бы свою дѣятельность?

Тотъ, кто знакомъ съ уральскимъ населеніемъ, не можетъ сомнѣваться, что въ средѣ населенія каждаго завода всегда найдется нѣсколько лицъ болѣе состоятельныхъ и предпріимчивыхъ, которые возьмутся за выплавку или добычу металловъ; они, или купятъ старые заводы, или возьмутъ ихъ въ аренду, или устроятъ новые. Примѣры арендованія заводовъ болѣе зажиточными лицами изъ мѣстнаго населенія уже бывали; укажу на уфалейскіе заводы, которые находились въ арендѣ у нѣсколькихъ лицъ. Остальное населеніе, зная выгоды, которыя дастъ ему заводская дѣятельность, стало бы искать новыхъ рудныхъ мѣсторожденій и развѣдывать ихъ; найденныя рудныя залежи служили бы лучшимъ стимуломъ для привлеченія предпринимателей къ завод-

свой дѣятельности. Очевидно, что такое отвлеченіе населенія Урала отъ различныхъ случайныхъ промысловъ, которыми оно теперь занимается въ ущербъ горному дѣлу, послужило бы въ большой пользѣ для послѣдняго.

Выкупомъ части заводскихъ дачъ населеніемъ горное дѣло было бы поставлено на прочную почву, на широкую и надежную дорогу къ развитію. Въ самомъ дѣлѣ, откуда ждать теперь той массы предпринимателей, въ которой Уралъ нуждается? Откуда ждать этихъ капиталистовъ, съ сотнями тысячъ рублей, которые, бросивъ дѣло дома, явились бы на невѣдомый Уралъ рисковать своими деньгами изъ платонической любви къ русскому горному дѣлу? И не естественнѣе ли дать мѣстному населенію возможность снабжать наше горное дѣло предпринимателями, когда это дѣло въ нихъ такъ нуждается и когда всѣ условія быта на Уралѣ указываютъ на то, чтобы населеніе занималось горнымъ дѣломъ? Не лучше ли, вмѣсто стороннихъ предпринимателей, привлечь къ горному дѣлу сотни тысячъ и милліоны этихъ способныхъ, здоровыхъ, жаждущихъ работы силъ и дать имъ возможность прогрессировать въ этомъ дѣлѣ?

Выкупомъ заводскихъ дачъ населеніемъ избѣгается печальная необходимость для русской горной промышленности ждать неопредѣленно долгое время новыхъ предпринимателей или покупщиковъ на заводы и заводскія дачи, и находиться все это время въ состояніи застоя. Ясно, что выкупомъ заводовъ населеніемъ правительство взяло бы прогрессъ горнаго дѣла въ свои руки, изъявъ его изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ оно находится теперь, дожидаясь почти невозможныхъ предпринимателей со стороны или, попросту, будучи предоставлено судьбѣ. Капиталы и предпринимательскія силы въ Россіи довольно рѣдки, и нужда въ нихъ чувствуется повсемѣстно и кромѣ Урала; не придется ли прождать ихъ на Уралѣ очень долго, и справедливо ли ждать появленія этихъ предпринимательскихъ силъ и капиталовъ со стороны—на Уралѣ, въ ущербъ другимъ мѣстностямъ Россіи и другимъ промышленностямъ, помимо горной?

Нельзя забывать также и того, что надѣленіе русскаго населенія Урала землей не противорѣчило бы настоящему порядку вещей, по которому башкиры владѣютъ на правахъ собственниковъ огромными участками. Къ сожалѣнію, башкиры народъ столь неспособный и непредпріимчивый, что изъ владѣнія ими землей почти ничего путнаго не вышло; нѣтъ сомнѣнія, что владѣніе землей русскими, и притомъ столь развитыми и предпріимчивыми, какъ уральское населеніе, скажется совсѣмъ другими результатами.

V.

Я долженъ остановиться подробнѣе на нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ, проистекающихъ для горнаго дѣла отъ изолированности мѣстнаго населенія въ этомъ дѣлѣ.

Весьма странное впечатлѣніе производитъ тотъ фактъ, что добыча у насъ многихъ металловъ постоянно уменьшается, или даже больше—что у насъ безпрерывно уменьшается добыча *большей части* металловъ. Въ самомъ дѣлѣ, увеличивается только добыча чугуна, золота, каменнаго угля и соли [1]); уменьшается или стоитъ на мѣстѣ добыча: свинца, серебра, мѣди, платины, олова, цинка и хромистаго желѣзняка. Это уменьшеніе добычи ясно видно, если взять цѣлый рядъ цифръ добычи этихъ металловъ за послѣднія 10—15 лѣтъ.

Фактъ этотъ въ особенности потому страненъ, что съ другой стороны то-и-дѣло слышишь о богатствѣ Россіи ископаемыми богатствами вообще и о богатствѣ ими Урала въ частности. Уменьшеніе добычи перечисленныхъ металловъ «горные люди» объясняютъ истощеніемъ старыхъ рудниковъ и ненахожденіемъ вмѣсто ихъ новыхъ. Хотятъ ли они этимъ сказать, что Россія уже истощена относительно перечисленныхъ металловъ въ своихъ горныхъ богатствахъ, и что въ огромномъ Уралѣ, столь богато надѣленномъ природой и развѣданномъ до сихъ поръ только въ очень малой своей части, нѣтъ другихъ мѣсторожденій рудъ этихъ металловъ? Это кажется невѣроятнымъ.

Все дѣло въ томъ, ищетъ ли на самомъ дѣлѣ кто-либо новыхъ рудъ, кто ихъ ищетъ и какъ ихъ ищутъ. Мнѣ кажется, что при настоящемъ положеніи Урала почти никто не заинтересованъ въ поискахъ и въ нахожденіи новыхъ рудъ; ихъ не ищутъ теперь съ должной для дѣла энергіей, потому, понятно, что новыхъ рудъ нигдѣ не находятъ. Существующіе заводы завалены работой; предпринимателей, желающихъ завести горное дѣло, на Уралѣ не является; населеніе не имѣетъ никакихъ выгодъ или причинъ искать новыхъ рудъ; и вотъ, Уралъ остается до сихъ поръ въ бо́льшей своей части непочатымъ и неизвѣданнымъ краемъ, скрывающимъ въ своихъ нѣдрахъ, подъ густымъ покровомъ лѣсовъ, вглуби огромныхъ горъ, неистощимыя и разнообразнѣйшія богатства. Что эти богатства существуютъ, убѣж-

[1]) Желѣзо, сталь и чугунное литье—дѣлаются изъ чугуна, и потому не могутъ увеличить числа металловъ, добыча которыхъ правильно возрастаетъ.

даютъ и общій характеръ мѣстности, и то, чтó до сихъ поръ найдено, и признаки рудъ во множествѣ мѣстъ или даже повсюду, и очевидная неизвѣданность Урала, и примѣры того, какъ быстро и въ какомъ изобиліи находятся всевозможныя ископаемыя вещества, когда ихъ ищутъ должнымъ образомъ.

Обращаясь къ вопросу о томъ, отъ кого зависитъ нахожденіе новыхъ рудныхъ мѣсторожденій, необходимо придешь къ единственно возможному отвѣту: отъ кого, какъ не отъ простыхъ людей, населяющихъ мѣстность и знающихъ ее всю до мелкихъ подробностей, знающихъ въ ней всякій бугоръ, всякую рытвину, всякій кустъ? Откуда бы ни исходила иниціатива поисковъ, непосредственное нахожденіе новыхъ рудъ зависитъ исключительно отъ мѣстнаго населенія. Заводское начальство, горные инженеры, горные чиновники никогда не ходятъ сами искать руду; они знаютъ мѣстность только, такъ сказать, съ внѣшней стороны, вообще, но не въ мелочахъ; болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, чтó содержитъ мѣстность, они получаютъ бóльшею частью отъ того же мѣстнаго населенія, по указаніямъ этого населенія. Только послѣднее знаетъ подробно, гдѣ чтó есть, и крѣпко держитъ про себя свои свѣдѣнія, въ надеждѣ извлечь изъ нихъ при случаѣ выгоду; но годы проходятъ, такихъ случаевъ не представляется, и найденной руды предложить оказывается некому. И сколько тайнъ о различныхъ природныхъ богатствахъ умерло уже вмѣстѣ съ тѣмъ, кто при частыхъ посѣщеніяхъ лѣсовъ, горъ и луговъ случайно набрёлъ на эти богатства.

Безучастіе горнаго населенія въ горномъ дѣлѣ не проходитъ такимъ образомъ даромъ: ненахожденіе новыхъ рудъ составляетъ одно изъ логическихъ и вполнѣ естественныхъ его послѣдствій.

Но отчего же мѣстные жители не заявляютъ о своихъ находкахъ, отчего пропадаютъ безъ пользы ихъ свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ мѣстности?

Они не заявляютъ о нихъ отчасти потому, что некому, отчасти потому, что такія заявленія не даютъ имъ почти никакихъ выгодъ, отчасти и потому, наконецъ, что подобныя заявки сопряжены съ весьма чувствительными для нихъ непріятностями.

Кому, въ самомъ дѣлѣ, можетъ заявлять населеніе о своихъ находкахъ и кто можетъ дать ему тѣ выгоды, которыхъ оно вправѣ ожидать отъ своихъ заявленій? Новыхъ предпринимателей, которые искали бы новыхъ рудъ, на Уралѣ не является; казенные заводы назначены къ передачѣ частнымъ лицамъ и потому правленія ихъ не интересуются нахожденіемъ новыхъ рудъ;

частные заводчики завалены работой и въ новыхъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ не нуждаются.

Извѣстно, однако, что добыча у насъ серебра, свинца, мѣди и другихъ металловъ постоянно уменьшается; что рудныя мѣсторожденія этихъ металловъ, бывшія до сихъ поръ въ выработкѣ, сильно истощаются. Чѣмъ объяснить ненахожденіе новыхъ рудъ этихъ металловъ, отсутствіе заявокъ о такихъ рудахъ со стороны мѣстнаго населенія? Казалось бы, что и заявки о такихъ рудахъ будутъ приняты съ распростертыми объятіями, и что нашедшихъ такія руды ждутъ немаловажныя выгоды.

Относительно выгодъ отъ заявокъ для мѣстнаго населенія нужно вообще сказать, что онѣ всегда очень сомнительны или ничтожны. По нашимъ законамъ, руда, найденная на землѣ казенной или частныхъ владѣльцевъ, принадлежитъ владѣльцамъ, и нашедшій ее не имѣетъ на нее никакого права. Владѣлецъ можетъ отблагодарить нашедшаго нѣсколькими рублями, если ему вздумается, но можетъ и просто сказать: руда моя, какой же награды тебѣ надо? Правда, что для владѣльцевъ выгоднѣе поощрять поиски рудъ въ ихъ дачахъ; но этотъ разумный принципъ на дѣлѣ, благодаря многочисленной іерархіи разныхъ чиновниковъ, управителей, смотрителей и т. п., отдѣляющихъ владѣльца отъ нашедшаго руду, получаетъ совершенно обратный смыслъ: нашедшаго руду принимаютъ какъ униженнаго просителя; онъ долженъ радоваться, если его немедленно «снисходительно» выслушаютъ; и онъ можетъ быть увѣренъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ его забудутъ очень скоро, хотя бы и начали разработывать найденное имъ мѣсто. Наконецъ, отъ добра добра не ищутъ, а для заводоуправленій и горнаго избраннаго общества на Уралѣ жизнь хороша и при уменьшающейся добычѣ большей части металловъ! Ихъ положеніе обезпечено хорошимъ содержаніемъ, независимо отъ того, находитъ ли кто-либо новыя руды и уменьшается ли понемногу въ общемъ итогѣ добыча нѣкоторыхъ металловъ. Время ихъ занято исполненіемъ различныхъ формальныхъ обязанностей по службѣ, визитами, обѣдами, пикниками, охотой, балами, преферансомъ; ихъ помыслы заняты повышеніями, перемѣщеніями, орденами, наградами, интригами, покупкой процентныхъ билетовъ и личными финансовыми выгодами, ѣдой, выпивкой, карточной игрой; ихъ служебное рвеніе выражается рапортами, отношеніями, донесеніями, представленіями и другими бумагами о различныхъ обязательныхъ по службѣ предметахъ, формальнымъ выполненіемъ разъ установившейся рутинной дѣятельности, надзоромъ за тѣмъ, чтобы все шло

благополучно, служебными визитами, поздравленіями, отпусками для поправленія здоровья въ «развеселый» Петербургъ и т. п. Въ этомъ спискѣ нѣтъ мѣста для заботъ о расширеніи горнаго дѣла и о нахожденіи новыхъ рудъ, или эти заботы, во всякомъ случаѣ, стоятъ не на первомъ планѣ въ числѣ предметовъ, интересующихъ уральскихъ «горныхъ» людей, оффиціальныхъ и частныхъ. Понятно, что, руководимые совсѣмъ другими интересами, «горные» люди на Уралѣ довольно холодно относятся къ нахожденію новыхъ рудъ, не поощряютъ и не располагаютъ населеніе къ поискамъ.

Награда небольшой денежной суммой за находку—представляетъ еще самый счастливый случай для нашедшаго; но полученіе ея такъ сомнительно, она обыкновенно такъ невелика и достается послѣ столькихъ непріятностей въ переднихъ у начальства, что искать новыхъ рудъ и заявлять о нихъ—для уральскаго населенія рѣшительно не стóитъ. Другое дѣло, еслибы для нашедшаго руду гарантировались выгоды отъ ея добычи, или еслибы онъ могъ разсчитывать хоть на возможность выработки и поставки руды на заводъ; но этого нѣтъ, и для уральскаго населенія несравненно выгоднѣе, вѣрнѣе и пріятнѣе ѣздить за Уралъ за пшеницей или шерстью, или заниматься другими промыслами, чѣмъ тратить время на поиски руды, не зная, понадобится ли она кому-либо, дастъ ли ему какую выгоду, и зная, сколько изъ-за этой руды придется томиться въ переднихъ у «господъ», сколько нужно вытерпѣть косыхъ взглядовъ, грубостей, приказаній придти завтра и т. п. Тотъ порядокъ, который должна теперь пройти всякая заявка,—а населеніе его изучило очень хорошо,—это смертная казнь для заявокъ новыхъ рудъ мѣстными жителями.

И вотъ, населеніе занимается извозомъ, гонкой дегтя и другими случайными промыслами, а горные инженеры приписываютъ уменьшеніе добычи бóльшей части металловъ—истощенію рудъ на Уралѣ.

Замѣчательно, какіе результаты оказываются въ томъ случаѣ, когда на Уралѣ появляется свѣжій предприниматель, который, съ должной для дѣла энергіей, ищетъ руды, желая ее эксплуатировать, и не жалѣетъ на поиски денегъ, а платитъ за нихъ то, чтó они дѣйствительно стоютъ. Тогда населеніе положительно засыпаетъ этого предпринимателя образцами рудъ, и приходится только удивляться, какъ можно говорить объ истощеніи рудъ на Уралѣ, о бѣдности его нѣкоторыми рудами. Я могу привести нѣсколько поучительныхъ примѣровъ изъ своей собственной практики.

Лѣтъ восемь тому назадъ хромовая руда была почти неизвѣстна на Уралѣ. Ее находили, въ небольшомъ количествѣ, въ розсыпяхъ, солидныхъ же мѣсторожденій не было извѣстно. Но вотъ эту руду стали искать съ цѣлью вывоза за границу; за указаніе новыхъ мѣсторожденій руды платились хорошія деньги; коммиссіонеры русскихъ и иностранныхъ фирмъ стали ѣздить во всѣхъ направленіяхъ Урала, отыскивая эту руду и извѣщая населеніе о цѣли своихъ поисковъ. Къ поискамъ руды населеніе больше всего привлекала возможность выгодныхъ работъ на рудникахъ, поставокъ, подрядовъ, возки руды и т. п. Черезъ 2—3 года оказались, поистинѣ, изумительные результаты. Найдено было нѣсколько десятковъ солидныхъ мѣсторожденій хромовой руды; лабораторіи были завалены пробными кусками этой руды, съ цѣлью ихъ изслѣдованія; разработка рудниковъ пошла энергично, рудой нагружались десятки барокъ, и ее начали вывозить за границу въ количествѣ сотенъ тысячъ пудовъ [1]). Между прочимъ самый богатый рудникъ находится на мѣстѣ, гдѣ башкиры издавна пасли табунъ; многія мѣсторожденія были найдены въ такой непроходимой глуши, куда, безъ сомнѣнія, никогда не ступала нога горныхъ инженеровъ.

Когда такимъ же образомъ, для вывоза съ Урала, понадобилась марганцовая руда, она въ короткое время была найдена въ пяти или шести мѣстахъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ сбыта остановилъ разработку рудниковъ и нахожденіе новыхъ мѣсторожденій.

Не менѣе поучительны оказались и поиски мѣдной руды, о которой говорятъ, что она истощается на Уралѣ. Когда одной фирмѣ понадобилась эта руда, агентамъ этой фирмы, въ короткое время двухъ-трехъ мѣсяцевъ послѣ начала поисковъ, были доставлены образцы изъ 10—12 мѣстъ; почти всѣ образцы были такого качества, что найденныя мѣста стоило изслѣдовать дальше, а относительно нѣкоторыхъ мѣстъ вскорѣ выяснилось, что ихъ можно съ выгодой вырабатывать. Въ числѣ заявленныхъ мѣстъ нѣкоторыя были совершенно новыя, нѣкоторыя же вырабатывались и прежде, въ прошломъ столѣтіи (чудаками или чудью, по словамъ населенія), но выработка брошена на небольшой, сравнительно, глубинѣ, по недостаточности тогдашнихъ средствъ для выработки. Но всего поучительнѣе, конечно, мѣстонахожденія мѣдной руды въ казенной дачѣ златоустовскаго округа. Они тянутся на пространствѣ десятковъ верстъ по теченію рѣки Ай,

---

1) Уменьшеніе въ добычѣ хромистаго желѣзняка за послѣднее время объясняется конкуренціей заграничныхъ рудъ.

заключають весьма хорошую руду и когда-то выработывались, но потомъ брошены, какъ говорятъ, вслѣдствіе устремленія всѣхъ усилій на добычу золота во вновь найденныхъ тогда богатыхъ пріискахъ. По архивнымъ свѣдѣніямъ, эти мѣсторожденія мѣдной руды весьма богаты, и по качеству, и по количеству руды.

Но и помимо этихъ, такъ-сказать, крупныхъ примѣровъ, во время поѣздокъ по Уралу я имѣлъ множество случаевъ убѣдиться въ томъ, что нахожденіе новыхъ рудъ зависитъ всецѣло отъ мѣстнаго населенія и оттого, насколько это населеніе заинтересовано въ поискахъ, или насколько ему выгодно и удобно дѣлать заявки о найденномъ. Мнѣ приносили множество образцовъ руды, съ просьбою ихъ опредѣленія, и спрашивали, кому бы предложить найденную руду. Я слышалъ много разсказовъ о томъ, что тамъ-то лежитъ какой-то блестящій камень, тамъ-то найдена какая-то руда и т. п.

Еслибы населеніе могло разсчитывать на выгоды отъ поисковъ новыхъ рудныхъ мѣсторожденій, то на Уралѣ открылись бы вскорѣ новыя значительныя ископаемыя богатства. Такую увѣренность въ выгодѣ поисковъ могъ бы дать населенію только выкупъ имъ части заводскихъ дачъ въ свою собственность. Если ужъ башкиры ищутъ въ своихъ дачахъ рудныхъ богатствъ или поощряютъ поиски послѣднихъ, и стараются извлечь изъ найденнаго выгоду, то во много разъ болѣе можно этого ожидать отъ энергическаго и смышленаго уральскаго русскаго населенія. Заинтересуйте это населеніе личными выгодами отъ поисковъ и развѣдокъ рудныхъ мѣсторожденій, и тогда всѣ эти близорукія соображенія объ истощеніи на Уралѣ рудъ бо́льшей части металловъ окажутся неумышленной, но весьма вредной ложью.

И сдѣлавъ для населенія выгодными поиски рудъ и сообщенія о находкахъ, слѣдуетъ научиться относиться къ нему просто, по-человѣчески, но отнюдь не запугивающимъ, барскимъ или начальническимъ образомъ; не слѣдуетъ заставлять его ждать попусту цѣлые дни въ переднихъ, заставлять его приходить «завтра» десятки разъ сряду, заставлять трепетать отъ начальническаго голоса и т. п. Только при простомъ обращеніи можно услыхать отъ населенія откровенныя сообщенія о замѣченныхъ имъ въ окрестностяхъ минералахъ.

Къ сожалѣнію, отношеніе нашихъ горныхъ инженеровъ и горнаго начальства въ казенныхъ и частныхъ заводахъ къ мѣстнымъ жителямъ и къ горному дѣлу таково, что этихъ жителей розыскамъ и шурфовкамъ руды заставляетъ предпочитать извозъ или гонку дегтя, а горныхъ инженеровъ ставитъ въ необходимость доносить объ истощеніи разныхъ рудъ на Уралѣ. Въ каж-

домъ заводѣ есть какъ-бы свой Олимпъ, на которомъ возсѣдаютъ боги, состоящіе изъ мѣстной горной аристократіи; но хотя эти боги также вкушаютъ нектаръ и амврозію, они не похожи на греческихъ, занимавшихся дѣлами смертныхъ, и къ помощи которыхъ смертные обращались въ случаяхъ нужды: уральское населеніе передъ своими богами молчитъ и трепещетъ, или старается обходить ихъ и имѣть съ ними поменьше дѣла. Гдѣ тутъ сообщать о найденныхъ минералахъ! Что, если сообщишь, а вдругъ руда окажется дрянью? Боги разсердятся и начнутъ производить громъ и молнію. Ясно, что для всякаго уважающаго себя, хотя бы и простого человѣка, лучше не обращаться къ этимъ богамъ безъ крайней необходимости.

На Уралѣ еще нужно введеніе своего рода общей воинской повинности, которая перемѣшала бы и сблизила сословія, соединила бы практическія свѣдѣнія о мѣстности жителей съ научными свѣдѣніями горныхъ инженеровъ, направила бы толково силы и способности населенія подъ руководствомъ ученыхъ людей на поиски и шурфовку рудъ, и на добычу металловъ. Такая общая воинская повинность была бы равнозначуща съ дружнымъ развитіемъ горнаго дѣла на самомъ дѣлѣ, а не на бумагахъ, не въ канцеляріяхъ или пріемныхъ начальства, вообще съ развитіемъ дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ.

Первымъ шагомъ по этому пути долженъ быть выкупъ населеніемъ части заводскихъ дачъ, что̀ привлечетъ населеніе къ участію въ горномъ дѣлѣ, заставитъ его заниматься этимъ дѣломъ, устремитъ его усилія къ расширенію этого дѣла. Что же касается до горныхъ инженеровъ и до горныхъ правленій, то заинтересовать ихъ въ дѣйствительномъ, а не фиктивномъ развитіи горнаго дѣла можно опредѣленіемъ имъ извѣстнаго процента съ получаемыхъ отъ горнаго дѣла выгодъ. Развитіе горнаго дѣла будетъ фиктивнымъ до тѣхъ поръ, пока положеніе руководящихъ этимъ дѣломъ будетъ хорошо обезпечено и почетно, независимо оттого, какъ идетъ дѣло, движется оно впередъ, или назадъ, или мнется на мѣстѣ; пока руководящіе горнымъ дѣломъ не перестанутъ интересоваться на первомъ планѣ чинами, орденами, повышеніями, перемѣщеніями и множествомъ другихъ предметовъ, дѣлающихъ теперь ихъ жизнь полной и пріятной, но ни мало не способствующихъ развитію русскаго горнаго дѣла. Это дѣло можетъ пойти дружно и быстро впередъ только въ томъ случаѣ, если всѣ участвующіе въ немъ будутъ относиться къ нему не какъ боги, а какъ простые работники, выгоды которыхъ непосредственно связаны съ тѣмъ, хорошо или худо идетъ дѣло. Этотъ принципъ примѣненъ уже правитель-

ствомъ относительно акцизныхъ чиновниковъ и, повидимому, съ успѣхомъ: не меньшаго успѣха можно бы было ожидать и отъ примѣненія его къ горнымъ инженерамъ и горнымъ правленіямъ. Горное дѣло, въ сущности, дѣло коммерческое, и руководящіе этимъ дѣломъ, для лучшей его успѣшности, должны получать тѣмъ больше выгодъ, чѣмъ лучше идетъ оно; но если дѣло идетъ плохо, то пусть же «сама себя раба бьетъ, коли плохо жнетъ!»

Въ заключеніе, нельзя пройти молчаніемъ еще одного обстоятельства, весьма важнаго для развитія горнаго дѣла и зависящаго также оттого, заинтересовано ли мѣстное населеніе въ этомъ дѣлѣ, или нѣтъ.

Для отдѣльныхъ лицъ поиски рудъ и развѣдка найденныхъ мѣсторожденій требуютъ довольно значительныхъ издержекъ, которыя, къ тому же, всегда бываютъ рискованными, такъ какъ никогда нельзя быть увѣреннымъ напередъ, дадутъ ли развѣдки хорошіе результаты; можно потратить много денегъ, прежде чѣмъ будутъ найдены удовлетворительныя рудныя залежи. Эти обстоятельства не способны, конечно, привлечь къ горному дѣлу частныхъ предпринимателей; онѣ же объясняютъ отчасти и настоящую слабую развѣданность Урала.

Еслибы населеніе было надѣлено заводскими дачами, то стремленіе къ понятнымъ выгодамъ заставляло бы его не только искать руды, но и развѣдывать найденныя мѣсторожденія. То, что недоступно большинству частныхъ предпринимателей по дороговизнѣ и по рискованности затратъ, было бы распредѣлено между всей массой населенія и не потребовало бы ни съ чьей стороны ни большихъ капиталовъ, ни риска; поисками и шурфовками населеніе стало бы заниматься постепенно, въ свободное время, между другими занятіями, еслибы даже,—что невѣроятно,—оно не поняло немедленно всей первенствующей важности для него горнаго промысла. Этотъ путь для изслѣдованія Урала и для нахожденія новыхъ рудныхъ богатствъ былъ бы, конечно, успѣшнѣе теперешняго, по которому изслѣдованіе Урала зависитъ отъ случайнаго появленія и ничтожныхъ, сравнительно, усилій отдѣльныхъ предпринимателей. Стоимость мелкихъ поисковъ и развѣдокъ населенія, спустя нѣкоторое время, составила бы огромный капиталъ, который никогда не могутъ дать частные предприниматели. И отъ послѣднихъ нельзя точно также ожидать всего того риска, съ которымъ были бы для нихъ сопряжены всѣ поиски и шурфовки, еслибы ихъ дѣлали повсемѣстно они одни, а не все мѣстное населеніе.

П. Лохтинъ.

КЕРЧЕНСКІЯ КАТАКОМБЫ

Докладъ о дѣйствіяхъ Императорской археологической коммиссіи за 1872 годъ. Спб. 1875. Съ атласомъ рисунковъ.

Археологія издавна пріобрѣла репутацію науки, способной привлекать только кабинетныхъ «гелертеровъ», науки крайне сухой и чуть ли не безполезной. И дѣйствительно, многія ея произведенія, и многіе дѣятели, въ особенности у насъ, могли производить такое впечатлѣніе, когда археологическіе вопросы замыкались въ тѣсную рамку мелкихъ подробностей, иногда не особенно важныхъ для самой науки. Но любопытнѣйшіе ея результаты у насъ и мало извѣстны. Въ нашей литературѣ вопросы общей археологіи до сихъ поръ поставлены самымъ жалкимъ образомъ: въ то время, когда археологическая наука въ Европѣ совершила, особенно въ послѣднія десятилѣтія, въ высшей степени замѣчательныя пріобрѣтенія, такія пріобрѣтенія, которыя открываютъ намъ цѣлые дотолѣ почти совсѣмъ неизвѣстные періоды исторической жизни человѣчества, и теперь уже обѣщаютъ бросить новый свѣтъ на существенные пункты исторіи нашей цивилизаціи,—наша литература долго оставалась почти въ полномъ невѣдѣніи этихъ пріобрѣтеній, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ остается въ этомъ невѣдѣніи и до сихъ поръ; наши ученыя силы почти не участвуютъ въ разработкѣ этого новаго добываемаго матеріала, и въ обиходѣ нашей образованности не явилось интереса къ этой области знанія. При этомъ общемъ положеніи дѣла не удивительно, что у насъ проходятъ незамѣченными и любопытные археологическіе труды, которые изрѣдка появляются и въ нашей собственной литературѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшая археологія приняла теперь обширные размѣры, какихъ не имѣла никогда прежде, и возстановляетъ для историческаго знанія цѣлые періоды древнихъ цивилизацій. Такъ археологія, въ связи съ другими науками, направилась къ изученію первобытныхъ состояній человѣчества: изслѣдованіе о тѣхъ ступеняхъ быта, остатокъ которыхъ представляютъ такъ-называемыя озерныя жилища, орудія каменнаго вѣка, пещерныя могилы, мегалитическіе памятники, вмѣстѣ съ наблюденіемъ быта современныхъ дикарей, возстановляетъ передъ нами картину доисторическихъ временъ, послужившихъ исходнымъ пунктомъ человѣческой цивилизаціи. Такъ, въ другой области, археологія достигла замѣчательнаго результата въ изслѣдованіяхъ древней Индіи, Египта, Ассиріи и Вавилона, и произвела настоящій переворотъ въ изученіи древняго Востока: она не только открыла множество историческихъ памятниковъ, но съ удивительнымъ остроуміемъ нашла ключъ къ чтенію давно забытыхъ гіероглифовъ и клинообразныхъ письменъ, съумѣла возстановить языкъ давно исчезнувшихъ народовъ и прочитать цѣлую литературу надписей, отдѣленную десятками столѣтій. Въ этомъ чтеніи открываются письменныя преданія, восходящія до эпохъ чрезвычайно отдаленныхъ и отчасти исполненныя величайшаго интереса, какъ, напримѣръ, тѣ недавно открытыя ассирійскія произведенія, въ которыхъ оказались въ высшей степени любопытныя параллели съ библейскими сказаніями о твореніи міра и первой жизни человѣка на землѣ (изслѣдованія Ленормана и Дж. Смита). Въ этихъ клинообразныхъ писаніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ памятникахъ египетской письменности, въ первый разъ открываются документальные памятники, которые, своимъ ближайшимъ отношеніемъ къ древнему библейскому преданію, даютъ основаніе для важныхъ историческихъ сравненій и выводовъ. Другія изслѣдованія Востока не менѣе любопытны: болѣе точное и внимательное изученіе восточныхъ памятниковъ и преданій разъясняетъ въ новомъ смыслѣ вопросъ объ отношеніяхъ старой европейской цивилизаціи къ Востоку: между ними открывается болѣе тѣсное родство, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось,—не только родство по происхожденію, съ арійскими племенами древней Индіи, Персіи, Малой Азіи, но и въ особенности родство культурное съ семитическими племенами, съ Египтомъ и Финикіей, и т. д. Еще въ новой области, археологія доставляетъ чрезвычайно любопытныя указанія въ исторіи древне-христіанскаго преданія, насколько оно выражалось въ памятникахъ искусства: между античнымъ міромъ и христіанствомъ, Востокомъ и Западомъ опять на-

ходятся точки соприкосновенія, которыя указываютъ въ развитіи христіанства историческую послѣдовательность и связь съ предыдущими явленіями. Такимъ образомъ, археологія вообще расширяетъ горизонтъ исторіи до такихъ далекихъ періодовъ времени и ступеней цивилизаціи, которыя еще не очень давно считались для нея покрытыми «мракомъ неизвѣстности». Въ своихъ многоразличныхъ отрасляхъ она уже теперь сильно содѣйствовала преобразованію цѣлыхъ научныхъ областей, какъ, напр., миѳологія, изученіе до-историческаго быта, этнографія, исторія искусства и т. д., и оказала важныя услуги наукѣ антропологіи и исторіи цивилизаціи.

Въ нашей литературѣ, эти новыя великія пріобрѣтенія общей археологіи очень мало извѣстны; многія открытія и изслѣдованія, имѣющія обширную историческую важность, и совсѣмъ неизвѣстны, какъ, напр., упомянутыя изысканія Смита и Ленормана въ библейской археологіи; древности христіанскаго искусства едва затронуты двумя-тремя небольшими спеціальными изслѣдованіями. У насъ, по этимъ предметамъ, до сихъ поръ не было ни одного спеціалиста, по крайней мѣрѣ сколько-нибудь самостоятельнаго; въ этой области, русскія силы еще не участвовали въ трудахъ европейской науки; библейская и древне-христіанская археологія, въ европейскомъ смыслѣ слова или на уровнѣ европейской науки, у насъ не существуетъ—не потому только, чтобы эти предметы не могли внушать любопытства въ нашемъ обществѣ, но главнымъ образомъ потому, что русская литература слишкомъ несвободна въ предметахъ, касающихся библейской и христіанской древности. Но и другія области археологіи представлены въ нашей литературѣ очень слабо, только случайнымъ, отрывочнымъ образомъ. Сама русская археологія, изученіе русскихъ древностей, или древностей странъ, находящихся теперь въ предѣлахъ Россіи, до сихъ поръ состоитъ бо́льшею частію только въ разработкѣ частныхъ вопросовъ, отдѣльныхъ памятниковъ, и почти не представляетъ цѣльныхъ трудовъ. Такъ, у насъ нѣтъ ни цѣльнаго обзора древнерусской бытовой жизни, нѣтъ исторіи древняго русскаго искусства или памятниковъ архитектуры, живописи, и т. п. Не мудрено, что археологическая литература до сихъ поръ остается достояніемъ небольшого круга спеціалистовъ и любителей.

Большая доля остатковъ древности, составляющихъ матеріалъ археологіи, сохранилась только тѣмъ, что на многіе вѣка эта древность была погребена подъ землей—или вслѣдствіе разрушенія старой жизни, какъ развалины городовъ, отдѣльныхъ зданій, дворцовъ, которыя теперь выводятся изъ вѣкового забвенія,

или была скрыта издавна, какъ могилы, курганныя гробницы, катакомбы. Такъ открываются теперь памятники Египта, Ассиріи и Вавилона, Малой Азіи, Сиріи и Палестины; такъ раскапываются развалины Галикарнасса и (предполагаемой) Трои; такъ разрываются до сихъ поръ холмы самого Рима, и т. д., и любопытныя находки не истощаются даже тамъ, гдѣ повидимому уже трудно было ожидать сохранившихся памятниковъ. Археологическія раскопки—конечно, совсѣмъ иного рода, чѣмъ въ странахъ восточной и классической цивилизаціи—дѣлались и въ Россіи, а кромѣ того, и случайно встрѣчались любопытныя находки, не лишенныя важнаго археологическаго значенія: такъ, въ различныхъ мѣстностяхъ средней, сѣверо-западной и сѣверной Россіи находимы были клады арабскихъ монетъ, указывавшіе на торговыя сношенія древней Руси; такъ, изслѣдуемы были такъ-называемыя городища и могильные курганы на сѣверѣ и югѣ, какъ, напр., раскопки, изслѣдованныя гр. Уваровымъ на земляхъ древней Мери, и т. п. Но въ Россіи есть и особенная обширная область, доставляющая до сихъ поръ обильный матеріалъ для археологическихъ поисковъ. Это—степи Новороссіи, и Крымъ съ Таманскимъ полуостровомъ. Археологическому изслѣдованію этихъ мѣстностей въ особенности посвящены труды археологической коммиссіи, на новѣйшемъ изданіи которой мы хотимъ остановиться.

Указанная область съ древнѣйшихъ временъ, какія запомнитъ исторія, лежала на пути различныхъ племенъ, арійскихъ и не-арійскихъ, которыя проходили здѣсь изъ Азіи въ Европу, иногда надолго утверждали здѣсь свои жилища или кочевья, вступали въ борьбу съ пришедшими ранѣе, мѣшались съ ними или уходили, уступая мѣсто новымъ пришельцамъ. Древнимъ грекамъ еще со временъ Гомера извѣстны были народы, жившіе у Чернаго Моря; во времена Геродота жили здѣсь скиѳы разныхъ наименованій, кочевые и земледѣльцы, сарматы и проч., затѣмъ являются другіе кочевники, измѣнившіеся потомки прежнихъ или новые; потомъ проходятъ гунны, хазары, половцы, печенѣги, татары; издавна, на сѣверномъ берегу Чернаго моря являются вѣтви славянскаго племени. Въ Крыму древніе греки знали киммеріянъ; западная часть полуострова занята была скиѳами. Съ VI-го вѣка до Р. X. утверждаются здѣсь греческія колоніи, которыя принесли въ эти дикія страны блестящую греческую цивилизацію. Въ числѣ варваровъ жили здѣсь и германскіе готы, остатки которыхъ сохранялись въ Крыму, какъ говорятъ, до новѣйшихъ временъ. На восточномъ краю полуострова, на мѣстѣ нынѣшней

Керчи, стояла Пантикапея, богатая греческая колонія и надолго столица Боспорскаго царства.

Путешественники еще съ конца прошлаго вѣка обратили вниманіе на остатки древности, находившіеся въ разныхъ мѣстахъ крымскаго полуострова, особенно въ восточной его части, гдѣ нѣкогда главнымъ образомъ сосредоточивались греческія колоніи. Первые поиски древностей сдѣланы были частными лицами (между ними извѣстно въ особенности имя Дюбрюкса, съ 1817), но они не могли быть вполнѣ успѣшны—потому уже, что необходимыя при этомъ раскопки требовали бы значительныхъ затратъ, да и по другимъ обстоятельствамъ могли быть неудобны для частныхъ людей. Нѣсколько правильно поставлено было дѣло только съ основаніемъ керченскаго музея (1826), состоявшаго тогда въ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ (!): въ музеѣ стали собираться находимыя древности, директоръ его сдѣлался главнымъ и оффиціальнымъ распорядителемъ поисковъ. Директоромъ музея долго былъ Антонъ Ашикъ, не строго ученый человѣкъ, но большой любитель, труды котораго (въ особенности: «Воспорское царство», 1848 — 49) для русскаго читателя долго оставались главнымъ средствомъ познакомиться съ древностями Босфора и ихъ изобрѣтеніями. Въ розысканіи древностей большія услуги принадлежали также Стемпковскому; въ ихъ ученомъ объясненіи—Бларамбергу, Спасскому, академику Кёлеру. Находки стали распредѣляться между керченскимъ музеемъ и петербургскимъ эрмитажемъ, гдѣ собраны теперь наиболѣе замѣчательные памятники, найденные въ этихъ розыскахъ. Впослѣдствіи, завѣдываніе археологическими работами перешло въ министерство внутреннихъ дѣлъ (при Перовскомъ); наконецъ, въ нынѣшнее царствованіе, оно поручено было особенной археологической коммиссіи (подъ предсѣдательствомъ гр. Строганова); результаты ея изысканій излагались въ ежегодныхъ «Докладахъ», которые начали выходить съ 1859 года.

Въ вѣдѣніе археологической коммиссіи поступили вообще всякія розысканія древностей, кладовъ и т. п., кромѣ таврическихъ, въ особенности раскопки степныхъ «могилъ», или кургановъ, на югѣ Россіи. Извѣстно, что новороссійскія степи усѣяны множествомъ болѣе или менѣе высокихъ кургановъ, которые на ровной степи бываютъ иногда видны за нѣсколько десятковъ верстъ. Ихъ погребальное значеніе было давно извѣстно въ народѣ, который вообще называетъ ихъ «могилами»,—извѣстно если не по преданію, то по догадкѣ или даже по опыту: въ ихъ внутренности предполагали находить «клады», и находили погребальные остатки.

Впрочемъ, главные клады, съ драгоцѣнными принадлежностями погребенія, были вынуты, вѣроятно, уже въ очень отдаленныя времена. Полное изслѣдованіе большихъ кургановъ представляло значительныя трудности: приходилось разрывать большую массу земли,—и до сихъ поръ только немногіе были розысканы достаточно. Но и это немногое принесло уже важные результаты: оказалось несомнѣннымъ, что въ нѣкоторыхъ изъ кургановъ должно признать могилы скиѳскихъ царей, о погребеніи которыхъ съ подробностями разсказываетъ Геродотъ въ IV-й книгѣ своей исторіи. При раскопкѣ почти всегда убѣждались, что курганы были уже обысканы грабителями,—быть можетъ, еще современниками погребенія, знавшими о положенныхъ въ могилы сокровищахъ. Несмотря на то, въ курганахъ находили, кромѣ остововъ и погребальныхъ принадлежностей, много различныхъ предметовъ скиѳскаго быта, и много золотыхъ и серебряныхъ вещей греческаго издѣлія, приходившихъ изъ сосѣднихъ греческихъ колоній въ Тавридѣ, и въ числѣ этихъ вещей бывали замѣчательнѣйшія произведенія греческаго искусства. Для примѣра укажемъ знаменитую никопольскую серебряную вазу, найденную въ Чертомлыцкомъ курганѣ, который изслѣдованъ былъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ г. Забѣлинымъ: верхняя часть ея, между прочимъ, украшена рельефными изображеніями изъ скиѳскаго быта, представляющими въ рядѣ сценъ укрощеніе дикой лошади, и по отзыву компетентныхъ спеціалистовъ эти изображенія принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ образцамъ греческаго искусства, не позже его высшей эпохи, IV-го вѣка до Р. X.

Гораздо больше сдѣлано было замѣчательныхъ археологическихъ находокъ въ тѣхъ раскопкахъ, которыя производились въ Крыму, особенно въ ближайшихъ окрестностяхъ Керчи, древней Пантикапеи. Окрестности ея составляютъ цѣлый обширный некрополь, съ разнообразными способами погребенія, отъ простого сожиганія труповъ до устройства мавзолеевъ, изъ тесанаго камня, засыпанныхъ высокими курганами. Изъ этихъ керченскихъ могилъ главнымъ образомъ происходятъ тѣ художественныя произведенія и археологическіе предметы, которые составляютъ богатую коллекцію эрмитажа. По находимымъ въ нихъ вещамъ, монетамъ, надписямъ, наиболѣе древніе изъ этихъ предметовъ и самыхъ могилъ относятся ко времени еще за нѣсколько вѣковъ до Р. X. и къ цвѣтущему состоянію греческихъ колоній,—такъ какъ художественные предметы, произведенія пластики, живописи, рѣзьбы на камнѣ, металлическія издѣлія, находимые здѣсь, принадлежатъ нерѣдко къ лучшимъ временамъ греческаго искусства.

Кромѣ общаго значенія этихъ памятниковъ, какъ бытовыхъ остатковъ мало извѣстной страны и народа, не менѣе важны они въ спеціальномъ смыслѣ—для исторіи греческаго искусства. По объясненію замѣчательнаго знатока классическаго искусства, академика Л. Стефани, который посвящалъ свои труды опредѣленію этихъ памятниковъ, мы имѣемъ здѣсь нерѣдко совершеннѣйшія произведенія греческихъ художниковъ лучшей эпохи, которыя притомъ нерѣдко представляютъ чрезвычайно важныя разъясненія греческаго миѳа, какихъ не даютъ другіе извѣстные памятники.

Первое обширное, обстоятельное и великолѣпно изданное описаніе этихъ памятниковъ сдѣлано было въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго» (1854, томъ текста и томъ атласа, in-f⁰). Затѣмъ, стали появляться періодически годовые «Доклады» археологической коммиссіи (съ 1859), гдѣ излагались дѣйствія коммиссіи по розысканію древностей и раскопкамъ, преимущественно въ Крыму и Новороссіи, и въ «Приложеніяхъ», составлявшихъ существенную долю этихъ изданій, появлялись ученыя объясненія греческихъ памятниковъ. Эти объясненія, принадлежащія академику Стефани, по богатству свѣдѣній, остроумію толкованій и также тонкой оцѣнкѣ художественной стороны памятниковъ, составляютъ, какъ и вообще работы этого ученаго, прекрасный комментарій къ памятникамъ и цѣнный вкладъ въ научное изслѣдованіе античной миѳологіи, быта и искусства. Результаты другихъ трудовъ археологической коммиссіи, по раскопкѣ кургановъ Новороссіи, кромѣ «Докладовъ», собраны въ другомъ великолѣпномъ изданіи: «Древности Геродотовой Скиѳіи» (два выпуска, текстъ и атласы, 1866—1872, 4⁰ и f⁰).

Въ послѣднемъ «Докладѣ», вышедшемъ въ концѣ прошлаго года, значительную долю «Приложеній» составляютъ новыя изслѣдованія академика Стефани по поводу художественныхъ произведеній, открытыхъ въ южной Россіи въ 1871 году, и объясненія нѣкоторыхъ вазовыхъ рисунковъ эрмитажа. То и другое относится въ область греческаго искусства и миѳологіи. Затѣмъ, помѣщено изслѣдованіе г. Стасова о катакомбѣ съ фресками, найденной близъ Керчи въ 1872 году. На этомъ послѣднемъ мы остановимся,—какъ по новости предмета, такъ и по историческимъ пріуроченіямъ, какія дѣлаетъ авторъ.

Пантикапейскіе памятники въ своихъ особенностяхъ уже давно указали на присутствіе двухъ основныхъ этнографическихъ элементовъ, греческаго и варварскаго, пришлаго и туземнаго, которые существовали рядомъ въ населеніи Тавриды, съ VI-го вѣка до Р. X. Греческія колоніи внесли на варварскую почву кимме-

рійскаго Босфора тѣ обычаи и произведенія античной цивилизаціи, какія представляла имъ въ тѣ времена процвѣтавшая метрополія. Греческій бытъ, нравы, миѳологія, искусство принесены были сюда цѣликомъ: отсюда то богатство замѣчательнѣйшихъ произведеній, которыя—въ теченіи болѣе двухъ тысячелѣтій—сохранились въ могильныхъ склепахъ и курганахъ Пантикапея. Но рядомъ съ греческимъ элементомъ обнаруживается и часто господствуетъ элементъ варварскій, принадлежавшій туземному населенію, которое, хотя заняло отъ греческой цивилизаціи нѣкоторыя внѣшнія частности, но сохраняло основной національный характеръ. Оба элемента являются часто нераздѣльными: въ богатыхъ могилахъ пантикапейскихъ варварскихъ властителей или знатныхъ людей находятся греческія вещи, служившія имъ какъ бытовые предметы и украшенія; греческіе художники брали сюжеты для своихъ работъ изъ варварской жизни, какъ, напр., скиѳскія сцены укрощенія лошади на упомянутой никопольской вазѣ, или военныя сцены на извѣстной вазѣ изъ электрума (смѣси золота и серебра), найденной въ Куль-Обскомъ курганѣ въ 1830 г. и находящейся теперь въ эрмитажѣ, и др. Впослѣдствіи съ паденіемъ самой метрополіи, съ упадкомъ греческаго искусства, когда, вѣроятно, и въ колоніяхъ Босфора киммерійскаго возобладали туземные элементы, стиль памятниковъ и издѣлій падаетъ, въ неумѣлыхъ рукахъ новыхъ поколѣній или туземныхъ мастеровъ и подражателей.

Эта сторона керченской древности, отношенія греческой цивилизаціи съ варварскимъ міромъ, до сихъ поръ была мало опредѣлена; правда и то, что археологическія данныя, состоящія почти исключительно изъ погребальныхъ предметовъ и только немногихъ надписей съ положительными историческими указаніями, мало давали основанія для такихъ опредѣленій. Поэтому особенно любопытна та новая археологическая находка, объясненію которой посвящена обширная статья г. Стасова—катакомба, довольно значительная, всѣ стѣны которой и потолокъ заняты оригинальными, до сихъ поръ почти не встрѣчавшимися фресками.

Существованіе катакомбъ въ керченскомъ некрополѣ давно извѣстно искателямъ, но до сихъ поръ на нихъ мало обращали вниманія: катакомбы не представляли интереса ни по своему археологическому устройству, ни по достоинству находимыхъ предметовъ, тѣмъ больше, что почти всегда они оказывались разграбленными въ давнее время. Тѣмъ не менѣе, г. Стасовъ настаиваетъ на важности ихъ изслѣдованія, и, сравнивая фрески керченской катакомбы съ открытыми въ сороковыхъ годахъ этрус-

скими фресками въ Италіи, тѣмъ болѣе придаетъ археологической важности керченскому памятнику, что въ его живописи мы имѣемъ не извѣстныя сцены бѣга колесницъ или бѣга въ палестрѣ, а «изображенія сценъ, личностей и національностей, которыя до сихъ поръ еще никогда не были намъ извѣстны изъ созданій живописи, и о которыхъ наврядъ ли многое мы извлечемъ изъ писателей». Керченскія картины по словамъ его являются чѣмъ-то въ родѣ tableaux de genre чрезвычайно любопытной мѣстности и эпохи: онѣ иллюстрируютъ для насъ событія и нравы *частныхъ людей* одной изъ тѣхъ разнообразныхъ національностей, которыя почти два тысячелѣтія тому назадъ жили въ мѣстности нынѣшней Керчи. «Онѣ возстановляютъ то, о чемъ молчитъ исторія, что было пропущено на ея страницахъ, или что исчезло съ нихъ», стертое или поблѣднѣвшее отъ времени.

Раскапыватели керченскихъ кургановъ уже давно замѣтили существованіе катакомбъ—въ той самой мѣстности, гдѣ отыскана была и настоящая катакомба съ фресками. Эта мѣстность есть сѣверный скатъ Митридатовой горы, лежащей у самой Керчи. Вдоль склона этой горы къ Золотому кургану (этотъ курганъ, вмѣстѣ съ Куль-обскимъ и Царскимъ курганами, близъ Керчи, доставилъ наиболѣе великолѣпныя археологическія находки) тянется земляное возвышеніе въ видѣ хребта, неравной вышины, и подъ поверхностью земли идетъ каменный слой, имѣющій подъ собою слой глины: это геологическое расположеніе и давало особенное удобство для устройства катакомбъ. Раскапыватели давно встрѣчали ихъ, замѣтили даже, что большинство погребальныхъ камеръ сообщаются одна съ другою; но, какъ мы сказали, не обращали на нихъ особеннаго вниманія, потому что онѣ не доставляли особенной добычи въ драгоцѣнныхъ или художественныхъ предметахъ: въ нихъ находимы были, правда, вазы, металлическія украшенія, терракоттовыя статуйки и т. п.; но бóльшей частью катакомбы бывали уже раньше обысканы. Въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго» (1854) о катакомбахъ было сказано мало; но еще ранѣе этого изданія напечатано было въ 1845 г. изслѣдованіе упомянутаго Ашика,—объ одной пантикапейской катакомбѣ съ фресками, отысканной имъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, именно въ 1841. Изслѣдованіе Ашика мало разъяснило археологическій вопросъ, но по крайней мѣрѣ указало на существованіе этихъ своеобразныхъ памятниковъ древней живописи. Съ конца пятидесятыхъ годовъ раскрыто было нѣсколько новыхъ катакомбъ, между прочимъ, опять съ остатками живописи;

но самой важной находкой была та, описаніемъ и объясненіемъ которой занялся г. Стасовъ въ своемъ изслѣдованіи.

Эта катакомба открыта была лѣтомъ 1872 года. Входъ въ катакомбу состоитъ обыкновенно изъ прямого колодезя, верхняя часть котораго, подъ поверхностью земли, выкладывалась обыкновенно камнемъ; со дна этого колодезя шло въ бокъ отверстіе, собственный входъ въ катакомбу, заложенный плитою. На этотъ разъ верхняя часть плиты оказалась сломанной грабителями. Когда плита была отвалена, за ней обнаружился проходъ въ подземелье, аршина въ два вышины, и полтора ширины. Подземелье состояло изъ низенькаго и тѣснаго покоя, вырубленнаго въ известковомъ материкѣ въ видѣ трапеціи или неправильнаго четвероугольника; наибольшую длину представляла задняя стѣна (9 аршинъ); боковыя стѣны имѣли около $4^1/_2$ аршинъ; наибольшая высота подземелья около задней стѣны—около трехъ аршинъ; потолокъ имѣлъ эллиптическую форму, съ раскатомъ къ боковымъ стѣнамъ. При осмотрѣ, катакомба оказалась совершенно разграбленной, вѣроятно уже въ давнее время; въ ней уже не оставалось почти никакихъ вещей, разбросаны были самые остатки гробовъ и остововъ. Но, несмотря на то, катакомба представляла особенность, которая дѣлала ее однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ керченскихъ памятниковъ. Это—ея фресковая живопись. Всѣ стѣны подземелья и потолокъ были покрыты орнаментами и картинами, хорошо сохранившимися, правда, очень грубыми, но замѣчательными по своеобразности мотивовъ, которые до сихъ поръ еще не встрѣчались въ древней живописи. «И сцены, и люди, и животныя, и орнаментистика, тутъ представленные,—замѣчаетъ г. Стасовъ,—носили отпечатокъ совершенно своеобразный, и очень далекій, въ большинствѣ случаевъ, не только отъ греческаго элемента, какимъ запечатлѣны лучшіе художественные и бытовые предметы, находимые въ керченскихъ раскопкахъ, но и отъ подобныхъ предметовъ восточнаго происхожденія, нерѣдко встрѣчаемыхъ въ этихъ раскопкахъ».

«Внутренность катакомбы,—говоритъ г. Стасовъ,—съ перваго же взгляда производитъ общее впечатлѣніе чего-то восточнаго, никакъ не греческаго и тѣмъ менѣе римскаго. Правда, разсматривая ее подробнѣе, найдешь въ живописной орнаментистикѣ нѣкоторыя части, какъ-бы принадлежащія греческому искусству, но подобныхъ частей здѣсь очень немного, и большинство всего, представляющагося глазамъ въ катакомбѣ носитъ ясные отпечатки Востока». Доказательству этого положенія посвящено изслѣдованіе.

Прежде всего, по объясненію автора, употребленіе катакомбъ не есть греческій способъ погребенія. Греки или сожигали трупъ, или хоронили его въ каменномъ или деревянномъ гробу или саркофагѣ, зарывая его въ неглубокой, и обыкновенно тѣсной могилѣ, или воздвигали надъ нимъ склепъ изъ тесаныхъ камней со ступенчатымъ сводомъ, и насыпали надъ нимъ земляной курганъ. Подобнаго рода могилы находимы были въ разныхъ греческихъ поселеніяхъ въ самой Греціи, въ Малой Азіи, южной Италіи, и всѣ эти способы погребенія встрѣчаются и въ раскопкахъ въ Крыму и на Таманскомъ полуостровѣ. Катакомба представляетъ совсѣмъ иной типъ устройства: это—небольшія пустыя пространства, вырытыя въ горѣ некрѣпкаго геологическаго сложенія; вся архитектоническая сторона ограничивается обровняніемъ стѣнъ и потолка, и приготовленіемъ помѣщеній для гробовъ. Забота о погребеніи непремѣнно въ горѣ, есть идея спеціально семитическая; но долговременное сосѣдство арійскихъ народовъ съ семитическими въ Малой Азіи распространило между первыми много семитическихъ представленій, и въ томъ числѣ обычай погребенія въ катакомбахъ,—устройство которыхъ слегка видоизмѣнялось по мѣстностямъ и народностямъ. Катакомбы встрѣчаются и тамъ, гдѣ было греческое населеніе, но гдѣ однако (какъ это было въ Пантикапеѣ) греческій элементъ встрѣчался съ національностью азіатскаго происхожденія, существовавшей на мѣстѣ раньше грековъ. Греческое вліяніе оказывалось вообще на различныхъ бытовыхъ формахъ, вносило даже употребленіе греческаго языка, но тѣмъ не менѣе многія особенности туземнаго быта противостояли этому вліянію,—какъ, напр., и обычай устройства катакомбъ. Даже тамъ, гдѣ греческое вліяніе было несомнѣнно, и гдѣ въ катакомбахъ находимы были предметы греческаго происхожденія и характера,—въ живописи катакомбъ и вообще въ ихъ устройствѣ замѣтна примѣсь восточная. То же находитъ авторъ и относительно крымскихъ катакомбъ: онѣ явственно носятъ характеръ малоазіатскій, по своему внутреннему расположенію, между прочимъ по устройству особыхъ лежанокъ для постановки гробовъ, и отсутствію на стѣнахъ всякихъ выпуклыхъ орнаментовъ.

Единственнымъ украшеніемъ была живопись, и въ ней-то заключается особенный интересъ катакомбы, и свидѣтельство ея восточнаго характера. Авторъ подробно перебираетъ всѣ частности этихъ фресокъ, и доказываетъ ихъ восточное происхожденіе, находя очень близкія параллели ихъ въ древнихъ, чисто-восточныхъ памятникахъ. Начиная съ бордюровъ, которыми обве-

дена стѣнная живопись катакомбы, авторъ находитъ такіе же бордюры въ памятникахъ ассирійскихъ или другихъ, которые подчинены были азіатскому вліянію. Особенную оригинальность стѣнныхъ рисунковъ катакомбы составляетъ орнаментальный фонъ изъ зеленыхъ листковъ и цвѣтковъ, имѣющихъ форму сердца и окрашенныхъ красною краскою—наполовину яркой, и наполовину блѣдной: этотъ фонъ покрываетъ стѣны и потолокъ катакомбы и заполняетъ всѣ пустыя мѣста картинъ. Авторъ указываетъ въ этомъ орнаментальномъ фонѣ чисто азіатскую черту искусства, которую одинаково представляетъ и древній, и новый Востокъ, и примѣры которой въ греческомъ искусствѣ являются только въ первобытную археологическую эпоху. По изслѣдованію автора оказывается, что орнаментальный типъ цвѣтковъ, составляющихъ фонъ керченскихъ рисунковъ, находится въ древнихъ ниневійскихъ, персепольскихъ и позднѣйшихъ сассанидскихъ памятникахъ, что въ однихъ случаяхъ этотъ орнаментъ считаютъ розой, въ другихъ листомъ плюща или трилиственника, и что вообще эти цвѣтки и листки имѣли на Востокѣ особое религіозное значеніе. По этому поводу г. Стасовъ входитъ въ цѣлое изслѣдованіе, гдѣ доказываетъ, что этотъ орнаментъ, очень извѣстный на Востокѣ и перешедшій въ средніе вѣка въ Европу, между прочимъ послужилъ началомъ извѣстныхъ карточныхъ фигуръ, обозначающихъ масти. Наконецъ, кромѣ орнаментальныхъ подробностей, самые рисунки катакомбы своимъ содержаніемъ указываютъ присутствіе восточныхъ элементовъ.

Эти рисунки занимаютъ всѣ стѣны камеры, и главные изъ нихъ помѣщены на задней стѣнѣ и въ ея углубленіи, составлявшемъ помѣщеніе для гроба. Потолокъ и нижняя часть задней стѣны подъ погребальнымъ углубленіемъ покрыты также орнаментальными рисунками: они состоятъ изъ круговъ и звѣздъ, разрисованныхъ разными красками, и хотя подобныя украшенія нерѣдки и въ греческомъ искусствѣ, авторъ находитъ въ нихъ особенности, принадлежащія только Востоку,—именно звѣзды на фрескахъ катакомбы постоянно изображены съ двѣнадцатью лучами, чего не встрѣчается въ греческихъ орнаментахъ и что̀, напротивъ, можно найти именно въ восточныхъ памятникахъ, напр., ассирійскихъ. По мнѣнію автора, эти восточныя звѣзды и расписные круги должны обозначать небесныя свѣтила и свидѣтельствовать о восточномъ поклоненіи имъ.

Наконецъ, самые рисунки, расположенные на упомянутомъ общемъ фонѣ изъ листковъ и цвѣтовъ, изображаютъ бытовыя сцены и родъ пейзажей, съ деревьями, животными и птицами.

Рисунки, гдѣ являются человѣческія фигуры, всѣ представляютъ сцены военнаго характера. На одномъ, внутри главнаго погребальнаго углубленія, изображенъ рядъ идущихъ воиновъ, вооруженныхъ копьями, мечами и щитами подъ предводительствомъ человѣка высокаго роста, имѣющаго въ рукахъ военный значокъ, въ родѣ древняго лабарума. На другомъ, четыре воина этого самаго вида и вооруженія (двое на коняхъ) представлены въ битвѣ съ тремя конными непріятелями, иного вида и вооруженія, и изъ которыхъ двое уже убиты. На третьемъ, опять конная фигура перваго типа, съ копьемъ нападающая на пѣшаго непріятеля, вооруженнаго мечомъ и щитомъ: послѣднее изображеніе опять имѣетъ свой особенный типъ. Разбирая подробности этихъ рисунковъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что здѣсь представлены типы трехъ различныхъ національностей, что главное углубленіе въ катакомбѣ, около котораго помѣщены эти рисунки, могло быть именно могилой того высокаго воина, который является предводителемъ въ первомъ рисункѣ, и что здѣсь вообще изображены его военные подвиги.

Собравши подробности внѣшняго вида, одежды, вооруженія этого главнаго типа, изображеннаго въ рисункахъ катакомбы, авторъ приходитъ къ заключенію, что эти подробности не единичны и случайны, не принадлежатъ лишь отдѣльнымъ личностямъ, а всему туземному племени, обитавшему въ Пантикапеѣ въ первые вѣка послѣ Р. Х. Онъ доказываетъ это сравненіемъ рисунковъ съ фресками другихъ катакомбъ и съ барельефами многихъ керченскихъ надгробныхъ памятниковъ, относящихся къ первымъ столѣтіямъ по Р. Х.: на этихъ барельефахъ часто повторяется одно обычное и, кажется, условное изображеніе всадника съ стоящимъ подлѣ пѣшимъ человѣкомъ, и это изображеніе дѣйствительно очень сходно съ вооруженными фигурами катакомбы. Въ этомъ типѣ авторъ не находитъ ничего греческаго или римскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ изображеніяхъ нѣтъ сходства съ изображеніями народовъ, сосѣднихъ съ Босфоромъ, которые извѣстны по другимъ памятникамъ искусства, напр., съ изображеніями скиѳовъ (на многочисленныхъ босфорскихъ памятникахъ греческаго искусства), даковъ, сарматовъ, гетовъ, парѳянъ (на барельефахъ Трояновой колонны и другихъ римскихъ памятникахъ). Но за то авторъ находитъ значительное сходство фигуръ этихъ воиновъ катакомбы съ изображеніями на нѣкоторыхъ памятникахъ восточныхъ, если не по типу лицъ, то по костюму и вооруженію; такъ, на памятникахъ персепольскихъ авторъ находитъ подобныя фигуры между изображеніями наро-

довъ, подвластныхъ персидскому царю; много столѣтій спустя, такія же фигуры встрѣчаются въ изображеніи подвластныхъ Персіи народовъ, при сассанидскихъ царяхъ.

Въ народѣ, изображаемомъ на фрескахъ этими фигурами, авторъ видитъ самихъ туземныхъ жителей Пантикапеи. Въ двухъ другихъ типахъ, которые являются здѣсь, онъ предполагаетъ какія-то народности, непріязненныя пантикапейцамъ; типъ, представляемый конными непріятелями пантикапейцевъ, повторяется, по его мнѣнію, на нѣкоторыхъ босфорскихъ монетахъ, но затѣмъ авторъ не приходитъ относительно его ни къ какому опредѣленному заключенію. Наконецъ, третій типъ, встрѣчающійся на фрескахъ только одинъ разъ, въ видѣ пѣшаго воина, вооруженнаго щитомъ и мечомъ, съ большими темными волосами и бородой и невысокаго роста,—этотъ типъ остается вовсе тёменъ.

Въ числѣ другихъ подробностей, которыя г. Стасовъ подвергаетъ своему изслѣдованію, на фрескахъ являются изображенія какихъ-то крылатыхъ мальчиковъ: одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ птичку, другой какую-то длинную кольчатую фигуру съ нитями на концахъ. Можно было бы думать, что эти крылатые мальчики имѣютъ отношеніе къ греческимъ геніямъ или эротамъ; но и здѣсь оказываются различія, не позволяющія видѣть здѣсь отраженіе греческаго искусства. Эти мальчики имѣютъ такое же круглое лицо, какъ сами пантикапейцы; далѣе, хотя у нихъ есть крылья, но вмѣстѣ съ тѣмъ они одѣты въ кафтанчикахъ, или плащахъ, и штанахъ, чего съ греческими эротами, какъ извѣстно, никогда не бываетъ; цвѣтъ крыльевъ здѣсь черный, тогда какъ на греческихъ раскрашенныхъ рисункахъ они бываютъ цвѣтныя съ золотомъ или разноцвѣтныя; птичка также является въ рукахъ греческаго эрота, но имѣетъ у него роль подарка женщинѣ, уговариваемой имъ къ любви, и онъ держитъ птичку бережно на рукахъ, между тѣмъ какъ здѣсь крылатый мальчикъ просто волочитъ птичку за ноги, какъ пойманную добычу. Кольчатая длинная фигура, которая изображается на фрескахъ въ рукахъ крылатаго мальчика или отдѣльно на фонѣ, покрытомъ, какъ упомянуто выше, цвѣтами и листьями, по объясненію г. Стефани, означаетъ перевязанный мѣшочекъ съ цвѣтами; подобныя гирлянды изъ мѣшечковъ съ цвѣтами встрѣчаются и на фрескахъ христіанскихъ катакомбъ, и вообще служили погребальнымъ атрибутомъ; такіе рисунки бывали находимы и на расписныхъ античныхъ вазахъ,—но авторъ тѣмъ не менѣе думаетъ, что эти орнаменты взяты были пантикапейцами не у грековъ или римлянъ, они опять имѣютъ свой источникъ на востокѣ. Самые ге-

нія такого характера отыскиваются въ восточныхъ памятникахъ, напр., на сассанидскихъ скульптурахъ; на рисункахъ персидскихъ рукописей, даже болѣе позднихъ эпохъ, геніи или ангелы обыкновенно изображены въ такихъ же костюмахъ, какъ геніи пантикапейской фрески—въ кафтанчикѣ и въ штанахъ.

Общій выводъ автора состоитъ въ слѣдующемъ. Катакомба несомнѣнно была сооружена для погребенія пантикапейскаго военачальника. Большой ростъ, отличающій его на всѣхъ картинахъ, плащикъ за плечами, особенныя украшенія, съ которыми онъ является—выдѣляютъ его изъ простыхъ воиновъ, его сопровождающихъ. Вѣроятно, въ головахъ его гроба находилась фреска, изображающая льва съ поднятой лапой, и эрота съ птичками въ рукахъ—быть можетъ, символами звѣриной и птичьей охоты. Слѣдующая фреска, вдоль погребальнаго мѣста, представляетъ паркъ, или лѣсъ, наполненный звѣрями: среди деревьевъ мы находимъ здѣсь павлина, кабана и медвѣдя. Въ ногахъ погребеннаго изображенъ выходъ на военные подвиги. Надъ головой—звѣзды и небесныя свѣтила. Дальше, по обѣ стороны погребальнаго углубленія, на задней стѣнѣ, представлены упомянутыя военныя сцены: сраженіе съ тремя конными степными врагами,—на одной фрескѣ; и на другой, сраженіе съ пѣшимъ непріятелемъ.

На другихъ стѣнахъ опять звѣри, пантеры, олень, собака, среди деревьевъ и густой травы; на фонѣ опять цвѣтки и листья, крылатый геній съ гирляндой. На потолкѣ небесныя свѣтила, птички и похоронныя гирлянды.

Какому времени принадлежитъ катакомба, нельзя рѣшить за отсутствіемъ всякихъ близкихъ указаній; но по сравненію съ другими катакомбами, въ которыхъ находимы были монеты извѣстнаго времени, съ барельефами надгробныхъ памятниковъ, имѣющихъ надписи съ хронологическими указаніями, эту катакомбу должно относить къ первымъ вѣкамъ нашей эры, отъ I до IV столѣтія.

«Несомнѣнно,—заключаетъ авторъ,—тутъ изображены жители Пантикапеи... Это было то самое племя, первоначально азіатское, которое жило въ этой мѣстности уже со временъ очень отдаленныхъ. Послѣ прибытія сюда, въ VI вѣкѣ до Р. Х., іонійскихъ грековъ (изъ Милета), и основанія ими, на берегахъ Чернаго моря, греческихъ колоній, въ томъ числѣ и Пантикапеи, племя это подверглось, въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій, сильному грецизированію, хотя все-таки далеко не утратило при этомъ всѣхъ черть своей національности. Объ этомъ можно заключать изъ

того, что рядомъ съ такъ-называемыми варварскими собственными именами (въ сущности иранскаго корня), встрѣчаемыми во множествѣ на надгробныхъ и всякаго рода историческихъ надписяхъ, рядомъ съ божествами, тоже иранскими и прямо указывающими на поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ, рядомъ съ предметами жизни и искусства, имѣющими характеръ древне-иранскій, вообще рядомъ со всѣмъ тѣмъ, что̀ свидѣтельствуетъ о присутствіи сильныхъ и глубокихъ элементовъ азіатскихъ—рядомъ со всѣмъ этимъ является цѣлая масса фактовъ, говорящихъ о самомъ могучемъ преобладаніи въ Пантикапеѣ, въ теченіи указаннаго періода, вліянія греческаго и культуры греческой. Такими фактами я признаю: постоянное употребленіе греческаго языка на надписяхъ; многочисленныя собственныя греческія имена, приводимыя часто въ этихъ надписяхъ; многочисленныя упоминанія греческихъ божествъ, встрѣчаемыя тутъ же; греческую архитектуру надгробныхъ построекъ и вполнѣ греческій стиль громаднаго количества самыхъ разнообразныхъ предметовъ, найденныхъ въ могилахъ того періода. Все это—явленія, которыя не могли не существовать среди греческой колоніи, основавшейся въ чужой землѣ и пустившей тамъ глубокіе корни. Впослѣдствіи, около временъ Р. Х., какой-то переворотъ совершился вдругъ въ этихъ мѣстностяхъ, прежнее вліяніе замѣняется другимъ, весь строй жизни измѣняется; правда, греческій языкъ продолжаетъ быть въ употребленіи, но греческіе элементы всѣ вообще блѣднѣютъ, въ иныхъ случаяхъ почти совершенно исчезаютъ, и уступаютъ мѣсто инымъ элементамъ, иранскимъ или вообще азіатскимъ. Эти элементы, которые слѣдуетъ считать собственно національными элементами въ Пантикапеѣ, долго были почти скрыты... но вдругъ начинаютъ теперь пробиваться наружу... Какъ ни великолѣпна, какъ ни чудесна была въ своемъ высокомъ развитіи греческая цивилизація, но она была въ этихъ мѣстностяхъ чужда для всѣхъ, кто не принадлежалъ къ числу греческихъ колонистовъ (т.-е. для массы коренного народонаселенія), а потому, при первомъ появленіи благопріятныхъ обстоятельствъ, національные элементы выдвинулись, наконецъ, снова впередъ и вытѣснили большинство того, что̀ принадлежало къ кругу греческой жизни, быта и искусства. Доказательствами тому служатъ: во-первыхъ, громадное количество собственныхъ именъ азіатскаго (преимущественно иранскаго) склада—они столь многочисленны на надгробныхъ и иныхъ надписяхъ первыхъ четырехъ столѣтій послѣ Р. Х., какъ никогда прежде, въ эпоху греческаго преобладанія; далѣе, формы и подробности такой архитектуры, подземной и

надземной, которая состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ архитектурою азіатскою вообще, и мало-азіатскою въ особенности; потомъ формы орнаментистики, свидѣтельствующей о томъ же самомъ, и притомъ указывающей на преобладаніе культа небесныхъ свѣтилъ; костюмъ и вооруженіе, тожественные съ костюмомъ и вооруженіемъ разныхъ иранскихъ племенъ; наконецъ, отсутствіе бытовыхъ предметовъ, носящихъ характернѣйшіе признаки греческаго вкуса, стиля и работы.

«Я указывалъ на полное отсутствіе греческихъ расписныхъ вазъ въ керченскихъ катакомбахъ, относящихся къ періоду послѣ Р. Х. Къ этому можно прибавить, что такъ какъ земляныя гробницы (или могилы) составляютъ простѣйшую форму погребенія у всѣхъ вообще народовъ, то въ окрестностяхъ Пантикапеи онѣ постоянно служили для погребенія бѣднѣйшихъ жителей, не имѣвшихъ, конечно, средствъ тратиться на катакомбу. Но тѣ изъ земляныхъ гробницъ, которыя принадлежатъ собственно мѣстному племени, всегда отличаются отсутствіемъ предметовъ греческихъ, и въ особенности расписныхъ вазъ. Въ той могилѣ, гдѣ найдены будутъ монеты періода послѣ Р. Х., никогда не ищите ни золотыхъ и серебряныхъ предметовъ греческой работы, ни греческихъ расписныхъ вазъ, ни греческихъ статуэтокъ: вы здѣсь, точно также какъ въ катакомбахъ, хотя бы и богатыхъ, можете встрѣтить только мелкіе золотые листочки отъ вѣнчиковъ, серьги, браслеты и запястья изъ золотой, серебряной или мѣдной проволоки, самыя грубыя глиняныя статуэтки, и сосуды безъ барельефныхъ украшеній и тѣмъ менѣе живописи, стеклянные мелкіе сосуды и скляночки, наконецъ оружіе. Все, что̀ носитъ слѣды высокой греческой цивилизаціи и искусства—ищите того въ могилахъ греческихъ колонистовъ, т.-е. въ каменныхъ склепахъ съ коническими или пирамидальными ступеньчатыми сводами, въ каменныхъ гробницахъ, и наконецъ въ тѣхъ изъ числа земляныхъ гробницъ, гдѣ встрѣчаются монеты древнихъ архонтовъ или самого города Пантикапеи, т.-е. въ тѣхъ, которыя относятся къ періоду времени отъ IV и до I вѣка до Р. Х. Объ огромной разницѣ между прежнимъ и новымъ строемъ пантикапейской жизни можно достаточно судить даже по однимъ монетамъ. Въ теченіи этого послѣдняго періода, т.-е. въ періодъ времени отъ IV и до перваго вѣка до Р. Х., пантикапейскія монеты носятъ всѣ признаки греческаго стиля, вкуса и искусства, и служатъ блестящими представителями эллинизма. Такъ точно монеты, начиная отъ времени, близкаго къ началу нашей эры и въ теченіи первыхъ четырехъ столѣтій послѣ Р. Х., несмотря на сла-

бые остатки чего-то греческаго, носять всѣ признаки стиля, вкуса и искусства азіатскаго...

«Но что же произвело такой радикальный переворотъ? Что заставило исчезнуть прежній пантикапейскій міръ, что помогло водворенію новаго? Мнѣ кажется, событіемъ, условившимъ коренную перемѣну во всемъ, должно считать завоеваніе Босфорскаго царства Митридатомъ-Великимъ. Этотъ понтійскій царь явился защитникомъ и возстановителемъ древней Азіи; онъ явился владыкой, который смѣло и талантливо возсталъ противъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ захватовъ Европы, олицетворенныхъ въ преобладаніи Греціи и Рима и казавшихся Митридату беззаконными и нестерпимыми. Его идея соотвѣтствовала взгляду всей почти Азіи, и оттого-то большинство азіатскихъ странъ, лежавшихъ въ границахъ его дѣятельности, и считавшихъ себя изнасилованными глубоко антипатичною и чуждою имъ Европою, быстро примыкали къ нему, и въ одно мгновеніе ока становились злѣйшими врагами римлянъ: всѣ эти народы надѣялись не столько на возстановленіе своей самостоятельности, сколько на возрожденіе своей азіатской національности. Къ числу такихъ народовъ принадлежали и босфоряне: они одни изъ первыхъ стали въ ряды Митридатовыхъ войскъ, и хотя подвластные ему, хотя несвободные, озлобленно бились противъ римлянъ, какъ противъ враговъ общей отчизны. Римляне одолѣли, но азіатское вліяніе въ Босфорѣ осталось, и въ теченіи четырехъ столѣтій господствовало тутъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной и частной жизни, до самаго нашествія дикихъ азіатскихъ ордъ во время великаго переселенія народовъ и уничтоженія Босфорскаго царства».

Авторъ ожидаетъ, что изслѣдованіе другихъ катакомбъ, гдѣ изображается не одна военная, но также домашняя жизнь, и сличеніе ихъ съ разнообразными предметами, находимыми въ пантикапейскихъ могилахъ, должно повести къ бо́льшему знакомству съ архитектурой, домашней и бытовой обстановкой пантикапейцевъ, и укажетъ, въ чемъ состояли коренные національные элементы босфорскаго населенія, и чѣмъ они отличались отъ грековъ и римлянъ.

Таково содержаніе изслѣдованія г. Стасова. Это — одинъ изъ любопытнѣйшихъ трудовъ въ нашей археологической литературѣ послѣдняго времени, исполненный съ большимъ искусствомъ въ объясненіяхъ и обширной начитанностью. Общій взглядъ автора на время и національную принадлежность описаннаго имъ памятника очень вѣроятенъ, въ подробностяхъ авторъ, быть можетъ,

преувеличиваетъ иногда свои сравненія и аналогіи—напр. въ опредѣленіяхъ конскихъ породъ, для чего фрески катакомбъ даютъ слишкомъ непрочное основаніе въ своихъ шаблонныхъ рисункахъ, или въ пріурочені цвѣтка на фонѣ рисунковъ къ исторіи игральныхъ картъ и т. п., но вообще его доказательства очень вѣски. Кромѣ новости своего предмета и кромѣ достоинствъ своего комментарія, изслѣдованіе г. Стасова имѣетъ еще ту важность, что, не ограничиваясь спеціальной критикой подробностей, старается связать ихъ въ цѣльную археологическую реставрацію, къ которой собственно и должно стремиться научное розысканіе. Насколько позволяютъ памятники, авторъ старается опредѣлить по нимъ бытовое состояніе древняго племени, и путемъ многочисленныхъ сличеній, нерѣдко весьма остроумныхъ, достигаетъ результатовъ, какихъ не представляли прежнія изслѣдованія,—именно помогаетъ оріентироваться въ разнообразной массѣ пантикапейскихъ памятниковъ, въ ихъ національныхъ и историческихъ отличіяхъ. Въ мартѣ 1873 г., въ той же мѣстности найдена была еще одна катакомба съ фресками; недавно, какъ мы слышали, сдѣлано еще новое открытіе того же рода, и надобно ожидать, что и послѣднія находки будутъ подвергнуты столько же внимательному изученію и описанію.

Эти изысканія могутъ имѣть еще особый интересъ. Вниманіе историковъ снова направилось теперь къ опредѣленію загадочныхъ народностей, до и послѣ Р. Х. жившихъ по сѣверному краю Чернаго моря,—въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хотятъ видѣть доисторическихъ предшественниковъ древней славянской Руси. Изслѣдованіе варварскихъ элементовъ таврической древности со временемъ можетъ послужить для рѣшенія этого спорнаго вопроса; Таврическій полуостровъ и Новороссія въ тѣ вѣка были именно исторической сценой этихъ народностей.

А. П—нъ.

ОЧЕРКЪ ВОПРОСА

о

ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ

IX *).

Основы ученія о естественномъ подборѣ. — Обзоръ фактическихъ доказательствъ.—Факты, необъясняемые при помощи подбора.—Наклонность къ одинаковой измѣнчивости.—Законъ расхожденія признаковъ не сводится цѣликомъ къ дѣйствію подбора.—Совершенствованіе организаціи въ связи съ теоріей подбора.—Опредѣленіе масштаба совершенства.—Прогрессъ, регрессъ и консерватизмъ въ органическомъ мірѣ.

Изъ самаго факта существованія и сильнаго распространенія борьбы въ природѣ само собою вытекаетъ, что въ результатѣ ея должны оказаться и побѣдители, и побѣжденные. Легко понять также, что первыми должны быть существа, наиболѣе приспособленныя къ данной обстановкѣ, т.-е. существа, обладающія какими-нибудь выгодными признаками, отсутствующими вовсе или же развитыми въ болѣе слабой степени у побѣжденныхъ. Въ этихъ, логически вытекающихъ изъ принципа борьбы за существованіе положеніяхъ заключается основа теоріи естественнаго подбора. Основа эта стоитъ такъ прочно, что врядъ ли кто-либо сомнѣвается въ настоящее время въ существованіи естественнаго подбора, или переживанія наиболѣе приспособленныхъ особей, какъ выражается Гербертъ Спенсеръ. Поэтому, на первый планъ

*) См. выше: мар., 68; апр., 715; май, 117 стр.

долженъ выступить вопросъ о значеніи этого процесса въ дѣлѣ образованія органическихъ формъ, объ его роли въ природѣ вообще и о способѣ его приложенія къ дѣлу. Относительно этихъ капитальныхъ пунктовъ мнѣнія трансформистовъ очень расходятся, и въ то время, какъ Дарвинъ считаетъ естественный подборъ самой главной, хотя и не единственной причиной образованія и измѣненія видовъ, Нэгели, въ концѣ-концовъ, приходитъ къ заключенію, что «въ растительномъ царствѣ не можетъ быть рѣчи о естественномъ подборѣ въ дарвиновскомъ смыслѣ». Между этими крайностями помѣщается еще цѣлый рядъ промежуточныхъ воззрѣній, какъ, напр., мнѣніе Вейсмана объ ограниченіи роли подбора въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія животныхъ формъ и проч. (см. главу шестую).

Въ виду громаднаго теоретическаго значенія естественнаго подбора, было бы въ высшей степени желательно, чтобы обѣщанный Дарвиномъ подробный трактатъ объ этомъ вопросѣ появился сколь возможно скорѣе. Какъ ни существенны и ни интересны многочисленныя сочиненія Дарвина, появившіяся послѣ «Происхожденія видовъ», но все же ни одно изъ нихъ не въ состояніи настолько выяснить его основныхъ воззрѣній, какъ бы это могло сдѣлать подробное изслѣдованіе о естественномъ подборѣ, кардинальномъ пунктѣ всей его теоріи. Сжатое и подчасъ лаконическое изложеніе не всѣми одинаково понимается, вслѣдствіе чего очень часты недоразумѣнія относительно очень важныхъ пунктовъ (всего больше такихъ недоразумѣній встрѣчается относительно принципа расхожденія признаковъ). Къ тому же и фактическія свѣдѣнія о естественномъ подборѣ еще въ высшей степени недостаточны, что́ съ каждымъ днемъ ощущается все съ большей силой.

Какъ ни трудно, при указанныхъ условіяхъ, отвѣтить на поставленные выше основные вопросы по отношенію къ естественному подбору, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ попытаться теперь же по возможности выяснить ихъ. Обратимся съ этой цѣлью прежде всего къ трудамъ самого Дарвина. Изложивъ (въ четвертой главѣ «Происхожденія видовъ») вытекающіе a priori основные принципы естественнаго подбора, онъ останавливается на положеніи, что этотъ факторъ подбираетъ и такіе признаки, которые въ глазахъ систематика имѣютъ очень ничтожное значеніе. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ рядъ фактовъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что, какъ я сказалъ уже выше, свѣдѣнія наши въ этомъ отношеніи еще чрезвычайно скудны. Прежде всего онъ указываетъ на подборъ цвѣта или на такъ-называемое симпати-

ческое окрашиваніе, т.-е. на давно замѣченный фактъ, что многія животныя окрашены подъ цвѣтъ окружающихъ предметовъ, и что вмѣстѣ съ измѣненіемъ цвѣта послѣднихъ измѣняется соотвѣтствующимъ образомъ и окраска животныхъ; такъ, напримѣръ, нѣкоторыя сѣверныя и альпійскія формы зимою бѣлы, лѣтомъ же окрашены въ другой цвѣтъ, болѣе подходящій къ цвѣту почвы, сухихъ листьевъ и т. п. Дарвинъ съ полнымъ правомъ сводитъ эти случаи къ дѣйствію естественнаго подбора, такъ какъ симпатическая окраска, охраняя животное отъ враждебныхъ взоровъ, даетъ ему перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе. Густавъ Егеръ собралъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе этого вывода, который въ настоящее время оспаривается развѣ только самыми упорными антитрансформистами. Можно вообще сказать даже, что случаи симпатической окраски составляютъ главное фактическое доказательство дѣйствительности естественнаго подбора [1]). Но въ то же время они освѣщаютъ и другую сторону вопроса. Извѣстно (см. главу седьмую), что цвѣтъ составляетъ одинъ изъ признаковъ, отличающихся сравнительно прочной наслѣдственностью, и потому часто не стирается при скрещиваніи. Дарвинъ (Прир. Жив. II, 97, 98) собралъ рядъ случаевъ, гдѣ отъ разношерстыхъ родителей получалось потомство, унаслѣдовавшее окраску одного изъ родителей и никогда не представлявшее промежуточныхъ цвѣтовъ. Хотя такую форму наслѣдственности Дарвинъ не считаетъ общимъ закономъ, тѣмъ не менѣе, съ помощью приведенныхъ имъ же самимъ фактовъ, можно придти къ заключенію, что *въ дѣлѣ фиксированія симпатической окраски естественный подборъ долженъ былъ получить значительную помощь со стороны прочной наслѣдственности цвѣтовъ*. Въ поясненіе слѣдуетъ сопоставить два ряда фактовъ, на которые обращено вниманіе у Дарвина. Въ главѣ о естественномъ подборѣ онъ указываетъ на неудобство бѣлаго цвѣта для многихъ животныхъ, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ перестали разводить бѣлыхъ голубей; судя по словамъ Додэна,

---

[1]) Недавно Эймеръ описалъ темносинюю разновидность степной ящерицы, водящуюся на отдѣленныхъ отъ острова Капри маленькихъ скалахъ (Фаральони). Онъ думаетъ, что эта новая форма произошла подъ вліяніемъ естественнаго подбора, такъ какъ синій цвѣтъ ящерицы на темносизыхъ известковыхъ скалахъ долженъ служить охраной отъ преслѣдующихъ ее хищныхъ птицъ. Высказываясь, такимъ образомъ, въ пользу теоріи подбора, Эймеръ въ то же время заявляетъ себя и сторонникомъ воззрѣній Нэгели и Аскенази о способности измѣняться въ опредѣленномъ направленіи. Замѣчанія его, съ цѣлью найти соглашенія между обоими взглядами, достойны полнаго вниманія.

«цвѣтъ бѣлыхъ кроликовъ составляетъ большое неудобство, такъ какъ по его винѣ они болѣе подвержены нападеніямъ враговъ и въ свѣтлыя ночи могутъ быть замѣчены издалека» (Прир. Жив., II, 250). Отсюда понятно, что естественный подборъ долженъ устранять бѣлую окраску многихъ мелкихъ животныхъ, вслѣдствіе чего, напр., бѣлыя мыши и крысы могутъ прожить только подъ покровительствомъ человѣка. Все это доказательства въ пользу дѣйствительности естественнаго подбора. Въ главѣ же о скрещиваніи мы читаемъ слѣдующее: «Скрещивая бѣлыхъ и сѣрыхъ мышей, мы получаемъ не пѣгихъ или промежуточнаго оттѣнка потомковъ, но или чисто бѣлыхъ, или обыкновенныхъ сѣрыхъ мышей; точно то же замѣчается при смѣшеніи бѣлой и простой горлицы» (l. c. 97). И далѣе: «М-ръ Дугласъ замѣчаетъ: «я долженъ обратить вниманіе на одно странное обстоятельство: скрещивая черную породу бойцовыхъ куръ съ бѣлою, у васъ родятся птицы обѣихъ породъ самаго чистаго цвѣта». Сэръ Геронъ скрещивалъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, бѣлыхъ, черныхъ, бурыхъ и чалыхъ ангорскихъ кроликовъ, и никогда не видалъ, чтобы цвѣта эти смѣшивались на одномъ животномъ, хотя часто всѣ они проявлялись на разныхъ особяхъ того же помета» (l. c. 98). Размышляя съ помощью этихъ данныхъ о возможномъ способѣ происхожденія симпатической окраски, мы убѣждаемся въ томъ, что эта окраска должна была появиться внезапно и затѣмъ фиксироваться посредствомъ естественнаго подбора, которому нечего было бороться противъ нивеллирующаго, возвращающаго къ основной формѣ вліянія скрещиванія.

Перейдемъ къ другимъ фактическимъ доводамъ, приводимымъ Дарвиномъ въ пользу дѣйствительности и обширнаго распространенія естественнаго подбора. У него собранъ рядъ случаевъ, гдѣ цвѣтъ оказывалъ не прямое (какъ въ случаяхъ охранительной окраски), а косвенное вліяніе на ходъ естественнаго подбора. Такимъ образомъ, въ Виргиніи только черные поросята выносятъ дѣйствіе одного вреднаго корня; въ Тарентино однѣ черныя овцы не умираютъ отъ звѣробоя; въ Америкѣ желтыя и зеленыя сливы противостоятъ болѣзни, которая уничтожаетъ красные плоды и пр. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ цвѣтъ не играетъ никакой прямой роли; онъ находится только въ косвенномъ соотношеніи съ тѣми признаками, которые обусловливаютъ побѣду. Но гдѣ же сами эти признаки? Ни въ одномъ случаѣ Дарвинъ ихъ не перечисляетъ, вслѣдствіе чего оказывается, что они скрыты очень глубоко въ организмѣ, въ томъ, что составляетъ конституціональную особенность его и что на первомъ планѣ связано съ хими-

ческимъ составомъ и молекулярнымъ сложеніемъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они не заключаются въ какомъ-либо явномъ морфологическомъ признакѣ, служащемъ характерной особенностью расы или вида, потому что иначе они не могли бы ускользнуть отъ глаза всѣхъ наблюдателей. Выводъ этотъ прямо подтверждается такого рода фактами (тоже сообщенными Дарвиномъ), какъ, напримѣръ, подборомъ горькаго миндаля и другихъ породъ, отличающихся противнымъ вкусомъ (Прир. Жив., II, 252, 253), т.-е. признакомъ не морфологическаго характера. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ Дарвинъ указываетъ на то, что естественный подборъ дѣйствуетъ «безъ всякой видимой причины», и вообще всѣ приведенные имъ въ обоихъ сочиненіяхъ примѣры естественнаго подбора касаются признаковъ весьма маловажныхъ или совсѣмъ ничтожныхъ съ точки зрѣнія морфологіи и систематики. Все это служитъ новымъ подтвержденіемъ общаго вывода, приведеннаго въ предъидущей главѣ, именно положенія, что признаки, наиболѣе существенные въ борьбѣ за существованіе и поэтому фиксируемые естественнымъ подборомъ, не необходимо совпадаютъ съ признаками наибольшей морфологической важности.

У Дарвина мы не находимъ (если не говорить о трактатѣ «О происхожденіи человѣка») попытки доказать прямымъ путемъ, помощью непосредственнаго разсмотрѣнія фактовъ, приложимость и степень дѣйствія естественнаго подбора въ примѣненіи къ какой-нибудь данной систематической группѣ. Но подобную попытку представилъ Уоллесъ въ главѣ «Малайскія Papilionidae, какъ иллюстрація естественнаго подбора». Въ этой главѣ, обнаруживающей весь талантъ ея автора, сообщено много въ высшей степени интересныхъ и важныхъ фактовъ относительно измѣняемости дневныхъ бабочекъ на различныхъ пунктахъ Малайскаго архипелага. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Papilionidae острова Целебеса, большая часть видовъ которыхъ отличается серпообразной формой верхнихъ крыльевъ и крутымъ загибомъ основной части верхняго края ихъ. Разсматривая подробнѣе относящіеся сюда факты, Уоллесъ приходитъ къ заключенію, что данныя измѣненія должны были обусловить усиленный полетъ или способность быстро поворачивать на лету и тѣмъ принести пользу бабочкамъ въ борьбѣ за существованіе. Сводя такимъ образомъ основную мѣстную особенность папиліонидъ Целебеса къ дѣйствію естественнаго подбора, Уоллесъ приходитъ къ заключенію, что на этомъ островѣ должны водиться какія-нибудь насѣкомоядныя птицы, сильно преслѣдующія дневныхъ бабочекъ. «Но за-

мѣчательно,—говоритъ онъ,—что бóльшая часть родовъ ловящихъ на лету насѣкомоядныхъ птицъ, свойственныхъ Борнео, Явѣ и Молукскимъ островамъ, почти вовсе отсутствуетъ на Целебесѣ». Вмѣсто нихъ на этомъ островѣ водятся птицы, поѣдающія гусеницъ. «Хотя мы не имѣемъ положительнаго доказательства,—продолжаетъ Уоллесъ,—чтобы эти птицы преслѣдовали бабочекъ на лету, но въ высшей степени вѣроятно, что онѣ прибѣгаютъ къ этому въ случаяхъ недостатка въ другой пищѣ». Такимъ образомъ, попытка объяснить дѣйствіе естественнаго подбора не привела къ удовлетворительному результату, чтó чувствуетъ и самъ Уоллесъ, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ словъ: «*какъ-бы то ни было*, фауна Целебеса несомнѣнно въ высшей степени своеобразна во всѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ мы имѣемъ сколько нибудь точныя свѣдѣнія; хотя мы и *не въ состояніи удовлетворительно показать, какъ получился этотъ результатъ*, но, я думаю, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что замѣчательное измѣненіе крыльевъ столь многихъ бабочекъ этого острова есть слѣдствіе сложнаго взаимодѣйствія всѣхъ живыхъ существъ въ ихъ борьбѣ» и д. д. (201). При дальнѣйшемъ изложеніи несостоятельность естественнаго подбора выступаетъ съ еще бóльшей рѣзкостью. Вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ Уоллесъ говоритъ: «однакоже и это гипотетическое объясненіе оказывается недостаточнымъ для другихъ случаевъ мѣстныхъ измѣненій». Онъ приводитъ рядъ случаевъ, непонятныхъ съ точки зрѣнія теоріи подбора, и въ результатѣ приходитъ къ заключенію, что «климатъ и другія физическія причины производятъ иногда очень сильное вліяніе по отношенію къ измѣненію формы и окраски, и тѣмъ прямо содѣйствуютъ произведенію безконечнаго разнообразія въ природѣ» [1]) (203). Отсюда ясно, что малайскія Papilionidae, свидѣтельствуя съ одной стороны въ пользу естественнаго подбора, (въ особенности по отношенію къ случаямъ подражательныхъ формъ и цвѣтовъ), съ другой стороны указываютъ на то, что роль этого фактора недостаточна для объясненія всѣхъ или даже бóльшей части форменныхъ измѣненій.

Итакъ, ближайшее знакомство съ фактами, приведенными въ пользу естественнаго подбора обоими основателями этой теоріи, показываетъ, во-первыхъ, что въ случаяхъ, гдѣ дѣйствіе этого фактора наиболѣе ясно и несомнѣнно, на подмогу ему явилась

[1]) Это положеніе было фактически доказано Дорфмейстеромъ и затѣмъ подтверждено и распространено далѣе Вейсманомъ въ изслѣдованіи, о которомъ будетъ сказано еще въ слѣдующей главѣ настоящаго очерка.

прочная наслѣдственность (въ дѣлѣ охранительной окраски); во-вторыхъ, что естественный подборъ нерѣдко вліяетъ на признаки, болѣе скрытые, чѣмъ тѣ, которые составляютъ морфологическія особенности расъ и видовъ, и въ-третьихъ, что именно эти послѣднія особенности не могутъ быть всегда сведены къ дѣйствію естественнаго подбора.

Со времени выхода въ свѣтъ сочиненія «О происхожденіи видовъ», и особенно со времени изданія Дарвиномъ его спеціальнаго трактата объ опыленіи орхидейныхъ при помощи насѣкомыхъ, было обращено особенное вниманіе на взаимныя отношенія растеній и насѣкомыхъ и на участіе въ этомъ дѣлѣ естественнаго подбора. Въ результатѣ многочисленныхъ и въ высшей степени остроумныхъ изслѣдованій получилось, что посѣщеніе большинства цвѣтковыхъ растеній многими насѣкомыми доставляетъ пользу какъ тѣмъ, такъ и другимъ: растенія пользуются насѣкомыми какъ средствомъ для перенесенія цвѣточной пыли съ одного цвѣтка на другой, насѣкомыя же извлекаютъ изъ растеній пищу. Въ виду этой обоюдной выгоды установились сложныя отношенія, всего легче объяснимыя при помощи теоріи естественнаго подбора.

Съ этой точки зрѣнія понятно какъ удлинненіе хобота многихъ бабочекъ, питающихся скрытымъ въ глубинѣ цвѣтка нектаромъ, такъ и соотвѣтственное удлинненіе самыхъ цвѣтовъ для охраненія сока отъ другихъ менѣе полезныхъ или вредныхъ насѣкомыхъ. Вообще, съ помощью теоріи побѣды въ борьбѣ за существованіе цвѣтовъ и насѣкомыхъ, наиболѣе приспособленныхъ другъ къ другу, объясняется происхожденіе цѣлаго ряда особенностей какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Но, спрашивается: насколько проникаютъ полученные такимъ образомъ признаки въ глубину организаціи растеній и животныхъ, какова роль этихъ признаковъ въ дѣлѣ систематики? Попытаюсь отвѣтить на этотъ капитальный вопросъ съ помощью фактовъ, собранныхъ Германомъ Мюллеромъ, ученымъ, проникнутымъ дарвинизмомъ и въ то же время замѣчательнымъ своей добросовѣстностью, солидностью и ученостью.

Самый замѣчательный примѣръ приспособленій цвѣтка къ устраненію самоопыленія и къ перенесенію пыли посредствомъ насѣкомыхъ представляетъ семейство орхидейныхъ, на которое поэтому и было обращено особенное вниманіе Дарвиномъ и его послѣдователями. Въ немъ мы встрѣчаемъ растенія, устройство цвѣтка которыхъ допускаетъ участіе въ опыленіи только нѣкоторыхъ немногихъ насѣкомыхъ, исключая всѣхъ остальныхъ представителей этого обширнаго класса. Такъ, напр., Cyrripedium Calceolus оплодотворяется пылью, переносимою пятью видами

одного рода пчелъ. Мюллеръ наблюдалъ цѣлый рядъ другихъ насѣкомыхъ, пытавшихся конкуррировать съ ними, но погибавшихъ въ этой борьбѣ. Въ виду такого рѣзкаго примѣра спеціальнаго приспособленія, можно бы думать, что свойство это должно встрѣчаться и у сосѣднихъ видовъ. Между тѣмъ оказывается, что Cyprip. barbatum оплодотворяется при помощи мухъ, т.-е. насѣкомыхъ, отличающихся очень сильно отъ пчелъ именно устройствомъ пищепріемныхъ органовъ. Третій видъ (C. caudatum) пользуется для этой цѣли даже улитками, по предположенію Дельпино. Но этого мало. Среди орхидейныхъ есть и такія, которыя, несмотря на сложность цвѣтка, могутъ оплодотворяться при помощи насѣкомыхъ изъ самыхъ различныхъ отрядовъ и поэтому съ весьма разнообразными пищепріемными органами. Такъ, напр., у Listera ovata цвѣточная пыль переносится перепончатокрылыми и жуками, у Herminium monorchis—перепончатокрылыми, мухами и жуками, у Orchis latifolia—перепончатокрылыми и мухами и т. д. Я бралъ до сихъ поръ примѣры изъ семейства, представляющаго крайнюю степень сложной приспособляемости и спеціализированія цвѣтка, гдѣ поэтому слѣдовало бы ожидать всего больше соотвѣтствія между устройствомъ растенія и насѣкомаго. Семейство мотыльковыхъ растеній также въ высшей степени замѣчательно устройствомъ цвѣтка и приспособленіями его къ перенесенію пыли насѣкомыми, но и тутъ участниками являются не только разнородныя пчелы, но и мухи, бабочки, жуки, и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, кузнечики.

Если мы обратимся къ насѣкомымъ, то и тутъ увидимъ, что приспособляемость ихъ не заходитъ въ глубь морфологической организаціи, т.-е. что даже многія изъ наиболѣе спеціализированныхъ къ сосанію растительныхъ соковъ формъ приспособляются къ растеніямъ изъ самыхъ разнородныхъ группъ. Въ этомъ отношеніи всего больше вниманія обращаютъ на себя бабочки, какъ насѣкомыя, которыя въ состояніи гусеницы, несмотря на отсутствіе спеціальныхъ приспособленій пищепріемныхъ органовъ, тѣмъ не менѣе исключительно питаются листьями одного только вида. Что же показываютъ факты? Оказывается, напр., что крапивная многоцвѣтница, самое названіе которой уже свидѣтельствуетъ объ исключительной пищѣ гусеницъ, въ состояніи бабочки извлекаетъ соки изъ растеній съ самыми разнообразными цвѣтами, напр. изъ фіалокъ, ивы, изъ различныхъ мотыльковыхъ, сложноцвѣтныхъ и т. д. Капустница, гусеницы которой поѣдаютъ листья капусты, сосетъ сокъ изъ двадцати-семи видовъ растеній, принадлежащихъ къ различнымъ семействамъ. Я не стану увеличивать числа при-

мѣровъ и отсылаю желающихъ сдѣлать это къ сочиненію Г. Мюллера [1]), въ концѣ котораго приложенъ какъ списокъ растеній съ означеніемъ посѣщающихъ ихъ насѣкомыхъ, такъ и списокъ послѣднихъ съ указаніемъ на растенія, дающія имъ пищу.

Быть можетъ, скажутъ, что нечего и искать систематическаго значенія въ устройствѣ такихъ частей, какъ цвѣты и органы пищепринятія. Но факты говорятъ намъ прямо противоположное. Двусѣмядольныя растенія дѣлятся на подклассы именно на основаніи устройства цвѣтка (раздѣльно-лепестковыя и сростно-лепестковыя), но только важнѣйшій въ систематическомъ отношеніи признакъ (раздѣльность или срощеніе лепестковъ) не играетъ роли въ дѣлѣ примѣненія къ насѣкомымъ, какъ это вытекаетъ изъ многочисленныхъ изслѣдованій новѣйшихъ ученыхъ. Въ этомъ отношеніи имѣютъ особенное значеніе, наоборотъ, такіе признаки, которые въ дѣлѣ систематическаго родства оказываются всего менѣе важными. Такъ, напр., лѣсная мальва (Malva Sylvestris), отличающаяся крупнымъ и ярче окрашеннымъ вѣнчикомъ, легко кидающимся въ глаза, посѣщается тридцать-однимъ видомъ насѣкомыхъ, тогда какъ ея ближайшая родственница, круглолиственная мальва, или калачикъ (M. rotundifolia), имѣющая въ сущности сходный цвѣтокъ, но только съ маленькимъ блѣднымъ вѣнчикомъ, посѣщается всего только тремя видами семейства пчелиныхъ. То же самое видимъ мы и по отношенію къ насѣкомымъ. Съ морфологической точки зрѣнія тотъ фактъ, что сосательная трубка бабочекъ составляетъ видоизмѣненіе нижней челюсти, а трубка мухъ—видоизмѣненіе нижней губы, имѣетъ въ высшей степени важное значеніе, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія добыванія соковъ онъ ничего не значитъ сравнительно съ бо́льшей или меньшей длиной трубки. Такимъ образомъ нѣкоторыя растенія съ очень глубокими цвѣтами даютъ пищу только такимъ бабочкамъ и мухамъ, которыя отличаются особенной длиной сосательнаго хоботка и т. д.

На предъидущихъ страницахъ я старался показать, что главнѣйшіе факты, доказывающіе существованіе естественнаго подбора, въ то же время указываютъ на недостаточность одного этого фактора для объясненія суммы систематическаго родства организмовъ. Имѣя въ виду эту основную точку зрѣнія, я приступлю теперь къ разсмотрѣнію теоретическихъ положеній Дарвина относительно основныхъ законовъ естественнаго подбора.

«Естественный подборъ,—говоритъ Дарвинъ (98),—долженъ

---

[1]) Die Befruchtung der Blumen durch Insecten. Leipzig, 1873.

быть въ состояніи вліять и измѣнять организмы на всѣхъ возрастахъ, накопляя полезныя для каждаго періода жизни измѣненія, которыя (по закону наслѣдственности) должны унаслѣдоваться въ соотвѣтствующемъ возрастѣ». Такимъ образомъ мы видимъ, напр., что систематическая окраска, находящаяся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ естественнаго подбора, бываетъ свойственна не только взрослымъ животнымъ, но и ихъ личинкамъ, (напр., у многихъ бабочекъ), и даже яйцамъ (у многихъ птицъ). Сопоставляя это положеніе съ основнымъ догматомъ дарвинизма, по которому подборъ составляетъ результатъ усиленнаго перенаселенія («размноженія въ геометрической прогрессіи»), нужно бы думать, что онъ всего сильнѣе дѣйствуетъ на яйца, потомъ на личинки и, наконецъ, уже на взрослые организмы. Если сравнивать населеніе какой-либо мѣстности, то непремѣнно окажется, что большинство населенія составятъ личинки и вообще молодые возрасты. Это есть прямой результатъ основного закона размноженія организмовъ. Извѣстно также, какъ общее правило, что смертность больше въ личиночномъ возрастѣ, чѣмъ въ зрѣломъ (не относя сюда, разумѣется, смертности отъ старческаго изнуренія, какъ неидущей къ дѣлу). Изъ тысячи милліоновъ личинокъ многихъ животныхъ съ длиннымъ и сложнымъ развитіемъ, взрослаго возраста достигаютъ всего только десятки, много сотни особей. Усиленная смертность дѣтей въ первые дни и годы ихъ жизни настолько общеизвѣстна, что я считаю излишнимъ приводить числовыя данныя. Бóльшая смертность указываетъ и на усиленную борьбу за существованіе. По отношенію къ человѣку это можетъ показаться парадоксомъ, но тѣмъ не менѣе и онъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Борьба въ активной формѣ или даже настоящая конкурренція, т.-е. борьба изъ-за куска хлѣба неприложима къ дѣтскому возрасту, наиболѣе подверженному смертности, но съ точки зрѣнія дарвинизма на первый планъ выступаетъ борьба за жизнь, т.-е. въ данномъ случаѣ соперничество въ дѣлѣ перенесенія невзгодъ при прорѣзываніи зубовъ, развитіи черепа, нечувствительности къ заразамъ и т. п. Эта менѣе замѣтная и чисто пассивная борьба имѣетъ, однакоже бóльшую силу, чѣмъ активная. Шансы смертности, въ борьбѣ при прорѣзываніи зубовъ гораздо больше, чѣмъ на войнѣ при употребленіи самыхъ смертоносныхъ оружій.

Сопоставляя всѣ эти данныя и подставляя результатъ къ основному положенію дарвинизма, что если не всѣ, то большое большинство видовъ получилось въ силу дѣйствія подбора, можно придти къ заключенію, что видовые признаки должны быть всего

рѣзче обозначены на яйцахъ, потомъ на личинкахъ и затѣмъ только на взрослыхъ особяхъ. Факты говорятъ прямо противоположное. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что яйца многихъ животныхъ носятъ на себѣ очень рѣзкія видовыя отличія, но этого нельзя поставить общимъ правиломъ и, главное, его невозможно распространить на личинокъ. Въ послѣднее время и особенно послѣдователями Дарвина было обращено большое вниманіе на фактъ, что многія, во взросломъ состояніи очень несходныя, животныя въ личиночномъ возрастѣ въ высшей степени похожи другъ на друга. Фактъ этотъ особенно рѣзокъ и поразителенъ въ классѣ ракообразныхъ, самые разнородные члены котораго бываютъ въ личиночномъ состояніи болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ два сосѣдніе рода или даже вида взрослыхъ животныхъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ замѣтить, что личинки эти ведутъ вполнѣ независимую и самостоятельную жизнь и потому во всѣхъ отношеніяхъ предоставлены открытой борьбѣ за существованіе, чтó обнаруживается у нихъ нѣкоторыми приспособленіями, служащими для охраны отъ враговъ и пр. Необходимо указать еще на то, что многочисленность личинокъ составляетъ уже само по себѣ обстоятельство, благопріятствующее, по мнѣнію Дарвина, естественному подбору, такъ какъ чѣмъ больше особей, тѣмъ больше индивидуальныхъ измѣненій, а слѣдовательно и матеріала для подбора.

Высказанныя соображенія приводятъ къ выводу, что крупные факты дѣйствительной жизни органической природы не вяжутся съ основными положеніями теоріи подбора. Для бóльшаго подкрѣпленія вывода, я обращусь къ частному примѣру, который, мнѣ кажется, представляетъ особенныя удобства. Въ богатомъ формами классѣ насѣкомыхъ существуетъ одно семейство, члены котораго живутъ во взросломъ состояніи вообще очень недолго, иногда всего только нѣсколько часовъ. Въ виду этого, они совершенно лишены возможности принимать пищу и ихъ ротовые органы недоразвиты. Кратковременная жизнь этихъ подёнковъ (Ephemeridae) идетъ исключительно на отправленіе процессовъ, связанныхъ съ размноженіемъ. Личиночное же состояніе ихъ, продолжающееся по крайней мѣрѣ около года, проводится въ такой же борьбѣ за существованіе, какъ и у другихъ насѣкомыхъ. Въ виду подобнаго существеннаго отличія въ жизни взрослаго животнаго отъ его личинки, естественный подборъ долженъ быть направленъ въ очень различныя стороны у обоихъ возрастовъ. По отношенію къ взрослой формѣ онъ можетъ дѣйствовать только на моменты, имѣющіе значеніе въ дѣлѣ размноженія, напр., на

органы для нахожденія и схватыванія самки и т. п. Многочисленныя потребности, изъ-за удовлетворенія которыхъ борются другія животныя, у взрослыхъ подёнковъ отсутствуютъ, и потому естественный подборъ съ этой стороны не получаетъ точки опоры. Вся его сила должна сосредоточиться на личинкахъ, подчиненныхъ ему со всѣхъ сторонъ.

Съ точки зрѣнія теоріи подбора нужно думать, что, въ виду отсутствія многихъ моментовъ борьбы за существованіе, видовые и родовые, или вообще систематическіе признаки должны быть несравненно болѣе развиты у личинокъ, нежели у взрослыхъ подёнковъ, что послѣднія должны сводиться къ общему уровню, подобно тому какъ паразитическіе представители очень многихъ группъ животныхъ (червей, паукообразныхъ, ракообразныхъ) получаютъ во взросломъ состояніи общую червеобразную форму. Въ дѣйствительности же этого нѣтъ. Вообще говоря, отличія между личинками не рѣзче тѣхъ, которыя отличаютъ взрослыхъ животныхъ; если въ этомъ отношеніи и существуетъ какая-нибудь разница, то она не можетъ быть значительною, иначе на нее было бы уже обращено вниманіе. Чѣмъ же объясняются отличія взрослыхъ подёнковъ, которыхъ насчитываютъ около двухсотъ видовъ? Какъ ни различны у нихъ органы, имѣющіе значеніе въ дѣлѣ размноженія (напр. глаза и хватательные отростки самцовъ), но ими далеко не исчерпываются отличія между родами и видами. Не выходя изъ предѣловъ теоріи подбора, можно предположить, что, быть можетъ, признаки взрослыхъ формъ находятся въ прямой зависимости или соотношеніи съ признаками личинокъ, всецѣло подчиненныхъ подбору. Объясненіе это дѣйствительно можетъ быть приложено, но только къ немногимъ случаямъ. Съ помощью его можно объяснить, напр., болѣе расширенную форму тѣла нѣкоторыхъ подёнковъ, различное число суставовъ плюсны на ногахъ и т. п., но ко многимъ признакамъ эта точка зрѣнія неприменима. Многочисленныя отличія крыльевъ, окраски, устройства хвоста и др. не поддаются объясненію съ помощью теоріи естественнаго подбора. Подёнки водятся обыкновенно большими обществами и вообще настолько характерны, что не могутъ, помощью какого-нибудь частнаго измѣненія, укрыться отъ преслѣдованій. Особенности ихъ крыльевъ и хвоста бо́льшей частью такого рода, что на полетъ вліянія оказывать не могутъ. Половой подборъ, примѣняемый Дарвиномъ ко многимъ фактамъ, необъяснимымъ посредствомъ естественнаго, въ данномъ случаѣ тоже не можетъ быть приложенъ. Самки, во всѣхъ случаяхъ болѣе малочисленныя, уже потому не могутъ совершать подбора, что

онѣ всегда снабжены менѣе развитыми глазами, чѣмъ самцы, большіе же глаза оказываются послѣднимъ необходимыми только для того, чтобы распознать самку: о подборѣ со стороны самцовъ не можетъ быть и рѣчи, въ виду ихъ очень значительной многочисленности сравнительно съ самками. Если, слѣдовательно, для того только, чтобы отличить самку нужно большіе, нерѣдко двойные глаза, то что же можетъ отмѣтить для подбора самка съ своими маленькими и никогда не двойными глазами? Нужно замѣтить, что половыя сношенія совершаются на лету, когда даже опытный глазъ натуралиста нерѣдко не можетъ распознать не только вида, но и рода летающихъ подёнковъ.

Убѣждаясь въ томъ, что видовые признаки могутъ образоваться въ случаяхъ, гдѣ сфера естественнаго подбора въ высшей степени стѣснена, является вопросъ, насколько распространено въ природѣ подобное образованіе? Дать вполнѣ научный отвѣтъ въ настоящую минуту не представляется никакой возможности, подобно тому какъ нельзя доказать и многаго относительно положительной стороны естественнаго подбора. Отвѣтъ на вопросъ о границахъ этого фактора и о признакахъ, образующихся помимо его, можетъ составить цѣль изслѣдованія цѣлаго поколѣнія ученыхъ; но именно въ виду этого можетъ быть не безполезно указать на такіе моменты, которые повидимому не подчинены или не вполнѣ зависятъ отъ естественнаго подбора.

Изъ среды самыхъ низшихъ организмовъ, составляющихъ переходъ между животнымъ и растительнымъ царствами, извѣстны цѣлыя группы существъ, тѣло которыхъ, состоящее бо́льшею частью изъ простого комка живого вещества, снабжено раковиною и другими весьма разнородными твердыми образованіями. Между тѣмъ какъ живая часть тѣла, такъ-называемая протоплазма, представляется въ высшей степени однообразной у самыхъ различныхъ родовъ и видовъ этихъ существъ (называемыхъ корненожками), твердыя части ихъ оказываются, наоборотъ, настолько различными, что только съ ихъ помощью возможно опредѣленіе формъ. Нужно замѣтить, что этотъ классъ корненожекъ есть самый древній на землѣ и что, слѣдовательно, со стороны живучести и нечувствительности къ перемѣнамъ внѣшнихъ условій онъ превосходитъ всѣ остальные организмы: въ нынѣшнихъ моряхъ живутъ виды, сохранившіеся безъ измѣненія со временъ тріасовой и мѣловой формаціи. При этихъ условіяхъ можно думать, что естественный подборъ долженъ имѣть очень слабое приложеніе къ такимъ простымъ и нечувствительнымъ организмамъ, которые тѣмъ не менѣе представляютъ намъ большое количество

родовъ и видовъ. Какими же признаками отличаются виды этихъ животныхъ? Вообще говоря, очень несущественными, хотя и явственными отличіями скелета. Возьмемъ примѣръ на пробу. Въ родѣ Euglipha, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, отличаютъ три вида, признаки которыхъ слѣдующіе: 1) «E. ampullacea. Раковина бутылковидная съ шестиугольными пластинками, расположенными въ 24 ряда и съ отверстіемъ, окруженнымъ 12 зубцами съ двойными насѣчками». 2) «E. alveolata. Раковина яйцевидная, съ восемью рядами шестиугольныхъ пластинокъ и съ отверстіемъ, окруженнымъ восемью мелко зазубренными зубцами». 3) «E. globosa. Форма шарообразная; шестиугольныя пластинки часто бываютъ раздѣлены посредствомъ маленькихъ пластинокъ. На раковинѣ находится маленькое горлышко съ двумя выемками». Можно насколько угодно увеличить число подобныхъ примѣровъ, такъ какъ почти всѣ видовые признаки корненожекъ сходны по существу съ только-что приведенными. На первомъ планѣ являются непремѣнно мелкія особенности раковины, иголъ или другихъ скелетныхъ образованій. Но какое же значеніе могутъ имѣть подобные признаки въ дѣлѣ борьбы за существованіе? Неужели же присутствіе двадцати-четырехъ рядовъ пластинокъ вмѣсто восьми можетъ дать перевѣсъ одному виду передъ другимъ и сдѣлаться предметомъ фиксированія посредствомъ естественнаго подбора, который во всѣхъ существенныхъ чертахъ не измѣнилъ корненожекъ, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ существованія организмовъ на землѣ, и который допустилъ самое обширное географическое распространеніе, какое только извѣстно по отношенію къ живымъ существамъ?

Фактъ, на который я обращаю вниманіе, именно ничтожность въ борьбѣ за существованіе многихъ признаковъ, служащихъ отличительными признаками видовъ, не составляетъ частнаго случая, выхваченнаго изъ всей суммы фактовъ. Всѣ спеціалисты, занимавшіеся опредѣленіемъ животныхъ, должны быть знакомы съ этимъ. Особенно важную роль играютъ въ систематикѣ именно твердыя образованія, самыя ничтожныя особенности которыхъ служатъ для распознаванія видовыхъ формъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важные результаты даютъ раковины мягкотѣлыхъ. Между ними, рядомъ съ очень постоянными формами, мы встрѣчаемъ другія, отличающіяся поразительнымъ богатствомъ видовъ и разновидностей. Нерѣдко самые маленькіе океаническіе острова, отдѣльныя скалы, выдающіяся изъ моря, содержатъ особые, имъ исключительно свойственные виды улитокъ, отличительные признаки которыхъ заключаются однакоже въ весьма ни-

чтожныхъ особенностяхъ формы и цвѣта раковинъ. Въ этомъ отношеніи особенно подробно изучены улитки Мадерскаго архипелага, состоящаго изъ двухъ большихъ и нѣсколькихъ маленькихъ островокъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою особенную фауну улитокъ, несмотря на то, что условія борьбы за существованіе послѣднихъ на всѣхъ островахъ чрезвычайно сходны. Многіе виды представляются подобными, вслѣдствіе чего ихъ и считаютъ викарными, т.-е. замѣняющими другъ друга на данномъ островѣ. Легко допустить, что такіе виды произошли отъ одного общаго родоначальника, но нѣтъ возможности, на основаніи существующихъ данныхъ, приписать ихъ образованіе дѣйствію естественнаго подбора.

Подобный же результатъ получается и при изученіи видовыхъ особенностей многихъ насѣкомыхъ. Нѣкоторыя формы ихъ отличаются микроскопическимъ устройствомъ чешуекъ, которыя сами по себѣ уже чрезвычайно малы. Такъ, напр., у Seira domestica чешуйки покрыты фигурками, похожими на запятыя; у другого вида — S. Buskii эти фигурки удлинняются и получаютъ форму длинныхъ восклицательныхъ знаковъ и пр. Для многихъ видовъ присутствіе лишняго сустава на усикахъ составляетъ уже важный отличительный признакъ. Особенно же часто видовые признаки выражаются детальными отличіями расположенія жилокъ на крыльяхъ.

Въ статьѣ «Антропологія и Дарвинизмъ» («Вѣстникъ Европы», 1875, стр. 192 и др.) были приведены подобные же примѣры относительно класса губокъ и также относительно расовыхъ отличій человѣка. Всѣ факты, вмѣстѣ взятые, убѣждаютъ не только въ существованіи, но и въ обширности распространенія такихъ особенностей, которыя образовались независимо отъ естественнаго подбора. Самъ Дарвинъ признаетъ возможность подобнаго происхожденія признаковъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Измѣненія, не приносящія ни пользы, ни вреда, не затрогиваются естественнымъ подборомъ; они или остаются непостоянными, какъ это, быть можетъ, имѣетъ мѣсто у такъ-называемыхъ полиморфныхъ видовъ, или же, наконецъ, *фиксируются вслѣдствіе природы организма или природы окружающихъ условій*» (92). Различіе воззрѣній заключается только въ томъ, что Дарвинъ считаетъ подобные случаи исключеніями изъ общаго правила, на которыя онъ поэтому и обращаетъ очень мало вниманія, тогда какъ въ дѣйствительности они составляютъ явленіе весьма распространенное и крупное. Какъ одно изъ доказательствъ, можетъ быть приведено измѣненіе взгляда Дарвина на

способъ дѣйствія естественнаго подбора. Въ первомъ и нѣсколькихъ послѣдующихъ изданіяхъ «Происхожденія видовъ» онъ считалъ достаточными одни простыя индивидуальныя измѣненія, для того чтобы подборъ уже могъ вступить въ силу. Но въ 1867 г. въ одномъ англійскомъ обозрѣніи появилась статья, измѣнившая это основное воззрѣніе Дарвина. Въ ней было показано, что если измѣненная особь окажется особенно выгодно одаренной сравнительно съ неизмѣнными основными формами, то все же она будетъ имѣть очень мало шансовъ преодолѣть и вытѣснить послѣднія. «Если напр.,—говоритъ Дарвинъ (104),—какая-нибудь птица въ состояніи облегчить себѣ добываніе пищи посредствомъ сильно изогнутаго клюва, и если предположить, что въ средѣ даннаго вида народился одинъ индивидуумъ съ подобнымъ клювомъ и вслѣдствіе того оказался болѣе сильнымъ и крѣпкимъ, то все же вѣроятность въ пользу того, что одна эта особь вытѣснитъ основную породу и замѣнитъ ее новой, будетъ чрезвычайно мала. Но, судя по тому, что̀ совершается въ состояніи одомашненія, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ результатъ былъ бы достигнутъ въ случаѣ, *если въ теченіи многихъ поколѣній сряду сохранялось бы большое число особей съ болѣе или менѣе загнутымъ клювомъ*»... И далѣе: «Врядъ ли можно также сомнѣваться въ томъ, что *наклонность измѣняться одинаковымъ образомъ часто бываетъ до того сильна, что всѣ особи одного и того же вида сходно измѣняются безъ помощи какой-либо формы подбора*». Такимъ образомъ, *для того, чтобы естественный подборъ могъ начать дѣйствовать, недостаточно простыхъ индивидуальныхъ уклоненій; для этого необходимо, чтобы предварительно цѣлая сумма особей измѣнилась сходнымъ образомъ, или, другими словами, чтобы передъ началомъ дѣйствія подбора помимо его уже сложилась опредѣленная раса.*

Главными результатами естественнаго подбора являются, по мнѣнію Дарвина (см. выше, главу пятую), расхожденіе признаковъ и совершенствованіе организаціи. «Съ помощью этихъ принциповъ,—говоритъ онъ (146),—можетъ быть объяснена какъ природа сродства, такъ и вообще явственныя отличія безконечнаго числа организмовъ на земной поверхности».

Первый изъ этихъ принциповъ особенно важенъ потому, что онъ указываетъ на пользу измѣняемости вообще. Расхожденіе признаковъ является въ результатѣ перенаселенія, какъ средство, уменьшающее борьбу и дающее возможность просуществовать

рядомъ такому количеству особей, какое бы не было въ содержаніи продержаться помимо его. «Но какъ же, спрашивается,— говоритъ Дарвинъ (125),—можетъ быть приложенъ этотъ принципъ къ природѣ? Я думаю, что онъ въ высшей степени успѣшно можетъ быть приложенъ и дѣйствительно прилагается въ силу того, что чѣмъ болѣе расходятся потомки одного вида въ строеніи, конституціи и образѣ жизни, тѣмъ болѣе они будутъ способны занять много и притомъ самыхъ различныхъ мѣстъ въ природѣ, и вслѣдствіе того окажутся въ состояніи размножиться въ бóльшемъ числѣ». Такимъ образомъ, если данный видъ дошелъ уже до наибольшей густоты населенія, то тѣ члены его окажутся наиболѣе одаренными, которые будутъ въ состояніи приспособиться къ жизни при новыхъ условіяхъ; такъ напримѣръ, по отношенію къ животному, водящемуся на землѣ, это будутъ особи, способныя поселиться на деревьяхъ, въ подземныхъ гротахъ и т. п. Если принципъ расхожденія признаковъ дѣйствительно имѣетъ столь существенное значеніе въ дѣлѣ образованія новыхъ формъ, какъ думаетъ Дарвинъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ, составляя главный постулатъ естественнаго подбора, играетъ первостепенную роль въ природѣ, то слѣдуетъ ожидать, что въ общихъ чертахъ сила его, проявляющаяся въ образованіи разновидностей и видовъ, должна идти параллельно съ силой перенаселенія органическихъ видовъ. Чѣмъ больше число особей даннаго вида скучено на одномъ пространствѣ, тѣмъ сильнѣе конкурренція между ними и, слѣдовательно, тѣмъ больше поводовъ и приложенія можетъ имѣть расхожденіе признаковъ. Въ предъидущей главѣ уже было показано, что организмы, особенно часто подверженные перенаселенію, какъ, напримѣръ, прѣсноводныя растенія и обитатели океаническихъ острововъ, отличаются чрезвычайной видовой прочностью и нерѣдко представляютъ собою остатки населенія, родичи котораго на материкахъ давно уже вымерли. Факты эти имѣютъ тѣмъ бóльшее значеніе, что, рядомъ съ ними, мы знаемъ, что какъ прѣсноводные бассейны [1]), такъ въ особенности и океаническіе острова подвергались вторженію чужеземныхъ видовъ, которые оказывались способными поселяться на мѣстахъ, занятыхъ уже прежнимъ густымъ населеніемъ и даже нерѣдко вытѣснять послѣднее. Выше

---

[1]) Особенно замѣчательный примѣръ вторженія водяного растенія представляетъ Elodea canadensis. Завезенное случайно въ 1842 въ Шотландію, растеніе это быстро распространилось оттуда въ Англію, Нидерланды и Пруссію, гдѣ оно расплодилось въ такой степени, что запрудило каналы и тѣмъ затруднило судоходство и рыболовство.

уже было упомянуто объ общемъ явленіи, на которомъ нѣсколько разъ останавливается и Дарвинъ, именно о вытѣсненіи туземной фауны и флоры океаническихъ острововъ пришельцами съ материковъ. Оно показываетъ между прочимъ, что законъ расхожденія признаковъ не былъ достаточно силенъ, чтобы должнымъ образомъ измѣнить и приспособить туземныхъ обитателей. Дарвинъ объясняетъ вытѣсненіе животныхъ и растеній острововъ ихъ слабостью въ борьбѣ за существованіе сравнительно съ болѣе крѣпкимъ населеніемъ материковъ. Но и послѣдніе представляютъ намъ нерѣдко примѣры внѣдренія чужеземныхъ формъ. Многія европейскія растенія расплодились въ сѣверной Америкѣ въ такой же степени, какъ и на своей родинѣ; наоборотъ, въ Европѣ поселились растенія, перевезенныя изъ Америки. Судя по де-Кандолю (Geogr. bot., 796), «Старый свѣтъ получилъ болѣе видовъ отъ Новаго, чѣмъ послѣдній отъ перваго», чтò произошло несмотря на бòльшее протяженіе материка и бòльшее разнообразіе обитателей Стараго свѣта.

Къ приведеннымъ въ предъидущей главѣ примѣрамъ прочности видовыхъ формъ, несмотря на частое перенаселеніе, можетъ быть, въ виду важности предмета, прибавлено еще нѣсколько аналогическихъ фактовъ. Соляныя лужи представляютъ собою весьма рѣзкій примѣръ замкнутой области съ специфическимъ населеніемъ. Многія изъ нихъ населены почти исключительно однимъ видомъ животныхъ, именно ракообразнымъ Artemia salina, которое водится въ громаднѣйшемъ числѣ особей. При быстромъ и постоянномъ размноженіи, животное это очень часто достигаетъ предѣла густоты населенія, и потому должно подвергаться сильной борьбѣ за существованіе. Все это данныя, заставляющія предполагать усиленное участіе естественнаго подбора вообще и закона расхожденія признаковъ въ частности. Между тѣмъ оказывается, что A. salina принадлежитъ къ числу въ высшей степени постоянныхъ распространенныхъ видовъ. — Тѣми же свойствами отличается и состоящій изъ двухъ видовъ родъ Apus, прѣсноводный представитель очень древней группы класса ракообразныхъ.

Итакъ, перенаселеніе во многихъ случаяхъ можетъ не сопровождаться измѣняемостью. Теперь спрашивается: будетъ ли послѣдняя вообще идти параллельно съ густотою населенія? Относительно животныхъ извѣстно, что большая часть разновидностей бываетъ мѣстная, что, напримѣръ, каждый островъ одного архипелага весьма часто имѣетъ спеціально ему присущія разновидности животныхъ, изъ самыхъ различныхъ систематическихъ группъ.

Явленіе это составляетъ очень распространенное и хорошо извѣстное общее правило; оно указываетъ на то, что главные случаи измѣняемости не вяжутся съ основнымъ принципомъ расхожденія признаковъ, который долженъ измѣнять формы смежныя, обитающія на томъ же самомъ островѣ, съ цѣлью дать имъ возможность заселить незанятыя до тѣхъ поръ среды.

Всего бóльшую измѣнчивость представляютъ виды наиболѣе распространенные, какъ это замѣтилъ самъ Дарвинъ. Явленіе это онъ ставитъ въ зависимость отъ различія физическихъ условій и еще болѣе—отъ конкурренціи съ разнородными организмами. При этомъ, очевидно, моментъ расхожденія признаковъ отодвигается на задній планъ, тѣмъ болѣе, что различіе организаціи тутъ является помимо и раньше его. «Факты показываютъ далѣе,—говоритъ Дарвинъ,—что и въ опредѣленно-ограниченной области тѣ виды даютъ всего больше разновидностей, которые встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ особей и которые въ предѣлахъ ихъ собственной страны всего болѣе распространены» (67). Въ случаяхъ этой категоріи роль расхожденія признаковъ выступаетъ на болѣе видный планъ, но за то сами эти случаи встрѣчаются рѣже, нежели явленія первой категоріи фактовъ измѣнчивости. Для того, чтобы провѣрить эти положенія, я пересмотрѣлъ находящіяся у меня подъ руками двѣ энтомологическія монографіи: 1) сочиненіе Фишера о европейскихъ прямокрылыхъ, и 2) монографію эфемеридъ Итона. Изъ прямокрылыхъ нѣкоторыя живутъ обществами и скопляются нерѣдко въ громадномъ количествѣ экземпляровъ; таковы прусаки, тараканы и саранча. Виды эти не даютъ однакоже постоянныхъ разновидностей. Всего бóльшей измѣняемостью въ средѣ прямокрылыхъ отличается Stenobothrus variabilis, у котораго описано семь разновидностей. Видъ этотъ, очень распространенный по всей Европѣ, нигдѣ не встрѣчается однакоже такими массами, какъ ихъ вышеупомянутые родичи. Изъ эфемеридъ нѣкоторые виды встрѣчаются въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, образуя собою тучи, похожія на массы летающей саранчи; хотя онѣ во взросломъ состояніи почти не подлежатъ дѣйствію естественнаго подбора (см. выше), а слѣдовательно и принципу расхожденія признаковъ, тѣмъ не менѣе животныя эти въ личиночномъ состояніи подчинены тѣмъ же законамъ, какъ и остальныя насѣкомыя; а личинки ихъ скопляются въ рѣкахъ въ громадномъ количествѣ. Изъ монографіи Итона оказывается, что ни одинъ изъ видовъ, которымъ свойственно такое скученіе массами, не даетъ разновидностей, тогда какъ послѣднія встрѣчаются въ родѣ, отличаю-

щемся несравненно меньшимъ количествомъ особей, въ родѣ съ очень обширнымъ географическимъ распространеніемъ...

Вопросъ о роли принципа расхожденія признаковъ долженъ быть подвергнутъ подробному и тщательному разбору въ указанномъ направленіи. На основаніи сказаннаго, можно однако уже теперь высказать въ видѣ предположенія, что принципъ этотъ не составляетъ до такой степени существеннаго фактора, какимъ онъ представляется въ глазахъ дарвинистовъ; иначе результаты его не прикрывались бы такъ часто, какъ это мы видимъ въ дѣйствительности.

Второй основной результатъ естественнаго подбора составляетъ, по мнѣнію Дарвина, принципъ совершенствованія организаціи, или прогрессивное развитіе органической жизни. Принципъ этотъ имѣетъ столь важное и разностороннее значеніе, что я считаю необходимымъ остановиться на немъ дольше, чѣмъ на принципѣ расхожденія признаковъ.

Въ предшествовавшихъ главахъ было упомянуто, что, подобно Ламарку, нѣкоторые новѣйшіе трансформисты признаютъ существованіе особаго, присущаго организмамъ, стремленія къ прогрессивному развитію, въ силу котораго виды могутъ измѣняться независимо отъ естественнаго подбора и другихъ видообразовательныхъ моментовъ. Ученіе о прогрессѣ въ органическомъ мірѣ сильно распространилось какъ въ средѣ зоологовъ и ботаниковъ, такъ особенно и между геологами, вслѣдствіе чего Дарвинъ счелъ себя обязаннымъ выяснить отношеніе этого момента къ основному принципу его теоріи. Начиная трактатъ объ этомъ предметѣ, Дарвинъ, подобно всѣмъ, писавшимъ о прогрессивномъ развитіи органическаго міра, предувѣдомляетъ читателя, что самое понятіе о прогрессѣ животныхъ и растительныхъ формъ до крайности неопредѣленное и темное. Самымъ лучшимъ критеріумомъ прогресса онъ признаетъ, слѣдуя ф.-Бэру, «степень обособленія различныхъ частей одного и того же животнаго въ зрѣломъ возрастѣ и спеціализированія ихъ къ различнымъ отправленіямъ, или степень полноты раздѣленія труда, какъ сказалъ бы Мильнъ-Эдварсъ» (138). Признавая такимъ образомъ существованіе принципа прогресса въ органическомъ мірѣ, Дарвинъ цѣликомъ сводитъ его къ дѣйствію естественнаго подбора, основываясь на соображеніи, «что спеціализированіе органовъ, поскольку они при этомъ лучше исполняютъ свою роль, полезно для организма». Онъ отвергаетъ, чтобы, помимо естественнаго

подбора, существовало особенно присущее организмамъ стремленіе совершенствоваться, такъ какъ противъ этого говорятъ случаи возвратнаго, регрессивнаго развитія паразитическихъ и нѣкоторыхъ другихъ формъ. На вопросъ, усовершенствовался ли органическій міръ по мѣрѣ развитія его въ теченіи геологическихъ эпохъ, Дарвинъ даетъ утвердительный отвѣтъ, хотя и высказывается болѣе чѣмъ осторожно, почти съ явнымъ сомнѣніемъ. «По теоріи естественнаго подбора,—говоритъ онъ (413),—новыя формы должны стоять выше прежнихъ не только въ силу побѣды въ борьбѣ за существованіе, но еще и вслѣдствіе дальнѣйшаго шага въ дѣлѣ спеціализированія органовъ. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Значительное большинство палеонтологовъ отвѣтило бы утвердительно. *Отвѣтъ этотъ должно повидимому считать истиннымъ, хотя его и трудно доказать какъ слѣдуетъ*».

Нѣкоторые натуралисты, раньше Дарвина и независимо отъ теоріи трансформизма, пытались разобрать вопросъ о прогрессивномъ развитіи органическаго міра на землѣ. Послѣ первыхъ же опытовъ они убѣдились, что сдѣлать этого не возможно при сохраненіи мѣрила совершенствованія, предложеннаго ф.-Бэромъ. Броннъ, написавшій всего болѣе подробный трактатъ о занимающемъ насъ предметѣ, пришелъ къ тому убѣжденію, что совершенствованіе организаціи есть явленіе настолько сложное, что съ помощью одного масштаба измѣрено и опредѣлено быть не можетъ. Въ виду этого, онъ установилъ шесть основныхъ моментовъ совершенствованія, изъ которыхъ самымъ главнымъ онъ призналъ все же принципъ «обособленія (дифференцированія) отправленій и органовъ». На второй планъ онъ поставилъ моментъ уменьшенія числа сходныхъ частей въ цѣлое. Такимъ образомъ, уменьшеніе числа зубовъ у позвоночныхъ, числа органовъ дыханія у нихъ же, числа ногъ у многоножекъ и крыльевъ у мухъ составляютъ, по мнѣнію Бронна, признаки совершенствованія или прогресса организаціи. Вслѣдъ за этимъ, онъ ставитъ моментъ сосредоточенія отправленій и органовъ въ опредѣленныя части тѣла (напримѣръ, срощеніе лепестковъ вѣнчика, сосредоточеніе нервной системы въ головогруди краба или органовъ движенія на груди насѣкомыхъ и пр.), централизацію органовъ, переходъ ихъ снаружи внутрь и увеличеніе объема частей и цѣлаго, какъ признаки дальнѣйшаго совершенствованія. Слѣдуетъ замѣтить однакоже, что самъ Броннъ придаетъ послѣднимъ тремъ принципамъ сравнительно ничтожное значеніе, напирая главнымъ образомъ на первые три момента. Въ этомъ отноше

ціи онъ сходится съ философомъ Гербертомъ Спенсеромъ, который, независимо отъ Бронна, хотя и позже его, пришелъ къ тому выводу, что прогрессъ заключается въ рядѣ обособленій, смѣняющихся слѣдующимъ за нимъ сосредоточеніемъ и сліяніемъ отдѣльныхъ частей въ общее цѣлое.

Въ виду важности вопроса, а также въ виду вліянія, которое оказало въ наукѣ ученіе Бронна о прогрессѣ, необходимо остановиться, съ цѣлью выяснить наше собственное отношеніе къ двумъ главнымъ опредѣленіямъ прогресса (съ одной стороны, опредѣленіе Бэра и Дарвина, съ другой—Бронна и Г. Спенсера).

Еще Бэръ замѣтилъ, что, измѣряя совершенствованіе предложеннымъ имъ масштабомъ, необходимо придти къ заключенію, что многія насѣкомыя и головоногіе выше, совершеннѣе рыбъ— выводъ, рѣзко противорѣчившій общераспространенному убѣжденію. Идя дальше въ этомъ же направленіи, нужно было признать и другіе, еще болѣе парадоксальные выводы, напримѣръ, что черепъ рыбъ совершеннѣе черепа птицъ, млекопитающихъ и человѣка, что организація ракообразныхъ выше, чѣмъ насѣкомыхъ, что двустворчатая раковина совершеннѣе одностворчатой и т. д. Для устраненія подобныхъ парадоксовъ, невязавшихся съ болѣе основными воззрѣніями, необходимо было ограничить примѣненіе масштаба ф.-Бэра введеніемъ новаго принципа. Послѣдній нашли въ процессахъ уменьшенія и сліянія сходныхъ частей, т.-е. въ принципѣ интеграціи Спенсера, или (что тоже) во второмъ и третьемъ моментахъ прогресса Бронна. Основанія этого воззрѣнія до крайности просты и очевидны. Такъ какъ всѣми признано, что млекопитающія и птицы самыя высшія позвоночныя, то и черепъ ихъ долженъ быть выше черепа рыбъ. То же самое получается и при сравненіи насѣкомыхъ съ другими суставчатыми и суставчатоногими. Въ черепѣ млекопитающихъ меньше костей, чѣмъ въ черепѣ рыбъ, у насѣкомаго меньше ногъ, чѣмъ у ракообразныхъ и многоножекъ, слѣдовательно, уменьшеніе числа костей и ногъ въ данныхъ случаяхъ или, обобщая, уменьшеніе числа сходныхъ, одноименныхъ органовъ должно составлять признакъ прогресса. Ни Броннъ, ни Гербертъ Спенсеръ не показали, куда приводитъ послѣдовательное приложеніе ихъ принципа. Попробуемъ сдѣлать это. Срощеніе костей черепа не останавливается на тѣхъ степеняхъ, какія мы встрѣчаемъ у человѣка и млекопитающихъ. У птицъ оно достигаетъ наибольшей степени, и у малоголовыхъ идіотовъ и стариковъ оно идетъ дальше, чѣмъ у нормально развитаго взрослаго человѣка. Сліяніе суставовъ, свойственное насѣкомымъ, развито между ними

въ всего бóльшей степени у кошенилей, т.-е. у низшихъ представителей класса, по обычнымъ понятіямъ. Сліяніе суставовъ въ общее цѣлое, благодаря которому Броннъ и его послѣдователи ставятъ пауковъ выше скорпіона, дѣлаетъ еще шагъ дальше у чесоточныхъ зудней и другихъ паразитическихъ паукообразныхъ, считаемыхъ обыкновенно низшими членами всего класса и т. д. То же самое видимъ мы и относительно ногъ и ротовыхъ органовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе развиты въ наименьшей степени у низшихъ представителей суставчатоногихъ, у которыхъ ихъ столько же, сколько и у позвоночныхъ (у паразитическихъ зудней Phytoptus двѣ пары ногъ, а у дафній столько же паръ челюстей). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что, примѣняя принципъ интеграціи во всей его послѣдовательности, не дѣлая произвольной остановки, мы также приходимъ къ формамъ, которыя признаются низшими вслѣдствіе процесса возвратнаго развитія, т.-е. къ такъ-называемымъ регрессивнымъ формамъ. И кошенили, и зудни въ зародышевомъ состояніи представляютъ значительно болѣе обособленную организацію, чѣмъ во взросломъ, вслѣдствіе чего является предположеніе, что они получились путемъ измѣненія отъ сложнаго къ простому, т.-е. путемъ такъ-называемаго ретрограднаго развитія. Чтобы не придти къ такому выводу, столь же рѣзко противорѣчащему основнымъ и общераспространеннымъ понятіямъ, какъ и крайніе результаты принципа обособленія частей, и Броннъ, и Спенсеръ останавливаются на полдорогѣ. Они останавливаются на паукахъ, насѣкомыхъ вообще, крабахъ, не распространяя своего принципа дальше, на деградированныя, какъ мы видѣли, формы. Основа этого ихъ отношенія къ дѣлу заключается въ томъ, что въ корнѣ всѣхъ ихъ воззрѣній на прогрессъ лежитъ мысль о наивысшемъ совершенствѣ человѣка, который и служитъ и точкой отправленія, и идеаломъ. Такъ какъ у человѣка мы видимъ и усложненіе организаціи (напримѣръ, бóльшее развитіе и обособленіе нѣкоторыхъ частей мозга и его извилинъ), и упрощеніе ея (напримѣръ, сравнительное съ большинствомъ уменьшеніе числа зубовъ, упрощеніе пищеварительныхъ органовъ), то для общей формулы прогресса нужно было придумать нѣчто такое, куда входили бы оба процесса. Броннъ, не выставляя этого за основной руководящій принципъ, тѣмъ не менѣе выдаетъ свою антропоморфическую основную точку зрѣнія, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ: «такъ какъ мы принимаемъ *человѣческій организмъ за высшій типъ животнаго царства*, и такъ какъ мы видимъ, что онъ въ состояніи достигнуть

обладаемаго имъ высшаго совершенства только съ помощью *преобладающаго надъ другими системами развитія мозга и всей нервной системы, а также съ помощью гармоническаго развитія всѣхъ другихъ подчиненныхъ системъ*... то мы тотчасъ же убѣждаемся въ томъ, что классъ млекопитающихъ стоитъ ближе къ такому совершенству, чѣмъ птицы, несмотря на бо́льшую теплоту ихъ крови, болѣе совершенное дыханіе, бо́льшую мускульную силу и болѣе разнообразную способность передвиженія» [1]). Такимъ образомъ, понятіе объ органическомъ прогрессѣ зиждется, съ одной стороны, на убѣжденіи, что человѣческій организмъ есть самый совершенный, съ другой же стороны,—на представленіи о гармоніи въ развитіи различныхъ системъ органовъ. И то, и другое основаніе находятъ поддержку въ общественномъ мнѣніи натуралистовъ. Подобно Бронну, они, въ виду антропоморфическаго принципа, при разсужденіяхъ о прогрессѣ, всегда выдвигаютъ на первый планъ развитіе нервной системы и вообще органовъ животной жизни, считая ихъ «выше» системы пищеваренія и другихъ органовъ растительной жизни. Только исходя изъ такой точки зрѣнія и можно говорить о регрессивномъ превращеніи многихъ животныхъ, у которыхъ взрослая форма отличается отъ личинки не болѣе слабымъ обособленіемъ органовъ вообще, а только упрощеніемъ устройства органовъ животной жизни, рядомъ съ которымъ постоянно идетъ усложненіе системы органовъ размноженія. Мнѣніе о гармоніи устройства человѣческаго организма тоже составляетъ основной догматъ, прилагаемый къ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, онъ еще недавно былъ пущенъ въ ходъ Уоллесомъ для доказательства того, что Papilionidae, «въ силу совершеннаго и равномѣрнаго развитія всѣхъ частей организма, всего лучше представляютъ высшее совершенство, достигнутое въ отрядѣ бабочекъ».

При всей опредѣленности воззрѣнія, главнымъ представителемъ котораго долженъ быть признанъ Броннъ, нельзя не замѣтить, что оно, будучи спеціально антропоморфическимъ, не выручаетъ въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ необходимъ какой-нибудь болѣе объективный масштабъ. Недостаточность его выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по лѣстницѣ органическаго міра. Послѣдовательно прилагая антропоморфическій принципъ, мы, напримѣръ, необходимо должны поставить морскихъ звѣздъ выше всѣхъ остальныхъ иглокожихъ, такъ какъ ни у кого изъ нихъ нѣтъ столь сильно развитыхъ органовъ

[1]) Entwickelungsgesetze der organischen Welt. 1858, стр. 110, 111.

чувствъ. Между тѣмъ, такой выводъ не можетъ удовлетворить ученыхъ, считающихъ, на основаніи цѣлой суммы фактовъ, морскихъ звѣздъ одними изъ низшихъ представителей класса. Еще рѣзче получится выводъ въ томъ случаѣ, если мы станемъ примѣнять принципъ Бронна къ растеніямъ. Выдвигая на первый планъ органы животной жизни, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что водоросли и грибы несравненно выше всѣхъ остальныхъ растеній, такъ какъ только у нихъ однихъ мы встрѣчаемъ такъ-называемое животное состояніе (зооспору), во время котораго растительная клѣточка способна быстро двигаться (и принимать твердую пищу). Многія изъ такихъ зооспоръ столь похожи на инфузорій, что ихъ и теперь нерѣдко причисляютъ къ послѣднимъ и даже приписываютъ имъ глаза,—мнѣніе, далеко не невѣроятное. Ничего подобнаго не представляютъ цвѣтковыя растенія, которыя тѣмъ не менѣе рѣшительно всѣми признаются самыми высшими, на основаніи бóльшаго обособленія ихъ организаціи.

Итакъ, разбираемый принципъ не можетъ быть примѣненъ ко всей суммѣ организованныхъ существъ, и кромѣ того, онъ страдаетъ субъективностью въ такой степени, которая не можетъ не шокировать натуралиста. Съ объективной точки зрѣнія, человѣкъ не можетъ представиться верхомъ гармоническаго развитія всѣхъ своихъ частей. Цѣлый рядъ органовъ, свойственныхъ млекопитающимъ, у него слишкомъ подавленъ въ пользу сравнительно черезчуръ усиленнаго развитія мозга. Для гармоническаго развитія всѣхъ частей ему не слѣдовало терять ни межчелюстной кости (въ качествѣ самостоятельнаго органа), ни хвоста, ни ушныхъ мускуловъ, отъ которыхъ остались лишь рудименты. Тогда только онъ могъ бы претендовать на высшее мѣсто *въ ряду млекопитающихъ или животныхъ вообще*, подобное тому, которое отводится Уоллесомъ семейству Papilionidae въ средѣ бабочекъ. Съ точки зрѣнія болѣе объективнаго гармонизма, человѣкъ долженъ быть признанъ черезчуръ спеціализированнымъ, одностороннимъ организмомъ, въ родѣ семейства Heliconidae въ ряду бабочекъ. Такой же выводъ получается и въ случаѣ примѣненія къ человѣку масштаба совершенства, предложеннаго ф.-Бэромъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ послѣдняго: «вообще говоря, человѣкъ представляется высшей формой животныхъ только со стороны нервной системы и непосредственно соединенныхъ съ ней частей. Вертикальное положеніе является простымъ слѣдствіемъ высшаго развитія мозга, такъ какъ мы всюду находимъ, что чѣмъ больше головной мозгъ по сравненію съ спиннымъ,

тѣмъ болѣе онъ и поднимается надъ нимъ. Если это замѣчаніе основательно, то всѣ тѣлесныя отличія между человѣкомъ и другими животными сведутся къ развитію мозга, и въ такомъ случаѣ все превосходство его будетъ одностороннее, хотя и наиболѣе важное. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, сильное господство предразсудка, чтобы признать желудокъ быка, превращающій траву въ пищевой сокъ, менѣе совершеннымъ, чѣмъ желудокъ человѣка» [1]).

Въ виду затрудненій, встрѣчаемыхъ при опредѣленіи критеріума прогресса, затрудненій, достаточно обнаруженныхъ на предъидущихъ строкахъ, нѣкоторые натуралисты совершенно отреклись отъ всякаго принципа совершенства помимо непосредственной пользы организму. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи ни о прогрессивномъ, ни о регрессивномъ развитіи. Такъ, напримѣръ, Германъ Мюллеръ, на котораго я уже ссылался выше, говоритъ о совершенствѣ цвѣтовъ исключительно съ точки зрѣнія ихъ наилучшаго приспособленія къ дѣлу размноженія; такъ что цвѣты злаковъ будутъ съ этой стороны совершеннѣе цвѣтовъ многихъ двусѣмянодольныхъ и т. п. При такомъ взглядѣ на дѣло, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о прогрессѣ въ органическомъ мірѣ и о какомъ-либо крупномъ и постоянномъ отношеніи естественнаго подбора къ совершенству организаціи въ смыслѣ Дарвина. Такъ какъ для насъ однако же на первый планъ выступаетъ именно этотъ послѣдній вопросъ, то мы необходимо должны отречься отъ изложеннаго ультраскептическаго взгляда Г. Мюллера и его единомышленниковъ. Въ виду того, что масштабъ ф.-Бэра, какъ было показано выше, оказался болѣе объективнымъ и приложимымъ въ болѣе широкой степени, чѣмъ точка зрѣнія антропоморфистовъ, а также въ виду того, что Дарвинъ руководствовался именно ею при установленіи закона объ отношеніи естественнаго подбора къ прогрессу, мы и должны выдвинуть на первый планъ моментъ обособленія частей и затѣмъ только, какъ къ побочному подспорью, обращаться къ моменту сліянія и другимъ факторамъ прогресса, приведеннымъ Бронномъ.

Теперь мы можемъ приступить къ разрѣшенію вопроса: находятся ли извѣстные до сихъ поръ факты естественнаго подбора въ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи къ процессу организаціи, измѣряемому степенью обособленія частей и раздѣленія труда между ними?—Если читатель припомнитъ вышеприведенные

[1]) Entwickelungsgeschichte der Thiere. I. 1828, стр. 242.

факты подбора симпатической окраски, подражательныхъ формъ и проч., то онъ легко увидитъ, что случаи эти не находятся ни въ какомъ отношеніи къ прогрессу организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія степени обособленія частей совершенно безразлично, будетъ ли данное животное бураго или сѣраго цвѣта, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія борьбы за существованіе признакъ этотъ оказался очень важнымъ. То же самое приложимо и къ случаямъ измѣненія крыльевъ у бабочекъ острова Целебеса и т. д. Даже въ гипотетическихъ примѣрахъ, приведенныхъ Дарвиномъ съ цѣлью уяснить дѣйствіе естественнаго подбора, нельзя усмотрѣть прямого отношенія къ прогрессу. Такимъ образомъ, въ случаѣ побѣды длинноногихъ волковъ мы или вовсе не имѣемъ, или же имѣемъ только самое слабое увеличеніе обособленія частей. Вообще, такъ какъ подборъ вліяетъ главнымъ образомъ на особи или расы одного и того же вида, то опредѣленіе степени совершенства побѣдителей и побѣжденныхъ представляетъ нерѣдко непреодолимыя препятствія. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, найти различную степень обособленія частей у столь близкихъ организмовъ, когда этого иногда нельзя сдѣлать по отношенію къ цѣлымъ отрядамъ (напр., въ извѣстномъ спорѣ о томъ, кто выше: костистыя рыбы или поперечноротыя)? Въ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о борьбѣ и подборѣ видовъ, опредѣленіе степени совершенства все же легче, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Чтó же показываютъ намъ факты? Изъ приведенныхъ Дарвиномъ случаевъ борьбы между видами, въ двухъ примѣрахъ (дрозды и крысы) соперники не обнаруживаютъ различія въ степени совершенства, въ двухъ другихъ (тараканы и горчица) побѣдителями являются скорѣе формы менѣе обособленныя, и только въ одномъ случаѣ (вытѣсненія пчелы, неимѣющей жала, нашей жалоносной пчелой) мы видимъ случай побѣды болѣе совершеннаго вида.

Обратимся еще къ случаямъ приспособленія цвѣтовъ, такъ какъ они всего лучше изслѣдованы съ точки зрѣнія естественнаго подбора. Ботаники отличаютъ между двусѣмянодольными растенія раздѣльно-лепестковыя и сростно-лепестковыя, изъ которыхъ большинство считаетъ послѣднихъ болѣе высшимъ типомъ. Не останавливаясь на этомъ спорномъ вопросѣ, мы можемъ ограничиться приведеніемъ уже указаннаго выше результата, что, по крайней мѣрѣ по отношенію къ приспособленію цвѣтовъ къ насѣкомымъ, не существуетъ опредѣленной связи между высотой организаціи и наилучшимъ приспособленіемъ (т.-е. побѣдою въ борьбѣ). Результатъ этотъ, вытекающій изъ изслѣдованій Г. Мюллера, всего лучше способенъ объяснить происхожденіе отрица-

тельнаго отношенія этого ученаго въ ученію объ органическомъ прогрессѣ.

Хотя, на основаніи сказаннаго, уже теперь легко видѣть, что между совершенствомъ организаціи и подборомъ не находится такой существенной связи, какую предполагаетъ Дарвинъ, тѣмъ не менѣе, въ виду важности вопроса, необходимо еще болѣе развить и подкрѣпить этотъ выводъ. Съ этой цѣлью намъ могутъ помочь многочисленные случаи натурализаціи и вытѣсненія однѣхъ формъ другими, собранные ботаниками. Изъ того, что было приведено въ предъидущей главѣ, можно уже a priori заключить, что и въ этомъ отношеніи не должно получиться правильнаго соотношенія между подборомъ и степенью совершенства организаціи. Вспомнимъ слова Дарвина о томъ, что болѣе сильныя великобританскія растенія, вытѣснившія туземныя новозеландскія формы, не могли бы быть признаны болѣе совершенными, несмотря на самое тщательное изслѣдованіе.

По разсчету Альф. де-Кандоля, «въ Америкѣ, такъ же какъ и въ Европѣ, натурализація увеличиваетъ число двусѣмянодольныхъ» (757). Отсюда можетъ показаться, что этотъ результатъ указываетъ на бóльшую силу высшихъ растеній; дальнѣйшее убѣждаетъ, однакоже, въ томъ, что такой выводъ черезчуръ поспѣшенъ. Оказывается, что по числу растеній, натурализовавшихся въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, на первомъ планѣ стоятъ высшія—сложноцвѣтныя (14%), на второй выступаютъ злаки (10%), затѣмъ—губоцвѣтныя (10%) и т. д.—Въ Бразиліи, на вновь сдѣланныхъ просѣкахъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, появляются новыя породы деревьевъ; за ними слѣдуетъ папоротникъ, орлякъ и, наконецъ, одинъ злакъ, «вытѣсняющій всѣ другія растенія». Наиболѣе сильными оказываются, слѣдовательно, представители далеко не высшей степени организаціи.

«Растенія мягкой и обработанной почвы,—говоритъ де-Кандоль (803),—растенія, живущія по краямъ дорогъ, вблизи жилищъ, растенія влажныхъ мѣстностей, даже водяныя растенія, вообще, наконецъ виды съ легко разсѣевающимися сѣменами... образуютъ категоріи растеній, всего легче натурализующіяся». Далѣе слѣдуетъ перечень двѣнадцати семействъ, отличающихся наибольшей натурализаціей. Изъ нихъ одиннадцать двусѣмянодольныхъ (6 сростно-лепестковыхъ, 2 раздѣльно-лепестковыхъ, 3 безлепестковыхъ) и одно односѣмянодольное (злаки). Другія «большія категоріи сѣмянныхъ растеній натурализуются съ неизмѣримымъ трудомъ. Таковы древесныя породы, въ особенности же большія деревья, горныя и лѣсныя растенія и огромная категорія видовъ,

занимающихъ на своей родинѣ только очень ограниченную область». Въ поясненіе приведено 14 семействъ, дающихъ очень мало или вовсе не имѣющихъ видовъ, способныхъ къ натурализаціи. Изъ нихъ 12 двусѣм. (7 сростнолеп., 3 раздѣльнолеп., 2 безлепестковыхъ) и два—односѣмянодольныя (орхидейныя и лилейныя). Въ обѣихъ категоріяхъ, представители высшихъ цвѣтковыхъ, сростнолепестныя, составляютъ ровно половину. Главный результатъ, вытекающій изъ сообщенныхъ фактовъ, заключается въ томъ, что въ дѣлѣ натурализаціи на первый планъ выступаютъ не моменты сложности или простоты организаціи, а такія свойства, какъ, напр., способность жить на такой или другой почвѣ, на болотѣ, въ водѣ и т. д., т.-е. свойства, не имѣющія существеннаго морфологическаго и систематическаго значенія.

Итакъ, имѣющаяся въ запасѣ сумма фактическихъ данныхъ легко можетъ повести къ предположенію, которое, какъ мы знаемъ, и было сдѣлано нѣкоторыми учеными, именно, что прогрессивное развитіе организмовъ, необъясняемое при помощи естественнаго подбора, находится въ зависимости отъ спеціально присущаго организмамъ стремленія къ совершенствованію. Для того, однакоже, чтобы остановиться на столь важномъ рѣшеніи, необходимо знакомство еще съ другими сторонами вопроса.— Очевидно, что въ дѣлѣ побѣды одного организма надъ другимъ участвуютъ не только особенности ихъ организаціи (принимая это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ), но и внѣшнія условія. Организмъ, оказывающійся сильнѣйшимъ при однихъ условіяхъ, можетъ быть побѣжденъ при другихъ. Этимъ объясняются нѣкоторые случаи перемежающагося вытѣсненія растеній, о которыхъ было упомянуто въ прошлой главѣ. Въ холодныхъ странахъ внѣшнія условія обусловливаютъ во многихъ случаяхъ побѣду лѣсныхъ породъ несравненно ниже стоящими по организаціи мхами. Если сильный вѣтеръ вырветъ съ корнемъ деревья, или они погибнутъ отъ черезчуръ большого снѣга, то мхи тотчасъ же завладѣваютъ мѣстомъ и, образуя торфъ, не допускаютъ другія растенія до проростанія (Geogr. bot., 808).

Извѣстно, что существа, стоящія на низкой степени въ системѣ, вообще говоря, отличаются бо́льшимъ распространеніемъ какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Грибы, водоросли, мхи, инфузоріи, корненожки и т. п., т.-е. организмы, принадлежащіе къ числу самыхъ первобытныхъ жителей земли, сохранились до нашихъ дней не въ качествѣ отживающихъ остатковъ прошлаго, а какъ организмы, способные при извѣстныхъ условіяхъ (какъ только-что было показано) одерживать верхъ въ

борьбѣ за существованіе надъ организмами, несравненно болѣе высшими, чѣмъ они. У геологовъ сложилось убѣжденіе, что «продолжительность существованія (живучесть) видовъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше классъ, къ которому они принадлежатъ». Отсюда понятно, что изъ ископаемыхъ, найденныхъ Годри въ третичныхъ слояхъ Аттики, «раковины оказались принадлежащими нынѣ живущимъ видамъ, тогда какъ всѣ виды ископаемыхъ позвоночныхъ оказались отличными отъ нынѣ живущихъ». Съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что болѣе живучіе низшіе организмы, привязанные исключительно къ очень простымъ условіямъ существованія, только доживаютъ свой вѣкъ въ мѣстахъ, недоступныхъ для болѣе развитой и сложной жизни, подобно тому какъ многіе дикіе народы влачатъ свое существованіе въ тундрахъ и пустыняхъ, непріютныхъ для цивилизованныхъ жителей. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, многіе полагаютъ, что, по мѣрѣ приближенія къ нашей геологической эпохѣ, низшіе организмы постоянно все болѣе уходятъ на задній планъ, уступая мѣсто болѣе высшимъ существамъ. Если это мнѣніе и справедливо для нѣкоторыхъ случаевъ, то оно не можетъ быть признано общимъ правиломъ. Изъ самыхъ низшихъ организмовъ только немногіе снабжены достаточными для сохраненія твердыми покровами: водоросли, грибы, мхи, большинство инфузорій черезчуръ нѣжны, чтобы оставить по себѣ слѣды на долгое время. Только корненожки составляютъ исключеніе, такъ какъ тѣло ихъ покрыто раковиной, способной сохраняться въ почвѣ. Изъ фактовъ, собранныхъ геологами, оказывается, однакоже, что, несмотря на свое появленіе раньше всѣхъ остальныхъ организмовъ, корненожки не скоро дошли до наибольшаго своего распространенія. Въ теченіи первичной эпохи онѣ имѣли еще очень немного представителей; богатство ихъ стало сильно возрастать въ концѣ вторичной (во время мѣловой формаціи), и наконецъ, достигло наибольшаго развитія въ третичную эпоху, когда число какъ видовъ, такъ и особей дошло до поразительныхъ размѣровъ.—Губки, составляющія также одну изъ наиболѣе низшихъ и раннихъ группъ, были, подобно корненожкамъ, еще очень малочисленны въ первичную эпоху; апогея своего онѣ достигли въ теченіи юрской и мѣловой формаціи, когда онѣ слагали изъ себя цѣлыя горы. Въ третичную эпоху онѣ стали убывать, хотя и въ настоящее время число ихъ еще весьма значительно. Въ виду подобнаго рода фактовъ, при одностороннемъ сужденіи, можетъ показаться, что естественный подборъ особенно благопріятствуетъ низшимъ организмамъ, какъ наиболѣе живучимъ. Такой выводъ

и былъ въ утрированной формѣ сдѣланъ анонимнымъ авторомъ ганноверской брошюры (см. выше, главу шестую), имѣвшей очевидное вліяніе въ Германіи въ пользу признанія прогрессивнаго стремленія, независящаго отъ естественнаго подбора. Но этотъ выводъ страдаетъ не меньшей односторонностью, чѣмъ противоположное мнѣніе Дарвина, что естественный подборъ вообще поощряетъ совершенство организаціи. Очевидно, что въ природѣ имѣетъ мѣсто нѣчто среднее, что въ однихъ случаяхъ подборъ отдаетъ предпочтеніе высшимъ формамъ, въ другихъ — низшимъ, а въ-третьихъ, наконецъ, онъ вовсе не руководится степенью совершенства и подбираетъ на основаніи свойствъ, не находящихся въ непосредственномъ отношеніи къ высотѣ положенія въ системѣ. Мнѣніе, высказанное Ляйеллемъ по отношенію къ млекопитающимъ и моллюскамъ, можетъ, мнѣ кажется, быть распространено и принято за основаніе для общаго правила. Вотъ его слова, имѣющія отношеніе къ нашему вопросу: «продолжительность жизни видовъ у теплокровныхъ четвероногихъ меньше, чѣмъ у мягкотѣлыхъ, вѣроятно потому, что послѣднія *болѣе способны переносить измѣненія климата, другія внѣшнія обстоятельства и тѣ перевороты органическаго міра, которые совершались на поверхности земли*». Легко убѣдиться въ томъ, что совершенствованіе организаціи бо́льшею частью бываетъ связано съ спеціализированіемъ ея къ извѣстной преобладающей работѣ. Хищныя животныя, представляющіяся почти во всѣхъ классахъ наиболѣе высшими формами, черезчуръ тѣсно связаны съ родомъ пищи. Многія осы, принадлежащія къ числу высшихъ насѣкомыхъ, способны добывать только опредѣленные виды животныхъ, въ виду чего у нихъ (осъ) развились въ высшей степени замѣчательные инстинкты. Подобнымъ же образомъ привязаны гусеницы бабочекъ къ опредѣленнымъ растеніямъ. Вслѣдствіе этого, измѣненіе состава фауны и флоры должно бо́льшей частью отражаться несравненно болѣе на высшихъ организмахъ, нежели на низшихъ. То же подтверждается и слѣдующимъ замѣчаніемъ А. де-Кандоля относительно высшихъ растеній. «Если цвѣтковыя растенія,—говоритъ онъ (600),—организація которыхъ представляется наиболѣе совершенной, т.-е. наиболѣе сложной, имѣютъ, повидимому, ограниченную среднюю область распространенія, то является возможность предположить, что *усложненіе организаціи дѣлаетъ ихъ болѣе нѣжными и болѣе требовательными по отношенію къ климату и мѣстности*». Изъ сказаннаго легко придти къ выводу, что *естественный подборъ покровительствуетъ прогрессированію организаціи только подъ усло-*

віемъ постоянства внѣшнихъ условій; при перемѣнѣ же послѣднихъ, онъ начинаетъ давать предпочтеніе организмамъ низшей и средней степени совершенства. Выводъ этотъ можетъ быть приложенъ и съ цѣлью ограничить одно изъ существенныхъ положеній дарвинизма, по которому среднія промежуточныя формы всего болѣе наклонны къ вымиранію. Правило это, приложимое къ случаямъ постоянства или слабыхъ измѣненій условій, не можетъ быть распространено на всѣ случаи вообще. Легко представить себѣ, что всеядное животное одержитъ верхъ надъ плотоядными и растительноядными въ случаяхъ рѣзкой перемѣны фауны или флоры данной мѣстности; точно также легко представить обстановку, при которой животныя, способныя жить какъ въ соленой, такъ и въ прѣсной водѣ, переживутъ болѣе спеціализированныя формы, способныя къ жизни только въ одной изъ этихъ средъ и т. д. Съ этой точкой зрѣнія совершенно хорошо вяжутся и факты переживанія промежуточныхъ расъ, приведенные Нэгели (см. предъидущую главу), и примѣры изъ геологіи, показывающіе, что среднія формы пережили своихъ болѣе высшихъ и болѣе низшихъ собратій (напр., явноголовыя въ средѣ мягкотѣлыхъ, амфибіи). Изъ міра насѣкомыхъ въ пользу указаннаго вывода говорятъ случаи особенной живучести и силы въ борьбѣ такихъ формъ, каковы: тараканы, термиты, кузнечики и саранча, которыя, не представляя собою низшихъ членовъ класса, всего болѣе приближаются къ срединѣ и составляютъ однихъ изъ самыхъ древнѣйшихъ, а нѣкоторые въ то же время и наименѣе спеціализированныхъ представителей насѣкомыхъ.

Въ виду общаго вывода, что естественный подборъ, по существу своему, не необходимо даетъ перевѣсъ высшимъ, наиболѣе совершеннымъ формамъ, можетъ возникнуть вопросъ: не зависитъ ли въ такомъ случаѣ замѣченный натуралистами законъ прогресса органическаго міра только отчасти отъ естественнаго подбора, являясь, съ другой стороны, результатомъ внутренняго, присущаго организмамъ стремленія къ совершенствованію? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо нѣсколько ближе взглянуть на прогрессъ въ природѣ.

Давно уже было обращено вниманіе на то, что высшіе организмы должны были появиться на землѣ позже низшихъ, что растенія должны были предшествовать появленію травоядныхъ животныхъ, а эти послѣднія должны были явиться раньше плотоядныхъ. Въ виду того, что послѣднія представляютъ, вообще го-

воря, болѣе сложные и совершенные типы, что травоядныя животныя выше растеній, и въ виду другихъ подобныхъ выводовъ, само собою вытекающихъ изъ наблюдаемой дѣйствительности, заключили, что въ общихъ чертахъ органическій міръ долженъ былъ слѣдовать по пути прогресса. Явленіе это считали однорядным, т.-е. думали, что развитіе шло по одному непрерывному направленію совершенствованія организаціи; полагали, что сначала міръ населился растеніями, затѣмъ низшими животными, высшими позвоночными, и наконецъ человѣкомъ. Видя въ этомъ выраженіе основного закона прогрессивнаго развитія, нерѣдко предсказывали, что въ будущемъ человѣкъ долженъ уступить мѣсто другой, еще болѣе совершенной формѣ, что міръ населится духами и т. п. Наука показала съ тѣхъ поръ, что объ однорядномъ развитіи не можетъ быть и рѣчи (см. первыя главы этого очерка), что многія растенія появились значительно позже многихъ, даже позвоночныхъ животныхъ, которыя также предшествовали многимъ безпозвоночнымъ. Но общія черты закона органическаго прогресса остались неприкосновенными. Геологія показала, что первый организмъ, отъ котораго сохранились остатки, была корненожка, представитель самаго низшаго отдѣла, тогда какъ высшее созданіе, человѣкъ, есть въ то же время и позднѣйшее. Она показала далѣе, что изъ растеній и изъ позвоночныхъ животныхъ появились сначала низшіе представители, за которыми пошли все болѣе и болѣе сложныя и совершенныя формы, причемъ этотъ прогрессивный ходъ совершался сразу въ ряду обоихъ органическихъ царствъ и даже въ болѣе частныхъ и подчиненныхъ группахъ.

Такимъ образомъ, существованіе прогрессивнаго хода развитія всего органическаго міра сдѣлалось столь же несомнѣннымъ, какъ и прогрессъ въ развитіи отдѣльной особи, начиная отъ простой клѣточки—яйца, и кончая вполнѣ развитой сложной формой. Но одного этого общаго результата недостаточно. Для цѣлей науки необходимо еще измѣрить степень этого прогресса, узнать, нѣтъ ли рядомъ съ нимъ обратнаго хода развитія, и какую роль играетъ въ природѣ каждый изъ такихъ моментовъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ сдѣлано было открытіе, что развитіе особи не необходимо идетъ отъ простого къ сложному, что иногда оно можетъ избирать путь совершенно противоположный. Наблюдали, что личинки нѣкоторыхъ животныхъ, становясь паразитами, претерпѣваютъ очень рѣзкое упрощеніе организаціи, вслѣдствіе чего явленіе и названо было возвратнымъ, или регрессивнымъ и ретроградным превращеніемъ. Примѣры

его были неоднократно наблюдаемы у представителей различныхъ безпозвоночныхъ животныхъ, преимущественно же у ракообразныхъ. На него однакоже смотрѣли, да и теперь еще многіе смотрятъ, какъ на случаи исключительные, не имѣющіе важнаго значенія съ общей точки зрѣнія. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ между тѣмъ, что такая точка зрѣнія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: регрессъ въ природѣ есть явленіе гораздо болѣе распространенное, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Паразитическій міръ, главный представитель регрессивнаго хода развитія, оказывается въ высшей степени богатымъ формами; но такъ какъ послѣднія бо́льшей частью не кидаются въ глаза и скрываютъ отъ поверхностнаго наблюдателя свои особенности, то многіе виды и даже роды были неизвѣстны до послѣдняго времени. Въ то время какъ высшіе виды почти всѣ уже описаны, относительно ихъ паразитовъ остается сдѣлать еще чрезвычайно много. Такъ какъ, вообще говоря, высшія животныя содержатъ внутри себя и на своей поверхности бо́льшее число видовъ паразитическихъ существъ, нѣжели низшія [1]), и такъ какъ большинство паразитовъ исключительно привязано къ животнымъ, дающимъ имъ кровь и пищу (т.-е. не могутъ жить на другихъ животныхъ), то ясно, что, по мѣрѣ образованія высшихъ формъ, должно было увеличиваться и число паразитическихъ видовъ, т.-е., что рядомъ съ прогрессомъ шло и регрессивное развитіе. Какое изъ двухъ имѣло перевѣсъ (съ точки зрѣнія численности видовъ), сказать въ настоящее время еще нельзя; но есть возможность думать, что въ общей суммѣ число регрессивныхъ видовъ окажется не меньшимъ, если не бо́льшимъ. Можно однакоже теперь уже утверждать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые человѣческіе паразиты появились позже самого человѣка. Извѣстно, что различныя расы человѣка питаютъ различные виды вшей. Утверждаютъ даже, что вши сандвичанъ, переходя на тѣло европейцевъ, умираютъ по прошествіи нѣсколькихъ дней. Изъ изслѣдованій Мёррея оказывается, что число видовъ вшей превышаетъ число расъ. Такимъ образомъ, у негровъ, австралійцевъ, индійцевъ сѣверной и южной Америки онъ нашелъ по два вида. Факты эти показываютъ, что образованіе видовъ паразитическихъ насѣкомыхъ должно было совершиться или позже, или же въ крайнемъ случаѣ одновременно съ человѣческими расами. То же самое можетъ быть

[1]) См. объ этомъ вопросѣ очеркъ паразитической жизни въ журналѣ „Природа". 1874. Книга 2-я.

примѣнено и къ тому виду, который водится на одеждѣ или въ ранахъ человѣка.

Цѣлый небольшой отрядъ паразитическихъ паукообразныхъ (Pentastomidae), деградированныхъ до того, что ихъ долго относили къ червямъ, произошелъ позже появленія сухопутныхъ позвоночныхъ, такъ какъ члены его и въ личиночномъ, и во взросломъ состояніи водятся исключительно въ тѣлѣ млекопитающихъ и пресмыкающихся. Изъ большого подкласса солитеровъ большинство видовъ также неразрывно связано съ позвоночными, многіе даже — съ высшими представителями этого отдѣла (съ млекопитающими и человѣкомъ). То же самое относится и ко многимъ другимъ паразитическимъ существамъ.

Не слѣдуетъ думать однакоже, чтобы регрессъ въ природѣ сосредоточивался единственно на такихъ паразитическихъ существахъ. Піявки, сходныя съ паразитами образомъ принятія пищи, ведутъ въ значительной степени свободный образъ жизни, несмотря на что онѣ представляютъ во многихъ отношеніяхъ явный регрессъ. Изучая ихъ исторію развитія, легко убѣдиться, что онѣ составляютъ деградированный отпрыскъ класса кольчатыхъ червей, вообще болѣе сложнаго и «совершеннаго», чѣмъ онѣ сами. Въ самомъ большомъ отдѣлѣ животнаго царства, въ типѣ суставчатоногихъ, регрессъ проявляется на каждомъ шагу. Не говоря о многочисленныхъ, частью уже упомянутыхъ выше настоящихъ паразитахъ (каковы паразитическія ракообразныя, вши, зудни, и пр.), регрессивное начало явно обнаруживается среди многихъ насѣкомыхъ, сосущихъ растительные соки, какъ, напр., у травяныхъ вшей и еще болѣе у кошенилей, а также у деградированныхъ (хотя и свободно живущихъ) личинокъ мухъ, пчелъ и пр. И между непаразитическими ракообразными существуетъ отрядъ (усоногія), представители котораго, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, претерпѣваютъ ретроградное превращеніе. Животныя эти замѣчательны еще потому, что изъ двухъ семействъ его, сохранившихся въ ископаемомъ состояніи, болѣе раннимъ является то, къ которому принадлежатъ сравнительно болѣе высшія формы (Lepadidae). Если по отношенію ко всему животному царству и нельзя сказать, чтобы регрессъ перевѣшивалъ явленія противоположнаго характера, то относительно насѣкомыхъ это можно утверждать съ большой вѣроятностью. Въ то время, какъ регрессъ произвелъ столь сильныя и рѣзкія измѣненія у всѣхъ вышеупомянутыхъ насѣкомыхъ, прогрессивной группой могутъ быть, собственно говоря, названы только перепончатокрылыя. Другіе отряды поздняго происхожденія, какъ, напр., дву-

крылыя и бабочки, представляютъ нисколько не большую степень совершенства, чѣмъ болѣе раннія жуки и прямокрылыя. Наоборотъ, въ средѣ обоихъ отрядовъ мы видимъ частные, но рѣзкіе примѣры регресса. Такъ, напр., между двукрылыми мы встрѣчаемъ деградированныя паразитическія или полупаразитическія формы (такъ-наз. Pupiparae), не говоря уже о вышеупомянутыхъ личинкахъ мухъ и о блохахъ сомнительнаго происхожденія. Между бабочками нерѣдки случаи безкрылости самокъ, — случаи, очевидно, поздняго происхожденія.

Въ средѣ высшаго отдѣла животнаго царства, у позвоночныхъ, мы тоже встрѣчаемъ несомнѣнные признаки регресса. Хотя мы и не можемъ слѣдовать Дорну, который, къ ужасу зоологовъ, призналъ, въ цитированной выше (см. гл. шестую) брошюркѣ, самое низшее позвоночное животное (Amphioxus) однимъ изъ позднѣйшихъ, но наиболѣе деградированныхъ представителей типа, тѣмъ не менѣе можно согласиться съ его положеніемъ, что полупаразитическія миноги (Myxine) носятъ на себѣ слѣды регрессивнаго измѣненія [1]). Несравненно важнѣе и болѣе прочно доказано «возвратное движеніе въ столь большомъ отдѣлѣ позвоночныхъ, каковъ классъ пресмыкающихся» (Ляйелль). Самые высшіе представители его жили и вымерли въ теченіи вторичной эпохи; самые же низшіе, составляющіе отрядъ змѣй, начали свое существованіе только въ третичную эпоху и продолжаютъ его въ полной силѣ и по настоящее время. Этотъ отрядъ, помѣщаемый зоологами обыкновенно въ началѣ всего класса, не можетъ удержать своего мѣста въ системѣ, если распредѣлять послѣднюю не по степени упрощенія организаціи, а по принципу происхожденія. Кромѣ позднаго происхожденія, регрессивность змѣй обнаруживается еще присутствіемъ у нихъ остатковъ ногъ и другихъ рудиментовъ. Сходными съ змѣями представляются еще безногія ящерицы, получившія это сходство очевидно тоже въ силу возвратнаго процесса. Регрессивными формами въ классѣ птицъ представляются многія безкрылыя птицы (напр., додо, пингвины), а среди млекопитающихъ — рыбообразныя, относившіяся нѣкогда къ настоящимъ рыбамъ. Ископаемые остатки первобытныхъ птицъ и самыхъ раннихъ млекопитающихъ доказываютъ это съ полной очевидностью.

---

[1]) Сходясь въ этомъ пунктѣ съ Дорномъ, я не считаю однакоже возможнымъ сказать вмѣстѣ съ нимъ, что миноги произошли отъ настоящихъ рыбъ путемъ регрессивнаго развитія. Происхожденіе всѣхъ круглоротыхъ составляетъ въ настоящее время неразрѣшенную и, быть можетъ, еще неразрѣшимую задачу.

Регрессъ въ растительномъ мірѣ, насколько можемъ судить, тоже не составляетъ исключительнаго явленія. Хотя первобытныя флоры и состояли изъ споровыхъ растеній, т.-е. представителей низшей группы, но сами они стояли выше ихъ современныхъ родичей (Гуверъ). «Множество родовъ и семействъ,—говоритъ только-что цитированный ученый,—носятъ на себѣ самые явные слѣды обѣдненія и упрощенія организаціи». Въ виду этого онъ жалуется на то, что ботаники обращаютъ столь мало вниманія на процессы регресса, имѣющіе, по его мнѣнію, большое значеніе въ растительномъ царствѣ. Германъ Мюллеръ, на котораго я уже не разъ ссылался и который извѣстенъ намъ какъ противникъ всякой теоріи прогресса помимо непосредственной выгоды, приводитъ рядъ фактовъ, указывающихъ на регрессивный ходъ явленій въ мірѣ цвѣтковыхъ растеній. Въ то время, напр., какъ нѣкоторыя изъ обоеполыхъ становились раздѣльнополыми (что обыкновенно считается признакомъ прогресса), другія развивались въ обратномъ направленіи. Нѣкоторые цвѣты, идя этимъ путемъ, вновь достигали самыхъ первобытныхъ формъ. Случаи возвратнаго развитія Мюллеръ считаетъ не только не исключительными, но «безчисленными», какъ онъ самъ выражается. Онъ считаетъ главнымъ результатомъ своего изслѣдованія и заканчиваетъ книгу положеніемъ, что измѣненія цвѣтовъ совершались не въ одномъ, а во многихъ направленіяхъ, «часто даже въ возвратномъ» (l. c., стр. 445—448).

Легко а priori убѣдиться въ томъ, что природа могла во многихъ случаяхъ обойтись безъ образованія новыхъ регрессивныхъ формъ, такъ какъ у нея всегда были подъ руками готовые низшіе представители. Такъ, напр., въ случаѣ, когда открылась возможность чужеядной жизни внутри тѣла животныхъ, паразитами сдѣлались многія формы, которыя уже прежде были организованы очень просто и стояли весьма низко въ системѣ. Въ новой обстановкѣ образовалось, конечно, много новыхъ видовъ, но безъ особенныхъ признаковъ деградаціи.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что въ природѣ, рядомъ съ прогрессомъ, замѣчается и регрессъ въ весьма значительной степени. Факты эти не могутъ служить опорой теоріи прогрессистовъ (Нэгели и его послѣдователей), но можетъ показаться говорящимъ въ ихъ пользу то обстоятельство, что случаи регресса вообще гораздо легче согласить съ дѣйствіемъ естественнаго подбора, чѣмъ многіе примѣры прогрессивнаго развитія. Для того однакоже, чтобы составить себѣ понятіе объ общемъ ходѣ измѣненія организмовъ, необходимо обратить вниманіе на то, что явленія

эти не исчерпываются ни прогрессивными, ни регрессивными процессами. Факты показываютъ, что *въ природѣ всего болѣе распространены явленія, носящія на себѣ явный консервативный характеръ*. Въ дѣлѣ происхожденія видовъ они обнаруживаются образованіемъ формъ, не стоящихъ ни выше, ни ниже своихъ родичей. Фактъ этотъ бросается въ глаза систематику, старающемуся размѣстить близкія формы въ послѣдовательный рядъ. Вотъ нѣсколько доводовъ въ подтвержденіе этого положенія. Карпентеръ, лучшій знатокъ корненожекъ, утверждаетъ, что, со времени своего появленія въ лаврентьевской формаціи, организмы эти не сдѣлали никакого шага по пути прогресса, несмотря на то, что число ихъ видовъ и родовъ (см. выше) возрасло въ очень значительной степени. То же самое можетъ быть распространено и на многіе другіе отдѣлы животнаго царства. Такъ, напр., въ типѣ иглокожихъ, за исключеніемъ только класса морскихъ лилій, нельзя съ увѣренностью размѣстить другихъ представителей въ восходящемъ порядкѣ. Одни считаютъ высшими членами его голотурій, другіе—морскихъ ежей, и третьи, наконецъ,—морскихъ звѣздъ. Подобное же разногласіе существуетъ и по отношенію ко взаимному положенію полиповъ, медузъ и ребровиковъ. Это различіе мнѣній происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что многіе изъ этихъ животныхъ представляютъ именно консервативныя группы. Къ числу особенно замѣчательныхъ примѣровъ должны быть отнесены многія сухопутныя и прѣсноводныя мягкотѣлыя, не обнаружившія съ самыхъ первыхъ временъ никакого замѣтнаго прогресса, несмотря на очень значительное увеличеніе числа видовъ. Большое количество послѣднихъ представляетъ собою викарныя мѣстныя формы, не отличающіяся отъ сосѣднихъ видовъ ни большимъ, ни меньшимъ совершенствомъ организаціи. Выше было уже упомянуто о богатствѣ такихъ мѣстныхъ видовъ на океаническихъ островахъ и о невозможности свести его къ дѣйствію естественнаго подбора. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны представители подсемейства Achatinellidae Сандвичевыхъ острововъ. На одномъ островѣ Оагу ихъ извѣстно около 185 видовъ съ семью-восемью тысячами разновидностей. Послѣднія образуютъ не только переходъ между большинствомъ видовъ, но даже между двумя сосѣдними родами. Такое разнообразіе разновидностей у животныхъ, отличающихся вообще большой живучестью и не подлежащихъ сравнительно жестокой борьбѣ, рядомъ съ присутствіемъ множества переходныхъ формъ, говоритъ ни въ пользу особеннаго участія естественнаго подбора въ данномъ случаѣ, ни въ пользу теоріи прогрессивнаго трансформизма. Тутъ

скорѣе всего мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайно богатой многоформенностью, съ образованіемъ расъ и видовъ «въ силу природы организма или природы окружающихъ условій», какъ, мы видѣли, говоритъ Дарвинъ о нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняемости, не подлежащихъ естественному подбору.

Типъ позвоночныхъ, на который такъ часто ссылаются приверженцы закона совершенствованія органическаго міра, представляетъ множество примѣровъ консервативнаго развитія. Сюда можетъ быть отнесенъ и вышеупомянутый случай разногласія по вопросу: кто выше, костистыя ли рыбы, или поперечноротыя? Большое количество видовъ отличается такими признаками, которые не могутъ указывать на бо́льшее или меньшее совершенство организаціи, какъ, напр., различной окраской, формой зубовъ и т. п.—Весьма существенное значеніе имѣетъ слѣдующее замѣчаніе Бронна, одного изъ главныхъ представителей теоріи органическаго прогресса. «Я тщетно пытался,—говоритъ онъ,—открыть въ ряду третичныхъ млекопитающихъ признаки прогрессивнаго развитія; въ глаза бросается только увеличеніе разнообразія и богатства родовъ» (l. c., 473).

Для болѣе полнаго рѣшенія вопроса объ отношеніи консервативной стороны органическаго развитія къ прогрессивной, я задумалъ, на основаніи собранныхъ палеонтологами данныхъ, получить числовые результаты. Скоро я убѣдился однакоже, что научнымъ образомъ сдѣлать этого въ настоящее время невозможно. Для того, чтобы все-таки получить хотя сколько-нибудь приблизительные результаты, я сопоставилъ собранные въ седьмой таблицѣ Бронна (приложенной при его выше цитированномъ сочиненіи) числовыя данныя относительно всѣхъ наилучше изслѣдованныхъ группъ животнаго царства. Всѣ виды каждой вновь появившейся группы (класса или отряда) я отнесъ къ числу прогрессивныхъ формъ, новые же виды прежнихъ группъ я включилъ въ рубрику консервативныхъ видовъ. При сравненіи фауны первичной эпохи со вторичной, число прогрессивныхъ видовъ составило 6% числа консервативныхъ; при сравненіи же вторичной фауны съ третичной, оно дошло до 35%. Несмотря на такое относительное увеличеніе прогрессивныхъ видовъ, все же количество ихъ по сравненію съ консервативными еще очень невелико. О регрессивной сторонѣ развитія въ палеонтологіи не существуетъ почти никакого матеріала, такъ какъ большинство ретроградныхъ формъ отличаются малыми размѣрами и мягкимъ тѣломъ, неспособнымъ къ сохраненію на долгія времена.

Нѣкоторые ученые, въ особенности же Гербертъ Спенсеръ,

пытались доказать, что развитіе вообще сводится къ явленіямъ прогресса, и наоборотъ. Выводъ этотъ примѣняли какъ къ развитію отдѣльной особи, такъ и къ развитію цѣлыхъ видовъ и большихъ группъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]), разсматривая явленія индивидуальнаго развитія, я старался показать, что такой взглядъ односторонѳнъ; вмѣсто него, я пришелъ къ слѣдующему выводу: «развитіе оказывается явленіемъ гораздо болѣе общимъ, чѣмъ прогрессъ. Оно не исчерпывается также суммой дифференцированій и интегрированій, а можетъ состоять еще изъ ряда перемѣщеній и атрофированій. Это показываетъ, что развитіе обнимаетъ собою громадную область явленій, между которыми встрѣчаются и простыя перемѣщенія частей». Сказанное здѣсь относительно общаго характера развитія особи можетъ быть примѣнено и къ трансформизму, т.-е. развитію видовъ. И здѣсь прогрессъ составляетъ только частный случай, также какъ и регрессъ; кромѣ нихъ существуютъ еще случаи, гдѣ нѣтъ ни того, ни другого, гдѣ развитіе совершается такъ сказать въ одной плоскости, безъ повышенія или пониженія уровня «совершенства». Эти-то случаи, соотвѣтствующіе «консервативнымъ видамъ», составляютъ, какъ мы видѣли, очень большую долю, и такъ какъ по крайней мѣрѣ часть ихъ необъяснима при помощи естественнаго подбора, то они могутъ быть приведены не только противъ крайнихъ приверженцевъ дарвинизма, но и противъ прогрессизма Нэгели и его послѣдователей.

Ил. Мечниковъ.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1871, апрѣль, стр. 752—757.

НА АЛЬПАХЪ

Изъ Мицкевича.

Нѣтъ, никогда съ тобой я не могу разстаться!
Плыву я моремъ,—возлѣ корабля,
Скользя по гребнямъ волнъ и въ пѣнѣ утопая,
Несешься ты, волшебница моя;
На скользкихъ ледникахъ, одѣтыхъ сѣрой мглою,
Твои слѣды, мнѣ кажется, блестятъ,
И въ страшномъ грохотѣ альпійскихъ водопадовъ
Твои мнѣ рѣчи милыя звучатъ:
Тѣ рѣчи такъ звучатъ отчетливо и ясно,
Что я дрожу и вспыхиваю весь,
Надѣясь и боясь, что вдругъ передо мною
Средь дикихъ скалъ появишься ты здѣсь!
Неблагодарная! Когда я по утесамъ
Брожу въ нависшихъ, грозныхъ облакахъ,
Не видя ничего за ливнемъ и туманомъ,
Иду одинъ въ безлюдныхъ ледникахъ,
И на темнѣющемъ, печальномъ сводѣ неба
Ищу межъ тучъ полночную звѣзду,
Чтобъ отгадать по ней среди густого мрака,
Гдѣ домъ твой, ты, гдѣ я Литву найду:
Неблагодарная! Быть можетъ, въ это время,
Чаруя всѣхъ своею красотой,
На балѣ гдѣ-нибудь ты весело танцуешь,
Забыла ты, быть можетъ, образъ мой!

Скажи, понравилась тебѣ та роль кумира,
Которую играешь въ свѣтѣ ты,
Другого любишь ты, смѣешься, вспоминая
Мою любовь, всѣ прежнія мечты?
Ужели, милая, ты не была-бъ счастлива,
Дѣля со мною странствія мои?
По этимъ высотамъ ходили-бъ мы съ тобою,
Я-бъ пѣсни пѣлъ любимыя твои;
И поцѣлуями твои согрѣлъ бы ручки
Отъ холода, царящаго въ горахъ,
Стараясь отгадать малѣйшія желанья
Въ твоихъ глубокихъ, ласковыхъ очахъ;
А отдыхъ бы насъ ждалъ въ шалэ уединенномъ:
У очага, въ мерцаніи огня,
Склонивъ ко мнѣ на грудь усталую головку,
Заснула-бъ ты въ объятьяхъ у меня.

Г. Никольскій.

НАУКА и ЛИТЕРАТУРА

въ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

Письма изъ Англіи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ *).

I.

1) *John Stuart Mill:* Dissertations and Discussions, vol. IV. in 8° 302 pages, London, Longman and C°, 1875. — 2) *Robert Flint:* The Philosophy of History in Europe. Vol. I: The Philosophy of History in France and Germany, in 8°, 609 pages. Edinburg and London, W. Blackwood. 1874.

Какъ долго проживетъ въ потомствѣ имя Стюарта Милля? Что уцѣлѣетъ черезъ одно или два столѣтія отъ этого кроткаго и меланхолическаго образа, въ которомъ остатокъ кальвинистской строгости согрѣвался лучами несравненной доброты? Трудно съ точностью рѣшить этотъ вопросъ, хотя жизнь Стюарта Милля прожита съ толкомъ, но скошена слишкомъ рано; ничто этого лучше не доказываетъ, какъ появившійся недавно новый томъ «Dissertations», въ которомъ собраны послѣднія сочиненія — я чуть-было не сказалъ — послѣднія усилія этого талантливаго человѣка.

---

*) См. выше: янв. 282 стр.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ неизданными, посмертными произведеніями, въ видѣ эскизовъ или набросковъ, болѣе пригодныхъ на то, чтобы умалить славу писателя, чѣмъ ее увеличить. Передъ нами собраніе статей, напечатанныхъ Стюартомъ Миллемъ въ послѣднія пять лѣтъ его жизни, отъ 1869 по 1873 г. и почти исключительно въ «Fortnightly Review», радикальномъ органѣ, искусно редактируемомъ его другомъ, м-ромъ Джономъ Морли. Сюда же слѣдуетъ присоединить двѣ или три статьи, написанныя въ пользу «Land tenure Reform association».

Извѣстно, что характеристической чертой генія автора является его всегдашняя готовность признать свои ошибки и уступить очевидности, хотя бы послѣдняя говорила противъ него: качество столь же рѣдкое, сколько, казалось, должно было бы быть обыкновеннымъ. Блистательное доказательство тому мы находимъ въ статьѣ, посвященной сочиненію м-ра Торнтона: «On labour and its claims». Стюартъ Милль, въ своемъ трактатѣ политической экономіи, допускалъ, вмѣстѣ съ современными ему экономистами, доктрину, называемую англичанами «wages-fund» (капиталъ, идущій на заработную плату). Предполагали, что въ каждый данный моментъ извѣстная часть народнаго богатства идетъ quand même на уплату заработной платы. Рабочіе могутъ получить эту сумму—ничего больше, ничего меньше. Такъ какъ эта послѣдняя неизмѣнна, то заработная плата каждаго изъ нихъ зависитъ единственно отъ ихъ числа. Между тѣмъ, законъ этотъ вѣренъ, что касается *предложенія*, числа рабочихъ; но въ настоящее время доказано, что онъ не вѣренъ что̀ касается *спроса;* въ дѣйствительности не существуетъ никакого «wages-fund». Само собой разумѣется, что сумма, идущая на заработную плату, не можетъ превысить суммы капиталовъ, которыми располагаютъ капиталисты. Она не можетъ даже быть ей равной, ибо послѣднимъ необходимы средства для существованія и содержанія своего семейства. Но внѣ этихъ границъ нѣтъ ничего опредѣленнаго: надо принять во вниманіе доходъ, увеличивающійся ежедневно и часть котораго можетъ быть отложена хозяиномъ на образованіе новаго капитала, или же употреблена имъ на увеличеніе заработной платы его рабочихъ или на наемъ лишнихъ рабочихъ рукъ; наконецъ, этотъ доходъ можетъ идти на его личные расходы, удовольствія и проч. Въ заключеніе, не только капиталъ хозяина, но и всѣ суммы, которыя онъ можетъ отдѣлить отъ личныхъ издержекъ, могутъ послужить на увеличеніе заработной платы.

Вотъ окончательная теорія, формулированная и признанная Стюартомъ Миллемъ, взамѣнъ старинной доктрины wages-fund.

«Я долженъ признать себя виноватымъ, говоритъ онъ, за то, что допускалъ въ былое время, заодно со всѣми другими, эту послѣднюю теорію безъ достаточныхъ основаній и провѣрки». «Признать себя виноватымъ!» Увы! сколько экономистовъ должны были бы сказать то же самое, еслибы у нихъ было мужество и откровенность Милля! Какую массу заблужденій насадили логика и діалектика въ науку о народномъ богатствѣ — это поистинѣ уму непостижимо: засаживая и воздѣлывая вкривь и вкось почву, которая всего какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ была еще дѣвственной, они превратили ее въ непроходимыя дебри, гдѣ изслѣдователь рискуетъ запутаться между ліанами и терновникомъ, разросшимися во вредъ полезнымъ растеніямъ. Задачи политической экономіи не разрѣшаются посредствомъ формулъ, заимствованныхъ изъ математики; что касается чистой логики, то мы видимъ, насколько она могла сбить съ пути человѣка, въ компетентности котораго нельзя сомнѣваться. Сущность въ томъ, что здѣсь опять мы имѣемъ дѣло съ положительной наукой, въ которой голое разсужденіе не можетъ замѣнить опыта и наблюденія.

И поглядите, каковы послѣдствія новаго ученія. Старое осуждало a priori trades'unions: разъ допустивъ, что wages-fund твердо опредѣленъ въ каждый данный моментъ, всякія усилія, всякая агитація въ пользу увеличенія заработной платы казались безполезными. Отнынѣ прежнее положеніе устранено, и стало несомнѣннымъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать борьба между трудомъ и капиталомъ, unionism будетъ давать выгодные для рабочихъ результаты, и будетъ ихъ необходимымъ союзникомъ.

Это новое заключеніе великаго англійскаго публициста можетъ дать понятіе объ откровенности и искренности, съ какими онъ брался за разрѣшеніе политическихъ и соціальныхъ задачъ. Статьи объ арендѣ земли, помѣщенныя въ концѣ тома, показываютъ, что онъ умѣлъ примирять практику съ теоріей. Въ 1870 г. образовалась ассоціація въ пользу реформы «Land tenure»: Стюартъ Милль былъ душой этой ассоціаціи. Непосредственной цѣлью было установленіе особой таксы, разсчитанной на то, чтобы лишить землевладѣльцевъ громадной plus-value ихъ собственности: plus-value, созданной единственно однимъ временемъ, какъ это въ особенности рельефно видно на владѣніи почвой въ большихъ городахъ, и въ Лондонѣ главнымъ образомъ. Общая и отдаленная цѣль заключается въ томъ, чтобы мало-по-малу ввести государство во владѣніе землей, которая должна сдаваться въ аренду кооперативнымъ обществамъ или мелкимъ земленашцамъ. Такимъ

образомъ идеи, выраженныя Стюартомъ Миллемъ въ его трактатѣ политической экономіи, доведены до крайняго ихъ развитія. Въ пользу ассоціаціи онъ произнесъ свою послѣднюю рѣчь, 18 марта 1873 г. въ «Exeter Hall» въ присутствіи восторженной публики. «Меня обвинятъ, быть можетъ, въ томъ, что я взываю къ страстямъ, воскликнулъ онъ, послѣ того какъ изложилъ злоупотребленія, связанныя съ поземельной собственностью. Я не стыжусь этого обвиненія: да! я взываю къ страстямъ. Безъ нихъ намъ никогда не справиться съ этимъ великимъ беззаконіемъ. Намъ нужны страсти толпы, чтобы побѣдить эгоизмъ меньшинства. Будемъ, конечно, при этомъ исполнены снисхожденія къ людямъ, которые только повторяютъ ошибки своихъ предшественниковъ. Пусть они знаютъ, что, не питая къ нимъ никакой ненависти, мы возстаемъ за справедливость. Лишимъ ихъ средствъ быть несправедливыми, и глаза ихъ не замедлятъ раскрыться, и они увидятъ такъ же ясно, какъ и мы, несправедливость своихъ привилегій».

Вотъ именно то краснорѣчіе, какое прилично такому серьёзному, пламенному и великодушному уму, умѣющему быть снисходительнымъ. Онъ всегда оставался вѣрнымъ своему критерію, самому гуманному по существу—критерію утилитарной нравственности. Ему былъ обязанъ онъ тѣмъ, что судилъ съ неподражаемой ясностью духа о людяхъ и событіяхъ, не измѣняя при этомъ ни твердости, ни справедливости. Интересно было бы знать его оцѣнку великихъ политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ. Письмо, которое я имѣлъ честь получить отъ него 16 октября 1871 г., содержитъ нѣсколько указаній на это. «Ваша оцѣнка причинъ, повлекшихъ за собою печальное нравственное и политическое состояніе Франціи, писалъ онъ мнѣ, на мой взглядъ совершенно справедлива. Это состояніе зависитъ главнымъ образомъ отъ нравственной и умственной несостоятельности образованныхъ классовъ: ничто такъ не извращаетъ совѣсть и умъ, какъ философія, основывающая нравственность на мнимомъ внутреннемъ чувствѣ, вмѣсто того, чтобы основывать ее на вліяніи нашихъ поступковъ на чужое счастіе».

Нравственная и умственная несостоятельность образованныхъ классовъ—эта, повидимому очень невинная, фраза обнимаетъ между тѣмъ собою все, начиная ограниченностью однихъ и кончая низостью другихъ.

И вотъ какимъ образомъ вторая имперія и большинство французской буржуазіи находятъ себѣ правильную оцѣнку въ

силу аксіомы бентамистовъ: the greatest happiness of the greatest number.

Этотъ четвертый томъ пополняетъ серію: «Dissertations and discussions». Первые три, изданные въ 1859 и 1867 г., заключаютъ, между прочимъ, статьи *о политической эмансипаціи женщинъ* и о *психологіи Бэна*. Всѣ эти статьи составляютъ необходимое дополненіе къ твореніямъ Стюарта Милля.

Этотъ замѣчательный умъ, которому не безъ основанія ставили въ упрекъ пренебреженіе къ историческому методу, опередилъ между тѣмъ своихъ соотечественниковъ въ правильной оцѣнкѣ истиннаго значенія исторіи. Его статьи о Мишле и Гизо во второмъ томѣ «Dissertations» знаменуютъ интересную эпоху. «Исторія, говоритъ онъ, еще не пережила у насъ того періода, когда она перестанетъ быть дѣломъ литературы и эрудиціи, а станетъ наукой» [1]). Это было писано въ 1845 г.; до появленія Бокля, Герберта Спенсера и Тэйлора, скипетръ исторической науки принадлежалъ тогда Франціи: съ тѣхъ поръ онъ перешелъ въ Германію и Англію. Sic transit gloria mundi. Но націи, такъ же какъ и индивидуумы, должны утѣшаться въ настоящемъ своимъ прошлымъ: другія, болѣе молодыя, и выступающія позже ихъ, имѣютъ впереди себя будущее и надежду въ свою очередь побывать въ Коринеѣ...

М-ръ Робертъ Флинтъ, профессоръ въ университетѣ С.-Андрью, на мой взглядъ, не скоро попадетъ въ Коринеъ, и его книга «The Philosophy of History» не многое прибавитъ къ славѣ его страны. Это заглавіе, возвѣщающее произведеніе всеобщаго, космополитнаго интереса, сразу привлекаетъ и плѣняетъ васъ. Вы ожидаете найти въ первомъ томѣ философію исторіи Франціи и Германіи, какъ это обозначено въ заглавіи. Не тутъ то было: это обзоръ дидактическихъ сочиненій, посвященныхъ всеобщей исторіи этихъ двухъ странъ и, вмѣсто философіи исторіи, намъ даютъ—что уже совсѣмъ не то—*исторію философіи* исторіи.

Но допустимъ и это: все же книга могла бы выдти интересной и самая идея ея плодотворной и оригинальной. Два условія необходимы для ея успѣшнаго выполненія: *критерій*, исходная точка и достаточная эрудиція. Что касается критерія, онъ вполнѣ отсутствуетъ. Авторъ старательно предупреждаетъ насъ въ своемъ предисловіи, что не видитъ никакой необходимости опредѣлить границы и методъ философіи исторіи: никакого описанія, никакого опредѣленія не нужно для начала. Все при-

[1]) „Dissertations“, vol. II, p. 220.

деть само собою—если только придетъ,—въ концѣ сочиненія и въ видѣ заключенія. И вотъ, такимъ образомъ насъ занимаютъ обзоромъ пятидесяти системъ, болѣе или менѣе сложныхъ и трансцендентальныхъ, не давая намъ въ руки Аріадниной нити, которая бы могла насъ руководить въ этихъ безчисленныхъ лабиринтахъ. Намъ, правда, объявляютъ, что исторія наука — или философія (чтó не одно и то же), и что людскія дѣла подчинены извѣстнымъ законамъ; но при этомъ протестуютъ противъ чересчуръ строгаго толкованія слова «законы», и предостерегаютъ отъ слишкомъ усерднаго уподобленія законовъ физическаго міра къ законамъ міра нравственнаго. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что м-ръ Флинтъ убѣжденный пуританинъ, добросовѣстный адептъ евангелическаго пресвитеріанства.

Но, не взирая на этотъ крупный пробѣлъ, сочиненіе все же могло бы быть полезнымъ и служить драгоцѣннымъ compendium'омъ для ученыхъ и изслѣдователей. Для этого необходимы были бы самая обширная эрудиція и глубокое знаніе англійской и иностранныхъ литературъ. Конечно, авторъ даетъ доказательство несомнѣнной и весьма значительной учености. Но ему недостаетъ мѣры, безъ которой самое ученое сочиненіе рискуетъ превратиться въ неудобоваримую компиляцію. И это можно оцѣнить здѣсь въ цифрахъ и съ чисто матеріальной точки зрѣнія. Я не гегеліанецъ, но не боюсь a priori объявить несноснымъ и неладнымъ, если въ обзорѣ философіи исторіи Франціи и Германіи отведено почти столько же мѣсто Кузену, какъ и Гегелю. Философія Кузена — одно время бывшая въ ходу, этого нельзя отрицать — давно уже забыта, и изъ этого забвенія ее тщетно старались извлечь ея печальные послѣдователи. Объ этомъ писателѣ можно сказать то, чтó Гейне говоритъ о Якоби: онъ былъ просто-на-просто старой сплетницей, тщеславной и болтливой, которая, подъ покровомъ эклектизма, проводила спиритуализмъ самаго чистѣйшаго закала и *rococo*. М-ру Флинту стоило только открыть любой томъ Сентъ-Бёва, чтобы убѣдиться, въ какомъ презрѣніи находится Кузенъ.

Еслибы еще дѣло шло о чистой философіи, то онъ могъ бы быть введенъ въ заблужденіе восторгомъ своего соотечественника, сэра Уилльяма Гамильтона. Но такъ какъ дѣло идетъ о философіи исторіи, то для него нѣтъ оправданій, въ особенности когда онъ обсуждаетъ за спиной у Кузена теоріи Гегеля, и въ особенности знаменитое ученіе о великихъ людяхъ. Во-первыхъ, Кузенъ никогда не могъ понять Гегеля: онъ самъ объявилъ это. Онъ схватилъ только одну его сторону, сторону нѣсколько шар-

шарлатанскую, если мнѣ позволятъ такое богохульство. «Леру далъ мнѣ понять (то, что молодежь не понимала сама по себѣ),—говоритъ Сентъ-Бёвъ,—что для убѣжденныхъ систематиковъ наступаетъ такая злая минута, когда шарлатанство легко проскользаетъ и когда, если не быть на-сторожѣ, начинается равнодушіе къ выбору средствъ» [1]).

Въ этомъ смыслѣ и съ такой же оговоркой примѣняю я это слово къ Гегелю: я допущу даже, если хотятъ, что онъ его не сознавалъ. Но какъ бы то ни было, а Кузенъ усвоилъ себѣ только трансцендентальную галиматью учителя. Какъ и этотъ послѣдній, онъ нагромоздилъ страшныя слова: разумъ, идея и свободная воля, и удовольствовался этимъ пустозвонствомъ, не замѣтивъ весьма глубокихъ и смѣлыхъ истинъ, которыя скрываются въ сочиненіяхъ Гегеля для тѣхъ, кто ихъ умѣетъ находить.

Предпочтеніе м-ра Флинта къ Кузену происходитъ, конечно, оттого, что онъ самъ не съумѣлъ найти этихъ истинъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы настаивать (какъ это слѣдовало бы въ такой книгѣ, какъ его) на разграниченіи, проведенномъ Гегелемъ, между оригинальной исторіей и философской, онъ сообщаетъ намъ въ двухъ урокахъ, что: «по мнѣнію Гегеля, философская исторія есть то, что излагаетъ раціональное развитіе всеобщаго духа въ обществѣ. Духъ есть противоположеніе матеріи, и его сущность есть свобода, подобно тому какъ сущность матеріи есть вѣсъ и проч.»

Конечно, авторъ «Эстетики» говорилъ это: но онъ прибавилъ еще кое-что и другое. Философія исторіи, учитъ онъ насъ, есть умозрительная исторія (die denkende Betrachtung der Geschichte): «понятіе, вносимое сюда философіей, есть понятіе о разумѣ, властелинѣ вселенной и понятіе о раціональномъ ходѣ всемірной исторіи» [2]). Ни одинъ позитивистъ, не исключая и Огюста Конта, никогда не говорилъ ничего болѣе научнаго: это простона-просто формула, «законъ», замѣняющая собой Провидѣніе и случай, это исторія, возвышенная до ея настоящаго значенія, значенія позитивной науки. Называйте ее затѣмъ, если хотите, «соціальной динамикой»; противопоставляйте ее «соціальной ста-

---

1) „Les Cahiers de Sainte-Beuve" (page 50), Paris, 1876. Весьма интересный сборникъ мыслей и аксіомъ, изданный его секретаремъ, Жюлемъ Труба, который съ такой тщательностью и смысломъ печатаетъ посмертныя сочиненія своего патрона. Рѣчь идетъ о соціалистѣ Пьеррѣ Леру.

2) Hegel: Philosophie der Geschichte. Полное собраніе, 1832. IX, 12.

тикѣ» и сдѣлайте ее дополненіемъ соціологіи,—вы, быть можетъ, ее усовершенствовали, но вы ее не создали.

Конечно, ошибки и преувеличенія весьма многочисленны въ философіи исторіи Гегеля: но за то сколько въ ней и великихъ мыслей! Разумѣется, опредѣливъ, что въ исторіи вселенной было три періода, онъ называетъ третій періодъ, новѣйшій, германскимъ: но это не мѣшаетъ ему прославлять французскую революцію, какъ формулу этой третьей эпохи и вѣнецъ зданія. Конечно, онъ какъ будто слишкомъ превознесъ силу и геній: но полезно было реагировать противъ теоріи смиренія и покорности, внесенныхъ семитическимъ духомъ; конечно, онъ самъ преувеличилъ благодѣтельное вліяніе этого духа въ мірѣ арійскомъ, но никто не сознавалъ лучше ничтожество среднихъ вѣковъ, никто лучше не описалъ ослѣпленія Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда, отправившись искать живого духа въ могилѣ, она ничего не обрѣла, кромѣ могилы съ древнимъ изреченіемъ: «что ищете живого между мертвыми? Его нѣтъ здѣсь болѣе, онъ воскресъ!»

Робертъ Флинтъ, убѣжденный пресвитеріанецъ, можетъ не одобрить всего этого; онъ въ своемъ правѣ. Но, какъ критикъ, онъ обязанъ былъ выставить всѣ эти стороны философіи исторіи Гегеля, а онъ этого не сдѣлалъ. Онъ, правда, упоминаетъ тамъ-и-сямъ о «величіи» и «великихъ идеяхъ», но читатель чувствуетъ, что онъ ничему этому не вѣритъ. Онъ негодуетъ, вслѣдъ за многими другими, на знаменитую теорію о великихъ людяхъ, въ которой есть однако своя доля справедливости: она была бы понятнѣе, еслибы примѣры были лучше выбраны: Наполеонъ мѣшаетъ Александру, и еслибы вмѣсто Цезаря выставить Аристотеля, то это всѣхъ бы примирило. Но сколько школьныхъ критиковъ задѣваются жестокимъ аргументомъ ad hominem! «Нѣтъ великаго человѣка для его лакея», говоритъ мудрость народная. «Это справедливо, отвѣчаетъ Гегель, но не потому, чтобы первый не былъ великимъ человѣкомъ, а потому что второй—лакей».

«Philosophy of History» надѣлала слишкомъ много шума въ англійской печати, чтобы ее можно было пройти молчаніемъ. Характеръ, сюжетъ, обиліе матеріаловъ, о которыхъ трактуется, могли ввести въ заблужденіе: гордясь по праву современными англійскими историками, критика могла повѣрить въ появленіе новаго Бокля или Грота. Она прочитала книгу, и не желая, чтобы трудъ ея пропалъ даромъ, принимая такъ же во вниманіе великій объемъ предпринятаго труда, произвела на свѣтъ удовлетворительное число хвалебныхъ статей (за исключеніемъ «Fort-

nightly Review). М-ръ Флинтъ можетъ претендовать только на одну заслугу, и справедливость требуетъ признать ее за нимъ. Мысль представить картину философіи исторіи въ различныхъ странахъ—нова и оригинальна: онъ ее не осуществилъ, но поприще остается открытымъ для свободномыслящихъ и дѣйствительно критическихъ умовъ.

II.

1) *W. E. Gladstone:* Homeric Synchronism, or inquest into the time and place of Homer. London, Macmillan, 1876, in 8°, 284 pages.—2) *W. Lloyd:* The age of Pericles, a history of the politics and arts of Greece, from the Persian to the Peloponesian war. London, Macmillan, 1875. 2 vol. in 8°, 390 и 416 pages.—3) *R. C. Jebb:* The attic orators, from Antiphon to Isaeos. London, Macmillan, 1876. 2 vol. in 8°, 316 и 480 pages.

«Есть ли чтó прекраснѣе науки, о, мой Цицеронъ, восклицаетъ знаменитый римскій ораторъ во II-й книгѣ De officiis, обращаясь къ сыну, есть ли чтó достойнѣе вниманія людей? Изгнанный изъ управленія, я не предался горести и унынію, nec me angoribus dedidi, quibus confutus essem, не отдался удовольствіямъ, недостойнымъ философа, nec indignis homini docto voluptatibus, но принялся за занятія съ новымъ жаромъ и могъ написать и обнародовать результаты моихъ изслѣдованій».

Подобно этому и неоднократно м-ръ Гладстонъ лишался правительственныхъ должностей, orbatus Reipublicae muneribus, и какъ его знаменитый предшественникъ, искалъ въ литературныхъ занятіяхъ палліатива своимъ неудачамъ. Такимъ образомъ, въ 1858 году, по выходѣ изъ министерствъ Абердина и Пальмерстона, онъ издалъ большое сочиненіе: «Homer and the Homeric age»; въ 1869 г. «Juventus mundi», какъ-бы исправленное и сокращенное изданіе предъидущаго сочиненія. Наконецъ, въ 1874 г., послѣ пятилѣтняго царствованія, онъ издалъ полемическое религіозное и анти-католическое сочиненіе «Vaticanism» и другія статьи. Въ настоящее время намъ предлагаютъ новый трудъ о любимомъ поэтѣ знаменитаго государственнаго человѣка.

Первый пришелся очень по вкусу всѣмъ scholars вообще, но въ особенности духовнымъ лицамъ оксфордскаго университета. Эти ученые клэрки, влюбленные въ греческую литературу и въ гомерическую легенду, сознавали, конечно, трудность примирять свою страсть къ Еленѣ и Юпитеру съ обязанностями священниковъ. М-ръ Гладстонъ, истый типъ джентельмэна, въ душѣ при-

верженецъ церкви и именно High-Church, м-ръ Гладстонъ разрубилъ Гордіевъ узелъ. «Немногіе критики, — говоритъ онъ,— съумѣли найти въ гомеровскихъ поэмахъ слѣды истиннаго познанія откровенія: познанія, почерпнутаго изъ той эпохи, когда договоръ Бога съ человѣкомъ и обѣщаніе пришествія Мессіи еще не сосредоточились въ іудаизмѣ, но были болѣе или менѣе всеобщимъ сознаніемъ и составляли какъ-бы общечеловѣческое достояніе» [1]).

Это называется мессіанической теоріей. Мы съ вами въ простотѣ души полагаемъ, что Фебъ-Аполлонъ есть воплощеніе солнца, а греческій Пантеонъ, на вершинѣ Олимпа, какъ и индусскій Пантеонъ въ небесномъ селеніи Амаровати, представляютъ олицетвореніе вѣчныхъ силъ природы, мы восхищаемся ими, потому что они прекрасны, но не потому, чтобы они были согласны съ библіей—

.... le temps, où le ciel sur la terre
Marchait et respirait dans un peuple de Dieux,
Où Vénus Astarté fille de l'Onde amère,
Secouait, vierge encore, les larmes de la mère
Et fécondait le monde en tordant ses cheveux [2]).

Вздоръ все это! Аполлонъ—это «сѣмя жены»; Минерва—«предвѣчное слово», и оба, соединяясь въ Юпитерѣ, очевидно образуютъ отдаленный символъ Троицы. Любознательному читателю стоитъ только пробѣжать второй томъ сочиненія, о которомъ идетъ рѣчь, гдѣ въ главѣ «Олимпъ» м-ръ Гладстонъ изучаетъ религію гомерическихъ временъ: онъ найдетъ тамъ подробное изложеніе таинствъ «мессіанической теоріи». Съ помощью такого толкованія пасторъ англиканской церкви можетъ упиваться чтеніемъ Иліады и Одиссеи съ сладкой иллюзіей, что это не что иное, какъ дополненіе къ его молитвеннику.

Сочиненіе, озаглавленное «Juventus mundi», не что иное, какъ сокращенное и исправленное изданіе предъидущаго. Совсѣмъ другое дѣло только-что вышедшая книга, подъ заглавіемъ «Homeric Synchronism». Здѣсь вопросъ идетъ только объ одномъ пунктѣ: отечествѣ Гомера, и главное—эпохѣ его существованія. М-ръ Гладстонъ уже занимался этимъ вопросомъ: я не желаю, чтобы читатель думалъ, что всѣ три тома in-8° его большого труда посвящены единственно лишь мессіанической теоріи. Это—кульминаціонный пунктъ сочиненія, но рядомъ съ нимъ проявляется очень

[1]) Studies on Homer, by W. E. Gladstone, 3 vol. in 8°, Oxford. 1858.—t. II p. 3.
[2]) A. de Musset. «Rolla».

обширная и трезвая эрудиція, этнологическія, филологическія и другія изслѣдованія замѣчательнаго, хотя и не систематическаго ума. Что касается главнаго вопроса: существованія Гомера, то м-ръ Гладстонъ не распространяется о немъ и принимаетъ его на вѣру, какъ догматъ: вѣдь нельзя же признать дѣломъ серьёзнымъ его критику идей Вольфа и Лахманна. Поэтому понятно, что его должно было необыкновенно взволновать извѣстіе объ открытіяхъ, сдѣланныхъ недавно въ поляхъ «ubi Troja fuit», или, по крайней мѣрѣ, гдѣ предполагаютъ, что она была.

На сѣверо-западной оконечности Малой Азіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ Эгейское море сливается съ Геллеспонтомъ, глазамъ путешественника представляется равнина, между вершиной Иды и моремъ, которую преданіе освятило какъ арену битвъ, воспѣтыхъ Гомеромъ. Близъ крѣпости Кумъ-Кале, стерегущей входъ въ Геллеспонтъ, изливается Мендере, въ которомъ вся древность желала видѣть Скамандра; а въ четырехъ миляхъ оттуда, среди мѣстности, равно отдаленной отъ Геллеспонта и отъ Эгейскаго моря, возвышаются вершины Гиссарлика. Тамъ основана была въ седьмомъ столѣтіи до Р. Х. греческая колонія, принявшая названіе Иліона и такимъ образомъ увѣковѣчившая воспоминаніе о гомерическомъ градѣ, на развалинахъ котораго считали, что она построена. Таково было по крайней мѣрѣ общее мнѣніе и въ Иліонѣ. Ксерксъ и Александръ останавливались поочередно, чтобы почтить тѣни Ахилла и Гектора. За два столѣтія до христіанской эры, Деметрій Скепсисъ перевернулъ все это вверхъ дномъ и отодвинулъ Трою на 3 или 4 тысячи миль далѣе, до мѣста, называемаго нынѣ Ачи-Кіени.

Это мнѣніе было признано Страбономъ; но публика оставалась вѣрна древней традиціи, до того дня, пока одинъ французъ, Шевалье, посѣтивъ эти мѣста, изложилъ въ 1786 г. новую теорію, въ силу которой Троя отодвигалась еще на двѣ тысячи миль южнѣе, и указалъ на Бунарбаши, какъ на мѣсто, гдѣ она находилась. Почти весь ученый міръ согласился съ его мнѣніемъ, и Иліонъ Гиссарлика отнынѣ сталъ называться «Ilium novum». Однако, въ 1822 г. въ Англіи раздались возраженія: позднѣе, м-ръ Гротъ и другіе вернулись къ старинному мнѣнію, тому, что царило до Деметрія Скепсиса. Дѣло остановилось на этомъ, когда великія открытія по части филологіи и сравнительной миѳологіи стали всѣмъ поперегъ дороги, грозя низвергнуть въ область мечтаній и галлюцинацій всѣ старѣйшіе и новѣйшіе Иліоны. Найти мѣсто, гдѣ стояла Троя! какъ бы да не такъ! Отчего послѣ этого не искать мѣсто, гдѣ стояло небесное селеніе Индры? Кому не

ясно, что война троянская есть не что иное, какъ солнечный миѳъ, причемъ Елена—луна (Σελήνη), Парисъ—день, или аврора, похищающая его, откуда происходитъ борьба дня и ночи, свѣта и мрака и проч.

Странная игра случая! Въ тотъ самый моментъ, какъ всѣ эти прекрасныя женщины и герои разлетались дымомъ, одинъ предпріимчивый человѣкъ принимается рыть землю и открываетъ сокровище Пріама и головной уборъ Андромахи! да! тѣ самыя блестящія украшенія, которыя свалились у нея съ головы, когда она упала навзничь на городской стѣнѣ, при видѣ трупа Гектора; ἄμπυξ —золотой обручъ, окружавшій лобъ; ἀναδέσμη—двойную сѣтку изъ золотыхъ петель, ниспадавшую по обѣимъ сторонамъ лица [1]). И если не нашли покрывала, то потому, что оно состояло изъ тонкой ткани, которая не могла противостоять, какъ предъидущія вещи, дѣйствію пламени. Я тѣмъ болѣе сожалѣю объ этомъ, что послѣдній былъ подаренъ Андромахѣ самой Венерой, по случаю ея бракосочетанія съ Гекторомъ: я съ своей стороны всегда вѣрилъ въ «мать амуровъ» и былъ бы вѣчно благодаренъ д-ру Шлиману, еслибы онъ представилъ намъ это доказательство ея существованія. Тѣмъ болѣе, что съ того дня, какъ добрый рыцарь Тангейзеръ, обрѣтя богиню въ гротѣ, въ которомъ она обитаетъ въ лѣсахъ Германіи, имѣлъ глупость покинуть ее, чтобы идти въ Римъ, къ папѣ,—никто больше не могъ найти дороги къ горѣ Венеры.

Какъ бы то ни было, всѣмъ извѣстно, какія ожесточенные споры повлекло за собой открытіе д-ра Шлимана. Вотъ что выяснилось окончательно. Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, какъ-то: въ Бунарбаши, Ачи-Кіени, Шиблакѣ производились тщательныя раскопки, но не привели къ открытію никакихъ остатковъ. Напротивъ того, въ Гассарликѣ настойчивый изслѣдователь нашелъ не менѣе пяти пластовъ, лежащихъ одинъ на другомъ и заключающихъ остатки различныхъ городовъ или, по крайней мѣрѣ, различныхъ цивилизацій. Въ четвертомъ слоѣ (второмъ съ низу) открыто было такъ-называемое сокровище Пріама и, сверхъ того, множество различныхъ вазъ, и между прочими замѣчательными вещами, пропасть мелкихъ предметовъ, грубо отдѣланныхъ и изображавшихъ голову совы; въ нихъ д-ръ Шлиманъ не задумался признать «Θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη» — богиню съ лицомъ *совы*. Старые университетскіе педанты, переводившіе доселѣ «голубоокая Минерва» совсѣмъ озадачились; но какъ бы то ни было,

[1]) См. „Trojanische Alterthum", von D-r Schliemann. Leipzig, 1874, in-8, passim.

а не слѣдуетъ упускать изъ виду мнѣніе Эмиля Бюрнуфа объ этомъ предметѣ.

Этотъ ученый [1]), въ компетентности котораго никто, конечно, не станетъ сомнѣваться, пытался доказать въ своей книгѣ объ «Аѳинской легендѣ», что *Аѳина* была первоначально свѣтлолицей авророй. Слово *glaukopis* выражало эту идею. Позднѣе то же самое слово стало обозначать: «съ совинымъ лицомъ». Впрочемъ, д-ръ Шлиманъ не проглядѣлъ аналогіи и, напирая на эпитетъ βοῶπις, прилагаемый къ Юнонѣ, поставилъ себѣ задачей отыскать въ Микенахъ «идоловъ» этой богини съ бычачьими головами. Фактъ тотъ, что онъ уже нашелъ тамъ если не идоловъ этой богини, то по крайней мѣрѣ фигурки, изображающія быковъ.

Съ другой стороны, Максъ Мюллеръ и Ленорманъ замѣтили, что предметы, найденные въ знаменитомъ четвертомъ слоѣ въ Гассарликѣ относятся къ эпохѣ, гораздо отдаленнѣйшей вообще, чѣмъ та, когда могла быть троянская война. Эти интересные остатки сравнивали съ древностями, открытыми недавно на островѣ Кипрѣ: оказалось почти несомнѣннымъ, что тѣ и другіе принадлежатъ къ періоду *до-эллинскому* и даже *до-историческому*. Замѣтимъ, впрочемъ, что нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы въ эту отдаленную эпоху происходила война между народами Троады и народами Греціи. Толкуютъ про Индію и фантастическія поэмы Магабхараты и Рамайяны. Но вѣдь существуютъ также и карловингскіе романы, и пѣсня о Роландѣ. Ужъ, конечно, племянникъ Карла Великаго никогда не разсѣкалъ скалы на-двое своей шпагой Дюрандаль, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Карлъ Великій разбилъ на-голову саксонцевъ Витикинда и былъ коронованъ и провозглашенъ императоромъ западной имперіи. Весьма возможно, что была троянская война; но несомнѣнно, что герои Гомера такъ же мало походятъ на настоящихъ ея воиновъ, какъ *неистовый Орландъ* Аріоста походитъ на воина IX-го вѣка.

Не такъ смотритъ на дѣло Гладстонъ. Увлекаясь своей дорогой идеей о древности гомерическихъ поэмъ, онъ жадно набрасывается на предметы, открытые д-ромъ Шлиманомъ, и ставитъ себѣ слѣдующихъ два вопроса: 1) составляютъ ли эти матеріалы одно цѣлое? 2) соотвѣтствуютъ ли они даннымъ поэмы? (Homeric Synchronism, p. 32). На эти вопросы онъ отвѣчаетъ утвердительно и, опираясь на нѣкоторыя надписи и открытія въ области египтологіи, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые я

---

[1]) См. его статью „Troie et les fouilles faites en Troade“ въ „Revue des Deux Mondes“, отъ 1 января 1874 г.

формулирую, основываясь на различныхъ данныхъ, не безъ труда извлеченныхъ мною изъ различныхъ главъ его книги.

Троянская война есть дѣйствительное событіе, происходившее около 1306 г. до Р. Х. Авторъ (или если непремѣнно этого хотятъ, авторы) Иліады и Одиссеи жилъ въ эпоху довольно близкую къ войнѣ, навѣрное до вторженія въ Пелопоннезъ дорійцевъ, и самое большое—лѣтъ сто спустя послѣ осады [1]).

У меня не хватаетъ времени, чтобы пуститься въ споръ: я не думаю, впрочемъ, чтобы аргументы Гладстона могли убѣдить хоть кого-нибудь. Чтеніе его книги утомительно, какъ и другихъ плодовъ его эрудиціи: весь этотъ матеріалъ распредѣленъ по нумерамъ и снабженъ этикетками, а между тѣмъ въ немъ недостаетъ порядка и плана и безпрестанно попадаются повторенія. Съ другой стороны, въ книгѣ найдется не одна интересная и поучительная страница для того, кто дастъ себѣ трудъ въ ней порыться. Наконецъ, она является новою данью удивленія къ ученому изслѣдователю, который, если и не нашелъ сокровища Пріама, за то открылъ новую и неисчерпаемую область для антрополога и историка...

Мода рѣшительно обратилась на изученіе Греціи, и я полагаю, что нѣтъ основаній на это жаловаться. Сюжетъ этотъ кажется избитымъ, а между тѣмъ по поводу его можно высказать много новыхъ взглядовъ. Гротъ показалъ примѣръ, но онъ не могъ рѣшить всѣхъ задачъ, хотя и указалъ, какого пути слѣдуетъ держаться для ихъ успѣшнаго разрѣшенія. Многіе введены въ заблужденіе ложнымъ представленіемъ о древнемъ мірѣ, который постоянно противопоставляютъ новѣйшему. Многіе полагаютъ, что древнее общество было несовершенно и что добродѣтели появились у людей только съ основанія Византійской имперіи. За греками признавали патріотизмъ, но утверждали, что братская любовь, сыновняя и супружеская преданность, словомъ—всѣ семейныя добродѣтели составляютъ привилегію новѣйшихъ народовъ. Восторгаясь Ифигеніей Расина, Корделіей Шекспира и Полиной Корнеля, забывали про Антигону, умирающую за то, что погребла отца, забывали Порцію, умирающую потому, что не могла пережить Брута, забывали про возвышенный и неподражаемый типъ супружеской вѣрности, который Эврипидъ обезсмертилъ въ Альцестѣ.

М-ръ Ллойдъ обладалъ всѣми нужными качествами, для того, чтобы реагировать противъ рутиннаго взгляда. Онъ художникъ, и

---

[1]) См. главнымъ образомъ стр. 10, 134, 148, 201.

изучилъ и анализировалъ Шекспира, Микель-Анжело. Онъ издалъ цѣлый трактатъ о Рафаэлѣ [1]). Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ историкъ: онъ написалъ «History of the Sicily» до войны съ Аѳинами. Въ настоящее время онъ предпринялъ разсказать намъ «Вѣкъ Перикла» отъ персидской войны до войны пелопонезской; или, говоря съ его точностью: исторію событій, совершившихся въ періодъ отъ 480 по 431 г. до Р. X. Намѣреніе его заключается въ томъ, чтобы пополнить пробѣлъ между исторіей Геродота, оканчивающейся на персидскихъ войнахъ, и исторіей Ѳукидида, начинающейся съ пелопонезской войны. Свѣдѣнія относительно этого періода времени неполны и разбросаны; но это не останавливаетъ автора. «Потому что,—замѣчаетъ онъ,—если захотѣть черезчуръ скептически относиться къ фактамъ и заносить только тѣ, въ достовѣрности которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія и избѣгать всякой индукціи, то въ результатѣ окажется вѣчное сомнѣніе и неувѣренность. Даже очевидцы порою невольно обманываютъ насъ, и приходится критически относиться къ ихъ показаніямъ».

Это вполнѣ справедливо, но не слѣдуетъ также впадать въ противоположную крайность, а это, къ несчастію, случилось съ м-ромъ Ллойдомъ. Ему предстояло трактовать о трехъ главныхъ пунктахъ: политикѣ, литературѣ и искусствахъ. Относительно первой онъ повторяетъ 46 и 47-ю главы Грота и ничего не говоритъ намъ новаго. Часть, посвященная искусствамъ, оригинальнѣе, хотя мало прибавляетъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, что̀ даетъ Курцій. Однако съ интересомъ читается глава 22-я, посвященная Полигноту, и главы 30-я и 31-я, гдѣ идетъ рѣчь о греческой музыкѣ, хотя авторъ и не разрѣшилъ этого вопроса, какъ это думаетъ, повидимому.

Но самой оригинальной, и на мой взглядъ самой неудачной частью является та, гдѣ говорится о литературѣ, а главное — о греческомъ театрѣ. По мнѣнію м-ра Ллойда, всѣ *chefs-d'oeuvre* трагической музы суть не что иное, какъ намеки на современные политическіе факты. Такимъ образомъ, критики ломаютъ голову, чтобы разобрать смыслъ «Прометея». Ничего нѣтъ проще, это политическій намёкъ! Прометей не кто иной, какъ Ѳемистоклъ, изгнанный и удалившійся въ Аргосъ, какъ это доказываетъ слѣдующій стихъ, который говоритъ Вулканъ прикованному имъ Титану:

«О! знаменитый сынъ справедливой Ѳемиды»

(Стихъ 18).

1) Philosophy, Theology and Poetry in the age and the art of Rafael. London. 1867.

Тутъ все сказано, даже самое имя (*terms, that seem to indicate Themistocles almost by name*, t. I, p. 330). Совершенно вѣрно, что «Θемида» страхъ какъ похожа на «Θемистокла», и что поэтъ могъ бы назвать другую богиню, но выводъ автора очень странный, чтобы не сказать болѣе.

То же самое и объ «Орестѣ». Что Эсхилъ могъ желать защитить ареопагъ—это возможно: но, чтобы онъ сочинилъ свою великолѣпную трилогію съ этою цѣлью — вотъ что́ уже совсѣмъ невѣроятно. Не стану спорить съ C. O. Мюллеромъ, что поэтъ желалъ выставить въ яркомъ свѣтѣ союзъ между Аѳинами и Аргосомъ. Но когда м-ръ Ллойдъ проводитъ параллель между Агамемнономъ и спартанцемъ Павзаніемъ, главой, какъ и «король королей», всѣхъ силъ Греціи, какъ онъ, побѣдоносный на чужбинѣ и какъ онъ, умерщвленный на родинѣ—тутъ я отказываюсь слѣдовать за нимъ въ такія дебри. Я вижу въ «Орестѣ» дивную драму, въ которой людскія страсти развиваются съ той страшной и необходимой логикой, которую древніе олицетворяли подъ именемъ «Рока», и убѣжденъ, что, вкладывая въ уста Клитемнестры великолѣпныя проклятія, слѣдующія за смертью Агамемнона, Эсхилъ такъ же мало думалъ о союзѣ съ Аргосомъ и Павзаніѣ, какъ о султанѣ турецкомъ. Вотъ это то самое, что́ французы зовутъ: «chercher la petite bête»; не знаю, зачѣмъ м-ръ Ллойдъ заимствовалъ у профессіональныхъ буквоѣдовъ этотъ мелочной взглядъ на вещи и портитъ, такимъ образомъ, свою несомнѣнную ученость. Прибавимъ къ этому, что слогъ его тяжелъ и запутанъ, что рѣчь его не всегда понятна. Одинъ критикъ похвалилъ, какъ хорошее качество, «неопредѣленность» выраженій, которая, по его мнѣнію, заставляетъ размышлять и подсказываетъ новыя идеи. Авторъ хорошо сдѣлаетъ, если откажется отъ этого качества, которое въ глазахъ массы читателей не перестанетъ быть недостаткомъ.

Послѣ Гомера, послѣ Перикла и какъ-бы въ дополненіе къ картинѣ прекраснѣйшихъ временъ Греціи, мы имѣемъ «Attic orators» м-ра Джебба, ученаго профессора греческаго языка въ университетѣ Гласго. Его книга несомнѣнно самая полная и самая интересная изъ трехъ вышеупомянутыхъ сочиненій. У нея одинъ только недостатокъ: она вышла послѣ книги Бласа [1]), послѣ котораго его преемникамъ почти нечего дѣлать. Во Франціи также есть книга Жоржа Перро: «L'Éloquence politique et judi-

1) *Die Attische Beredsamkeit von Gorgias bis zu Lysias*. Leipzig. 1868. *Isocrates und Isaeos*. 1874.

ciaire à Athènes» [1]). Но, конечно, почему же и Англіи не имѣть своего собственнаго изслѣдованія, и надо благодарить автора за то, что онъ съумѣлъ быть оригинальнымъ и интереснымъ, послѣ своихъ двухъ предшественниковъ.

«Я взялся, — говоритъ ученый профессоръ, — изслѣдовать жизнь, слогъ и сочиненія Антифона, Андокида, Лисія, Исократа и Исея: я хочу показать, какъ развивалось греческое краснорѣчіе и какъ впослѣдствіи выработалась проза, съ того момента, какъ стала настоящимъ искусствомъ, до того, когда органическія силы аттическаго языка дошли до своей зрѣлости, и его судьбы перешли изъ рукъ изобрѣтателей въ руки тѣхъ, кто долженъ былъ увѣнчать его совершенство или «ознаменовать его паденіе» (Вступленіе, p. LXVIII). Цѣль автора вполнѣ выяснена въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ и можно утверждать, что онъ ее достигъ. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что пропущенъ Ѳукидидъ; хотя онъ и не принадлежитъ къ группѣ ораторовъ, но высокое мѣсто, занимаемое имъ въ развитіи аттической прозы, заслуживало, чтобы авторъ отвелъ ему нѣсколько страницъ.

За исключеніемъ этого, книга даетъ то, что обѣщаетъ. Историческая часть достаточно разработана, а что касается технической, такъ сказать, стороны труда, то она почти совершенна. Никто не читаетъ Андокида или Исея: м-ръ Джеббъ отлично даетъ намъ понять характеръ ихъ произведеній, тѣ качества, которыми восхищались ихъ современники. Онъ самъ краснорѣчиво описываетъ намъ прелесть, грацію, обаяніе рѣчей Лисія. Онъ разбираетъ всѣ его важнѣйшія рѣчи, и этотъ разборъ будетъ неоцѣненнымъ подспорьемъ для scholar'а, желающаго изучить греческаго оратора въ подлинникѣ. И можно только пожалѣть, что переводы отрывковъ—надо сказать, превосходные—не приведены въ бóльшемъ числѣ. Есть между ними превосходный отрывокъ изъ Лисія, вполнѣ характеризующій его талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дающій вѣрное понятіе о внутренней жизни и нравахъ аѳинянъ въ IV-мъ столѣтіи до Р. Х. Это рѣчь, составленная Лисіемъ въ защиту нѣкоего Эѳилета, обвиненнаго въ убійствѣ Эратосѳена, любовника своей жены, захваченной имъ flagrante delicto. Извѣстно, что самъ обвиненный долженъ былъ защищать себя; онъ довольствовался тѣмъ, что читалъ защитительную рѣчь, составленную Logographos'омъ, тогдашнимъ адвокатомъ; и убійца Эратосѳена говорилъ слѣдующее, разсказывая,

[1]) Première partie: *Les Précurseurs de Demosthènes*. Paris. 1873.

что жена его была вполнѣ цѣломудренна и лучшая женщина въ мірѣ до того дня, какъ познакомилась съ названнымъ лицомъ:

«Я долженъ вамъ сказать, о, аѳиняне!—продолжаетъ онъ, обращаясь къ судьямъ,—что въ моемъ маленькомъ домѣ два этажа. У насъ родился ребенокъ, и мать стала кормить его, а изъ боязни, чтобы она не упала съ лѣстницы, отправляясь его купать, я помѣстился наверху, женщины же расположились внизу. Вскорѣ это обратилось въ привычку, и зачастую жена моя ходила спать внизъ, къ ребенку, чтобы кормить его грудью и не давать кричать. Такъ шли дѣла въ теченіи долгаго времени, и я не питалъ ни малѣйшаго подозрѣнія: я былъ такъ наивенъ, что думалъ, что обладаю самой добродѣтельной женой изъ всѣхъ аѳинянокъ. Однажды я вернулся изъ деревни неожиданно; послѣ ужина ребенокъ началъ кричать безостановочно: его мучила служанка, чтобы заставить плакать, какъ я узналъ впослѣдствіи. Человѣкъ этотъ былъ внизу, а я пригласилъ жену сойти внизъ покормить ребенка и унять его плачъ. Она сначала отказывалась, говоря, что слишкомъ рада моему возвращенію. Но такъ какъ я настаивалъ: «ты хочешь, сказала она мнѣ, побаловаться съ маленькой служанкой, какъ въ тотъ день, когда ты былъ пьянъ и взялъ ее за талію!» Я разсмѣялся, а жена моя встала и какъ-бы шутя заперла за собой дверь и унесла ключъ. А я, не подозрѣвая ни о чемъ, уснулъ сномъ праведнымъ, утомясь ѣздой по полямъ. На разсвѣтѣ она вернулась и на мой вопросъ, почему ночью хлопали дверью, отвѣчала, что у ней погасла лампа и она ходила зажигать ее къ сосѣдямъ. Я замолчалъ и на-слово повѣрилъ ей. Мнѣ показалось, правда, что лицо у ней разрумянено, хотя не прошло и мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ея братъ: но я не нашелъ нужнымъ говорить ей объ этомъ и молча ушелъ».

Не правда ли, что это очаровательно и выхвачено изъ самой жизни? не правда ли, что это какъ будто случилось вчера? Съ другой стороны, какія обстоятельныя подробности изъ семейной жизни! Какія заботы, какія предосторожности принимаются ради baby: такихъ не берутъ и въ англійской nursery! Правда, что тутъ же видишь и обратную сторону медали, но что за важность! «Фру-фру» не уступитъ m-me Эѳилетъ, и въ настоящее время не рѣдкость встрѣтить мужей, судимыхъ за убійство своихъ Эратосѳеновъ. Однако, аѳинскій убійца, убившій любовника жены въ собственномъ домѣ, оскорбленный мужъ долженъ отстаивать свою голову, которой грозитъ месть родственниковъ жертвы, и для защиты себя прибѣгать къ таланту Лисія. А въ современ-

номъ обществѣ, превосходящемъ, говорятъ намъ, по своей цивилизаціи, общество аѳинское, намъ проповѣдуютъ убійство виновной жены и не только у домашняго очага, но во всякомъ мѣстѣ, гдѣ ее удастся настичь, на улицѣ, у любовника, на общественной площади: это не женщина, это самка, и какая самка! самка Каина, обезьяна изъ страны звѣрей: преслѣдуй ее, какъ собаку и «Tue-la!» [1]). Такъ вѣщаетъ Александръ Дюма-сынъ, считающійся римскимъ католикомъ и похваляющійся этимъ, и предающій анаѳемѣ Гёте, какъ язычника, и пользующійся славой отца, чтобы проповѣдывать въ плохихъ пьесахъ двусмысленную мораль. Нѣтъ! лучше вернуться къ аѳинскимъ порядкамъ!

То, на что я указываю здѣсь съ точки зрѣнія частной нравственности, м-ръ Джеббъ отлично выяснилъ съ точки зрѣнія политической и общей, раздѣляя въ этомъ отношеніи справедливыя идеи Фримана [2]). Въ общемъ смыслѣ, ораторъ есть до нѣкоторой степени продуктъ публики: и можно быть увѣреннымъ, что народъ, передъ которымъ говорили Лисій и Демосѳенъ, былъ первымъ въ мірѣ. Политическое воспитаніе было совершеннѣе въ Аѳинахъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, потому что всѣ государственныя полномочія сосредоточивались въ общемъ собраніи гражданъ, которымъ принадлежала законодательная, исполнительная и судебная власть. «Слава аттическаго краснорѣчія,—прекрасно говоритъ авторъ,—заключается не только въ его внутреннемъ достоинствѣ, но еще и въ томъ фактѣ, что она показываетъ намъ политическій смыслъ корпораціи, къ которой было обращено. Ораторы, говорили ли они передъ собраніемъ, обсуждавшемъ миръ или войну, или передъ трибуналомъ, занятымъ частнымъ процессомъ, или же передъ смѣшаннымъ обществомъ аѳинянъ и иностранцевъ, на какомъ-нибудь общественномъ праздникѣ,—всегда и вездѣ обращались къ аѳинскому демосу, всегда и вездѣ говорили передъ народомъ, въ самомъ дѣлѣ самодержавномъ и научавшимся ежедневной практикой искуству мыслить и разсуждать».

---

[1]) См. „L'Homme-Femme". Paris. 1872. „La femme de Claude (и главное—предисловіе). Paris. 1873.

[2]) Comparative Politics. См. критику этого произведенія въ 2-мъ письмѣ: „Вѣстникъ Европы", іюль, 1875.

III.

1) The Life and Letters of Lord Macaulay, by his nephew G. Trevelyan. London, Longmans, 1876. 2 vol. in 8°, 475 et 400 pages.—The life of John Temple Viscount Palmerston. London. R. Bentley. 1876. 2 vol. in-8°.

Если когда-либо существовалъ счастливый человѣкъ, популярный писатель, симпатичный въ своемъ отечествѣ всѣмъ классамъ, ремесленнику, какъ и маркизу,—и всѣмъ національностямъ на чужбинѣ, то это несомнѣнно талантливый историкъ Іакова II и Вильгельма III. Королева сдѣлала его пэромъ Англіи, и его собраты палаты лордовъ приняли пришельца съ распростертыми объятіями, сознавая, что своимъ присутствіемъ онъ оживляетъ славу ихъ древнихъ гербовъ. Съ другой стороны разсказываютъ, что одинъ крупный промышленникъ вздумалъ читать своимъ рабочимъ исторію Іакова II, и они положили послать депутацію благодарить Маколея за то, что онъ написалъ трактатъ исторіи, доступный пониманію рабочаго люда. Онъ былъ превознесенъ заживо, и моментъ его смерти послужилъ сигналомъ новыхъ взрывовъ энтузіазма. Въ настоящее время, спустя двадцать лѣтъ послѣ того, весьма значительная книга впервые подвергаетъ повѣркѣ его великую славу. Весь Лондонъ занимается двумя интереснѣйшими томами біографіи и писемъ, изданныхъ м-ромъ Тревильяномъ, племянникомъ автора, тоже политическимъ дѣятелемъ и замѣчательнымъ писателемъ. Уже грѣшныя руки растаскиваютъ лавры, собранные на его могилѣ, и нѣкоторые изъ нихъ унесены безвозвратно. Книга вышла слишкомъ недавно—всего какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ, — поэтому невозможно сдѣлать окончательнаго вывода. Печать не вполнѣ еще высказалась: она только успѣла произнести рѣшительное сужденіе о самомъ біографѣ, который, по мнѣнію всѣхъ, обладаетъ всѣми необходимыми качествами: ясностью и точностью. Поэтому, успѣхъ его книги громадный; прибавьте къ этому, что она содержитъ довольно большое число писемъ Маколея, котораго отнынѣ можно изучить со всѣхъ сторонъ.

Извѣстно, что знаменитый историкъ родился въ 1800 г. Отецъ его былъ пуританинъ, поборникъ освобожденія негровъ и филантропъ. Научныя теоріи о наслѣдственности могутъ найти себѣ подтвержденіе въ данномъ случаѣ: мы можемъ прослѣдить здѣсь три поколѣнія съ такими же точными и достовѣрными подробностями. Дѣдъ и прадѣдъ, шотландцы и пуританскіе священники, повидимому пользовались нѣкоторой славой, какъ хорошіе

проповѣдники. Первый изъ нихъ, которому посчастливилось столкнуться съ Джонсономъ, упоминается, правда, не въ очень лестныхъ выраженіяхъ біографомъ Джонсона, Босвеллемъ. Маколей былъ изъ числа скороспѣлыхъ дѣтей. Въ три года онъ читалъ съ жадностью и проявлялъ изумительную память. Родители его жили въ одномъ изъ предмѣстьевъ Лондона, называемомъ Clapham, расположенномъ на правомъ берегу Темзы. Ребенокъ Маколей устроилъ себѣ садикъ и обвелъ его оградой изъ устричныхъ раковинъ, которыя въ одинъ прекрасный день одна молодая дѣвушка вздумала раскидать. Послѣ этого ребенокъ побѣжалъ въ гостиную, гдѣ были гости, и закричалъ торжественнымъ голосомъ: «Да будетъ проклята, Салли», ибо въ писаніи сказано: «да будетъ проклятъ тотъ, кто перемѣститъ межевой знакъ съ поля сосѣда» То было началомъ тѣхъ библейскихъ, пикантныхъ намёковъ, которые впослѣдствіи попадались такъ часто у писателя. Надо сказать, что мать его была дочерью квакера: однако, она была, какъ кажется, довольно веселаго нрава, и Маколей утверждалъ, что отъ нея заимствовалъ свое «добродушіе» (t. 1, п. 21).

Онъ довольно блистательно окончилъ курсъ наукъ въ Кембриджѣ, несмотря на полнѣйшую неспособность къ математикѣ. Ему удалось однако завоевать «fellowship», и это было для него большимъ счастіемъ: стипендія, связанная съ этой степенью, оказалась очень кстати въ виду разстройствъ дѣлъ его отца, разореннаго частію своимъ аболиціонистскимъ рвеніемъ. Въ 1826 г. статья его о Мильтонѣ въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» привлекла вниманіе, и четыре года спустя лордъ Ланддоунъ провелъ его въ члены парламента представителемъ одного мѣстечка, подчиненное его вліянію. Вступивши въ палату, въ тотъ моментъ, когда всѣ умы были въ броженіи по случаю «Reform Bill», онъ вскорѣ пріобрѣлъ общую симпатію своими рѣчами, и всѣ знатные дома партіи виговъ раскрыли передъ нимъ свои двери. 32-хъ лѣтъ отъ роду, онъ уже былъ знаменитъ и вкушалъ первыя радости той неизмѣнно счастливой жизни, какая ему выпала на долю.

«М-ръ Маколей, сказала ему однажды лэди Линдгорстъ, вы совсѣмъ не такой, какимъ я васъ воображала. Я думала, что вы смуглый и худощавый, а вы бѣлокурый и, право, м-ръ Маколей, вы толстый». И въ самомъ дѣлѣ, біографъ описываетъ его какъ небольшого роста человѣчка, не отличавшагося правильностью чертъ, но лицо котораго выражало большой умъ, съ примѣсью веселости. За столомъ онъ былъ очень эффектенъ: но какъ скоро вставалъ, его находили низенькимъ и приземистымъ. Онъ худо одѣвался, говоритъ м-ръ Тревильянъ, но не дешево. Другими сло-

вами, онъ былъ однимъ изъ такихъ нескладныхъ людей, которыхъ самый модный портной не въ силахъ изящно одѣть. Неловкость его была несравненна. Онъ носилъ обыкновенно черныя лайковыя перчатки, и никогда не умѣлъ хорошенько надѣть ихъ. Во время своего пребыванія въ Индіи онъ порѣзалъ себѣ однажды руку и долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи цирюльника, чтобы обриться. Когда операція была окончена, онъ спросилъ у него, сколько ему слѣдуетъ за трудъ?—«О! сударь, отвѣчалъ цирюльникъ, дайте, сколько вы даете тому, кто вась обыкновенно брѣетъ». «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Маколей, я долженъ былъ бы васъ надѣлить большими рубцами на обѣихъ щекахъ» (t. 1, p. 119).

Вотъ по части наружности. Что касается нравственныхъ качествъ, то Маколей по преимуществу человѣкъ семейственный, приверженецъ жизни мирной и беззаботной, а главное—чуждой страстей. Онъ любилъ въ жизни только двухъ женщинъ: своихъ сестеръ; онъ обожаетъ дѣтей... но чужихъ. Часть своего досуга онъ посвящаетъ на то, чтобы водить племянниковъ и племянницъ осматривать музей, и посѣщать съ ними соборные города Англіи (cathedral-town). Это послѣднее путешествіе ежегодно повторялось на Святой недѣлѣ; во вторникъ на Святой пускались въ путь, а возвращались въ слѣдующій понедѣльникъ. Въ теченіи двадцати лѣтъ они посѣтили почти всѣ соборы Англіи и Уэльса (t. II, p. 213). Къ концу жизни у него осталась только одна сестра, леди Тревильянъ, мать біографа; и въ 1839 г., въ январѣ мѣсяцѣ, такъ какъ м-ръ Тревильянъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Мадрасъ, всей семьѣ пришлось готовиться къ отъѣзду въ Индію, и Маколей былъ крайне огорченъ этимъ, какъ это доказываетъ выписка изъ его дневника:

«Іюль, 1839.—Письмо отъ Анны (леди Тревиліанъ): печальное и ласковое. Я отвѣчалъ ей. Есть удовольствіе даже въ такомъ сильномъ горѣ: оно диктуетъ перу такія нѣжныя выраженія, какихъ не придумаешь въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни. Но горе очень горько. Меня навѣстилъ герцогъ Аргайль и оставилъ мнѣ корректуры новой поэмы Теннисона. Она мнѣ очень нравится, несмотря на нѣкоторые недостатки. Разлука Ланцелота съ Гвиниверой, прощаніе Артура вполнѣ трогательны. Я плакалъ надъ нѣкоторыми мѣстами: но у меня теперь «глаза на мокромъ мѣстѣ», какъ говоритъ Медея» (t. II, p. 470).

Эти строки очень трогательны. Жаль только, что рѣчь идетъ не о настоящей семьѣ, не объ его собственной женѣ и родныхъ дѣтяхъ. Такая привязанность отзывается какъ-то привязанностями

старой дѣвы: она искусственна и менѣе интересна. И вдобавокъ— это единственный проблескъ чувства въ обоихъ двухъ томахъ!

Умъ у него, очевидно, блестящій и высшаго качества. Но и тутъ опять сколько пробѣловъ! Главнымъ его качествомъ является память. Онъ читалъ пропасть романовъ, между прочимъ Ричардсона, и хвалится, что можетъ наизусть переписать всего Чарльса Грандиссона! Для своихъ статей онъ не трудился переписывать замѣтки и документы, и хотя ему приходилось прочитывать массу матеріала, онъ полагался при этомъ только на свою память. Позднѣе, онъ измѣнилъ эту методу, когда писалъ свою исторію. Другая подробность: во время своего пребыванія въ Индіи онъ снова занялся изученіемъ классиковъ.

«Въ послѣдніе тринадцать мѣсяцевъ,—пишетъ онъ отъ 30-го ноября 1834 г. — я прочиталъ Эсхила два раза, Софокла два раза, Эврипида одинъ разъ; Пиндара два раза; Каллимаха, Аполлонія Родосскаго, Квинта Калабера, Теокрита два раза; Геродота, Ѳукидида, почти всего Ксенофонта, почти всего Платона; «Политику» Аристотеля, жизнеописанія Плутарха, половину Лукіана; двѣ или три книги Атенея; Плавта, Теренція и Лукреція два раза; Катулла, Тибулла, Проперція, Лукана, Стація, Силія Италика, Тита-Ливія, Веллія Патеркула, Саллюстія, Цезаря и, наконецъ, Цицерона. По правдѣ сказать, я еще не дочиталъ Цицерона, но кончу его въ нѣсколько дней» (t. II, p. 441).

Послѣдняя черта восхитительна; нельзя сомнѣваться, онъ все это прочиталъ, и въ какихъ-нибудь тринадцать мѣсяцевъ. Нельзя только не пожалѣть, что такой трудъ не далъ иного результата, кромѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній о томъ или иномъ классическомъ писателѣ въ его письмахъ. Но, съ другой стороны, интересно сличить это мѣсто съ отрывкомъ изъ дневника его сестры:—«30 марта, 1831 г.—Томъ (Томасъ Маколей) только-что ушелъ отъ меня,—пишетъ она, — послѣ интересной бесѣды. Онъ говорилъ мнѣ о своей неудержимой склонности къ фланёрству. Она бы погубила меня, еслибы у меня не было царя въ головѣ» (t. I, p. 183).

Эти два факта, на мой взглядъ, отлично вяжутся другъ съ другомъ. Умный и талантливый человѣкъ, въ теченіи тринадцати мѣсяцевъ безостановочно читающій Стація, Аполлонія Родосскаго, Силія Италика, два раза Плавта, два раза Теренція etc. (зачѣмъ два раза?) — этотъ человѣкъ, по моему мнѣнію, предается несомнѣнно особаго рода фланёрству, хотя и выходящему изъ ряда вонъ. Тѣ, кто знаютъ по опыту разницу, существующую между изученіемъ и производствомъ, легко поймутъ меня. Не то, чтобы

я хотѣлъ упрекнуть Маколея за такое употребленіе времени: я указываю только на этотъ фактъ, какъ на такой, который характеризуетъ его. Мнѣ возразятъ, пожалуй, что это чтеніе могло содѣйствовать образованію слога; хотя, спрашивается, съ какой стороны могли усовершенствовать его Стацій или Силій Италикъ? Конечно, такое чтеніе не могло оставаться вполнѣ безслѣднымъ: умъ его проникался тѣмъ духомъ, къ которому его естественно влекло; слогъ Ксенофонта, котораго онъ осыпаетъ постоянными похвалами, отражается до нѣкоторой степени на его произведеніяхъ. Съ другой стороны, я готовъ приписать этому продолжительному общенію съ римскими писателями то, что я назову *латинско-галльскимъ* складомъ его рѣчи. Извѣстно, что англійскій словарь содержитъ столько же словъ латинскаго корня, какъ и саксонскаго; прочитайте библію, Шекспира и Теннисона, и вы ни слова не поймете, если только не владѣете въ совершенствѣ англійскимъ языкомъ. Напротивъ того, французъ, итальянецъ или русскій, знающій латинскій языкъ, легко будетъ читать Маколея послѣ самаго поверхностнаго знакомства съ англійскимъ языкомъ. Всякій разъ, какъ представляется два слова для выраженія одной и той же мысли, одно англо-саксонское, другое латинское, Маколей избираетъ послѣднее. Вотъ почему чтеніе его такъ пріятно и легко для иностранца, только-что познакомившагося съ языкомъ Мильтона.

Таковъ человѣкъ; таковы элементы, изъ которыхъ онъ составилъ свою исторію Англіи. Первый томъ появился въ концѣ 1848 г. Успѣхъ былъ громадный. Онъ только-что вернулся къ частной жизни, будучи забаллотированъ на выборахъ 1847 г. городомъ Эдинбургомъ: успѣхъ книги скоро заставилъ его позабыть политическую неудачу. И дѣйствительно, ничего подобнаго не было видано: это было какое-то безуміе, бредъ. И такъ длилось до конца.

«Лонгманъ (издатель) приходилъ, — пишетъ онъ въ февралѣ 1856 г.—Надо печатать новое изданіе: это изумительно. Двадцать шесть тысячъ экземпляровъ продано въ 10 недѣль! Я не удивлюсь, если литература принесетъ мнѣ въ этотъ годъ тысячъ двадцать фунтовъ стерлинговъ». И дѣйствительно, нѣсколько дней спустя Лонгманъ принесъ ему чэкъ на 20,000 фунтовъ стерлинговъ. Пріятно писателямъ вообще, а англійскимъ въ особенности, узнать, что ихъ перо можетъ доставить имъ такое быстрое обогащеніе. Но только малю избранныхъ... И вслѣдъ за этимъ онъ бѣжитъ къ сестрѣ, радуется вмѣстѣ съ племянниками и племянницами, и перечитываетъ въ пятнадцатый разъ исторію Геродота и Ѳукидида.

Такъ протекала жизнь Маколея, вѣчно спокойная, чуждая всякихъ тревolненій. У него была только одна страсть, да и то историческая, ретроспективная. Это страсть къ революціи 1688 г. Будучи дѣйствующимъ лицомъ въ различныхъ перипетіяхъ Reform Bill, онъ посвятилъ ему всего одну или двѣ восторженныхъ страницы. Да и тутъ онъ кажется холоднымъ и натянутымъ, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ своихъ произведеніяхъ, за немногими исключеніями.

«Новый годъ, — пишетъ онъ, отъ 1-го января 1856 г. — Я счастливъ съ точки зрѣнія славы, богатства, семейныхъ привязанностей,—я счастливѣйшій изъ людей (most eminently so). Съ этой стороны мнѣ нечего желать; что касается моего здоровья, то я не страдаю и владѣю всѣми своими способностями» (t. II, p. 387). Ему нечего желать! Счастливый, поистинѣ, человѣкъ, осуществившій условія Солона: онъ находится наканунѣ смерти, и та застанетъ его въ такомъ же расположеніи духа. Подивимся же ему и поздравимъ человѣка, познавшаго счастіе, полное, безусловное счастье. Онъ даже былъ настолько счастливъ, что не предвидѣлъ послѣдствій для своей славы отъ этого ненарушимаго благополучія. Онъ не видѣлъ, что такое благополучіе возможно лишь при одномъ страшномъ условіи: отсутствіи страсти, т.-е. той печати мужественности, которая одна даетъ геній; онъ не предвидѣлъ, что чрезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти одинъ знаменитый критикъ укажетъ мѣсто, какое, повидимому, ему дѣйствительно подобаетъ занять, какъ историку: «ниже Гиббона и выше Робертсона, на ряду съ Юмомъ» [1]).

Вотъ, сдается и мнѣ, мѣсто, какое онъ займетъ въ потомствѣ, мѣсто, конечно, низшее, чѣмъ то, какое указывали ему восторженные современники, но все же почетное и во всякомъ случаѣ соотвѣтствующее его таланту. Я не думаю, чтобы слѣдовало заходить дальше и настаивать, какъ это теперь дѣлается, на низменности и вульгарности его идей. Но я допускаю, что музыка его прозы есть музыка «человѣка, играющаго вѣчные и торопливые solo на серебряной трубѣ, и никогда не напоминаетъ мощныхъ аккордовъ органа или глубокаго восторга четырехъ магическихъ струнъ» [2]).

Конечно, человѣкъ, который ничего не нашелъ сказать о сочиненіи Лукреція, кромѣ того, что «это самая глупая и вздор-

---

1) M. J. Colter Morisson въ „Macmillan Magazine“ (май, 1876).

2) Fortnightly-Review (апрѣль, 1876.). Издатель, Джонъ Морли, жестоко нападаетъ на Маколея, обвиняя его въ пошлости и вульгарности.

ная изъ всѣхъ системъ», даетъ мѣрку своихъ философскихъ и научныхъ способностей. И замѣчу мимоходомъ: забавно видѣть, что Тэнъ выставляетъ его утилитарнымъ философомъ, подъ предлогомъ, «что онъ относится къ философіи, какъ англичанинъ, практическимъ человѣкомъ», когда Маколей напечаталъ самую рѣзкую критику на Джемса Милля и его систему [1]). Но съ этими оговорками, а онѣ значительны, все же слѣдуетъ его признать изящнымъ, легкимъ писателемъ, искренно преданнымъ свободѣ и выражающимъ эту преданность на каждой страницѣ своей исторіи. Конечно, эта свобода немного исключительна и сильно смахиваетъ на чопорную и торжественную фигуру, олицетворяющую Великобританію—«Britannia»,—но надо брать его такимъ, какъ онъ есть, и, не утверждая, что онъ написалъ «одну изъ прекраснѣйшихъ книгъ нынѣшняго столѣтія», признать въ немъ пламеннаго патріота и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнаго разсказчика.

Достоинства книги м-ра Тревильяна неоцѣнимы въ томъ смыслѣ, что она рисуетъ намъ всего человѣка, какъ онъ есть. Помощью его замѣтокъ, писемъ и отрывковъ изъ дневника Маколея мы могли вовсоздать образъ писателя и разобрать сущность его таланта. Говорятъ, что эта книга ничего не прибавляетъ къ его славѣ и не возвеличиваетъ его: осмѣлюсь сказать, что она его даже иногда развѣнчиваетъ, озаряя новымъ и безжалостнымъ свѣтомъ...

Мнѣ остается какъ разъ столько мѣста, чтобы указать на два тома біографіи лорда Пальмерстона, появившейся недавно. Они обнимаютъ собой періодъ времени отъ 1846 по 1863 г., составляя продолженіе труда, начатаго, въ 1870 году, лордомъ Доллингомъ (сэръ Генри Литтонъ Бульверъ, старшій братъ романиста). По смерти этого писателя, м-ръ Ивалейнъ Апли издалъ третій томъ въ 1873 г., и нынѣ окончилъ исторію своего героя. Членъ парламента, бывшій частный секретарь лорда Пальмерстона, м-ръ Ашли обладалъ всѣми качествами для успѣшнаго выполненія такого дѣла. Его книга будетъ неоцѣненна для всѣхъ, кого интересуетъ политическая исторія послѣднихъ сорока лѣтъ: въ ней заключается много дипломатическихъ писемъ и документовъ и много частныхъ замѣтокъ. Укажу только на одинъ фактъ.

Всѣмъ уже было извѣстно, какую дѣятельную роль игралъ лордъ Пальмерстонъ въ восточной войнѣ; но тутъ мы впервые

---

[1]) Маколей не захотѣлъ, чтобы ее перепечатали въ его „Essais", изъ уваженія къ Миллю.

узнаемъ достовѣрно, что онъ былъ истиннымъ зачинщикомъ крымской кампаніи. Онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Абердина, 2-го іюля 1853 г., когда русская армія перешла за Прутъ. Уже 4-го іюля онъ пишетъ лорду Абердину: «я надѣюсь, что вы будете того мнѣнія, что надо отдать приказаніе флоту идти къ Босфору и быть наготовѣ немедленно вступить въ Черное море, если это понадобится для обороны турецкой территоріи» (t. II, p. 27). Глава кабинета отказывается, медлитъ, разсчитывая на то, что миръ не будетъ нарушенъ; 7-го, 12-го, новыя письма отъ Пальмерстона, снова пристающаго съ тѣмъ же самымъ. «Vous prêchez *le* converti»,—отвѣчаетъ, наконецъ, лордъ Абердинъ, пользующійся случаемъ щегольнуть французской фразой сомнительнаго достоинства; это было 4-го октября. На другой день Порта обнародовала свою декларацію, по поводу очищенія княжествъ. «Представитель Тивертона» все еще не удовлетворенъ: «я желалъ бы, чтобы дали знать Портѣ,— пишетъ онъ отъ 7-го октября,—что какъ только война будетъ объявлена, такъ обѣ эскадры вступятъ въ Черное море, и каждый русскій военный корабль, встрѣченный ими во время крейсировки, будетъ схваченъ и переданъ турецкому правительству». Такъ шли дѣла до объявленія войны, и извѣстно, что лордъ Пальмерстонъ, вышедшій въ отставку послѣ синопскаго сраженія, вскорѣ послѣ того снова вступилъ въ кабинетъ. Въ іюнѣ 1854 г. онъ первый подалъ мысль о дессантѣ въ Крыму (V. t. II, p. 60 и пр.).

Это сочиненіе окончательно освѣщаетъ фигуру послѣдняго представителя старой дипломатической школы, о которомъ нѣмцы говорили, что «если у дьявола есть сынъ, то это, навѣрное, лордъ Пальмерстонъ». Это самое послѣднее воплощеніе Рейнеке-Лисъ, и онъ самъ взялъ на себя трудъ охарактеризовать свои дипломатическія воззрѣнія французскими стихами, собственной фабрикаціи, которые приводитъ въ письмѣ къ англійскому посланнику, въ Константинополѣ:

Tout prendre,
Jamais rendre,
Et encore pretendre [1]).

---

[1]) Tom. II, p. 279.

IV.

Ouida: «In a Winter City», a sketch. London. Chapman and Hall. 1876. in-8° 389 pages.

«У насъ передъ глазами два изданія повѣстей, одно соч. м-ра Антони Троллопа, другое соч. Уйда. Если мы сравнимъ ихъ, то тотчасъ же признаемъ причину популярности м-ра Троллопа. Онъ пишетъ всегда, какъ джентльменъ. Какъ бы ни была слаба интрига его разсказовъ, въ нихъ никогда не встрѣтишь ничего вульгарнаго. Какъ бы ни были блѣдны его эскизы—а по нашему мнѣнію, они часто бываютъ таковыми,—но въ нихъ никогда не наткнешься на что-нибудь такое, отъ чего брови сдвинутся или краска бросится въ лицо. Что касается Уйда, то намъ надоѣло указывать ея недостатки» [1]).

Онъ пишетъ какъ джентльмэнъ!—замѣтьте это: романистъ, кто бы онъ ни былъ, можетъ быть скученъ, какъ дождливый день, безцвѣтенъ, какъ полинялый ситецъ,—нужды нѣтъ! но онъ пишетъ какъ джентльмэнъ. «Ни въ одномъ изъ домовъ, которые я посѣщалъ въ Лондонѣ,—говоритъ Тэнъ въ своихъ замѣткахъ объ Англіи, — я не видѣлъ журнала модъ. Одинъ мой пріятель, англичанинъ, отвѣтилъ мнѣ, что у нихъ хорошо воспитанная женщина не читаетъ такихъ пошлостей». Она съ успѣхомъ замѣняетъ ихъ чтеніемъ романа, какого-нибудь м-ра ***, крайне благопристойнаго, отъ котораго она не краснѣетъ, но зѣваетъ и засыпаетъ на кушеткѣ, послѣ обѣда. Лучше было бы читать журналъ модъ, который бы научилъ ее, по крайней мѣрѣ, одѣваться и не обезображивать головку, отъ природы очаровательную.

Строки, приведенныя мною въ началѣ, даютъ прекрасное понятіе о тонѣ, какого держится мѣстная критика относительно Уйда. Такъ это длилось въ теченіи десяти лѣтъ. Года три тому назадъ появилась въ «Contemporary Review» статья, превышавшая всякую мѣру. «Такіе примѣры болѣзненной привязанности,—говорилъ авторъ,—относятся къ области медицины, и тотъ фактъ, что ограниченная (silly) и невѣжественная женщина пишетъ романы вульгарные, отвратительные (nasty) и безнравственные, не былъ бы достоинъ самъ по себѣ занять вниманіе читателей «Обозрѣнія» [2]). Онъ упрекаетъ, между прочимъ, злополучнаго ро-

[1]) Westminster Review. 1867 (Octobre). (T. XXXII, p. 598).

[2]) Contemporary Review. Novembre, 1873. (Ouida's novels par V. E. Murray).

маниста въ томъ, что тотъ превозноситъ развратъ и испорченность нравовъ, и въ томъ, что у него только одна цѣль, одинъ только девизъ безпрестанно вертится на языкѣ его героевъ: наслаждаться (to enjoy). Между тѣмъ, что касается этого послѣдняго упрека, то онъ просто недобросовѣстенъ: я вынужденъ печальной необходимостью заявить это, употребляя выраженіе Брокуса въ его знаменитой статьѣ противъ Маколея, и докажу это.

Да! критика въ Англіи была враждебна Уйда, да и какъ враждебна! Нельзя представить себѣ до какой низости и несправедливости доходитъ она иногда въ этой странѣ. Такимъ образомъ, по поводу романа «Strathmore», одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ, «Westminster Review» не нашло ничего иного замѣтить, какъ удивительную, будто бы, странность, что герой «любитъ своимъ носомъ» (makes love with his nose); и это потому, что въ романѣ говорится о благоуханныхъ косахъ, надъ которыми склонился... и проч.

Но критика, зачастую преданная рутинѣ, вполнѣ сходилась съ публикой, которая никогда ей не измѣняетъ. Конечно, Уйда читали; но она не проникла въ ту отборную среду публики, которая, по праву или нѣтъ, освящаетъ литературныя репутаціи. И вотъ доказательство тому. Всякій, кто живалъ въ Лондонѣ, знаетъ библіотеку «Mudie»: ежедневно, около пяти часовъ, экипажи и пѣшеходы тѣснятся у дверей этой библіотеки для чтенія, гдѣ «nobility» и «gentry» запасаются книгами на цѣлую недѣлю. Въ настоящее время, если живописецъ изобразитъ молодую миссъ, читающую романъ, то онъ непремѣнно изобразитъ на корешкѣ желтый ярлыкъ, составляющій принадлежность этого заведенія. Годъ или полтора тому назадъ вы не нашли бы у «Mudie» ни Зола̀, ни Гюстава Флобера, ни Уйда: «improper!» И еслибы вы потребовали ихъ въ конторѣ—какъ это дѣйствительно случилось со мной по поводу одного романа Зола,—то вамъ категорически заявили бы, что ихъ нѣтъ въ библіотекѣ и *не будетъ*. Въ настоящее время Уйда проложила себѣ дорогу, благодаря своему неоспоримому таланту, а также благодаря воспроизведенію многихъ изъ ея романовъ въ «Revue des Deux Mondes».

Послѣднее обстоятельство во всякомъ случаѣ ускорило событіе. Журналъ г. Бюлоза никогда не можетъ быть «improper». Онъ удостоилъ помѣстить Уйда на первыхъ страницахъ, на мѣстѣ, отведенномъ для Жоржъ Сандъ, и «милэди», расчувствовавшаяся при чтеніи «Deux petits sabots» [1]), которые она съ грѣхомъ

[1]) Романъ Уйда, напечатанный въ № отъ 15 марта, 1874 г. въ Revue des Deux Mondes.

пополамъ понимала, устыдилась наконецъ своей глупости и принялась читать на родномъ языкѣ «Two little wooden shoes». Какъ бы то ни было, мѣсто отвоевано, остается его только сохранить.

Псевдонимъ «Уйда» тоже послужилъ пищей для остроумія злыхъ языковъ. Одинъ находилъ, что это могло быть сокращеніемъ греческаго «Oudemia». Другой утверждалъ, что это слово вовсе не французское и не принадлежитъ ровно ни къ какому языку, а просто себѣ дѣтское сокращеніе Louisa. Пусть себѣ, oui-dà!—все же французское выраженіе, полное удали, какъ и произведенія нашего романиста. Впрочемъ, инкогнито строго сохранено: въ каталогѣ «British Museum» авторъ обозначенъ подъ именемъ miss Rame. Между тѣмъ «Revue des Deux Mondes» называетъ его «M-elle Louise de la Ramée» и выдаетъ за англичанку, у которой родители были французскаго происхожденія. Я могу утвердительно сказать, что она подписывается: «L. de la Ramée». Если она и не первой молодости, то едва лишь вступила во вторую: ей еще нѣтъ сорока лѣтъ. Она по-долгу живетъ въ Италіи; воспитана англичанкой; по-французски пишетъ хорошо, но какъ иностранка, не владѣющая языкомъ такъ, какъ своимъ природнымъ. Отъ этого въ цитатахъ попадаются ошибки, которыми ее не въ мѣру попрекали.

Впервые имя ея стало извѣстнымъ въ 1864 г., благодаря первому роману, озаглавленному «Held in bondage». Около того же времени она издала нѣсколько повѣстей—короткихъ и прелестныхъ эскизовъ,—собранныхъ позднѣе въ одинъ томъ, подъ заглавіемъ «Cecil Castlemaine's gage and other stories». Въ 1863 г. появилось «Strathmore», гдѣ талантъ ея высказался во всемъ блескѣ. Затѣмъ она поочередно напечатала «Chandos» (1866),—«Idalia», «Under two flags» (1867),—«Puck» (1868),—«Tricotrin» (1869),—«Folle-farine» (1871). Въ 1872 г. она выпустила книгу, озаглавленную «A dog of Filanders», заключающую, кромѣ того, три другихъ прелестныхъ исторійки. «A bronch of Lilas», «A bof in the storm» и «A Provence Rose»: первыя три появились въ Revue des Deux Mondes... Затѣмъ идетъ «Pascarel» (1873), «Two little wooden shoes» (1874), «Signa» (1873) и наконецъ совсѣмъ недавно: «In a Winter city».

Вотъ матеріалы для подробнаго изученія автора, о которомъ я пишу лишь бѣглыя замѣтки. Дѣло мое, къ счастію, облегчается тѣмъ, что въ «Вѣстникѣ Европы» [1]) напечатанъ анализъ романа,

[1]) См. май, 1876.

называемаго Signa. Читатель, знакомый съ Бруно и Синья, знаетъ, какъ рельефно и прекрасно умѣетъ авторъ очертить характеръ. Онъ знаетъ также его искусство въ описаніяхъ, богатство и яркость его красокъ: авторъ послѣдней статьи въ «Уэстминстерскомъ Обозрѣніи» не боится сравнивать его съ Рубенсомъ. Сравненіе съ Веронезомъ или Джорджоне было бы, кажется, вѣрнѣе: если въ Уйда и замѣчается нѣкоторая растрепанность, бросающаяся въ глаза въ галлереѣ Маріи Медичи, за то у ней находишь также и тотъ жаркій тонъ, который васъ ослѣпляетъ у венеціанскихъ мастеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже милліоны разъ описывался Венеціанскій заливъ и его чудеса: однако, послушайте его въ слѣдующихъ строкахъ «Idalia».

«Наступалъ вечеръ, когда яхта прибыла въ воды Капри. Роскошная палитра его изумительныхъ красокъ красовалась во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, солнце заходило позади Солара: лучи пурпура и золота заливали гористую Исхію и холмы Прочиды, а голубыя волны сверкали на солнцѣ; вдали виднѣлись бѣлые паруса барокъ Соррента, а надъ водами носился ароматъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, стоявшихъ въ цвѣту, и массы фіалокъ, скрывающихся по холмамъ, поросшихъ лѣсомъ и поднимавшихся все выше и выше до облаковъ, среди которыхъ виднѣется Анакапри».

Это очень кратко, а между тѣмъ ужъ все сказано, не считая, что «гористая Исхія» удачно напоминаетъ вамъ намѣренно или нѣтъ Ἰθάκη κραναή Одиссеи. Уйда также удачно изображаетъ свѣжій и граціозный рядъ сельскихъ картинокъ. Возьмите для примѣра слѣдующій портретъ героини «Deux petits sabots», въ самомъ началѣ этой прелестной исторійки:

«Бебе соскочила съ постели на зарѣ. Ей минуло шестнадцать лѣтъ! Ей казалось это удивительнымъ: шестнадцать лѣтъ! Она стала женщиной. Пѣтухъ, запѣвшій у ней на окнѣ, прокричалъ ей: какая ты старая!—точно въ мѣдную трубу. Она раскрыла ставню и поздоровалась съ нимъ, смѣясь... Коза ея заблеяла подъ амбаромъ, дроздъ заливался въ вѣткахъ смоковницы, колокола безчисленныхъ городскихъ церквей задумчиво звенѣли, заглушаемые разстояніемъ и утреннимъ туманомъ: все это твердило одно и то же: «какъ хорошо тому, кому шестнадцать лѣтъ!» Можно было подумать, что, живя между цвѣтовъ, Бебе сама наконецъ стала на нихъ похожа. Она носила маленькіе деревянные башмаки, чепчикъ и сѣрое саржевое платье зимой, и полотняное лѣтомъ; но маленькія ножки, гнѣздившіяся въ деревянныхъ башмакахъ, походили на два розовыхъ лепестка, чепчикъ

сіялъ бѣлизной лиліи, а сѣрая юбка напоминала кору, которую пробиваетъ яблочный цвѣтъ, раскрывающійся, краснѣя на солнцѣ... Подсолнечникъ надѣлилъ ея волоса золотомъ своихъ лучей, чистая лазурь лупиновъ перешла въ ея глаза, и вся ея особа была пропитана ароматомъ, такимъ же свѣжимъ и невиннымъ, какъ и ароматъ липы. Вѣтеръ, дождь и солнце только освѣжили и оживили ея сердце, сообщили гибкость ея членамъ и согрѣли бѣлизну ея кожи».

По моему мнѣнію, нѣтъ настоящаго романа, равно какъ и настоящей драмы безъ интриги. Послѣдней, говорятъ, нѣтъ у Шекспира, и люди зря повторяютъ эту глупость. Пусть припомнятъ только «Короля Лира» и «Зимнюю Сказку». Правда, что тутъ нѣтъ запутанныхъ хитросплетеній испанской комедіи и что развитіе характера стоитъ на первомъ планѣ: но интрига, дѣйствіе производятъ еще сильнѣйшія впечатлѣнія, благодаря своей простотѣ. Что Уйда умѣетъ задумать и развить романическую завязку—это несомнѣнно для каждаго, кто читалъ «Srathmore». Заглавіе романа есть вмѣстѣ съ тѣмъ имя героя, чистокровнаго англійскаго патриція, холоднаго дипломата, по виду презирающаго страсти и женщинъ. «Slay and spore not»,—«убивай безъ пощады»—вотъ девизъ молчаливаго и рѣшительнаго Стратмора; у него было лицо Страффорда и взглядъ Катилины». Несмотря на то, онъ попадается въ когти лэди Вавасуръ, царицы элегантнаго парижскаго міра, «тигрицы», въ родѣ героини романа «Синья». Она обманомъ заставляетъ его вызвать на дуэль и убить лучшаго его друга. Я не знаю ничего болѣе живого, болѣе «реальнаго», если хотите, какъ описаніе этой дуэли, близъ озера Булонскаго лѣса, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Стратморъ, превращенный въ дикаго звѣря, повергаетъ къ своимъ ногамъ красавца Берти Эрраля и глядитъ на его трупъ безъ раскаянія и жалости. Этотъ послѣдній оставилъ тамъ, далеко, въ укромномъ уголкѣ Англіи, невѣдомую любовь, женщину скромнаго происхожденія, съ которой соединился тайнымъ бракомъ и о существованіи которой его друзья и не подозрѣвали. Эта женщина появляется только на одной страницѣ, а между тѣмъ авторъ съумѣлъ произвести на читателя сильное впечатлѣніе ея личностью: и это кажется мнѣ верхомъ искусства.

«Въ эту ночь, далеко, далеко за моремъ, въ одномъ лѣсистомъ округѣ Англіи, подъ густой и свѣжей тѣнью, подъ лѣтнимъ небомъ, стояла женщина на порогѣ одного коттеджа и печально глядѣла на тропинку лѣса, разстилавшагося передъ ней на необозримое пространство: лунный свѣтъ озарялъ мши-

стый путь, скользилъ по лѣснымъ полянамъ, а вдали виднѣлись поля, нѣмыя и блѣдныя, тонувшія въ бѣловатомъ туманѣ. Она была молода и въ глазахъ ея сіялъ цвѣтъ молодости—любовь, между тѣмъ какъ она пыталась проникнуть взоромъ сквозь густую листву деревъ и ночную темноту, задерживая дыханіе и напрягая слухъ, жаждая услышать звуки милыхъ шаговъ среди этой безусловной тишины. Пунцовая мантія драпировала ея плечи: голова у ней была не покрыта, и луна заливала ее своими лучами, между тѣмъ какъ съ вѣтокъ, колыхаемыхъ вѣтеркомъ, падали ей на лобъ и грудь чистыя росинки».

Было бы слишкомъ долго разсказывать о томъ, какъ молодая женщина умираетъ, узнавъ о роковыхъ послѣдствіяхъ дуэли, какъ выведенный изъ заблужденія Стратморъ становится непримиримымъ врагомъ лэди Вавасуръ. Мы можемъ только рекомендовать читателямъ самимъ прочитать этотъ романъ, къ сожалѣнію, испорченный непростительной ошибкой автора на послѣдней страницѣ: лэди Вавасуръ поступаетъ въ сестры милосердія и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности. Это портитъ все произведеніе, придавая лживый оттѣнокъ характеру, мастерски очерченному.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ весьма важномъ пунктѣ: Уйда совершенно свободна отъ общественныхъ или религіозныхъ предразсудковъ. «Idalia» является какъ-бы олицетвореніемъ Италіи въ ея борьбѣ за единство и свободу. «Вѣтка сирени» — мастерское произведеніе въ своемъ родѣ, пересказываетъ въ краткихъ словахъ исторію одного бѣднаго и великодушнаго малаго, молодая жена котораго убѣжала отъ него съ однимъ офицеромъ. Герой—бѣдный комедіантъ, и впервые увидѣлъ свою милую у окна, возлѣ цвѣтущаго куста сирени; она бросила ему вѣтку сирени. Онъ пишетъ свою исповѣдь наканунѣ того дня, какъ его должны разстрѣлять: «Вы просили меня разсказать мою исторію: къ чему? Имѣть исторію—это роскошь для богатыхъ, а я всегда былъ бѣденъ. И однако я былъ счастливъ до того весенняго дня, когда расцвѣла эта вѣтка сирени. Я комедіантъ: мать моя была танцовщицей. Мой отецъ... Ба! это опять роскошь для богатыхъ».

Жену у него похищаютъ въ Спа: онъ поклялся найти похитителя. Наступаетъ франко-прусская война; онъ встрѣчается съ нимъ при Седанѣ и имѣетъ случай ему отмстить; но они оба сражаются за Францію: онъ не рѣшается его убить. «Вспыхнула другая война—война междоусобная; я присталъ къ народной партіи и остался въ Парижѣ. Былъ ли народъ правъ? былъ

ли онъ виноватъ? не знаю, но я самъ былъ изъ народа». Въ послѣдніе дни борьбы, среди развалинъ и пожаровъ, среди ужасовъ взятаго приступомъ и опустошаемаго огнемъ и мечомъ города, онъ снова встрѣтилъ своего врага, вызвалъ на дуэль — и убилъ. Офицеръ, умирая, защищаетъ его отъ своихъ солдатъ и объявляетъ, что дуэль была правильная. «Само собой разумѣется, его слова не были услышаны: я, солдатъ коммуны, убилъ версальскаго солдата. Меня привели сюда, меня, говорятъ, судили и завтра должны разстрѣлять.—Если вы хотите просить за меня, то испросите одной милости: чтобы меня разстрѣливали не тѣ солдаты, съ которыми я сражался за Францію. А когда меня свалятъ въ общую могилу, то пускай вмѣстѣ со мной положатъ эту вѣтку сирени. Она ничего не стóитъ... она мертвая»...

Великое свойство романиста: умѣнье трогать сердце и вызывать слезы на глаза—развито у Уйда въ высшей степени. Прочитайте исторію «Tricotrin», сына знатнаго отца, который, вслѣдствіе чудовищной несправедливости послѣдняго, оставляетъ родительскій домъ: художникъ, ученый, великодушный, сострадательный, онъ живетъ на свой собственный ладъ, среди народа, который знаетъ и любитъ его. Въ концѣ романа, въ разгарѣ бунта, который онъ старается затушить, потому что предвидитъ неуспѣхъ, онъ падаетъ, смертельно раненый однимъ негодяемъ. Всѣ въ ужасѣ и въ горѣ тѣснятся вокругъ него. «Впервые въ жизни онъ оставилъ ихъ вопросъ безъ отвѣта, ихъ горе безъ утѣшенія... И слезы покатились по ихъ щекамъ; они протягивали къ нему руки, какъ-бы желая вырвать его у смерти. Женщины разодрали на себѣ платье и закрыли лицо, какъ римлянки у могилъ въ Campus Martius, и ихъ маленькія дѣти, позабытыя ими, были смяты толпой. Переходя изъ устъ въ уста, изъ одного дома въ другой, долетѣлъ до сражающихся крикъ: его убили!» Тутъ приходитъ лордъ Эстмиръ, второй братъ его, сдѣлавшійся главой семьи, благодаря бѣгству Трикотрина изъ родительскаго дома. «И толпа отступила назадъ, оставивъ ихъ наединѣ; и люди жались другъ къ дружкѣ, безмолвные и испуганные какъ собаки, созерцающіе въ безсиліи дѣйствіе людскихъ бѣдъ и людскихъ страстей, смутно содрагаясь отъ отчаянія, скрывающагося въ первыхъ, и божественной искры, таящейся въ послѣднихъ». Трикотринъ беретъ съ нихъ обѣщаніе, что они положатъ оружіе: всѣ кинутся, и онъ отвѣчаетъ: «я умираю счастливый: я спасъ отъ истребленія этихъ дѣтей, они еще могутъ стать людьми и жить свободными. Для меня же жизнь была хотя и сладка, но смерть все же желанная гостья. Сохраните обо мнѣ воспоминаніе въ

сердцахъ вашихъ хотя на нѣкоторое время. Если оно удержитъ васъ когда-нибудь отъ проступка, то я, значитъ, жилъ не даромъ. Расступитесь, дайте мнѣ въ послѣдній разъ поглядѣть на солнце»... и глядя на него, онъ испустилъ духъ. Глубокое безмолвіе распространилось надъ городомъ, и битва прекратилась въ тотъ же часъ. Какъ онъ любилъ ихъ при жизни, такъ и спасъ при смерти.—«И народъ плакалъ и не хотѣлъ утѣшиться».

Надо прочитать романъ, чтобы вполнѣ оцѣнить все это. Но объявляю, писатель, написавшій эти прочувствованныя страницы, писатель, съумѣвшій новымъ и чуждымъ всякой банальности сюжетомъ затронуть всѣ сокровеннѣйшія фибры нашего существа, такой писатель заслуживаетъ мѣсто въ ряду именитыхъ. Сознаюсь съ полнымъ смиреніемъ: какъ и при описаніи смерти Клариссы, грудь моя стѣснилась при чтеніи описанія смерти Трикотрина. Тутъ есть, кромѣ того, то, чего не хватаетъ у Ричардсона,—я говорю про то великое и святое чувство, которое удесятеряетъ всякую горесть, какъ и всякое умиленіе,—то чувство, которое впервые выразилъ въ новѣйшемъ мірѣ Донъ-Жуанъ, когда, отдавая милостыню нищему, закричалъ ему: «бери! даю тебѣ это изъ любви къ человѣчеству».

Я не знаю что̀ это: психологическій или реальный романъ? и въ настоящую минуту не стану этого доискиваться: я вижу людскія страсти, во всей ихъ силѣ, характеры, выхваченные изъ жизни; я тронутъ и восхищенъ. Бальзакъ, конечно, величайшій изъ художниковъ, но и Жоржъ-Сандомъ пренебрегать нельзя.

«In a Winter City» не романъ въ настоящемъ значеніи этого слова: это повѣсть, какъ и «Деревянные башмаки», но только въ другомъ родѣ. Намъ разсказываютъ исторію знатной англичанки, страшно богатой вдовы, которая лишь подъ тѣмъ условіемъ можетъ сохранить свое богатство, если не выйдетъ вторично замужъ. Въ нее влюбляется итальянскій герцогъ, а она въ него: послѣ нѣкоторыхъ перипетій, послѣ того, какъ претендентъ разсказываетъ всю свою жизнь, героиня, долго боровшаяся, выходитъ за него замужъ, принося такимъ образомъ въ жертву богатство любви. Въ этой повѣсти есть превосходный портретъ безпутной женщины нашего времени, не обыкновенной куртизанки, модной танцовщицы, о! нѣтъ! «но той безпутной женщины, которая не заражена совѣстью Фру-фру и не разстается съ мужемъ; той, которая изучила супружескую измѣну какъ артистка, и возвела ее въ семейную добродѣтель; которая возитъ своего скучающаго любовника къ своимъ друзьямъ, какъ возитъ туда свою собаченку, и учитъ своихъ сыновей и дочерей звать его

уменьшенными именами; которая пишетъ жертвѣ своей страсти тѣмъ же самымъ перомъ, какимъ призывала сына изъ школы; приглаживаетъ кудрявые волосы дочери тѣми самыми пальцами, какіе прикасались къ губамъ любовника; которая вызываетъ свѣтъ найти хоть какое-нибудь пятнышко въ ея поведеніи и, засѣдая за столомъ своего мужа, улыбается обществу, съумѣвъ его обезоружить; которая ухитрилась перепутать самыя священныя обязанности съ самыми суетными удовольствіями и такъ ловко, что не знаешь, гдѣ начинаются одни и кончаются другія, и которая, не будучи способной принести жертвы ни любви, ни долгу, не можетъ похвалиться даже той жалкой, легкой честью, какую встрѣчаешь у уличныхъ женщинъ и какая могла бы хоть сколько-нибудь облагородить ея проступокъ относительно ея жертвы и соучастника» (р. 82).

Она даетъ намъ образчикъ такой женщины, на которую я укажу вскользь. Это опять знатная дама, и опять-таки англичанка: Уйда не умѣетъ льстить своимъ соотечественницамъ. «Madame Mila, какъ звали ее друзья, была самая прелестная маленькая женщинка, какую только возможно себѣ представить, и которая красилась съ такимъ искусствомъ, что ходила съ шестнадцатилѣтнимъ лицомъ и таліей, затянутой въ самый изумительный и модный нарядъ. Она всегда была въ долгу какъ въ шелку, хотя и получала 80 тысячъ франковъ доходу въ годъ на свою собственную персону... Она не знавала въ жизни иного горя, кромѣ паденія второй имперіи, да и тутъ она вскорѣ утѣшилась, увидя, что женевскій флагъ предохранилъ ея домъ отъ разрушенія, что гг. Вортъ и Оффенбахъ спаслись отъ пуль, и что общество обѣщало быть такимъ же легкомысленнымъ, во время септенната, какъ и при второй имперіи. Словомъ, m-me Mila была типомъ женщинъ своего времени, женщинъ, гуляющихъ полу-обнаженными въ эпоху, когда открыли, что нагота безнравственна въ скульптурѣ; обсуждающихъ «Tue-la» среди поколѣнія, находящаго Мольера грубымъ, а Бомона и Флетчера непристойными; у которыхъ на столѣ лежатъ «Journal pour rire», когда люди, уважающіе себя не захотятъ даже упомянуть про «Harlot's Progress»; которыя идутъ въ горы въ ботинкахъ съ высокими каблуками и тростями съ золотымъ набалдашникомъ, трещатъ за карточнымъ столомъ въ тотъ часъ, какъ заря румянитъ верхушки Альпъ, и столько же смыслятъ въ красотахъ природы и восходящаго солнца, сколько ихъ фарфоровая банка съ румянами или серебряный ящикъ, гдѣ лежитъ краска для ихъ волосъ».

А теперь, значитъ ли это, что у Уйда нѣтъ недостатковъ? У

ней есть одинъ, и очень крупный, недостатокъ, проистекающій отъ самой силы ея таланта. Она не умѣетъ себя сдерживать и зачастую безъ толку громоздитъ сравненія и образы. Историческіе намёки, факты изъ сферы живописи, скульптуры слишкомъ обильны, а главное—слишкомъ скучены порою для вящшей рельефности. Отъ этого происходятъ также и тѣ ошибки, въ которыхъ, впрочемъ, ее упрекали съ такимъ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ, что у меня не хватаетъ духа на нихъ настаивать.

Что касается упрека въ безнравственности, то это требуетъ поясненія! Дамы изъ «Knight's Bridge» и «Grosvenor Square» не хотятъ, чтобы выводили на сцену супружескую измѣну; не хотятъ даже подозрѣвать, что она существуетъ или возможна, точно это недугъ, свойственный одному лишь континенту, и точно судебные процессы о разводѣ не даютъ постоянно доказательства противнаго. Прекрасное остается прекраснымъ и въ самомъ себѣ заключаетъ нравственность: одинъ Тартюфъ или методистъ способенъ отказаться восхищаться «Орестомъ» Эсхила, гдѣ Клитемнестра является измѣнницей супружеской вѣрности и убійцей. Я знаю, что̀ такое безнравственная книга: это та книга, гдѣ намъ доказываютъ, что преступленіе есть вѣрный путь къ счастію, какъ, напр., въ «Devocion a la Cruz» [1]), гдѣ герой, послѣ того, какъ воровалъ, убивалъ и совершалъ всякія другія безобразія, удостоивается вѣчныхъ и небесныхъ радостей, благодаря исповѣди in extremis. Я знаю еще иной случай безнравственности: это тотъ, когда посредственность стакнется съ лицемѣріемъ, чтобы задушить въ зародышѣ рождающійся талантъ. Къ счастію, юное растеніе было не изъ тѣхъ, какія легко увядаютъ: оно пустило роскошные побѣги и вынудило всѣхъ восхищаться его свѣжестью и блескомъ.

А. Реньяръ.

---

[1]) Calderon.

КАКЪ ЛЮДИ ДЕНЬГИ НАЖИВАЮТЪ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

ПЕЧАТЬ, УЧРЕДИТЕЛЬСТВО, БИРЖА.

Der Börsen- und Gründungs-Schwindel in Berlin, von Otto Glagau. Leipzig, 1876.

Отчетъ о засѣданіи прусской палаты депутатовъ 29 марта 1876.

I.

Для печати германской и особенно берлинской блестящіе годы «учредительства» были благодатью, но только въ матеріальномъ отношеніи, конечно, никакъ не въ нравственномъ. Для нея это были годы египетскаго урожая, знаменуемые «сытыми коровами», за которыми, впрочемъ, не замедлили послѣдовать «тощія». Число первыхъ было всего два-три; число послѣднихъ въ настоящее время еще и опредѣлить нельзя. Вѣнскій «крахъ» разъяснилъ нравственное значеніе вѣнскихъ органовъ, преимущественно такъ-называемой «конституціонной», то-есть либерало-централистской партіи. Всѣмъ извѣстно, что эти газеты находятся въ полномъ распоряженіи биржевиковъ, что кассы ихъ открыты для субсидій всякаго рода, и что для ихъ редакцій интересы дѣйствительно серьёзные, принимаемые ими близко къ сердцу, представляются объявленіями и поддержаніемъ коммерческихъ предпріятій тѣхъ лицъ, которыя этими газетами владѣютъ или распоряжаются за свои деньги.

*) См. выше: іюнь, 603 стр.

Берлинскій «крахъ» показалъ, что берлинскія газеты и преимущественно «національно-либеральныя», то-есть органы той же въ сущности либерало-централистской партіи, немногимъ лучше вѣнскихъ. Такъ, чтобы при самомъ началѣ указать на опредѣленный примѣръ,—главный, по распространенности своей, берлинскій органъ «Національная Газета», по словамъ Глагау, по смерти прежняго своего редактора Цабеля, находится въ полномъ распоряженіи биржи и состоитъ подъ главнымъ руководствомъ Ласкера и Бамбергера. Первый, какъ извѣстно, — обличитель «учредительства», но только консервативнаго. О продѣлкахъ другихъ, гораздо болѣе многочисленныхъ учредителей, принадлежащихъ къ партіи національно-либеральной, онъ грозился также повѣдать міру, такъ какъ обѣщалъ однажды въ парламентѣ вести войну съ обманомъ, не щадя никого; но доселѣ обѣщанія этого не исполнилъ, не выступалъ съ обличеніемъ тѣхъ спекулянтскихъ продѣлокъ, въ которыхъ главными дѣятелями явились люди его же партіи. И дѣйствительно, ему весьма трудно было бы это сдѣлать. Ему пришлось бы, напримѣръ, обличить самого Бамбергера, учредителя «германскаго банка», изобрѣтателя «имперскаго банка», котораго обвиняли въ томъ, что онъ настаивалъ и настоялъ на введеніи размѣнной монеты изъ никкеля, по той причинѣ, что самъ владѣетъ рудою этого металла. Такое обвиненіе мы можемъ, впрочемъ, оставить безъ вниманія. Но другое дѣло, конечно, когда «National-Zeitung» и союзные ей органы расхваливаютъ коммерческія предпріятія, учреждаемыя Бамбергеромъ; тутъ уже тождество съ вѣнскими газетными нравами очевидно.

Въ 1871 и 1872 годахъ, берлинскія газеты и нѣкоторыя важнѣйшія провинціальныя расширились, или, лучше, раздулись необыкновеннымъ образомъ. Расширеніе это произошло не въ политическомъ или фельетонномъ отдѣлахъ, но въ биржевой части и въ листахъ, занятыхъ объявленіями. «Національная», «Фоссова» и другія газеты стали выходить цѣлыми тетрадями, въ которыхъ на два листа, собственно газеты, приходилось 5—10 листовъ прибавленій, исключительно занятыхъ объявленіями, среди которыхъ виднѣйшее мѣсто занимали новыя «учрежденія» и «выпуски», такъ-называемые планы или «проспекты» предпріятій. Одинъ «проспектъ» нерѣдко занималъ собою цѣлую страницу, даже двѣ, будучи напечатанъ крупнѣйшими шрифтами, съ большими пробѣлами, при разсчетѣ въ пользу редакціи сполна за занимаемое объявленіемъ мѣсто. Учредительство процвѣтало и редакціи газетъ приняли свои мѣры, чтобы расширить свои пріем-

ники для золотого дождя. Онѣ стали съуживать столбцы объявленій, чтобы вмѣсто четырехъ столбцовъ могло помѣститься пять-шесть, но при этомъ не понижали, а наоборотъ, повышали таксу за строчку столбца. Такимъ образомъ, въ короткое время доходъ газетъ съ объявленій принялъ громадные размѣры. По исчисленію Глагау, большія газеты въ то время могли получать за объявленія и рекламы отъ *2-хъ до 5-ти тысячъ талеровъ въ день!* Но крахъ разрушилъ это величіе, и тысячи смѣнились сотнями; хорошо, если и сотни уцѣлѣли. Приводить ли образчики многообѣщавшихъ «проспектовъ» и примѣры той участи, какую имѣли въ дѣйствительности расхваливаемыя ими предпріятія? Едва ли это нужно. Не трудно догадаться, что бумаги, по которымъ обѣщано было 12% ежегоднаго дивиденда, сами стоютъ теперь 12% своей первоначальной номинальной цѣны и т. п.

Но такъ какъ объявленія у насъ, въ Россіи, еще не успѣли усвоить себѣ цвѣтистости берлинскихъ, то возьмемъ у Глагау одинъ образчикъ, а именно, «Проспектъ перваго альтенбургскаго товарищества сахароваренія, угольной разработки и сельскаго хозяйства». Вотъ его начало: «Къ благословеннѣйшимъ мѣстностямъ германскаго отечества принадлежитъ восточный округъ герцогства саксенъ-альтенбургскаго. Чрезвычайное плодородіе его почвы пользуется всеобщимъ признаніемъ. Но она скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ драгоцѣннѣйшія подземныя сокровища — угольныя залежи необыкновенной силы, обѣщающія той мѣстности такое промышленное развитіе, которое ждетъ только пробуждающей и поощряемой руки, чтобы быстро развернуться въ прочное процвѣтаніе... Въ центрѣ того же округа лежитъ рыцарское имѣніе Цехау, которое среди тѣхъ богатыхъ земель представляется вѣнцомъ мѣстнаго землевладѣнія» и т. д. Фактическій результатъ этого предпріятія былъ таковъ: альтенбургскій сахарный заводъ былъ проданъ акціонерамъ этого предпріятія за 700 т. талеровъ, потомъ дѣла пошли худо, онъ былъ описанъ и предъявленъ къ аукціонной продажѣ. Въ первый разъ, высшую сумму за него предлагали заимодавцы, которые ссудили деньги подъ залогъ его и хотѣли спасти свои ссуды; но и они не дали болѣе 212 т. талеровъ, а во второй разъ заводъ былъ дѣйствительно проданъ всего за 179 т. талеровъ, вмѣсто 700 т., вмѣстѣ съ «подземными сокровищами». Акціонеры же, разумѣется, потеряли все.

«Проспектъ» новаго учреждаемаго предпріятія печатался въ 20-ти, иногда въ 50-ти газетахъ, по нѣскольку разъ, такъ что

на одни объявленія расходовалось по 10 тысячъ талеровъ и болѣе того. При этомъ, конечно, имѣлось въ виду не только сдѣлать предпріятіе извѣстнымъ публикѣ, но, сверхъ того, прямо подкупить газеты, склонить ихъ къ благосклоннымъ отзывамъ или къ молчанію, если газета была «чужая». Такихъ объявленій доставалось болѣе всего, разумѣется, спеціально-биржевымъ органамъ; за то же и органы эти подъ вліяніемъ такого дождя множились и росли какъ грибы; затѣмъ, наибольшее число такихъ объявленій получали большія столичныя политическія газеты, а также нѣкоторыя провинціальныя. Газеты всѣ алкали дорогостоющихъ объявленій объ «учрежденіяхъ и выпускахъ». Неважныя газетки перепечатывали ихъ безъ спросу, изъ большихъ, и потомъ безъ церемоніи посылали въ правленіе счеты: «за напечатаніе столько-то разъ, стольких сгрокъ, имѣется получить съ...» и т. д. Счеты эти почти всегда уплачивались правленіями. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что когда уже наступилъ крахъ и спекуляціи пришлось соблюдать экономію, то она на объявленіяхъ, посылаемыхъ въ большія газеты, стала дѣлать, непонятное для большинства читателей, примѣчаніе: «NB. Перечатки не оплачиваются».

Бывали случаи, что газета, «обойденная» объявленіями, выступала съ разсказомъ о томъ, какъ предпріятіе фиктивно передавалось одними учредителями другимъ, каждый разъ съ мнимымъ повышеніемъ курса бумагъ, такъ, чтобы поднять ихъ биржевую цѣну; тогда редакцію благовременно успокоивали, дѣлая ее участницею въ барышахъ, простымъ средствомъ — посылалось и ей объявленіе.

Газеты неважныя были такъ рады какой-нибудь тысячѣ или двумъ талеровъ за помѣщеніе объявленія, что за это уже даромъ расхваливали предпріятіе въ своей «экономической» или биржевой хроникѣ. Но большія, важнѣйшія газеты этимъ не довольствовались. Объявленія — объявленіями, а за поддержку въ редакціонной части изданія подавай особый «гонораръ». Бывало такъ, что та же газета, которая пользовалась объявленіемъ, высказывалась въ своемъ биржевомъ бюллетенѣ противъ предпріятія, и это придавало ей красивый видъ полнаго безпристрастія; но суть заключалась въ томъ именно, что плату за объявленія она считала недостаточною для полной продажи себя, а на такую продажу была совершенно готова, ничего иного собственно и не желала, какъ продавать себя всѣмъ и каждому. У Глагау такая дѣятельность газетъ характеризуется весьма рѣзкимъ наименованіемъ, которое мы опускаемъ.

Благодаря сообщничеству газетъ раздуваются не только обѣщанія предпріятія, но и его первоначальные, въ большинствѣ случаевъ фиктивные успѣхи, начиная съ успѣха публичной подписки на акціи. Во времена, предшествовавшія краху, сумма, предложенная къ подпискѣ, тотчасъ покрывалась съ излишкомъ. «Огромный успѣхъ, подписано гораздо болѣе, чѣмъ предлагалось, предстоитъ значительная развёрстка!» — восклицали въ газетахъ составители биржевого отдѣла. Они разсказывали иногда, что у дверей конторы, гдѣ происходила подписка, стояла толпа, что акціи брались съ бою, среди давки. Иногда это и дѣйствительно бывало. Какимъ-нибудь ловкимъ дѣльцамъ удалось выбрать удачный моментъ, удачно обставить внѣшность предпріятія, что̀ называется—ловко пустить публикѣ «пыль въ глаза». Тогда толпилась настоящая публика; но это были — исключенія. Въ большинствѣ же случаевъ, газетнымъ репортерамъ было отлично извѣстно, что «толпа и давка» составлялись приказчиками и артельщиками, которыхъ подсылали заинтересованныя въ дѣлѣ конторы, а вдобавокъ къ нимъ — еще изъ городскихъ «посыльныхъ» (Dienstmänner), для которыхъ заводились по этому случаю высокія шляпы и что-нибудь въ родѣ пальто. Случалось, что въ такую «фальшивую» толпу замѣшаются и два-три дѣйствительныхъ подписчика; за то же они, навѣрное, и получали полное потребованное ими число акцій, безъ всякой развёрстки. Чтобы привесть примѣры дѣйствительнаго огромнаго успѣха подписки, можно указать на акціи горнаго общества «Königs- und Laurahütte». Подписавшіеся на 200—2000 талеровъ, въ акціяхъ, получили только по одной акціи въ 200 талеровъ; подписчики на 2200—8000 талер., получили по двѣ акціи, а подписавшіеся на еще бо̀льшія суммы получили акцій только на 5 процентовъ подписаннаго ими капитала. Но за то, какіе первостепенные дѣльцы пускали въ ходъ это предпріятіе! Во̀ главѣ ихъ былъ Герсонъ Блейхрёдеръ, нынѣ дворянинъ фонъ-Блейхрёдеръ; въ числѣ ихъ находились В. Беренсъ и баронъ Вестенгольцъ, Яковъ Ландау, тайные совѣтники Кринесъ и фонъ-Карналль, графъ фонъ-Гатцфельдъ-Вильденбургъ, саксенъ-альтенбургскій министръ фонъ-Герстенбергъ, членъ имперскаго и прусскаго сеймовъ фонъ-Кардорфъ (онъ же одинъ изъ главныхъ ораторовъ «свободно-консервативной партіи») и т. д. Дѣйствительно, общество это въ годы 1871 — 74 раздавало въ дивидендъ по 12¼, 29, 20 и 10% на акцію. Акціи его сдѣлались одною изъ любимыхъ игорныхъ бумагъ на берлинской биржѣ; одно время онѣ доходили до 270; теперь же имъ цѣна—80.

Одинъ изъ важныхъ актовъ учрежденія новаго предпріятія представляется «введеніемъ» его бумагъ на биржу. Какъ въ первой статьѣ, мы взяли у Глагау примѣрное описаніе самаго процесса образованія акціонернаго общества, такъ теперь возьмемъ картину «введенія» бумагъ одного общества на биржу.

Домъ, или контора, Итцигъ Мейеръ и К° взялась реализовать капиталъ новаго предпріятія, то-есть пустить его акціи въ публику, такъ какъ капиталъ, «внесенный» первоначальными подписками, т.-е. учредителями, существуетъ только на бумагѣ. Итцигъ Мейеръ и К° не рѣшатся идти на такое дѣло одни; имъ необходимо прикрытіе другихъ, союзныхъ съ ними конторъ, которымъ они, съ своей стороны, при случаѣ, оказываютъ тоже услугу, конечно не даромъ, какъ и теперь не даромъ помогаютъ имъ союзные дома. Они дѣлятъ отвѣтственность, образуя для реализаціи капитала союзъ (Consortium) десятка и даже двухъ-трехъ десятковъ банкировъ, маклеровъ и биржевиковъ, которыхъ отвѣтственность сами считаютъ солидною. Члены союза заявляютъ готовность и обязываются разобрать между собою акціи въ партіяхъ на разныя суммы, смотря потому, кто сколько хочетъ рискнуть и заработать въ дѣлѣ реализаціи капитала: на пять, десять и хотя бы сто тысячъ талеровъ номинально, по условленному особо для этого курсу, положимъ 70 за 100 номинальныхъ талеровъ. Затѣмъ Итцигъ и К° имѣютъ право заставить своихъ союзниковъ дѣйствительно принять и оплатить по этому курсу то число акцій, котораго сбыть они такимъ образомъ какъ-бы гарантировали. Но самъ Итцигъ Мейеръ сохраняетъ право и не дать имъ ни одной изъ этихъ акцій, и пока, дѣйствительно, не даетъ ихъ имъ. Этотъ пріемъ есть только нѣчто въ родѣ перестрахованія одного и того же имущества однимъ страховымъ предпріятіемъ въ другихъ.

Положимъ, что минута для «введенія» на биржу новыхъ акцій оказывается благопріятною. Тогда въ залѣ фондовой биржи Итцигъ Мейеръ, его компаньоны и его союзники сіяютъ. Они образуютъ торжествующій кружокъ, около котораго тѣснятся дѣльцы самаго низшаго сорта, спекулирующіе уже не капиталомъ, но личнымъ трудомъ, голосомъ, локтями, засаленными сюртуками, которыхъ швы могутъ прорваться при усиленной толкотнѣ и жестикуляціи этихъ молодцовъ. Вниманіе посѣтителей биржи обращается на эту оживленную группу и отвлекается на время отъ другихъ дѣлъ. Выпускной курсъ, въ уваженіе къ достоинству такихъ солидныхъ банкировъ какъ Итцигъ Майеръ и К°, назначенъ $108^1/_2$; даже самое пари, то-есть рубль за

номинальный рубль, такого первостепеннаго дома удовлетворить не можетъ. И вотъ, агенты снуютъ и спрашиваютъ новыхъ акцій, громко провозглашая названіе предпріятія и курсъ:—По 109! по 109 съ половиной! по 110! — Совершенно такъ, какъ въ лисомскомъ «паддокѣ» и «стендѣ» маклера скачекъ выкрикиваютъ имена лошадей съ цѣнами, по которымъ они принимаютъ пари. Обычные посѣтители биржи очень хорошо знаютъ, что этому ветхому сюртуку, который кричитъ—«по 110!» — не требуется акцій ни по 110, ни по $108^1/4$. «Но эти крики все-таки производятъ впечатлѣніе», замѣчаетъ Глагау, и прибавляетъ: «какъ аплодисменты клакёровъ».

Такимъ образомъ, курсъ новыхъ акцій въ первую же биржу подымаютъ до 112, во вторую до 115 и т. д., сколько признаютъ нужнымъ и возможнымъ, и этотъ курсъ ихъ, дѣйствительно, заносится въ бюллетень биржи, потому что участвующіе въ союзѣ въ самомъ дѣлѣ покупаютъ и оплачиваютъ нѣкоторыя партіи акцій по этому курсу. Стало быть, оффиціальный биржевой маклеръ не можетъ не помѣчать ихъ «сдѣланными» по этому курсу, причемъ и получаетъ съ него установленный куртажъ. Между тѣмъ, мало-по-малу, и по мѣрѣ того, какъ дѣлаютъ свое дѣло газеты, расхваливая предпріятіе, по мѣрѣ того, какъ банкирскія конторы рекомендуютъ его своимъ клиентамъ, являются и настоящіе покупщики, изъ публики, число ихъ все возрастаетъ, и акціи въ самомъ дѣлѣ держатся въ разные биржевые дни на измѣняющихся, но высокихъ курсахъ. Положимъ, въ лучшіе дни, онѣ доходятъ до 125, а въ худшіе идутъ немного ниже выпускного курса, по 105, но все это продолжается только до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, большая часть всего числа акцій благополучно спущена въ публику. Тогда Итцигъ Мейеръ и союзники спускаютъ оставшуюся часть, хотя бы и съ пониженіемъ курса; въ этотъ моментъ, акціи, предоставленныя уже самимъ себѣ, вдругъ падаютъ до 90, или 70, или еще немного ниже. Дальнѣйшее ихъ паденіе зависитъ уже отъ хода дѣлъ въ самомъ акціонерномъ обществѣ.

Всѣ эти услуги оказаны союзниками не даромъ, а потому здѣсь такъ же, какъ при самомъ учрежденіи, предстоитъ дѣлёжка. Она происходитъ на счетъ преміи, то-есть добыча союзникамъ представляется въ разницѣ между тѣмъ курсомъ, по которому они приняли акціи отъ общества, то-есть гарантировали ему ихъ реализацію, и тѣмъ, среднимъ курсомъ, по которому они ихъ дѣйствительно спустили въ публику. Изъ этого очевидно, что банкирамъ или банкирскимъ конторамъ, которые взяли на себя реализацію акціонернаго капитала, не только выгодно, но совер-

16*

шенно необходимо всѣми средствами вгонять акціи въ высокіе курсы, искусственно поднимать премію: въ ней весь разсчетъ ихъ операціи. До краха, въ Берлинѣ акціи новыхъ предпріятій непремѣнно пускались на биржу выше пáри; иначе, думали, не стоило и «рукъ марать». Такъ, Итцигъ Мейеръ и К° продавали акціи новаго общества, въ разные биржевые дни, положимъ, по 105—125. Стало быть, средній курсъ продажи былъ 115, за то онъ и принимается для разсчета съ участвовавшими въ операціи. Изъ 115 %—на куртажъ маклерамъ, сбавки неучаствующимъ банкамъ, награды и мелкія взятки (Douceurs) идутъ 15. Остаются 100 процентовъ; а такъ какъ участники «консорціума» принимали акціи по курсу 70 за сто, то въ ихъ пользу приходится 30% съ суммы разобранныхъ партій, то-есть съ 5, 10, 50 или 100 тысячъ талеровъ. Мелкимъ агентамъ-крикунамъ даются въ видѣ наградъ по нѣскольку акцій; на 10 акцій барышъ составитъ 600 талеровъ, а на 5 акцій—300. Этими подачками тѣ агенты и живутъ; онѣ представляютъ ихъ личный заработокъ, пока, при бережливости и счастьѣ, тому или другому изъ нихъ не удастся самому принять участіе въ операціяхъ и создать себѣ на биржѣ «положеніе», чтó бываетъ.

При описанной операціи, банкиры Итцигъ Мейеръ и К° воспользовались 30-ю процентами со всей суммы въ акціяхъ, которая была гарантирована лично ими, оставалась на собственной ихъ отвѣтственности. Союзникамъ же они уплачиваютъ тѣ же 30% съ партій, которыя обязался принять, то-есть гарантировалъ каждый изъ нихъ. Но акцій Итцигъ Мейеръ и К° имъ вовсе не давали, такъ что они получили свои 30 процентовъ безъ всякой затраты капитала, за одинъ рискъ. Всѣ акціи домъ Мейеръ и К° сохранялъ въ своихъ рукахъ и спустилъ въ публику за деньги изъ своихъ же рукъ. Иначе, то-есть если бы онъ въ самомъ дѣлѣ раздавалъ акціи союзникамъ, то могъ бы наступить такой неблагопріятный казусъ, что ему пришлось бы обратно скупать акціи отъ своихъ же союзниковъ по высокому курсу. Но союзники ихъ, которые при удачной распродажѣ акцій получили 30%, повидимому совершенно дáромъ, въ дѣйствительности получили ихъ за свой рискъ. Еслибы распродажа пошла неудачно, еслибы не удалось продать акцій не только по $108^1/_4$, но и по 71 за сто, вотъ тогда-то Итцигъ Мейеръ и К° и понудили бы своихъ союзниковъ принять и оплатить ихъ по условленному курсу 70 за сто. Такихъ случаевъ было не мало, и понятно, что въ нихъ союзники исполняли свое обязательство

весьма неохотно, а при возможности и уклонялись отъ него, предпочитая процессъ, который иногда рѣшался и въ ихъ пользу.

Такъ, знаменитый «даннебергскій» акціонерный ситецъ, о которомъ разсказано въ первой статьѣ, именно вслѣдствіе такого случая, всей своей тяжестью легъ на знаменитаго спекулянта Рихарда Шведера. Онъ долго выжидалъ благопріятнаго биржевого момента, чтобы «ввесть» на биржу акціи этого «линючаго ситца»; наконецъ, предчувствуя издали крахъ, онъ вдругъ неожиданно выступилъ съ «ситцемъ» на биржу и потерпѣлъ полное пораженіе. Союзники его, въ свое время не мало нажившіе при различныхъ учрежденіяхъ Шведера, видя неуспѣхъ и чуть не драку, которая произошла при изгнаніи съ биржи главнаго агента Шведера, Парадиза, отказались принять и оплатить по условленному курсу тѣ партіи акцій, которыя были обязаны по условію принять. Произошелъ процессъ, и судъ, въ виду особенныхъ, выходившихъ изъ ряда продѣлокъ при самомъ учредительствѣ, рѣшилъ дѣло въ пользу союзниковъ Шведера, такъ что основанный имъ «прусскій банкъ поземельнаго кредита» долженъ былъ вынесть весь «ситецъ» на своихъ плечахъ, а Шведеръ, вслѣдствіе того, принужденъ былъ выдти изъ банка.

Спекуляція вгоняла бы новыя акціи при ихъ введеніи на биржу въ курсы еще болѣе высокіе, чѣмъ предположено въ приведенномъ описаніи. Но тутъ являются особые дѣльцы, которыхъ спеціальность «травить» высокіе курсы. Это—тѣ изъ игроковъ на срочныя сдѣлки, изъ «фиксеровъ», какъ ихъ называютъ въ Берлинѣ, которые спекулируютъ на пониженіе (baissiers). Они запродаютъ на срокъ партіи акцій, которыхъ сами еще не имѣютъ, по цѣнѣ низшей нынѣшняго курса и затѣмъ пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы уронить курсъ еще ниже той цѣны, по которой взялись поставить бумаги. Но эти «фиксеры» тоже иногда попадались, если какіе-нибудь важные дома соглашались удерживать акціи въ своихъ рукахъ; наступилъ день разсчета, такъ называемое въ Германіи Ultimo, то-есть послѣднее число мѣсяца, и фиксеры, будучи не въ состояніи поставить акціи, платили неустойку или уплачивали изъ своихъ кармановъ разницу, чтобы покупатель отказался отъ пріема; но вообще до краха, какъ уже сказано, курсы, по которымъ новыя акціи вводились на биржу, бывали высоки, причемъ огромныя суммы доставались знатнѣйшимъ банкирамъ, какъ-то: франкфуртскому Ротшильду, кёльнскому Оппенгейму и др. Оба названные банкира участвовали въ введеніи на биржу акцій дортмундской Union, по курсу 110, ко-

торый затѣмъ былъ поднятъ до 228; нынѣшній же (конца 1875 г.) курсъ имъ—около 12 за сто.

II.

Всѣмъ прилежнымъ читателямъ газетъ еще памятны разсказы нашихъ фельетоновъ «заграничной жизни» о томъ, какъ страшно поднялись въ Берлинѣ, вслѣдъ за войной съ Франціей, цѣны на квартиры, какъ бѣдныя семейства принуждены были жить въ баракахъ, какъ въ Берлинѣ возникъ особый «барачный городокъ», какія, наконецъ, громадныя постройки были вызваны въ столицѣ германской имперіи этой нуждою. Послѣдствія, однако, показали, что и самая нужда, и постройки, предпринятыя для ея удовлетворенія, въ значительной мѣрѣ вызывались непомѣрнымъ развитіемъ спекуляціи.

Пустыхъ квартиръ въ Берлинѣ, по цифрамъ Глагау, въ 1867 г. числилось около 8600, въ слѣдующемъ году 6100, далѣе—3500, а въ 1870 году уже только 1800. Въ слѣдующіе два года цифры незанятыхъ помѣщеній были 2000 и 1100, а въ 1873 году—800. Но хотя за 1872 г. и числилось 1100 незанятыхъ помѣщеній, однако значительная часть и не могла быть нанята, потому ли, что перестраивались дома, или потому, что за нихъ были назначены цѣны, которыхъ никто не соглашался дать; наибольшее ихъ число составляли квартиры среднихъ размѣровъ, т.-е изъ четырехъ и болѣе комнатъ. Но, по достовѣрному свѣдѣнію, къ 1 апрѣля 1872 г. недоставало 500 квартиръ малыхъ, такъ что сотни семействъ принуждены были помѣщаться въ неотстроенныхъ домахъ, сараяхъ и т. д. Квартирная плата сильно возвысилась именно въ годы наибольшаго развитія спекуляціи: 1871—1873; она удвоилась, мѣстами утроилась за это время. До того, обыкновенно, разсчитывалось, что на наемъ квартиры идетъ шестая часть дохода занимающагося лица. Но тутъ вдругъ цѣлая четверть, даже треть дохода стала поглощаться наймомъ квартиры, что̀ привело къ нѣкоторому пролетаріату людей либеральныхъ профессій. Первыми признаками, что спекуляція взялась за дѣло эксплуатаціи квартиръ, было примѣтное уменьшеніе числа малыхъ жилыхъ помѣщеній и умноженіе квартиръ «барскихъ». Квартиры, стоившія отъ 2 до 5 тысячъ талеровъ, въ Берлинѣ, въ прежнее время были весьма рѣдки, теперь ихъ вдругъ стало много. Спекулянты не только поднимали ихъ цѣны для спекуляціи, но и тѣмъ, что при легкой

наживѣ стали сами бросать, что называется, «бѣшеныя деньги» за квартиры. Иные изъ нихъ платили по 6000, даже по 20,000 талеровъ въ годъ! Это принадлежало къ ихъ издержкамъ «на представительство». Часть города, прежде извѣстная подъ именемъ «квартала тайныхъ совѣтниковъ» (Geheimrathsviertel), была прежде всѣхъ завоевана банкирами и биржевиками. Тайные совѣтники удалились въ другія мѣстности, или если остались на старомъ мѣстѣ, то поднялись въ третій этажъ, надъ блестящими квартирами новѣйшей биржевой аристократіи.

Чѣмъ болѣе скупалось домовъ, для возвышенія въ нихъ квартирныхъ цѣнъ, тѣмъ болѣе дорожились домовладѣльцы, тѣмъ болѣе разростался торгъ домами. Дома обратились какъ-бы въ тѣ же биржевыя бумаги, съ измѣняющимся курсомъ. Масса спекулянтовъ скупала дома единственно съ цѣлью перепродажи, и бывало, что въ теченіи всего нѣсколькихъ дней запродажа дома переходила чрезъ десятокъ рукъ, которыя при этомъ всѣ что-нибудь наживали, что-нибудь откладывали въ соотвѣтствующіе имъ карманы. Цѣны домовъ поднялись до баснословныхъ размѣровъ, такъ какъ при покупкѣ имѣлась въ виду возможность уже не собирать доходъ съ жильцовъ, но получить еще какую-нибудь надбавку при новой перепродажѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, спекуляція бросилась скупать мѣста для постройки домовъ. На двѣ мили вокругъ Берлина огороды и поля были переименованы въ мѣста подъ постройку домовъ. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, дѣло ограничилось одной распланировкой. Кромѣ спекулянтовъ при этомъ, впрочемъ, получили выгоды собственники тѣхъ огородовъ и полей, такъ какъ, разумѣется, продали свои участки дорого; весьма вѣроятно, что они пріобрѣтутъ ихъ со временемъ обратно.

Лихорадочная спекуляція по скупкѣ участковъ подъ постройки началась съ того времени, какъ это дѣло стало однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ «учредительства» акціонерныхъ компаній. Число акціонерныхъ строительныхъ компаній въ одномъ Берлинѣ доходило до 80. Онѣ предпринимали постройки, торговали земельными участками, производили ссуды подъ постройки. Но онѣ не столько въ дѣйствительности строили, сколько ворочали деньгами по поводу строительнаго дѣла. Газеты привѣтствовали ихъ размноженіе, такъ какъ потребность строиться въ Берлинѣ была очевидна. Народу все прибывало, такъ какъ обольщеніе національными успѣхами и пріобрѣтеніемъ пяти милліардовъ золотомъ охватило не только города, но и селенія. Всѣ ожидали, что въ Берлинѣ будетъ происходить нѣчто необыкно-

венное, многіе думали, что стòитъ только попасть туда, чтобы оказаться подъ ниспадающей манною. Недавно передъ тѣмъ изданные законы, облегчившіе переселеніе, отмѣнившіе цеховыя стѣсненія, способствовали наплыву въ Берлинъ новыхъ жителей, рабочихъ и искателей счастія. Первоначально, рабочіе въ самомъ дѣлѣ не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ заработки быстро и сильно поднялись; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ возникла дороговизна помѣщенія и жизненныхъ припасòвъ, то выгоды уже этимъ значительно уменьшились. А когда впослѣдствіи наступилъ «крахъ», дѣла остановились, и самыя солидныя предпріятія, какъ, напримѣръ, Борзиговъ локомотивный заводъ, должны были сократить свое производство, въ виду, съ одной стороны, возвышенія заработной платы, а съ другой—уменьшенія спроса, то окончательный результатъ для прежняго и вновь прибывшаго рабочаго населенія былъ неблагопріятный.

Но возвратимся къ строительнымъ обществамъ. Такъ какъ малыхъ квартиръ въ Берлинѣ дѣйствительно недоставало, да и всѣ квартиры поднялись въ цѣнѣ, то строить, разумѣется, было необходимо. Но, во-первыхъ, вовсе не надо было строиться въ такихъ размѣрахъ, какіе были предположены спекулянтами, во-вторыхъ, надо было въ самомъ дѣлѣ строить, а не спекулировать только по поводу построекъ. Статистикъ Швабе вычислилъ, что еслибы всѣ предположенныя въ Берлинѣ новыя постройки осуществились, то этотъ городъ долженъ былъ бы имѣть девятимилліонное населеніе, чтобы онѣ были заняты. Но большинство строительныхъ обществъ совсѣмъ ничего не строило, кромѣ мостовыхъ и тротуаровъ къ своимъ участкамъ. Они главнымъ образомъ именно покупали какіе-нибудь огороды или пески, составляли имъ планы, разбивали ихъ на участки, для перепродажи. Многія изъ этихъ компаній были въ то же время «строительные банки»; они продавали участки съ разсрочкою покупной суммы, съ выдачей затѣмъ ссудъ подъ залогъ пріобрѣтенныхъ участковъ. Излишне было бы разсказывать судьбу строительныхъ обществъ: это было бы, въ сущности, повтореніемъ. Но у Глагау, независимо отъ взглядовъ на важнѣйшія изъ нихъ, есть еще таблица, въ которой эти важнѣйшія общества показаны съ обозначеніемъ цифры акціонернаго капитала, именъ учредителей, цифры выданныхъ дивидендовъ, а также прежняго, высокаго, и нынѣшняго курса ихъ акцій. Для примѣра, упомянемъ два-три изъ нихъ. Такъ, «Центральный строительный банкъ» (Мамротъ, Оппенгеймъ и др.) выдавалъ дивидендъ въ 43%, и акціи его стояли 420 за сто, а теперь стоютъ всего 25%, то-есть четверть своей номи-

нальной цѣны; «Общество для посредничества при покупкѣ земель и строительствѣ» (Борнъ, Симонъ и др.), дивидендъ 40%, прежняя цѣна акцій 200 за сто, нынѣшняя—15; «Центральный германскій строительный союзъ» (Кисторпъ), дивидендъ 15%, акціи прежде 165 за сто, теперь 1 талеръ (!).

Высокій размѣръ выдававшихся дивидендовъ былъ просто обманомъ, потому что въ дѣйствительности никакого дивиденда выдавать не слѣдовало. Обществамъ этимъ удалось продать только весьма небольшую часть скупленныхъ ими втридорога земель, а остававшаяся въ ихъ рукахъ часть одними процентами на затраченный капиталъ далеко покрывала всякую выгоду, пріобрѣтенную на проданныхъ участкахъ. А между тѣмъ дивиденды выдавались огромные, потому, конечно, что учредители имѣли въ виду сбыть не земель, но акцій учрежденныхъ ими обществъ, по возможно дорогой цѣнѣ; дивиденды и выдавались изъ капитала. А почему же общія собранія утверждали такіе дивиденды? Потому что такіе дивиденды назначались въ то время, когда большая часть акцій еще находилась въ рукахъ учредителей, а стало быть, общія собранія акціонеровъ продолжали быть комедіями, какъ при самомъ учредительствѣ.

Въ числѣ виднѣйшихъ дѣльцовъ по строительному учредительству находимъ Карстена, который былъ возведенъ въ дворянство, съ переименованіемъ въ «Карстены фонъ-Лихтерфельде», Кисторпа, о которомъ уже упоминалось въ первой статьѣ, Мунка и Дельбрюка, двоюроднаго брата министра, недавно вышедшаго въ отставку. Глагау разсказываетъ подвиги этихъ героевъ спекуляціи, изъ которыхъ мы можемъ только выбрать нѣсколько эпизодовъ. Но такъ какъ сейчасъ упомянуто о возведеніи въ дворянство одного изъ «князей спекуляціи», Карстена, то замѣтимъ мимоходомъ, что новая аристократія вообще не довольствовалась деньгами, но всѣми силами стремилась къ пріобрѣтенію дворянства. У насъ были примѣры возведенія въ дворянство пожалованіемъ высокихъ чиновъ. Въ Пруссіи же прямо возводили въ дворянство. Объ этомъ, конечно, не стоило бы и говорить, еслибы дѣло касалось кого другого, а не князей спекуляціи. Съ ихъ стороны искательство этого отличія весьма характеристично, и наши консерваторы могутъ привѣтствовать такой фактъ, что и въ наше время, когда все цѣнится на деньги, всякая вещь, такъ сказать, «котируется», дворянское званіе имѣетъ высокую цѣну на биржѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы это была собственность, подлежащая отчужденію въ чужія руки, то она получила бы опредѣленную цѣну. Но такъ какъ вольной торговли здѣсь не

допускается, то предметъ этотъ, съ одной стороны, не имѣетъ никакой цѣны въ рукахъ тѣхъ, кто имъ располагать не можетъ, а съ другой,—имѣетъ цѣну весьма высокую, но неопредѣленную для тѣхъ, кто для пріобрѣтенія ея готовъ сдѣлать разнообразныя и немаловажныя пожертвованія. Возведены были въ дворянство Герсонъ Блейхрёдеръ, Ганземаннъ, Краузе, Карстенъ. Другіе не могли пріобрѣсть желаннаго отличія прямо и потому обратились все-таки къ «вольной торговлѣ», въ томъ смыслѣ, что покупали себѣ «благородныхъ отцовъ», то-есть пріискивали бѣднаго дворянина, который за пожизненную ренту или за разъ выплаченную сумму усыновлялъ ихъ.

Berlin wird Weltstadt! Берлинъ становится всесвѣтнымъ городомъ! Таково было искреннее мнѣніе берлинцевъ послѣ войны. Берлинъ, хотя и былъ столицею одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ, но не привлекалъ иностранцевъ, не создавалъ модъ, не игралъ роли въ международной общественной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ далеко уступалъ Лондону, Парижу, Нью-Іорку, даже Вѣнѣ. Въ немъ всегда сохранялся нѣкоторый оттѣнокъ провинціализма, патріархальности или, какъ выражаются нѣмцы,—Kleinstädterei. Прибавимъ, что это очень шло къ той его сторонѣ, которая выражалась кантовскими и гегелевскими традиціями и заслужила Берлину отъ самихъ нѣмцевъ прозвище Intelligenz-Stadt. Такъ, напримѣръ, генераловъ, идущихъ въ полной парадной формѣ, со звѣздами и лентами, пѣшкомъ на обѣдъ во дворецъ, можно было видѣть только въ Берлинѣ, и подобная простота придавала Берлину оригинальность привлекательнаго свойства. Быть можетъ, именно простота и была единственной привлекательной чертой въ физіономіи Берлина. Рядомъ съ ней существовала дешевизна простѣйшаго комфорта.

Но извѣстно, что люди, вопреки пословицѣ и «отъ добра добра ищутъ»; и вотъ, въ силу такого стремленія и громадныхъ политическихъ успѣховъ, въ Берлинѣ создалась поговорка: Berlin wird Weltstadt, настоящая пословица. Одна театральная пьеса была названа по этой поговоркѣ, но въ большинствѣ всѣхъ драматическихъ пьесъ, фельетоновъ и альманаховъ она встрѣчалась; однимъ словомъ, выраженіе это вошло въ составъ разговорнаго языка. Самое назначеніе строительныхъ акціонерныхъ обществъ и банковъ было, очевидно, въ томъ, чтобы поговорка эта оправдалась на дѣлѣ. Для милліона, а можетъ быть и двухъ милліоновъ жителей надо было создать новый Берлинъ, придать ему новые «концы» на западъ, сѣверъ, востокъ и югъ—Westend, Nordend, Ostend и Südend; сверхъ того, надо было пересоздать Берлинъ

уже и для того, чтобы сообщить ему грандіозность и великолѣпіе, соотвѣтствующія новой роли того города, въ которомъ съ такой патріархальностью жили и дѣйствовали нѣкогда и Гнейзенау, и Штейнъ, и Кантъ съ своимъ дождевымъ зонтикомъ.

Призваніе строительныхъ обществъ было очевидно. И вотъ, они въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ привлекли капиталъ по меньшей мѣрѣ въ сто милліоновъ талеровъ, по номинальной цѣнѣ выпущенныхъ ими акцій, не говоря уже о преміяхъ, которыя иногда превосходили номинальную цѣну (были примѣры поднятія курса до 400 за сто). Куда же дѣвались эти деньги, на которыя построено такъ мало, да и то, чтó построено, обременено огромными долгами? Достаточно сравнить номинальную цѣну акцій строительныхъ обществъ съ нынѣшнею ихъ цѣной, чтобы объяснить себѣ это. Общій результатъ дѣятельности этихъ обществъ характеризуется словами профессора Гнейста на эйзенахскомъ конгрессѣ: «чтобы прекратилась нужда отъ недостаточности или недоступности квартиръ (Wohnungsnoth) необходимо, чтобы прежде прекратили свое существованіе всѣ акціонерныя строительныя компаніи».—Вздорожаніе квартиръ повело даже, какъ извѣстно, къ нѣкоторому упадку берлинскаго университета, то-есть къ уменьшенію числа его студентовъ: множество учащихся перешли изъ Берлина въ Лейпцигъ.

Но кто же нибудь выигралъ, конечно, отъ такого огромнаго, хотя и мало плодотворнаго перемѣщенія денегъ, послѣдовавшаго при спекуляціи на дома и постройки? Объемъ, охваченный этой спекуляціею можно обозначить тѣмъ фактомъ, что бóльшая половина всего числа домовъ въ Берлинѣ, болѣе 8000 домовъ, въ теченіи этого періода перемѣнили владѣльцевъ. Выиграли, разумѣется, тѣ, кто жарилъ рыбу, но не рыбы, которыя жарились. Нѣкто Поль Мункъ въ шестидесятыхъ годахъ явился въ Берлинѣ, чтó называется, безъ гроша въ карманѣ; съ 1873 года онъ занялъ бельэтажъ угловаго дома на Unter-den-Linden и Pariser Platz; рядомъ съ нимъ, въ томъ же домѣ, жилъ герцогъ фонъ-Саганъ, и надъ нимъ, этажемъ выше, герцогъ фонъ-Уестъ, владѣющій огромными помѣстьями, даже городками, въ прусской Силезіи. Домъ этотъ принадлежалъ нѣкому Пинкуссу, другу Мунка, но у послѣдняго есть нѣсколько домовъ въ лучшихъ мѣстностяхъ Берлина и нѣсколько дачъ вокругъ города. Мункъ недавно отдѣлалъ по-княжески одинъ изъ собственныхъ домовъ, и живетъ теперь въ немъ. Мункъ началъ свою дѣятельность въ Берлинѣ съ шныранія по разнымъ интендантствамъ и хозяйственнымъ управленіямъ, вѣчно что-нибудь скупая или предлагая что-

нибудь поставить; потомъ онъ сдѣлался директоромъ компаніи, построившей «Колонію виллъ Вильгельмсгёэ», то-есть группу небольшихъ домовъ на Крейцбергѣ. Дома эти не нанимались и не продавались очень долго. Но вотъ наступило горячее время спекуляціи, и Мункъ скоро выдвинулся впередъ. Еще въ 1870 г. онъ учредилъ акціонерное общество для постройки пассажа между Unter-den-Linden и Behren- и Friedrichstrasse. Соучредителями его были банкиры Мейеръ Конъ, Аронъ Гиршъ Гейманъ, Соломонъ Гейманъ и др. Главнымъ директоромъ былъ избранъ Мункъ. Пассажъ былъ открытъ 22 марта 1873 г. въ день рожденія императора, и наименованъ «Kaiser-Galerie»; за два дня передъ тѣмъ, по приглашенію совѣта предпріятія, на оффиціальное празднество открытія явился весь дворъ, и учредители съ ихъ женами были представлены каммергеромъ фонъ-Приллььвицемъ (однимъ изъ участниковъ предпріятія)—императору, императрицѣ, принцамъ и принцессамъ. Затѣмъ послѣдовалъ ужинъ и балъ. «Представители печати» получили «холодную закуску». Каждый изъ членовъ совѣта пожертвовалъ на устройство этого празднества по 800 талеровъ. Дѣла пассажа пошли худо, потому что учредители его навязали обществу пассажа еще другое свое же учрежденіе, а именно одинъ отель, который никакъ не могъ найти съёмщика. Первоначальныя высокія цѣны за рестораны, лавки и «помѣщенія для банкирскихъ конторъ», устроенныя въ пассажѣ, пришлось сильно понизить, да и тѣ изъ нихъ, которыя заняты, плохо ведутъ свои дѣла. Общій же результатъ всего предпріятія таковъ: акціонерный капиталъ пассажа составляетъ 2 милліона талеровъ, и капиталъ облигацій и залоговой суммы 1 м. 366 т. талер.; акціи пассажа стояли нѣкогда 140 за сто, теперь продаются по 15-ти.

Пассажъ полюбило только такое общество, которое ему никакой пользы не приноситъ, а именно «вольная биржа», нѣчто въ родѣ нашей «демутовой», которая у насъ имѣла еще вспомогательныя засѣданія «зайцовъ» въ двухъ кондитерскихъ на Невскомъ. Въ Берлинѣ эта биржа сперва также помѣстилась-было въ извѣстной кондитерской Кранцлера, весьма тѣсной, но была выпровожена оттуда полиціей и перенеслась въ Мунковъ «пассажъ». Но и здѣсь съ ней случилась непріятность, которую мы опишемъ со словъ Глагау. Однажды вечеромъ, по обычаю, собрались въ пассажѣ Розенфельдъ, Розенгайнъ, Розенбергъ, Розенталь, Розенбахъ, Розенбушъ, Розенблатъ, Розенштиль, Розенштокъ и др.—и стали суетиться съ такой лихорадочной дѣятельностью, что чрезъ «пассажъ» нельзя было пройти. Пришелъ

управляющій и пригласилъ членовъ биржи разойтись. Это сильно не понравилось Розенштоку; онъ хватилъ управляющаго по лицу; тогда сбѣжались служители и кёльнеры изъ ресторана (въ которомъ члены биржы заказывали только сельтерскую воду по полбутылкѣ на троихъ), и между ними, съ одной стороны, и вольными банкирами съ другой — произошла потасовка, въ которой храбрый Розенштокъ былъ подавленъ численнымъ превосходствомъ непріятеля.

Важнѣйшія части пассажа—большія залы для торжественныхъ собраній, большіе рестораны въ верхнемъ этажѣ и гостинница на 60 нумеровъ остаются незанятыми доселѣ. Да и внизу ресторанъ едва держится; его снимаетъ простой кёльнеръ, каждый разъ только на мѣсяцъ, не рѣшаясь рискнуть на дальній срокъ. Различныя другія акціонерныя чудеса, долженствовавшія пересоздать Берлинъ въ «всесвѣтный городъ», если только были акціонернаго свойства, имѣли участь не лучшую, но еще худшую, чѣмъ пассажъ. Такъ, очень близко къ нему предположено было еще соединеніе улицъ Унтеръ-ден-Линденъ и Беренштрассе, но уже не въ видѣ пассажа, а посредствомъ настоящей улицы, которая впередъ такъ и называлась въ программахъ Prachtstrasse, то-есть «великолѣпная улица». Предположено было проломать проѣздъ для соединенія двухъ названныхъ улицъ, и по бокамъ возвести великолѣпные фасады, изъ сплошныхъ рядовъ богатыхъ магазиновъ въ нижнихъ этажахъ, но еще съ театромъ и «исполинскихъ размѣровъ» гостинницею. Учредителями и здѣсь были Мункъ, Эмиль Гейманъ (сынъ Арона), и, кромѣ нѣкоторыхъ участниковъ пассажа, еще и другія лица, между которыми бывшій министръ фонъ-Бонинъ (въ Пруссіи министры, по увольненіи, сохраняютъ свой титулъ Staatsminister, съ прибавленіемъ словъ à disposition, или буква a. D.). Въ числѣ скупленныхъ для этого предпріятія домовъ, были и дома подъ нумерами 17 и 18 на Unter-den-Linden, нынѣ какъ-бы историческіе, такъ какъ здѣсь нѣкогда царилъ въ своихъ конторахъ великій Струсбергъ и здѣсь составлялась его газета «Post». Мункъ былъ прежде близокъ къ Струсбергу. Скупкою домовъ завѣдывалъ главнымъ образомъ Мункъ, который ихъ сперва пріобрѣталъ самъ, а потомъ перепродавалъ акціонерному обществу Unter-den-Linden. При этомъ, по сравненію цѣнъ покупокъ Мунка и продажъ его обществу, на однихъ домахъ Струсберга Мункъ долженъ былъ имѣть барыша 1 м. 450 т. талеровъ; изъ этой суммы онъ уплатилъ по 85 т. талеровъ Мейеру Кону, Арону Гейману и Герману Рейману, и 55 т. талеровъ Эпельсу, а обществу домá обошлись

въ 1 м. 750 т. талеровъ (Мункомъ же были куплены у Струсберга за 600 т. талеровъ).

Акціонерный капиталъ общества Unter-den-Linden составлялъ 2 м. 400 т. талеровъ и былъ реализованъ уже извѣстными намъ Рихардомъ Шведеромъ и Вольфомъ Парадизомъ. За коммиссію по реализаціи капитала, Шведеровъ «прусскій банкъ поземельнаго кредита» получилъ 400 тысячъ талеровъ! Были пущены въ ходъ всевозможныя рекламы, въ особенности слухи объ интересѣ, принимаемомъ въ этомъ дѣлѣ дворомъ, о вліяніи при дворѣ фонъ-Бонина; «великолѣпная» улица получила имя наслѣдника престола—Friedrich-Wilhelmstrasse. Но улица эта такъ и не была построена, потому что наступилъ «крахъ». Скупленные дома совершенно опустѣли, такъ какъ наниматели должны были очистить ихъ къ 1 апрѣля 1873 года, и пока снова были заняты—прошло около года. Струсберговы дома—старыя развалины, годныя на сломку, обошлись обществу, какъ уже сказано, въ 1¾ милл. талер., а всѣ шесть скупленныхъ участковъ стоили ему 3.462,000 талеровъ. Акціи строительнаго общества Unter-den-Linden стоютъ нынѣ около 15 за сто.

Дѣло было столь вопіющее, что нѣкоторые акціонеры обратились къ суду съ заявленіемъ о мошенничествѣ, для начатія уголовнаго дѣла. Предварительное слѣдствіе продолжалось 8 мѣсяцевъ, и не привело къ результату. Первый прокуроръ Тессендорфъ подалъ мнѣніе въ томъ смыслѣ, что «хотя учредители нравственно подлежатъ безусловному осужденію, но къ уголовной отвѣтственности привлечены быть не могутъ». Берлинскій городской судъ утвердилъ это мнѣніе и постановилъ прекратить обвинительный процессъ. Одинъ изъ учредителей былъ, вслѣдствіе жалобы, привлеченъ къ военному суду, какъ офицеръ ландвера, и акты слѣдствія о немъ восходили къ самому императору, но безъ всякаго результата, за недостаткомъ законовъ, на которыхъ можно было бы основать обвиненіе.

Въ числѣ «украшеній», предположенныхъ для новаго Берлина, были еще «городской паркъ съ 72,000 газовыми рожками», учрежденный Геберомъ, и Kaiserhof, отель, учрежденный «берлинскимъ обществомъ гостинницъ», которое само было учреждено «обществомъ для построекъ», получившимъ свое начало отъ «германскаго банка» коммерціи совѣтника Дельбрюка и барона фонъ-деръ-Гейдта. Эти два лица были главными участниками при всѣхъ этихъ учрежденіяхъ. Геберовъ «городской паркъ», если на него взглянуть днемъ, когда не зажжены «72,000 газовыхъ рожка»—не что иное, какъ портерный садъ, Biergarten. Если

же глядѣть на него вечеромъ, особенно глазами фельетонистовъ «National-Zeitung», и «Vossische Zeitung», то это было «въ нѣкоторомъ родѣ волшебство». Впрочемъ, волшебство прекратилось, такъ какъ газовые рожки давно уже не зажигаются.

Kaiserhof—тотъ имѣлъ иную, но уже совершенно непредвидимую судьбу. Это была огромная гостинница на Цитенъ- и Вильгельмсъ-плацѣ, съ 262 нумерами для пріѣзжихъ, съ подъёмными машинами, катальнымъ стуломъ и другими затѣями, которыя были превознесены фельетонистами, получившими и при его открытіи не только «холодную закуску», но и обѣдъ. Одинъ изъ учредителей, банкиръ Дельбрюкъ,—какъ уже сказано, двоюродный братъ министра,—хотѣлъ даже назвать по имени своего родственника и по своему собственному, улицу, которую проложилъ въ этой гостинницѣ, но министръ Дельбрюкъ не позволилъ ему этого, и улица названа Kaiserhofstrasse. На открытіе «императорскаго отеля» учредители пригласили императора, который даже сдѣлалъ имъ удовольствіе прокатиться на «подвижномъ стулѣ». Затѣмъ былъ пиръ на 250 персонъ, для «представителей администраціи, наукъ и искусствъ, торговли и печати». Оберъ-полиціймейстеръ Берлина Мадаи провозгласилъ тостъ «за успѣхъ грандіознаго предпріятія, которымъ его величество, какъ доказывается высочайшимъ посѣщеніемъ, изволитъ интересоваться». Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія Kaiserhof сгорѣлъ. Были слухи, будто тлѣніе замѣчалось за нѣсколько дней. Онъ былъ застрахованъ въ городскомъ обществѣ взаимнаго страхованія. Впрочемъ, пожаръ, конечно, не разрушилъ стѣнъ. Kaiserhof можетъ еще возникнуть изъ пепла. Вопросъ только въ томъ, можетъ ли онъ когда-либо приносить доходъ, такъ какъ онъ обремененъ акціонернымъ капиталомъ въ 2 милліона талеровъ и залоговою суммою въ 500 тысячъ талеровъ.

III.

Чего еще недостаетъ новой столицѣ германской имперіи, для того, чтобы она могла сравниться съ «всесвѣтными» городами, хотя бы съ резиденціею прежнихъ германскихъ императоровъ—Вѣной? Очень многаго, конечно; между прочимъ—общественныхъ экипажей, которые только въ Петербургѣ хуже, чѣмъ въ Берлинѣ. Какъ было не помочь этому дѣлу въ то великое до-краховское время, когда капиталъ такъ довѣрчиво являлся на зовъ «промышленности»? Стóило учредить акціонерную компанію,

разумѣется. Такъ и сдѣлалъ г. Кисторпъ. Онъ, при участіи банкира Гольдштейна, купилъ названное заведеніе, и превратилъ его въ акціонерное предпріятіе подъ названіемъ: «центральный базаръ извозной промышленности»! Извозное заведеніе отнесено было на счетъ акціонернаго общества въ суммѣ 550 тысячъ талеровъ. Акціи введены были на биржѣ по курсу 105; теперь онѣ—20. Но акціонерные Droschken-Kutscher столь же мало довольствовались таксой, какъ и не-акціонерные, да и сами Droschken были не лучше прежнихъ. Въ началѣ 1873 года, полицейскій президентъ Мадаи обнародовалъ новыя правила, обязательныя для занимающихся извознымъ промысломъ. За этимъ послѣдовала стачка кучеровъ; 1 марта 1873 г. около 3000 фурмановъ не выѣхали и объявили намѣреніе не выѣзжать болѣе. Въ теченіи нѣсколькихъ дней въ Берлинѣ почти не было извозчиковъ. Это обстоятельство послужило предлогомъ къ учрежденію новаго акціонернаго общества, «которое, располагая большимъ капиталомъ, могло бы произвесть въ извозномъ дѣлѣ радикальную перемѣну». «Акціонерное общество общественныхъ экипажей» обѣщало выпустить 1200 новыхъ «дрожекъ» и оставалось съ капиталомъ въ 2 милліона талеровъ. Дѣятельность свою оно, впрочемъ, могло начать только въ іюлѣ, то-есть, когда strike фурмановъ уже прекратился; но и выпустило оно не 1200, а только немного болѣе 200 «дрожекъ»; онѣ были новыя, обошлись дорого, и могли только по дорогимъ цѣнамъ отдаваться въ арендованіе извознымъ промышленникамъ. Тѣ, будучи ограничены таксою, не могли ихъ брать, или если и брали, то заставляли своихъ фурмановъ почти до смерти гонять лошадей, такъ что въ дѣло вмѣшалось общество покровительства животнымъ. Однимъ словомъ, результатъ учредительства въ извозномъ промыслѣ былъ тотъ, что число «дрожекъ» стало нѣсколько больше, но ни сами «дрожки», ни лошади не стали лучше.

Большая конно-желѣзная дорога въ Берлинѣ—вотъ единственное акціонерное предпріятіе изъ времени «учредительства», которое удалось. Акціонерный капиталъ его нынѣ—3 милліона талеровъ, и хотя дивидендъ 1874 года составилъ всего $4^3/_4\%$, но акціи его и теперь стоятъ 115 за сто, въ виду солидности предпріятія и дѣйствительной потребности въ немъ. Но нѣсколько другихъ акціонерныхъ обществъ конно-желѣзныхъ дорогъ разорились. При перечисленіи предпріятій учредительства по украшенію Берлина нельзя опустить увеселительнаго заведенія «Flora». Оно принадлежитъ акціонерной компаніи, которой чистый доходъ въ настоящее время заключается въ правѣ акціонеровъ без-

платно посѣщать это увеселеніе. Но и то уже возбуждался вопросъ, не лишить ли ихъ этого послѣдняго утѣшенія. Предпріятіе это обременено—если считать вмѣстѣ акціонерный капиталъ, другіе долги и залоговую ссуду — двумя милліонами талеровъ. Сверхъ того, постройки были исполнены такъ недоброкачественно, что уже въ 1873 году провалились стропила надъ большою залою. Въ заведеніи этомъ одно время пѣла Лукка, а бывшій въ то время супругъ ея, баронъ Роденъ, былъ назначенъ директоромъ, вмѣстѣ съ нѣкіимъ докторомъ Эберсомъ. Карстенъ, о которомъ уже говорено выше, и Эберсъ были главными «орудователями» при учрежденіи «Флоры»; они-то и вогнали пріобрѣтенное обществомъ имущество въ тяжкія ему цѣны. Но въ числѣ учредителей былъ и князь Путбусъ, тотъ самый, котораго Ласкеръ обличалъ въ одно время съ Вагенеромъ. По увѣренію Глагау, Путбусъ и здѣсь, также какъ Вагенеръ, былъ весьма второстепеннымъ дѣятелемъ и далеко не главнымъ участникомъ въ дѣлежѣ. Замѣчательно, что въ числѣ учредителей «Флоры», т.-е. увеселительнаго заведенія въ Берлинѣ, находился еще бывшій въ то время (до Мадаи) начальникъ берлинской полиціи (Polizei-Präsident) фонъ-Вурмбъ. Подобно ему, полиціи-президенты Ганновера и Магдебурга—фонъ-Брандтъ и фонъ-Гергардъ, оказались членами совѣта въ акціонерныхъ обществахъ двухъ увеселительныхъ и одного купальнаго заведенія. Графъ Эйленбургъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, за это велѣлъ имъ всѣмъ троимъ подать въ отставку. Въ послѣднее время правительство оказало «Флорѣ» неожиданную и весьма исключительную поддержку, разрѣшивъ ей лотерею въ 250 тысячъ талеровъ.

Для спекуляціи нѣтъ ничего священнаго. Высосавъ у страны массы денегъ, вызвавъ промышленный кризисъ, застой въ дѣлахъ и уменьшеніе работъ, спекуляція посягнула и на дешевое средство услажденія жизни, обуреваемой невзгодами. Она посягнула—на пиво. Въ Германіи пиво считается предметомъ первой потребности и включается въ число «жизненныхъ продуктовъ». Ничѣмъ спекуляція не могла пріобрѣсть въ Берлинѣ такую непопулярность, какъ «учредивъ» пиво дурного качества, слабое и вдобавокъ дорогое, то-есть дорогое сравнительно съ прежнимъ пивомъ, которое было и хорошо, и дешево. Въ Берлинѣ пьютъ «баварское» и «бѣлое» пиво. Бѣлое пиво—жидкій шипучій напитокъ, который разстраиваетъ желудокъ, къ нему непривычный. Но берлинецъ имѣетъ къ нему пристрастіе, называетъ его «освѣжительная блондинка», и пьетъ ее безнаказанно, запивая, впрочемъ, свой зейдель рюмкой кюммеля. Эта предохранительная рю-

мочка называется «штрипкой». Предавшись «освѣжительной блондинкѣ», слѣдуетъ потомъ «застегнуть штрипку»—таково правило.

Въ Берлинѣ издавна славились нѣсколько пивоваренныхъ заводовъ, производившихъ «баварское» пиво; таковы были: Швенди, Аренсъ, Липпсъ и др. Единственное пивовареніе на акціяхъ было въ Tivoli, и пиво тоже было очень хорошо. Но сколько въ Берлинѣ ни существовало пивоваренныхъ заводовъ, они были далеко недостаточны, чтобы удовлетворить громадной потребности Берлина въ пивѣ. Лѣтомъ обыкновенно наступала настоящая Biernoth, и пиво везлось въ Берлинъ со всѣхъ концовъ Германіи. Итакъ, тутъ былъ очевидный «пробѣлъ», подлежавшій «пополненію», и учредительство не могло его не замѣтить. Какъ только акціонерный законъ 11 іюня 1870 года развязалъ ему руки, учредительство тотчасъ набросилось на превращеніе прежнихъ частныхъ пивныхъ заводовъ въ акціонерныя предпріятія. Заводы Швенди, Аренса и т. д. перешли въ руки учредителей, среди которыхъ явились нѣкоторые уже знакомые намъ дѣльцы: Мейеръ Конъ, Гейманъ, Пинкуссъ, Шустеръ и множество другихъ. Пивоваренный заводчикъ Бётцовъ, который отвергнулъ сдѣланныя ему предложенія объ «учрежденіи» его въ акціонерное общество, описалъ потомъ, на какихъ условіяхъ это учрежденіе предполагалось: дать ему за его пивной заводъ 300 тысячъ талеровъ, 25 т. тал. коммиссіонеру, 50 тысячъ главному учредителю, 200 т. тал. —«консорціуму» банкировъ, который долженъ былъ реализовать капиталъ. Такимъ образомъ акціонерный капиталъ былъ предположенъ въ 600 т. тал., изъ которыхъ половину стоило бы пріобрѣтеніе готоваго завода, а другая половина разошлась бы по рукамъ учредителей и банкировъ, и акціонерное общество получило бы чистый доходъ завода на сумму 600 т. талер., между тѣмъ какъ самъ Бётцовъ получалъ тотъ доходъ на капиталъ еще менѣе 300 т. талер., такъ какъ цѣна, ему предложенная, была, разумѣется, выше дѣйствительной стоимости завода.

Lieber etwas mehr Capital! —таково было всегдашнее желаніе учредителей акціонерныхъ предпріятій и тѣхъ банкировъ, съ которыми они вели переговоры. Въ настоящее время, берлинскіе пивоваренные заводы обременены капиталами по 800 т. 1, 2 и болѣе милліонами талеровъ, и въ соотвѣтствіи къ такимъ пассивамъ ихъ доходы представляются малыми, несмотря на громадные барыши пивоваренія. Кромѣ процентовъ съ акціонернаго капитала и другихъ долговъ, надо еще считать высокія жалованья директорамъ и членамъ совѣта. Такъ, «богемскій» заводъ платилъ акціонерамъ 85 т. тал. и управленію—15 т.; Friedrichs-

hain — 45 т. акціонерамъ и 9 т. управленію; Tivoli — 125 т. акціонерамъ и 21 т. управленію и т. д.

При акціонерной варкѣ, пиво вдругъ помутилось, выдохлось, разбавилось водой и завоняло такъ, что раздались вопли негодованія. Въ 1872 году между заводами и хозяевами «бир-локалей», то-есть портерныхъ распивочныхъ всякаго наименованія, произошла борьба. Большіе акціонерные заводы стакнулись и возвысили цѣну съ 7 талеровъ на $7^1/_2$ талеровъ съ бочки; бир-шенки (Schankwirthe) также стакнулись и положили не брать у нихъ пива, а довольствоваться тѣмъ, что можно было достать у частныхъ пивоваровъ. Кто страдалъ при этомъ? Жаждущіе, конечно, то-есть публика. Къ ней обѣ стороны обратились съ разъясненіями, стараясь убѣдить ее, что руководятся только ея интересами. Заводы объясняли, что хотятъ улучшить качество пива, и что надбавка въ $^1/_2$ талера на бочку для бир-шенковъ ровно ничего не можетъ значить, такъ какъ они при разливѣ берутъ съ бочки 100 процентовъ барыша. Хозяева портерныхъ не могли опровергнуть этого факта, но возражали, что сами заводы на каждой бочкѣ вывареннаго пива заработываютъ 100 процентовъ —и пивовары, въ свою очередь, не могли опровергнуть этого факта. Публика вѣрила тому, что бир-шенки говорили о пивоварахъ, что пивовары говорили о бир-шенкахъ, и пребывала равнодушною, тѣмъ болѣе, что пиво было скверное. Заводы однако уступили, потому что не выдержали искушенія отбить покупателей другъ у друга, и стали подаваться одинъ за другимъ, въ то же время обвиняя другъ дружку въ измѣнѣ и недобросовѣстности.

Но хозяева портерныхъ, поборовъ стачку заводовъ, ободрились и пошли походомъ на публику. Они стали уменьшать ёмкость посуды, стали заказывать на стеклянныхъ фабрикахъ такія кружки, которыя все болѣе и болѣе заслуживали названіе «обидныхъ» (Vexirseidel). Въ доброе старое время пивная кружка была добродушна и добросовѣстна, какъ самъ солидный нѣмецъ, торговецъ прежнихъ лѣтъ. Она давала столько, сколько, по своимъ размѣрамъ, обѣщала дать. Она вмѣщала въ себѣ добрую пол-кварту пива, которое вливалось въ нее аккуратно, не съ высоты, на подобіе нѣкоторой Ніагары въ маломъ видѣ, но въ уровень, вливалась безъ пѣны и по самый край. Теперь появились такіе зейдели, у которыхъ дно было призмою для преломленія солнечныхъ лучей, бока были толщиною въ палецъ, и весь фасонъ имѣлъ видъ усѣченнаго конуса, такъ что чѣмъ ближе къ губамъ, тѣмъ меньше кружка, и тѣмъ меньше пива. Наливать

въ нее стали съ такого возвышенія, что пиво клубилось въ ней, и потребитель могъ буквально только съ пѣной у рта пить его. Бочка пива стóитъ портерщику 7 талеровъ; при разливѣ въ «добросовѣстныя» кружки она приносила отъ 14 до 16 талеровъ; но при разливѣ въ «обидныя» (Vexir) кружки бочка пива стала давать портерщику отъ 18 до 20 талеровъ. Мало того, многіе изъ нихъ еще возвысили на треть и половину цѣну кружки. Чтó дѣлать, легкая нажива такъ соблазнительна! Учредители соблазнились легкимъ пріобрѣтеніемъ пяти милліардовъ; акціонерные заводы соблазнялись сотнями тысячъ, которыя учредители даромъ съ нихъ взяли въ свою пользу; портерщики соблазнились тѣмъ же самымъ. А за портерщиками послѣдовали и кёлльнеры, то-есть прислуга пивныхъ лавокъ. Прежде можно было дать кёлльнеру или не дать; тогда онъ, по словамъ Глагау, благодарилъ и за пол-гроша; теперь Trinkgeld сталъ обязателенъ, сдѣлался также въ нѣкоторомъ родѣ учрежденіемъ. И вотъ, теперь кёлльнеръ, по увѣренію автора, и за цѣлый грошъ благодаритъ еще «не вполнѣ».

Финансовое положеніе акціонерныхъ пивоваренныхъ заводовъ въ общихъ чертахъ таково: 14 заводовъ, производящихъ «баварское», обременены капиталами въ 17 милл. талеровъ, и въ среднемъ размѣрѣ приносятъ дивиденды только въ $4^1/_2\%$; 6 изъ нихъ даютъ болѣе 5%, 8—менѣе 5%, а трое—ничего, совсѣмъ не даютъ дивидендовъ.

Всеобщія жалобы и крики негодованія, въ особенности на дурное качество пива, не нашли себѣ отголоска въ газетахъ. «Наши газеты пишутся не столько для публики, сколько *противъ* публики», говоритъ нашъ авторъ. Онъ прибавляетъ, что въ послѣднее время, когда кризисъ зашелъ слишкомъ далеко, нѣкоторыя называемыя имъ берлинскія газеты возстали противъ «безстыдныхъ цѣнъ» булочниковъ, мясниковъ и т. д. Онъ признаетъ также, что теперь пиво въ Берлинѣ стало уже лучше, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно было въ самый разгаръ спекуляціи, въ «до-краховское» время; но все-таки оно гораздо слабѣе и не такъ вкусно, какъ бывшее до нашествія на пивоваренное производство язвы «учредительства».

IV.

Войдемъ же въ тотъ храмъ, гдѣ совершаются тайны учредительства и спекуляціи вообще, войдемъ въ залы берлинской биржи. Среди колоннъ дорійскаго ордена, украшающихъ входную площадь, часамъ къ 11-ти собираются биржевики на такъ-называемую «предварительную» биржу (Vorbörse), оффиціальнаго характера неимѣющую. Здѣсь уже предрѣшается настроеніе сегодняшней оффиціальной биржи, здѣсь получаются уже телеграммы, какъ идетъ «предварительная» же биржа въ Вѣнѣ, предлагаются цѣны, колеблется курсъ бумагъ. Собравшіеся на эту входную биржу биржевики и представляютъ собою типъ биржевика par excellence. Они на наличныя деньги ничего не покупаютъ, занимаются исключительно «сдѣлками на срокъ». Это собраніе чистыхъ спекулянтовъ, кулисса, распадается на два лагеря: «повышателей» и «понижателей» курсовъ (Hausse-und Baisse-Parteien). Первые спекулируютъ на поднятіе курсовъ, вторые сбиваютъ ихъ. На берлинской биржѣ покупаютъ «на срочную поставку», на «поставку по требованію», на «срочную и по требованію», «на заявленіе», дѣлаютъ сдѣлки съ полученіемъ или платежомъ премій, отсрочки при которыхъ платятся report или déport, смотря по тому, въ чью пользу онѣ дѣлаются. Въ книгѣ Мовера о срочныхъ сдѣлкахъ (Lehre von den Zeitgeschäften) излагается 51 видъ такихъ сдѣлокъ и ихъ комбинацій.

Сдѣлки эти, по сущности своей, не что иное, какъ парі на курсъ опредѣленной бумаги, и это парі выражается неустойкой или преміей; тотъ, кому курсъ при наступленіи срока оказывается невыгоднымъ, чтобы поставить бумагу, платитъ премію. Разсчеты по этимъ сдѣлкамъ производятся въ послѣдній день мѣсяца—ultimo, что на парижской биржѣ называется fin courant. Въ этотъ день производится балансъ взаимныхъ выигрышей и проигрышей, и разница уплачивается. «Кто уплатить не можетъ или не хочетъ— говоритъ Глагау,—тотъ не является на биржу и на нѣкоторое время удаляется въ частную жизнь». Бумаги, на которыя преимущественно играютъ на берлинской биржѣ, уже названы однажды въ нашемъ обзорѣ: акціи австрійской южной желѣзной дороги, австрійско-французской желѣзной дороги и австрійскаго «кредитнаго учрежденія» (Lombarden, Franzosen и Credit). Нѣкоторыя прусскія бумаги также были излюблены спекуляціею, напр. акціи «берлинскаго учетнаго общества» (Disconto), силезскихъ копей Königs' und Laura-Hütte (Laura) и «общества Union

горнозаводской, желѣзодѣлательной и стальной промышленности» (Union). Въ скобкахъ приведены сокращенныя названія этихъ «игорныхъ» бумагъ, употребительныя на биржѣ.

Продолжая обзоръ биржевого дня у Глагау, мы приведемъ и его примѣры. На входной биржѣ «ломбарды» спрашивались по 182, потомъ пошли на 183—183$^1/_2$, спустились на 182$^1/_2$ и заключились по 183$^1/_8$. «Французы», по извѣстіямъ изъ Вѣны, держались тамъ по 490, но съ слабымъ спросомъ, здѣсь же оказываются довольно твердыми. Также и «кредитъ»: по извѣстію изъ Вѣны, тамъ—318,$_{50}$, и здѣсь слегка идетъ вверхъ. Disconto по 109 безъ покупателей, Laura идетъ внизъ 69—59$^1/_4$; Union почти безъ спроса и заключается вяло на 7,$_{69}$.

Въ двѣнадцать безъ десяти минутъ двери биржи открываются, и весь биржевой людъ съѣзжается въ скромныхъ и богатыхъ экипажахъ, идетъ и пѣшкомъ; сходятся «молодые люди» (приказчики или конторщики, по нашему, «молодцы»), маклера, агенты и содержатели банкирскихъ конторъ; являются представители «домовъ» и «большихъ домовъ». Все стремится въ сѣни, гдѣ у двери, имѣющей видъ вращающагося креста, обитаго зеленымъ сукномъ, стоятъ швейцаръ и два надсмотрщика или контролера, которыхъ обязанность — не пускать постороннихъ, неимѣющихъ входной карты. При каждомъ поворотѣ креста, человѣкъ двадцать пропускаются въ залу. Но на галлерею, вверхъ, допускаются всѣ. Биржевая зала можетъ вмѣстить до 5000 чел. Открытая арка раздѣляетъ залу на двѣ части, изъ которыхъ сѣверная служитъ для хлѣбной биржи,—въ ней посѣтителей мало,—а южная для фондовой, то-есть спекулянтской биржи—тутъ толпа. Оффиціальное открытіе биржи происходитъ въ 12 часовъ. Она теперь далеко не такъ полна народомъ, какъ въ 1871—73 годахъ; но и теперь шумъ и гамъ происходитъ весьма достаточный. По словамъ Глагау, девять-десятыхъ посѣтителей берлинской биржи— евреи; въ еврейскіе праздники биржа совершенно пустѣетъ. На возвышенныхъ мѣстахъ, окруженные шкапами, сидятъ биржевые маклера, посредники сдѣлокъ между покупателями съ продавцами. Они получаютъ заказы отъ банкировъ и спекулянтовъ и дѣлаютъ замѣтки о заключенныхъ сдѣлкахъ. Но, кромѣ присяжныхъ маклеровъ, есть еще и неприсяжные (Pfuschmakler), которые занимаются тѣмъ же, и иногда дѣлаютъ болѣе дѣлъ, чѣмъ присяжные. На фондовой биржѣ одни маклера съ своими помощниками составляютъ нѣсколько сотъ человѣкъ, а число другихъ посѣтителей биржи: банкировъ съ ихъ конторщиками, спе-

кулянтовъ по профессіи и т. д. и частныхъ лицъ, составляетъ въ среднемъ размѣрѣ до 2000 чел.

Бумаги, имѣющія курсъ на берлинской биржѣ, доходятъ числомъ до 2000 наименованій. Банкиры берутъ съ лицъ, поручающихъ имъ купить или продать бумаги, коммиссію, въ размѣрѣ 1/8 до 1/4% съ номинальной стоимости бумагъ. Биржевые маклера же получаютъ куртажъ съ банкировъ и спекулянтовъ по 0,05% съ каждой изъ двухъ сторонъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ, совершаемой чрезъ маклера, то-есть съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ 0,1% или 1 рубль съ 1000 рублей. Несмотря на кажущуюся незначительность этого вознагражденія, нѣкоторые биржевые маклера, въ годы процвѣтанія берлинской биржи, получали каждый по нѣскольку сотъ талеровъ въ день—изъ чего можно составить себѣ понятіе о громадности бывшаго въ то время спекуляціоннаго оборота, да и теперь есть маклера, которые въ день заработываютъ около 50 талеровъ. Это относится, впрочемъ, только къ маклерамъ фондовой биржи; что касается ихъ товарищей, посредничествующихъ при заключеніи промышленныхъ и чисто-торговыхъ условій, то у нихъ дѣла идутъ нынѣ крайне плохо.

Одинъ уголъ фондовой биржи отличается наибо́льшимъ оживленіемъ, это тотъ, въ которомъ спеціально трактуются и совершаются разныя сдѣлки по опредѣленнымъ цѣнамъ, то-есть чистые пари на курсы. Уголъ этотъ называется «ломба́рдскій кварталъ» (Lombarden Viertel). Тутъ наиболѣе суетни и шума; вѣчные крики: «Кто покупаетъ «кредитъ»?» — «У кого есть «кредитъ»?» — «Беру «французовъ» по 6 1/4!» — «Отдаю «ломбардцовъ» по 2 1/2!» Эти цѣны означаютъ разницы курсовъ въ единицахъ, такъ какъ цифры сотенъ и десятковъ предполагаются извѣстными и торгу не подлежатъ. — «По-скольку «кредитъ»?» — «Почемъ «ломбардцы»?» — «Кредитъ» беру до 7 5/8!» Наиболѣе суетятся и шныряютъ вольные маклера, съ своими записными книжками и карандашами въ рукахъ. Голоса́ ихъ всегда крупные; иные чрезъ два года этой утомительной крикливости совсѣмъ теряютъ голосъ и оставляютъ дѣла̀. Вотъ худенькій старикашка проходитъ мимо насъ, восклицая пронзительнымъ голосомъ: «Румыны» (румынскія желѣзно-дорожныя акціи) по 25 1/2!» Къ нему обращается г. Конъ со словами: «на 50 тысячъ (талеровъ) отъ васъ!» Если старичокъ скажетъ: «вамъ!» и запишетъ въ книжку,—сдѣлка заключена. Но вмѣсто того, онъ осклабляется, смотря Кону въ лицо и произноситъ: «что вы вздоръ-то говорите», а г-нъ Конъ благосклонно возражаетъ: «вишь, старый плутъ!» и старикашка проходитъ, снова принимаясь кричать. Дѣло въ томъ, что Конъ пошутилъ; онъ знаетъ, что стари-

чокъ по той цѣнѣ «румыновъ» не поставитъ; старичку самому они требуются, вотъ онъ и сбиваетъ ихъ курсъ, нарочно возглашая низкую цѣну.

Биржа — то же море, въ которомъ большія рыбы поѣдаютъ малыхъ. Малые спекулянты (Yobber), которые разсчитываютъ свои выгоды только на удачу своихъ пари́, обыкновенно держатся не долго, потому что это все равно, что карточная игра: сегодня выиграешь, а завтра проиграешься. Такимъ образомъ, понижатели и повышатели обыкновенно по прошествіи короткаго времени, года, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а иногда и одного мѣсяца, исчезаютъ со сцены, забывъ уплатить послѣднюю разницу въ курсахъ. Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ биржевая игра представляется для того, кто можетъ выжидать удобныхъ минутъ для вѣрной покупки и выгодной продажи, то-есть для крупныхъ капиталистовъ. Но еще вѣрнѣе дѣло банкировъ и банкирскихъ конторъ, которые просто собираютъ коммиссію, то-есть наживаются на оборотахъ, мало или ничего не рискуя на нихъ. Мелкіе спекулянты, для уменьшенія своего риска, «прикрываются», то-есть, заключивъ сдѣлки на поставку, заключаютъ вмѣстѣ сдѣлки на пріемъ той же бумаги; если по однѣмъ они проиграютъ, то по другимъ выиграютъ. Это похоже на пари́ на скаковомъ полѣ, которые держатся однимъ лицомъ за и противъ лошадей. На скачкахъ, впрочемъ, употребительно еще пари́ противъ всѣхъ лошадей, и наиболѣе вѣрно. Если на одинъ призъ записано 20 лошадей, а я держу пари́ противъ каждой изъ нихъ по 14-ти противъ 1-го рубля, то за ту лошадь, которая возьметъ призъ, я долженъ отдать 14, но за то съ прочихъ я получу по 1, то-есть со всѣхъ 19; значитъ, у меня вѣрный барышъ 5 р., или 50, или 5000, смотря по тому, сколько нулей слѣдуютъ за взятыми нами цифрами.

Сдѣлки на срокъ и разницу курсовъ оффиціально не признаются; законъ ихъ не знаетъ и оффиціальные биржевые маклера въ нихъ не посредничаютъ; въ оффиціальномъ биржевомъ бюллетенѣ онѣ не упоминаются, но показываются отдѣльно, въ видѣ частнаго дополненія. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ именно душа биржи, онѣ положительно господствуютъ надъ нею въ Берлинѣ. Такъ было уже до «краха», а послѣ него, съ тѣхъ поръ, какъ настоящія дѣла́ пришли въ застой, покупка бумагъ на наличныя деньги (Cassegeschäft) совсѣмъ отошла на задній планъ, и въ продолженіи всего мѣсяца всѣ помыслы, надежды и опасенія биржи направлены къ ultimo, то-есть ко дню разсчета, ликвидаціи по сдѣлкамъ на срокъ. Прусское правительство поступило бы вполнѣ

раціонально, внеся проектъ закона объ установленіи государственной пошлины со всѣхъ биржевыхъ операцій. Бремя такого налога преимущественно легло бы именно на срочныя сдѣлки, какъ на наиболѣе частыя, безпрерывно повторяемыя, то-есть отнеслось бы на совершенно непроизводительное, чисто-игорное перекладываніе денегъ изъ однихъ кармановъ въ другіе. Но вся внутренняя политика прусскаго правительства основана на союзѣ съ національ-либеральною, то-есть именно коммерческою и биржевою партіею; правительство отъ нея получило опредѣленіе цифры военнаго бюджета на 7 лѣтъ, отъ нея ежегодно получаетъ новые кредиты на укрѣпленія, въ ней находитъ опору для борьбы съ католическою іерархіею, отъ нея видитъ крайнюю сдержанность, рѣшимость не требовать никакихъ расширеній внутренней свободы. Всѣ эти уступки чего-нибудь стоютъ, и вотъ, за нихъ національ-либеральной партіи предоставленъ рѣшающій голосъ въ политикѣ финансовой. Введеніе золотой монетной единицы, полнѣйшая акціонерная свобода, даже пріобрѣтеніе для «инвалиднаго фонда» бумагъ нѣкоторыхъ, не совсѣмъ внѣ спора стоящихъ, промышленныхъ предпріятій, неупотребленіе ни малѣйшей части французской контрибуціи на созданіе центральной кассы для рабочихъ производительныхъ ассоціацій (о чемъ когда-то была рѣчь, во время борьбы съ парламентомъ) и отказъ отъ установленія пошлины съ биржевыхъ операцій—вотъ послѣдствія этого союза. Только исторія рѣшитъ со временемъ, насколько условія этого союза были виновны въ разнузданіи той хищнической спекуляціи, которая развилась въ «до-краховское» время, и въ самомъ «крахѣ», то-есть въ разореніи, которому подверглась промышленность страны.

Но возвратимся къ описанію берлинской биржи. Полъ покрытъ разорванными конвертами отъ полученныхъ телеграммъ; телеграфъ находится тутъ же, въ сосѣдней комнатѣ. Биржевикъ осторожно разворачиваетъ свою телеграмму, съ уголка, и озирается кругомъ, чтобы кто-нибудь не перехватилъ его секрета, и если хочетъ передать его товарищу, то схватываетъ его рукой за голову и прижимается къ его уху; такъ и хозяева отдаютъ конторщикамъ свои приказанія, и конторщики сообщаютъ имъ результатъ. Представители «фирмъ» и «большихъ домовъ» съ важностью восѣдаютъ на своихъ скамьяхъ, съ гордостью и молчаливо наблюдаютъ за происходящимъ; порою, они дѣлаютъ знакъ кому-либо изъ своихъ служащихъ и, по приближеніи ихъ, даютъ имъ приказы. Послѣдствіемъ того бываетъ, что гдѣ-нибудь далеко въ углу вдругъ произойдетъ движеніе и «сдѣлается» боль-

шая партія какихъ-нибудь бумагъ. При этомъ, подчиненные или стараются дѣйствовать по возможности незамѣтно, если покупка дѣлается съ цѣлью пріобрѣтенія, а продажа съ цѣлью сбыта, или, наоборотъ, дѣлаютъ все, чтобы возбудить общее вниманіе, если цѣлью производимой покупки или продажи было только поднять или понизить курсъ.

Совсѣмъ не похожи на этихъ «тузовъ» спекулянты, толкущіеся въ уголку подлѣ буфета; это—самый мелкій людъ, спекулирующій на самыя дешевыя бумаги и на ничтожное, такъ сказать, грошовое измѣненіе ихъ курса съ часу на часъ. Въ этомъ уголкѣ, который прозванъ Moritzplatz, биржевикъ доволенъ, если заработаетъ на курсахъ 1 талеръ, 2 талера въ день; если разница выйдетъ противъ него на 5 талеровъ, то онъ исчезнетъ; ему такой потери не перенесть. Объ уваженіи къ нимъ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи. Да, впрочемъ, уваженіе и въ «ломбардскомъ кварталѣ» имѣетъ предѣлы весьма тѣсные. Грубость тутъ царствуетъ безъ всякаго стѣсненія. Ругательства, самыя пошлыя, «не считаются» и жалобъ на нихъ нѣтъ по той причинѣ, что слишкомъ часто пришлось бы жаловаться. Обмѣнъ пощечинами дѣло также весьма нерѣдкое. Но рядомъ съ воинственностью проявляется и добродушіе, преимущественно въ томъ родѣ, который англичане называютъ practical joke. Напримѣръ, прикалываютъ кому-нибудь бумажку позади воротника или незамѣтно кладутъ ему непріятныя вещи въ карманъ, или сзади «нахлобучиваютъ» ему шляпу на глаза. Если двое подерутся, то раздается крикъ «Kreis!», и присутствующіе раздвигаются, чтобы дать просторъ единоборству и прикрыть его на нѣкоторое время отъ служащихъ, которые обязаны возстановлять порядокъ. Иногда всѣ за что-нибудь набросятся на одного, какъ на Вольфа Парадиза, въ случаѣ, который уже разсказанъ. Тогда такой осужденный бываетъ посреди общаго гама толкаемъ къ дверямъ и exmittirt вонъ.

Въ два часа биржевое собраніе оффиціально прекращается, а «тузы» уѣзжаютъ еще раньше. Присяжные маклера удаляются для опредѣленія курсовъ. Каждый маклеръ занимается опредѣленными бумагами, но одна бумага бываетъ у нѣсколькихъ маклеровъ, такъ что имъ необходимо сличать свои заказы для опредѣленія курсовъ. Заказы эти бываютъ трехъ главныхъ родовъ: «безусловные» (unlimitirt), «условные» (limitirt) и «по курсу» (fest). Заказъ перваго рода означаетъ порученіе купить или продать «по возможности» выгодно; заказъ второго рода—купить или продать не дороже или не дешевле назначенной цѣны; за-

казъ третьяго рода означаетъ порученіе купить или продать во всякомъ случаѣ, въ опредѣленный срокъ, по тому курсу, который тогда будетъ существовать. Такимъ образомъ, маклера, сравнивъ свои заказы двухъ первыхъ родовъ, опредѣляютъ, смотря по спросу и предложенію, средній курсъ каждой бумаги, который вносится въ биржевой бюллетень и выставляется при заключеніи биржи. Въ какой мѣрѣ добросовѣстно они это дѣлаютъ— зависитъ именно только отъ личной ихъ добросовѣстности. Хотя биржевымъ маклерамъ въ Берлинѣ, какъ и agents de change парижской биржи, законъ прямо воспрещаетъ дѣлать сдѣлки въ свою собственную пользу, вести операціи за свой счетъ, но исключенія все-таки бываютъ. А отъ этого зависятъ и такіе случаи, что какая-нибудь бумага показывается въ биржевомъ бюллетенѣ съ курсомъ для всѣхъ неожиданнымъ. На другой день, на входной биржѣ бросаются спрашивать или предлагать бумагу по этому курсу, но оказывается, что уже возстановился ея прежній курсъ, всѣмъ извѣстный; а курсъ, возбудившій удивленіе, какъ-то проскользнулъ между двумя биржами. Въ половинѣ третьяго, биржа пустѣетъ, но не добровольно; швейцаръ идетъ со звонкомъ и вытѣсняетъ оставшихся биржевиковъ, которые тѣмъ менѣе могутъ упорствовать передъ нимъ, что позади швейцара въ залъ вторгается отрядъ бабъ, вооруженныхъ метлами и лопатками, для сметанія и выноса сора. Во времена процвѣтанія, биржа продолжалась до 3 часовъ, и средніе курсы выставлялись только въ $2^1/_2$ и $2^3/_4$ часа, что было неудобно для вечернихъ газетъ.

Такъ какъ этотъ очеркъ касается не только биржи, но отношеній къ ней печати, то нелишне назвать нѣсколько именъ составителей биржевыхъ отдѣловъ въ берлинскихъ газетахъ, съ отмѣтками о каждомъ. Это лучше всего можетъ показать значеніе биржи въ берлинской ежедневной печати. Старѣйшій изъ биржевыхъ репортеровъ въ Берлинѣ—Юлій Швейцеръ; онъ собственно изобрѣлъ, то-есть привилъ въ Берлинѣ это репортерство, 25 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ завѣдуетъ биржевымъ отдѣломъ «Національной» газеты. Онъ пользуется уваженіемъ на биржѣ и недавно купилъ себѣ дорогой домъ у Potsdamer Thor. Другой биржевой репортеръ, Киллишъ, былъ другомъ и ходокомъ одного изъ видныхъ «учредителей» — Гебера; теперь онъ—собственникъ «Берлинской биржевой газеты» и милліонеръ, благодаря именно ей. Онъ называетъ себя теперь фонъ-Горнъ, по имени одного нуждающагося стараго дворянина, котораго «принялъ» себѣ въ отцы. Онъ и теперь является на биржѣ, ведетъ тамъ дѣла и лично составляетъ въ своей газетѣ биржевой

отдѣлъ, изъ котораго всегда можно усмотрѣть, что ему желательно, по его дѣламъ: пониженіе или повышеніе курсовъ. Киллишъ среди всѣхъ своихъ сотоварищей сдѣлалъ наиболѣе блестящую карьеру, несмотря на то, что — нѣмецъ, а не еврей, какъ почти всѣ они. Но въ концѣ прошлаго года, горячо заступившись за «учетное общество», онъ неосторожно проговорился о «жидахъ». За то на другой день, появясь на биржѣ, онъ былъ встрѣченъ протестующимъ гамомъ, припертъ къ дверямъ и — exmittirt. Георгъ Давидзонъ былъ прежде у Киллиша «воскреснымъ» фельетонистомъ, но потомъ открылъ свою газету, «Биржевой Курьеръ», и вскорѣ нажилъ домъ и имѣніе. Но, не ограничившись барышами репортерства, онъ повелъ свои дѣла на биржѣ и много потерялъ. Давидзонъ еще замѣчателенъ тѣмъ, что фанатически преданъ музыкѣ Вагнера, этого страшнаго и смѣшного ненавистника евреевъ, который, какъ извѣстно, всю скуку, распространяемую «музыкою будущности», приписываетъ еврейскому заговору. Давидзонъ защищаетъ Вагнера противъ своихъ одноплеменниковъ. Трейгерцъ, издатель и редакторъ «Новой биржевой газеты», былъ прежде редакторомъ Геймановой «Банковой и торговой газеты». Онъ единственный университетскій человѣкъ въ среди своихъ товарищей по биржевому репортерству, и одинъ изъ наименѣе счастливыхъ. Кромѣ спеціально биржевыхъ газетъ, всѣ политическія и большинство не-политическихъ газетъ, даже листки, занимающіеся «случаями» изъ городской жизни, имѣютъ на биржѣ своихъ представителей. Для нихъ отведена тамъ особая комната, рядомъ съ телеграфомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что какъ биржа служитъ очагомъ, посредствомъ котораго работало «учредительство», такъ биржевые отдѣлы въ газетахъ служили и служатъ орудіями тѣхъ же учредителей и биржевиковъ, и совѣты или мнѣнія, даваемыя ими публикѣ, столь же мало безпристрастны, какъ увѣренія торговца, расхваливающаго свой товаръ и «хающаго» товаръ своего конкуррента.

Когда разразился «крахъ», биржевой міръ, биржевая печать, биржевая партія стали сваливать вину съ себя на все общество. Всѣ виноваты, всѣ прегрѣшили, всѣхъ увлекла жажда къ наживѣ. Создалась легенда о «спекулятивной алчности мелкаго люда». Бывшій начальникъ имперскаго канцлерскаго управленія, онъ же двоюродный братъ банкира - учредителя, Дельбрюкъ, на допросъ, сдѣланный ему однажды въ сеймѣ, не предполагается ли какихъ-нибудь мѣръ для ограниченія эксплуатаціи общества учредителями, возразилъ: «нельзя ничего сдѣлать для людей, которые во что бы то ни стало желаютъ разстаться со своими деньгами».

Во всемъ этомъ есть доля правды; справедливо, что призракъ пяти милліардовъ и необыкновенное возбужденіе самомнѣнія, вслѣдъ за успѣхами французской войны, увлекли въ Германіи почти все общество и даже «мелкій людъ». Но Глагау дѣлаетъ раціональное различіе въ отвѣтственности, указывая на то, что «соблазненные», не могутъ подлежать равному осужденію съ «соблазнителями», и что во всякомъ случаѣ прямо виновны въ общемъ бѣдствіи тѣ, кто своими намѣренными, обманными дѣйствіями вызвали его, разоривъ общество.

V.

Къ этому вопросу о «винѣ», о томъ «кто виноватъ», главнымъ образомъ, въ берлинскомъ «крахѣ» и разореніи, ими причиненномъ, мы сейчасъ возвратимся. Мы должны «резюмировать» теперь два сдѣланные нами по книгѣ Глагау очерка, показать нынѣшнее положеніе вопросовъ, возбужденныхъ въ Пруссіи «разоблаченіями» Ласкера и «крахомъ», опредѣлить роль разныхъ сторонъ и вліяніе разныхъ условій въ этомъ дѣлѣ, и наконецъ оцѣнить достоинство самого сочиненія Глагау. Это могло бы потребовать особой статьи, такъ какъ сокращать изложеніе фактовъ въ пользу ихъ оцѣнки не приходилось. Для читателей факты все-таки и интереснѣе, и поучительнѣе. Опасаясь, однако, утомить ихъ вниманіе новою статьею о предметѣ, который многимъ можетъ показаться «сухою матеріей», мы ограничимся краткимъ заключеніемъ.

Французскіе милліарды, національное самообольщеніе, концессіонерство съ струсберговой системой «генеральнаго антрепренёрства» постройки, акціонерный законъ 1870 года, предоставившій, въ угоду національ-либеральной партіи, полную свободу и безконтрольность «учредительству» — вотъ тѣ основныя условія, которыя вызвали «крахъ». Но еслибы «учредители» были только люди неосторожные, еслибы спекуляція только увлеклась за предѣлы дѣйствительныхъ силъ, реальнаго, весьма умѣреннаго богатства сѣверной Германіи, то послѣдствія такой «ошибки» не могли бы быть такъ бѣдственны. Увлеченіе разсѣялось бы первыми разочарованіями, неосторожные возвратились бы къ осторожности, и потери вѣроятно выразились бы гораздо меньшимъ паденіемъ бумагъ, меньшимъ застоемъ въ дѣлахъ. Въ дѣйствительности же было не только это, и даже просто не это. Характеристической и преобладающей чертой учредительства и спеку-

лятивной горячки было прямо надувательство, мошенничество; ближайшимъ послѣдствіемъ его было развращеніе торговаго міра и всѣхъ сферъ, имѣющихъ съ нимъ соприкосновеніе, въ томъ числѣ—печати, а дальнѣйшимъ послѣдствіемъ—общее разореніе и фарисейское притворство союзныхъ спекуляціи экономистовъ и даже лицъ, стоящихъ во главѣ прусскаго хозяйственнаго управленія, умывающихъ нынѣ руки, съ увѣреніемъ, что ни они, ни акціонерный законъ 1870 года, ни биржа, ни даже «учредители»—никто не виноватъ, а виновато—*само общество*. Извѣстный отводъ для всякихъ обвиненій! Если общество виновато, то оно виновно только въ увлеченіи, а учредители и ихъ соучастники виновны какъ преднамѣренные обманщики; если виноваты жертвы, то что же сказать о зачинщикахъ-эксплуататорахъ?

Объ «учредительствѣ» желѣзно-дорожномъ мы въ этой статьѣ не говорили, какъ потому, что коснулись его въ первой статьѣ, говоря о Струсбергѣ, такъ и потому, что условія концессіонерства и постройки дорогъ концессіонерами въ Россіи довольно извѣстны, и мы должны были избѣгать излишняго балласта цифръ. Но какъ желѣзнодорожное концессіонерство собственно послужило предметомъ къ разоблаченіямъ Ласкера, а затѣмъ и къ правительственному изслѣдованію вопросовъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ и акціонерномъ законодательствѣ, то при «резюмированіи» мы на минуту возвратимся къ желѣзнымъ дорогамъ въ Пруссіи и Германіи. Система, привитая въ Германіи Струсбергомъ, продолжала процвѣтать при его преемникахъ. Прежній, довѣрчивый министръ торговли, графъ Иценплицъ, какъ уже было сказано, сперва увлекся Струсбергомъ, который умѣлъ устранять всякія препятствія, но впослѣдствіи, «раскусивъ» его, какъ говорится, графъ Иценплицъ исполнился ужаса и сталъ отъ него открещиваться, ставя условіемъ при выдачѣ новыхъ концессій, чтобы онѣ не попадали въ руки доктора-чудодѣя. Тѣмъ не менѣе, концессіи еще попадали иногда и въ руки самого Струсберга, и въ особенности въ руки его преемниковъ, такихъ же, какъ онъ, концессіонеровъ-строителей (General-Unternehmer), потому что было уже слишкомъ поздно, и Струсбергова система стала силой. Однимъ изъ главныхъ преемниковъ Струсберга былъ Фердинандъ Плесснеръ, который въ союзѣ съ банкирами и капиталистами Мендельсономъ-Бартольди, Альбертомъ Борзигомъ, Адальбертомъ Дельбрюкомъ и другими учредилъ акціонерное общество желѣзно-дорожнаго строительства, съ капиталомъ въ $1^1/_2$, потомъ въ $4^1/_2$ милл. талеровъ. Общество это построило нѣсколько дорогъ, но акціонеры его совершенно разори-

лись. Деньги, вырученныя за акціи, исчезли, а пассивъ общества составляетъ до 10 милл. талеровъ. Плесснеръ предложилъ при конкурсѣ сдѣлку своимъ кредиторамъ, а именно далъ имъ ²/₃ *процента* должнаго имъ капитала; и это было великодушно, потому что активъ массы составлялъ только ¹/₆ процента. Плаутъ, Абель, Гравенштейнъ—вотъ другіе крупные дѣятели на томъ же полѣ. Имъ принадлежала концессія на берлинско-дрезденскую дорогу, на которую между прочимъ обрушились разоблаченія Ласкера, къ которымъ теперь и перейдемъ.

Ласкеръ выступилъ противъ учредителей съ своей знаменитой рѣчью 7 февраля 1873 года. Вопросъ о томъ, «кто виноватъ въ крахѣ», хотя повидимому не допускаетъ даже двоякаго отвѣта, вызвалъ ихъ множество, и самыхъ разнообразныхъ. Такъ, нѣкоторые учредительскіе публицисты и ораторы, напр. Лёвенфельдъ и даже фонъ-Кардорфъ, депутатъ, приписываютъ вину въ «крахѣ»—самому Ласкеру! Зачѣмъ онъ заговорилъ о такомъ щекотливомъ вопросѣ, зачѣмъ вызвалъ недовѣріе къ дѣлу, которое все основано на кредитѣ, то-есть на довѣріи? Глагау обвиняетъ Ласкера, конечно, не въ этомъ. Онъ говоритъ, что рѣчи Ласкера были честнымъ, мужественнымъ, весьма полезнымъ поступкомъ, такъ какъ, произведя громадное впечатлѣніе, онѣ въ дѣйствительности возбудили вопросы, которые подлежатъ самому серьёзному обсужденію. Но онъ винитъ Ласкера, зачѣмъ онъ выступилъ съ своими обличеніями не ранѣе 1873 года, хоть однимъ годомъ, когда обличеніе еще могло отвратить много бѣдъ, и тутъ же отчасти извиняетъ Ласкера, напоминая, что еще въ апрѣлѣ 1872 года онъ заговорилъ-было объ учредительствѣ, въ самыхъ общихъ, впрочемъ, выраженіяхъ, но былъ своими политическими друзьями, членами своей партіи, «удержанъ за фалды». Обличенія Ласкера, говоритъ Глагау были слишкомъ недостаточны и односторонни; они касались только учредительствъ второстепенныхъ, и прямому нападенію его подверглись единственно нѣсколько консервативныхъ учредителей (Вагенеръ, князь Путбусъ), которыхъ можно считать простыми дилеттантами въ сравненіи съ націонал-либеральными великими мастерами этого дѣла. Ласкеръ, по отзыву Глагау, былъ принужденъ соблюсти осторожность (Rücksichten zu nehmen); образъ дѣйствій его былъ дипломатическій. При оцѣнкѣ личности Ласкера, Глагау ставитъ на видъ, что все-таки онъ не смолчалъ, что учредителямъ, которые все скупаютъ, не удалось купить его. Но, говоритъ Глагау: o, Gott! dass er bei uns ehrlichen Deutschen so weit kommen konnte!—неужели у насъ, честныхъ нѣмцевъ, человѣкъ, котораго нельзя купить, сдѣлался

уже такой рѣдкостью, что его возводять въ необыкновенные герои? Мнѣніе Глагау о Ласкерѣ таково, что онъ—честный и мужественный человѣкъ, имѣющій впрочемъ слабость, но вовсе не необыкновенный герой. Онъ человѣкъ независимый, хотя независимость эта доставляется ему мѣстомъ при берлинской городской ссудной кассѣ, которое есть просто синекура, и редакторскимъ жалованьемъ въ «National-Zeitung», которая небезупречна въ дѣлѣ учредительства. Онъ неудачно избираетъ себѣ пріятелей, какъ напр. Бамбергера, который одинъ изъ видныхъ учредителей; еще болѣе неловко было знакомство Ласкера съ нѣкимъ Пелькманомъ, который и доставилъ ему матеріалъ для обличенія Вагенера, самъ находясь на службѣ у послѣдняго, и нынѣ сидитъ въ тюрьмѣ за утайку денегъ. Далѣе—Ласкеръ слишкомъ самолюбивъ; еслибы самолюбіе его было только политическое, то хотя бы предметомъ его желаній было сдѣлаться со временемъ самому министромъ торговли, это было бы непредосудительно. Но тщеславіе такъ одолѣло Ласкера, что вскорѣ послѣ его «разоблаченій», когда слава его прогремѣла и вскружила ему самому голову, онъ написалъ и издалъ книгу «Erlebnisse einer Mannesseele», весьма глупую, въ которой онъ просто разсказывалъ свои многочисленныя любовныя похожденія, и скомпрометтировавъ ею нѣсколько семействъ, скупилъ потомъ самъ все изданіе, платя по 5 и 8 талеровъ за экземпляръ.

Однимъ словомъ, по отзыву Глагау, Ласкеръ — никакъ не необыкновенный человѣкъ, и не герой; но человѣкъ честный, котораго не могли купить и принудить къ молчанію, ни евреи, ни христіане. За то, когда онъ сдѣлалъ то, что̀ сдѣлалъ, евреи ловко этимъ воспользовались, чтобы прикрыть его именемъ свое важное участіе въ «учредительствѣ» и «крахѣ», и теперь на малѣйшій намекъ о своей дѣятельности, съ торжествомъ восклицаютъ — а Ласкеръ? Вотъ, они-то, по мнѣнію Глагау, и раздули славу Ласкера, они-то. и поставили его на высокій пьедесталъ, чтобы изъ-за великаго честнаго еврея не видать было главныхъ героевъ учредительства.

Первая рѣчь объ учредительствахъ была произнесена Ласкеромъ въ прусской палатѣ депутатовъ. Въ имперскомъ сеймѣ онъ выступилъ 4 апрѣля 1873 года съ другой рѣчью, въ которой изложилъ общую характеристику учредительства, но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ уже не называлъ именъ. Вотъ, на нее то министръ Дельбрюкъ отвѣчалъ, что «нельзя помѣшать людямъ, которые во что бы то ни стало хотятъ лишиться своихъ денегъ». Мы сейчасъ увидимъ, что хотя Дельбрюкъ нынѣшней весною вы-

шелъ изъ имперскаго министерства, но въ прусскомъ министерствѣ преобладаетъ тотъ же взглядъ.

Плодомъ разоблаченій Ласкера было назначеніе правительственной коммиссіи для изслѣдованія вопроса о концессіяхъ; она пригласила къ участію въ своихъ занятіяхъ Ласкера и другихъ депутатовъ; впослѣдствіи ей же поручено было разсмотрѣніе вопроса о необходимости измѣненій въ дѣйствующемъ акціонерномъ законодательствѣ. Коммиссія эта представила свой докладъ, и онъ сообщенъ былъ прусской палатѣ осенью 1873 года, и съ тѣхъ поръ лежалъ безъ движенія. Президентъ палаты Беннигсенъ (одинъ изъ учредителей ганноверско-альтенбекенской дороги) впослѣдствіи сообщилъ однажды, что онъ спрашивалъ Ласкера, когда онъ желалъ бы внесенія трудовъ коммиссіи на разсмотрѣніе палаты, но получилъ въ отвѣтъ, что Ласкеръ не можетъ назначить времени. Затѣмъ, 25 января 1875 года, при обсужденіи проекта закона о разрѣшеніи Бамбергерова «Имперскаго банка», Ласкеръ объявилъ, что онъ «готовъ биться на ножахъ съ учредительскимъ надувательствомъ» (Gründungsschwindel), а нѣкто Дистъ-Даберъ заявилъ затѣмъ, что Ласкеръ говорилъ ему, что намѣренъ теперь сдѣлать походъ и на «либеральныхъ учредителей». Но Ласкеръ вскорѣ заболѣлъ, и дѣло оставалось безъ движенія до марта нынѣшняго года.

Въ засѣданіи прусской палаты депутатовъ 29 марта 1876 г. внесенъ былъ, наконецъ, докладъ или отчетъ о трудахъ спеціальной коммиссіи для изслѣдованія системы желѣзно-дорожныхъ концессій. Между тѣмъ постановка всего вопроса о желѣзныхъ дорогахъ совершенно измѣнилась тѣмъ, что около того же времени на разсмотрѣніе той же палаты внесенъ былъ проектъ о соединенія контроля надъ всѣми желѣзными дорогами Пруссіи въ рукахъ имперскаго управленія, съ уполномочіемъ его пріобрѣтать ихъ въ государственную собственность имперіи. Законъ этотъ имѣетъ въ виду соединеніе желѣзныхъ дорогъ всей Германіи въ общее управленіе, для установленія бо́льшаго единообразія ихъ тарифовъ, общаго контроля и т. д. и даже постепенное пріобрѣтеніе ихъ имперіею. Это уже будетъ не нынѣшній номинальный контроль имперскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, но перенесеніе всѣхъ правъ отдѣльныхъ государствъ имперіи на казенныя и частныя желѣзныя дороги въ руки имперской власти, для дѣйствительнаго управленія ими всѣми и даже, по мѣрѣ нужды, пріобрѣтенія частныхъ дорогъ въ собственность имперіи. Тутъ на первомъ планѣ стоятъ уже вопросы чисто политическіе: вопросъ о новомъ, весьма дѣйствительномъ шагѣ къ полной уни-

фикаціи Германіи и вопросъ о сосредоточеніи въ рукахъ имперскаго, то-есть прусскаго, правительства новаго, громаднаго средства вліянія на общество, на выборы, на интересы различныхъ мѣстностей и т. д.

Въ виду этого, спеціальный вопросъ, котораго изслѣдованіе было поручено коммиссіи, могъ быть только отложенъ; что касалось другого, порученнаго коммиссіи вопроса — объ измѣненіяхъ въ акціонерномъ законодательствѣ, то предлагалось пригласить правительство «принять мѣры къ улучшенію условій акціонернаго устройства (actienwesens) путемъ имперскаго законодательства», иными словами: выработать не новый законъ для Пруссіи, въ отмѣну закона 1870 года, но общій законъ для всей Германіи. Предложенія эти были составлены, по соглашенію съ мнѣніемъ коммиссіи, Ласкеромъ и Кёллеромъ. Вотъ, при этихъ-то преніяхъ вновь говорилъ о возбужденныхъ вопросахъ Ласкеръ, говорили и консерваторъ-учредитель фонъ-Кардорфъ, и министръ торговли Ахенбахъ, и упомянуто было о книгѣ Глагау, которая даже видимо лежала въ основѣ всего, чтó говорилось, въ томъ смыслѣ, что всѣ говорили за или противъ, имѣя въ виду именно заключенія Глагау.

Ласкеръ старался защитить коммиссію отъ обвиненій въ недостаточной Gründlichkeit, въ недопущеніи ею полной гласности, скрытіи именъ и недостаточности самыхъ ея указаній для улучшеній акціонернаго закона. Ласкеръ напомнилъ, что онъ самъ желалъ коммиссіи парламентской, именно для достиженія гласности; но правительство было такъ умно, что предупредило ея избраніе назначеніемъ коммиссіи королевской, чтó, разумѣется, и ограничило гласность. Тѣмъ не менѣе, по его мнѣнію, коммиссія бросила много свѣта на тѣ условія, которыя именно отличаютъ добросовѣстныхъ учредителей отъ недобросовѣстныхъ. Что касается желѣзно-дорожнаго дѣла, то, по отзыву Ласкера, оно требуетъ преобразованія. Фонъ-деръ-Гейдтъ былъ отличный министръ торговли, и при немъ отдавалось предпочтеніе системѣ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ; но наступилъ «конфликтъ», то-есть періодъ борьбы прусскаго правительства съ палатою депутатовъ, и фонъ-деръ-Гейдтъ превратился въ плохого министра финансовъ и политика. Мысль о государственномъ владѣніи желѣзными дорогами все болѣе отодвигалась на задній планъ, и наконецъ восторжествовала, при послѣднемъ министрѣ торговли (гр. Итценплицѣ), такая система постройки желѣзныхъ дорогъ, которая своимъ злоупотребленіемъ и вызвала необходимость настоящаго изслѣдованія. Главная вина во всемъ этомъ принадле-

жать отсутствію твердыхъ принциповъ дѣйствія въ министерствѣ торговли со времени конфликта до увольненія послѣдняго министра. Съ тѣхъ поръ, главнымъ затрудненіемъ въ желѣзно-дорожныхъ вопросахъ сдѣлалось разногласіе и столкновеніе между отдѣльными государствами и имперіею. Что касается акціонернаго закона 1870 года, то онъ рѣшительно не годится для желѣзно-дорожныхъ акцій. Но пока онъ остается въ дѣйствіи, надо стараться, чтобы было невозможно обходить и его положенія, какъ то дѣлалось доселѣ. Вообще, законъ 1870 г. объ акціонерныхъ обществахъ въ настоящее время недостаточенъ. Но въ злоупотребленіяхъ виновенъ не онъ одинъ, а также и торговое законодательство.

Ласкеръ совѣтовалъ, далѣе, принять приведенныя выше предложенія, въ которыя нарочно включено только безусловно необходимое и очевидное, для объясненія ихъ принятія. Главныя условія для улучшенія положенія дѣлъ, по его отзыву — полная гласность, полная отвѣтственность, полная наказуемость, наконецъ — возмѣщеніе виновными причиненныхъ ими потерь. Откладывать поправленія условій до реформы всего имперскаго гражданскаго кодекса нельзя. Вина въ томъ, что̀ произошло, не должна падать на германскій народъ, который, по изслѣдованію, напротивъ, оказался безупречнымъ (eine glänzende Role bestanden hat), но должна пасть на нѣкоторую часть печати, которая, сознательно или несознательно, содѣйствовала развитію неблагопріятныхъ условій. Однимъ словомъ, и система желѣзно-дорожнаго концессіонерства, и законъ объ акціонерныхъ обществахъ подлежатъ преобразованію; такова была цѣль настоящихъ преній и предложенныхъ резолюцій, которыя Ласкеръ и совѣтовалъ принять.

Вотъ все, что̀ нынѣ сказалъ Ласкеръ. Нельзя было не пожелать нѣсколько бо̀льшей рѣшительности и точности въ его приговорѣ. Но онъ все-таки говорилъ правду, относилъ вину къ концессіонной системѣ, къ акціонерному закону, къ «недобросовѣстнымъ» учредителямъ, къ печати, хотя только къ «части печати». По мнѣнію же, которое за нимъ высказалъ нынѣшній министръ торговли Ахенбахъ, никто не виноватъ, кромѣ «самого общества», и ничѣмъ нельзя помочь злу. Одна изъ самыхъ неутѣшительныхъ сторонъ всей этой мистификаціи, кончившейся разореніемъ, именно въ томъ и заключается, что даже теперь, когда разореніе наступило, продолжается благовидное оффиціальное игнорированіе того, что̀ всѣмъ извѣстно, желаніе, что̀ называется,— «свалить съ больной головы на здоровую», отдѣлываться общими мѣстами и неохота предпринять что-либо серьёзное. Министръ

напомнилъ, что онъ уже вносилъ новый законъ о концессіяхъ, который, впрочемъ, остался нерасмотрѣннымъ, и, быть можетъ, внесетъ его снова, въ будущей сессіи. Что касается акціонернаго закона, то министръ въ маѣ 1873 года сдѣлалъ запросы торговымъ палатамъ и, получивъ ихъ отзывы, сообщилъ государственному министерству проектъ дополненій къ закону, которыя всѣ направлены къ бóльшей строгости (Verschärfung); цѣль ихъ — болѣе настаивать на полной оплатѣ акцій, затруднить выпускъ «новыхъ» акцій, усилить гражданскую и уголовную отвѣтственность учредителей, совѣтовъ управленій и общихъ собраній, наконецъ обезпечить индивидуальныя права акціонеровъ. Но союзный совѣтъ, 22-го іюня 1874 г., постановилъ соединить вопросъ объ акціонерной реформѣ съ вопросомъ о пересмотрѣ гражданскаго кодекса. Вслѣдствіе того, въ прусскомъ министерствѣ помянутыя предположенія и были отложены (traten in den Hintergrund).

Но вотъ гдѣ настоящая суть рѣчи Ахенбаха; онъ старался доказать, что въ общей бѣдѣ виноватъ не законъ объ акціонерныхъ обществахъ. «Недавно вышла книга объ экономическомъ кризисѣ, въ которой доказывается, что главной причиной этого кризиса былъ законъ 1870 года (Глагау). Этого взгляда я никакъ не раздѣляю». Далѣе министръ сталъ доказывать, что во всемъ свѣтѣ подобные кризисы бывали, и, разумѣется, сослался въ оправданіе берлинскаго «краха» на «крахъ» вѣнскій. Онъ прочелъ докладъ коммиссіи австрійскаго рейхсрата, въ которомъ сказано, что въ Австріи съ 1867 по 1873 годы учреждено 1005 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 4 милліарда гульденовъ. Но, вѣдь, если цифры Глагау вѣрны, то и въ Германіи основано такихъ же обществъ не много менѣе; что же изъ этого слѣдуетъ? И въ Вѣнѣ былъ крахъ, и въ Берлинѣ былъ крахъ. По увѣренію министра, главная вина относится къ жадности самой публики. Забывая, что въ докладѣ австрійской коммиссіи говоритъ мнѣніе людей его же партіи національ-либеральныхъ экономистовъ, друзей биржевиковъ, гг. Гискры и К^0, прусскій министръ прочелъ отзывъ той коммиссіи, «что главная вина должна пасть не на правительство, не на биржи, не на ту или другую категорію обманщиковъ, но на всеобщую горячку пріобрѣтенія богатства (Reichthumsfieber), которая увлекала каждаго, убивая въ немъ высшія нравственныя стремленія, и примѣнилъ этотъ отзывъ къ Пруссіи. «Scienti non fit injuria», воскликнулъ министръ. Но въ томъ-то и дѣло, что говорить о публикѣ нельзя какъ о «знающей». Въ томъ-то и дѣло, что обкрадываютъ незнающаго. «Развѣ у насъ, — продолжалъ ми-

нистръ,—относительно берлинскихъ строительныхъ обществъ не было извѣстно всѣмъ, что пріобрѣтавшіеся ими дома и участки всего за нѣсколько мѣсяцевъ, за нѣсколько недѣль, были покупаемы прежними владѣльцами за треть, за четверть той цѣны, въ которую они ставились обществамъ? Если это не удерживало никого отъ участія, то, значитъ, или было всеобщее ослѣпленіе, или акціонеръ вступалъ въ слѣды учредителей, сознательно идя далѣе въ повышеніи цѣнъ». Все это прекрасно. Но министру торговли лучше, чѣмъ кому-либо можетъ быть извѣстно, что могли сдѣлать отдѣльные, дѣйствительные акціонеры въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ и куда дѣвались внесенные акціонерами капиталы? Вѣдь не сами же акціонеры себя обобрали! — Въ заключеніе, министръ объявилъ, что хотя онъ и желаетъ реформъ, въ смыслѣ упомянутыхъ имъ выше, но «не желаетъ и на полѣ экономическаго законодательства *реакціи*». Этой либеральной фразой Ахенбахъ вызвалъ рукоплесканія палаты.

Наконецъ, дѣло и прямо коснулось разобранной нами книги. Депутатъ фонъ-Кардорфъ, стараясь оправдать себя по учредительству «познано-крейцбургской» дороги, спросилъ Ласкера, не намѣренъ ли и онъ, съ своей стороны, опровергнуть обвиненіе, будто онъ пользуется синекурой въ берлинской городской ссудной кассѣ и «будто онъ сошелся съ нѣкіимъ Пелькманомъ и добылъ себѣ матеріалъ для своихъ обличеній, побудивъ его измѣнить тому, у кого Пелькманъ служилъ. Это напечатано». Эта выходка, по отзыву отчета о засѣданіи, который мы имѣемъ передъ глазами, вызвала въ палатѣ «большое безпокойство» (grosse Unruhe). Депутатъ Паризіусъ, одинъ изъ обличаемыхъ въ книгѣ Глагау, выразилъ сожалѣніе, что ораторъ приводитъ «клеветы револьверной печати (буквально то же, что говорилъ Бамбергеръ, когда обличали его). Ласкеръ стоитъ выше обвиненій, а мѣсто, имъ занимаемое въ городской службѣ, весьма трудное и отвѣтственное, и берлинское городское общество весьма благодарно Ласкеру». Итакъ, въ сущности вопросъ только о томъ, много или мало труда требуетъ отъ Ласкера его мѣсто при городскомъ управленіи.

Депутатъ Шрёдеръ заступился за Глагау. «Ограбленныхъ тысячи въ сравненіи съ грабителями,—сказалъ онъ,—и нельзя вину сваливать на первыхъ, какъ то сдѣлалъ министръ торговли. Каково истинное отношеніе—показано въ книгѣ Глагау, которая многимъ такъ не нравится» (громкій смѣхъ). Попытокъ заглушить, скрыть причиненный вредъ ораторъ одобрить не можетъ; надо помочь дѣлу. Ораторъ требовалъ предоставленія акціонерамъ права

преслѣдовать судомъ каждое отдѣльное должностное лицо акціонернаго общества, а не цѣлое общество.—Предложенія Ласкера и Кёллера были приняты въ томъ же засѣданіи огромнымъ большинствомъ.

Что касается разсмотрѣнной нами книги, то мы не можемъ не признать въ ней нѣкоторыхъ недостатковъ, собственно не въ ней, а въ нѣкоторыхъ неосторожностяхъ автора. Мы винимъ его никакъ не за нескромность; вся цѣна обличенія, самаго здороваго и честнаго, заключается именно въ основательности и *нескромности*, то-есть полной гласности. Иначе, пришлось бы выражать тѣ же сожалѣнія, какія выразилъ нынѣ Ласкеръ по отношенію къ правительственной коммиссіи. Но Глагау иногда рѣзокъ совершенно понапрасну. Такъ, напримѣръ, онъ обвиняетъ Ласкера, зачѣмъ тотъ *не раньше* выступилъ съ обличеніемъ. Но вѣдь то же самое можно сказать и о самомъ авторѣ; Ласкеръ выступилъ когда хотѣлъ, и Глагау также. Положимъ, авторъ говоритъ, что хотѣлъ писать «исторію», а для этого надо было выждать послѣдовательнаго развитія фактовъ. Но вѣдь никто не мѣшалъ сперва повліять мужественнымъ гласнымъ обличеніемъ на самый ходъ исторіи. Затѣмъ, Глагау увлекается особенной нелюбовью къ евреямъ и съ удовольствіемъ настаиваетъ на ихъ размноженіи въ Берлинѣ, той преобладающей роли, какую они играютъ въ общежитіи и т. п. Это ни къ чему не ведетъ. Хотя бы и было справедливо, что въ еврейскіе постные дни не стóитъ въ Берлинѣ давать театральныхъ представленій, такъ какъ всѣ лучшія мѣста въ театрѣ безъ евреевъ остаются незанятыми, то чтó же изъ этого слѣдуетъ? Ровно ничего. Многочисленность евреевъ въ Берлинѣ и ихъ склонность къ денежнымъ дѣламъ, ихъ умъ и дѣятельность дѣлаютъ совершенно понятнымъ тотъ фактъ, что они играли важную роль при «учредительствѣ». Но и отсюда все-таки ничего не слѣдуетъ. Это все-таки сводится на возбужденіе противъ національности, потому что практической цѣли подобные выводы имѣть не могутъ. Другое дѣло — разсмотрѣніе вопроса: кто виноватъ, «учредители» или обобранная ими публика. Это весьма полезно, и изложеніе Глагау, по своей основательности и откровенности, весьма поучительно. Онъ сдѣлалъ то же, чтó Ласкеръ, хотя безъ его авторитета, но за то съ гораздо бóльшей полнотою и прямотою.

Л. А—въ.

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

и

НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

ФРИДРИХА II, ІОСИФА II.

1780—1786.

IX *).

Цвейбрюкенъ и «обмѣнъ земель».

Разговоръ Румянцова съ цвейбрюкенскими министрами.—Содержаніе проекта обмѣна земель.—Насильственный пріѣздъ Румянцова въ Карлсбергъ.—Его разговоръ съ Карломъ цвейбрюкенскимъ.—Карлъ и Версаль.—Отвѣтъ Карла Екатеринѣ.—Людовикъ XVI и обмѣнъ земель.—Фридрихъ и обмѣнъ земель.—Переговоры между Герцомъ и русскими министрами.—Тревога въ Цвейбрюкенѣ и въ Баваріи.—Вражда между Россіей съ одной стороны, Пруссіей и Франціей съ другой.—Ссоры между дипломатами.—Симолинъ и Люси.

Въ началѣ декабря 1784 года, Румянцовъ получилъ приказъ возобновить свои «старанія» въ Цвейбрюкенѣ. Его новая задача была труднѣе прежней, а время было гораздо менѣе благопріятно. Герцогъ Карлъ потерялъ довѣріе къ нему и почти не видѣлся съ нимъ; даже цвейбрюкенскіе министры лѣниво отвѣчали на частныя письма нашего посланника. Никогда еще вліяніе

---

*) См. выше: іюнь, 709 стр.

Франціи не было такъ сильно при карлсбергскомъ дворѣ. Ходилъ слухъ, что версальское министерство уже склонило Карла продать ему за 4 милліона Бергъ-Цабернъ и Анвейлеръ—мелкія земли между Эльзасомъ и Ландау. Крайне встревоженный, Румянцовъ добился, наконецъ, хотя и съ трудомъ, свиданія съ цвейбрюкенскими министрами въ глухой деревушкѣ. Онъ горячо доказывалъ, что «земли, о которыхъ шла молва, должны были открыть путь Франціи къ порабощенію всего Палатината». «Если,—воскликнулъ онъ въ запальчивости,—герцогъ поступилъ во французскую службу, какъ генералъ-лейтенантъ, то онъ долженъ былъ увѣдомить меня объ этомъ, чтобы я не былъ жертвой моего усердія къ нему» [1]). Министры оправдывались тѣмъ, что ихъ государь лишь «обмѣнялъ» выгодно одну землицу (sousbaillage Cléebourg), входившую клиномъ въ Эльвасъ. Не отрицая, что Карлъ долженъ получить нѣкоторую сумму изъ Версаля, они утверждали, что это не казенныя деньги, а просто частный заемъ. Но, вотъ, среди разговора, одинъ министръ выходитъ—и другой шепчетъ Румянцову многозначительно: «смотрите, не теряйте ни минуты!» Потомъ этотъ вышелъ, а его возвратившійся товарищъ, особенно упорно отвергавшій связи Карла съ Версалемъ, сказалъ: «правда, герцогъ добивается чина генералъ-лейтенанта во Франціи, да у него ужъ и есть тамъ полкъ». Вскорѣ самъ Карлъ увѣдомилъ Румянцова письменно, что «не желаетъ измѣнять своему слову и своимъ связямъ»; а министры упрекнули его въ утайкѣ плана обмѣна земель, о которомъ онъ еще ничего не зналъ. Послѣ этого ужъ ничего не дѣйствовало: не достигла своей цѣли даже угроза, что «Екатеринѣ, мудрость которой уважаетъ вся Европа, будетъ обидно видѣть, какъ герцогъ затрудняется слѣдовать ея совѣтамъ и не довѣряется ей слѣпо» [2]). Румянцовъ понялъ, что пришла пора пустить въ ходъ послѣднее средство, остававшееся у него въ запасѣ. На упрекъ въ неискренности онъ отвѣчалъ, что утаилъ только одно: «императрица готова, для скрѣпленія дружбы, прислать герцогинѣ орденъ святой Екатерины, на который у насъ очень скупы (dont on est chez nous si avare)». «Но,—прибавилъ онъ,—не скрою, что этотъ

---

[1]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 24 ноября (5 декабря) 1784 года: „Si le duc entra à son (Франціи) service, comme lieutenant Géneral, il étoit obligé de m'én avertir afin que je ne fusse pas la dupe ni la victime de mon zèle pour lui".

[2]) Тамъ же. Слова Румянцова министрамъ Карла: „Il me semble bien difficile, qu'une Princesse dont toute l'Europe respecte la sagesse, ne fut pas choquée de voir que le Duc sembloit hésiter à suivre ses conseils... et à se confier en aveugle".

знакъ милости можно получить, только заявивъ свое уваженіе и привязанность» [1]).

И пора было Румянцову взяться за послѣднее средство; вслѣдъ затѣмъ на него было возложено самое трудное порученіе. Голицынъ прислалъ ему составленныя Кауницомъ депеши, вскрывавшія тайну «старой идеи» (ancienne idée).

Послѣ долгихъ переговоровъ между Карломъ-Теодоромъ и Лербахомъ, душой которыхъ были деньги—и именно опасеніе курфюрста, какъ бы его не обсчитали [2]), обмѣнъ земель былъ улаженъ въ Мюнхенѣ на слѣдующихъ основаніяхъ. Такъ какъ Нидерланды доставляютъ $7^1/_2$ милліоновъ гульденовъ дохода, а Баварія только 4, то Іосифъ оставляетъ за собой еще Нейбургъ и Зульцбахъ, Люксембургъ и Намюръ, а Виттельсбахи берутъ на себя какъ баварскіе, такъ и тѣ австрійскіе долги, «которые могутъ быть сдѣланы для уравненія доходовъ». Сверхъ того, такъ какъ у богатыхъ нидерландцевъ всегда есть свободныя деньги, то Іосифъ сохраняетъ право дѣлать займы у нихъ. Наконецъ, ему предоставляется «брать въ Нидерландахъ и переводить въ Баварію или другія части австрійской монархіи шесть полковъ валлоновъ съ артиллеріей». Выгоды Виттельсбаховъ состояли въ слѣдующемъ. Они получатъ больше, чѣмъ уступаютъ, такъ какъ къ Нидерландамъ присоединяются Рейнскій Пфальцъ, Цвейбрюкенъ, Юлихъ и Бергъ. Сплошность владѣній придастъ имъ силы и облегчитъ управленіе страной. Независимое положеніе, избавляющее ихъ отъ участія въ спорахъ Австріи съ Пруссіей, курфюршеское достоинство, которое остается за ними, и титулъ бургундскихъ королей поставятъ ихъ на ряду съ важнѣйшими государями Европы, тѣмъ болѣе, что у нихъ прибавится войска: военный бюджетъ въ Баваріи 1 милліонъ, а въ Нидерландахъ 3. Но всего соблазнительнѣе были денежныя выгоды. Въ концѣ-концовъ, ежегодные доходы Виттельсбаховъ увеличиваются на милліонъ, да они могутъ еще дѣлать сокращенія въ слишкомъ широкомъ военномъ бюджетѣ; а въ военное время богатые нидерландцы обыкновенно жертвуютъ, по крайней мѣрѣ, по два милліона въ годъ лишнихъ. Сверхъ того, тотчасъ же распредѣлялось между Виттельсбахами три милліона отступного, за согласіе на сдѣлку.

---

1) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 7/18 декабря 1784 года. Онъ сказалъ министрамъ Карла: „Mais je ne vous cache pas non plus qu'il faut des preuves de respect et d'attachement pour obtenir cette preuve de bienveillance".

2) Эти любопытные переговоры описаны, по документамъ, у *Ранке*: Die deutschen Mächte, I, 179—185.

Карлу цвейбрюкенскому предлагались, сверхъ того, особые соблазны. Онъ могъ «надбавить еще нѣсколько сотъ гульденовъ, потребовавъ ихъ, какъ условіе своего согласія sine qua non». А въ будущемъ ему предоставлялось всегда разсчитывать на содѣйствіе императора въ займахъ,—только, конечно, «разумныхъ» (raisonnables). Не были даже забыты министры Карла: имъ обѣщали награды и деньги. Въ заключеніе, вѣнскій дворъ увѣрялъ Карла, что «обмѣнъ не произведетъ никакихъ перемѣнъ въ системѣ германской имперіи», и увѣдомлялъ, что сдѣлка уже принята въ Мюнхенѣ и возвѣщена въ Версалѣ [1]).

Румянцовъ, жившій тогда уже не въ Карлсбергѣ, немедленно поскакалъ туда съ этими бумагами, но на дорогѣ получилъ письмо отъ герцога, который извѣщалъ его, что все знаетъ, наотрѣзъ отказывается и, желая сохранить свою старую пріязнь къ нему, проситъ, въ случаѣ пріѣзда въ Карлсбергъ, «не заводить рѣчи объ обмѣнахъ, раздѣлахъ и тому подобныхъ вещахъ». Румянцовъ продолжалъ путь, какъ будто не понялъ ничего. Навстрѣчу ему выѣхалъ цвейбрюкенскій министръ, который выразилъ надежду, что онъ перемѣнитъ дорогу; но Румянцовъ добрался-таки до Карлсберга, и герцогъ принужденъ былъ пригласить его къ обѣду. Крейцеръ совѣтовалъ нашему посланнику и не заикаться объ обмѣнѣ. «Слѣдовательно,—отвѣчалъ Румянцовъ,—это дѣло не вредно герцогу, если враги не желаютъ, чтобы я довелъ объ немъ до его свѣдѣнія». За обѣдомъ онъ, «по собственнымъ настояніямъ герцога», доложилъ о вѣнскомъ предложеніи. Здѣсь-то и произошелъ тотъ знаменитый разговоръ, который надѣлалъ столько шума въ Европѣ и напомнилъ ей Репнина на тешенскомъ конгрессѣ.

Зная характеръ Румянцова, его взглядъ на фюрстовъ и его прежнее обращеніе съ Карломъ, можно представить себѣ запальчивость, которая должна была овладѣть имъ теперь, при дѣлѣ дѣйствительно серьёзномъ. Онъ рѣшился не церемониться и покончить все сразу, чтобы не дать Карлу опомниться и посовѣтоваться съ врагами Австріи. Какъ ни просилъ его герцогъ, онъ не далъ ему въ руки проекта обмѣна земель, самъ читалъ роковую бумагу и тутъ же пояснялъ ее. Румянцовъ старался увлечь Карла блескомъ денегъ и королевской короны, а также успокоить относительно Франціи, которая не нашла въ обмѣнѣ «ничего противнаго ея интересамъ».

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 16/27 декабря 1784 года: при этой депешѣ приложенъ планъ обмѣна, посланный Румянцову, и депеша къ нему Голицына по этому поводу.—Cf. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 130—132.

Герцогъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ мнѣ мѣняться? Я доволенъ своей судьбой. И неужели рисковать мнѣ тѣмъ, что имѣю, изъ-за выгоды, которой вовсе не ищу!»

Румянцовъ намекнулъ на помощь двухъ могущественныхъ имперій, въ случаѣ войны.

«Но я не желаю войны», возразилъ Карлъ, и затѣмъ слушалъ спокойно чтеніе бумаги Кауница. Но при имени Нейбурга и Зульцбаха онъ воскликнулъ съ увлеченіемъ: «никогда, никогда! Это—не баварское наслѣдство, а отчина моихъ предковъ. Здѣсь протекла моя юность, и вы (обратился онъ къ своимъ министрамъ) знаете, какъ я люблю эту страну».

Затѣмъ, отчасти самъ герцогъ, отчасти его министры представили много различныхъ возраженій. «Вся Европа знаетъ,—говорили они,—что Баварія можетъ давать гораздо больше, чѣмъ теперь, когда ея доходы плохи, вслѣдствіе самаго нерадиваго въ цѣлой Германіи управленія (l'administration la plus negligée). Нидерланды же были и будутъ театромъ всѣхъ войнъ. Сверхъ того, при обмѣнѣ, сосѣднія державы не преминутъ выставить свои притязанія: прусскій король тотчасъ же (incontinent) займетъ Юлихъ и Бергъ, а Франція просто не потерпитъ такой сдѣлки. Наконецъ, фламандцы—народъ мятежный (remuant); они не захотятъ подчиниться новому владычеству. Къ тому же, у нихъ такія обширныя привилегіи, что монарху тутъ почти нечего сказать, и ему будутъ противодѣйствовать на каждомъ шагу».

Чѣмъ дальше читалъ Румянцовъ, тѣмъ молчаливѣе и задумчивѣе становился герцогъ. Наконецъ, онъ потребовалъ восьми дней сроку для рѣшительнаго отвѣта [1]). Какъ ни упирался Румянцовъ, онъ принужденъ былъ согласиться, но прибавилъ, что герцогъ долженъ воспользоваться столь выгоднымъ случаемъ, который не повторится болѣе, и что «въ случаѣ отказа обойдутся и безъ его содѣйствія» [2]).

---

[1]) До сихъ поръ весь разговоръ Румянцова съ Карломъ разсказанъ нами по его собственнымъ депешамъ Голицыну, отъ 19/30 декабря 1784 года.

[2]) Послѣдней фразы, пріобрѣвшей европейскую извѣстность, конечно, мы не нашли въ депешѣ Румянцова Голицыну, и когда Остерманъ, по оффиціальной жалобѣ Гофенфельса, допрашивалъ Румянцова, тотъ отвѣчалъ: „Я никогда не говорилъ словъ, приписываемыхъ мнѣ Гофенфельсомъ, который ничего не знаетъ, что я дѣлалъ у него подъ носомъ“ (*Projet d'une Lettre du Vice-Chancelier Comte d'Ostermann au Comte de Roumanzoff*, отъ 30-го января 1785 года, и *Румянцовъ Остерману*, отъ 15/26 февраля того же года). Но мы должны принять эту фразу, потому что она находится въ оффиціальной жалобѣ Гофенфельса Остерману (въ сейчасъ упомянутомъ письмѣ Остермана Румянцову она выписана изъ этой жалобы такъ: En cas de refus on procéderoit néanmoins à cet arrangement sans son concours et sans sa participation)

Румянцевъ, а также и Іосифъ, справедливо предполагали, что отсрочка означала желаніе Карла посовѣтоваться съ Версалемъ. Въ это время французскій посланникъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ повсюду за герцогомъ, а господинъ д'Есебекъ находился въ Парижѣ; кромѣ того, тогда проѣзжалъ черезъ Цвейбрюкенъ въ Петербургъ новый французскій посланникъ графъ Сегюръ, который сильно ободрялъ Карла, осаждавшаго его вопросами насчетъ намѣреній версальскаго двора въ дѣлѣ обмѣна земель. Конечно, Гофенфельсъ основательно совѣтовался съ этими друзьями и работалъ изъ всѣхъ силъ. Онъ представилъ своему государю горячій докладъ о томъ, какъ Габсбурги съ самаго начала «подкрадывались» къ Баваріи, чтобы «провести линію отъ Эгера до Дуная, затѣмъ — между Франконіей и Верхнимъ Пфальцемъ и дальше, по Иллеру, до Боденскаго озера, и тѣмъ прекрасно округлить свои владѣнія, ибо Зальцбургъ, Пассау, Фрейзингенъ, Регенсбургъ, Эйхштедтъ и Аугсбургъ сами собой сольются съ этой огромной массой земель» [1]).

По истеченіи срока, 3-го января 1785 года, Карлъ прислалъ Румянцову любопытный отвѣтъ, который долго былъ предметомъ толковъ по всей Европѣ. Онъ объявилъ, что этотъ, уже не новый, планъ «совершенно противенъ интересамъ его дома, опасенъ по своимъ принципамъ и пагубенъ по своимъ послѣдствіямъ, ибо подрываетъ основы германской конституціи». Это не что иное, какъ «угнетеніе слабаго», или «выгоды и право сильнаго» (la convenance et la loi du plus fort). Герцогъ высказывалъ увѣренность, что «императоръ найдетъ болѣе справедливый и благородный способъ обезсмертить себя». Точно также думаетъ онъ и о русской императрицѣ. Хотя ея приказы Румянцову грозятъ ему живымъ участіемъ Россіи въ исполненіи плана, уничтоженнаго ею самой, въ 1779 году, въ союзѣ съ Франціей и Пруссіей, однако его страхъ подавляется «горячимъ и благороднымъ стремленіемъ русской монархини постоянно защищать общее дѣло (la cause commune) и въ особенности интересы Палатинскаго дома». Герцогъ увѣренъ, что «высокая мудрость императрицы постигнетъ неисчислимыя слѣдствія того безпорядка и той смуты, которые возникнутъ изъ этого дѣла въ цѣлой Европѣ. И конечно вели-

---

и единодушно признается всѣми современными свидѣтелями, не исключая нашего собственнаго посланника Штакельберга. См. *Dohm*. III. 40 sq.—*Schmidt*: Unionsbestrebungen, 1182.—*Ségur*, II, 103 sq. 172.

[1]) *Румянцевъ Голицыну*, отъ 19/30 декабря 1784 года.—*Joseph II und Leopold*, I 256.—*Dohm*, III, 44.—*Ségur*. II, 103 — 105. — Министерскій докладъ Гофенфельса своему герцогу у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 135 sq.

кій геній и высокая мудрость этой августѣйшей поруки доставятъ ей случай и средства согласовать законныя выгодыея союзника съ торжественными обязательствами, принятыми ею передъ лицомъ Европы, вмѣстѣ съ гарантіей тешенскаго мира и фамильныхъ договоровъ Баваро-палатинскаго дома». На это-то Румянцовъ долженъ употребить всѣ свои усилія, а не на хлопоты объ обмѣнѣ, «на который пфальцскій домъ никогда не согласится». Это для него «единственное и вѣрное средство прославить свою миссію въ Германіи и пріобрѣсти довѣріе имперскихъ князей» [1]). Румянцовъ заявилъ цвейбрюкенскимъ министрамъ, что письмо ихъ государя проникнуто «тономъ тревоги, досады и колкости, не свойственнымъ дѣловымъ бумагамъ». Самому же Карлу онъ отвѣчалъ кратко и сдержанно: онъ замѣтилъ только, что «дѣло герцога—принимать свои мѣры, а его—сожалѣть, если мѣры окажутся худыми» [2]).

Итакъ, герцогъ цвейбрюкенскій заговорилъ съ двумя могущественными имперіями языкомъ великой державы. Онъ напоминалъ русской государынѣ о мудрости, благородствѣ и торжественныхъ обязательствахъ, и начертывалъ инструкцію ея посланнику. Онъ передъ лицомъ Европы наносилъ жестокую обиду [3]) той самой Екатеринѣ, къ «ногамъ» которой «повергался» два года, испрашивая орденъ своей покинутой женѣ. Мало того. Какъ-бы желая, чтобы обида не миновала своей цѣли, Карлъ заставилъ Гофенфельса отправить Остерману жалобу на Румянцова и дерзкій комментарій къ своему письму, который назвали въ Петербургѣ «исполненнымъ декламацій». Очевидно, Румянцовъ былъ правъ, замѣтивши, что ни слогъ, ни содержаніе

---

1) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 26 декабря 1784 года (6 января 1785 года). — У *Шмидта* (Unionsbestrebungen, I, 132—134) то же самое съ небольшими стилистическими поправками.

2) Это письмо (отъ 5 января н. ст.) приложено къ вышеупомянутой депешѣ Румянцова Голицыну. (Оно напечатано у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 134 sq.). Здѣсь же встрѣчаемъ письмо Румянцова къ цвейбрюкенскому министру, въ которомъ сказано: „Je ne puis me dispenser de Vous observer, qu'il regne dans la lettre du Duc un ton l'alarme, d'aigreur et de picoterie, qui n'est pas celui des affaires“.

3) Екатерина назвала письмо Карла „шалостями головы святѣйшаго герцога, которая, какъ видно, не создана для пониманія извѣстнаго рода вещей“. (*Joseph II und Katharina*, 247). Іосифъ приписывалъ его „помѣшанному и ослѣпленному“ человѣку и называетъ „наглымъ, смѣшнымъ и написаннымъ прусскими чернилами, ибо французскія были бы медоточивѣе“ (*ibid.*, 243; *Joseph II und Leopold*, I, 261). Леопольдъ называетъ его „наглымъ, глупымъ и неловкимъ“. *Joseph II und Leopold I*, 264); Кауницъ „наглымъ и обиднѣйшимъ (*Joseph II und Katarina*, 242 sq; то же самое сказалъ Кауницъ Голицыну, какъ видно изъ депеши послѣдняго Екатеринѣ отъ 31-го декабря 1784—11 января 1785 года).

письма герцога не принадлежатъ ему [1]). Поведеніе Версаля и Берлина не замедлило подтвердить это подозрѣніе.

Взглядъ версальскаго кабинета на обмѣнъ земель внезапно совсѣмъ измѣнился. Людовикъ XVI прислалъ Іосифу письмо, за которое даже хладнокровный Леопольдъ назвалъ его «человѣкомъ безъ характера и безъ головы». Совершенно оправдывая послѣдній поступокъ Карла «рѣзкостью» поведенія Румянцова, Людовикъ заявлялъ, что обмѣнъ земель «нарушаетъ систему равновѣсія — этотъ существенный пунктъ вестфальскихъ договоровъ, эту главную поддержку германской конституціи». Сверхъ того, французскій король, увѣренный, что подобная сдѣлка не можетъ состояться безъ участія Фридриха, спрашивалъ Іосифа, какъ желаетъ онъ извѣстить берлинскій дворъ—самъ, или же черезъ посредство Версаля? Голландское дѣло онъ отдѣлилъ отъ баварскаго, намекая, что здѣсь готовъ сдѣлать уступку императору. Іосифъ отвѣчалъ смѣло и не безъ горечи, доказывая, что обмѣнъ земель былъ бы лишь возстановленіемъ европейскаго равновѣсія, нарушеннаго возвышеніемъ браденбургскаго дома насчетъ габсбургскаго. Онъ далъ замѣтить Людовику, что именно Франція виновата въ сопротивленіи Фридриха и особенно герцога цвейбрюкенскаго. На это послѣдовало суровое заявленіе: Франція должна сдержать свои обязательства по вестфальскому и тешенскому миру. Сверхъ того, Людовикъ уже заговорилъ другимъ тономъ и о Голландіи: онъ посовѣтовалъ Іосифу ограничиться однимъ «удовлетвореніемъ своего достоинства», то-есть извиненіями республики. А въ Гагѣ онъ не твердилъ объ умѣренности. Несмотря на то, что Іосифъ согласился на перемиріе до 1-го мая, въ ожиданіи извинительной депутаціи оттуда, послѣдняя не являлась, а тонъ голландскихъ газетъ становился все задорнѣе и оскорбительнѣе для австрійцевъ. Съ другой стороны, чѣмъ невозможнѣе становился обмѣнъ земель и чѣмъ энергичнѣе вступался Людовикъ за республику, тѣмъ упорнѣе настаивалъ Іосифъ на своемъ послѣднемъ требованіи—на уступкѣ Мастрихта. И даже уклончивый Леопольдъ сталъ называть эту крѣпость «положительно необходимымъ ключомъ къ Нидерландамъ и оплотомъ противъ Франціи». Наконецъ, Іосифъ уже оффиціально потребовалъ отъ Екатерины новаго, болѣе строгаго, внушенія въ Гагѣ, а въ дружескомъ письмѣ просилъ ее «дать почувствовать голландцамъ,

---

[1]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 26 декабря 1784 года (6 января 1785 года). — *Остерманъ Румянцову*, отъ 30-го января 1785 года.

что если его принудять къ войнѣ и кто-нибудь вздумаетъ защищать ихъ, то Россія непремѣнно поддержитъ Австрію» [1]).

Голландское дѣло, подогрѣтое баварскимъ, принимало зловѣщій характеръ, подготовляя разрывъ между Австріей и Франціей. Въ то же самое время затаенная вражда между Берлиномъ и Петербургомъ превращалась въ открытую. Когда Румянцовъ ждалъ послѣдняго отвѣта отъ Карла, въ Потсдамъ прискакалъ курьеръ изъ Карлсберга, который объявилъ, что герцогъ проситъ заступничества Пруссіи, рѣшившись «скорѣе погребсти себя подъ развалинами Баваріи», чѣмъ согласиться на обмѣнъ земель. Встревоженный Долгорукій тотчасъ же потребовалъ объясненій у Финкенштейна, который отвѣчалъ, что привезены депеши, вовсе не касающіяся обмѣна земель, но замѣтилъ при этомъ: «вообще любятъ преувеличивать и сочинять новости; можетъ ли быть рѣчь о такомъ дѣлѣ, которое столь противно трактатамъ, что подняло бы всю Европу (s'attireroit toute l'Europe à dos)?» А на другой день Долгорукій узналъ, что этотъ самый Финкенштейнъ отправилъ цвейбрюкенскаго курьера назадъ «съ внушеніемъ, чтобы герцогъ сохранялъ твердость и обратился къ Франціи, какъ къ порукѣ за тешенскій трактатъ» [2]). Въ то же самое время въ Потсдамъ пріѣхалъ самъ Гофенфельсъ, а Герцбергъ, опасаясь вялости и крайняго миролюбія Фридриха, отправилъ, безъ его вѣдома, на собственный счетъ, секретаря посольства въ Мюнхенъ, чтобы подкрѣпить вліяніе герцогини Климентъ, какъ передъ баварской войной. Этотъ безпокойный представитель партіи дѣйствія въ Потсдамѣ до того горячо схватился за дѣло, что его противники приписывали ему, вмѣстѣ съ Гофенфельсомъ, желаніе принудить стараго короля къ войнѣ съ Австріей. Фридрихъ старался сохранить умѣренность. Не подавая Карлу никакихъ надеждъ на прямую помощь, онъ, однако, тотчасъ же увѣрилъ его, что «сдѣлаетъ все, чтобы раскрыть глаза Франціи и Россіи».

Вслѣдъ затѣмъ, политика Пруссіи разоблачилась оффиціально. Герцъ передалъ Остерману дерзкую записку Гофенфельса и заявленіе Фридриха о вредѣ обмѣна не только для Германіи и Пруссіи, но даже и для Россіи. «Король—сказалъ онъ—надѣется, что императрица, хорошенько вникнувъ въ дѣло, не одобритъ его. Онъ всѣми силами будетъ сопротивляться обмѣну и,

---

1) *Голицынъ Екатеринѣ*, въ январѣ 1785 года.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II*, 65—76, 80 sq., 84.—*Joseph II und Leopold, I*, 262, 267, 276 sq *Joseph II und Katharina*, 245.

2) *Долгорукій Остерману*, отъ 7/18 и 11/22 января 1785 года.—*Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 211.

именемъ старой дружбы и союза, умоляетъ ее не допускать плана, который разрушитъ ея собственную славу — тешенскій миръ». Остерманъ принялъ Гёрца весьма холодно и все повторялъ: «не понимаю, почему герцогъ цвейбрюкенскій такъ встревожился изъ-за одного предложенія, которое онъ могъ принять или отвергнуть! Онъ слишкомъ серьёзно взглянулъ на дѣло и не кстати обезпокоился. Сказалъ бы: не хочу мѣняться!—и дѣлу съ концомъ. Плохой совѣтъ дали герцогу поднимать столько шуму и тѣмъ причинять безпокойство и хлопоты себѣ и другимъ». Безбородко выразился еще откровеннѣе: «мы смотрѣли на планъ обмѣна просто какъ на дѣло, подходящее для всѣхъ соучастниковъ; иначе—совсѣмъ другой вопросъ». Онъ весьма удивлялся, что Румянцовъ позволилъ себѣ выраженія, въ которыхъ его обвиняютъ, и прибавилъ: «не одобрили плана,—такъ нужно считать его вовсе не предложеннымъ». Гёрца не удовлетворили эти простыя словесныя объясненія. Онъ все боялся, что союзники прибѣгнутъ къ насилію, такъ какъ Екатеринѣ выгодно было, чтобы Іосифъ, поссорившись съ Франціей, тѣмъ свободнѣе могъ содѣйствовать греческому проекту, противъ котораго неизбѣжно возстанетъ версальскій дворъ. Гёрцъ потребовалъ оффиціальнаго отвѣта; но его уже до того не терпѣли въ Петербургѣ, что, избѣгая разговоровъ съ нимъ, послали свое заявленіе прямо Фридриху черезъ Долгорукаго.

Отъ этого заявленія зависѣлъ миръ или война въ цѣлой Европѣ. Остановимся, чтобы уловить настроеніе умовъ въ ту минуту.

1785-й годъ начинался всеобщею тревогой. Конечно, больше всего суеты и шума было въ Цвейбрюкенѣ, который сталъ, выражаясь словами Румянцова, истиннымъ «очагомъ волненій». Здѣсь постоянно сталкивались агенты четырехъ великихъ державъ, между которыми дѣло доходило иногда до ссоръ, въ присутствіи всего двора. Рядомъ съ герцогомъ Карломъ, курфюрстъ Карлъ-Теодоръ сталъ героемъ начинавшейся европейской драмы. Въ Баваріи было даже безпокойнѣе, чѣмъ въ Цвейбрюкенѣ. Народъ, привыкшій къ провинціальной независимости и къ религіи предковъ, народъ, ненавидѣвшій Іосифа, какъ «еретика», а послѣ войны 1779 года и какъ деспота, не могъ освоиться съ мыслью, что его гордая воспоминаніями страна должна превратиться въ австрійскій округъ. Онъ волновался, подстрекаемый іезуитами, прусскими выходцами да кружкомъ герцогини Климента и вдовствующей курфюрстины, снова выступившихъ впередъ, какъ въ 1778 году. Посыпались «всеподданнѣйшіе» протесты и просьбы

городскихъ и сельскихъ обществъ. Земскіе чины принуждены были сдѣлать формальный запросъ курфюрсту, заявляя, что не ручаются, можно ли удержать народъ отъ бунта. Карлъ-Теодоръ рѣшился скрыть истину: онъ отрицалъ самый планъ обмѣна и объяснялъ сношенія съ Вѣной переговорами объ исправленіи границъ по тешенскому миру. Но это лживое и холодно-оффиціальное заявленіе только оскорбляло преданность народа и укрѣпляло вѣру въ тревожные слухи. Кромѣ того, планъ обмѣна внесъ разстройство во всѣ жизненныя отношенія страны и въ ея управленіе [1]).

Конечно, шумъ въ Цвейбрюкенѣ и въ Баваріи не самъ по себѣ смущалъ Европу, а по связанному съ нимъ вмѣшательству великихъ державъ въ германскій вопросъ. Казалось, спорные пункты уже вполнѣ выяснились, враждебныя стороны опредѣлились и точили оружіе. Два могущественныхъ союза стояли другъ противъ друга—съ одной стороны Австрія и Россія, съ другой—Пруссія, Франція и даже Англія, дававшая понять тогда, что «не задумается пристать къ союзу съ Пруссіей, о которомъ Фридрихъ такъ часто писалъ» [2]). Настроеніе Австріи не требовало объясненій; Россія же именно тогда заявила свои враждебныя чувства къ Берлину и Версалю. Съ Гёрцомъ обращались въ Петербургѣ все хуже и хуже. Вотъ его собственныя слова: «Въ концѣ 1784 и началѣ 1785 года охлажденіе Екатерины къ прусскому королю весьма рѣзко выражалось при различныхъ случаяхъ. Русскіе министры обращались съ графомъ Гёрцомъ холодно, почти избѣгали разговоровъ съ нимъ и даже, можно сказать, не хотѣли приближаться къ нему. Съ нимъ обходились какъ съ посланникомъ державы, съ которой уже предвидѣли прекращеніе дружескихъ сношеній. Отказывали Пруссіи въ разрѣшеніи покупать ремонтныхъ лошадей въ русскихъ провинціяхъ, что прежде всегда дозволялось... Друзья говорили Гёрцу, что они принуждены держаться въ сторонѣ отъ него, чтобы не повредить себѣ... Въ такихъ обстоятельствахъ Гёрцъ находилъ успокоеніе

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 25-го марта (5-го апрѣля) 1785 года: „Чины баварскіе но нынѣ еще суть въ опасеніи промѣна; кредитъ ихъ отъ сего слуха пострадалъ и денегъ нигдѣ найти не могутъ; министерство курфюршества не въ лучшемъ состояніи, взаимно одинъ другаго остерегается и баварскіе подозрѣваютъ пфальцскихъ будто бы сіи послѣдніе не токмо извѣстны, но и согласны способствовать событію намѣреваемаго промѣна“. Подозрѣніе это усиливалось отъ слуха о скоромъ путешествіи курфюрстовъ въ чужіе края.—*Румянцовъ Екатеринѣ*, въ февралѣ 1785 года.—Schmidt: Unionsbestrebungen, I, 140—142.—*Dohm*, III, 33.

[2]) Депеша прусскаго посланника въ Лондонѣ, Люси, отъ 4-го февраля 1785 года. Schmidt: Unionsbestrebungen, I, 140.

только въ томъ, что великій князь оставался вѣренъ своимъ принципамъ и своему взгляду на русско-прусскій союзъ. Но онъ долженъ былъ крайне осторожно поддерживать тайныя сношенія съ этимъ принцемъ, чтобы никто ничего не зналъ о нихъ. Великій князь находился также непосредственно въ дружеской перепискѣ съ королемъ, что гораздо больше успокоивало Фридриха насчетъ его отношеній къ Россіи, въ особенности въ будущемъ, чѣмъ увѣренія императрицы и ея министровъ» [1]).

По мѣрѣ того, какъ возростала холодность между Екатериной и Фридрихомъ, отношенія Петербурга къ Версалю становились все болѣе и болѣе натянутыми. По обыкновенію, это обнаруживалось въ Портѣ, гдѣ происки Франціи были гораздо опаснѣе для насъ, чѣмъ интриги въ Цвейбрюкенѣ. Екатерина получала отсюда самыя непріятныя извѣстія, подкрѣпляемыя депешами Іосифа. Изъ нихъ оказывалось, что Франція посылаетъ султану своихъ офицеровъ и вообще старательно приготовляетъ турокъ къ близкой войнѣ съ русскими. Такимъ образомъ, разрывъ между Петербургомъ и Версалемъ былъ для всѣхъ еще очевиднѣе, чѣмъ вражда между Россіей и Пруссіей. Онъ подготовлялся двумя путями: Екатерину вызывали на борьбу не только интересы Іосифа—баварскій и голландскій вопросы, но также чисто русскія выгоды—восточный вопросъ. Оттого-то всѣ были убѣждены, что недобрыя порученія везетъ новый французскій посланникъ, графъ Сегюръ, ѣхавшій тогда въ Петербургъ. И сама Екатерина писала въ ту минуту Іосифу: «онъ, кажется, везетъ больше контрабанды въ политикѣ, чѣмъ въ товарахъ». Дѣйствительно, Сегюру приказано было «тайно выказывать *реальное* довѣріе Гёрцу».

Наконецъ, уже замѣчались тѣ проявленія національной вражды въ личностяхъ и мелкихъ фактахъ, которыя обыкновенно предшествуютъ войнѣ и, быстро разлетаясь въ формѣ анекдотовъ, сильнѣе всего дѣйствуютъ на общественное мнѣніе. Они были тѣмъ замѣтнѣе, что происходили въ средѣ дипломатовъ, привыкшихъ и обязанныхъ таить враждебныя чувства подъ личиной отмѣнной любезности. Въ теченіи всего 1784 года, и особенно къ концу его, русскіе и австрійскіе дипломаты повсюду ссорились и даже доходили до сценъ съ своими французскими и прусскими товарищами. Въ Портѣ именно въ это время прусскій агентъ, Гафронъ, до тогоназойливо перечилъ на каждомъ шагу Булгакову, что Остерманъ принужденъ былъ, наконецъ, пожаловаться Фридриху оффиціально. Въ Майнцѣ, какъ мы видѣли, Румян-

[1]) *Görtz*, I, 265—267.

цовъ чуть не подрался съ Сегюромъ изъ-за стула за обѣдомъ у курфюрста. Намъ извѣстно также, каково было тогда Гёрцу въ Петербургѣ; а между тѣмъ русскіе министры жаловались, что имъ житья нѣтъ отъ его заносчивости и назойливости, съ которой онъ разглашалъ въ Европѣ то, «чего они и сами хорошенько не знали». Остерманъ называлъ его «неблагоразумнымъ», созданнымъ для того, чтобы «вѣчно мѣшать карты»,—человѣкомъ, у котораго «языкъ чешется для неумѣстныхъ откровенностей» [1]). Онъ до того возненавидѣлъ Гёрца, что, желая избѣгать свиданій съ нимъ, сталъ, наконецъ, сноситься съ Берлиномъ исключительно черезъ Долгорукаго, и прусскій дипломатъ принужденъ былъ просить своего государя объ отозваніи его отъ двора, «который не имѣетъ къ нему довѣрія» [2]). Въ свою очередь, берлинскій дворъ старался сноситься съ нашимъ прямо черезъ Гёрца, избѣгая посредничества Долгорукаго.

Но любопытнѣе всего, что одновременно возникли даже оффиціальныя жалобы на двухъ нашихъ дипломатовъ. Одна, уже извѣстная намъ, касалась Румянцова, позволившаго себѣ такое важное увлеченіе, что оно, въ свою очередь, обрисовываетъ настроеніе умовъ того времени. Другая связана съ самой характеристической сценой, разыгравшейся въ лондонскомъ дворцѣ и надѣлавшей не меньше шума въ Европѣ, чѣмъ знаменитый разговоръ Румянцова съ герцогомъ цвейбрюкенскимъ. Дѣло происходило между нашимъ и прусскимъ посланниками въ Великобританіи—Симолинымъ и Люси. Завязался у нихъ разговоръ о голландскомъ вопросѣ. Люси замѣтилъ, что требованія Іосифа не согласны съ трактатами. Симолинъ возразилъ ему, разгорячившись: «да, вѣдь, нынѣ трактаты не имѣютъ силы! И мнѣ странно слышать, что прусскій министръ говоритъ о договорахъ и справедливости, когда его государь доказалъ свое неуваженіе къ нимъ войнами 1744, 1756 и 1778 годовъ, а въ послѣднее время препирательствомъ съ Данцигомъ». Люси сталъ доказывать несправедливость этого мнѣнія; но Симолинъ повторилъ свои слова. Тогда Люси замѣтилъ: «я никогда не позволялъ себѣ контролировать дѣйствія вашей императрицы и всегда отзывался о ней съ самымъ глубокимъ уваженіемъ и восторгомъ... Я убѣжденъ,

---

[1]) *Остерманъ Долгорукому*, отъ 18 декабря 1784. „Görtz est loin des devoirs indispensables de prudence, dont il n'est pas permis à un ministre public de s'écarter". По мнѣнію Остермана, причина этого кроется „dans la vie privée de ce ministre, et dans son caractère toujours porté à brouiller les cartes, et se livrer à la demangeoison de faire des confidences deplacées".

[2]) *Görtz*, I, 276.

что это ваше личное чувство. Я не разъ замѣчалъ въ васъ желаніе чернить дѣйствія его величества... Но меня утѣшаетъ то, что, между тѣмъ какъ всѣ отдаютъ справедливость королю, только презрѣннѣйшій изъ людей (le plus meprisable des hommes) осмѣливается осуждать его... Поэтому, вполнѣ уважая, по долгу, званіе министра императрицы, я презираю отъ всего моего сердца господина Симолина». Неизвѣстно, чтó послѣдовало бы за этой рѣчью, еслибы приходъ нѣсколькихъ посланниковъ не развелъ собесѣдниковъ.

Обѣ жалобы остались безъ послѣдствій. Касательно Румянцова Остерманъ отвѣчалъ, что не вѣритъ, наведетъ справки, и удовольствовался увѣреніемъ нашего посланника, что онъ никогда не говорилъ герцогу приписанной ему фразы. А отвѣтъ по дѣлу Симолина былъ новою обидой. «Симолинъ—сказалъ Остерманъ Гёрцу—извѣстный дипломатъ, и врядъ ли могъ онъ употребить приписываемыя ему выраженія. Скорѣе можно думать, что тутъ произошло какое-нибудь недоразумѣніе со стороны Люси, который, *бывъ прежде гусарскимъ офицеромъ*, можетъ быть, принялъ въ превратномъ смыслѣ отзывы нашего посланника, или же, сердясь на него за что-нибудь, хотѣлъ лично очернить его въ своемъ доносѣ» [1]).

X.

Развязка баварскаго и голландскаго дѣла.

Ожиданіе европейской войны.—Возможность ея.—Близость революціи. — Роль Россіи. — Твердость германской политики Екатерины. — Россія и обмѣнъ земель.—Отвѣтъ Екатерины Фридриху II и герцогу Карлу.—Рѣшеніе баварскаго и голландскаго вопроса. — Успокоеніе Фридриха. — Майскій циркуляръ Екатерины.—Значеніе обмѣна земель для Германіи и для Россіи.—Дальнѣйшіе планы Екатерины и Іосифа.

Въ началѣ 1785 года въ воздухѣ до того пахло порохомъ, что люди, стоявшіе въ самомъ водоворотѣ политики, были убѣждены въ неизбѣжности взрыва. Голицынъ вѣрилъ, что уже назначенъ французскій генералъ для командованія голландскими

---

[1]) *Остерманъ Румянцову*, отъ 30-го января 1785 года.—*Румянцовъ Остерману*, отъ 15/26 февраля 1785 года.—Въ московскомъ архивѣ находится представленный Гёрцомъ Остерману *Extrait d'un rapport du Comte de Lusi en date du 12 Novembre 1784*. Здѣсь же приложенъ отвѣтъ Остермана и его переговоры съ Гёрцемъ по этому дѣлу.

войсками. Леопольдъ доказывалъ, что затягиваніе голландскаго дѣла явный признакъ снаряженія Франціи къ походу. Марія-Антуанетта извѣщала братьевъ, что въ Парижѣ уже составляютъ приказъ двинуть корпусъ къ бельгійской границѣ. Сегюра по всему пути до Петербурга сопровождали признаки тревожнаго настроенія умовъ. Не говоря про Цвейбрюкенъ и Майнцъ, даже въ Лейпцигѣ только и было толковъ, что про честолюбіе двухъ имперій, которое должно быть раздавлено арміями Пруссіи, Франціи и Голландіи. Тамъ-и-сямъ въ Германіи вербовались войска — не то для Голландіи, не то для Фридриха. Въ Берлинѣ Сегюра засыпали вопросами о военныхъ приготовленіяхъ Версаля. Въ Петербургѣ прусскіе агенты встрѣтили его извѣстіемъ, что Потемкинъ собираетъ новую армію и уже приказалъ офицерамъ быть при своихъ полкахъ. И между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ стягивались войска къ границамъ Голландіи и зарево войны уже освѣщало берега Шельды, на другомъ концѣ Европы, въ Италіи, русскіе агенты разсѣявали вредные Версалю слухи между турками и островными греками и хвастались, что Екатерина «унизила Францію», приказала уступить устья Шельды Іосифу, собираетъ войска и вооружаетъ большой флотъ. Среди этого повсемѣстнаго шума, старый Фрицъ ворчалъ и негодовалъ на всю Европу. «Вообще — говорилъ онъ — политика европейскихъ государей — хаосъ, который еще не думаетъ разсѣяваться, хотя голландское дѣло, кажется, и окончится тѣмъ, что республиканцы отдѣлаются, давши императору на водку: нужны *новыя основы* для упроченія политическаго равновѣсія и мира» [1]).

Нельзя отрицать, что въ описываемое время европейская война была возможна. Іосифъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ баварскомъ планѣ, и считалъ его задачей своей жизни, для которой можно было рисковать многимъ. Фридрихъ, при всей его старческой вялости, также продолжалъ считать своей задачей на закатѣ дней отстоять Баварію. Къ тому же, теперь его подвигалъ впередъ горячій союзникъ, котораго не было въ 1778 году—Версаль. А при такихъ условіяхъ, Россія и Англія неизбѣжно вовлекались въ войну.

Изъ всѣхъ великихъ державъ, незаинтересованная въ баварскомъ дѣлѣ непосредственно, Франція болѣе всѣхъ обнаруживала

---

[1]) *Голицынъ Екатеринѣ*, въ январѣ 1785 года.—*Joseph II und Leopold*, I [illegible], 267 sq., 270 sq., 277.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold*, 73. —*Ségur*, *II*, 114—140.—*Schmidt:* Unionsbestrebungen I, 148.

раздражительность и безпокойство. Она какъ будто искала войны, вопреки своему ослабленію послѣ борьбы съ Англіей, вопреки своему внутреннему разстройству, отсутствію военныхъ и государственныхъ талантовъ, волненію общественнаго мнѣнія. Неестественное настроеніе Франціи напоминаетъ намъ, что описываемое время всего на четыре года отстояло отъ великой революціи, зародыши которой мы уже должны брать въ разсчетъ. Европа находилась въ самомъ тяжеломъ положеніи. Повсюду чувствовалось желаніе и рѣшимость, будь что будетъ, покончить съ основными вопросами, которые давно уже созрѣвали и истомили общество. Въ умственной сферѣ борьба новыхъ началъ съ старыми еще не была окончена, да и кто же довольствовался бы побѣдой въ принципѣ, когда жизнь плелась еще по старой колеѣ? Въ политикѣ господствовало то же самое настроеніе. Тѣсно связанная съ общимъ направленіемъ умовъ, и она переживала борьбу новыхъ началъ съ старыми. Трехвѣковыя основы равновѣсія были разрушены, священные трактаты разорваны и «вѣчные» союзы замѣнены самыми неожиданными. Россія, Пруссія и Австрія выходили на новый путь и собирались рѣшать гамлетовскіе вопросы, кончающіеся переворотами въ исторіи. Тяжелая, неудачная война и утрата колоній измѣняли политику Англіи въ основахъ. А на Франціи, какъ всегда, больше всего отражалось общее настроеніе эпохи: въ ея болѣзненномъ безпокойствѣ сказывалось инстинктивное стремленіе избавиться отъ внутреннихъ страданій посредствомъ внѣшней дѣятельности. Война, ожидавшаяся въ 1785 году, была бы однимъ изъ величайшихъ событій въ исторіи, и, быть можетъ, не столько по своимъ ужасамъ, сколько по политическимъ и культурнымъ послѣдствіямъ.

Мы думаемъ, что она не только была возможна, но неизбѣжно разразилась бы, еслибы Россія не остановила ея, рѣшивъ участь Европы точно такъ же, какъ въ 1778 году. И въ этомъ случаѣ блистательно проявились какъ трезвость политическаго взгляда Екатерины, такъ и ея вѣрность національнымъ интересамъ. Екатерину упрекаютъ, по поводу греческаго проекта, въ фантастичности. Но значеніе фантастическихъ плановъ, которые встрѣчаются у всякаго выдающагося дѣятеля въ исторіи, не въ нихъ самихъ, а въ ихъ исполненіи.

Въ описываемую минуту Екатеринѣ предстоялъ большой соблазнъ *увлечься* своимъ фантастическимъ планомъ. Турція уже не была «страшилищемъ». У давно готоваго къ войнѣ Іосифа армія была свѣжая, тогда какъ французы были истомлены американскою войной. Грозный Фрицъ уже врядъ ли могъ коман-

довать арміей или составлять блестящіе планы кампаній. Екатерина пользовалась значительнымъ вліяніемъ среди фюрстовъ. Наконецъ, Англія, возставшая сначала противъ баварскаго плана потому только, что считала Людовика XVI другомъ Іосифа, теперь, конечно, поспѣшила бы возстановить свое поколебленное значеніе борьбой съ Франціей при столь выгодныхъ условіяхъ. Но за то малѣйшая неудача подрывала всю будущность Россіи, да и достиженіе фантастическаго плана не представлялось особенно завиднымъ, потому что потребовало бы серьёзныхъ пожертвованій. Здѣсь сомнительный успѣхъ былъ связанъ съ неизбѣжными политическими невыгодами. Пріобрѣтая Константинополь въ то время, Россія создавала себѣ опаснаго врага въ будущемъ, потому что должна была подѣлиться добычей съ Австріей, то-есть усилить послѣднюю до того, что ей уже не было бы преградъ въ Германіи. Слѣдовательно, вести европейскую войну значило, при самомъ лучшемъ исходѣ, губить ту нѣмецкую политику, которою такъ гордилась Екатерина и которая доставляла ей такой вѣсъ въ Германіи.

Екатерина рѣшилась выдерживать свою нѣмецкую политику, по прежнему извлекая изъ нея что можно для замышляемой войны съ Турціей. При такомъ взглядѣ, задача Россіи въ описываемое время была ясна. Слѣдовало, для скрѣпленія союза 1781 года, искренно, горячо поддерживать Іосифа во всемъ — но только нравственно, словами. Дипломатія Екатерины должна была всегда быть готовой къ услугамъ императора, но ея армія и финансы должны были служить только ближайшимъ, чисто русскимъ интересамъ. Мы видѣли, какъ усердно и неизмѣнно русскіе агенты повсюду поддерживали австрійскихъ и были какъ-бы подчиненными Кауница, который диктовалъ Голицыну его депеши Румянцову. Но, въ то же самое время, замѣчается другая струя въ дипломатіи Екатерины, которая охлаждала порывы Іосифа и вскорѣ воскресила старую ненависть Леопольда къ Россіи. Мы уже знаемъ, какъ Іосифъ былъ отстраненъ отъ устьевъ Вислы (гл. VI); немного больше содѣйствія оказала ему Екатерина и на устьяхъ Шельды. Въ началѣ 1785 года она уже совѣтовала ему «не заходить далеко» въ голландскомъ дѣлѣ и «быть готовымъ къ примиренію». Тогда же посланное ею въ Гаагу второе заявленіе показалось Іосифу «весьма слабымъ», а Леопольдъ уже снова впалъ въ свое обычное разочарованіе насчетъ Петербурга [1]).

[1]) Сакенъ отъ 28 декабря 1784 (7 января 1785). *Herrmann*, *VI*, 92. *Joseph II und Katharina*, 247.—*Joseph II und Leopold*, *I*, 258, 271, 275, 277.

Но всего яснѣе раскрылся смыслъ нѣмецкой политики Екатерины въ вопросѣ объ обмѣнѣ земель. Здѣсь были сильно замѣшаны интересы Россіи: вопросъ шелъ объ ея знаменитой «инфлюенціи» въ Германіи. Къ тому же, она вступила въ дѣло не косвенно, а прямо, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, а Румянцовъ своей запальчивостью, своимъ превышеніемъ инструкцій довелъ до того, что вопросъ уже касался чести императрицы. Изъ словъ Сегюра, бесѣдовавшаго, проѣздомъ, съ нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ, видно, какъ всѣ были убѣждены, что Екатерина, славившаяся въ Европѣ своимъ «самолюбіемъ и тщеславіемъ», не можетъ перенести отъ одного изъ своихъ ничтожныхъ вассаловъ такой обиды, какъ отвѣтъ герцога цвейбрюкенскаго. Но Штакельбергъ увѣрилъ Сегюра, что Екатерина сама считаетъ обмѣнъ земель «химерой» и хотѣла оказать своему союзнику «болѣе кажущуюся, чѣмъ дѣйствительную услугу».

Штакельбергъ былъ правъ. Съ самаго начала, когда можно было только предполагать европейское значеніе обмѣна земель, Екатерина намекала Іосифу, что желала бы покончить этотъ вопросъ безъ войны (гл. VII). Теперь же, когда это предположеніе оправдалось, и даже слишкомъ, въ Петербургѣ образовался такой взглядъ. Іосифъ представилъ свой планъ какъ выгодную для Виттельсбаховъ сдѣлку, которая должна основываться на ихъ *добровольномъ согласіи*. Россія «не имѣла ни нужды, ни обязанности, ни даже способовъ узнать прямо, какъ далеко простираются здѣсь выгоды Виттельсбаховъ». Такъ какъ герцогъ Карлъ заявляетъ, что «была бы безконечная трудность въ точномъ исчисленіи доходовъ и прочаго для обѣихъ сторонъ», а главное, такъ какъ онъ не идетъ на добровольное соглашеніе, то «дѣло должно почитать уничтоженнымъ, или, по крайней мѣрѣ, надолго отложеннымъ» [1]).

Этимъ взглядомъ руководились русскіе министры при словесныхъ отвѣтахъ на запросы Гёрца, который совершенно напрасно не вѣрилъ имъ (гл. IX). Онъ же легъ и въ основаніе оффиціальнаго заявленія Фридриху, посланнаго черезъ Долгорукова. Екатерина объясняла, что считала обмѣнъ выгоднымъ для всѣхъ, и потому стала за него «въ интересахъ самой же Германіи и герцога цвейбрюкенскаго». Она думала, что поступаетъ «точно

[1]) Любопытная бумага въ московскомъ архивѣ, безъ заголовка и подписи, въ которой излагается мнѣніе о томъ, какъ поступить послѣ отказа Карла; это мнѣніе принадлежитъ Остерману (оно и писано, кажется, его рукой), потому что кончается проектомъ его письма къ Румянцову отъ 30-го января 1785 года, которое дѣйствительно было „апробовано" Екатериной и послано 1-го февраля. *Ségur*, *II*, 172.

такъ же, какъ во время тешенскаго мира, когда оказала дружественное содѣйствіе интересамъ Пруссіи въ дѣлѣ присоединенія двухъ маркграфствъ къ Бранденбургу. Но такъ какъ герцогъ иначе смотритъ на это дѣло, то само собою разумѣется, что объ немъ больше не можетъ быть и рѣчи, да и Австрія не будетъ болѣе настаивать». Фридрихъ отвѣчалъ на колкій намекъ объ Аншпахѣ и Байрётѣ, что «эти земли — старая отчина Бранденбургскаго дома, а Баварія не только не связана съ Габсбургами, но и не можетъ достаться имъ, въ силу павійскаго и тешенскаго договоровъ» [1]).

Конечно, и въ Цвейбрюкенѣ слѣдовало объясниться въ томъ же смыслѣ, какъ въ Берлинѣ; но здѣсь должно было употребить совсѣмъ другой языкъ, чтобы наказать герцога за его «непристойное» письмо, полное «невѣжливыхъ изреженій насчетъ обоихъ императорскихъ дворовъ». Румянцову была послана депеша въ безпощадно-строгой формѣ, въ которой отказъ герцога приписывался его собственной «непослѣдовательности и дурному характеру» (inconsequence et mauvaise volonté), а также «ловкимъ внушеніямъ тѣхъ, которые злоупотребляли его довѣріемъ». Сверхъ того, Румянцову предписывалось не самому поѣхать съ депешой въ Карлсбергъ, а вызвать, для передачи ея, министровъ герцога въ Франкфуртъ. Наконецъ, онъ долженъ былъ прочесть имъ (не оставляя копіи) письмо къ нему самой императрицы, о которомъ Остерманъ выразился такъ въ вышеупомянутой депешѣ: «нельзя не удивляться великодушію, съ которымъ наша государыня входитъ въ обсужденіе вины (torts) герцога, вмѣсто того, чтобы отвѣчать равнодушіемъ и презрѣніемъ (indifference et mépris) на его ложные доводы» (fausses assertions). Это письмо, по сознанію самой Екатерины, было «горячо и весьма патетично». На записку Гофенфельса Остерманъ даже не счелъ нужнымъ отвѣчать [2]). Передача приказаній Екатерины оказалась дѣломъ труднымъ. Румянцовъ требовалъ къ себѣ цвейбрюкенскихъ министровъ, герцогъ же требовалъ переслать бумаги съ курьеромъ, да еще чтобы императрица сама написала ему,

---

[1]) *Остерманъ Долгорукому*, отъ 30 января 1785 года.—*Доморукій Остерману* отъ 15/26 февраля 1785 года.—*Görts*, *I*, 271, 277.—*Dohm*, *III*, 43 sq. Подробныя возраженія противъ обмѣна земель, выработанныя, кажется, Герцбергомъ и Гофенфельсомъ, у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 137—140.

[2]) *Остерманъ Румянцову*, отъ 30 января 1785 года. Въ проектѣ этой депеши сказано, что „Ея императорское величество указала переписать письмо къ Румянцову съ Ея руки самой"; но этого письма мы не нашли. *Joseph II und Katharina*, 247.

причемъ онъ гордо прибавлялъ, что «не сдѣлаетъ больше ни шагу безъ совѣта и согласія своихъ союзниковъ — Франціи и Пруссіи». Прошло два мѣсяца. Румянцовъ горячился и все жаловался, что не присылаютъ къ нему министровъ. Остерманъ приказалъ ему успокоиться и оставить дѣло, «доложивъ только герцогу, что такъ какъ онъ все хорошо знаетъ черезъ дворы французскій и прусскій, то безполезно сообщать ему отвѣтъ ея величества» [1].

Теперь Іосифу оставалось только признать, что «обмѣнъ сталъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время». Въ началѣ 1785 года, Кобенцль оффиціально засвидѣтельствовалъ признательность своего двора Екатеринѣ «за добрыя намѣренія, какъ за исполненіе» [2].

Тогда же у Іосифа явился новый взглядъ на голландскій вопросъ. Онъ уже доказывалъ своему брату, что Мастрихтъ не такъ интересенъ, какъ казалось ему сначала: «обмѣнъ неудался, а въ немъ было все дѣло». Іосифомъ снова овладѣвалъ страхъ, и онъ думалъ только о томъ, «какъ бы выпутаться изъ этого дѣла съ возможно меньшимъ ущербомъ для себя». Императоръ обрадовался, когда, лѣтомъ 1785 года, прибыли въ Вѣну, для извиненій, голландскіе депутаты, которыхъ на первыхъ порахъ поймали съ контрабандными дамскими матеріями. Іосифъ удовольствовался вознагражденіемъ за военныя издержки, да отмѣной барьеръ-трактата. Шельда осталась замкнутою золотыми ключами амстердамцевъ [3].

Успокоились и въ Потсдамѣ. Въ началѣ 1785 года, Фридрихъ замѣтно старался угодить Екатеринѣ, пользуясь мелкими случаями. Онъ сдѣлалъ послѣднюю уступку Данцигу, которой до тѣхъ поръ никакъ не могли добиться отъ него: это—договоръ, обезпечивающій будущность города и гарантированный Россіей. Въ то же время неугомонный Гафронъ былъ отозванъ изъ Константинополя и даже заточенъ въ крѣпость, хотя вся его вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ усердно исполнялъ враждебные намъ приказы своего государя и не могъ скрыть ихъ отъ прозорливости Булгакова [4].

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 15/26 февраля 1785 года. Здѣсь приложено письмо герцога Карла къ Румянцову изъ Карлсберга, отъ 13-го марта.—*Остерманъ Румянцову*, отъ 23 апрѣля 1785 года.

[2]) *Joseph und Katharina*, 244.—См. ту бумагу начала 1785 года, которую я считаю мнѣніемъ Остермана.

[3]) *Joseph II und Leopold*, I, 282, sq., 291.—*Joseph II und Katharina*, 254—257.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold*, 89—92.

[4]) *Рескриптъ Долгорукому* о Данцигѣ, отъ 30-го мая 1785 года.—*Долгорукій Остерману*, отъ 18/29 января 1785 года.

Но самое полное и не совсѣмъ ожиданное удовлетвореніе получилъ Фридрихъ и вся Германія въ маѣ 1785 года. То былъ важный циркуляръ Остермана къ русскимъ министрамъ при германскомъ сеймѣ и при дворахъ фюрстовъ, написанный чрезвычайно ясно, безъ обычныхъ изворотовъ дипломатической фразеологіи, и потому отзывавшійся чистосердечіемъ. Изъ него оказывалось, что Екатерину тревожатъ и изумляютъ слухи о поддержаніи Россіей какихъ-то коварныхъ замысловъ Австріи противъ Германіи. Ей прискорбно видѣть, что ея безпристрастный и искренній образъ дѣйствій не оцѣненъ князьями, довѣріемъ которыхъ она сильно дорожитъ. На ея взглядъ «нужно слишкомъ много зложелательства, чтобы найти въ баварскомъ дѣлѣ хоть тѣнь плана, направленнаго къ измѣненію нѣмецкой конституціи, не говоря уже о полномъ переворотѣ въ ней». Напротивъ. «Ея собственная слава требуетъ искоренять въ самомъ источникѣ всякое мнѣніе, способное нарушить вѣру въ ея непоколебимое желаніе исполнять свои обязательства по договорамъ. Императрица, не задумываясь, признается здѣсь формально, что считаетъ тешенскій трактатъ столь же священнымъ, какъ вестфальскій, и видитъ въ немъ одинъ изъ основныхъ законовъ германской имперіи. Она до того далека отъ мысли дѣйствовать противъ обязательствъ по своей гарантіи, что даже не предвидитъ возможности столкновенія между этою гарантіей и ея союзомъ съ императоромъ». Еслибы этого общаго признанія (profession) оказалось недостаточно для успокоенія иныхъ царствъ, то русскіе министры должны были «еще болѣе подробно» бесѣдовать съ ними въ этомъ смыслѣ, чтобы убѣдить ихъ, что враги «злоупотребляютъ ихъ довѣріемъ, усиливаясь раздражить ихъ противъ императорскихъ дворовъ» [1]).

Второй походъ противъ Баваріи, поднятый Іосифомъ черезъ семь лѣтъ послѣ перваго, окончился новою неудачей и имѣлъ такія же вредныя послѣдствія для Габсбурговъ, какъ въ 1778 году. Іосифъ опять ронялъ ихъ нравственное вліяніе въ Германіи и возвышалъ національное значеніе Гогенцоллерновъ, то-есть достигалъ прямо противоположной цѣли. Теперь у нѣмцевъ окончательно укоренялось убѣжденіе, что Габсбурги, даже въ своихъ лучшихъ представителяхъ, созданы для измѣны «отечеству», для разрушенія германской конституціи, ибо цѣль ихъ жизни — политическое хищничество. Габсбурги стали, въ глазахъ большинства, тѣмъ

---

[1]) Копія съ этого циркуляра отъ 23 мая (3 іюня) 1785 года находится въ московскомъ архивѣ. Она напечатана у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 240—242.

непримиримымъ врагомъ націи, противъ котораго должно всегда стоять на стражѣ, не довѣряя его лицемѣрнымъ клятвамъ. Всѣ были убѣждены, что баварскій планъ не покинутъ, а лишь отложенъ, и вѣрили самымъ несбыточнымъ слухамъ, въ родѣ обмѣна Модены на Вюртембергъ, если только они касались жадности императора къ землямъ [1]). Напротивъ, для Пруссіи исходъ баварскаго дѣла былъ весьма удаченъ и даже болѣе благопріятенъ, чѣмъ въ первый разъ. Теперь Фридрихъ, безъ всякихъ пожертвованій, даже безъ передвиженія армій, пожалъ всѣ плоды побѣды, о которыхъ мечталъ его соперникъ. Онъ возвысилъ и утвердилъ національное значеніе Гогенцоллерновъ, основанное въ эпоху войны за баварское наслѣдство. Онъ окончательно былъ признанъ стражемъ германской конституціи, что̀ было важнѣе всякихъ земельныхъ пріобрѣтеній для будущности Гогенцоллерновъ, какъ тотчасъ же и оказалось.

Для Россіи баварскій планъ имѣлъ въ 1785 году совсѣмъ другія послѣдствія, чѣмъ въ 1778. Онъ подорвалъ ея важное вліяніе въ Германіи, пріобрѣтенное по тешенскому миру. Всѣ успѣхи въ средѣ фюрстовъ, достигнутые въ пять лѣтъ умомъ и настойчивостью Екатерины, были погублены. До сихъ поръ коварные слухи, распространяемые Фридрихомъ о Россіи, были лишь политической сплетней, опровергаемой каждымъ поступкомъ Екатерины: теперь они стали правдой въ глазахъ нѣмцевъ и послужили однимъ изъ основаній національной вражды между сосѣдственными народами. Мало того, Екатерина, раздѣляя участь Іосифа, много потеряла даже въ общественномъ мнѣніи Европы. Люди новаго направленія, и въ особенности молодое поколѣніе, были поражены противорѣчіемъ между словами и дѣломъ у этой представительницы «просвѣщенія» и преобразованій на полуазіатскомъ востокѣ Европы. Имъ невдомекъ было, что германская имперія — жалкій остатокъ средневѣковщины. Они видѣли только, что мудрая «сѣверная звѣзда» померкла, изливая свой свѣтъ на Австрію, этотъ признанный тормазъ всякаго прогресса въ Европѣ. Имъ казалось, что Россія, восставшая противъ «свободы республики» голландской и противъ «конституціи» Германіи, двинулась назадъ, къ мрачной предъ-екатерининской эпохѣ. Все, что̀ сознательно готовилось къ близкому міровому перевороту или же предчувствовало его, должно было видѣть въ послѣднихъ событіяхъ многозначительный намекъ на будущее.

Проигравши, благодаря Іосифу, важную дипломатическую кам-

---

[1]) *Dohm*, III, 46.

панію, настойчивая Екатерина спѣшила поправить ошибку. Но было слишкомъ трудно возстановить ту «инфлюенцію» въ Германіи, которая досталась ей съ большими усиліями при самыхъ лучшихъ условіяхъ: нѣмцы уже не вѣрили ни словамъ русскихъ министровъ, ни оффиціальнымъ заявленіямъ петербургскаго двора. Требовались значительныя жертвы, начиная съ личнаго самолюбія, и Екатерина принесла ихъ. Она вытерпѣла рядъ оскорбленій отъ ничтожнаго германскаго князька и не задумалась издать циркуляръ, который былъ признаніемъ, передъ лицомъ Европы, въ собственномъ пораженіи и какъ-бы извиненіемъ передъ фюрстами. Правда, это не спасло германской политики Россіи отъ новаго, и весьма серьёзнаго, удара, разразившагося въ томъ же году. Но Екатерина сдѣлала все возможное, чтобы отклонить его. Она предвидѣла катастрофу, замѣчая, что волненіе въ средѣ фюрстовъ не прекращается, и отсюда-то вытекло ея майское «признаніе». Она не была виновата въ томъ, что союзникъ, вовлекшій ее въ неудачную дипломатическую кампанію, все еще не постигалъ значенія той минуты въ исторіи германскаго вопроса. Мысль Іосифа какъ-бы окаменѣла на пріобрѣтеніи земель, и онъ не видѣлъ другого исхода для Габсбурговъ въ этотъ критическій моментъ. Онъ, дѣйствительно, лишь отложилъ на время баварскій планъ, а между тѣмъ думалъ заняться разработкой восточнаго вопроса, все въ тѣхъ же хищническихъ видахъ. Въ маѣ 1785 года, происки Фридриха въ Портѣ уже становились ему невыносимы, и онъ намекнулъ Екатеринѣ, что «готовъ ко всему» со стороны Дуная. Екатерина отвѣчала ему: «нужно отложить всякое окончательное рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не уладится голландское дѣло и *пока не уляжется, не задремлетъ волненіе умовъ въ Германіи*» [1]).

Насколько былъ вѣренъ взглядъ Екатерины—доказывается двумя любопытными фактами. Именно въ это время Фридрихъ говорилъ Финкенштейну о необходимости «новыхъ основъ» для политическаго равновѣсія и мира, а Герцбергъ писалъ одному фюрсту въ Парижъ, что хотя баварское и голландское дѣла окончены благополучно, за то «подготовляется другая великая буря, о которой еще не время говорить» [2]).

Эта буря—союзъ князей.

---

[1]) *Joseph und Katharina*, 251, 258.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 7/18 марта 1785 года. Здѣсь сказано, что Герцбергъ написалъ маркграфу анширахскому: „il se prepare un autre grand orage dont il n'est pas encore tems de parler“.

XI.

Броженіе у фюрстовъ. Патріоты.

Національная идея у нѣмцевъ. — Отношеніе къ ней «просвѣщенія». — Фюрсты-«просвѣтители».—Политическія и культурныя послѣдствія «просвѣщенія» у фюрстовъ.—Политическая терпимость. — Типъ фюрста-патріота. — Характеристики Эрнста II готскаго, Франца дессаускаго, Карла-Августа веймарскаго и Карла-Фридриха баденскаго.—Эдельсгеймъ, и значеніе его политики.—Шлиффенъ и его проектъ.—«Броженіе» у фюрстовъ.—Характеристика Гарденберга.—Идея особняковъ.—Проектъ герцога веймарскаго.—Особняки и курфюрстіанцы.

Теперь мы должны сойти съ обширной сцены міровыхъ интересовъ и погрузиться въ мелкую среду фюрстовъ, чтобы прослѣдить одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ въ развитіи германской національной идеи.

До нашихъ дней національное чувство проявлялось у нѣмцевъ слабѣе, чѣмъ у другихъ народовъ Европы, притомъ лишь въ идеальной сферѣ и въ отрицательной формѣ. Ихъ попытки провести его въ жизнь долго оставались безплодными или даже достигали противоположной цѣли. Такъ, ихъ пресловутая «имперская конституція», доставляя лишь внѣшнее единство, въ сущности закрѣпляла феодальную раздробленность: она создала уродливую федерацію фюрстовъ, основанную на равенствѣ и верховныхъ правахъ всѣхъ членовъ. Правда, противъ нея тотчасъ же поднялась оппозиція въ національномъ смыслѣ, но по преимуществу теоретическая, которая, притомъ, съ вестфальскаго мира окончательно перешла въ область литературы—этой новой силы, враждебной феодализму и возникшей вмѣстѣ съ общественной жизнью.

Конечно, «просвѣщеніе» должно было слиться съ оппозиціей, родственной ей по принципамъ. И такая умственная сила не могла пройти безслѣдно въ этомъ отношеніи: собственно съ той поры началось серьёзное развитіе національной идеи у нѣмцевъ. Тогда возникали злые памфлеты противъ имперскаго наряда; выработывались такіе публицисты, какъ Мозеры, посвятившіе себя обличенію государственнаго зла въ Германіи; появились поэты, дорогіе сердцу всякаго нѣмца, безъ различія племенъ и религій, и настроивавшіе свои лиры на патріотическій ладъ. Правда, характеръ этой оппозиціи былъ прежній. Нѣмецкое «просвѣщеніе» было слабо въ политическомъ и общественномъ отношеніи и пріютилось въ области изящнаго. Оно не вы-

работало государственнаго идеала и даже не смогло ясно поставить германскій вопросъ. Сами вожди общественнаго мнѣнія увлекались болѣе космополитизмомъ, чѣмъ національнымъ чувствомъ. Тѣмъ не менѣе, тогда начиналось возбужденіе общественной мысли—эта идеальная подготовка массъ, которая всегда предшествуетъ политическому перевороту. Къ тому же, «просвѣщеніе» поднимало, хотя ненамѣренно и косвенно, національное значеніе Пруссіи: оно разжигало ненависть къ Австріи, этому гнѣзду іезуитства и застоя въ Европѣ, и сглаживало впечатлѣніе потсдамской военщины благоговѣніемъ къ вѣнценосному «просвѣтителю», Фридриху II-му.

«Просвѣщеніе затронуло и заповѣдную среду фюрстовъ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связывался переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Австріи и Пруссіи, который потрясалъ ничтожные престолы имперіи». Выражаясь словами Гофенфельса, у имперскихъ чиновъ господствовало тогда *всеобщее броженіе* (une fermentation générale) [1]).

Здѣсь также появились свои преобразователи и просвѣтители на тронахъ. Въ Веймарѣ, Дессау, Готѣ и Баденѣ, въ Майнцѣ, Кёльнѣ и Вюрцбургѣ, въ Эрфуртѣ, Бамбергѣ и Мюнстерѣ, въ Гессенѣ и Брауншвейгѣ просыпалось очарованное царство, подмываемое струей модныхъ идей. Даже такіе мрачные типы, какъ Карлъ-Теодоръ пфальцскій или свирѣпый Карлъ-Евгеній вюртембергскій, могли сказать потомъ, что и они были въ Аркадіи. И не только зашевелились духовныя княжества, эти притоны тунеядства, лѣни и іезуитскаго деспотизма, но владыки оказались во главѣ движенія. Ихъ ханжествующіе, чопорные дворы превратились въ самые оживленные салоны, гдѣ господствовала веселость, общительность и самыя вольнодумныя рѣчи. У просвѣщенныхъ фюрстовъ водворялась широкая вѣротерпимость, изгонялись іезуиты, появлялись не только опасныя книжки, но даже ихъ авторы. Здѣсь укрывали вольнодумцевъ, гонимыхъ въ нетронутыхъ гнѣздахъ стараго мрака; давали имъ университетскія каѳедры и призывали ихъ въ воспитатели принцевъ. Здѣсь защищали Лессинговъ, Шубартовъ, иллюминатовъ и масоновъ; восторженно принимали Мирабо и переписывались съ Вольтеромъ; заводили школы и факультеты, если не цѣлые университеты; учреждали академіи и литературныя общества, въ которыя привлекали звѣздъ нѣмецкаго «просвѣщенія». Тамъ-и-сямъ задавались широкими

[1]) Докладъ Гофенфельса прусскому министерству, отъ 2-го мая 1784 года. *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 89.

государственными задачами, и иногда страстно хватались за коренную перестройку ветхаго зданія внутренняго управленія, восклицая, вслѣдъ за Фридрихомъ II: «я первый слуга и первый гражданинъ моего государства!» Даже тамъ, гдѣ мудро покачивали головой при видѣ умственнаго волненія, усердно работали надъ развитіемъ матеріальной культуры—строили мосты и дороги, хлопотали о земледѣліи и фабрикахъ, и, покровительствуя труду, сокращали число праздниковъ [1]).

Конечно, и здѣсь политическіе результаты «просвѣщенія» были ничтожны. Вольнодумцы какъ-бы случайно промелькнули на тронахъ по нѣмецкимъ захолустьямъ. У нихъ не нашлось подражателей, да и сами они нерѣдко раскаявались послѣ перваго юношескаго порыва. Ихъ мимолетныя и часто необдуманныя преобразованія только потрясали гнилое зданіе, поднимали пыль и смрадъ. Къ тому же, эти миніатюрные просвѣтители руководились ребяческимъ подражаніемъ Фридриху II точно такъ же, какъ прежде Людовику XIV. Они увлекались новыми идеями лишь настолько, насколько онѣ льстили ихъ властолюбію. Но если въ Пруссіи вредныя стороны этихъ идей уравновѣшивались широкимъ просторомъ жизни въ сильной монархіи и величіемъ европейской роли, сулившимъ счастье потомкамъ, то можно себѣ представить, что̀ выходило изъ новыхъ теорій у фюрстовъ! Степень политическаго развитія этой среды видна изъ ея отношеній къ «отечеству». У фюрстовъ-преобразователей сохранялся старый идеалъ имперскаго строя. Они стремились не уничтожить, а утвердить феодальный нарядъ: ихъ главною заботой было подновить основы вестфальскаго мира и пробудить жизнь въ дремлющемъ имперскомъ сеймѣ. Въ сущности, «броженіе» у фюрстовъ было лишь порывомъ къ абсолютизму, навѣяннымъ примѣромъ болѣе могущественныхъ просвѣтителей на тронѣ, да чувствомъ самосохраненія.

Но за то «просвѣщеніе» имѣло и здѣсь культурныя послѣдствія. Въ мелкихъ княжествахъ мерцалъ свѣтъ, озарившій глубокій мракъ, въ который была погружена Германія со времени Тридцатилѣтней войны: они были колыбелью умственнаго возрожденія націи. Здѣсь находили пріютъ и средоточіе раскинутыя свѣжія силы. Здѣсь встрѣчаемъ веймарскій союзъ литературныхъ корифеевъ того времени, а также такія крупныя личности, какъ Дальбергъ и Фюрстенбергъ. Здѣсь же зародилась политическая печать, руководимая такими журналистами, какъ Шлёцеръ и Мо-

[1]) Примѣры см., между прочимъ, у *Шлоссера*: Geschichte des 18-ten Jahrhunderts, II, III и IV, pass.

зеръ. Эта-то сторона вообще пагубнаго «мелкодержавія» (Kleinstaaterei) утѣшала всегда нѣмецкихъ историковъ. И Ранке справедливо замѣчаетъ, въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій: «Духовное развитіе Германіи въ XVIII вѣкѣ немыслимо безъ разнообразія, соперничества мелкихъ государствъ въ ихъ узкомъ кругу и безъ ихъ культурной способности» [1]).

Культурныя послѣдствія «просвѣщенія» въ средѣ фюрстовъ косвенно имѣли вліяніе на политику, а слѣдовательно и на развитіе національной идеи. Какой-нибудь Веймаръ, преобразившись въ нѣмецкія Аѳины, долженъ былъ почувствовать связь съ «отечествомъ» и гордиться своей видной культурной ролью. Тогда, точно также какъ тотчасъ послѣ вестфальскаго мира, фюрстъ начиналъ много думать о себѣ, становился щекотливымъ, воображалъ, что можетъ самъ обезпечить свою независимость, а пожалуй, даже руководить «отечествомъ». «Всякій—говоритъ Ранке—хотѣлъ быть чѣмъ-нибудь. Самому ничтожному изъ фюрстовъ, какому-нибудь Липпе-Бюкебургу, приходила въ голову мысль пріобрѣсти значеніе, воздвигнувъ крѣпость у Штейнгудерскаго моря и устроивъ, въ связи съ нею, военно-учебныя заведенія. Въ большинствѣ свѣтскихъ княжествъ пытались подражать прусской военной системѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ фюрста. При всемъ ничтожествѣ средствъ каждаго въ отдѣльности, надѣялись, сплотившись вмѣстѣ, получить нѣкоторый вѣсъ въ системѣ европейскихъ государствъ и по крайней мѣрѣ собрать настолько силъ, чтобы выдержать первый напоръ: фюрсты именно думали собственнымъ могуществомъ противостать насиліямъ императора.... Участіе, черезъ своихъ пословъ, въ имперскомъ сеймѣ доставляло имъ чувство безопасности, и они даже гордились имъ. Въ бездѣйствіи, въ которое впалъ имперскій сеймъ, они видѣли помраченіе своего существованія, а въ необычайныхъ притязаніяхъ императорскаго авторитета, ничего не признававшаго, кромѣ принципа власти, чуяли бѣду для себя. Тамъ-и-сямъ присоединялись еще особенныя побужденія: такъ, экономный императоръ отмѣнилъ пенсіи, которыя давала его мать княжескимъ министрамъ. Порвалась и эта нить зависимости [2])».

Уже это сознаніе собственнаго достоинства и силы, возможной при единодушіи, заставляло фюрстовъ болѣе строго относиться къ превышеніямъ императорской власти, чтó было весьма важно для развитія національной идеи. Но «просвѣщеніе» приводило

[1]) *Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 100.
[2]) Тамъ же.

къ тому же политическому результату еще болѣе прямымъ и надежнымъ путемъ.

Одна изъ основъ «просвѣщенія» — духъ терпимости во имя реальныхъ интересовъ проникъ и въ эту заповѣдную область религіозной борьбы. Духовные фюрсты, какъ наиболѣе просвѣщенные, первые подчинились ему и протянули руку примиренія своимъ заклятымъ врагамъ, протестантскимъ князьямъ. Уже тотчасъ послѣ войны за австрійское наслѣдство, Кёльнъ, Баварія и Пфальцъ, притѣсняемые императоромъ, подумывали о союзѣ князей подъ покровительствомъ Пруссіи. То была идея мимолетная и непрактичная, ибо Англія, которой принадлежалъ Ганноверъ, находилась тогда въ дружбѣ съ Австріей; но она важна для исторіи нѣмецкаго единства. Подобные факты, немыслимые наканунѣ, расчищали Гогенцоллернамъ путь къ «сердцу «отечества». Они могли послужить также основаніемъ новой Германіи, одинаково независимой какъ отъ Вѣны, такъ и отъ Берлина. Но какую бы форму ни приняло объединеніе нѣмцевъ, разсматриваемый фактъ намекалъ, что оно уже не будетъ дѣломъ рукъ Габсбурговъ: значеніе послѣднихъ въ имперіи основывалось на разъединеніи между фюрстами, на враждѣ между двумя Германіями — протестантскою и католическою. Только при принципѣ вѣротерпимости былъ возможенъ союзъ князей, во всякомъ случаѣ гибельный для Габсбурговъ. А между тѣмъ этимъ принципомъ жилъ Іосифъ, и во имя его онъ впервые разрушилъ связь алтаря съ трономъ, господствовавшую въ имперіи! Горячо дѣйствуя противъ папства и противъ католическаго духовенства въ Германіи, Іосифъ самъ подготовлялъ погибель Габсбурговъ и торжество Гогенцоллерновъ. «Совершенное отреченіе императора отъ принципа взаимодѣйствія духовной и свѣтской власти, лежавшаго въ основаніи всего — говоритъ Ранке — было, само по себѣ, великимъ событіемъ въ имперіи, отличавшейся іерархическимъ оттѣнкомъ и покоившейся, въ послѣдніе вѣка, на соединеніи императорской власти съ духовными князьями. Прямо обижая князей духовныхъ, онъ поселялъ тревожное волненіе и среди свѣтскихъ, которымъ грозила близкая опасность, если только династическій интересъ заберетъ силу черезъ пріобрѣтеніе высшихъ церковныхъ мѣстъ. Слѣдствіе отсюда было весьма неожиданное. Произошло сближеніе между духовными, католическими и свѣтскими, протестантскими, чинами. Для первыхъ уже ничего не значило ихъ старое правило — искать спасенія въ связи съ императорствомъ. Послѣдніе же увидѣли въ разъединеніи императора съ іерархіей начало освобожденія отъ могущества, удручавшаго ихъ вслѣдствіе союза этихъ

двухъ силъ. Такимъ образомъ, тѣ и другіе отказались отъ своей противоположности въ принципахъ и вступили въ болѣе пріязненныя отношенія между собой» [1]).

Наглядно «броженіе» характеризуется новымъ типомъ фюрста-патріота. Тогда въ Потсдамѣ называли «патріотомъ» всякаго приверженца Пруссіи, и потому здѣсь одну изъ первыхъ ролей игралъ Карлъ цвейбрюкенскій! Но мы разумѣемъ не прусскій, а нѣмецкій патріотизмъ. Въ описываемое время среди князей появились серьёзныя и благородныя личности, которыя искренно скорбѣли душой, постигая вредъ имперскаго наряда: онѣ думали не о себѣ только, но и объ «отечествѣ». Онѣ не продавали себя иностранцамъ, и если нѣкоторыя изъ нихъ придерживались Пруссіи, то не изъ корыстныхъ видовъ, а довѣряя національному патріотизму Фридриха. Эти фюрсты мечтали освѣжить имперскій нарядъ и превратить Германію изъ всеобщаго посмѣшища въ великую, почтенную державу. И влеклись они, хотя полуинстинктивно, къ національному сознанію, прислушиваясь къ облагороженной литературной рѣчи нѣмцевъ: какой-нибудь Карлъ-Теодоръ пфальцскій пытался завести національную драму и даже оперу, подчиняясь вліянію Виланда. Конечно, эти люди, лишенные матеріальныхъ средствъ, не вполнѣ виноваты въ безуспѣшности своихъ усилій. Правда, и у нихъ не могло быть зрѣлыхъ политическихъ теорій; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, билось честное нѣмецкое сердце, готовое на большія жертвы для національной идеи. Стóитъ вчитаться въ интимную переписку фюрстовъ-патріотовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Особенно интересны письма пылкаго, задорнаго герцога Эрнста II саксенъ-готскаго, находившагося тогда въ цвѣтущемъ возрастѣ [2]). Этотъ добрый отъ природы принцъ получилъ вкусъ въ высшимъ интересамъ, проведя свое дѣтство въ избранномъ кругу литераторовъ и остроумныхъ, образованныхъ дамъ, собранномъ герцогиней Луизой-Доротеей: тогда Гота играла ту просвѣтительную роль въ Германіи, которою прославился потомъ Веймаръ, и привлекала къ себѣ свѣжія силы. Луиза-Доротея дѣлала литературные заказы Вольтеру и призвала въ наставники къ своему сыну извѣстнаго нѣмецкаго юриста и историка, Пюттера. Эрнстъ II старался продолжать дѣло своей матери, уважалъ науку и славился какъ отецъ своихъ подданныхъ. Ради послѣднихъ онъ стѣснялъ свои княжескіе порывы, такъ что нигдѣ подати не были

1) Тамъ же, 98.

2) Онъ родился въ 1745 году, царствовалъ въ 1772—1804.

легче, чѣмъ въ Готѣ. Столь же серьёзно и горячо желалъ Эрнстъ возрожденія «отечества». Судя по его энтузіазму, онъ былъ бы душой патріотовъ, еслибы не ничтожность его матеріальныхъ средствъ. Вотъ характеристичное мѣсто изъ его письма къ своему пріятелю, Карлу-Августу веймарскому: «мы дошли до крайне непріятнаго положенія и должны, наконецъ, взяться за сильныя мѣры или же подставить шею угрожающему намъ игу. У кого есть хоть малѣйшее сознаніе чести и живой силы, тотъ, конечно, выберетъ первый путь, если только слабость и безсиліе не толкнутъ его на второй. Я избираю первый, если только меня хоть немного поддержатъ. Еще течетъ въ моихъ жилахъ нѣмецкая кровь, и охотно пролью я ее за отечество! И лучше я стану искать смерти и найду могилу подъ развалинами имперской конституціи, чѣмъ сложа руки и малодушно подчинюсь позорному игу! Но, дорогой мой, что̀ сдѣлаю я одинъ? Что въ моемъ маломъ сознаніи мужества! Мнѣ такъ хотѣлось бы поддержки и совѣта отъ нашего милаго князя дессаускаго, такъ хотѣлось бы, чтобы и другіе имперскіе князья подумали объ этомъ, заодно съ нами, и дружно взялись за дѣло! Вѣдь есть еще люди, есть покоющіяся силы, которыя жадно стремятся къ развитію! И повѣрьте, я двинусь не изъ послѣднихъ, если только дадутъ мнѣ возможность дѣйствовать съ нѣкоторой надеждой.... Несомнѣнно, что нужно ковать желѣзо, пока горячо, и мы должны подумать объ этомъ теперь или никогда.... Мы должны двинуться, пока еще не связаны у насъ руки, ибо уже усердно куются для насъ цѣпи.... Я не могу оставаться дома, сидѣть за печкой! Будь что̀ будетъ, но лучше же быть скованнымъ послѣ пораженія, чѣмъ подчиниться съ позоромъ!... Я не думаю, чтобы уже погибла всякая надежда на сохраненіе нашей свободы и имперской конституціи. Право и справедливость на нашей сторонѣ, и, клянусь Богомъ, мудрый Промыслъ (какъ я Его понимаю) не допуститъ нарушенія всѣхъ гражданскихъ и государственныхъ правъ! Мнѣ кажется, Америка—лучшее доказательство этого принципа. Англія заслужила это—и ея гордость была сломлена: въ концѣ-концовъ, угнетенная невинность вышла побѣдительницей. Для человѣческихъ правъ нѣтъ давности» [1]).

«Нашъ милый князь дессаускій»—это столь же горячій патріотъ, владѣтель Ангальтъ-Дессау, Францъ. Ему суждено было около шестидесяти лѣтъ управлять страной, въ самыя тяжелыя

1) Это письмо, отъ 24 февраля 1785 года, помѣщено у *Ранке*: Die deutschen Mächte, II, 278—280.

времена [1]), на счастье своимъ подданнымъ, которые поправились подъ его патріархальною и экономною державой. Фюрстъ дессаускій имѣлъ большое вліяніе на патріотовъ. Насколько герцогъ готскій производилъ впечатлѣніе своей пылкостью и восторженностью, настолько же онъ — своимъ спокойствіемъ и основательностью: всѣ знали, что онъ не скажетъ слова на вѣтеръ и съумѣетъ сдержать обѣщаніе. Политическій врагъ Франца, Румянцовъ, всегда выражался о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ писалъ въ Петербургъ: «въ какому бы классу общества ни принадлежалъ дессаускій, его вездѣ считали бы человѣкомъ достойнымъ, просвѣщеннымъ, мудрымъ и скромнымъ» [2]).

Но вождемъ патріотовъ должно считать Карла-Августа, герцога саксенъ-веймарскаго. Въ этой фамиліи также свирѣпствовалъ роковой законъ вырожденія. Отецъ Карла-Августа вступилъ на престолъ въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, что другіе должны были управлять за него. Онъ умеръ, не процарствовавъ и трехъ лѣтъ, оставивъ грудного ребенка. Его вдовѣ, герцогинѣ Амаліи (Аннѣ), самой недоставало года до совершеннолѣтія, и за нее управляли тогда ея отецъ, герцогъ Карлъ брауншвейгскій, и тайный совѣтъ. Ея ребенку пришлось вступить въ управленіе страной, едва только исполнилось ему 18 лѣтъ (въ 1775 году), и тогда же мать поспѣшила женить его, хотя юноша просилъ отсрочки. Впрочемъ, рано прерванное воспитаніе успѣло принести хорошіе плоды, благодаря матери. Герцогиня Амалія старалась доказать, что она дочь просвѣщеннаго герцога Карла и племянница, по матери, Фридриха II. Это одна изъ передовыхъ женщинъ своего времени: она-то превратила Веймаръ въ нѣмецкія Аѳины. Устроивши, съ помощью дѣльныхъ совѣтниковъ, простое и экономное управленіе и снискавши этимъ неизмѣнную преданность подданныхъ [3]), Амалія не щадила средствъ на учебныя заведенія и на развитіе просвѣтительной роли, начатой Готою. Это было ея призваніемъ: впослѣдствіи, когда она вела частную жизнь, ея дворецъ оставался приманкой для ученыхъ, литераторовъ и знаменитыхъ путешественниковъ. Разсчетливая и аккуратная нѣмка въ другихъ отношеніяхъ, Амалія давала хорошее жалованье, пенсіи и почетныя мѣста при дворѣ учите-

[1]) Онъ родился въ 1740 году, управлялъ въ 1758—1817.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ (8) 19 августа 1783 г.—*Онъ же Екатеринѣ*, отъ 23 января (3 февраля) 1786 г.

[3]) Эта преданность проявлялась въ любопытныхъ формахъ. Такъ, по окончаніи образованія Карла-Августа, земство подарило его воспитателю, Гёрцу, 20,000 талеровъ—сумма весьма почтенная для того времени.

лямъ своихъ дѣтей, тогда какъ обыкновенно въ придворномъ штатѣ фюрстовъ педагоги получали содержаніе меньше лакеевъ и стояли ниже парикмахеровъ. Воспитателемъ Карла-Августа былъ знакомый намъ Гёрцъ, прошедшій передъ тѣмъ школу просвѣщеннаго готскаго двора. Онъ призвалъ въ наставники принца поэта Виланда. Амалія лишь мимоходомъ видѣлась съ своимъ сыномъ; но Гёрцъ доставлялъ ей каждый день, иногда даже чуть не каждый часъ, журналы объ успѣхахъ и поведеніи воспитанника, и она письменно отвѣчала ему на всѣ мелочи; а его полугодовые отчеты разсматривались даже тайнымъ совѣтомъ. Къ счастью, мальчикъ былъ даровитъ, и на него дѣйствовалъ не столько этотъ педагогическій формализмъ, сколько оживленная атмосфера, образовавшаяся тогда при дворѣ. Фридрихъ II обратилъ на него вниманіе, увидавши его въ первый разъ шести-лѣтнимъ ребенкомъ, и полюбилъ его какъ сына. А когда Карлу-Августу минуло 14 лѣтъ, онъ сказалъ о немъ: «я еще не встрѣчалъ юноши этого возраста, который подавалъ бы столько надеждъ». По сознанію самого строгаго Фридриха, Карлъ-Августъ оправдалъ эти надежды. Онъ продолжалъ роль своей матери и сдѣлался представителемъ культурныхъ стремленій нѣмецкаго мелкодержавія, а также самымъ популярнымъ изъ фюрстовъ. Лучшею похвалой ему служатъ слѣдующія слова правдиваго Дальберга: «онъ разсудителенъ и искрененъ, обладаетъ хорошимъ и приличнымъ его возрасту чистосердечіемъ: это—царственная душа, какихъ я еще не видывалъ» [1]). Чистосердечіе проявлялось у него во всемъ. Трогательна его привязанность къ своему воспитателю, который сопровождалъ его вступленіе на престолъ такою строгою рѣчью: «государи, по большей части, накликаютъ на себя несчастье, считая бременемъ высокій постъ, занимаемый ими; поэтому они стараются развлекаться безнравственными забавами и забываютъ свой долгъ на охотѣ или въ театрѣ... Пріучитесь, принцъ, смотрѣть на свое высокое призваніе съ другой точки зрѣнія». Карлъ-Августъ сдѣлалъ Гёрца оберъ-гофмейстеромъ, навѣщалъ его въ старости и задаривалъ его слугу, чтобы тотъ лучше ходилъ за своимъ бариномъ. Какъ искренни были государственныя стремленія герцога, видно изъ того, что даже либералъ Дальбергъ опасался слишкомъ радикальныхъ преобразованій въ Веймарѣ. И никто изъ фюрстовъ не былъ такъ твердъ въ своей привязанности къ «отечеству», какъ онъ. Румянцову

[1]) *Дальбергъ Гёрцу*, отъ 18-го сентября 1775 года.—*Görtz:* Denkwürdigkeiten, I, 23.

онъ представлялся даже какимъ-то донъ-Кихотомъ, который «сожалѣетъ о временахъ рыцарства и желаетъ пойти по стопамъ своего великаго предка герцога Бернгарда», героя Тридцатилѣтней войны [1]). Видя единственное спасеніе Германіи въ ея коренномъ преобразованіи посредствомъ самостоятельнаго союза князей, Карлъ-Августъ сталъ душой партіи, которую называли въ Германіи одержимою «уніономаніей». Вообразивъ, что Фридрихъ преслѣдуетъ нѣмецкія, а не прусскія цѣли, онъ употреблялъ весь свой нравственный авторитетъ на распространеніе устроеннаго имъ союза князей. Онъ до того хлопоталъ, переписывался съ товарищами, разъѣзжалъ по ихъ дворамъ, что его прозвали «курьеромъ союза фюрстовъ». И горько было разочарованіе Карла-Августа, когда онъ понялъ, что Гогенцоллерны желаютъ не полнаго преобразованія, а сохраненія гнилого имперскаго наряда. «Теперь я посовѣтую каждому оставаться спокойнымъ—писалъ онъ Герцбергу и саксонскому министру въ 1788 году:—Германія не въ силахъ подняться изъ подчиненнаго положенія, въ которое повергла ее косность. Большинство ея чиновъ не имѣетъ достаточно нервовъ, чтобы взяться за великія дѣла, и вовсе не думаетъ воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы подняться, какъ нація, и употребить свое объединеніе на спасительныя мѣры. Нѣтъ, оно продолжаетъ убаюкивать себя и воображать, что это-то и есть высшій идеалъ хорошей конституціи, къ которой посему не должно и прикасаться... Система уніи—казалось мнѣ — станетъ прочной и незыблемой основой, соотвѣтствующей характеру нѣмецкой націи, которой она послужитъ достойнымъ памятникомъ. Всѣ планы имѣли одну цѣль — слить въ одно цѣлое различныя дѣйствующія силы. Такъ-то мы льстили себя надеждой, что можно пробудить въ нашемъ отечествѣ національный духъ, послѣдніе слѣды котораго ежедневно исчезаютъ! Мы думали, что лѣнивая дремота, овладѣвшая Германіей съ вестфальскаго мира, наконецъ разсѣется и нѣмецкая унія украсится-таки этимъ вѣнкомъ, какъ истинное, дѣятельное учрежденіе (Corps) для соблюденія нѣмецкихъ вольностей, нравовъ и законовъ» [2]). Понятно, что герцогъ Карлъ-Августъ, имѣвшій и матеріальное значеніе по своимъ родственнымъ связямъ, былъ

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 8/19 августа 1783 г.: „Le Prince de Weimar, au sortir de sa tutèle s'est adonné à des accès d'une folie nouvelle; il regrette les tems de troubles et de Chevaliers; il voudroit dit-il marcher sur les traces de son grand oncle (sic) le Duc Bernhard, si célèbre pendant la guerre de 30 ans par les maux qu'il a faits à la maison d'Autriche".

[2]) Этими письмами пользовался *Гейссеръ*: Deutsche Geschichte, I, 280 sq.

главой патріотовъ, а Веймаръ ихъ пріютомъ и средоточіемъ. Архивъ этого городка доселѣ представляетъ неисчерпаемый запасъ бумагъ, рисующихъ княжеское «броженіе».

Карлъ-Августъ былъ тогда совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, а его друзья, Эрнстъ готскій и Францъ дессаускій, въ цвѣтущемъ зрѣломъ возрастѣ. Все это были люди свѣжіе, горячіе, энергическіе. Въ силу этихъ-то нравственныхъ качествъ, имъ приличествовала роль вождей патріотической партіи въ Германіи, вопреки ихъ матеріальному ничтожеству: по оцѣнкѣ Румянцова, они принадлежали къ III-ему, послѣднему разряду князей, или къ «толпѣ тѣхъ, которые пользуются почестями верховной власти, не имѣя и тѣни характеризующаго ее могущества». Къ этому патріотическому тріумвирату примыкалъ годившійся въ отцы герцогу веймарскому маркграфъ баденскій, Карлъ-Фридрихъ, которому было тогда за пятьдесятъ [1]). По своимъ преклоннымъ лѣтамъ, Карлъ-Фридрихъ не могъ соперничать съ тріумвирами въ нравственномъ вліяніи, но онъ былъ важнѣе ихъ по своему политическому значенію: онъ принадлежалъ къ фюрстамъ II-го разряда и, по словамъ Румянцова, сталъ «очень силенъ» съ 1771 года, когда въ его рукахъ соединились всѣ баденскія земли. Роковой физіологическій законъ дѣйствовалъ и здѣсь. Съ баденскимъ владѣтельнымъ домомъ произошло, въ прошломъ вѣкѣ, то же, чтó съ Виттельсбахами. Баденъ былъ раздѣленъ почти на равныя части между двумя его линіями—старшею, баденъ-баденскою, и младшею, баденъ-дурлахскою. Первая вымерла въ 1771 году, въ лицѣ католическаго маркграфа Августа-Георга. Но и Дурлахи казались ненадежными. Отецъ Карла-Фридриха умеръ юношей, такъ что послѣдній долженъ былъ наслѣдовать своему дѣду. Ему было тогда всего десять лѣтъ, такъ что страной долго управляло регентство. А когда самъ Карлъ-Фридрихъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, Румянцовъ такъ описывалъ безотрадное положеніе баденскаго дома: «здѣсь все заботятся о потомствѣ... Этотъ домъ состоитъ изъ стараго маркграфа, многихъ принцевъ еще болѣе старыхъ, и изъ трехъ его сыновей. Послѣдніе молоды; но единственный женатый изъ нихъ не имѣетъ мальчиковъ. А когда вздумали, чтобы поправить эту бѣду (pour réparer ce defaut), женить его старшаго брата, оказалось, что

[1]) Карлъ-Фридрихъ родился въ 1728 году и вступилъ на престолъ въ 1746-мъ. Въ 1803 году онъ получилъ курфюршеское достоинство, а въ 1806-мъ титулъ великаго герцога. Послѣднимъ Карлъ-Фридрихъ былъ обязанъ Наполеону I, благодаря которому онъ пріобрѣлъ также абсолютную власть (земство было устранено) и около милліона подданныхъ, вмѣсто прежнихъ 200,000.

этотъ принцъ былъ пораженъ апоплексіей въ Мастрихтѣ. Многіе говорятъ, что это не апоплексія, но всѣ согласны, что нечего разсчитывать на него. Тутъ же говорятъ, что третій сынъ маркграфа не въ силахъ успокоить тревожное настроеніе подданныхъ, опасающихся очутиться со временемъ подъ иностраннымъ господствомъ» [1]). На за то судьба не лишила Карла-Фридриха побочныхъ дѣтей. «У него—говоритъ Румянцовъ—есть незаконный сынъ, носящій фамилію Freistätter, который служилъ въ нашей арміи. Онъ не любитъ насъ и пруссакъ душой (il est Prussien dans l'âme). Это человѣкъ пылкій, упрямый и сокрушающійся о томъ, что, будучи сыномъ маркграфа, онъ лишенъ однако верховныхъ почестей. Онъ хочетъ составить себѣ имя и жаждетъ войны, какъ единственнаго обстоятельства, которое можетъ быть благопріятно ему. Кредитъ этого молодого человѣка возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Министры поддерживаютъ его по необходимости, а маркграфъ съ трудомъ сопротивляется его требованію сдѣлать новый наборъ въ сію минуту» [2]).

Но, по словамъ Румянцова, это была единственная «слабость» Карла-Фридриха: во всемъ остальномъ маркграфъ не подходилъ къ обыкновенному типу фюрста XVIII-го столѣтія. Самъ Румянцовъ, заклятый его врагъ по политикѣ, не разъ просилъ свой дворъ не удивляться и вѣрить его похваламъ этому принцу, котораго онъ называетъ «достойнымъ, весьма разсудительнымъ, просвѣщеннымъ, свѣдущимъ». Онъ упрекалъ маркграфа только въ холодномъ характерѣ и неловкомъ обращеніи» (contenance embarassée), чего однако не замѣчали враги Австріи. Современники въ одинъ голосъ называютъ Карла-Фридриха однимъ изъ лучшихъ государей своего времени. Подданные довѣрчиво относились къ нему, зная его спокойное, ровное и доброжелательное правленіе, направленное къ мирнымъ цѣлямъ. Они видѣли, что не забыты дворомъ ради его собственныхъ интересовъ: тогда говорили, что «баденскіе поставляютъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы не дѣлать долговъ, не давать пышныхъ баловъ, не содержать танцовщицъ». Баденъ былъ тогда однимъ изъ рѣдкихъ свѣтлыхъ мѣстъ въ нѣмецкомъ міракѣ, гдѣ не увлекались преслѣдованіемъ печати и не внимали предательскому голосу политическихъ теорій «просвѣтителей». Склоняясь по политическимъ ин-

[1]) „Le troisieme fils du Margrave n'est point propre à guerir les allarmes qu'ont ses sujets de se voir un jour sous une domination etrangère". *Румянцовъ Остерману*, въ іюнѣ 1785 года. Дурлахи уцѣлѣли уже благодаря второму, морганатическому, браку Карла-Фридриха съ имперской графиней Гохбергъ.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября 1785 года.

тересамъ въ Пруссіи, Карлъ-Фридрихъ не подражалъ ей ни въ военныхъ, ни въ абсолютистическихъ стремленіяхъ. Эта почтенная личность имѣла нравственное вліяніе на фюрстовъ, союзъ которыхъ былъ немыслимъ безъ нея. И есть доля правды въ риторическомъ сравненіи историка Іоганна Мюллера князей баденскаго и дессаускаго съ Аристидомъ и Катономъ, къ голосу которыхъ прислушивается республика. Понятно, что такой князь, какъ Карлъ-Фридрихъ, серьёзно задумывался о жалкомъ положеніи «отечества». Его побуждали къ этому также опасные сосѣди—съ одной стороны лакомая до нѣмецкихъ земель Франція, съ другой—преданный императору Вюртембергъ. Въ маркграфѣ рано созрѣла ненависть къ Габсбургамъ и ко всѣмъ ихъ друзьямъ, и онъ готовъ былъ, въ крайнемъ случаѣ, броситься, хоть и скрѣпя сердце, въ объятія Гогенцоллерновъ. Въ описываемое время, онъ, раздраженный слухами, будто Іосифъ хотѣлъ изгнать его въ Люксембургъ, не только становится курфюрстіанцемъ, но даже открыто потворствовалъ у себя вербовкѣ войскъ для Голландіи и поворачивался спиной къ Румянцову, даже отказывалъ ему въ пріемѣ. «Это, кажется, вѣчно одинъ изъ самыхъ твердыхъ столбовъ противной намъ партіи»,—говоритъ нашъ посланникъ [1]).

Министерство Карла-Фридриха соотвѣтствовало характеру и направленію своего государя. Во главѣ его стоялъ Эдельсгеймъ, котораго нельзя было не замѣтить въ дюжинной средѣ княжескихъ министровъ. Это—баденскій Гофенфельсъ, и онъ мало уступалъ послѣднему въ патріотической пылкости и энергіи: оттого эти двое княжескихъ политиковъ вѣчно были на ножахъ между собой. Сталкиваясь на одномъ полѣ, они старались перебить другъ у друга пальму первенства въ великомъ дѣлѣ преобразованія «отечества». Къ тому же, были разные оттѣнки въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ: Эдельгеймъ принадлежалъ къ партіи особняковъ, и если онъ считалъ Австрію Сциллой, то Пруссія ему представлялась Харибдой. Эдельсгеймъ уже во время войны за баварское наслѣдство носился съ планомъ осуществленія федеративной идеи и заговаривалъ на эту тэму отчасти съ Цвейбрюкеномъ и Брауншвейгомъ, отчасти съ гессенскими и тюрингенскими фюрстами.

Политическія воззрѣнія Эдельсгейма были совершенно въ духѣ той эпохи. Въ «броженіи» фюрстовъ было правильное развитіе, соотвѣтствовавшее разъясненнымъ выше отношеніямъ Габсбурговъ

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня и 3/14 октября 1785 г.

и Гогенцоллерновъ въ имперіи. Сначала неясное, такъ сказать, теоретическое, оно стало искать выхода на практическую почву съ воцаренія Фридриха II, когда возникла тревога и кровопролитіе въ Германіи, не прерывавшіяся почти цѣлое поколѣніе. И пока Гогенцоллернъ съ Габсбургомъ не помѣнялись ролями въ своей нѣмецкой политикѣ, княжеское «броженіе» было собственно движеніемъ особняковъ. По мѣрѣ распространенія насилій Іосифа въ «отечествѣ», оно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, примыкало къ воззрѣніямъ курфюрстіанцевъ или пруссофиловъ, которые вполнѣ подчинили его себѣ .со времени вскрытія плана обмѣна земель.

Самый ранній положительный проектъ преобразованія имперіи, послужившій образцомъ для Эдельсгейма, носилъ вполнѣ характеръ воззрѣній особняковъ. И это тѣмъ болѣе характеристично, что онъ принадлежалъ пруссаку по рожденію и отчасти по службѣ, кассельскому министру Шлиффену. Эта любопытная личность вышла изъ рядовъ древней померанской знати и, по всей вѣроятности, изъ фамиліи славянской: Шлиффенъ иногда самъ себя называлъ Сливинымъ. Тотчасъ послѣ ахенскаго мира, когда Шлиффену было всего 17 лѣтъ, онъ поступилъ въ потсдамскую гвардію. Но онъ не понравился Фридриху и вскорѣ перешелъ на службу къ ландграфу Фридриху II кассельскому, которому посвятилъ лучшую пору своей жизни. Лишь подъ старость, не поладивъ съ преемникомъ своего патрона, онъ снова вступилъ въ прусскую службу, — но года черезъ два вышелъ въ отставку и предался литературнымъ занятіямъ. И Шлиффенъ былъ обвѣянъ свѣжимъ воздухомъ «просвѣщенія». Получивъ, какъ прусскій «юнкеръ», плохое воспитаніе, онъ самъ работалъ неутомимо надъ своимъ образованіемъ даже во время тяжелыхъ походовъ въ Семилѣтнюю войну: безъ учителей усвоилъ онъ латинскій и французскій языки, а также мудреное государственное право Германіи. Шлиффенъ съ жадностью читалъ произведенія возродившейся нѣмецкой литературы и самъ писалъ историческіе этюды въ новомъ, живомъ духѣ, которые высоко ставитъ Домъ, пользовавшійся ими. Заправляя всѣми дѣлами въ Касселѣ, Шлиффенъ силился доставить этому государству славу Готы и Веймара. Онъ покровительствовалъ какъ своимъ, такъ и заѣзжимъ литературнымъ знаменитостямъ, и въ одно время Кассель дѣйствительно былъ средоточіемъ такихъ людей, какъ Іоганнъ Мюллеръ, Георгъ Форстеръ, Штейнъ, Домъ: они сгруппировались вокругъ «каролинума»—родъ академіи наукъ, устроенной министромъ-генераломъ. И это тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь послѣднему, что самъ ландграфъ, Фридрихъ II, былъ далекъ отъ всякаго просвѣщенія.

Самъ участникъ Семилѣтней войны, Шлиффенъ желалъ отвратить, въ будущемъ, подобные ужасы отъ своего «отечества». Съ этою цѣлью, онъ предложилъ въ 1763 году планъ независимаго союза фюрстовъ противъ всякихъ нарушеній мира и имперской конституціи — какъ австрійскихъ, такъ равно и прусскихъ. Союзники должны были всегда имѣть на-готовѣ войска и деньги. Но планъ Шлиффена разрушился на первыхъ же порахъ. Среди дружескихъ разговоровъ о немъ, ландграфъ Фридрихъ II, Карлъ-Теодоръ пфальцскій и Карлъ цвейбрюкенскій перессорились между собой изъ-за какихъ-то пустяковъ: тѣмъ дѣло и кончилось. «Эта неудача,—говоритъ Домъ,—отбила охоту къ новымъ попыткамъ. Да и фюрсты, по бóльшей части, погрузились въ безпечность среди воскресшаго послѣ Семилѣтней войны спокойствія, ибо почти никто изъ нихъ не видѣлъ дальше нынѣшняго дня. Мысль о совершенно свободномъ и независимомъ союзѣ фюрстовъ, по плану Шлиффена, рѣдко возникала и еще рѣже высказывалась. Никто никому не довѣрялъ, и всякій боялся, какъ бы не пронеслась опасная молва, будто онъ питаетъ подобные замыслы [1]).

Но идея Шлиффена жила тайкомъ, какъ въ самомъ Касселѣ, такъ и еще кое-гдѣ. «Броженіе» у фюрстовъ поддерживалось развитіемъ «просвѣщенія». Нужно было только дать внѣшній толчокъ, чтобы оно обнаружилось. Объ этомъ позаботился Іосифъ. Мы уже знаемъ (см. главу VIII), какое волненіе закипѣло между фюрстами, въ 1783 году, подъ вліяніемъ насилій Іосифа въ имперіи и грозы русско-австрійскаго союза. Никогда еще, со времени вестфальскаго мира, не было такого оживленія въ этой средѣ. Вопросъ о «сохраненіи собственной безопасности», «свободы отечества», «германской конституціи» сталъ обычной тэмой разговоровъ при княжескихъ дворахъ: онъ проскользалъ даже въ бальныя залы и на охотничьи пирушки. Патріотическій тріумвиратъ суетился, какъ никогда, велъ оживленную переписку, разъѣзжалъ по княжескимъ дворамъ. Министры-патріоты сочиняли проекты «коалицій», «конкордатовъ», «уній», «лигъ», «конфедерацій», «ассоціацій». Порой они съѣзжались тайкомъ, въ какомъ-нибудь захолустьѣ. Заперевъ на-крѣпко двери, эти «оракулы»,—какъ называли ихъ тогда,—«погружались въ бездну размышленій и изученій своихъ патріотическихъ мыслей», за кружкой пива и за трубкой табаку. Конечно, здѣсь на первомъ планѣ былъ Гофенфельсъ, за которымъ слѣдовали Эдельсгеймъ и

---

1) *Dohm*, III, 54—61.

Шлиффенъ. Къ нимъ присоединялся еще Гарденбергъ, впослѣдствіи прусскій государственный канцлеръ и преемникъ извѣстнаго Штейна. Онъ былъ ганноверскій аристократъ: отсюда, съ одной стороны, его свѣтское воспитаніе, съ другой—знаніе имперской казуистики, особенно процвѣтавшей подъ «ганноверскими париками», какъ называлъ Фридрихъ II тамошнихъ законниковъ. Человѣкъ богатый, вкрадчивый, легкомысленный и съ большими родственными связями, Гарденбергъ игралъ видную роль на своей родинѣ; но ему хотѣлось не меньше Гофенфельса выдвинуться и въ «отечествѣ». Сначала онъ сильно увлекался идеей княжеской независимости, дѣлалъ всякія непріятности императору и не жалѣлъ чернилъ для разныхъ «дедукцій» и «комментаріевъ» въ пользу права фюрстовъ заключать союзы и вооружаться самостоятельно противъ кого угодно. Это дало ему имя не только въ Германіи, но даже въ Лондонѣ, и въ 1782 году, когда ему было всего 32 года, герцогъ брауншвейгскій привлекъ его къ себѣ на службу министерскимъ портфёлемъ. Гарденбергъ сталъ управлять Брауншвейгомъ, сохраняя свои связи и вліяніе въ Ганноверѣ. Впрочемъ, онъ былъ не практическій государственный мужъ, а только искусный и свѣдущій канцеляристъ. Къ тому же, перейдя въ приверженный къ Пруссіи Брауншвейгъ, онъ долженъ былъ измѣнить свои воззрѣнія на спасеніе «отечества».

Въ глубинѣ души всѣ эти министры, въ особенности же фюрсты-патріоты, были особняками. Если, въ силу обстоятельствъ, они болѣе всего страшились Габсбурга, то точно также никто изъ нихъ не чувствовалъ охоты быть поглощеннымъ Гогенцоллерномъ. Этого переговоры между ними, главнымъ образомъ, вертѣлись на вопросѣ о мѣрахъ къ самосохраненію. Среди множества разныхъ плановъ, ясно обрисовывалось только стремленіе сдружиться между собой, посредствомъ полюбовнаго рѣшенія взаимныхъ споровъ, а главное—пустить въ ходъ остановившуюся машину имперскаго наряда, въ особенности же имперскій сеймъ [1]).

Лучшимъ подтвержденіемъ этого взгляда на задушевную идею фюрстовъ-патріотовъ, въ началѣ 1780-хъ годовъ, служитъ одинъ позднѣйшій фактъ. Тотчасъ по смерти Фридриха II, ихъ вождь, Карлъ-Августъ веймарскій, дѣйствовавшій въ избранную нами эпоху какъ курфюрстіанецъ, горячо хлопоталъ и въ Берлинѣ, и у фюрстовъ о проектѣ, подъ которымъ подписался бы всякій особнякъ. Вотъ основанія этого проекта: «Союзные фюрсты должны

[1]) *Ranke:* Die deutschen Mächte, I, 98—101, 289 sq.—*Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 89 sq.

предложить имперскому сейму, чтобы вся имперія подготовила, посредствомъ депутацій, проектъ улучшенія правосудія и законовъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, и представила бы его на обсужденіе сейма. Для облегченія трудовъ депутацій, должно потребовать у опытныхъ правовѣдовъ въ Майнцѣ и въ другихъ мѣстахъ мнѣній и проектовъ, касательно уголовно-гражданскаго законодательства, визитацій имперскихъ судовъ и вообще улучшенія правосудія. Вопіющіе недостатки судоустройства должны быть уничтожены немедленно; также должна быть возстановлена визитація имперскихъ судовъ и улучшенъ процессъ рекурсовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ фюрсты должны, по призыву курфюрста майнцскаго, собраться въ его резиденціи и договориться о предстоящихъ избирательныхъ условіяхъ». А курфюрстъ майнцскій такъ обозначалъ эти условія: «улучшеніе юстиціи, возстановленіе визитацій, изслѣдованіе такъ-называемаго австрійскаго привилегіума 1156 года и его произвольнаго толкованія, устраненіе всякой новой попытки провести обмѣнъ земель, законное устраненіе стремленій Австріи доставить важнѣйшія епископства принцамъ своего дома, расширеніе союза путемъ привлеченія къ нему духовныхъ князей и пересмотръ самого союзнаго акта». Извѣстный Дальбергъ вполнѣ принималъ планъ герцога веймарскаго и говорилъ: «Такъ прекрасный союзъ князей станетъ, мало-по-малу, союзомъ *всей* имперіи, *не исключая даже императора*, и будетъ онъ не одной тайной хартіей, а твердыней общаго блага въ отношеніи правосудія, торговли и окружного, и пошлиннаго устройства» [1].

Но задушевная идея фюрстовъ требовала много времени для своего осуществленія и слишкомъ благопріятныхъ обстоятельствъ. А пора была горячая. Со стороны Іосифа можно было каждый день ожидать рѣшительнаго шага противъ свободы имперскихъ чиновъ. Нужно было спѣшить, и притомъ тотчасъ же имѣть готовую къ бою армію не на бумагѣ, а въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этого, всѣ враги Австріи, то-есть патріоты, разбились на двѣ обычныя партіи—на особняковъ и курфюрстіанцевъ. Новаго въ этой постановкѣ партій было только то любопытное явленіе, что обѣ онѣ старались сблизиться, слиться: курфюрстіанцы по большей части довѣряли нѣмецкимъ національнымъ стремленіямъ Фридриха II и старались убѣдить въ этомъ особняковъ.

---

[1]) Переписка Карла-Августа веймарскаго у *Гейссера*: Deutsche Geschichte, I, 277 sq.

XII.

Духовная лига. Нѣмецкіе владыки.

Волненіе въ духовныхъ княжествахъ.—Прелаты и каноники.—Значеніе Майнца.—Характеристики курфюрстовъ майнцскихъ—Эммериха-Іосифа и Фридриха-Карла-Іосифа. — Епископъ вюрцбургскій Францъ-Лудвигъ. — Характеристика трирскаго курфюршества и архіепископа Климента-Венцеля.—Характеристики курфюрста кёльнскаго Максимиліана-Фридриха и епископа шпейерскаго Августа.—«Броженіе» и каноники.

Раньше всѣхъ поднялись особняки, и во главѣ ихъ духовные князья. Послѣдніе были развитѣе и энергичнѣе свѣтскихъ: ихъ болѣе коснулось «просвѣщеніе», какъ вслѣдствіе свойственной человѣку реакціи, такъ и отъ близкаго сосѣдства съ Франціей и Голландіей. Сверхъ того, тогда, до вскрытія плана обмѣна земель, владыки, казалось, находились въ болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ свѣтскіе фюрсты. Послѣ выбора эрцгерцога Максимиліана въ майнцскіе коадъюторы и послѣ Пассауской исторіи, всѣ думали, что Іосифъ рѣшился немедленно покончить съ церковной независимостью имперіи. И дѣйствительно, уже было замѣтно стремленіе императора пріобрѣсти епископскія коадъюторства для своего брата и для своихъ племянниковъ. Курфюрстъ баваро-пфальцскій, считавшійся его орудіемъ, старался подражать ему или, выражаясь словами Румянцова, «обкромсать (rogner) владѣнія духовныхъ князей, лежащія въ его государствѣ, и устроить новыя епископства, подчиненныя его верховной власти». Интриги Фридриха II, въ свою очередь, были направлены, главнымъ образомъ, сюда же. Онъ старался отстранить австрійскихъ кандидатовъ въ коадъюторы и провести своихъ собственныхъ: съ этою цѣлью прибылъ тогда въ Вюрцбургъ прусскій офицеръ, какъ только тамъ заболѣлъ епископъ [1]). Наконецъ, у владыкъ дѣло не обошлось безъ подстрекательствъ со стороны Версаля и отчасти даже Рима [2]): здѣсь они надѣялись найти ту иностранную

---

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 5/16 марта 1784 года.—Cf. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, 1, 64—66.

[2]) *Румянцовъ* доносилъ *Остерману* (5/16 сентября 1784 года), что когда онъ, выслѣдивши зарожденіе свѣтской лиги, сказалъ объ этомъ Меттерниху, тотъ, въ свою очередь, сообщилъ ему объ открытіи слѣдовъ духовной лиги. По словамъ Меттерниха, папа присылалъ курфюрсту майнцскому письмо, въ которомъ польстилъ ему и высказалъ: „Combien les vuës de reforme que l'Empereur exerce aujord'hui dans ses Etats Hereditaires peuvent être avec le tems d'une dangereuse conséquence pour

поддержку, безъ которой были немыслимы никакія затѣи чиновъ нѣмецкой имперіи. Въ духовныхъ владѣніяхъ заговорили о *лигѣ* «на подобіе шмалькальденскаго союза»; и какъ ни таинственно велось дѣло, о немъ тотчасъ же развѣдали Румянцовъ съ австрійскимъ посланникомъ въ Германіи, Меттернихомъ, а также и Фридрихъ.

Для пониманія политики церковныхъ владѣній нѣмецкой имперіи, необходимо замѣтить, что здѣсь главную роль играли не сами фюрсты. Существеннымъ отличіемъ духовныхъ князей отъ свѣтскихъ была ограниченность ихъ власти. Между тѣмъ какъ послѣдніе рѣдко гдѣ были стѣсняемы земствомъ (Landstände), да и то весьма слабо, прелаты или владыки были какъ-бы конституціонными монархами: они зависѣли отъ *капитуловъ*. Капитулы примыкали къ низшему дворянству или рыцарству. Они состояли изъ «канониковъ» или «соборныхъ господъ» (Domherren), принадлежавшихъ къ привилегированнымъ рыцарскимъ семействамъ, которыя поэтому и назывались «соборными (stiftsfähige Familien). Владыки также зависѣли отъ своихъ канониковъ, какъ императоръ отъ фюрстовъ. Капитулы избирали ихъ, предписывая имъ стѣснительныя условія, и, собственно говоря, управляли за нихъ церковными владѣніями.

Во главѣ духовныхъ княжествъ стояло майнцское курфюршество.

Майнцъ безспорно занималъ первое мѣсто въ Германіи. Онъ былъ ея церковной столицей, озаренной лучами святости Бонифація, послѣ котораго смѣнилось уже 76 архіепископовъ, нерѣдко игравшихъ судьбой всѣхъ нѣмцевъ. Майнцскому владыкѣ принадлежало, кромѣ благословеннаго рейнскаго и майнцскаго края, много земель во Франконіи, Тюрингіи и Гессенѣ. Какъ архіепископъ, онъ былъ первымъ лицомъ въ Германіи и помазывалъ императора на царство. Какъ владѣтельная особа, онъ пользовался привилегіями курфюршескаго званія, руководилъ императорскими выборами и предсѣдательствовалъ въ коллегіи курфюрстовъ на имперскомъ сеймѣ. Какъ имперскій эрцканцлеръ, онъ замѣщалъ должности въ имперской канцеляріи, назначалъ имперскаго вице-канцлера въ имперскій надворный совѣтъ и заправлялъ всѣмъ имперскимъ сеймомъ. Въ имперскомъ судѣ назначенные имъ засѣдатели пользовались преимуществами предъ своими товарищами, а канцелярія этого суда подчинялась одному

---

les Dignités Princières Ecclesiastiques en Allemagne et qu'il seroit par consequent de la Sagesse de l'Electeur de faire dès àpresent une association entre ses Princes, pour s'opposer conjointement à cet égard aux vuës du Chef de l'Empire".

ему. Сверхъ того, онъ же былъ епископомъ вормскимъ и директоромъ Верхнерейнскаго округа. Такое блестящее положеніе въ имперіи, оставлявшее въ тѣни самого императора, а также гордыя историческія воспоминанія побуждали майнцскихъ владыкъ вѣчно стремиться къ великой роли въ «отечествѣ» и даже въ цѣлой Европѣ. «Просвѣщеніе» развивало въ нихъ высокомѣрный тонъ, ибо они тотчасъ же примкнули къ нему, чтобы заимствовать новый блескъ изъ источника, отъ котораго отвернулся бы съ ужасомъ основатель святительскаго престола въ Майнцѣ. Уже въ эпоху войнъ Фридриха II съ Маріей-Терезіей здѣсь работалъ въ министерствѣ одинъ личный другъ и почитатель Вольтера, а съ конца Семилѣтней войны въ Майнцѣ управлялъ 11 лѣтъ почтенный курфюрстъ Эммерихъ-Іосифъ, человѣкъ скромный, серьёзный и нравственный. Не увлекаясь идеями «просвѣщенія», онъ однако заимствовалъ у него все практическое, по внушенію своего здраваго смысла и врожденной гуманности. Онъ облегчалъ успѣхи матеріальной культуры и постепенно ограничивалъ вліяніе защитниковъ старины—каноников и іезуитовъ, такъ что ходилъ слухъ, будто послѣдніе отравили его. Главу старой партіи, каноника барона фонъ-Эрталя, занимавшаго разные административные посты въ Майнцѣ, Эммерихъ-Іосифъ выпроводилъ въ Вѣну, возложивъ на него обязанности майнцскаго посланника. Этотъ-то баронъ и былъ избранъ преемникомъ ему, при радостныхъ кликахъ враговъ просвѣщенія [1]).

Послѣдній майнцскій курфюрстъ, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ фонъ-Эрталь (1774—1802), началъ съ реакціонныхъ мѣръ. То-и-дѣло служилъ онъ обѣдни, совершалъ церковные ходы, присутствовалъ на богословскихъ преніяхъ. Лучшіе люди предшествовавшаго правленія были удалены; вѣнскій графъ былъ поставленъ во главѣ министерства, и курфюрстъ не дѣлалъ шагу, не посовѣтовавшись съ австрійскимъ посланникомъ, Меттернихомъ. Но все это было не что иное, какъ политическая маска. Баронъ фонъ-Эрталь не даромъ пожилъ въ Вѣнѣ, которая, и безъ «просвѣщенія», давно освободилась отъ предписаній не только религіи, но и нравственности. Въ этой веселой столицѣ было замѣчено его пріятное лицо, его придворный лоскъ и внѣшній блескъ поверхностнаго образованія, а также его умѣнье говорить и жить въ свое удовольствіе. Послѣднее баронъ принесъ съ собой на святительскій престолъ, хотя ему было тогда уже 56 лѣтъ. Послѣ

[1]) *Perthes:* Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft. 2 Aufl. Gotha, 1862, I, 16 sqq.

нѣсколькихъ лѣтъ поста, молитвы и поклоненія старинѣ, дворецъ новаго владыки превратился въ Ватиканъ временъ Возрожденія. Вступая въ него, посѣтитель чувствовалъ себя охваченнымъ атмосферой самодовольнаго сибарита. «Курфюрстъ принялъ меня—разсказываетъ герцогъ веймарскій—весьма вѣжливо, пустился показывать мнѣ новую мебель своихъ покоевъ, дѣйствительно великолѣпнѣйшую и размѣщенную со вкусомъ; затѣмъ обратилъ мое вниманіе на прелестный видъ изъ окна на Рейнъ, воды котораго омываютъ стѣны зàмка. Онъ съ удовольствіемъ останавливалъ меня передъ большими зеркалами во всѣхъ простѣнкахъ между окнами, въ которыхъ отражалось прекрасное зрѣлище восхитительной страны. Словомъ, онъ только и дѣлалъ, что занималъ меня хорошими видами» [1]). Вся эта роскошь была заграничная—парижская да лондонская, и иностранныя знаменитости расписывали потолки и стѣны чудныхъ залъ. Повсюду виднѣлись большіе парки и фантастическіе сады съ фонтанами и прудами; великолѣпные экипажи съ отборными конями и кучей гайдуковъ въ дорогихъ ливреяхъ. Не проходило дня, чтобы дворъ не представлялъ видъ шумной ярмарки или карнавала. Высшее общество и придворные съѣзжались сюда изъ отдаленныхъ нѣмецкихъ городовъ, чтобы принять участіе въ изысканныхъ балахъ, концертахъ и маскарадахъ, въ охотѣ и катаньѣ на саняхъ. Нигдѣ въ Германіи не собиралось такого веселаго, непринужденно-болтливаго и разнообразнаго общества, какъ въ сказанномъ зàмкѣ пышнаго владыки. Нигдѣ нельзя было такъ вкусно поѣсть и попить до отвалу, какъ на ежедневныхъ вечерахъ у майнцскаго владыки, гдѣ фавориты и фаворитки, художники, поэты и бонмотисты, замѣнившіе прежнихъ шутовъ, развлекали общество, кто чѣмъ могъ. Хозяинъ подавалъ примѣръ. По свидѣтельству Румянцова, послѣ стола съ нимъ приключалось нездоровье (eblouissement et vomissement). А на княжескихъ съѣздахъ, вслѣдъ за владыкой, являлась роскошная дама, которую фюрсты «отмѣнно отличали», какъ владѣтельную особу: это фрау фонъ-Куденгофенъ, урожденная графиня Гацфельдъ, «которая, какъ извѣстно, управляетъ майнцскимъ курфюрстомъ» [2]), хотя она была его племянница. Но майнцскій владыка не однимъ античнымъ реализмомъ напоминалъ папъ эпохи Возрожденія, клявшихся Венерой и Юпитеромъ. Онъ старался съ такимъ блескомъ разыгрывать роль вольтерьянца, чтобы всѣмъ было замѣтно. Подобно за-

---

1) *Мемуаръ Карла-Августа. Ranke:* Die deutshen Mächte, II, 272 sq.
2) *Румянцовъ Остерману,* отъ 14/25 ноября 1785 года.

стольнимъ пирушкамъ Фридриха II, его вечера славились не только разстройствомъ желудковъ, но также самою свободой и пикантной болтовней. Здѣсь, подъ руководствомъ умной и характерной племянницы владыки, велись такіе разговоры, напримѣръ, по поводу религіи отаитянъ, отъ которыхъ у іезуитовъ стали бы волосы дыбомъ. Умственная зараза проникла и въ высшій слой общества. Каноники, профессоры, духовные и свѣтскіе совѣтники принадлежали, по бо́льшей части, къ ордену иллюминатовъ. На домахъ у многихъ каноникевъ, вмѣсто Дѣвы Маріи, красовались эмблемы философіи и искусствъ; въ комнатахъ же Распятіе и апостолы Петръ и Павелъ были замѣнены бюстами Вольтера, а на столахъ лежали статьи иллюминатовъ и сочиненія Гельвеція. У дворянъ за обѣдомъ обыкновенно сыпались насмѣшки надъ всѣмъ завѣщаннымъ стариной, какъ надъ варварствомъ и предразсудкомъ [1]). Майнцъ обратился въ притонъ людей, гонимыхъ стариной философовъ, республиканцевъ и иллюминатовъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и чужеземныхъ. Между тѣмъ какъ іезуиты изгонялись, извѣстный ревнитель «просвѣщенія» и иллюминатъ Дальбергъ былъ выбранъ въ коадъюторы архіепископа; знаменитый впослѣдствіи поклонникъ французской революціи, Георгъ Форстеръ, былъ сдѣланъ университетскимъ библіотекаремъ, а восхвалитель Теллей и Винкельридовъ, Іоганнъ Мюллеръ, сталъ секретаремъ и другомъ курфюрста. Университетъ принялъ новый видъ. Онъ опирался на только-что учрежденную нормальную школу. Каѳедры были замѣщены протестантскими профессорами и иллюминатами. На доходы съ трехъ богатѣйшихъ монастырей, упраздненныхъ съ этою цѣлью, были устроены роскошные кабинеты —естественный, механическій и нумизматическій. Зданіе монастыря при старомъ соборѣ обращено въ лабораторію.

Умственная закваска была положена въ общество, и немудрено, что въ разгаръ французской революціи въ Майнцѣ образовалось гнѣздо нѣмецкихъ «клубистовъ», друзей «равенства и свободы», съ Форстеромъ во главѣ, которые сначала задумали-было основать Рейнскую республику, а потомъ присоединились къ Франціи. Но Фридриху-Карлу-Іосифу не было дѣла до этого. Человѣкъ легкомысленный, суетный, во всѣхъ отношеніяхъ поверхностный и безхарактерный, онъ поблажалъ «просвѣщенію» только изъ своекорыстныхъ видовъ. Оно отчасти льстило его чувственнымъ наклонностямъ, въ особенности же его тщеславію. Владыка былъ честолюбивъ, завидовалъ чужой славѣ, безпокойно

[1]) *Perthes*, I, 24.

гонялся за великой ролью. Румянцовъ справедливо порицалъ его за «гордость и чванство» (suffisance). «Просвѣщеніе» интересовало курфюрста только потому, что его корифеи льстили ему и своими похвалами придавали ему нравственный вѣсъ въ Германіи. Онъ обратилъ преобразованіе университета въ роскошный праздникъ, на который были приглашены депутаты отъ всѣхъ университетовъ «отечества». А вскорѣ это, повидимому, его любимое дѣтище, съ которымъ онъ носился передъ глазами Европы, стало противно ему: онъ не хотѣлъ слышать о немъ, и причиной тому были деньги. У старухи Гацфельдъ была цѣлая куча дѣтей и родственниковъ, кромѣ расточительной фрау фонъ-Куденгофенъ. Эта жадная и праздная семья требовала несмѣтныхъ суммъ. Вскорѣ уже ни гроша изъ проданныхъ іезуитскихъ имуществъ не поступало въ казну, и тщетно университетскіе переплетчики осаждали казначейство, а Форстеръ умолялъ дать въ библіотеку хоть нѣсколько книжныхъ шкаповъ.

Окруженный царской пышностью, лестью лизоблюдовъ и «просвѣтителей» и заискиваніями Версаля, Потсдама, Вѣны и Петербурга, чувствуя свое первостепенное значеніе въ Германіи по чину, превосходя самыхъ могущественныхъ свѣтскихъ фюрстовъ правомъ совершать пышное богослуженіе, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ вообразилъ себя великимъ человѣкомъ. Онъ объявилъ, что все духовенство «должно брать съ него примѣръ», то-есть слѣдовать его политикѣ. Онъ мечталъ составить изъ него могущественный союзъ, чтобы сбросить съ себя зависимость отъ Рима. «Курфурстъ—писалъ папскій нунцій—ведетъ совершенно свѣтскую жизнь и тогда только вспоминаетъ, что онъ епископъ, когда представляется случай потревожить папу или оказать сопротивленіе святому престолу». И ему удалось-таки подбить нѣмецкихъ епископовъ къ составленію договора для противодѣйствія папству. Но майнцскій владыка мечталъ и о свѣтской независимости. Онъ и здѣсь старался пустить пыль въ глаза Европѣ. Правда, у него было всего 2800 пѣхотинцевъ, 50 гусаръ, да 120 артиллеристовъ, а крѣпости были заняты подъ англійскіе парки и находились въ распоряженіи придворнаго садовника; но за то онъ устроилъ кригсратъ, съ двумя президентами и шестью совѣтниками, и завелъ двѣнадцать генераловъ. И майнцскій владыка не разъ отравлялъ жизнь агентамъ иностранныхъ державъ. Въ сущности, это былъ, конечно, особнякъ; но онъ измѣнялъ свои политическіе ходы, смотря по обстоятельствамъ. Сначала, въ періодъ ханжества, Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ былъ отъявленнымъ цезаріанцемъ. Но потомъ обстоятельства измѣнились. Іосифъ ока-

жался опаснѣе всѣхъ для честолюбивыхъ замысловъ владыки; къ тому же онъ, вмѣстѣ съ Кауницомъ, зло подсмѣивался надъ нимъ, а Фридрихъ привлекъ на свою сторону фрау фонъ-Куденгофенъ. И вотъ, майнцскій курфюрстъ сталъ лукаво показывать склонность къ переговорамъ съ Потсдамомъ и открыто обнаруживать свою ненависть къ Вѣнѣ. Онъ надѣлалъ въ своемъ округѣ много непріятностей Іосифу, при проходѣ его войскъ въ Нидерланды, и старался подстрекнуть къ тому же другіе округи [1]. Много вытерпѣлъ отъ него и Румянцовъ, который поэтому вѣчно бранилъ его за «неумолимую ненависть» (implacable dans ses haines) и однажды увлекся до того, что сравнилъ его съ Филиппомъ II!

«Нельзя—говоритъ Румянцовъ—найти такого несходства между братьями, какъ между епископомъ вюрцбургскимъ и курфюрстомъ майнцскимъ». Францъ-Лудвигъ фонъ-Эрталь доставилъ франконскимъ епископствамъ, Вюрцбургу и Бамбергу, 16 лѣтъ счастья (1779—1795). Онъ сказалъ, при восшествіи на престолъ: «Мое правило—государь для народа, а не народъ для государя», и остался вѣренъ этому девизу. Онъ рѣшительно запретилъ слова «всемилостивѣйше» и «вѣрноподданически» (gnädigst, unterthänigst), и объявилъ себя другомъ несчастныхъ. Францъ-Лудвигъ былъ извѣстенъ широкою благотворительностью и призрѣніемъ бѣдныхъ. У него судъ былъ не по одному имени, чиновники не вели себя пашами и финансы не страдали хроническимъ разстройствомъ; а народное образованіе становилось на свои ноги, потому что здѣсь уважали новое умственное направленіе. Эта терпимость тѣмъ болѣе замѣчательна, что Францъ-Лудвигъ былъ единственный изъ духовныхъ фюрстовъ, оправдывавшій свой санъ. Румянцовъ, глядя на него, припоминалъ иногда «строгость Амвросія». Онъ свидѣтельствуетъ объ его «неоспоримой набожности», онъ даже находилъ, что «она часто осудительна и невмѣстна съ свѣтскимъ его княжескимъ чиномъ» [2]. По его словамъ, «епископъ вюрцбургскій исполненъ просвѣщенія и честности, человѣкъ строгихъ нравовъ, презирающій свѣтъ и все относящій къ религіи» [3]. Онъ живетъ «анахоретомъ». Такая личность была важна уже по своему нравственному значенію: такъ какъ Францъ-Лудвигъ былъ самъ себѣ господиномъ и руководился не личными капризами, то Фрид-

---

1) *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября 1785 года.

2) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 12/23 августа 1785 года.

3) *Румянцовъ Остерману*, отъ 3/14 октября 1785 года: „plein de lumières, de probité, austère dans ses moeurs, deprécateur du monde, rapportant tout à la religion“.

рихъ II и Іосифъ II долго не знали, на чью сторону склонится онъ, и оба заискивали у него. Сверхъ того, вюрцбургскій владыка имѣлъ политическій вѣсъ: кромѣ своего епископскаго достоинства и родственныхъ связей съ Майнцемъ, онъ былъ еще директоромъ франконскаго округа.

Среди духовныхъ князей имѣли политическое значеніе еще два курфюрста—трирскій и кёльнскій.

Изъ крупныхъ церковныхъ владѣній Германіи на курфюршествѣ трирскомъ болѣе всего лежалъ отпечатокъ старины. Здѣсь до конца прошлаго вѣка можно было наблюдать феодальные порядки. Самыя границы представляли уродливый видъ, свойственный среднимъ вѣкамъ. Онѣ неправильно растягивались по обоимъ берегамъ трехъ рѣкъ—Рейна, Мозеля и Саары, часто прерываясь черезполосными владѣніями. Немного принадлежало тутъ собственно курфюрсту. Почти треть земли находилась въ рукахъ у «непосредственныхъ рыцарей» (reichsunmittelbare Ritter), то есть у низшаго дворянства, зависѣвшаго лишь непосредственно отъ императора и обладавшаго почти верховными правами. Рыцари не отбывали никакихъ повинностей, а между тѣмъ не только пользовались всѣми выгодами мѣстныхъ жителей, но и управляли страной: по бо́льшей части, они принадлежали къ «соборнымъ фамиліямъ», а нигдѣ капитулъ не имѣлъ такой власти, какъ здѣсь. Значительная часть остальной земли принадлежала множеству мужскихъ и женскихъ монастырей всевозможныхъ орденовъ (въ томъ числѣ Нѣмецкаго и Мальтійскаго), обладавшихъ также почти полною независимостью. Города подчинились курфюрсту недавно и лишь послѣ упорной борьбы. За ними сохранилось еще много правъ, особенно за самимъ Триромъ, вслѣдствіе чего курфюрсты уже съ половины XVII-го вѣка перенесли свою резиденцію въ новый дворецъ, у подножія крѣпости Эренбрейтштейна. Наконецъ, здѣсь уцѣлѣло и средневѣковое земство. Опутанный со всѣхъ сторонъ чужими привилегіями, курфюрстъ трирскій былъ тѣмъ болѣе безсиленъ, что обыкновенно онъ избирался хитрымъ капитуломъ изъ низшаго дворянства; а войско его состояло, въ описываемое время, изъ 1100 человѣкъ крѣпостного гарнизона, 260 егерей и 60 тѣлохранителей. Тутъ не приходилось увлекаться ни воинственными, ни властолюбивыми замыслами. Съ вестфальскаго мира въ Трирѣ царствовали скромные, патріархальные владыки, и курфюршество спало мертвымъ сномъ, убаюкиваемое пѣснями далекой старины. Въ 1768 году, съ выборомъ курфюрста изъ сильной династіи, и сюда проникъ тревожный духъ «просвѣщенія».

Послѣдній курфюрстъ трирскій, сынъ Фридриха-Августа III, саксонскаго курфюрста и польскаго короля, Климентъ Венцель, рано покинулъ родительскій кровъ и тѣмъ избавился отъ вліянія развратной среды, гдѣ царилъ графъ Брюль. Ему не было и тридцати лѣтъ, когда его выбрали въ трирскіе владыки, а между тѣмъ онъ уже успѣлъ послужить въ австрійской арміи, во время Семилѣтней войны, и пожить въ Версалѣ, Мюнхенѣ, въ особенности же въ Регенсбургѣ и Аугсбургѣ, гдѣ его избрали въ епископы. Правда, Климентъ-Венцель вынесъ изъ своей родины наклонность къ чопорному придворному этикету и гордыя династическія преданія, чтó иногда приводило его къ необдуманнымъ расходамъ, въ родѣ перенесенія столицы въ Кобленцъ [1]). Но за то оттуда же онъ заимствовалъ уваженіе къ просвѣщенію: это былъ первый въ Трирѣ образованный курфюрстъ. Климентъ-Венцель былъ человѣкъ безхарактерный: Румянцовъ называетъ его «скромнымъ и неимѣющимъ собственныхъ намѣреній». Но врожденная мягкость и хорошія стремленія замѣняли у него способности. Народъ любилъ этого добряка, который часто толкался въ толпѣ: восторгу массъ не было конца, когда однажды, на праздникѣ стрѣлковъ, владыка сшибъ птицу съ шеста и прицѣпилъ къ шляпѣ предложенный ему букетъ цвѣтовъ. Трирскій владыка, даже по отзывамъ своего врага, папскаго нунція, велъ безупречную жизнь и былъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ: онъ не жалѣлъ денегъ только на свою капеллу, потому что страстно любилъ музыку. Климентъ-Венцель даже придерживался всѣхъ правилъ католицизма, но безъ ханжества. Вовсе не думая потворствовать идеямъ «просвѣщенія», онъ однако управлялъ въ ихъ духѣ. Въ Трирѣ были изгнаны іезуиты и появился, къ ужасу туземцевъ, эдиктъ вѣротерпимости, за которымъ послѣдовалъ призывъ протестантскихъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, а также сокращеніе числа праздниковъ. Стали улучшать дороги, взрывать камни, затруднявшіе плаваніе по Рейну, устроивать заводы, старались даже уничтожить заповѣдные цехи. Конечно, нигдѣ педантизмъ новыхъ теорій не былъ болѣе умѣстенъ, какъ въ этомъ давномъ захолустьѣ Германіи. Климентъ-Венцель завелъ особенный отрядъ егерей, чтобы до мелочей опутать жизнь дремлю-

[1]) Румянцовъ доносилъ Остерману (въ ноябрѣ 1786 года), что владыка восемь лѣтъ строилъ въ Кобленцѣ великолѣпный дворецъ, стоившій болѣе двухъ милліоновъ гульденовъ, „изъ коихъ чины (земство) внесли 600,000, и тѣмъ умножили казенный свой долгъ, доставъ сіи деньги заимообразно". Перенесеніе столицы изъ окрестностей Эренбрейтштейна совершилось, зимой 1786 года, на бѣду обнищалымъ „чинамъ", „со всевозможною пышностью" и при всемъ дипломатическомъ корпусѣ.

щихъ подданныхъ своею полицейской опекой. У него, по законамъ электричества, дозволялось въ непогоду только три раза ударять въ обѣдню, и то въ самый маленькій колоколъ, а на основаніи химіи, приказывалось кухаркамъ особенно осторожно обращаться съ масломъ, и если оно загорится, отнюдь не тушить его водой, а посыпать золою. Катанье же на льду, на коньках ли, или просто на ногахъ, было безусловно запрещено «всѣмъ и каждому», во избѣжаніе разбитыхъ носовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ провинившіеся, безъ различія пола и возраста, получали опредѣленное число розогъ. Заботились и о просвѣщеніи. Для образованія духовныхъ была устроена семинарія, а для свѣтскихъ учителей—нормальная школа. Было введено обязательное обученіе и новая, прусская, система народныхъ школъ. Постоянно думая о бѣдныхъ, курфюрстъ устроилъ школы въ самыхъ жалкихъ деревушкахъ и облегчилъ участь самыхъ несчастныхъ учителей. Особенно въ этихъ захолустьяхъ приказывалъ онъ священникамъ ходить каждое воскресенье изъ дома въ домъ съ поученіями. Былъ затронутъ также бытъ духовныхъ и монаховъ. Имъ запрещено было заниматься суконной и мелочной торговлей. Они должны были всегда ходить въ предписанной одеждѣ, и не смѣли посѣщать кабаковъ или участвовать въ пирушкахъ; а монахинямъ запретили ихъ любимое развлеченіе—вечеринки съ танцами. Но такъ какъ трирскій владыка поступалъ практически и не увлекался новыми идеями, то его страна не могла пріобрѣсти умственной самостоятельности. Сюда не стекались лучшія силы «просвѣщенія»—и молодежь, по-старому, отправлялась за высшимъ образованіемъ въ Майнцъ и Гёттингенъ. Двѣ старыя типографійки, въ Трирѣ и Кобленцѣ, влачили жалкое существованіе и пробавлялись новыми изданіями древнихъ молитвенниковъ и учебниковъ. Новое направленіе безсознательно сказывалось у Климента-Венцеля еще въ стремленіи къ независимости отъ папской куріи, а также и отъ великихъ нѣмецкихъ державъ. Викаріемъ у него былъ Гонтгеймъ, который прославился важнымъ сочиненіемъ противъ папства. Въ Кобленцѣ происходили совѣщанія между депутатами всѣхъ духовныхъ курфюршествъ, которыя привели, въ 1785 году, къ эмскому конгрессу нѣмецкихъ архіепископовъ, поставившему вопросъ о свободной національной церкви въ католической Германіи. Вслѣдъ затѣмъ трирскій владыка запретилъ своему духовенству принимать, безъ его разрѣшенія, папскія буллы и рескрипты [1]. Но

[1]) *Perthes*, I, 181 sqq.

все это измѣнилось въ 1789 году. Климентъ-Венцель одинъ изъ первыхъ правителей въ Германіи открыто и не колеблясь выступилъ противъ французской революціи. Тотчасъ же изъ канцеляріи владыки посыпались указы, уничтожавшіе все, чтó было сдѣлано имъ до тѣхъ поръ. Даже отмѣнено было ограниченіе числа крестныхъ ходовъ, и владыка, исповѣдуя свою преданность папѣ, объявилъ эмскій конгрессъ совѣтомъ нечестивыхъ. Кобленцъ сталъ гнѣздомъ французскихъ эмигрантовъ изъ рядовъ чистокровнаго легитимизма. Графъ д'Артуа и графъ Провансків учредили здѣсь «регентство до освобожденія короля». Массами стекались къ нимъ столбы французской старины и мрака—министры, кардиналы и члены парижскаго парламента, маршалы и епископы, кавалеры и аббаты, придворные и офицеры.

До второй половины прошлаго вѣка, кёльнское курфюршество было одною изъ несчастнѣйшихъ странъ Германіи. На бѣду подданнымъ, тамъ царствовали подъ-рядъ два долговѣчныхъ Виттельсбаха, въ теченіи трехъ-четвертей столѣтія (1688—1761). Эти владыки старались перещеголять своихъ баварскихъ родственниковъ въ подражаніи Людовику XIV. Необыкновенная роскошь, ханжество да господство метрессъ и любимцевъ довели курфюршество до крайней нищеты и мрака. Тутъ не помогали ни французскіе милліоны, ни масса ростовщиковъ, ни государственная лоттерея. Въ 1761 году, страну, обремененную неоплатными долгами, принялъ ничтожный имперскій графъ, Максимиліанъ-Фридрихъ-фонъ-Кенигсеккъ-Ротенфельсъ. Главною заботой новаго владыки стали деньги, и въ кёльнскомъ курфюршествѣ безумная расточительность смѣнилась скаредностью. «Курфюрста не любятъ,—доносилъ Румянцовъ Остерману,—онъ началъ уничтоженіемъ пенсій и уменьшеніемъ жалованья у людей, бѣдность коихъ была ему извѣстна» [1]). Въ первые годы своего правленія, Максимиліанъ-Фридрихъ обнаружилъ стремленіе къ нравственной и скромной жизни. Были отмѣнены прежнія дорогія забавы, а кредиторовъ предшественника прогнали, ничего не заплативши имъ. Тогда же курфюрстъ выказалъ свое сочувствіе «просвѣщенію». Онъ сократилъ число праздниковъ и основалъ боннскій университетъ. Его другомъ сталъ министръ-преобразователь, баронъ-каноникъ, Францъ фонъ-Фюрстенбергъ, которому было поручено управленіе Мюнстеромъ. И у этого курфюрста было стремленіе къ независимости, въ особенности отъ римской куріи. Онъ во все свое царствованіе боролся съ папскимъ нунціемъ: владыка тре-

[1]) *Румянцовъ Остерману*, въ августѣ 1784 года.

бовалъ, чтобы нунцій снималъ свою черную шапочку въ его присутствіи, и безъ того упорно отказывалъ ему въ аудіенціи; нунцій же требовалъ, чтобы владыка подавалъ ему правую руку и сажалъ за столомъ между дамами [1]). Двадцать лѣтъ тянулся этотъ споръ и слился, наконецъ, съ общею борьбой нѣмецкаго архіепископата противъ притязаній папства. Но немного удалось сдѣлать новому владыкѣ, потому что его лучшія стремленія были не искренни. Вскорѣ все пошло по прежнему, и боннскій дворъ пріобрѣлъ даже въ Версалѣ славу самаго распущеннаго и наименѣе соотвѣтствующаго духовному сану курфюрста. Въ описываемое время тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ Максимиліана-Фридриха чего-нибудь путнаго, что ему было уже за семьдесятъ. Хилаго старика окружали назойливыя интриги разныхъ дворовъ, и въ Кёльнѣ уже, можно сказать, заправляли австрійцы, поставившіе коадъюторомъ своего эрцгерцога Максимиліана. А въ 1784 году Максимиліана-Фридриха не стало.

Былъ еще одинъ владыка, ничтожный по своему политическому значенію, но игравшій видную роль въ «броженіи» фюрстовъ, благодаря своимъ личнымъ свойствамъ. Это—Августъ, епископъ шпейерскій. Несмотря на близость Шпейера къ либеральнымъ духовнымъ курфюршествамъ и къ самому источнику «просвѣщенія», его владыка уцѣлѣлъ отъ соблазна новыхъ идей: онъ не былъ въ «Аркадіи» даже и на короткое время, какъ многіе изъ его товарищей. Ограниченный, упрямый и честолюбивый, Августъ, чувствуя свое безсиліе выдвинуться въ рядахъ поборниковъ «просвѣщенія», вздумалъ прославиться противоположнымъ путемъ. Онъ достигъ цѣли. Вся Германія признала въ немъ типъ помрачителя, потому что онъ проповѣдывалъ съ наглой откровенностью теорію, которую фюрсты даже до «просвѣщенія» больше исполняли на дѣлѣ, чѣмъ высказывали. Какъ-бы насмѣхаясь надъ возвышенными принципами Іосифа II и Фридриха II, Августъ объявилъ, что «воля государя есть общее благо». Онъ «всемилостивѣйше» напечаталъ, для преподаванія въ школахъ, катехизисъ «объ обязанностяхъ подданныхъ», въ которомъ сказано: «государь—владыка подданныхъ; онъ имѣетъ власть надъ нашей жизнью и имуществомъ». Правда, шпейерское епископство было населено почти исключительно крѣпостными владыки; но въ концѣ прошлаго вѣка послѣднему неприлично было понимать крѣпостное право въ духѣ среднихъ вѣковъ, особенно же смѣшивать это право съ государственнымъ. Оттого-то извѣстный публицистъ,

[1]) *Perthes*, I, 165 sqq.

Шлёцеръ опозорилъ Августа на все «отечество», пропечатавъ его въ рядѣ злыхъ статей. Онъ называлъ его «привилегированнымъ охотникомъ на негровъ въ шпейерскомъ епископствѣ», «олухомъ и мошенникомъ» (Dummkopf, Schurke), а его ученіе— «адскою системой», «избыткомъ тупоумія», «оскорбленіемъ рода человѣческаго», «христокняжескимъ султанизмомъ», приличнымъ лишь для школъ Молдавіи и Валахіи [1]). Непреклонный и задорный, владыка шпейерскій думалъ еще другимъ путемъ удовлетворить свое честолюбіе. Онъ хотѣлъ вознаградить свое матеріальное ничтожество политическою рьяностью. Августъ суетился и горячился, усиливаясь стать во главѣ союза духовныхъ князей. Румянцовъ и Гофенфельсъ единогласно называютъ его «самымъ пылкимъ» изъ владыкъ и даже «душой» лиги.

Но это былъ единственный нѣмецкій прелатъ, принимавшій лично живое участіе въ «броженіи». Вообще же, такъ какъ собственно не владыки, а каноники управляли духовными княжествами, то и «броженіе» происходило здѣсь, главнымъ образомъ, въ кругу капитуловъ. Раньше и энергичнѣе всѣхъ начали дѣйствовать капитулы вюрцбургскій, шпейерскій и трирскій [2]). Когда, по поводу болѣзни Франца-Лудвига, въ Вюрцбургѣ показались прусскіе эполеты, тамошніе каноники обидѣлись и условились устранять всякое вліяніе, какъ со стороны вѣнскаго, такъ и со стороны берлинскаго двора [3]). То же самое повторилось въ Майнцѣ, и по тому же самому поводу. Вслѣдъ затѣмъ, Гофенфельсъ извѣщалъ Герцберга, что въ этомъ городѣ уже завелось нѣчто въ родѣ тайной коалиціи изъ каноников *многихъ* епископствъ. Здѣсь были съѣзды политиковъ въ рясахъ, которые думали начать съ представленія на сеймѣ строгаго протеста противъ церковныхъ насилій императора. Затѣмъ они хотѣли открыто, законно устроить съѣздъ духовныхъ князей для обсужденія церковныхъ дѣлъ и сносились, по этому поводу, съ папой, который объявилъ формально, что церковныя мѣры императора должны зависѣть отъ утвержденія нѣмецкаго епископата. Мало того. Пре-

[1]) *Biedermann*: Deutschland im achtzehnten Jahrhundert, I, 77 sq., 143 sq.

[2]) По донесенію Румянцова Екатеринѣ, отъ 5/16 марта 1784 года, переговоры о духовной лигѣ началъ шпейерскій капитулъ, написавшій майнцскому капитулу, который тотчасъ же отправилъ депутацію къ курфюрсту и встрѣтилъ въ немъ сочувствіе, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время трирскій курфюрстъ написалъ, съ своей стороны, майнцскому. Въ августѣ 1784 года Румянцовъ извѣщалъ Остермана о прибытіи въ Кёльнъ двухъ довѣренныхъ лицъ отъ курфюрста майнцскаго, для переговоровъ о лигѣ.

[3]) *Гофенфельсъ Герцбергу*, отъ 23-го февраля 1784 года (*Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 66).

имущественно каноникамъ, а не владыкамъ, принадлежала мысль сблизиться съ свѣтскими фюрстами, волненіе которыхъ не ускользнуло отъ ихъ вниманія: чувствуя себя безсильными, они готовы были подать руку протестантамъ, надѣясь найти у нихъ то же самое стремленіе къ независимости, какъ отъ Вѣны, такъ равно и отъ Берлина [1]).

XIII.

Свѣтская лига.—Прусскій молодой дворъ.

Свѣтскіе особняки.—Проектъ Эдельсгейма.—Переговоры Шлоссера съ Жеромъ.—Отношеніе патріотовъ къ Фридриху II.—Національная роль прусскаго молодого двора.—Дѣятельность Гофенфельса.—Его проектъ.—Намѣренія молодаго двора.—Его три «срока».—Францъ дессаускій и Карлъ веймарскій «подготовляютъ сосѣдей».—Положеніе карлсбергскаго двора.—Ссора баденскихъ съ цвейбрюкенскими.—Переговоры Эдельсгейма съ майнцскими.—Свиданіе герцога веймарскаго съ майнцскимъ владыкой.—Оцѣнка «броженія» у фюрстовъ.—Безсиліе и раздоры князей.—Румянцовская политическая расцѣнка фюрстовъ.—Судьба проектовъ Эдельсгейма и Гофенфельса.

Свѣтскіе особняки спѣшили воспользоваться движеніемъ у своихъ духовныхъ единомышленниковъ. Особенно хлопоталъ баденскій дворъ. Эдельсгеймъ такъ серьёзно былъ увлеченъ своею идеей, что даже начерталъ, въ концѣ 1783 года, «проектъ уніи или конкордата имперскихъ чиновъ». Это живой протестъ противъ печальнаго положенія имперіи, окруженной внутренними и внѣшними врагами и «напоминающей судьбу Польши». Эдельсгеймъ былъ увѣренъ, что «въ душѣ каждаго нѣмецкаго патріота должно возгораться пламенное желаніе, чтобы чины нѣмецкой имперіи взялись, наконецъ, за пріисканіе мѣръ къ избавленію отечества отъ конечной погибели и къ сохраненію имперской конституціи». «Это—долгъ, предписываемый всѣми имперскими законами каждому чину. Всякій имперскій чинъ, стремящійся законно исполнить его, менѣе рискуетъ, чѣмъ ожидая своей участи спокойно, въ дремотѣ и безсиліи». «Нужно во-время принять мѣры, чтобы не оставить безъ помощи и не погубить нѣмецкой свободы и независимости—этого главнаго сословнаго перла». Эдельсгеймъ требовалъ сначала устроить союзъ только между мелкими чинами, то-есть фюрстами, во главѣ которыхъ должны стать герцогство

[1]) *Ранке* (Die deutschen Mächte, I, 114), по майнцскому архиву.—*Мемуаръ герцога веймарскаго* (тамъ же, II, 265 sqq.).

Саксонія, Брауншвейгъ и Гессенъ, а потомъ уже между курфюрстами: изъ послѣднихъ можно разсчитывать на курфюршество Саксонію, Цвейбрюкенъ (тутъ разумѣлось перемѣщеніе герцога Карла въ Баварію), Ганноверъ и Майнцъ. Затѣмъ обѣ уніи, княжеская и курфюршеская, должны были слиться на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ. Между всѣми должно царствовать полное довѣріе и взаимодѣйствіе; въ особенности же никто не долженъ подавать голоса на сеймѣ, не посовѣтовавшись дружески съ товарищами. Имперскій сеймъ возможно быстро приводится въ дѣйствіе соединенными силами, и не допускается его перерывовъ. Всѣ споры рѣшаются полюбовно третейскимъ судомъ. Члены союза помогаютъ другъ другу въ долгахъ: да не слѣдуетъ ли учредить кредитную кассу? Не допускать притязаній имперскаго надворнаго совѣта ни въ имперскихъ округахъ, ни во внутреннихъ дѣлахъ чиновъ. Не отдавать войскъ въ наемъ чужестранцамъ. Когда унія приметъ серьёзные размѣры, начертать планъ образованія арміи, которая можетъ состоять изъ 100,000. Изъ ежегодныхъ взносовъ составить кассу, готовую на всякій случай. Моментомъ заключенія уніи былъ избранъ «предстоящій взрывъ турецкой войны, на который устремлено вниманіе всей Европы». Въ проектѣ Эдельсгейма не сказано ни слова о курфюрстѣ бранденбургскомъ. О Пруссіи упоминается только разъ, и то лишь какъ объ иностранной державѣ, которая, на ряду съ Франціей, должна была гарантировать унію. И здѣсь же было прибавлено: «не невозможно пріобрѣсти и императорско-русскую гарантію. Императрица отправила въ имперію, въ прошломъ году, особенныхъ посланниковъ, а въ нынѣшнемъ—барона Крова (хотя и не облеченнаго политическимъ знаніемъ), чтобы увѣрить всѣ чины въ своей готовности крѣпко защищать привилегіи каждаго, кто обратится къ ней за помощью. Великій князь часто заявлялъ въ имперіи то же самое». Въ концѣ проекта особенно обнаружился страхъ, который проглядываетъ вообще въ каждой его строкѣ. «Но фюрсты-патріоты,—сказано здѣсь,—обладающіе нѣмецкимъ мужествомъ для созданія этого благого дѣла, должны поступать съ великой осторожностью и благоразуміемъ. Это необходимо отчасти для того, чтобы не подвергнуть себя и свои земли большимъ непріятностямъ безъ дѣйствительной пользы отечеству, отчасти же для того, чтобы раскрывать тайну тѣмъ только чинамъ, которые не перетолкуютъ въ дурную сторону и не разрушатъ всякими махинаціями ихъ благихъ намѣреній. Кажется, они лучше всего достигнутъ своей цѣли, если каждый изъ нихъ возьметъ на себя объяснить унію извѣстной части Германіи или извѣст-

нымъ дворамъ имперіи, стараясь въ то же время привлечь ихъ къ ней» [1]).

Одушевленный этими планами, Эдельсгеймъ явился въ Майнцъ. Здѣсь каноники приняли его очень хорошо, заявивъ, что они думаютъ точно такъ же. Его обнадежили насчетъ полной вѣротерпимости относительно протестантовъ. Говорили, что даже владыка поднимется противъ императора, если увидитъ за собой свѣтскихъ князей. Затѣмъ, Эдельсгеймъ видѣлся съ епископомъ шпейерскимъ, который горячо объявилъ, что могутъ разсчитывать на него. Въ то же время каноники намекали ему, что, возставая одинаково, какъ противъ Вѣны, такъ и противъ Берлина, необходимо заручиться поддержкой Франціи. Тотчасъ же одинъ изъ баденскихъ гофратовъ, сочувствовавшихъ патріотамъ, Шлоссеръ, былъ направленъ къ «юридическому консультору Людовика XVI по нѣмецкимъ дѣламъ», Пфеффелю, который былъ хорошо извѣстенъ въ Германіи, какъ своими посѣщеніями мелкихъ дворовъ и сейма, такъ и своими учеными трудами по нѣмецкой исторіи. Пфеффель нашелъ, что ему почему-то неудобно докладывать о такомъ дѣлѣ въ Версалѣ, и направилъ Шлоссера къ страсбургскому претору, Жерару, который занимался когда-то иностранными дѣлами и пользовался довѣріемъ Вержена. Шлоссеръ отыскалъ претора и сообщилъ ему, подъ строжайшимъ секретомъ, что фюрсты желаютъ устранить «бездѣйствіе имперскаго сейма и злоупотребленія (Empiedement) имперскихъ судовъ», а также завести переписку между собой, чтобы уничтожить взаимные споры и безпорядки въ своемъ хозяйствѣ. Но Жераръ посовѣтовалъ, чтобы кто-нибудь изъ фюрстовъ обратился въ Версаль непосредственно. Всѣ испугались этого и рѣшили «пріостановиться и подождать, чтобы Франція сама сдѣлала шагъ къ сближенію» [2]). Франціи, дѣйствительно, очень хотѣлось захватить въ свои руки княжеское «броженіе», чтобы, по обыкновенію, заправлять фюрстами въ своихъ интригахъ—какъ противъ Австріи, такъ и противъ Пруссіи. И такъ какъ изъ всѣхъ фюрстовъ Карлъ цвейбрюкенскій былъ наиболѣе подчиненъ ей, то изъ Версаля сдѣлали ему запросъ: почему онъ не становится во главѣ движенія и не спросится Франціи? Но въ Карлсбергѣ уже начинало дѣйствовать другое вліяніе, связанное съ движеніемъ курфюрстіанцевъ и съ потсдамскими интригами.

---

[1]) *Проектъ Эдельсгейма*, напечатанъ у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 17—21.—Cf. *Dohm*, III, 54—61.

[2]) Собственный докладъ Шлоссера о его переговорахъ съ Жераромъ напечатанъ у *Ranke:* Die deutschen Mächte, II, 257—261.

Выше было объяснено, что многіе патріоты, подавляя свои задушевныя мысли, видѣли необходимость въ поддержкѣ со стороны Пруссіи. Къ тому же, они разсчитывали, что эта держава вступитъ въ союзъ, какъ Бранденбургъ, то-есть на равныхъ съ ними правахъ: это доказывается горячимъ участіемъ здѣсь такихъ лицъ, какъ Карлъ-Августъ веймарскій и Францъ дессаускій. Свѣтскіе патріоты тѣмъ болѣе увлекались такимъ взглядомъ, что въ Берлинѣ искусно поддерживали его: это было первымъ политическимъ подвигомъ молодого двора. Патріотамъ трудно было сойтись съ старымъ Фрицомъ, къ которому не шла маска національныхъ интересовъ, плохо прикрывавшая смыслъ его раннихъ стремленій. Къ тому же опасались его вялости и трусливости, причемъ было бы безразсудно ничтожнымъ фюрстамъ объявлять войну могущественному императору. И Фридрихъ, дѣйствительно, мало интересовался союзомъ, который князья хотѣли устроить самостоятельно по собственной, а не по его иниціативѣ. Тогда онъ отвѣчалъ на предложеніе своихъ министровъ послать агента къ фюрстамъ: «да, это было бы прекрасно, еслибы только у меня были деньги на это!»

Тутъ выступилъ молодой дворъ, который жаждалъ дѣятельности. Тогда-то кронпринцъ умѣлъ внушить патріотамъ ту идею о своемъ нѣмецкомъ настроеніи, которая привела потомъ герцога веймарскаго къ горькому разочарованію. Это тѣмъ болѣе естественно, что даже Румянцовъ поддался обману: «изъ многихъ обстоятельствъ, — писалъ онъ около того времени: — я заключаю, что принцъ прусскій по восшествіи на престолъ болѣе дяди своего будетъ заниматься германскими дѣлами и здѣсь пріобрѣтетъ себѣ друзей» [1]). Фридрихъ-Вильгельмъ завелъ оживленную переписку съ патріотами, въ особенности же съ герцогами веймарскимъ, брауншвейгскимъ и отчасти съ цвейбрюкенскимъ. Онъ льстилъ имъ, разсыпался передъ ними въ громкихъ патріотическихъ фразахъ, не скупился на обѣщанія, а для Карла цвейбрюкенскаго—даже на деньги. Патріоты отвѣчали ему кто пылкими, кто подобострастными посланіями, хлопотали изъ всѣхъ силъ внушить товарищамъ свое высокое мнѣніе о немъ, разъѣзжали по дворамъ фюрстовъ и присылали ему подробные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, испрашивая дальнѣйшихъ распоряженій.

Такъ, за спиной дряхлаго Фрица завязывалась широкая игра на его счетъ. Конечно, душой ея былъ неугомонный Герцбергъ, который на этомъ-то основаніи и хвастался потомъ, что ему, а

[1]) *Румянцовъ Остерману*, въ маѣ 1786 года.

не Фридриху, принадлежала самая идея союза князей. Онъ нашелъ себѣ прекрасное орудіе въ своемъ карлсбергскомъ двойникѣ. Гофенфельсъ обнаружилъ тогда необыкновенную энергію. Онъ колесилъ по Германіи для «сондированія» фюрстовъ, съ инструкціями Герцберга и, не довольствуясь оживленной перепиской съ своимъ патрономъ, часто наѣзжалъ въ Берлинъ, откуда привезъ, между прочимъ, предложеніе помогать Карлу во всемъ, начиная, конечно, съ его долговъ, а также согласіе на бракъ его брата съ одною прусской принцессой и благопріятныя приказанія прусскому министру на имперскомъ сеймѣ [1]). Наконецъ, завидуя Эдельсгейму, Гофенфельсъ, вслѣдъ за нимъ, сочинилъ длинный проектъ соединенія «всѣхъ чиновъ патріотическаго образа мыслей».

Вотъ сущность этой бумаги, написанной нескладно, съ частыми нерерывами, повтореніями и умышленными недомолвками, но все-таки достаточно понятной, чтобы служить истинною profession de foi партіи курфюрстіанцевъ того времени. Передаемъ ее возможно ближе къ подлиннику, потому что это — хорошій образчикъ дѣловыхъ бумагъ нѣмецкихъ политиковъ конца прошлаго вѣка.

Всего яснѣе въ проектѣ Гофенфельса его основная тэма — ненависть къ Габсбургамъ. «Планъ австрійскаго двора—сказано здѣсь—сдѣлаться монархомъ Германіи, весьма старъ. Еслибы указывать всѣ подобныя попытки, то пришлось бы переписать всю исторію, начиная съ императора Фридриха III. Этотъ проектъ существуетъ доселѣ, и, конечно, никогда еще не было императора, который могъ бы такъ энергично привести его въ исполненіе, какъ нынѣшній». Гофенфельсъ часто возвращается къ указанію насилій Іосифа въ имперіи, и приходитъ къ заключенію, что нужно устроить «соединеніе имперскихъ чиновъ *въ противоположность императору, или, вѣрнѣе, австрійскому дому*». «Когда императоръ становится страшенъ чинамъ имперіи, то должно, съ величайшей осторожностью и благоразуміемъ, принять мѣры къ самосохраненію и исполнить ихъ съ величайшимъ единодушіемъ, мужествомъ и силой, безъ частныхъ намѣреній, единственно по патріотическимъ побужденіямъ, направленнымъ ко благу и сохраненію конституціи». Тутъ «прежде всего представляется мысль о томъ, чтобы *всѣмъ чинамъ*, безъ исключенія,

[1]) Румянцовъ Остерману, 8/19 августа 1783 года: цѣль лиги „s'opposer à l'intention qu'il (гр. дессаускій) pretend à l'Empereur de les (фюрстовъ) ecraser tous". Румянцовъ видѣлъ въ свѣтской лигѣ не что иное, какъ „махинаціи берлинскаго и версальскаго дворовъ".—*Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 24, 30—32, 90.

стоять заодно и дѣйствовать по однимъ и тѣмъ же правиламъ». «Если это возможно, то законнымъ путемъ, предписываемымъ самою конституціей, достигнешь больше и вѣрнѣе, чѣмъ насиліемъ. Если же чины разъединены, если одни, вопреки свободному національному характеру, цѣпляются за императора и жертвуютъ ему своими правами, другіе сидятъ спокойно и ждутъ, чтобы ихъ освободили товарищи, безъ которыхъ они готовы подставить свою шею игу тирана, и лишь немногіе, ощущая въ себѣ старо-нѣмецкую кровь, рѣшаются встать передъ пропастью, — то слѣдуетъ покинуть конституціонный путь и встрѣтить силу равномѣрною силой». Съ этою цѣлью слѣдовало бы устроить конгрессъ «просвѣщенныхъ фюрстовъ-патріотовъ, съ участіемъ свѣдущихъ, честныхъ министровъ». Но «такъ какъ всякое дѣло должно имѣть свое начало», то Гофенфельсъ предлагалъ пока слѣдующія соображенія, — впрочемъ, «вовсе не какъ нѣчто совершенное, а лишь какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ размышленій». Прежде всего должно помнить, что «частная унія» нѣсколькихъ чиновъ тутъ не поможетъ: обладая большою арміей, казной, искусными генералами и единствомъ дѣйствій, притомъ «соображая свои планы съ отношеніями къ своимъ могущественнымъ союзникамъ», императоръ приведетъ въ замѣшательство и обезсилитъ одного члена за другимъ. Это удастся ему «тѣмъ легче, что (не будемъ скрывать правды въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ вѣчная свобода и величіе, или же вѣчное рабство) большинство этихъ членовъ страдаетъ такимъ политическимъ и экономическимъ безсиліемъ, что просто должно будетъ уступить». Гофенфельсъ доказываетъ историческими примѣрами, что такъ всегда бывало съ частными уніями въ Германіи, и «если онѣ, желая хоть съ честью выдти изъ борьбы, призывали на помощь иностранныя державы, то это всегда служило къ ослабленію Германіи и къ обогащенію союзниковъ». Особенно не должно обращаться къ Франціи, которая «опаснѣе даже императора», ибо ея неизмѣнная задача—расширять свои границы до Рейна. «Рядомъ съ версальскимъ дворомъ, петербургскій заслуживаетъ особеннаго вниманія, съ тѣхъ поръ какъ Россія переняла роль Швеціи въ гарантіи вестфальскаго мира».

Итакъ, князья должны полагаться только на самихъ себя и дѣйствовать не иначе, какъ всѣ вмѣстѣ. Но какъ? конечно, цѣлью ихъ долженъ быть союзъ, названный у Гофенфельса «оборонительной уніей». Но цвейбрюкенскій министръ упомянулъ объ этомъ лишь вскользь и тотчасъ же сталъ подробно доказывать неумѣстность такой уніи. «Какъ извѣстно, проекты, измѣняющіе

весь политическій видъ Германіи, а слѣдовательно всей Европы и затѣмъ всѣхъ частей свѣта, не приводятся въ исполненіе посредствомъ coup de main: ихъ должно долго подготовлять, постепенно устраняя препятствія; а проводить ихъ вполнѣ слѣдуетъ лишь въ благопріятную минуту». Гофендфельсъ такъ увлекся этой мыслью, что даже выставилъ рядъ доказательствъ, которыя должны были подрывать его основную тэму. Онъ успокоивалъ фюрстовъ тѣмъ, что «пока въ ихъ жилахъ течетъ нѣмецкая кровь, невозможно, чтобы ихъ земли были раздѣлены, какъ Польша». Онъ увѣрялъ, что хотя политика Іосифа и клонится къ уничтоженію нѣмецкой конституціи и къ полному порабощенію Германіи, однако «его фамильные планы еще не настолько созрѣли, чтобы нынѣ ожидать ихъ нескромнаго обнаруженія (indiscreten Ausbruch) въ Германіи». Учрежденіе оборонительной уніи теперь «сопровождалось бы тѣмъ болѣе неизбѣжными и ужасными послѣдствіями, что императоръ не сдѣлалъ еще ни одного шагу, которому нельзя было бы противодѣйствовать конституціоннымъ путемъ, на открытомъ имперскомъ сеймѣ, съ его сословной свободой мысли и голосованія». Сверхъ того, политика Россіи, Франціи и Англіи не допуститъ исполненія плановъ Іосифа. «Если Россія потворствуетъ расширенію австрійской державы на Востокѣ, чтобы укрѣплять собственную безопасность со стороны турецкой имперіи, то въ ея политику вовсе не входитъ допускать подобное же расширеніе насчетъ Германіи. Конечно, союзъ между Австріей и Россіей не клонится къ этому: стоитъ только взять въ разсчетъ цѣль назначенія графа Румянцова и заявленіе послѣдняго при различныхъ нѣмецкихъ дворахъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Еслибы императоръ, сверхъ того, что онъ можетъ получить изъ пограничныхъ турецкихъ провинцій, пріобрѣлъ еще около 12 милліоновъ нѣмцевъ, то кто бы могъ противиться ему? И въ чьей дружбѣ нуждался бы онъ? Россія не можетъ допустить этого. Нѣмецкій сосѣдъ сталъ бы впослѣдствіи опаснѣе для нея, чѣмъ былъ доселѣ турецкій». По той же причинѣ и Франція не допуститъ превращенія Германіи въ монархію. Да, наконецъ, изъ кого бы составилась оборонительная унія? «Многіе не подадутъ руки, не считая опасность слишкомъ близкою. Многіе будутъ одушевлены самыми лучшими желаніями; но хозяйство у нихъ разстроено. Другіе не сдѣлаютъ шагу безъ дворовъ, оказывающихъ имъ покровительство или дружбу, или находящихся съ ними въ родственныхъ отношеніяхъ, и пожелаютъ быть откровенными съ этими дворами — напримѣръ, съ самимъ императоромъ, съ Франціей, Россіей, Англіей и Пруссіей, а, пожалуй, даже и съ

папой. Одни предпочтутъ свои частные интересы общему дѣлу; другіе останутся совсѣмъ равнодушными; третьи захотятъ сами руководить или хоть принимать участіе въ руководствѣ. Послѣдніе уже тѣмъ помѣшаютъ дѣлу, въ самомъ его зародышѣ, что когда настанетъ нужда въ вождѣ, тѣмъ труднѣе будетъ удовлетворить ей. Одни сочтутъ своей заслугой извѣстить обо всемъ императора и иностранные дворы; въ глазахъ другихъ тотъ, кто сдѣлаетъ первое предложеніе, станетъ человѣкомъ подозрительнымъ и даже враждебнымъ; у третьихъ окажутся личности противъ того или другого изъ членовъ союза, которыя помѣшаютъ довѣрію. Не будетъ дремать и религіозная ревность—эта плодовитая мать недовѣрія, скрытности и человѣческихъ страстей».

Отклоняя унію, Гофенфельсъ предлагалъ лишь постепенную подготовку къ ней. «Пока нельзя придумать ничего болѣе интереснаго, какъ дружеская переписка между чинами насчетъ сохраненія ихъ свободъ и конституціи. Она согласна съ самою имперской конституціей и никого не удивила бы; самъ императоръ долженъ бы былъ одобрить ее, если только онъ слѣдуетъ избирательнымъ условіямъ. И вести эту переписку должно такъ, чтобы можно было представить ее, когда угодно, императору, имперіи и всѣмъ державамъ. Но если случатся тайныя бумаги, то онѣ должны оставаться тайными, какъ тысяча другихъ государственныхъ и кабинетныхъ актовъ». Сверхъ того, Гофенфельсъ рекомендовалъ всѣ невинныя законныя средства. «Прежде всего необходимо патріотической подачей голосовъ на имперскомъ сеймѣ направлять курфюрстовъ и фюрстовъ на конституціонную точку зрѣнія. Это слѣдуетъ дѣлать скромно, но твердо — такъ чтобы мало-по-малу пріучить фюрстовъ не быть (какъ со многими случалось доселѣ) слѣпымъ отголоскомъ императорскаго министра, который иногда даже предписывалъ имъ, какъ подавать голоса». Точно также необходимо правильно, «не внимая внушеніямъ императора», рѣшать дѣла, приходящія въ сеймъ на аппеляцію. Наконецъ, здѣсь протестанты и католики должны дѣйствовать дружно, помня, что «дѣло идетъ не о религіи, а о сохраненіи государственной системы». Насколько Гофенфельсъ опасался императора, настолько же щекотливо было прямо указывать на Пруссію. Онъ только вскользь упоминалъ о ней, и то въ числѣ иностранныхъ державъ. «Патріотическія убѣжденія — сказано въ проектѣ—заявленныя королевско-прусскимъ дворомъ, особенно со времени тешенскаго мира, и именно его стремленіе защитить нѣмецкихъ фюрстовъ и ихъ свободу, представляютъ чинамъ отрадную перспективу будущности». Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ

эта же мысль высказана энергичнѣе. Успокоивая фюрстовъ насчетъ того, что имъ далеко до участи Польши, Гофенфельсъ замѣтилъ: «это можетъ случиться только или съ согласія прусскаго дома, или же при его полной погибели. Но первое очевидно противорѣчитъ его извѣстнымъ и правдивымъ государственнымъ убѣжденіямъ; второе же не такъ легко, какъ кажется тому, кто не знаетъ внутренняго величія, силы и могущества Пруссіи, доказанныхъ всего лучше исторіей Семилѣтней войны» [1]).

Проектъ Гофенфельса черезчуръ скроменъ. Но это была лишь маскировка настоящаго плана, и намъ извѣстна причина, породившая ее. Тогда же герцогъ цвейбрюкенскій писалъ прусскому кронпринцу, что опасается вялости Фридриха II, который разстроилъ бы все дѣло, еслибы узналъ его въ настоящемъ свѣтѣ, а также страшится шпіоновъ Австріи и даже Версаля, который уже спрашивалъ тревожно Гофенфельса, чтó такое затѣвается между фюрстами [2]).

Скромность попытки вовсе нескромнаго Гофенфельса еще болѣе объясняется поведеніемъ его патроновъ. Его проектъ въ сущности былъ лишь изложеніемъ программы прусскаго молодого двора. Кронпринцъ и Герцбергъ считали дѣломъ рѣшённымъ только одно — именно, что «прусскій, и никакой другой дворъ долженъ быть главой и рычагомъ союза князей» [3]); но самое исполненіе идеи они представляли лишь «въ отдаленной перспективѣ». Они болѣе, чѣмъ кто-либо изъ патріотовъ, скрытничали и требовали тайны отъ другихъ. Здѣсь страшились не только императора и его могущественныхъ союзниковъ, но еще самого Фридриха, которому сообщали лишь самыя невинныя свѣдѣнія о «броженіи» у фюрстовъ, да и то когда безъ этого нельзя было обойтись. Молодой дворъ считалъ стараго Фрица ни на что негоднымъ и даже способнымъ только испортить всякое великое дѣло. Такимъ и старался онъ представить короля въ глазахъ патріотовъ. При этомъ онъ дѣйствовалъ до того усердно, что впадалъ въ противорѣчія: у него сегодня старый Фрицъ долженъ былъ погубить великую идею своею вялостью и равнодушіемъ,

---

[1]) *Проектъ Гофенфельса*, отъ 10 февраля 1784 года, у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 34—39.

[2]) *Гофенфельсъ прусскому министерству*, отъ 2-го мая 1784 года, *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 89—97.

[3]) Слова Герцберга: „Ce ne sera que la Cour de Prusse, qui devra et qui pourra y donner la branle“, и въ другомъ мѣстѣ: „Der hiesige Hof sich an die Spitz setzen wird, da er wohl ohne Zweifel der einzige ist, der es ausführen kann und will“. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 25, 28.

завтра же — безразсудною поспѣшностью, желаніемъ «подвинуть дѣло слишкомъ энергично, ранѣе срока». А этимъ срокомъ считалось здѣсь одно изъ трехъ событій — турецкая война, смерть Карла-Теодора баварскаго и кончина самого Фридриха II. Дѣло въ томъ, что кронпринцъ искалъ популярности въ «отечествѣ»: ему хотѣлось вырвать изъ рукъ умирающаго дяди громкое дѣло и озарить его славой свое вступленіе на престолъ. Оттого до «срока» онъ показывалъ видъ, что приноситъ жертву Германіи, сдерживая, ради ея блага, свои горячіе патріотическіе порывы. «Если только — возвѣщалъ Фридрихъ-Вильгельмъ фюрстамъ-патріотамъ — если только нѣмецкіе князья не будутъ разсчитывать на иностранную помощь, а станутъ сами заботиться о своемъ сохраненіи, какъ прилично нѣмцамъ, то обѣщаю, *по вступленіи моемъ на престолъ*, защищать нѣмецкую имперію отъ всякихъ нападеній на ея свободу и конституцію, и не только не предпринимать ничего противнаго послѣднимъ, но вообще явить себя фюрстомъ-патріотомъ нѣмецкой имперіи». До тѣхъ же поръ, кромѣ подобныхъ патріотическихъ заявленій, молодой дворъ рѣшался «только подготовлять умы и матеріалы», стараясь, главнымъ образомъ, дѣйствовать въ предѣлахъ законности. Это означало старую нѣмецкую пѣсню — возстановленіе дѣятельности дремлющаго имперскаго сейма и отчасти исправленіе ржаваго механизма имперскихъ судилищъ. Можно было замѣтить только двѣ новыя, впрочемъ, весьма невинныя, прибавки къ этой изношенной пѣснѣ. Понимая главную слабую струну фюрстовъ, служившую лучшимъ путемъ къ популярности въ отечествѣ, молодой дворъ задумывался объ учрежденіи ссудной кассы для вызволенія запутавшихся въ долгахъ патріотовъ. Но самъ, не обладая финансами, онъ только «рекомендовалъ» это средство. Наконецъ, касательно самой великой идеи кронпринцъ высказывалъ только желаніе, чтобы немногіе, разумѣется «самые патріотичные», фюрсты условились между собой «словесно» и лишь о «самомъ невинномъ», и «прежде всего — въ глубочайшей тайнѣ»; затѣмъ они могли уже «осторожно подготовлять своихъ сосѣдей» [1]).

Подготовлять своихъ сосѣдей должны были Францъ дессауcкій

---

[1]) *Герцбергъ герцогу брауншвейгскому*, отъ 14 января 1784 года, съ приложеніемъ его „мнѣнія о тѣснѣйшемъ соединеніи имперскихъ князей“, у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 24—29. — *Фридрихъ-Вильгельмъ герцогу веймарскому* отъ 2 марта 1785 года, у *Ранке*: Die deutschen Mächte, II, 282.—*Dohm*, III, 61—63.—*Ranke*, I, 106—108, 220. — Румянцовъ думалъ, что пруссаки „выставляли имя наслѣднаго принца“, потому что не были увѣрены въ успѣхѣ лиги. *Румянцовъ Остерману* отъ $^{9}/_{10}$ августа 1783 года.

и Карлъ-Августъ веймарскій, которыхъ прусскій кронпринцъ называлъ «истинными нѣмецкими патріотами», за то, что они обѣщали «пожертвовать жизнью и имуществомъ для исполненія его мыслей» и до мелочей держались его приказаній, отчитываясь ему въ каждомъ своемъ шагѣ и въ каждомъ словѣ [1]). Они раздѣлили роли между собой: Францъ разъѣзжалъ преимущественно по дворамъ свѣтскихъ, Карлъ-Августъ — духовныхъ фюрстовъ. Хотя, по свидѣтельству Румянцова, первый имѣлъ болѣе успѣха, такъ какъ его задача была легче, однако главная роль выпала на долю герцога веймарскаго, и она прекрасно рисуется изъ его обширнаго мемуара, составленнаго для прусскаго кронпринца.

Осенью 1784 года, Карлъ-Августъ пустился въ путь и тотчасъ же наткнулся на сильное препятствіе, притомъ тамъ, гдѣ можно было ожидать совсѣмъ другого пріема. Основываясь на дѣятельности Гофенфельса, кронпринцъ причислялъ Карла цвейбрюкенскаго къ «патріотамъ» и приказалъ герцогу веймарскому прежде всего побесѣдовать съ нимъ. Но вскорѣ онъ получилъ письмо отъ герцога, который умолялъ «уволить его отъ этого порученія и принять обратно письмо къ цвейбрюкенскому и собственноручную инструкцію». Карлъ-Августъ желалъ «избѣжать личныхъ и не очень лестныхъ непріятностей», такъ какъ его ожидаетъ въ Карлсбергѣ «весьма мало пріятный пріемъ», а «неудовольствіе цвейбрюкенскихъ могло бы скромпрометтировать» его «передъ дворами императорскимъ и французскимъ». Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстили герцога, въ Карлсбергѣ не желали его посѣщенія, опасаясь «скомпрометтировать себя передъ императорскимъ дворомъ» [2]). Но главная причина состояла, конечно, въ деньгахъ. Въ эту минуту въ Цвейбрюкенѣ происходило истинное торжище. Пріѣхалъ агентъ Іосифа, князь Вальдекскій, съ предложеніемъ купить земли Виттельсбаховъ въ Богеміи, причемъ онъ заявилъ, что императоръ «предлагаетъ Карлу стать его другомъ и уплатить всѣ его долги, если онъ пообѣщаетъ присоединиться къ нему и отказаться отъ всякихъ другихъ связей». Вслѣдъ затѣмъ прискакалъ Пфеффель, вѣроятно призванный Гофенфельсомъ изъ Версаля: онъ предложилъ шесть милліоновъ франковъ, что, конечно, было принято, а предложеніе императора совершенно

---

1) У *Ранке* (Die deutschen Mächte II, 254 sq.) напечатана любопытная бумага, въ которой герцогъ веймарскій испрашиваетъ приказаній у принца прусскаго, куда ему поѣхать, что кому говорить и т. д.; здѣсь же приложены не менѣе интересные отвѣты принца.

2) *Карлъ-Августъ прусскому принцу*, отъ 24 октября 1784 года, у *Ранке*: Die deutschen Mächte, II, 261—263.

отвергли. Въ это-то время явился агентъ кронпринца, съ своими 100,000 дукатовъ, доставшимися Фридриху-Вильгельму, но его собственнымъ словамъ, «случайно» (par une espèce d'hazard) «французскія деньги позволили принять это великодушное предложеніе нашего императорскаго высочества», доносилъ герцогъ веймарскій въ Потсдамъ, упоминая притомъ о французскомъ генеральскомъ мундирѣ, въ которомъ щеголялъ тогда карлсбергскій потентатъ. Впрочемъ, говорили, что Карлъ цвейбрюкенскій «лично весьма привязанъ» къ кронпринцу. Дѣйствительно, онъ «громко и горячо» расточалъ ему похвалы, какъ у себя, такъ и въ Мангеймѣ; а его агенту объявилъ «положительно и ясно, что его чувства неизмѣнны и что никакая интрига не въ силахъ отвратить его отъ патріотической системы, которой онъ держался доселѣ». Вскорѣ герцогъ прислалъ даже Фридриху-Вильгельму подобострастное благодарственное письмо и просилъ его не вѣрить внушеніямъ, посредствомъ которыхъ враги стараются «покрыть темными облаками его репутацію». Карлъ восклицалъ даже при этомъ съ паѳосомъ: «соединимъ наши сердца, чувства, интересы и силы, которыя *со временемъ* доставитъ намъ Провидѣніе, чтобы вступить въ борьбу съ возрастающей алчностью и всепожирающимъ честолюбіемъ нашихъ враговъ!» [1]). Впрочемъ, вообще карлсбергскій дворъ никогда еще не представлялъ такого хаоса и тревоги. Спекулянты толпились съ предложеніемъ денегъ на самыхъ безбожныхъ условіяхъ. Придворные и министры ссорились между собой. Кто предлагалъ свои услуги, «чтобы вліять на герцога», Вѣнѣ, кто Потсдаму. Говорили даже, что и «вальдевскій успѣлъ въ своемъ торгѣ». Въ то же время Максимиліанъ хлопоталъ о своей женитьбѣ и совѣщался то съ французскимъ, то съ прусскимъ агентами, а «министры имѣли тайное свиданіе съ герцогиней, которая вышла, обливаясь слезами: говорятъ, что, не довѣряя ея тѣлосложенію, ей предлагали разводъ».

Вмѣсто Цвейбрюкена, Карлъ-Августъ предпринялъ путешествіе въ Швейцарію, а на возвратномъ пути остановился, будто проѣздомъ, въ Мангеймѣ, гдѣ встрѣтили его маркграфъ баденскій съ Эдельстеймомъ. Онъ засталъ ихъ «въ самой глубокой печали»: они просили его передать кронпринцу ихъ оправдательный мемуаръ. Печаль состояла въ томъ, что баденскіе только-что перессорились съ цвейбрюкенскими. Зная, что денежныя затрудненія достигли тогда въ Карлсбергѣ крайней степени, состоя-

[1]) Это письмо отъ 9 января 1784 года напечатано у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 30—32.

тельный маркграфъ предложилъ своему нищему сотоварищу обмѣняться нѣкоторыми пограничными округами съ денежной придачей. Сдѣлка была невыгодна Карлу—и онъ вскипѣлъ гнѣвомъ и благороднымъ негодованіемъ. Но главною причиной вражды двухъ дворовъ было соперничество ихъ министровъ. Тогда Гофенфельсъ такъ зло чернилъ Эдельсгейма, что прусскій агентъ въ Карлсбергѣ совѣтовалъ и кронпринцу, и даже герцогу веймарскому «хранить молчаніе съ баденскимъ дворомъ». Онъ разглашалъ, будто Эдельсгеймъ не соблюдаетъ великой тайны и доноситъ о ней не только въ Версаль, но даже въ Вѣну, такъ что о ней тотчасъ же узнали Румянцовъ и фюрстъ вальдекскій. Баденскій министръ не оставался въ долгу,—онъ обвинялъ Гофенфельса въ двуличности и отъявленной лживости. Карлу-Августу пришлось горячо защищать передъ своимъ патрономъ своего друга, маркграфа баденскаго. Онъ доказывалъ, что во всемъ виновато цвейбрюкенское министерство, и совѣтовалъ «быть вполнѣ откровеннымъ съ тѣми, которые важнѣе всѣхъ для уніи». «Это—писалъ онъ—надежнѣйшее средство привлечь къ себѣ сердца и вѣрно исполнить свои патріотическіе замыслы: полнѣйшее взаимное довѣріе—вотъ единственное средство, которое можетъ сдѣлать насъ грозными» [1]).

Но «самыми интересными статьями» доклада Карла-Августа, по его собственному признанію, были его переговоры съ духовною лигой. Герцогъ веймарскій двинулся изъ Мангейма во Франкфуртъ-на-Майнѣ уже не одинъ, а въ сопровожденія Эдельсгейма, у котораго оказались тамъ какія-то дѣла, «касавшіяся интересовъ баденскаго дома». Туда же должны были пріѣхать «господа майнцскіе». Они и прибыли, даже раньше нашихъ путешественниковъ, но наткнулись на Лербаха—и въ мигъ убрались оттуда, назначивъ свиданіе Эдельсгейму въ Гёхстѣ. Баденскій министръ поѣхалъ туда ночью и возвратился въ вечернихъ сумеркахъ.

Вотъ что̀ вынесъ онъ изъ своихъ новыхъ переговоровъ съ майнцскими. «Не только духовные курфюрсты, но также епископъ вюрцбургскій и бамбергскій и нѣкоторые другіе фюрсты-епископы соединились для представленія императору сильныхъ письменныхъ протестовъ противъ его поступковъ съ ними. Майнцскій особенно живо подвигалъ дѣло, ибо онъ зналъ, что императоръ весьма недоволенъ ими, что̀ и выразилось въ его крайне-

[1]) Вышеупомянутое письмо Карла-Августа Фридриху-Вильгельму и отвѣтъ на него, отъ 31-го октября 1784 года: *Ranke*, II, 261—264.

суровомъ рескриптѣ. Онъ требовалъ устроить конференцію католическихъ чиновъ, но до сихъ поръ не дождался этого и отплатилъ императору тѣмъ, что содержалъ его войска, проходившія черезъ его землю, самымъ скверныиъ образомъ. Духовные князья рѣшились, если ихъ протестъ не подѣйствуетъ, соединиться, чтобы силой отстранять все, что могло бы обрушиться на нихъ вслѣдствіе войны (Іосифа съ Голландіей). Они желаютъ знать намѣренія и чувства свѣтскихъ князей насчетъ ихъ проекта, и особенно тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, принадлежатъ къ уніи; о послѣдней они слышали и воображаютъ, что она уже устроилась. Напримѣръ, майнцскій желалъ бы побесѣдовать съ маркграфомъ баденскимъ, княземъ этой мнимой уніи, «которому онъ довѣряетъ больше всѣхъ». Наконецъ, заходила рѣчь и о выборѣ римскаго императора. «Майнцскіе говорятъ, что курфюрсты (духовные) употребятъ всѣ силы для противодѣйствія замысламъ императора. Въ заключеніе, они прибавили, что желали бы избрать его королевское высочество (прусскаго кронпринца) будущимъ главою Германіи, если только онъ рѣшится принять католическую религію». Эдельсгеймъ сказалъ своему спутнику, что его маркграфъ вовсе не знаетъ майнцскаго владыки, да къ тому же «желаетъ, насколько возможно, избѣгать случаевъ, въ которыхъ свѣтскіе князья могутъ компрометтировать себя слишкомъ большою ревностью къ духовнымъ». Словомъ, онъ убѣдилъ Карла-Августа съѣздить самому въ Майнцъ, пользуясь личными связями съ епископомъ вюрцбургскимъ и съ самимъ владыкой, а также множествомъ знакомствъ въ городѣ.

Но съ чѣмъ же ѣхалъ Карлъ-Августъ въ Майнцъ? Съ увѣреніями, которыя должны были скорѣе охладить, чѣмъ поддержать патріотическую ревность владыкъ. Онъ рѣшился объяснить курфюрсту, что никакой свѣтской уніи не существуетъ и что даже «теперь труднѣе, чѣмъ когда-либо направить охладѣвшіе умы къ общей цѣли». Протестантскіе князья не менѣе католическихъ убѣждены въ необходимости католической церкви и ея поддержки въ имперіи. Слухи о томъ, что прусскій дворъ налаживаетъ унію, въ чемъ убѣждены владыки, не вѣрны: у фюрстовъ «независимые виды». Но тутъ же Карлъ-Августъ собирался намекнуть на необходимость согласія Пруссіи и Франціи, и въ то же время заявить, что кронпринцъ не перемѣнитъ религіи: но «католики не рискуютъ ничѣмъ, выбравъ въ императоры протестанта съ такими возвышенными чувствами», какъ онъ. Но болѣе всего герцогъ веймарскій рѣшался настаивать на томъ, чтобы

инціатива принадлежала духовнымъ фюрстамъ, чтобы они предложили свѣтскимъ «солидный проектъ» уніи.

Майнцскій владыка былъ любезенъ съ своимъ гостемъ, но все старался говорить съ нимъ о своей мебели, а не о политикѣ. Наконецъ, онъ намекнулъ, что, кажется, фюрстъ дессаускій, бывшій тогда у его брата въ Вюрцбургѣ, разъѣзжаетъ не безъ вѣдома прусскаго двора. Фридрихъ-Карлъ-Іосифъ велъ себя такъ, что Карлъ-Августъ уѣхалъ, «не достигнувъ своей цѣли», и, какъ ни старался, не заставилъ его промолвиться ни словечкомъ насчетъ императорскихъ выборовъ. Разставаясь съ гостемъ, владыка сказалъ, что самъ онъ посондируетъ Версаль, а ему предлагалъ сдѣлать то же въ Берлинѣ. Онъ прощался «до весны», ибо «зима рѣшитъ много великихъ дѣлъ» [1]). Слѣдовательно, здѣсь дѣло откладывалось, какъ говорятъ нѣмцы, in's April.

Тѣмъ и кончилось «броженіе» у фюрстовъ. Оно не могло привести къ серьёзнымъ результатамъ, вслѣдствіе безсилія и раздоровъ князей. Первое лучше всего доказывается общимъ страхомъ, который былъ и мотивомъ, и отличительной чертой всего движенія. Всѣ дѣйствовали, какъ заговорщики или школьники.—Боялись собственной затѣи, говорили на-ушко, запирали двери, назначали свиданія въ захолустьяхъ и прикрывали свои разъѣзды невинными предлогами: герцогъ веймарскій пріѣхалъ въ Майнцъ, приглашенный однимъ пріятелемъ на маскарадъ! Всѣ таились другъ передъ другомъ, не довѣряли самымъ близкимъ лицамъ: Карлъ-Августъ спѣшилъ выѣхать изъ Дармштадта, опасаясь проболтаться тамъ, среди своихъ родственниковъ, и его бумаги по этому дѣлу переписывались рукой самаго надежнаго человѣка—Гёте. Затѣяли дѣло изъ страха передъ сильными нѣмецкими державами, въ особенности же передъ Австріей, а между тѣмъ всѣ, не исключая такого патріота, какъ герцогъ веймарскій, больше всего опасались «скомпрометтировать себя» передъ императорскимъ дворомъ, и кончили тѣмъ, что нѣкоторые обратились къ Версалю, и какъ таинственно! Переговоры съ Франціей шли черезъ пятыя руки: каждый отгонялъ отъ себя прямое участіе и посылалъ другихъ. Большинство же созналось, что ничего нельзя сдѣлать безъ могущества Берлина—и великодушный Карлъ-Августъ превратился въ мелкаго подобострастнаго агента прусскаго кронпринца.

Нравственному ничтожеству «броженія» соотвѣтствовало матеріальное. Стоитъ только перечесть его участниковъ, чтобы убѣ-

[1]) *Мемуаръ герцога веймарскаго*, у *Ранке*, II, 265 sqq.

диться въ этомъ. Приведемъ здѣсь краткую, но мѣткую политическую расцѣнку фюрстовъ, сдѣланную Румянцовымъ для Екатерины, которую необходимо имѣть въ виду и при дальнѣйшемъ изложеніи. «Разсматривая части имперіи, видимъ, что главная— курфюршество баваро-палатинское: я не считаю частями имперіи Ганновера, Бранденбурга и Богеміи, ибо это—болѣе или менѣе колоссы, которые лишь одной ногой стоятъ въ имперіи. Палатинатъ даетъ 4 милліона дохода. Юлихъ и Бергъ даетъ Палатинату полмилліона флориновъ и два полка. Баварія даетъ 4 милліона, но, говорятъ, можетъ давать 13. Войска въ Палатинатѣ и Баваріи можетъ быть до 30,000. Велико и значеніе курфюрста въ имперіи. Онъ одинъ изъ двухъ викаріевъ имперіи, директоръ Баварскаго округа, со-директоръ округовъ Верхне-Рейнскаго и Вестфальскаго. У него шесть голосовъ на имперскомъ сеймѣ и въ княжеской коллегіи.—На второмъ планѣ стоитъ курфюрстъ саксонскій. Нынѣ онъ даже важнѣе баварскаго по порядку въ своихъ финансахъ, по числу и дисциплинѣ своихъ войскъ.—За курфюрстами слѣдуютъ князья. По значенію, ихъ можно раздѣлить на три класса. I—Кассель и Вюртембергъ, которые, въ случаѣ нужды, могутъ выставить 10—12 тысячъ человѣкъ. Первый болѣе самодержавенъ въ своемъ государствѣ, болѣе могуществень и нынѣ скопилъ огромную сумму изъ субсидій, уплаченныхъ ему Англіей. II—Баденъ, Аншпахъ, Брауншвейгъ и другіе князья, которые могутъ выставить 2 или 3 тысячи: ихъ немного. III—толпа тѣхъ, которые пользуются почестями верховной власти, не имѣя и тѣни характеризующаго ее могущества [1]). Дополнимъ эту оцѣнку. Имѣли нѣкоторый вѣсъ: саксонскія и ангальтскія герцогства да княжества Рейссы, потому что ихъ династіи поддерживали другъ друга, на основаніи фамильныхъ договоровъ, и были въ родствѣ съ Гогенцоллернами. Герцоги брауншвейгскій и мекленбургъ-стрелицкій играли видную роль, какъ родственники англо-ганноверскаго дома. Нассау, Голштейнъ и Ольденбургъ находились въ связяхъ съ Россіей и Голландіей. Шварцбургъ и Липпе славились блескомъ своихъ древнихъ династій.

Оказывается, что душой «броженія» были нѣсколько князей самаго низшаго разряда, за которыми слѣдовалъ, на второмъ планѣ, одинъ фюрстъ II-го разряда. Здѣсь не было не только ни одного свѣтскаго курфюрста, но даже ни одного фюрста I-го разряда.

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.

По отсутствію единодушія, фюрсты сильно напоминали польскую интеллигенцію во время паденія Рѣчи-Посполитой. Несмотря на впервые заявленное стремленіе къ вѣротерпимости, не произошло слiянія между зародышами духовной и свѣтской лиги. Владыки требовали католическаго императора и искали опоры въ единовѣрной Франціи [1]) и отчасти въ Римѣ, а нѣкоторые даже подумывали о Россіи [2]). Свѣтскіе князья старались провести ихъ, взваливъ на нихъ опасность почина въ столь щекотливомъ дѣлѣ, не заручаясь однако насчетъ уступокъ католицизму. Передъ посѣщеніемъ Майнца, герцогъ веймарскій совѣщался съ Эдельсгеймомъ прежде всего о томъ, «насколько *не* довѣрять духовнымъ князьямъ». Въ средѣ самихъ свѣтскихъ фюрстовъ господствовали раздоры. Они подозрѣвали другъ друга въ злыхъ умыслахъ и клеветали одинъ на другого. Почти у каждаго былъ свой планъ. Кто хотѣлъ полной независимости, кто склонялся къ Версалю или же придерживался Пруссіи, причемъ одни считали молодой дворъ самостоятельнымъ, другіе—орудіемъ Фридриха II; нѣкоторые даже подумывали о Россіи съ Даніей. Въ Касселѣ показывала признаки жизни идея Шлиффена, хотя уже нѣсколько видоизмѣненная: этотъ министръ видѣлъ теперь зерно нѣмецкой уніи въ соединеніи Ганновера, Касселя и Брауншвейга [3]). Но герцогъ брауншвейгскій отказывался отъ всякихъ проектовъ княжескаго союза и только доносилъ о нихъ въ Потсдамъ, спрашивая у своего друга, Герцберга, какъ поступить «въ столь деликатномъ» дѣлѣ. Онъ презиралъ фюрстовъ за ихъ ничтожество и раздоры. «Недовѣріе, этотъ удѣлъ слабыхъ — писалъ онъ Фридриху II — вотъ первое начало разногологосицы, царствующей въ дѣлахъ имперіи. Каждый фюрстъ ищетъ опоры, которую указываетъ ему его мѣстное положеніе; никто не смѣетъ даже поднять головы, чтобы хоть составить планъ соединенія. Слѣпое потворство версальскаго двора вѣнскому сильно увеличиваетъ эту смуту, безъ Франціи

---

[1]) Франція, съ своей стороны, не замедлила воспользоваться случаемъ. Въ августѣ 1784 года Румянцовъ доносилъ Остерману: „Франція начинаетъ самопроизвольно уплачивать подъ рукою нѣкоторымъ германскимъ принцамъ по счетамъ за послѣднюю войну, которыхъ доселѣ не признавала. Кельнскій на-дняхъ, не ожидая, получилъ нарочитую сумму“.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 5/16 марта 1784 года. „On me dit qu'ils (духовные князья) se proposent d'avoir recours à l'Imperatrice et au Roi de France, comme aux Garants de la Constitution Germanique“.

[3]) *Домъ Фридриху II*, отъ 12 іюня 1785 года, у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I. 234 sq.

же ни одинъ сосѣдній съ нею фюрстъ не смѣетъ ничего предпринять. А если кто лично расположенъ преодолѣть всѣ препятствія, тому мѣшаютъ собственные министры, которые, спѣша оправдаться, первые извѣстятъ объ этомъ Францію, а оттуда не замедлятъ увѣдомить вѣнскій дворъ» [1]).

Особенно силенъ былъ раздоръ между Цвейбрюкеномъ и Баденомъ, съ которыхъ нужно было начинать. И главною причиной его былъ тотъ самый Гофенфельсъ, въ проектѣ котораго такъ ярко обрисована и такъ горячо оплакана рознь между фюрстами. Когда появился баденскій проектъ, онъ возненавидѣлъ своего соперника по ремеслу и послалъ въ Потсдамъ рѣзкій доносъ на него и на весь баденскій дворъ. А о самомъ проектѣ Эдельсгейма Гофенфельсъ выразился такъ: «я почелъ недостойнымъ представить въ Потсдамъ, великому монарху, служащему хранителемъ германской свободы и образцомъ Европѣ, столь мало переваренный проектъ или, скорѣе, вспышку патріотизма» [2]).

Понятно, что печальная судьба постигла возникшіе тогда проекты уніи, принадлежавшіе двумъ министрамъ-соперникамъ. Планъ Эдельсгейма нашелъ горячее сочувствіе только у Карла-Августа веймарскаго и Франца дессаускаго, что̀ служитъ новымъ доказательствомъ непрусскаго патріотизма этихъ князей: послѣдніе старались даже распространить проектъ Эдельсгейма возможно дальше. Но баденскій министръ больше нигдѣ не встрѣтилъ поддержки. Герцогъ брауншвейгскій посовѣтовалъ ему прежде всего побесѣдовать съ потсдамскими, а самъ переслалъ его трудъ Герцбергу, описывая его съ насмѣшкой и презрѣніемъ, какъ «патріотическую мечту». Герцбергъ совершенно согласился съ мнѣніемъ герцога, и проектъ Эдельсгейма былъ положенъ подъ сукно. Но напрасно Гофенфельсъ старался погубить сочиненіе своего товарища: его собственный проектъ постигла не лучшая участь. Его показали въ Баденѣ, произошло два-три свиданія между принцами и министрами этой страны и Цвейбрюкена, только увеличившія разногласія: тѣмъ дѣло и кончилось у фюрстовъ. А Герцбергъ положилъ и этотъ проектъ подъ сукно, опять основываясь на своей теоріи «трехъ сроковъ», которые, впрочемъ, сократились тогда до двухъ. Самъ Герцбергъ писалъ въ это время кронпринцу: «мотивы этой отсрочки и этой осторожности становятся

---

[1]) *Герцогъ брауншвейгскій Фридриху II*, отъ 15 октября 1784 года, у *Шмидта:* Unionsbestrebungen I, 101 sq.

[2]) *Гофенфельсъ прусскимъ министрамъ*, отъ 2 мая 1784 года, у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 89—91.

еще болѣе сильными, такъ какъ перспектива войны на Востокѣ не только отдаляется, но и совсѣмъ исчезаетъ» [1]).

И что же предлагали всѣ княжескіе проекты и замыслы, представлявшіе собой вавилонское столпотвореніе? Весьма старыя pia desideria, блѣдные планы самыхъ общихъ, туманныхъ преобразованій имперіи — словомъ, обычный нѣмецкій сентиментализмъ въ политикѣ. Новаго было только одно — какая-то тощая, «невинная» переписка между «самыми надежными» фюрстами, то-есть между двумя-тремя лицами, и безъ того знавшими назначеніе курьеровъ. Все движеніе должно было ограничиваться всеобщимъ «сондированіемъ» да «подготовкой матеріаловъ для размышленій», притомъ въ «глубочайшей тайнѣ», съ «величайшимъ благоразуміемъ». И оказывалось, что императоръ, вызвавшій эту бурю въ стаканѣ воды, въ сущности еще мало навредилъ: собирались ждать болѣе законнаго повода къ возстанію — то-есть того времени, когда Іосифъ приготовилъ бы Германіи судьбу Польши!

«Броженіе» 1783 и 1784 годовъ лучше всего доказываю въ сотый разъ, что переворотъ въ Германіи не могъ произойти самостоятельно, безъ участія великихъ нѣмецкихъ державъ. Вслѣдъ затѣмъ эти державы двинули впередъ идею германскаго объединенія — Австрія отрицательно, своимъ обмѣномъ земель, а Пруссія положительно. Самъ старый Фрицъ взялся за союзъ князей — и онъ состоялся.

А. Трачевскій.

[1]) Это письмо (отъ 1 февраля 1784 года) см. у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 32.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1876.

Десятилѣтіе учебнаго дѣла въ Россіи.—Преобразованіе школъ не есть еще ихъ размноженіе. — Численность высшихъ училищъ прежде и теперь. — Различіе между «предполагаемыми» учебными заведеніями и существующими. — Классическія гимназіи и реальныя училища, и отношеніе къ нимъ общества.—«Русскій Вѣстникъ» о «борьбѣ».—Десятилѣтіе желѣзно-дорожнаго дѣла. — Новѣйшіе взгляды на роль въ немъ государства.

Мы все еще не вышли изъ того историческаго періода, который въ жизни народовъ можно назвать „періодомъ сѣянія", и въ этомъ главное различіе Россіи съ западною Европой. И тамъ жизнь не приходитъ къ концу, какъ думали наши славянофилы; молодые ростки и тамъ не заглушаются сплошной массой вѣковыхъ деревьевъ, которыя будто-бы не допускаютъ солнца до новаго оплодотворенія почвы, которыя будто-бы уже извлекли изъ нея всю ея растительную силу и которымъ — все по тому же представленію — самимъ остается только сохнуть и „гнить". Такое представленіе о старомъ европейскомъ мірѣ едва-ли кѣмъ-либо нынѣ серьёзно раздѣляется у насъ. Мы убѣдились до очевидности, что и въ старой Европѣ, подъ тѣнью древнихъ деревъ, выходятъ, развиваются и поднимаются ростки новые, свѣжіе, живучіе. Различіе Россіи съ Европой не въ томъ, не въ обиліи жизненной силы у насъ и мнимомъ изсяканіи ея тамъ; но въ томъ, что въ Европѣ давно уже всему положено начало, давно все размежевано и засѣяно. Земля тамъ, по выраженію Шиллера, давно раздѣлена между многочисленными органами общественной дѣятельности, и только „одинъ поэтъ остался безъ надѣла". Не то въ Россіи. Много у насъ пустого пространства, много мѣста для великаго развитія, но недостатокъ чувствуется въ самыхъ органахъ развитія, безъ которыхъ оно и возникнуть не можетъ. Все еще приходится сѣять, и при каждомъ посѣвѣ возникаетъ еще вопросъ что сѣять, какое зерно намъ пригоднѣе; одно извѣдано чужимъ опытомъ, но условія нашей

почвы ему неблагопріятны; другое къ нимъ бы подходило, но еще только пробуется въ другихъ мѣстахъ. Отсюда та неотступность самыхъ настоятельныхъ вопросовъ, съ которой мы встрѣчаемся почти на каждомъ шагу, между тѣмъ какъ въ Европѣ вопросъ всегда только въ преобразованіи существующаго уже дѣла, а не въ насажденіи его.

Съ тѣхъ поръ, какъ устранились искусственныя препоны, пріостановившія-было ростъ русскаго общества, стремленія его жизни вновь обратились на созданіе ему прежде всего органовъ для развитія, общественныхъ учрежденій, школъ и дорогъ. Мы не напрасно употребили сравненіе съ растительной жизнью: стволъ поднимается изъ земли и безъ листьевъ; но онъ самъ произведетъ себѣ листья, которыми должно дышать дерево; безъ нихъ онъ деревомъ не станетъ, и еслибы листья возможно было неопредѣленное время срѣзывать, то стволъ растенія жилъ бы только зимней, стоячей жизнью, безъ движенія соковъ, безъ роста. Итакъ, общество, какъ стволъ дерева, само производитъ себѣ листья, органы для дыханія, непремѣнныя условія развитія...

Въ дѣлѣ созданія новыхъ школъ, напримѣръ, первенствующимъ элементомъ всегда является простое и обыденное явленіе: въ прежнихъ школахъ мѣстъ нѣтъ, онѣ переполняются, множеству новыхъ учениковъ приходится отказывать. Что означаетъ этотъ, повидимому тривіальный, фактъ? Онъ означаетъ тотъ таинственный растительный процессъ, въ которомъ наростаніе, приливъ новыхъ соковъ, выгоняетъ на вѣтви почку, новый листъ, новый органъ дыханія и жизненнаго развитія. Теперь, если-бы чрезъ нѣкоторое, условное время, послѣ того какъ распустились первые листья, мы подошли къ дереву и убѣдились, что число листьевъ на немъ въ дѣйствительности удвоилось, тогда—что первое должно придти намъ въ мысль? Конечно, сознаніе, какъ велика потребность жизни и какъ плодотворно дѣйствіе тѣхъ силъ, которыя, по закону природы, ее удовлетворяютъ, выгоняютъ на вѣтвяхъ новые листья, даже не взирая на препятствія, заставляютъ вѣтвь изгибаться и обходить ихъ, лишь бы дать ходъ неудержимой потребности. Мы вправѣ вспомнить и о садоводахъ, если они есть, если нашъ лѣсъ не растетъ дико, и вспомнимъ о нихъ не безъ благодарности. Они исполнили свой долгъ уже и тогда, если не мѣшали естественному росту, если подпирали здѣсь и тамъ слабые ростки, если иногда поливали наиболѣе тощія мѣста. Но мы все-таки не отнесемъ къ садоводамъ всей заслуги природы, зная, что роль ихъ, въ сравненіи съ ея ролью,—весьма второстепенная и скромная. Мы не скажемъ: хорошо, что они были, иначе листья не выросли бы и не умножились бы на деревѣ; не скажемъ, хорошо, что садоводами были Петры, а не Иваны, потому что у Ивановъ листь

ею бы не уродилось. Нѣтъ, мы знаемъ, что садоводы различны одинъ отъ другого только въ манерѣ, въ пріемахъ ухода, въ системѣ, которая въ сущности ничто, по сравненію съ жизненною силой всякаго общества; она велитъ жить, она велитъ зеленѣть, она же даетъ возможность и расцвѣсть, и произвесть тѣ плоды, какіе данному обществу суждено принесть на пользу человѣчества.

Такого рода мысли вызываются въ насъ, невольно, всякій разъ, когда мы наблюдаемъ почти установившійся недавно обычай подведенія десятилѣтнихъ итоговъ по разнымъ отраслямъ государственной жизни, совпадающей съ жизнью общественной. У насъ было обозрѣніе десятилѣтій по вѣдомству военному, по вѣдомству юстиціи, по вѣдомству желѣзныхъ дорогъ и т. д. Когда подобные обзоры обнимаютъ дѣятельность не одного лица, а нѣсколькихъ, смѣнившихся другъ за другомъ въ управленіи какой-нибудь частью и составляются притомъ частною инициативой, — они имѣютъ историческо-статистическое значеніе. Когда же подобные обзоры относятся къ дѣятельности однихъ и тѣхъ же лицъ, и имѣютъ происхожденіе болѣе зависимое,—то, по волѣ и даже мимо воли составителей, они обращаются въ юбилейное торжество, при которомъ всѣ естественные сами по себѣ успѣхи общественнаго роста занумеровываются въ одинъ какой-нибудь послужной списокъ, всѣ листья на деревѣ пересчитываются, и вносятся въ чей-либо аттестатъ.

Передъ нами матеріалы для подобныхъ обзоровъ по двумъ отраслямъ развитія за истекшее десятилѣтіе: по умноженію въ Россіи за это время школъ, и по развитію сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Тотъ и другой матеріалъ какъ разъ отвѣчаютъ двумъ типамъ десятилѣтнихъ обзоровъ, о которыхъ только-что упомянуто. Таблицы, носящія названіе „Общихъ свѣдѣній о развитіи сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ и о нѣкоторыхъ результатахъ ихъ эксплуатаціи въ продолженіе десяти лѣтъ (1865—1874)"—принадлежатъ къ первому типу десятилѣтнихъ обзоровъ, вполнѣ безпристрастному и менѣе притязательному. Таблицы эти имѣютъ совершенно частное происхожденіе, составлены скромнымъ ученымъ специалистомъ, который ни въ члены совѣта, ни въ главные сотрудники какого-либо высокопоставленнаго лица не мѣтитъ. Сверхъ того, онѣ обнимаютъ періодъ, въ продолженіи котораго составъ высшаго управленія частью трижды мѣнялся, а потому юбилейной цѣли тутъ не можетъ быть, уже по той простой причинѣ, что тріумфальная колесница можетъ вмѣщать только одного тріумфатора. Итакъ, когда мы видимъ въ нихъ, что съ 1865 г. по 1874 годъ длина русской сѣти въ верстахъ почти *упятерилась*, то въ указываемомъ намъ фактѣ не можемъ усмотрѣть намѣренія доказать намъ, что все это развитіе составляетъ заслугу

извѣстнаго лица; что будь на его мѣстѣ лицо другое, и наша сѣть, быть можетъ, не только бы не упятерилась въ числѣ верстъ, но уменьшилась бы вдвое противъ бывшей при прежнемъ управленіи. Однимъ словомъ, здѣсь составитель оставляетъ насъ совершенно вольными думать, что, каковы бы ни были лица въ управленіи, общественная потребность сама вызвала громадное развитіе желѣзныхъ дорогъ; онѣ были нужны обществу и оно завело ихъ, тѣмъ или инымъ путемъ, оно же и пользуется ими, и оплачиваетъ ихъ устройство и содержаніе прямо или косвенно, изъ того или изъ другого, но во всякомъ случаѣ изъ своего кармана. Затѣмъ, обсужденію и спору подлежатъ уже тѣ или другіе пріемы, способы, система, при удовлетвореніи народной потребности; эти условія зависѣли отъ различія лицъ, и каждое изъ этихъ условій возлагаетъ на отдѣльныя лица и извѣстную заслугу, и извѣстную нравственную отвѣтственность.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ другой матеріалъ, который намъ предлагается усердіемъ редакціи „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" для обозрѣнія умноженія школъ въ Россіи за извѣстное десятилѣтіе. Въ послѣдней книжкѣ этого журнала мы находимъ карту и списокъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, „какъ существовавшихъ до 1866 года, такъ и учрежденныхъ въ теченіе 1866—1876 годовъ". Едва успѣла явиться эта карта съ напечатанными школами, какъ вслѣдъ за нею „Русскій Вѣстникъ" даетъ очеркъ: „Послѣднее десятилѣтіе въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи"; статья оказывается написанною по поводу той же карты, помѣщенной въ оффиціальномъ журналѣ и вѣроятно обязательно сообщенной заблаговременно редакціи „Московскихъ Вѣдомостей," такъ какъ иначе было бы невозможно почти одновременное появленіе и карты, и обширной статьи по ея поводу въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

Статья „Русскаго Вѣстника" можетъ быть признана совершенно оффиціозною статьею, въ томъ смыслѣ, что, обозрѣвая учебное дѣло въ Россіи, она видитъ въ немъ единственно успѣхи министерства, смотритъ на него исключительно съ точки зрѣнія его начинаній, направляетъ всѣ его результаты къ выводамъ безусловно-оптимистическаго свойства, безъ всякаго допущенія хотя бы возможности какой-либо отдѣльной ошибки, короче, по поводу „учебнаго дѣла въ Россіи", видитъ только министерство и „противниковъ" его благихъ предпріятій, а Россіи не видитъ; автору статьи Россія, повидимому, и представлялась тѣми двумя листами александрійской бумаги, на которыхъ можно было напечатать или не напечатать новыя училища, и если они напечатаны, то только потому, что въ управленіи стояли *тѣ*, а *не другія* лица, и что лица эти руководствовались избранной ими, а не иной системой. Вотъ почему въ этомъ очеркѣ „Русскаго Вѣст-

ника“ свойство системы получаетъ такое рѣшительно-преобладающее значеніе, что за нимъ самые успѣхи умноженія школъ отступаютъ далеко на задній планъ, являются только въ видѣ дополненія къ преобразованію школы, и опять-таки какъ результатъ этого преобразованія, между тѣмъ какъ размноженіе школъ ничего общаго съ преобразованіемъ ихъ не имѣетъ. Нужно ли было преобразовать тѣ или другія училища и какъ лучше было преобразовать ихъ, это— вопросъ, подлежавшій и подлежащій доселѣ разномыслію. Но что школы должны были умножиться подъ вліяніемъ очевидной, неотразимой въ нихъ потребности, это — не вопросъ, а фактъ, никакого разногласія не допускающій. Фактъ этотъ одинъ и служитъ предметомъ сравнительной карты увеличенія числа высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи за десятилѣтіе. Если при услужливомъ освѣщеніи этого простого факта онъ все-таки представляется намъ въ зависимости отъ системы, принятой для преобразованія школъ и какъ-бы результатомъ именно этой системы, то это обнаруживаетъ наклонность составителей юбилейнаго очерка въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—представить все послѣдовавшее въ Россіи, съ значительными пожертвованіями со стороны общества, умноженіе школъ, какъ личную заслугу, и обличаетъ предпочтеніе личныхъ симпатій, личныхъ взглядовъ и вкусовъ, выражающихся именно въ системѣ, важнѣйшему и капитальному общественному интересу, который заключается въ томъ, что Россія создала себѣ бо́льшее число школъ, умножила свои о́рганы развитія.

Авторы этой статьи, къ которой мы должны будемъ еще нѣсколько разъ возвращаться, въ одномъ мѣстѣ, какъ-бы мимоходомъ, вставили оговорку, что они „считаютъ совершенно излишнимъ возвращаться здѣсь къ *сдѣлавшемуся теперь анахранизмомъ* спору о классицизмѣ и реализмѣ, происходившему у насъ при обсужденіи проектовъ, выработанныхъ въ 1871 году министерствомъ народнаго просвѣщенія“. Несмотря на такую оговорку, въ статьѣ не только разсказывается, съ своеобразнымъ освѣщеніемъ, сущность этого спора и вся исторія, ставшая будто бы анахронизмомъ, но и самая статья, на двѣ-трети— не что иное, какъ продолженіе спора о превосходствѣ классической системы, неосновательности предъявленныхъ по поводу ея сомнѣній и благотворности результатовъ пятилѣтняго ея опыта. Вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ, по дѣйствительному убѣжденію защитниковъ

классицизма столь мало сталъ анахронизмомъ въ наши дни, что прошлогоднія рѣчи, напечатанныя въ извлеченіи въ журналѣ министерства, представляли не что иное, какъ рядъ plaidoyers въ пользу классической системы образованія. Въ нихъ сохранились даже вся свѣжесть, страстность и увлеченіе, свойственныя рѣчамъ за невыигранное еще дѣло, хотя онѣ и произносились долго послѣ матеріальной побѣды.

Но обратимся сперва съ документамъ, къ картѣ и списку, показывающимъ умноженіе въ Россіи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за десятилѣтіе. Все ли тутъ документально вѣрно? При первомъ взглядѣ на карту, намъ представляется пріятный видъ: по разнымъ городамъ Россіи виднѣются изрѣдка зеленые кружки, квадратики и другіе признаки гимназій, университетовъ и еще нѣкоторыхъ школъ, оказывавшихся въ нашемъ отечествѣ еще до новѣйшей эры, то-есть до 1866 года, съ котораго пошло счисленіе десятилѣтія. Но рядомъ съ ними, надъ ними, подъ ними, вокругъ ихъ, веселымъ ярко-краснымъ цвѣтомъ своимъ, бросаются въ глаза подобные же, но гораздо болѣе многочисленные, знаки учебныхъ заведеній, „учрежденныхъ въ тетеніе 1866—1876 гг." Смотримъ на итоги, и они вполнѣ подтверждаютъ первое впечатлѣніе глаза. Итоги показываютъ, что „университетовъ и другихъ, высшихъ учебныхъ заведеній" до 1866 г. существовало всего 8, а нынѣ ихъ существуетъ 18; что „высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній" до новой эры у насъ было 222, а теперь ихъ—540, однимъ словомъ, число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, хотя и не упятирилось, какъ число верстъ рельсовыхъ путей, но все же болѣе, чѣмъ удвоилось.

Но вотъ, взоръ нашъ случайно останавливается на Харьковѣ, и прежде всего естественно замѣчаетъ красный квадратикъ, означающій вновь учрежденное высшее учебное заведеніе, рядомъ съ зеленымъ квадратикомъ, который, какъ мы убѣждаемся, представляетъ собою харьковскій университетъ, открытый въ давнее время. Мы обращаемся къ объясненію знаковъ, въ нѣкоторомъ недоумѣніи, не открылся ли въ Харьковѣ новый университетъ. Недоумѣніе тотчасъ разсѣевается. Новый квадратикъ, привлекшій наше вниманіе, это — ветеринарный институтъ, который краснѣетъ на ряду съ Харьковскимъ университетомъ. Ветеринарный институтъ — высшее учебное заведеніе, а потому означенъ квадратикомъ, какъ университетъ, но

только отмѣченъ красной краской, какъ заведеніе *вновь учрежденное*. Но полно, новое ли это заведеніе, вѣдь въ Харьковѣ, всѣ помнятъ, давно существовало ветеринарное училище? По справкѣ въ спискѣ, оказывается дѣйствительно, что вновь учрежденный и занесенный въ число 18 новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, замѣнившихъ собою прежніе 8, ветеринарный институтъ—тоже прежнее харьковское ветеринарное училище, только преобразованное въ институтъ по положенію 1873 года. Далѣе мы видимъ, что точно также рядомъ съ дерптскимъ университетомъ краснѣетъ другое высшее учебное заведеніе, включенное въ число 18-ти „вновь учрежденныхъ", а именно—дерптскій ветеринарный же институтъ, и изъ справки убѣждаемся, что онъ также только *преобразованъ* въ 1873 году изъ давно существовавшаго ветеринарнаго училища.

Эти открытія значительно умѣрили наше первое, крайне пріятное впечатлѣніе, произведенное на насъ веселымъ видомъ карты съ ея краснорѣчивыми, красующимися своей новизною квадратиками, кругами и т. д., при видѣ которыхъ хотѣлось уже сказать, измѣнивъ пословицу, что не красна Русь городами, но красна новыми школами. Мы побуждаемся отложить красивую карту въ сторону и внимательнѣе просмотрѣть объясняющій ее „списокъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, какъ существовавшихъ до 1866 года, такъ и *учрежденныхъ* въ теченіе 1866—1876 гг." Уже мы успѣли замѣтить два высшихъ учебныхъ заведенія, которыя были только преобразованы, но вовсе не „учреждены". Не найдется ли на картѣ еще чего-нибудь подобнаго? Дѣйствительно, при внимательномъ разсмотрѣніи карты мы должны были убѣдиться, что у насъ осталось то же число университетовъ, какое было десять лѣтъ тому назадъ, и только вѣроятно для удобства послѣдующаго сравненія къ нимъ причислена варшавская ветеринарная школа, такъ что число прежнихъ высшихъ учебныхъ заведеній выходитъ восемь. Затѣмъ, просмотримъ и сравнимъ съ ними десять „вновь учрежденныхъ". Тутъ мы встрѣчаемъ, прежде всего, варшавскій университетъ, который, какъ состоящій въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительно, нѣтъ основанія исключать изъ счета. Но за то, нѣтъ никакого основанія считать его въ числѣ „вновь учрежденныхъ", такъ какъ онъ только преобразованъ въ 1869 г. изъ прежней Главной школы. Во всякомъ случаѣ, если увеличивать число новыхъ училищъ причисленіемъ къ числу школъ только преобразованныхъ, то какъ же уменьшать число прежнихъ школъ, не показывая въ немъ школъ, какъ онѣ были до преобразованія? Подобными антистатистическими пріемами легко, конечно, достигнуть блестящаго сопоставленія 18-ти нынѣ имѣющихся высшихъ училищъ съ восемью, будто бы быв-

ними прежде; но такой пріемъ болѣе чѣмъ невѣренъ. Варшавскій университетъ, историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ и Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ мы должны или вовсе исключить изъ сравненія, такъ какъ всѣ эти три заведенія только преобразованы изъ бывшихъ высшихъ учебныхъ заведеній — Главной школы и двухъ лицеевъ, или же, считая ихъ въ числѣ новыхъ десяти, присоединить и къ прежнимъ 8-ми соотвѣтствующія три заведенія, какъ они назывались до своего преобразованія. То же самое должно сказать о Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ, который былъ опять только преобразованъ въ 1872 году, и объ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Александріи.

Затѣмъ, въ числѣ учрежденныхъ съ 1866 года высшихъ училищъ, мы находимъ дѣйствительно всего только два, изъ которыхъ одинъ былъ основанъ не министерствомъ народнаго просвѣщенія, а потому также едва ли можетъ стать въ спискѣ школъ вновь учрежденныхъ министерствомъ, это: историко-филологическій институтъ въ Петербургѣ, и лицей Цесаревича Николая, въ Москвѣ; если къ этимъ двумъ мы присоединимъ ветеринарный институтъ въ Казани, то вотъ и все, что можетъ быть названо вновь учрежденнымъ въ дѣлѣ высшихъ училищъ за послѣднія десять лѣтъ. Итакъ, не десять вновь учрежденныхъ высшихъ учебныхъ заведеній самимъ министерствомъ, а всего два. Но, могутъ сказать намъ, ветеринарныя училища въ Харьковѣ и Дерптѣ не были прежде высшими учебными заведеніями, а преобразовавшись въ ветеринарные институты, они должны войти въ ихъ составъ. Пусть будетъ такъ, но и въ такомъ случаѣ въ дѣйствительности оказывается, что въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, къ числу *тринадцати* прежде существовавшихъ высшихъ учебныхъ заведеній прибавилось всего *четыре*, изъ которыхъ одно—филологическое, а три—ветеринарныя.

При этомъ оказывается въ первый разъ, что частная гимназія съ университетскимъ пансіономъ, основанная въ Москвѣ арендаторами университетской газеты „Московскія Вѣдомости“, гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, оффиціально причислена къ государственнымъ *высшимъ* учебнымъ заведеніямъ въ имперіи, наравнѣ съ университетами. Положеніе этого заведенія доселѣ вообще не было окончательно выяснено. Первоначально, оно представлялось именно въ видѣ частной гимназіи и пансіона, въ которомъ могли помѣщаться и подготовляться къ успѣшному слушанію курса молодые люди, слушающіе лекціи въ московскомъ университетѣ. Правда, заведеніе это получило утвержденный уставъ, и въ составъ совѣта его были включены разныя оффиціальныя лица; но вѣдь есть разныя частныя

учрежденія съ утвержденными уставами, съ участіемъ въ ихъ управленіи или съ покровительствомъ надъ ними высшихъ лицъ. Главное все-таки состояло въ томъ, что заведеніе это содержалось изъ пожертвованій и изъ своихъ доходовъ, имѣло свой бюджетъ, отчеты его являлись только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", и въ томъ, что хотя за этой, единственной изъ всѣхъ частныхъ гимназій и были признаны всѣ права гимназій государственныхъ, но во всякомъ случаѣ высшіе классы этого заведенія, долженствовавшіе представлять нѣчто въ родѣ вспомогательнаго пансіона для содержанія желающихъ студентовъ московскаго университета, не могли приравниваться къ самому университету, превращаться въ самостоятельную, равную университету коллегію, съ сообщеніемъ учащимся равныхъ съ университетскими правъ. Впослѣдствіи стало извѣстно, что лицамъ, служащимъ въ этомъ „лицеѣ", присвоены права государственной службы, что ему предоставлено выдавать „аттестаты зрѣлости" наравнѣ съ гимназіями и съ тѣми же преимуществами поступленія въ университеты и льготами при отбываніи воинской повинности. Но, повторяемъ, въ первый разъ нынѣ мы видимъ московскій лицей оффиціально внесеннымъ въ число государственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, и въ графѣ, гдѣ обозначаются денежныя средства, изъ которыхъ заведенія содержатся, не находимъ никакой отмѣтки. Означаетъ ли это, что лицей содержится нынѣ вполнѣ на счетъ казны и высшіе его классы могутъ выдавать ученые дипломы, съ правомъ на соотвѣтствующіе чины въ гражданской службѣ? Если это такъ, то желательно бы знать, былъ ли при такомъ преобразованіи лицея въ перворазрядное государственное заведеніе пересмотрѣнъ его уставъ, съ исключеніемъ изъ него всѣхъ тѣхъ условій, которыя подчиняли его частному вліянію и потому давали ему характеръ заведенія частнаго, хотя и оффиціально-признаннаго? Если же условія эти сохранились, а съ ними за лицеемъ остался и частный характеръ, то въ такомъ случаѣ, можетъ ли онъ имѣть право раздачи ученыхъ дипломовъ, съ государственными правами? Вѣдь это былъ бы шагъ къ той „свободѣ высшаго обученія", которую нынѣ во Франціи все-таки передѣлываютъ, предполагая отнять у частныхъ факультетовъ право collation des grades, котораго такъ добиваются враги министерства просвѣщенія во Франціи.

Мы, повидимому, отклонились отъ занимающаго насъ предмета— обозрѣнія матеріала объ умноженіи школъ въ Россіи за десятилѣтіе. Но только — повидимому; потому что указывая, какими именно заведеніями представляется существеннѣйшее приращеніе нашихъ высшихъ училищъ за это время—мы указывали на „систему" преобразованія, а въ ней-то, по взгляду самихъ составителей объясни-

тельныхъ очерковъ, и заключается вся сила. Три ветеринарныхъ института имѣютъ свою важность и заслуживаютъ всякаго почтенія, какъ вообще все, чтó относится къ какой бы то ни было отрасли научнаго труда; тѣмъ не менѣе, это школы столь специальныя, что ихъ можно разсматривать служащими болѣе дѣлу сельскаго хозяйства, чѣмъ дѣлу народнаго просвѣщенія въ Россіи. Итакъ, все существенное, чтó сдѣлано министерствомъ народнаго просвѣщенія за 10 лѣтъ для умноженія высшихъ училищъ, представляется собственно учрежденіемъ одного филологическаго института въ Петербургѣ. Этотъ выводъ далекъ отъ того, на который, повидимому, хотѣли навести поверхностнаго читателя составители карты, противопоставляя прежнему числу высшихъ училищъ—восьми, нынѣшнее число ихъ—восемнадцать. Наконецъ, и самое учрежденіе историко-филологическаго института въ Петербургѣ было вызвано не столько потребностью увеличить число высшихъ училищъ, сколько практическою необходимостью „системы": институтъ этотъ прямо основанъ съ цѣлью приготовить учителей древнихъ языковъ для гимназій, перестроенныхъ на основѣ классической системы, ранѣе, чѣмъ было въ наличности сколько-нибудь достаточное число способныхъ преподавателей древнихъ языковъ. Вотъ, предполагаемое еще нынѣ, учрежденіе университета въ Омскѣ будетъ имѣть иной смыслъ—прямой смыслъ удовлетворенія возрастающей потребности въ высшемъ образованіи. Но за то же основаніе этого университета и вызвано общественной потребностью, общественнымъ почином, а важная заслуга министерства народнаго просвѣщенія и будетъ заключаться здѣсь въ томъ, что оно не отказалось отъ удовлетворенія возникшихъ въ Сибири желаній и испроситъ у казны средства къ ихъ удовлетворенію.

Переходя къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, прежде всего остановимся, разумѣется, на гимназіяхъ, такъ какъ именно на преобразованіи и умноженіи гимназій преимущественно сосредоточено было за истекшее десятилѣтіе вниманіе министерства, и всѣ его отношенія къ другимъ школамъ собственнаго вѣдомства, а также и къ прочимъ вѣдомствамъ, происходили подъ угломъ интересовъ предпринятаго имъ гимназическаго преобразованія. Гимназій до 1866 года считалось 101, нынѣ ихъ считается 133, то-есть вновь учрежденныхъ оказывается 32. И здѣсь, въ этой сферѣ, въ которой всего дѣятельнѣе проявлялся непосредственный починъ министерства народнаго просвѣщенія, надъ нимъ и выше его, сказывается все-таки естественный ростъ общества, развитіе его потребностей, и если бы вывесть соотвѣтствующіе итоги за десятилѣтіе, предшествовавшее 1866 году, то по всей вѣроятности оказалось бы умноженіе гимназій не въ меньшемъ размѣрѣ, то-есть около 30 процентовъ прежняго числа. Но при ближайшемъ разсмо-

трѣнія данныхъ, едва ли окажется возможнымъ допустить, что въ истекшемъ десятилѣтіи (1866—1876) увеличеніе числа существующихъ гимназій произошло въ такомъ размѣрѣ, какъ оно показано на картѣ.

Начать съ того, что въ числѣ гимназій „учрежденныхъ въ 1866—1876 гг." внесены три такія гимназіи, которыя еще *въ дѣйствительности не существуютъ*, въ которыхъ нѣтъ ни одного ученика и не читалось еще ни одного урока. Это—гимназіи ананьевская, маріупольская и омская, которыя еще только *предполагались къ открытію въ 1876 году!* Въ какой мѣрѣ правильно включеніе заведеній *предполагаемыхъ* въ число *существующихъ*, при составленіи сравнительныхъ статистическихъ выводовъ—предоставляемъ судить читателю. Это нѣсколько похоже на тѣ „статистическія" данныя о ходѣ преобразованія французской арміи, въ которыхъ приводится, что Франція чрезъ шесть лѣтъ *будетъ* въ состояніи выставить въ поле полтора милліона солдатъ. А между тѣмъ, этотъ пріемъ составители карты и „сравнительнаго списка" употребляли при всѣхъ своихъ исчисленіяхъ. Такъ, въ числѣ 62-хъ прогимназій, учрежденныхъ съ 1866 года, мы находимъ 11 прогимназій, которыхъ открытіе еще только предполагается! Составитель карты, очевидно, обнаружилъ trop de zèle, и, внеся въ число существующаго несуществующее, повторилъ исторію съ „Елисаветъ Воробей".

Исключивъ изъ числа 32 новыхъ гимназій 3 еще неоткрытыя, мы затѣмъ должны исключить изъ того же числа 5 такихъ гимназій, которыя только преобразованы изъ реальныхъ гимназій же (архангельская, третья московская, николаевская, немировская и рижская городская). Если же фактъ преобразованія считать за фактъ учрежденія, въ такомъ случаѣ къ числу гимназій *вновь учрежденныхъ* слѣдуетъ отнести всѣ тѣ, въ которыя вновь введено преподаваніе греческаго языка, а пожалуй и все число существующихъ гимназій, такъ какъ всѣ онѣ преобразованы, съ полнымъ измѣненіемъ учебнаго плана, порядка испытаній, даже состава классовъ. Такъ какъ мы упомянули сейчасъ о рижской городской гимназіи, то должны еще замѣтить мимоходомъ, что едва ли правильно говорить о преобразованіи этого заведенія изъ реальной въ классическую гимназію, такъ какъ реальное отдѣленіе въ рижской городской гимназіи осталось, и ученики этого заведенія доселѣ, главнымъ образомъ, поступаютъ въ высшія специальныя заведенія.

Но пойдемъ далѣе. Въ числѣ „вновь учрежденныхъ" гимназій мы находимъ еще гимназію императорскаго человѣколюбиваго общества въ Петербургѣ и гимназическіе классы лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ. Первое изъ этихъ двухъ заведеній мы

не рѣшаемся отнести къ числу вновь учрежденныхъ потому, что человѣколюбивое общество давно имѣло среднее учебное заведеніе въ Петербургѣ, и здѣсь рѣчь, сколько намъ извѣстно—хотя мы не утверждаемъ этого положительно—можетъ быть только о преобразованіи. Второе же, а именно—гимназическіе классы при лазаревскомъ институтѣ въ Москвѣ,—заслуживаетъ особой отмѣтки. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ существовалъ до 1866 года, и въ 1872 преобразованъ въ высшіе спеціальные классы и въ гимназическіе, при нихъ состоящіе. Теперь составители списка, вѣрные избраннымъ ими пріемамъ для сравнительныхъ выводовъ, прежній лазаревскій институтъ исключили изъ числа высшихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ до 1866 года, такъ какъ онъ будто-бы нынѣ уже не существуетъ, а взамѣнъ зачли, но уже въ число вновь учрежденныхъ заведеній, два новыхъ училища, одно высшее, другое среднее, отдѣльно причисливъ высшіе классы преобразованнаго лазаревскаго института ко вновь учрежденнымъ высшимъ училищамъ, а гимназическіе классы его же—къ числу вновь учрежденныхъ гимназій. Нельзя не видѣть въ этомъ, да и во всѣхъ средствахъ, употребленныхъ при составленіи карты и списка—довольно своеобразныхъ статистическихъ пріемовъ. Еслибы, напримѣръ, въ „Русскомъ Инвалидѣ“ или „Военномъ Сборникѣ“ появилось такое сопоставленіе чиселъ военно-учебныхъ заведеній за 14-ти-лѣтіе съ 1862 года, въ которомъ было бы показано: военныхъ училищъ, военныхъ гимназій и прогимназій существовавшихъ до 1862 ни одного, „а учрежденныхъ въ 1862—1876 гг. первыхъ 4, вторыхъ 16, третьихъ 10, то навѣрное не только „Московскія Вѣдомости“, но мы сами спросили бы: а развѣ не было кадетскихъ корпусовъ? И еслибы имъ и намъ отвѣтили, въ разъясненіе,—да вѣдь они не существуютъ, они преобразованы въ военныя гимназіи,—то мы едвали бы этимъ удовлетворились и принуждены были бы признать такой способъ сравненія чистой „натяжкой“. Тѣмъ болѣе мы указали бы на натяжку, еслибы въ число военно-учебныхъ заведеній существующихъ сравненіе включило несуществующія, но предполагаемыя къ открытію въ нынѣшнемъ году, а имѣющихъ открыться можетъ быть и черезъ годъ или два.

Провѣрка сравненія, которою мы занялись, казалась намъ прямой нашей обязанностью; печати принадлежитъ безпристрастная критика общественныхъ фактовъ и сообщеній, въ которыхъ эти факты группируются съ извѣстнымъ освѣщеніемъ. Но чтобы не утомлять читателя, мы перервемъ это, по необходимости сухое, занятіе и обратимся именно къ тому освѣщенію, какое придается преобразованію гимназій въ обязательной статьѣ „Русскаго Вѣстника“.

Нашъ взглядъ, съ которымъ, вѣроятно, согласился бы и этотъ

журналъ, еслибы шла рѣчь не о данныхъ лицахъ, но о странѣ, съ которой мы, положимъ, никакихъ бы связей не имѣли, состоитъ въ томъ, что въ дѣлѣ умноженія общественныхъ учрежденій, школъ, дорогъ и другихъ органовъ народнаго развитія, на первомъ планѣ является дѣйствіе народной потребности, послѣдствіе народнаго роста, а не чьи-либо личный починъ и личная заслуга, такъ какъ лица представляются только скромными орудіями силы общественныхъ потребностей. Это не значитъ отрицать личныя заслуги, а только отводить имъ подобающее мѣсто. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Россіи и опредѣленныхъ лицахъ, которымъ можно услужить, то московскій журналъ принялъ совершенно иную основу для своихъ воззрѣній. Въ помѣщенной въ немъ статьѣ проводится такой взглядъ, какъ будто „все безпримѣрное (?!) у насъ приращеніе числа учебныхъ заведеній“ вызвано исключительно министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое при этомъ не только не шло во слѣдъ за потребностью русскаго общества, но даже не встрѣчало съ его стороны и содѣйствія, такъ что министерство дѣйствовало совершенно по своему почину, одно, и даже боролось съ „большими затрудненіями“, выносило „тяжкую и упорную борьбу“. Объ этой „тяжкой и упорной борьбѣ“ и „огромныхъ затрудненіяхъ“ упоминаетъ неоднократно статья, присланная въ московскій журналъ и имъ усвоенная (она подписана только буквою). Выходитъ, стало-быть, что въ истекшемъ десятилѣтіи въ учебномъ дѣлѣ у насъ происходило нѣчто въ родѣ реформы Петра Великаго. Какъ онъ одинъ, въ своемъ отечествѣ, ясно сознавъ потребность созданія въ Россіи новыхъ учрежденій, школъ и т. д. и, обдумавъ себѣ систему дѣйствій, не только не находилъ содѣйствія въ обществѣ, но еще встрѣтилъ въ немъ огромныя затрудненія и долженъ былъ вынесть тяжкую и упорную борьбу, принужденный смотрѣть на тогдашнее русское общество какъ на матеріалъ, подлежавшій его переработкѣ, матеріалъ, который онъ долженъ былъ пересоздать, влившъ въ него новый духъ, новыя убѣжденія,—такъ и министерство народнаго просвѣщенія въ наши дни предприняло и исполнило столь же трудную задачу. Но, не говоря уже о томъ, что подобный взглядъ на дѣятельность Петра не совсѣмъ вѣренъ, потому что дѣлаетъ изъ него полубога, а не геніальнаго сына своего народа и своего времени; мы, признаемся, не находимъ матеріала даже и для того, чтобы строить въ данномъ случаѣ какой-либо пьедесталъ, даже и для весьма умѣренной геніальности.

Прежде всего, „приращенія числа школъ“ ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ преобразованіемъ гимназій. Первое вызывалось общественной потребностью и произошло вовсе не въ „безпримѣрныхъ“ у насъ размѣрахъ. Все это—преувеличеніе, которое способно

только мѣшать искреннему признанію той скромной доли заслуги, какая оказывается въ дѣйствительности. Что касается „преобразованія“, или „учебной реформы“, то и здѣсь слѣдуетъ начать съ устраненія излишнихъ громкихъ словъ, вредящихъ самому дѣлу. „Учебная реформа“ состояла въ усиленіи преподаванія классическихъ языковъ въ гимназіяхъ, въ учрежденіи отдѣльныхъ отъ нихъ и непользующихся ихъ правами реальныхъ училищъ, въ учрежденіи нѣсколькихъ учительскихъ институтовъ и въ назначеніи 180 директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, стоющихъ, вмѣстѣ съ канцеляріями училищныхъ совѣтовъ, до полумилліона рублей въ годъ. Но затѣмъ, въ этихъ размѣрахъ, произведенныя измѣненія и дополненія, дѣйствительно, истекли непосредственно изъ почина, изъ сознанія самого министерства. Когда намъ говорятъ объ огромныхъ затрудненіяхъ, имъ встрѣченныхъ при осуществленіи этой перемѣны, мы охотно этому вѣримъ. Затрудненія неизбѣжны при всякомъ крутомъ и поспѣшномъ поворотѣ и не могли не представиться въ такомъ дѣлѣ, какъ введеніе въ гимназіяхъ новой учебной системы безъ предварительной подготовки необходимыхъ для ея дѣйствія учителей.

Но когда намъ говорятъ о „тяжкой и упорной борьбѣ“, какую будто бы пришлось вынесть министерству, то мы не вполнѣ понимаемъ смыслъ того обстоятельства, которое такимъ образомъ вмѣняется министерству въ новую заслугу. О какой „борьбѣ“ тутъ идетъ рѣчь? Если говорить о борьбѣ въ настоящемъ значеніи этого слова, разумѣть борьбу въ тѣхъ сферахъ, гдѣ вопросъ о преобразованіи устава гимназій рѣшался, гдѣ проекты министерства могли встрѣтиться съ убѣжденіями, которыя дѣйствительно могли бы отозваться на самой судьбѣ тѣхъ проектовъ, повесть къ неуспѣху ихъ,—то о такой дѣйствительной борьбѣ, если она и была, мы не можемъ имѣть свѣдѣній. Для того, чтобы допустить ее, какъ фактъ исторически-вѣрный, мы должны были бы ждать свѣдѣній отъ авторовъ статьи „Русскаго Вѣстника“; пригласить ихъ доказать намъ, во-первыхъ, что такая борьба дѣйствительно была, во-вторыхъ, что она была „тяжкая и упорная“, и, въ-третьихъ, наконецъ, что министерство одержало въ ней надъ противными убѣжденіями побѣду посредствомъ убѣдительности своихъ доводовъ. Наоборотъ, изъ послѣднихъ результатовъ мы должны скорѣе заключить, что, или борьбы вовсе не было, или, если была борьба, то, вѣроятно, не тяжкая и не упорная, если проекты перешли въ законъ въ томъ самомъ видѣ, какъ были первоначально задуманы министерствомъ; оказалось, стало-быть, не труднымъ провести ихъ въ законъ и нѣтъ особаго повода гордиться такою побѣдой. Но все это—одни гаданія, быть можетъ, одни

недоразумѣнія съ нашей стороны, происходящія отъ непониманія нашего, о какой „тяжкой и упорной борьбѣ“ идетъ рѣчь въ статьѣ „Русскаго Вѣстника“. Въ ней о самомъ проведеніи уставовъ сказано только, что они были утверждены „въ томъ самомъ видѣ, какъ они были представлены на обсужденіе государственнаго совѣта“—и болѣе ничего. Стало быть, чтобы допускать возможность факта, что происходила какая-нибудь борьба при самомъ рѣшеніи участи тѣхъ проектовъ, а тѣмъ болѣе, что борьба эта могла быть „тяжкой и упорной“, мы должны подождать объясненія тѣхъ же авторовъ, относительно факта того единогласія, какое проекты, повидимому, встрѣтили въ сферахъ, призванныхъ къ обсужденію законопроектовъ вообще.

Если же разумѣть борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ и хотя бы съ несочувствіемъ, какое могли встрѣтить преобразованные уставы въ обществѣ, то это—совершенно иное дѣло. Тутъ уже о борьбѣ „тяжкой и упорной“ едва ли можетъ быть рѣчь, да и слова „вынесть борьбу“ въ этомъ смыслѣ едва ли употреблены своевременно. „Вынесть борьбу“ съ противнымъ мнѣніемъ и несочувствіемъ значитъ окончательно устранить ихъ, вызвать въ обществѣ иное мнѣніе и полное сочувствіе. Это слишкомъ рано было бы говорить по поводу дѣла, которое началось всего четыре-пять учебныхъ года тому назадъ. Авторы статьи могутъ утверждать, что достаточно было „только поставить общество лицомъ къ лицу съ новыми и преобразованными учебными заведеніями, чтобы разсѣять, мало-по-малу, всѣ предубѣжденія и ложные страхи“, и что „съ примѣненіемъ новой учебной системы, превосходство ея не замедлило сознать и общество, какъ, только она получила надлежащую организацію“. Все это можно говорить, но все это едва ли не слишкомъ оптимистично, такъ какъ, по естественному ходу вещей, для такихъ поворотовъ общественнаго мнѣнія нужно нѣсколько бо́льшее время, нужно, по крайней мѣрѣ, чтобы хоть одинъ комплектъ учениковъ прошелъ чрезъ всѣ классы училищъ, подвергшихся преобразованію.

Правда, упоминаемая нами статья въ доказательство, что всякія предубѣжденія уже разсѣялись и новыя училища уже пользуются полнымъ сочувствіемъ общества, приводитъ такіе факты, какъ „небывалую у насъ доселѣ поддержку“ школъ обществомъ, то-есть заявляемую имъ готовность дѣлать пожертвованія для учрежденія новыхъ школъ, а также „увеличенія съ каждымъ годомъ прилива къ нимъ учащихся, такъ что, несмотря на значительное увеличеніе числа гимназій и прогимназій, приходится отказывать, за неимѣніемъ мѣста, въ пріемѣ дѣтей, даже успѣшно выдержавшихъ испытаніе“. Но чтó же это доказываетъ? Вѣдь это доказываетъ только, что обществу во что бы то ни стало нужны школы, какія бы онѣ,

наконецъ, ни были, что въ увеличеніи числа школъ сказывается неодолимая потребность общества въ ихъ умноженіи, а не чья-либо личная заслуга, что удовлетвореніе этой потребности даже отстаетъ въ настоящее время больше, чѣмъ прежде, отъ дѣйствительныхъ ея размѣровъ, если приходится отказываться, „за недостаткомъ мѣста", отъ вполнѣ подготовленныхъ учениковъ. „Небывалая поддержка", то-есть готовность общества участвовать денежными средствами въ содержаніи школъ, могла бы выражать степень сочувствія къ извѣстной системѣ обученія только тогда, еслибы у насъ существовали общеобразовательныя заведенія двухъ системъ съ равными правами; тогда была бы возможность выбора и, по относительной готовности общества участвовать въ содержаніи тѣхъ и другихъ училищъ, по сравнительному стремленію учениковъ въ тѣ и другія, можно было бы судить о степени сочувствія общества къ той или другой системѣ обученія. Но такъ какъ этого у насъ нѣтъ, такъ какъ у насъ нѣтъ реальныхъ училищъ, которыя могли бы соперничать съ гимназіями, какъ соперничаютъ съ гимназіями прусскія перворазрядныя реальныя школы, и какъ у насъ реальныя училища лишены одного изъ существеннѣйшихъ правъ, которыя предоставлены прусскимъ перворазряднымъ, то о правильной конкурренціи не можетъ быть рѣчи. Если затѣмъ оказывается, что общество у насъ все-таки выказало бо́льшую готовность учреждать на свой счетъ реальныя училища, чѣмъ гимназіи, несмотря на относительную безправность первыхъ, то это доказываетъ только, что въ обществѣ чрезвычайно сильна потребность реальнаго образованія, и если уже выводить изъ этого сравнительнаго факта заключеніе, то оно никакъ не можетъ быть въ пользу классическихъ гимназій.

Если обращаться къ цифрамъ для доказательства степени сочувствія, то окажутся и цифры иныя, и заключенія иныя, чѣмъ тѣ, какія мы находимъ въ статьѣ „Русскаго Вѣстника". Цифры наши мы выводимъ весьма простымъ путемъ, а именно подводя итоги показаніямъ оффиціальнаго „списка". Такъ, если за десятилѣтіе классическія гимназіи, надѣленныя всякими правами, изъ 101 превратились въ 130 (нѣмецкихъ церковныхъ училищъ, какъ имѣющихъ два отдѣленія, классическое и реальное, мы не можемъ включать въ это сравненіе), а реальныя училища изъ 11 обратились въ 53, хотя лишены весьма существенныхъ правъ и спеціализированы въ ущербъ полнотѣ общеобразовательнаго курса, то ясно, въ какую сторону выразилось сочувствіе общества. Если при полномъ неравенствѣ правъ и обстановки, число гимназій увеличилось только на треть, а число реальныхъ училищъ болѣе, чѣмъ учетверилось, то что́ же было бы при равенствѣ условій? Этого мало. Сложивъ всѣ суммы, отпускаемыя

ежегодно изъ городскихъ и земскихъ доходовъ на содержаніе 130 гимназій, мы получаемъ около 158 тыс. руб., а соединивъ всѣ суммы, ежегодно отпускаемыя изъ тѣхъ же, общественныхъ, т.-е. городскихъ и земскихъ средствъ на содержаніе 53 реальныхъ училищъ, мы получаемъ до 150 т. р. Если ужъ доказывать сочувствіе цифрами умноженія школъ и пожертвованій на нихъ общества, то сочувствіе его къ классической гимназіи можетъ выразиться слѣдующими сравнительными цифрами: пожертвованій общества приходится на одну классическую гимназію 1215 р., а на одно реальное училище 2830 р., т.-е. сочувствіе къ послѣднему выражается цифрою значительно болѣе чѣмъ *двойною*.

Конечно, намъ могутъ возразить, что къ числу пожертвованій общества на гимназіи должно причислить его пожертвованія на прогимназіи; но это только измѣнитъ, а не уничтожитъ вышеприведенное цифровое сравненіе: оказалось бы все-таки, что общество болѣе жертвуетъ на одно реальное училище, чѣмъ на одну классическую гимназію и прогимназію. Но прогимназіи, какъ училища, состоящія изъ низшихъ классовъ, какъ заведенія, учреждаемыя земствами или городами, въ виду самой первоначальной потребности дешевой общеобразовательной школы для малолѣтнихъ, всего менѣе годятся для сравненія. Объ учрежденіи прогимназій общество ходатайствуетъ и предлагаетъ на нихъ средства потому, что видитъ, что за какія-нибудь 7000 рублей оно тотчасъ же получитъ общеобразовательную школу для малолѣтнихъ, такъ какъ министерство охотнѣе рѣшается на учрежденіе прогимназіи, при небольшомъ общественномъ пожертвованіи, и охотнѣе предоставляетъ ей средства изъ казны, чѣмъ новому реальному училищу, съ одной стороны потому, что прогимназія въ самомъ дѣлѣ и требуетъ гораздо меньшихъ расходовъ, а съ другой стороны еще и потому, что въ прогимназіи оно видитъ все-таки классическую школу, которая со временемъ можетъ превратиться и въ гимназію. Во всякомъ случаѣ весьма достоинъ примѣчанія тотъ фактъ, что у насъ есть реальныя училища, указываемыя самой статьею, напримѣръ: сарапульское, екатеринбургское, красноуфимское, которыя и основаны, и содержатся исключительно на мѣстныя средства, то-есть на средства общества.

Но само собой разумѣется, что приведеннымъ выше цифровымъ сравненіямъ нельзя еще придавать полнаго значенія. Повторяемъ, что безъ равенства правъ не можетъ быть правильной конкурренціи, а стало быть и вѣрныхъ выводовъ о степени дѣйствительнаго сочувствія, какое школа того или другого типа встрѣчаетъ въ обществѣ. Приведеннымъ сравненіемъ мы хотѣли только показать несостоятельность выводовъ, дѣлаемыхъ авторами разбираемой статьи, которые утверждаютъ, что если гимназіи умножились и переполнены учениками, то это означаетъ сознаніе обществомъ превосходства введенной въ нихъ учебной системѣ; что если реальныя училища учреждаются

обществами на свой счетъ, то это доказываетъ, будто общество вполнѣ сочувствуетъ именно тѣмъ условіямъ, въ какія эти заведенія поставлены, однимъ словомъ, будто умноженіе всѣхъ школъ и приливъ къ нимъ учащихся сами по себѣ доказываютъ, „что земства и городскія общества относятся съ весьма сознательнымъ сочувствіемъ къ новымъ учебнымъ заведеніямъ“, какъ они учреждены. Не думаютъ ли авторы статьи, что еслибы у насъ реальныя училища поставлены были выше и надѣлены были бо́льшими правами, то сочувствіе къ нимъ общества уменьшилось бы, что „сознательное сочувствіе“ заключается въ сознаніи общества, ка́къ хорошо, что реальныя училища лишены и значенія полныхъ общеобразовательныхъ училищъ, и нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ правъ?

Переходя теперь къ другому десятилѣтнему очерку, относящемуся къ развитію у насъ желѣзнодорожнаго дѣла, мы должны признать, что въ немъ успѣхи, сдѣланные Россіею, безъ всякаго сравненія болѣе быстры, чѣмъ въ учебномъ дѣлѣ, хотя никакихъ юбилеевъ по этому случаю и не предполагалось и едва ли даже когда-либо громко провозглашались чьи-либо личныя заслуги по этому дѣлу, кромѣ лица, въ вѣдомствѣ котораго желѣзныя дороги непосредственно не состоятъ, а именно –г. министра финансовъ. Для всѣхъ было очевидно, что на первомъ планѣ въ развитіи желѣзно-дорожныхъ сообщеній стояли народныя потребности. Въ отношеніи дорогъ, какъ и школъ, мы стоимъ на одной и той же точкѣ зрѣнія. Относя развитіе тѣхъ и другихъ прежде всего къ потребностямъ народа, мы не можемъ не согласиться, что успѣхи, достигнутые въ желѣзнодорожномъ строительствѣ, были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ учебномъ дѣлѣ. Съ полной готовностью признавать и за личными заслугами ту долю участія, какая дѣйствительно принадлежала имъ въ дѣлѣ того или другого развитія, мы опять-таки оговоримся, что личный починъ, личное вліяніе и здѣсь, какъ въ учебномъ дѣлѣ, выразились не столько въ самомъ умноженіи средствъ развитія, сколько въ выборѣ, въ предпочтеніи той или другой системы. Наконецъ, къ довершенію аналогіи нашего взгляда на оба предмета, мы откровенно признаемся, что и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ система, одержавшая верхъ, не считается нами ни наиболѣе раціональною, ни даже окончательно и навсегда установившеюся.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, школъ въ Россіи было гораздо меньше, чѣмъ теперь, а желѣзныхъ дорогъ не было вовсе, кромѣ одной, двадцати-пяти верстной, устроенной для того, чтобы петербургская публика слушала въ Павловскѣ оркестръ музыки, который проще было бы слушать въ Петербургѣ. Противъ необходимости школъ никто не спорилъ и въ то время, но необходимость и хотя бы польза желѣзныхъ дорогъ для Россіи отвергались въ то время весьма компетентными людьми. Талантливый инженеръ Дестрѐмъ, долгое время бывшій директоромъ департамента „проектовъ и смѣтъ“,

въ запискѣ имъ составленной утверждалъ, между прочимъ, что желѣзныя дороги не нужны Россіи по „однообразію ея произведеній", иными словами—потому, что разнымъ мѣстностямъ Россіи нечѣмъ мѣняться посредствомъ этихъ дорогъ. Дестрѐмъ былъ неправъ, хотя указанный мотивъ и оказался нелишеннымъ основательности, такъ какъ главное значеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи дѣйствительно и относится къ торговлѣ заграничной, а не внутренней.

Тѣмъ не менѣе, вмѣсто 25 верстъ рельсоваго пути, Россія (безъ Финляндіи) къ 1876 году, по таблицѣ статистическаго отдѣла министерства путей сообщенія, имѣла въ эксплуатаціи 17,658 верстъ. Обращаясь къ таблицѣ частной, о которой мы упомянули въ началѣ нынѣшняго обозрѣнія, находимъ, что за десятилѣтіе общая длина сѣти безъ финляндскихъ дорогъ возросла съ 3358 верстъ 1864 года до 16,958 верстъ 1874 года, а включая финляндскія дороги,—съ 3458 верстъ до 17,549 верстъ. Послѣдующія сравнительныя цифры мы будемъ брать въ отношеніи ко всей сѣти, то-есть не исключая желѣзныхъ дорогъ Финляндіи. Этому удлиненію сѣти соотвѣтствовало возрастаніе валового дохода съ 25 милл. рублей до 143 милліоновъ, расхода съ 15½ милл. р. до 90⅕ милл. р., и затѣмъ чистаго дохода съ 9⅓ милл. р. до 52⅘ милл. рублей.

Особаго вниманія въ рядахъ сравнительныхъ цифръ заслуживаютъ тѣ, которыя представляютъ средній *чистый* доходъ съ версты для каждаго года. Изъ нихъ мы видимъ, что чистый поверстный доходъ за десятилѣтіе возросъ съ 2748 рублей (1864 г.) до 3243 рублей (1874 г.). Но цифра его въ теченіи этого періода подвергалась значительнымъ колебаніямъ, хотя и не опускалась ни въ одинъ годъ ниже цифры 1864 года, и только за 1872 годъ приблизилась къ этой цифрѣ, составивъ 2770 рублей. Колебанія выражались такъ, что поверстный чистый доходъ уже въ 1865 году поднялся на 10%, въ слѣдующемъ году упалъ на 7%, затѣмъ въ 1867 году вдругъ возвысился на цѣлые 28¼%, а въ слѣдующемъ году еще почти на 21%, и въ 1869 году хотя повышеніе противъ предшествовавшаго года было уже незначительное, не составило и 1%, но чистый сборъ съ версты, въ 1869 году, представлялъ уже цифру, которая никогда съ тѣхъ поръ достигнута не была, а именно—4416 рублей, то-есть на 1173 рубля болѣе противъ послѣдняго изъ обнимаемыхъ таблицею годовъ, а именно противъ цифры 1874 года (3243 р.). Начиная съ 1869 года, чистый поверстный доходъ въ теченіи трехъ лѣтъ непрерывно клонился къ пониженію, и составилъ въ 1872 году, какъ уже сказано, всего 2770 рублей, то-есть немного болѣе цифры 1864 года. Но въ 1873 году, оказалось опять огромное увеличеніе ея, а именно почти на 28%, а за 1874 г. снова уменьшеніе противъ

1873 г. на $8^{1}/_{2}$%. Такимъ образомъ, годы 1867 и 1873 представили два наиболѣе значительныхъ скачка вверхъ цифры чистаго поверстнаго дохода, но въ конечномъ результатѣ цифра его въ 1874 году представляетъ хотя и значительное увеличеніе противъ цифры 1864 года, но еще болѣе значительное уменьшеніе въ сравненіи съ наиболѣе выгоднымъ годомъ, а именно 1869 г. Прибавимъ, что среднее, за всѣ 10 лѣтъ, отношеніе расхода къ валовому доходу, на совокупность нашей желѣзнодорожной сѣти, составляетъ $60,_{74}$ къ 100 (т.-е. оказывается въ совокупности до 40% чистаго дохода).

Отношеніе это, въ смыслѣ общаго факта, безъ сомнѣнія весьма благопріятно, и въ немъ нельзя не видѣть новаго доказательства пользы самой эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ государствомъ, а не частными лицами или компаніями. Въ самомъ дѣлѣ, при сосредоточеніи эксплуатаціи всей сѣти въ однѣхъ рукахъ, она въ общемъ оказалась бы весьма выгодною, потому что излишекъ доходовъ по однѣмъ линіямъ покрывалъ бы недостаточность дохода по другимъ. А такъ какъ дѣло находилось бы въ рукахъ правительства, которое смотрѣло бы на доходъ не какъ на средство для наживы, но какъ на средство для улучшенія и расширенія самого дѣла, то при этомъ мы получили бы скорѣе возможность развивать и улучшать существующую сѣть, при помощи средствъ, ею же доставляемыхъ, то-есть желѣзнодорожное дѣло стало бы въ здоровыя условія всякаго дѣла, которое улучшается и развивается изъ самого себя; нынѣ же мы видимъ нѣчто совсѣмъ иное. Средній поверстный валовой доходъ за десятилѣтіе на нашихъ дорогахъ (безъ финляндскихъ, такъ какъ о нихъ нѣтъ свѣдѣній въ таблицахъ статистическаго отдѣла, къ которымъ мы теперь должны прибѣгнуть), представляется цифрою 8845 рублей. Но есть дороги, на которыхъ валовой поверстный сборъ въ 1875 году составлялъ 3 т. р., 2 т. р., даже менѣе. А *будутъ* такія желѣзныя дороги, быть можетъ сибирская, а со временемъ средне-азіатская, которыя станутъ приносить и 1 т. р. валового дохода съ версты. Что же, находятъ ли эти менѣе доходныя линіи поддержку въ наиболѣе доходныхъ, возможно-ли, опираясь на доходъ съ этихъ, обращать всѣ дѣйствительныя пожертвованія правительства на проложеніе новыхъ, необходимыхъ, хотя и бездоходныхъ на много лѣтъ дорогъ? Вовсе нѣтъ. Не только малодоходныя дороги ложатся всей своей тяжестью на государственныя средства, на приплату по гарантіи, на субсидіи и разсрочки платежей, но то же самое, въ отношеніи субсидій и разсрочекъ, дѣлаютъ и самыя богатыя общества, болѣе и болѣе входя въ неоплатные долги передъ казною, выпрашивая отъ нея же кредитныя средства для улучшенія своихъ подвижныхъ составовъ, предпринятія такъ-называемыхъ „питательныхъ" линій и

т. д. А между тѣмъ, идутъ ли въ пользу государства и въ возмѣщеніе его затратъ на малодоходныя линіи тѣ барыши, какіе представляются на линіяхъ наиболѣе доходныхъ? Вѣдь есть и такія линіи, на которыхъ валовой доходъ съ версты составляетъ не среднюю цифру 8845 рублей, но 24,839 рублей (рязанско-козловская), 25,358 рублей (московско-рязанская), даже 35,118 рублей (николаевская). Куда же идутъ эти барыши?—въ карманъ предпринимателей и акціонеровъ, насколько акціонеровъ существуетъ въ дѣйствительности. Вотъ, николаевская дорога даетъ валового дохода 35,118 рублей, а между тѣмъ Главное общество, которое ее эксплуатируетъ, находится въ неоплатномъ долгу казнѣ, и избытокъ дохода идетъ въ пользу главнаго акціонера общества.

Съ того времени, когда намъ впервые пришлось говорить о преимуществахъ государственной постройки желѣзныхъ дорогъ передъ разными видами концессіонной ихъ постройки, прибавилось нѣсколько существенныхъ обстоятельствъ въ пользу этого мнѣнія, и мы, конечно, тѣмъ менѣе склонны отречься отъ него. Неуспѣхъ извѣстныхъ „правилъ 30 марта", извѣстная, бросившая особый свѣтъ на все это дѣло, исторія съ отдачею четырехъ дорогъ: оренбургской, привислянской и т. д., рѣшительное приступленіе бывшаго министра путей сообщенія къ мнѣнію о предпочтительности государственной постройки, берлинскій „крахъ", освѣтившій всѣ злоупотребленія акціонерными фикціями и въ особенности—злоупотребленія и недоброкачественность оптовыхъ подрядовъ желѣзнодорожнаго строительства,—все это могло только укрѣпить насъ въ мнѣніи, которое мы поддерживали, а именно, что каковы бы ни были невыгоды государственной постройки, она разумнѣе, нравственнѣе и въ конечномъ результатѣ все-таки выгоднѣе для самой казны. Противоположная система приноситъ казнѣ только затраты въ настоящемъ и долги въ будущемъ, а всю выгоду, какая можетъ оказаться, увлекаетъ въ карманы спекулянтовъ, наживающихъ на постройкѣ 50 на 100, то-есть впятеро, а вѣроятно и вдесятеро болѣе, чѣмъ сколько даже самымъ недобросовѣстнымъ казеннымъ инженерамъ удалось бы нажить на постройкѣ, предполагая самый слабый контроль высшаго начальства. Допуская самыя неблагопріятныя нравственныя и контрольныя условія, невозможно думать, чтобы инженерамъ удалось изъ 100 милліоновъ, назначенныхъ на постройку, цѣлыхъ 10 милліоновъ похитить. Наконецъ, похищеніе такъ и называется лихоимствомъ и за него угрожаетъ уголовная отвѣтственность. Но концессіонеръ на 100-милліонной постройкѣ не только можетъ отвратить отъ нея 50%, но еще не будетъ подлежать за это ровно никакой отвѣтственности, а наоборотъ — выйдетъ въ люди, явится впослѣдствіи покровителемъ наукъ и искусствъ, филантропомъ, и за-

служитъ почетныя отличія. Строителя-инженера можно учесть на каждой верстѣ производимыхъ работъ, а концессіонера-строителя можно повѣрять только инспекціею, принятіемъ или непринятіемъ его дороги. А какъ повѣрить тотъ дѣлежъ добычи, который онъ произвелъ, тѣ „доли" и „преміи", можетъ быть, и просто взятки, которыя онъ роздалъ?

Въ вопросѣ о способѣ постройки мы встрѣчаемъ сходные съ нашими взгляды въ нашей печати. Такъ, „Новое Время" въ статьѣ г-на А. Г. о выдачѣ концессій высказалось за необходимость во всякомъ случаѣ измѣненія нынѣшняго способа, возстановленія торговъ, неограниченной конкурренціи, извлеченія всего дѣла постройки изъ привилегированнаго кружкà какого-нибудь десятка лицъ, а въ заключеніе признало концессіонный способъ вообще „страшнымъ зломъ" и выразило убѣжденіе, что „только казенный способъ постройки и эксплуатаціи можетъ признаваться вполнѣ правильнымъ и раціональнымъ" и что у насъ переходъ къ нему „тѣмъ болѣе возможенъ, что бóльшая часть частныхъ обществъ находится въ неоплатныхъ долгахъ у правительства, и ихъ несостоятельность очень скоро можетъ вызвать подобный порядокъ вещей".

Да, дѣйствительно, въ настоящее время вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ вообще ставится уже и общественнымъ сознаніемъ, и самими экономистами шире, чѣмъ въ области одной системы постройки. Начинаетъ укрѣпляться сознаніе, что не только постройка, но и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ должны оставаться въ рукахъ государства, что даже существующія частныя дороги должны быть выкуплены государствомъ.

Этотъ принципъ присущъ закону о желѣзныхъ дорогахъ, недавно обсуждавшемуся прусскими палатами, по почину прусскаго правительства. Правда, въ этомъ законѣ политическая сторона преобладаетъ надъ экономическою, и потому указанный принципъ не выраженъ въ немъ точно и безусловно. Но принципъ этотъ все-таки присущъ закону и даже составляетъ условіе для того, чтобы законъ пріобрѣлъ полное свое значеніе. Во время обсужденія правительственнаго проекта оказалось, что сами національ-либералы, эти ревностнѣйшіе приверженцы ученія о невмѣшательствѣ государства въ сферу промышленной дѣятельности, пришли нынѣ къ убѣжденію, что желѣзнодорожное дѣло, по основнымъ своимъ условіямъ, а именно, какъ монополія въ дѣлѣ одной изъ важнѣйшихъ функцій общественнаго быта, не должно принадлежать спекулянтамъ, но оставаться въ распоряженіи государства, подъ непосредственной охраной политической власти и законодательства, имѣющихъ руководящей цѣлью не наживу, а интересы общественнаго благосостоянія. Въ такомъ

смыслѣ высказывался Ласкеръ. Даже одинъ изъ экономистовъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ, своими ученіями о полной свободѣ акціонернаго учредительства, тому положенію дѣлъ, которое заключалось „крахомъ", Максъ Виртъ доказываетъ нынѣ ссылками на примѣръ Бельгіи и нѣкоторыхъ государствъ Германіи, что желѣзнодорожное дѣло лучше всего обставлено именно въ тѣхъ странахъ, которыя удержали у себя систему казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ виду успѣховъ того мнѣнія, которое мы раздѣляемъ, намъ, разумѣется, невозможно относиться сочувственно къ той системѣ, какая, повидимому, стала вновь преобладать у насъ со времени послѣднихъ перемѣнъ въ управленіи министерствомъ путей сообщенія, при всемъ нашемъ уваженіи къ лицамъ и чистотѣ ихъ намѣреній. Новѣйшія явленія, въ которыхъ она отразилась, какъ-то: предполагаемое предоставленіе постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ „обществамъ", уже существующимъ, и концессія на донецкую дорогу, со всѣми своеобразными обстоятельствами, ее сопровождавшими, могутъ только укрѣплять общество въ мысли о необходимости положить предѣлъ нынѣшнимъ колебаніямъ въ сторону привилегированнаго концессіонерства. Вообще самый уставъ донецкой дороги построенъ на двухъ принципахъ, изъ которыхъ одинъ прямо противорѣчитъ другому. Въ немъ отброшено все, что̀ по „правиламъ 30 марта" вело къ устраненію концессіонерства; дорога прямо передана концессіонеру, въ чемъ и отражается убѣжденіе въ пользѣ „свободной частной инціативы", „выгодности предоставить дѣло крупному капиталисту, имѣющему возможность выгоднѣе вести его, безъ стѣсненія его излишними формальностями"—однимъ словомъ, то ученіе, которое поддерживается нашими защитниками предоставленія монополій въ руки частныхъ лицъ. Но въ то же время, уставъ донецкой дороги заключаетъ въ себѣ небывалое еще отягощеніе дѣла формальностями правительственнаго контроля. Веденіе технической части обставлено условіемъ безпрестаннаго, непремѣннаго обращенія къ разрѣшенію министерства, которое одно рѣшаетъ вопросы окончательно; въ правленіе дорогъ назначены уже не одинъ, но два правительственныхъ директора; министру путей сообщенія предоставлено право требовать безотлагательно увольненія *каждаго изъ служащихъ* при дорогѣ.

А между тѣмъ, кому же неизвѣстно, что всѣ подобныя формальности такъ и остаются на дѣлѣ „формальностями". Истинное значеніе директоровъ отъ правительства въ правленіяхъ желѣзнодорожныхъ обществъ самъ уставъ признаетъ, упоминая, что сверхъ надзора за соблюденіемъ законовъ, директоры эти назначаются „для содѣйствія правленію въ сношеніяхъ его съ правительственными учрежденіями". Этими словами вѣрно опредѣляется, что директоры

отъ правительства главнымъ образомъ служать для ходатайства за „общество“ желѣзной дороги передъ правительствомъ. Пропущено только еще одно назначеніе этихъ директоровъ, именно—полученіе окладовъ. Что касается права министерства требовать немедленнаго увольненія „каждаго изъ служащихъ“, то къ чему оно можетъ послужить, когда министерство не можетъ удалить главнаго распорядителя и виновника распоряженій—самого концессіонера? Развѣ къ тому, чтобы не допускать болѣе „извѣстнаго процента“ католиковъ или евреевъ на службѣ общества, то-есть въ сущности къ безплоднымъ мелочамъ. Если же установленное уставомъ на бумагѣ полнѣйшее стѣсненіе всего веденія частнаго предпріятія правительственнымъ контролемъ и правительственной опекою могло бы перейти въ *дѣйствительность*,—то въ такомъ случаѣ не раціональнѣе и не проще ли было бы правительству самому строить и эксплуатировать желѣзную дорогу непосредственнымъ своимъ распоряженіемъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е іюля, 1876.

Англія и Россія *).

Положеніе дѣлъ въ Турціи совершенно измѣнилось въ теченіи мѣсяца, но положеніе восточнаго вопроса, хотя и подверглось нѣкоторымъ колебаніямъ, въ главнѣйшихъ чертахъ пока осталось прежнее. Такъ какъ соглашеніе между тремя имперіями, расширенное въ согласіе между пятью континентальными державами, произвело только „меморандумъ", весьма мало подвигавшій вопросъ, то довольно естественно было, что направленіе вопроса въ дѣйствительности перешло въ руки Англіи. Султанъ Мурадъ V смѣнилъ султана Абд-улъ-Асиза, а затѣмъ, новая катастрофа того же рода передала власть управленія изъ рукъ „стараго турки" Гуссейна-Авни въ руки Мидхата, „молодой Турціи", кандидата софтовъ, автора „манифеста турецкихъ патріотовъ" и „проекта конституціи въ 19-ти пунктахъ". Но предводители возстанія въ Босніи вполнѣ справедливо рѣшили, что султанъ остался султаномъ, а дѣло освобожденія христіанъ по прежнему зависитъ отъ успѣховъ ихъ оружія. Съ другой стороны, Англія могла взять въ свои руки направленіе вопроса въ самомъ Константинополѣ и пытаться разстроить согласіе пяти державъ; могла измѣнить международное положеніе дѣлъ въ томъ смыслѣ, что берлинскій меморандумъ оказался уже несоотвѣтствующимъ обстоятельствамъ, и представленіе его отсрочено sine die; она и впредь можетъ удивлять Европу разными сюрпризами изъ Константинополя, какъ-то: „новой эрой" бережливости и порядка, новыми уступками въ пользу христіанъ, даже провозглашеніемъ турецкой конституціи. Но все это— такія средства, которыя, предполагая возможность дѣйствительнаго ихъ успѣха, могутъ оказать свое дѣйствіе не ранѣе какъ чрезъ десятки лѣтъ. А между тѣмъ, положеніе представляетъ именно острый кризисъ. Пользованіе конституціонными гарантіями все равно, что леченіе хронической болѣзни минеральными водами; но во время кризиса некогда ожидать ихъ возможнаго дѣйствія.

Теперь остается увидѣть, готово ли англійское правительство, пользуясь своимъ нынѣшнимъ совершеннымъ преобладаніемъ въ Константинополѣ, употребить такія скорыя и рѣшительныя мѣры, которыя могли бы въ самомъ дѣлѣ устранить нынѣшній кризисъ и открыть просторъ для правильнаго хроническаго леченія посредствомъ

*) Писано до посылки Сербіею ультиматума Портѣ.

конституціонныхъ гарантій. Покамѣстъ этого не видно, и пока этого не будетъ, все сдѣланное доселѣ Англіею, очевидно, не измѣнитъ основныхъ условій прежняго положенія дѣлъ: съ одной стороны, султана съ его обѣщаніями и безсиліемъ, съ другой—повстанцевъ съ ихъ тяжкими усиліями, но твердой рѣшимостью, съ третьей стороны—континентальныхъ державъ взаимно-нейтрализующихъ свое дѣйствіе. При такомъ положеніи дѣлъ, дѣйствительная сила, отъ которой можно ожидать радикальнаго измѣненія въ этомъ положеніи, будетъ все-таки не въ рукахъ Англіи, но въ рукахъ Сербіи и Черногоріи, которыхъ тотъ или другой образъ дѣйствій можетъ представить собою только бóльшую или меньшую рѣшимость Россіи.

Итакъ, вопросъ въ томъ, кто выскажетъ бóльшую рѣшимость, Англія или Россія. Элементъ случайностей, отъ которыхъ можно было ожидать неожиданнаго оборота дѣлъ на самомъ Балканскомъ полуостровѣ, теперь, съ устраненіемъ Абд-ула, въ значительной мѣрѣ устраненъ, и это—выигрышъ для англійской политики. Сербія признала Мурада султаномъ, но не воспользовалась ни переворотомъ въ Константинополѣ, ни нѣсколькими нарушеніями своихъ границъ для начатія войны. Мидхатъ не велитъ неожиданно турецкимъ войскамъ вступить въ Сербію, какъ то могли приказать Абд-улъ-Асизъ-ханъ и даже Гуссейнъ-Авни-паша, при Мурадѣ. Оба сошли со сцены; кто и съ какой цѣлью убилъ ихъ, тѣмъ Богъ судья, это не идетъ къ дѣлу. Главный результатъ въ томъ, что элементъ случайности во всемъ дѣлѣ теперь значительно ослабѣлъ; ослабѣлъ до того, что въ данную минуту представляется едва ли не исключительно въ лицѣ нашего уважаемаго соотечественника М. Г. Черняева, который командуетъ сербскою арміей. Въ письмѣ, написанномъ за два дня до переворота 18 (30) мая въ Константинополѣ, генералъ Черняевъ заявилъ русскому обществу о своей „рѣшимости стать въ ряды сербовъ для предстоящей борьбы за освобожденіе балканскихъ христіанъ отъ позорнаго и нестерпимаго турецкаго ига", и русское общество не могло отказать въ своемъ сочувствіи этой благородной рѣшимости. Но генералъ Черняевъ не можетъ дѣйствовать вопреки предписаніямъ сербскаго правительства. Элементъ случайностей, представляемый его лицомъ, весьма слабъ, и вопросъ поставленъ на шахматную доску правильной игры между Англіею и Россіею. Англія играетъ изъ-за Балканъ, Россія можетъ играть съ этой стороны ихъ.

Вопросъ даже не въ искусствѣ игроковъ, такъ какъ возможные ходы легко предугадать, но именно въ степени рѣшимости для употребленія дѣйствительныхъ средствъ. Англія можетъ сдѣлать самый простой ходъ, но весьма дѣйствительный: дать Портѣ деньги, безъ которыхъ та ничего доселѣ не могла дѣлать. Прецедентъ денежной

поддержки иностранному государству англійскимъ правительствомъ недавно представился въ покупкѣ имъ акцій Суэзскаго канала отъ хедива. Но такихъ прецедентовъ въ англійской политикѣ можно указать много: денежная помощь Сардиніи въ 1853—1856 годахъ, гарантія первыхъ турецкихъ займовъ въ ту же эпоху, многочисленныя субсидіи во время войнъ съ Наполеономъ I-мъ. Гарантированный Англіею турецкій заемъ и въ настоящее время будетъ имѣть успѣхъ, а до займа, англійское правительство можетъ принять на свою отвѣтственность предъ парламентомъ ссудить Турціи какой-нибудь милліонъ фунтовъ, безъ котораго вся военная и административная машина въ этой странѣ останется недѣйствующею. Затѣмъ, Англія можетъ сдѣлать еще ходъ: побудить Мурада „proprio motu" признать самостоятельность Герцеговины съ частью Босніи и даровать небольшія территоріальныя уступки Черногоріи и Сербіи, независимо отъ подтвержденія общихъ уступокъ въ смыслѣ уравненія христіанъ, какъ онѣ были обѣщаны прежнимъ султаномъ и нынѣ подтверждены Мурадомъ V-мъ. Наконецъ, появленіе сильнаго англійскаго флота у Дарданеллъ, свидѣтельствуя о серьёзныхъ намѣреніяхъ британскаго правительства, можетъ нравственно подѣйствовать и на Порту, и на европейскую дипломацію.

Таковы дѣйствительныя средства, которыя можетъ употребить Англія для прекращенія нынѣшняго кризиса. Цѣль герцеговинскаго возстанія при этомъ была бы достигнута, Сербія и Черногорія были бы подкуплены къ бездѣйствію, а попытки возстанія въ Болгаріи были бы легко подавлены, когда турецкія войска получили бы отъ Англіи средства къ передвиженію и продовольствію. Континентальныя же державы, продолжая нейтрализировать одна дѣйствія другой, могли бы остаться свидѣтельницами такого оборота, не имѣя даже повода хлопотать долѣе по поводу такой борьбы, которая прекратилась бы „за отсутствіемъ борцовъ". Но, чтобы это сдѣлать, англійскому правительству нужно много рѣшимости. На него легла бы огромная отвѣтственность предъ своей страною; на Англію въ значительной мѣрѣ легла бы вся отвѣтственность передъ Европою за новый опытъ „возрожденія" Турціи путемъ конституціональнымъ, путемъ соглашенія между народностями, населяющими Балканскій полуостровъ.

Мы вовсе не думаемъ, что конституціонный образъ правленія въ Турціи, въ томъ видѣ, какъ онъ предположенъ Мидхатомъ, невозможенъ. Дѣйствіе конституціи оказалось возможнымъ въ Японіи и на Сандвичевыхъ островахъ. Но мы склонны думать, что введеніе этой системы все-таки означало бы въ близкомъ будущемъ нѣкоторое распаденіе оттоманской имперіи, а именно, отпаденіе отъ нея большихъ

вассальствъ. Мы вовсе не прочь допустить, что при искреннемъ опытѣ народнаго соглашенія посредствомъ представительныхъ учрежденій, турокъ, болгаринъ, албанецъ и ѳессальскій грекъ могутъ устроить себѣ modus vivendi подъ одной конституціонной связью. Но ни Сербія, ни Румынія, ни даже Египетъ—не говоря уже о независимой Черногоріи—не пошлютъ избранниковъ „высшаго ценза" въ константинопольскую палату. Стало быть, для удержанія вассальствъ въ конституціонной связи, пришлось бы устроить въ оттоманской имперіи Цисбалканію, Трансбалканію и еще, пожалуй, Трансатлантику и Транспонтинію, съ отдѣльными сеймами, съ тремя, двумя или хотя бы однимъ „имперскимъ" сеймомъ, съ нѣсколькими министерствами и однимъ „имперскимъ" же. Но изъ этого вышло бы не только нѣчто похожее на голубятню по наружному виду, но еще такая голубятня, въ которой вмѣстѣ съ голубями сидѣли бы вороны. Чтобы сербское княжество стало слѣдовать въ какой бы то ни было, хотя бы только въ торговой сферѣ, рѣшеніямъ турецкаго парламента—немыслимо. Чтобы Египетъ сталъ соображать свое законодательство съ желаніемъ случайнаго большинства греко-славянскихъ голосовъ въ Константинополѣ—невѣроятно. Чтобы подъ властью конституціоннаго государства могли оставаться разноплеменныя вассальства, не имѣющія съ его представительнымъ органомъ никакой связи, а между тѣмъ имѣющія собственное народное правленіе—это трудно допустить, потому что это значило бы допустить организованный въ независимые парламенты антагонизмъ народовъ.

Отпаденіе же вассальствъ отъ „возрожденной" Турціи—такой фактъ, который могъ бы вызвать новый кризисъ. Итакъ, повторяемъ, англійскому правительству въ случаѣ его рѣшимости пришлось бы принять на себя громадную отвѣтственность, давъ Мидхату дѣйствительныя средства и усвоивъ себѣ его програму.

Гораздо меньшая отвѣтственность могла бы пасть на Россію, въ случаѣ ея рѣшимости, чѣмъ на Англію, но уже не для устраненія кризиса, а для разрѣшенія его. Весь восточный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ вдругъ, и въ особенности вопросъ о томъ, кто будетъ владѣть Константинополемъ, при нынѣшнемъ положеніи Европы рѣшенъ быть не можетъ. Но настоящій кризисъ все-таки могъ бы быть правильно разрѣшенъ, и тѣмъ самымъ восточный вопросъ подвинутъ впередъ къ будущему рѣшенію.

Основные принципы отношеній Россіи къ восточному вопросу не нуждаются въ установленіи и уясненіи. Географическія условія очевидны для всѣхъ, а исторія русской политики со времени Петра всѣмъ извѣстна. Если государство въ теченіи болѣе чѣмъ полутора вѣка неуклонно стремится къ исполненію извѣстной задачи, то ясно

что въ задачѣ этой сказывается не произвольная, личная фантазія, но сознаніе бытовой народной потребности. Восточный вопросъ состоитъ изъ двухъ вопросовъ: какъ могутъ быть установлены удовлетворительныя отношенія между народами, живущими на Балканскомъ полуостровѣ, и кто долженъ владѣть Константинополемъ? Въ томъ и другомъ вопрбсѣ заинтересованы прежде всѣхъ—балканскіе народы, а за ними—Россія. Народы эти должны получить равноправность, будь то въ видѣ обновленнаго, конституціоннаго турецко-славянскаго государства, если оно возможно, чтó подлежитъ большому сомнѣнію, или въ видѣ федераціи самостоятельныхъ народныхъ единицъ. Константинополь долженъ быть по возможности нейтрализованъ, то-есть оставаться во владѣніи государства или союза мѣстныхъ племенъ. Но еслибы это по ходу дѣлъ оказалось невозможнымъ, то Константинополемъ должна владѣть не иная великая держава, какъ именно Россія. Всесвѣтное значеніе Босфора и Константинополя въ значительной мѣрѣ преувеличивалось всегда, съ цѣлями враждебными Россіи. Но теперь, послѣ прорытія Суэзскаго перешейка, и при возможности проведенія большой желѣзной дороги чрезъ Малую Азію, оно до нѣкоторой степени обратилось въ миѳъ, поддерживаемый преданіями иныхъ временъ. Реальный и первостепенный интересъ въ Босфорѣ и въ Черномъ морѣ—интересъ славянскій. Обѣ стороны восточнаго вопроса указываютъ на то, что по условіямъ географическимъ, историческимъ, этнографическимъ главная роль въ его рѣшеніи должна принадлежать Россіи. Безъ содѣйствія ея не можетъ состояться освобожденіе балканскихъ славянъ, и въ рѣшеніи вопроса собственно о Константинополѣ, изъ всѣхъ великихъ державъ, она наиболѣе непосредственно, наиболѣе реально заинтересована.

Настоящее положеніе Европы наименѣе благопріятно для рѣшенія восточнаго вопроса путемъ дипломатическихъ соглашеній. Но, съ другой стороны, давно не было случая столь удобнаго (и едва ли онъ скоро представится вновь), для того, чтобы значительно подвинуть вопросъ къ рѣшенію самостоятельнымъ, обдуманнымъ, но смѣлымъ дѣйствіемъ. Германія не пообѣщаетъ намъ дáромъ своего согласія, а цѣну, которую она можетъ запросить за него, мы ей дать не можемъ. Но еслибы на этотъ разъ мы имѣли въ виду только достигнуть полной независимости возставшихъ областей, Сербіи и Румыніи и территоріальнаго пріобрѣтенія для Черногоріи, то Германія ни въ какомъ случаѣ не рѣшилась бы на войну съ нами, изъ-за такого дѣла, войну, которая могла бы угрожать ей величайшей опасностью. Можно сохранять дружественное отношеніе къ Германіи, но все дѣло въ томъ, чтобы не спрашивать ея согласія и не заботиться

о немъ, какъ Германія не спрашивала нашего согласія въ дѣлѣ датскомъ, гдѣ также были замѣшаны интересы ея единоплеменниковъ и интересы соединенія двухъ морей, интересы Зунда, этого сѣвернаго Босфора.

Парижскій трактатъ 1856 года, на который графъ Дёрби сослался въ засѣданіи палаты лордовъ 3 (15) іюня, по собственному его признанію, не можетъ служить поводомъ къ вмѣшательству которой-либо изъ участвовавшихъ сторонъ во внутреннія распри между Портою и ея вассалами. Но для игры, которую ведетъ Англія, дѣйствительно необходимо, чтобы кто-нибудь сдерживалъ Сербію и Черногорію.

Мы не можемъ разсчитывать, чтобы Англія оказала намъ содѣйствіе въ достиженіи нашихъ видовъ, а потому и Англія не имѣетъ права ожидать, чтобы кто-нибудь неопредѣленное время поддерживалъ ея виды. Если державы не могутъ сообща устроить судьбу народовъ, населяющихъ Турцію, то пусть не мѣшаютъ имъ устраиваться собственными силами. Это совершенно согласно съ парижскимъ трактатомъ.

Само собою разумѣется, что еслибы Сербія стала въ главѣ христіанскаго движенія, оно немедленно приняло бы бóльшіе размѣры. При этомъ степень полнаго воздержанія другихъ хотя бы отъ косвенной помощи дѣлу христіанъ могла бы сообразоваться исключительно со степенью невмѣшательства Англіи въ пользу мусульманъ. Въ войну съ нами и Англія не вступитъ, потому что хотя у нея есть могущественный флотъ, но какъ въ дѣлѣ непосредственной помощи той или другой сторонѣ, такъ и въ дѣлѣ быстраго захвата Константинополя важна сила не флота, но того *десанта*, который можетъ быть на этомъ флотѣ.

При трезвомъ и безпристрастномъ взглядѣ на положеніе дѣлъ, едва ли можно допустить возможность рѣшенія восточнаго вопроса иначе, какъ оружіемъ христіанскихъ народовъ, находящихся подъ властью Порты. Если программу нынѣшняго турецкаго правительства видѣть въ „манифестѣ турецкихъ патріотовъ“ и „проектѣ конституціи“, то даже для осуществленія ея полезно и вмѣстѣ неизбѣжно было бы отпаденіе отъ Турціи большихъ вассальствъ. „Манифестъ“ былъ составленъ еще до переворота и приписываетъ всю вину въ бѣдствіяхъ Турціи—Абд-улу. „Проектъ“ указываетъ выходъ изъ этихъ бѣдствій въ содѣйствіи всѣхъ народовъ Турціи и ограниченіи власти султановъ. Но дѣло все-таки было не въ однихъ личныхъ свойствахъ прежняго султана и даже не въ полновластіи султана вообще, но еще въ томъ, возможно ли согласное существованіе и дѣй-

ствіе въ составѣ одного государства тѣхъ народовъ, которые подвластны Турціи. А при обсужденіи этого вопроса, если мы и допустимъ, что такое соглашеніе при конституціонномъ правленіи и возможно въ предѣлахъ собственной Турціи, то никакъ не можемъ признать, что оно возможно въ предѣлахъ всей оттоманской имперіи, включая вассальства. Но если, во всякомъ случаѣ, дѣло должно-таки придти къ отпаденію ихъ, то для чего же удерживать Сербію отъ провозглашенія нынѣ же неизбѣжнаго факта, для чего ставить основами для политики въ этомъ дѣлѣ не естественныя фактическія условія его самого, но заботливость о чьемъ-либо согласіи или содѣйствіи, которыя очевидно даны не будутъ? Намъ достаточно прекратить одно свое содѣйствіе къ поддержанію настоящаго положенія дѣлъ, а такого рода „бездѣйствіе" съ нашей стороны затруднило бы чрезвычайно всѣ ходы противника, особенно если бы къ такому же бездѣйствію обязались Австрія и Германія. Парижскій трактатъ не обязываетъ ни одну европейскую державу помогать Турціи *въ усмиреніи внутреннихъ* мятежей.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

XVI *).

Жоржъ Зандъ и ея произведенія.

I.

Новѣйшій французскій романъ понесъ громадную утрату. Жоржъ Зандъ умерла, въ своемъ Ноганскомъ зâмкѣ, въ четвергъ, 8-го іюня, въ десять часовъ 30 минутъ утра.

Чтобы вполнѣ освѣтить эту крупную литературную личность, необходимо опредѣлить съ точностью моментъ ея появленія. Первый ея романъ, „Индіана", относится къ 1832 г. Почти въ то же самое время Бальзакъ напечаталъ „Eugénie Grandet". Первое произведеніе, подписанное его именемъ, „Les Chouans", вышло въ 1827 г. Нако-

*) См. выше, іюнь, 873 стр.

нецъ, Викторъ Гюго, первый романъ котораго, „Han d'Islande", относится къ 1823 г., написалъ, въ 1831 г., „Notre-Dame de Paris". Какъ видимъ, Жоржъ Зандъ была въ числѣ тружениковъ начала нынѣшняго столѣтія; она шла на ряду съ творцами новѣйшаго романа и вмѣстѣ съ ними содѣйствовала своимъ оригинальнымъ талантомъ мощному движенію 1830 г., изъ котораго вышла вся наша современная литература. Для насъ она предокъ и предокъ вполнѣ независимый отъ тѣхъ мощныхъ личностей, среди которыхъ выросла.

Надо припомнить также, чѣмъ былъ романъ въ 1830 г. Восемнадцатый вѣкъ ничего не оставилъ, кромѣ „Manon Lescaut" и „Gil-Blas". „La Nouvelle Héloise" была не чѣмъ инымъ, какъ поэмой страсти, а „René" оставался поэтическимъ воплемъ, гимномъ въ прозѣ. Ни одинъ еще писатель не касался откровенно современной жизни, той жизни, какую встрѣчаютъ на улицахъ и въ салонахъ. Буржуазная драма представлялась низкой и вульгарной. Никому не казалось интереснымъ описывать семейныя дрязги, любовь господъ въ сюртукахъ, банальныя катастрофы, браки или смертельныя болѣзни, завершающія всѣ исторіи обыденной жизни. Конечно, новая формула романа носилась въ воздухѣ и ее подготовило медленное преобразованіе, начиная съ эпическихъ сказокъ m-lle де-Скюдери и кончая первыми, неподписанными произведеніями Бальзака. Но эту формулу слѣдовало ясно высказать и примѣнить въ хорошихъ произведеніяхъ. Словомъ, тотъ романъ, какой мы знаемъ, съ его подвижными рамками, изученіемъ среды, живыми лицами, предстояло еще создать.

Я назвалъ Виктора Гюго, но тотчасъ же устраню его, потому что не вижу въ немъ романиста. Онъ внесъ въ романъ свою поэтическую манеру, необузданное творчество лирическаго темперамента. Ему слѣдуетъ посвятить особую статью. По-моему, единственныя двѣ фигуры, мощно выдѣляющіяся на порогѣ нынѣшняго столѣтія, по правую и по лѣвую сторону того широкаго пути романа, по которому послѣдовала толпа писателей въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ— это фигуры Бальзака и Жоржа Занда. Онѣ представляются мнѣ двумя различными типами, породившими всѣхъ современныхъ романистовъ. Я не говорю про Александра Дюма, который тоже былъ отцомъ цѣлой толпы разсказчиковъ, но потомки котораго до такой степени уронили свое наслѣдіе, что оно стало ходячей монетой пошлости.

Жоржъ Зандъ изображаетъ собой мечту, жизнь не такую, какою ее наблюдалъ авторъ, но такую, какую бы ему хотѣлось создать. Мы вращаемся здѣсь въ идеализмѣ Руссо и Шатобріана. Жоржъ Зандъ продолжаетъ „Новую Элоизу" и заканчиваетъ „Рене". Она только придаетъ опредѣленность формулѣ романа, завѣщанной во-

семнадцатымъ столѣтіемъ, расширяетъ ее и завоевываетъ для нея цѣлый міръ. Но вотъ и все: въ ней нѣтъ ничего революціоннаго, съ литературной точки зрѣнія. Ея метода, ея фраза вѣрны традиціи и цѣпь не порывается ея произведеніями. Словомъ, она естественно продолжаетъ своихъ предшественниковъ. Надо въ особенности подчеркнуть ея манеру понимать романъ и пользоваться имъ, потому что въ этомъ заключается характеристическая черта ея индивидуальности. Конечно, она является превосходнымъ живописцемъ и, временами, весьма тонкимъ наблюдателемъ, умѣющимъ подмѣчать глухую работу и рѣзкое столкновеніе страстей; но она пользуется своими качествами съ умѣренностью и подвергаетъ ихъ строгому контролю. Такимъ образомъ, она не изображаетъ безразлично всего, чтó видитъ; она наблюдаетъ скорѣе затѣмъ, чтобы лечить, нежели затѣмъ, чтобы констатировать. Она сдерживаетъ или ускоряетъ игру страстей, смотря по своимъ авторскимъ требованіямъ, не всегда уважая дѣйствія человѣческой машины. Лучшимъ сравненіемъ, если хочешь получить ясное понятіе объ ея авторскомъ темпераментѣ, будетъ опять-таки сравненіе съ врачомъ, который, изслѣдовавъ больного, не распространяется о болѣзни, а говоритъ только о лекарствахъ и описываетъ съ увлеченіемъ блаженное здоровое состояніе, которое онъ возвратитъ больному организму. Жоржъ Зандъ всю свою жизнь желала быть цѣлителемъ, работникомъ прогресса, апостоломъ новой, блаженной жизни. У нея была поэтическая натура; она не могла долго вращаться на землѣ и уносилась въ сферу фантазіи при всякомъ вдохновеніи. Отсюда то странное человѣчество, которое ей мерещилось. Она искажала дѣйствительность, всякій разъ, какъ ея касалась. Она создавала воображаемый міръ, лучшій, чѣмъ нашъ, съ точки зрѣнія абсолютной справедливости, міръ, въ который слѣдуетъ входить съ закрытыми глазами и который получаетъ тогда прелесть и трогательную симпатичность видѣнія, вызваннаго доброй душой.

Бальзакъ, напротивъ того, рисуетъ правду. Врачъ перестаетъ быть цѣлителемъ; онъ анатомъ и философъ, прислушивающійся къ жизни, чтобы подмѣтить малѣйшее ея біеніе. Онъ работаетъ надъ человѣческимъ тѣломъ безъ жалости къ его судорожнымъ движеніямъ, онъ изслѣдуетъ и докладываетъ о томъ, чтó нашелъ, точно профессоръ въ клиникѣ, описывающій рѣдкую болѣзнь. Позднѣе, быть можетъ, благодаря его точнымъ изслѣдованіямъ, исцѣленіе получится; самъ же онъ остается вѣренъ чистому анализу и не думаетъ о немъ. Понятно, поэтому, что этотъ могучій наблюдатель сообщаетъ все, чтó видѣлъ, и въ какихъ условіяхъ видѣлъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ прикрасамъ, ни къ покровамъ, и изображаетъ человѣчество такимъ, какъ оно есть, во всемъ его безобразіи и во всей его красѣ.

Онъ не фабрикуетъ героевъ согласно какому-либо идеалу; онъ оставляетъ ихъ со всѣми природными недостатками и они только больше ему оттого нравятся. Словомъ, въ рукахъ у него скальпель практика, а не рѣзецъ художника-идеалиста. Отсюда являются тѣ живыя лица, съ которыми, кажется, сталкивался на тротуарахъ; то живое творчество, созданное изъ человѣческаго мяса и кожи и составляющее, безъ сомнѣнія, самое великое умственное чудо нашего вѣка.

Бальзакъ и Жоржъ Зандъ—вотъ двѣ стороны задачи, два начала, привлекающія всѣхъ нашихъ молодыхъ писателей: путь реализма, вѣрнаго жизни въ своихъ анализахъ и описаніяхъ, и путь идеализма, проповѣдывающаго и утѣшающаго читателей лживыми созданіями фантазіи. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ начался этотъ антагонизмъ и продолжается борьба: дѣйствительность и мечта борются другъ съ другомъ, раздѣляютъ публику на два лагеря и представляются двумя мощными борцами, старавшимися взаимно раздавить другъ друга страшной плодовитостью. Я скажу въ заключеніе, на чемъ, по-моему, остановился вопросъ и кто готовится побѣдить: Бальзакъ ли, умершій въ 1852 г., или Жоржъ Зандъ, скончавшаяся въ 1876 г.

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, мнѣ хочется привѣтствовать славную эпоху 1830 г., ознаменовавшуюся у насъ такимъ пышнымъ литературнымъ расцвѣтомъ. Въ 1857 г. Теофиль Готье писалъ: „двадцать-семь лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ 1830 г., а впечатлѣніе очарованія все еще существуетъ. Изъ земли изгнанія, гдѣ продолжаешь свой путь, добывая славу въ потѣ лица, сквозь тернія, камни и дороги, усѣянныя западнями, оглядываешься съ меланхолическимъ взглядомъ на потерянный рай“.

Наше поколѣніе — я говорю про людей, которымъ теперь лѣтъ тридцать-пять — могутъ только мечтать, когда имъ разсказываютъ про тѣ годы энтузіазма и вѣры, когда самый воздухъ опьянялъ людей. До насъ долетаютъ изъ той эпохи шумъ битвы, стиховъ и султановъ, развѣвавшихся во всѣ стороны, и безумія героевъ, не знавшихъ куда дѣвать избытокъ силъ. Мы слышимъ эпическій гвалтъ громадной кузницы, мѣхи, раздувающіе пламя, молоты, падающіе съ мѣрнымъ стукомъ, гигантовъ того времени, кующихъ среди раскатовъ грома произведенія, составленныя изъ огня и желѣза, которыя они завѣщали намъ. Конечно, теперь, когда мы заражены скептицизмомъ, слѣдуетъ отвести долю во всемъ этомъ модѣ, карнавалу юныхъ и веселыхъ дней. Старики, которыхъ я разспрашивалъ, улыбались, говоря мнѣ, насколько легенда изукрасила славное время 1830 г. Но чего нельзя отрицать, такъ это произведеній Бальзака, Жоржъ Занда, Виктора Гюго, Альфреда Мюссэ, Мишле, Теофиля Готье, Ла-

мартина, Стендаля, не говоря уже о другихъ. Эпоха, создавшая такихъ людей, должна остаться въ исторіи, какъ одна изъ самыхъ плодотворныхъ и мощныхъ.

Я часто уносился въ міръ грезъ, читая біографіи этихъ писателей. Чтобы понять мою грусть, надо знать то время, въ какое мы живемъ, и сравнить его съ прошедшимъ. Писатели начала нынѣшняго столѣтія являются намъ соединенными узами героическаго товарищества, тѣсно сплоченными между собой въ походѣ для завоеванія литературныхъ вольностей. У нихъ есть салоны, они становятся владыками парижской мостовой, отправляются съ читателями въ Неаполь и Венецію. А мы въ настоящее время живемъ какъ волки, каждый въ своемъ углу и искоса поглядываемъ другъ на друга, улицы во власти шарлатановъ, гитары разбиты и намъ знакомы одни только версальскіе фонтаны. Я знаю, что слезы, проливаемыя мною обо всѣхъ этихъ блесткахъ романтическаго карнавала, свидѣтельствують лишь о моемъ малодушіи. Въ сущности, Италія вовсе для меня не привлекательна, потому что я предпочитаю мой великій современный Парижъ антикварскимъ диковинамъ чужеземныхъ странъ. Писатели превратились въ буржуа, что вовсе не дурно, потому что позволяетъ имъ изучать истину съ болѣе разумной и настойчивой страстью. Надо жить будничною жизнью, чтобы любить и вѣрно изображать будничную жизнь. Наше новое искусство, наша любовь къ дѣйствительности, отвращеніе къ фразѣ и требованія непрестаннаго наблюденія *обуржуазили* насъ и замкнули въ кабинетахъ, какъ какихъ-нибудь ученыхъ. Но о чемъ можно пожалѣть, такъ это о тѣсной дружбѣ, о братствѣ умовъ. Мы дѣйствуемъ особнякомъ и несемъ съ трудомъ бремя своего одиночества.

Да! литературному моменту, переживаемому нами, не достаетъ блеска молодости, озарившаго такимъ сіяніемъ первые годы іюльской монархіи. Конечно, я вѣрю, что мы достойно продолжаемъ ихъ трудъ; но мы вступили въ неблагодарную эпоху зрѣлаго возраста, когда уже недостаточно пѣть, а нужно служить правдѣ, вотъ почему наша эпоха кажется печальной. Мы шествуемъ среди развалинъ романтическаго храма. Со смертью каждаго писателя 1830 г. рушится какъ-бы лишній столбъ. Ламартина, Теофиля Готье, Мишле, Эдгара Кинэ нѣтъ больше въ живыхъ. Не стало теперь и Жоржъ Занда! Остается одинъ Викторъ Гюго, глава, колоссъ, чьи сильныя плечи могутъ еще поддержать шатающееся зданіе. Но послѣ него плугъ можетъ пройти по безлюдному полю.

II.

Жоржъ Зандъ родилась въ Парижѣ, въ 1804 г. Она происходитъ по отцу отъ Морица Саксонскаго, побочнаго сына польскаго короля Августа II. Въ 1808 г. умираетъ ея отецъ, и она воспитывается въ замкѣ Ноганъ, близъ Шатра, въ Берри, матерью и бабушкой, которыя постоянно ссорятся изъ-за нея. Она остается тамъ до 1817 г., т.-е. до тринадцати-лѣтняго возраста. Это первое дѣтство характеристично. Она живетъ на волѣ, предоставленная самой себѣ, бѣгаетъ по лѣсу съ крестьянскими ребятишками, отличается ухарскими манерами и проникается любовью къ свѣтлымъ водамъ и высокимъ деревьямъ. Добродушіе, простота, любовь къ равенству почерпнуты ею изъ этого источника, въ общеніи съ природой и простыми людьми. Позднѣе, когда она заговорила о деревнѣ съ такимъ глубокимъ чувствомъ, въ ней ожили воспоминанія дѣтства. Геній, повидимому, проявлялся въ ней съ самаго дѣтства. Она изобрѣтаетъ на посидѣлкахъ безконечныя исторіи; мечтаетъ о героѣ, котораго нарекаетъ Корамбэ и устроиваетъ ему жертвенникъ изъ камней и мха, въ углу сада. Долгіе годы носится она съ своимъ Корамбэ, лелѣя мысль написать романъ, родъ поэмы, въ которой разскажетъ чрезвычайныя похожденія этого знаменитаго созданія ея фантазіи. Главныя ея качества: изобрѣтательность и идеализація уже проявляются.

Но въ тринадцать лѣтъ ее постигаетъ большое несчастіе. Мать и бабушка рѣшительно не могутъ столковаться на счетъ ея воспитанія и рѣшаютъ отдать ее въ монастырь, въ Парижъ. Подумайте, какъ тоскливо должно было быть вольной пташкѣ, запертой въ темную клѣтку англійскихъ августинокъ, въ улицѣ Фоссе-Сенъ-Викторъ. Она плачетъ, вспоминая о своей милой деревнѣ, о тѣнистыхъ лѣсахъ, о солнечныхъ утрахъ и свѣтлыхъ сумеркахъ. Но при монастырѣ есть большой садъ. Она мало-по-малу утѣшается и заживаетъ по старому. Сначала она бунтуется и грозитъ взбунтовать весь домъ. Но потомъ вдругъ въ одно прекрасное утро, стоя на колѣняхъ въ церкви, воображаетъ, что ее осѣнила благодать, и проникается такой набожностью, что поговариваетъ о томъ, чтобы сдѣлаться монахиней. Это составляетъ романъ той эпохи ея жизни; Корамбэ забытъ и его замѣняетъ Христосъ. Но кризисъ длился не долго. Старикъ-исповѣдникъ, изъ іезуитовъ, вылечилъ ее отъ болѣзни сомнѣній, въ какую впадаютъ всѣ слишкомъ пылкія, юныя богомолки. Съ тѣхъ поръ она, повидимому, довольно холодно относилась къ религіи, которая ее не удовлетворила. Но ей надобно было занятіе, какая-нибудь страсть, и она придумала устроить театръ для развлеченія общины.

Она сама сочиняла пьесы, при помощи воспоминаній, оставленныхъ прежнимъ чтеніемъ Мольера. Такимъ образомъ, въ каждую эпоху ея жизни мы видимъ внутреннее пламя, пожирающее ее, потребность израсходовать силы на работѣ или въ мечтахъ.

Въ 1820 г., шестнадцати лѣтъ она возвращается въ Ноганъ и на слѣдующій же годъ лишается бабушки. Мать одна отнынѣ надзираетъ за ней, но у ней былъ, повидимому, очень тяжелый и раздражительный характеръ, отъ котораго дочери пришлось много выстрадать. Впрочемъ, послѣдняя пользуется неограниченной свободой и возобновляетъ прежній образъ жизни. Она ѣздитъ верхомъ, бѣгаетъ по полямъ и лѣсамъ, въ сопровожденіи одного только крестьянскаго мальчика. Но чтеніе всего сильнѣе вліяетъ на нее. Она читаетъ все, что ей ни попадется подъ руку. Историческія и философскія книги не пугаютъ ее; напротивъ, она особенно увлекается ими. Въ монастырѣ „Библія" и „Подражаніе Христу" приводили ее въ восторгъ. Въ Ноганѣ ее, во-первыхъ, очаровываетъ „Génie du Christianisme". Затѣмъ Жанъ-Жакъ Руссо производитъ на нее потрясающее впечатлѣніе; она находитъ то откровеніе, какого искала, и вся отдается учителю. Натурально, что религія сильно поколебалась въ ней; она прочитала Мабли, Лейбница и привыкла къ свободному анализу. Впрочемъ, она еще исполняла церковные обряды, пока ссора съ духовникомъ окончательно не оттолкнула ее отъ церкви. Отнынѣ она дѣлается деисткой и остается такою на всю жизнь; она держалась религіи поэтовъ, обожая Бога внѣ всякихъ существующихъ вѣроисповѣданій. Надо сказать, что въ эту эпоху поэзія завладѣла ею. Байронъ и Шекспиръ внушаютъ ей необыкновенный восторгъ. Характеръ ея установился; искусство дѣлается ея настоящимъ вѣрованіемъ. Во всемъ этомъ она, конечно, не свободна отъ господствовавшаго тогда повѣтрія. Она подпадаетъ разочарованію, овладѣвшему великими умами начала нынѣшняго столѣтія, она увлекается модой и плачетъ слезами Рене. Если поэты нагоняютъ на нее меланхолію, то Руссо учитъ ее возмущенію. Она относится къ обществу какъ къ злой мачихѣ, и уже быть можетъ собирается бороться съ нимъ. И даже простираетъ отвращеніе къ жизни такъ далеко, что въ одинъ прекрасный день подумываетъ о самоубійствѣ и направляетъ лошадь въ очень глубокій ровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такая натура, сильная, свободная, эмансипированная по уму и образу жизни, мало подходила къ браку. Когда ненавидишь людей, то мало вѣроятно, чтобы поладить съ мужемъ. Однако, чтобы избавиться отъ несноснаго характера матери, она соглашается въ 1822 г. выдти замужъ за Дюдевана, сына барона первой имперіи. Семейная жизнь продолжается девять лѣтъ, среди не-

прерывныхъ раздоровъ. Наконецъ, въ 1831 г. происходитъ соглашеніе, и супруги разстаются. У ней было двое дѣтей. Она уѣзжаетъ въ Парижъ съ дочерью, оставивъ сына мужу. Ей въ эту эпоху было двадцать-девять лѣтъ и часъ славы ея пробилъ.

Въ Парижѣ приступы ея очень скромны. Она заработываетъ немного денегъ, разрисовывая папиросницы и табакерки изъ дерева. Но главная цѣль ея писать; она ищетъ сначала переводовъ; потомъ рѣшается спросить совѣта у Бальзака, который не угадываетъ въ ней геніальную женщину и пытается отклонить ее отъ ея намѣренія. Делатушъ, редакторъ „Фигаро", допускаетъ ее, наконецъ, на страницы своего журнала, гдѣ первые ея дебюты были не блистательны. Наконецъ она издала, въ сотрудничествѣ съ Жюлемъ Сандо, свой первый романъ „Rose et Blanche", а нѣсколько мѣсяцевъ позже издаетъ „Индіану", подписанную уже именемъ Жоржъ Зандъ, долженствовавшимъ стать знаменитымъ. Всѣмъ извѣстно, какъ это имя было измышлено. Делатушъ, печатая „Rose et Blanche", укоротилъ имя Жюля Сандо на Жюля Сандъ. Потомъ, чтобы удержать эту подпись, когда появилась „Индіана", онъ посовѣтовалъ той, которая была въ то время только m-me Дюдеванъ, измѣнить имя Жюль на Жоржъ.

Жоржъ Зандъ появилась на свѣтъ божій. Тутъ начинается тотъ рядъ похожденій и эксцентричностей, которыя взбунтовали противъ нея всю буржуазію. Она одѣлась въ мужское платье, которое, впрочемъ, носила уже въ Ноганѣ въ своихъ длинныхъ экскурсіяхъ. Она облеклась въ сюртукъ изъ толстаго сѣраго сукна, панталоны и жилетъ той же матеріи, сѣрую шляпу и шерстяной галстукъ. Она смахиваетъ на студента первокурсника. Сапоги въ особенности восхищаютъ ее. Она сама разсказала объ этомъ: „я бы охотно спала въ нихъ. На маленькихъ, подбитыхъ гвоздями, каблукахъ мнѣ удобно было ходить по тротуарамъ, и я летала съ одного конца Парижа на другой".

Прибавьте къ этому, что она курила папиросы и даже сигары. Скандалъ вышелъ блистательный. Ея первые романы, въ которыхъ она такъ ожесточенно нападаетъ на бракъ, дѣлаютъ ее въ глазахъ публики какимъ-то чудовищемъ, революціонеркой, погрязшей въ развратѣ и мечтающей разрушить весь общественный строй. Въ настоящее время, полагаю, излишне защищать ее, потому что мужской костюмъ ея только вызываетъ улыбку. То было время разгара романтическаго карнавала; она носила панталоны, какъ носятъ кокарду, изъ любви къ Байрону. Смѣлость мысли сопровождалась смѣлостью костюма. Она хотѣла быть мужчиной.

Тутъ начинается ея продолжительная, сорокалѣтняя литературная дѣятельность, этотъ неисчерпаемый потокъ произведеній, ни на

минуту не изсякавшій. Она роковымъ образомъ остается женщиной и женщиной эмансипированной, вѣрующей въ свободную любовь, въ святость страсти. Я не хочу входить въ альковныя подробности и повторять легенды, ходившія между буржуа, приведенными въ ужасъ. Теперь она представляется намъ великой и честной, даже въ своихъ увлеченіяхъ. Но нѣкоторыя изъ ея связей принадлежатъ исторіи литературы по тому вліянію, какое имѣли на ея талантъ. Необходимо напомнить объ ея путешествіи въ Италію съ Альфредомъ де-Мюссэ; ихъ любовь подъ голубымъ небомъ Венеціи, трагическую развязку которой она сама разсказала въ „Elle et Lui". Нельзя не упомянуть про ея связь съ Мишелемъ (изъ Буржа), съ Пьеромъ Леру и Фредерикомъ Шопеномъ, поочередно вліявшимъ на складъ ея ума. За ними слѣдовали многіе другіе, которыхъ называть я не смѣю, потому что не убѣжденъ въ достовѣрности. Она оставалась возвышенной и гордой, среди всѣхъ этихъ страстей, увлекаемая скорѣе умомъ, чѣмъ чувственностью, и отыскивая, быть можетъ, несуществующій идеалъ любовника, подобно тому, какъ Донъ-Жуанъ тщетно искалъ идеальной любовницы. Она увлекалась только талантомъ, и мы сейчасъ увидимъ, изучая ея произведенія, что трибунъ Мишель (изъ Буржа), философъ-гуманистъ Пьеръ Леру, великій композиторъ Фредерикъ Шопенъ вліяли главнымъ образомъ на ея умъ.

Само собой разумѣется, что она республиканка и привѣтствуетъ республику 1848 года лирическимъ слогомъ. Но въ іюньскіе дни ее приводятъ въ ужасъ убійства, доброта ея возмущается и она больше не понимаетъ необходимости борьбы. Въ этомъ, быть можетъ, вполнѣ выразилась ея натура, съ ея порывами вѣры и естественной апатіей. Она удаляется въ Ноганъ и пишетъ сельскіе романы, какъ-бы въ видѣ успокоенія послѣ своей революціонной кампаніи. Она сотрудничала въ „Commune de Paris", вмѣстѣ съ Барбесомъ и Сорбріэ, и даже основала газету „La Cause du Peuple". Сельскіе романы останутся лучшими ея произведеніями, потому что она вложила въ нихъ лучшую часть самой себя, подъ вліяніемъ потребности мира и доброты, которая овладѣла ею послѣ борьбы, когда набатъ іюньскихъ дней еще звучалъ въ ея ушахъ. Тутъ сердце ея, повидимому, успокоилось, жизнь расширилась и приняла видъ большого тихаго озера, хрустальная поверхность котораго отражаетъ небо. Осень рано началась для нея и отличалась чудной мягкостью и зрѣлостью. Она сдѣлалась той хозяйкой Ногана, которую знавало наше поколѣніе; она вся отдалась внучкамъ и труду. Договоръ, связывавшій ее съ „Revue des Deux Mondes", принуждалъ ее не выпускать пера изъ рукъ до послѣдняго часа. При второй имперіи, она производитъ непрерывно, обратившись къ чистому искусству, свободному отъ философскихъ и

гуманныхъ вліяній. Она переживаетъ какъ-бы вторичную молодость, болѣе спокойную и болѣе ясную. Всего какихъ-нибудь два мѣсяца тому назадъ, она напечатала еще романъ, послѣдній.

Нѣтъ ничего величественнѣе этого высокаго образа матроны! Старость ея снискала ей всеобщее уваженіе. Брань умолкла вокругъ нея. Никто не думалъ больше объ эксцентрическихъ выходкахъ былого времени; всѣ помнили только объ ея великомъ талантѣ, ея мощной производительности. Она вела жизнь простой матери семейства; вязала, ходила за курами, оказывала широкое гостепріимство, издавна присущее ея дому. Работала она по ночамъ. Она становилась все молчаливѣе и серьёзнѣе, мало говорила, отвѣчала только улыбками, и умерла, какъ великая, простая душа, высказавъ желаніе, чтобы ее похоронили безъ всякой пышности, на деревенскомъ кладбищѣ, подъ землей, которую нѣкогда попирали ея дѣтскія ножки.

Существуютъ весьма характеристичные портреты Жоржа Зандъ. Старѣйшій изъ нихъ—это гравюра Каламатты, съ картины Ари Шеффера. Жоржъ Зандъ было тогда тридцать-шесть лѣтъ. Она была широкоплечая. Голова нѣсколько велика и продолговата, съ крупными чертами и великолѣпными глазами, придававшими ей характеръ спокойной и энергической красоты. Волосы, гладко причесанные на вискахъ въ густые бандо, еще увеличивали выраженіе крайняго спокойствія, при всей смѣлости мысли. Позднѣе, Кутюръ нарисовалъ карандашомъ ея портретъ, изображающій ее уже съ нѣсколько огрубѣвшими чертами лица, которое, однако, выиграло въ добротѣ то, что утратило въ романтической красотѣ. Наконецъ, всѣмъ извѣстны ея послѣднія фотографіи, изображающія ее въ простомъ шерстяномъ платьѣ, отказавшейся отъ всякаго кокетства и сохранившей лишь на лицѣ добродушіе матроны. Лицо толстое, глаза остаются прекрасными; губы выпячены впередъ, съ выраженіемъ нѣжности и кроткой философіи. Кажется, какъ будто любовь къ природѣ придала этому лицу выраженіе умиленной серьёзности, отличающее лицо старыхъ крестьянокъ, постоянно живущихъ на открытомъ воздухѣ. Она красовалась ясной старостью деревьевъ; у ней былъ высокій лобъ, загорѣлая кожа, и по временамъ лицо ея озарялось удивительнымъ отблескомъ молодости, подобной тѣмъ побѣгамъ свѣжей зелени, какія мы видимъ весною на полумертвыхъ стволахъ. Жизнь въ ней оставалась молодою.

III.

Я отмѣтилъ въ общихъ выраженіяхъ главныя событія этой богатой жизни. Теперь мнѣ будетъ легче охарактеризовать характеръ и литературный темпераментъ Жоржа Зандъ.

О ней судили весьма ошибочно, когда видѣли въ ней реформатора, революціонера, упорнаго въ своей ненависти къ обществу. На мой взглядъ она оставалась женщиной всегда и во всемъ. Этимъ обусловливаются ея слабости и ея геній. Она была женщиной необыкновенной, женщиной съ пламеннымъ сердцемъ, но все же роковымъ образомъ связанной съ своимъ поломъ и подверженной его слабостямъ. Въ студенческомъ сюртукѣ, въ пылу самыхъ жаркихъ страстей, она не переставала быть женщиной, матерью и женою, строго подчиненной естественнымъ законамъ. Въ ней слишкомъ упорно искали мужчину, слишкомъ много толковали о мужественности ея натуры и, наконецъ, создали легенду, отъ которой критику требуется избавиться съ нѣкоторымъ усиліемъ, чтобы произнести правильное о ней сужденіе.

На мой взглядъ, напротивъ того, у немногихъ женщинъ до такой степени развито женское чувство. Никогда не терпѣла она въ своемъ присутствіи нескромныхъ разговоровъ, малѣйшая скабрёзность сердила и огорчала ее. Въ старости она заразилась маніей чопорности. Она сама убирала свое бѣлье и запиралась на ключъ, когда одѣвалась. Спальня ея была святилищемъ, куда никто не входилъ. Во время внутренней болѣзни, унесшей ее въ могилу, докторамъ стбило большихъ трудовъ убѣдить ее позволить себя изслѣдовать, и имъ приходилось прибѣгать ко всякаго рода перифразамъ, чтобы распросить ее, не оскорбляя. И тутъ приходится отмѣтить двѣ характеристическія черты: чувство женской стыдливости и отвращеніе поэта къ грязи человѣческой природы. Это отвращеніе должно было быть въ сущности очень сильно, сильнѣе даже чувства стыдливости, потому что она чувствовала потребность все идеализировать и паденіе своихъ героинь всегда облекала поэтической прелестью, скрашивая этимъ немощь плоти. Жоржъ Зандъ—женщина все намъ объясняетъ. Ея свободное воспитаніе, жизнь среди сельской простоты подготовили въ ней стремленіе къ независимости, странную смѣсь мечтательности и дѣятельности, характеризующихъ, повидимому, ея темпераментъ. Не надо при этомъ упускать изъ виду преждевременное развитіе ея ума, благодаря чтенію поэтовъ и философовъ, ставшихъ въ уединеніи Ногана ея единственными друзьями. Мы видимъ, что она выросла независимой и привыкшей къ свободному анализу, не-

признавающей другихъ руководителей, кромѣ разума и сердца. Она дѣлаетъ неудачное замужство, и съ той поры возмущеніе неизбѣжно. Руссо, Шатобріанъ и Байронъ бродятъ въ этой молодой и сильной натурѣ. Какъ скоро она возьметъ перо въ руки, она напишетъ протестъ противъ общественнаго закона, распоряжающагося личностью, наперекоръ законамъ естественнымъ. Она пишетъ вмѣстѣ съ тѣмъ защиту своего собственнаго дѣла; она мститъ за девять лѣтъ несчастной брачной жизни; она вкладываетъ всю душу въ свое произведеніе, со всѣми ея слезами и страстью. Конечно, я не хочу унижать ея великолѣпнаго негодованія сравненіемъ съ простой женской досадой. Но несомнѣнно, что въ ея первыхъ романахъ женщина особенно сказывается въ негодованіи на бракъ, который ей навязали. Я не говорю о противорѣчіяхъ, недомолвкахъ, коими полны ея сочиненія. Она слѣдуетъ за своей мечтой, которая часто приводитъ ее не туда, куда она думала. Она крайне впечатлительное существо, повинующееся минутной страсти. Она отдается ей вся, дѣлаетъ изъ нея свое credo, возлагаетъ на нее всѣ свои упованія и надежды до тѣхъ поръ, пока новая страсть не овладѣетъ ею и не обратитъ ее въ новую вѣру. И нѣтъ ничего типичнѣе этихъ увлеченій; повторяю: нѣтъ ничего женственнѣе. Представьте себѣ душу благородную, влюбленную въ прекрасное, трепещущую отъ великихъ идей гуманности, прогресса и свободы; вдохните въ эту душу жаръ восторга и вѣру ученика, который вскорѣ возмущается и измѣняетъ вѣрованію, когда находитъ темную и печальную дѣйствительность на глубинѣ самой идеальной любви. Помѣстите ее въ эпоху литературнаго расцвѣта умственной борьбы—и вы получите Жоржъ Зандъ, съ ея порывами и удаленіемъ въ пустыню, ея реформаторскими походами, оставшимися безплодными, и ея окончательнымъ тріумфомъ, какъ великой писательницы.

Да! она сама заблуждалась, когда минутами мечтала о роли революціоннаго моралиста. Она должна была бы быть мужчиной, чтобы имѣть ту настойчивую волю сектантовъ, которая одна можетъ обратить цѣлую жизнь на служеніе idée fixe. Если, напримѣръ, въ предисловіяхъ къ первымъ изданіямъ „Индіаны“ она высказывала свои соціальныя теоріи, за то написала слѣдующія строки въ предисловіи къ изданію 1852 г., „Въ этой книгѣ усматривали преднамѣренное нападеніе на бракъ. Я не радовалась такими хитростями и была крайне удивлена тѣми прекрасными вещами, которыя критика съумѣла насказать про мои разрушительныя намѣренія. Критика слишкомъ умна, и это ее погубитъ. Она никогда не судитъ наивно о томъ, что наивно написано“. И въ этихъ словахъ, очевидно, заключается истина. Позднѣе, Жоржъ Зандъ, въ другихъ романахъ, прославляла святость,

полнѣйшее благополучіе брака. Она оставалась вѣрна только прекрасному и великимъ, великодушнымъ чувствамъ, но, помимо этого, нѣтъ тезиса, который бы она сначала не защищала, а потомъ не опровергала. Она поистинѣ шествовала съ закрытыми глазами среди своихъ прекрасныхъ мечтаній и ей было пріятнѣе всего отдавать себя въ руки руководителя, въ котораго она вѣрила. Это объясняетъ ея роль послѣдователя столькихъ болѣе или менѣе знаменитыхъ людей, которыхъ я назвалъ выше. Женщина въ ней, не взирая на оригинальность ея таланта, нуждалась въ опорѣ. Она эмансипировалась, но оставалась по характеру равной слабѣйшей изъ своихъ подругъ: она любила прислонять голову къ сильному плечу. Одинъ критикъ сказалъ: „Она не что иное, какъ эхо, скрашивающее голоса". Другой, болѣе злой, прибавилъ, пародируя слова Бюффона: „Chez madame George Sand, le style, c'est l'homme". Есть частица правды въ этихъ чересчуръ суровыхъ отзывахъ. Если ее ближе изучить, то тотчасъ же признаешь въ ней женщину.

И какъ она, поэтому, нѣжна къ своимъ героинямъ. Женщина въ ея произведеніяхъ почти всегда восторженна, между тѣмъ какъ мужчина обыкновенно играетъ гнусную роль. У ней есть, крайне типичный, идеалъ женщины благоразумной и страстной, рыцарски-благородной и осторожной. Очевидно, она мечтала чисто инстинктивно, объ обновленіи общества черезъ женщинъ. И вотъ почему она пустила гулять по бѣлу-свѣту цѣлый полкъ героинь, такихъ смѣлыхъ и такихъ хитрыхъ—порою, и такихъ прекрасныхъ всегда. Изъ нихъ можно набрать цѣлый эскадронъ амазонокъ, и я усталъ бы, перечисляя ихъ. Эдмэ изъ „Мопра", о которой я буду говорить ниже, стоитъ во главѣ этого отряда; за ней слѣдуютъ другія: маленькая Фадетта, совершающая чудо превращенія въ красавицу, чтобы побѣдить; Каролина изъ „Маркиза де-Вилльмеръ", которую ея скромная и героическая любовь возвышаетъ изъ положенія demoiselle de compagnie до положенія маркизы. Ограничусь этими примѣрами, и тутъ же укажу на безплодность этой кампаніи. Жоржу Зандъ не удалось подвинуть ни на одинъ шагъ эмансипацію женщинъ. Только дѣло поэта пережило, потому что поэтъ вѣровалъ. Моралистъ былъ слишкомъ разсудителенъ и слишкомъ зараженъ сомнѣніемъ, чтобы упорствовать. На этотъ длинный кортежъ героинь смотришь только, какъ на трогательныя и гордыя созданія, какъ на дщерей поэзіи, слишкомъ утонченной природы, слишкомъ чуждыхъ реальной жизни, чтобы послужить солиднымъ аргументомъ для какого-нибудь тезиса.

Вотъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ Жоржъ Зандъ охарактеризовала самоё себя съ большой проницательностью: „у меня натура поэтическая, а не законодательная, воинственная въ случаѣ нужды,

но отнюдь не парламентская. Меня можно подвинуть на все, убѣдивъ первоначально и затѣмъ командуя мною. Но я не способна ничего открыть, ничего рѣшить. Я приму все, чтó будетъ хорошо. Пусть потребуютъ отъ меня мое имущество и жизнь, но пусть оставятъ мой умъ блуждать среди сильфовъ и нимфъ поэзіи". И теперь, если мы сопоставимъ съ этими признаніями слѣдующія нѣсколько строкъ, содержащихъ религіозную исповѣдь, то получимъ о ней полное понятіе: „религія моя никогда не мѣнялась, что касается сущности: формы прошлаго разсѣялись для меня, какъ и для моего вѣка, при свѣтѣ разсудка; но вѣчное ученіе вѣрующихъ: Богъ милосердый, душа безсмертная и упованіе будущей жизни—вотъ чтó устояло противъ всякаго анализа, всякаго разсужденія и даже въ промежутки отчаяннаго сомнѣнія". Она была созерцательнаго характера и декстична по убѣжденіямъ—невозможно ее опредѣлить короче.

Къ тому же, обычная ея манера держать себя выдавала ея настоящій характеръ. Она не отличалась остроуміемъ, въ легкомъ и блестящемъ значеніи этого слова. Въ разговорѣ она являлась блѣдной, вялой, стѣсненной. Ея нѣсколько полное лицо, ея большіе глаза хранили нѣмую апатичность, глубокомысленное и сосредоточенное выраженіе думающихъ животныхъ. Она непрерывно курила папиросы, выпуская дымъ и слѣдя за его извивами. Ей нельзя было доставить бóльшаго удовольствія, какъ забыть объ ея присутствіи и вести себя такъ, какъ еслибы ея не было въ комнатѣ. Она слушала и вскорѣ погружалась въ мечтаніе съ открытыми глазами. Жизнь у ней сосредоточивалась внутри ея. Она походила на тѣхъ морскихъ птицъ, которыя съ такимъ трудомъ ходятъ по песку, когда выходятъ на берегъ, и которыя обрѣтаютъ свои мощныя и быстрыя движенія, какъ скоро опустятся на воду. Если она тихо и тяжело плелась по землѣ, за то легко уносилась въ небо, когда брала въ руки перо. Слова, путавшіяся на ея губахъ, текли тогда съ неподражаемой быстротой и шириной. Вся ея апатія разрѣшалась громаднымъ трудомъ. Она была въ сущности только поэтомъ и умѣла только писать.

Манера писать довершаетъ ея портретъ. Она работала по ночамъ, чтобы быть окруженной полнѣйшимъ покоемъ. Между тѣмъ, она могла работать и среди шума,—такъ сильна была въ ней способность сосредоточиваться и забывать о цѣломъ мірѣ. Въ Ноганѣ, она писала на маленькомъ столикѣ въ гостинной, засиживаясь до четырехъ-пяти часовъ утра, послѣ того какъ ея гости разойдутся спать. У ней были перо, чернильница и тетрадь бумаги, крѣпко сшитая, и больше ничего; ни плана, ни замѣтокъ, ни книгъ, ни какихъ бы то ни было матеріаловъ. Начиная романъ, она руководилась какой-нибудь общей идеей, довольно темной, надѣясь на свое вообра-

женіе. Лица создавались подъ ея перомъ, событія развивались; она спокойно доходила такимъ образомъ до самаго конца своей идеи. Быть можетъ, не существуетъ въ литературѣ другого примѣра такой трезвой работы, свободной отъ всякой лихорадочности. Можно сравнить ее съ свѣтлымъ источникомъ, мирно текущимъ безъ малѣйшаго журчанія. Рука двигалась мѣрно, почеркъ оставался крупнымъ, спокойнымъ, правильнымъ, зачастую на рукописи не бывало ни одной помарки. Можно было подумать, что кто-то диктуетъ, а Жоржъ Зандъ пишетъ.

Отсюда такой своеобразный слогъ. Онъ своеобразенъ въ особенности по отсутствію въ немъ всякой своеобразности. Языкъ гладокъ, плавенъ, удивительно правиленъ; онъ убаюкиваетъ читателя глубокимъ и мощнымъ шумомъ рѣки съ свѣтлыми водами. Ничто не останавливаетъ вниманія, ни живописное прилагательное, ни новый оборотъ рѣчи, ни причудливое сочетаніе словъ. Писатель все еще держится размѣреннаго періода восемнадцатаго столѣтія и лишь изрѣдка переплетаетъ его рубленымъ слогомъ современныхъ романистовъ. Передъ вами развертывается картина правильнаго рисунка, солидныхъ красокъ. Бываютъ умы, съ прирожденнымъ даромъ грамматики. Я увѣренъ, что она никогда не дѣлала усилій писать хорошо. Она естественно хорошо писала; пуризмъ формы былъ ей присущъ. Что касается ея, какъ колориста, то съ этой стороны она была благоразумна, тоже вслѣдствіе темперамента, отвращающагося отъ всякихъ крайностей. Она могла написать превыспреннія и фразистыя сочиненія, въ родѣ „Леліи", но ея обычный тонъ трезвъ и нѣсколько сухъ. Она передавала пейзажъ широкими штрихами и достигала величія, пересказывая свои впечатлѣнія въ прекрасныхъ, простыхъ выраженіяхъ. Этого нельзя не отмѣтить среди романтическаго фейерверка, въ тотъ часъ, когда каждый писатель уснащалъ свои идеи яркими и причудливыми украшеніями. Романтическая душа оживляла ея творенія, но слогъ оставался классическимъ. И онъ былъ почти безсознательнымъ продуктомъ этой натуры, талантомъ романиста, тѣмъ даромъ, благодаря которому творенія его будутъ жить, несмотря на недостатки концепціи.

Разсказываютъ, будто у Жоржа Зандъ, за нѣсколько времени до смерти, вырвались слѣдующія слова о самой себѣ: „я слишкомъ упивалась жизнью". Я вдумывался въ эти слова, и никакъ не могъ понять ихъ.

Жоржъ Зандъ, по-моему, всегда проходила возлѣ жизни; она жила воображеніемъ; въ немъ находила она свои радости и горести. Ея существованіе было погоней за идеаломъ; если порою она парила очень высоко и затѣмъ падала на землю, то потому, что идеалъ ее

поддерживалъ и объ идеалъ же она и спотыкалась. Я бы скорѣе представилъ себѣ, что въ послѣдній часъ своей жизни она раскрыла глаза на дѣйствительность земныхъ вещей и вскричала, при открытіи истины:

„Я слишкомъ упивалась мечтой".

IV.

Плодовитость Жоржа Зандъ была неистощима. Въ теченіи своей сорокачетырехлѣтней литературной дѣятельности, можно безъ преувеличенія считать, что она писала среднимъ числомъ по два романа въ годъ, что́ составитъ девяносто сочиненій. Я не считаю при этомъ театральныхъ пьесъ, комедій или драмъ, сборникъ которыхъ образуетъ четыре тома. Я не могу входить въ разборъ такого значительнаго числа произведеній; но желаю по крайней мѣрѣ указать на различныя группы и остановиться на четырехъ или пяти, которыя могутъ дать ясное понятіе о различной манерѣ писательницы.

Первые ея романы несомнѣнно надѣлали всего болѣе шума. О нихъ напечатано много глупостей. Я только-что перечиталъ нѣкоторыя изъ нихъ, и меня поразило, что произведенія, настолько нереальныя, неуклюжія и бѣдныя серьёзными аргументами, могли хотя бы на минуту показаться опасными протестами противъ брака. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время мы считаемъ ихъ слабѣйшими произведеніями автора.

„Индіаной" открывается серія. Дѣло идетъ о несчастной и непонятой женщинѣ, замужемъ за грубымъ человѣкомъ, капитаномъ Дельморомъ; она любитъ молодого человѣка, эгоиста, Раймона де-Рамьеръ, который понимаетъ ее еще менѣе, чѣмъ мужъ. Въ концѣ-концовъ она удаляется въ пустыню съ своимъ кузеномъ сэромъ Ральфомъ Броунъ, любовь котораго открыла въ тотъ моментъ, какъ они собирались вдвоемъ кончить самоубійствомъ. Какой диковинный идеалъ. Въ настоящее время надо сдѣлать усиліе и перенестись мысленно къ причудливымъ фантазіямъ 1830 г., чтобы понять такую развязку. Авторъ сначала устраняетъ мужа, какъ человѣка безъ сердца и ума. Затѣмъ устраняетъ любовника, какъ простого мотылька, хорошенькое и ничтожное насѣкомое, стремящагося единственно лишь къ тому, чтобы украсть наслажденіе. Когда мужъ и любовникъ выгнаны за дверь, что́ же еще остается? Остается сэръ Ральфъ, мечта, пустая фантазія, сильный человѣкъ, о которомъ мечтаютъ пансіонерки. Вообразите высокаго молодого человѣка, съ пламеннымъ сердцемъ, леденымъ тѣломъ, вѣчно владѣющаго собою, невозмутимаго, покро-

мстительствующаго любимой женщинѣ настолько, что охраняетъ ея свиданія съ другимъ, никогда не признающагося въ любви и кончающаго тѣмъ, что обсуждаетъ самоубійство сообща съ той, которую обожаетъ, когда проклятая страсть разбила ея душу. Правда, что самоубійство приводитъ къ уединенію въ пустынѣ, къ счастію вдали отъ людей. И что за удивительное предумышленное самоубійство, взлелѣянное, отыскиваемое за сотни верстъ, среди дѣвственной природы! Сэръ Ральфъ пространно обсуждаетъ его условія: „вернемся же въ пустыню, чтобы имѣть возможность молиться. Здѣсь, въ Парижѣ, въ этой странѣ, кишащей людьми и пороками, среди этой цивилизаціи, отвергающей Бога или искажающей его, я чувствую, что былъ бы стѣсненъ, разсѣянъ и опечаленъ. Я желалъ бы умереть радостнымъ, съ свѣтлымъ челомъ, съ глазами, устремленными въ небо. Но гдѣ найти его здѣсь? И вотъ, я скажу вамъ, гдѣ самоубійство представляется мнѣ въ самомъ благородномъ и самомъ торжественномъ видѣ. На краю пучины, на островѣ Бурбонъ; тамъ, на верху того каскада, который устремляется, прозрачный и увѣнчанный сверкающей призмой, въ уединенный оврагъ Берники“. Въ этихъ сровахъ слышится эхо Байрона. Не забудемъ, что Жоржъ Зандъ, опьяненная меланхолической поэзіей, пожелала однажды умереть, пустивъ лошадь въ ровъ. Но нельзя не улыбаться, до такой степени вся эта исторія кажется въ настоящее время театральной и фальшивой. Прекрасныя смерти всегда бываютъ просты. Единственными хорошими страницами въ книгѣ остаются тѣ, которыя описываютъ страсть.

Въ „Валентинѣ“, послѣдовавшей затѣмъ, Жоржъ Зандъ ближе коснулась дѣйствительности. Уже нападки на бракъ менѣе рѣзки, рокъ вмѣшивается въ развязку и мѣшаетъ невѣрной женѣ наслаждаться спокойно любовью, по смерти мужа. Наконецъ, появляется „Лелія“. Тутъ сдѣлаю одно признаніе. Я никогда не могъ дочитать „Леліи“ до конца. Я не знаю книги фразистѣе и скучнѣе. Въ ней барахтаешься по уши въ романтизмѣ, оглушаешься громкими фразами, отъ которыхъ вянутъ уши и голова трещитъ. Лелія,—это Рене въ юбкѣ, это меланхолія, сомнѣніе и протестъ въ состояніи „idée fixe“. Дѣйствіе происходитъ въ царствѣ тѣней, безъ сомнѣнія, потому что здѣсь, на землѣ, Лелія была бы нестерпима и ее слѣдовало бы посадить въ домъ умалишенныхъ. Когда романъ до такой степени презираетъ человѣческую дѣйствительность, то, сознаюсь, я перестаю его понимать. Говорятъ, что Жоржъ Зандъ сочинила это произведеніе во время холеры 1833 г. и такимъ образомъ объясняютъ мрачный и апокалипсическій оттѣнокъ книги. Если это справедливо, то любопытно видѣть, какъ грубая правда смерти можетъ превратиться въ головѣ поэта въ спокойно-лживыя мечтанія.

Жоржъ Зандъ, по окончаніи своего путешествія по Италіи вмѣстѣ съ Мюссэ, напечатала „Письма Путешественника" и „Жакъ", самый типичный изъ романовъ ея молодости. Извѣстно, какое изумительное измышленіе выставила она, какъ аргументъ, противъ брака; поставивъ лицомъ къ лицу вѣчное тріо: мужа, жену и любовника, она развязала затруднительность положенія, заставивъ мужа добровольно сократиться; онъ мѣшаетъ, онъ это понимаетъ, онъ убиваетъ себя, чтобы предоставить женѣ и любовнику мирно наслаждаться любовью. Понимаете, что еслибы узы брака не были вѣчны, Жакъ не убился бы и удовольствовался бы тѣмъ, что очистилъ бы мѣсто человѣку, умѣвшему внушить любовь. Я не хочу обсуждать этого тезиса; въ тому же, я считаю, что романы существуютъ вовсе не затѣмъ, чтобы поддерживать тезисы. Но что за изумительныхъ лицъ создала при этомъ Жоржъ Зандъ! Самыя разсудительныя изъ нихъ еще жена и любовникъ, Фернанда и Октавъ; въ нихъ есть хоть частица нашей бѣдной человѣческой природы; они ходятъ по землѣ, они любятъ, какъ простые смертные, сохраняютъ слабости и языкъ обыкновенныхъ людей. Но съ Жакомъ мы переносимся въ область фантазіи. Жакъ—новое воплощеніе сильнаго человѣка; въ немъ воскресаетъ сэръ Ральфъ Броунъ. Онъ великъ, молчаливъ, серьёзенъ, исполненъ презрѣнія къ обществу, питаетъ уваженіе къ однимъ только естественнымъ законамъ; онъ, правда, куритъ, но съ торжественностью юнаго индійскаго бога. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ человѣкъ необыкновенный, любитъ жену любовью, исполненной снисходительности, недоволенъ тѣмъ, что не находитъ въ ней Юнону или Минерву. Ахъ, какъ я понимаю, что жена его обманываетъ! Какъ онъ несносенъ, этотъ баронъ, взобравшійся на ходули разума, регулирующій любовь съ чопорнымъ видомъ классчаго надзирателя, приказывающаго ученикамъ молчать! Если такой человѣкъ существуетъ, онъ долженъ составлять несчастіе своей семьи. Смѣхъ такая славная вещь; терпимость такъ хороша! проза въ семейной жизни исполнена такой прелести! И это еще не все: Жоржъ Зандъ пожелала укомплектовать пару въ своемъ романѣ; она создала самку этому самцу, Лелію въ сокращенномъ видѣ, прекрасную и надменную Сильвію, дающую реплику Жаку. Эта тоже посылаетъ анаѳемы обществу и повидимому думаетъ, что земля слишкомъ мала для нея и что она не найдетъ въ ней уголка, гдѣ бы могла быть счастлива. Не могу выразить, какое дѣйствіе производятъ на меня такія фигуры: онѣ смущаютъ, поражаютъ меня; онѣ точно будто побились объ закладъ, что будутъ ходить внизъ головой. Я не могу понять ихъ жалобъ, ихъ нескончаемыхъ воплей. На что жалуются онѣ? чего онѣ хотятъ? Онѣ понимаютъ жизнь навыворотъ и поэтому естественно, что не могутъ быть счастливы. Жизнь, къ счастію, до-

бредушкѣе. Съ ней всегда можно поладить, если найдешь въ себѣ терпѣніе переносить ея тяжелыя минуты. Все это лживо, болѣзненно, нелѣпо; это слово сорвалось у меня съ языка, и я его удерживаю. Эта вѣчная потребность въ идеализаціи, это постоянное порываніе къ вольности сердца и ума, эта манера мечтать о болѣе широкой, болѣе поэтической, болѣе эѳирной жизни приводятъ, въ сущности, къ ребяческой разнузданности воображенія, къ созданію міра, въ которомъ пришлось бы умереть отъ скуки и отъ гордости! Насколько дѣйствительность, даже самая грубая, здоровѣе!

Романы продолжають сыпаться какъ градъ. „Андре"—простая исторія любви, не говорящая ни за, ни противъ брака; въ ней герой слабъ какъ женщина, потому что Жоржъ Зандъ долго не понимала другихъ мужчинъ, кромѣ такихъ, что сильны, какъ львы, и такихъ, что граціозны, какъ газели. „Леоне Леони" составляетъ „pendant" къ „Манонъ Леско". „Симонъ" оканчивается бракомъ, какъ первый попавшійся буржуазный романъ. Затѣмъ мы вступаемъ въ нескончаемую серію романовъ съ итальянскими заглавіями: „Лавинія", „Метелла", „Маттея", „Послѣдняя изъ Альдини", а позднѣе еще „Изидора", „Теверино", „Лукреція Флоріани", „Пиччинино". Романистка вступаетъ въ новый фазисъ творчества; она больше не проповѣдуетъ, она разсказываетъ, и порою съ непреодолимой прелестью.

Въ эту эпоху своей жизни Жоржъ Зандъ особенно сильно подпадаетъ вліянію людей, которыми увлекается. Она пишетъ „Спиридіона", „Семь струнъ лиры", „Compagnon du tour de France", „Le Meunier d'Angibault" во время своей связи съ Пьеромъ Леру. „Les Lettres à Marie" написаны подъ диктовку Ламеннэ. Въ „Consuelo" и „La Comtesse de Rudolstadt" находишь бесѣды о музыкѣ, которыя она, должно быть, вела съ Фредерикомъ Шопеномъ, въ тѣ годы, когда они жили вмѣстѣ. Можно было бы указать еще и на другія вліянія, менѣе замѣтныя, но представляющія ее крайне чувствительнымъ инструментомъ, отзывающимся на всякое дуновеніе. Что меня всегда удивляло, такъ это то, что Мюссэ прошелъ въ ея жизни не оставивъ глубокаго слѣда. Единственный геніальный человѣкъ, любившій ее, не былъ ею понятъ, а она оказывалась мягкимъ воскомъ въ рукахъ другихъ, въ сравнительно болѣе грубыхъ рукахъ. Мюссэ не былъ для нея достаточно солиденъ, не достаточно проповѣдывалъ. Онъ только пѣлъ, а этого было недостаточно; если бы онъ проповѣдывалъ, то укротилъ бы ее. Я настаиваю на этомъ, потому что въ этомъ выражается весь темпераментъ Жоржа Зандъ. Когда она описывала Жака, то описывала отчасти и самоё себя, съ своей серьёзностью, своей потребностью исправлять и прикрашивать человѣчество. Она, повидимому, долго не понимала, что вещь можетъ быть хороша сама по

себѣ, а не въ силу только ея нравственной пользы. Ей нужны были христіане, вернувшіеся къ простой и восторженной вѣрѣ мучениковъ, гуманисты-философы, разыгрывающіе роль пророковъ, музыканты, въ волосахъ которыхъ проносилось бы дуновеніе, вдохновеніе. Что касается простыхъ геніальныхъ поэтовъ, обнажающихъ свое сердце и плачущихъ искренними слезами, она ставила ихъ ни во что и третировала, какъ дѣтей.

Опускаю множество сочиненій: „le Secrétaire intime", „la Marquise", „les Maitres mosaistes", „l'Uscoque", „Pauline", „Horace", „Jeanne", „le Péché de monsieur Antoine" и пр. Я остановлюсь на „Mauprat", чтобы указать характеристическія черты второй ея манеры. Этотъ романъ имѣлъ громадный успѣхъ и остался однимъ изъ самыхъ популярныхъ. Еще и по сіе время на него указываютъ лицамъ, желающимъ составить себѣ ясное понятіе о талантѣ автора. Самъ герой книги, Бернаръ Мопра, разсказываетъ свою жизнь двумъ молодымъ людямъ, которые гостятъ у него. И по этому поводу замѣчу, съ какимъ стараніемъ романисты разнообразятъ свои рамки; то, какъ въ „Жакѣ", она избираетъ эпистолярную форму, и романъ представляетъ серію писемъ, которыми обмѣниваются дѣйствующія лица, то она останавливается на авто-біографической формѣ или же на литературномъ обманѣ въ видѣ найденныхъ мемуаровъ. Вы чувствуете, что для нея романъ не есть безличный протоколъ какого-нибудь событія и что она старается скрасить его ловкой „mise en scène".

Съ „Мопра" мы разстаемся съ проповѣдью противъ брака и вступаемъ въ сферу чистой фантазіи. Но это, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно, потому что сюжетъ романа могъ бы резюмироваться такимъ образомъ: изберемъ героемъ молодого, развратнаго человѣка, грубаго, выросшаго внѣ всякой цивилизаціи, и заставимъ молодую дѣвушку обуздать его и превратить въ концѣ-концовъ въ образованнаго, кроткаго и добраго мужа. Тезисъ сразу просвѣчиваетъ; читатель угадываетъ болѣе или менѣе сознательное намѣреніе—указать нравственное превосходство женщины. Съ другой стороны, на фонѣ романа видишь, какъ растетъ революція; присутствуешь при послѣдней борьбѣ феодализма противъ новаго духа, и нѣкоторыя дѣйствующія лица даже обязаны представлять поселянъ разумныхъ и добрыхъ, словомъ, необыкновенныхъ, какими ихъ понималъ Руссо́. Но это второстепенныя подробности; произведеніе сосредоточивается, главное, на любви Бернара и Эдмэ, любви, усложняемой драматическими столкновеніями страстей. Вотъ почему можно сказать, что фантазія царитъ въ немъ безусловно.

Исторія извѣстна: Бернаръ де-Мопра воспитывается своими дядями въ маленькомъ уединенномъ и мрачномъ замкѣ, разбойничьемъ

вертепѣ; кузина его Эдмэ предательски заманивается въ замокъ и предается въ руки Бернара, который сначала хочетъ ее изнасиловать, но кончаетъ тѣмъ, что спасаетъ въ то время, какъ полицейскіе овладѣваютъ замкомъ и убиваютъ его дядей: Бернаръ находитъ убѣжище у своего дяди, отца Эдмэ, и медленно перевоспитывается послѣднею; затѣмъ слѣдуетъ кампанія Бернара въ Америкѣ вмѣстѣ съ Лафайэттомъ, и по возвращеніи обвиненіе его въ намѣреніи убить Эдмэ, въ которую стрѣляетъ одинъ изъ Мопра, уцѣлѣвшихъ отъ рѣзни въ замкѣ. Бернара приговариваютъ къ смерти, но невинность его обнаруживается въ концѣ процесса; наконецъ бракъ и счастливая жизнь двухъ влюбленныхъ, заслужившихъ другъ друга своей нѣжностью и побѣдой, одержанной надъ своей натурой.

Эдмэ—одно изъ самыхъ гордыхъ и трогательныхъ созданій Жоржа Занда. Эдмэ необыкновенная женщина по своему мужеству, чувству собственнаго достоинства, силѣ воли; но она остается женщиной, она любитъ, она переживаетъ минуты трепета и слабости. Она никогда не является Леліей, говорящей фразы и рисующейся меланхоліей великихъ непонятныхъ душъ. Сцена, гдѣ она впервые очутилась вдвоемъ съ Бернаромъ, одурѣвшимъ отъ страсти, до сихъ поръ остается превосходной страницей, смѣлой и мастерской. Весь женскій инстинктъ просыпается въ ней; опасность, какой она подвергается, не сломивъ ея гордости, придаетъ ей силы разыграть роль; она доходитъ до того, что цѣлуетъ Бернара и клянется, что никогда и никому не будетъ принадлежать, кромѣ его. И дальше, любовь этой молодой дѣвушки къ такому дурно воспитанному юношѣ разсказана съ необыкновеннымъ искусствомъ, такъ что читатель до послѣдней страницы не знаетъ навѣрное въ чемъ дѣло, хотя и догадывается, что благородное сердце Бернара, скрывающееся подъ грубой оболочкой, тронуло Эдмэ. Прибавьте къ этому, что влюбленный окруженъ мрачной поэзіей, заставляющей предпочитать его молодымъ людямъ, лучше причесаннымъ и вполнѣ благовоспитаннымъ.

У Жоржа Зандъ, мы можемъ быть увѣрены, человѣкъ природы всегда возьметъ верхъ надъ людьми цивилизованными. Итакъ, Эдмэ является энергической и романической женщиной, которая любитъ дикихъ звѣрей и выходитъ за нихъ замужъ, предварительно укротивъ ихъ.

Я долженъ также указать въ „Мопра“ на одну личность, которую романистка зачастую выводила въ своихъ произведеніяхъ. Я говорю про добряка Пасьянсъ, родъ „дунайскаго крестьянина“ (басня Лафонтена), живущаго отшельникомъ въ развалинахъ, въ башнѣ Газо. Онъ едва умѣетъ читать и писать, но тѣмъ не менѣе отличается умомъ и мудростью великаго философа. Онъ представляетъ, полагаю, природу,

здоровье села, новаго человѣка, выростающаго среди полей, какъ мощный дубъ. При небольшомъ образованіи, Пасьянсъ сдѣлался бы великимъ человѣкомъ. Авторъ позаботился подготовить живописный эффектъ. При развязкѣ, когда Бернара обвиняютъ въ попыткѣ къ убійству Эдмэ, Пасьянсъ появляется передъ судомъ, одѣтый въ лохмотьяхъ, съ нечесанной бородой, загорѣлой кожей, и распекаетъ судей съ суровостью свободнаго человѣка. Затѣмъ онъ доставляетъ доказательства невинности Бернара, въ силу которыхъ его оправдываютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что никакой судъ не потерпѣлъ бы рѣчей Пасьянса. Жандармамъ было бы поручено немедленно арестовать дерзновеннаго. Но живописный эффектъ достигнутъ, а этого въ сущности романисткѣ и надо. Я долженъ сознаться, однако, что улыбался, читая послѣднія пятьдесятъ страницъ „Мопра". Это слишкомъ далеко отошло отъ насъ, въ міръ идеальныхъ куколъ романа прежняго времени.

Впрочемъ, какъ понятенъ успѣхъ подобнаго произведенія! Какая удачная смѣсь ужаса и сладости! Все въ немъ есть: страшный зáмокъ, гдѣ ночью прогуливаются привидѣнія; полуразрушенная башня, обитаемая сельскимъ философомъ; сцена разврата, оканчивающаяся побѣдой невинности надъ порокомъ; нѣжная и гордая героиня, благородный и необузданный герой. Слышишь какъ въ лѣсу проносится романическое дуновеніе Вальтера Скотта. Луна серебритъ ступени зáмка. Соловей поетъ въ продолженіи долгихъ разговоровъ любовниковъ. Читатель переселяется въ прелестный міръ фантазіи, невозможныхъ приключеній, смутныхъ желаній, терзающихъ всѣ сердца. И романтическая мода помогала еще публикѣ воспламеняться надъ этимъ очаровательнымъ карнаваломъ прекрасной природы и прекрасныхъ чувствъ. Конечно, въ наше время романы уже не имѣютъ очарованія „Сандрильоны" или „Синей-Бороды". Мы составляемъ просто-на-просто протоколы, и я понимаю, что старики сожалѣютъ о сказкахъ, которыми убаюкивали ихъ въ дѣтствѣ. Такъ пріятно было уснуть вдали отъ скучной дѣйствительности, слушая нянины сказки, переполненныя черными разбойниками и добродѣтельными любовниками.

V.

Жоржъ Зандъ, удалясь въ Ноганъ послѣ рѣзни 1848 г., искала отдохновенія въ эклогѣ. Она написала свои сельскіе романы: „La petite Fadette", „Francois le Champi" и „La Mare au Diable", которые останутся самыми чистыми и оригинальными изъ ея произведеній.

Она жила въ глубинѣ Берри, среди крестьянъ; съ юныхъ лѣтъ прислушивалась къ ихъ рѣчамъ и изучала ихъ нравы; неизбѣжно долженъ былъ наступить день, когда она пожелаетъ ихъ воспѣть. Я съ намѣреніемъ употребляю это послѣднее выраженіе, потому что она не описывала беррійскихъ крестьянъ, но въ самомъ дѣлѣ воспѣвала ихъ, подобно тому какъ поэты воспѣваютъ своихъ героевъ. Упоминали о Виргиліи по поводу этихъ сельскихъ романовъ, и не безъ основанія; здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, но съ поэтической пасторалью, единственный недостатокъ которой заключается въ отсутствіи риемъ. Крестьяне Жоржа Занда добры, честны, мудры, предусмотрительны, благородны; словомъ, они обладаютъ всѣми качествами. Быть можетъ, Берри пользуется привилегіей такой необыкновенной расы крестьянъ, но сомнѣваюсь, потому что знаю крестьянъ юга и сѣвера Франціи, и сознаюсь, что въ нихъ замѣчается почти полное отсутствіе всѣхъ этихъ прекрасныхъ качествъ. У насъ нѣтъ существа проще и вмѣстѣ съ тѣмъ сложнѣе крестьянина. Надо долго жить съ нимъ, чтобы увидѣть его такимъ, какъ онъ есть, и описать. Бальзакъ пытался, но успѣлъ лишь на половину. Никто изъ нашихъ романистовъ до сихъ поръ еще не брался писать истинныхъ сельскихъ драмъ, потому что ни одинъ не чувствовалъ себя вполнѣ свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ человѣкомъ.

Что̀ еще особенно замѣчательнаго въ эклогахъ Жоржа Занда, такъ это языкъ. Она сознавала необходимость отказаться отъ напыщеннаго слога „Леліи“ и изобрѣла простой слогъ, правильный и изысканно наивный. Все это очень мило и совершенно лживо. Автора чувствуешь въ каждой строчкѣ, языкъ просто-на-просто языкъ дѣтскихъ сказокъ, тотъ самый языкъ, на которомъ матери полагаютъ обыкновенно необходимымъ картавить съ дѣтьми. Полное отсутствіе энергіи, ни одного сильнаго оборота рѣчи, ни одного живучаго выраженія. Языкъ прекрасенъ самъ по себѣ, но не передаетъ сельской жизни. А хуже всего то, что Жоржъ Зандъ заставляетъ крестьянъ говорить въ теченіи цѣлыхъ часовъ; разговоровъ не оберешься; они нескончаемы и показываютъ въ разговаривающихъ необыкновенныхъ ораторовъ, соперничающихъ въ прекрасныхъ фразахъ. Повторяю: я не знаю беррійскихъ крестьянъ, не знаю, такіе ли они болтуны на самомъ дѣлѣ, но могу утвердительно сказать, что въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ я бывалъ, крестьянинъ вообще молчаливъ, очень сдержанъ и очень остороженъ; земледѣльческій трудъ приблизилъ его къ животному; онъ не боекъ на языкъ и не любитъ имъ ворочать.

Теперь, когда мы условились, что Жоржъ Зандъ вполнѣ пренебрегаетъ правдой въ своихъ описаніяхъ, что она идеализируетъ даже собакъ иословъ, выводимыхъ ею на сцену; что она дѣлаетъ выборки

ніе природы, и что единственная ея цѣль растрогать и поучать насъ, показывая человѣчество съ его лучшихъ сторонъ, мы можемъ съ удовольствіемъ читать написанныя ею эклоги. Она придумала тутъ третью манеру, необычайной прелести, въ которой не видно и слѣда какой-нибудь проповѣди. Передъ нами художникъ съ очень добрымъ сердцемъ, большимъ здравымъ смысломъ, головой, свободной отъ философскаго чада, болѣе не проповѣдующій, не разыгрывающій разочарованности и довольствующійся тѣмъ, что заставляетъ насъ плакать и смѣяться.

Я напомню только про очаровательную эклогу: „La Mare au Diable". Землепашецъ Жермэнъ, вдовецъ двадцати-восьми лѣтъ, отецъ троихъ ребятъ, отправляется въ сосѣднюю деревню искать второй жены. Онъ везетъ съ собой, за спиной, на лошади Мари, шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, нанявшуюся къ нему въ подпаски, чтобы помогать матери. Пьеръ, старшій сынъ Жермэна, четырехлѣтній карапузъ, поджидаетъ ихъ во рву и тоже просится ѣхать вмѣстѣ съ ними. Ночь наступаетъ, они заблудились въ лѣсу и бродятъ нѣсколько часовъ сряду вокругъ „La Mare au Diable", и никакъ не могутъ выбраться на дорогу. Тогда они рѣшаются переночевать въ лѣсу, и Мари оказывается такой расторопной, такъ ловко укладываетъ спать маленькаго Пьера, разводитъ огонь и изобрѣтаетъ ужинъ, что Жермэнъ мало-по-малу замѣчаетъ, что она хорошенькая и въ концѣ-концовъ предлагаетъ ей выдти за него замужъ. Но она думаетъ, что онъ шутитъ, потомъ отказываетъ, находя, что онъ слишкомъ старъ. Ничего не можетъ быть милѣе этой длинной бесѣды прохладною ночью, подъ высокими деревьями, передъ пылающимъ костромъ. Любовь выростаетъ какъ лѣсной цвѣтокъ среди этой разсудительной и братской бесѣды. Само собой разумѣется, что Жермэнъ отказывается отъ жены, которую ему предназначали; Мари не остается у хозяина, который какъ будто ее нанялъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее своей любовницей и, въ концѣ-концовъ, Мари перестаетъ находить Жермэна старымъ; она полюбила его и выходитъ за него замужъ.

Если искусство все заключается въ воображеніи; если великій талантъ романиста въ томъ, чтобы создать прекрасную ложь; если все дѣло въ томъ, чтобы передѣлать дѣйствительность, къ вящшему удовольствію ума и сердца, то „La Mare au Diable", безъ сомнѣнія, неподражаемый chef d'oeuvre, потому что этотъ краткій разсказъ отличается шириной поэмы и глубокое чувство заставляетъ трепетать въ немъ каждую страницу.

Я собирался представить въ этой статьѣ отрывокъ изъ произведеній Жоржъ-Занда, чтобы дать болѣе ясное понятіе объ ея слогѣ

и, мнѣ кажется, для этой цѣли всего лучше послужитъ слѣдующій отрывокъ изъ „La Mare au Diable".

„Маленькая Мари была блѣдна и зубы ея стучали отъ холода и усталости. Жермэнъ обнялъ ее, чтобы согрѣть, и безпокойство, сострданіе, непреодолимая нѣжность, овладѣвшія его сердцемъ, заставили умолкнуть чувственность. Языкъ у него развязался, какъ-бы по какому-то чуду и онъ перестаіъ конфузиться.

— Мари,—сказалъ онъ,—ты мнѣ нравишься и я очень несчастливъ, что не нравлюсь тебѣ. Еслибы ты захотѣла стать моей женой, то ни тесть, ни родственники, ни сосѣди, ни чьи совѣты не помѣшали бы мнѣ жениться на тебѣ. Я знаю, что ты сдѣлаешь моихъ дѣтей счастливыми и научишь ихъ уважать память ихъ родной матери; моя совѣсть была бы спокойна и я бы могъ порадовать свое сердце. Я всегда былъ расположенъ къ тебѣ, а теперь настолько влюбленъ въ тебя, что еслибы ты потребовала, чтобы я всю жизнь плясалъ по твоей дудкѣ, то я бы тотчасъ же поклялся тебѣ въ этомъ. Посмотри, какъ я тебя люблю, и забудь, пожалуйста, про мои годы. Подумай, что вѣдь это ошибочная мысль, когда думаютъ, что тридцати-лѣтній человѣкъ старъ. Къ тому же, мнѣ только двадцать-восемь лѣтъ! Молодая дѣвушка боится, что надъ ней будутъ смѣяться, если она выйдетъ замужъ за человѣка десятью или двѣнадцатью годами старше ея, потому что это не въ здѣшнихъ обычаяхъ; но я слыхалъ, что въ другихъ мѣстностяхъ на это не смотрятъ и что считаютъ за лучшее дать молодой дѣвушкѣ въ опоры разсудительнаго и испытаннаго въ мужествѣ человѣка, нежели молодого мальчика, который еще можетъ сбиться съ пути и изъ порядочнаго малаго, какимъ его считали, превратиться въ негодяя. Къ тому же, молодость зависитъ не отъ лѣтъ. Она зависитъ отъ силы и здоровья. Когда человѣкъ слишкомъ истощенъ трудомъ, нищетой или безпорядочной жизнью, то онъ старъ и раньше двадцати пяти лѣтъ. А я же... Но ты не слушаешь меня, Мари?

— Нѣтъ, Жермэнъ, я васъ слушаю,—отвѣчала Мари,—но я думаю о томъ, что̀ мнѣ часто повторяла мать: что плохо приходится шестидесятилѣтней женщинѣ, когда ея мужу семьдесятъ или семьдесять-пять лѣтъ и онъ не можетъ работать, чтобы прокормить ее. Онъ становится немощнымъ и она должна ходить за нимъ въ такіе годы, когда сама нуждается уже въ уходѣ и отдыхѣ. Такимъ образомъ, какъ разъ очутишься на соломѣ.

— Родные правы, говоря это, и я противъ этого не спорю, Мари,—возразилъ Жермэнъ;—но они вѣдь готовы жертвовать лучшими молодыми годами догадкамъ о томъ, что̀ будетъ въ такіе годы, когда человѣкъ никуда больше не годенъ и когда все равно ему кончить

такъ или иначе. Но я не рискую умереть съ голоду на старости лѣтъ. Я могу скопить кое-что, потому что, живя съ родителями жены, много работаю и мало издерживаю. Къ тому же, видишь ли, я такъ буду любить тебя, что это помѣшаетъ мнѣ старѣться. Говорятъ, что когда человѣкъ счастливъ, то онъ хорошо сохраняется; я чувствую, что моложе Бастьена, чтобы любить тебя,—потому что онъ тебя не любитъ, онъ слишкомъ глупъ, слишкомъ юнъ, чтобы понимать, какая ты хорошенькая и добрая и какъ ты заслуживаешь, чтобы тебя любили. Ну, полно, Мари, не обижай меня, я не злой человѣкъ: я сдѣлалъ счастливой свою Катерину, она сказала,—какъ передъ Богомъ,—на своемъ смертномъ одрѣ, что знавала отъ меня однѣ радости и совѣтовала мнѣ жениться вторично. Мнѣ кажется, что духъ ея говорилъ сегодня вечеромъ съ ея ребенкомъ, въ ту минуту, какъ онъ засыпалъ. Развѣ ты не слышала, чтó онъ сказалъ? и какъ дрожалъ его маленькій ротикъ, межъ тѣмъ какъ глаза глядѣли на что-то въ воздухѣ, чего мы не могли видѣть? Онъ видѣлъ свою мать, будь увѣрена, и она внушила ему сказать, что она хочетъ, чтобы ты ее замѣнила.

— Жерменъ,—отвѣчала Мари, удивленная и задумчивая,—вы говорите честно и всѣ ваши слова справедливы. Я увѣрена, что хорошо сдѣлала бы, полюбивъ васъ, еслибы только это не очень разсердило вашихъ родныхъ. Но чтó вы хотите? сердце мое не лежитъ къ вамъ. Я къ вамъ очень расположена, но хотя годы ваши васъ не безобразятъ, они меня пугаютъ. Мнѣ кажется, что вы для меня какъ бы дядя или крестный отецъ, что я обязана уважать васъ и что будутъ минуты, когда вы станете обращаться со мною скорѣе какъ съ дѣвчонкой, нежели какъ съ женой вашей и равной. Потомъ, подруги станутъ, можетъ быть, смѣяться надо мной, и хотя глупо обращать на это вниманіе, но я думаю, что я буду стыдиться и немножко грустить въ день свадьбы.

— Это дѣтскія причины; ты говоришь совсѣмъ какъ ребенокъ, Мари!

— Ну, да! я ребенокъ, — сказала она, — и вотъ поэтому-то я боюсь слишкомъ разсудительнаго человѣка. Вы видите, что я слишкомъ молода для васъ, если вы не слишкомъ стары для меня, потому что вотъ вы ужъ и упрекаете меня въ томъ, что я недостаточно разсудительна! Я не могу быть разсудительнѣе, чѣмъ бываютъ въ мои годы.

— Увы! Боже мой! какъ я несчастенъ, что такъ неловокъ и такъ худо выражаю то, чтó думаю,—вскричалъ Жерменъ.—Мари, вы меня не любите, вотъ въ чемъ дѣло. Вы находите меня слишкомъ простымъ и неуклюжимъ. Еслибы вы любили меня немножко, то не ви-

дѣли бы такъ ясно моихъ недостатковъ. Но вы меня не любите, вотъ что!

— Что-жъ дѣлать. Это не моя вина,—отвѣчала она, немного обиженная тѣмъ, что онъ пересталъ говорить ей „ты“:—я стараюсь изъ всѣхъ силъ, слушая васъ; но чѣмъ больше стараюсь, тѣмъ меньше могу себѣ представить, что мы можемъ быть мужъ и жена.

Жермэнъ ничего не отвѣчалъ. Онъ охватилъ свою голову обѣими руками и Мари не могла рѣшить, плачетъ онъ, дуется или спитъ. Она встревожилась немножко, видя его такимъ угрюмымъ и не зная, что у него на умѣ; но не посмѣла больше заговаривать съ нимъ. А такъ какъ она была слишкомъ удивлена всѣмъ происшедшимъ, чтобы заснуть, то стала дожидаться дня съ нетерпѣніемъ, поддерживая огонь и надзирая за ребенкомъ, про котораго Жермэнъ какъ будто совсѣмъ позабылъ“.

Не правда ли, это необыкновенно спокойная и глубокая сцена? Въ ней чувствуется душа самого Жоржа Зандъ, ея осторожный и разсудительный темпераментъ, ея разсудочная натура, искусная въ развитіи всякихъ чувствъ. Когда позабудешь о томъ, что эти земледѣлецъ и пастушка выражаются черезчуръ правильно и что они разводятъ длинныя рѣчи съ искусствомъ адвокатовъ, тогда поддаешься всемогущему очарованію честностью, разумомъ и поэзіей, которыми дышатъ эти страницы.

У Жоржа Зандъ была еще и четвертая манера, болѣе человѣческая. Издавъ свои мемуары: „Histoire de ma vie“, въ которыхъ напрасно искали альковныхъ признаній и нашли только нѣсколько біографическихъ подробностей и много психологіи, она произвела цѣлую новую серію романовъ, свободныхъ отъ соціальной проповѣди и философскихъ диссертацій ея молодости. Въ продолженіи этихъ двадцати лѣтъ она написала только два плохихъ произведенія: „Elle et Lui“, въ которомъ разсказывала о своей любви и разрывѣ съ Мюссэ, и „Mademoiselle de la Quintinie“, въ которомъ ведетъ религіозную полемику, леденящую весь романъ.

Я не могу перечислять этого длиннаго ряда произведеній, появившихся въ „Revue des Deux Mondes“, связавшей Жоржа Зандъ контрактомъ. Я укажу главнѣйшія: „Le Château des Désertes“, „Daniella“, „Les Beaux messieurs du Bois-Doré“, „Les Dames Vertes“, „L'Homme de neige“, „Jean de la Roche“, Constance Verrier“, „La Famille de Germandre“, „Valvèdre“, „Tamaris“, „La Ville-Noire“, „Laura“, „Nanon“, „Malgré tout“ и пр. Наконецъ, нынѣшнею зимою вышло еще одно сочиненіе: „Flamarande“, и говорятъ, что смерть ее застигла въ тотъ моментъ, какъ она оканчивала послѣднюю рукопись.

Въ романахъ своей богатой осени, Жоржъ Зандъ несомнѣнно

поддалась вліянію новѣйшаго натурализма и реалистическаго направленія, росшаго вокругъ нея. Безъ сомнѣнія, она остается романистомъ-идеалистомъ, какимъ была прежде, она продолжаетъ слушаться воображенія и украшать дѣйствительность; но только творенія ея освобождаются отъ романтическихъ замашекъ и она перестаетъ прибѣгать къ дешевымъ эффектамъ въ родѣ разрушенныхъ башенъ, подземелій, рощъ, населенныхъ привидѣніями и волшебницами. Напримѣръ: мы тщетно стали бы искать необычайнаго самоубійства „Индіаны", фантастическихъ декорацій „Мопра", всѣхъ этихъ сложныхъ и напыщенныхъ выдумокъ, бывшихъ въ такой модѣ въ 1830 г. Помимо воли, Жоржъ Зандъ должна была внести въ свои произведенія бо́льшую правдоподобность и болѣе вѣрное изученіе жизни. Произведенія, которыя она читала, атмосфера точнаго анализа, среди которой она старилась, измѣняли такимъ образомъ безъ ея вѣдома ея поэтическій складъ. Я настаиваю на этомъ фактѣ, потому что онъ очень важенъ и доказываетъ силу новыхъ формулъ, которымъ приходится подчиняться даже писателямъ прошлаго.

Въ числѣ романовъ этой четвертой категоріи одинъ имѣлъ особенно большой успѣхъ. Я говорю о „*Маркизѣ де-Вилльмеръ*", на которомъ отразились всѣ свойства этой послѣдней манеры романистки. Это простая исторія молодой дѣвушки, бѣдной и незнатнаго происхожденія, Каролины де Сэнженэ, поступающей въ качествѣ компаньонки въ маркизѣ де-Вилльмеръ, у которой она сталкивается съ ея двумя сыновьями: герцогомъ д'Алеріа, кутилой, прожившимъ все состояніе, и маркизомъ де-Вилльмеръ, нервнымъ и болѣзненнымъ человѣкомъ, молчаливымъ и прилежнымъ, въ котораго она влюбляется и за котораго выходитъ замужъ послѣ многихъ препятствій и цѣлой драмы. Большой интересъ возбуждаетъ параллель между характерами двухъ братьевъ, перепетіи любви Каролины и маркиза, прежде чѣмъ они соединятся неразрывными узами. Жоржъ Зандъ всегда отличалась мастерствомъ въ изображеніи страстей, вначалѣ чуть тлѣющихъ и какъ-бы безсознательныхъ, затѣмъ встрѣчающихъ тысячу помѣхъ, затрудненій и недоразумѣній и, наконецъ, торжествующихъ и приводящихъ къ счастію, несмотря на предразсудки. Она искусно пользуется ими, чтобы выводить на сцену трехъ или четырехъ изъ своихъ любимыхъ героевъ и героинь, влюбленныхъ, отличающихся болѣзненной нервностью или разсудительно-нѣжнымъ, почти материнскимъ темпераментомъ. Въ то время, какъ герой ея смахиваетъ на женщину, она дѣлаетъ мужчину изъ своей героини. Такъ она поступила съ Каролиной и маркизомъ де-Вилльмеръ. Эта Каролина та самая совершенная дѣвица, о которой часто мечталъ авторъ— дѣвица благовоспитанная, невинная, разсудительная, остроумная,

любящая и слегка резонерка. Что касается маркиза, то у него кажется болѣзнь сердца; главная его роль заключается въ томъ, чтобы быть застѣнчивымъ, неловкимъ, чувствительнымъ и страстнымъ, какъ юная дѣва, только-что покинувшая монастырь. Поэтому, при развязкѣ Каролина спасаетъ его отъ смерти, разыскавъ его среди снѣговъ и привезя на телѣжкѣ, нагруженной соломой. Романъ одинъ изъ самыхъ трогательныхъ и приличныхъ, какіе только можно себѣ представить, и главное—въ немъ есть что-то жизненное, что рѣдко бываетъ въ произведеніяхъ Жоржа Занда. Какъ я уже говорилъ, романическій элементъ въ немъ скроменъ; дѣйствіе развивается безъ всякихъ чрезвычайныхъ измышленій, безъ мелодраматическихъ декорацій. Мы далеки отъ байроновскихъ проклятій Леліи и лунныхъ ночей первыхъ романовъ.

Для полноты я долженъ здѣсь упомянуть о театральныхъ пьесахъ Жоржа Занда. Долгое время ей отказывали въ драматическомъ талантѣ, какъ это всегда у насъ бываетъ съ романистами. Критика считаетъ, что тотъ, кто пишетъ романы, не съумѣетъ написать драмы. Только послѣ громкихъ успѣховъ, Жоржъ Зандъ была признана драматургомъ, если не особенно искуснымъ, за то отличающимся широкимъ стилемъ и глубокимъ чувствомъ. Она восторжествовала на театрѣ, благодаря своему приличію, спокойному и чувствительному воззрѣнію на страсти. „Cosima“, „Le Roi attend“, „Le Drac“, „Les Beaux messieurs du Bois-Doré“ не имѣли успѣха. Но другія ея произведенія выдержали много представленій, между прочимъ: „François le Champi“, „Claudie“, „Le Mariage de Victorine“, „Le Pressoir, „Mauprat“, „Françoise“ и пр. Въ Одеонѣ „Marquis de Villemer“, произведшій наибольшій фуроръ изъ всѣхъ драматическихъ произведеній Жоржа Занда, не сходилъ съ афиши въ теченіи всей зимы. Весь Парижъ ходилъ смотрѣть пьесу, вѣрно передававшую романъ, съ его ясной нѣжностью и спокойнымъ, возвышеннымъ анализомъ. Послѣ этого успѣха Жоржъ Зандъ часто поговаривала о томъ, чтобы вернуться къ театру, но повидимому никакъ не могла на это рѣшиться. По правдѣ сказать, она чувствовала себя гораздо ловче въ романѣ; ея мечтательная натура, созерцательный складъ ея ума мало располагали ее къ отрывистому и сбитому роду театральныхъ произведеній.

VI.

Я долженъ заключить статью и сказать, кто въ настоящее время остается болѣе великимъ и болѣе вліятельнымъ изъ двухъ главныхъ романистовъ начала нынѣшняго столѣтія: Жоржъ Зандъ, или Бальзакъ.

Но прежде желаю смыть съ романа новѣйшей натуральной школы упрекъ въ безнравственности, который ему дѣлаютъ. Произведенія Жоржа Занда даютъ мнѣ аргументы для этой защиты. Конечно, я не скажу, что эти произведенія безнравственны, потому что считаю, что въ литературѣ можетъ быть только два рода произведеній: талантливыя и бездарныя. Но бываютъ книги, болѣе или менѣе смущающія и волнующія, и книги романическія кажутся мнѣ особенно способными извращать мысль. Дайте романы Жоржа Занда въ руки молодого человѣка или молодой женщины, они сильно взволнуютъ ихъ; у нихъ останется воспоминаніе какъ-бы объ очаровательномъ сновидѣніи, и можно опасаться, что дѣйствительная жизнь покажется имъ послѣ этого скучной и они будутъ разочарованы, выбиты изъ колеи и готовы на всякія глупости и наивныя выходки. Эти книги переносятъ въ міръ химеръ, но въ концѣ-концовъ все же приходится роковымъ образомъ окунуться въ дѣйствительность. Женщины, послѣ такого чтенія, объявятъ себя непонятыми, какъ героини прочитанныхъ ими романовъ, а мужчины станутъ искать приключеній, практиковать на дѣлѣ тезисъ о святости страстей. Насколько здоровѣе жизнь дѣйствительная, суровость правдивыхъ картинъ, анализъ человѣческихъ язвъ! Здѣсь невозможно извращеніе. Дайте прочитать протоколы романиста натуральной школы, и если вы испугаете читателей, за то не смутите ни ихъ сердца, ни ихъ ума. Вы не оставите мѣста мечтательности, этой матери всѣхъ проступковъ. Вы изображаете то, чтó есть, и самимъ людямъ слѣдуетъ уже рѣшить, какъ имъ наладить свою жизнь, чтобы избѣжать рытвинъ на житейскомъ пути. Сцены самыя смѣлыя, изображеніе голой правды, разсѣченіе и объясненіе человѣческаго трупа даютъ единую и чудную мораль,—мораль правды. Вотъ почему, на мой взглядъ, еслибы безнравственность могла существовать въ произведеніяхъ искусства, то я назвалъ бы безнравственными исторіи, сплетенныя для волненія сердецъ, и нравственными—анатомическія изслѣдованія, производимыя надъ человѣчествомъ съ научной и высоко-поучительной цѣлью.

Къ тому же, что грѣха таить, много лицемѣрія въ жалобахъ критиковъ, сожалѣющихъ о тѣхъ временахъ, когда романисты лгали.

Дѣло въ томъ, что тѣ страшныя произведенія, въ которыхъ сурово излагается правда, не щекочутъ пріятно нервовъ. Они внушаютъ ужасъ и отвращеніе, они не дозволяютъ одиночныхъ оргій мечтательности, чувственнаго наслажденія, какое находили въ измышленіи идеальныхъ увлеченій. Сколько женщинъ обманывало мужей съ героемъ послѣдняго, прочитаннаго ими романа! Романы въ ту эпоху были любовными свиданіями, на которыя съ основаніемъ не пускали дѣтей и женщинъ. Понятно, что умы, привыкшіе къ этимъ чувствительнымъ похожденіямъ, очень горюютъ о томъ, что не находятъ больше книгъ, въ которыя могли бы спасаться отъ семейной жизни и наслаждаться иллюзіей мнимой измѣны супружеской вѣрности. Вмѣсто того, чтобы упрекать романистовъ натуральной школы въ безнравственности, слѣдовало бы имъ сказать: „ради Бога, не будьте такъ суровы и правдивы; вы насъ ледените, вы мѣшаете намъ гоняться за призракомъ идеальныхъ увлеченій; прочитавъ васъ, совсѣмъ похолодѣешь и не думаешь больше о томъ, чтобы цѣловаться съ мечтой. Ради Бога, отдайте намъ дозволенную безнравственность нашихъ романическихъ оргій“.

Я полагаю, что чувствительныя сердца могутъ облечься въ трауръ: романъ, основанный на фикціяхъ, умираетъ. Въ настоящую минуту, въ борьбѣ между правдой и мечтой, правда одолѣваетъ послѣ сорока лѣтъ литературнаго творчества. Съ каждымъ днемъ значеніе Бальзака росло. Отрицаемый современниками, онъ выросъ по смерти и теперь является въ нашихъ глазахъ безспорнымъ учителемъ почти всѣхъ современныхъ романистовъ. Методъ его взялъ перевѣсъ, новые темпераменты могли появиться и внести оригинальныя черты, но они тѣмъ не менѣе остаются вѣтвями этого мощнаго ствола. Я усталъ бы, перечисляя послѣдователей Бальзака, произведенія его исчезнутъ, имя его изгладится, а вліяніе все еще будетъ сказываться на французской литературѣ, потому что онъ былъ человѣкомъ новѣйшаго закала, потому что онъ слѣдовалъ за развитіемъ своего вѣка. Онъ шелъ впередъ въ то время, какъ Жоржъ Зандъ не двигалась съ мѣста. Отсюда его побѣда.

Конечно, Жоржъ Зандъ велика еще и по сіе время. Но мы обязаны правдой знаменитой покойницѣ. Въ послѣдніе годы жизни популярность ея значительно ослабѣла. Она уже перестала существовать для молодого поколѣнія, которое ее мало читало и не понимало. Романы ея, печатавшіеся въ „Revue des Deux-Mondes“, вращались въ особенномъ кругѣ читателей и не вызывали никакого волненія. Критика почти не занималась ими. Она принадлежала къ другому вѣку и чувствовала себя чуждой нашему. Но еще болѣе рѣшительнымъ симптомомъ является разсѣяніе и исчезновеніе ея школы. У нея

могли быть последователи: теперь она насчитываетъ ихъ всего двухъ или трехъ. Надо назвать первымъ изъ нихъ Октава Фёйлье, который обратился къ католицизму, но остается самой твердой опорой романическихъ творчествъ. За нимъ слѣдуетъ Викторъ Шербюлье, тяжелый и слѣпой копіистъ, кому, говорятъ въ шутку, Жоржъ Зандъ завѣщала свою башню, знаменитую, полуразрушившуюся и увитую плющемъ башню, въ которой обыкновенно встрѣчаются благовоспитанные влюбленные. Наконецъ, можно назвать еще Андре Тёріе, очень тонкій и чувствительный умъ, немного заныхавшійся, изображающій прелестныя исторіи. Эти три романиста суть обычные поставщики „Revue des Deux-Mondes", у которой только они и остались и которая не знаетъ больше, гдѣ найти умы той же школы для продолженія традицій журнала. И вотъ, и все потомство Жоржа Зандъ; она можетъ выставить противъ арміи учениковъ Бальзака только этихъ трехъ писателей, салонные успѣхи которыхъ доказываютъ, что масса публики и критика окончательно перешли на сторону противной формулы. Октавъ Фёйлье, конечно, продаетъ свои романы въ тридцати тысячахъ экземплярахъ, но вѣдь точно также и молитвенники продаются въ значительномъ количествѣ, однако никого это не интересуетъ.

Таково истинное положеніе дѣла. Натуральный романъ побѣдилъ, это фактъ очевидный, котораго никто не можетъ отрицать. Я отнюдь не нападаю на великій талантъ Жоржа Занда. Она представляетъ собою отжившую формулу — вотъ и все. Противъ нея наука, весь духъ новѣйшаго времени, и передъ ними мало-по-малу могутъ поблѣднѣть ея произведенія. Надо подождать двадцать лѣтъ и посмотрѣть, какъ она вынесетъ испытаніе, изъ котораго Бальзакъ въ настоящее время вышелъ побѣдоноснымъ, страшное испытаніе судомъ потомства, которое столь немногіе выдерживаютъ. Конечно, она не умретъ вполнѣ. Многія изъ ея произведеній будутъ жить своими рѣдкими качествами. Можно уже теперь рискнуть указать тѣ изъ ея произведеній, которыя исчезнутъ; это, главнымъ образомъ, ея первыя произведенія, книги, въ которыхъ она слѣдовала романтической модѣ тогдашней эпохи, а также и тѣ, что́ наполнены соціальными и философскими разсужденіями. Только живая страсть дѣлаетъ книги вѣчными и человѣчество хранитъ лишь тѣ творенія, въ которыхъ оно находитъ самого себя, съ своими радостями и горестями. Есть также одно качество, которое обезпечитъ за Жоржемъ Зандомъ безсмертіе—это ея слогъ, ея рѣчь, такая ясная, чистая и французская; форма иногда бываетъ достаточна для увѣковѣченія произведенія. Къ тому же, знаменитая романистка заняла опредѣленное мѣсто въ нашей литературѣ; быть можетъ, книги ея перестанутъ читать, но

имя ея останется представителемъ одной изъ литературныхъ формъ первой половины девятнадцатаго столѣтія. Есть писатели, какъ Шатобріанъ, напримѣръ, которыхъ больше не читаютъ, но которые занимаютъ почетное и высокое мѣсто въ исторіи литературы. Они ознаменовали свою эпоху, они провели глубокую борозду, остающуюся неизгладимой въ поляхъ родины. Позднѣе, такъ какъ они трудились не для жизни, жизнь ими пренебрегаетъ, но они остаются тѣмъ не менѣе мощными тружениками, имѣющими право на уваженіе потомства.

Эмиль Золя.

ЗАМѢТКА

Философскія ожиданія.

Философскіе этюды. А. А. Козлова. Часть 1-я. Спб. 1876.

Въ нашей литературѣ какъ будто начинаетъ распространяться вкусъ къ философіи. Въ послѣдніе годы являются и переводы философскихъ сочиненій, и собственныя попытки отечественныхъ мыслителей, которые, какъ и естественно, настаиваютъ на необходимости изученія философіи, для укрѣпленія нашей мысли, жалуются на „анархію", господствующую въ умахъ, на распространеніе „грубаго" матеріализма и т. д. Не станемъ спорить противъ этихъ утвержденій о необходимости философскихъ изученій: запросъ на философію выражаетъ очень понятную и дѣйствительную потребность въ обобщеніи, среди разнородныхъ направленій, существующихъ въ литературѣ и проникающихъ въ умы, потребность, которая можетъ быть чувствуема не только серьёзными людьми, способными къ этому обобщенію, но можетъ имѣть значеніе и для всего общественнаго образованія. Это послѣднее не отличается особенной прочностью, и необходимость пополнить и расширить умственный обиходъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всякое увеличеніе научнаго труда, и философскаго въ томъ числѣ, можетъ обѣщать пользу въ этомъ отношеніи.

Новые приверженцы философіи думаютъ, разумѣется, что философскій трудъ не можетъ быть поставленъ „между прочимъ". Они,

напротивъ, увѣрены и утверждаютъ, что философское знаніе не только въ предполагаемомъ будущемъ, но и въ настоящемъ можетъ пріобрѣсти абсолютное значеніе верховной истины, которая должна обнять результаты всѣхъ наукъ, привести ихъ въ одно цѣльное міросозерцаніе, создать твердую систему нравственныхъ понятій, и на ея основаніи вмѣшаться въ практическую жизнь, и дать точно также единство и фундаментъ для общественнаго и политическаго порядка.—Въ этомъ двоякомъ назначеніи, конечно, и долженъ быть смыслъ философскаго знанія. Разнообразныя теоретическія системы и теперь оказываютъ въ жизни подобное вліяніе — доставляютъ людямъ „образъ мыслей", проникающій въ политику и общественную жизнь, и опредѣляютъ, въ той или другой степени, направленіе событій. Новымъ приверженцамъ философіи кажется, что пора положить конецъ разнорѣчію понятій, изъ котораго идетъ и раздоръ практической жизни; что философія теперь уже въ состояніи занять господствующее положеніе, ей подобающее; что матеріалъ частныхъ наукъ накопленъ достаточно, и способенъ къ обобщенію; и что, наконецъ, философія должна стать источникомъ руководящихъ принциповъ для политической жизни общества.

Съ такимъ взглядомъ г. Козловъ открываетъ рядъ „философскихъ этюдовъ", въ которыхъ намѣревается объяснить значеніе философіи, возбудить интересъ къ ея изученію въ русскомъ обществѣ, которое, не зная ея, относится къ ней съ нескрываемымъ предубѣжденіемъ. Въ началѣ своей книги авторъ ставитъ цитату изъ Огюста Конта. Этотъ учитель позитивизма такъ разсуждалъ о той роли, какая принадлежитъ философіи въ общественномъ развитіи: „Политическій и нравственный кризисъ, въ которомъ находятся современныя общества, зависитъ въ концѣ-концовъ отъ умственной анархіи. И въ самомъ дѣлѣ, наибольшее наше зло состоитъ въ глубокомъ разногласіи, которое царствуетъ въ умахъ человѣческихъ относительно всѣхъ основныхъ истинъ, которыхъ непоколебимость есть первое условіе дѣйствительнаго общественнаго порядка. Пока отдѣльныя лица, въ единодушномъ согласіи, не примкнутъ къ нѣсколькимъ основнымъ положеніямъ, на которыхъ могла бы основаться общая соціальная теорія, до тѣхъ поръ, какіе бы ни пробовались политическіе палліативы, народы неизбѣжно останутся въ революціонномъ состояніи, которое допускаетъ только временныя учрежденія. Точно также вѣрно и то, что изъ общепризнанныхъ однихъ и тѣхъ же началъ необходимо вытекли бы прочныя учрежденія, еслибы это единеніе умовъ и признаніе состоялось, и вытекло бы безъ всякаго тяжелаго потрясенія, ибо важнѣйшій безпорядокъ будетъ уничтоженъ однимъ этимъ фактомъ единенія. Въ эту-то сторону и должно быть

обращено вниманіе всѣхъ тѣхъ, которые чувствуютъ важность дѣйствительно нормальнаго порядка вещей".

Нашъ авторъ знаетъ, что система самого Конта не послужила такимъ объединяющимъ пунктомъ, но онъ не сомнѣвается, что „для прочной постановки и нормальнаго развитія общественной жизни, главнѣйшимъ, если не единственнымъ средствомъ нужно признать то, которое указано Контомъ". Авторъ именно полагаетъ, что есть возможность выработать такое міросозерцаніе, къ которому могли бы примкнуть лучшія умственныя и нравственныя силы общества, а потому есть и надежда „поставить разумную преграду атомистическимъ тенденціямъ мнѣній и интересовъ";—иначе, только люди лицемѣрные или близорукіе могли бы оспаривать извѣстныя положенія Гоббса: homo homini lupus, bellum omnium contra omnes; а признавъ эти положенія, останется признать, вмѣстѣ съ тѣмъ же философомъ, что противодѣйствовать порядку вещей, выражаемому этими словами, можно только путемъ грубой силы.

Авторъ не сомнѣвается въ фактѣ умственной анархіи, на которую указывалъ Ог. Контъ: съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Контъ, эта анархія возросла еще сильнѣе. По мнѣнію автора, излишне также доказывать, что мы, русскіе, не можемъ оставаться равнодушны къ этому прискорбному явленію, потому что не подлежитъ сомнѣнію солидарность нашей общественной жизни съ Европою, солидарность, которая съ каждымъ годомъ становится все глубже. И во всякомъ случаѣ, говоритъ авторъ, одна возможность въ нашемъ обществѣ той же розни мнѣній и интересовъ, какая господствуетъ въ европейской жизни, должна обратить вниманіе „на ту область, изъ которой только и можно ожидать прочной помощи отъ этого зла". Эту область именно и составляютъ—„тѣ силы духа человѣческаго, которыя имѣютъ цѣлью (?) объединить безконечное разнообразіе познаній въ единую систему и въ результатѣ своей дѣятельности даютъ науку, называемую философіею". Для борьбы съ тѣмъ, что авторъ называетъ атомистическою рознью, неизбѣжнымъ условіемъ является единство въ міросозерцаніи лучшихъ умственныхъ и нравственныхъ членовъ общества.

Доказать это авторъ поставилъ цѣлью своего труда. Кто не согласенъ съ указанными положеніями, не можетъ, по словамъ его, ограничиться ихъ опроверженіемъ; онъ долженъ указать, что̀ должно служить противодѣйствіемъ этой анархіи: въ противномъ случаѣ онъ долженъ или отрицать самый фактъ этой анархіи, или не считать его вреднымъ.

Такъ поставленъ исходный пунктъ труда, предпринятаго нашимъ авторомъ. Онъ указываетъ, какимъ образомъ въ европейскомъ научномъ мірѣ эта потребность въ философіи болѣе и болѣе высказы-

вается въ послѣдніе годы, обнаруживаясь новымъ интересомъ къ философскимъ изученіямъ: одно время эти изученія были заброшены, при сильномъ развитіи естествознанія, съ пренебреженіемъ смотрѣвшаго на отвлеченную философію, но теперь снова умы направлены къ построенію цѣльнаго міросозерцанія; появляются новыя системы и производятъ большое впечатлѣніе; сами натуралисты, не ограничиваясь собственной областью, стремятся возводить положенія своихъ наукъ въ общефилософскіе принципы. Начатки такого интереса къ философіи авторъ находитъ и въ русской литературѣ, и желаетъ своими „Этюдами“ способствовать распространенію изученія, которому предстоитъ такая первостепенная роль. Онъ предполагаетъ сдѣлать это въ четырехъ изслѣдованіяхъ: 1) о предметѣ философіи; 2) о методѣ построенія этой науки и разныхъ ея направленіяхъ въ историческомъ развитіи этого построенія; 3) о значеніи ея въ жизни человѣческой, и 4) о связи и сходствѣ ея съ другими науками и о существенномъ отъ нихъ отличіи.

Въ настоящей книгѣ помѣщено первое изслѣдованіе и начало второго. Цѣль автора заслуживаетъ всякаго уваженія, и мы съ любопытствомъ будемъ ожидать продолженія „Этюдовъ“, которые, быть можетъ, дадутъ поводъ высказаться различнымъ существующимъ у насъ взглядамъ на предметъ и помогутъ выяснить положеніе дѣла въ нашей литературѣ. Мы ограничимся на этотъ разъ нѣсколькими замѣчаніями о тѣхъ общихъ положеніяхъ, которыя онъ поставилъ исходнымъ пунктомъ своего труда.

Въ этихъ положеніяхъ не все для насъ ясно и неопровержимо, и авторъ долженъ бы впослѣдствіи, напр., въ трактатѣ о „значеніи философіи въ жизни человѣческой“ ближе опредѣлить эти основные пункты. Такова, во-первыхъ, его мысль объ умственной анархіи, устраненію которой должна служить философія. Это устраненіе умственной анархіи, какъ выражается авторъ вслѣдъ за Контомъ, т.-е. всеобщее убѣжденіе людей въ одной міровой истинѣ, безъ всякаго сомнѣнія очень желательно и должно служить высшей цѣлью науки, способной привлекать лучшія, достойнѣйшія силы человѣческихъ обществъ. Но, очевидно, что эта цѣль чисто идеальная, достиженіе которой можетъ лежать только въ концѣ человѣческаго развитія, въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ, до которыхъ человѣчество можетъ дожить. Авторъ, кажется намъ, слишкомъ преувеличиваетъ средства существующаго философскаго знанія, возлагаетъ на нихъ больше надеждъ, чѣмъ они могутъ выполнить; достиженіе цѣли считаетъ какъ будто возможнымъ въ недалекомъ будущемъ—судя по тому, что въ усиліяхъ философіи, во вниманіи къ ея выводамъ находитъ возможнымъ указывать даже путь для политическаго устройства и успокоенія обществъ.—Но говорить объ „устраненіи анархіи“ и „объединеніи“ умовъ, значитъ предвидѣть и ставить впередъ предѣлъ для мысли,

чтó было бы очень самонадѣянно, потому что, конечно, никакія рѣшенія философіи, какъ бы ни старалась она сдѣлать ихъ возвышенными и всеобъемлющими, не могутъ имѣть притязанія на обязательность ихъ не только для послѣдующихъ поколѣній, но и для самихъ современниковъ; единственное, на чтó могла бы надѣяться философія, это—приблизительное и временное значеніе ея рѣшеній. Она всегда будетъ въ зависимости отъ состоянія частныхъ наукъ, и еслибы, для извѣстнаго періода, успѣвала достигнуть обобщенія ихъ результатовъ въ цѣльное міросозерцаніе, убѣдительное для настоящаго поколѣнія, ясно, что эта убѣдительность, и слѣдовательно дѣйствительная сила ея рѣшеній была бы чисто временная, а затѣмъ, съ новыми успѣхами частныхъ наукъ, понадобилось бы новое опредѣленіе міровыхъ и человѣческихъ фактовъ, новыя комбинаціи выводовъ, а слѣдовательно опять явится необходимость въ новыхъ синтезахъ или въ новой философіи.

Авторъ вѣроятно согласится съ этимъ и точнѣе разъяснитъ впослѣдствіи, кáкъ онъ понимаетъ жизненное значеніе и дѣйствіе философіи. Говоримъ это къ тому, что философы вообще, и г. Козловъ, кажется, въ томъ числѣ, черезчуръ склонны придавать „абсолютное“ значеніе каждой своей системѣ и, слишкомъ полагаясь на отвлеченное умозрѣніе, высокомѣрно относиться къ другимъ пріемамъ мышленія, напр. къ „грубому“ матеріализму и т. д., когда на дѣлѣ отвлеченная философія бывала не болѣе убѣдительна, чѣмъ онъ, и когда реакція противъ абстрактной философіи,—особенно въ пятомъ и шестомъ десятилѣтіи нашего вѣка,—выросла именно изъ-за этого притязательнаго высокомѣрія, которому не отвѣчало ея реальное содержаніе.

Не лишнее припомнить, что самая реакція противъ философіи возникала изъ того, что философія слишкомъ смѣло строила „цѣльное міросозерцаніе“, не познакомившись хорошенько съ частными науками. Дѣло оказалось не легкимъ даже для такого геніальнаго обобщателя, каковъ былъ Гегель; оно едва ли легче и теперь, и то, чтó авторъ называетъ „притязаніями естествовѣдовъ“ въ ущербъ философіи, есть скорѣе неизбѣжное требованіе, отъ исполненія котораго она не можетъ никакъ уклониться. Само естествовѣдѣніе очевидно находится теперь въ состояніи роста, притомъ очень постояннаго и быстраго; новыя, спеціальныя отрасли знанія нарождаются на нашихъ глазахъ, и между прочимъ въ тѣхъ сторонахъ частной науки, которыя должны занять особенно важное мѣсто въ „обобщеніи“ — напр. физіологическая психологія, этнографія, антропологія, „психологія народовъ“ и т. д. Здѣсь еще идетъ отыскиваніе законовъ, касающихся самыхъ важныхъ сторонъ человѣческаго развитія, и очевидно, что философія не можетъ не быть въ зависимости отъ этихъ изслѣдованій—больше, чѣмъ, кажется, желаетъ допускать авторъ.

Думаемъ, что требуетъ большихъ оговорокъ или можетъ быть совсѣмъ устранено то, что говоритъ авторъ вслѣдъ за Контомъ объ „умственной анархіи“ нашего времени. Не говоря о томъ, что слово „анархія“ заключаетъ въ себѣ неблагопріятный смыслъ безначалія, смуты, бунта, который странно прилагать къ разногласію мнѣній даже у лучшихъ людей, исходящему изъ серьёзнаго убѣжденія и исканія истины,—эта анархія едва ли въ наше время сильнѣе, чѣмъ во многія другія эпохи человѣческой исторіи. Легко, пожалуй, представить себя среди анархіи, встрѣчаясь съ множествомъ разнообразныхъ и противорѣчащихъ мнѣній, раздѣляющихъ современное общество;—но, не увлекаясь личными впечатлѣніями, не трудно видѣть, что тотъ же раздоръ мнѣній и интересовъ мы найдемъ во всѣ критическія эпохи всеобщей исторіи, во всѣ періоды возникновенія новыхъ ученій, религій, политическихъ стремленій и борьбы ихъ со старымъ порядкомъ вещей. Такъ было и въ древней Греціи, когда философскія ученія начинали входить въ жизнь и пріобрѣтать многочисленныхъ послѣдователей; такъ было въ эпоху возникновенія христіанства, въ средніе вѣка, въ періодъ возрожденія, реформаціи и т. д. Конечно, во всѣ тѣ вѣка было меньше грамотныхъ и образованныхъ людей, въ древности не умѣли печатать книгъ, такъ что эти старыя разногласія меньше бросаются въ глаза, — но при разницѣ обстоятельствъ остается тотъ же фактъ — разнообразіе и борьба мнѣній, важность которыхъ для тогдашнихъ людей нельзя, конечно, измѣрять однимъ числомъ написанныхъ сочиненій. Но, и кромѣ борьбы мнѣній чисто философскихъ и религіозныхъ, тотъ же элементъ философской „розни“ присутствовалъ въ борьбѣ самыхъ политическихъ и общественныхъ началъ. Тамъ, гдѣ общество достигало нѣкоторой степени сознанія, внѣшняя борьба политическихъ партій постоянно имѣла свою теоретическую подкладку, — какъ теперь каждое изъ главныхъ общественныхъ направленій имѣетъ свою теорію и даже философію. Такимъ образомъ, „умственную анархію“ мы найдемъ во всѣхъ судьбахъ развивавшагося человѣческаго общества, въ большей или меньшей степени, смотря по силѣ политическаго, религіознаго или научнаго возбужденія, и анархія нашего времени, говоря относительно, вѣроятно никакъ не больше той, какая совершалась во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Мы упоминали о томъ, насколько можно надѣяться, что философія явится объединяющимъ принципомъ, который усмиритъ анархію и внушитъ миръ и согласіе. Абсолютные философы очень склонны думать о себѣ (какъ это думаютъ эстетики о „художникахъ“), что они существуютъ и „мыслятъ“ внѣ пространства и времени. Имъ кажется обыкновенно, что ихъ мысль способна разъ навсегда установить философскіе принципы; философскій взглядъ представляется

обыкновенно имъ въ видѣ „системы", законченнаго сооруженія, хотя частныя науки долго послѣ употребляютъ великія усилія на опредѣленіе тѣхъ вещей, которыя уже рѣшены въ „системахъ". Абсолютные философы нерѣдко очень хорошо видѣли и определяли историческую ограниченность предыдущаго философскаго развитія, но въ своихъ системахъ легко забывали эти же историческія условія своего настоящаго. Гегеліанской школѣ казалось, какъ будто вся прежняя исторія философіи происходила для того, чтобы привести развитіе къ его гегеліанскому концу, который и завершалъ все, что только можетъ произвесть человѣческая мысль. На дѣлѣ, философія есть только синтетическая мысль извѣстной эпохи, и связана съ ней самымъ тѣснымъ образомъ, отражая ее въ своемъ содержаніи, направленіи и пріемахъ изслѣдованія; и она связана не только съ временемъ, но и съ національностью: такъ, до послѣдняго времени невозможно не отличать присутствія особаго національнаго склада въ философской литературѣ англичанъ, французовъ, нѣмцевъ. Философія, какъ замѣчаетъ и самъ авторъ, не есть только дѣло научной мысли, но и творческаго таланта, фантазіи; въ своихъ послѣднихъ выводахъ она является съ нравственными и общественными примѣненіями,—такимъ образомъ открываются различные пути вліянія національности автора, его воспитанія и дѣятельности въ извѣстной общественной и политической средѣ. Скажутъ, что философія, какъ наука, должна быть свободна и независима отъ столь случайныхъ вліяній, ея результаты выше всякихъ національныхъ ограниченій, и т. д. Дѣйствительно, такъ и должно быть, такъ и бываетъ относительно того, что, въ философскихъ изысканіяхъ, получаетъ признаніе научной достовѣрности: это достовѣрное входитъ въ науку, остальное отпадаетъ, какъ принадлежащее личности, времени, національности, и сохраняетъ лишь значеніе историческое. Національныя направленія до самаго послѣдняго времени выражались очень ярко, и если теперь ихъ раздѣльность какъ будто начинаетъ сглаживаться и философскія литературы различныхъ странъ вступаютъ въ болѣе дѣятельный обмѣнъ, который обѣщаетъ дать больше единства философскому изслѣдованію, чѣмъ было до сихъ поръ, то это не есть пріобрѣтеніе новой философіи, а результатъ вообще возрастающаго теперь сближенія народовъ и взаимодѣйствія образованности. Историки философіи, слѣдя за судьбой ея ученій, старались обыкновенно представить ее какъ единую послѣдовательную цѣпь развитія, звенья которой правильно примыкаютъ одно къ другому и слѣдуютъ одно за другимъ. Они могли безъ натяжекъ указывать эту связь тамъ, гдѣ была дѣйствительная передача ученій и ихъ дальнѣйшая переработка, но въ другихъ случаяхъ этой связи въ сущности не было, какъ, напримѣръ, связи между средневѣковой схоластикой и философіей древнихъ; и

философскія системы возникали не только въ силу предшествовавшихъ системъ, но и вслѣдствіе новыхъ историческихъ условій, новыхъ вліяній религіозныхъ, политическихъ, научныхъ, внѣ преданій самой философіи. Такимъ образомъ, исторія „абсолютной" мысли невозможна; она переплетена съ множествомъ разнообразныхъ историческихъ условій реальной жизни, политики, религіи, развитія частныхъ наукъ.

Связь „абсолютной мысли" съ исторіей національной образованности и политической жизни народовъ такова, что главнѣйшіе мыслители принадлежатъ почти исключительно только руководящимъ націямъ, какъ и въ настоящее время они принадлежатъ Англіи, Германіи и Франціи. Очевидно, что способность къ философской мысли (или по крайней мѣрѣ возможность дѣйствія для этой способности) обставлена извѣстными условіями національности или прошедшей подготовительной исторіи, и безъ этихъ условій не можетъ не только дѣйствовать, но, быть можетъ, и существовать. Если и въ другихъ, менѣе благопріятно обставленныхъ націяхъ и временахъ являются сильные умы и таланты, то они не проявляются въ философской мысли не только оттого, что случайно находятъ себѣ исходъ въ какой-нибудь иной дѣятельности—религіозной, военной, политической, которая указывается ихъ средой,—но и оттого, что вслѣдствіе общихъ національныхъ качествъ и исторіи, вслѣдствіе недостатка въ предыдущемъ умственномъ развитіи и не могутъ дѣйствовать въ области отвлеченной мысли. Нужно повидимому, чтобы цѣлое общество привыкло къ наукѣ, восприняло ее, и тогда только можетъ развиться самая способность лучшихъ умовъ къ самостоятельному умственному творчеству. Современное состояніе философскаго знанія въ Германіи, Франціи, Англіи есть плодъ долгой исторіи, въ теченіи которой эти націи стояли во главѣ европейской образованности, плодъ могущественнаго успѣха науки вообще, и наконецъ, что имѣетъ свое громадное значеніе, плодъ широкой политической жизни, въ той или другой формѣ (напр. въ старой Германіи такую политическую жизнь замѣнила реформація и ея послѣдствія)—которая давала широту и смѣлость самой теоретической мысли, и просторъ для ея выраженія.

Какимъ же образомъ стоитъ вопросъ философіи въ нашей литературѣ. Возможно ли у насъ ея широкое изученіе, и то объединяющее умы вліяніе, какого ожидаетъ авторъ? Наши философы предполагаютъ вѣроятно, что это—праздный вопросъ, что у насъ только по давнему легкомыслію могутъ смотрѣть недовѣрчиво на философію, не понимать ея великой пользы, и сомнѣваться въ успѣхѣ, для котораго нужна только добрая воля. Но, не сомнѣваясь въ пользѣ философіи и не вмѣшивая даже вопроса о томъ, какую философію желаютъ у насъ ввести ея приверженцы, можно думать, что философскія изученія не имѣли и не имѣютъ у насъ желаемаго успѣха не

отъ одного недостатка доброй воли. Мы говорили сейчасъ о томъ, какъ тѣсно связана возможность философской самостоятельности и творчества съ положеніемъ и характеромъ самого общества. Въ этомъ отношеніи, русская образованность — противъ этого едва ли кто будетъ спорить—находится далеко не въ такомъ благопріятномъ положеніи, какъ англійская, нѣмецкая, французская. Мы готовы предположить, что по свойствамъ и способностямъ чисто національнымъ, мы можемъ не уступать руководящимъ европейскимъ націямъ: съ тѣхъ поръ, какъ введена къ намъ наука, русская образованность выставила (особенно въ послѣднія десятилѣтія) рядъ ученыхъ именъ, которыя ставятъ внѣ сомнѣнія нашу воспріимчивость и способность къ самобытному научному труду. Этотъ фактъ и примѣры другихъ сильныхъ и блестящихъ умовъ, какіе появлялись въ нашей литературѣ, убѣждаютъ, что русская образованность могла бы быть способна и къ философскому творчеству. Но затѣмъ, общее положеніе русской образованности относительно европейской чрезвычайно неровно: если въ однихъ отношеніяхъ мы стоимъ на современномъ европейскомъ уровнѣ, то въ другихъ мы находимся еще въ XV столѣтіи, какъ Европа до реформаціи. Есть условія, въ которыхъ наша образованность никакъ не можетъ равняться съ европейскими націями. Это—условія общественныя. Степень общественной самостоятельности неизбѣжно отражается на дѣятельности умственной: гдѣ нѣтъ этой самостоятельности, тамъ самая мысль стѣснена и ограничена; напротивъ, ея сильное развитіе возбуждаетъ мысль, открываетъ для нея широкій горизонтъ, даетъ ей смѣлый, свободный полетъ. Если отдѣльная личность, силой врожденнаго дарованія, успѣваетъ освободить свою мысль отъ этого стѣсняющаго условія, то дѣйствіе ея во многомъ случаѣ будетъ остановлено; высказать ее будетъ невозможно при существующихъ нравахъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ общественной самостоятельностью идетъ обыкновенно и привычка къ научной мысли: общество, не развитое, не свободное въ жизни, бываетъ несвободно и въ мысли. Исторія русской образованности даетъ много примѣровъ непривычки общества къ наукѣ; намъ не нужно приводить этихъ примѣровъ, довольно напомнить о нихъ. Но изъ всѣхъ наукъ философія въ особенности требуетъ себѣ этой свободы. Наши философы (т.-е. философы-идеалисты) находятся, между прочимъ, въ большомъ самообольщеніи относительно этого предмета: имъ кажется, что они владѣютъ научнымъ вопросомъ и подвигаютъ его, когда они едва подходятъ къ нему на приличное разстояніе. Наше общество (въ разныхъ его слояхъ — на разный ладъ) до чрезвычайной степени лишено тѣхъ первоначальныхъ понятій о наукѣ, безъ которыхъ ея положеніе долго будетъ оставаться непрочнымъ, подверженнымъ всякимъ случайностямъ: при сколько-

нибудь свободномъ проявленіи научной мысли, наше „общество" (примѣровъ бывало довольно) относится къ ней съ подозрѣніемъ и готово увидѣть въ ней признакъ политической неблагонадежности,— хотя бы мысль была вовсе не нова и составляла азбуку европейской науки. Могутъ сказать на это, что однакоже мы сами выше говорили объ успѣхахъ нашей науки, уже имѣющей свои заслуженныя и знаменитыя имена. Но, во-первыхъ, мы говорили тамъ только о научной способности русскаго ума, которая доказывается присутствіемъ многихъ серьёзныхъ трудовъ; во-вторыхъ, наши успѣхи относятся только къ извѣстнымъ частнымъ наукамъ, направленіе которыхъ было индифферентно для общества. У насъ давно сложилось и, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, до сихъ поръ живетъ представленіе о наукахъ „полезныхъ" и наукахъ „вредныхъ". Къ наукамъ „полезнымъ" (т.-е. особенно полезнымъ для всякой гражданской, военной и т. п. службы) общество было даже расположено; затѣмъ, оно очень спокойно или равнодушно относится къ тѣмъ наукамъ, которыя никакимъ, по крайней мѣрѣ видимымъ, образомъ не касаются его привычныхъ понятій и предразсудковъ: оно готово хвалиться и тщеславиться именами знаменитыхъ математиковъ, физиковъ, химиковъ, географовъ (хотя еще недавно и подобныя науки вызывали его подозрительность), — но вовсе не спокойно относится къ тѣмъ, которыя прямо касаются общественнаго вопроса, къ наукамъ нравственнымъ и политическимъ. На судьбѣ этихъ наукъ въ нашей образованности можно особенно видѣть чрезмѣрную непривычку большинства къ свободному знанію; у насъ есть знаменитые математики, отличные химики, натуралисты, медики, труды которыхъ стоятъ на уровнѣ европейскомъ; но мы крайне бѣдны въ наукахъ политическихъ и нравственныхъ, и если имѣемъ ученыхъ, которые съ успѣхомъ разработывали частные вопросы этихъ наукъ въ примѣненіяхъ къ русской жизни, то не можемъ указать — почти ни одного, который бы могъ стать на европейскомъ уровнѣ въ основныхъ вопросахъ права, нравственности, политики. И повторяемъ, виной тому — не недостатокъ въ сильныхъ умахъ и дарованіяхъ: они бывали. Философія беретъ нравственные вопросы съ еще болѣе широкой точки зрѣнія, нежели частныя науки, и вслѣдствіе указанной причины, она всего меньше имѣетъ корней въ нашей образованности, всего меньше представителей, и то, что въ русской литературѣ можно причислить къ философіи, всего меньше приближается къ дѣйствительному состоянію этой науки въ Европѣ. Есть отдѣльныя лица (и то, впрочемъ, весьма немногія), которыя знакомы съ положеніемъ вопроса, имѣютъ самостоятельно выработанный взглядъ; бывали даже люди, которые могли бы явиться достойными дѣятелями въ самой европейской наукѣ; но эти отдѣль-

нія лица воспитали свое знаніе и талантъ вполнѣ на европейскихъ источникахъ, а литература знакома съ этими источниками отрывочно, случайно, анекдотически, и въ томъ же отрывочномъ и случайномъ видѣ попадаетъ въ общее образованіе и европейская философія. Понятно, что при этомъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы какое-нибудь направленіе или отрасль философіи могли войти въ литературу во всемъ объемѣ своего содержанія. Для того, чтобы можно было серьёзно говорить о введеніи философскихъ изученій, нужна еще большая подготовка, нужны условія общественныя, которыя допустили бы, наконецъ, научную мысль въ ея полномъ значеніи, не урѣзанную и не затемненную. Литература и кругъ людей, принимавшихъ интересъ въ умственномъ успѣхѣ общества, насколько могли, издавна стремились развить эту сторону общественной образованности: съ конца XVIII-го вѣка можно указать рядъ книгъ по философіи и нравственнымъ наукамъ, переведенныхъ на русскій языкъ, рядъ попытокъ собственнаго изложенія нѣкоторыхъ вопросовъ, рядъ отдѣльныхъ этюдовъ, которые свидѣтельствовали о близкомъ знакомствѣ съ европейскимъ движеніемъ. Но результатъ всего этого до сихъ поръ ничтоженъ. Литература не выработала себѣ права трактовать философскіе предметы; въ тридцатыхъ годахъ, какъ говорятъ, въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, гдѣ тогда съ интересомъ изучали философію, были переведены главнѣйшія произведенія нѣмецкой философіи начала нынѣшняго вѣка,—Кантъ, Фихте, Якоби,—но эти переводы такъ и остались (и вѣроятно погибли) въ рукописи; въ послѣдніе годы, какъ мы слышали, было также переведено и напечатано нѣсколько философскихъ сочиненій, не только новыхъ, но и старыхъ, но и эти книги не увидѣли свѣта. Такимъ образомъ, для философскаго изученія недостаетъ элементарныхъ основаній: можно ли ждать, чтобы у насъ явился Контъ, Спенсеръ, Дюрингъ, или хоть Гартманъ? Русскій мыслитель можетъ не уступать по силѣ мысли, можетъ даже далеко превосходить многихъ философовъ, пріобрѣтающихъ большую извѣстность въ западной литературѣ, но въ условіяхъ нашей литературы (которыя нужно свести къ состоянію и свойствамъ самаго общества) онъ не успѣетъ высказать половины своихъ идей, въ утомительной и чуть не безплодной борьбѣ съ отсутствіемъ всякаго интереса къ серьёзной мысли, или съ тѣми партизанами невѣжества, которые поспѣшатъ въ чисто научномъ вопросѣ отыскивать неблагонамѣренность.

Какъ можетъ философія (конечно, идеалистическая) въ такихъ условіяхъ объединять анархію мнѣній? Разнорѣчіе мнѣній несомнѣнно есть и въ нашей жизни, несомнѣнно и у насъ оно ведетъ къ „атомистической розни“, — но какъ мирить эту рознь, когда цѣлая половина мнѣній остается невысказанной вполнѣ, и притомъ, не-

высказанной въ главнѣйшихъ пунктахъ, составляющихъ самую сущность несогласія? Авторъ „Этюдовъ“ справедливо замѣчаетъ, что у насъ не только есть солидарность съ европейскими движеніями мысли, но что она постоянно возрастаетъ; многіе разряды нашихъ мнѣній имѣютъ свой непосредственный источникъ именно въ европейской мысли, принятой цѣликомъ или примѣненной. Такимъ образомъ, съ одной стороны задача какъ будто облегчилась бы, и европейская примирительная философія могла бы быть прямо къ намъ перенесена. Но здѣсь опять является то же затрудненіе: чтобы убѣдительно опровергнуть то, что̀ кажется этой философіи невѣрнымъ, она должна выставить спорныя ученія безъ умолчаній и ограниченій и — нужно, чтобы приверженцы этихъ ученій имѣли возможность привести столь же полную защиту, какъ было бы полно обвиненіе. Но это-то и немыслимо при существующемъ характерѣ общества и литературы. „Анархія“ будетъ продолжаться.

Но откуда эта анархія и въ чемъ она заключается? Дѣйствительно ли это — безпорядокъ, смутное броженіе, безъ яснаго повода, и, напротивъ, нѣтъ ли въ ней историческаго основанія, и, слѣдовательно, своего смысла? Безъ сомнѣнія, есть, и философъ-примиритель не можетъ не обратить на него самаго серьёзнаго вниманія. Нѣтъ ни одной исторической эпохи, отмѣченной особымъ оживленіемъ человѣческаго прогресса, которая не представляла бы въ той или другой степени этого броженія или въ формѣ ученыхъ споровъ, или въ прямой борьбѣ политическихъ или религіозныхъ партій. Это — необходимость историческаго движенія, которой нельзя остановить насильственно, не вредя самому жизненному нерву общества, и нельзя устранить никакой придуманной объединяющей теоріей — не исчерпавъ содержанія поднятыхъ вопросовъ, слѣдовательно, не вмѣшавшись опять въ ту же борьбу. Смыслъ этого явленія вездѣ одинъ и тотъ же: съ одной стороны, борьба отвлеченныхъ принциповъ цивилизаціи со всѣмъ тѣмъ, что̀ есть имъ враждебнаго въ преданіяхъ и формахъ прошедшаго, продолжающаго дѣйствовать и стѣсняющаго новыя требованія; съ другой — борьба общественныхъ интересовъ, очень часто параллельная и тожественная съ первой. Этотъ споръ можетъ обнаруживаться въ самыхъ различныхъ сторонахъ жизни, и философу-наблюдателю странно было бы видѣть здѣсь одну анархію, т.-е. хаосъ: ближе вникая въ дѣло, онъ долженъ увидѣть, что въ этомъ спорѣ есть сторона, которой принадлежитъ и нравственная, и разумная правда и для побѣды которой не довольно одной отвлеченной идеалистической проповѣди. Эта правда есть, въ сущности, та же, которая должна быть цѣлью поисковъ самой философіи, только въ жизни она не остается теоретическимъ вопросомъ, а, напротивъ, переводится на разнообразныя практическія отношенія,

одѣвается плотью и кровью. Здѣсь идетъ рѣчь, только въ другой формѣ, о томъ же господствѣ единаго, общаго нравственно-соціальнаго идеала; но въ жизни этому идеалу нужно пролагать свой путь черезъ множество препятствій, которыя ставитъ невѣжество, непривычка къ мысли или злостный обскурантизмъ,—оттого литература наполняется множествомъ частныхъ вопросовъ, практическихъ разсужденій, которыя служатъ иной разъ не меньше, если не больше, интересамъ истины, чѣмъ идеалистическое философствованіе.

Истые философы очень часто, если не обыкновенно, съ пренебреженіемъ смотрятъ на эту „мелкую“ частную борьбу и работу, которая, по ихъ мнѣнію, отвлекаетъ умы отъ высшихъ задачъ мышленія; они забываютъ, что истинная философія должна служить для той же жизни, а не для одного витанія въ трансцендентальныхъ сферахъ. Созданіе одного объединяющаго міросозерцанія, есть, безъ сомнѣнія, высокая цѣль философскаго мышленія;—не станемъ разбирать, достижима ли она когда-нибудь: довольно, что она остается идеальной цѣлью,—но пусть мыслители не преувеличиваютъ своихъ философскихъ полномочій. Есть опасность стать на слишкомъ большой отвлеченной высотѣ, которая приведетъ къ совершенному индифферентизму или еще къ худшему.

Задача, предстоящая русскимъ дѣятелямъ философіи, въ особенности трудна, если только они поймутъ ее серьёзно: имъ еще нужно завоевать мѣсто для своей науки среди общества, въ большинствѣ или равнодушнаго, или непонимающаго, или предубѣжденнаго, или, наконецъ, враждебнаго, а по вкусамъ и понятіямъ этого большинства и будетъ рѣшаться вопросъ о возможности у насъ этой науки. Выше упоминали мы, съ какимъ трудомъ проникали въ нашу литературу ученія европейской философіи, или какъ, въ другихъ случаяхъ, для этой литературы невозможно было усвоить себѣ многихъ знаменитыхъ произведеній европейской философской мысли. Гдѣ же почва, на которой могло бы утвердиться развитіе этой науки? Небольшое число любителей, нѣсколько серьёзныхъ людей—вотъ вся публика, которая съ интересомъ и искреннимъ сочувствіемъ встрѣтила бы успѣхи философскаго знанія въ нашей образованности—разумѣя, конечно, что оно будетъ являться къ намъ во всемъ достоинствѣ свободной и широкой мысли, а не отдѣльныхъ обрывковъ, недосказанныхъ или „передѣланныхъ на русскіе нравы“—но способна ли будетъ эта горсть людей покрыть всѣ тѣ помѣхи, которыя представятся этому знанію въ господствующихъ условіяхъ общества и литературы?

Д.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія лицамъ женскаго пола, обучающимся на курсахъ ученыхъ акушерокъ при медико-хирургической академіи и въ педагогическихъ курсахъ.

Отчетъ за 1875 годъ.

1-го января 1876 г. минулъ первый годъ существованія Общества, учрежденнаго съ цѣлью вспомоществованія слушательницамъ женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи и педагогическихъ курсовъ.

На первомъ Общемъ Собраніи 27 декабря 1874 г. утверждены были дѣйствительными членами Общества—члены учредители, въ числѣ 97, и избрано вновь 118 членовъ.

Въ чрезвычайномъ Общемъ Собраніи, 4 мая 1875 г., избрано было еще 114 членовъ, а всего въ настоящее время числится по списку 336 членовъ. Затѣмъ, послѣ послѣдняго Общаго Собранія, Комитетъ получилъ заявленія отъ 196 лицъ, пожелавшихъ поступить въ дѣйствительные члены Общества, избраніе которыхъ и будетъ предложено настоящему Общему Собранію. Если Собранію угодно будетъ избрать ихъ въ члены, то въ общей сложности составится 532 члена Общества.

Въ теченіи истекшаго года Комитетъ имѣлъ 23 общихъ и 10 частныхъ засѣданій.

Общимъ Собраніемъ 27 декабря 1874 года было постановлено: изготовить, согласно съ примѣчаніемъ § 17 Устава, проектъ инструкціи о порядкѣ выдачи пособій и представить его на утвержденіе слѣдующаго Общаго Собранія членовъ Общества. Во исполненіе сего, Комитетомъ Общества была избрана коммиссія изъ 3-хъ членовъ Комитета: В. А. Арцимовича, О. Ѳ. Миллера и Е. Ѳ. Рагозина и 3-хъ членовъ Общества: К. К. Арсеньева, А. П. Бородина и Д. В. Стасова. Коммиссія эта составила проектъ инструкціи, утвержденный Общимъ Собраніемъ 4 мая 1875 г.

Руководствуясь этою инструкціею, Комитетъ стремился къ выполненію, по мѣрѣ возможности, основной цѣли Общества: доставлять нуждающимся лицамъ женскаго пола средства для полученія образованія въ медико-хирургической академіи и въ педагогическихъ курсахъ.

Дѣятельность Общества естественно распадается на два отдѣла: а) сборъ денегъ и б) раздача ихъ.

А. Чтобы имѣть возможность приступить къ исполненію главной задачи Общества, Комитетъ долженъ былъ прежде всего озаботиться о пріисканіи средствъ и о возможно широкомъ распространеніи свѣдѣній объ организаціи Общества и его цѣли.

Согласно § 8 Устава средства Общества образуютъ: а) единовременные и ежегодные членскіе взносы; б) пожертвованія; в) возвратъ Обществу ссудъ, и г) сборы съ литературныхъ чтеній, концертовъ, спектаклей и т. п. собраній, устраиваемыхъ въ пользу Общества.

Общество наше должно было искать сочувствія по преимуществу въ лицахъ, близко интересующихся женскимъ образованіемъ, и, независимо отъ того, въ лицахъ вообще расположенныхъ къ благотворительности и готовыхъ оказать помощь всякому полезному дѣлу.

Развитіе новаго Общества, не успѣвшаго еще пріобрѣсти извѣстности и общественнаго довѣрія, въ началѣ задерживается особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ числа лицъ, готовыхъ на всякое доброе дѣло, многія уже принадлежатъ къ Обществамъ, прежде нашего основаннымъ, и, по ограниченности собственныхъ средствъ, затрудняются принимать на себя новыя обязательства.

Имѣя въ виду такое положеніе нашего Общества, необезпеченное состояніе

многихъ лицъ женскаго пола, прибывшихъ въ Петербургъ для полученія высшаго образованія, и затрудненія, встрѣченныя въ привлеченіи въ Петербургѣ достаточнаго числа членовъ и въ собираніи средствъ, столь необходимыхъ молодому Обществу, Комитетъ рѣшился обратиться за содѣйствіемъ и въ провинціи. Къ сему побудили его еще и тѣ соображенія, что наибольшее число лицъ женскаго пола, поступающихъ на медико-хирургическіе и педагогическіе курсы, пріѣзжаютъ изъ провинціи, и что лица, окончившія свое образованіе на курсахъ академическихъ и педагогическихъ, будутъ искать себѣ занятій, главнымъ образомъ, въ провинціи, которая, конечно, болѣе чѣмъ столица нуждается въ образованныхъ врачахъ, ученыхъ акушеркахъ и просвѣщенныхъ преподавательницахъ.

Руководствуясь этими соображеніями, Комитетъ собралъ по разнымъ губерніямъ свѣдѣнія о лицахъ, которыя извѣстны по своему сочувствію къ распространенію образованія, или по своей благотворительности, и разослалъ имъ циркулярныя письма, содержащія какъ подробное изложеніе цѣли Общества, такъ и приглашеніе принять участіе въ дѣятельности его; къ каждому письму были приложены: Уставъ, подписной листъ для желающихъ записаться въ члены Общества, и книжка для сбора пожертвованій; такія письма въ теченіи отчетнаго года были посланы къ 220 лицамъ.

Мѣра эта, имѣвшая цѣлью увеличить средства Общества и ближе познакомить провинціи съ учебными заведеніями, имѣющими для нихъ такое серьёзное значеніе, дала слѣдующій результатъ къ 1-му января 1876 года:

1) Членскихъ взносовъ поступило изъ 16 губерній на сумму 720 руб. отъ 104 лицъ, заявившихъ желаніе поступить въ члены Общества.

2) Пожертвованій прислано было изъ 13 губерній на сумму 867 р. 66 коп. Независимо отъ этого, изъ Кіева и Харькова были получены Комитетомъ заявленія отъ нѣкоторыхъ лицъ, съ предложеніемъ высылать въ опредѣленные сроки извѣстную сумму, для выдачи стипендій слушательницамъ, поступающимъ на курсы изъ южныхъ губерній, о чемъ и производится переписка.

Кромѣ членскихъ взносовъ и пожертвованій, источниками, служащими къ увеличенію средствъ Общества, служатъ, какъ сказано выше, возвращаемыя Обществу ссуды и сборы съ устраиваемыхъ вечеровъ.

Ссудъ было возвращено 3 лицами на 75 р. Вечеровъ было устроено три: отъ 2-хъ танцовальныхъ, 30 января и 25 ноября 1875 г., поступило 3221 р. 70 к., и отъ концерта, даннаго 9 марта 1875 г., получено 1236 рублей.

Вообще въ теченіе 1875 г. поступило:

Членскихъ взносовъ.	3.382 р.	— к. *)	
Пожертвованій.	1.569 „	66 „	
Сборовъ съ вечеровъ	4.457 „	70 „	
Возвращенныхъ ссудъ.	75 „	— „	
Дохода съ процентныхъ бумагъ .	20 „	— „	
А всего. . . .	9.504 р.	36 к.	

Изъ этой суммы, на основаніи § 9 Устава и утвержденныхъ Общимъ Собраніемъ 4 мая 1875 г. правилъ о неприкосновенномъ капиталѣ, подлежатъ отчисленію въ неприкосновенный капиталъ:

1) Единовременные членскіе взносы отъ 15 лицъ 1500 руб.;

2) Пожертвованные спеціально въ неприкосновенный капиталъ 650 р.;

3) 10% съ остальныхъ пожертвованій, на сумму 919 р. 66 к.—92 руб.;

4) 10% съ 4457 р. 70 к., полученныхъ съ вечеровъ, 445 руб.; а всего подлежитъ отчисленію въ неприкосновенный капиталъ 2687 рублей. Въ то число 1900 рублей помѣщены въ процентныхъ бумагахъ, а остальные 787 руб. числятся на текущемъ счету.

Б. Въ видахъ доставленія нуждающимся лицамъ женскаго пола средствъ для полученія высшаго образованія, Общество, согласно § 2 Устава, обязано:

1) выдавать учащимся денежныя пособія, единовременныя и постоянныя, а равно снабжать ихъ необходимыми предметами и вещами; и

2) доставлять имъ занятія и вообще содѣйствовать всѣми средствами къ обезпеченію ихъ быта.

При выдачѣ пособій Комитетъ, согласно данной ему инструкціи, руководствовался слѣдующими главными основаніями: слушательницы, желающія полу-

---

*) 5 лицъ по 25 р.; 2 по 15 р.; 30 по 10 р.; 2 по 6 р.; 283 лица по 5 рублей.

чить пособіе, заявляли о томъ или письменно или словесно одному изъ членовъ Комитета или Общества или чрезъ своихъ товарищей. По поданнымъ прошеніямъ немедленно наводились справки о степени состоятельности просительницъ. Справки эти доставлялись обыкновенно тѣми изъ членовъ Общества или Комитета, которые передавали прошенія, или товарищами просительницъ. Подтвержденныя такимъ образомъ прошенія докладывались въ ближайшемъ засѣданіи Комитета.

Всего съ 27 декабря 1874 г. по 1 января 1876 г. поступило въ Комитетъ 228 прошеній, изъ которыхъ отклонены были два, а по остальнымъ 226 прошеніямъ выдано 5998 р. и назначено къ выдачѣ 595 р., всего 6.593 руб.

Изъ этого числа наиболѣе крупная сумма выданныхъ пособій пала на долю слушательницъ курсовъ при м.-х. академіи, а именно 5273 р.; слушательницами же педагогическихъ курсовъ получено 1320 руб. Разница эта объясняется тѣмъ, что общее число слушательницъ, а слѣдовательно и нуждающихся, гораздо значительнѣе въ курсахъ академическихъ, сравнительно съ числомъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ.

Согласно § 9 инструкціи, денежныя выдачи, произведенныя Комитетомъ, были двоякаго рода: безъ обязательства возврата къ опредѣленному сроку и съ обязательствомъ возвратить въ теченіи года. Перваго рода выдачъ было ассигновано на сумму 4858 р., вторыхъ на сумму 1735 руб.

Въ академіи по курсамъ выданныя пособія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	I к.	II к.	III к.	IV к.
Безсрочныхъ выдачъ. . . .	740	1698	685	565
Срочныхъ выдачъ	315	715	250	305
А всего	1055	2413	935	870

Особый видъ пособія составлялъ взносъ платы за ученіе. Такъ какъ своевременный взносъ платы, необходимый для существованія самихъ учрежденій, обезпечивалъ за слушательницами право продолжать свое образованіе, то Комитетъ обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе и, въ видахъ существеннаго облегченія слушательницъ, передавалъ эти взносы въ установленные сроки: почетной инспектрисѣ курсовъ при медико-хирургической академіи М. Г. Ермоловой, и почетной надзирательницѣ педагогическихъ курсовъ А. А. Вараксиной. Общая сумма такихъ взносовъ составила въ теченіи года 2,300 р., которые распредѣлены были между 88 слушательницами слѣдующимъ образомъ: а) медико-хирургической академіи 68 слуш., на сумму 1700 р.; б) педагогическихъ курсовъ 20 слуш., на сумму 600 р.

Всего же, какъ выше сказано, за 88 слушательницъ обоихъ заведеній внесено 2,300 руб. Сумма эта вошла въ вышепоказанный итогъ всѣхъ вообще ассигнованныхъ пособій 6,593 р.

Многія слушательницы заявляли о желаніи получать стипендіи, такъ какъ не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни. Располагая до сего времени незначительными и притомъ непостоянными средствами, Комитетъ, къ крайнему своему сожалѣнію, былъ лишенъ возможности назначать продолжительныя стипендіи. Въ предѣлахъ своихъ средствъ онъ призналъ возможнымъ назначать пособія постоянныя, на короткіе сроки, и, согласно съ этимъ, было назначено выдавать 3-мъ слушательницамъ, на 3 мѣсяца, по 20 р.; 2-мъ на 2 мѣсяца, по 15 р., 2-мъ на 6 мѣсяцевъ, по 10 руб., 4-мъ на 3 мѣсяца, по 10 р. и 2-мъ на 2 мѣсяца, по 16 рублей.

Второй видъ дѣятельности Общества, указанный Уставомъ, заключается въ доставленіи занятій нуждающимся и въ обезпеченіи ихъ быта.

Еще при самомъ началѣ своей дѣятельности Комитетъ обратилъ вниманіе на доставленіе учащимся занятій. Признавая наиболѣе удобнымъ, чтобъ распредѣленіе этихъ занятій было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, Комитетъ воспользовался согласіемъ одного изъ своихъ членовъ, П. С. Стасовой, принять на себя этотъ трудъ. До самаго почти конца 1875 г. П. С. Стасова занималась этой важной отраслью дѣятельности Общества; въ настоящее же время она, вслѣдствіе болѣзни, не можетъ болѣе принимать участія въ дѣлахъ Комитета, почему послѣдній передалъ заботу о прінсканіи занятій члену Общества, О. А. Мордвиновой, при содѣйствіи другихъ членовъ Общества.

Что касается до обезпеченія быта слушательницъ, то Комитетъ не могъ, по ограниченности средствъ, привести въ исполненіе многихъ существенно не-

обходимыхъ мѣръ; до сихъ поръ ему удалось только устроить безплатное леченіе для слушательницъ педагогическихъ курсовъ. Съ этой цѣлью приглашенъ докторъ Сниткинъ на слѣдующихъ условіяхъ: онъ обязался назначить ежедневно часъ для пріема больныхъ слушательницъ на дому, два раза въ недѣлю посѣщать курсы и, въ случаѣ крайней опасности, посѣщать слушательницъ на ихъ квартирахъ. Съ своей стороны Комитетъ призналъ необходимымъ выдавать г. Сниткину, въ видѣ разъѣздныхъ, по 15 руб. въ мѣсяцъ, или 180 р. въ годъ, и нѣкоторую сумму на болѣе употребительные медикаменты.

Нѣсколько разъ поднимались въ Комитетѣ вопросы объ устройствѣ дешевыхъ квартиръ и столовыхъ, о пріобрѣтеніи дорогихъ учебныхъ пособій для слушательницъ и т. п.; но, по недостатку средствъ, подобныя предположенія не могли быть приведены въ исполненіе. Вообще, недостаточность средствъ, происходящая отъ новизны предпринятаго дѣла, не дала до сего времени Комитету возможности предпринять существенныя мѣры для обезпеченія въ желанныхъ размѣрахъ быта недостаточныхъ слушательницъ.

Надѣясь, что будущій годъ привлечетъ больше членовъ и жертвователей, а съ ними дастъ и больше средствъ въ распоряженіе Комитета, послѣдній считаетъ своимъ долгомъ искренно благодарить членовъ Общества и постороннихъ за оказанное ему въ минувшемъ году нравственное сочувствіе и матеріальное содѣйствіе.

Отчетъ казначея за 1875 годъ.

I. Приходъ.

I. Членскихъ взносовъ:

А. Единовременныхъ отъ 15 лицъ, по 100 рублей . . 1,500 р.
Б. Ежегодныхъ отъ 322 лицъ . . . . 1,882 р.
— 3,382 р.

II. Пожертвованій:

Отъ В. К. Властовой . . . . 650 р.
„ А. Витте . . . . 5 „
„ Л. М. Жемчужникова . . . . 5 „
„ О. Ф. Котляревской . . . . 15 „
„ Неизвѣстныхъ . . . . 27 „
— 702 р.

III. Пожертвованій, собранныхъ по книжкамъ:

По 13 книжкамъ . . . . 867 р. 66 к.

IV. Съ баловъ и концерта:

а) Съ танцовальнаго вечера 30 января. . . . . 1,721 р. 70 к.
б) Съ концерта 9 марта . . . . 1,236 „ — „
в) Съ танцовальнаго вечера 25 ноября. . . . . 1,500 „ — „
— 4,457 р. 70 к.

V. Процентовъ съ неприкосновеннаго капитала:

По 8 купонамъ. . . . . 20 р. — к.

VI. Возвращено ссудъ:

Тремя слушательницами . . . . 75 „ — „

Всего въ теченіи года поступило 9,504 р. 36 к.

II. Расходъ.

I. 215 слушательницамъ курсовъ ученыхъ акушерокъ и педагогическихъ курсовъ выданы ссуды и пособія: . . . . 5,998 р. — к.
II. Употреблено на канцелярскіе и почтовые расходы, печатаніе бланокъ, уставовъ, циркуляровъ, книжекъ и проч. и на храненіе % бумагъ и за залу Думы для Общаго Собранія 4 мая 1875 года . . . . 223 р. 12 к.

Всего въ теченіе года израсходовано . 6,221 р. 12 к.

III. Состояніе кассы къ 1 января 1876 года.

Въ теченіи 1875 г. записано на приходъ. . . . . 9.504 р. 36 к.
" " " выписано въ расходъ. . . . . 6,221 " 12 "

Къ 1 января 1876 г. состоитъ на лицо. 3,283 р. 24

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами. . . . . 1,900 р. — к.
На текущемъ счету и наличными деньгами. . . . 1,383 " 24 "

Итого. . . . 3,283 р. 24 к.

Составъ комитета на 1876 годъ.

Предсѣдатель Общества—Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (Мойка, у Конюшеннаго моста, домъ № 9, кв № 13).
Товарищъ Предсѣдателя—Николай Николаевичъ Тютчевъ (Вас. остр., Набережная, на углу 6-й линіи, д. № 25).
Казначей—Александръ Порфирьевичъ Бородинъ (зданіе М.-Х. Академіи).
Секретарь—Иванъ Алексѣевичъ Павловъ (Милліонная, д. № 26).

Члены Комитета:

Ольга Константиновна Граве (Знаменская площадь, д. № 122).
Варвара Павловна Тарновская (Надеждинская, д. Родовспомогательнаго заведенія).
Евгенія Ивановна Арсеньева (Надеждинская, д. № 22),
Марія Филетеровна Павловская (Надеждинская, д. № 17, кв. № 9).
Алексѣй Петровичъ Доброславинъ (Сергіевская, д. № 31)

Примѣчаніе. Кромѣ книжнаго магазина Надѣина (Невск. просп., 44), членскіе взносы принимаются въ книжномъ магазинѣ Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, 24.

М. Стасюлевичъ.

ИЗЪ ЭПОХИ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Есть событія, настолько близкія сердцу цѣлаго поколѣнія, ихъ пережившаго, что самыя, повидимому, незначительныя подробности о нихъ возбуждаютъ живѣйшій интересъ. Такимъ событіемъ для нашихъ дѣдовъ была отечественная война, для насъ — крымская. Это, какъ мнѣ кажется, можетъ служить оправданіемъ появленія, черезъ двадцать лѣтъ послѣ войны, моихъ воспоминаній, хотя, какъ я долженъ, къ сожалѣнію, сознаться, они недостаточно рельефны и имъ недостаетъ одного изъ главныхъ условій достоинства такого рода произведеній — одновременности наблюденія и записыванія.

Я уроженецъ Крыма, но именно передъ войною, осенью 1853 года, уѣхалъ въ Кіевъ, откуда во время войны три раза пріѣзжалъ въ Крымъ, каждый разъ на нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1854, 55 и 56 годахъ.

Театра войны собственно я не видѣлъ, а видѣлъ только ея подкладку. Я былъ, такъ-сказать, за кулисами и то, что̀ успѣлъ замѣтить оттуда, не можетъ, очевидно, не страдать нѣкоторою односторонностію. Впрочемъ, всѣ сообщаемые мною факты я тщательно обдумалъ и, насколько могъ, провѣрилъ. Во всякомъ случаѣ, я старался передать все безъ малѣйшаго насилованія фактовъ.

I.

Бѣгство жителей изъ Евпаторіи въ апрѣлѣ 1854 г.—Судакъ.

Я пріѣхалъ въ Евпаторію въ началѣ апрѣля 1854 года. Въ это время война принимала уже грозный характеръ: флотъ нашъ былъ запертъ въ севастопольской бухтѣ; корабли союзниковъ разгуливали безпрепятственно по Черному морю. Но жители Крыма, даже приморскихъ его городовъ, почти не обращали вниманія на то, какой оборотъ принимаетъ война, и все еще считали ее гдѣ-то далеко, за горами.

Война 1853—56 гг., какъ извѣстно, была непопулярна: причины ея никто не понималъ, цѣли въ ней не видѣлъ. Въ могущество и непобѣдимость Россіи народъ вѣрилъ безусловно, но вѣрилъ съ такимъ тупымъ равнодушіемъ, которое въ настоящее время трудно себѣ представить (стóитъ вспомнить 1863 годъ), и которое объясняется только глубокимъ политическимъ невѣжествомъ русскаго общества того времени, достигшимъ послѣ 1848 года крайняго предѣла. Мысль, что никакая опасность не грозитъ Россіи, разумѣется, только содѣйствовала усыпленію. Жизнь Евпаторіи, маленькаго городка, лежавшаго въ совершенно открытой мѣстности, на самомъ берегу моря, находившагося во власти непріятельскаго флота, городка, въ которомъ не было ни одного солдата и татарское населеніе котораго замѣтно волновалось,—текла обычнымъ чередомъ. Никому, повидимому, не приходило въ голову, что сосѣдство непріятеля можетъ грозить, если не опасностію, то хоть непріятностями. Ни одинъ помѣщикъ не позаботился вывезти изъ Евпаторіи хоть что-нибудь изъ своего имущества, несмотря на то, что у многихъ деревни находились недалеко отъ города. Это происходило не отъ отваги или вѣры въ человѣчность непріятеля, а просто отъ невѣдѣнія и наивной беззаботности непуганныхъ воронъ. Люди болѣе свѣдущіе и дальновидные молчали, боясь прослыть алармистами.

Пробывъ нѣсколько дней въ Евпаторіи, въ одинъ прекрасный, и дѣйствительно прекрасный, день послѣ обѣда, часа въ два, я выѣхалъ въ Симферополь. Дорога шла по берегу широкаго, мало вдавшагося въ землю залива, въ глубинѣ котораго расположена Евпаторія. Городокъ лежалъ предо мною какъ на ладони, и казался довольно красивымъ съ его набережною, окаймленною рядомъ ярко бѣлѣвшихъ на солнцѣ домиковъ, изъ-за которыхъ под-

нимались, придавая всему виду нѣкоторую величавость, массивныя стѣны и темные, обитые свинцомъ, куполы древней мечети, составлявшей, вмѣстѣ съ караимской синагогою, гордость Евпаторіи и построенной, по убѣжденію татаръ, по плану константинопольской Ая-Софіи. На противоположной сторонѣ заливъ замыкался холмистымъ песчанымъ мысомъ, на которомъ бѣлѣли зданія и спускавшіяся уступами къ морю стѣны карантина. Рейдъ былъ пустъ, только нѣсколько подвозныхъ лодокъ стояли на якорѣ въ морѣ, а у пристани видиѣлось съ десятокъ яликовъ и баркасовъ.

Я былъ уже верстахъ въ пяти отъ города, когда изъ-за карантиннаго мыска показалось небольшое купеческое судно, летѣвшее въ бухту на всѣхъ парусахъ. Вслѣдъ за нимъ, огибая мысокъ болѣе широкой дугою, появились темные силуэты двухъ военныхъ англійскихъ пароходовъ. Судно успѣло войти въ гавань, съ него поспѣшно спустили лодки, въ которыя сѣли люди, составлявшіе экипажъ, и стали грести къ берегу. Нѣсколько дальше остановились пароходы и повернули борты свои къ городу. Близко къ берегу они подойти не могли по мелководью, но съ нихъ былъ спущенъ баркасъ, направившійся къ покинутому судну. Въ это время отъ пристани отвалилъ выкрашенный зеленою краской казенный катеръ съ гребцами въ синихъ рубахахъ, и поплылъ въ море къ пароходамъ. Какъ я потомъ узналъ, это были карантинные чиновники, которые, по карантиннымъ правиламъ, должны были опрашивать прибывающія суда, т.-е. забирать свѣдѣнія, изъ благополучныхъ ли (не чумныхъ) мѣстъ они прибыли, не имѣли ли въ пути сообщенія съ подозрительнымъ (въ чумной заразѣ) судномъ и т. п. Къ катеру подошелъ непріятельскій баркасъ и забралъ на корабли какъ чиновниковъ, такъ и матросовъ. Это былъ, кажется, первый трофей союзнаго флота въ Черномъ морѣ. Плѣнныхъ увезли въ Англію, откуда они возвратились только по заключеніи мира.

Все это совершалось у меня на глазахъ, пока я во всю конскую прыть скакалъ обратно въ городъ. Между тѣмъ на набережную, на пристань и повсюду къ берегу высыпали татары, скоро усѣявшіе его сплошными массами на протяженіи двухъ верстъ. Городъ находился въ полномъ смятеніи. Плѣнъ карантинныхъ чиновниковъ подѣйствовалъ на всѣхъ ошеломляющимъ образомъ. Разумѣется, болѣе или менѣе продолжительный плѣнъ у англичанъ самъ по себѣ не могъ никому казаться непоправимымъ бѣдствіемъ, но, касаясь людей всѣмъ близкихъ, которыхъ евпаторійцы привыкли видѣть въ средѣ своей чуть не въ каж-

дый часъ дня и ночи, онъ разомъ прервалъ обычное теченіе мирной жизни. Еще вчера Романъ Антоновичъ былъ вмѣстѣ со всѣми на вечеринкѣ у судьи, еще сегодня, вмѣстѣ со всѣми, закусывалъ онъ въ лавкѣ у Папа-Николю, и вдругъ невѣдомая, неизвѣстно откуда нагрянувшая сила разомъ вырвала его изъ благодушной среды.

Явное сочувствіе къ приходу непріятелей въ татарахъ также ни для кого не могло оставаться тайной. Безотчетная, ни на чемъ не основанная, отвага и беззаботность разомъ смѣнились въ христіанскомъ населеніи Евпаторіи и въ караимахъ столь же неосновательной паникой. Проѣзжая по городу, въ растворенныя ворота или чрезъ низкія ограды дворовъ, я всюду видѣлъ страшную суматоху: вездѣ укладывались; многіе уже уходили.

Своихъ домашнихъ я засталъ въ такомъ же переполохѣ. Мнѣ, или, вѣрнѣе, парѣ лошадей, на которыхъ я вернулся, обрадовались до-нельзя. Сборы пошли еще быстрѣе, и черезъ часъ, взглянувъ въ послѣдній разъ чрезъ стѣну на дымившіеся пароходы, мы, въ числѣ семнадцати человѣкъ, выступили изъ воротъ дома, вслѣдъ за двумя вѣрхомъ нагруженными фургонами. Въ домѣ былъ оставленъ дворникъ, съ приказаніемъ охранять домъ пока можно; въ случаѣ же занятія города непріятелемъ или явно враждебныхъ дѣйствій татаръ—уходить въ деревню.

Въ узкихъ переулкахъ, которыми мы пробирались къ выходу изъ города, мы нагоняли повозки, арбы и пѣшеходовъ съ узлами. Русскіе, греки и большая часть караимовъ уходили; въ городѣ оставались только татары и евреи.

Евпаторія, подобно почти всѣмъ другимъ крымскимъ городамъ, представляла весьма разноплеменное населеніе; въ немъ было менѣе всего чисто-русскихъ, да и тѣ были исключительно чиновники, случайно занесенные судьбою въ Крымъ. Впрочемъ, къ нимъ совершенно справедливо причислить и чиновниковъ изъ грековъ. Несмотря на свое происхожденіе, они были если не коренными русскими, то коренными крымчаками, и мало-по-малу забывали даже греческій языкъ [1]). Затѣмъ греки, болѣе сохра-

[1]) Въ этомъ отношеніи крымскіе греки представляютъ полнѣйшее отличіе отъ грековъ, напр., таганрогскихъ, которые прежде всего остаются греками.—Кромѣ грековъ, верхніе слои крымскаго населенія составляютъ потомки выходцевъ изъ другихъ странъ: французы, итальянцы и пр. Мой родъ—славянскій, изъ Далмаціи. Дѣдъ мой и братъ его (Марко и Степанъ Ивановичи) пріѣхали въ Россію въ 1812—15-хъ годахъ изъ Рагузы, были признаны русскими дворянами и находились въ государственной службѣ. Степанъ Ивановичъ, занимавшій, кажется, должность капитана порта въ Севастополѣ, былъ убитъ въ 1831 году во время севастопольскаго бунта. Дѣда я не зналъ, но уже отецъ мой былъ совершенно русскій.

нившіе свою народность,—это лавочники и лодочники. Далѣе караимы, евреи, армяне и пр. Но всѣ эти народности составляли не болѣе четверти населенія Евпаторіи: изъ 10—12 тысячъ ея жителей три-четверти было татаръ, жившихъ совершенно обособленною жизнію. Они занимались мелкой торговлей, содержаніемъ рѣзницъ (мясныхъ лавокъ), пекарень и кофеенъ; ремеслами, необходимыми въ быту татаръ: выдѣлкой кожъ и кожевенныхъ издѣлій, выдѣлкой смушекъ, изготовленіемъ телѣгъ (двухколесныхъ арбъ и четырехколесныхъ маджаръ); они же были слесарями, оружейниками и мѣдниками; далѣе занимались извозною промышленностью (арабаджи): подвозили соль изъ Сакъ или пшеницу и шерсть изъ магазиновъ къ стоящимъ у пристани судамъ; занимались съемкой земли близъ города подъ баштаны и посѣвы, наконецъ, поденной работой при выволакиваніи соли изъ Сакскаго озера, при нагрузкѣ судовъ и т. п.

При трудолюбіи, трезвости и домовитости татаръ, нищеты между ними не было, но того, что̀ они ежедневно заработывали, едва хватало на удовлетвореніе ихъ потребностей, несмотря на крайнюю ихъ умѣренность. Почти у каждаго изъ нихъ былъ свой домикъ, или скорѣе хижина, кое-какъ слѣпленная изъ глины и камней, съ промасленной бумагой въ окнахъ вмѣсто стеколъ (но непремѣнно съ маленькимъ садикомъ во дворѣ, гдѣ росла сирень, подсолнечники, резеда и левкой). Тѣ, у кого была арба съ лошадью или корова, могли считаться зажиточными. У каждаго изъ татаръ была болѣе или менѣе многочисленная семья. Покинуть, подобно прочимъ обитателямъ, городъ, при такихъ условіяхъ, татарамъ едвали представлялась какая-нибудь возможность. Впрочемъ, ожидать отъ нихъ этого нельзя было и по другимъ причинамъ. Несмотря на столѣтнее пребываніе подъ властью Россіи, татарское населеніе Крыма нисколько не сблизилось съ русскими, и въ этомъ отношеніи населеніе городовъ, въ томъ числѣ и Евпаторіи, далеко уступаетъ населенію сельскому. Большая часть евпаторійскихъ татаръ ни слова не знала по-русски, и едвали былъ одинъ, даже изъ числа прослужившихъ десятокъ лѣтъ въ русскомъ домѣ, который бы свободно, хотя и неправильно, говорилъ на нашемъ языкѣ [1]).

[1]) За то почти всѣ обитатели Евпаторіи не-татары свободно говорили по-татарски.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи разсказать по этому поводу весьма характеристичную мѣстную легенду. Въ Евпаторію пріѣхалъ лѣтомъ какой-то сановникъ или полусановникъ изъ Петербурга, съ петербургской привычкой ни къ селу, ни къ городу заговаривать по-французски. На бѣду, въ Евпаторіи этотъ діалектъ по-

Смыслъ новой для нихъ жизни оставался имъ непонятенъ и они постоянно чувствовали себя ближе къ соплеменнымъ и единовѣрнымъ туркамъ, нежели къ намъ. Передъ началомъ войны турецкіе эмиссары разжигали въ нихъ религіозный фанатизмъ, а совершенное отсутствіе войска въ этой части Крыма, предоставленной, повидимому, въ полное распоряженіе непріятеля, окончательно способствовало той легкости, съ которой евпаторійскіе татары перешли на сторону непріятеля.

Еще менѣе возможности уйти куда-нибудь представлялось евреямъ, гнѣздившимся со своими многочисленными семьями въ грязныхъ лачугахъ и съ трудомъ перебивавшимся изо-дня въ день мало прибыльными въ уѣздномъ городѣ ремеслами или еще менѣе прибыльнымъ факторствомъ.

Когда мы выбрались за городъ, все поле было усѣяно группами бѣглецовъ. Экипажей и телѣгъ было мало (разумѣется, татарина съ его арбой нельзя было нанять ни за какую цѣну); большая часть жителей уходила пѣшкомъ, неся на себѣ все, что можно было унести. Мужъ-чиновникъ несъ узелъ въ одной рукѣ и грудное дитя въ другой; жена, тоже съ узломъ, вела за руку ребенка постарше, иногда двухъ. Изрѣдка къ этому прибавлялась корова на веревкѣ.

Всѣ группы шли по одному направленію: къ такъ-называемому каменному мосту, составлявшему нѣчто въ родѣ длинной плотины чрезъ одинъ изъ рукавовъ лежащаго на востокъ отъ Евпаторіи обширнаго Гнилого озера. Это была пока ближайшая цѣль.

Становилось уже темно, когда вожделѣнный мостъ былъ перейденъ. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ между нѣсколькими группами, положено было ночевать тутъ же, подъ открытымъ небомъ, а не въ деревнѣ Мамаѣ, какъ многіе предполагали прежде,—такъ какъ до Мамая оставалось еще три или

нимала только чета Д.: жена порядочно, мужъ съ грѣхомъ пополамъ. Разъ какъ-то Д. далъ пріѣзжему обѣдъ, къ которому пригласилъ все мѣстное общество. Послѣ супа гость заговорилъ съ хозяйкой по-французски, говорилъ пять минутъ, говорилъ десять. Всѣ сначала слушали ихъ съ почтеніемъ, потомъ съ нѣкоторой досадой и, наконецъ, разсердились... „Да что это въ самомъ дѣлѣ, покажемъ имъ, что и мы умѣемъ по иностранному“,—шепнула сосѣду одна изъ болѣе находчивыхъ евпаторійскихъ дамъ, и обратилась къ кому-то черезъ столъ съ татарской рѣчью. Разговоръ завязался, сдѣлался веселъ, къ нему скоро присоединились всѣ; самъ хозяинъ оказался въ татарскомъ языкѣ не въ примѣръ сильнѣе французскаго; сыпалъ каламбуры, разсказывалъ анекдоты, соль которыхъ состояла въ игрѣ словъ и т. д., и такой разговоръ тянулся до конца обѣда среди общаго смѣха. Преданіе гласитъ, что сановникъ болѣе въ Евпаторіи на французскомъ языкѣ не заговаривалъ.

четыре версты. Остановились первыя группы, за ними остановились и другія, и вскорѣ всѣ пилигримы расположились на пригоркѣ обширнымъ лагеремъ. Лошадей пустили пастись на траву; изъ экипажей и повозокъ стали устраивать шатры, зажгли костры изъ набраннаго въ полѣ бурьяна, наставили самовары и кофейники. Утомленіе и уныніе, господствовавшее полчаса назадъ, смѣнилось одушевленіемъ и нервическою веселостью; всюду раздавались смѣхъ и шутки. Знакомые навѣщали другъ друга, угощались, строили планы ближайшаго будущаго, подсмѣивались надъ своимъ положеніемъ... изрѣдка невольно вырвавшійся у когонибудь вздохъ прерывалъ смѣхъ и разговоры, на минуту водворялось молчаніе, но всѣ, какъ-бы заранѣе условившись, спѣшили разогнать набѣжавшее облако и веселье возобновлялось. Было уже за-полночь, когда говоръ сталъ стихать, огни гасли и лагерь успокоился. Издали долетало фырканье и ржанье лошадей. Небо, казавшееся чернымъ при свѣтѣ костровъ, теперь стало темносинимъ и глядѣло яркими и высокими южными звѣздами на уснувшее кочевье.

Я въ ту же ночь, какъ только отдохнули лошади, уѣхалъ въ деревню и уже на зарѣ выслалъ оттуда экипажи за путешественниками и подводы въ городъ за оставленнымъ имуществомъ. Къ позднему обѣду прибыла наша семья и съ нею еще два знакомыя семейства, которыя и расположились въ избахъ на деревнѣ. Чрезъ двое сутокъ возвратились подводы съ частію вещей; но вторичная посылка оказалась невозможной, такъ какъ изъ Евпаторіи прибылъ оставшійся тамъ дворникъ и говорилъ, что татары грозятъ отнять воловъ и лошадей у тѣхъ, кто пріѣдетъ въ Евпаторію за вещами.

Въ день нашего бѣгства (или въ слѣдующіе затѣмъ дни) съ англійскихъ пароходовъ былъ посланъ небольшой отрядъ, который захватилъ зерновой хлѣбъ, ссыпанный въ казенныхъ запасныхъ магазинахъ, находившихся на берегу моря у города. Разсказывали, что начальство (какое—не знаю) предвидѣло возможность такого захвата и потому, съ появленіемъ союзнаго флота въ Черномъ морѣ, дало приказаніе мѣстному инвалидному начальнику, въ случаѣ высадки, залить хлѣбъ морскою водою и наглухо забить окна магазиновъ, отчего зерно чрезъ нѣсколько часовъ должно было сдѣлаться никуда негоднымъ. Въ магазинѣ были поставлены чаны съ водою, но вода въ нихъ высохла и вытекла. Когда пришло время заливать хлѣбъ, начальникъ съ десяткомъ подчиненныхъ инвалидовъ принялись ведрами таскать

воду изъ моря на разстояніи сотни шаговъ. На этомъ занятіи застали ихъ англичане и также взяли въ плѣнъ.

Присутственныя мѣста Евпаторіи, со всѣми дѣлами, были вывезены въ Симферополь и Перекопъ. Туда же переселились чиновники, оставивъ пока семьи по деревнямъ у знакомыхъ помѣщиковъ. Купцы, греки и караимы, разъѣхались по разнымъ городамъ Крыма, гдѣ многіе изъ нихъ настолько успѣли устроиться, что не возвратились уже въ Евпаторію и по заключеніи мира. Это, вмѣстѣ съ уходомъ татаръ, было причиной того, что Евпаторія послѣ войны возстановилась менѣе другихъ крымскихъ городовъ, за исключеніемъ, разумѣется, Севастополя.

Изъ деревни я скоро уѣхалъ въ мѣстечко Судакъ, лежащее въ горахъ на юго-восточномъ берегу Крыма. Здѣсь было затишье еще болѣе полное. О войнѣ не было никакихъ извѣстій. О бомбардированіи Одессы доносились слухи весьма темные и неопредѣленные. Только изрѣдка далеко въ морѣ, на горизонтѣ, можно было замѣтить съ горы дымъ одного или двухъ непріятельскихъ пароходовъ, рыскавшихъ вдоль берега.

Большую часть лѣта провелъ я въ Судакѣ, въ томъ же невѣдѣніи о войнѣ и даже, подобно большинству обитателей Крыма, мало о ней думая.

Судакъ—одна изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ Крыму, съ которою въ этомъ отношеніи можетъ поспорить только Алушта, благодаря величавому виду Чатырдага. Судакская долина, представляющаяся съ моря (т.-е. съ корабля или парохода) едва замѣтной впадиной между двумя отвѣсно спускающимися въ море скалистыми горами (на одной изъ нихъ развалины древней генуэзской крѣпости), раздается внутрь страны и занимаетъ пространство верстъ пять въ квадратѣ, раздѣленное невысокими черными цѣпями на нѣсколько отдѣльныхъ долинъ. На противоположномъ отъ моря концѣ долина снова съуживается и переходитъ въ ущелье, гдѣ, лѣпясь по горамъ, раскинулись два Таракташа.

Собственно мѣстечко Судакъ лежитъ почти по срединѣ долины и заключаетъ въ себѣ церковь, домъ священника, почтовую контору, квартиру пристава, нѣсколько лавокъ и нѣсколько частныхъ домиковъ. Отъ мѣстечка во всѣ стороны идутъ виноградники, среди которыхъ разбросаны дома владѣльцевъ—русскихъ и нѣмцевъ. Недалеко отъ мѣстечка находится цѣлая нѣмецкая колонія. Только незначительное число небольшихъ садовъ принадлежитъ татарамъ. За то кругомъ Судака расположены деревни, исключительно населенныя татарами, кромѣ, сколько помню,

двухъ русскихъ (Каргалыкъ и Салы) и болгарской колоніи Кишлавъ, въ 30 верстахъ отъ Судака. Изъ татарскихъ деревень этой мѣстности самыя значительныя—упомянутыя уже Большой и Малый Таракташи, довольно зажиточное населеніе которыхъ пользуется репутаціей весьма суроваго и фанатичнаго, несмотря на постоянныя сношенія съ русскими и нѣмцами; населеніе другихъ деревень, какъ кажется, еще болѣе дико.

Нужно замѣтить, что Судакъ лежитъ въ глубинѣ такъ-называемой горной части Крыма, границу которой составляетъ съ одной стороны береговая линія отъ Ѳеодосіи до Ялты, съ другой параллельная къ берегу линія отъ Ѳеодосіи чрезъ Карасубазаръ и Симферополь до Бахчисарая, а оттуда, уже подъ угломъ, къ Ялтѣ. Часть эта, верстъ 120 въ длину и 30—40 въ ширину, гориста и покрыта лѣсомъ. Дорогъ, доступныхъ для экипажей, въ ней нѣтъ, за исключеніемъ дороги отъ Симферополя до Алушты и далѣе до Ялты, и весьма плохой дороги отъ Карасубазара въ Судакъ. Въ другихъ мѣстахъ деревни сообщаются между собой тропинками, по которымъ, и то въ иныхъ мѣстахъ съ трудомъ, можетъ пробраться только устойчивая двухколесная татарская арба, запряженная волами или буйволами.

Эта часть Крыма—средоточіе бывшаго ханства: на двухъ противоположныхъ концахъ ея, какъ разъ у границы горной страны со степною, лежали главные города ханства: Старый-Крымъ, древняя столица, въ 40 верстахъ отъ Ѳеодосіи и въ 40 отъ Судака, и столица позднѣйшая, Бахчисарай, на половинѣ дороги изъ Симферополя въ Севастополь. Здѣсь, среди недоступныхъ горъ, пріютились многочисленныя татарскія селенія, почти невѣдомыя русской администраціи. Жители ихъ, рѣзко отличавшіеся и по типу и по говору отъ татаръ степныхъ, жили въ совершенномъ отчужденіи и сохраняли нравы и инстинкты конца прошлаго столѣтія. Среди ихъ проповѣдь турецкихъ эмиссаровъ должна была имѣть особенно сильное вліяніе; и дѣйствительно, позднѣе, въ 1860—62 годахъ, татары этой части Крыма оказались наиболѣе фанатичными и выселились въ Турцію огромными массами. Но во время войны они оставались совершенно покойны. Это объясняется отдаленностію театра войны, недоступностію берега, вслѣдствіе которой непріятель не могъ открыто сноситься съ татарами, и, наконецъ, по всей вѣроятности также тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть горскихъ татаръ были собственники, владѣвшіе садами, виноградниками и клочками земли и лѣса, въ противоположность степнымъ татарамъ, жившимъ на чужихъ земляхъ. Но недружелюбное настроеніе горскихъ

татаръ къ русскому населенію несомнѣнно существовало, и между христіанами уже съ 1853 г. настойчиво ходили слухи о томъ, что татары намѣрены въ Карасубазарѣ и Судакѣ избить христіанъ. Въ Судакѣ эти слухи пріурочивались обыкновенно къ заутренѣ Свѣтло-Христова воскресенья. Въ 1853 г. я былъ на пасху въ Судакѣ. Помню, что когда народъ, по окончаніи утрени, выходилъ изъ церкви, а отправлявшіеся въ это время на работу въ сады—татары съ кирками и лопатами остановились поглазѣть,—многіе были убѣждены, что готовится нападеніе.

Разумѣется, ничего подобнаго не происходило ни до войны, ни во время ея, ни послѣ, но несомнѣнно, что слухи эти оправдывались до нѣкоторой степени самымъ характеромъ горскихъ татаръ, мрачнымъ и сосредоточеннымъ, и тою ненавистью къ христіанамъ и въ особенности къ русскимъ, которая проявлялась въ нихъ, несмотря на всю ихъ наружную покорность. Разбирать, кто въ этомъ виноватъ,—долгая пѣсня, но я склоняюсь къ мысли, что если бы эта часть Крыма была поставлена въ столь же неблагопріятныя для христіанскаго населенія условія, въ какихъ, какъ читатель это увидитъ дальше, стояла степная часть, то дѣло не обошлось бы такъ же благополучно, какъ тамъ [1]). Въ Крыму извѣстно нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ проявлялись дикіе инстинкты горскихъ татаръ. Читателямъ газетъ памятно, вѣроятно, убійство въ 1867 г. четырьмя таракташскими татарами настоятеля Кизильташскаго монастыря, инока Парѳенія, трупъ котораго былъ сожженъ затѣмъ убійцами до послѣдней косточки, а лошадь зарѣзана и закопана. Убійство открылось спустя значительное время, благодаря случаю, хотя, какъ надо думать, о немъ знала большая часть деревни. Еще раньше, какъ разсказывали, исчезъ какой-то караимъ, долго торговавшій въ Таракташѣ, который, закрывши торговлю, отправился въ Карасубазаръ; но тамъ его уже не видѣли. Точно также пропалъ безслѣдно, вмѣстѣ съ лошадью, одинъ помѣщикъ въ окрестности Карасубазара. Онъ услышалъ, что въ лѣсу у него производится рубка, вскочилъ на лошадь и поѣхалъ, но болѣе не возвращался, лошадь также исчезла. Долгое время спустя, изъ рѣчки было вытащено нѣ-

[1]) Замѣчательно, что толки о предполагаемомъ намѣреніи татаръ избить христіанъ не прекратились и послѣ войны, и даже послѣ выселенія въ 1860—62 годахъ трехъ-четвертей татарскаго населенія Крыма въ Турцію. Еще въ 1874 году, помнится, карасубазарское татарское общество жаловалось командированному въ Крымъ князю Воронцову на эти слухи и просило снять съ нихъ нелѣпое, ни на чемъ не основанное подозрѣніе.

сколько человѣческихъ костей, связанныхъ уздечкой, и въ ней домашніе признали именно ту, съ которою помѣщикъ поѣхалъ въ лѣсъ. Всѣ подробности этого я знаю отъ близкихъ родственниковъ убитаго. Подобныхъ разсказовъ я слышалъ еще нѣсколько.

Разумѣется, эти преступленія не могутъ падать на все населеніе, но самый характеръ ихъ и та безслѣдность, съ какою они происходили, несмотря на очевидное участіе многихъ лицъ, даетъ понятіе о нравахъ горскихъ татаръ. Ничего подобнаго никогда не бывало среди татаръ степныхъ.

Въ іюлѣ 1854 г. я возвратился въ Кіевъ.

II.

Евпаторійскій уѣздъ въ концѣ 1854 и въ началѣ 1855 года.—Степные татары.—Татарскій терроръ.—Военный бытъ въ окрестностяхъ Евпаторіи.—Судакъ и холера.—Цѣна денегъ и жизненныхъ припасовъ въ Крыму.

Въ сентябрѣ 1854 г. армія союзниковъ высадилась между Евпаторіей и Севастополемъ. Возможности высадки въ Крыму, какъ извѣстно, мало у насъ вѣрили, и Крымъ былъ оставленъ почти безъ защиты. Всего войска тамъ было тридцать съ чѣмъ-то тысячъ человѣкъ, съ которыми князь Меньшиковъ встрѣтилъ непріятелей на Альмѣ. Въ другихъ частяхъ Крыма не было ни одного военнаго отряда.

Евпаторійскіе татары, ясно обнаружившіе свои симпатіи еще съ весны, т.-е. съ появленіемъ въ Черномъ морѣ союзническаго флота, теперь, послѣ высадки и особенно послѣ Альминскаго сраженія, открыто перешли на сторону непріятеля и безъ помѣхи хозяйничали въ городѣ и его окрестностяхъ. Къ татарамъ городскимъ присоединилось много деревенскихъ, особенно молодежи и вообще людей не-семейныхъ. Прежде всего они сдѣлались поставщиками припасовъ для непріятельской арміи и флота. Большими отрядами стали они разъѣзжать по всему уѣзду и собирать отъ имени французовъ контрибуцію рогатымъ скотомъ, овцами и деньгами (послѣднее, вѣроятно, на свой пай). Поборы эти въ большинствѣ случаевъ совершались мирно, т.-е. безъ сопротивленія со стороны помѣщиковъ и безъ явнаго насилія со стороны татаръ. Только немногихъ изъ помѣщиковъ, не соглашавшихся подчиниться требованіямъ или возбудившихъ татаръ противъ себя еще до войны, увозили въ Евпаторію, занятую турками, но имъ легко удавалось оттуда освободиться. Одного

изъ помѣщиковъ, Веснинскаго, какъ я слышалъ, татары сильно избили. Случаевъ убійства или захвата въ плѣнъ не было.

Но предварительно нужно сказать о положеніи степныхъ татаръ въ Крыму до войны.

Крымскіе татары дѣлятся на два сословія: дворянъ (мурзъ и беевъ—«князей») и поселянъ.

Дворяне по правамъ приближались къ русскимъ дворянамъ. Всѣ они владѣли землею и нѣкоторые весьма значительнымъ количествомъ ея: нѣсколькими десятками тысячъ десятинъ, такъ что считались самыми богатыми изъ крымскихъ помѣщиковъ. Но всѣ эти мурзы и беи, какъ болѣе, такъ и менѣе богатые, были невѣжественны, неразвиты и апатичны (я не зналъ ни одного исключенія). Дѣти ихъ воспитывались иногда въ Симферопольской гимназіи, но я не помню, за время моего семилѣтняго пребыванія въ этой гимназіи, ни одного ученика татарина выше четвертаго класса.—Отъ своихъ, татаръ-поселянъ, эти мурзы и беи были въ полнѣйшемъ отчужденіи. Какъ ни мало могли разсчитывать русскіе помѣщики на довѣріе поселянъ-татаръ, но къ помѣщикамъ мурзамъ послѣдніе питали еще менѣе довѣрія. Жили эти мурзы и беи съ семьями въ своихъ деревняхъ, а пріѣзжая на болѣе или менѣе продолжительное время въ города, держались какъ-то въ совершенной тѣни, несмотря на то, что часто занимали весьма видныя выборныя должности, напр. предводителей дворянства. Вслѣдствіе слишкомъ низкаго умственнаго уровня и крайней вялости, они не могли войти въ составъ даже мѣстнаго общества, также весьма мало развитаго въ то время, и вращались въ средѣ самаго мелкаго чиновничества; это объяснялось, кромѣ сходства во вкусахъ и въ развитіи, еще и тѣмъ, что всѣ они были постоянно опутаны многочисленными и безконечными тяжбами.

Ни объ одномъ случаѣ перехода на сторону непріятеля мурзы или бея я не слышалъ.

Татары-поселяне жили на земляхъ помѣщиковъ: русскихъ, грековъ, караимовъ — владѣльцевъ или татаръ-дворянъ. Хотя и было нѣсколько деревень, гдѣ земля принадлежала цѣлому обществу, но обыкновенно и въ такомъ имѣніи какой-нибудь русскій помѣщикъ или мурза имѣлъ невыдѣленный изъ общаго владѣнія участокъ, и на основаніи этого пользовался во всемъ имѣніи почти такими же правами, какими пользовался бы и полный собственникъ (т.-е. получалъ десятину, рабочихъ и пр.).

Татары, поселенные на земляхъ помѣщичьихъ, за право пользованія землей для запашки и пастбища несли приблизительно слѣ-

дукція повинности: каждый работникъ обязанъ былъ работать на помѣщика 8 дней въ году, въ дни, указанные помѣщикомъ; каждый, имѣющій въ деревнѣ плугъ [1]), долженъ былъ вспахать для помѣщика баштанъ [2]) земли (двѣ съ чѣмъ-то десятины); эту землю татары должны были засѣять зерномъ помѣщика, собрать жатву, вымолотить и наконецъ свезти зерно, въ указанное помѣщикомъ время, въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ. Съ своей собственной жатвы и со скошеннаго сѣна татары уплачивали помѣщику десятую часть (съ сѣна отдавалось обыкновенно больше: двѣ или три-десятыхъ, смотря по количеству сѣнокоса и вообще по урожаю травы), съ такимъ же обязательствомъ доставки въ городъ. За право пастбища помѣщику уплачивалось: со штуки рогатаго скота и лошади по 1 рублю ассигнаціями (30 к. сер.); за овцу 20 к. асс. (6 коп. сер.). Кромѣ того, деревня обязывалась поставить помѣщику извѣстное число подводъ для отвоза въ городъ продуктовъ, полученныхъ съ собственной запашки помѣщика. Вотъ, кажется, все, если не считать необязательныхъ приношеній, изъ любезности: поставку лишней подводы, одолженіе на нѣсколько дней лошадью, поднесеніе курицы или яицъ, иногда ягненка и т. п. [3]).

Но татаринъ-поселянинъ былъ въ обязательныхъ отношеніяхъ не только къ тому помѣщику, на землѣ котораго жилъ, а также и къ помѣщикамъ смежныхъ имѣній. Съ каждымъ изъ нихъ татарская деревня заключала договоръ, по которому обязывалась

---

[1]) Въ Крыму запашка производится плугомъ, въ который впрягаются три или, чаще, четыре пары воловъ. Такого количества рабочаго скота нѣтъ ни у одного поселянина; для того, чтобы составить плугъ, соединяется ихъ нѣсколько. Такимъ образомъ, если въ деревнѣ есть 20 паръ годныхъ къ работѣ воловъ, то деревня обязана поставить помѣщику пять плуговъ и, слѣдовательно, вспахать пять баштановъ.

[2]) Баштанъ—мѣра земли: сто кулачей въ квадратѣ. Кулачъ—это разстояніе, при распростертыхъ и загнутыхъ нѣсколько назадъ рукахъ, одной кисти отъ другой, измѣряемое веревкой (около 2½ аршинъ). До войны, во всей степной части Крыма (какъ въ другихъ частяхъ, не знаю) при хозяйственныхъ распоряженіяхъ или сдѣлкахъ землю мѣряли баштанами. Названіе «баштанъ» перешло на огороды огурцовъ, дынь и арбузовъ, такъ какъ для нихъ земля снималась въ этой мѣрѣ.

[3]) Почти такія же повинности платятъ татары въ Крыму и теперь, несмотря на то, что большая часть ихъ выселилась въ Турцію и Крымъ опустѣлъ. Вотъ примѣрный перечень этихъ повинностей, по собраннымъ мною справкамъ, въ одномъ имѣніи, совершенно подходящемъ подъ общій уровень: каждый работникъ работаетъ на помѣщика 4 дня (или 5 дней) въ году; каждый плугъ выпахиваетъ и убираетъ по двѣ десятины земли; съ хлѣба и сѣна уплачивается пятая часть (двѣ десятины); каждый дворъ даетъ помѣщику ежегодно въ городъ двѣ подводы. За пастбище платится: съ лошади 1 р. сер., со штуки рогатаго скота 60 к., съ овцы 15 или 20 коп.

поставлять на одинъ день въ году, по требованію помѣщика, извѣстное число рабочихъ, «давать толоку». За толоку помѣщикъ отказывался отъ права загонять случайно зашедшій на его землю скотъ татаръ. Впрочемъ, толока не давала права пасти скотъ постоянно на землѣ помѣщика; точно также она не избавляла отъ отвѣтственности за потраву. Словомъ, толока не давала никакихъ положительныхъ правъ и только избавляла деревню отъ вымогательствъ помѣщика-сосѣда, который на поставку рабочихъ изъ смежной татарской деревни, хотя бы она находилась на землѣ такого же помѣщика, какъ и онъ самъ, смотрѣлъ какъ на свое неотъемлемое право, а вовсе не какъ на вознагражденіе за пользованіе, хотя бы и рѣдкое, его землей, его травою. Полученіе толоки отъ всѣхъ смежныхъ татарскихъ деревень составляло главную заботу внѣшней политики помѣщика. Сначала употреблялись для этого мирныя средства: убѣжденіе и угощенія.

Въ этомъ случаѣ много значилъ политическій талантъ приказчика: ловкому и пользовавшемуся популярностію между татарами приказчику удавалось нерѣдко выговорить толоку не только отъ сосѣднихъ, но и отъ несмежныхъ деревень. Иногда, наоборотъ, и смежныя упорно отказывались отъ толоки; въ такомъ случаѣ отъ средствъ мирныхъ переходили къ воинственнымъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы, захвативъ на своей землѣ скотъ упорствующей деревни, проморить его нѣсколько дней въ загонѣ почти безъ пищи (подвозъ сѣна хозяевами допускался, но обыкновенно проходило болѣе сутокъ, прежде нежели хозяева догадывались о томъ, что скотъ ихъ, ходившій въ степи безъ надзора, загнанъ, и отыскивали его) и взыскать съ хозяевъ контрибуцію, довольно значительную: по рублю серебромъ за крупный скотъ и копѣекъ по 5 или 6 (20 коп. ассигнаціями) за овцу. Попавшая въ бѣду деревня тутъ же, обыкновенно, соглашалась на толоку, заключала условіе, и болѣе великодушный помѣщикъ отдавалъ скотъ безъ выкупа; болѣе крутой взыскивалъ выкупъ, но въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Такъ какъ главная цѣль помѣщика заключалась не въ полученіи выкупа, а въ толокѣ, составлявшей, въ понятіи помѣщика, его, такъ-сказать, совершенно законную регалію, то не считалось особенно дурнымъ, если объѣздчикъ, въ которомъ настолько же цѣнился стратегическій талантъ, насколько въ приказчикѣ дипломатическій, успѣвалъ захватить скотъ и на чужой землѣ, пользуясь отсутствіемъ или оплошностію пастуха. Это было тѣмъ легче, что въ бóльшей части степныхъ имѣній никакихъ

признаковъ межи не существуетъ: была когда-то боровда, да давно заросла безслѣдно; межевыя ямы находятся далеко одна отъ другой, да и отличить ихъ можетъ только очень опытный глазъ. Побѣжденные и съ этимъ мирились: между ними и побѣдителемъ въ концѣ-концовъ устанавливалось согласіе къ обоюдному удовольствію.

Но были помѣщики, правда, очень немногіе, которые загонъ скота обращали въ промыселъ: на толоку не соглашались, а при каждомъ захватѣ скота взыскивали установленную обычаемъ плату. Иногда это дѣлалось потому, что какая-нибудь малоземельная деревня, заключивъ съ сосѣдомъ-помѣщикомъ условіе о толокѣ, обращала его землю въ выгонъ для своего скота, а свою берегла для посѣвовъ и сѣнокоса. Въ такихъ случаяхъ помѣщику приходилось вести борьбу, принимавшую часто серьёзный характеръ. Впрочемъ, повторяю, татары, особенно степные, народъ очень смирный, и я знаю только одинъ примѣръ того, что дѣло зашло такъ далеко. Нѣкто С—ъ купилъ въ Перекопскомъ уѣздѣ землю, долго находившуюся въ вѣдѣніи опекуновъ и потому брошенную безъ всякаго присмотра; татары окрестныхъ деревень десятки лѣтъ привыкли пользоваться ею, какъ своею собственностью. Новый владѣлецъ завелъ въ широкихъ размѣрахъ хлѣбопашество и сѣнокосъ и не имѣлъ расположенія поступаться своею землею. Одна изъ деревень, малоземельная и расположенная не далеко отъ земли С—а, или не хотѣла, или не могла перестать пасти на ней свой скотъ. С—ъ ни въ какія сдѣлки входить не желалъ, безпрестанно загонялъ скотъ татаръ, и требовалъ выкупа. Татары пріѣзжали по ночамъ отбивать этотъ скотъ изъ загоновъ и по нѣскольку часовъ держали въ осадѣ помѣщичій домъ, бомбардируя его градомъ камней. Къ утру всѣ окна бывали перебиты, двери изломаны; раза два кто-то изъ живущихъ въ домѣ былъ сильно ушибленъ камнемъ. Въ свою очередь, помѣщикъ стрѣлялъ дробью въ татаръ изъ окна и нѣсколькихъ ранилъ. Послѣ побоища и отъ помѣщика, и отъ татаръ поступали жалобы въ судъ, и тяжбы ихъ, какъ кажется, были безконечны. Понятно, что попадись С—ъ въ руки татарскихъ шаекъ, ему бы не сдобровать; но деревня его находилась верстахъ въ пятидесяти отъ берега моря; кромѣ того, сколько помню, С—ъ въ самую смутную пору проживалъ въ Перекопѣ. Помѣщики, хотя и не столь сильно, но все-таки враждовавшіе съ татарами, платились бо́льшею контрибуціею, а въ случаѣ сопротивленія—и путешествіемъ въ Евпаторію, откуда впрочемъ, какъ я уже сказалъ, они немедленно возвращались.

Къ чести татаръ нужно сказать, что ни одного случая убійства или даже явнаго грабежа не было.

Въ той части уѣзда, гдѣ находилась наша деревня, не было произведено вообще никакого насилія. Только разъ разнесся слухъ о томъ, что татарскія шайки замышляютъ ночное нападеніе на нѣсколько сосѣднихъ деревень. Но именно въ это время проходила изъ Перекопа къ Севастополю казачья сотня. Помѣщики убѣдили начальника ея остановиться на нѣсколько дней въ ихъ мѣстности. Онъ двинулся дальше только тогда, когда слухи о нападеніи затихли. Хотя съ уходомъ казаковъ край снова остался беззащитнымъ, но нападенія не было.

Отъ контрибуціи не избавился ни одинъ помѣщикъ. На реквизицію татары являлись большими конными толпами, которыя останавливались обыкновенно за деревней, а къ помѣщику посылались два-три парламентера. Посланные заявляли, что французы требуютъ-молъ 2 воловъ, 100 овецъ и 200 р. денегъ. Имъ отвѣчали, что никакихъ французовъ не знаютъ и давать имъ ничего не могутъ.

Татары настаивали.

— Вѣдь вы знаете, гдѣ ходятъ въ степи скотъ и овцы; хотите—берите, а сами мы ихъ вамъ дать не можемъ.

— А деньги?

— А деньги кому?

— Французамъ.

— Едва ли французы послали васъ за деньгами. Но и денегъ у насъ нѣтъ для французовъ.

— Ну, такъ намъ дай; дай сто рублей только: твоя—хорошъ человѣкъ, якши адамъ.

— Нѣтъ денегъ. Подите къ приказчику: если у него есть возьмите сами.

Приказчикъ поилъ парламентеровъ водкой, торговался съ ними, давалъ требуемое, и тѣмъ на этотъ разъ дѣло кончалось. Но чрезъ нѣсколько времени являлась новая толпа за новымъ поборомъ. Къ намъ въ деревню такія толпы, помнится, пріѣзжали раза три; кромѣ того, уже безъ предварительныхъ переговоровъ, татары переворовали у насъ почти всѣхъ лошадей изъ табуна.

Какъ ни умѣренны, относительно, были татары, но помѣщики, находившіеся въ полной ихъ власти, переживали тревожные дни.

— Я каждый вечеръ за одно благодарила Бога,—говорила мнѣ впослѣдствіи мать, разсказывая объ этомъ времени:—за то,

что тебя здѣсь не было: ты бы вышелъ изъ себя, вздумалъ бы грозить татарамъ, пожалуй, стрѣлять въ нихъ,—и мы бы всѣ погибли.

Самовластье татаръ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и дерзость ихъ съ часу на часъ увеличивалась. Какъ я уже говорилъ, изъ сельскихъ татаръ на сторону непріятеля перешли далеко не всѣ; большая часть оставалась по прежнему въ своихъ деревняхъ. Но такъ какъ сообщеніе съ Евпаторіей было совершенно свободно, то поселяне-татары возили туда на продажу хлѣбъ, топливо (кизякъ); многіе изъ нихъ присоединялись къ мародирующимъ шайкамъ на время, а потомъ возвращались къ себѣ въ деревню, какъ ни-въ-чемъ-не-бывало. Только, какъ кажется, въ декабрѣ (1854 г.) въ евпаторійскій уѣздъ было прислано войско, которое отрѣзало Евпаторію отъ уѣзда и перелетъ этихъ новыхъ тушинцевъ прекратился: одни изъ татаръ-поселянъ окончательно перебѣжали въ Евпаторію; другіе стали попрежнему мирными обитателями деревень и покорными слугами русскихъ.

Вспоминая это время, я не могу еще разъ не отозваться добрымъ словомъ о добрыхъ свойствахъ татаръ. Полные хозяева уѣзда въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, подстрекаемые, какъ нужно думать, фанатическими проповѣдями турецкихъ муллъ и своихъ собственныхъ,—они однако были кротки и умѣренны настолько, насколько едва ли была бы на ихъ мѣстѣ какая-нибудь другая народность.

Во все время разсказанныхъ мною событій я былъ въ Кіевѣ. Молва о татарскомъ террорѣ, какъ водится, значительно преувеличенная, дошла и туда, а между тѣмъ вскорѣ послѣ высадки я пересталъ получать письма отъ родныхъ. Какъ потомъ оказалось, письма задерживались на почтѣ и чрезъ нѣсколько времени были доставлены по адресу цѣлою пачкой. Безпокойство мое росло, и я, наконецъ, рѣшился взять отпускъ и ѣхать въ Крымъ. Попечителемъ кіевскаго университета былъ кіевскій генералъ-губернаторъ, но всѣ подробности управленія лежали на помощникѣ попечителя, къ которому я и отправился съ просьбою объ отпускѣ. Въ первый разъ я не засталъ его дома; во второй разъ мнѣ отвѣтили то же, но когда я заявилъ твердую рѣшимость сидѣть въ передней и дождаться возвращенія сановника, меня позвали къ нему чрезъ нѣсколько минутъ. Я объяснилъ ему мое желаніе ѣхать и причины, къ тому побуждавшія.

— Вамъ не зачѣмъ ѣхать: у насъ въ Крыму сто тысячъ войска.

— Я не знаю, сколько въ Крыму войска, но я рѣшился ѣхать и прошу васъ дать мнѣ отпускъ.

— Я вамъ сказалъ, что ѣхать вамъ незачѣмъ.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ буду просить объ увольненіи изъ университета.

Помощникъ насупился и нѣсколько минутъ молчалъ.

— Хорошо, поѣзжайте, я васъ отпускаю.

Я выѣхалъ въ концѣ января, и въ началѣ февраля добрался до деревни. Здѣсь я нашелъ обстановку, совершенно отличную отъ той, какая была годъ тому назадъ. Это не была обстановка войны,—война все-таки казалась гдѣ-то далеко, хотя занятая непріятелемъ Евпаторія лежала въ тридцати верстахъ, а море съ непріятельскими кораблями въ пятнадцати,—это была скорѣе обстановка лагерная.

Деревня наша была постоянно полна солдатъ; въ сосѣднихъ деревняхъ стояли драгуны и казаки; въ домѣ у насъ квартировалъ какой-то генералъ, впрочемъ дня черезъ три послѣ моего пріѣзда куда-то выѣхавшій; къ намъ съ утра до вечера, одинъ за другимъ, пріѣзжали офицеры, то знакомые, то вновь знакомиться. Отъ разговоровъ, пестрѣвшихъ военными чинами, названіями полковъ и служебно-военными терминами, у меня трещало въ ушахъ, но домашніе съ удивительнымъ для меня искусствомъ разбирались во всемъ этомъ и безошибочно различали «погоны, выпушки, петлички». Многіе офицеры стали почти своими людьми: пріѣзжали утромъ къ завтраку и уѣзжали послѣ ужина. Нѣкоторые изъ нихъ были постоянно заняты съ нѣсколькими собиравшимися у насъ въ домѣ помѣщиками разными счетами, переговорами и сдѣлками, насколько я могъ понять, не безвыгодными для обѣихъ сторонъ. Это были командиры отдѣльныхъ частей — эскадронные, ротные и т. д.

Жилось шумно и весело,—во-первыхъ, потому, что у насъ въ домѣ готовилась свадьба (не съ военнымъ), во-вторыхъ, потому, что было много денегъ. Послѣднее объяснялось тѣмъ, что всѣ деревенскіе продукты находили сбытъ по неслыханнымъ до тѣхъ поръ цѣнамъ,—сѣно, хлѣбъ, живность. Вслѣдствіе высокихъ цѣнъ и связанной съ войною неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, сбывалось не только то, что̀ было продуктомъ, но и то, что̀ составляло капиталъ, напр., скотъ, овцы. Источникомъ нѣкоторыхъ доходовъ служили также упомянутыя выше сдѣлки съ командирами. Я не обращалъ на нихъ достаточнаго вниманія; въ настоящее время припоминаю о нихъ очень смутно и не могу сказать, въ чемъ именно онѣ заключались, но главнымъ предметомъ ихъ была водка.

Въ свое оправданіе помѣщики говорили, что война прежде

всего лишаетъ ихъ возможности заниматься хозяйствомъ, а потомъ можетъ лишить и всего имущества, и что глупо не воспользоваться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что̀ она даетъ, и что при этомъ все-таки выгоды далеко не вознаградятъ убытковъ. «Да, впрочемъ, сама казна знаетъ, что съ нея берутъ лишнее и вознаграждаетъ это тѣмъ, что въ иныхъ случаяхъ не платитъ ничего».

Что̀ говорили въ свое оправданіе командиры отдѣльныхъ частей,—не знаю, но несомнѣнно, и они могли привести не менѣе вѣскіе доводы.

Въ основательности соображеній помѣщиковъ, что казна, вмѣсто повѣрки счетовъ, прямо разсчитываетъ на мошенничество и въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлаетъ скидку,—я могъ вскорѣ убѣдиться. Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ деревню, однимъ изъ насущныхъ вопросовъ для помѣщиковъ и бывшихъ обитателей Евпаторіи было составленіе, по предложенію правительства (по его собственной иниціативѣ или по просьбамъ—не знаю), вѣдомостей о потеряхъ, понесенныхъ жителями Евпаторіи при занятіи ея непріятелемъ. Въ нашемъ сосѣдствѣ планъ составленія вѣдомостей обсуждался на общемъ совѣтѣ. Потерпѣвшіе соображали, что вознагражденіе ни въ какомъ случаѣ не будетъ выдано въ полной цифрѣ показанныхъ потерь (не можетъ же-де начальство не догадаться, что мы его болѣе или менѣе надуемъ), и потому, чтобы получить свое, нужно показывать гораздо больше. Во сколько разъ больше,—рѣшено, разумѣется, не было, а если и было, то каждый, навѣрное, старался немножко прикинуть на свою долю. Сколько помню, цифры въ вѣдомостяхъ превышали дѣйствительныя разъ въ шесть или семь,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя были составлены у насъ и у нашихъ ближайшихъ знакомыхъ. «Всего не дадутъ, разсуждали они, да къ тому же мы здѣсь помѣстили только видное, а мало ли пропущено мелочей, которыя, повидимому, ничего не стоютъ, а какъ станешь покупать ихъ вновь, обойдутся дороже иной дорогой вещи».

Впрочемъ, въ послѣднюю минуту сердце дрогнуло и вѣдомости были передѣланы: «сколько дать, про то царь знаетъ, но мы покажемъ правду. Вѣдь намъ могли и ничего не дать». Потери были показаны приблизительно въ дѣйствительной цифрѣ. Вознагражденіе было выдано въ половинѣ или еще меньше. Такимъ образомъ, вопреки обычному порядку вещей въ мірѣ, порокъ торжествовалъ, а добродѣтель была наказана, но на этотъ разъ она не унывала; напротивъ, попавъ въ колею, такъ сказать, гражданскаго подвига, она замыкалась въ него, не хотѣла сознаться, что оплошала, и притворялась вполнѣ до-

вольной: «нѣсколько сотъ рублей лишнихъ насъ не обогатитъ, но мы сдѣлали по совѣсти, и не жалѣемъ объ этомъ».

Впрочемъ, казнѣ не всегда было также легко принимать мѣры противъ усерднаго примѣненія правила: кто себѣ врагъ. Состоянія наживались изъ ничего, и по большей части наживались на счетъ казны. Я разумѣется хочу говорить только о дѣятеляхъ болѣе мелкихъ, а потому, быть можетъ, и болѣе неотразимыхъ, этой саранчѣ, изъ которой каждое насѣкомое въ отдѣльности почти невинно, но которая массою способна опустошить цѣлую страну.

Крымъ наполнился аферистами: являясь сюда съ десяткомъ рублей въ карманѣ, они покупали что-то, перепродавали, заключали разныя сдѣлки и черезъ полгода уѣзжали съ десяткомъ тысячъ, вѣроятно, для того, чтобы выступить на болѣе широкой аренѣ, изъ щукъ сдѣлаться акулами, или въ свою очередь попасть въ зубы акулѣ, уже сформировавшейся.

Деньги сыпались въ Крыму и пріобрѣсти ихъ было не трудно; было труднѣе сохранить ихъ, и благо тому, кто обладалъ этимъ искусствомъ.

Кромѣ поживы отъ казны, въ Крыму были и другіе способы поживиться. Съ прибытіемъ къ Евпаторіи войска, много татаръ-поселянъ ушло въ городъ и многія татарскія деревни опустѣли. Такъ какъ сообщеніе Евпаторіи съ окрестностями было прервано внезапно, то татары не успѣли забрать съ собою зерноваго хлѣба, который обыкновенно хранился у нихъ въ землѣ, въ вымазанныхъ глиною ямахъ, тщательно закрытыхъ и замаскированныхъ. Теперь охотники до чужой собственности рыскали по пустымъ деревнямъ и беззастѣнчиво выбирали хлѣбъ, если удавалось отыскать яму. Другой родъ промысла состоялъ въ покупкѣ за безцѣнокъ скота и овецъ, «отбитыхъ у непріятеля». Торговали тѣмъ и другимъ разные удальцы и казаки. Овца продавалась отъ 20 коп. до рубля, штука рогатаго скота отъ 50 коп. до трехъ - четырехъ рублей; пара верблюдовъ около 10 руб. Пріобрѣтали помѣщики отдаленныхъ частей евпаторійскаго уѣзда и уѣзда перекопскаго. Тѣ, которымъ удалось сохранить купленное въ слѣдующую тяжелую зиму, во время наступившей безкормицы,—оказались послѣ войны съ порядочнымъ состояніемъ.

Въ деревнѣ я пробылъ не долго и, какъ и въ прошедшемъ году, поѣхалъ въ Судакъ. Нѣсколько дней по дорогѣ я провелъ въ Симферополѣ. Симферополь въ это время вовсе не походилъ на тотъ скромный, полутатарскій губернскій городокъ, какимъ

я зналъ его два года назадъ. Если исключить многочисленныя больницы, гдѣ страдали и умирали севастопольскіе мученики, Симферополь можно было назвать дномъ, на которомъ скопился весь грязный отстой войны. Онъ былъ главной ареной дѣятельности акулъ какъ цивильнаго, такъ и военнаго сословій. Характеристическія фигуры коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ съ перстнями на пальцахъ и красной отъ перепоя физіономіей попадались въ каждой гостинницѣ, въ каждомъ бакалейномъ магазинѣ. Около нихъ увивались евреи и вели съ ними дѣловые переговоры. Множество Мошекъ и Іосекъ, просуществовавшихъ до тридцати и сорока-лѣтняго возраста безъ отчествъ и фамилій и еще недавно смиренныхъ и тщедушныхъ, — теперь оказывались Моисеями Абрамовичами Розенблюмами или Розенштраухами, были одѣты франтами, держали себя важно и только для чиновниковъ интендантства находили свои прежнія заискивающія улыбки.

Мелочная торговля кипѣла; улицы были шумны и многолюдны. Цѣлыя ночи раздавалось дребезжанье извощичьихъ дрожекъ, крики, визгъ и брань.

Не веселы были только коренные обитатели Симферополя; съ тоской и съ замираніемъ сердца прислушивались они къ гулу севастопольской канонады.

Кстати объ этомъ гулѣ. Употребленное мною выраженіе вовсе не фигуральное: несмотря на то, что Симферополь лежитъ въ шестидесяти верстахъ отъ Севастополя и отдѣленъ отъ него горами (правда, не высокими),—въ Симферополѣ ясно слышался гулъ канонады, а дребезжанье оконныхъ рамъ отчетливо отдавало каждый залпъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Симферополь я слышалъ такое ежеминутное дребезжанье въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Пять или шесть дней, которые я пробылъ въ Симферополѣ, я провелъ въ кружкѣ, состоявшемъ изъ двухъ или трехъ учителей гимназіи, доктора П. и чиновника изъ нѣмцевъ, воспитанника дерптскаго университета. Исходъ войны начиналъ сильно безпокоить всѣхъ: учители были мрачны; докторъ, имѣвшій случай быть свидѣтелемъ госпитальныхъ порядковъ, былъ постоянно раздраженъ и за обѣдомъ (мы обѣдали всѣ вмѣстѣ) изливалъ желчь въ сарказмахъ; нѣмецъ острилъ, облекая свои остроты въ форму разсказовъ изъ миѳологіи.

Одинъ изъ учителей Р. Ѳ. З—а велъ дневникъ, въ который по-денно вносилъ все, что́ видѣлъ и слышалъ о войнѣ. З—а вскорѣ послѣ войны умеръ. Дневникъ его, какъ кажется, былъ

отосланъ брату его, жившему въ одной изъ среднихъ губерній. Записки эти, судя по тому, что я слышалъ изъ нихъ, и по личности З—и, чрезвычайно интересны и было бы жаль, еслибы онѣ пропали.

Отъ З—и и отъ другихъ я слышалъ много разсказовъ о преступной небрежности и злоупотребленіяхъ въ отношеніи къ раненымъ и больнымъ. Учители гимназіи приняли-было на себя дежурство въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ, но ихъ скоро оттуда выжили. Одинъ изъ нихъ Л. разсказывалъ такой случай: онъ сидѣлъ въ палатѣ у двери; въ сосѣднюю комнату вошелъ вновь назначенный смотритель больницы, раненый въ Севастополѣ поручикъ, только-что выписавшійся изъ госпиталя.

— А что, братецъ, здѣсь можно поживиться?—былъ первый вопросъ, съ которымъ онъ обратился къ фельдшеру.

Поручикъ былъ, вѣроятно, молодъ и наивенъ; нечего было спрашивать: всѣ прекрасно знали, что поживиться было можно.

Въ эту весну и лѣто мнѣ приходилось довольно часто бывать на короткое время въ Симферополѣ; чтобы не возвращаться къ нему снова, я прибавлю еще нѣсколько замѣчаній, хотя онѣ и относятся не столько къ апрѣлю 1855 г., сколько къ маю и іюню.

Съ наступленіемъ весны военныя дѣйствія въ Крыму усилились и въ Симферополь ежедневно подвозились изъ Севастополя скорбные обозы съ ранеными. Въ городѣ господствовали тифъ и лихорадки. Госпитали и больницы были переполнены; подъ нихъ отводились общественныя зданія и частные дома, и число ихъ ежедневно увеличивалось. Найти какую-нибудь квартиру въ Симферополѣ становилось чрезвычайно трудно, гостинницы и постоялые дворы были биткомъ набиты. Но, несмотря на постоянный наплывъ массы людей, не знавшихъ счета деньгамъ, жизнь вообще не была особенно дорога. Жизненные припасы (и кушанья въ гостинницахъ) оставались въ той же, или почти той же, цѣнѣ, въ какой были и прежде. Дороже всего были мелкія деньги, не только монета, но и мелкія ассигнаціи. Нужно замѣтить, что въ то время серебряная монета, не размѣнная (низкопробной монеты въ то время еще не было), а настоящая, не составляла нумизматической рѣдкости и ходила въ одномъ курсѣ съ ассигнаціями, въ обмѣнъ на которыя и можно еще было получать ее въ казначействахъ, только, разумѣется не въ Крыму. Правда, въ 1855 г. размѣнъ былъ уже затрудненъ, но все-таки возможенъ. Въ кіевскомъ казначействѣ каждому желающему выдавалось серебра на 10 рублей.

Однако въ Крыму было рѣдкостью не только серебро, но рублевыя и трехрублевыя ассигнаціи. Легче было добыть полуимперіалъ, нежели ихъ. Мнѣ самому случилось за размѣнъ 25-рублевой ассигнаціи на трехрублевыя и рублевыя заплатить 2 р. 50 коп., т.-е. 10%. Если кто-либо давалъ въ гостинницѣ за съѣденное кушанье крупную ассигнацію, съ него не брали денегъ: «будетъ за вами». Потомъ стали предварительно освѣдомляться, есть ли мелкія деньги. Наиболѣе бойкіе бакалейные магазины давали сдачу своими марками, которыя стали обращаться какъ деньги.

Въ Судакъ я пріѣхалъ въ мартѣ; въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля мнѣ было нужно отправить нарочнаго въ Симферополь. Онъ возвратился въ ночь, а уже рано утромъ распространилась по Судаку вѣсть, о которой я узналъ послѣдній. Часовъ въ одиннадцать я зашелъ къ знакомой дамѣ, жившей по сосѣдству, и засталъ ее въ истерическихъ рыданіяхъ.

— Что съ вами?

Она пыталась отвѣчать, но рыданія прерывали ее. Я ушелъ, ничего не узнавъ.

Черезъ полчаса она прислала за мной.

— Что такое было съ вами?

— Развѣ вы не знаете: государь умеръ.

Лѣтомъ ходила въ Крыму холера. Въ Судакъ, какъ говорили, занесъ ее пріѣзжій изъ Керчи или Ѳеодосіи. Первые заболѣвшіе умирали всѣ безъ исключенія. Недѣли черезъ двѣ, однако, напряженность болѣзни какъ будто стала слабѣе и случаи выздоровленія сдѣлались чаще. Докторовъ въ Судакѣ не было (ихъ тамъ, кажется, и до сихъ поръ нѣтъ) и отъ холеры лечили домашними средствами: давали сѣру съ углемъ, поили мятой. Во второй, слабѣйшій, періодъ эпидеміи въ окрестностяхъ Судака появился фельдшеръ, сталъ заболѣвшимъ холерою открывать кровь, и большая часть больныхъ выздоравливала. Впрочемъ, выздоровленіе шло въ это время независимо отъ способовъ леченія. Въ Судакѣ проживало семейство Л—ге, состоявшее изъ жаркихъ приверженцевъ системы Лероа, способъ леченія котораго имѣлъ вообще въ Судакѣ много послѣдователей. Способъ этотъ, какъ извѣстно, считается универсальнымъ и состоитъ изъ пріема сперва рвотнаго средства (настоеннаго на бѣломъ винѣ рвотнаго камня), потомъ слабительнаго (настой на красномъ винѣ александрійскаго листа и пр.). Одна изъ пожилыхъ дѣвицъ Л—ге заболѣла. Возникли сомнѣнія, можетъ ли быть пригодно въ холерѣ леченіе Лероа; мнѣнія склонялись къ отрицательному рѣшенію, но му-

жественная дѣвушка не захотѣла въ критическую минуту измѣнить ученію, горячей проповѣдницей котораго была столько лѣтъ. Она выдержала полный курсъ леченія Лероа—и выздоровѣла.

У меня заболѣлъ холерою кучеръ въ то время, когда я былъ въ гостяхъ, въ деревнѣ верстахъ въ 25 отъ Судака. Въ этой деревнѣ передъ тѣмъ умерло нѣсколько человѣкъ, и крестьяне были убѣждены, что холера заразительна (медицина рѣшала въ то время иначе), и были такъ напуганы, что къ кучеру никто не хотѣлъ подступиться. Я поилъ его мятой и одинъ долженъ былъ нѣсколько часовъ растирать его, такъ какъ съ нимъ были сильныя корчи. Съ большимъ трудомъ отыскали мнѣ въ деревнѣ старика, который согласился за плату быть при больномъ во время дороги до Судака, рѣшивъ, что умирать все равно придется, и лучше умереть за два рубля (два рубля были въ то время большія деньги), нежели даромъ. Дорога до Судака гористая и тряская; больного мы уложили на тюфякѣ въ просторномъ фургонѣ и по просьбѣ его ѣхали очень шибко. Дорогой съ нимъ была безпрерывная рвота и сильныя судороги, но когда мы пріѣхали въ Судакъ, то ему было замѣтно лучше. Самъ больной и всѣ дворовые требовали послать за фельдшеромъ, чтобы открыть кровь, на томъ основаніи, что всѣ заболѣвшіе послѣ кровопусканія, по слухамъ (вѣроятно, распускаемымъ самимъ фельдшеромъ), выздоравливали. Послѣ долгаго раздумья я рѣшился, наконецъ, запретить кровопусканіе. Къ моему счастію, кучеръ выздоровѣлъ. Быть можетъ, тряская дорога оказалась для него полезной.

Впослѣдствіи одинъ помѣщикъ херсонской губерніи говорилъ мнѣ, что онъ пережилъ много холерныхъ эпидемій и холеры вовсе не боится. Самое вѣрное средство противъ нея, это—заставить больного ходить. Сначала приходится водить его подъ руки, но мало-по-малу онъ становится крѣпче; шагъ ускоряется, и чрезъ нѣсколько часовъ больной здоровъ. «У меня въ имѣніи никогда никто при мнѣ отъ холеры не умиралъ». Въ правдивости говорившаго я совершенно убѣжденъ, но вопросъ въ томъ, въ какой степени развитія была болѣзнь. Во всякомъ случаѣ, возможность подвергать больного холерою пыткѣ насильственнаго движенія я оставляю на отвѣтственности этого помѣщика.

Въ теченіи весны и лѣта я нѣсколько разъ былъ у своихъ въ деревнѣ. Жизнь текла тамъ такъ же, какъ и съ начала года, также шумно и людно. Хозяйство не могло, разумѣется, вестись правильно: посѣвовъ было сдѣлано мало, да и тѣ были по большей части истреблены скотомъ. Но сѣнокосы были очень хороши. 1855 годъ былъ въ Крыму дождливый, а слѣдовательно

и урожайный, преимущественно на сѣно, чтó было особенно выгодно для помѣщиковъ. Еще съ зимы правительство стало заключать съ ними условія о заготовленіи сѣна. Каждый помѣщикъ, заявившій, что онъ можетъ заготовить столько-то пудовъ сѣна, получалъ задатокъ на все заявленное количество, помнится, по 6 или 7 коп. на пудъ. Цѣна сѣну была назначена по 15 коп. и казна обязывалась, забирая у помѣщика сѣно частями, немедленно уплачивать за взятое количество остальныя 8 или 9 коп., не засчитывая въ уплату остававшагося еще у помѣщиковъ задатка. Все это было очень выгодно, такъ какъ помѣщики на всякій случай получили задатокъ на гораздо бóльшее количество сѣна, нежели дѣйствительно накосили, и такъ какъ окончательнаго счета съ казною, сколько знаю, никому свести не пришлось, то цѣна сѣна была собственно выше 15 к., а между тѣмъ расходы по работѣ вполнѣ, если не съ излишкомъ, окупались задаткомъ. Правда, весь этотъ оборотъ ограничивался нѣсколькими стами рублей, но тогда такія суммы для мелкихъ крымскихъ помѣщиковъ казались весьма значительны. Для казны это было также выгодно: она могла считать себя обезпеченною сѣномъ на круглый годъ по дешевой цѣнѣ. Какъ увидимъ, предположенія эти не осуществились, но въ этомъ не была виновата казна; еще менѣе были виноваты помѣщики.

Мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось упоминать о дороговизнѣ денегъ въ Крыму (и въ другихъ мѣстахъ) до войны, сравнительно съ ихъ теперешнимъ курсомъ. Ниже я привожу нѣсколько примѣровъ цѣны разныхъ предметовъ до войны и теперь, но считаю не лишнимъ оговориться, что какой-либо прямой выводъ изъ этихъ цѣнъ былъ бы ошибоченъ: съ одной стороны дешевѣли деньги, съ другой—дорожали самые предметы, съ третьей—измѣнялись условія сбыта. Цѣны показаны евпаторійскія рыночныя.

	Передъ войною					Въ 1875 г.			
Говядина и баранина фунтъ	—	р.	2½—	3	к.	—	р.	8—9	к.
Курица	—	»	10	—	»	—	»	30—40	»
Пара цыплятъ	—	»	5	—	»	—	»	30—40	»
Десятокъ яицъ	—	»	5	—	»	—	»	10—15	»
» »	—	»		—	»	а зимою	»	20—25	»
Печеный хлѣбъ пшеничн. вѣс. 3½ фунта	—	»	3	—	»	—	»	—10	»
масло коровье топленое	—	»	15	—	»	—	»	25—30	»
Четверть ржи	2	»	—	—	»	6—7	»	—	»
» овса и ячменя	1½	»	—	—	»	—5	»	—	»
» пшеницы	4—6	»	—	—	»	9—11	»	—	»
Сѣна пудъ	—	»	10	—	»	—	»	20, 25, 30	»
Табакъ турецкій лучшій	—	»	60	—80	»	—	»	1 р. 60 к. 3 р.	

III.

Зима и весна 1855—56 гг.—Евпаторія, Симферополь, Бахчисарай и Севастополь по заключеніи мира.—Поѣздка въ Камышъ.

Въ іюлѣ 1855 г. я возвратился въ Кіевъ, но въ февралѣ слѣдующаго года снова уѣхалъ въ Крымъ и уже съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ кіевскій университетъ, такъ какъ открылась давно желанная возможность поступить въ московскій [1]).

Изъ Кіева на этотъ разъ поѣхалъ я на почтовыхъ и разсчитывалъ, что дней черезъ 6 или 7 пріѣду въ деревню, до которой отъ Кіева было около 900 верстъ. Но уже въ первый день пути, несмотря на прекрасную санную дорогу, я могъ убѣдиться въ ошибочности своихъ разсчетовъ. На каждой станціи приходилось ждать лошадей по нѣскольку часовъ, а не доѣзжая одного перегона до Звѣнигородки цѣлыя полсутокъ, и уже не по недостатку лошадей, а потому, что почтосодержатель, какъ объявилъ мнѣ смотритель станціи, запретилъ ему давать почтовыхъ лошадей по частнымъ подорожнымъ. Попытавшись получить лошадей съ помощью станового пристава и выслушавъ отъ него, вмѣсто этого, дѣльный совѣтъ отправляться оканчивать курсъ (въ подорожной я былъ прописанъ студентомъ, не окончившимъ курса), а не шляться по бѣлому свѣту, я долженъ былъ согласиться на предложеніе смотрителя ѣхать на *вольныхъ*, т.-е. на тѣхъ же почтовыхъ, но за плату въ пять разъ бóльшую положенныхъ прогоновъ.

Впрочемъ, отъ Звѣнигородки до Елисаветграда я ѣхалъ довольно быстро, благодаря тому, что оставилъ притязаніе прать противъ рожна. Въ Звѣнигородкѣ я снова сдѣлалъ попытку обратиться къ властямъ, но почтмейстеръ сталъ увѣрять меня, что я разсказываю ему невѣроятныя вещи, что смотритель не могъ не давать мнѣ лошадей, такъ какъ за это онъ подвергается сильнѣйшей отвѣтственности и, въ заключеніе, предлагалъ пожить недѣлю-другую въ Звѣнигородкѣ, пока будетъ производиться фор-

---

[1]) Извѣстно, что до 1856 г. въ университетахъ число студентовъ на факультетахъ историко-филол., юридич. и математическомъ (на всѣхъ вмѣстѣ) было ограничено цифрой 300 человѣкъ. Въ неограниченномъ числѣ допускались только медики. Это постановленіе отмѣнено въ 1856 г. На первой лекціи знаменитаго Степана Петровича Шевырева въ 1856 г. я собственными ушами слышалъ, какъ онъ въ пространной и патетической рѣчи сперва похвалилъ это ограниченіе, потомъ похвалилъ его отмѣну.

мальное слѣдствіе. Исправникъ, едва я упомянулъ, что пришелъ съ жалобой на становаго, приказалъ написать ему строжайшій выговоръ и затѣмъ только спросилъ, что̀ становой мнѣ сдѣлалъ. Но тутъ ужъ я хлопнулъ дверью и рѣшился вступить въ сношеніе съ какими-то евреями, снабдившими меня за два или за три рубля талисманомъ, въ видѣ записочки на грязномъ лоскуткѣ бумаги, съ которымъ до Елисаветграда я ѣхалъ безпрепятственно. Продолжать путь на почтовыхъ отъ Елисаветграда было невозможно: въ самомъ Елисаветградѣ офицеры съ подорожной по казенной надобности ожидали лошадей по суткамъ. Я поѣхалъ на вольныхъ. Подробное описаніе пути отъ Елисаветграда до деревни составило бы цѣлую эпопею. Мнѣ пришлось ѣхать и на почтовыхъ, и въ еврейскомъ фургонѣ, и въ одноконной повозкѣ, и въ пошевняхъ и, наконецъ, въ телѣгѣ, двѣ-трети которой были заняты печенымъ хлѣбомъ. Вмѣсто 70—80 р., въ которые должна была обойтись мнѣ дорога, я издержалъ болѣе 170 р. и при этомъ въ продолженіи двухъ недѣль обѣдалъ не болѣе трехъ разъ, остальное время питаясь чаемъ, хлѣбомъ и сыромъ. Цѣны на все были ужасныя: напр., ночлегъ въ Бериславлѣ, въ комнатѣ, гдѣ, кромѣ меня, помѣщался еще проѣзжій—2 р., за самоваръ нужно было платить по 50 коп., небольшая булка—20—30 коп.; въ Армянскѣ (около Перекопа) тарелка дурныхъ щей изъ кислой капусты стоила 50 коп.; рубленая говяжья котлета 50 к. и т. д. Дороже всего, разумѣется, стоило передвиженіе: за послѣднія девяносто верстъ, которыя я проѣхалъ въ телѣгѣ, развозившей хлѣбъ, почти все время шагомъ съ безпрестанными остановками, я долженъ былъ заплатить 30 р., въ шесть разъ дороже, нежели стоили бы почтовыя лошади, и это при сухой дорогѣ.

Причина такой дороговизны была въ полномъ отсутствіи годныхъ для возки лошадей отъ безкормицы и страшной грязи во всю зиму. Мнѣ разсказывали, что курьерамъ по дорогѣ изъ Перекопа въ Симферополь приходилось ѣздить на волахъ и даже по десяткамъ верстъ ходить пѣшкомъ, бросивъ среди грязи измученныхъ лошадей. Уже отъ самаго Бериславля почтовая дорога была усѣяна костями и трупами павшихъ животныхъ.

Та часть Крыма, по которой я проѣзжалъ, отъ Перекопа въ направленіи къ Симферополю, представляла печальный видъ. Жиденькій снѣгъ покрывалъ поля, все было пустынно; кое-гдѣ бродили брошенные среди степи лошади и волы, гложа бурьянъ. Попадавшіяся по дорогѣ татарскія деревни были пусты, съ полуразрушенными хижинами. Только шинки и постоялые дворы являли признаки жизни.

Родныхъ я засталъ за трапезой, состоявшей изъ какой-то мучной похлебки и черствыхъ солдатскихъ сухарей. Человѣкъ, котораго еще наканунѣ послали пѣшкомъ (ѣздить было не на чемъ) къ маркитанту за мукой, масломъ, сардинками, сахаромъ, чаемъ и пр., еще не возвращался. Предполагали, что онъ ничего не нашелъ у ближайшаго маркитанта (верстахъ въ 15-ти) и отправился дальше.

Отецъ мой былъ въ это время безнадежно боленъ и почти все время находился въ безсознательномъ состояніи; онъ не ѣлъ уже ничего, кромѣ ложечки саго въ день (и лекарствъ); да и ѣсть ему было бы нечего. Передъ этимъ, онъ питался преимущественно молокомъ, но именно наканунѣ моего пріѣзда, двухъ коровъ, которыхъ кормили отрубями и мукой и которыя давали нѣсколько чашекъ молока въ день, угнали уральскіе казаки изъ-подъ самой деревни, среди бѣлаго дня, въ виду дворовыхъ, тщетно гнавшихся за конными похитителями.

Деревня казалась безлюдной, крестьянскія избы завалились, службы тоже; на току не было ни клока сѣна или соломы, въ амбарахъ хранились только кожи павшихъ животныхъ. Во дворѣ издыхалъ верблюдъ; около деревни бродили три тощія клячонки. Словомъ, деревня представляла видъ, совершенно противоположный тому, въ какомъ я оставилъ ее годъ назадъ. Люденъ былъ по прежнему только стоявшій за дворомъ шинокъ.

Въ письмахъ, которыя я получалъ отъ родныхъ, не сообщалось мнѣ никакихъ подробностей о томъ, что́ у насъ дѣлается [1]), и то, что́ я увидѣлъ, было для меня совершенною неожиданностью. Въ объясненіе я услышалъ слѣдующее:

Уже въ исходѣ прошлаго лѣта стало ясно, что заниматься посѣвомъ хлѣба и вообще сельскими работами у самаго театра войны было невозможно, и потому крестьянамъ (у насъ были крѣпостные, которыхъ, къ слову сказать, было въ Крыму вообще очень немного) было предложено отправиться со всѣмъ хозяйствомъ за Перекопъ. Почти всѣ они ушли, пробыли гдѣ-то въ херсонской губерніи слишкомъ годъ и возвратились уже послѣ окончанія войны, сохранивъ и скотъ и овецъ. У насъ же все это погибло, какъ отъ постоянныхъ покражъ, такъ и отъ безкормицы.

Ранѣе я говорилъ о томъ, что въ 1855 году въ симферопольскомъ, евпаторійскомъ и перекопскомъ уѣздахъ было накошено очень много сѣна. Къ несчастью, его стало не надолго, такъ

[1]) Изъ опасенія, чтобы письма не подверглись такой же участи, какъ въ первое время войны.

какъ проходившіе къ Севастополю полки истребляли его самымъ немилосерднымъ образомъ: лошадей прямо пускали къ стогамъ, безъ привязи, и онѣ въ одну ночь вытаптывали и портили больше, чѣмъ съѣли бы въ недѣлю. Но этого мало,—сѣно служило топливомъ. Солдаты, расположившись близъ деревни, цѣлыя ночи поддерживали костры сѣномъ и соломою, несмотря на то, что подъ рукою было топливо болѣе пригодное: стоило взять грабли и въ любомъ мѣстѣ въ степи нагрести такъ-называемаго *кураю*, сорной кустарниковой травы, дающей весьма жаркое пламя. Скоро сѣна не стало и цѣна его дошла до баснословной цифры: около Перекопа 1 р. сер. за пудъ, а ближе къ Симферополю и Евпаторіи до 3-хъ рублей.

Истребительныя наклонности нашихъ солдатъ проявлялись не на одномъ сѣнѣ: стоило какому-нибудь отряду переночевать въ деревнѣ, и на утро бóльшая часть избъ, оставленныхъ хозяевами, оказывалась безъ дверей и безъ крышъ: и то и другое шло на костры, и все-таки въ присутствіи того же, обильно растущаго кураю. Разрушеніе не всегда вызывалось даже какою бы то ни было потребностью, и производилось часто просто отъ скуки. У насъ около дома былъ разведенъ садъ, весьма тощій и въ это время совершенно засохшій, но ограда вокругъ него, сложенная изъ простого камня, безъ цемента, аршина въ полтора вышины, была цѣла. Когда семья наша выѣхала (какъ я скажу ниже) на время изъ деревни, ее занялъ какой-то отрядъ, и солдаты, простоявъ въ деревнѣ двѣ-три недѣли, между прочимъ, разрушили и разбросали всю эту ограду безъ всякой надобности, *отъ нечего дѣлать*. Примѣровъ такого безцѣльнаго истребленія можно бы было привести много. Я не хочу видѣть въ этомъ признака дурныхъ природныхъ наклонностей, но считаю это признакомъ низкой степени народнаго развитія, и убѣжденъ, что французъ или нѣмецъ отъ нечего дѣлать скорѣе поправилъ бы стѣну.

Понятно, что при такихъ наклонностяхъ солдатъ и при полномъ равнодушіи, съ какимъ смотрѣли на разрушеніе и истребленіе имущества офицеры, уцѣлѣть могло немногое.

Какъ ни плохо однако шли дѣла въ нашей деревнѣ, но все же присутствіе *помѣщиковъ* оберегало ее отъ окончательнаго разоренія. Но въ одно утро, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, посланный куда-то крестьянинъ прискакалъ въ деревню и объявилъ, что вышедшій изъ Евпаторіи турецкій отрядъ находится въ двѣнадцати верстахъ. Вся семья наша, наскоро захвативъ самое необходимое, тотчасъ же выѣхала по направленію къ Перекопу. Отъѣхавъ верстъ 15 и встрѣтивъ на пути деревню,

въ которой былъ расположенъ полкъ, она остановилась. Всѣ болѣе исправныя избы были заняты военными: пришлось довольствоваться хижиной съ протекавшей крышей, съ сырыми стѣнами, состоявшей изъ двухъ небольшихъ коморокъ, въ которыхъ должны были тѣсниться шесть или семь человѣкъ. Прислуга помѣщалась въ сѣняхъ или мокла на дворѣ. Нужно сказать, что въ степной части Крыма бываетъ, при сѣверномъ вѣтрѣ, весьма чувствительный холодъ, но онъ бываетъ обыкновенно въ началѣ и въ концѣ зимы: въ ноябрѣ, потомъ въ февралѣ и мартѣ; средина же зимы, декабрь и январь, убійственны вслѣдствіе сырости и невылазной грязи.

Турки въ тотъ же день ушли назадъ въ Евпаторію. Семья моя дня черезъ три хотѣла возвратиться въ деревню, но и деревня и домъ нашъ оказались уже заняты какимъ-то полкомъ. Просьбы очистить хоть половину дома оставались безуспѣшны. Приходилось ѣздить жаловаться высшему начальству, и это тянулось около мѣсяца. Все это время нужно было провести въ духотѣ и мокротѣ; всѣ переболѣли, отецъ заболѣлъ безнадежно.

Когда, наконецъ, черезъ мѣсяцъ удалось выжить военныхъ изъ дома и семья возвратилась въ деревню, деревня была опустошена, не осталось ни одной овцы, ни одного вола, ни зерна хлѣба, ни клочка сѣна или соломы. Уцѣлѣло то, что было съ собою: нѣсколько лошадей, пары двѣ воловъ и двѣ коровы. Волы скоро пали (или были зарѣзаны), коровы, какъ я сказалъ, угнаны уральскими казаками; остались три лошади, которые ходили по степи, щипля уцѣлѣвшіе стебельки прошлогодней травы, но были въ такомъ состояніи, что о ѣздѣ на нихъ нечего было и думать: онѣ едва передвигали ноги. За лекарствомъ отцу, за съѣстными припасами приходилось посылать людей пѣшкомъ. Припасы можно было доставать у маркитанта верстахъ въ 15-ти, въ деревнѣ, гдѣ стоялъ полкъ; но за лекарствомъ (и за мясомъ) нужно было посылать за 40 слишкомъ верстъ въ Симферополь. Посланный, которому выдавалось рублей 5-6 на путевыя издержки, возвращался обыкновенно не ранѣе двухъ сутокъ.

Таково было состояніе нашей деревни (и всей окрестности) въ первой половинѣ марта. Я забылъ сказать, что хищничество вызвало, разумѣется, жалобы и вслѣдствіе этого были учреждены ночные разъѣзды по деревнямъ патрулей изъ тѣхъ же уральскихъ казаковъ. Каждую ночь часа въ три-въ четыре меня будили, и я долженъ былъ расписываться въ томъ, что въ деревнѣ все обстоитъ благополучно.

Дня черезъ три послѣ моего пріѣзда, къ намъ пріѣхалъ сто-

ившій въ трехъ верстахъ отъ насъ бригадный генералъ И. С. Вдовиченко, узнавшій о тяжелой болѣзни отца. Онъ предложилъ, во-первыхъ, своихъ лошадей для посылки за лекарствомъ, во-вторыхъ, ежедневно два фунта мяса. Лошадьми пришлось воспользоваться только разъ, такъ какъ отецъ вскорѣ умеръ, но присылка мяса продолжалась, помнится, около мѣсяца, до отъѣзда нашего въ Симферополь, въ половинѣ апрѣля.

Войны я уже не засталъ въ Крыму: военныя дѣйствія прекратились еще 18 февраля, а 18 марта былъ заключенъ миръ. Но войска оставались еще на прежнихъ мѣстахъ.

Съ извѣстіемъ о заключеніи мира начались увеселительныя поѣздки въ Евпаторію, сначала военныхъ, а потомъ и мирныхъ обитателей ближайшихъ деревень. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Тотчасъ же но пріѣздѣ въ деревню я сталъ думать о томъ, что необходимо запастись какими-нибудь средствами передвиженія. Тройка уцѣлѣвшихъ лошадей до того была изнурена голодомъ, что когда ее запрягли въ пустую телѣгу, чтобы послать за сѣномъ, она остановилась на сотнѣ шаговъ. Сѣно можно было достать только въ той же деревнѣ, гдѣ добывалась и провизія,— за 15 верстъ. По знакомству, съ протекціей, мнѣ обѣщали офицеры доставить пудовъ 10 сѣна, по 1 р. 80 коп. за пудъ, и четверти двѣ овса, по 8 руб. за четверть. Я отправилъ въ эту деревню лошадей въ поводу, тамъ ихъ подкормили нѣсколько дней, и тогда уже онѣ были въ состояніи перевезти въ деревню фуражъ. Потомъ по той же цѣнѣ, можетъ быть даже нѣсколько и дешевле, я покупалъ сѣно у казаковъ—верстахъ въ десяти отъ насъ. Недѣли черезъ три лошади оправились настолько, что можно было рискнуть поѣхать на нихъ за 30 верстъ въ Евпаторію.

Еще разъ о средствахъ передвиженія въ Крыму. Никакихъ искусственныхъ путей сообщенія въ Крыму не существовало (за исключеніемъ южно-бережскаго шоссе). Грунтъ земли въ Крыму чрезвычайно вязкій; зимою, весною и осенью при дождяхъ на колеса навертывается такой толстый слой грязи, что въ дорогѣ нужно безпрестанно останавливаться и очищать колеса. Проѣхать бывало 60 верстъ изъ Евпаторіи въ Симферополь въ распутицу— мучительный подвигъ, длившійся цѣлые сутки; зимняя поѣздка въ горной части Крыма въ тяжеломъ экипажѣ рѣдко обходилась безъ того, чтобы буйволъ (даже не волъ), *рога склоня, не замѣнялъ хилаго коня.* И по такимъ-то дорогамъ, при безкормицѣ, приходилось перевозить боевые снаряды, провіантъ и обратно раненыхъ. Чумаки, привозившіе въ Крымъ на волахъ ядра, хлѣбъ

и пр., бросали и воловъ и повозки, и уходили домой съ однимъ кнутикомъ. Волы и лошади всюду бродили по степи, гложа бурьянъ и голую землю. Лошади неизнуренныя были въ большой цѣнѣ: за нихъ платили въ пять, въ шесть разъ дороже противъ прежней цѣны, но онѣ служили только для двухъ-трехъ поѣздокъ, а затѣмъ подвергались общей лошадиной участи этого времени: ихъ выпускали на произволъ судьбы. На улицахъ Симферополя постоянно можно было видѣть прекрасныхъ, но измученныхъ лошадей съ ярлыкомъ на шеѣ, въ которомъ предоставлялось право желающему взять ихъ себѣ. Разумѣется, при первомъ же появленіи травы лошади и волы эти исчезали—ихъ разобрали.

Впрочемъ, уже въ апрѣлѣ кормъ сдѣлался дешевъ: стала пробиваться трава; кромѣ того, было можно пріобрѣтать сѣно по 15 к. пудъ въ Евпаторіи, куда оно было доставлено изъ Англіи въ прессованныхъ тюкахъ, обитыхъ желѣзными обручами.

Въ Евпаторію я поѣхалъ въ апрѣлѣ, вдвоемъ съ однимъ изъ родственниковъ. Цѣлью поѣздки, кромѣ любопытства, было также и желаніе запастись разными продуктами, которые, по слухамъ, были тамъ очень дешевы. При этомъ вопросъ былъ въ томъ, ходятъ ли въ Евпаторіи наши кредитные билеты. Говорили, что ходятъ, но на всякій случай мы считали не лишнимъ запастись золотомъ. Мы достали его съ разными преміями и обѣщаніями у приказчика (нашего крѣпостного крестьянина), который, какъ оказывалось, золото, получаемое имъ въ уплату по хозяйству, удерживалъ себѣ, а намъ давалъ кредитными билетами. Упоминаю объ этомъ, какъ о фактѣ, доказывающемъ, что въ народѣ существовало уже какое-то убѣжденіе въ преимуществѣ золота предъ кредитными билетами, хотя мы, *образованные*, этого не подозрѣвали. Даже въ Евпаторіи, какъ мы могли убѣдиться, кредитные билеты принимались совершенно безпрепятственно, по цѣнѣ 4 франковъ за рубль. Впрочемъ, такъ какъ много торговцевъ было евреевъ и татаръ, то и считалось не на франки, а на рубли; ихъ примѣру слѣдовали и нѣкоторые торговцы-французы. Вѣсъ у татаръ и евреевъ былъ прежній: крымское око (три русскихъ фунта); у французовъ килограммъ—кило (около 2½ фунтовъ).

Подъѣзжая къ бывшему станціонному дому въ Сакахъ, около которыхъ въ послѣднее время войны находились наши и непріятельскіе передовые пикеты и разъѣзды, мы увидѣли группу изъ трехъ или четырехъ французскихъ офицеровъ и двухъ нашихъ казачьихъ; ихъ также въ первую минуту по синимъ мундирамъ я принялъ за французовъ. Я подошелъ къ группѣ спросить,

можно ли проѣхать въ Евпаторію. Тутъ только я разглядѣлъ казаковъ, двухъ молоденькихъ офицеровъ, почти мальчиковъ, съ которыми чистымъ русскимъ языкомъ болталъ одинъ изъ офицеровъ во французскомъ мундирѣ.

— Гдѣ это вы такъ хорошо выучились нашему языку?—спросилъ я его.

Онъ отвѣчалъ, что долго жилъ въ Петербургѣ. Впрочемъ, по выговору было ясно, что онъ не французъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ солдатъ-французъ держалъ подъ уздцы великолѣпнѣйшаго сѣраго арабскаго жеребца. Это была лучшая лошадь, какую я когда-либо видѣлъ. Я не утерпѣлъ и попросилъ позволенія у quasi-француза сдѣлать на ней одинъ туръ. Тотъ освѣдомился, хорошо ли я ѣзжу, и очень любезно далъ разрѣшеніе. Но величавый видъ лошади, несмотря на то, что она была прекрасно выѣзжена, до того смущалъ меня, что, сдѣлавъ рысью небольшой кругъ, я поспѣшилъ сойти съ нея, хотя и сѣлъ на нее для того, чтобы испытать ея быстроту. Потомъ я видѣлъ, какъ на ней во весь опоръ летѣлъ въ Евпаторію мимо насъ одинъ изъ казачьихъ офицеровъ.

Верстахъ въ восьми не доѣзжая Евпаторіи, на небольшомъ песчаномъ холмѣ былъ устроенъ маленькій редутъ, окруженный бревенчатымъ частоколомъ, валомъ и рвомъ. Въ то время, какъ мы подъѣхали къ нему, на немъ происходила дѣятельная работа. Нѣсколько сотъ татаръ разбирали частоколъ и на арбахъ увозили бревна въ Евпаторію. Замѣтивъ, что среди татаръ находится французскій офицеръ, мы взошли осмотрѣть редутъ. Большая часть татаръ несомнѣнно знала насъ, но отворачивалась и смотрѣла на насъ весьма недружелюбно. Кучеръ пытался заговорить съ нѣкоторыми изъ нихъ, но на слова его никто не отвѣчалъ. Скоро мы завидѣли Евпаторію. Вотъ ея безчисленныя вѣтряныя мельницы, тянувшіяся двумя рядами по обѣимъ сторонамъ дороги, на протяженіи цѣлой версты. Когда-то, бывало, подъѣзжая къ Евпаторіи ночью, по скрипу ихъ я за нѣсколько верстъ узнавалъ, что городъ близко. Теперь онѣ безъ дѣла и безъ крыльевъ. Вотъ пестрый шлагбаумъ, у котораго на часахъ два французскіе солдата безъ ружей. У шлагбаума насъ остановили. Въ первое время въѣздъ въ Евпаторію былъ совершенно безпрепятственный, но, какъ намъ сказали, случилась какая-то драка, и на въѣздъ нужно было разрѣшеніе коменданта. Оно, впрочемъ, не долго заставило ждать себя: сбѣгавшій куда-то часовой возвратился чрезъ двѣ минуты и объявилъ, что мы можемъ ѣхать. Вслѣдъ за нимъ пришелъ какой-то пожилой офицеръ (едва-ли не самъ комен-

дантъ), котораго солдаты называли mon capitaine. Вѣроятно, ему хотѣлось видѣть помѣщиковъ, такъ какъ приходить ему, очевидно, было незачѣмъ. Онъ спросилъ, что̀ дѣлаютъ татары,—ему показали на одну изъ проѣзжавшихъ арбъ и сказали, что они возятъ бревна; спросилъ у часовыхъ, гдѣ ихъ ружья,—ему показали на ружья, поставленныя въ двухъ шагахъ у стѣны. Затѣмъ капитанъ ушелъ вмѣстѣ съ отъѣздомъ нашего тарантаса (ужъ не приходилъ ли онъ взглянуть на тарантасъ?).

Мы остановились на постояломъ дворѣ, гдѣ съ видимыми признаками радости насъ окружило нѣсколько знакомыхъ евреевъ. Это были прежнія, хорошо намъ извѣстныя фигуры, но видимо раздобрѣвшія и пріобрѣвшія созпаніе своего человѣческаго достоинства, какъ люди, побывавшіе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, за границею.

Прежде всего мнѣ хотѣлось взглянуть на домъ нашъ, находившійся довольно далеко отъ *базара*, т.-е. той части города, гдѣ были постоялые дворы, лавки, кофейни. Хотя Евпаторія была занята главнымъ образомъ турками, но на улицахъ турокъ мы видѣли очень мало, не больше, чѣмъ французовъ. Англичанъ вовсе не встрѣчали, но домъ нашъ оказался занятымъ англійскою телеграфною станціей. Войдя во дворъ, я увидѣлъ въ саду трехъ высокихъ, красивыхъ англичанъ съ книгами въ рукахъ. Они вышли къ намъ на встрѣчу, но объясниться съ ними намъ не удалось: я не зналъ по-англійски, англичане ни слова не знали ни по-французски, ни по-нѣмецки, ни по-татарски (или по-турецки, такъ какъ языкъ степныхъ крымскихъ татаръ есть только мало измѣненный говоръ турецкаго).

Впрочемъ, они не мѣшали мнѣ обойти весь домъ и дворъ, и терпѣливо, всѣ втроемъ, слѣдовали за нами. Домъ былъ въ исправности, но съ бо̀льшей части многочисленныхъ службъ: сараевъ, амбаро̀въ, кладовыхъ и пр., крыши были сняты, балки ихъ понадобились, вѣроятно, для укрѣпленій или на топливо. При домѣ находился садъ. Нужно сказать, что песчаная почва Евпаторіи мало пригодна для растительности. Съ большимъ трудомъ отцу удалось развести въ теченіи двадцати лѣтъ небольшой садъ съ нѣсколькими десятками акацій, уксусныхъ деревьевъ, сливъ, сирени, шиповника, крыжовника и пр. Садъ оказался въ полной сохранности, за нимъ, очевидно, прилежно ходили, такъ какъ иначе безъ постоянной поливки онъ бы засохъ.

Послѣ войны домъ былъ отданъ въ наймы евпаторійской воинской командѣ. Лѣтъ шесть тому назадъ, я былъ въ Евпа-

торіи и зашелъ взглянуть на домъ: въ саду оставалось только двѣ акаціи,—всѣ другія деревья были уничтожены.

Любезно раскланявшись съ англичанами, мы отправились въ лавки. Онѣ были такія же жалкія на видъ, какъ и прежде, а по товарамъ еще бѣднѣе.

Заказавъ искрошить слишкомъ полпуда табаку (сомнительнаго достоинства), мы купили нѣсколько головокъ сахару, мягкаго и желтаго, но сладкаго, копѣекъ по 16 фунтъ, сколько помню; сардинокъ, впрочемъ, очень плохихъ, по $37^1/_2$ к. за коробку (у насъ онѣ стоили по 60 и 70 к.) и нѣсколько бутылокъ спиртныхъ напитковъ: ликеру, абсенту, кюрасао.

Осмотрѣть Евпаторію было некогда, — не знаю почему, но евреи шептали намъ, что лучше выѣхать за-свѣтло; спутникъ мой также торопился, и мы приказали запрягать.

Предъ отъѣздомъ я зашелъ въ лавку за табакомъ. Съ двадцатипятирублевой бумажки мнѣ слѣдовало сдачи 12 руб. Торговецъ-татаринъ сдалъ мнѣ полуимперіалъ, а остальныя 7 рублей обѣщалъ тотчасъ же принести на постоялый дворъ, куда и явился дѣйствительно черезъ четверть часа, но 7 р. мнѣ не отдалъ, я же въ эту минуту совершенно забылъ о нихъ. Я посылалъ его въ лавку за спичками, за которыя и заплатилъ, а о 7 рубляхъ вспомнилъ только по выѣздѣ изъ Евпаторіи. Быть можетъ, самъ торговецъ забылъ о нихъ такъ же, какъ и я. Черезъ нѣсколько дней кто-то изъ людей ѣздилъ въ Евпаторію; я поручилъ ему вытребовать у татарина деньги, почти съ увѣренностію, что татаринъ не отопрется и отдастъ; но того уже не оказалось въ Евпаторіи: онъ выѣхалъ въ Турцію.

При выѣздѣ изъ Евпаторіи на базарной улицѣ кучеръ оплошалъ и заѣхалъ въ яму, наполненную грязью. Тарантасъ былъ не большой, но все еще тощія лошади были не въ силахъ вытянуть его. Мы представляли, вѣроятно, весьма комическое зрѣлище, на которое любовалась съ одной стороны улицы куча французскихъ солдатъ, а съ другой—куча евпаторійскихъ татаръ. Къ послѣднимъ кучеръ и обратился съ просьбою о помощи, но они молчали и не двигались съ мѣста. Тогда я адресовался къ французамъ и просилъ ихъ приказать татарамъ помочь вытащить тарантасъ. Французы перекинулись между собою нѣсколькими словами; человѣкъ десять подошли къ тарантасу и разомъ поставили его на твердую почву. Я подалъ имъ два серебряныхъ рубля; стоявшій ближе протянулъ-было руку, но изъ кучки раздались голоса: ne prends pas, ne prends pas—и онъ отсту-

пилъ. На мои убѣжденія взять деньги французы отвѣчали односложнымъ—non, non.

Около Сакъ насъ опять обогналъ казачій офицеръ на сѣромъ жеребцѣ, мчавшійся обратно изъ Евпаторіи.

Въ половинѣ апрѣля намъ необходимо было переѣхать въ Симферополь. Въ это время Симферополь былъ еще болѣе переполненъ, нежели въ предшествовавшемъ году; къ прежнимъ его обитателямъ и посѣтителямъ прибавилось еще множество офицеровъ, пріѣзжавшихъ на нѣсколько дней въ отпускъ изъ-подъ Севастополя. Найти свободное помѣщеніе нельзя было ни за какія деньги. Мы имѣли пріютъ только благодаря любезности сосѣдокъ по имѣнію, Луговскихъ, имѣвшихъ домъ въ Симферополѣ и уступившихъ намъ безплатно флигелекъ изъ двухъ крошечныхъ комнатъ, въ которыхъ и расположились мать и сестра съ мужемъ. Что касается до меня, то день проводилъ я со своими, а ночевать уходилъ въ домъ гимназіи. Здѣсь *въ канцеляріи*, въ двухъ комнатахъ, помѣщалось пять или шесть человѣкъ: учителя и письмоводитель гимназіи, домъ же гимназіи былъ занятъ больницей, а ученики-пансіонеры перевезены въ Херсонъ.

Жизнь въ Симферополѣ представлялась какимъ-то кипѣніемъ, въ которомъ трудно было оглядѣться. Коренные обыватели разъѣхались, если только было куда, или съёжились такъ, что ихъ было незамѣтно, а на поверхности неслась шумной пѣной масса пріѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ, наполняя дома, гостинницы, лавки и улицы.

Но среди хаоса выдѣлялось и занимало видное мѣсто одно явленіе, это болѣзнь. Кромѣ раненыхъ, выздоравливавшихъ и умиравшихъ въ многочисленныхъ казенныхъ и частныхъ домахъ, обращенныхъ въ госпитали, и въ больничныхъ баракахъ, выстроенныхъ за городомъ, — въ Симферополѣ было много больныхъ тифомъ, горячками и лихорадкой. Доктора были заняты отъ утра до поздней ночи. Моего пріятеля доктора мнѣ удавалось видѣть только изрѣдка, и то на минуту. Впрочемъ, когда прислуживавшій мнѣ мальчикъ лѣтъ 17-ти заболѣлъ тифомъ, докторъ находилъ время посѣщать его ежедневно, въ отдаленной части города, и вылечилъ.

Изъ экономическихъ особенностей симферопольской жизни этого времени у меня осталась въ памяти одна, которой я и до сихъ поръ не умѣю объяснить. Несмотря на необычайный наплывъ народонаселенія, съѣстные припасы мало вздорожали въ Симферополѣ. Особенной дороговизны можно было ожидать на

мясо, вслѣдствіе баснословной цѣны фуража, между тѣмъ мясо-то и не поднялось вовсе въ цѣнѣ и продавалось по прежнему около 3 к. за фунтъ. Но чтобы получить мясо, нужно было являться въ рѣзню (мясную лавку) не позже пяти часовъ утра и ждать, пока лавку откроютъ. Потомъ мясо выдавалось точно по разверсткѣ: тотъ, кто просилъ 10 фунтовъ, получалъ 3 или 4, и при этомъ безъ выбора: нужно было брать тотъ кусокъ, который давалъ мясникъ. Отчего это происходило, повторяю, я и теперь не могу объяснить, хотя и пытался навести объ этомъ справки. Можно думать, что правительство, установивъ таксу на мясо, выдавало мясникамъ субсидію.

Изъ Симферополя въ концѣ апрѣля съ тѣмъ же спутникомъ, съ которымъ былъ въ Евпаторіи, я поѣхалъ въ Севастополь.

Первое, чтó обратило на себя наше вниманіе при выѣздѣ за городъ, — было недавно оконченное шоссе изъ Симферополя до Бахчисарая, второе: — обиліе на этомъ пути кабаковъ съ затѣйливыми вывѣсками и игривыми названіями: «здорово, любезный другъ», «до пріятнаго свиданія», и т. п.

По дорогѣ двигались солдатскіе обозы, обозы съ больными, скакали на почтовыхъ офицеры; наконецъ, попадались французы, ѣхавшіе верхомъ въ Симферополь или изъ Симферополя.

Покормить лошадей мы остановились въ Бахчисараѣ, который лежитъ въ тридцати верстахъ отъ Симферополя, въ верстѣ отъ почтовой дороги, и расположенъ во впадинѣ между двухъ невысокихъ каменистыхъ горъ. Съ дороги его совсѣмъ незамѣтно, и только повернувъ влѣво, вдругъ видишь подъ ногами длинную и узкую лощину, въ которой, взбѣгая на скалистые склоны горъ, въ страшномъ хаосѣ, тѣсною кучей, лѣпятся татарскіе домики. Вдали долина замыкается темною зеленью садовъ, за которыми виднѣется гора съ караимскимъ поселкомъ Чуфутъ-Кале. Спустившись по крутому спуску, въѣзжаешь въ узкую и грязную, главную и въ то же время единственную улицу Бахчисарая, на которой сосредоточена промышленная и торговая жизнь этого городка. По обѣимъ сторонамъ, непрерывнымъ рядомъ тянутся кофейни, харчевни и лавки-мастерскія, нѣчто въ родѣ нишъ, съ поднятою навѣсомъ дверью, гдѣ на виду у всѣхъ ремесленники занимаются производствомъ издѣлій, удовлетворяющихъ незатѣйливымъ потребностямъ и столь же незатѣйливой роскоши туземцевъ. Почти въ центрѣ города находится дворецъ бывшихъ крымскихъ хановъ, состоящій изъ отдѣльныхъ деревянныхъ построекъ, съ балконами и рѣшетками, прихотливо,

городками, обступившихъ обширный дворъ съ монументальнымъ, кажется, новѣйшей конструкціи, фонтаномъ по срединѣ. Внутренняя часть дворца заключаетъ въ себѣ лабиринтъ двориковъ и цвѣтниковъ, за которыми, отдѣленные стѣною, террасами взбираются на гору дворцовые сады, сколько помнится, впрочемъ, весьма необширные.

До войны я нѣсколько разъ былъ въ Бахчисараѣ (правда, каждый разъ на весьма короткое время). Онъ производилъ на меня самое поэтическое впечатлѣніе, навѣянное и стихами Пушкина, и своеобразностію быта, и журчаньемъ безчисленныхъ фонтановъ.

До 1854 года Бахчисарай былъ городомъ, въ которомъ татарская жизнь сохранилась во всей неприкосновенности и навѣрное въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ концѣ прошлаго столѣтія; пришлые элементы не имѣли на нее никакого вліянія и заявляли себя посѣтителю Бахчисарая только пустыннымъ видомъ дворца, присутствіемъ въ немъ коменданта и нѣсколькихъ солдатъ-сторожей, объяснявшихъ любознательному путешественнику тайны и прелести жилища Гиреевъ.

Въ 1856 году Бахчисарай представлялъ совершенно иную физіономію. Прежде всего бросилось въ глаза исчезновеніе фонтановъ, которые въ былое время находились буквально на каждыхъ десяти шагахъ главной улицы, на каждомъ перекресткѣ тропинокъ, пролегавшихъ по склону горы между домами, въ каждой комнатѣ дворца, въ его многочисленныхъ бесѣдкахъ и цвѣтникахъ. Теперь фонтановъ уцѣлѣло не болѣе десятка тамъ, гдѣ прежде насчитывались сотни, и отъ этого во всей наготѣ выступала наружу грязь, которую они прежде скрывали. На главной улицѣ туземный элементъ уступилъ мѣсто наплывному: всюду виднѣлись солдаты, шашлычныя [1]) замѣнились трактирами, кофейни кабаками. Дворецъ былъ обращенъ въ казармы и былъ полонъ мусора и грязи. Все это было и естественно, и неизбѣжно, быть можетъ даже желательно въ видахъ прогресса, но все это звучало диссонансомъ и мнѣ жаль было прежняго Бахчисарая.

Вѣянію новаго духа не остались чужды туземцы. Одинъ изъ главныхъ видовъ татарской промышленности,—это разныя кожевенныя издѣлія, изъ бараньей и особенно козловой кожи: сѣдла, уздечки, обувь, плётки, мячи, кисеты и т. п. Издѣлія бахчисарайскія пользовались извѣстностію, и каждый пріѣзжій считалъ

[1]) Шашлыкъ—изжаренные на вертелѣ мелкіе куски жирной баранины,—лакомое туземное кушанье. Бахчисарайскіе шашлыки были въ особенной чести.

необходимымъ запастись какой-нибудь вещицей на память. Съ посѣщавшихъ Бахчисарай послѣ войны за все это брали чудовищныя цѣны: за нагайку съ ручкой изъ ножки дикой козы, стоившую около рубля, запрашивали 10 рублей, какъ объ этомъ съ ужасомъ разсказывалъ французскій офицеръ, признававшій за собою, въ качествѣ француза, право на признательность татаръ, но послѣ случая съ плёткой обзывавшій ихъ мошенниками.

Въ 1868 или 1869 г. я снова былъ въ Бахчисараѣ. Онъ опять пришелъ въ прежній видъ, хотя и не вполнѣ. Дворецъ реставрированъ, но принаровленъ къ теперешнему своему назначенію,—служить безплатнымъ постоялымъ дворомъ для пріѣзжихъ; татарскій элементъ сдѣлался снова преобладающимъ, даже слава шашлыковъ возстановлена, но букетъ исчезъ и новый Пушкинъ не напишетъ уже здѣсь новаго «Бахчисарайскаго фонтана». Впрочемъ, говоря о букетѣ, я разумѣю его въ переносномъ смыслѣ. Въ буквальномъ—букетъ остался тотъ же, благодаря протекающей по городу рѣчёнкѣ, въ которой кожевники по прежнему мочатъ кожи.

На Качѣ или на Бельбекѣ мы въ первый разъ увидѣли муловъ, крупныхъ и красивыхъ. По окончаніи войны крымскіе помѣщики накупили ихъ довольно много, но всѣ они, насколько я знаю, не вынесли крымскаго климата (или неумѣлаго ухода) и околѣли; это очень жаль, такъ какъ въ горной части Крыма эти животныя были бы особенно полезны. Здѣсь же я видѣлъ нѣсколько чрезвычайно красивыхъ и рѣзвыхъ небольшихъ лошадей, которыя выдавались за арабскихъ. Лучшихъ изъ нихъ предлагали продать за 75 рублей (300 франковъ).

Севастополь былъ недалеко. Дорога шла среди пригорковъ, покрытыхъ пнями вырубленныхъ рощъ и кустарниковъ. Кое-гдѣ направо бѣлѣли на яркомъ солнцѣ русскіе лагери, а вдали налѣво (на юго-востокѣ) виднѣлись лагери бывшаго непріятеля. Мимо насъ проѣхало верхомъ нѣсколько англичанъ въ красныхъ мундирахъ; въ одной группѣ мы замѣтили женщину въ длинной амазонкѣ.

Наконецъ, мы поднялись на послѣдній пригорокъ, и предъ нами открылся Севастополь. Внизу лежали домики и уцѣлѣвшіе форты Сѣверной стороны, за ними голубая бухта, съ ярко-сверкавшими волнами, по которымъ сновало нѣсколько пароходовъ и лодокъ, и далѣе южная сторона, т.-е. Севастополь въ собственномъ смыслѣ. Издали зданія его казались неповрежденными;

расположенный на холмахъ, онъ былъ очень живописенъ, съ господствующимъ надъ бѣлой массой построекъ зданіемъ библіотеки. Только у самой бухты виднѣлись груды мусора на мѣстѣ взорванныхъ непріятелемъ батарей.

На Сѣверной сторонѣ я отыскалъ родственника, моряка черноморскаго флота, выдержавшаго въ Севастополѣ все время осады. Онъ пріютилъ насъ въ своей квартирѣ, состоявшей изъ одной комнаты, накормилъ и досталъ намъ катеръ, на которомъ мы могли отправиться на южную сторону, а потомъ въ Камышъ.

Переѣхавъ чрезъ бухту въ Севастополь, мы причалили, какъ кажется, къ такъ-называемой Графской пристани и пошли вдоль бухты къ бастіонамъ. Налѣво отъ насъ, у казармъ, представлявшихъ развалины безъ крышъ и безъ оконъ, виднѣлись красные англійскіе мундиры. Направо былъ разрушенный Севастополь. По дорогѣ мы также встрѣчали однѣ развалины. Доки, нѣкогда столь знаменитые, представлялись глубокой и обширной ямой, наполненной мелкими кусками камня. Взрывъ доковъ, какъ меня увѣряли, считался мастерскимъ: ихъ встряхнули такъ, что не только не осталось камня на камнѣ, но и самый камень, такъ-называемый штучный, т.-е. выпиленный большими правильными кусками, былъ раздробленъ въ щебень. Но среди щебня попадались и уцѣлѣвшіе куски; ихъ отыскивали и вывозили изъ доковъ какіе-то рабочіе въ синихъ сюртукахъ и широкихъ шляпахъ.

— Для чего это?—спросилъ я у встрѣтившагося намъ французскаго офицера.

— А кто ихъ знаетъ,—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами,—это вѣдь англичане!

Прилегавшая къ бухтѣ часть Севастополя была занята преимущественно англичанами; французовъ было мало. Впрочемъ, и англичане и французы были одинаково вѣжливы съ нами. Я забылъ сказать, что я былъ одѣтъ въ форменный студенческій сюртукъ съ синимъ воротникомъ и въ фуражкѣ съ такимъ же околышкомъ. Моряки на Сѣверной сторонѣ снабдили меня кокардой и посовѣтовали пришпилить ее къ околышку; это, по ихъ словамъ, должно было не только облегчить мнѣ осмотръ мѣстности, занятой непріятелемъ, но оказаться полезнымъ при обратномъ пути изъ Севастополя, по дорогѣ,—запруженной солдатами и военными обозами. Благодаря кокардѣ, англійскіе и французскіе солдаты, находившіеся на часахъ, отдавали намъ честь такимъ торжественнымъ образомъ, что это меня даже смущало.

Мы прошли къ бастіонамъ, расположеннымъ отъ города на

довольно значительномъ разстояніи (верста или полторы на глазомѣръ), и обошли два или три изъ нихъ. Бастіоны представлялись обширными изрытыми холмами съ крутымъ спускомъ въ ту сторону, гдѣ былъ непріятель. На нихъ были разбросаны корзины, веревки, ядра, гранаты и пули, особенно пули въ ужасающемъ количествѣ: точно камешки на морскомъ берегу. Въ одномъ мѣстѣ мы увидѣли оторванный рукавъ съ костью внутри. У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

На Малаховомъ курганѣ на холмѣ (или на обсыпавшейся башнѣ) развѣвалось французское знамя и стоялъ часовой. Я хотѣлъ-было взойти, но часовой грозно запретилъ мнѣ это.

Всюду среди бастіоновъ виднѣлись англичане съ тачками и съ повозками, запряженными мулами, куда они собирали обрывки веревокъ, гранаты, осколки бомбъ и пр.

Собственно въ городъ мы не заходили. Насъ увѣрили, что незачѣмъ, что мы ничего не увидимъ кромѣ развалинъ, такихъ же, какихъ было много на пути отъ пристани къ бастіонамъ. Къ тому же, было уже не рано, а намъ хотѣлось еще осмотрѣть одинъ изъ находившихся въ бухтѣ непріятельскихъ винтовыхъ пароходовъ, которыхъ у насъ до войны, по крайней мѣрѣ въ Черномъ морѣ, еще не было. Мы взошли на французскій винтовой корабль; капитанъ или его помощникъ очень подробно объяснялъ его устройство, хотѣлъ вести показать разныя части машины, но было уже темно и мы возвратились на Сѣверную.

На другой день утромъ поѣхали мы моремъ въ Камышъ, мимо мачтъ затопленныхъ караблей; мачты чуть высились надъ водой; на нихъ виднѣлись разные значки, служившіе для указанія свободнаго фарватера. Нужно было проѣхать не только всю обширную севастопольскую бухту, но выдти въ открытое море и, обогнувъ берегъ на довольно значительномъ разстояніи, войти въ Камышевую бухту, у которой до войны не было никакого поселенія, и у которой французы, какъ извѣстно, построили цѣлый торговый городокъ изъ деревянныхъ бараковъ. Въ нихъ находились лавки, кофейни, рестораны и даже театръ. Всѣ эти сооруженія вмѣщали въ себѣ, разумѣется, весьма малую долю комфорта и изящества, несмотря на затѣйливыя вывѣски и трескучія названія улицъ, на которыхъ они находились. Смотрѣть собственно было нечего, но намъ прежде всего, послѣ длиннаго морского пути, страшно захотѣлось ѣсть.

Мы зашли въ первый попавшійся ресторанъ. Это была де-

ревянная палатка съ нѣсколькими простыми столами и скамьями. На вопросъ, что можно поѣсть, намъ обѣщали супъ съ говядиной (bouilli) и рыбу, а въ ожиданіи подали хлѣбъ и бутылку краснаго кислаго вина. Мы отвѣдали того и другого, но кушаній не дождались. Напрасно прождавъ полчаса, по ближайшемъ освѣдомленіи, мы узнали, что супъ будетъ готовъ не ранѣе часа, а за рыбой пошли еще на рынокъ. Заплативъ 2 франка за надрѣзанный хлѣбъ и откупоренную бутылку вина, мы пошли искать обѣда въ другомъ мѣстѣ, и на этотъ разъ просили указать намъ лучшій ресторанъ. Здѣсь обстановка была лучше: столы были накрыты и вмѣсто скамеекъ стулья. Обѣдъ намъ подали тотчасъ. Во-первыхъ, супъ съ вермишелью, болѣе похожій на кашу, въ маленькихъ, въ родѣ нашихъ блюдечекъ, тарелочкахъ; потомъ два весьма небольшихъ куска мяса, совершенно безвкуснаго (чуть ли не изъ консервовъ); далѣе, двѣ небольшія жареныя рыбки, и наконецъ что-то сладкое или кофе. При этомъ пшеничный хлѣбъ и бутылка вина, такого же кислаго, какъ и въ первомъ ресторанѣ. За все это съ насъ взяли 15 франковъ, т.-е. 4 рубля 25 к., такъ какъ мы расплачивались русскими кредитными билетами.

Пообѣдавъ, мы готовы были возвратиться въ Севастополь, но нужно было дать отдыхъ гребцамъ и мы часа два еще побродили въ Камышѣ (à Kamièche, какъ называли французы). Мы обошли лавки, въ которыхъ кромѣ сардинокъ и разнообразныхъ спиртныхъ напитковъ ничего не было. Рекомендуя намъ разные ликеры, любезные буржуа-торговцы выражали крайнюю степень удивленія моей «хорошей» французской рѣчи (я говорилъ прескверно) и отказывались вѣрить, что я не былъ въ Парижѣ. Купивъ нѣсколько сортовъ ликеру, преимущественно ради красивыхъ графиновъ, въ которыхъ онъ былъ налитъ, мы отправились обратно, мимо пустыннаго берега, мимо взорванныхъ бастіоновъ и потопленныхъ кораблей.

Переночевавъ на Сѣверной, на другой день рано утромъ выѣхали мы обратно въ Симферополь, не унося, сколько помню, никакого опредѣленнаго впечатлѣнія, быть можетъ потому, что именно мы и не видѣли главной картины—разрушенія самаго города. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, когда мнѣ приходилось быть въ Севастополѣ и бродить среди его обширныхъ развалинъ и пустырей, мной овладѣвало такое озлобленіе, что въ ту минуту я съ радостію услышалъ бы вѣсть о гибели Парижа.

Солнце только-что взошло, когда мы поднялись на сѣверное возвышеніе; внизу, въ бухтѣ, уже кипѣла жизнь, пароходы и лодки сновали отъ одного берега къ другому. Кругомъ насъ было и тѣсно и шумно, и только благодаря кокардѣ, все еще торчавшей у меня на фуражкѣ, мы могли пробираться среди выступавшихъ отрядовъ и многочисленныхъ солдатскихъ обозовъ, загромождавшихъ дорогу. Но, вотъ мы стали спускаться, и Севастополь скрылся. Мы обгоняли массы солдатъ. Насъ въ свою очередь обгоняли офицеры, скакавшіе на почтовыхъ. Дорога была шумна и людна, какъ любая улица большого города. Все стремилось на сѣверъ, всѣ лица сіяли; всѣ, очевидно, спѣшили стряхнуть съ себя одиннадцатимѣсячный кровавый кошмаръ севастопольской осады.

Ѳ. Стулли.

САМА СЕБѢ ВРАГЪ

Психологическій очеркъ изъ романа Роды Броутонъ: „Good-bye Sweetheart".

Англійская литература пользуется у насъ давно большою симпатіей, англійскіе романы занимаютъ значительное мѣсто на страницахъ русскихъ періодическихъ изданій, англійскіе поэты очень часто встрѣчаются въ переводѣ на русскій языкъ; словомъ, Англія вноситъ значительный вкладъ въ нашу умственную сокровищницу. При такихъ условіяхъ, повидимому, трудно себѣ представить, чтобы въ числѣ извѣстныхъ англійскихъ писательницъ могла находиться одна, весьма даровитая, съ которой наша публика почти вовсе незнакома; а между тѣмъ оно такъ: имя Роды Броутонъ ничего не говоритъ большинству русскихъ образованныхъ читателей, хотя въ Англіи оно пользуется значительной и весьма лестной популярностью. Причину такого явленія надобно искать въ общемъ стремленіи къ такъ-называемымъ «sensation novels», гдѣ вся суть заключается въ благодарномъ и искусно-разработанномъ сюжетѣ, а развитіе характеровъ, анализъ душевныхъ движеній—отодвигается на задній планъ. Тутъ все дѣло въ умѣньи разсказывать; и надо отдать справедливость англійскимъ романистамъ этой категоріи,—они на это великіе мастера. Раскройте на удачу любой изъ романовъ миссиссъ Вудъ, Уильки Коллинза, миссъ Браддонъ; первыя строки вы пробѣгаете разсѣянно, собираясь, можетъ быть, сейчасъ же закрыть книгу, но мало-по-малу увлекаетесь желаніемъ узнать: что изъ всего этого выйдетъ? Незамѣтнымъ для самого себя образомъ переворачиваете страницу за страницей, невольно усаживаетесь попокойнѣе и дочитываете романъ до конца, нерѣдко за одинъ

присѣсть. На ряду съ романистами сенсаціонными, почетное мѣсто въ нашихъ симпатіяхъ занимаютъ тѣ изъ англійскихъ писателей и писательницъ, которыхъ мы зовемъ *романистами нравоописательными*; таковы: Джорджъ Элліотъ, миссисъ Гаскель, Троллопъ и пр.: яркими и смѣлыми штрихами рисуютъ они вамъ нравы различныхъ классовъ англійскаго общества, ихъ романы вы уже не пробѣгаете разсѣяннымъ взглядомъ, вы въ нихъ вчитываетесь, наслаждаетесь ими сознательно, вы ихъ изучаете. Рода Броутонъ, по самому характеру своего таланта, не можетъ быть отнесена ни къ той, ни къ другой изъ вышеупомянутыхъ категорій, она принадлежитъ къ числу *романистовъ-психологовъ*; въ ея произведеніяхъ, отличающихся крайней простотой фабулы, главное мѣсто занимаетъ обрисовка характеровъ, анализъ душевныхъ движеній; знакомство ея съ человѣческимъ сердцемъ вообще, и съ женскимъ въ особенности — поистинѣ изумительно. Характеры ея героинь отличаются большимъ разнообразіемъ, но всѣ онѣ—живыя женщины, съ ихъ достоинствами, недостатками, слабостями, пороками, стремленіями къ добру, радостями и страданіями; онѣ на вашихъ глазахъ живутъ и дѣйствуютъ, вы слѣдите за ними съ напряженнымъ вниманіемъ, единственно потому, что чувствуете, что это такіе же люди, какихъ вы безпрестанно встрѣчаете въ жизни, а не блѣдные призраки, порожденные иногда болѣзненной фантазіей романиста. Рода Броутонъ не придерживается исключительно, въ своихъ романахъ, любви въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. любви женщины къ мужчинѣ, хоть этому чувству отводится въ ея произведеніяхъ главное мѣсто; у нея вы встрѣтите и сестру, беззавѣтно любящую брата, и дочь, страстно привязанную къ отцу, готовую пожертвовать ему всѣмъ, даже своимъ личнымъ счастіемъ; съ теплымъ участіемъ рисуетъ миссъ Броутонъ простыя картины обыденной семейной жизни, съ согрѣвающей душу любовью изображаетъ всѣ человѣческія чувства, какія попадаются ей на пути ея творческой дѣятельности. При всемъ этомъ, сентиментальность совершенно чужда таланту Броутонъ, лучшія страницы ея романовъ дышатъ подчасъ неподдѣльнымъ юморомъ; она рисуетъ жизнь такъ, какъ она есть, безъ прикрасъ, а потому нерѣдко, рядомъ съ патетической сценой, набрасываетъ двумя-тремя штрихами комическій эпизодъ. Миссъ Броутонъ—авторъ субъективный, ея взгляды, ея мысли выражаются совершенно опредѣленно на страницахъ ея произведеній; къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ она относится крайне пристрастно, и, съ любовью изображая однихъ, чуть не враждебно смотритъ на другихъ. Языкъ миссъ Броу-

тонъ—выработанный, картинный, природу она любитъ превыше всего; ея сжатыя, сочныя, яркія описанія дышатъ поэзіей и правдой.

Субъективность таланта Броутонъ такова, что, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ ея личности, никакого ключа къ разрѣшенію вопроса: почему ея талантъ принялъ такое, а не иное направленіе?—мы можемъ, однакоже, такъ сказать, заглянуть ей въ душу, и смѣло рѣшить, какъ она смотритъ на такой или иной вопросъ. Такъ, напримѣръ, можемъ сказать, не боясь ошибиться, что религіозныя понятія миссъ Броутонъ не установились, у нея встрѣчаются страницы, дышащія горячей и вполнѣ осмысленной религіозностью, а рядомъ съ ними другія, гдѣ сомнѣніе сквозитъ въ каждомъ словѣ; особенно ярко обнаруживаются эти колебанія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о смерти,—роковые вопросы, служившіе камнемъ преткновенія для многихъ свѣтлыхъ умовъ, повидимому, смущаютъ и миссъ Броутонъ; она не можетъ обойти ихъ, но не въ силахъ и разрѣшить, и такъ какъ полная искренность одна изъ отличительныхъ и наиболѣе симпатичныхъ чертъ ея таланта, то сомнѣнія и колебанія свободно выливаются у нея на бумагу, звучатъ въ устахъ ея героинь. Понятно, что при такомъ направленіи миссъ Броутонъ должна всѣми силами души ненавидѣть всякое лицемѣріе, и точно: ненависть, какую она питаетъ къ тому, что по-англійски называется непереводимымъ словомъ «cant», безгранична; всѣ стрѣлы своего юмора направляетъ она на англійскихъ книжниковъ и фарисеевъ, съ безпощаднымъ остроуміемъ выставляя на видъ разладъ, существующій между ихъ благочестивыми рѣчами и весьма некрасивыми дѣйствіями. Если мы, ко всему сказанному, прибавимъ, что Рода Броутонъ отличается рѣдкимъ умѣньемъ выражать самыя грандіозныя мысли самымъ простымъ языкомъ, то этого будетъ достаточно для общей характеристики ея таланта.

Вотъ лучшія изъ ея произведеній.

Первый романъ миссъ Броутонъ: «Cometh up as a flower» [1]) появился въ свѣтъ въ 1867 г. Въ немъ сразу сказался ея яркій, своеобразный талантъ. Сюжетъ самый незамысловатый: въ полуразрушенномъ замкѣ доживаетъ свой вѣкъ въ своемъ разоренномъ имѣніи старый баронетъ, сэръ Адріанъ Лестранжъ, потомокъ древняго, нѣкогда славнаго и богатаго, но теперь захирѣвшаго рода. Дѣла его плохи до крайности, должники отравляютъ ему жизнь, положеніе, въ матеріальномъ отношеніи, самое бѣдственное. Съ нимъ

[1]) Взросла какъ полевой цвѣтъ.

живутъ его двѣ дочери: старшая, Доротея или Долли, красавица во всей силѣ слова, стройная, тонкая, съ роскошными черными волосами и дивными, большими, томными, выразительными глазами. Миссъ Долли, хотя и отличается поэтической наружностью, обладаетъ однако же значительной долей практическаго смысла и совершенно лишена того, по ея мнѣнію, лишняго балласта, который люди называютъ *сердцемъ*. Тяготясь однообразной домашней жизнью, она безпрестанно гоститъ у многочисленныхъ знакомыхъ, оставляя отца на рукахъ младшей сестры, Нелли, Элеоноры, представляющей во всемъ живой контрастъ со старшей сестрой. Нелли — маленькая дикарка, она-то и «взросла какъ цвѣтокъ полевой», на полной свободѣ, подъ вліяніемъ добраго, умнаго, любящаго и страстнолюбимаго отца; головка ея работаетъ, красота расцвѣтаетъ, но Долли (изъ собственныхъ видовъ, конечно) такъ съумѣла убѣдить ее въ томъ, что она дурнушка, что бѣдная рыженькая Нелли совершенно примирилась со своимъ воображаемымъ безобразіемъ. Изъ этого заблужденія ее однакоже скоро выводятъ обстоятельства: во время одной изъ отлучекъ Долли сэръ Адріанъ съ младшей дочерью получаютъ приглашеніе на обѣдъ къ сосѣдямъ, мистеръ и миссиссъ Коксъ—разжирѣвшимъ выскочкамъ, мѣщанамъ во дворянствѣ. Все это семейство мастерски описано. Въ числѣ многочисленныхъ гостей Нелли встрѣчаетъ на этомъ обѣдѣ двухъ людей, имѣющихъ играть значительную роль въ ея жизни: молодого красавца драгуна, Ричарда Макъ-Грегора, и пожилого, но очень богатаго баронета, сэра Гуго Ланкастера; оба плѣняются хорошенькой дѣвочкой; причемъ Макъ-Грегоръ сначала шутя ухаживаетъ за нею, а потомъ, незамѣтно увлекаясь все больше и больше, кончаетъ тѣмъ, что безвавѣтно привязывается къ дѣвочкѣ, съ которой думалъ только позабавиться. Сэръ Гуго сразу относится къ своему чувству серьёзно, онъ начинаетъ посѣщать старика Лестранжа, но Нелли столько же думаетъ о своемъ пожиломъ поклонникѣ, сколько о китайскомъ императорѣ: она совершенно поглощена новымъ, свѣтлымъ чувствомъ—любовью къ Ричарду. Таково положеніе дѣлъ, когда Долли возвращается, наконецъ, изъ своей поѣздки. Всѣми силами старается она отвлечь Макъ-Грегора отъ сестры, не потому, чтобы сама имъ увлеклась, а единственно изъ желанія выдать Нелли за богатаго Ланкастера; всевозможныя пружины пускаетъ она въ ходъ, старается возбудить ревность молодого человѣка, выставляетъ Нелли дѣвочкой, ребенкомъ, который самъ не понимаетъ, чего хочетъ. Ничто не помогаетъ: любовь разрушаетъ всѣ ея козни, и влюбленные разстаются, обмѣнявшись клятвами въ

вѣрности, съ обѣщаніемъ писать другъ другу. Ричардъ уѣзжаетъ въ полкъ, Нелли намѣревается во время его отсутствія все разсказать отцу, который съ своей стороны сильно покровительствуетъ кандидатурѣ сэра Гуго. Тѣмъ временемъ отецъ заболѣваетъ, и Нелли ни о чемъ уже не помышляетъ какъ о грозящей ему опасности; къ тому же, бѣдняжка сама не знаетъ что и думать о своемъ другѣ; со времени отъѣзда Ричарда, она не получила отъ него ни строки, всѣ ея письма остались безъ отвѣта. Тѣмъ временемъ дѣла отца все запутываются и запутываются, Долли не перестаетъ твердить сестрѣ, что она одна можетъ спасти семью отъ разоренія и позора—отдавъ свою руку Ланкастеру. Бѣдная дѣвочка, отуманенная ея софизмами, измученная физически и нравственно, соглашается наконецъ, и съ ужасомъ и отвращеніемъ въ сердцѣ, любя Ричарда, выходитъ за Ланкастера, къ великой радости старика-отца. Жертва, принесенная Нелли, оказывается безплодной: отецъ умираетъ черезъ день послѣ свадьбы, и молодая женщина переселяется въ богатый домъ любящаго ее и вовсе ею нелюбимаго человѣка. Грустно, однообразно тянется день за днемъ; однажды сэръ Гуго съ матерью (чопорной старой лэди, мастерски очерченной) уѣзжаетъ въ гости къ сосѣдямъ, Нелли остается одна дома, къ ней является Макъ-Грегоръ. Сцена ихъ свиданія—лучшая сцена романа. Оказывается, что они оба жертвы хитро задуманнаго Долли плана: черезъ нѣсколько дней послѣ разлуки, Макъ-Грегоръ получилъ отъ Нелли письмо, въ которомъ она сообщала ему, что отецъ требуетъ, чтобы они въ теченіи года не видались и не переписывались; больше онъ отъ нея строки не получалъ. Понятно, что письмо—произведеніе Долли. Жизнь обоихъ разбита, средствъ пособить горю никакихъ. Съ тяжкой грустью на сердцѣ разстаются бѣдняки. Черезъ нѣсколько времени Долли извѣщаетъ сестру о своемъ скоромъ пріѣздѣ, Нелли собирается все открыть мужу и показать ему письмо; она жаждетъ отмстить сестрѣ, но потомъ, пораздумавъ, и не желая заплатить тяжкимъ горемъ мужу за его любовь, отказывается отъ своей мести, и, сидя съ глазу на глазъ съ сестрою-врагомъ, бросаетъ злополучное письмо въ каминъ. Долли выходитъ замужъ за богатаго, глуповатаго лорда Стокпорта, Макъ-Грегоръ умираетъ въ Индіи отъ лихорадки, Нелли, узнавъ объ его смерти, сама начинаетъ чахнуть и тоже умираетъ въ чахоткѣ. Вотъ и все; но мы дали читателямъ только остовъ романа; вся же прелесть заключается въ мастерскомъ описаніи характеровъ сестеръ: практической, сухой, разсчетливой Долли, и пылкой, любящей, искренней и сумасбродной Нелли;

въ описаніи любви Нелли къ отцу, въ отдѣльныхъ сценахъ, эпизодахъ, въ живости разсказа, въ глубокомъ, потрясающемъ драматизмѣ послѣдней сцены, словомъ—во всемъ томъ, на что въ бѣгломъ очеркѣ можно только указать.

Если Нелли—живое лицо, то героиня слѣдующаго за этимъ, въ хронологическомъ порядкѣ, романа миссъ Броутонъ—очерчена, пожалуй, еще удачнѣе, хотя по глубинѣ и страстности своей натуры должна быть признана личностью, далеко не дюжинной. Кэтъ Честеръ [1]) на первыхъ страницахъ романа просто веселая, милая, радостными глазами на божій міръ смотрящая двадцати-лѣтняя дѣвушка. Она сирота; отецъ ея умеръ, когда она была ребенкомъ, мать—два года тому назадъ; потеря эта камнемъ легла на впечатлительную натуру дѣвушки, но ко времени начала разсказа тяжелое впечатлѣніе уже успѣло сгладиться и при воспоминаніи о нѣжно-любимой матери Кэтъ, кромѣ сладкой грусти, ничего болѣе не ощущаетъ. У Кэтъ братъ и сестра; живутъ они, со дня смерти матери, подъ крылышкомъ у дяди, мистера Пигота, благочестиваго англиканскаго пастора, вѣчно жалующагося на свои многочисленные недуги, существующіе лишь въ его собственномъ воображеніи, и вмѣстѣ съ нимъ и теткой, женой многострадальнаго м-ра Пигота, проводятъ часть лѣта въ Пенъ-Диллласѣ, приморскомъ мѣстечкѣ сѣвернаго Валлиса. Кэтъ—далеко не красавица, но почему-то эта маленькая, бѣленькая, стройная дѣвушка, съ глазами цвѣта морской волны, нравится гораздо больше, чѣмъ ея старшая, безукоризненно красивая, сестра Мэгги. Въ Пенъ-Диллласѣ суждено было Кэтъ впервые узнать ей совершенно дотолѣ невѣдомое чувство: здѣсь встрѣтила она чуть не безобразнаго, но умнаго и опытнаго полковника Стамерса, и полюбила его той роковой любовью, какую, по счастью, дано узнать весьма немногимъ. Такія чувства, разомъ охватывающія сердце, и никогда болѣе его изъ своихъ когтей не выпускающія, почти всегда искажаютъ жизнь. Такъ случилось и съ Кэтъ. Сначала любовь дала ей однѣ радости: избранный ея былъ человѣкъ съ горячимъ сердцемъ, и тоже беззавѣтно привязался къ ней; ихъ свиданія, шутки, ласки, разговоры составляютъ, благодаря таланту Броутонъ, прелестный поэтическій прологъ романа. Вскорѣ, однако, ихъ счастью конецъ; Кэтъ замѣчаетъ, что другъ ея сталъ мраченъ и задумчивъ, пристаетъ къ нему съ разспросами; тогда онъ, въ свою очередь, задаетъ ей вопросъ: настолько ли она его любитъ, чтобы пожер-

1) Not wiscly but too will.

твовать для него мнѣніемъ свѣта? Отвѣтъ, конечно, получается утвердительный; тогда Стамерсъ предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ, такъ какъ жениться на ней онъ не можетъ: онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ женатъ. Извѣстіе это поражаетъ Кэтъ словно ударъ грома, всѣ ея понятія, взгляды, воспитаніе не допускаютъ ее до мысли внять его мольбамъ; мало того, она оскорблена, возмущена до глубины души. Они разстаются навсегда. Кэтъ съ братомъ и сестрой переселяются въ одинъ изъ лондонскихъ пригородовъ. Послѣ разлуки съ Стамерсомъ, Кэтъ вынесла серьёзную болѣзнь, и встала съ постели съ измѣнившейся нравственной физіономіей. Тоска, глубокая, мрачная, безвыходная, свила гнѣздо въ ея сердцѣ; тѣмъ не менѣе, жить надо, а жить безъ всякихъ интересовъ невозможно; бѣдная дѣвушка жаждетъ чѣмъ-нибудь наполнить свою жизнь, и подъ вліяніемъ друга своего дѣтства, молодого пастора Джемса Стелли, предается благотворительности. Джемсъ—человѣкъ, всецѣло отдавшійся своему служенію; молитва и заботы о бѣдныхъ—вотъ его жизнь; онъ нѣсколько фанатикъ: все, чтò хотя мало-мальски отвлекаетъ его отъ этихъ заботъ, всякое удовольствіе, всякое удобство, всякое эстетическое наслажденіе онъ почитаетъ чуть не грѣхомъ. Съ Кэтъ его сблизило ея сердечное горе, но врачуя ея раны, онъ самъ полюбилъ ее; съ этой любовью онъ борется съ ожесточеніемъ, и ему удается если не побѣдить ее, то скрыть отъ глазъ всѣхъ, не исключая самой Кэтъ. Въ Джемсѣ нашла Кэтъ вѣрнаго друга, твердую опору; вліяніе его на нее велико и благотворно, но прежніе инстинкты еще продолжаютъ говорить въ сердцѣ дѣвушки. Превосходно описано ея настроеніе; очевидно, благотворительность для нея не болѣе, какъ средство забыться; она иногда, въ порывѣ увлеченія, по цѣлымъ днямъ навѣщаетъ бѣдныхъ, забирается въ несовсѣмъ безопасные кварталы, утомляется страшно, и потомъ внезапно охладѣваетъ къ своимъ затѣямъ, ищетъ развлеченія въ обществѣ, кокетничаетъ по старому, словомъ, борется и страдаетъ. При всемъ желаніи забыть Стамерса, Кэтъ его любитъ и помнитъ по прежнему, въ чемъ и убѣждается при встрѣчѣ съ нимъ въ Хрустальномъ дворцѣ. Они не видались года два; онъ тоже сильно измѣнился, жизнь ему въ тягость; онъ начинаетъ убѣждать Кэтъ бросить всѣхъ и все и сойтись съ нимъ; она колеблется, но, наконецъ, даетъ ему слово, что на другой же день переѣдетъ къ нему. И точно, она выходитъ изъ дому, чтобы болѣе туда не возвращаться, но по дорогѣ встрѣчаетъ Джемса, и онъ, угадавъ по ея взволнованному лицу, что съ ней происходитъ что-то необыкновенное, допытывается въ чемъ дѣло,

убѣждаетъ ее возвратиться, не рѣшаться на этотъ роковой шагъ. Вся эта сцена, по нашему мнѣнію, крайне неудачна, она вовсе не вытекаетъ изъ характера героини, а очевидно навязана ей авторомъ; такія женщины, какъ Кэтъ, разъ принявъ какое-нибудь рѣшеніе, приводятъ его въ исполненіе, а не возвращаются съ полъ-дороги. Въ моментъ встрѣчи съ Стамерсомъ, въ Хрустальномъ дворцѣ, Кэтъ уже не дѣвочка, а женщина, выстрадавшая очень много, смотрящая на жизнь серьёзно и печально, на свой роковой шагъ она рѣшается сознательно; трудно думать, чтобы самыя убѣдительныя, самыя благочестивыя рѣчи могли ее поколебать; отказавшись бѣжать съ своимъ другомъ изъ Пенъ-Дилласа, она поступала логично, она могла быть возмущена его поступкомъ съ нею; теперь же она знала, на чтó шла, и, разъ рѣшившись, не могла отступить изъ-за встрѣчи съ Джемсомъ. Какъ же объяснить эту злополучную сцену? неужели миссъ Броутонъ своимъ художническимъ инстинктомъ не угадала того, чтó ясно всякому простому читателю? О, нѣтъ, она просто испугалась тѣхъ же книжниковъ и фарисеевъ, надъ которыми смѣется; заставивъ свою героиню уступить мольбамъ любимаго человѣка, она бы навлекла на себя негодованіе высоко-нравственнаго англійскаго общества, а потому, во избѣжаніе нареканій, поспѣшила возвратить Кэтъ на стезю добродѣтели, дозволивъ ей только мысленно свернуть съ нея. Тутъ наступаетъ новый фазисъ въ жизни Кэтъ, въ ней совершается переломъ, она отказывается отъ мысли когда-либо принадлежать любимому человѣку, отдаетъ себя всецѣло на служеніе ближнему, отказывается отъ всякихъ надеждъ, сурово подавляетъ въ душѣ своей воспоминанія, отворачивается отъ всего, чтó хотя слабо напоминаетъ удовольствіе, замыкается въ своихъ обязанностяхъ. Въ этотъ моментъ въ Лондонѣ разражается эпидемія, она царитъ по преимуществу въ той мѣстности, гдѣ живетъ Кэтъ; она выпроваживаетъ сестру къ знакомымъ, въ деревню, а сама превращается въ сидѣлку. День и ночь ходитъ она за больными, и въ числѣ ихъ за Джемсомъ, который умираетъ на ея рукахъ. Кэтъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ посреди страданія и нищеты, въ ней зарождается намѣреніе всецѣло посвятить себя на служеніе страждущему человѣчеству; еще немногія нити привязываютъ ее къ прошлому, но вскорѣ и имъ суждено порваться, сестра ея выходитъ замужъ, и во время ея свадебнаго бала Кэтъ встрѣчается съ Стамерсомъ, уже умирающимъ. Онъ ѣхалъ на балъ совершенно здоровымъ, но у самыхъ дверей лошади взбѣсились, выбросили его на мостовую, онъ разбился страшно, его перенесли въ наскоро приготовленную ком-

нату, гдѣ онъ и доживаетъ свои послѣднія минуты въ присутствіи Кэтъ. Несчастная знаетъ, что вся его жизнь была цѣпью дурныхъ дѣлъ и легкомысленныхъ поступковъ, она упрашиваетъ его помолиться передъ смертью, онъ ей отвѣчаетъ: *«поздно!»* Послѣ смерти Стамерса, Кэтъ поступаетъ въ общину сестеръ милосердія. Эпиграфомъ къ этому роману могъ бы служить Некрасовскій стихъ:

Зрѣетъ и крѣпнетъ душа подъ грозой!

О «Рождественскихъ Разсказахъ» (Tales for Christmas Eve), появившихся въ 1872, мы говорить не будемъ, такъ какъ они серьёзнаго интереса не представляютъ, и отличаются въ тому же чудеснымъ, или вѣрнѣе, *сказочнымъ* характеромъ.

Въ томъ же году появился еще одинъ романъ миссъ Броутонъ: «Red as a rose is she»; о немъ или, точнѣе, о сюжетѣ его мы не станемъ распространяться, но за то остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Героиня — Эсѳирь, семнадцатилѣтняя красавица, живущая съ своимъ старшимъ братомъ, Джэкомъ, котораго любитъ всѣми силами души. Эсѳирь — натура мягкая, слабая, она хочетъ всѣмъ угодить, боится огорчить кого-либо, и вслѣдствіе этихъ, въ сущности, похвальныхъ качествъ, часто попадаетъ въ весьма неловкія положенія; такъ, напримѣръ, въ нее влюбленъ молодой сосѣдъ, Робертъ Брандонъ, честный и хорошій человѣкъ; она его совсѣмъ не любитъ, но соглашается отдать ему свою руку изъ жалости. Сдѣлавшись его невѣстой, она ѣдетъ гостить къ сосѣдямъ, стариннымъ знакомымъ ея покойнаго отца, — и при встрѣчѣ съ сыномъ ихъ — Сентъ-Джономъ Джерардомъ, впервые замѣчаетъ, что и ея сердце можетъ ощущать любовь. Послѣ объясненія съ Сентъ-Джономъ она не рѣшается говорить съ нимъ о Брандонѣ; онъ узнаетъ стороной, что его невѣста до встрѣчи съ нимъ дала слово другому; естественно, что въ сердце недовѣрчиваго и гордаго Сентъ-Джона закрадывается подозрѣніе, что Эсси любитъ не его, а его положеніе, его состояніе. Онъ разстается съ ней; она въ отчаяніи, ей кажется, что нельзя быть несчастнѣе, какъ вдругъ она получаетъ извѣстіе объ опасной болѣзни Джэка, ея дорогого и милаго брата; всѣ помышленія о Сентъ-Джонѣ мгновенно вылетаютъ изъ ея головки, она тотчасъ снаряжается, пріѣзжаетъ домой, застаетъ брата уже мертвымъ. Эсѳирь осталась безъ всякихъ средствъ, образованія она не получила никакого, а потому рѣшается идти въ компаньонки, такъ какъ это — профессія, не требующая особыхъ познаній. При содѣйствіи матери и сестеръ

своего перваго жениха поступаетъ она въ чтицы и компаньонки къ двумъ старикамъ, м—ру и м—съ Блессингтонъ. Въ ихъ домѣ судьба снова сводитъ ее съ Сентъ-Джономъ, за котораго она, послѣ многихъ перипетій, и выходитъ замужъ.

Живость и увлекательность разсказа, яркость описаній въ этомъ произведеніи миссъ Броутонъ — замѣчательны. Но мы не останавливаемся на подробностяхъ, такъ какъ желаемъ обратить вниманіе читателей на двѣ особенности, въ этомъ романѣ заключающіяся. Выше мы говорили объ умѣньи миссъ Броутонъ выражать самыя грандіозныя мысли—самымъ простымъ языкомъ. Въ подтвержденіе этого нашего положенія, позволимъ себѣ привести небольшой отрывокъ изъ «Red as a rose is she».

Эсѳирь, по возвращеніи домой, узнаетъ отъ встрѣтившаго ее Брандона о смерти брата. Въ первую минуту она ничего не чувствуетъ, кромѣ изумленія.

Она входитъ въ комнату, гдѣ стоитъ тѣло.

— Неужели это Джэкъ? Неужели онъ лежитъ такъ тихо, неподвижно въ яркій полдень? Джэкъ, которому пребываніе въ четырехъ стѣнахъ всегда бывало въ тягость, который вскакивалъ съ пѣтухами, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія ни на какую погоду, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя рѣзкій горный воздухъ? Она подходитъ къ постели, откидываетъ простыню съ лица, и сомнѣніе замѣняется въ душѣ ея ужасомъ. Лжецы всѣ тѣ, кто утверждаетъ, что смерть и сонъ — родные братья; что общаго между легкой дремотой, нарушаемой всякимъ ничтожнымъ звукомъ, жужжаніемъ комара или громкимъ окликомъ, и этимъ глубокимъ покоемъ, котораго не нарушитъ ни грохоту пушекъ, ни землятресенію, ни громовому удару.

Она смотритъ на него въ упоръ, и изумленіе, смѣшанное со страхомъ, отражается въ ея расширенныхъ глазахъ.

Неужели это онъ? Ея дорогой мальчикъ, такъ весело напѣвавшій пѣсенки, курившій у окна въ кабинетѣ, причемъ ея голова покоилась на его плечѣ, волновавшійся при мысли о неурожаѣ, смѣявшійся такимъ искреннимъ смѣхомъ? Неужели это онъ—эта блѣдная, страшная, прекрасная статуя? Ни одинъ царь въ коронѣ не можетъ быть величавѣе его,—лежащаго на узкой постелѣ, въ бѣдной комнатѣ, съ ясной и суровой улыбкой на торжественномъ измѣнившемся лицѣ, той улыбкой, которую можно видѣть лишь на мертвыхъ лицахъ, и которая какъ-бы говоритъ: я побѣдилъ, я знаю!

Любовь Эсѳири къ живому Джэку велика, эта блѣдная, распростертая фигура прекрасна и величава до крайности, но

связать эти два понятія она не можетъ. Чтò между ними общаго? Сознаетъ ли она по крайней мѣрѣ, что если эта фигура не ея братъ, то и его она не найдетъ на поверхности земной, съ какими бы горькими слезами ни стала искать его. Одну минуту она это сознаетъ, въ душу ея врывается свѣтъ, она падаетъ на колѣни у постели, изъ сердца ея вырывается вопль:

— Господи! Господи! возврати мнѣ его, или пусти меня къ нему! — Она разражается слезами, не будь этихъ слезъ, она, можетъ быть, умерла бы; впрочемъ, нѣтъ, горе — наша стихія, почему же оно убьетъ насъ скорѣй, чѣмъ вода убьетъ рыбу, или воздухъ птицу?

Чтó можетъ быть прекраснѣе этихъ глубокихъ мыслей, вылившихся въ столь простую форму?

Въ заключеніе замѣтимъ, что именно на страницахъ этого романа слѣдуетъ искать художественно-яркихъ портретовъ англійскихъ ханжей; мать и сестры Роберта Брандона — великолѣпные образцы этого типа: все въ нихъ, начиная съ скромнаго туалета, и кончая холоднымъ обѣдомъ по воскреснымъ днямъ (въ воскресенье грѣшно готовить кушанье), говоритъ о безконечномъ лицемѣріи. Съ безпощаднымъ юморомъ относится къ нимъ миссъ Броутонъ. За подробностями отсылаемъ читателей къ самому роману, нашъ же очеркъ и такъ слишкомъ затянулся.

Послѣдній романъ Броутонъ: «Nancy», вышедшій года два тому назадъ, можетъ быть охарактеризованъ въ нѣсколькихъ словахъ. Это исторія молоденькой женщины, вышедшей замужъ за школьнаго товарища своего отца, человѣка, который старѣе ее тридцатью годами, женщины, ничего не питавшей къ нему, кромѣ дружескаго чувства и искренно-глубоко полюбившей его впослѣдствіи.

Характеры мужа и жены превосходно очерчены, и вѣрны себѣ отъ начала до конца. Этотъ романъ болѣе всѣхъ остальныхъ произведеній миссъ Броутонъ изобилуетъ интересными подробностями и живыми картинами семейной жизни.

Лучшій, по нашему мнѣнію, романъ Броутонъ «Good-bye Sweetheart»; онъ даетъ ясное понятіе о характерѣ и размѣрахъ ея авторскаго таланта. Ленора, — героиня романа, занимаетъ центръ въ романѣ, а потому и мы постараемся очертить ея фигуру какъ можно точнѣе и ближе къ подлиннику.

I.

Время — прелестный іюньскій день; мѣсто — пансіонъ m-lle Леру въ Dinon, маленькомъ бретонскомъ городкѣ; дѣйствующія лица—двѣ сестры миссъ Геррикъ; старшая—Джемима, двадцативосьми лѣтъ, некрасивая и добродушная, прилежно работаетъ; младшая—Ленора, девятнадцатилѣтняя красавица, глазѣетъ въ окно.

— Господи! какая тоска,—восклицаетъ Ленора, обращаясь къ сестрѣ. — Чѣмъ только мѣстные жители утоляютъ свой голодъ? шутка сказать: въ 10 часовъ утра чай, въ 6 вечера обѣдъ, въ антрактѣ ничего! Мими! неужели твое сердце не бьется при воспоминаніи о тортахъ съ земляникой, что красуются въ окнѣ у кандитера? Эхъ, не попросила я Фридриха Уэстъ принести мнѣ такой тортъ!

— Этого еще не доставало,—съ неудовольствіемъ отвѣчаетъ ей сестра,—чтобы онъ бѣгалъ по городу съ тортами для тебя въ карманѣ.

— Мима! Мима—Quand on parle du soleil и пр.—вотъ онъ, Фридрихъ, да не одинъ, съ нимъ еще кто-то, высокій, да погляди же, ахъ—онъ уходитъ! (съ оттѣнкомъ досады).

Спустя минуту, въ комнатѣ появляется Фридрихъ, злополучный обожатель миссъ Леноры, молодой, бѣлокурый пасторъ, въ очкахъ и съ робкой улыбкой на губахъ.

— Кто это былъ съ вами?—безъ дальнѣйшихъ околичностей вопрошаетъ предметъ его страсти.

— Это! ахъ, это один мой пріятель, даже собственно говоря не пріятель, а просто школьный товарищъ — фамилія его Le-Mesurier.

— Отчего же вы его сюда не привели?

— Его-то! помилуйте, да онъ бы ни за что не пошелъ, я его звалъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ: нѣтъ, спасибо, и въ Англіи не знаешь куда дѣваться отъ женщинъ.

— Интересный жено-ненавистникъ!—вотъ была бы высокая задача привести его къ болѣе здравому образу мыслей.

— Наврядъ-ли бы онъ вамъ понравился, миссъ Ленора; я думаю, нѣтъ другого человѣка на свѣтѣ, который бы умѣлъ говорить такія непріятныя вещи такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ онъ.

— Часъ отъ часу не легче, да вы меня просто рѣшились съ ума свести. Я только и слышу, съ утра до вечера, отъ васъ

и вамъ подобныхъ, что я очаровательна, прелестна, и пр., а тутъ красивый мужчина, я увѣрена, что онъ хорошъ собой, говорящій непріятныя вещи, да еще равнодушнымъ тономъ вдобавокъ; нѣтъ, надо мнѣ на него взглянуть.

— Гдѣ-жъ вы его увидите?

— А гдѣ онъ остановился?

— Въ Hôtel de la Poste. Но какими судьбами...

— Не ваше дѣло. Хотите парі́ держать, что сегодня же я его увижу и буду говорить съ нимъ?

— Вы знаете, миссъ Ленора, что я парі́ не держу никогда.

— Ахъ да, я и забыла. Священное призваніе, вредный примѣръ для паствы,—смѣясь и дѣлая видъ, что застегиваетъ двубортный сюртукъ, проговорила молодая дѣвушка, и тотчасъ выбѣжала изъ комнаты.

— Stéphanie! Stéphanie!—раздался на лѣстницѣ ея звучный голосокъ.

Stéphanie — служанка-бретонка. Ленора затѣяла нарядиться въ платье Stéphanie, и черезъ нѣсколько минутъ, — облеченная въ полный костюмъ бретонской крестьянки, въ юбку съ широкими складками, въ высокій бѣлый чепецъ, изъ-подъ котораго едва виднѣются ея роскошные волосы, въ пунцовую косыночку, неузнаваемая и прелестная—она заглядываетъ въ дверь салона.

— Мима, узнаешь меня?—кричитъ она сестрѣ, и поспѣшно сбѣгаетъ съ лѣстницы во избѣжаніе замѣчаній, наставленій и прочихъ непріятностей.

Hôtel de la Poste переполненъ посѣтителями; появленіе Леноры поражаетъ удивленіемъ прислугу, по выговору ее тотчасъ признаютъ за англичанку, по манерамъ за лэди. На вопросъ ея: здѣсь ли m-r Le-Mesurier? ей отвѣчаютъ, что этотъ господинъ въ буфетѣ, куда ему приказано подать коньяку. Она проситъ позволенія отнести ему требуемое, и, вооружившись подносомъ, вся красная, съ бьющимся сердцемъ, отворяетъ дверь.

Огромная комната, съ покрытымъ столомъ по срединѣ, у окна, — спиной къ дверямъ, Фридрихъ; за столомъ, закрывшись газетой, изъ-за которой виднѣется только большая борода, другой господинъ. Ленора подходитъ къ нему, ставитъ подносъ на столъ, но руки ея дрожатъ, она задѣваетъ лежащую на столѣ ложку, которая со звономъ падаетъ на полъ. Рассерженный Le-Mesurier поднимаетъ голову, и тотчасъ же замѣчаетъ хорошенькое личико служанки.

— Marie, Julie, Manon,—кричитъ онъ вслѣдъ убѣгающей дѣвушки.

— Уэстъ, да помоги же, надо съ ней заговорить; если онѣ всѣ здѣсь такія, не мѣшаетъ нѣсколько штукъ отвезти въ Англію.

Бормоча эти несвязныя слова, Поль Le-Mesurier отворяетъ дверь изъ буфета, и видитъ передъ собой молоденькую служанку.

— Comment-vous appelez vous, ma chère?—спрашиваетъ онъ, беря ее за руку.

— Я англичанка,—отвѣчаетъ она на своемъ родномъ языкѣ, съ негодованіемъ вырывая руку изъ рукъ дерзкаго.

— Миссъ Ленора! да въ умѣ ли вы?—слышится испуганный шопотъ Уэста.

— Ну, что, выиграла пари?

— Уэстъ, въ чемъ тутъ дѣло, объясни, сдѣлай милость?—съ искреннимъ недоумѣніемъ вопрошаетъ Le-Mesurier.

— Объяснять тутъ нечего,—смѣло глядя ему въ глаза, заявляетъ Ленора:—я просто хотѣла васъ видѣть, не потому чтобы вы меня интересовали, а просто потому, что если я разъ что заберу въ голову, такъ непремѣнно поставлю на своемъ.

— Прекрасное житейское правило,—серьёзно замѣчаетъ Le-Mesurier, церемонно растворяя передъ ней дверь и отвѣшивая низкій поклонъ; но Ленора всѣмъ существомъ своимъ чувствуетъ что онъ сдерживаетъ улыбку. Ей стыдно и страшно за свою выходку.

Во всю дорогу она не разжимаетъ губъ; къ довершенію бѣды, красивый женоненавистникъ вовсе не красивъ, у него большой носъ, маленькіе глазки, непріятное выраженіе лица (такъ, по крайней мѣрѣ, кажется раздосадованной Ленорѣ), и она, со всегдашней своей откровенностью, дѣлится своими впечатлѣніями съ Уэстомъ, забѣжавшимъ къ ней вечеромъ того же дня.

— Ну, въ такомъ случаѣ приходится сознаться, что вы не питаете другъ къ другу особой симпатіи,—замѣчаетъ молодой пасторъ.

— А развѣ онъ говорилъ обо мнѣ?

— Да, онъ сказалъ, что... да лучше не спрашивайте.

— Это что за новости, начали, такъ кончайте, мнѣ какое дѣло до его мнѣнія!

— Если вы непремѣнно настаиваете, только смотрите—не разсердитесь: онъ сказалъ, что никогда бы не повѣрилъ, чтобы англійская лэди могла унизиться до такой выходки.

— Вотъ какъ—негодяй!

— Онъ прибавилъ, что съ вами можно, пожалуй, позабавиться, если кому охота, но что вы не въ его вкусѣ.

— Скажите, пожалуйста, какой же у него вкусъ послѣ этого! Да мнѣ все равно; ахъ, уродъ! Въ чемъ тутъ дѣло, Уэстъ? убила бы я его съ радостью. И Ленора, вся въ слезахъ, вылетѣла изъ комнаты, хлопнувъ за собой дверью.

На слѣдующій день Уэстъ приглашаетъ обѣихъ сестеръ и своего пріятеля прокатиться на лодкѣ и напиться чаю подъ открытымъ небомъ. Лодка оказывается мала, всѣмъ помѣститься невозможно; Ленора уговариваетъ Фридриха идти пѣшкомъ, Le-Mesurier предлагаетъ ему свое мѣсто, прибавляя для бóльшей убѣдительности, что его эта поѣздка вовсе не занимаетъ. Конечно, Ленора настаиваетъ на своемъ, Фридрихъ выходитъ изъ лодки, Ленора помѣщается на рулѣ, Le-Mesurier гребетъ, Джемима наслаждается природой. Сначала всѣ молчатъ, всѣ не въ духѣ; Ленора опустила правую руку въ воду и любуется бѣлизной своихъ пальцевъ; отъ ея рѣзкаго движенія лодка наклоняется на бокъ.

— Сидите смирно, миссъ Ленора, — сурово замѣчаетъ ея спутникъ.

Она въ отвѣтъ начинаетъ раскачивать лодку.

— Сидите смирно, а не то опрокинете эту скорлупку, и одна изъ васъ непремѣнно утонетъ, такъ какъ обѣихъ мнѣ не вытащить.

— Одна изъ насъ, которая?—При этомъ вопросѣ зловѣщій огонёкъ загорается въ ея чудныхъ глазахъ.

— Ленора, дитя, перестань,—въ ужасѣ вопіетъ Джемима.

Но Ленора ничему не внемлетъ, и продолжаетъ раскачивать лодку. Le-Mesurier, не говоря ни слова, причаливаетъ къ берегу и обращаясь къ Джемимѣ говоритъ:

— Такъ какъ, пока ваша сестрица въ лодкѣ, я за жизнь вашу не ручаюсь, то потрудитесь выдти. А теперь, миссъ Ленора, я къ вашимъ услугамъ, топите меня, даю вамъ carte blanche.

— Да мнѣ ужъ не хочется,—наивно замѣчаетъ она;—стóитъ мнѣ что-нибудь позволить, чтобы я тотчасъ утратила всякое желаніе воспользоваться даннымъ позволеніемъ.

Послѣ довольно продолжительнаго разговора, изъ котораго читатель усматриваетъ, что у этихъ людей нѣтъ двухъ одинаковыхъ мыслей, Поль и Ленора присоединяются къ своимъ спутникамъ. На берегу стараніями Уэста разложенъ огонь, но костеръ все гаснетъ.

— Мими, душа моя,—говоритъ Ленора сестрѣ,—ты бы набрала сучьевъ, а то ему вѣкъ не развести огня.

— Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ?—обращается къ ней Поль.

— Пожалуйста.

— Почему вы сами не идете за сучьями, а посылаете старшую сестру?

— Очень просто: я поставила себѣ за правило никогда не дѣлать сама для себя того, чтó могутъ сдѣлать для меня другіе.

— А!

— Я не придаю никакого значенія мелкимъ услугамъ, бѣготнѣ по чужимъ порученіямъ, собиранью сучьевъ, сидѣнью спиной къ лошадямъ въ экипажѣ,—все это я предоставляю другимъ. Я способна была бы на крупные подвиги, особенно еслибъ на меня смотрѣло нѣсколько тысячъ глазъ; я бы съумѣла, подобно m-me Roland, спокойно стоять на роковой телѣгѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ волосами, и улыбаться въ отвѣтъ на завыванія толпы санкюлотовъ.

— Вѣримъ, вѣримъ, да бѣда въ томъ, что въ наше время невозможно добиться чести умереть на гильотинѣ.

Въ подобныхъ разговорахъ проходитъ цѣлое утро; при возвращеніи, Ленора только-что хотѣла-было поставить ногу на перекладину лодки, какъ Поль удерживаетъ ее за руку и говоритъ:

— Прежде чѣмъ вы сядете, обѣщайте, что не будете качать лодку.

— Я никогда ничего не обѣщаю, я и ребенкомъ никогда не обѣщала быть умницей, знала, что не сдержу слова.

— Въ такомъ случаѣ вамъ ѣхать нельзя, я не хочу, чтобы вы пугали сестру вашу; я не шучу, миссъ Ленора, обѣщайте!

— И я не шучу, мистеръ Le-Mesurier, не могу я обѣщать; я не позволю постороннему человѣку командовать мной, я пойду пѣшкомъ!

— Полно упрямиться, Ленора,—восклицаетъ Джемима,—возьмите ее, m-r Le-Mesurier, ей съ дѣтства никогда не противорѣчили.

— Миссъ Ленора, сжальтесь надъ нами!

Но негодованіе Леноры такъ сильно, что всѣ ихъ возгласы остаются безъ отвѣта, и она по жарѣ идетъ въ Dinon пѣшкомъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ вышеописанной стычки, сестры Геррикъ, въ одно прекрасное послѣ-обѣда,—однѣ дома, всѣ остальные жильцы m-me Леру разбрелись кто-куда, а потому Джемима и Ленора могутъ совершенно свободно располагать салономъ. За

фортепіано помѣщается Фридрихъ, распѣвающій какую-то воинственную пѣснь,—онъ, какъ всѣ щедушные мужчины, охотникъ до бравурныхъ арій; у окна за своей всегдашней работой возсѣдаетъ Джемима, подлѣ нея Поль; Леноры нѣтъ въ комнатѣ, она сидитъ на лѣстницѣ, ведущей на крыльцо, и глядитъ на луну.

— Ленора,—кричитъ ей, спустя нѣсколько времени; сестра,—взойди въ комнату, дитя, становится сыро, роса падаетъ.

— Миссъ Леноры на крыльцѣ не обрѣтается,—спокойно замѣчаетъ Le-Mesurier.

— Куда-жъ она дѣвалась?

— Не знаю, встала и пошла.

— Боже, она такъ легко одѣта, долго ли простудиться. M-r Le-Mesurier, васъ она еще сколько-нибудь слушается, ради Бога, сходите за ней, верните ее.

— Съ величайшей готовностью.

Спокойно и медленно шагаетъ Le-Mesurier, съ сигарой въ зубахъ, по освѣщенной луной дорогѣ; добравшись до Place Du-Guesclin, онъ усматриваетъ на довольно значительномъ отъ себя разстояніи мелькающее бѣлое платье.

— Сестра ваша прислала меня просить васъ вернуться домой, роса вамъ вредна,—говоритъ онъ сухо, передавая свое порученіе съ точностью гонца временъ Гомера. Онъ подошелъ къ ней сзади, она не замѣтила его приближенія.

— Пусть сестра заботится о томъ, чтó до нея касается.

— Она вѣроятно считаетъ, что вы и ваше здоровье до нея касаетесь,—холодно отвѣчаетъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ-то до меня дѣла нѣтъ ровно никакого,—грубо возражаетъ она.

Онъ поворачивается и уходитъ, не говоря ни слова.

«Пусть ее простудится до смерти, бѣда не велика», бормочетъ онъ про себя, закуривая вторую сигару. Не прошелъ онъ и нѣсколькихъ ярдовъ, какъ слышитъ за собой шаги. Прелестное, озаренное луной, личико съ улыбкой глядитъ на него.

— Зачѣмъ вы уходите?—спрашиваетъ она тихимъ голосомъ, какъ-бы стыдясь своихъ словъ.

— Я не собаченка и не Фридрихъ Уэстъ.

— Я была невѣжлива. Да?

Отвѣта нѣтъ.

— Я вѣдь, кажется, часто бываю невѣжлива.

— Очень часто!—(съ удареніемъ).

— Ужъ это у меня такая манера.

— Очень дурная манера.

— Я не думаю,—почти смиренно замѣчаетъ она,—чтобы я одна была въ этомъ виновата. Отчасти и ихъ можно винить: Миму, Фридриха, мою другую сестру. Въ раннемъ дѣтствѣ я была очень больна, докторъ запретилъ мнѣ въ чемъ-либо противорѣчить, съ тѣхъ поръ я и избаловалась. Все мнѣ сходило съ рукъ, надъ моими грубостями только смѣялись; теперь я объ этомъ сожалѣю.

— И я также.

— Ну, довольно объ этомъ. Скажите: Фридрихъ все еще распѣваетъ?

— Я его оставилъ поющимъ.

— Такъ мы не пойдемъ домой, а сядемъ здѣсь на скамеечкѣ и потолкуемъ.

Они усѣлись на скамьѣ со спинкой, помѣщавшейся въ густой тѣни, падавшей отъ двойного ряда молодыхъ липъ, въ полномъ цвѣту. Огни, мелькающіе въ окнахъ Hôtel de la Poste, отражаются на ихъ платьѣ, на ихъ лицахъ.

— О чемъ вы думаете, миссъ Ленора?—спрашиваетъ Поль, съ любопытствомъ заглядывая ей въ лицо.

— Я думаю,—задумчиво отвѣчаетъ она,—о томъ: какой видъ представляетъ теперь, въ эту самую минуту, рѣка, по которой мы намедни катались съ вами?

— Не свести-ли васъ посмотрѣть на нее?—шутя спрашиваетъ онъ.

Она уже на ногахъ.

— Право? вы серьёзно говорите?—съ живостью спрашиваетъ она.—Ахъ, нѣтъ! я по глазамъ вижу, что вы только дразните меня.

— Я и не думалъ дразнить васъ,—просто отвѣчаетъ онъ.— Я сведу васъ съ удовольствіемъ, если вы этого желаете, но только— что скажетъ ваша сестра?

— Она скажетъ: Ленора, ты съ ума сошла. Она часто это говоритъ. Можетъ быть, я и точно сумасшедшая, мнѣ это иногда приходитъ въ голову..

— Но который-то часъ теперь, какъ вы думаете? Пожалуй, скоро пора спать ложиться?—спрашиваетъ онъ, вынимая часы и стараясь, но тщетно, разглядѣть что-либо въ темнотѣ.

— Спать!—нетерпѣливо восклицаетъ она. — Да мнѣ въ эту минуту кажется, что я никогда во всю свою жизнь не захочу спать.

— Ладно, идемъ.

Четверть часа спустя, бѣлое платье не отливаетъ болѣе своимъ серебристымъ блескомъ на скамьѣ подъ липами, оно сверкаетъ въ маленькой лодочкѣ на широкой, озаренной луною рѣкѣ. Лодочка еле-движется. Ленора сидитъ на рулѣ. Красный плащъ, принесенный ей Полемъ, скатился у нея съ плечъ, лунный свѣтъ играетъ на ея волосахъ, на ея серьёзномъ и прекрасномъ лицѣ, на ея дивныхъ глазахъ.

«А вѣдь человѣкъ, которому бы она нравилась, поди, находился бы теперь на седьмомъ небѣ»,—не безъ цинизма размышляетъ Поль. Но хотя она ему и не нравится, хотя она и не въ его вкусѣ—однако плоть немощна и въ зрѣлые годы, также какъ и въ юности, кровь кипитъ подъ вліяніемъ ночи, близости и красоты.

— Спѣть вамъ чтó-нибудь? — почти шопотомъ спрашиваетъ молодая дѣвушка.

— Сдѣлайте милость!

«Но чтó спѣть?» Она въ задумчивости склоняетъ голову на руки, но вскорѣ поднимаетъ ее, задорная улыбка озаряетъ ея прелестное личико.

— Вы вѣдь статскій?—неожиданно вопрошаетъ она.

— Да, теперь. А чтó?

— Ничего, только вы не имѣете права принимать мою пѣсенку на свой счетъ. Слушайте, я начинаю.

Весело разносится надъ водой пѣсенка Леноры:

«Ah! que j'aime les militaires», и пр.

поетъ она; но, спѣвши первый куплетъ, вдругъ останавливается.

— Нравится вамъ моя пѣсенка?

— Чрезвычайно.

— Значитъ, не нравится вовсе.

— Напротивъ, я всегда ею увлекался. Особенно мнѣ нравится строфа, въ которой вы выражаете намѣреніе споить всѣхъ вашихъ друзей,—иронически отвѣчаетъ онъ.

Она опускаетъ голову, пристыженная.

— Вашъ идеалъ, женщина, которая могла бы вамъ нравиться, не спѣла бы такой пѣсенки?

— Не думаю.

— Скажите мнѣ, вашъ идеалъ—живая женщина?

— Чтò вы хотите этимъ сказать?

— Когда вы говорите о своемъ идеалѣ, вы имѣете когонибудь въ виду, изъ вашихъ знакомыхъ?

Онъ слегка колеблется, даже какъ будто краснѣетъ.

— Ужъ если вы меня спрашиваете напрямикъ: да!

Дѣвушка теперь слегка отворачиваетъ отъ него свою красивую головку.

— Опишите мнѣ ее, хочется знать, какая она.

Молчаніе, продолжающееся нѣсколько минутъ. Потомъ Поль начинаетъ:

— Она вовсе не умна, скорѣй, пожалуй, простовата. Говоритъ мало, но прежде чѣмъ сказать чтó-нибудь—подумаетъ.

— Какая она должна быть несносная педантка!

— Она очень любящая...

— Ахъ,—презрительно прерываетъ его Ленора,—какая женщина не любящая? Это нашъ преобладающій недостатокъ. Но, скажите мнѣ, хороша она? Такъ-ли же хороша какъ... какъ я?—доканчиваетъ она со смѣхомъ и яркимъ румянцемъ.

Лѣнивыми каплями струится вода съ длинныхъ веселъ.

— А вы хороши собой?—спрашиваетъ онъ, безъ тѣни дерзости, но какъ-бы желая уяснить себѣ этотъ вопросъ, останавливая на ней долгій, пристальный взглядъ.—Да,—и тяжело переводя дыханіе,—пожалуй, что такъ.

Она смѣется, не безъ смущенія.

— Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о моей красотѣ, — она-то хороша?

— Не знаю.

— Опишите мнѣ ее, я мигомъ скажу вамъ: хороша она или нѣтъ.

— Она маленькаго роста, худенькая, можетъ быть, слишкомъ худенькая,—при послѣднихъ словахъ глаза его, съ невольнымъ восхищеніемъ останавливаются на роскошной фигурѣ его vis-à-vis.—Глаза ея...

— Блестятъ?

— О, нѣтъ, я ненавижу блестящіе глаза, у нихъ всегда какой-то металлическій взглядъ. Ея глаза смотрятъ на васъ словно сквозь туманъ; она блѣдна, блѣдна какъ лилія, — заканчиваетъ онъ, не пріискавъ другого, менѣе избитаго сравненія.

— Не знаю, извѣстно ли это вамъ, — закраснѣвшись замѣчаетъ молодая дѣвушка, — но вы описали особу, составляющую полнѣйшій контрастъ со мной.

— Неужели? Извините меня, я, право, въ умѣ не имѣлъ ничего подобнаго, я только исполнилъ ваше желаніе.

Нѣсколько времени ничего слышно кромѣ плеска веселъ. Водяныя феи, должно быть, ужинали нынче на рѣкѣ, и позабыли бѣлыя чаши водяныхъ лилій съ ихъ широкими зелеными листьями,

служившими, быть можетъ, тарелками прекраснымъ волшебницамъ.

— Перестаньте грести!—повелительно восклицаетъ Ленора.— Я хочу нарвать этихъ цвѣтовъ.

Онъ повинуется. Неподвижно стоятъ они посреди большихъ круглыхъ листьевъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Она своими сильными руками выдергиваетъ стебель за стеблемъ.

— На чтò вамъ они? — спрашиваетъ Le-Mesurier, невольно любуясь лѣнивой граціей ея откинувшейся назадъ фигуры.—Они совсѣмъ не хорошо пахнутъ въ водѣ. Чтò вы съ ними станете дѣлать?

— А вотъ увидите,—лаконически отвѣчаетъ она.

Она вытираетъ одинъ мокрый бутонъ платкомъ, и затѣмъ быстро и ловко продѣваетъ его стебелекъ въ свои роскошные волосы.

— Хорошо? — спрашиваетъ она полу-шопотомъ, глядя ему въ глаза съ сіяющей улыбкой.

Какъ все тихо кругомъ, ни единаго звука, все спитъ. Одна луна видитъ, какъ сверкаютъ его всегда холодные глаза. Не далѣе какъ сегодня утромъ онъ бы расхохотался, еслибъ ему сказали, что Ленора Геррикъ заставитъ сердце его биться такъ, какъ оно бьется въ эту минуту.

— А если я нахожу, что не хорошо, такъ и сказать?

— Такъ и скажите.

— Конечно, хорошо,—съ досадой говоритъ онъ,—и вы это знали прежде, чѣмъ спросили.

— Ну, такъ возьмите его, — продолжаетъ она съ тихимъ смѣхомъ, протягивая ему цвѣтокъ, — возьмите и сохраните на память о дѣвушкѣ, заставившей васъ, вопреки вашему желанію, покататься съ ней на лодкѣ въ десять часовъ вечера, о дѣвушкѣ, съ которой можно подурачиться благо кому охота, но которая не въ вашемъ вкусѣ.

— Чтò вы хотите этимъ сказать?—спрашиваетъ онъ, краснѣя.

— Не хотите, ну, такъ смотрите...

Съ этими словами она бросаетъ цвѣтокъ въ воду.

— Боже, какъ вы нетерпѣливы. Я хотѣлъ взять вашъ цвѣтокъ, я протянулъ за нимъ руку, я и теперь хочу его получить...

Поль схватываетъ одно изъ веселъ, и начинаетъ ловить уплывающій цвѣтокъ, руки его длинны, а самъ онъ упрямъ. Все дальше и дальше перегибается онъ черезъ бортъ лодки.

— Осторожнѣе, осторожнѣе!—кричитъ Ленора; но уже поздно,

лодка плыветъ дномъ кверху вслѣдъ за цвѣткомъ, а они оба барахтаются въ освѣщенной луною рѣкѣ.

«А вѣдь хорошо, что мы опрокинулись», думалъ Поль, полчаса спустя сидя въ Hôtel de la Poste, послѣ того, какъ сдалъ вытащенную имъ изъ воды Ленору сестрѣ и Уэсту, явившимся ее отыскивать. «Она все на свѣтѣ дѣлала, чтобы меня одурачить, и ей чуть-было это не удалось!»

II.

Со дня катастрофы прошла цѣлая недѣля. Ленора сохранила трогательное воспоминаніе о своемъ tête-à-tête съ Полемъ въ видѣ легкаго кашля, и купила себѣ новую шляпку еще болѣе кокетливую, чѣмъ та, которая погибла въ волнахъ. Поль, сидя въ своемъ отелѣ, только-что окончилъ письмо къ сестрѣ и собирается надписывать конвертъ, какъ дверь отворяется и Уэстъ входитъ въ комнату.

— Поль, я къ тебѣ съ просьбой.

— Все, чтó хочешь, душа моя, только денегъ у меня не проси, самому круто приходится.

— Кто говоритъ тебѣ о деньгахъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—да знаешь-ли что, душно здѣсь, пойдемъ-ка на воздухъ, тамъ и потолкуемъ.

Пріятели почти молча добрались до Place Du-Guesclin и сѣли на ту самую скамейку подъ липами, на которой помѣщались Поль и Ленора въ тотъ достопамятный вечеръ.

— Я скоро собираюсь ѣхать въ Англію.—Ты поймешь, что теперь мнѣ особенно тяжело уѣзжать отсюда,—съ удареніемъ на словѣ *теперь*, началъ Уэстъ, какъ только они усѣлись.

— Рѣшительно не понимаю, ничего.

— Мнѣ казалось, что всякому поверхностному наблюдателю ясно, что между мной и Ленорой...

— Ничего подобнаго не замѣчалъ.

— Какъ, Поль, неужели мое расположеніе, моя преданность...

— Другъ ты мой сердечный, кто про тебя говоритъ, всякому ясно, что ты влюбленъ въ нее; но ты употребилъ слово *между*, и это слово намекаетъ на ея расположеніе къ тебѣ, а это статья иная. Во всякомъ случаѣ, я-то тутъ причемъ?

— Я хотѣлъ просить тебя,—видишь-ли, всякій видитъ, что ты на нее имѣешь большое вліяніе, — такъ я хотѣлъ просить тебя

узнать, могу-ли я надѣяться?—словомъ, сдѣлать ей за меня предложеніе.

— Уэстъ! да ты никакъ совсѣмъ рехнулся? Она мнѣ слова сказать не дастъ, она меня прогонитъ, да и ничего другого ожидать отъ нея нельзя, съ какой-стати я тутъ впутаюсь. Какъ я начну, чѣмъ кончу?—Нѣтъ, и не проси, это невозможно, поговори съ ней самъ, а меня оставь въ покоѣ, прошу тебя.

Несмотря на столь благоразумное рѣшеніе, на другой же день, Поль, сжалившись надъ отчаяніемъ своего малодушнаго пріятеля, сдался на его мольбы. Тихо шелъ онъ самой дальней дорогой, брелъ понуря голову и желалъ одного: не застать Ленору дома. Но она дома. Еще издали завидѣлъ онъ, въ окнѣ салона, женщину въ свѣтло-голубомъ платьѣ, съ блестящими темными волосами. Это она. Она опирается своими бѣлыми руками на подоконникъ и торгуетъ вишни у торговки-бретонки, въ высокомъ бѣломъ чепцѣ.

— Combien?—кричитъ она, указывая пальцемъ на груду сочныхъ вишень.

— Quat'sous la livre,—раздается ей въ отвѣтъ.

Глаза дѣвушки перебѣгаютъ отъ одной корзинки къ другой, и останавливаются на Полѣ.

Въ одинъ мигъ она забываетъ о существованіи вишень на бѣломъ свѣтѣ.

— Можно къ вамъ?—спрашиваетъ Поль.

— Если вы увѣрены, что не заблудитесь,—смѣясь, отвѣчаетъ она.

— Сегодня долго сидѣть нельзя,—замѣчаетъ она, протягивая ему руку.—Сегодня среда, пріемный день m-me Леру. Фантазія же, право: принимать здѣсь, въ этомъ салонѣ. А я рада, что вы пришли, одной такая скука, я ужъ, отъ нечего дѣлать, возилась съ собаченкой нашей хозяйки. При этихъ словахъ она указала ему на бѣленькаго пуделя съ подвязанной правой лапкой:

— Служи! служи, Шарло! покажи свое искусство,—смѣясь, воскликнула молодая дѣвушка, опускаясь на колѣни передъ собакой.—Давича,—продолжала она,—я его нарядила въ очки m-me Леру: вы не повѣрите до чего онъ походилъ на Фридриха.

— Кстати, Фридрихъ завтра уѣзжаетъ домой, въ Англію.

— Что-жъ, онъ не придетъ проститься съ нами? или боится расчуствоваться?

— Онъ располагаетъ быть у васъ нынче послѣ обѣда.

— Надѣюсь, что онъ не расплачется, мнѣ въ такихъ слу-

чаяхъ всегда хочется смѣяться, а это не хорошо, какъ разъ сочтуть безчувственной.

— Вы и такъ особой чувствительностью не отличаетесь.

Она вскидываетъ на него глазами, чтобы убѣдиться, не шутитъ-ли онъ, но замѣтя, что онъ говоритъ серьёзно, спокойно и сдержанно, отвѣчаетъ ему:

— Что васъ заставляетъ такъ думать обо мнѣ?

— Ваши собственныя слова.

— Это насчетъ Фридриха-то? бѣдненькій! онъ очень услужливъ, но согласитесь, не падать же въ обморокъ изъ-за его отъѣзда.

— А для васъ было-бы очень полезно имѣть кого-нибудь, изъ-за кого-бы вы падали въ обморокъ.

Яркимъ румянцемъ загорѣлось лицо дѣвушки.

— Неужели? лепечетъ она.

— Вы не прогнѣваетесь, если я заговорю съ вами попросту?—спрашиваетъ Поль, ощущая нѣкоторое удовольствіе при мысли, что ему одному дано укрощать эту прекрасную грѣшницу, эту воплощенную бурю.—Вы одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя гораздо счастливѣе замужемъ, чѣмъ въ дѣвушкахъ.

— Право? (очень тихимъ голосомъ).

— Я надѣюсь,—продолжаетъ онъ, увлекаясь потокомъ собственнаго краснорѣчія,—что наружность не играетъ въ глазахъ вашихъ никакой роли, и что еслибъ васъ полюбилъ хорошій человѣкъ, хотя бы и не обладающій въ глазахъ свѣта особыми преимуществами, то вы не рѣшились-бы отнять у него всякую надежду, хотя подчасъ и подсмѣиваетесь надъ нимъ?

— Подсмѣиваюсь?—шепчетъ она, запинаясь:—что̀ вы хотите сказать?

— Объ этомъ мы говорить не станемъ. Что-жъ, подали-бы вы ему надежду?

Губы ея дрожатъ, но не издаютъ никакого звука.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, выслушаете его, когда онъ явится сегодня? со вздохомъ настаиваетъ Le-Mesurier.

— Выслушаю его? Кого?—спрашивала она, вся блѣдная, съ полнѣйшимъ изумленіемъ глядя на него.

— Какъ кого? да о комъ же мы толкуемъ цѣлый часъ,—разумѣется, Фридриха.

Наступаетъ томительное молчаніе. Ленора первая прерываетъ его.

— Итакъ,—говоритъ она глухимъ голосомъ,—вы были такъ

добры, что взяли на себя трудъ объясниться со мною въ любви за него?

Оба поднялись со своихъ мѣстъ и стоятъ другъ противъ друга. Трудно рѣшить, кто блѣднѣе, онъ или она.

— Скажите ему,—продолжаетъ она, страшнымъ усиліемъ воли совладавъ съ собою и произнося каждое слово съ особой отчетливостью,—что я ему совѣтую въ другой разъ самому говорить за себя!

Съ этими словами она указываетъ ему на дверь.

Поль, уже сойдя съ лѣстницы, замѣчаетъ, что забылъ шляпу. Волей-неволей—вернуться надо. Быстро входитъ онъ въ салонъ, и останавливается въ изумленіи: Ленора лежитъ на диванѣ, лицомъ въ подушки, и все ея тѣло подергивается отъ рыданій.

— Ленора! Ленора! что съ вами?—Я васъ разсердилъ—скажите: что случилось?

Она вскакиваетъ, ея дивные глаза полны слезъ, щеки разгорѣлись.

— Чтó вамъ еще нужно?—робко вскрикиваетъ она,—я васъ просила уйти.—Я васъ ненавижу; идите, идите, идите прочь!

Ему ничего болѣе не остается какъ повиноваться, и онъ уходитъ.

Послѣ вышеприведенной сцены, Ленора не въ силахъ выносить присутствія Le-Mesurier, она умоляетъ Джемиму какъ можно скорѣй покинуть Dinon, изъявляетъ желаніе ѣхать въ Guingomp, на праздникъ, именуемый Le Pardon. Въ Бретани до нашихъ дней сохранился обычай, въ силу котораго жители этой провинціи стекаются ежегодно въ различныя мѣстности, гдѣ имѣются какіе-либо священные предметы, мощи, образа и пр., на поклоненіе имъ, а также для полученія разрѣшенія грѣховъ, отсюда и самое названіе: Le Pardon [1]). Простой народъ въ Бретани, какъ извѣстно, невѣжественъ и суевѣренъ до крайности, а потому и немудрено, что даже въ наше время эти бѣдняки твердо вѣруютъ, что стóитъ имъ купить свѣчку побольше, да принять участіе въ религіозной процессіи, и всѣ грѣхи имъ отпустятся. На подобный праздникъ приглашаетъ Ленора сестру. Джемима, какъ и всегда, соглашается, хотя постичь не можетъ, чтó сталось съ ея баловницей.

Въ Gingomp наши путешественницы прибыли въ одинъ изъ тѣхъ знойныхъ дней, когда человѣку кажется, что самое тѣло его составляетъ невыносимое бремя. Hôtel de France, въ кото-

[1]) Pardon—отпущеніе, разрѣшеніе, прощеніе.

ромъ онѣ пріютились, переполненъ посѣтителями; появленіе двухъ женщинъ безъ прислуги и съ неособенно внушительнымъ багажомъ не произвело на содержателя отеля никакого впечатлѣнія; ихъ помѣстили въ маленькой комнаткѣ, въ четвертомъ этажѣ, гдѣ мы ихъ и застаемъ.

Ленора, въ небрежно накинутомъ на плечи пеньюарѣ, лежитъ на полу, Джемима высунулась изъ окна и старается увѣрить себя, что дышетъ воздухомъ.

Во дворъ отеля въѣзжаетъ омнибусъ, изъ него, въ числѣ прочихъ пассажировъ, выходитъ Le-Mesurier, и съ нимъ еще какой-то господинъ.

— Ленора! Ленора!—кричитъ Джемима сестрѣ,— мистеръ Le-Mesurier пріѣхалъ, и съ нимъ вѣрно его пріятель, ну, помнишь, тотъ, котораго онъ ждалъ въ Dinon. Ахъ, какой красавецъ! твой другъ просто уродъ передъ нимъ.

— Онъ и безъ того уродъ,—съ недовольнымъ видомъ отвѣчаетъ Ленора.

— Однако, пора одѣваться, скоро время обѣдать.

— Я не пойду за table d'hôte.

— Это отчего?

— Жарко, не хочу.

— Полно ребячиться, неужели ты не идешь изъ боязни встрѣтиться съ Le-Mesurier?

— А хоть бы изъ-за этого.

— Да скажи мнѣ, дитя, чтó онъ сдѣлалъ?

— До ста лѣтъ доживу, а тебѣ не скажу.

Нечего дѣлать—Джемима идетъ обѣдать безъ сестры. Вернувшись къ себѣ въ комнату, застаетъ Ленору совсѣмъ одѣтой и сидящей на окнѣ; первый вопросъ:

— Видѣла ты его?

— Издали, и не говорила съ нимъ ни слова; онъ, казалось, ни о чемъ не помышлялъ, кромѣ ѣды.

— Такъ онъ и не замѣтилъ моего отсутствія? (Эти слова сказаны печальнымъ тономъ).

— По крайней мѣрѣ, онъ не обнаружилъ особой грусти.

— Пойдемъ гулять, Мима.

Сестры выходятъ изъ дома, улицы переполнены народомъ, толпы крестьянъ и крестьянокъ стеклись сюда въ чаяніи отпущенія грѣховъ. Всѣ они разодѣты въ свои живописные національные костюмы. Церковь наполнена цвѣтами, залита огнемъ, передъ изображеніемъ Богоматери колѣнопреклоненная толпа;

мужчины, женщины, дѣти, всѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ возсылаютъ къ ней теплыя молитвы.

Молодой парень, съ рѣзкимъ и вмѣстѣ задумчивымъ лицомъ, съ падающими на лобъ прямыми волосами, съ искренней вѣрою прикладывается къ какой-то головѣ, отлитой изъ мѣди, носъ которой почернѣлъ отъ прикосновенія губъ многочисленныхъ богомольцевъ.

— А вѣдь это, пожалуй, хуже папской туфли!—раздается въ ушахъ Джемимы насмѣшливый голосъ.

Она оборачивается; передъ ней стоитъ Поль, а рядомъ съ нимъ—молодой, бѣлокурый господинъ, съ чисто-греческимъ профилемъ, не спускающій своихъ большихъ голубыхъ глазъ съ Леноры.

— Говорятъ, грѣшно знакомить людей въ церкви, тѣмъ не менѣе, миссъ Геррикъ, позвольте вамъ представить моего пріятеля Скрона.

Пока Джемима обмѣнивалась со своимъ новымъ знакомцемъ обычными стереотипными фразами, Поль приблизился къ Ленорѣ:

— Лучше ли вамъ теперь?—спрашиваетъ онъ.

— Да я совсѣмъ здорова, съ чего вы взяли, что я больна?

— Давича за обѣдомъ я видѣлъ вашу сестру, а васъ не видалъ.

— Я обѣдала въ своей комнатѣ.

— Миссъ Ленора, вы не сердитесь на меня?

— За что?

— Да за мое неудачное посольство.

— Я сочла это порядочной дерзостью съ вашей стороны.

— Дерзостью? да неужели вы думаете, что я охотно взялся за это порученіе? что я не сознавалъ всего неприличія моего поступка? Я всячески отговаривался, я, по крайней мѣрѣ, сто разъ отказывался.

— Жаль, что не отказались въ сто-первый,—нѣсколько смягченнымъ тономъ отзывается Ленора.

Разговаривая такимъ образомъ, они вышли изъ церкви, и пробираются сквозь густую толпу богомольцевъ.

— Какъ вы думаете,—спрашиваетъ Поль,—не нанять ли намъ окно, чтобы спокойно полюбоваться процессіей; я увѣренъ, что еще не поздно.

Густая толпа народа окружаетъ женщину, торгующую восковыми свѣчами, къ ней-то обращается Поль съ просьбой, сказать: гдѣ бы имъ нанять окно? Услужливая бретонка приводитъ молодую чету въ скромное жилище знакомой ей прачки, изъ окна

коего имъ, по ея словамъ, все будетъ видно, какъ на ладони, и оставляетъ ихъ вдвоемъ.

Ленора подтруниваетъ надъ идеей Поля выдать ее замужъ за Фридриха; они шутятъ, смѣются, но посреди пустого разговора сказывается невольная нѣжность: ясно, что эти люди не чужіе другъ другу.

Передъ ихъ глазами проходитъ, между тѣмъ, великолѣпная процессія: впереди идетъ толпа крестьянъ, съ разноцвѣтными фонарями въ рукахъ, за ними несутъ мощи какого-то святого; идетъ толпа молодыхъ дѣвушекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, группа матросовъ, въ бѣлыхъ блузахъ, съ красными кушаками; несутъ статую Мадонны, мѣдную голову съ почернѣлымъ носомъ; шествіе замыкаетъ толпа патеровъ въ роскошныхъ облаченіяхъ, высоко несущихъ изображеніе Распятаго, искусно сдѣланное изъ золота и слоновой кости, два епископа въ митрахъ и громадная толпа народа. У всѣхъ и каждаго въ рукахъ зажженная свѣча. Медленно движется шествіе, подъ звуки громкаго, но сладкозвучнаго религіознаго гимна.

Поль и Ленора, налюбовавшись до-сыта красивымъ зрѣлищемъ, долго бродятъ по темнымъ улицамъ городка, изрѣдка обмѣниваясь нѣсколькими словами, и уже позднимъ вечеромъ разстаются, по ея настоянію, такъ какъ Поль увѣряетъ, что имъ пріятнѣе сидѣть вмѣстѣ подъ покровомъ теплой лѣтней ночи, чѣмъ задыхаться порознь въ непривлядныхъ комнаткахъ душнаго отеля.

III.

Наши пріятели переселились въ Morlaiz. Ленора собирается прокатиться съ Полемъ въ Польготъ; Джемима находитъ короткость, существующую между сестрой и Полемъ, совершенно неприличной; въ самый разгаръ ихъ спора дверь отворяется и Поль, съ нѣсколько смущеннымъ видомъ, входитъ въ комнату.

— Вы готовы, миссъ Ленора?

— Разумѣется, ѣдемъ.

У дверей отеля стоитъ весьма неприглядная таратайка, въ которую молодые люди влѣзаютъ кое-какъ; послѣ многихъ, усиленныхъ возгласовъ со стороны возницы и частыхъ ударовъ бича, жалкія клячи, запряженныя въ этотъ элегантный экипажъ, наконецъ рѣшаются двинуться съ мѣста. День жаркій, на небѣ ни облачка. Молча катятъ наши путники по пыльной дорогѣ. Раз-

говоръ положительно не клеится. Оба нѣсколько оживаютъ при приближеніи къ цѣли своего странствованія.

— Вотъ и Польготъ!—первая вскрикиваетъ Ленора:—не знаю какъ вы, а я умираю съ голода.

— Да, не худо бы поѣсть.

Къ великому ихъ ужасу оказывается, однако, что въ блещущемъ чистотой Hôtel de Bretagne, куда ихъ доставилъ возница, имъ ничего не имѣютъ предложить кромѣ хлѣба, сыра, масла и одного цыпленка. Пока цыпленка жарятъ, наши молодые люди ни о чемъ не помышляютъ, кромѣ утоленія своего голода, но когда онъ наконецъ съѣденъ, они, нѣсколько успокоившись, ощущаютъ желаніе полюбоваться природой и идутъ гулять. Вдоволь находились они по горамъ и лѣсамъ, теперь можно и отдохнуть; по узенькой тропинкѣ спускаются они къ ручью, протекающему у подножія высокихъ скалъ. Ленора становится на колѣни, наклоняетъ свою красивую головку все ниже и ниже, и жадно пьетъ холодную, прозрачную какъ хрусталь воду. Поль растянулся на травѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

Кругомъ тишина.

На этотъ разъ онъ прерываетъ молчаніе.

— А грустно подумать,—неожиданно замѣчаетъ Поль,—что скоро придется разстаться.

— Какъ разстаться? Кому?

— Да намъ съ вами, вѣдь мы—друзья, не правда-ли? а послѣзавтра я уѣзжаю въ Англію; моя семья, никогда особенно моей особой не дорожившая, вдругъ догадалась, что жить безъ меня не можетъ.

Она отворачиваетъ отъ него голову, и устремляетъ взоръ на виднѣющіяся вдали горы.

— Итакъ, вы уѣзжаете?—почти шопотомъ спрашиваетъ она.—Что-жъ (съ натянутой улыбкой), если принять во вниманіе обстоятельства, при которыхъ возникло наше знакомство, мы вѣдь ладили съ вами, не правда-ли?

— Еще бы. Ленора, какъ вы думаете: съумѣли-ли бы мы на вѣкъ поладить другъ съ другомъ?

— Я думаю,—со смѣхомъ отвѣчаетъ она,—что мы бы частенько ссорились.

— Ленора!—серьёзно продолжаетъ Поль:—думая о своей будущей женѣ, я никогда не представляю ее себѣ въ образѣ такой женщины, какъ вы; мнѣ, собственно говоря, и вовсе-то бы жениться не слѣдовало, тѣмъ не менѣе, скажите по совѣсти: стоитъ-ли подвергаться лишеніямъ изъ-за меня?

Она не отвѣчаетъ ему словами, но раскрываетъ свои объятія, и глаза ея сверкаютъ сквозь радостныя слезы. Въ этихъ глазахъ онъ долженъ прочитать свой отвѣтъ.

— Увѣренъ ли ты,—спрашиваетъ Ленора, нѣсколько времени спустя, приподымая голову съ его плеча и улыбаясь сквозь слезы,—что на этотъ разъ ты для себя дѣлаешь мнѣ предложеніе?

— Совершенно увѣренъ.

— Поль! а вѣдь ты меня и не спросилъ: нравишься ли ты мнѣ? ты нашелъ, что и спрашивать не стоитъ, ты раньше зналъ, какой будетъ отвѣтъ, не правда-ли?

— Ничего я не зналъ...

— А вѣдь еслибъ ты меньше былъ во мнѣ увѣренъ, то во сто разъ больше цѣнилъ бы меня.

— Полно болтать пустяки,—тѣмъ съ бо́льшимъ неудовольствіемъ обрываетъ ее Поль, что чувствуетъ въ ея словахъ частицу правды.

— Поклянись, что ты сдѣлалъ мнѣ предложеніе не потому только, что замѣтилъ, какъ меня огорчило извѣстіе о твоемъ отъѣздѣ. Поклянись, что я нравлюсь тебѣ всегда, не тогда только, когда мы вмѣстѣ, но даже когда ты думаешь обо мнѣ?

— Ленора! если пошло на правду, каюсь—я бы не полюбилъ тебя, еслибы смогъ совладать со своимъ сердцемъ. Я чувствовалъ, я и теперь чувствую, что съ тобой житься будетъ не легко, я знаю, что буду ревновать и терзаться; но, несмотря на это, я не промѣняю тебя, моя радость, ни на какую самую добродѣтельную женщину въ мірѣ.

— Не промѣняешь,—прошептала она, опуская голову ему на плечо,—меня это радуетъ.

— Бѣдняжка! радоваться-то нечему.

— А вѣдь ты до сихъ поръ видѣлъ только мои хорошія стороны. Я—предурная, но я постараюсь исправиться. Завтра же начну работать надъ собой.

— Отчего-жъ не сегодня?

— Сегодня я слишкомъ счастлива, чтобы злиться и капризничать.

Опускаемъ подробное описаніе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ влюбленными вмѣстѣ передъ отъѣздомъ Поля въ Англію. Ленора сильно тоскуетъ при мысли о близкой разлукѣ, что́, однако, не мѣшаетъ ей замѣчать возрастающую симпатію, какую питаетъ къ ней красавецъ Скронъ; она даже выражаетъ, въ разговорѣ съ женихомъ, намѣреніе слегка пококетничать съ его пріятелемъ, что́, разумѣется, возбуждаетъ сильнѣйшее неудоволь-

ствіе въ сердцѣ несговорчиваго Поля; въ минуту разставанія, когда онъ провожаетъ невѣсту на пароходѣ (Ленора ѣдетъ изъ Сенъ-Мало, куда пріѣхала проводить своего друга, въ Dinon, съ сестрой и Скрономъ), Поль, имѣющій отплыть въ Соутгамптонъ часъ спустя, говоритъ ей на прощаніе:

— Да сохранитъ тебя Господь, моя радость; смотри же, не кокетничай съ Скрономъ!

Въ слѣдующей засимъ главѣ, авторъ переноситъ насъ въ Англію и приказываетъ совершенно позабыть іюнь съ его розами и теплыми ночами. Теперь зима, самая средина зимы—рождественскій сочельникъ, деревья обнажены, снѣгъ лежитъ на поляхъ; темнымъ вечеромъ вводитъ насъ миссъ Броутонъ въ обширную и уютную гостинную стариннаго загороднаго дома, принадлежащаго миссиссъ Праджерсъ, урожденной Геррикъ, молоденькой и хорошенькой вдовушкѣ. Сама хозяйка вся въ черномъ (супругъ ея, богатый старый негоціантъ, весьма недавно переселился въ вѣчность) дремлетъ въ низенькомъ креслѣ у камина; Джемима, сидя на корточкахъ на коврѣ, дочитываетъ какой-то, повидимому, сильно заинтересовавшій ее романъ; нѣсколько въ сторонѣ, за карточнымъ столомъ помѣщаются Ленора и Скронъ; они почти ежедневно сражаются въ безикъ, и теперь доигрываютъ вчерашнюю партію. Погода на дворѣ стоитъ ужаснѣйшая, дождь такъ и хлещетъ въ окна, вѣтеръ выводитъ свои заунывныя мелодіи.

— Который-то часъ?—съ озабоченнымъ видомъ спрашиваетъ Ленора:—должно быть поздно, чтó же это онъ не ѣдетъ?

— Теперь 10 минутъ восьмого,—отвѣчаетъ ей Джемима, взглянувъ на каминные часы,—но не забудь, что сегодня рождественскій сочельникъ, поѣзды всегда запаздываютъ въ этотъ день.

— Къ тому же,—съ злорадной улыбкой замѣчаетъ Скронъ,—въ такіе дни на желѣзныхъ дорогахъ все пьяно, а потому и столкновенія поѣздовъ—дѣло весьма обыкновенное.

Ленора вскакиваетъ съ мѣста, подбѣгаетъ къ окну и стоитъ, неподвижно глядя растерянными отъ страха глазами въ темную, мрачную ночь. Ея два племянника, Томми и Бобъ, избалованные и несносные мальчики, безнаказанно дерутся въ двухъ шагахъ отъ нея, она ихъ и не замѣчаетъ.

Всѣ ея мысли сосредоточены на одномъ предметѣ—на Полѣ, котораго она ждетъ сегодня. Стукъ колесъ выводитъ ее изъ задумчивости:

— Пріѣхалъ! пріѣхалъ!—кричитъ Ленора, и, съ сіяющимъ

отъ счастья лицомъ, какъ вихрь устремляется на встрѣчу своему другу.

Сильвія—такъ зовутъ хозяйку дома—просыпается отъ шумныхъ возгласовъ сестры, и, узнавъ въ чемъ дѣло, обнаруживаетъ нѣкоторое волненіе, охорашивается передъ зеркаломъ, принимаетъ небрежно-граціозную позу въ ожиданіи появленія родственника in spe. Миссиссъ Праджерсъ обладаетъ порядочной дозой тщеславія и самообольщенія; такъ, напр., она увѣрена, что Скронъ, котораго она по старому знакомству зоветъ Чарли, неравнодушенъ къ ней, тогда какъ онъ—живетъ и дышетъ одной Ленорой. И теперь, пока предметъ его страсти съ восторгомъ привѣтствуетъ своего Поля, Скронъ, съ мрачной улыбкой грѣя руки у камина, бормочетъ сквозь зубы:

— И чтò они тамъ дѣлаютъ? поди, обнимаются въ присутствіи лакеевъ,—удивительно прилично!

Дверь растворяется настежъ, и женихъ съ невѣстой входятъ въ гостинную: Ленора сіяетъ радостью, Поль сконфуженъ до нельзя. Сильвія кокетливо-любезно его привѣтствуетъ, Джемима встрѣчаетъ его какъ хорошаго знакомаго, Скронъ обращается съ нимъ совершенно свободно. Обмѣнявшись со всѣми присутствующими нѣсколькими стереотипными фразами, Поль замѣчаетъ открытый карточный столъ.

— Кто это тутъ забавлялся?—съ улыбкой, чтобы сказать что-нибудь, вопрошаетъ онъ.

Ленора дѣлаетъ видъ, что не слышитъ вопроса.

— Тётя Ленора и мистеръ Скронъ,—спѣшитъ объяснить услужливый Томми.

Поль молчитъ, нахмуря брови. За обѣдомъ, въ теченіи всего вечера, онъ слѣдитъ за Ленорой и Скрономъ, а на слѣдующій день, возвратясь изъ церкви и прогуливаясь съ невѣстой по роскошной оранжереѣ миссиссъ Праджерсъ, въ ожиданіи завтрака задаетъ ей прямой вопросъ:

— Помнишь-ли мои послѣднія слова, сказанныя на пароходѣ, въ Сенъ-Мало?—спрашиваетъ онъ.

— Не помню,—съ краской досады на лицѣ отвѣчаетъ Ленора,—это были глупыя, ненужныя слова.

— Не знаю, глупы они или нѣтъ, но врядъ ли они были излишни. Скажи мнѣ по совѣсти, я знаю, что ты лгать не станешь: кокетничала ты съ нимъ въ мое отсутствіе, или нѣтъ?

— Какъ честный человѣкъ: не знаю; суди самъ: мнѣ было съ нимъ скучно, я ему это показывала, отъ души желала, чтобы

онъ увлекся Мимой, и знала, что этому моему желанію никогда не исполниться. Кокетство это или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Онъ мнѣ оказывалъ маленькія услуги, исполнялъ мои порученія; но, вѣдь, пользоваться любезностью молодого человѣка не значитъ еще кокетничать съ нимъ?

— Нѣ-ѣтъ (съ запинкой).

— Ну, а видѣть, что человѣкъ увлекается вами, чувствовать себя польщенной его вниманіемъ, и не особенно стараться внушить ему антипатію, а напротивъ, нѣсколько поощрять его ухаживаніе, единственно потому, что не можешь жить безъ поклоненія—это значитъ кокетничать?

— Еще бы!

— Ну, такъ я съ нимъ кокетничала! — упавшимъ голосомъ проговорила Ленора, разражаясь цѣлымъ потокомъ слезъ.

Подобныя сцены происходятъ между ними на каждомъ шагу. Глазами Аргуса слѣдитъ Поль за своей невѣстой, Скронъ не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ чувствъ, и какъ-бы нарочно поддразниваетъ своего друга, открыто ухаживая за Ленорой. Въ первый день Рождества они всѣмъ обществомъ отправляются на обѣдъ къ сосѣдямъ, Скронъ ведетъ Ленору къ столу, любезничаетъ съ ней безъ зазрѣнія совѣсти; онъ желаетъ доказать ей, что жизнь съ человѣкомъ, обладающимъ такимъ несноснымъ, ревнивымъ характеромъ, какимъ судьба наградила Поля, будетъ для нея тяжкимъ бременемъ; она ничему не внемлетъ и жаждетъ одного—жить въ мирѣ съ любимымъ ею человѣкомъ; а это—день ото-дня становится труднѣе. Наконецъ, Ленора, видя, что пребываніе двухъ соперниковъ подъ одной крышей грозитъ неминуемой катастрофой, рѣшается объясниться со Скрономъ, умолять его уѣхать. Случай къ тому представляется очень скоро. Дня черезъ три по прибытіи Поля, Ленора, въ самомъ радужномъ расположеніи духа, сидитъ на пушистомъ коврѣ, передъ пылающимъ каминомъ, въ роскошномъ, пропитанномъ благоуханіемъ цвѣтовъ, розовомъ будуарѣ своей сестры Сильвіи.

— Есть ли дѣвушка на свѣтѣ счастливѣе меня?—весело спрашиваетъ она Джемиму, засѣдающую за письменнымъ столомъ въ той же комнатѣ.—Собой я красавица, мнѣ девятнадцать лѣтъ, сегодня я ѣду на балъ, гдѣ натанцуюсь всласть, а въ антрактахъ между танцами буду болтать съ милѣйшимъ человѣкомъ, которому очень дорога!

Едва договорила она послѣднее слово своей длинной тирады, какъ въ комнату входитъ Скронъ—съ словами:

— Восхищаюсь вашей скромностью.

— А вамъ кто позволилъ подслушивать?

— Да вѣдь новаго ничего не говорилось; чтó вамъ за охота, миссъ Ленора, жарить этотъ бѣдный цвѣтокъ (указывая на полузавядшую розу, воткнутую за поясъ ея зимняго платья)—отдайте мнѣ его.

— Ни за чтó.

— Какъ грозно, а я парí держу, что онъ мнѣ достанется.

— Не держите, проиграете. Смотрите сюда!—съ этими словами она растворяетъ окно, и выбрасываетъ цвѣтокъ на улицу.

— Скронъ молча выходитъ изъ комнаты, и, спустя нѣсколько минутъ, возвращается, держа въ рукѣ выпачканную въ грязи, мокрую розу (на дворѣ льетъ дождь).

— Какъ видите, предчувствіе меня не обмануло,—совершенно хладнокровно замѣчаетъ онъ, останавливаясь передъ ней съ вызывающимъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Отдайте, отдайте мой цвѣтокъ,—чуть не со слезами молитъ Ленора:—мнѣ его далъ Поль, онъ страшно разсердится, если увидитъ его у васъ въ рукахъ.

— Возьмите, — бросая цвѣтокъ ей на колѣни, говоритъ Скронъ.—Знай я это, я бы и не погнался за нимъ.

— Скажите: зачѣмъ вы всячески стараетесь насъ ссорить? Къ чему вы вѣчно и всегда становитесь между нами? Всякому ясно, что вы дурите; нѣтъ надежды, чтобы эта дурь прошла, а потому рѣшитесь, будьте благоразумны, уѣзжайте: прошу васъ!

— Съ какой стати вы меня гоните, не хочу, не могу я уѣхать! А одурѣлъ я не со вчерашняго дня, а съ первой нашей встрѣчи въ соборѣ въ Guingomp. Впрочемъ (послѣ минутнаго раздумья), вы правы, я поступаю не по-джентльменски, я это чувствую. Послушайте, Ленора, я согласенъ, я уѣду,—но съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Обѣщайте танцовать со мной нѣсколько разъ въ теченіи нынѣшняго вечера?

— Ничего не обѣщаю.

— Въ такомъ случаѣ, я остаюсь. Вы не хозяйка дома, и гнать меня не имѣете права.

— Что-жъ, оставайтесь, вы поступите по-рыцарски, такъ же точно, какъ и до сихъ поръ поступали.

— Ленора! отчего ваши колкости такъ невыносимы, тогда какъ въ ушахъ другихъ женщинъ они не имѣютъ и сотой доли того значенія, какое вы умѣете имъ придать? Извольте, я уѣду.

— Спасибо вамъ.

Молчаніе.

Затѣмъ Ленора подкрадывается къ Скрону, сидящему у стола, спиной къ ней, склонивъ голову на руки.

— А на балъ вы поѣдете?—спрашиваетъ она дружелюбнымъ тономъ.

— Нѣтъ, ужъ отъ этого удовольствія избавьте, пожалуйста.

— Вы должны ѣхать, ваше отсутствіе покажется страннымъ.

— Мнѣ-то какое дѣло?

— Поѣзжайте (заискивающимъ тономъ), и можетъ быть, если вы будете очень благоразумны, я протанцую съ вами кадриль!

— Не хочу.

— Ну вальсъ; желаете?

— Неужели? вы говорите серьёзно.

— Ленора! отпусти его, пусть ѣдетъ,—умоляющимъ голосомъ говоритъ изъ своего угла забытая спорившими Джемима;—а не то плохо будетъ, Полю это не понравится.

— Тебѣ-то что́ за дѣло? вѣчно суется, куда не спрашиваютъ, такъ вотъ тебѣ же на зло (съ сіяющей улыбкой обращаясь къ Скрону)—я протанцую съ вами четыре раза въ теченіи вечера: vogue la galère!

IV.

Сильвія и Джемима, разодѣтыя по бальному, Поль и Скронъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ собрались въ сѣняхъ въ ожиданіи Леноры, а ея все нѣтъ. Наконецъ, на верхней ступенькѣ широкой лѣстницы показывается прекрасное видѣніе, Ленора—въ чорномъ платьѣ, убранномъ гирляндами бѣлыхъ лилій. Она дивно хороша, всѣ присутствующіе не спускаютъ съ нея глазъ, но она, не обращая ни на кого изъ нихъ вниманія, прямо подходитъ къ Полю, и, показывая ему роскошный букетъ, который держитъ въ рукѣ, тихимъ, задушевнымъ тономъ говоритъ:

— Какъ ты милъ, что думалъ обо мнѣ; и какъ это ты выбралъ всѣ мои любимые цвѣты: фіалки, гіацинты, нарциссы. Я тебѣ когда-нибудь говорила, какіе цвѣты мнѣ больше другихъ нравятся, или ты самъ угадалъ мой вкусъ?

— Ленора,—съ досадой и смущеніемъ замѣчаетъ Поль,—это не я прислалъ тебѣ букетъ.

— Не ты? Ахъ, такъ я знаю кто, на этотъ разъ я не ошибаюсь,—продолжаетъ она, обращаясь къ Скрону, отвернувшемуся,

чтобы скрыть овладѣвшее имъ смущеніе, и дружески протягивая ему руку:—спасибо, что вспомнили обо мнѣ!

Это маленькое разочарованіе тяжкой болью отзывается въ сердцѣ дѣвушки.

Наши знакомцы пріѣзжаютъ на балъ поздно, зала уже полна танцующими. Балъ этотъ дается съ благотворительной цѣлью, а потому составъ публики смѣшанный. Ленора, сдѣлавши со своимъ избраннымъ нѣсколько туровъ вальса, съ грустью убѣждается, что Поль танцуетъ отвратительно, и, не желая повторенія столь неудавшагося опыта, увлекаетъ его за собой въ одну изъ галлерей, выходящихъ изъ бальной залы, и тамъ, сидя въ уголку, на уютномъ диванчикѣ, весело болтаетъ о томъ-о-семъ.

— Ленора, у меня къ тебѣ просьба.

— Надѣюсь, что небольшая.

— Ты ее сочтешь громадной.

— Въ чемъ же дѣло?

— Не танцуй сегодня ни съ кѣмъ, кромѣ меня.

Она молчитъ.

— Я знаю, что танцую отвратительно,—краснѣя, продолжаетъ Поль,—но зачѣмъ намъ танцовать; вѣдь намъ и такъ хорошо?

— Еще бы!—но все же она избѣгаетъ прямого отвѣта на его вопросъ.

— Поль! я тебя еще не спрашивала о твоемъ идеалѣ, видѣлъ ты ее за послѣднее время?

— Да.

— Кто она такая? Скронъ намедни болталъ что-то про какую-то хорошенькую твою кузину, ужъ не она ли?

— А хоть бы и она.

— Она носитъ волосы гладко зачесанными за уши?

— Она.

— То-то ты мнѣ все совѣтуешь перемѣнить прическу. А я увѣрена, что она пренесносная пуританка (при этихъ послѣднихъ словахъ глаза Леноры гнѣвно засверкали).

— Не понимаю, что тебѣ за охота такъ дурно отзываться о дѣвушкѣ, которой ты никогда не видала; и не вижу положительно, что̀ общаго между моей кузиной и твоимъ согласіемъ или несогласіемъ на мою просьбу.

— Разумѣется, я отказываюсь принести тебѣ эту жертву. Что̀ ты сдѣлалъ, чтобы заслужить ее? Вчера бранилъ меня деньденьской, всѣ замѣтили, что у меня глаза были красны, сегодня забылъ мнѣ привезти букетъ, а теперь еще воспѣваешь свою кузину. Я буду танцовать со всѣми моими старыми друзьями.

— Твоя добрая воля!—спокойно отвѣчаетъ Поль.

— Миссъ Ленора! раздается въ эту самую минуту голосъ Скрона,—вы не танцуете?

— А что тамъ играютъ? кадриль.

— Нѣтъ, вальсъ; угодно?

Ленора встаетъ, кладетъ свою руку на руку Скрона и медленно удаляется. Ленора не въ духѣ, ей досадно на всѣхъ, на себя, на Поля, на Скрона, но это настроеніе проходитъ благодаря новому пріятному впечатлѣнію. Скронъ танцуетъ въ совершенствѣ.

Быстро и ровно скользятъ они по гладкому паркету, подъ веселые звуки прекраснаго бальнаго оркестра. Ленора страстно любитъ танцы. Звуки музыки, быстрота движенія, напоминающаго полетъ ласточки, производятъ на нее опьяняющее дѣйствіе. Ленора все забыла, свой гнѣвъ, Поля, всѣ чувства слились въ одномъ ощущеніи—въ ощущеніи чувственнаго удовольствія.

Нѣсколько разъ танцуютъ они вмѣстѣ; за вальсомъ слѣдуетъ галопъ, за галопомъ опять вальсъ; Скронъ на седьмомъ небѣ, а Ленора хотя и обрываетъ его безпощадно, когда онъ позволяетъ себѣ говорить о своихъ чувствахъ, относится однако къ нему благосклоннѣе прежняго. Уже къ самому концу бала, она розыскиваетъ Сильвію. Поль ее ждетъ, сидя возлѣ миссисъ Праджерсъ.

— Могу я говорить съ вами?—спрашиваетъ онъ самымъ оффиціальнымъ тономъ.

Она молча кладетъ свою руку на его руку и они удаляются.

— Скажи, пожалуйста, Ленора, что заставляетъ тебя такъ любезничать сегодня съ Скрономъ?

— Я этимъ путемъ достигаю двухъ результатовъ: танцую съ человѣкомъ,—который вальсируетъ въ совершенствѣ, и возбуждаю твою ревность.

— Я не оспариваю твоего перваго положенія,—холоднѣе чѣмъ когда-либо продолжаетъ Поль,—и совершенно согласенъ со вторымъ. Я ревнивъ, я сознаюсь, что мнѣ непріятно видѣть мою будущую жену танцующею съ человѣкомъ, открыто ухаживающимъ за ней. Словомъ,—я не желаю, чтобы ты танцовала съ нимъ.

— Очень жаль,—возражаетъ Ленора, уши которой не выносятъ повелительнаго наклоненія,—такъ какъ я намѣрена танцовать съ нимъ еще раза два, если не больше.

— Послѣ только-что выраженнаго мною желанія?

— Положительно, я не привыкла измѣнять своему слову, а

я обѣщала ему протанцовать съ нимъ сегодня четыре раза, подъ условіемъ, что онъ завтра уѣдетъ. И четыре раза я съ нимъ протанцую.

— Ты обѣщала ему?—повторяетъ Поль,—ты торговалась съ нимъ; да какое тебѣ дѣло: тутъ онъ или нѣтъ?

— А вотъ какое,—отвѣчаетъ она, съ дрожащими отъ гнѣва губами:—я питаю большое расположеніе къ тебѣ, и значительно меньшее къ нему, и не желаю дожить до той минуты, когда вы другъ друга столкнете съ лѣстницы, что̀ составляетъ не болѣе какъ вопросъ времени, пока вы находитесь подъ одной крышей.

— Ленора! ты съ ума сошла, какъ ты смѣешь говорить мнѣ въ глаза, что питаешь къ нему расположеніе?

— Какъ я смѣю!—повторяетъ она смѣло, встрѣчая его горящій взглядъ: ну, да, смѣю, отчего же мнѣ и не смѣть въ этомъ сознаться. Онъ хорошъ собой — я люблю красоту; онъ поклоняется мнѣ, а для меня поклоненіе — хлѣбъ насущный, онъ не видитъ моихъ недостатковъ, а я ненавижу, чтобы меня вѣчно критиковали.

— Понимаю,—замѣчаетъ Поль выпуская ея руку, которую крѣпко сжималъ въ своихъ рукахъ, понимаю. Ты не можешь живѣе меня—сознавать до какой степени мы другъ къ другу не подходящи. Я это чувствовалъ съ первой минуты. Но зачѣмъ же, Ленора, если вся твоя цѣль состояла въ томъ, чтобы мучить меня, зачѣмъ ты не оставила меня въ покоѣ? зачѣмъ заставила полюбить себя?

— Зачѣмъ не оставила тебя въ покоѣ? что̀ ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что до встрѣчи съ тобой я ненавидѣлъ женское общество, я не понималъ женщинъ, я оставлялъ ихъ въ покоѣ и онѣ меня также, пока ты—движимая единственно, какъ я теперь вижу, желаніемъ удовлетворить свое тщеславіе, не заставила меня полюбить тебя, вопреки моему желанію, вопреки моему разсудку.

Она сидитъ молча, опустя голову, голосъ ей не повинуется.

— Съ нимъ мы были друзья,—съ горечью продолжаетъ Поль, а теперь я его ненавижу, также какъ и онъ меня. Все это — дѣло рукъ твоихъ.

— Ты кончилъ?—задыхающимся отъ волненія голосомъ спрашиваетъ она, устремляя на него сверкающіе гнѣвомъ глаза. Ты достаточно оскорбилъ меня?

— Я тебя не оскорблялъ. Лгать я не умѣю, любовь моя не слѣпа, я вижу, что ты во многихъ отношеніяхъ не то, чѣмъ бы я желалъ, чтобы ты была; а если, выражая эту мысль, я оскорбляю тебя, то могу сказать одно: лучше бы намъ никогда не встрѣчаться.

Эти слова какъ ножомъ рѣзанули ее по сердцу.

— Я совершенно съ вами согласна,— спокойно отвѣчаетъ она;—будьте такъ добры: проводите меня къ сестрѣ.

Молча подаетъ онъ ей руку, душа его полна смятенія; если онъ женится на ней, онъ будетъ несчастливъ, но эта женщина хороша какъ лѣтняя лунная ночь, и отказаться отъ нея безъ борьбы онъ не въ силахъ.

Молча отворяетъ онъ дверь одной изъ пустыхъ гостиныхъ, пропускаетъ ее впередъ, самъ входитъ за нею и затворяетъ дверь. Они одни, совсѣмъ одни, словно на пустынномъ островѣ.

— Ленора,—молитъ онъ,—постараемся понять другъ друга. Если это не болѣе какъ глупая ссора, ради самого неба—примиримся! Если это слѣдствіе твоего желанія узнать: чтó я въ состояніи вынести,—скажу откровенно: болѣе я ничего выносить не намѣренъ.—Ленора! неужели я неблагоразуменъ? Я люблю тихую, мирную жизнь, я хочу имѣть возможность всецѣло довѣрять моей женѣ, вѣрить въ нее, какъ я вѣрю въ Бога. Скажи мнѣ: думала ли ты все то, чтó сейчасъ говорила, или только сердилась? Подумай, прежде чѣмъ отвѣтишь мнѣ. Обѣ наши жизни—зависятъ отъ твоего отвѣта.

Она смотритъ на него. Лицо его сурово, рѣшительно, гнѣвно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣжно, еще одна секунда—и она, рыдая, падетъ къ нему на грудь; но въ эту минуту колебанія ей припоминаются его слова: ты заставила меня полюбить тебя! Кончено, злой геній торжествуетъ.

— Я думала все, чтó говорила,—отвѣчаетъ она, я не могу не цѣнить общество человѣка, сразу полюбившаго меня.

— Прекрасно,—холодно отвѣчаетъ онъ,—только теперь, Ленора, выбирай между мной и нимъ. Можетъ быть, онъ гораздо больше къ тебѣ подходитъ чѣмъ я, но мнѣ нужно все или ничего. Пока ты моя невѣста, я запрещаю тебѣ танцовать съ нимъ.

— А я не позволю повелѣвать мной, — восклицаетъ она, разсерженная сознаніемъ своей неправоты, убѣжденіемъ, что онъ готовъ отказаться отъ нея, сознаніемъ, что разрывъ съ нею не разобьетъ его сердца, не причинитъ ему даже особыхъ страданій.—Я не позволю помыкать мной какъ собакой; если вамъ нужна раба, ступайте къ своей кузинѣ, а я хотя и *заставила* васъ полюбить меня, но жениться на мнѣ не *заставлю*.

Молча, весь блѣдный, стоитъ онъ передъ ней; съ трудомъ совладавъ съ собою, говоритъ съ горькой улыбкой:

— Вы дали мнѣ урокъ, который я не скоро забуду; теперь я вижу, до какой крайности мое тщеславіе обмануло меня. Ленора! смѣйтесь надо мной, но мнѣ право иногда казалось, что хотя я и искренно любилъ васъ, но вы любили меня еще сильнѣе. Вы меня разувѣрили. Никого, кромѣ себя и своей воли, вы не любите и любить не можете. Я разстаюсь съ вами навѣки.

Съ этими словами онъ уходитъ.

Она сидитъ неподвижно, уставя глаза на дверь, въ которую онъ вышелъ, зубы ея безсознательно повторяютъ: «я разстаюсь съ вами навѣки, навѣки».

Шорохъ въ дверяхъ—передъ ней стоитъ Скронъ:

— Вотъ вы гдѣ, а я-то вездѣ васъ отыскиваю. Господи! Чтó такое случилось!

— Да ничего особеннаго, только я такъ, здорово-живешь, зарѣзала сама себя.

— Чтó это значитъ?

— Поль ушелъ, онъ разстался со мной навѣки. Не смѣйте радоваться! я васъ убью. Ну, что-жъ, желаніе ваше исполнилось, вы насъ разлучили, надѣюсь, что вы довольны?

— Неужели вы опять ссорились изъ-за меня? Да это какое-нибудь пустое недоразумѣніе; но такъ какъ я тутъ замѣшанъ, то я же васъ и примирю, сейчасъ же отыщу его и приведу сюда.

— Нѣтъ, все кончено.

Спустя нѣсколько минутъ Скронъ возвращается—одинъ.

— Не могъ отыскать его, но ради Бога, не горюйте, все обойдется!

— Ничего не обойдется,—восклицаетъ она, съ судорожными рыданіями пряча голову въ подушки дивана.—О, Поль, Поль!

Зрѣлище ея горя выводитъ его изъ себя. Онъ опускается на колѣни у дивана, покрываетъ ея свѣсившуюся ручку горячими поцѣлуями.

Она вскакиваетъ какъ ужаленная.

— Какъ вы смѣете!—кричитъ она, вырывая у него руку,—я всегда буду ненавидѣть мою руку за то, что вы ее цѣловали, вамъ я обязана всѣмъ этимъ. Еслибъ я не знала по опыту, какъ безполезны мои просьбы, я бы попросила васъ избавить меня отъ вашего присутствія.

Онъ встаетъ на ноги, судорога искажаетъ его прекрасное, гнѣвное лицо.

— Не бойтесь, я уѣзжаю съ первымъ отходящимъ поѣздомъ въ Лондонъ, я уже послалъ къ миссиссъ Праджерсъ за своими вещами.

— Слава Богу! прошу у васъ одной милости: не кажитесь мнѣ больше никогда на глаза.

Онъ кланяется.

— Обѣщаю, что вы увидите меня только въ такомъ случаѣ, если сами пошлете за мной.

Она презрительно смѣется.

— Долгонько же вамъ ждать придется.

— Ленора! Когда-нибудь да васъ убьютъ же—и по-дѣломъ. Прощайте!

V.

На слѣдующій день, за раннимъ завтракомъ, Сильвія получаетъ двѣ записки: одну отъ Скрона, другую отъ Поля; оба благодарятъ ее за гостепріимство, и ни тотъ, ни другой не объясняютъ мотивовъ своего отъѣзда.

— Мистеръ Le-Mesurier ничего не оставилъ, кромѣ этой записочки?—спрашиваетъ хозяйка дома у лакея, вручавшаго ей посланіе Поля.

— Никакъ нѣтъ-съ, было еще письмо къ миссъ Ленорѣ...

— Мима! а вѣдь Ленора навѣрное поссорилась со своимъ женихомъ; чтó она нейдетъ, пойдемъ, посмотримъ, чтó она дѣлаетъ?

Обѣ сестры отправляются на рекогносцировку. Дверь комнаты Леноры заперта изнутри, Джемима заглядываетъ черезъ замочную скважину.

— Сильвія, а вѣдь она лежитъ въ растяжку на коврѣ, у камина.

— Господи! ужъ не порѣшила ли она съ собой!

— Что за пустяки! Ленора, Ленора, отвори!

Разомъ распахивается дверь, и Ленора, съ опухшими отъ слезъ глазами и разсыпавшимися по плечамъ неубранными волосами, предстаетъ предъ любопытные взоры обѣихъ сестеръ.

— Чтó это за шумъ? чтó вамъ нужно?

— Ничего особеннаго, душа моя,—робкимъ голосомъ начинаетъ Сильвія.—Но Джемима, съ перваго взгляда уразумѣвшая, что съ ея баловницей происходитъ нѣчто необычайное, выпроваживаетъ изъ ея комнаты миссиссъ Праджерсъ, и, оставшись наединѣ съ Ленорой, ласково спрашиваетъ ее:

— Чтó случилось?

— Ничего, только... онъ разстался со мной навѣки.

— Да изъ-за чего-же, Боже мой?

— Не сошлись во мнѣніяхъ относительно м-ра Скрона. Мима, знаешь ли! въ первую минуту, когда я получила эту записку (указывая головой на распечатанное письмо, лежащее на туалетѣ), когда я поняла, что нѣтъ никакой надежды, мнѣ кажется, я сошла съ ума, минутъ на пять, не болѣе, но право сошла. Когда я опомнилась—я лежала на полу и билась головой объ стѣну, не правда-ли—умно? Мнѣ кажется, будь у меня въ эту минуту подъ рукой что-нибудь, чѣмъ бы я могла себя убить, я бы тотчасъ переселилась въ Елисейскія, но вѣдь, при всемъ желаніи, невозможно извести себя кускомъ мыла, или ручнымъ зеркальцемъ.

— Могу я прочесть его письмо?

— Читай, оно вовсе не такъ нѣжно, чтобы его совѣстно было показать.

— Знаешь, Ленора, чтеніе этого лаконическаго посланія нѣсколько успокоило меня, онъ очевидно сердится, а пока человѣкъ сердится—еще ничто не потеряно. На твоемъ мѣстѣ я бы написала ему.

— Какъ, писать! виниться передъ нимъ, говорить, какъ ребенокъ, котораго высѣкли: простите, не буду! ни за что.

— Твое дѣло; по-моему, вопросъ сводится къ тому, какъ тебѣ легче жить: съ сохраненіемъ собственнаго достоинства и безъ Поля, или наоборотъ.

— Мима! (очень тихо, пряча расплаканное личико въ складки сестринаго платья) никому не говори, и мнѣ не напоминай о томъ, чтó я сейчасъ скажу, когда мы съ тобой будемъ ссориться, но (упавшимъ голосомъ)—*я готова вынести всевозможныя униженія, лишь бы вернуть его!*

— Въ такомъ случаѣ, садись и пиши. Да, онъ очевидно былъ крайне возбужденъ, когда строчилъ свое посланіе, мнѣ кажется даже, что онъ обливалъ его слезами; погляди, какое тутъ подозрительное пятно?

— Какой вздоръ, уже смѣясь—отвѣчаетъ Ленора и садится къ письменному столу.

Долго пишетъ она, нѣсколько разъ рветъ исписанные листы и бросаетъ ихъ въ каминъ; наконецъ письмо готово.

— Мима,—говоритъ Ленора сестрѣ, заклеивая конвертъ,—не знаю, чтó я тутъ такое нагородила, но помни: я дѣйствовала по

твоему наущенію, на твою душу ляжетъ отвѣтственность въ случаѣ неудачи.

Проходитъ день, другой, третій; Ленора не выходитъ изъ своей комнаты, по цѣлымъ часамъ сидитъ полу-одѣтая на окнѣ, устремивъ вдаль неподвижный взоръ.

На четвертый день, Джемима, раннимъ утромъ, просыпается отъ шороха у дверей своей спальни.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ она.

— Я! — раздается въ отвѣтъ голосъ Леноры: — иду узнать, умеръ ли почтальонъ, или нѣтъ?

— Но, вѣдь, еще рано...

Шаги Леноры уже замерли въ отдаленіи, прежде чѣмъ сестра ея докончила свою фразу.

Спустя нѣсколько времени опять шумъ, кто-то бѣжитъ по корридору. Джемима, на-скоро одѣвшись, пріотворяетъ свою дверь и видитъ высокую фигуру, въ сѣромъ капотѣ, стремглавъ несущуюся по направленію къ комнатѣ Леноры; она бѣжитъ за ней, и находитъ сестру полулежащей въ креслѣ, съ лицомъ, судорожно закрытымъ руками.

— Ленора! что съ тобой?

— Это ты, все ты виновата, посмотри—письмо на шести листахъ, написанное твердымъ, четкимъ почеркомъ; надъ этимъ письмомъ онъ наврядъ ли плакалъ, какъ ты думаешь? и въ этомъ письмѣ—изящно выраженный отказъ! Да, да, не гляди на меня съ такимъ изумленіемъ: *отказъ!* Господи, какой позоръ! Нѣтъ, это не со мной происходитъ, а съ кѣмъ-нибудь другимъ; нѣтъ, со мной, со мной, которая всегда такъ высоко голову носила!

Молчаніе.

Ленора первая прерываетъ его:

— Мима, ради самого Бога, говори всѣмъ, что я эти три дня прохворала. Подумать только, что я, я, три дня томилась и страдала отъ любви. Фи! А теперь поди, мнѣ надо остаться одной.

Въ тотъ же самый день Ленора, изящно одѣтая, спокойная, почти веселая, появляется въ гостинной, къ величайшему изумленію сестеръ. Джемима сначала думаетъ, что черезъ день-другой она опять затоскуетъ, но ея предчувствіе ее обманываетъ: Ленора по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляетъ, катается, выѣзжаетъ, читаетъ, работаетъ, даже (о, чудо) играетъ съ племянниками; вся перемѣна противъ прежняго заключается въ томъ, что она меньше сидитъ въ своей комнатѣ, старается постоянно быть въ обществѣ.

Въ первый же день послѣ ея выздоровленія, Джемима видитъ на столѣ въ залѣ письмо, написанное рукой Леноры, и адрессованное на имя Скрона, а черезъ два дня этотъ молодой человѣкъ, нежданно, негаданно, собственной особой, является передъ Сильвіей и Джемимой; замѣтя, что онъ послѣ первыхъ привѣтствій безпокойно оглядывается, наблюдательная Джемима спокойно заявляетъ:

— Если вы ищете Ленору,—она въ библіотекѣ, я сейчасъ позову ее.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, я самъ туда пойду.

Послѣдуемъ за нимъ и постараемся дать читателю ясное понятіе объ этой сценѣ, одной изъ самыхъ характерныхъ во всемъ романѣ. Личность Леноры, составляющая главный предметъ нашего анализа, ярко и рельефно обрисована въ ней.

Ленора стоитъ у открытаго окна, прислонясь головой къ рамѣ; Скронъ прямо подходитъ къ ней, и, даже не здороваясь, говоритъ:

— Вы послали за мной, и я явился.

Она слегка улыбается и киваетъ головой.

— Я знала, что вы пріѣдете.

— Меня ваше письмо не застало въ Лондонѣ, я былъ въ Ирландіи, я сейчасъ же выѣхалъ, какъ только получилъ его. Чтó вамъ отъ меня нужно? говорите скорѣй!

Она молчитъ, глядя въ окно.

— При нашемъ послѣднемъ свиданіи я наговорила вамъ много непріятнаго; ну, такъ вотъ: я послала за вами, чтобы извиниться, сказать, что мнѣ очень жаль, что такъ случилось.

— Чтó! вы меня выписывали, чтобы снова посмѣяться надо мной; нѣтъ, благодарю покорно, мнѣ ужъ надоѣла роль вашей жертвы, предоставляю ее другимъ.

Съ этими словами онъ направляется къ двери, его глаза сверкаютъ, грудь тяжело вздымается отъ гнѣва и негодованія.

— Постойте,—кричитъ она, быстро вставая съ мѣста и заслоняя собою дверь:—садитесь и говорите тише, я не желаю, чтобы насъ подслушали. Была другая причина, по которой я послала за вами, но только... мнѣ стыдно сказать вамъ ее.

— Какая же это причина.

Огнемъ загараются ея щеки.

— Я послала за вами, чтобы попросить васъ жениться на мнѣ.

При послѣднихъ словахъ она поднимаетъ глаза и пристально смотритъ ему въ лицо. Наступаетъ глубокое молчаніе. Онъ прислонился къ стѣнѣ и глядитъ на нее широко-раскрытыми, изумленными глазами.

— Я не имѣю никакого основанія предполагать, чтобы вы желали на мнѣ жениться,—вы этого желанія никогда не выражали, тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, можетъ, я и ошибаюсь?

— А Le-Mesurier?—наконецъ спрашиваетъ Скронъ грубымъ, измѣнившимся голосомъ, чувствуя, что у него дрожатъ колѣни.

— Къ чему вы о немъ говорите. Онъ уѣхалъ, все кончено, вы это знаете.

— И вы не... не... не огорчены?

— Огорчена! о, нѣтъ, я ничѣмъ не огорчаюсь.

Онъ по прежнему смотритъ на нее растеряннымъ взглядомъ, точно не сознавая, на яву все это происходитъ или во снѣ?

— Ну, что-жъ,—продолжаетъ она съ холодной, насмѣшливой, но милой улыбкой,—вы мнѣ не отвѣчаете? Какъ это жестоко—заставлять меня томиться ожиданіемъ! Хотите вы или нѣтъ жениться на мнѣ?

— Спросите лучше, хочу ли я попасть въ рай?—страстно восклицаетъ молодой человѣкъ, пробуждаясь, наконецъ, изъ своего забытья и окружая ее своими сильными объятіями.

Она вздрагиваетъ и вырывается отъ него.

— Теперь еще не время нѣжничать,—холодно замѣчаетъ она.

— Такъ вы опять меня дурачили?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я говорю серьёзно. Я желаю, чтобы вы на мнѣ женились.

— Ленора! повернитесь къ свѣту: я хочу видѣть ваши глаза. Словамъ вашимъ я не вѣрю. Господи, когда я подумаю, что не прошло недѣли съ того времени, какъ вы стояли здѣсь съ нимъ, и такъ нѣжно глядѣли на него, а я отъ васъ ничего не видалъ, кромѣ насмѣшекъ и дерзостей, я не могу, не могу вѣрить вашимъ словамъ!

Она не отвѣчаетъ, ей трудно говорить. Молча стоитъ она, со сжатыми губами, какъ человѣкъ, твердо рѣшившійся не плакать.

— Когда я вспомню,—горячо продолжаетъ молодой человѣкъ,—какъ вы ему улыбались, я не въ силахъ повѣрить, чтобы такая любовь могла исчезнуть. Куда-жъ она дѣвалась? Развѣ любовь исчезаетъ подобно утреннему туману?

— Молчите! Если я когда и любила его—это наше съ нимъ дѣло. Теперь—все прошло, все умерло, а мертвыхъ можно только похоронить и забыть! Это моя, а не ваша, старая исторія, а у меня память коротка, я почти все забыла.

— А если онъ вернется?

— Никогда! съ нимъ кончено, а вы, чѣмъ говорить о немъ,

помогите мнѣ лучше забыть его. Онъ только любилъ меня, когда я была умной дѣвочкой, а вы знаете, какъ рѣдко это со мной случается! Мнѣ казалось, что вы меня будете любить, какая бы я ни была, оттого-то я и послала за вами.

— И вамъ... вамъ не противна мысль стать моей женой; я вамъ хоть сколько-нибудь да нравлюсь?

— Разумѣется, вы молоды, красивы, хорошая партія; да, конечно, вы мнѣ нравитесь. Скажу больше: я не только сама вамъ сдѣлала предложеніе, но я же васъ прошу поторопиться со свадьбой.

— Ленора! я ушамъ своимъ не довѣряю: еще такъ недавно вы гнали меня отъ себя прочь, а теперь торопите со свадьбой; мнѣ все не вѣрится, я невольно стараюсь угадать le dessous des cartes.

— Ничего этого нѣтъ, я говорю правду; мнѣ надоѣло называться Ленорой Геррикъ, это имя не принесло мнѣ счастья, можетъ Ленора Скронъ будетъ счастливѣе.

— Дай-то Богъ!—говоритъ онъ, привлекая ее къ себѣ на грудь.—Радость моя! поцѣлуй меня хоть разъ, и я тебѣ повѣрю!

Она даетъ ему просимый поцѣлуй. Пять дней тому назадъ, только пять дней тому назадъ разсталась она съ Полемъ!

Съ минуты этого объясненія Ленора живетъ точно въ лихорадкѣ, она старается увѣрить всѣхъ, начиная съ самой себя, что она очень счастлива, перечисляетъ Джемимѣ всѣ преимущества Скрона передъ Полемъ: онъ моложе, красивѣе, богаче, у него характеръ хорошій, онъ любитъ ее беззавѣтно. Съ лихорадочнымъ оживленіемъ занимается она своимъ приданымъ, толкуетъ съ женихомъ о предстоящемъ путешествіи въ Италію, постоянно изучаетъ гиды, словомъ, кажется оживленной и веселой, хотя тоска грызетъ и душитъ ее сильнѣе прежняго. Она почти ничего не ѣстъ, очень мало спитъ, о Полѣ не говоритъ вовсе; только толкуя съ Джемимой о своей свадьбѣ, выражаетъ желаніе, чтобы въ газетахъ помѣстили замѣтку о торжествѣ ея бракосочетанія, прибавляя, что желала бы, чтобы всѣ ея друзья знали, что она вышла замужъ.

Наступилъ день свадьбы, гостей съѣхалось множество; всѣ родные Скрона—мать, замужняя сестра, сестра незамужняя, зять, братъ, кузены—всѣ на лицо. Знакомые и друзья Леноры явились тоже въ значительномъ числѣ, по всему дому идетъ бѣготня, суетня; невѣста сидитъ передъ туалетомъ съ выраженіемъ щемящей тоски на блѣдномъ, искаженномъ, посинѣломъ лицѣ; она совсѣмъ одѣта, Джемима ей прикалываетъ вуаль и вѣнокъ, какъ вдругъ съ ней дѣлается дурно и она безъ чувствъ падаетъ на

руки сестры. Свадьбу приходится отложить, къ немалому неудовольствію всѣхъ присутствующихъ и совершенному отчаянію Сильвіи.

Когда Ленора приходитъ въ себя, она такъ слаба, что докторъ предписываетъ полнѣйшій покой. Тихо лежитъ она въ постели, съ кроткимъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ. Проходитъ нѣсколько дней, ей значительно лучше, докторъ позволилъ встать; неохотно исполняетъ больная его приказаніе, ей видимо не хочется возвращаться въ обыденной жизни, тѣмъ болѣе, что она предчувствуетъ—близость рокового объясненія.

При первомъ же свиданіи съ невѣстой послѣ ея выздоровленія Скронъ настаиваетъ на томъ, чтобы свадьбу не откладывать; она сначала уклоняется отъ прямого отвѣта, но мало-по-малу высказываетъ желаніе отложить свадьбу на годъ, или по крайней мѣрѣ на полгода; онъ ей отвѣчаетъ: *теперь или никогда*, терпѣніе его истощилось, больше онъ ждать не намѣренъ. Она его ловитъ на словѣ—и они разстаются, причемъ Скронъ осыпаетъ ее самыми язвительными упреками; нельзя не сознаться, что онъ правъ только отчасти, она не виновата въ томъ, что не смогла совладать со своимъ чувствомъ, а виновата лишь въ томъ, что впутала въ свою личную жизнь человѣка посторонняго, захотѣла возложить на чужія плечи часть своей тяжелой ноши. Глубоко справедливыми словами объясняетъ она возникновеніе своего чувства къ Полю.

— Другіе увлекались, иной сразу,—говоритъ она,—его любовь я у него вырвала. *Кто изъ насъ цѣнитъ то, что само въ руки дается?* Онъ сначала былъ очень низкаго обо мнѣ мнѣнія, онъ почти высказалъ мнѣ это, а я—я хотѣла заставить его измѣнить свой взглядъ на меня. Съ этого и пошло.

Какое глубокое знаніе самыхъ сокровенныхъ изгибовъ женскаго сердца заключается въ этихъ простыхъ словахъ!

VI.

Еще нѣсколько дополнительныхъ штриховъ, и образъ Леноры во весь ростъ встанетъ передъ читателемъ, со всѣми своими свѣтлыми и темными сторонами.

Въ послѣдней части романа миссъ Броутонъ переноситъ насъ въ Швейцарію, въ прекрасную и живописную Энгадцийскую долину. Доктора посовѣтовали Ленорѣ провести лѣто внѣ Англіи, и она, въ сопровожденіи обѣихъ сестеръ, пробирается въ Пон-

трезину, куда по преимуществу посылаютъ чахоточныхъ. На перепутьи онѣ останавливаются въ маленькой, но живописной деревушкѣ, и тамъ, во время одиновой вечерней прогулки, Ленора нежданно-негаданно встрѣчается на мосту, переброшенномъ черезъ бушующій потокъ—съ Полемъ. Изумленію ихъ нѣтъ предѣловъ, но оба болѣзненно радуются своей нежданной встрѣчѣ. Въ этомъ послѣднемъ разговорѣ чувство Поля къ ней сказывается съ гораздо бо́льшей силой, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ; онъ самъ сознается, что всѣми силами старался скрыть отъ нея всю глубину своей привязанности, зная, что увѣренность въ немъ— тотчасъ охладитъ ее; теперь онъ можетъ говорить объ этомъ свободно—такъ какъ все прошедшее между ними—кануло въ вѣчность. Каждое его слово растравляетъ ея сердечную рану, но послѣдній ударъ наноситъ онъ ей своимъ разсказомъ о томъ, что́ онъ перечувствовалъ и передумалъ по поводу ея письма. Сначала онъ просто не повѣрилъ ей, принялъ ея посланіе за искусный маневръ опытной кокетки, и подъ этимъ впечатлѣніемъ написалъ отказъ—такъ сильно возмутившій гордую душу Леноры. Потомъ—сталъ перечитывать ея письмо, разбирать его, вникать въ смыслъ каждаго слова, каждой фразы—и пришелъ къ заключенію, что въ словахъ его милой звучитъ искренность, ему стало стыдно за свой рѣзкій отвѣтъ, и онъ собирался вторично писать ей, умолять ее простить его, забыть все горькое прошлое,—какъ его словно громомъ поразило извѣстіе о ея помолвкѣ со Скрономъ. Съ ужасомъ сознаетъ бѣдная Ленора, слушая своего друга, что́ сама, своими руками, погубила всю свою молодую, полную надеждъ жизнь. Отнынѣ Поль потерянъ для нея безвозвратно, тѣмъ болѣе, что, совершенно разочаровавшись въ Ленорѣ, онъ поспѣшилъ посвататься на своей кузинѣ, получилъ ея согласіе и теперь возвращается въ Англію, чтобы сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ свадьбѣ. Все кончено, все рушилось! долго бесѣдуютъ они, вспоминая свое радужное прошлое, и съ тяжкой грустью на сердцѣ—разстаются навѣки. Понятно, что ему гораздо легче, чѣмъ ей: его жизнь только омрачена, ея—въ конецъ разбита.

Плохое и безъ того здоровье Леноры совершенно расшатывается послѣ этой роковой встрѣчи, силы съ каждымъ днемъ уходятъ, кашель по ночамъ усиливается, она страдаетъ безсонницей, чувствуетъ сильнѣйшую боль въ боку. Сестры сознаютъ всю безнадежность ея положенія, она—ничего не подозрѣваетъ, несмотря на тяжесть постигшаго ее горя: бѣдняжка жаждетъ жизни, молодость бьетъ въ душѣ ея живымъ ключомъ.

Въ Понтрезинѣ Ленора и ея сестры встрѣчаются съ матерью, сестрой и зятемъ Скрона, всѣмъ имъ неловко въ первую минуту, но прятаться другъ отъ друга не представляется никакой возможности, такъ какъ они живутъ въ одномъ отелѣ, обѣдаютъ за однимъ столомъ; къ тому же, слабость и худоба Леноры возбуждаютъ состраданіе даже въ сердцѣ этихъ, враждебно къ ней относящихся людей; пріѣздъ Чарли еще тѣснѣе сплачиваетъ все маленькое общество во-едино.

Чарли все тотъ же, любовь его ни мало не остыла, перемѣна, происшедшая въ Ленорѣ, приводитъ его въ ужасъ, но онъ всячески старается скрыть отъ нея произведенное на него ея видомъ впечатлѣніе. Вскорѣ, однако, Ленора перестаетъ убаюкивать себя надеждой, или, вѣрнѣе, начинаетъ сознавать, что она точно серьёзно больна. Случай раскрываетъ ей глаза: однажды, проходя мимо комнаты сестры Скрона, она слышитъ, какъ мужъ ея, мистеръ Лоссель, громогласно заявляетъ про кого-то:

— Да всякому же ясно, что ее не надолго хватитъ!

Слова эти поражаютъ Ленору, ей сначала смутно начинаетъ казаться, что рѣчь шла о ней, она хочетъ себя разувѣрить, но несносная мысль все неотвязнѣе и неотвязнѣе ее преслѣдуетъ; она начинаетъ приставать съ разспросами, къ сестрамъ, къ Чарли, ко всѣмъ окружающимъ — всѣ они ее успокоиваютъ, утѣшаютъ, но по выраженію ихъ лицъ, по глазамъ, по неувѣренно-звучащей рѣчи — бѣдная Ленора угадываетъ истину. Отъ страха и волненія—болѣзнь сначала усиливается, а потомъ и усложняется—разрывомъ одного изъ небольшихъ кровеносныхъ сосудовъ. Съ великимъ трудомъ удается близкимъ ея добыть доктора; Чарли привозитъ невзрачнаго эскулапа, котораго онъ отыскалъ посреди наполняющихъ городокъ туристовъ. Докторъ предписываетъ полное спокойствіе, и подаетъ надежду на скорое облегченіе страданій больной. Точно, Ленора, прохворавъ цѣлый мѣсяцъ, поднимается съ постели, и, лежа на кушеткѣ у окна, разговариваетъ съ Скрономъ. Она покорилась неизбѣжному, и теперь уже сама говоритъ о своемъ близкомъ концѣ. Она завидуетъ здоровью Чарли, предрекаетъ ему долгую, счастливую жизнь, пріятную старость посреди дѣтей и внуковъ.

— Никогда,—восклицаетъ онъ,—не будетъ у меня дѣтей, а если ты меня покинешь, то не будетъ и жены.

— Полно,—презрительно перебиваетъ она,—лѣтъ черезъ пять ты будешь почтенный pater familias. Чтó я говорю: черезъ пять,—черезъ два-три года.

— Ты, по крайней мѣрѣ, послѣдовательна: всю свою жизнь мучила всѣхъ, и теперь продолжаешь.

— Я сама такъ много страдала, отчего же и другимъ не страдать? До поѣздки въ Dinon всѣ мои желанія всегда исполнялись. Я всегда говорила, что въ первый разъ, когда что сдѣлается не по-моему — я умру; не думала я, что словамъ моимъ суждено оправдаться!

— Ленора! будь моей женой! Поѣдемъ въ Италію, на югъ Франціи, здѣшній климатъ суровъ для тебя.

— Твоей женой! полно, развѣ меня можно любить теперь, меня можно только жалѣть; къ тому же, я скоро умру.

— Полно, полно!

— А вѣдь не въ твоихъ интересахъ желать, чтобы я поправилась. Теперь я тебя очень люблю. Мнѣ пріятно чувствовать мою руку въ твоей рукѣ; пріятно давать тебѣ порученія—ты такъ быстро и усердно исполняешь ихъ, пріятно глядѣть на твое милое, красивое, печальное лицо. Не будь тебя, кто бы сталъ обо мнѣ плакать? Впрочемъ, ихъ я не виню, сама ни надъ кѣмъ не плакала, никому не сочувствовала въ свое время, теперь жну—что посѣяла; а все же пріятнѣе, что есть кому пожалѣть обо мнѣ.

— Онъ молча осыпаетъ руки ея поцѣлуями.

— А между тѣмъ я знаю,—продолжаетъ она,—что поправься я,—опять почувствую къ тебѣ то же, что чувствовала, бывши твоей невѣстой. Никогда не проси меня быть твоей женой, я люблю тебя какъ ребенокъ любитъ свою няню, а не какъ женщина любитъ своего мужа; да и мнѣ ли говорить о жизни? Послушай, у меня къ тебѣ просьба, хоть больно, да выслушай меня. Когда все будетъ кончено, не перевозите меня въ Англію, а похороните здѣсь, на маленькомъ кладбищѣ въ горахъ, гдѣ мы съ тобой сидѣли въ день твоего пріѣзда въ Понтрезину. Обѣщаешь?

— Обѣщаю,—нетвердымъ голосомъ отвѣчаетъ онъ.

— Боже!—продолжаетъ она, лежа съ закрытыми глазами и думчиво улыбаясь,—какъ теперь гляжу на эти высокія горы, ѣзкими зубцами выдѣляющіяся на блѣдно-зеленоватомъ небѣ. къ бы я желала, чтобы этотъ міръ, который мнѣ суждено понуть такъ рано, былъ не такъ прекрасенъ; можетъ быть, тогда ло бы легче. Я люблю этотъ міръ, люблю, люблю! Отчего бы ѣ не побыть еще здѣсь хоть немного! Положите меня у западй стѣны, тамъ такъ много цвѣтовъ!

Мучительно томится Ленора, молодость еще иногда заявляетъ ои правà, она весело толкуетъ о томъ, что будетъ дѣлать въ дущемъ году, какъ проведетъ будущую зиму, снѣговъ которой

ей не видать, будущую весну, цвѣтки коей распустятся на ея могилѣ. Но эти прекрасныя мечты недолговѣчны, быстро исчезают они, такъ же быстро, какъ высыхаетъ утренняя роса на полях!

Еще одно предсмертное желаніе томитъ больную: она хочетъ видѣть Поля, и проситъ своего вѣрнаго, неизмѣннаго друга Скрона съѣздить за нимъ, привезти его. Чарли исполняетъ ея желаніе, и тотчасъ пускается въ путь. Томительно тянется день за днемъ, Ленора буквально борется со смертью. Въ день предполагаемаго возвращенія Скрона, она словно оживаетъ, готовится къ послѣднему свиданію съ человѣкомъ, котораго такъ горячо любила, приказываетъ причесать свои длинные, чудные волосы, какъ онъ любилъ, надѣваетъ старое голубое платье, которое ему когда-то нравилось, велитъ убрать со стола лекарства, украсить всю комнату цвѣтами, и ждетъ, ждетъ, ждетъ.

Наступаетъ вечеръ; Джемима, сидя возлѣ умирающей, раскрываетъ Евангеліе:

— *Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и азъ упокою вы*,—читаетъ она, захлебываясь отъ слезъ.

Чу! стукъ колесъ, ближе, ближе! Это они! Джемима хочетъ бѣжать навстрѣчу, Ленора останавливаетъ ее движеніемъ руки:

— Постой, не ходи! я тебѣ запрещаю; мнѣ хочется первой взглянуть на него!

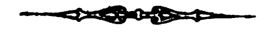
Шаги по лѣстницѣ, дверь отворяется и Скронъ, блѣдный, запыленный, входитъ въ комнату—одинъ.

Быстрыми шагами подходитъ онъ къ кушеткѣ и, окруживъ ее своими мощными объятіями, говоритъ:

— Радость моя, я не сдержалъ своего слова—но я въ этомъ не виноватъ. Онъ не пріѣхалъ, онъ не могъ пріѣхать... я туда прибылъ въ день его свадьбы. Ленора! скажи хоть слово, скажи, что прощаешь меня! Ленора, Ленора!

Но Ленорѣ уже не говоритъ съ нимъ; голова ея скатилась къ нему на плечо. Она перешла въ тотъ міръ, откуда нѣтъ возврата.

О. П—ская.



ТУРЕЦКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ

ея

ШКОЛЫ, СОФТА, БИБЛІОТЕКИ, КНИЖНОЕ ДѢЛО

Изъ поѣздки въ Константинополь, лѣтомъ 1875 г.

Я отправлялся въ Константинополь подъ вліяніемъ того выгоднаго впечатлѣнія, какое производила на многихъ заграничная литература, гдѣ Турція, со времени крымской войны, рисовалась въ самыхъ розовыхъ краскахъ: все въ ней было если уже не прекрасно, то непремѣнно подавало несомнѣнную надежду вскорѣ сдѣлаться прекраснымъ. Всѣ знаютъ, напримѣръ, книгу г. Ферлея: «Modern Turkey». Да и не она одна трубила о «турецкомъ прогрессѣ», о турецкихъ реформахъ, ведущихъ къ процвѣтанію Турціи, вплоть до послѣднихъ событій, разомъ разсѣявшихъ всѣ эти фантасмогоріи. Въ свою очередь турки, проживавшіе по дѣламъ службы въ Европѣ, тоже не пропускали случая въ частныхъ бесѣдахъ разсказать чудеса про свою столицу: какая тамъ благодатная природа, какое тамъ благоустройство, общественная жизнь, войско, театры, ну, словомъ, все, что хотите, точь-въ-точь какъ въ Европѣ. Неопытному человѣку легко приходило на мысль, пожалуй, что турокъ прежде не понимали въ Европѣ, что на нихъ взводили напраслины, что въ сущности они такіе же, какъ и всѣ, обыкновенные смертные, среди которыхъ есть и хорошіе люди, найдутся и дурные; но что въ общей сложности все это то же, что и вездѣ. Случай далъ мнѣ

возможность провѣрить на мѣстѣ многое, чего я начитался и наслышался про Турцію. По роду специальной цѣли, съ которой я ѣздилъ въ столицу Оттоманской имперіи, я искалъ тамъ не красотъ природы, не благорастворенія воздуховъ, но обращалъ преимущественное вниманіе на состояніе турецкаго просвѣщенія, насколько оно выражается въ настоящее время въ различныхъ образовательныхъ учрежденіяхъ, въ духѣ и направленіи современной турецкой литературы, въ образѣ мыслей и взглядахъ отдѣльныхъ личностей изъ туровъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло. При этомъ я не закрывалъ глазъ и отъ другихъ любопытныхъ въ какомъ-либо отношеніи будничныхъ явленій въ жизни стамбульцевъ. И вотъ, этими-то своими наблюденіями, сдѣланными мною во время моего пребыванія въ Константинополѣ лѣтомъ прошлаго года, я и считаю нелишнимъ подѣлиться съ читателемъ.

I.

Привыкши къ нѣкоторымъ, иногда неизбѣжнымъ, регламентаціямъ у себя дома, заѣзжій европеецъ естественно предполагаетъ ихъ существующими и въ турецкихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Такъ было и со мною. Предметъ перваго для меня интереса составляли константинопольскія библіотеки. Мнѣ сказали, что для посѣщенія ихъ надобно просить разрѣшенія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. И вотъ, первымъ долгомъ я отправился въ это самое министерство.

Константинополь, какъ извѣстно, раздѣляется на двѣ половины, представляющія собою два совершенно различныхъ мірка, на Перу—средоточіе всего пришлаго и туземнаго европейскаго населенія, и Стамбулъ—гнѣздо чисто турецкаго, или, вѣрнѣе сказать, азіатскаго люда, такъ какъ нѣкоторые его кварталы переполнены армянами и евреями, которые, по внѣшнему облику и формамъ жизни, подходятъ ближе къ туркамъ, нежели къ европейцамъ. Тутъ же, въ Стамбулѣ, сосредоточены и всѣ главныя правительственныя учрежденія—Блистательная Порта, Сераскератъ и др., а слѣдовательно и министерство народнаго просвѣщенія «Маáрифъ Назарэтú,» съ которымъ мнѣ понадобилось прежде всего познакомиться. Изъ Перы въ Стамбулъ ведутъ чрезъ Золотой Рогъ два моста, желѣзный и деревянный. Первый изъ нихъ очень удобный и чистый, но движеніе на немъ, можно сказать, ничтожное въ сравненіи съ тѣмъ, чтò дѣлается на мосту

деревянномъ, который съ ранняго утра до поздняго вечера положительно кишитъ народомъ. Мостъ этотъ есть феноменъ въ своемъ родѣ. Около него пристаютъ всѣ пароходы, безпрестанно совершающіе свои рейсы въ близкія и далекія прибрежныя окрестности столицы, куда, кромѣ постоянныхъ жителей, на лѣтнее время много переселяется и изъ города. Площадь моста, точно какая-нибудь поляна весною, пестрѣетъ всевозможными, самыми яркими цвѣтами верхнихъ одеждъ турчанокъ, которыя слоняются по немъ цѣлыми стадами, то отправляясь, то высаживаясь изъ пароходовъ, которые бываютъ такъ всегда запружены ими, что за массою ихъ, другихъ пассажировъ почти незамѣтно. Давка, суматоха и болтовня непрерывныя. Въ трехъ-четырехъ пунктахъ стоятъ кадки съ мороженнымъ и около нихъ полунагіе продавцы, обыкновенно по-двое, которые приглашаютъ публику, крича во все горло нараспѣвъ: «Дондурмà, дондурмà! Шаккяръ ишй дондурмà! Онъ паралы́ дондурмà!» Газетчики речитативомъ перечисляютъ газеты, которыя имѣются у нихъ *въ этотъ день* въ продажѣ. Я нарочно обращаю вниманіе на выраженіе *въ этотъ день*, потому что въ Константинополѣ выходитъ не мало такихъ газетъ, существованіе которыхъ ограничивается лишь нѣсколькими днями: сегодня появится газета; дня черезъ три-четыре, смотришь, ужъ она прекратилась, а явилась еще какая-нибудь другая. Такова въ особенности участь сатирическихъ листковъ съ каррикатурами. Мальчишки носятъ штукъ по пяти, по десяти резиновыхъ колечекъ для зонтиковъ, или нѣскóлько тетрадочекъ папиросной бумаги и тому подобныхъ бездѣлушекъ, и выкрикиваютъ, не переводя духа, стоимость своего товара въ стереотипныхъ вы́раженіяхъ: «Онъ парая́! Онъ парая́!» (по двѣ копейки!) Иной торговецъ разложитъ всякую мелочь (щетки, гребенки, стаканы, подсвѣчники, подносы, мундштуки и т. п.) на двѣ группы и кричитъ: «Бу тарàфъ гэръ нэ алы́рисèнъ—алтмы́шъ парà; о тарàфъ гэръ нэ алы́рисèнъ—биръ черèкъ» (что ни возьмешь на этомъ краю—стóитъ 60 пара; а на томъ концѣ—одинъ черекъ)! Затѣмъ на протяженіи всего мѣста стоятъ, сидятъ, и даже лежатъ всевозможныхъ родовъ калѣки—слѣпые, прокаженные, безрукіе, безногіе, скорченные и т. п., и выставляютъ свои, часто ужасныя на видъ, увѣчья, чтобы разжалобить проходящихъ и вымолить себѣ что-нибудь на пропитаніе. Вдругъ гамъ увеличивается; толпа сторонится; по расхлябаннымъ и избитымъ поперечнымъ мостовымъ брусьямъ раздается трескотня и грохотъ; это ѣдетъ въ каретѣ верховный визирь, предшествуемый и преслѣдуемый своею верховою свитою, состоящею изъ 8—10 всад-

никовъ, адъютантовъ и жандармовъ, причемъ послѣдніе держатъ у себя съ боку наотмашь ружья. Подходя къ противоположному концу моста, вы дохнете отвратительнѣйшимъ смрадомъ, который разитъ изъ-подъ моста отъ стоячей воды и отъ нечистотъ, производимыхъ «каикчàми» (перевозчиками), и вступите на стамбульскую землю. Тутъ сейчасъ стоятъ дилижансы конножелѣзной дороги, называемые тамъ *трамвэй*, разгороженные надвое—для мужчинъ и для турчанокъ, потому что женщины другихъ націй садятся гдѣ хотятъ. Но иногда оба отдѣленія захватываются лицами какого-нибудь одного пола, и тогда приходится ждать слѣдующаго вагона. Во время поѣзда кучера не звонятъ, какъ у насъ, а трубятъ въ рожокъ. Часто, сверхъ этого, впереди лошадей бѣжитъ хаммàлъ (рабочій, носильщикъ) и кричитъ встрѣчнымъ, размахивая палкою: «Вàрда» (сторонись)! и «Дестýръ» (позволь)!

Конножелѣзныя дороги проложены въ Константинополѣ вездѣ, гдѣ только не встрѣчается препятствій отъ крутой мѣстности, а потому онѣ идутъ бóльшею частью все по окраинамъ какъ Перы, такъ и Стамбула, и все-таки мѣстами приходится пристегивать другую пару лошадей цугомъ, когда дорога идетъ въ гору.

Отъ моста дилижансъ довезъ меня до мечети Ая-Суфья (Св. Софіи). Противъ нея находится большое каменное зданіе, въ которомъ помѣщаются многія присутственныя мѣста, въ томъ числѣ и министерство народнаго просвѣщенія. У широкой деревянной лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, гдѣ помѣщается министерство, и напоминающей собою скорѣе нашъ *черный* ходъ, нежели подъѣздъ большого государственнаго учрежденія, я подставилъ свои ноги служкѣ, чтобы тотъ вытеръ съ нихъ пыль, и отдалъ зонтикъ на храненіе. Поднявшись вверхъ, я вышелъ на большую деревянную галлерею, по которой распространялись міазмы, свидѣтельствовавшіе о близости мѣстъ, обыкновенно устраиваемыхъ у насъ какъ можно подальше. По галлереѣ бѣгали мальчики лѣтъ 15—17 въ форменныхъ сюртукахъ, болтали между собою всякій вздоръ, закусывали и пили шербетъ у расхаживавшаго тамъ разнощика и курили папиросы. Это были воспитанники тутъ же помѣщающейся школы, въ родѣ нашей гимназіи. Они пришли на экзаменъ. Изъ галлереи во внутрь ведутъ нѣсколько дверей, полузавѣшанныхъ, по турецкому обычаю, стеганными однополыми портьерами, скатанными въ трубку и поддернутыми кверху веревкою. Надъ каждой дверью прибита дощечка съ названіемъ того или другого присутственнаго мѣста (калэмъ). Министра не было въ столицѣ: онъ еще не прибылъ изъ провинціи, гдѣ онъ

былъ генералъ-губернаторомъ, и мнѣ надо было представиться его товарищу «мустешару». Я спросилъ, здѣсь ли мустешаръ, и сторожъ, давши мнѣ утвердительный отвѣтъ, вмѣсто обычнаго у насъ доклада, немного отворотилъ стеганную занавѣску и впустилъ меня въ кабинетъ сановника. Кабинетъ представляетъ небольшую комнату, съ двухъ сторонъ отдѣленную перегородками и устланную плохенькими коврами. Вдоль стѣнъ сплошмя стоятъ кресла, обитыя краснымъ сукномъ, сильно потертыя и даже поломанныя. У окна помѣщается крошечный письменный столикъ, за которымъ засѣдалъ мустешаръ. Такъ какъ турки пишутъ, кладя бумагу на колѣни, то, естественно, имъ нѣтъ надобности въ нашихъ длинныхъ и широкихъ письменныхъ столахъ съ зеленымъ сукномъ. Столы исключительно служатъ имъ складочнымъ мѣстомъ для бумагъ. Поэтому, входя въ любое присутственное мѣсто, вы видите, что по стѣнамъ стоитъ множество маленькихъ столиковъ, на которыхъ находится по одной баночкѣ чернилъ, а въ промежуткахъ этихъ столовъ чинно сидятъ кятибы (писцы, секретари), сложа руки въ ожиданіи занятій, или медленно строчатъ, наклонившись надъ своими колѣнями. Дважды приложивъ, въ знакъ привѣтствія, руку къ сердцу и ко лбу—разъ при входѣ, въ другой сѣвши на кресло, я доложилъ мустешару, кто я такой и чего желаю. Онъ произнесъ протяжно «гяль» (приди)! На этотъ, обычный у турокъ зовъ явился слуга, выслушалъ приказаніе и снова удалился. Послѣ того пришелъ секретарь, которому приказано было приготовить для меня рекомендательную бумагу съ поименованіемъ библіотекъ, которыя я желалъ посѣтить. Такъ какъ я не предвидѣлъ такого казуса, то, разумѣется, и не могъ тотчасъ же припомнить названій всѣхъ библіотекъ, въ которыхъ мнѣ хотѣлось побывать, а тѣмъ болѣе сдѣлать между ними выборъ. И мнѣ записали тѣ библіотеки, какія, по взаимному соображенію мустешара и секретаря, казались болѣе замѣчательными. Когда я спросилъ, какъ же мнѣ сдѣлаться, если понадобится быть въ библіотекѣ не поименованной въ бумагѣ, то мустешаръ преспокойно объявилъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ я могу снова обратиться къ нему и получить новую грамоту. Турокъ, очевидно, не стѣсняетъ сложность процедуры по дѣлу, которое можно устроить разомъ и просто. По уходѣ секретаря вошелъ старикъ въ костюмѣ стамбульскаго ученаго, т.-е. въ длинномъ черномъ халатѣ и въ чалмѣ. Это былъ, какъ я узналъ послѣ, смотритель училища, которое помѣщалось въ зданіи министерства, Шакиръ-эфенди. Я никакъ и не подозрѣвалъ, что онъ явился въ кабинетъ мустешара по поводу меня же. Ему

было поручено мустешаромъ сопровождать меня въ каждую библіотеку и представлять библіотекарямъ. Кромѣ того, онъ долженъ былъ приказать министерскому сторожу отнести въ избранную мною для занятій библіотеку ученическій столикъ и стулъ, для того, чтобы мнѣ было удобнѣе и покойнѣе, какъ пояснилъ мустешаръ. Я не зналъ, чему удивляться—необыкновенной ли внимательности и любезности турецкаго сановника, или отсутствію у него серьёзныхъ текущихъ дѣлъ, что̀ позволяло ему заниматься такими мелочными распоряженіями, лестными, правда, для человѣка посторонняго, но, въ то же время, совершенно лишними и безполезными, какъ оказалось впослѣдствіи.

Библіотеки въ Турціи обязаны своимъ учрежденіемъ вовсе не правительственному попеченію о просвѣщеніи народа, а составляютъ особый видъ богоугодной благотворительности частныхъ лицъ на пользу общую, ради спасенія своей души. Какой-нибудь паша или шейхъ, любившій и собиравшій во время своей жизни книги, обыкновенно строитъ гдѣ-нибудь въ городѣ небольшое помѣщеніе для этой книжной коллекціи, тысячи въ четыре-пять томовъ, отводитъ возлѣ гдѣ-нибудь въ углу двора мѣсто для своей могилы и, ложась тутъ костями, какъ-бы и по смерти своей продолжаетъ жить около предмета своихъ любимыхъ имъ при жизни занятій и любоваться тѣмъ, что другіе пользуются его сокровищемъ и поминаютъ его имя, обыкновенно красующееся надъ входомъ въ это завѣтное книгохранилище. Оттого и на самыхъ книгахъ обыкновенно надписано, что это «ваку́фъ» (приношеніе) такого-то. Мѣсто упокоенія учредителя библіотеки становится затѣмъ фамильнымъ его кладбищемъ, такъ что, кромѣ его самого, вы тутъ встрѣтите иногда и могилу его отца, жены, дѣтей, братьевъ и т. п. Таковы, напримѣръ, библіотеки Рагыбъ-паши, Ибрагимъ-паши, Атыфа-эфенди, Ашира-эфенди, и др. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны въ народѣ болѣе подъ именемъ тѣхъ кварталовъ города, въ которыхъ онѣ находятся: напр., библіотеку Атыфа-эфенди обыкновенно называютъ «Вефа́-мейда́нъ» или, искаженно, «Мефа́-мейда́нъ-кутубханесí», по имени одной площади, которая неподалеку отъ нея находится.

Всѣ книги въ библіотекахъ рукописныя, и развѣ изрѣдка попадется двѣ-три печатныхъ. Такъ, въ одной библіотекѣ я обрадовался-было, увидѣвъ въ каталогѣ оглавленіе «Тари́хи-Русіе́» (Русская Исторія),—и что̀ же оказалось? — Это было печатное изданіе турецкаго перевода мемуара изъ временъ Екатерины II нѣкоего французскаго дипломата Кастеры. Даже кабинеты для чтенія, «кыраатхане́», которыхъ очень много въ Стамбулѣ, и тѣ,

за исключеніемъ газетъ, главнымъ образомъ имѣютъ въ составѣ своемъ рукописныя сочиненія, хотя нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій давно уже существуютъ въ печати.

Въ назначенный мнѣ день я опять пошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія къ мустешару и получилъ отъ него «тескере», т.-е. пропускной документъ, да въ придачу проводника, вышеупомянутаго Шакира-эфенди, съ которымъ мы и отправились сперва въ библіотеку Ашира-эфенди. За нами слѣдовалъ слуга, неся на головѣ столъ и стулъ для меня. Пробираясь по тѣснымъ улицамъ другъ за дружкою гуськомъ, мы составили такимъ образомъ презурьёзную процессію. Въ библіотекѣ Шакиръ-эфенди представилъ меня завѣдующему ею черному, съ маленькой курчавой, сѣдой бородою негру, физіономія котораго мнѣ уже была знакома: онъ обыкновенно сидитъ у рѣшетчатаго окна и глазѣетъ на проходящихъ, такъ какъ библіотечное зданіе приходится на углу улицы, ведущей къ базару; а это мѣсто бойкое, и его не минуешь, отправляясь въ Стамбулъ. Онъ въ свою очередь поручилъ своему помощнику выдавать мнѣ книги, какія мнѣ понадобятся. Мнѣ вручили цѣлыхъ три «дефтéря» (каталога), и я при видѣ ихъ пришелъ-было въ неописанный восторгъ, думая найти въ нихъ массу матеріала для своей любознательности; но лишь раскрылъ я ихъ, какъ тотчасъ же разочаровался: во всѣхъ трехъ каталогахъ значилось всего тысячи четыре томовъ, не болѣе, и все болѣе или менѣе уже извѣстныя сочиненія. Но къ чему же три каталога? спросите вы. А затѣмъ, чтобы сохранить память трехъ жертвователей этой библіотеки: дѣда, отца и сына изъ фамиліи Ашировъ, которые всѣ и схоронены тутъ же на дворѣ у самыхъ воротъ. Небольшая комната, съ сильно потертыми и грязными диванами по всѣмъ четыремъ стѣнамъ, служила собственно читальною залою; книги же хранятся въ другомъ чуланчикѣ, представляющемъ собою особенное каменное зданіе, куда надо было со двора подняться по лѣстницѣ во второй этажъ. У турковъ книги не ставятся, какъ у насъ, на полкахъ, а укладываются плашмя другъ на друга, штукъ по 10—15, такъ что когда понадобится книга, лежащая внизу, то приходится стаскивать и всѣ верхнія.

Я выписалъ на листкѣ нумера книгъ, которыя желалъ читать, и отдалъ помощнику библіотекаря, и онъ мнѣ немедленно принесъ книги. Когда я сталъ просматривать одну рукопись и дѣлать изъ нея выписки, то помощникъ, обыкновенно ничего не дѣлающій, подошелъ ко мнѣ сзади, долго присматривался къ моему занятію и наконецъ спросилъ: «а что ты съ этимъ сдѣ-

лаешь?» Онъ не мало также дивился тому, что я сталъ списывать изъ средины книги и пресерьёзно совѣтовалъ мнѣ писать съ начала.

Библіотеки турецкія открыты во всѣ дни, за исключеніемъ пятницы, общаго мусульманскаго праздника, въ родѣ нашего воскресенья, и вторника, празднуемаго однимъ ученымъ сословіемъ, и притомъ не раньше четвертаго часа «а-ла-турка», т.-е. около 11 часовъ по-нашему, или, какъ говорятъ турки, «а-ла-франка», а до этого времени библіотекари даютъ тамъ уроки приходящимъ ученикамъ. Въ Константинополѣ счетъ времени двоякій— европейскій, называемый «а-ла-франка», и турецкій. Особенность послѣдняго состоитъ въ томъ, что тамъ первый часъ полагается утромъ, а не въ полдень. Вслѣдствіе этого черезъ каждые 5—10 дней, первый часъ, смотря по времени года, бываетъ то раньше, то позже. Поэтому зимой надо постоянно подвигать часовыя стрѣлки впередъ, сообразуясь съ показаніемъ календаря, а лѣтомъ, напротивъ, вертѣть ихъ назадъ и *портить часы*, какъ сказалъ мнѣ разъ одинъ турокъ.

Вообще я замѣтилъ, что больше всего библіотеки посѣщаются «софтá», т.-е. студентами «медресэ», высшихъ школъ при мечетяхъ. Одни занимаются тамъ штудированіемъ задаваемыхъ имъ *уроковъ*, которые состоятъ въ извлеченіи изъ манускриптовъ и задалбливаніи различныхъ толкованій на тексты корана и на «хадúсы», преданія; другіе приходятъ за какими-нибудь справками для своихъ ученыхъ работъ, состоящихъ обыкновенно въ компилированіи и перецѣживаніи прежнихъ многословныхъ разглагольствованій и толкованій касательно предметовъ теологическаго свойства. Единственный разъ, въ библіотекѣ Нури-Османіé, я встрѣтилъ ученика Мектеби-Султани, лицеиста, который занимался, какъ онъ пояснилъ мнѣ, историческими изслѣдованіями, и, сколько я могъ судить по разговору, въ самомъ дѣлѣ неглупый малый. Но мнѣ не удалось выпытать у него, чтó за ученыя изслѣдованія были, которыя онъ дѣлалъ въ библіотекѣ. Иногда появляются въ библіотекахъ и «улемà» (ученые), но только вовсе не для чтенія, а такъ себѣ, чтобы отдохнуть, освѣжиться отъ жары и поболтать немного. Одному, должно быть ужъ очень почетному, такому гостю помощникъ библіотекаря приготовилъ кофе, устроилъ кальянъ и, съ видомъ необыкновеннаго благоговѣнія предъ ученою особою, облобызалъ край одежды его.

Дѣтскій столикъ, принесенный изъ министерства, оказался непригоднымъ для меня, и я занимался, сидя на грязнѣйшемъ диванѣ. Противъ меня сидѣлъ все время какой-то странный

одноглазый турокъ-провинціалъ, пріѣхавшій издалека въ столицу ради книжной премудрости и цѣлыми днями пыхтѣвшій надъ разными рукописями и что-то выписывавшій изъ нихъ.

Вычитавъ что мнѣ было нужно въ библіотекѣ Ашира-эфенди, я вознамѣрился отправиться въ другую. И вотъ, въ одно прекрасное утро я снова иду въ министерство для того, чтобъ разыскать своего неизбѣжнаго проводника Шакира-эфенди; но, проходя вышеупомянутый деревянный мостъ, я вдругъ встрѣчаю необыкновенное зрѣлище. Вообразите: идетъ голый съ ногъ до головы человѣкъ, мужчина лѣтъ подъ 50. Спрашиваю, что это значитъ. Мнѣ объяснили, что это Мустафа-эфенди, человѣкъ Божій по понятію турокъ, по-нашему же—просто-на-просто идіотъ. Я потомъ опять неоднократно встрѣчалъ этого блаженнаго гольца, да притомъ еще на базарѣ, по которому всегда разгуливаютъ цѣлыми толпами женщины. И ничего: у турокъ это безстыдство какъ-то совмѣщается съ ихъ глупою щепетильностью насчетъ женщинъ: вѣроятно, по ихъ взглядамъ, женщины только сами не должны показываться чужимъ мужчинамъ, а на разнаго рода соблазны могутъ смотрѣть сколько имъ угодно.

Прежнимъ порядкомъ мы прошлись съ Шакиромъ-эфенди въ другую библіотеку, находящуюся близъ площади Вефа-Мейданъ. Такъ какъ для меня все было ново и любопытно, то я не чувствовалъ того утомленія во время нашихъ странствованій по жарѣ, которое долженъ былъ испытывать бѣдный старикашка, а потому я и рѣшился впредь оставить его въ покоѣ, если это только будетъ возможно. И въ самомъ дѣлѣ, оказалось, что его сопутствованіе ровно ни къ чему мнѣ не служило: я потомъ ходилъ по библіотекамъ одинъ, даже не предъявляя выданнаго мнѣ изъ министерства тезкерэ, и не встрѣчалъ никакихъ препятствій со стороны библіотекарей, которые выдавали мнѣ заурядъ съ прочими посѣтителями всякія книги въ какомъ мнѣ было угодно количествѣ. Только всегда, входя въ библіотеку, я долженъ былъ снимать сапоги и оставлять ихъ у дверей и разгуливать въ однихъ чулкахъ. Турки, даже и современные, зимой и лѣтомъ ходятъ въ галошахъ, чтобы не вносить въ комнаты грязи и пыли на ногахъ. При этомъ забавно бываетъ видѣть, когда, напримѣръ, турокъ, входя въ мечеть, сниметъ галоши и несетъ ихъ съ собою въ рукахъ, разумѣется изъ предосторожности, чтобы ихъ не украли въ его отсутствіе.

Библіотека Вефа-Мейданъ оказалась несравненно больше и чище ашировской. Она помѣщается въ зданіи съ куполомъ. Складъ книгъ отдѣляется отъ читальни капитальною стѣною. Въ

читальнѣ кругомъ стѣнъ vis-à-vis другъ другу поставлены, на небольшомъ возвышеніи, коротміе диваны, и предъ ними столики въ родѣ низенькихъ продолговатыхъ скамеекъ.

Стамбульскія библіотеки, какъ пояснилъ мнѣ одинъ турецкій улема, специализируются: въ однѣхъ больтій составъ книгъ, напримѣръ, по юриспруденціи, въ другихъ преобладаетъ отдѣлъ грамматическій и т. п. Весьма забавна картина читающей публики, если посмотрѣть со стороны: одинъ сидитъ; другой лежитъ на спинѣ; третій навзничь, уткнувшись самымъ носомъ въ книгу. Иной, должно быть увлекшись интереснымъ чтеніемъ, заснулъ сладчайшимъ сномъ. Наконецъ, каждый изъ посѣтителей непремѣнно хоть разъ продѣлаетъ обрядъ омовенія и совершитъ намáзъ. Для этой цѣли у одной стѣны на веревочкѣ виситъ полотенце, и правовѣрные, утершись имъ, передъ нимъ же творятъ и молитвенные поклоны. Нѣкоторые исполняютъ обрядъ этотъ совершенно механически, потому что зачастую, шепча про себя молитву, въ то же время глазѣютъ по сторонамъ и даже пересмѣиваются съ сосѣдями.

Каждый изъ присутствовавшихъ въ читальнѣ счелъ своею обязанностью подойти ко мнѣ, пристально поглядѣть на меня и на читанную мною книгу. Встрѣчались даже такіе, которые молча, безъ церемоніи, брали у меня изъ рукъ книгу и, пошевыривъ ее немного, изъ любопытства, снова отдавали мнѣ. Особенно надоѣдливъ былъ одинъ мизерненькій студентикъ изъ арабовъ, осыпавшій меня ежеминутно самыми неумѣстными вопросами, и хотя я не разъ ему давалъ замѣтить это, но онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ съ прежнею настойчивостью досаждать мнѣ. Разъ какъ-то онъ подошелъ ко мнѣ и по обыкновенію уставилъ свои глаза на меня, не произнося ни слова. Я шутя сказалъ ему: «что же ты не здороваешься, не говоришь мнѣ: «Саля́мъ алѐйкумъ!» А онъ мнѣ на это отвѣчаетъ стихомъ изъ корана: «не подобаетъ саля́мъ невѣрнымъ; а подобаетъ имъ проклятіе!» Но онъ тутъ же за эту выходку подвергся весьма внушительнымъ порицаніямъ со стороны другихъ софта за оскорбленіе «мусафи́ра» (путешественника), и въ особенности досталось ему отъ дежурнаго библіотекаря, почтеннаго старика, который вообще, впрочемъ, ко всему относился равнодушно: сидѣлъ неподвижно и, видимо, тяготился тѣмъ, что ему приходилось часто вставать и приносить читателямъ требуемыя книги. Онъ даже и для намаза не тревожилъ свою особу, а предпочиталъ, сидя на мѣстѣ, что-то шептать про себя. Такъ какъ я сидѣлъ неподалеку отъ него, то онъ безпрестанно справлялся у

меня о времени, и какъ только наступалъ 9-й, а по-нашему 5-й часъ, онъ живо вставалъ, затворялъ желѣзными ставнями окна и, не говоря ни слова, отбиралъ изъ рукъ читателей книги, которыя и относилъ немедленно въ кладовую.

Я уже выше упомянулъ, что библіотеки состоятъ исключительно изъ однѣхъ рукописей и притомъ обыкновенно жертвуемыхъ частными лицами. Теперь же книги даже и въ Турціи бо́льшею частію печатаются; но печатанныя книги въ глазахъ благочестивыхъ мусульманъ не имѣютъ такого достоинства, какъ рукописи, чтобы онѣ могли быть предметомъ дарственнаго приношенія; другихъ же средствъ, кромѣ жертвованія, библіотеки не имѣютъ, а потому въ настоящее время онѣ почти совсѣмъ не пополняются съ тою правильною постепенностью, какъ это дѣлается у насъ. Мало того: даже и существующія библіотеки иногда исчезаютъ безслѣдно, благодаря недостатку надлежащаго о нихъ попеченія и матеріальной поддержки. Послѣднее я узналъ по слѣдующему случаю. Въ числѣ каталоговъ стамбульскихъ библіотекъ, напечатанныхъ оріенталистомъ Флюгелемъ, есть каталогъ библіотеки Хафизъ-Ахмеда-паши. Въ немъ, между прочимъ, значатся сочиненія «Тари́хи-Немче́» (исторія Австріи), «Дефте́ри-Немче́» (Австрійскій реестръ) и «Вака’а́и-Аза́къ» (Азовскія событія). Всѣ три интересовали меня. Въ особенности послѣднее было мнѣ любопытно, потому что касалось исторіи нашихъ русскихъ владѣній. Вотъ почему я и сталъ усердно разыскивать вышеупомянутую библіотеку. Справляюсь въ календарѣ, гдѣ она находится — тамъ ея не оказалось. Прихожу въ министерство народнаго просвѣщенія и обращаюсь за справкою къ товарищу министра; но ни онъ, и никто изъ его подчиненныхъ не знаютъ о существованіи этой библіотеки. Мнѣ сказали тамъ только, что — «должно быть, это какая-нибудь маленькая библіотека». Тогда я принялся разспрашивать о ней частныхъ лицъ. Наконецъ, одинъ «ходжа́», переписывавшій для меня рукописи, сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ медресэ Хафизъ-Ахмеда-паши, и вызвался сопутствовать мнѣ и содѣйствовать въ отысканіи его. Медресэ это находится въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ, захолустныхъ кварталовъ Могаммедъ-Фатиха (завоевателя). Приходимъ, стучимся въ дверной молотокъ [1]). Изъ воротъ высовывается голова турка.

— Здѣсь медресэ Хафизъ-Ахмеда-паши?

[1]) Въ Турціи нѣтъ звонковъ: они замѣняются молотками. Я съ трудомъ привыкъ къ этому странному, можно сказать, просто, дикому обычаю. Среди почти гробовой тишины на улицѣ стучаніе въ ворота похоже на какую-то тревогу и производитъ на васъ чрезвычайно непріятное впечатлѣніе.

— Здѣсь.

— А библіотека тутъ есть?

— Нѣтъ.

— Куда же она дѣвалась?

— О, давнымъ-давно, лѣтъ двадцать тому назадъ, или больше, всѣ книги сгорѣли!

Мнѣ показалось нѣсколько сомнительнымъ то, что библіотека сгорѣла, а медресэ между тѣмъ цѣло. Опустошительные пожары въ Стамбулѣ не разборчивы и безпощадны и, благодаря необыкновенной скученности строеній, истребляютъ цѣлые кварталы, не довольствуясь какимъ-нибудь однимъ зданіемъ. Я тотчасъ же выразилъ турку свое сомнѣніе и спросилъ его, нѣтъ ли въ числѣ обитателей медресэ старожиловъ. Намъ привели одного дряхлаго старика, который мнѣ пояснилъ, что давно, еще во времена султана Махмуда, когда свирѣпствовали страшные пожары, всѣ книги изъ предосторожности были вывезены въ дервишскій «теке́» (монастырь), находящійся въ окрестностяхъ мечети Эюба, въ самомъ концѣ города, гдѣ онѣ въ настоящее время и должны находиться.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней я ѣду на пароходикѣ въ Эюбу—этому стамбульскому святилищу, гдѣ коронуются султаны, и куда еще не переступала нога ни одного невѣрнаго [1]). Спрашиваю, гдѣ кварталъ Бульбуль-дерэ, а въ немъ дервишскій теке. Мнѣ говорятъ, что тамъ нѣтъ никакого теке, а есть два другихъ, только въ сосѣднемъ кварталѣ. Взявши какого-то оборваннаго турка въ проводники, я взобрался на гору, на которой былъ расположенъ одинъ изъ монастырей, но, по несчастью, онъ оказался пустъ. Мы обошли всѣ кельи, и, никого не найдя, принялись кричать. На нашъ зовъ, наконецъ, выползъ откуда-то одинъ старикъ-дервишъ и объявилъ, что дервиши всѣ ушли на

---

[1]) Во время роковой осады Константинополя турками, одинъ святоша открылъ на мѣстѣ теперешней мечети Эюбійѐ мощи какого-то мусульманскаго проповѣдника Эюба и указалъ на это, какъ на свышнее знаменіе того, что туркамъ самимъ Аллахомъ предопредѣлено завладѣть Константинополемъ. Эта штука сдѣлала свое дѣло, воодушевивъ фанатиковъ, и съ того времени могила Эюба стала предметомъ благоговѣнія всѣхъ правовѣрныхъ. Надъ нею построена мечеть, которая окружена самымъ лучшимъ по мѣстоположенію и по богатству мавзолеевъ кладбищемъ. Въ ней хранится мечъ пророка, которымъ торжественно препоясывается всякій вступающій на престолъ султанъ. Невѣрнымъ воспрещается строго переступать порогъ даже двора этого святилища, не говоря уже о внутренности самой мечети. Въ Стамбулѣ еще есть двѣ подобныя же святыни, находящіяся на такомъ же неприступномъ положеніи—это мечеть внутри „Сарай-бурну“, прежняго султанскаго дворца, и часовня съ гробницею султана Могаммеда-Фатиха, находящаяся возлѣ его мечети.

«гюлéшъ» (потѣшное зрѣлище, состоящее въ борьбѣ), а настоятель уѣхалъ въ Стамбулъ на похороны. Онъ же сказалъ, что никакой библіотеки у нихъ нѣтъ, и послалъ меня въ другой монастырь. Въ этомъ послѣднемъ повторилась та же исторія: точно также мы обошли всѣ пустыя кельи и потомъ принялись кричать. На этотъ разъ вышелъ толстый, заспанный дервишъ. Недовольный, вѣроятно, тѣмъ, что мы его разбудили, онъ сердито и отрицательно отвѣтилъ на мои вопросы о библіотекѣ. Тогда я уже началъ обращаться ко всѣмъ встрѣчнымъ, и чтó же оказалось? Дѣйствительно, мнѣ указали на одну полуразвалившуюся и безъ оконъ лачужку на краю оврага: она-то и была остаткомъ того самаго текье, который я разыскивалъ. Монастырь давно размытъ дождями, такъ какъ дервиши, по неимѣнію средствъ, не могли поддержать своего гнѣздилища, а наконецъ и совсѣмъ бросили его на произволъ судьбы; съ ними вмѣстѣ исчезла и перевезенная туда на храненіе библіотека Хафизъ-Ахмедъ-паши. Хорошо сохранили ее!

Съ горя пошелъ я тогда посмотрѣть, чтó это за «гюлешъ», куда отправились всѣ дервиши. Спустившись съ возвышенности къ сухому руслу, раздѣляющему всю мѣстность квартала Эюба на двѣ наклонныя другъ къ другу половины, я увидѣлъ небольшую площадку. На ней кругомъ сидѣла и стояла толпа народа. Среди нея виднѣлось нѣсколько полураздѣтыхъ человѣкъ, по сильно развитымъ мускуламъ которыхъ сразу можно было догадаться, что это были борцы, привлекавшіе сюда любопытную публику. На нихъ надѣты были только одни узенькіе, доходящіе до колѣнъ штаны изъ какой-то грубѣйшей веревочной ткани. Предъ началомъ борьбы они намазывались съ ногъ до головы оливковымъ масломъ. Выйдя на «мейдáнъ» (арену), они, точно пѣтухи, расхаживали въ наклонномъ положеніи, похлопывая ладонями по сильно намасленнымъ своимъ бедрамъ; потомъ дѣлали до трехъ разъ такія же одновременныя похлопыванья одною рукою по плечу другъ другу и вслѣдъ затѣмъ начинали бороться. Весь интересъ тутъ заключается не въ результатѣ борьбы, какъ у насъ—кто кого поборетъ, а въ самомъ ея процессѣ, такъ что, напримѣръ, свалившійся борецъ долженъ стараться мѣшать противнику своему поднять его. Словомъ, все искусство состоитъ въ томъ, чтобы вывести своего противника изъ одного положенія въ другое, а въ какое — это все равно. Эта возня продолжается минутъ 15—20, причемъ борцы, егозя по крупному песку, иногда до крови исцарапываютъ себѣ тѣло. Въ заключеніе, борцы обнимутъ другъ друга за талію и расходятся.

Поплескавшись нѣсколько водою изъ мраморнаго корыта, устроеннаго подъ водопроводнымъ краномъ, борцы затѣмъ обходятъ публику и собираютъ кто что́ дастъ. Турки съ необыкновеннымъ удовольствіемъ смотрѣли на это зрѣлище; на противоположномъ площадкѣ пригоркѣ даже сидѣло много женщинъ, повидимому нисколько не стѣснявшихся наготою борцовъ. По временамъ слышались восторженныя восклицанія; но мнѣ вся эта однообразная исторія показалась чрезвычайно скучною, и я, посмотрѣвъ на двѣ пары борцовъ, отправился домой, хотя гюлéшъ только-что приходилъ въ настоящій разгаръ.

На возвратномъ пути мнѣ пришлось проходить мимо игрушечнаго ряда, который находится близъ мечети «Эюбійé». Лавокъ десять или даже болѣе уставлены и увѣшаны множествомъ деревянныхъ дѣтскихъ игрушекъ. Между ними я не замѣтилъ ни одной оригинальной, а всѣ онѣ были плохимъ подражаніемъ европейскимъ: тутъ были и лошадки, и лодочки, и телѣжки, и зайчики, и т. п., но все это до такой степени сдѣлано грубо, что съ величайшимъ трудомъ можно разобрать, что́ изображаетъ собою та или другая игрушка, такъ что наши гостиннодворскія издѣлія этого рода могутъ считаться верхомъ совершенства въ сравненіи съ тѣмъ мусоромъ, которымъ должны утѣшаться турецкіе ребятишки.

II.

Уже не разъ случалось мнѣ проѣзжать въ дилижансѣ мимо большого каменнаго сѣраго дома, на которомъ красуется надпись «Дáру-ль-Фуну'нъ». Давно мнѣ хотѣлось узнать, что́ это за «Домъ наукъ»; но сперва я думалъ, что́ доступъ въ него сопряженъ съ такими же затрудненіями, какъ, напримѣръ, въ мечеть Ая-Суфья, или въ другія высшаго разряда общественныя зданія и заведенія. Ничуть не бывало. Читаю разъ въ газетахъ объявленіе о художественной выставкѣ, открывающейся въ зданіи «Дáру-ль-Финнъ». Лучшаго случая и желать было не нужно. Отправляюсь; плачу 2 піастра за входъ и вхожу въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалась выставка. Она состояла исключительно изъ однѣхъ картинъ да еще нѣсколькихъ маленькихъ лѣпныхъ работъ. Въ числѣ экспонентовъ были какъ природные турки, такъ и лица итальянскаго, очевидно, происхожденія, и притомъ какъ мужчины, такъ и женщины. Картины бóльшею частію написаны масляными красками, но было также нѣсколько

и акварельныхъ работъ. Изъ сюжетовъ преобладающимъ былъ батальный. Собственно говоря, такое учрежденіе, какъ картинная выставка, было явнымъ нарушеніемъ заповѣди Магомета, воспрещающей дѣлать какія бы то ни было изображенія, кромѣ только различныхъ хитросплетеній арабскихъ буквъ, въ формѣ какихъ-нибудь стиховъ корана или иныхъ мудрыхъ изреченій. Но это святотатство вполнѣ искупается свойствомъ живописи, которая далеко не настолько обольстительна, чтобы могла увлечь правовѣрнаго единобожнаго мусульманина въ идолопоклонство. Неправильность тѣней, отсутствіе симметріи въ частяхъ тѣла, ни съ чѣмъ несообразный подборъ красокъ, неудачная группировка, неестественность позъ и уродливость фигуръ — вотъ отличительныя свойства огромнáго, если такъ можно выразиться про маленькую выставку, большинства выставленныхъ картинъ. Вообразите, напримѣръ, морское сраженіе, происходящее ночью: кругомъ мракъ, нарушаемый вспышками огнестрѣльныхъ оружій, и ко всему этому ясное, голубое, какъ среди бѣла дня, небо. Такова одна изъ многихъ картинъ Нури-бея, имя котораго чаще всѣхъ встрѣчалось мнѣ. Послѣ него всѣхъ плодовитѣе оказался какой-то Ахмедъ-бей. Портретъ султана Махмуда, ѣдущаго верхомъ со свитою, показался мнѣ необыкновенно знакомъ. Я сталъ припоминать и вспомнилъ, что когда-то я видѣлъ точь-въ-точь такую же русскую лубочную картинку, подобнаго же сюжета: такое же отсутствіе всякой симметріи, перспективности и естественности въ расположеніи группы и такая же страшилищность физіономій. Большая часть картинъ этого экспонента все пейзажи. Таковы, напримѣръ, съ французской подписью «Effet du matin», «Прогалина въ лѣсу», «Гюльхане», мѣсто близъ стараго султанскаго сераля, «Цвѣты и плоды», «Гёксу» («Сладкія воды», гулянье въ окрестностяхъ Стамбула). Изъ произведеній других пейзажистовъ были выставлены «Швейцарскій пейзажъ», «Стадо коровъ» Халиль-бея, въ которыхъ наиболѣе выдающимся недостаткомъ было отсутствіе надлежащихъ тѣней. Въ этомъ же родѣ картина Али-бея съ подписью «Sujet Arabe», изображающая араба, ѣдущаго черезъ воду на бѣломъ конѣ, у котораго шея въ такомъ же пропорціальномъ отношеніи къ остальному туловищу, какъ у лебедя. Два «Багдадскіе виды» Хамди-бея похожи были скорѣе на наскоро набросанные неопытною рукою эскизы, чѣмъ на законченныя картины зрѣлаго мастера: четвероугольные бѣлые дворики, да въ сосѣдствѣ ихъ нѣчто въ родѣ озера — вотъ всѣ элементы этихъ двухъ видовъ. Подобно тому какъ и у насъ, почти на каждой выставкѣ бываютъ произведе-

нія, разсчитывающія не на могучесть и художественность творчества, а на легкость сюжета, раздражительно щекочущаго развращенныя фантазіи, и тутъ оказались въ этомъ же родѣ приторныя конфетки. Такова, напримѣръ, полунагая женщина— крайне неудачное, по чрезвычайной блѣдности лица и по кривизнѣ частей тѣла, твореніе какого-то Телемака Эксерджана, надо полагать армянина, судя по фамиліи. Представьте себѣ, что у этой фигуры, изображенной въ полуоборотъ, одно плечо пришлось выше уха. Къ этой же категоріи надобно отнести и такъ названную «Психею» Монтани, которая какъ нельзя болѣе была въ pendant домашнимъ птицамъ, подвѣшеннымъ къ ней снизу и относительно которыхъ, говоря безъ преувеличенія, трудно было догадаться, къ какой онѣ принадлежатъ породѣ. Портреты и этюды почему-то все изображали лица неестественно кофейнаго или просто желтаго цвѣта и лишены всякой выразительности и типичности, каковъ, напримѣръ, этюдъ женской головы Хамди-бея и портретъ армянина, Ибрагима Захарьи. Старикъ, съ турецкой книгою въ рукахъ, произведеніе какого-то Мустафы, до чрезвычайности типомъ своимъ напоминалъ русскаго мужика. Единственно, что́ было сноснаго въ этой коллекціи — это портретъ масляными красками работы m-me Джерихамъ, и другой портретъ тушью — работы Абрагама. Вообще видно было, что живопись есть еще дѣло новое и непривычное туркамъ, и если было что́ сколько-нибудь похожаго на живопись, то принадлежало проживающимъ въ Константинополѣ итальянцамъ; туземцы же не отличились.

Расхаживавшій по пустой залѣ (такъ какъ посѣтителей совсѣмъ не было), турецкій чиновникъ, съ аксельбантами, замѣтивъ, что я пристально всматриваюсь въ выставленные предметы и дѣлаю въ своей книжечкѣ замѣтки, приблизился ко мнѣ сторонкой и заговорилъ: «Мало еще! Вѣдь это еще въ первый разъ выставка! Я вотъ устрою здѣсь школу живописи», такъ что, слѣдовательно, это былъ родоначальникъ будущей турецкой живописи. Но кто онъ такой—самъ ли художникъ, или просто только чиновникъ,—не знаю.

Спустившись изъ залы выставки во второй этажъ, я полюбопытствовалъ узнать, что́ еще находилось въ «Домѣ наукъ». Осмотрѣвшись кругомъ, я увидѣлъ въ одну растворенную дверь столы и скамейки на подобіе тѣхъ, какіе бываютъ въ нашихъ университетскихъ аудиторіяхъ. Я подошелъ поближе и, видя, что мнѣ никто не препятствуетъ, вошелъ въ одну аудиторію, гдѣ читалась

лекція персидскаго языка. Одинъ профессоръ «сарыклú» [1]) сидѣлъ на каѳедрѣ и читалъ по книгѣ «Гюлистанъ» Саади съ комментаріемъ. Посидѣвши нѣсколько времени, я сошелъ внизъ, и тутъ тоже нашелъ двѣ аудиторіи для студентовъ низшихъ курсовъ. Тутъ уже не было ни столовъ, ни скамеекъ: новички сидѣли просто поджавши ноги на полу, покрытомъ соломенными цыновками. Я какъ разъ подоспѣлъ къ началу лекціи. Я спросилъ одного, чтó теперь будетъ; онъ отвѣчалъ, что кюрэ. Я посмотрѣлъ на росписаніе: тамъ значилась «джаграфія». Кюрэ собственно значитъ «шаръ», «глобусъ», а затѣмъ это слово употребляется турками и въ значеніи науки географіи. Въ чемъ же состояло университетское преподаваніе географіи? На стулѣ за столомъ сидѣлъ профессоръ въ военномъ мундирѣ. Онъ вызывалъ къ доскѣ студентовъ, парней лѣтъ въ 20 и больше пожалуй, заставлялъ ихъ чертить земную орбиту и опредѣлять положеніе земли по отношенію къ солнцу въ четыре разныхъ времени года. Вдругъ толпа сидѣвшихъ на полу слушателей зашевелилась и стала-было подниматься на ноги. Я оглянулся, смотрю: Джевдетъ-паша, министръ народнаго просвѣщенія, въ сопровожденіи своего товарища и нѣсколькихъ чиновниковъ, пріѣхалъ посмотрѣть выставку. Этотъ, на видъ весьма разбитной, старикъ ласково кивнулъ студентамъ головою, далъ знакъ, чтобы они не вставали, а продолжали дѣлать свое дѣло, и пошелъ дальше.

Соскучившись отъ этой монотонной учебы, я вышелъ въ швейцарскую, взялъ отъ «капыджú» (швейцара) свой зонтикъ и, заплативъ по обычаю піастръ за сохраненіе, хотѣлъ уже уходить. Но «капыджú», молодой парень, остановилъ меня вопросомъ:

— А что, ты придешь опять?

— А можно развѣ?

— Можно, можно, приходи, когда тебѣ будетъ угодно.

Тогда, не теряя времени, я заглянулъ въ росписаніе и узналъ, когда и какія бываютъ тамъ лекціи по языку. Такими оказались «эмля́» (диктовка) и «иншà» (сочинительство).

---

[1]) Теперь всѣ турки дѣлятся на фяслú и сарыклú, т.-е. на носящихъ одну феску и феску обвитую сарúкомъ, кисейнымъ полотенцемъ. Послѣднее составляетъ привилегію ученаго класса, куда относятся всѣ имамы, кадіи, шейхи, мудеррисы (профессора) въ мечетскихъ медресэ, софта (студенты) тѣхъ же медресэ. Это все лица, представляющія нѣкоторую аналогію съ нашимъ духовно-семинарскимъ сословіемъ. Прочіе же грамотные, и можетъ быть не меньше вышеописанныхъ ученые люди, но служащіе или учащіеся въ учрежденіяхъ чисто правительственныхъ, всѣ обязаны носить одни только красные фесы съ черною кистью, а военные съ голубою. Всѣ студенты Дару-ль-Фунуна—сарыклы, профессора же одни фесочники, а другіе—чалмоносцы.

На слѣдующій же день я въ урочный часъ пришелъ въ Дару-ль-Фунунъ, привѣтливо былъ встрѣченъ швейцаромъ, который, очевидно, разсчитывалъ на бакшишъ за каждое мое посѣщеніе, и отправился на лекцію «иншà» къ профессору Неиръ-бею. Господинъ Неиръ-бей былъ уже въ аудиторіи и стоялъ на высочайшей каѳедрѣ, когда я вошелъ и безъ дальней церемоніи сѣлъ на переднюю скамейку. Озадаченный, вѣроятно, моимъ неожиданнымъ появленіемъ, онъ обратился ко мнѣ по-французски.

— Вы, вѣрно, пришли слушать лекцію?

— Да, если вы позволите,—отвѣчалъ я нѣсколько сконфузившись, такъ какъ я замѣтилъ, что вопросъ этотъ былъ сдѣланъ имъ вовсе не изъ предупредительности или любезности, а скорѣе отъ недовольства моимъ непрошеннымъ посѣщеніемъ.

Неиръ-бей былъ одѣтъ безукоризненно а-ла-франка, хотя, разумѣется, въ неизбѣжномъ однобортномъ сюртучкѣ съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ и въ фескѣ; у часовъ болталось несмѣтное множество брелоковъ; на пальцахъ блестѣли перстни. Не обративъ ни малѣйшаго вниманія на надутость этого франта, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ и спросилъ его, въ чемъ будетъ состоять его лекція. Неиръ-бей отвѣчалъ, что студенты должны были къ сегодняшнему разу написать оффиціальное письмо отъ такого-то губернатора къ такому-то чиновнику. Вѣроятно, предполагалось дѣлать разборъ и провѣрку студенческихъ работъ. Но вся лекція состояла, однако же, въ томъ, что Неиръ-бей вызывалъ къ доскѣ, которая помѣщалась на самой каѳедрѣ у стѣны, студента, заставлялъ его писать подъ диктовку и дѣлать разборъ словъ и предложеній, но безъ всякаго отношенія къ вышеупомянутой студенческой работѣ.

Не знаю, было ли то въ обычаѣ Неиръ-бея, или же только вслѣдствіе исключительнаго случая—присутствія въ аудиторіи иностранца, но только продиктованное имъ заключало въ себѣ нѣчто въ родѣ разсужденія на тэму о пользѣ науки. Одному онъ продиктовалъ такую фразу: «чтеніе и письмо служатъ къ образованію ума и чистотѣ сердца». Другой студентъ написалъ подъ диктовку цѣлую тираду слѣдующаго содержанія. «Наука и знаніе суть товарищи на пути истины и правоты. Что касается этой истины и правоты, то она въ обоихъ мірахъ (т.-е. въ сей, и въ будущей жизни) есть причина спасенія и благополучія, высокой почетности и блаженства. Доказано примѣрами, что тѣ, которые украшаютъ свою личность и свою душу лучами познаній, достигаютъ самыхъ крайнихъ предѣловъ своихъ ожиданій, а остающіеся въ мракѣ варварства и невѣжества попираются лошадьми

презрѣнія и унижевія» [1]). Господа студенты, оказалось, писали чрезвычайно неправильно; плохо знали турецкую грамматику; разъ не могли прінскать къ извѣстному имъ арабскому слову «кальбъ» (сердце) соотвѣтствующее чисто-турецкое, хотя нашлось цѣлыхъ два такихъ слова — «юнуль и юрекъ» и, въ концѣ-концовъ, не въ состояніи были объяснить разницы двухъ послѣднихъ синонимовъ. Но и господинъ профессоръ, этотъ маленькій человѣчекъ, преисполненный необыкновенной важности, не церемонился съ своими слушателями: онъ осыпалъ ихъ чувствительными упреками за незнаніе; приказывалъ записывать то, что диктовалось, приговаривая: «это вамъ полезно», и когда одинъ вздумалъ-было почему-то выдти изъ аудиторіи, то Неиръ-бей остановилъ его, спросилъ, куда и зачѣмъ тотъ идетъ, и велѣлъ возвратиться на свое мѣсто, чему тотъ беспрекословно и повиновался. Такимъ образомъ университетская лекція оказалась простымъ элементарнымъ школьнымъ урокомъ. Одно, что было необыкновенно восхитительно въ Неиръ-беѣ, — это его турецкое произношеніе. Османскій языкъ въ высшей степени благозвученъ, вслѣдствіе сильно развитаго въ немъ сингармонизма гласныхъ; но только его надо слышать изъ устъ турчанокъ; мужчины же говорятъ довольно небрежно, и у нихъ исчезаетъ вся прелесть османской рѣчи. Въ бытность въ Константинополѣ мнѣ пришлось слышать хорошее, т.-е. отчетливое, плавное, благозвучное произношеніе только у пяти мужчинъ, и всѣхъ лучше оно было у Неиръ-бея. По окончаніи лекціи я познакомился съ нѣкоторыми изъ студентовъ. Они сказали, что скоро будетъ экзаменъ, и показали мнѣ программу исторіи, которая мнѣ показалась довольно обширною и интересною, и мнѣ захотѣлось послушать профессора исторіи, Ахмеда-Хыльми-эфенди; но сколько разъ я ни пытался приходить — было напрасно: Ахмедъ-Хыльми-эфенди постоянно манкировалъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшился добиться-таки своего, и познакомился съ Хыльми-эфенди слѣдующимъ образомъ.

Пріѣхавъ въ Константинополь и имѣя въ виду освоиться съ живою османскою рѣчью, я во что бы то ни стало домогался поселиться гдѣ-нибудь въ турецкомъ домѣ, и дѣятельно принялся

---

[1]) Для знакомыхъ съ турецкимъ языкомъ привожу эти диктовки въ подлинномъ текстѣ. Примѣръ первый: „Окуюбъ язмàкъ аклы́ тербіййè кальбы́ тесфіййè эилéръ“.— Примѣръ второй: „Ильмъ у ма'рифéтъ бадрикáи тарúки гедайéтъ у истикамéтъ дыръ. Тарúки гедайéтъ исè ве истикамéтъ исè дарейндè байси неджáтъ у селамéтъ, ве éльки мáхзы шерéфъ у се'адéтъ дыръ. Эмсáлилè дахы́ мусби́тъ дыръ ки энвáри маáрифилè тазьúни затъ у сефатъ идеилéръ васúли ансáн эмéль, ве зульмéти джегль иладанидé калапдáръ исé, хую́ли резалéтъ у деніййетè паимáль олдулáръ“.

отыскивать себѣ комнаты. Но всѣ старанія оказались тщетными, хотя мнѣ въ этомъ помогалъ одинъ бѣглый черкесъ, давно живущій въ Константинополѣ, служившій въ тамошней тайной полиціи и отлично знающій Стамбулъ. Оказалось, что турки ни подъ какимъ условіемъ не отдаютъ, какъ у насъ, комнатъ холостымъ, или, правильнѣе сказать, безженнымъ людямъ, и притомъ не только иностранцамъ и иновѣрцамъ, но и своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Безженная и безсемейная часть населенія обязана гнѣздиться въ такъ-называемыхъ «ханахъ»—квартирныхъ домахъ въ худшемъ смыслѣ этого слова: ихъ нельзя назвать меблированными комнатами, потому что вся мебель грязныхъ-прегрязныхъ хлѣвушковъ въ этихъ «ханахъ» состоитъ изъ низенькаго подоконнаго прилавка для постели и иногда деревянной посудной полки. Можно было нанять, и даже сравнительно очень дешево, цѣлый домикъ-особнякъ, представивъ приходскому имаму двухъ свидѣтелей въ томъ, что вы человѣкъ скромный и не ведете знакомства съ женщинами. Но занимать одному цѣлый домъ было для меня обузою, соединенною съ необходимостью заводить свою мебель, посуду, прислугу и прочее, да и не вело къ желанной цѣли. Тогда я вздумалъ-было прибѣгнуть къ покровительству важныхъ лицъ изъ самихъ турокъ. И дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ, когда я имъ разсказывалъ о безуспѣшности своихъ поисковъ и даже о тщетности своихъ стремленій, отвѣчали мнѣ съ добродушною, на первый взглядъ, усмѣшкою: «Вотъ какой вздоръ! Я вотъ поговорю съ такимъ-то, и онъ устроитъ вамъ это безъ всякаго затрудненія!» Такъ я странствовалъ отъ одного протектора къ другому, пока не дошла очередь и до вышеупомянутаго историка Ахмеда-Хылми-эфенди. Къ слову сказать, всѣ профессора «Дару-ль-Фунуна» фесочники служатъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, благодаря своему знанію французскаго языка. Недостатокъ годныхъ къ дѣлу людей въ Турціи дѣлаетъ то, что одни и тѣ же лица часто соединяютъ тамъ въ себѣ самыя разнообразныя должности. Такъ и почтенный профессоръ исторіи, служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ то же время состоитъ управляющимъ конторою городскихъ конножелѣзныхъ дорогъ и живетъ въ Скутари, гдѣ и находится эта контора.

Отправляюсь на пароходѣ въ Скутари, что̀ на азіатской сторонѣ Босфора. Такая же тѣснота, кривизна и мусорность улицъ, такая же пыль, жара и духота, какъ и въ Стамбулѣ. Послѣ долгихъ разспросовъ, я нашелъ, наконецъ, контору. Сперва я вошелъ въ огромный сарай, въ которомъ стоятъ дилижансы, ва-

ляются негодныя колеса, торчатъ тамъ-и-сямъ дышла, а кое-гдѣ виднѣются привязанныя лошади. Затѣмъ, по лѣстницѣ, я поднялся вверхъ на помостъ, въ родѣ нашего сѣновала. Это и была контора. Въ комнатѣ, застланной неизбѣжною соломенной циновкой, за столомъ, сидѣло молча нѣсколько турокъ въ фескахъ. На одномъ концѣ стола, ближе къ окну, сидѣлъ жирный, обрюзглый, сонный и съ весьма коротко подстриженною сѣдоватою бородою турокъ. То и былъ самъ Ахмедъ-Хыльми эфенди. Я вошелъ безъ всякаго доклада, самъ отрекомендовался ему, сказавъ, что я присланъ къ нему отъ такого-то и затѣмъ-то.

— Да, да,—протянулъ онъ,—мнѣ говорилъ Ахмедъ-Вефыкъ-эфенди.

— Ну, что же, можно мнѣ будетъ найти помѣщеніе у кого-нибудь въ домѣ?

— Да, да; вотъ посмотримъ, посмотримъ!

— Когда же я могу окончательно узнать объ этомъ?

— Да какъ-нибудь зайдите ко мнѣ.

Я, желая сдѣлать заразъ два дѣла, попросилъ у него позволенія придти къ нему въ «Домъ наукъ» и кстати послушать его лекцію.

— Ну, хорошо, приходите.

Хыльми-эфенди объяснялся со мною по-французски, хотя и не совсѣмъ свободно, и постоянно вставлялъ во французскія фразы турецкое выраженіе «масалá», вмѣсто французскаго «par exemple». Я воображаю, какъ ему было прискорбно, что онъ говорилъ со мною не по-турецки, и такимъ образомъ былъ лишенъ возможности закончить свою бесѣду со мною любимою у турокъ фразою, когда къ нимъ обращаются съ какою-нибудь просьбою, «бакалы́мъ, бакалы́мъ, эфе́ндимъ» (посмотримъ, милостивый государь, посмотримъ!), которая далеко не имѣетъ того своеобразнаго букета во французскомъ или въ какомъ другомъ переводѣ.

Отправляюсь въ назначенный день опять въ «Домъ наукъ». Въ этотъ разъ я вздумалъ-было пройти кратчайшимъ путемъ, держась сравнительно прямого направленія. Но, проблуждавши по нѣсколькимъ змѣеобразнымъ улочкамъ, я вышелъ, наконецъ, на какую-то улицу, которая шла сплошною стѣною, не перекрещиваясь ни однимъ переулкомъ, да притомъ еще шла не по прямой, а по круговой линіи. Я долго бы, пожалуй, проплуталъ въ окрестностяхъ «Дома наукъ» и вѣроятно бы не добрался до него скоро, еслибы не увидѣлъ вдали одного студента, который тотчасъ узналъ меня и замахалъ мнѣ рукою, приглашая идти

вмѣстѣ съ нимъ. То былъ пожилой и уже порядочно посѣдѣвшій, крымскій татаринъ, давно эмигрировавшій въ Турцію.

Добрались до «Дома наукъ», и мой первый вопросъ былъ, тутъ ли Хыльми-эфенди. Мнѣ сказали, что онъ въ профессорской залѣ. Предполагая встрѣтиться тамъ и съ «мудиромъ», т.-е. ректоромъ, и давно уже вознамѣрившись испросить у него, на всякій случай, оффиціальнаго дозволенія посѣщать лекціи, я рѣшился кстати теперь же привести въ исполненіе свое намѣреніе. Въ профессорской комнатѣ, возлѣ дверей, у окна, стоялъ сѣдой старикъ крупнаго тѣлосложенія, съ длинною бородою, усыпанною нюхательнымъ табакомъ, и съ предобродушнымъ выраженіемъ лица. Я обратился къ нему по-турецки съ своею просьбою и онъ отвѣчалъ мнѣ: «буюрунузъ, эфендимъ, буюрунузъ!» (извольте, милостивый государь, извольте!). Тогда я раскланялся со всѣми присутствовавшими въ этой комнатѣ, которые сидѣли въ стоявшихъ у стѣнъ креслахъ, и подошелъ къ Хыльми-эфенди, который пригласилъ меня сѣсть возлѣ себя. Мудиръ подалъ мнѣ свернутую имъ папиросу [1]) и велѣлъ дать огня. По другую сторону около меня сидѣлъ, подобравши на кресло ноги, другой профессоръ, дряхлый старичокъ. Слуга поднесъ ему небольшую бумагу,—кажется, распредѣленіе экзаменовъ. Вмѣсто того чтобы расписаться, какъ это дѣлается у насъ, профессоръ молча протянулъ свой указательный палецъ, кончикъ котораго слуга попачкалъ чернилами, а профессоръ, въ свою очередь, помазалъ имъ свою именную печатку и приложилъ ее къ циркуляру. Намъ подали кофе, въ маленькихъ, конической формы чашечкахъ—обычное угощеніе для всѣхъ посѣтителей, для чего въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ спеціально имѣются «кахведжи», занимающіеся варкою кофе. Смотрю: слуга взялъ одно кресло и понесъ куда-то. Затѣмъ онъ явился къ мудиру съ докладомъ, что такой-то профессоръ сидитъ уже въ аудиторіи, на что тотъ отвѣтилъ: «мы еще кофе пьемъ, пусть подождетъ немного». Я сперва не догадался, что меня задержива за мною; но когда я отдалъ слугѣ опорожненную чашку, мудиръ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «пожалуйте!» и я, совершенно неожиданно для меня, самымъ торжественнымъ образомъ, былъ препровожденъ въ давно уже знакомую мнѣ аудиторію. Войдя, я сдѣлалъ по обыкновенію турецкій реверансъ, сидѣвшему на каѳедрѣ старику въ чалмѣ,

[1]) Прежде, говорятъ, турки всегда угощали длинными трубками, которыя теперь почти всюду замѣнены свертываемыми папиросами. Теперь же трубками турки угощаютъ только у себя дома, и то лишь въ знакъ особаго уваженія своего и вниманія къ посѣтителю, какъ это мнѣ пояснили люди, знакомые съ турецкимъ этикетомъ.

приложивъ къ сердцу и ко лбу руку, и сѣлъ на приготовленный мнѣ возлѣ самой каѳедры и на сквозномъ вѣтру стулъ. Была лекція торговаго права. Ужъ не знаю, читалъ ли раньше профессоръ, или же дожидался, по приказанію мудира, моего прихода, но только онъ началъ такъ, читая по печатной книгѣ «Пятьдесятъ-третій примѣръ. Положимъ, что кто-нибудь купилъ пару фесовъ, и одинъ ему потомъ не понравился, то можно ли возвратить фесъ продавцу? Можно, потому что каждый фесъ есть особый товаръ. А вотъ, еслибы кто купилъ сапоги, да одинъ бы сапогъ ему не понравился, то ужъ нельзя было бы возвратить, потому что два сапога—пара и составляютъ одинъ товаръ». Студенты, человѣкъ 20, или дремали, или просто-на-просто спали, расположившись въ разныхъ позахъ на скамейкахъ, и старикъ-профессоръ былъ, повидимому, чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что имѣлъ во мнѣ внимательнаго слушателя, а потому все время держалъ рѣчь, обратившись ко мнѣ лицомъ, и бокомъ къ студентамъ. Хотя я былъ очень польщенъ вниманіемъ стараго ходжи, но тѣмъ не менѣе мнѣ было крайне досадно, что, вмѣсто исторіи, мнѣ пришлось слушать торговое право, которымъ я совсѣмъ не интересовался. Я скоро соскучился, но никакъ не рѣшался выдти, чувствуя все неприличіе такого поступка, и вѣроятно досидѣлъ бы до конца, еслибы не сквозной вѣтеръ, пронизывавшій меня до костей: сильно продрогши, я наконецъ всталъ, раскланялся съ почтеннымъ профессоромъ и удалился, оставивъ его въ жертву невниманію сонной аудиторіи.

Хотя содержаніе лекцій, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ всякой наукообразности, и не представляло ничего интереснаго, тѣмъ не менѣе я продолжалъ бывать въ «Дару-ль-Фунунѣ», ради практики въ языкѣ. Практика же состояла не столько въ рѣчахъ профессоровъ, сколько въ продолжительныхъ разговорахъ, которые происходили у меня во время антрактовъ со студентами. Разъ, во время одного такого разговора, одинъ студентъ указываетъ мнѣ на другого и говоритъ:

— Это вашъ, крымецъ!

— Какимъ образомъ онъ тутъ?—спрашиваю я.

— Бѣжалъ,—говорятъ мнѣ.

Тогда я обращаюсь къ этому земляку съ вопросомъ, почему онъ бѣжалъ:

— Вѣрно, отъ военной службы?—говорю.

— Служба-то бы еще ничего, а вотъ «салтáтъ-шапкà»-то (т.-е. солдатскій киверъ) ужъ очень противна.

Намъ, европейцамъ, можетъ показаться страннымъ такой ре-

зонъ. Чтобы понять это, нужно знать взглядъ мусульманъ на свой головной уборъ: онъ для нихъ имѣетъ такой же священный символъ правовѣрія, какъ, въ старину, для нашихъ раскольниковъ борода. Мнѣ говорили, и я потомъ дѣйствительно самъ убѣдился, что турки гораздо благосклоннѣе и внимательнѣе относятся къ европейцу, если онъ въ фескѣ, а не въ шляпѣ. Очевидецъ разсказывалъ мнѣ про одного турецкаго сановника, какъ онъ прогналъ отъ себя просителя, турецкаго подданнаго, который, позабывшись, снялъ феску «а-ла-франка», вмѣсто того, чтобы сдѣлать только обычное рукоприкладство, которое разнообразится лишь тѣмъ, что, привѣтствуя высокую персону, вмѣсто сердца, касаются перстами земли. Студенты разспрашивали меня, какимъ путемъ я ѣхалъ изъ Петербурга въ Константинополь и сколько времени; есть ли въ Петербургѣ мусульмане, и много ли ихъ. Затѣмъ, по поводу того же бѣглаго крымца, нѣкоторые изъ нихъ, побойчѣе, завели рѣчь о томъ, что мусульманину неприлично служить въ войскѣ христіанскомъ, и обратно, христіанину въ мусульманскомъ, потому что можетъ довестись сражаться противъ своихъ единовѣрцевъ. Я на это возразилъ, что сражаться надо не за вѣру, а за свою землю, за свою родину, а съ кѣмъ—это рѣшительно все равно. Тогда они предложили мнѣ такой вопросъ: «допустимъ,—говорятъ,—что началась война у Москвы съ Турціей; кто же тебѣ тогда былъ бы сочувственнѣе, турецкій ли христіанинъ, или московскій мусульманинъ?» Я говорю, что защищающій со мною нашу общую родину мусульманинъ будетъ для меня сочувственнѣе христіанина, сражающагося въ рядахъ непріятельскихъ. «Врешь, братъ: это ты только такъ разговариваешь!» порѣшили они и остались при своемъ убѣжденіи. Большею остротою и живостью въ бесѣдѣ отличались, впрочемъ, студенты изъ арабовъ; османлы были какъ-то равнодушнѣе. Послѣдніе плоше, кажется, смекали и науки, потому что нѣкоторые приставали къ одному арабу съ просьбою объяснить имъ ариѳметическія дѣйствія надъ дробями, на что этотъ природный математикъ наотрѣзъ отказался. Вообще, я не замѣтилъ тѣхъ товарищескихъ отношеній между студентами, какія въ обычаѣ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

III.

Въ послѣднее время между иностранцами чаще стали являться охотники изучать турецкій языкъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые грамотные турки специально занимаются тѣмъ, что даютъ уроки такимъ любителямъ, и пріобрѣли даже нѣкоторую сноровку въ добываніи себѣ учениковъ. Объ этомъ я заключилъ по собственному опыту. Разъ какъ-то сижу я въ библіотекѣ и читаю. Не вдалекѣ отъ меня расположился старикъ мулла безъ всякаго дѣла и безпрестанно поглядываетъ на меня. Потомъ черезъ нѣсколько времени онъ вступилъ даже со мною въ разговоръ, и безъ дальнихъ околичностей спросилъ, не желаю ли я учиться по-турецки, и если желаю, то предлагаетъ мнѣ свои услуги въ качествѣ учителя, назначивъ время, въ которое я его могу найти въ медресэ, что при мечети Сулейманіэ. Другой такой же ходжа присталъ ко мнѣ съ подобнымъ предложеніемъ на базарѣ, когда я присматривалъ и выбиралъ себѣ книги въ одной книжной лавочкѣ. Не столько изъ желанія отыскать вышеупомянутаго муллу, сколько съ цѣлью посмотрѣть на учебу и жизнь студентовъ, я какъ-то разъ зашелъ въ медресэ. Я чаялъ найти тутъ что-нибудь похожее на учебное заведеніе въ родѣ тѣхъ, какія у насъ, но ничего подобнаго тамъ и не бывало. Я вошелъ на большой квадратный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ глухими стѣнами на улицу, а четвертою примыкающій къ другимъ какимъ-то зданіямъ. Встрѣтивъ одного турка, я спросилъ его, здѣсь ли такой-то ходжа, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ былъ здѣсь рано утромъ, а теперь уже ушелъ: что уроки уже окончились, такъ какъ теперь они начинаются гораздо раньше, по причинѣ жаркаго времени. На вопросъ мой, есть ли тутъ студенты, и что они дѣлаютъ,—онъ отвѣтилъ, что есть, и что они въ настоящее время «чалышырла́ръ» (занимаются), и указалъ мнѣ ихъ помѣщенія. Вдоль стѣнъ сплошная идутъ небольшія кельи съ маленькими куполообразными снаружи крышами. Двери по обыкновенію были растворены. Въ этихъ довольно неопрятныхъ стойлахъ было устроено по одному или по два низенькихъ приставка, служащихъ кроватями, на которыхъ валялись въ разныхъ позахъ босоногіе, но непремѣнно съ завернутою въ чалму головою, студенты съ книжками, и читали что-то вслухъ. Одинъ развелъ огонь въ котлѣ, наполненномъ пескомъ, и въ другой сосудъ, установленный на маленькомъ таганчикѣ надъ этимъ котломъ, крошилъ «бадлиджа́нъ» (демьянки), собираясь стряпать себѣ

обѣдъ. Еще въ одномъ углу сплошного навѣса, или общей для всѣхъ келій галлереи, одинъ студентъ въ полулежачемъ положеніи упорно глядѣлъ въ книгу, а другой, сидя возлѣ него на колѣнкахъ, покачивался взадъ и впередъ и болталъ что-то, не переводя духу: это, очевидно, онъ репетировалъ товарищу свой урокъ. Я вошелъ въ одну изъ отворенныхъ настежъ келій и обратился съ вопросомъ къ находившемуся тамъ бородатому и уже не первой молодости долбилѣ, чтó онъ читаетъ. «Мантыкъ»,—отвѣтилъ онъ мнѣ и подалъ книжку на арабскомъ языкѣ. Это было нѣчто въ родѣ нашей логики; но только она отличается необыкновенно запутаннымъ и хитросплетеннымъ разглагольствованіемъ, которое студенты должны слово въ слово задалбливать. Я полюбопытствовалъ узнать, чтò еще они изучаютъ въ медресэ. Студенты перечислили мнѣ всѣ тѣ науки, которыя спокон вѣка составляютъ курсъ высшихъ мусульманскихъ школъ, каковы суть: коранъ и толкованія его, хадисы (преданія), и тоже съ толкованіями, арабская грамматика, мантыкъ и т. п.—все въ этомъ родѣ.—«А тарíхъ» (исторію) читаете вы?»—«А что толку въ исторіи!» наивно и съ сознаніемъ полной правоты своего убѣжденія—отвѣчалъ мнѣ софта.

— А сколько тебѣ лѣтъ?—полюбопытствовалъ я.

— Тридцать три.

— Сколько же тебѣ еще тутъ учиться?

— Да еще шесть лѣтъ.

— А откуда ты?—вѣрно, изъ Трапезунда?

Послѣдній вопросъ нѣсколько удивилъ софта, и онъ, въ свою очередь, пожелалъ освѣдомиться, какъ я могъ узнать, что онъ не константинополецъ, а чтó я ему пояснилъ, что я заключилъ объ этомъ по его выговору.

Константинопольскіе медресэ при мечетяхъ, въ отношеніи ихъ къ прочимъ устроеннымъ на европейскій ладъ учебнымъ заведеніямъ, можно сопоставить съ нашими семинаріями прежнихъ временъ: та же традиціонная закоснѣлость; та же бестолковая многолѣтняя зубрёжка учебниковъ; та же бурсацкая неуклюжесть и та же своеобразная типичность и оригинальность, начиная съ покроя одежды, называемой «джубè», и кончая складомъ головы. Порядокъ ученія, впрочемъ, еще безобразнѣе: софта поочередно штудируетъ по одному предмету и не покидаетъ какого-нибудь учебника до тѣхъ поръ, пока не вызубритъ его отъ крышки до крышки, и тогда уже принимается за другой. И вотъ, природное невѣжество и косность этихъ несчастныхъ, непроизводительныхъ тружениковъ усугубляется въ нихъ еще методомъ

обученія, исключающимъ всякій самостоятельный научный анализъ, всякую свободу и прогрессивность мысли. А между тѣмъ огромное большинство константинопольскихъ турецкихъ школъ набито пришельцами изъ провинцій, и главнымъ образомъ изъ дикаго, фанатическаго Трапезунда, изъ Сиваса и другихъ захолустьевъ Анатоліи. Туземные константинопольцы идутъ преимущественно въ новыя средняго разряда школы, именуемыя «рушдіѐ» (нормальныя), дающія своимъ воспитанникамъ право на занятіе мелкихъ канцелярскихъ должностей. Но посты болѣе важные, по количеству ихъ и авторитетному вліянію на населеніе, какъ-то: должности имамовъ, школьныхъ учителей, судей и т. п., замѣщаются софтами изъ медресэ. Теперь ихъ обязываютъ, проникнувъ въ чисто мусульманскую мудрость, проходить еще черезъ чистилище «Дома наукъ»; но мы уже видѣли, что̀ тамъ происходитъ за учеба, и насколько она въ состояніи переработать притупленныя прежнею школою и великовозрастіемъ головы.

Близъ прежняго султанскаго дворца, на склонѣ мыса, называемаго Сарай-бурну, находится «Мектѐби-султанѝ», высшее учебное заведеніе въ родѣ нашего лицея. На довольно красивомъ снаружи зданіи красуется вывѣска на турецкомъ и французскомъ языкахъ. Во время моего посѣщенія классы были уже закрыты, экзамены кончены, и такимъ образомъ не было никакой возможности ближе познакомиться съ ходомъ занятій въ этомъ заведеніи. Я узналъ только, что директоръ французъ, что преподаваніе всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ корана и турецкой грамматики, происходитъ на французскомъ языкѣ. Въ сѣняхъ на стѣнѣ виситъ печатное росписаніе классныхъ занятій. Самое большее число уроковъ посвящено европейскимъ языкамъ: французскому, нѣмецкому и англійскому. Далѣе, въ числѣ учебныхъ предметовъ значилась и космографія, и философія, и право. Но что̀ всего любопытнѣе, такъ это то, что одинъ французъ соединялъ въ своемъ лицѣ нѣсколько наукъ, преподавая и французскій языкъ, и исторію, и философію, и даже еще что-то такое. Лицей, равно какъ и нѣкоторыя другія спеціальныя учебныя заведенія въ Константинополѣ, наполнены не турецкимъ юношествомъ: большинство воспитанниковъ другихъ національностей—болгаръ, армянъ, евреевъ, грековъ. Не заставши ни уроковъ, ни экзаменовъ, я хотѣлъ-было побывать, по крайней мѣрѣ, на «тавзіи-мукафа̀тъ»—раздачѣ наградъ за конкурсныя сочиненія лицеистовъ; но не попалъ, благодаря тому, что для этого торжества день не разъ былъ назначаемъ и отмѣняемъ. Я при всѣхъ своихъ стараніяхъ не могъ добыть даже экземпляра

печатной программы классовъ, потому что одинъ изъ преподавателей лицея, очень любезный и обязательный господинъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, всегда какъ-то старался уклониться, когда бывало-дѣло касалось лицея и внутренняго строя этого заведенія. Напримѣръ, я допытывался отъ него, какого рода сочиненія пишутъ лицеисты, за которыя раздаютъ имъ награды; но, сколько я могъ судить по его объясненіямъ, это вовсе не представляло ничего серьёзнаго, и, мнѣ казалось, самъ мой пріятель профессоръ сознавалъ это, а потому, пообѣщавъ сперва достать мнѣ на просмотръ одно такое сочиненіе, сказалъ послѣ, что не нашелъ.

Возвращаясь изъ лицея и проходя по одной улицѣ, ведущей въ кварталъ, называемый у турокъ «Ко́ска», я слышу какой-то неопредѣленный гамъ, не то происходившій отъ человѣческихъ голосовъ, не то отъ чего-то другого. Осмотрѣвшись на всѣ стороны, я увидѣлъ на одномъ домѣ доску съ надписью: «Мектеби-субьянъ»—школа для мальчиковъ. Отворяю внѣшнюю дверь въ полутемный корридоръ и поднимаюсь по грязной и зараженной извѣстными міазмами лѣстницѣ во второй этажъ. На лѣстничной площадкѣ второго этажа я уже окончательно былъ оглушенъ шумомъ, доносившимся туда изъ классной комнаты. По лѣстницѣ безпрестанно сновали маленькіе мальчуганы. При входѣ моемъ въ школу гамъ въ одинъ моментъ смолкъ: появленіе посторонняго лица, очевидно, привлекло все вниманіе турчатъ, которые принялись привѣтствовать меня, быстро прикладывая ручонки къ сердцу и ко лбу. Это движеніе сотни или болѣе рукъ представляло необыкновенно забавную картину. Мальчики, судя по внѣшности, были разныхъ сословій турецкаго общества: одни были чистенько и даже изысканно одѣты а-ла-франка—это были дѣти беевъ и другихъ знатныхъ и состоятельныхъ лицъ, другіе—въ одной только рубашонкѣ да панталонахъ и босикомъ. Приблизительно всѣ мальчики были сверстники; но человѣка два-три если не превосходили прочихъ лѣтами, то по крайней мѣрѣ были значительно крупнѣе ихъ ростомъ. Иные сидѣли за откосыми столами на скамейкахъ, другіе же предпочитали сидѣть, подобравъ подъ себя ноги, на полу, покрытомъ циновкою. Вдоль одной стѣны подъ окнами шли нары, на которыхъ въ одномъ углу сидѣлъ среднихъ лѣтъ турокъ и какъ-то машинально періодически покрикивалъ на шумный рой учениковъ. Мальчики шалили немилосердно: они егозили съ мѣста на мѣсто, щипали другъ друга, возились подъ столами и скамейками, и только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ живо вскакивалъ на нары, подбѣгалъ къ вышеупомянутому турку, садился передъ нимъ на ко-

лѣни, всовывалъ ему въ руки свою книжку и немедленно начиналъ читать наизусть свой урокъ, аккомпанируя себѣ непрерывнымъ покачиваніемъ всего туловища взадъ и впередъ. Когда одинъ мальчикъ, отвѣтивъ урокъ, убѣжалъ на свое мѣсто, я подошелъ къ турку и, по его приглашенію, сѣлъ около него на нары. Оказалось, что онъ былъ только репетиторъ, или классный надзиратель, а самого «ходжи» (учителя) тутъ не было. Репетиторъ подалъ мнѣ табакъ и папиросную бумагу, предлагая сдѣлать папироску, но когда замѣтилъ, что я не мастеръ на это, живой рукою сдѣлалъ самъ и подалъ мнѣ папироску, послюнивъ всю бумагу и не оставивъ, какъ это обыкновенно дѣлается, одинъ конецъ папироски сухимъ, съ тѣмъ, чтобы курящій самъ уже послюнилъ его. Дѣлать было нечего: брезгливость должна была уступить вѣжливости, и я закурилъ. Затѣмъ репетиторъ вышелъ и принесъ мнѣ чашку кофе. Онъ мнѣ назвалъ фамиліи нѣкоторыхъ учениковъ, показалъ программу, которая въ рамкѣ за стекломъ висѣла надъ высочайшею каѳедрою. Въ этой школѣ два класса, въ которыхъ учатъ чтенію, письму и ариѳметикѣ. Несмотря на жаръ и духоту въ лѣтнее время, ученіе происходитъ чуть не цѣлый день, съ утра до вечера, такъ что развѣ только полнымъ отсутствіемъ всякой классной дисциплины можно объяснить то, что дѣти въ состояніи высиживать столько времени въ школѣ. Я все-же-таки захотѣлъ повидать самого учителя, и меня провели въ маленькую коморку. «Ходжа», человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ типичною улемскою физіономіею, состоящею изъ окладистой и овально подстриженной черной бороды, блѣднаго цвѣта лица и глупо выпученныхъ, нѣсколько фанатически закатившихся за верхнее вѣко масляныхъ глазъ, преспокойно сидѣлъ на засаленномъ тюфякѣ и занимался какимъ-то постороннимъ дѣломъ. Я попросилъ его показать мнѣ, какъ у нихъ учатъ. Мулла лѣниво поднялся и пошелъ со мною въ классъ. Тамъ онъ велѣлъ подать мнѣ стулъ, который поставили на каѳедрѣ, и мы оба взгромоздились наверхъ и сѣли съ нимъ рядомъ. Онъ выдвинулъ ящикъ каѳедры и досталъ одну изъ лежавшихъ въ немъ книжекъ; разложилъ ее, открылъ первую страницу и сталъ по ней читать: «въ арабской азбукѣ гласныя буквы бываютъ короткія и долгія», и т. д. Потомъ снова повторялъ прочитанное, только уже въ видѣ вопросовъ, съ которыми онъ обращался къ ученикамъ. Слушали и отвѣчали только тѣ изъ нихъ, которые сидѣли на ближайшей къ каѳедрѣ скамейкѣ, да и то не всѣ; остальные же продолжали по-прежнему шалить и возиться, не обращая никакого вниманія на присутствіе учителя.

Въ отвѣтахъ мальчиковъ не было замѣтно естественной непринужденности и развязности: они скорѣе походили на чтеніе зазубреннаго, какъ оно, вѣроятно, и было на самомъ дѣлѣ. Такъ прошло съ четверть часа, и ходжа ни на іоту не измѣнилъ своего пріема, да, какъ видно было по всему, и не намѣревался измѣнить его. Я поблагодарилъ его за оказанную мнѣ любезность и собрался уходить. Репетиторъ, замѣтивъ это, подошелъ ко мнѣ и сталъ приглашать еще когда-нибудь посѣтить ихъ. Ходжа машинально за нимъ повторилъ то же приглашеніе, которымъ я, однако, потомъ не имѣлъ случая воспользоваться.

IV.

Въ разговорахъ съ европейцами турки при случаѣ, съ чувствомъ гордаго самодовольства, говорятъ: «Бизьдà музэ эмѝвъ варъ!» (вѣдь у насъ есть свой музей!) Я скажу болѣе: у нихъ ихъ даже два. Въ одинъ изъ нихъ доступъ открытъ безпрепятственно для всѣхъ и во всякое время, съ платою двухъ піастровъ съ человѣка за входъ; для обозрѣнія же другого надобно выхлопотать пропускной билетъ изъ Блистательной Порты со внесеніемъ извѣстной, уже гораздо значительной, суммы. Первый помѣщается въ ремесленной школѣ на площади «Ат-мейданъ», насупротивъ мечети Ая-Суфья. Это продолговатое каменное двухъ-этажное зданіе, т.-е., собственно говоря, половина надворнаго флигеля, принадлежащаго вышеупомянутой школѣ. Музей этотъ называютъ «Янычарскимъ», потому что въ немъ выставлены исключительно только однѣ чучелы, представляющія собою старое облаченіе и вооруженіе янычаръ. А такъ какъ въ прежнее время янычары были все въ Турціи—и войско, и придворная челядь, и административныя власти, то янычарскій музей есть, такъ сказать, памятникъ всей турецкой старины, лишь очень недавно преобразовавшейся по внѣшности на европейскій ладъ. Какъ ни мрачно историческое прошлое этого дикаго растенія, занесеннаго судьбою на европейскую почву, какъ ни отвратительны воспоминанія, соединенныя съ дѣяніями прежнихъ оттоманскихъ деспотовъ, съ ихъ визирями, пашами, муфтіями, янычарами, евнухами и т. п., все-же-таки они могли бы составить весьма интересный предметъ для чисто учено-археологической любознательности въ настоящее время, подобно тому, какъ чучелы, или замаринованные въ спирту члены самыхъ ядовитѣйшихъ и вредоносныхъ животныхъ или гадовъ, служатъ иногда весьма любопытнымъ матеріаломъ для

зоологіи. Но напрасно было бы задаваться какими-нибудь серьёзными научными цѣлями, отправляясь въ янычарскій музей. Чучелы разставлены вдоль стѣнъ всего зданія, но безъ всякаго опредѣленнаго порядка и группировки. Около каждой изъ нихъ болтается ярлычокъ, на которомъ написано по-турецки, кого и что̀ изображаетъ данная чучела; но, кромѣ этого, нѣтъ ни хронологическихъ, ни другихъ какихъ-либо указаній. О каталогахъ, какіе обыкновенно имѣются при всѣхъ мало-мальски порядочныхъ европейскихъ коллекціяхъ, и говорить нечего. При входѣ въ этотъ музей за вами непремѣнно увяжется непрошенный чичероне, въ чаяніи получить съ васъ «бакшишъ»; но не разсчитывайте узнать отъ него что-нибудь больше, чѣмъ сколько вы найдете на ярлычкахъ; случалось даже, что онъ бывало переврегъ что-нибудь, по невѣжеству или отъ небрежности, разсчитывая на недогадливость посѣтителя. Положимъ, что такія вещи, какъ систематическая классификація выставленныхъ предметовъ, хронологическіе указатели и т. п., требуютъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній отъ завѣдующихъ коллекціею; но внѣшнее ея состояніе есть дѣло простой опрятности и весьма несложнаго обиходнаго попеченія. Но посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ всѣ эти несчастные визири, аги, джорбаджи́, казы-аскéры и прочіе чины янычарской орды! И вообще—это необыкновенно безобразные болваны, не особенно хорошо сдѣланные изъ дерева и грубо размалеванные клеевыми красками,—но безобразіе ихъ увеличивается еще тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ покривились; у другихъ отломаны пальцы, и, къ довершенію этого, всѣ они безъ исключенія до того запылены и въ такихъ лохмотьяхъ, что ихъ можно принять не за бездушныхъ чучелъ, вѣчно неподвижно стоящихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, а скорѣе за искалѣченныхъ хаммаловъ, обносившихся и загрязнившихся отъ какой-нибудь черной работы, или за пугалъ, какія у насъ ставятся на огородахъ. Кромѣ того, въ крышѣ музея мѣстами продѣланы отверстія, Богъ вѣсть съ какою цѣлью. Вѣроятно, это окна; но только я не замѣтилъ въ нихъ никакихъ признаковъ оконныхъ рамъ, и потому дождь пресвободно прыскаетъ сквозь эти отдушины на проходящую подъ ними публику. Трудно допустить, чтобъ это не имѣло вредныхъ послѣдствій и для самого музея.

Другой музей помѣщается въ древней византійской церкви св. Ирины, почти рядомъ съ софійскимъ храмомъ. Чтобы удѣлить себѣ удовольствіе видѣть константинопольскія достопримѣчательности, я присоединился къ одной партіи европейскихъ путешественниковъ, и мы отправились вчетверомъ подъ предво-

дительствомъ одного чичероне, или, какъ говорятъ турки, «тарджумáна», изъ венгерцевъ, давно живущаго въ Константинополѣ, говорящаго на всѣхъ *константинопольскихъ* языкахъ, весьма опытнаго въ обращеніи съ турками и человѣка кое-что знающаго по части мѣстной археологіи, а больше всего по части стариннаго фарфора. Мы заплатили ему по полъ-лирѣ (около $3^1/_2$ рублей) и за это имѣли право осмотрѣть прежній султанскій дворъ съ его кіосками, уцѣлѣвшими отъ послѣдняго пожара, палатами, съ сокровищницею и библіотекою, музей и три главныхъ мечети — Ая-Суфья́, Ахмедійѐ и Сулейманійѐ. Насъ было пятеро, и все разныхъ націй—русскій, французъ, англичанинъ, грекъ и венгерецъ. Прежде всего мы сходили въ двѣ мечети, Ая-Суфья́ и Ахмедійѐ, пользуясь свободнымъ, внѣ-молитвеннымъ временемъ. Излишне было бы распространяться объ эффектѣ и чрезвычайно импозантномъ впечатлѣніи, какое производитъ видъ внутренности Ая-Суфья́ (св. Софіи), когда вы вдругъ съ одного конца боковой, правой галлереи выступите на площадь, осѣненную куполомъ; еще неумѣстнѣе было бы тутъ описывать этотъ памятникъ византійскаго искусства: то и другое сдѣлано не разъ и, можетъ быть, гораздо искуснѣйшимъ перомъ, прежде. Знатоки эстетики говорятъ, что куполъ св. Софіи, опирающійся на парусы и потому видный зрителю нѣсколько съ боку, гораздо эффектнѣе купола св. Петра въ Римѣ, который или совсѣмъ недоступенъ для глаза, пока вы находитесь въ ковчегѣ храма, или же кажется плоскимъ кругомъ, когда вы, ставши подъ нимъ, должны смотрѣть на него по прямо-перпендикулярному направленію. Вообще, что̀ красиво, то красиво, и объ этомъ всѣ знаютъ. Не новость, я думаю, и тѣ пріемы, съ помощью которыхъ турки постарались обезобразить это великолѣпное зданіе; но это поруганіе, не говоримъ—святыни, но искусства, до-того вопіющее, что о немъ можно всегда говорить, не боясь повтореній. Не терпя рельефныхъ крестовъ, сдѣланныхъ изъ дерева на входныхъ дверяхъ, турки отломали у нихъ поперечныя части, но оставили продольныя и верхнія, отчего кресты получили видъ какихъ-то громадныхъ стрѣлъ съ несоразмѣрными трехконечными остріями. На парусахъ купола еще доселѣ виднѣются крылья херувимовъ, плохо замазанныхъ единобожными мусульманами, считающими христіанскихъ святыхъ за «товарищей», нечестиво приравненныхъ будто-бы Богу. Вокругъ всего храма турки развѣсили огромные круглые щиты, на которыхъ крупнѣйшими арабскими каракулями изображены имена Аллаха, Могаммеда и первыхъ четырехъ калифовъ. Циновки, разостланныя поперегъ пола наискось,

вслѣдствіе относительной разности въ положеніи магометанской киблы и христіанскаго алтаря, рѣжутъ глазъ нарушеніемъ симметріи; летающіе по подкуполью голуби, жужжащіе въ разныхъ углахъ хафизы, бѣгающіе и дерущіеся мальчишки—все это придаетъ какой-то заброшенный видъ турецкимъ мечетямъ вообще и мечети св. Софіи въ частности. Но что̀ всего ужаснѣе—это то, что нѣкоторыя колонны нѣкогда великолѣпнаго храма пошатнулись и треснули; арки боковыхъ галлерей тоже сильно покосились и измѣнили свое положеніе, и все это остается на произволъ судьбы и грозитъ близкимъ разрушеніемъ. Впрочемъ, нѣкоторыя потрескавшіяся колонны опоясаны какими-то толстыми, грубой работы желѣзными шинами. Когда мы стояли на верхней галлереѣ противъ алтаря и разговаривали насчетъ мерзости запустѣнія, воцарившейся на мѣстѣ святѣ, вдругъ одинъ изъ компаньоновъ, именно грекъ, обращается ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: «вотъ и вы, русскіе, православные, и мы, греки, тоже: кому же изъ насъ должна достаться Софія? По праву, она должна принадлежать намъ». Я на это говорю ему: «вы видите, что Софія разваливается. А что̀, вы въ состояніи были бы реставрировать ее?»—«Пожалуй, что нѣтъ».—«Ну, такъ, мнѣ кажется, лучше же пусть она достанется тому, кто можетъ ее возстановить». Грекъ показалъ видъ, что онъ согласился съ такою моей аргументаціей. Кстати сказать, точно такой же вопросъ другимъ грекомъ былъ предложенъ еще одному русскому путешественнику, незадолго передъ тѣмъ осматривавшему св. Софію. Главный имамъ мечети поднялъ съ нами исторію, когда оказалось, что билетъ данъ былъ на четырехъ, а насъ пришло пятеро, и безъ дальнихъ разговоровъ хотѣлъ гнать насъ всѣхъ, если бы чичероне не далъ ему «меджидійѐ» (около 1 р. 30 коп.), погладивъ его при этомъ по бородѣ. Когда мы выходили, этотъ имамъ и еще одинъ изъ причта Ая-Суфья подошли къ намъ, и, потряхивая холщевымъ мѣшкомъ, говорятъ: «Антѝка! антѝка!» Затѣмъ причетникъ запустилъ въ мѣшокъ руку и досталъ горсть разноцвѣтной стеклованной мозаики, соскобленной со стѣнъ храма, прибавивъ съ чувствомъ какого-то особеннаго довольства: «когда мы поправляли (?!) мечеть, такъ сколько этихъ антыка наскоблили и побросали въ море!» Нѣкоторые изъ насъ отказались; я же взялъ нѣсколько, но посулилъ дать за это оставшуюся у меня мелочь—всего 2 или 3 піастра. Турки же просили больше и, потряхивая карманами, предлагали мнѣ сейчасъ же размѣнять лиру, если у меня нѣтъ мелкихъ. Когда же я наотрѣзъ отказался, то, разумѣется, ублаготворились и тѣмъ, что̀ я предложилъ имъ.

Французъ, разбитной малый, все время шутилъ и не иначе величалъ турокъ, какъ: «ces bons turcs». Но куда дѣвалась его веселость, когда мы пришли въ музею въ церкви св. Ирины, и когда одинъ изъ «ces bons turcs», сидя предъ входомъ на какомъ-то чурбанѣ, рѣшительно отказался пропустить пятерыхъ, такъ что одинъ, сверхкомплектный, долженъ быть остаться и ждать насъ на дворѣ, а такимъ сверхкомплектнымъ и оказался, по какимъ-то обстоятельствамъ, веселый французикъ.

Еще внѣ двора, на площади, на открытомъ воздухѣ стоятъ старинныя гробницы и валяется какой-то громадный высѣченный изъ цѣльной каменной глыбы истуканъ. Самый же музей правильнѣе назвать просто ружейнымъ складомъ, потому что все главное зданіе древняго храма занято однѣми ружьями системы Шасспо, которыя разставлены внизу на станкахъ и развѣшаны на гвоздяхъ по стѣнамъ. Тутъ рѣшительно нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ развѣ замысловатаго симметрическаго расположенія ружей, образующихъ собою на стѣнахъ цѣлые правильные рисунки. Собственно музеемъ слѣдовало бы назвать то отдѣленіе, гдѣ находится древнее вооруженіе, еслибы отведенное для него помѣщеніе, со всѣмъ, что̀ въ немъ находится, не походило скорѣе на большую лавку со старымъ ломанымъ желѣзомъ, нежели на хранилище древностей. Разныхъ размѣровъ ятаганы, балты̀, кольчуги, шишаки—все это виситъ одно на другомъ, кучами; все страшно заржавѣло и покрылось толстымъ слоемъ пыли, прилипшей къ жиру, которымъ намазаны всѣ металлическія вещи, вѣроятно для предохраненія ихъ отъ дальнѣйшаго ржавѣнія. Тутъ нѣтъ даже и такихъ ярлычковъ, какіе были привѣшаны у чучелъ янычарскаго музея; другихъ указателей также не существуетъ; а потому можетъ быть тутъ и есть что-нибудь замѣчательное въ археологическомъ отношеніи, но въ этомъ сумбурѣ оно остается совершенно неизвѣстнымъ.

Чрезъ небольшую галлерейку мы вышли на маленькій дворикъ, по которому тамъ-и-сямъ валялись разные обломки и осколки памятниковъ древности. Между прочимъ въ одномъ углу, въ кучѣ всякой-всячины, лежала изъѣденная вѣковою ржавчиною, состоящая изъ огромныхъ звеньевъ цѣпь, которая будто бы во времена-оны протянута была отъ Румили-Хысарской башни къ Анадолу-Хысару и запирала кораблямъ проходъ чрезъ Босфоръ. Но только по всему видно, что цѣпь эта далеко не вся, потому что она, кажется, была бы слишкомъ коротка при теперешней длинѣ своей. Изъ двора, чрезъ большія двери, мы вошли еще въ одно отдѣленіе музея, художественное. Тутъ уже царилъ пол-

нѣйшій хаосъ: статуэтки, барельефы, архитектурные орнаменты и тому подобныя мраморныя вещи валялись вездѣ по полу и стоймя, и бокомъ, и вверхъ ногами, и другъ на другѣ, въ самомъ безпорядочномъ положеніи. Лишь на нѣкоторыхъ, очень немногихъ, были ярлычки съ надписью, въ какомъ мѣстѣ и когда найдены они. Солдаты, сопровождавшіе насъ, безъ церемоніи прохаживались по этимъ архитектурнымъ и скульптурнымъ памятникамъ и преспокойно царапали гвоздями своихъ сапожищъ. Одинъ мраморный саркофагъ расколотъ на двѣ поперечныя половины, свѣжій надломъ которыхъ явно свидѣтельствуетъ о томъ, что саркофагъ былъ только надтреснутъ и окончательно сокрушенъ, лишь благодаря тщательному и умѣлому обращенію съ нимъ турецкихъ археологовъ. Единственный шкафъ набитъ разными старинными мелочами, разложенными въ немъ также безъ всякаго порядка, хотя и не сваленными въ кучу. Между тѣмъ въ этой грудѣ ископаемыхъ древностей, сколько можно судить по первому взгляду, безъ сомнѣнія находятся вещи, заслуживающія вниманія и достойныя лучшей участи. Къ числу такихъ, въ высшей степени замѣчательныхъ, предметовъ долженъ быть отнесенъ, безъ сомнѣнія, большой, круглый мраморный медальонъ съ изображеніемъ головы Медузы. Онъ не очень древенъ, но что̀ за прелесть по художественности исполненія! Съ какихъ сторонъ вы ни смотрите на него, и en face, и съ обоихъ боковъ—Медуза, какъ живая, глядитъ на васъ; необыкновенно игриво вздымающіяся змѣевидныя кудри на головѣ, совершенно правильныя черты лица, нѣсколько искаженныя нервностью, сильно, но въ мѣру, раскрытые ротъ и глаза—все это представляетъ чрезвычайно эффектное сочетаніе внѣшней красоты съ внутреннею чудовищностью и одновременно производитъ на васъ то двойственное впечатлѣніе—любованія и ужаса, которое лежитъ въ основаніи идеи этого миѳическаго образа, приводившаго въ окаменѣніе тѣхъ, кто взиралъ на него.

Заплативши деньги, мы, разумѣется, могли бы считать себя вправѣ разсматривать все, что̀ намъ было угодно и сколько хотѣлось; но вѣдь мы были въ Турціи. Хоть мы и не слишкомъ мѣшкали при осмотрѣ, но турецкимъ солдатамъ и то показалось ужъ, вѣрно, черезчуръ долго, и они безъ всякой застѣнчивости выражали свое неудовольствіе на это, сердито ворча на нашъ счетъ между собою, и вымещали свою досаду на ни въ чемъ неповинныхъ бездушныхъ вещахъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ, угрюмо наклонясь и заложивъ руки назадъ, машинально передвигали своими ногами легкія мраморныя издѣлія; другіе,

напротивъ, какъ-то усиленнѣе стали прохаживаться по барельефамъ и другимъ вещамъ, немилосердно колотя ихъ подкованными каблуками. Оттого-то на многихъ изъ нихъ и были замѣтны слѣды свѣжихъ увѣчій. Я слышалъ, что въ настоящее время завѣдываніе этимъ музеемъ и приведеніе его въ порядокъ поручено какому-то итальянцу; но если онъ не поторопится исполненіемъ возложеннаго на него порученія, то археологическіе памятники за эту его медленность сильно поплатятся своею цѣлостью и благообразіемъ.

Изъ музея мы пошли къ знаменитой въ былыя времена «Двери Счастья», т.-е. на третій, внутренній дворъ, гдѣ прежде находился султанскій сераль, который сгорѣлъ, и гдѣ теперь осталось нѣсколько отдѣльныхъ каменныхъ зданій и всѣ кухни. Въ одномъ изъ нихъ, очень похожемъ, и по внѣшности, и по внутреннему устройству, на казарму, помѣщается школа «рушдійé». Маленькая мечеть, въ которой хранятся священныя реликвіи турокъ—одежда и знамя Могаммеда, султанская библіотека, кабинетъ для чтенія и сокровищница—все это отдѣльныя небольшія зданія въ родѣ нашихъ часовень, и всѣ на запорѣ. Вообще, въ этомъ архитектурномъ хаосѣ трудно было сразу оріентироваться, чтобы составить себѣ совершенно отчетливое представленіе объ относительномъ положеніи отдѣльныхъ помѣщеній. Сквозь окно мечети мы видѣли только занавѣсы зеленаго цвѣта, за которыми спрятаны священныя древности. Внутренность кабинета для чтенія сверху до низу покрыта кафелемъ самаго замысловатаго пестраго арабесочнаго рисунка. Это, говорятъ, добыча, привезенная когда-то въ прежнія времена однимъ султаномъ изъ Персіи. Остальная же обстановка вся самая обыкновенная: такой же маленькій засаленный диванчикъ, и такая же маленькая скамеечка, вмѣсто стола, какіе я видѣлъ и въ другихъ библіотекахъ. Въ одной нишѣ за проволочно-сѣтчатыми дверцами лежитъ на полкахъ сотни полторы или двѣ книгъ весьма обыкновеннаго содержанія. Но самая библіотека на запертй, и туда не пускаютъ посѣтителей. Пройдясь по какимъ-то стариннымъ султанскимъ покоямъ, мы дошли до залы, въ которой прежде давались аудіенціи иностраннымъ посламъ, и были въ кабинетѣ, гдѣ верховный визирь имѣлъ свое присутствіе, чинилъ всякія распоряженія и творилъ судъ и правду. Зала аудіенціи маленькая и довольно темная комната. Въ одномъ, и именно глухомъ, углу сдѣланъ большой примостъ, двумя сторонами своими примыкающій къ стѣнамъ, а съ крайняго угла опирающійся на тонкую круглую колонку, идущую съ полу до самаго по-

толка. Колонка и борты этого помоста покрыты листовымъ металломъ, кажется позолоченнымъ серебромъ, и унизаны мелкими драгоцѣнными камешками—бирюзой, альмандинами и т. п. На этомъ-то помостѣ и возсѣдалъ повелитель правовѣрныхъ. Все остальное въ обстановкѣ очень обыкновенно и даже банально, и не заключаетъ ничего своеобразнаго и оригинальнаго. Отсюда насъ повели въ новый кіоскъ, выстроенный султаномъ Абдулъ-Меджидомъ—уже совершенно на европейскій манеръ, гдѣ турецкаго только и есть что латрина, которая у турокъ имѣетъ особое устройство, примѣнительно къ ихъ будничной обрядности.

Пока мы прохаживались по кіоску, нашъ чичероне неоднократно напоминалъ намъ, чтобъ мы немножко поторопились, говоря, что «насъ ждутъ въ сокровищницѣ». Я не обратилъ на это никакого вниманія, и мнѣ показалось даже страннымъ или преувеличеннымъ слово «ждутъ». Но оказалось, что, напротивъ, оно было весьма знаменательно. Сокровищница стоитъ отдѣльно среди двора и постоянно на запорѣ, такъ что всякій разъ надобно нарочито отворять ее для посѣтителей. Это бы еще ничего; но для этого обряда всякій разъ пригоняютъ огромную толпу чиновной челяди, которая отчасти выстраивается въ два ряда у наружныхъ дверей, отчасти разстанавливается по всѣмъ угламъ внутри и зорко слѣдитъ за каждымъ вашимъ шагомъ и движеніемъ. Драгоцѣнности всегда драгоцѣнности; но между ними есть нѣкоторыя вещи и археологической важности, какъ, напримѣръ, ятаганы и другое вооруженіе древнихъ султановъ и мечъ Тамерлана. Но который именно этотъ послѣдній—добиться было нельзя: одинъ изъ служащихъ показываетъ на одинъ мечъ, а нашъ тарджуманъ шепчетъ мнѣ, что онъ вретъ, и указываетъ на другой. Курьёзенъ небольшой тронъ, весьма похожій на большой поднось для фруктовъ, съ загнутыми на полвершка кверху краями, на четырехъ ножкахъ, весь усыпанный драгоцѣнными камнями, на которомъ султанъ, поджавъ ноги калачикомъ, могъ преподносить себя тѣмъ, кто желалъ или долженъ былъ его видѣть. Эта вещь тоже очень древняя, и также досталась въ добычу одному изъ прежнихъ воинственныхъ султановъ. Въ числѣ рѣдкостей тутъ хранится, между прочимъ, и эмблема варварскаго деспотизма султановъ—огромная, аршина въ полтора длины и въ ладонь ширины, сабля, которая будто-бы спеціально предназначена была для рубки головъ верховныхъ визирей и выдавалась изъ дворца всякій разъ, какъ нужно было производить эту кровавую экзекуцію. На первомъ дворѣ, когда мы уже возвращались, намъ показали и ту мраморную тумбу, на которой рубили визирскія

головы, а также и желѣзные крюки на внѣшнихъ воротахъ, куда обыкновенно вывѣшивали эти головы на-показъ любопытнымъ зрителямъ или людямъ, требовавшимъ той или другой головы, каковы были янычары.

Проходя опять мимо Ая-Суфья, нашъ чичероне предложилъ намъ освѣжиться, выпивъ воды въ находящейся возлѣ мечети водопойнѣ. Эти водопойни, называемыя въ гидахъ и въ книжкахъ громкимъ именемъ «fontaines», суть многоугольные павильоны, открытые съ одной стороны, и то, впрочемъ, загороженной чугунною рѣшеткою. Подъ рѣшетчатымъ же окномъ обыкновенно торчитъ кранъ, а подъ нимъ мраморное корыто. Павильоны эти въ свое время, вѣроятно, были изящны, благодаря мраморнымъ и другимъ украшеніямъ; но теперь они бóльшею частью облупились, растрескались, проросли грибами и потускнѣли. На карнизѣ водопойни Ая-Суфья стояло штукъ 10 или 15 мѣдныхъ ковшичковъ, прикованныхъ цѣпями; но они дотого были покрыты ярью, что я, почти умирая отъ жажды, никакъ, однако же, не могъ рѣшиться выпить хоть глотокъ изъ этихъ отравленныхъ сосудовъ.

Въ заключеніе своей экскурсіи, мы отправились въ большую мечеть Сулейманійе. Какъ внѣшняя форма, такъ и внутреннее устройство всѣхъ крупныхъ константинопольскихъ мечетей совершенно одинаковы. Надобно очень долго и очень часто присматриваться къ общей панорамѣ Стамбула, чтобы безошибочно различать мечети. Какъ красивы онѣ на фотографическихъ снимкахъ, такъ непривлекательны онѣ въ натурѣ, если вы приметесь осматривать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, а не ограничитесь общимъ архитектурнымъ абрисомъ зданія. Чтó потрескалось, пооблупилось, покривилось, то или остается на произволъ судьбы, или если и починяется, то самымъ неряшливымъ образомъ: слѣды штукатурныхъ задѣлокъ и кровельныхъ заплатъ такъ и остаются не заглаженными. Стѣны мечети Ени-Джами, напримѣръ, проросли винноягодными деревцами. Стекла галлереи, соединяющей эту мечеть съ сосѣднимъ, принадлежащимъ къ ней, зданіемъ, разбиты или всѣ выгорѣли, мраморные орнаменты мечети почернѣли и покрылись грибовидными выѣдинами. Глухой дворъ мечети Баязидійе наполненъ миріадами голубей, которые все, какое только есть тамъ горизонтальное пространство въ нишахъ, на колоннахъ, надъ дверями и т. д., засидѣли своимъ пометомъ. Сулейманійе еще нѣсколько почище другихъ; но по внутреннему устройству ничѣмъ не отличается отъ другихъ мечетей, за исключеніемъ Ая-Суфья: и тутъ самое видное мѣсто занимаютъ прикрѣпленные

къ парусамъ купола щиты съ именами Аллаха и его первыхъ угодниковъ; по полу разостланы циновки; вдоль стѣнъ, въ боковыхъ галлереяхъ, разставлены черные сундуки съ книгами, составляющими библіотеку мечети; тысячи металлическихъ веревокъ, спускающихся изъ внутренности купола и служащихъ прикрѣпою для желѣзныхъ жердочекъ съ освѣтительными стаканчиками, образуютъ какую-то паутину и необыкновенно безобразятъ внутренній видъ мечети. Еще что обращаетъ на себя вниманіе — это какія-то метелочки изъ колосьевъ, или деревянные, грубѣйшей работы, предметы въ родѣ якорьковъ, подвѣшенные къ лампаднымъ жердямъ. Это, оказывается, какіе-то амулеты, привѣшиваемые благочестивцами и имѣющіе тотъ же смыслъ и значеніе, какъ металлическія вещицы, изображающія разные члены тѣла — ножки, ручки, уши и т. п. Все время, пока мы были въ мечети, двери которой, по обыкновенію, настежъ растворены, уши наши были раздираемы хаотическими звуками разныхъ военныхъ музыкальныхъ инструментовъ. «А откуда они могли тутъ взяться?» — спросите вы. А очень просто. Недалеко отъ Сулейманійе находится сераскерать, главное военное управленіе и штабъ. Близъ него, по окраинамъ громадной, огороженной со всѣхъ сторонъ, площади расположены казармы. Такъ вотъ музыканты и барабанщики изъ этихъ-то казармъ и отправляются на ученье на дворъ мечети Сулейманійе, и тамъ, на папертяхъ и въ другихъ тѣнистыхъ мѣстахъ, каждый изъ нихъ, расположившись поудобнѣе, упражняется на томъ или другомъ инструментѣ.

Когда я испрашивалъ у турецкихъ властей разрѣшенія посѣщать библіотеки, то мнѣ дано было таковое лишь для тѣхъ библіотекъ, которыя не въ мечетяхъ; относительно же мечетскихъ чиновники какъ-то стѣснялись: видимо было, что доступъ въ мечети не безпрепятственно открывается для чужестранцевъ. Судя по той безцеремонности и небрежности, съ какими турки относятся къ своимъ домамъ божіимъ, мнѣ казалось, что запретъ свободнаго посѣщенія мечетей сдѣланъ чисто въ видахъ фискальныхъ, чтобы такимъ образомъ вымогать у любопытныхъ туристовъ деньги за пропускные билеты, выдаваемые исключительно только въ Портѣ. Крайне сомнительно, чтобы вся причина заключалась въ одной только религіозной нетерпимости мусульманъ къ иновѣрцамъ. Что касается до меня, то я не разъ пробовалъ входить въ мечети и безъ оффиціальнаго разрѣшенія. Разъ мнѣ пришлось долго ждать парохода въ Анадолу-Хысарѣ. Это было какъ разъ въ полдень, и муэззины завыли свой «азáнъ». Дѣлать мнѣ было нечего, и я рѣшился войти въ мечеть. Сперва я по-

стоялъ на паперти, а потомъ вошелъ, не снявши даже сапоговъ, какъ это всегда дѣлалъ въ библіотекахъ. Народъ уже сходился. Правовѣрные, снявъ галоши, чтобъ не грязнить мечетскихъ цыновокъ, подхватывали двумя пальцами эти же галоши и тащили съ собою, вѣроятно изъ опасенія, чтобы ихъ не украли. Смотрю: идетъ молодой турецкій денди, одѣтый совсѣмъ по-европейски, но только въ фескѣ, съ тросточкой въ рукахъ. За нимъ слѣдомъ шелъ черный слуга. Денди на паперти оставилъ слугѣ галоши и тросточку, ловко пробрался впередъ, почти перелѣзая черезъ плечи богомольцевъ, сидѣвшихъ на колѣнкахъ и поминутно дѣлавшихъ земные поклоны; потомъ выбралъ попросторнѣе мѣстечко и, сдѣлавъ молитвенный реверансъ, присѣлъ, скрестилъ ноги калачикомъ и предался, повидимому, благочестивымъ размышленіямъ. Вообще, въ присутствовавшихъ было замѣтно сильное религіозное настроеніе; въ особенности какой-то страшно оборванный хаммалъ усердствовалъ изъ всѣхъ силъ, вымаливая у Аллаха хоть сколько-нибудь облегченія своей нищенской жизни. Одинъ только турокъ, довольно пожилой и совсѣмъ не фатъ съ виду, уперся какъ-то въ стѣну и все время улыбался, поглядывая на меня. «Хафизы», или чтецы по профессіи, антифонно читали коранъ на-распѣвъ, выдѣлывая самыя необыкновенныя модуляціи и самые неожиданные переливы голоса. Но вотъ послышался свистокъ приближавшагося парохода, и я вышелъ изъ мечети. Веселый турокъ тоже послѣдовалъ за мной: оказалось, что онъ служилъ на пароходной пристани, и долженъ былъ явиться на мѣсто къ прибытію парохода. Выходя, онъ тотчасъ же обратился ко мнѣ, и съ тѣмъ же веселымъ видомъ заговорилъ:

— А что́, вѣдь хафизъ-то славно читаетъ?

В. Смирновъ.

ОЧЕРКЪ ВОПРОСА

О

ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ

Окончаніе.

X *).

Половой подборъ, какъ факторъ образованія видовъ.—Значеніе конституціонныхъ особенностей въ дѣлѣ трансформизма.—Существованіе конституціонныхъ разновидностей можетъ быть независимо отъ систематическихъ.—Нейтральные морфологическіе признаки.—Совпаденіе форменныхъ особенностей съ конституціонными признаками, важными въ борьбѣ за существованіе.—Соотношеніе признаковъ.—Естественный подборъ и его зависимость отъ различныхъ факторовъ.

Многіе виды животныхъ, признаки которыхъ не могутъ быть объяснены дѣйствіемъ естественнаго подбора, Дарвинъ считаетъ происшедшими подъ вліяніемъ особаго дѣятеля — полового подбора. Агентъ этотъ приводится въ дѣйствіе не борьбою за существованіе въ болѣе тѣсномъ значеніи слова, а борьбою между самцами изъ-за обладанія самкою. Борьба эта нерѣдко проявляется въ формѣ боя; иногда же она принимаетъ болѣе мирный характеръ и заключается только въ состязаніи между самцами, обнаруживающими передъ самкою свои таланты: пѣніе, красоту и пр. Въ большинствѣ случаевъ подборъ совершается

*) См. выше: мар., 68; апр., 715; май, 117; іюль, 158 стр.

самкою, которая всегда имѣетъ въ распоряженіи нѣсколькихъ самцовъ-соперниковъ или потому, что послѣдніе раньше созрѣваютъ, или же потому, что они нарождаются въ большемъ числѣ особей. Вслѣдствіе этого, путемъ полового подбора обыкновенно измѣняются самцы, пріобрѣтая орудія боя, какъ, напримѣръ: рога, шпоры и пр., или же орудія, служащія для очарованія самки, какъ, напримѣръ: красивую окраску, различные украшающіе придатки, органъ голоса и т. п. Исходя изъ того положенія, что самцы, наиболѣе одаренные этими признаками, будутъ въ то же время и наиболѣе сильными и здоровыми, и что первыя появляющіяся самки, имѣющія для выбора самый богатый матеріалъ, будутъ также наиболѣе сильными, Дарвинъ приходитъ къ результату, что потомство отъ такихъ первыхъ браковъ будетъ всего болѣе крѣпкое и живучее и потому пересилитъ потомство отъ другихъ браковъ. Вмѣстѣ съ этимъ переживающее молодое поколѣніе унаслѣдуетъ и подобранные самкою признаки, т.-е. наилучшую способность побѣждать въ брачной борьбѣ.

Въ пользу своей теоріи полового подбора, Дарвинъ приводитъ многочисленные случаи боя между самцами, щеголянье красотой и пѣніемъ въ присутствіи самки и нерѣдко непосредственно видѣнные примѣры подбора со стороны самки. Сопоставляя всѣ эти факты съ тѣмъ, что самцы очень многихъ животныхъ отличаются именно признаками, способными нравиться самкамъ, Дарвинъ усматриваетъ внутреннюю связь между обѣими категоріями явленій и приходитъ къ заключенію, что большинство такъ-называемыхъ вторичныхъ отличительныхъ признаковъ самца, какъ, напримѣръ: особенное опереніе, окраска, рога, бивни и другіе придатки, составляютъ прямой результатъ полового подбора.

До тѣхъ поръ, пока половой подборъ измѣняетъ только однихъ самцовъ, онъ оказывается еще слабымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ образованія новыхъ видовъ. Но, по мнѣнію Дарвина, признаки, пріобрѣтенные однимъ поломъ, могутъ передаваться и другому путемъ наслѣдственности, вслѣдствіе чего въ результатѣ полового подбора должны получиться особенности, отличительныя для видовъ. Съ этой точки зрѣнія половой подборъ оказывается могущественнымъ факторомъ видообразователемъ, и къ дѣйствію его Дарвинъ сводитъ какъ примѣры красивой и пестрой окраски, свойственной обоимъ поламъ многихъ видовъ насѣкомыхъ и птицъ, такъ и передаваемые самкамъ боевые признаки, напримѣръ, рога у коровъ и самокъ сѣвернаго оленя и пр. Съ этой же точки зрѣнія Дарвинъ объясняетъ происхожденіе такихъ ви-

довыхъ признаковъ, какъ, напримѣръ, различныя полосы и пятна у нѣкоторыхъ антилопъ, зебры, тигра и др., а также и отличительные признаки человѣческихъ расъ [1]).

Въ виду столь важнаго значенія, приписываемаго Дарвиномъ половому подбору въ дѣлѣ образованія видовыхъ признаковъ, необходимо войти въ ближайшее разсмотрѣніе его воззрѣній и матеріала, собраннаго въ обширномъ сочиненіи «О происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ», вышедшемъ въ прошломъ году третьимъ, измѣненнымъ и отчасти передѣланнымъ изданіемъ.

Прежде всего необходимо констатировать фактъ, что самки животныхъ, при всемъ ихъ умственномъ развитіи, въ состояніи распознавать и подбирать только рѣзко обнаруженныя индивидуальныя особенности. То, чтó Дарвинъ говоритъ о паукахъ, примѣнимо и къ остальнымъ животнымъ: «мы можемъ признать, —говоритъ онъ,—что *ясно выраженныя отличія* въ цвѣтѣ между полами нѣкоторыхъ видовъ составляютъ результатъ полового подбора». Очевидно, что болѣе мелкія индивидуальныя особенности не могутъ составлять предмета для подбора у животныхъ, у которыхъ вообще признаки особи несравненно менѣе развиты, чѣмъ у человѣка. Это подтверждается и слѣдующими словами Дарвина. Говоря о нѣкоторыхъ легкихъ отличіяхъ въ опереніи у Totanus и другихъ голенастыхъ птицъ, онъ прибавляетъ: «однако *разница въ цвѣтахъ въ этихъ случаяхъ такъ мала, что едва ли можетъ доставлять птицамъ выгоду* и можетъ быть приписана прямому вліянію отличныхъ другъ отъ друга условій, которымъ подвергаются птицы въ эти времена года» (русскій переводъ перваго изданія, II, 89). Отсюда нужно заключить, что слабо выраженныя, т.-е. обыкновенно встрѣчающіяся индивидуальныя отличія не должны, вообще говоря, находиться въ зависимости отъ полового подбора, въ вѣдѣніи котораго должны заключаться болѣе выдающіяся особенности. Дарвинъ не дѣлаетъ однакоже этого заключенія. Онъ думаетъ, въ противоположность сказанному въ только-что приведенной цитатѣ, что «въ дѣлѣ полового подбора главнѣйшую роль играютъ *незначительныя индивидуальныя отличія*, свойственныя въ бóльшей или меньшей степени всѣмъ членамъ одного и того же вида». Положеніе это, подкрѣпленное у Дарвина очень слабыми, бóльшею частью a priori построенными доводами, съ своей стороны также указываетъ на то, что половой подборъ можетъ дѣйствовать только на почвѣ, вполнѣ под-

1) Объ этомъ вопросѣ см. „Антропологія и Дарвинизмъ".

готовленной измѣнчивостью. Для него необходимы или готовыя уже ясно выраженныя, т.-е. достаточно рѣзкія измѣненія, или же слабыя индивидуальныя измѣненія, «свойственныя всѣмъ членамъ одного и того же вида», и потому уже составляющія особую расу.

Указанная зависимость полового подбора отъ значительной степени измѣнчивости подтверждается еще цѣлымъ рядомъ случаевъ, приведенныхъ въ сочиненіи Дарвина, случаевъ, гдѣ вторичные половые признаки произошли помимо полового подбора. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «у Ephemeridae полы часто слегка отличаются своими темными цвѣтами, но невѣроятно, чтобы черезъ это самцы дѣлались привлекательнѣе для самокъ» (русскій пер., I, 413). Отличія въ цвѣтѣ обоихъ половъ у нѣкоторыхъ птицъ (напримѣръ, Agelaeus phoeniceus, Cardinalis virginianus, Quiscalus major) объясняются Дарвиномъ при помощи непосредственнаго вліянія среды, помимо полового подбора. То же самое говоритъ онъ и по отношенію къ половымъ отличіямъ клюва у нѣкоторыхъ птицъ. Въ главѣ о млекопитающихъ мы находимъ слѣдующее: «въ нѣкоторыхъ, и можетъ быть даже во многихъ, случаяхъ половыя отличія могутъ быть слѣдствіемъ измѣненій, ограниченныхъ однимъ поломъ и передаваемыхъ тому же самому полу, *независимо отъ какихъ-либо преимуществъ и, слѣдовательно, безъ помощи подбора*» (II, 327). Въ подтвержденіе онъ приводитъ примѣры кошекъ, у которыхъ трехцвѣтными бываютъ только самки, ягуара, леопарда и др., гдѣ черными бываютъ только самцы и пр. Всѣ эти случаи показываютъ, что вторичныя половыя отличія могутъ являться въ результатѣ измѣнчивости, независимой отъ подбора, но всегда предшествующей ему, и это заставляетъ поставить эту категорію явленій на очень видное мѣсто. Изъ этихъ фактовъ вытекаетъ, что организація обоихъ половъ представляетъ глубоко лежащія конституціональныя отличія, въ силу которыхъ какъ самцы, такъ и самки могутъ получать явственные отличительные признаки, независимо и раньше всякаго подбора. Выводъ этотъ, имѣющій очень существенное значеніе для цѣлаго вопроса о трансформизмѣ, формулированъ Дарвиномъ только въ новѣйшемъ изданіи его трактата. Вотъ подлинное мѣсто изъ его книги: «въ виду только-что приведенныхъ причинъ, почти несомнѣнно, что оба пола, по крайней мѣрѣ во время высиживанія, должны нѣсколько отличаться своей внутренней конституціонной организаціей. Вслѣдствіе этого, несмотря на одинаковую внѣшнюю обстановку, они будутъ наклонны къ измѣненіямъ различнаго свойства. Если подобныя

измѣненія безполезны для одного или обоихъ половъ, то они не накопятся и не усилятся половымъ или естественнымъ подборомъ. Тѣмъ не менѣе они могутъ фиксироваться, если произведшая ихъ причина дѣйствуетъ постоянно; согласно же часто встрѣчающейся формѣ наслѣдственности, они могутъ передаваться только тому полу, у котораго появились впервые. Въ подобномъ случаѣ можетъ получиться въ результатѣ, что *оба пола окажутся снабженными постоянными, хотя и незначительными отличіями признаковъ*» (нѣмецкій переводъ третьяго изданія, I, стр. 294). Къ этому выводу, сдѣланному на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, произвольно прибавлено только, что половые признаки, получившіеся помимо подбора, «незначительны». Разъ убѣдившись въ подобномъ происхожденіи нѣкоторыхъ вторичныхъ половыхъ отличій, необходимо было приступить къ спеціальному изученію ихъ, съ цѣлью показать строго научнымъ образомъ, въ какихъ случаяхъ и насколько именно повліялъ половой подборъ; тогда только можно было бы высказать положеніе о степени значительности результатовъ его и другихъ моментовъ, вліяющихъ на образованіе и фиксированіе вторичныхъ половыхъ отличій. Уже на основаніи одного того, что устройство и отправленіе органовъ размноженія очень различно у самца и самки, что матеріалъ, истрачиваемый ими на образованіе и выкормленіе молодого поколѣнія, далеко неодинаковъ, можно придти къ предположенію, что эти чисто внутреннія стороны жизни обоихъ половъ должны прямо или косвенно вліять на всю организацію ихъ и, слѣдовательно, играть весьма важную роль въ дѣлѣ произведенія наружныхъ вторичныхъ половыхъ отличій. Въ наукѣ существуютъ примѣры, гдѣ усиленная плодовитость самки задерживала ея развитіе и дѣлала ее гораздо болѣе похожей на личиночное состояніе, чѣмъ самцовъ. Съ этой точки зрѣнія объясняется остановка въ развитіи или даже упрощеніе организаціи у такихъ плодовитыхъ животныхъ, каковы, напримѣръ, самки многихъ паразитическихъ ракообразныхъ и нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Возможно, что такимъ же путемъ можетъ быть объяснено и происхожденіе нѣкоторыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ женщины, тогда какъ съ другой стороны усиленное развитіе самцовъ можетъ быть связано съ меньшимъ расходомъ у нихъ на произведеніе и вскормленіе потомства. Вообще нельзя не пожалѣть, что у Дарвина совершенно упущенъ изъ виду принципъ экономической жизни обоихъ половъ по отношенію къ ихъ затратамъ, наружнымъ половымъ признакамъ и измѣнчивости въ обширномъ смыслѣ слова.

Съ другой стороны нельзя не пожалѣть, что Дарвинъ почти вовсе устранилъ изслѣдованіе вопроса о непосредственномъ вліяніи окружающей среды на произведеніе особенностей внѣшней организаціи. Между тѣмъ еще въ 1864 г., т.-е. семью годами раньше выхода въ свѣтъ перваго изданія трактата о половомъ подборѣ, было сдѣлано открытіе, что подъ вліяніемъ холода на куколки измѣняется цвѣтъ выходящихъ изъ нихъ бабочекъ. Открытіе это, принадлежащее Дорфмейстеру, было въ прошломъ году подтверждено и прослѣжено далѣе проф. Вейсманомъ [1]), который пришелъ къ убѣжденію, что какъ цвѣтъ, такъ и рисунокъ бабочекъ зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія внѣшнихъ условій и внутренней конституціональной организаціи самого животнаго. Такъ, напр., подвергая куколки лѣтняго поколѣнія Pieris rapae продолжительному вліянію довольно низкой температуры (0—1°R), онъ получалъ изъ нихъ бабочекъ съ характерными признаками такъ-называемаго зимняго поколѣнія. Въ виду этого и другихъ сходныхъ фактовъ, Вейсманъ пришелъ къ заключенію, что, подъ вліяніемъ измѣненныхъ внѣшнихъ условій, «направленіе развитія вида становится инымъ. Сложные химико-физическіе процессы обмѣна веществъ во время куколочнаго состоянія постепенно измѣняются настолько, что въ результатѣ получается какъ новый рисунокъ, такъ и новая окраска бабочки» (43). Подобныя измѣненія уже никакъ нельзя считать незначительными и существованіе ихъ очень существенно ослабляетъ силу и уменьшаетъ роль полового подбора. Поэтому-то нельзя не согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Вейсмана. «По моему мнѣнію,—говоритъ онъ на стр. 45,—Дарвинъ приписываетъ половому подбору черезчуръ сильное вліяніе, сводя къ дѣйствію его одного образованіе вторичныхъ половыхъ признаковъ. Случай Pieris rapae (разновидность Bryoniae) показываетъ намъ, что они могутъ являться подъ вліяніемъ внутри организма лежащихъ причинъ; поэтому, до тѣхъ поръ, пока опытнымъ путемъ не будетъ доказана степень значенія полового подбора, можетъ быть признано воззрѣніе, что половыя отличія бабочекъ имѣютъ свою основу главнымъ образомъ въ различіи физическаго, т.-е. молекулярнаго строенія обоихъ половъ». Къ сказанному можно еще прибавить, что очень немногія стороны теоріи Дарвина столь доступны непосредственному экспериментальному разрѣшенію, какъ именно вопросъ о половомъ подборѣ. Какъ случаи измѣнчивости, такъ и случаи полового подбора легко могутъ быть изслѣ-

[1]) Ueber den Saison-Dimorphismus der Schmetterlinge. 1875.

дованы при лабораторныхъ условіяхъ, такъ что наблюдателю будетъ предстоять только разрѣшеніе вопроса, совпадаютъ ли эти обѣ категоріи явленій другъ съ другомъ. Легко предсказать, что въ этомъ направленіи будетъ въ непродолжительномъ времени добыто очень много положительныхъ научныхъ данныхъ. Покамѣстъ можно только высказать въ видѣ предположенія, что, вообще говоря, половой подборъ есть факторъ второстепенный, для дѣятельности котораго уже должна быть подготовлена почва измѣнчивостью; что роль его, поэтому, будетъ скорѣе заключаться въ сохраненіи готовыхъ уже расъ или видовъ, чѣмъ въ образованіи и фиксированіи новыхъ. Въ виду этого можно предположить вмѣстѣ съ Палласомъ, что расы человѣка не образовались, но сохранились путемъ процесса подбора. Образованіе ихъ лежитъ внѣ сферы этого фактора и сходно (по крайней мѣрѣ по отношенію къ цвѣту кожи и волосъ) по всей вѣроятности съ внезапнымъ образованіемъ нѣкоторыхъ расъ у другихъ животныхъ, напр. бѣлыхъ кроликовъ или черныхъ лисицъ, черныхъ американскихъ бѣлокъ и пр.

Въ первыхъ изданіяхъ трактата «О происхожденіи видовъ» Дарвинъ сосредоточилъ все вниманіе и аргументацію на естественномъ подборѣ въ борьбѣ за существованіе наиболѣе приспособленныхъ особей. Самый вопросъ объ измѣняемости имѣлъ въ его глазахъ меньшее значеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, для дѣйствія подбора достаточно было обыкновенной индивидуальной измѣнчивости. Такого рода воззрѣніе сохранилось во многихъ популярныхъ сочиненіяхъ и черезъ ихъ посредство перешло въ публику и держится въ ней. Но критика показала, что естественный подборъ далеко не имѣетъ столь всемогущаго значенія. Было доказано, что, для полученія прочныхъ результатовъ посредствомъ подбора, необходимо однородное измѣненіе большого числа особей и притомъ въ продолженіи цѣлаго ряда поколѣній, т.-е., что помимо подбора должна образоваться уже готовая раса или подъ-раса. Кромѣ того, было показано, что въ природѣ организмовъ существуютъ признаки нейтральные въ борьбѣ за существованіе, не подлежащіе поэтому дѣйствію подбора и тѣмъ не менѣе способные фиксироваться. Дарвинъ призналъ правильность этихъ замѣчаній, и это повліяло на изложеніе его теоріи въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Происхожденія видовъ» и въ другихъ болѣе спеціальныхъ сочиненіяхъ. Убѣжденіе въ существенномъ значеніи самаго фактора измѣнчи-

вости и роли внутренней природы (конституціоннаго сложенія) организма въ дѣлѣ образованія измѣненій выдвигается у него на все болѣе и болѣе видное мѣсто, какъ это видно между прочимъ и изъ вышеприведенной цитаты о конституціонномъ отличіи обоихъ половъ. Въ другомъ мѣстѣ (на которое я сослался въ предъидущей главѣ) Дарвинъ считаетъ внутреннюю «наклонность къ измѣнчивости» факторомъ настолько сильнымъ, что допускаетъ ея одновременное проявленіе на всѣхъ особяхъ даннаго вида. Въ подтвержденіе онъ приводитъ примѣръ одной водяной птицы (Uria), давшей на Фарёрскихъ островахъ очень рѣзкую и притомъ очень прочную разновидность, несмотря на безучастность естественнаго (и половаго) подбора. По этому поводу онъ дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: «еслибы въ подобныхъ случаяхъ измѣненіе приносило пользу, то первоначальная форма вскорѣ вытѣснилась бы измѣненной въ силу закона переживанія наиболѣе приспособленныхъ особей». Итакъ, измѣненная разновидность могла произойти и удержаться независимо отъ подбора, только въ силу одного внутренняго стремленія къ измѣненію.

Указанная на предъидущихъ строкахъ перемѣна воззрѣній можетъ быть поставлена въ параллель съ измѣненіемъ философско-историческаго взгляда Бёкля. Основываясь на принципахъ механическаго міросозерцанія, онъ черезчуръ выдвинулъ на первый планъ вліяніе внѣшнихъ условій, упустивъ изъ виду менѣе осязательный, но въ высшей степени важный принципъ внутренней природы, характера каждаго народа. Критика должна была поэтому отстаивать противъ Бёкля этотъ этническій принципъ въ исторіи, подобно тому, какъ критики Дарвина старались выдвинуть на болѣе видное мѣсто значеніе внутреннихъ конституціонныхъ особенностей организма (которыя тоже можно назвать «характеромъ» его) въ дѣлѣ произведенія и упроченія измѣненій. Не слѣдуетъ думать, чтобы подъ характеромъ организма или народа подразумѣвалось что-либо, несовмѣстимое съ механическимъ воззрѣніемъ на природу. Совершенно наоборотъ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ очень глубоко лежащей въ организмѣ суммой явленій, связь которыхъ съ молекулярнымъ сложеніемъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Различіе заключается въ томъ, что въ случаяхъ этой категоріи основа несравненно болѣе скрыта и усложнена. «Подъ внутренними причинами (или тѣмъ, чтó мы называемъ характеромъ организма) я разумѣю сумму явленій, составляющихъ индивидуальность. Тутъ подразумѣваются и слѣды внѣшнихъ вліяній, которыя были пережиты какъ самимъ недѣлимымъ, такъ и всѣми его предками». Слова

эти принадлежать Нэгели, который болѣе десяти лѣтъ назадъ издалъ замѣчательный этюдъ, «О вліяніи внѣшнихъ условій на образованіе разновидностей въ растительномъ царствѣ» [1]). Онъ впервые выдвинулъ на первый планъ то обстоятельство, что въ дѣлѣ образованія измѣненій главная роль выпадаетъ именно на внутреннюю природу, или характеръ организма. Роль внѣшнихъ условій при этомъ оказывается менѣе существенной. «До извѣстной степени и они должны быть всегда причастны, — говоритъ онъ, — но ихъ участіе во всѣхъ случаяхъ второстепенное. Быть можетъ, они даютъ толчокъ къ движенію, быть можетъ также, что они подаютъ поводъ къ измѣненію его направленія, когда движеніе уже началось» (L. с., стр. 281). Воззрѣніе это, какъ мы видѣли, было принято и Дарвиномъ, который пояснилъ его слѣдующимъ характернымъ сравненіемъ: «мы принуждены заключить, что въ бóльшей части случаевъ условія существованія играютъ второстепенную роль въ обусловливаніи какого-нибудь особеннаго измѣненія, въ родѣ той, какую играетъ искра, когда вспыхиваетъ масса горючаго вещества, такъ какъ свойство пламени зависитъ отъ горючаго вещества, а никакъ не отъ искры» («Прируч. жив.», 1868. II, 319).

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, что центръ тяжести вопроса о трансформизмѣ переводится къ вопросу о характерѣ организма и его способности измѣняться. Съ этой точки зрѣнія представляется въ высшей степени важнымъ установленіе законовъ отношеній между внутренней природой организма и наружными, или систематическими признаками. Въ этомъ отношеніи на первый планъ выступаетъ слѣдующій, формулированный Нэгели вопросъ: «можетъ ли растеніе (или, лучше, организмъ вообще, какъ животный, такъ и растительный), измѣнять только свою физико-химическую природу, оставаясь тѣмъ же въ другихъ отношеніяхъ, или же внутреннее измѣненіе необходимо влечетъ за собою и измѣненіе наружнаго вида (Habitus), такъ что въ результатѣ должна получиться не только физіологически, но и систематически новая разновидность?» (L. с., 275). Нэгели не даетъ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса, но онъ болѣе склоненъ къ отрицательному отвѣту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его: «судя по всему, что до сихъ поръ извѣстно, повидимому, мало вѣроятія, чтобы внутреннее измѣненіе могло образовать постоянную расу безъ бóльшаго или меньшаго уклоненія въ на-

---

[1]) Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften zu München. 1865. T. II, стр. 228.

ружномъ видѣ». Это было писано въ 1865 году. Три года спустя появилось сочиненіе Дарвина объ измѣненіи животныхъ и растеній подъ вліяніемъ культуры, въ которомъ, среди громаднаго матеріала фактическихъ данныхъ, мы находимъ и нѣкоторыя свѣдѣнія, способныя пролить свѣтъ на поставленный Нэгели основной вопросъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ маѣ 1864 г. въ имѣніи Дарвина сильный морозъ побилъ взошедшую фасоль. Изъ 390 растеній осталось не болѣе дюжины. «Еще сильнѣйшій морозъ случился четыре дня спустя и его выдержали только три изъ двѣнадцати растеній, переживших первый морозъ; *эти послѣднія не были ни выше, ни сильнѣе другихъ молодыхъ растеній*, но они не пострадали нисколько и даже кончики ихъ листьевъ не почернѣли». По словамъ Линдлея, приведеннымъ у Дарвина, «особи того же вида растеній замѣчательно различаются между собою даже по способности противостоять холоду». Вотъ еще фактъ: «сѣмена рѣпы и моркови, собранныя въ Гейдерабадѣ лучше примѣняются къ климату Мадраса, чѣмъ сѣмена, привезенныя изъ Европы или съ Мыса-Доброй-Надежды». Особенное значеніе имѣетъ слѣдующій примѣръ. Гумбольдтъ говоритъ, что «бѣлые люди, рожденные въ жаркомъ поясѣ, безнаказанно ходятъ съ босыми ногами въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, въ которыхъ недавно прибывшіе европейцы подвержены нападеніямъ особой блохи» (Pulex penetrans). «Это насѣкомое, — прибавляетъ Дарвинъ, — должно быть, слѣдовательно, въ состояніи различать отличіе между кровью и тканями европейца и бѣлаго человѣка, рожденнаго въ той же странѣ». (За подробностями и большимъ количествомъ примѣровъ читатель можетъ обратиться къ «Прируч. жив.» II, стр. 339—341). Изъ сказаннаго вытекаетъ по меньшей мѣрѣ, что въ средѣ одного и того же вида мы встрѣчаемъ особи съ рѣзкимъ отличіемъ характера, причемъ онѣ не образуютъ особой расы съ систематической точки зрѣнія. Выводъ этотъ особенно важенъ потому, что съ помощью его объясняется, что въ случаяхъ, гдѣ борьба за существованіе навѣрно очень жестока, тѣмъ не менѣе видъ (съ чисто систематической точки зрѣнія) можетъ отличаться поразительнымъ постоянствомъ. Въ главѣ о борьбѣ за существованіе былъ приведенъ цѣлый рядъ примѣровъ въ доказательство того положенія, что въ этой борьбѣ побѣда нерѣдко рѣшается такими признаками, которые не имѣютъ никакого систематическаго значенія, признаками, которые скрыты въ глубинѣ физико-химическаго сложенія. Теперь мы можемъ прибавить, что въ этихъ случаяхъ побѣда достается «физіологическимъ, или физико-химическимъ расамъ», выражаясь словами Нэгели. Съ

этой точки зрѣнія мы можемъ сказать также, что члены флоры материковъ, вытѣсняющіе туземныя растенія океаническихъ острововъ, не представляются болѣе совершенными съ систематической стороны (см. выше), но отличаются болѣе совершеннымъ молекулярнымъ характеромъ и т. д.

Хотя, какъ мы видѣли, внутренній характеръ можетъ измѣняться, не сопровождаясь измѣненіями наружнаго вида, тѣмъ не менѣе это не составляетъ необходимаго общаго правила. Во многихъ случаяхъ, рядомъ съ молекулярнымъ измѣненіемъ образуются и соотвѣтствующія измѣненія наружной организаціи и, слѣдовательно, получается раса въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. «систематическая», или морфологическая раса, по выраженію Нэгели. Очевидно, что случаи этой категоріи могутъ быть весьма разнородны и могутъ находиться въ различныхъ отношеніяхъ къ борьбѣ за существованіе и подбору. Связь между молекулярнымъ характеромъ и формою всего непосредственнѣе бросается въ глаза въ частяхъ организма, способныхъ къ кристаллизаціи; въ этомъ отношеніи особенно интересными представляются кристаллы бѣлкообразныхъ и бѣлковыхъ веществъ, какъ, напр., кровяные и желточные кристаллы, фитокристаллинъ и пр. Нѣкоторые изъ нихъ настолько неполны, что нерѣдко можно бываетъ наблюдать цѣлый рядъ переходныхъ стадій отъ кристаллической формы къ шарообразной, свойственной столь многимъ составнымъ частямъ клѣточки. То же самое замѣчается и на многихъ твердыхъ образованіяхъ, выдѣляемыхъ организованными тканями, напр., въ твердыхъ частицахъ, находящихся въ скорлупѣ у птицъ и другихъ животныхъ. Частицы эти въ нѣкоторыхъ случахъ имѣютъ настоящія кристаллическія формы, рядомъ съ которыми встрѣчаются и разнообразныя ядра, нерѣдко весьма характерныя для даннаго животнаго. Подобное видимъ мы и въ твердыхъ отложеніяхъ раковинъ у мягкотѣлыхъ и другихъ животныхъ, гдѣ форма составныхъ частей — такъ-называемыхъ раковинныхъ призмъ — бо́льшею частью отличается правильностью, и также весьма характерна для многихъ животныхъ. Хотя приведенные примѣры форменныхъ отличій, находящихся въ такой очевидной и непосредственной связи съ молекулярнымъ строеніемъ, не имѣютъ бо́льшею частью значенія въ систематикѣ, но это обусловливается тѣмъ, что какъ птицы, такъ и мягкотѣлыя, снабженныя раковиною, сами по себѣ настолько сложны, что для распознаванія ихъ видовъ существуетъ достаточно болѣе выдающихся признаковъ, чѣмъ отличія формы твердыхъ элементовъ скорлупы или раковины. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, какъ, напр., у Certhia familiaris и C. brachydactyla,

ученые воспользовались и этими отличіями для разрѣшенія вопроса о тождественности или различіи двухъ ближайшихъ формъ; кромѣ того, микроскопическое строеніе скорлупы оказало большія услуги при опредѣленіи систематическаго родства нѣкоторыхъ ископаемыхъ птицъ, какъ это показали изслѣдованія Натузіуса. Чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по лѣстницѣ организованнаго міра, тѣмъ все бóльшее систематическое значеніе пріобрѣтаютъ признаки, находящіеся въ теснѣйшей связи съ молекулярнымъ характеромъ, т.-е. на первомъ планѣ составныя части скелета. Въ новѣйшее время стали особенно подробно изучать форму твердыхъ элементовъ кораловъ именно въ виду важности этихъ частей для систематики. Почти вся систематика губокъ и корненожекъ, снабженныхъ скелетомъ, основывается на формѣ скелетныхъ иголъ и особенностей раковины. Нѣкоторыя изъ этихъ образованій, въ особенности же лучистый скелетъ, такъ-называемый радіоларій, до такой степени похожъ на многія кристаллическія друзы, напр., на снѣжныя звѣздочки, что аналогія между ними кидается въ глаза. Очевидно, что по крайней мѣрѣ во множествѣ случаевъ такіе скелеты, составляя форменное выраженіе молекулярнаго характера, не имѣютъ прямого отношенія къ борьбѣ за существованіе, также точно какъ не имѣетъ его и способность гемоглобина выкристалливовываться въ различныя формы у различныхъ, нерѣдко весьма близкихъ другъ къ другу видовъ. Множество случаевъ подойдетъ подъ эту категорію и, между прочимъ, приведенные въ предъидущей главѣ примѣры видовыхъ признаковъ, не зависящихъ отъ подбора (особенности скелета, чешуекъ и т. п.). Сюда же должны быть отнесены и такія образованія, которыя носятъ на себѣ ясный морфологическій характеръ, но которыя этой стороной своей не зависятъ отъ подбора. Въ этомъ отношеніи очень видное мѣсто занимаютъ чернильные орѣшки. Образованія эти «представляютъ рѣзкіе, постоянные и опредѣленные признаки и каждый сортъ такъ же прочно придерживается своей формы, какъ дѣлаютъ это всякія другія органическія существа. Этотъ фактъ становится еще замѣчательнѣе, когда мы узнаемъ, что семь изъ десяти сортовъ чернильныхъ орѣшковъ, появляющихся на ивѣ (Salix humilis), причиняются мушками (изъ сем. Cecidomyidae), которые хотя и принадлежатъ къ существенно различнымъ видамъ, но походятъ другъ на друга столь близко, что во многихъ случаяхъ трудно, а въ иныхъ невозможно различить между собою вполнѣ развитыхъ насѣкомыхъ. Судя по обширной аналогіи, мы можемъ съ вѣроятностью заключить, что ядъ, выдѣляемый столь близко родственными насѣкомыми, не мо-

жетъ сильно различаться по свойствамъ; но этого *легкаго различія достаточно, чтобы обусловить чрезвычайно различные результаты»* (Дарвинъ, «Прируч. жив.», II, 310). Не подлежитъ сомнѣнію, что отличительные признаки различныхъ сортовъ чернильныхъ орѣшковъ не составляютъ признака, полезнаго въ борьбѣ за существованіе вызывающимъ ихъ животнымъ, что эти отличительныя черты составляютъ просто, такъ-сказать, вывѣску молекулярныхъ отличій яда и отчасти растенія, производящаго орѣшки. Въ этомъ случаѣ особенно важнымъ представляется еще то обстоятельство, что форменныя отличія между различными сортами орѣшковъ (нейтральныя по отношенію къ подбору) бываютъ иногда рѣзче, чѣмъ отличія между насѣкомыми, вызывающими ихъ образованіе и подлежащими какъ борьбѣ за существованіе, такъ и естественному подбору. Примѣръ этотъ способенъ пролить свѣтъ на несомнѣнно доказанное нѣсколькими авторами и развитое въ двухъ предъидущихъ главахъ положеніе, что между признаками, важными въ борьбѣ за существованіе, и форменными отличіями не существуетъ необходимаго полнаго соотвѣтствія.

Итакъ, какъ измѣненія внутренняго характера организма, такъ и связанныя съ этимъ форменныя уклоненія могутъ не имѣть никакого отношенія къ борьбѣ за существованіе, что́ мы и видимъ по отношенію ко многимъ видамъ и разновидностямъ (нужно вспомнить приведенный у Дарвина примѣръ разновидности Uria Фарёрскихъ острововъ). Образованіе такихъ, такъ-сказать, нейтральныхъ формъ особенно облегчается у низшихъ организмовъ, у которыхъ скрещиваніе особей или вовсе устраняется, или же дѣлается сравнительно ничтожнымъ, вслѣдствіе преобладанія или исключительнаго господства безполового размноженія, а также вслѣдствіе гермафродитизма, дѣлающаго нерѣдко возможнымъ самооплодотвореніе. Въ этихъ случаяхъ каждая особь можетъ передавать по наслѣдству свои индивидуальныя уклоненія, находясь въ изолированномъ отъ скрещиванія состояніи, т.-е. въ состояніи, которое у другихъ организмовъ достигается или пространственнымъ изолированіемъ, или же особенной прочностью наслѣдственности нѣкоторыхъ признаковъ (см. выше, главу седьмую), или же, наконецъ, изолирующимъ вліяніемъ подбора.

Изъ сказаннаго на предъидущихъ страницахъ вытекаетъ, что форменныя измѣненія, которыя сами по себѣ нейтральны съ точки зрѣнія борьбы и подбора, легко могутъ находиться у существъ, внутренній характеръ которыхъ имѣетъ очень важное отношеніе къ дѣлу борьбы. Такимъ образомъ, между характеромъ и форменными отличіями будетъ находиться извѣстная связь, ко-

торую однако же никакъ нельзя будетъ признать коренной и существенной. Многія разновидности культурныхъ растеній, отличающіяся такими форменными отличіями, какъ, напримѣръ, величина и особенности цвѣтка или плода, оказываютъ весьма неодинаковую способность къ перенесенію холода (примѣры см. у Дарвина, «Прир. Жив.», II, 336—338). Очевидно, что это послѣднее свойство, столь тѣсно связанное съ внутренними особенностями организаціи даннаго вида, находится только въ отдаленной, посредственной связи съ величиною и окраской цвѣтка или же съ формою и очертаніями плода и т. п. Но связь эта тѣмъ не менѣе существуетъ, и потому можетъ служить очень удобнымъ внѣшнимъ признакомъ для садовода и агронома. То же самое мы видимъ во множествѣ случаевъ, какъ въ жизни одомашненныхъ животныхъ и растеній, такъ и въ свободной природѣ, между прочимъ, и у человѣка. Возьмемъ примѣръ изъ послѣдней сферы, какъ наиболѣе близкой къ намъ. Изъ народовъ, отличающихся особенной силой въ борьбѣ за существованіе и потому особенно способныхъ къ распространенію на поверхности земли, могутъ быть названы англичане, китайцы и евреи. Каждый изъ нихъ, отличаясь совершенно особеннымъ складомъ народнаго характера, еще болѣе кидается въ глаза, при поверхностномъ наблюденіи, оригинальными особенностями физіономіи. Но никто не станетъ утверждать, чтобы послѣднія, т.-е. внѣшніе аттрибуты, обусловливали у нихъ побѣду, а не болѣе скрытыя особенности ихъ характера. Цвѣтъ волосъ и длина зубовъ у англичанъ; глаза, скулы, цвѣтъ лица и пр. у китайцевъ; носъ, уши, произношеніе у евреевъ, то-есть признаки, дѣлающіе эти народы столь характерными съ перваго взгляда, связаны черезъ посредство такого множества ступеней съ тѣми особенностями, благодаря которымъ названные народы успѣли побѣдить много другихъ въ борьбѣ за существованіе, что самая связь можетъ быть названа отдаленной или просто случайной. Къ этой категоріи явленій можно отнести и рядъ фактовъ, приведенныхъ Дарвиномъ въ доказательство соотношенія между цвѣтомъ и особенностями сложенія; изъ нихъ главнѣйшіе были уже цитированы мною въ началѣ предъидущей главы. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ цвѣтъ самъ по себѣ не играетъ роли въ борьбѣ за существованіе: онъ связанъ только посредственнымъ образомъ съ полезными сторонами внутренняго характера и потому можетъ служить внѣшнимъ знакомъ, вывѣской этихъ сторонъ, цѣнимыхъ хозяиномъ. Дарвинъ включаетъ эти примѣры въ рядъ соотношенія признаковъ, но легко видѣть, что они не вполнѣ соотвѣт-

ствуютъ этому опредѣленію. Въ случаяхъ настоящаго соотношенія, особенности одного органа необходимо вызываютъ за собою и соотвѣтствующія измѣненія въ сферѣ другого органа той же системы. Такъ, напримѣръ, волоса или перья бываютъ въ соотношеніи съ копытами, роговымъ покровомъ клюва и другими накожными образованіями; уродливости переднихъ конечностей во многихъ случаяхъ совпадаютъ съ уродливостями нижнихъ и т. д. Во многихъ случаяхъ бываетъ возможно даже опредѣлить морфологическое значеніе такихъ соотносительныхъ явленій, именно, когда измѣняются такъ-называемые гомологическіе или гомонимные органы. Какъ бы то ни было, тутъ мы всегда имѣемъ дѣло съ форменными признаками, находящимися между собою въ опредѣленномъ и часто постоянномъ отношеніи. Наоборотъ, въ вышеприведенныхъ случаяхъ соотношенія цвѣта, однимъ изъ факторовъ является какая-то скрытая особенность организма, о которой только то и извѣстно, что она заключается не въ форменной сторонѣ, а въ свойствахъ внутренняго характера. Тутъ связь можетъ и должна быть болѣе посредственной и сложной, чѣмъ въ случаяхъ настоящаго соотношенія между органами. Различіе это важно по отношенію къ значенію форменныхъ признаковъ и ихъ роли въ систематикѣ и процессѣ подбора. При всемъ томъ, какъ признаки, связанные посредственно съ внутренними свойствами характера, такъ и признаки, находящіеся въ соотношеніи съ другими (тоже форменными) особенностями, могутъ, по существу своему, сами по себѣ быть вполнѣ нейтральными въ дѣлѣ борьбы и подбора. По всей вѣроятности, признаки многихъ домашнихъ породъ были фиксированы не вслѣдствіе искусственнаго подбора ихъ, а именно въ силу связи ихъ съ особенностями характера, полезными для данной цѣли. Нужно думать, что такъ образовались многія форменныя особенности породъ у дикихъ или полудикихъ животныхъ; такъ, напримѣръ, калмыцкая и киргизская породы лошадей, отличающіяся характернымъ тѣлосложеніемъ, были образованы не въ силу особенностей послѣдняго, а ради ихъ необыкновенной выносливости; но такъ какъ каждая изъ этихъ двухъ породъ имѣетъ свои отличительные признаки, несмотря на сходный образъ жизни, то нужно думать, что они развились не подъ непосредственнымъ вліяніемъ внѣшней среды, а именно въ силу ихъ посредственной связи съ характеромъ лошадей, подобно вышеприведеннымъ примѣрамъ связи между внѣшними отличіями и характеромъ народовъ.

Положеніе, что форменные признаки, пріобрѣтенные въ силу

соотношенія, могутъ сами по себѣ быть безполезны для обладающаго ими существа, установлено самимъ Дарвиномъ. Вотъ его собственныя слова: «вопросъ о соотношеніи чрезвычайно важенъ, такъ какъ мы постоянно находимъ, что у видовъ, а въ меньшей степени и у домашнихъ породъ, извѣстныя части измѣнились съ какою-нибудь полезною цѣлью; но мы почти всегда находимъ, что вмѣстѣ съ этимъ измѣнились и другія части, *безъ всякой видимой пользы отъ измѣненія*. Безъ сомнѣнія, надо быть весьма осторожнымъ, приходя къ этому заключенію и не забывать нашего крайняго невѣжества относительно употребленія различныхъ частей организма; но изъ того, что мы видѣли, мы можемъ думать, что *многія измѣненія не приносятъ прямой пользы, но произошли вслѣдствіе соотношенія съ другими и болѣе полезными измѣненіями*» («Прируч. животн.», II, 387). Съ своей стороны необходимо замѣтить, что не слѣдуетъ также безъ строгой критики и особенной осторожности ссылаться на образованіе признаковъ путемъ соотношенія (какъ это нерѣдко дѣлаютъ крайніе дарвинисты), какъ потому, что законы этого явленія еще почти вовсе неизвѣстны, такъ и потому, что многіе безполезные форменные признаки могутъ фиксироваться помимо соотношенія или въ силу ихъ посредственной связи съ полезнымъ внутреннимъ характеромъ, или же просто въ силу молекулярныхъ процессовъ въ организмѣ, независимо отъ отношеній къ борьбѣ за существованіе и какому-либо виду подбора.

Кромѣ указанныхъ возможныхъ случаевъ измѣненія существуютъ, конечно, и примѣры образованія новыхъ формъ путемъ строгаго примѣненія естественнаго подбора по дарвиновской схемѣ; но только это будутъ частные случаи, подобно примѣрамъ измѣняемости подъ вліяніемъ употребленія или неупотребленія органовъ. Принципъ этотъ, возведенный Ламаркомъ на степень универсальнаго закона, оказался частнымъ случаемъ; то же должно быть признано и относительно дарвинизма. Если это мнѣніе справедливо, то все сказанное въ двухъ предъидущихъ главахъ о несоотвѣтствіи результатовъ борьбы и подбора съ крупными фактами измѣняемости въ природѣ становится совершенно понятнымъ.

Сравнивая далѣе образованіе формъ по дарвиновской схемѣ съ другими способами измѣненія, оказывается, что въ первомъ случаѣ процессъ идетъ болѣе сложнымъ и окольнымъ путемъ, что составляетъ уже значительное затрудненіе. Такимъ образомъ, дѣятельность естественнаго подбора прежде всего зависитъ отъ измѣняемости: необходимо, чтобы особи измѣнялись въ данномъ, опредѣленномъ направленіи. Самъ Дарвинъ объясняетъ нерѣдко

постоянство видовъ тѣмъ, что не «происходило измѣненія въ должномъ направленіи». Во-вторыхъ, естественный подборъ въ значительной степени зависитъ отъ формы наслѣдственности. Мнѣніе, что онъ самъ по себѣ достаточно силенъ для того, чтобы воспрепятствовать скрещиванію съ неизмѣненными особями, черезчуръ утрировано. Въ случаяхъ, гдѣ дѣйствіе естественнаго подбора наиболѣе несомнѣнно, на помощь ему является особенно прочная наслѣдственность, мѣшающая смѣшенію и уничтоженію новыхъ признаковъ путемъ скрещиванія. Кромѣ того, иногда ему помогаетъ пространственное изолированіе особей, дающихъ начало новой расѣ или новому виду. Можно допустить также, что въ качествѣ изолятора участвуетъ, кромѣ того, и способность внезапнаго измѣненія, такъ какъ именно въ подобныхъ случаяхъ наслѣдственность отличается особенной прочностью и рѣзко измѣненныя особи нерѣдко обнаруживаютъ половое отвращеніе къ недѣлимымъ основной формы (см. седьмую главу). Такъ что въ результатѣ получается выводъ, что случаи внезапнаго измѣненія не только не идутъ въ разрѣзъ съ основными принципами теоріи подбора, но, наоборотъ, весьма облегчаютъ эту теорію, давая подбору важный изолирующій моментъ. Кромѣ того, значеніе внезапныхъ измѣненій увеличивается еще въ виду невозможности признать такое быстрое вымираніе побѣжденныхъ формъ, какое принимаетъ Дарвинъ (см. конецъ восьмой главы). Главнымъ образомъ, въ виду аргументовъ Нэгели, этотъ способъ объяснить отсутствіе переходныхъ формъ не можетъ быть признанъ общимъ, вслѣдствіе чего одно изъ основныхъ возраженій антидарвинистовъ снова должно бы было всплыть наружу, еслибы насъ не выручала (указанная въ седьмой главѣ) возможность и вѣроятность внезапныхъ измѣненій. Въ своемъ послѣднемъ этюдѣ, «О развитіи общественныхъ растеній», Нэгели, повидимому, не признаетъ этой необходимости, но изъ его собственныхъ словъ можно видѣть, что въ основѣ его воззрѣній заключена мысль о возможности внезапныхъ измѣненій. Въ концѣ статьи, онъ резюмируетъ свой взглядъ на способъ образованія видовъ, живущихъ рядомъ другъ подлѣ друга, и говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «обѣ формы (т.-е. вновь образованная и прежняя, основная) всегда будутъ ясно отдѣлены, такъ какъ всѣ *промежуточныя состоянія*, происшедшія путемъ скрещиванія или простой измѣнчивости, должны быть устранены». Очевидно, что если двѣ главныя формы настолько отличаются другъ отъ друга, что между ними еще могутъ быть промежуточныя, то сами онѣ должны быть болѣе разнородны, чѣмъ обыкновенныя особи одного и того

же вида. Изъ двухъ же главныхъ формъ новая появляется сразу, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: «совершается измѣненіе; ограниченное сначала небольшимъ числомъ особей, оно не замедлитъ исчезнуть, если первоначальная форма превзойдетъ его жизненной силой. Если же новая форма будетъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ обладать преимуществомъ... то она отчасти вытѣснитъ основную, но, не уничтоживъ ее окончательно, поселится рядомъ съ ней». Отсюда слѣдуетъ, что особенности новой формы даны готовыми сразу и что только потомъ между ними могутъ образоваться переходы.

XI.

Теорія трансформизма по отношенію къ распредѣленію организмовъ въ пространствѣ и времени.—Переходныя формы.—Трансформизмъ въ морфологіи.—Положительное и новое натурфилософское направленіе.—Очеркъ теоріи Гастрэа.

Въ предшествовавшихъ главахъ было уже сказано, что факты географическаго распространенія животныхъ послужили первымъ поводомъ Дарвину и Уоллесу къ основанію ихъ теорій. Оба они во время своихъ путешествій въ отдаленныя страны были поражены тѣмъ общимъ фактомъ, что географически близкія животныя были въ то же время очень близки и по своему положенію въ системѣ; что, напримѣръ, фауна Галлопагосскихъ островов представлялась какъ-бы измѣненной частицей южно-американской фауны или что различныя, но сосѣдніе виды животныхъ Малайскаго архипелага были находимы на различныхъ островахъ одной и той же общей группы. Факты эти естественно вели къ признанію закона измѣняемости видовъ, съ точки зрѣнія котораго могутъ быть очень легко объяснены не только два приведенные примѣра, но и цѣлыя большія группы явленій географическаго распространенія организмовъ. Какъ Дарвинъ, такъ и Уоллесъ, въ виду только-что сказаннаго, сдѣлались трансформистами раньше, чѣмъ имъ пришла въ голову мысль о происхожденіи видовъ путемъ подбора, и всѣ ихъ соображенія о географическомъ распространеніи организмовъ непосредственно связаны съ теоріей преемственнаго происхожденія видовъ, безъ всякаго отношенія собственно къ дарвинизму (т.-е. теоріи подбора). Въ двухъ главахъ «Происхожденія видовъ», посвященныхъ географическому распространенію, идетъ рѣчь главнымъ образомъ о вопросѣ, кáкъ согласить случаи нахожденія видовъ на мѣстахъ, очень удаленныхъ другъ отъ друга, съ теоріей трансформизма, т.-е. кáкъ объяснить

происхожденіе всѣхъ особей даннаго вида, несмотря на ихъ значительное разобщеніе, путемъ филіаціи, отъ общихъ родителей. Съ цѣлью рѣшить этотъ вопросъ, Дарвинъ разсматриваетъ разнородные способы разселенія организмовъ и старается показать, что этимъ путемъ можетъ быть объяснено нахожденіе многихъ животныхъ на самыхъ отдаленныхъ островахъ. Тѣ же, которыя отличаются особенной неспособностью переселяться за море, какъ, напримѣръ, млекопитающія и земноводныя, почти никогда и не находятся на удаленныхъ отъ материка океаническихъ островахъ, —фактъ, имѣющій тѣмъ большее значеніе въ данномъ вопросѣ, что какъ млекопитающія, такъ и земноводныя, перевезенныя человѣкомъ на многіе острова, очень легко натурализировались на нихъ. Наиболѣе парадоксальныя явленія географическаго распространенія, какъ, напримѣръ, нахожденіе одного и того же вида на столь удаленныхъ другъ отъ друга горныхъ хребтахъ, какъ, напримѣръ, Альпы и Гималаи, объясняются съ помощью такъ-называемой ледниковой теоріи, по которой въ предшествующую нашей геологическую эпоху ледники спускались въ долины, и альпійская растительность, сосредоточенная теперь исключительно на высокихъ горахъ, распространялась и на лежащія между горами низменныя пространства. Всѣ эти объясненія имѣютъ очень существенное значеніе какъ для теоріи трансформизма, такъ и для географіи, но они вовсе не касаются вопроса о способахъ измѣненія видовъ путемъ подбора или какой-либо другой причины.

Почти то же можетъ быть сказано и относительно вопроса о геологическомъ распространеніи и послѣдовательномъ появленіи организмовъ. Большинство положеній, высказанныхъ по этому поводу Дарвиномъ, имѣетъ непосредственное отношеніе только къ трансформизму вообще, и только немногіе пункты болѣе близко соприкасаются съ теоріей подбора. Цѣлый рядъ соображеній приведенъ Дарвинымъ съ цѣлью доказать, что геологическія свѣдѣнія еще черезчуръ неполны, чтобы на основаніи ихъ дѣлать выводы о внезапномъ появленіи видовъ и объ истинномъ отсутствіи переходныхъ формъ. Онъ показываетъ далѣе, что, абстрагируясь отъ отрицательныхъ видовъ геологіи, какъ очень шаткихъ, наука эта представляетъ цѣлый рядъ фактовъ, чрезвычайно легко вяжущихся съ теоріей преемственнаго происхожденія видовъ, и наоборотъ, совершенно непонятныхъ съ точки зрѣнія постоянства и неизмѣнности формъ, какъ, напр., факты систематическаго родства между организмами, ближайшими въ геологическомъ отношеніи. Такія крупныя явленія, какъ вымираніе видовъ и общее

повышеніе уровня организаціи, Дарвинъ приводитъ въ согласіе съ теоріей естественнаго подбора. Дѣлая это, онъ, однакоже, не старается показать, чтобы эти явленія не могли быть объяснены съ помощію какого-либо другого вида теоріи трансформизма, чтобы они, поэтому, обязывали признать первостепенное значеніе естественнаго подбора. Между тѣмъ, легко убѣдиться въ томъ, что какъ вымираніе, такъ и прогрессивный ходъ измѣненія организаціи, насколько онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ (см. конецъ девятой главы), очень легко совмѣстимы съ любою теоріей измѣняемости видовъ. Вымираніе въ геологическомъ смыслѣ, т.-е. исчезновеніе формъ, также какъ и замѣна ихъ новыми, могутъ быть объяснены не только при помощи теоріи вымиранія побѣжденныхъ въ конкурренціи, но также и съ помощью распространеннаго на всѣ особи одного вида стремленія къ измѣненію въ одинаковомъ направленіи. Прогрессивное же развитіе органическаго міра, какъ было показано въ девятой главѣ, отнюдь не составляетъ необходимаго результата естественнаго подбора, и оно скорѣе бы говорило въ пользу существованія въ природѣ особаго прогрессивнаго принципа, еслибы только имѣло то значеніе, которое приписываютъ ему многіе палеонтологи и зоологи.

Уже изъ одного того, что ископаемые организмы извѣстны намъ неизмѣримо меньше, чѣмъ нынѣ живущіе, легко усмотрѣть, что о способѣ измѣненія ихъ не можетъ быть и рѣчи. Выше же было показано, до какой степени трудно судить о роли данныхъ измѣненій въ борьбѣ за существованіе, когда идетъ дѣло о живыхъ существахъ, извѣстныхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Большинство ископаемыхъ организмовъ оставило по себѣ только твердыя части скелета, такъ что всѣ сужденія о нихъ неизбѣжно должны быть очень односторонни. Какое понятіе можемъ мы, въ самомъ дѣлѣ, составить себѣ объ условіяхъ борьбы за существованіе и подборѣ такихъ животныхъ, какъ, напр., мягкотѣлыя, отъ которыхъ остались почти исключительно однѣ раковины, когда даже при изслѣдованіи нынѣшнихъ животныхъ, съ этой точки зрѣнія, мы на каждомъ шагу должны обращаться къ чисто физіологическимъ, не выходящимъ наружу свойствамъ, какъ, напр., къ способности переносить измѣненія тепла, состава воды и пр.? Ближайшее знакомство съ фактическими примѣрами еще осязательнѣе пояснитъ это положеніе. Возьмемъ случай, который такъ часто цитируется трансформистами и особенно выдвигается нѣкоторыми изъ нихъ, какъ очевиднѣйшее доказательство въ пользу дарвинизма. Въ прѣсноводныхъ известковыхъ отложеніяхъ

близъ Штенгейма было найдено большое количество ископаемыхъ раковинъ, форма которыхъ до того измѣнчива, что изъ нихъ составили девятнадцать полныхъ разновидностей, соединяющихъ крайніе, чрезвычайно рѣзко отличающіеся другъ отъ друга члены. Если бы нѣкоторыя изъ этихъ переходныхъ формъ не были найдены, то изъ массы раковинъ навѣрно бы установили нѣсколько вполнѣ самостоятельныхъ видовъ, такъ что можно сказать, что во всей палеонтологіи нѣтъ лучшаго примѣра существованія переходныхъ формъ между видами, какъ именно этотъ случай штейнгеймскихъ раковинъ. Такое богатство измѣненій, совершившихся на очень ограниченномъ пространствѣ (нужно думать, что всѣ 19 разновидностей жили въ одномъ небольшомъ прѣсноводномъ озерѣ) и сравнительно въ короткій промежутокъ времени (въ теченіи одной формаціи третичной эпохи), какъ нельзя лучше подтверждаетъ теорію трансформизма; но какъ отвѣтить на вопросъ, въ силу чего именно совершились всѣ эти измѣненія? Какъ приложить теорію подбора или какого-либо другого фактора-видообразователя къ данному случаю, когда, при опредѣленіи рода, къ которому принадлежатъ штейнгеймскія раковины, одни ученые остановились на родѣ Valvata, а другіе на родѣ Planorbis, изъ которыхъ первый относится къ отряду жаберныхъ, раздѣльно-полыхъ мягкотѣлыхъ, тогда какъ другой принадлежитъ къ отряду легочныхъ гермафродитныхъ формъ? Очевидно, что всѣ разсужденія разбиваются на томъ, что раковины, единственные остатки интересныхъ штейнгеймскихъ мягкотѣлыхъ, не даютъ никакого отвѣта на множество вопросовъ объ образѣ жизни и другихъ сторонахъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса о приложеніи подбора или какого-либо другого дѣятеля.

Другой палеонтологическій примѣръ трансформизма представляютъ такъ-называемые аммониты, ископаемые члены головоногихъ мягкотѣлыхъ. Въ двухъ группахъ этихъ животныхъ, раковина которыхъ отличается присутствіемъ шиповъ (Armatae) или реберъ (Planulatae), виды до такой степени сливаются другъ съ другомъ, что между ними легко найти всѣ переходныя формы; даже самыя эти группы не могутъ быть рѣзко разграничены, такъ какъ есть формы, на которыхъ легко прослѣдить замѣщеніе реберъ шипами. Очевидно, что эти и подобные имъ факты, составляя столь важные аргументы въ пользу трансформизма, не могутъ пролить свѣта на вопросъ о способѣ измѣненія видовъ, такъ какъ неизвѣстно, соотвѣтствовали ли измѣненіямъ раковины какія-нибудь перемѣны болѣе существенныхъ сторонъ организма.

Кромѣ того, неизвѣстна ни организація, ни развитіе этихъ животныхъ, прекратившихъ свое существованіе еще во время мѣловой формаціи.

Появленіе въ свѣтъ сочиненія «О происхожденіи видовъ» имѣло вліяніе и на морфологію, т.-е. науку объ устройствѣ и родствѣ органическихъ формъ. Вліяніе это было, однакоже, обусловлено не установленіемъ теоріи естественнаго подбора, а возстановленіемъ и укрѣпленіемъ теоріи преемственнаго происхожденія видовъ; такъ что на морфологію можетъ быть распространено то же, что было выше сказано объ отношеніи географіи и геологіи къ трансформизму и дарвинизму.

Подобно прежнимъ трансформистамъ, Дарвинъ высказалъ мысль, что родство между организмами, составляющее основу такъ-называемой естественной системы, есть простое выраженіе кровнаго родства, и естественная система—генеалогическая таблица, наглядно поясняющая это родство. «Общій планъ организаціи», на который такъ напирали всѣ сравнительные анатомы и морфологи, оказался, съ точки зрѣнія трансформизма, суммой признаковъ общаго родоначальника. Рудиментарные органы, не выполняющіе никакого физіологическаго отправленія и, несмотря на то, нерѣдко составляющіе очень важную сторону «общаго плана», получили у Дарвина чрезвычайно простое объясненіе съ той же точки зрѣнія и сдѣлались однимъ изъ существеннѣйшихъ доказательствъ трансформизма. Кромѣ всего этого, Дарвинъ возстановилъ положеніе, выработанное натурфилософской школой (см. главу третью), что сходство зародышеваго развитія данныхъ видовъ указываетъ на ихъ общее происхожденіе. «Зародышъ есть животное въ менѣе измѣненномъ видѣ и по-стольку оно обнаруживаетъ намъ организацію прародителя», говоритъ онъ. «Если двѣ группы животныхъ, какъ бы сильно онѣ ни отличались въ настоящее время устройствомъ и образомъ жизни, проходятъ въ теченіи своего развитія одинаковыя или сходныя зародышевыя состоянія, то мы можемъ быть увѣрены, что обѣ онѣ происходятъ отъ одинаковыхъ или очень сходныхъ прародителей и вслѣдствіе того находятся въ соотвѣтственномъ родствѣ другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, сходство зародышеваго состоянія выдаетъ общее происхожденіе». Положенія эти, составляющія прямые и непосредственные выводы изъ всякой теоріи трансформизма, несмотря на ихъ безразличное отношеніе къ теоріи подбора, сдѣлались основными догматами новѣйшей морфологіи. Но такъ какъ

въ наукѣ уже накопился значительный запасъ выводовъ объ общемъ планѣ организаціи и объ относительномъ родствѣ между различными организмами, то новымъ трансформистамъ легко было подставлять трансформистическія выраженія въ готовые результаты (какъ было показано въ третьей главѣ по отношенію къ типу иглокожихъ). Такимъ образомъ, снова стали говорить о происхожденіи земноводныхъ и другихъ позвоночныхъ отъ рыбъ и т. п.

Новые морфологи не остановились, однакоже, на этомъ переводѣ добытыхъ прежнею школою выводовъ на трансформистическій языкъ. Въ 1864 году появилась, небольшая объемомъ, но очень богатая содержаніемъ брошюра Фрица Мюллера, въ которой онъ впервые дѣлаетъ попытку примѣнить основныя положенія теоріи преемственнаго происхожденія къ объясненію цѣлаго ряда фактовъ изъ области морфологіи ракообразныхъ. Пріемы его были бо́льшею частью новы, соображенія и выводы въ высшей степени остроумны и интересны, и потому неудивительно, что брошюра эта, озаглавленная «Für Darwin», обратила на себя всеобщее вниманіе. Она имѣла особенное значеніе еще потому, что въ сильнѣйшей степени содѣйствовала распространенію трансформистическихъ воззрѣній среди германскихъ зоологовъ и показала имъ путь, по которому они должны идти.

Имѣя въ виду положеніе Дарвина, что въ исторіи развитія животнаго сохраняются черты организаціи прародителя, Фрицъ Мюллеръ обратилъ вниманіе на личиночныя формы ракообразныхъ и остановился на той изъ нихъ, которая представляетъ всего болѣе простое устройство и встрѣчается у самаго большого количества наиболѣе разнообразныхъ представителей класса. Одна изъ такихъ личинокъ была найдена еще въ прошломъ столѣтіи чешскимъ ученымъ Отто Мюллеромъ, который, не зная ея отношенія къ взрослой формѣ, описалъ ее за самостоятельное животное подъ именемъ Nauplius. Впослѣдствіи оказалось, что это была шестиногая личинка одного изъ мелкихъ прѣсноводныхъ ракообразныхъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ циклоповъ; нашли также, что подобныя же личинки встрѣчаются еще у многихъ другихъ ракообразныхъ, принадлежащихъ къ низшимъ отрядамъ этого класса. Общая форма и организація всѣхъ изслѣдованныхъ науплiусовъ оказалась до такой степени однородной, что достаточно было открыть такое личиночное состояніе у такъ-называемыхъ усоногихъ и паразитическихъ лерней, чтобы тотчасъ же перенести этихъ оригинальныхъ животныхъ изъ отдѣловъ мягкотѣлыхъ и червей (куда ихъ прежде относили на основаніи наружнаго сходства)—въ классъ ракообразныхъ. Въ виду всѣхъ

этихъ данныхъ и въ особенности того важнаго систематическаго значенія, которое пріобрѣла личиночная форма наупліусъ, Фрицъ Мюллеръ пришелъ къ убѣжденію, что именно эта форма всего лучше сохранила особенности общаго родоначальника ракообразныхъ. Для того, чтобъ полнѣе провести эту мысль, онъ обратился къ изученію высшихъ представителей класса, у которыхъ еще никогда не находили науплiусовой личиночной стадіи, и у которыхъ изъ яйца всегда выходила личинка гораздо болѣе сложно организованная. Мюллеръ думалъ уже, что у высшихъ ракообразныхъ совершенно стерлись слѣды общаго прародителя класса, какъ вдругъ ему удалось открыть науплiусовую личинку у одной южно-американской креветки, т.-е. у представителя самаго высшаго отряда. Открытіе это еще болѣе укрѣпило трансформистическія воззрѣнія Мюллера и послужило ему главнымъ аргументомъ «въ пользу Дарвина». Идя далѣе въ томъ же направленіи, онъ убѣдился въ существованіи закона, по которому развитіе особи отклоняется отъ первоначальнаго пути и фальсифируется въ силу позднѣйшихъ пріобрѣтеній. Такъ, напр., онъ полагаетъ, что въ отрядѣ мокрицъ развитіе особи идетъ гораздо болѣе сокращеннымъ путемъ, чѣмъ у другихъ ракообразныхъ, что у нихъ это сокращеніе было вызвано необходимостью и что вслѣдствіе того присутствіе науплiусовой личинки у нихъ служило бы не только не доказательствомъ въ пользу трансформизма, но, наоборотъ, представило бы противъ этой теоріи самое сильное возраженіе. «Пусть мнѣ покажутъ какую-нибудь изъ мокрицъ (или амфиподъ) съ науплiусовыми личинками... и я откажусь отъ всего ученія Дарвина», говоритъ онъ (стр. 88).

Мюллеръ дѣлаетъ еще одну попытку розыскать слѣды общаго прародителя, но попытку, несравненно менѣе удачную, чѣмъ первая. Убѣдившись въ общемъ происхожденіи всѣхъ ракообразныхъ, онъ старается показать родственную связь, соединяющую мокрицъ съ самыми высшими, такъ-называемыми десятиногими ракообразными. Съ этою цѣлью онъ приводитъ одинъ родъ морскихъ мокрицъ, у котораго органы дыханія устроены не по типу остальныхъ мокрицъ, а по типу, свойственному личинкамъ большинства десятиногихъ. Попытку эту можно счесть неудачной между прочимъ на томъ основаніи, что дыхательные органы у всѣхъ ракообразныхъ устроены въ высшей степени разнородно, и какъ органы сравнительно поздняго происхожденія, они должны давать и всего менѣе данныхъ для опредѣленія естественнаго родства.

Ближайшее знакомство съ фактами исторіи развитія рако-

образныхъ и многочисленныя соображенія о нихъ съ точки зрѣнія трансформизма дали Мюллеру возможность нѣсколько болѣе развить основныя вышеприведенныя положенія Дарвина по отношенію къ эмбріологіи. Вотъ главные результаты Фр. Мюллера, приведенные его собственными словами. 1) «Въ короткій срокъ нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ измѣнчивыя формы зародышей и личинокъ изображаютъ передъ нашими глазами картину измѣненій, через посредство которыхъ прошелъ видъ въ теченіи неисчислимаго количества тысячелѣтій, пріобрѣтая постепенно свое настоящее состояніе». 2) «Историческая хроника, сохраняющаяся въ исторіи развитія особи, постепенно стирается, вслѣдствіе того, что развитіе выбираетъ все болѣе и болѣе прямой путь отъ яйца къ взрослому животному; она также часто фальсифируется вслѣдствіе борьбы за существованіе, претерпѣваемой личинками». Отсюда возникаютъ очень значительныя, часто непреодолимыя затрудненія при рѣшеніи вопроса о томъ, какія части личинки или взрослаго животнаго составляютъ остатокъ прародителя и какія представляются позднѣйшими пріобрѣтеніями. Для того, чтобы облегчить это, Фр. Мюллеръ устанавливаетъ еще слѣдующее общее положеніе. 3) «Первобытная исторія вида тѣмъ полнѣе сохраняется въ исторіи развитія, чѣмъ длиннѣе рядъ личиночныхъ стадій, претерпѣваемыхъ при равномѣрномъ измѣненіи, и она тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ менѣе личинка отличается образомъ жизни отъ взрослой формы и чѣмъ менѣе особенности отдѣльныхъ личиночныхъ стадій могутъ быть объяснены путемъ ранняго появленія признаковъ, пріобрѣтенныхъ взрослымъ животнымъ, а также — путемъ самостоятельнаго пріобрѣтенія» (81).

Стараясь приложить основы теоріи трансформизма къ рѣшенію морфологическихъ вопросовъ, Фр. Мюллеръ очень часто дѣлаетъ предположенія, вдается въ область гипотезъ, но онъ никогда не покидаетъ научной почвы и тѣмъ пріобрѣтаетъ еще большую цѣну въ глазахъ людей науки. Ему бы очень хотѣлось сдѣлать шагъ дальше, узнать, откуда произошли первобытные науплiусы и какое родство связываетъ ракообразныхъ съ другими классами суставчатоногихъ животныхъ, но онъ останавливается въ виду невозможности рѣшить эти вопросы научнымъ путемъ. Въ отвѣтъ на эти вопросы онъ говоритъ слѣдующее: «устройство хвоста науплiуса можетъ напоминать подвижную хвостовую вилку коловратокъ, которыхъ нѣкоторые признаютъ за близкихъ родичей ракообразныхъ или по крайней мѣрѣ суставчатоногихъ. Можно бы изъ того, что у науплiуса ротъ окруженъ шестью ногами, заключить о первоначально лу-

чистомъ планѣ устройства и т. д. Чего-либо положительнаго я найти не могу. Даже къ болѣе близкимъ отдѣламъ тысяченожекъ и пауковъ я не могу проложить связывающаго моста. Только по отношенію къ насѣкомымъ развитіе высшихъ ракообразныхъ (Malaeostraca) даетъ, можетъ быть, точку соприкосновенія». Далѣе слѣдуетъ перечисленіе нѣкоторыхъ общихъ чертъ и затѣмъ замѣчаніе: «сходство это, правда, невелико, рядомъ съ многочисленными отличіями между обѣими группами животныхъ. Но во всякомъ случаѣ, предположеніе, что родоначальникомъ насѣкомыхъ была Zoëa (названіе личинки многихъ десятиногихъ ракообразныхъ), приспособившаяся къ сухопутной жизни, *можетъ заслуживать дальнѣйшаго разслѣдованія*» (91).

Если въ пользу трансформизма могутъ быть, съ одной стороны, приведены многочисленные факты сходнаго устройства или развитія животныхъ, отличающихся между собою во многихъ отношеніяхъ (какъ, напр., сходное личиночное развитіе многихъ разнородныхъ ракообразныхъ), то, съ другой стороны, необходимо признать, что въ силу основныхъ принциповъ той же теоріи, многія близкія животныя могутъ очень рѣзко расходиться между собою устройствомъ нѣкоторыхъ («поздно пріобрѣтенныхъ») органовъ. Фр. Мюллеръ доказываетъ это правило при помощи слѣдующаго частнаго примѣра. Нѣкоторые виды крабовъ, изъ различныхъ семействъ, приспособились къ сухопутной жизни и пріобрѣли способность дышать атмосфернымъ воздухомъ. Такъ какъ въ прочихъ отношеніяхъ они носятъ на себѣ ясные отпечатки семействъ, къ которымъ принадлежатъ, то нужно думать, что переходъ ихъ къ сухопутной жизни совершился позже, чѣмъ они пріобрѣли признаки своего семейства, или что сухопутные виды крабовъ произошли позже, чѣмъ получились семейства этихъ ракообразныхъ. Отсюда ясно, что органы для дыханія атмосфернымъ воздухомъ не могли быть передаваемы наслѣдственнымъ путемъ отъ вида къ виду, какъ признаки цѣлаго семейства, а должны были у различныхъ видовъ образоваться совершенно независимо и потому носить на себѣ болѣе или менѣе явные слѣды такого происхожденія. Факты, собранные Фр. Мюллеромъ, вполнѣ подтвердили это предположеніе, такъ какъ оказалось, что у различныхъ сухопутныхъ крабовъ отверстіе для вхожденія воздуха и другія приспособленія къ атмосферному дыханію устроены весьма разнородно.

Попытка Фр. Мюллера обратила на себя всеобщее вниманіе и не осталась безъ послѣдователей. Въ подтвержденіе я приведу нѣсколько наиболѣе выдающихся примѣровъ, число которыхъ

могло бы быть однакоже увеличено. Хотя вышеприведенное предположеніе Мюллера о происхожденіи (или естественномъ родствѣ) насѣкомыхъ и не было подтверждено всѣми его послѣдователями, тѣмъ не менѣе самый вопросъ этотъ былъ значительно подвинуть впередъ за послѣднее время. Вѣнскій ученый Брауеръ, въ результатѣ продолжительныхъ изслѣдованій о превращеніи насѣкомыхъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что личинки этихъ животныхъ распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна представляетъ признаки очень поздняго происхожденія, тогда какъ другая болѣе или менѣе полно сохраняетъ особенности родоначальника. Личинки этой второй категоріи легко могутъ быть сопоставлены съ однимъ изъ низшихъ безкрылыхъ насѣкомыхъ, живущимъ на землѣ (подъ камнями, подъ корою и пр.) и описаннымъ подъ названіемъ Campodea. Животное это замѣчательно не только потому, что сохраняетъ всего лучше признаки родоначальника всего класса насѣкомыхъ, но въ особенности еще и потому, что оно связываетъ этотъ классъ съ классомъ многоножекъ. Campodea, несмотря на свою принадлежность къ классу насѣкомыхъ, до такой степени еще похожа на многоножекъ, что нѣкоторые наблюдатели принимали ее за личинку послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ шести вполнѣ развитыхъ ногъ, она имѣетъ еще семь паръ зачаточныхъ конечностей. Брауеръ думалъ, что выводъ этотъ можетъ быть соглашенъ съ предположеніемъ Фр. Мюллера о происхожденіи насѣкомыхъ отъ Zoëa; но факты имъ приведенные, рядомъ съ результатами наблюденій надъ развитіемъ насѣкомыхъ въ яйцѣ, приводятъ къ убѣжденію, что шестиногія насѣкомыя произошли не отъ шестиногой же Zoëa, а отъ многоногой формы, всего болѣе близкой къ нынѣшнимъ многоножкамъ. Приблизительно въ этомъ смыслѣ высказался американскій ученый Паккардъ (въ 1869), по предположенію котораго первыя сухопутныя суставчатоногія должны были всего болѣе походить на простѣйшаго изъ нынѣ живущихъ представителей класса многоножекъ (на такъ-называемыхъ Pauropus), который связываетъ этихъ животныхъ съ низшими безкрылыми земляными блохами (Poduridae). Въ своихъ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, Паккардъ попытался сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи насѣкомыхъ: онъ предположилъ свести основныя формы какъ этого класса, такъ и паукообразныхъ и многоножекъ къ основной шестиногой формѣ, сохранившейся всего лучше, по его мнѣнію, въ личиночной формѣ зудней и описанной подъ названіемъ Leptus. Несмотря на все сочувствіе къ попыткамъ ученыхъ све-

сти разнообразныя формы животныхъ къ общимъ прототипамъ, нельзя однакоже не признать несвоевременными ни эту теорію Паккарда, ни попытку Лёббока установить кровное родство между суставчатоногими, коловратками и другими червями. Достаточно и того, что въ короткій промежутокъ времени удалось найти насѣкомое, очевидно очень близко подходящее къ прародителю этого класса и связывающее его съ сосѣднимъ классомъ многоножекъ. Мнѣніе Брауера о значеніи рода Campodea, раздѣляемое и Лёббокомъ, и многими другими зоологами, перешло недавно уже въ учебникъ зоологіи (Клауса).

Другой рядъ соображеній, развитыхъ Фр. Мюллеромъ, именно положеніе, что приспособленія, носящія на себѣ слѣды поздняго происхожденія, могутъ быть весьма разнородны (т.-е. не гомологичны, съ морфологической точки зрѣнія), также нашло подтвержденіе со стороны спеціалистовъ. Изучая клещей, зудней и другихъ паразитическихъ паукообразныхъ, Клапаредъ пришелъ къ тому результату, что многія изъ этихъ животныхъ стоятъ гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ отъ различныхъ непаразитическихъ родичей. Согласно съ этимъ, органы прикрѣпленія, развившіеся вслѣдствіе условій паразитической жизни, должны быть весьма разнородны, подобно тому какъ разнородны органы дыханія у сухопутныхъ крабовъ. Факты, собранные Клапаредомъ, вполнѣ подтверждаютъ это положеніе; оказывается, что органы прикрѣпленія могутъ образоваться не только на ногахъ и другихъ конечностяхъ паразита, но даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—на задней части тѣла.

Не слѣдуетъ думать однакоже, чтобы органы, получившіеся независимо друга отъ друга для одинаковой цѣли, необходимо были весьма разнородны. Возможно, что подъ вліяніемъ сходныхъ условій развитія (тутъ говорится объ условіяхъ съ самой широкой точки зрѣнія) и сходнаго основного матеріала, можетъ получиться большое сходство между органами, несмотря на независимое (отъ наслѣдственности) образованіе каждаго изъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ высказывается Оскаръ Шмидтъ, подводящій подобные случаи пріобрѣтеннаго сходства въ категорію явленій *схожденія* (конвергенціи). Съ перваго взгляда эти явленія до того сбиваются на основное морфологическое сходство, зависящее отъ унаслѣдованія ранѣе пріобрѣтенныхъ частей, что нерѣдко ученые принимаютъ результаты «схожденія» за проявленіе полной гомологіи; ближайшее изслѣдованіе показываетъ однакоже, гдѣ именно кроется ошибка. О. Шмидтъ обратился для повѣрки къ частному случаю. Онъ занялся изслѣдованіемъ слухового ор-

гана у членовъ семействъ кузнечиковъ и саранчей, который у обоихъ образовался независимо другъ отъ друга, что видно уже изъ различнаго положенія его на тѣлѣ: у кузнечиковъ онъ помѣщается на голени, а у саранчей—при основаніи брюшка. Въ результатѣ своихъ наблюденій, Шмидтъ пришелъ къ убѣжденію, «что слуховые органы обѣихъ группъ могутъ быть сравниваемы только въ самыхъ общихъ чертахъ» и что гомологія, установленная прежними учеными, есть только кажущаяся.

Подобно тому, какъ въ направленіи, предшествовавшемъ новѣйшему трансформистскому, въ направленіи, главными представителями котораго были Бэръ, Іоганнъ Мюллеръ, Ратке, Рейхертъ и др., главной цѣлью сравнительно-анатомическихъ и эмбріологическихъ изслѣдованій было отысканіе общаго плана организаціи, со времени возстановленія трансформизма въ качествѣ руководящаго принципа выступило изслѣдованіе и открытіе генеалогической связи. Въ то время, какъ въ прежней морфологіи гомологичными считали такія части, въ которыхъ выражается общій планъ, теперь на гомологію стали смотрѣть, какъ на выраженіе общаго происхожденія и т. д. Такимъ образомъ, хотя измѣнилась только конечная интерпретація, самые же пріемы изслѣдованія, установленіе гомологовъ, нерѣдко съ помощью едва замѣтныхъ рудиментарныхъ остатковъ, перешли цѣликомъ изъ предшествовавшей школы въ новѣйшую. Но уже то обстоятельство, что прежнее понятіе объ общемъ планѣ замѣнилось болѣе понятнымъ и реальнымъ представленіемъ о родственной связи, повліяло благопріятнымъ образомъ на направленіе изслѣдованій въ области сравнительной анатоміи и морфологіи высшихъ животныхъ вообще. Главными дѣятелями въ этой сферѣ являются Гёксли, въ Англіи и Гегенбауръ, въ Германіи, оба—ревностные послѣдователи теоріи трансформизма. Изслѣдованія послѣдняго о конечностяхъ позвоночныхъ животныхъ и главнымъ образомъ установленіе прототипа (Metapterygium), отъ котораго могутъ быть, путемъ сравненія, произведены всѣ существующія формы конечностей, встрѣтило всеобщее сочувствіе среди ученыхъ, между которыми нашлось не мало послѣдователей. Изъ числа послѣднихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ дерптскій профессоръ Александръ Розенбергъ, напечатавшій въ 1873 году интересный этюдъ: «О развитіи скелета конечностей у нѣкоторыхъ позвоночныхъ, отличающихся редуцированными членами». Этому ученому удалось доказать не только, что нѣкоторыя кости,

встрѣчающіяся у взрослыхъ животныхъ въ рудиментарномъ состояніи, у зародыша представляютъ гораздо болѣе полные зачатки (напр. локтевая и малая берцовая у лошадей и двукопытныхъ), но также и показать присутствіе у зародыша такихъ зачаточныхъ частей скелета, которыхъ вовсе не существуетъ у взрослаго животнаго (напр. вторая и пятая плюсневыя кости у зародышей овцы). Въ то же время Розенбергъ пришелъ къ убѣжденію, что многія кости, отсутствующія у изслѣдованныхъ имъ животныхъ во взросломъ состояніи, но входящія въ составъ прототипа конечности, какъ, напр., большой палецъ, также не могутъ быть найдены и у зародыша, т.-е. что исчезновеніе частей основного скелета можетъ происходить цѣликомъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ въ зародышевомъ состояніи.

Къ этой же категоріи морфологическихъ изслѣдованій должны быть отнесены и нѣкоторыя работы относительно сравнительной анатоміи скелета нынѣ живущихъ и вымершихъ животныхъ. Наиболѣе замѣчательные результаты достигнуты въ этомъ направленіи по отношенію къ лошадямъ. Сравненіе нынѣ живущихъ лошадей съ разнородными вымершими формами привело къ результату, что родоначальникомъ настоящей лошади (рода Equus), характеризующейся однопалыми конечностями, должна быть признана ископаемая форма Hipparion (изъ послѣдняго періода третичной эпохи), имѣвшая трехпалыя ноги съ сильно развитымъ среднимъ и неприкасавшимися къ почвѣ двумя боковыми пальцами. Гензель обратилъ (въ 1860 году) особенное вниманіе на эти факты и, при помощи уродливыхъ уклоненій ногъ лошади, пришелъ къ убѣжденію, что они должны быть объяснены съ точки зрѣнія трансформизма. Нѣсколько позже этотъ вопросъ былъ разработанъ базельскимъ профессоромъ Рютимейеромъ, однимъ изъ первыхъ авторитетовъ въ разсматриваемомъ направленіи. Сравнивая молочную и постоянную зубную системы лошадей, онъ доказалъ, что молочные зубы нынѣшней лошади, болѣе чѣмъ постоянные, приближаются къ постояннымъ зубамъ среднеевропейской ископаемой лошади (изъ рого же рода Equus), молочные зубы которой въ свою очередь очень приближаются къ зубамъ Hipparion. Такимъ образомъ получается связный рядъ, средній членъ котораго занимаетъ ископаемая лошадь четвертичной эпохи. Рядъ этотъ пополняется еще болѣе родомъ Anchiterium, близкимъ родичемъ Hipparion'а изъ болѣе древняго періода третичной эпохи, боковые пальцы трехпалой ноги котораго касались земли, вслѣдствіе чего конечность представляла наибольшее подобіе съ ногою носорога (изъ нынѣ живущихъ формъ).

Рядомъ съ двумя указанными путями, по которымъ пошли морфологи-трансформисты, обозначился еще третій, по которому направились люди, особенно наклонные къ крупнымъ и всеобъемлющимъ обобщеніямъ. Въ Германіи, странѣ, столь извѣстной своей философіей, направленіе это нашло особенно богатую почву, и маленькій городокъ Іена, уже бывшій нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, во времена Окена, центромъ натурфилософской дѣятельности, сдѣлался и теперь главнымъ очагомъ новѣйшей натурфилософіи, благодаря профессору зоологіи Геккелю. Бывшій ученикъ Іогана Мюллера, Геккель сначала работалъ въ положительномъ направленіи, обнаруживая не столько таланта и глубины мысли, сколько терпѣнія и прилежанія. Въ 1863 году онъ напечаталъ свое первое большое сочиненіе о лучистыхъ корненожкахъ («Radiolarien»), встрѣтившее въ ученомъ мірѣ всеобщее сочувствіе и сразу давшее его автору громкое имя въ средѣ спеціалистовъ. Въ этомъ сочиненіи, къ которому приложенъ атласъ неподражаемыхъ рисунковъ, было собрано громадное количество матеріала, бóльшею частью новаго. Но въ числѣ послѣдняго главное мѣсто заняли разнообразныя, нерѣдко весьма сложныя формы скелета; въ дѣлѣ же болѣе существенныхъ сторонъ организаціи Геккель не далеко ушелъ отъ своихъ предшественниковъ и всего менѣе результатовъ добылъ онъ относительно исторіи развитія отдѣла, который въ послѣднее время получилъ столь важную роль въ наукѣ. Вслѣдъ за этой монографіей, Геккель издалъ еще рядъ изслѣдованій изъ области самыхъ низшихъ организмовъ, изслѣдованій, снабженныхъ, по обыкновенію, мастерски выполненными рисунками.

Уже въ сочиненіи о лучистыхъ корненожкахъ Геккель высказался въ пользу трансформизма, но рядомъ съ горячимъ сочувствіемъ этому направленію онъ обнаружилъ столь необходимую въ научномъ дѣлѣ трезвость и осторожность. Впослѣдствіи же, обращая черезчуръ серьёзное вниманіе на нападки противъ Дарвина и трансформизма вообще, исходившія изъ лагеря отсталыхъ закоренѣлыхъ спеціалистовъ, онъ принялся изъ всей силы бичевать ихъ и мало-по-малу развилъ въ себѣ черезчуръ сильный парціальный духъ и неизбѣжную при этомъ нетерпимость. Благодаря именно этимъ свойствамъ, онъ пріобрѣлъ себѣ большую популярность въ Германіи и получилъ огромное значеніе въ качествѣ руководителя партіи противниковъ обскурантизма и клерикализма въ этой странѣ; но, становясь популярнымъ человѣкомъ, онъ все болѣе и болѣе дѣлался популярнымъ писателемъ, мало-по-малу мѣняя научность на дилеттантизмъ. Сдѣлавшись

безусловнымъ поклонникомъ дарвинизма, «апостоломъ» его, какъ нѣкоторые называютъ, онъ отбросилъ строго научные пріемы своего знаменитаго стараго учителя и не привилъ къ себѣ неподражаемыхъ высокихъ достоинствъ своего новаго наставника въ дѣлѣ теоріи. Въ своей «Естественной исторіи мірозданія» Геккель придалъ дарвинизму такой видъ, въ которомъ теорія эта могла бы быть всего лучше понята не-спеціалистами, тѣмъ болѣе, что онъ облекъ ее въ форму натурфилософской системы, особенно пріятную нѣмцамъ. Желая придать ей законченность и цѣльность, онъ сталъ приводить самыя смѣлыя гипотезы на ряду съ научными истинами и, наконецъ, потерялъ представленіе объ основномъ отличіи между тѣми и другими. Убѣдившись въ существованіи генеалогической связи между различными организмами и въ томъ, что эта связь можетъ быть всего лучше изображена при помощи древовидной схемы, Геккель не удовольствовался этимъ; несмотря на всю неполноту научныхъ данныхъ, онъ захотѣлъ тотчасъ же изобразить картину естественнаго родства между всевозможными организмами и, не одолѣвъ литературнаго матеріала и не проштудировавъ самостоятельно большого количества группъ, онъ приступилъ къ выполненію своей задачи. Очевидно, что при такихъ условіяхъ не могло получиться научныхъ результатовъ и отсутствіе положительныхъ данныхъ должно было повліять на усиленіе гипотетической и фантастической стороны. Неудивительно поэтому, что мимоходомъ и притомъ очень осторожно высказанное Фр. Мюллеромъ предположеніе о происхожденіи насѣкомыхъ отъ Zoëa (см. выше) тотчасъ же было подхвачено Геккелемъ и поставлено въ основаніе самыхъ произвольныхъ толкованій о происхожденіи насѣкомыхъ и сухопутныхъ суставчатоногихъ вообще. «*Во всякомъ случаѣ* наземныя суставчатоногія (Tracheata) развились изъ ракообразныхъ, и *въ высшей степени, вѣроятно*, что они произошли отъ Zoëa», писалъ Геккель въ 1866 году. Но дальнѣйшія изслѣдованія (о которыхъ было упомянуто выше), произведенныя не Геккелемъ и независимо отъ него, должны были показать несостоятельность этихъ воззрѣній, что̀ отразилось на позднѣйшихъ изданіяхъ его «Естественной исторіи мірозданія». Не упоминая, однакоже, ни объ изслѣдованіяхъ Брауера и Леббока, ни о критикѣ со стороны Паккарда, Геккель высказывается уже слѣдующимъ образомъ о происхожденіи Tracheata: «развилась ли та основная форма всѣхъ сухопутныхъ суставчатоногихъ, которую я прежде обозначилъ названіемъ Protracheata, непосредственно изъ настоящихъ кольчатыхъ червей, или же предварительно изъ Zoëa—образныхъ ракообразныхъ—будетъ, вѣроятно,

показано впослѣдствіи ближайшими изслѣдованіями и сравненіемъ развитія Tracheata, ракообразныхъ и кольчатыхъ червей». По одному тому, что тутъ идетъ рѣчь о происхожденіи цѣлой большой группы (самой богатой во всемъ животномъ царствѣ) отъ столь различныхъ животныхъ, каковы ракообразныя и кольчатые черви, можно уже судить о степени шаткости, несвоевременности и ненаучности пріемовъ, употребляемыхъ Геккелемъ. Я выбралъ этотъ примѣръ только потому, что мнѣ пришлось уже говорить выше объ изслѣдованіяхъ Фр. Мюллера, Брауера и др. о томъ же предметѣ, вслѣдствіе чего читателю легко будетъ самому сравнить методу научныхъ трансформистовъ-морфологовъ съ пріемами новѣйшей іенской натурфилософіи. Характерно еще то обстоятельство, что Геккель, выдвигая на первый планъ самыя смѣлыя гипотезы, ни въ одномъ своемъ сочиненіи не упоминаетъ о мнѣніи Брауера относительно Campodea, въ пользу котораго высказались уже очень многіе компетентные ученые, и которое составляетъ одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній новѣйшаго времени въ трансформистскомъ направленіи. Изслѣдованія Рютимейера о сравненіи молочныхъ зубовъ позднѣйшихъ формъ съ постоянными болѣе раннихъ Геккель вовсе проходитъ молчаніемъ, и даже о столь важномъ вопросѣ, какъ генеалогія лошадей, онъ говоритъ мимоходомъ, вскользь, несмотря на то, что этотъ результатъ есть до сихъ поръ единственный, общепризнанный примѣръ происхожденія нынѣ-живущаго рода отъ конкретной ископаемой формы.

Пріемы, подобные указаннымъ, Геккель перенесъ изъ своихъ популярныхъ книгъ и въ область научныхъ трактатовъ. Послѣднія его спеціальныя сочиненія носятъ на себѣ уже рѣзкіе слѣды дилеттантизма, какъ это и было показано нѣкоторыми критиками. Въ настоящее время онъ публикуетъ рядъ статей, въ которыхъ намѣревается сдѣлать для всего животнаго царства нѣчто подобное тому, что́ сдѣлалъ Фрицъ Мюллеръ для класса ракообразныхъ. Положеніе, выработанное первою натурфилософскою школой («Evolutionem, quam prima aetate quod subit animal, evolutioni, quam in animalium serie observandam putant, respondere») и потомъ возстановленное Л. Агасси, въ формѣ закона эмбріональныхъ типовъ (по которому раннія органическія формы соотвѣтствуютъ зародышамъ позднѣйшихъ), было затѣмъ включено Дарвиномъ въ составъ его теоріи и затѣмъ, какъ было показано выше, развито далѣе и полнѣе Фр. Мюллеромъ по отношенію къ безпозвоночнымъ и Рютимейеромъ по отношенію къ позвоночнымъ. Геккель сдѣлался горячимъ поклонникомъ этого воззрѣнія,

и возвелъ его въ «самый высшій біогенетическій основной законъ», давши ему слѣдующее общее выраженіе: «онтогенія (т.-е. развитіе особи) есть краткое и быстрое повтореніе филогеніи», (т.-е. процесса развитія вида, такъ-сказать палеонтологическаго развитія).

Желая приложить этотъ законъ ко всему животному царству, онъ обратился къ «онтогеніи» и сталъ искать въ ней указаній на общаго прародителя всѣхъ животныхъ. Геккель взялся за эту тэму какъ разъ въ то время, когда цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдователей, въ особенности нѣсколько русскихъ зоологовъ съ проф. Ковалевскимъ во главѣ, посвятили себя постановкѣ и разработкѣ основныхъ вопросовъ сравнительной эмбріологіи. Въ самомъ началѣ своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, давшихъ сразу цѣлый рядъ блестящихъ результатовъ, проф. Ковалевскій нашелъ, что ранніе процессы развитія у очень многихъ животныхъ совершаются въ высшей степени сходнымъ образомъ. Онъ убѣдился въ томъ, что на пузырькѣ, получающемся вслѣдствіе раздробленія яйцевой клѣточки, образуется углубленіе, которое переходитъ въ первичный пищеварительный каналъ, такъ что на очень ранней стадіи развитія зародышъ состоитъ уже изъ двухъ концентрическихъ мѣшковъ (внѣшняго—кожнаго и внутренняго—пищеварительнаго), изъ которыхъ внутренній открывается наружу отверстіемъ (первичнымъ ртомъ). Проф. Ковалевскій нашелъ также, что въ то время, какъ у однихъ животныхъ подобное состояніе протекаетъ внутри яйцевой скорлупы въ теченіи зародышеваго развитія, у другихъ оно становится личиночнымъ, причемъ описанный двойной мѣшокъ, покрытый на всей поверхности мерцательными рѣсничками, высвобождается изъ оболочки яйца и начинаетъ вести самостоятельную жизнь въ водѣ. Открывши подобное личиночное состояніе и у низшаго представителя позвоночныхъ животныхъ (такъ-наз. ланцетной рыбы, Amphioxus), пр. Ковалевскій пришелъ къ заключенію, что оно «представляетъ основной планъ по крайней мѣрѣ для очень многихъ формъ». Онъ полагалъ возможнымъ даже, что этотъ способъ развитія окажется всеобщимъ для цѣлаго животнаго царства, но онъ не рѣшался утверждать этого въ виду того, что сравнительная эмбріологія еще только-что начинаетъ складываться, и что дѣлать такіе капитальные выводы возможно не иначе, какъ при существованіи достаточнаго количества положительныхъ данныхъ. Сначала онъ сомнѣвался въ томъ, что описанные нѣсколькими авторами другіе способы первоначальныхъ процессовъ развитія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но потомъ самъ убѣдился въ ихъ

справедливости, и это должно было еще болѣе укрѣпить въ осторожномъ отношеніи къ дѣлу. Но, какъ это нерѣдко случается, крупное обобщеніе, на которое не рѣшается ученый, ради требованій положительнаго метода, дѣлается менѣе осторожнымъ дилеттантомъ и такимъ образомъ получаются всеобъемлющія, иногда даже изящныя теоріи, которымъ не достаетъ только одного — прочности. Въ настоящемъ случаѣ эту роль дилеттанта выполнилъ Геккель, въ своей такъ-названной теоріи Гастрэа (Gastraea-Theorie). Все положительное, плодотворное, что въ ней есть, принадлежитъ не ему, а было сдѣлано другими и главнымъ образомъ проф. Ковалевскимъ. Геккелю принадлежитъ только распространеніе способа развитія, изслѣдованнаго русскимъ ученымъ, на весь животный міръ (исключая инфузоріи) и установленіе длинной терминологіи (мѣстами очень удачной, мѣстами же совершенно безполезной) и классификаціи съ совершенно схоластическимъ оттѣнкомъ.

Я не считаю ни возможнымъ, ни нужнымъ вдаваться здѣсь въ подробное разсмотрѣніе и критику теоріи Гастрэа (для чего несравненно болѣе подходящи спеціальные журналы), но не считаю также позволительнымъ и пройти ее молчаніемъ въ виду общаго вниманія, возбужденнаго ею въ наукѣ.

Все животное царство Геккель дѣлитъ на двѣ большія группы: 1) на простѣйшія, или одноклѣточныя и 2) на «кишечныя животныя», у которыхъ тѣло состоитъ изъ тканей и у которыхъ всегда существуетъ кишечный каналъ. Вотъ эти-то животныя второй категоріи (Metazoa), къ которой относятся всѣ позвоночныя, мягкотѣлыя, суставчатоногія, игложожіе черви и животнорастенія, и произошли отъ одного общаго прародителя, названнаго Геккелемъ «гастрэа». Въ эпоху первобытной жизни на землѣ, во время «Лаврентьевской формаціи», море было населено различными видами гастрей, отъ которыхъ не сохранилось никакого прямого слѣда, но которыя обнаруживаются теперь во время развитія самыхъ разнородныхъ животныхъ въ видѣ личиночной формы, открытой у многихъ животныхъ проф. Ковалевскимъ и названной Геккелемъ «гаструла». Эта гаструла и есть тотъ двойной мѣшокъ, о которомъ я говорилъ выше. Устройство ея чрезвычайно просто. Она имѣетъ видъ овальной, микроскопически малой личинки, плавающей посредствомъ мерцательныхъ рѣсничекъ и состоящей изъ верхняго или кожнаго слоя и внутренняго, или кишечнаго пласта. Послѣдній открывается наружу ротовымъ отверстіемъ (первобытнымъ ртомъ Геккеля). Первобытная гастрэа отличалась отъ гаструлы «вѣроятно только той существенной чертой,

что у нея уже существовали обособленные органы размноженія». Гастрэа произошла отъ другой еще болѣе первобытной формы, которую Геккель назвалъ «плакеа» и которая имѣла видъ пузырька, состоящаго изъ одного слоя клѣточекъ и не имѣющаго ни рта, ни какого другого органа. Изъ гастрей первобытнаго моря однѣ плавали на поверхности и вслѣдствіе того получили лучистое сложеніе, тогда какъ другія жили на днѣ и, ползая, приняли двоякосимметричное сложеніе, причемъ своей брюшной поверхностью онѣ были обращены внизъ. Отъ гастрей первой категоріи получились лучистыя животнорастенія (зоофиты), а отъ симметричныхъ гастрей образовались начальные представители червей и остальныхъ отдѣловъ кишечныхъ животныхъ. Изъ нынѣ живущихъ организмовъ, не говоря, конечно, о личиночной формѣ гаструлы, всего болѣе приближаются къ гастреѣ гидры и нѣкоторыя простѣйшія изъ губокъ, т.-е. представители животнорастеній.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе теоріи гастрэа. Научное основаніе ея Геккель видитъ въ томъ, что гаструла у всѣхъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ животныхъ совершенно одинакова и составляющіе ея тѣло два слоя совершенно соотвѣтственны (гомологичны) у всѣхъ кишечныхъ животныхъ. Геккель самъ говоритъ, что «безъ доказательства истинной гомологіи обоихъ первичныхъ листовъ у всѣхъ кишечныхъ животныхъ теорія Гастрэа не можетъ существовать». Мнѣнія ученыхъ о критеріѣ морфологическаго соотвѣтствія различны. Одни выдвигаютъ на первый планъ одинаковый способъ происхожденія, другіе же, напротивъ, основываютъ заключеніе по тому, одинаковы ли органы, получающіеся изъ данныхъ листовъ (или пластовъ, или слоевъ, какъ ихъ тоже называютъ). Геккель склоняется въ пользу послѣдняго воззрѣнія и потому, для доказательства основного пункта его теоріи, ему необходимо (съ его же точки зрѣнія) доказать соотвѣтствіе обоихъ пластовъ гаструлы или, что то же, обоихъ первичныхъ пластовъ у всѣхъ кишечныхъ животныхъ. Безъ запинки онъ увѣряетъ читателей, будто представилъ это доказательство. «Нервная система произошла *несомнѣнно* у всѣхъ кишечныхъ животныхъ изъ верхняго (или наружнаго) пласта», говоритъ онъ. Между тѣмъ, еще въ 1867 году было высказано положеніе, что у головоногихъ моллюсковъ (и у нѣкоторыхъ другихъ представителей того же типа) эта система происходитъ не изъ верхняго пласта, а изъ средняго, отсутствующаго у гастрэи. Положеніе это было въ новѣйшее время подтверждено г. Усовымъ въ статьѣ, на которую ссылается самъ

Геккель. Несмотря на все это, онъ проходитъ весь этотъ вопросъ молчаніемъ [1]). Итакъ, не доказано, чтобъ первичные пласты были всюду гомологичны и утвержденіе Геккеля было по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ. Если мы обратимся къ вопросу о происхожденіи пластовъ, то и тутъ найдемъ весьма замѣтныя отличія. Правда, Геккель и тутъ утверждаетъ, будто онъ «*доказалъ*, что первоначальный способъ образованія гаструлы всюду совершается путемъ углубленія одной половины мѣшка внутрь другого. Но какого рода доказательства представилъ онъ? Нѣсколько авторовъ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что у различныхъ животно-растеній, животныхъ, стоящихъ (съ анатомической точки зрѣнія) всего ближе къ гаструлѣ, встрѣчаются два способа образованія послѣдней: одинъ—посредствомъ углубленія, другой—помимо этого процесса. Геккель разрѣшаетъ это недоразумѣніе слѣдующимъ образомъ. Безусловно признавая справедливость всѣхъ показаній объ углубленіи, онъ подвергаетъ сомнѣнію всѣ наблюденія объ иномъ образованіи гаструлы, несмотря на то, что *оба* способа были видѣны одними и тѣми же наблюдателями и на то, что самъ онъ высказываетъ свое сомнѣніе голословно, не на основаніи самостоятельныхъ изслѣдованій. На случай же, еслибы подвергаемыя имъ сомнѣнію показанія оказались справедливы, онъ крайне аподиктически утверждаетъ, что только углубленіе составляетъ первичный процессъ, тогда какъ другой способъ, который можетъ быть въ концѣ-концовъ сведенъ на этотъ первичный, произошелъ вторично, «вслѣдствіе извращенія и сокращенія (?) развитія». На вопросы, почему же именно этотъ способъ есть извращенный и почему получилось такое извращеніе, несмотря на то, что развитіе въ обоихъ случаяхъ совершается при одинаковыхъ условіяхъ—Геккель не даетъ никакого отвѣта. Онъ даже не ставитъ этихъ вопросовъ, также какъ и другого, еще болѣе важнаго для его теоріи вопроса, именно: не представляютъ ли сами гаструлы у различныхъ животныхъ признаковъ «извращенія и сокращенія»; въ самомъ ли дѣлѣ всѣ ихъ особенности повторяютъ свойства первичной гастреи? Кромѣ двухъ мѣшковъ, у гаструлы существуетъ еще одинъ органъ—нер-

[1]) Эта критика можетъ показаться многимъ слишкомъ умѣренной. Я въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ обойти много рѣзкихъ сторонъ въ пріемахъ и аргументаціи Геккеля, отчасти потому, что не считаю умѣстнымъ вдаваться здѣсь въ полемику, отчасти же потому, что Геккель, противъ котораго я возсталъ въ спеціальномъ журналѣ и который въ отвѣтъ разразился ужасной филиппикой, считается моимъ врагомъ въ наукѣ, и вслѣдствіе того многія изъ моихъ словъ могли бы показаться пристрастными людямъ, не посвященнымъ въ спеціальность сравнительной эмбріологіи.

вичный ротъ. На него должно быть обращено особенное вниманіе, такъ какъ это единственная часть, кромѣ пластовъ, которая можетъ служить точкою опоры для сравнительнаго изслѣдованія. Геккель обошелъ и этотъ вопросъ, несмотря на его очевидное значеніе. Между тѣмъ изъ сравненія гаструлы, у очень близкихъ между собою животныхъ (напр. у различныхъ представителей класса морскихъ кубышекъ, голотурій) оказывается, что въ однихъ случаяхъ «первичный ротъ» ея переходитъ въ ротъ взрослаго животнаго, а въ другихъ случаяхъ онъ превращается въ выводящее отверстіе кишечнаго канала. Изъ этого возможенъ только одинъ выводъ, что «первичный ротъ» у различныхъ гаструлъ не соотвѣтственъ, откуда въ свою очередь слѣдуетъ, что гаструлы сами подверглись вліянію «извращенія» развитія (ценогенетическому процессу, по терминологіи Геккеля).

Сказаннаго достаточно для того, чтобы придти къ заключенію, что еслибы Геккель не выходилъ изъ затрудненій путемъ произвольныхъ выводовъ, держался бы болѣе положительнаго метода и основывалъ свои теоріи на почвѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, то онъ, подобно профессору Ковалевскому и другимъ наблюдателямъ въ области сравнительной эмбріологіи, не выступилъ бы такъ поспѣшно съ готовой всеобъемлющей теоріей, а употребилъ бы всѣ усилія для того, чтобы предварительно упрочить научный фундаментъ ея.

Какъ теорію Гастреа, такъ и другія свои спеціальныя и популярныя произведенія Геккель связываетъ съ философскимъ воззрѣніемъ на природу, которому онъ далъ новое названіе—монизмъ. Въ виду этого, многіе думаютъ, будто и самое воззрѣніе заключаетъ въ себѣ нѣчто новое и будто въ сочиненіяхъ Геккеля заключается основа новой философіи. Въ дѣйствительности же монизмъ есть, какъ говоритъ и самъ Геккель, не что иное, какъ механическое міросозерцаніе, особенно развившееся въ предшествовавшемъ поколѣніи и сдѣлавшееся общепринятымъ въ наукѣ. Названіе «монизмъ» придумано имъ только въ pendant къ дуализму, термину, съ давнихъ поръ получившему право гражданства въ наукѣ и литературѣ.

Представленный читателю очеркъ направленій и результатовъ трансформистической морфологіи показываетъ, между прочимъ, что въ этой отрасли на первый планъ выступаетъ теорія трансформизма, какъ замѣняющая прежнее представленіе объ общемъ

планѣ организаціи. Частные же виды этой теоріи, между прочими, слѣдовательно, и дарвинизмъ, остаются пока болѣе или менѣе въ сторонѣ. Морфологія озабочена прежде всего установленіемъ естественной системы, или генеалогіи органическаго міра; для нея поэтому чрезвычайно важно знать, отъ какихъ прародителей произошли данныя существа, независимо отъ способовъ и причинъ измѣненія видовъ. Судя по тому, что въ морфологіи особенно важную роль играютъ рудиментарные органы, можно предположить, что она должна заинтересовываться всего болѣе измѣненіями организаціи, въ силу употребленія или неупотребленія органовъ, т.-е. въ силу основного принципа теоріи Ламарка.

Вопросъ о постепенности или внезапности измѣненій стоитъ нѣсколько ближе къ современной морфологіи, и хотя она не въ состояніи рѣшить его вполнѣ и опредѣлить роль каждаго изъ двухъ моментовъ, тѣмъ не менѣе она обладаетъ данными, могущими нѣсколько освѣтить его. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны открытія между группами естественнаго родства, которое никакъ не могло быть предсказано или предусмотрѣно наукой. Я приведу два наиболѣе выдающихся примѣра. Съ давнихъ поръ ученые старались отыскать морфологическую связь между позвоночными и безпозвоночными животными. Съ этою цѣлью изслѣдовали многихъ безпозвоночныхъ, высказывали предположенія о родствѣ насѣкомыхъ, головоногихъ и нѣкоторыхъ червей съ представителями высшаго типа, но все было безуспѣшно. Наконецъ, профессоръ Ковалевскій, изслѣдуя исторію развитія одной изъ очень низко стоящихъ группъ животнаго царства (такъ-называемыхъ асцидій, причислявшихся къ низшимъ мягкотѣлымъ), родство которой съ позвоночными никѣмъ не было и не могло быть предугадано, показалъ, что изъ всѣхъ безпозвоночныхъ асцидіи въ личиночномъ состояніи имѣютъ самое ближайшее сходство съ позвоночными. Другой примѣръ представляютъ намъ такъ-называемыя иглокожія (морскіе ежи, звѣзды, кубышки, лиліи). Родство ихъ съ типомъ червей было общепризнано и основывалось на фактахъ сходства червеобразныхъ иглокожихъ съ наиболѣе лучистыми червями, такъ что были сдѣланы даже попытки установить генеалогію первыхъ отъ послѣднихъ. Между тѣмъ, совершенно неожиданно было сдѣлано открытіе, что одно существо, въ высшей степени оригинальное и потому стоящее очень изолированно въ типѣ червей, существо, почти ничего общаго не имѣющее съ иглокожими, тѣмъ не менѣе связано съ ними не только ближе всѣхъ остальныхъ животныхъ, но даже ближе, чѣмъ нѣкоторые представители иглокожихъ связаны другъ

съ другомъ. Очевидно, что въ обоихъ примѣрахъ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно крутыми и рѣзкими генеалогическими поворотами, съ такими случаями родства, гдѣ оно отдѣлено другъ отъ друга съ перваго взгляда непроходимой пропастью.

Заканчиваю очеркъ вопроса о происхожденіи видовъ. Я старался съ возможною объективностью представить читателю историческій ходъ и современное состояніе его и показать, что, несмотря на то, что за дѣло принялись самые способные и геніальные люди, научная разработка основныхъ положеній трансформизма еще только-что начинается. При изложеніи почти каждаго частнаго вопроса я долженъ былъ указывать на неполноту нашихъ свѣдѣній, которая особенно чувствительна въ дѣлѣ такихъ основныхъ пунктовъ, какъ, напримѣръ, борьба за существованіе, естественный подборъ и измѣнчивость. Наукѣ трудно будетъ управиться съ затрудненіями и дать отвѣтъ на многіе существенные вопросы, пока цѣлое поколѣніе ученыхъ не примется дружно за разработку ихъ. Одна изъ главныхъ цѣлей этого очерка и состояла именно въ томъ, чтобы, указавъ на такіе вопросы, сдѣлать болѣе доступной ихъ научную разработку и чтобы вообще облегчить серьёзное изученіе «трансформизма».

Ил. Мечниковъ.

НАШИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЯ АССИГНАЦІИ
ДО ЗАМѢНЫ ИХЪ КРЕДИТНЫМИ БИЛЕТАМИ.
1769—1843.

Матеріалы и факты изъ прежней исторіи русскихъ финансовъ.

I.

До 1769 года въ Россіи обращалась только звонкая монета, русская и иностранная, въ особенности со временъ Петра Великаго введена была въ употребленіе въ большомъ количествѣ мѣдная монета, единственно для внутренняго обращенія; серебряная же и золотая исключительно назначалась для правительственныхъ потребностей, по оборотамъ внѣшнимъ и для торговли съ иностранцами. Дороговизна перевозки и разныя неудобства, сопряженныя съ перечетомъ и храненіемъ значительныхъ суммъ звонкой монеты, чрезвычайно затрудняли денежные обороты, преимущественно въ торговыхъ дѣлахъ. По этой причинѣ правительство уже принимало разныя мѣры къ легчайшему способу обращенія мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ.

Императрица Елисавета Петровна, по примѣру своего отца, старалась усилить и развить въ Россіи торговлю, внутреннюю и внѣшнюю. Первымъ шагомъ къ достиженію этого развитія была отмѣна внутреннихъ по городамъ таможенъ и заставъ, гдѣ

съ провозимыхъ товаровъ и произведеній собирались пошлины, и 2) уничтоженіе сборовъ при проѣздѣ черезъ мосты, при перевозахъ и при водопояхъ.

Такія мѣры несомнѣнно оживили внутреннюю торговлю. Но перевозка тяжелой звонкой монеты все-таки не благопріятствовала ей; а потому, для облегченія способа хожденія мѣдныхъ монетъ, 6-го ноября 1757 г., учреждены были *вексельные обороты*. Для этой цѣли повелѣно начеканить новой мѣдной монеты (16 руб. въ пудѣ), въ количествѣ 2 милл. руб., развезти ее въ разные торговые и промышленные города имперіи и отдать въ магистраты, для раздачи этихъ денегъ подъ векселя, срокомъ до 8 мѣсяцевъ, купцамъ, покупающимъ товары внутри Россіи и продающимъ ихъ въ С.-Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы уплата по этимъ векселямъ была произведена въ С.-Петербургѣ.

Этимъ же купцамъ дозволено было внести въ казну въ С.-Петербургѣ при нѣсколько серебряной мѣдную монету и взамѣнъ ея выдавались имъ казенные векселя, для полученія по нимъ мѣдною монетою въ указанныхъ ими городахъ. Чтобъ еще болѣе упрочить и сдѣлать постояннымъ легкій способъ обращенія внутри имперіи мѣдныхъ и частію серебряныхъ денегъ, 21 іюля 1758 г. учреждены въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ «банковыя конторы вексельнаго производства, для обращенія внутри государства мѣдныхъ монетъ», и предоставлено, сверхъ купечества, помѣщикамъ, заводчикамъ и фабрикантамъ брать подъ векселя, изъ 6 процентовъ, мѣдныя деньги въ тѣхъ городахъ, гдѣ для раздачи подъ векселя имѣлись онѣ, и производить уплату въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. Кромѣ того, дозволено всѣмъ капиталистамъ отдавать въ означенныя конторы мѣдныя деньги, для приращенія процентовъ, а тѣмъ купцамъ, которые ведутъ значительную торговлю въ Петербургѣ, Москвѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ, дозволено имѣть въ означенныхъ конторахъ текущіе счеты на внесенныя туда мѣдныя деньги, для храненія и переводовъ ихъ на другихъ лицъ.

Такимъ образомъ, не перевозя мѣдныхъ денегъ изъ одного мѣста въ другое, представлялась возможность дѣлать денежные и торговые обороты.

Но все это были только полумѣры для легкаго обращенія звонкой монеты; выданные казенные векселя не имѣли свободнаго обращенія въ народѣ; притомъ же, главная цѣль учрежденія вышеозначенныхъ конторъ была та, чтобы привлечь въ казну, а именно въ С.-Петербургъ, больше серебряной монеты путемъ торговыхъ оборотовъ; купцы, купивъ внутри Россіи то-

вары на мѣдныя деньги, продавали ихъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ купцамъ бо́льшею частію на серебряную монету, которую и должны были вносить въ казну, въ уплату данныхъ ей векселей.

Первоначальное намѣреніе ввести въ русскую монетную систему *ассигнаціи* въ настоящемъ ихъ значеніи, которыя замѣняли бы звонкую монету во всѣхъ выдачахъ, платежахъ и сборахъ, возникло еще въ царствованіе императора Петра III. *25-го мая 1762 г.* послѣдовалъ высочайшій указъ, данный правительствующему сенату, объ учрежденіи государственнаго банка. Въ указѣ этомъ, между прочимъ, повелѣно:

«Надѣлать банковыхъ билетовъ на 5 милліоновъ рублей, на разныя суммы, а именно: на 10, 50, 100, 500 и 1000 руб. Сіи билеты надлежитъ напечатать на особливой и для того нарочито сдѣланной бумагѣ и принять всѣ тѣ предосторожности, чтобъ поддѣльныхъ быть не могло. По сдѣланіи сихъ билетовъ на 5 милл. рублей, тотчасъ раздѣлить ихъ по такимъ казеннымъ мѣстамъ, откуда бываютъ наибольшія выдачи денегъ, съ тѣмъ, чтобы оныя употребляли сіи билеты въ расходъ, какъ наличныя деньги, ибо Мы хотимъ и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобы сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили и, какъ таковые, во всѣ Наши денежные сборы вступали, не исключая таможенныхъ, разумѣя, однакожъ, что гдѣ ефимками платить надобно, тамъ ефимками въ натурѣ, безъ всякаго послабленія и отлагательства, платить надлежитъ. Такимъ образомъ, хотя сего одного весьма довольно было бы къ одобренію сихъ билетовъ, умалчивая о великой ихъ удобности въ пріемѣ, въ отдачахъ и въ провозахъ, но какъ намѣреніе Наше простирается всего больше на будущую государственную пользу, нежели на настоящую кратковременную надобность, то отъ сего-жъ времени собственнымъ Нашимъ капиталомъ, въ 5 милл. рублей состоящій, банкъ учреждаемъ, который двумя равными, здѣсь и въ Москвѣ, конторами управляемъ быть имѣетъ. Симъ конторамъ ввѣряется тотчасъ 2 милл. рублей, одинъ въ серебряной, а другой въ мѣдной монетѣ; а прочіе 3 милл. рублей вступятъ въ оныя черезъ три года, въ каждый по 1 милл. рублей. Конторы, коимъ сей капиталъ ввѣряется, не могутъ онымъ въ свою пользу или по своему произволенію располагать, но какъ онѣ, такъ и капиталъ къ тому только назначаются, чтобы тѣмъ, кто явится къ нимъ съ билетами, тотчасъ наличными деньгами выдавать безъ всякихъ росписокъ и письменнаго производства, а тѣмъ болѣе безъ всякаго задержанія и волокиты, или кто наличныя деньги принесетъ и пожелаетъ, вмѣсто ихъ, получить на равную сумму билеты, то равномѣрно довольствовать. Изъ вымѣниваемыхъ билетовъ конторы всегда удерживаютъ у себя нѣкоторое количество ихъ, а остальные высылаютъ въ казенныя мѣста, для раздачи, получая отъ оныхъ наличныя деньги на равную сумму. Такимъ образомъ, банкъ всегда будетъ неисчерпаемъ, и обращеніе денегъ будетъ скорѣе и быстрѣе. Никакіе проценты ни съ пріему, ни съ выдачи не полагаются. Засѣданіе и платежъ денегъ долженствуютъ неотмѣнно начаться съ 1-го іюля 1762 года».

При перемѣнѣ правительства, въ 1762 г., вышепомянутый указъ объ учрежденіи государственнаго банка, кажется, остался

неисполненнымъ, потому что впослѣдствіи нигдѣ не упоминается о существованіи этого банка.

Екатерина II ясно сознавала, однако, что, при современномъ состояніи Россіи, недостаточно одной звонкой монеты для денежныхъ оборотовъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ лицъ, что торговля и промышленность могутъ развиваться только при возможности быстраго обращенія капиталовъ, чего, конечно, нельзя было ожидать отъ звонкой монеты и въ особенности отъ мѣдной. А потому, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ, установившихъ у себя кредитныя бумаги, замѣняющія при оборотахъ наличныя деньги, Екатерина II рѣшилась ввести и въ нашу монетную систему кредитныя бумаги, подъ наименованіемъ *государственныхъ ассигнацій*, и въ седьмой годъ своего царствованія, именно 29-го декабря 1768 г., издала слѣдующій манифестъ:

«Въ столь обширной имперіи, какова есть Россія, не можно, кажется, довольно подать способовъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависятъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли. Правда, что одно пространство земель имперіи Нашей есть уже нѣкое препятствіе совершенству того обращенія; однако, каждое благоразумное правленіе въ такомъ случаѣ обязано преодолѣвать, елико возможно, естественныя затрудненія и пещись о семъ, для блага общаго, предметѣ. Мы, утвердясь на такомъ основаніи, и вмѣняя себѣ въ долгъ устраивать все къ пользѣ врученной отъ Бога Намъ державы, старались входить во всѣ подробности сего дѣла, помышляя о поправленіи онаго, примѣняясь притомъ къ состоянію государства.

«Во-первыхъ, удостовѣрились Мы, что тягость мѣдной монеты, одобряющая ея собственную цѣну, отягощаетъ ея же и обращеніе; во-вторыхъ, что дальній перевозъ всякой монеты многимъ неудобствамъ подверженъ, и наконецъ, третье, увидѣли Мы, что великій есть недостатокъ въ томъ, что нѣтъ еще въ Россіи, по примѣру разныхъ европейскихъ областей, такихъ учрежденныхъ мѣстъ, которыя бы чинили надлежащіе денегъ обороты и переводили бы всюду частныхъ людей капиталы безъ малѣйшаго затрудненія и согласно съ пользою каждаго.

«Ежедневный опытъ являетъ, какіе собрали плоды многія государства отъ таковыхъ установленій, по бо̀льшей части банками именуемыхъ. Ибо сверхъ сказанныхъ уже выгодъ приносятъ они еще ту полезность, что выдаваемыя въ публику изъ тѣхъ мѣстъ, на разныя суммы, печатныя, съ подписаніемъ, обязательства разныхъ именованій, посредствомъ ихъ кредита, добровольно между народа употребляются такъ, какъ наличная монета, не имѣя однакожъ сопряженныхъ съ нею тяжестей въ перевозахъ и трудностей въ сбереженіи ихъ, знатно облегчаютъ самымъ дѣломъ обращеніе денегъ. Соображая всѣ сіи, вкратцѣ изъясненныя, обстоятельства съ пространствомъ Россіи, и чувствуя, сколь потребно облегчить въ ней обороты денегъ, Мы съ удовольствіемъ приступаемъ къ учрежденію въ имперіи Нашей *промѣнныхъ банковъ*, и надѣясь, что оказываемъ чрезъ то новый знакъ материнскаго ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ попеченія.

«Итакъ, съ *1-го января 1769 года* установляется въ С.-Петербургѣ и въ

Москвѣ, подъ покровительствомъ Нашимъ, *два банка для вымѣна государственныхъ ассигнацій*, которыя выдаваемы будутъ изъ разныхъ правительствъ и казенныхъ мѣстъ, отъ Насъ къ тому означенныхъ, столько, а не болѣе, какъ въ вышеозначенныхъ банкахъ капитала наличнаго будетъ состоять. Симъ государственнымъ ассигнаціямъ имѣть обращеніе во всей имперіи Нашей наравнѣ съ ходячею монетою. Для чего всѣ правительства и казенныя мѣста должны принимать тѣ ассигнаціи во всѣ государственные сборы за наличныя деньги безъ малѣйшаго затрудненія.

«Сверхъ того, повелѣваемъ, чтобы всѣ частные люди, которые будутъ впредь чинить денежные платежи въ казенные сборы, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, вносили бы неотмѣнно въ число каждыхъ 500 рублей государственную ассигнацію въ 25 рублей.

«Каждый изъ частныхъ людей можетъ всегда, когда похощетъ, обратить всѣ свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя изъ оныхъ московскую въ московскомъ банкѣ, и с.-петербургскую въ с.-петербургскомъ. Симъ банкамъ Мы предписали такія правила, по которымъ они платежъ производить должны безъ малѣйшаго замедленія и потерянія времени.

«Мы Императорскимъ Нашимъ словомъ торжественно объявляемъ за Насъ и преемниковъ Престола Нашего, что по тѣмъ государственнымъ ассигнаціямъ всегда исправная и вѣрная послѣдуетъ выдача денегъ требующимъ оную изъ банковъ.

«Должность и обращеніе тѣхъ банковъ состоятъ въ томъ: 1) чтобы отпускать во всѣ правительства, сколько оныя потребуютъ, государственныя ассигнаціи, принимая за то отъ нихъ наличныя деньги; 2) чтобы являющимся людямъ съ тѣми ассигнаціями выдавать за оныя денегъ, сколько надлежитъ, немедленно; и 3) чтобъ паки тѣ вымѣненныя ассигнаціи изъ банковъ отсылать въ правительства. Въ заключеніе остается сказать, что Мы сіи банки для вымѣна государственныхъ ассигнацій снабдили надлежащими преимуществами для соотвѣтствованія народной къ нимъ довѣренности».

Въ изданномъ въ тотъ же день учрежденіи о банкахъ постановлено:

«Ст. 1. Хотя банки для вымѣна государственныхъ ассигнацій и именуются одинъ с.-петербургскимъ, а другой московскимъ, однако, они по существу своему составляютъ, такъ сказать, единое тѣло. И потому быть имъ обоимъ подъ особливымъ, отъ Насъ здѣсь въ С.-Петербургѣ учрежденнымъ, банковымъ правленіемъ.

«Ст. 2. Сему правленію состоять изъ трехъ особъ: одного главнаго директора банковъ и двухъ совѣтниковъ.

«Ст. 3. Оному банковъ правленію быть подъ Собственнымъ Нашимъ вѣдѣніемъ и во всѣхъ происшествіяхъ своихъ никому отчета не давать, какъ Намъ Самимъ.

«Ст. 4. Банковому правленію засѣдать два раза въ недѣлю и собираться въ 9 часовъ утра.

«Ст. 5. Ему же получать отъ сената, на сдѣланной для того нарочно бумагѣ, напечатанныя государственныя ассигнаціи, за подписаніемъ двухъ сенаторовъ, которыя главный директоръ подписываетъ, а потомъ правленіе отсылаетъ изъ нихъ каждому банку надлежащее число для употребленія.

«Ст. 8. Какъ скоро кто изъ присутствующихъ въ правленіи или банкахъ выбудетъ, то правленіе обязано немедленно сіе извѣстить печатнымъ увѣдом-

леніемъ; упалое же мѣсто будетъ всегда не позже, какъ черезъ четыре недѣли, опредѣленнымъ отъ Насъ вновь присутствующимъ пополнено.

«Ст. 9. Государственныя ассигнаціи, подписанныя выбывшими особами, всегда дѣйствительны и вездѣ имѣютъ равное съ прочими достоинство.

«Ст. 24. Хотя банки получаютъ государственныя ассигнаціи отъ правленія банковъ, за подписаніемъ главнаго директора, однако, ни одна ассигнація изъ банковъ выпущена быть не можетъ, если подъ именемъ главнаго директора не подписано будетъ имя директора того банка, который выдаетъ ту ассигнацію. Итакъ, каждая государственная ассигнація должна быть подписана четырьмя особами, а именно: двумя сенаторами, главнымъ директоромъ банковъ и однимъ директоромъ [1]).

«Ст. 25. Каждый изъ подписующихъ государственныя ассигнаціи долженъ былъ писать: главный директоръ или директоръ такого-то банка, имя и прозваніе.

«Ст. 26. Главный директоръ и директоры банковъ учинятъ два образца своихъ подписей и отошлютъ ихъ въ сенатъ.

«Ст. 27. Сколь скоро изъ какого государственнаго правительства пришлются, за подписями присутствующихъ того мѣста, записки, дабы такой-то банкъ выдалъ на толикую-то сумму государственныхъ ассигнацій, на какую представляются въ наличности деньги, то банкъ тотъ, по принятіи денегъ, имѣетъ немедленно отпустить надлежащее число ассигнацій и долженъ все то происшествіе записать въ конторныя свои книги.

«Ст. 28. Если отпущенныя такимъ образомъ въ правительства государственныя ассигнаціи будутъ обратно приносимы частными людьми въ банкъ, для полученія за нихъ денегъ, то банкъ тотъ повиненъ прилагать крайнее стараніе, чтобы не задерживать такого приносителя ни мало; но, принявъ отъ него, сколько онъ принесъ ассигнацій, долженъ отдать ему немедленно написанное въ нихъ число денегъ, не дѣлая никакихъ опредѣленій и не токмо не требуя росписки, но и не спрашивая, кто онъ таковъ, откуда получилъ ассигнацію, а только надлежитъ записывать въ книги пріемъ ассигнацій и выдачу денегъ.

«Ст. 29. На полученныхъ отъ частныхъ людей ассигнаціяхъ не дѣлать никакихъ отмѣтокъ для того, что одна ассигнація нѣсколько разъ можетъ вступать и столько же разъ выходить изъ банка.

«Ст. 30. Хотя на разное число денегъ будутъ состоять государственныя ассигнаціи (которыхъ образцы во всѣ присутственныя мѣста будутъ посланы), однако банкамъ, при отпускѣ тѣхъ ассигнацій въ правительства, нѣтъ нужды разбирать въ самую точность, сколько, на сумму 100 т. руб., напримѣръ, какихъ ассигнацій положить потребно, только бы они всѣ 100 т. руб. составляли, ибо сіе уравненіе не всегда наблюдено быть можетъ и подвержено затрудненію; сверхъ того, свободно каждому получившему, напримѣръ, сторублевую ассигнацію размѣнять оную въ банкѣ на другія меньшія суммы.

«Ст. 31. Еслибы кто, для пересылки въ другое мѣсто, или для удобнѣйшаго у себя храненія, хотѣлъ изъ банковъ получить государственныя ассигнаціи, и за нихъ деньги внести, то сіе учинить ему свободно, а банковъ въ такомъ

---

[1]) Дополненіе. Именнымъ указомъ, даннымъ сенату 8 мая 1769 г. повелѣно, „чтобы не послѣдовало какого-либо замедленія въ удовлетвореніи публики ассигнаціями, впредь отсылаемыя изъ правленія банковъ ассигнаціи подписывать или главному директору, или совѣтнику; тѣмъ и другимъ ассигнаціямъ имѣть равное преимущество и достоинство“.

случаѣ должность состоитъ удовольствовать каждаго и принимать наличныя деньги безъ малѣйшаго замедленія, ибо, установя банки единственно для блага общаго, чтобы каждый человѣкъ могъ ту пользу восчувствовать.

«Ст. 32. Дозволяется каждому желающему получить изъ банковъ ассигнацію, взносить за оныя, вмѣсто денегъ, золото и серебро въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, также всякую иностранную монету, и банкамъ брать ихъ по той цѣнѣ, по коей принимаютъ на монетный дворъ; однако, вышесказанныя вещи уже не возвращаются, ибо за всѣ ассигнаціи банки платятъ наличныя деньги.

«Ст. 33. Каждая государственная ассигнація обмѣняема только въ томъ банкѣ, на который она ассигнована, т.-е. с.-петербургская въ с.-петербургскомъ банкѣ, московская—въ московскомъ банкѣ.

«Ст. 35. Каждый банкъ хранитъ государственныя ассигнаціи въ особливомъ сундукѣ, который всегда находится въ покоѣ присутствующихъ. Оный сундукъ запирается двумя ключами и всегда запечатываютъ, старшій членъ банка имѣетъ особую того сундука печать, послѣдующій за нимъ членъ и кассиръ хранитъ по одному ключу.

«Ст. 38. Члены банковъ должны со всѣми приходящими людьми, какого бы они званія ни были, обходиться вѣжливо и никогда презрѣнія или грубости не оказывать, ибо отъ добраго поведенія членовъ много зависимо благосостояніе банковъ».

Въ 1786 году оба промѣнные банка соединены въ одинъ, названный *ассигнаціоннымъ банкомъ*.

II.

29 декабря 1768 года данъ былъ именной указъ правительствующему сенату, которымъ повелѣно:

«1) Здѣсь въ С.-Петербургѣ положить въ банкѣ съ 1 января 1769 г., для вымѣна ассигнацій, 500,000 р., въ число коихъ употребить можно нынѣ на лицо имѣющіеся въ купеческомъ мѣдномъ банкѣ, да въ Москвѣ въ тотъ же банкъ другіе 500,000 рублей; всего въ сей банкъ, для вымѣна государственныхъ ассигнацій, 1.000,000 рублей, котораго оный банкъ не долженъ инако употреблять, какъ на заплату предъявляемыхъ оному государственныхъ ассигнацій.

«2) На 1.000,000 повелѣваемъ Нашему сенату приказать заготовить, на нарочито для того сдѣланной бумагѣ, государственныхъ ассигнацій на 500,000 рублей для вымѣна въ С.-Петербургѣ, да на 500,000 рублей для вымѣна въ Москвѣ, по приложенной формѣ, а именно:

25-рублевыхъ	. . . . . .	на	250,000	рублей.
50 »	. . . . . .	»	250,000	»
75 »	. . . . . .	»	250,000	»
и 100 »	. . . . . .	»	250,000	»
	Всего		1.000,000	рублей.

«Оныя ассигнаціи, за подписаніемъ двухъ сенаторовъ, отпустить въ правленіе банка, которому притомъ дать знать, какое число ассигнацій посылается

и сколько какихъ именно на какую сумму. Изъ банковъ онѣ безденежно отпускаются въ нижеслѣдующія мѣста:

въ камеръ-коллегію	на	200,000	рублей.
» коммиссаріатъ	»	100,000	»
» провіантскую канцелярію	»	150,000	»
» соляную контору	»	150,000	»
» штатсъ-контору	»	100,000	»
» адмиралтействъ-коллегію	»	100,000	»
Итого		800,000	рублей.

За симъ оставшіяся на 200,000 руб. ассигнаціи банкъ имѣетъ отпустить на разныя строенія и подобные сему расходы.

3) Оныя вышепрописанныя мѣста имѣютъ государственныя ассигнаціи употреблять въ расходъ наравнѣ съ деньгами, только съ тѣмъ предписаніемъ, чтобы въ платежѣ ассигнаціи никогда не составляли болѣе четвертой части платежа, развѣ именно кто просить будетъ, чтобъ оныхъ получить больше. Когда въ вышепрописанныхъ государственныхъ мѣстахъ нужда будетъ въ ассигнаціяхъ, тогда послать денегъ въ банкъ на толикую сумму, сколько имъ надобно будетъ ассигнацій, и банкъ, не мѣшкавъ, оныя ассигнаціи за деньги въ тѣ мѣста отпустить имѣетъ. Когда же изъ банка присланы будутъ ассигнаціи въ которое изъ государственныхъ мѣстъ, тогда, отпуская въ банкъ деньги, оныя ассигнаціи принимать и употреблять въ расходъ; а банку въ разсылкѣ ссигнацій наблюдать по тѣмъ мѣстамъ вышепрописанный порядокъ именнаго росписанія».

12 января 1769 г. именнымъ указомъ, даннымъ сенату, повелѣно: «на первый случай, сверхъ опредѣленнаго уже милліоннаго числа, надѣлать еще государственныхъ ассигнацій на 150,000 руб. тѣми же цѣнами и поровну какъ для с.-петербургскаго, такъ и для московскаго банковъ, и отослать въ правленіе банковое единственно только для того, если какое-либо присутственное мѣсто или частные люди, внесши наличныя деньги, потребовали бы, вмѣсто ихъ, ассигнаціи, или пожелали бы обмѣнять крупныя на мелкія. Сверхъ того, сенату имѣть всегда у себя запасную сумму государственныхъ ассигнацій на полмилліона рублей, цѣною въ 100, 75 и 25 р. и поровну какъ для С.-Петеубурга, такъ и для Москвы, да бумаги для ассигнацій готовой на такое же число; а правленію банковъ, когда случится надобность, требовать отъ сената сколько нужно будетъ, но не болѣе 100,000 р. вдругъ, и сіе чинить, какъ скоро не болѣе будетъ въ каждомъ банкѣ государственныхъ ассигнацій, какъ на 50,000 рублей».

19 ноября 1769 г. именнымъ указомъ, даннымъ сенату, повелѣно: «чтобы въ каждомъ банкѣ и въ правленіи оныхъ состояло на лицо запасныхъ государственныхъ ассигнацій на 250,000 руб., а въ сенатѣ подписанныхъ и неподписанныхъ по милліону рублей».

По случаю появившихся подложныхъ ассигнацій, передѣланныхъ изъ 25-рублеваго достоинства въ 75-рублевыя, именнымъ указомъ, даннымъ сенату *20 іюля 1771 г.*, повелѣно: «впредь не дѣлать 75-рублевыхъ ассигнацій, и если есть въ сенатѣ изготовленныя, подписанныя и неподписанныя, то всѣ ихъ, освидѣтельствовавъ и сдѣлавъ вѣрный счетъ, въ присутствіи сената истребить, равномѣрно дать знать во всѣ правительственныя и казенныя мѣста, чтобы они имѣющіяся у нихъ 75-рублевыя ассигнаціи болѣе изъ казны не выпускали, а прислали бы ихъ для вымѣна въ банки: с.-петербургскія ассигнаціи—въ с.-петербургскій, а московскія—въ московскій, и вмѣсто ихъ получать ассигнаціи другихъ достоинствъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ всенародно объявлено, чтобы каждый частный человѣкъ, имѣющій 75-рублевыя ассигнаціи, въ установленный срокъ, представилъ сіи ассигнаціи, для обмѣна на другія достоинства, или на наличныя деньги въ столицахъ въ банки, а въ городахъ—въ канцеляріи губернскія, воеводскія и провинціальныя.

Взамѣнъ же изъемлемыхъ изъ обращенія 75-рублевыхъ велѣно приготовить 100-рублевыхъ, 50-рублевыхъ и 25-рублевыхъ на 2.100,000 рублей.

Для поддержанія кредита государственныхъ ассигнацій, нѣсколько поколебавшагося, *10 января 1774 года* послѣдовалъ именной указъ сенату слѣдующаго содержанія:

«Соображая циркуляцію и число находящихся въ государствѣ въ монетѣ денегъ, Мы заблагоразсудили ограничить количество государственныхъ ассигнацій, изъ банковъ въ казенныя мѣста и въ публику выдаваемыхъ; вслѣдствіе чего, симъ Нашему сенату повелѣваемъ, чтобы не болѣе какъ на *двадцать милліоновъ* рублей ассигнацій въ имперіи Нашей обращалось; и такъ сколь скоро на всю ту сумму двадцать милліоновъ рублей ассигнаціями выпущено будетъ изъ банковъ, тогда уже сенату печатать вновь ассигнаціи единственно какъ на обмѣнъ присылаемыхъ отъ банковъ объ одномъ нумерѣ ассигнацій, которыя симъ способомъ всѣ со времени трехнумерными ассигнаціями вымѣнены быть могутъ, такъ равно и на обмѣнъ вступаемыхъ въ банки отъ употребленія обветшалыхъ ассигнацій».

Въ продолженіи 16 лѣтъ государственныя ассигнаціи пріобрѣли въ народѣ довѣріе и извѣстность, но въ то же время нашлись и поддѣлыватели ихъ, чему способствовалъ довольно простой наружный видъ первоначальныхъ ассигнацій; явились въ обращеніи поддѣльныя ассигнаціи; для воспрепятствованія ихъ обращенію, именнымъ указомъ, даннымъ сенату *16 марта 1786 г.*,

предписано: «печатать государственныя ассигнаціи на бумагѣ новаго состава и по новому образцу, и заготовить ихъ на 50.000,000 рублей, для вымѣна всѣхъ ассигнацій прежняго образца». Въ то же время учреждена была при правленіи банковъ особая экспедиція, для освидѣтельствованія и осмотра новыхъ ассигнацій и для заведенія книгъ, съ означеніемъ цѣны, подписи и нумеровъ на ассигнаціяхъ. Чрезъ эту экспедицію неминуемо должна была проходить каждая ассигнація отъ мѣста ея приготовленія до передачи въ банкъ и потомъ въ публику, для законнаго хожденія.

Генеральный обмѣнъ прежнихъ ассигнацій окончательно произведенъ въ исходѣ 1787 г. и всѣхъ ассигнацій обмѣнено на сумму 46.003,725 руб., и еще не представлено было къ обмѣну, въ опредѣленный срокъ, на 215,525 руб., слѣдовательно, находилось въ обращеніи государственныхъ ассигнацій по 1786 годъ на сумму 46.219,250 руб.

Массу эту, однакожъ, признано было необходимымъ увеличить, какъ для вновь учреждаемаго государственнаго заемнаго банка, такъ и для другихъ потребностей; а потому въ манифестѣ *28 іюня 1786 г.*—объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка, объявлено:

«Узаконяемъ самодержавною, отъ Бога Намъ данною властію, и обѣщаемъ святостію слова Царскаго за Насъ и Преемниковъ Императорскаго Россійскаго Престола, что число банковыхъ ассигнацій никогда и ни въ какомъ случаѣ не долженствуетъ простираться въ Нашемъ государствѣ выше *ста милліоновъ рублей*. Въ облегченіе хожденію и оборотамъ денегъ повелѣваемъ: установить ассигнаціи въ *десять* рублей и въ *пять* рублей, кои печатать для лучшаго различенія—десятирублевыя на *красной*, а пятирублевыя на *синей* бумагѣ разными образцами».

Уже къ концу 1787 г. государственныхъ ассигнацій было выпущено ровно на 100.000,000 рублей.

Манифестомъ 3 августа 1788 г. повелѣно: «для облегченія хожденія и оборотовъ денегъ и для выгоды публики, заготовить 10-рублевыхъ и 5-рублевыхъ на 10.000.000 рублей и на такую же сумму изъять изъ обращенія 100-рублевыхъ ассигнацій, которыя и сжечь передъ банкомъ, дабы число ассигнацій никогда, ни въ какомъ случаѣ не превышало 100.000,000 рублей».

Манифестомъ 28 января 1789 г. повелѣно: «заготовить 10-рублевыхъ ассигнацій на 5.000,000 руб. и 5-рублевыхъ на 5.000,000 рублей и оныя выпускать изъ банка въ обращеніе

на столько, сколько въ оный вступать будетъ сторублевыхъ ассигнацій, кои тотчасъ всенародно передъ банкомъ сожжены быть долженствуютъ», и при семь случаѣ подтверждено царское слово и увѣреніе, ознаменованное въ манифестѣ 28 іюля 1786 года, что число банковыхъ ассигнацій выше того, какое торжественно ограничено помянутымъ манифестомъ, никогда и ни для чего не превзойдетъ, и что сіе постановленіе останется въ точной и непремѣнной силѣ.

Именнымъ указомъ, даннымъ генералъ-прокурору *9 марта 1790 г.*, повелѣно заготовить на 10 милліоновъ 10-рублевыхъ и 5-рублевыхъ и выпускать ихъ изъ банка въ обращеніе на промѣнъ 50-рублевыхъ ассигнацій на такомъ точно основаніи, какъ предписано манифестомъ 3 августа 1788 года.

Манифестомъ 11 марта 1791 г. повелѣно выпустить на 10 милліоновъ 10-ти и 5-ти-рублевыхъ, взамѣнъ 50-ти рублевыхъ на вышеозначенномъ же основаніи.

Однакожъ, къ концу царствованія Екатерины II выпущено было государственныхъ ассигнацій на 157.000,000 рублей.

Легкій способъ и неограниченное право выпускать ассигнаціи, замѣняющія наличныя деньги, дали поводъ бывшему министру финансовъ графу Егору Францовичу Канкрину назвать ассигнаціи *сладкимъ ядомъ государствъ*.

Въ царствованіе Павла I-го, для покрытія внутреннихъ чрезвычайныхъ государственныхъ издержекъ, сдѣланы были новые выпуски ассигнацій и къ концу царствованія этого государя сумма всѣхъ обращающихся ассигнацій возрасла до 212.000,000 р.

При Александрѣ I, въ первые годы его царствованія, выпущены были ассигнаціи на громадныя суммы, такъ что къ 1810 году сумма всѣхъ ихъ возрасла до 577.000,000 рублей.

Ассигнаціонный банкъ уже не могъ свободно обмѣнивать ассигнаціи даже на мѣдную монету, и это было главною причиною, что достоинство ихъ, сравнительно съ серебряною монетою, понизилось болѣе чѣмъ на половину; отъ того всѣ вещи стали вдвое дороже, многія частныя лица, да и сама казна потерпѣли чувствительные убытки.

При такихъ обстоятельствахъ Александръ I счелъ необходимымъ сдѣлать заявленіе о малоцѣнности ассигнацій, и для поддержанія ихъ достоинства манифестомъ 2 февраля 1810 года постановилъ:

«I. Всѣ государственныя банковыя ассигнаціи, нынѣ обращающіяся, признаются, какъ и всегда были признаваемы, дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ на всѣхъ богатствахъ имперіи.

«II. Новый выпускъ ассигнацій отнынѣ пресѣкается. Отнынѣ все производство государственнаго ассигнаціоннаго банка будетъ состоять въ одномъ промѣнѣ ветхихъ ассигнацій на новыя.

«III. Купечество городовъ С.-Петербурга, Москвы и Риги имѣетъ избрать по одному члену изъ ихъ сословія, для опредѣленія въ государственный ассигнаціонный банкъ въ число его директоровъ.

«IV. Для удобнѣйшаго обращенія государственныхъ ассигнацій, учредить во всѣхъ губернскихъ и другихъ многолюдныхъ городахъ размѣнныя конторы, коихъ непремѣнною обязанностью будетъ:

«1. Всѣ ветхія ассигнаціи, какого бы достоинства и отъ кого бы представлены онѣ ни были, принимать и выдавать новыя.

«2. Промѣнивать ассигнаціи сто-рублеваго, пятидесяти-рублеваго и двадцатипяти-рублеваго достоинства всякому, кто пожелаетъ, на мелкія десяти и пятирублевыя безъ всякаго росту.

«V. Сими средствами, пресѣкая на будущее время пріумноженіе ассигнацій, а обращающимся нынѣ доставляя свободный и удобный ходъ, когда, для уменьшенія ихъ количества и для уплаты государственныхъ долговъ, правительство признаетъ нужнымъ открыть срочный внутренній заемъ, тогда учрежденіе сего займа и всѣ условія и выгоды, съ онымъ сопряженныя, возвѣщены будутъ особымъ манифестомъ.

«и VI. Отмѣнивъ второю статьею сего манифеста дальнѣйшій выпускъ и пріумноженіе ассигнацій, для пополненія государственныхъ доходовъ, установляется прибавка въ существующихъ нынѣ податяхъ и налогахъ, именно взимать подушной подати до окончательнаго и лучшаго въ ней распорядка, со всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, по ревизіи въ окладѣ состоящихъ, ровнымъ числомъ по два рубля съ души».

Затѣмъ, манифестомъ *13 апрѣля 1810 года* повелѣно: «всю массу обращающихся нынѣ ассигнацій ограничить круглымъ числомъ 577.000,000 рублей, превышающую же оное число сумму уничтожить.

Но и это ограниченіе массы ассигнацій не могло продолжаться. Для Россіи настало тяжелое время: въ іюнѣ мѣсяцѣ 1812 г. вторгся въ нее Наполеонъ съ 500,000 войска; при такихъ обстоятельствахъ нельзя было думать объ уменьшеніи ассигнацій. Напротивъ, защита отечества, требовавшая непомѣрныхъ денежныхъ средствъ, пожертвованій имуществомъ и жизнью, заставила правительство сдѣлать новые выпуски ассигнацій. Въ концѣ же 1812 г., русскія войска, изгнавъ Наполеона изъ Россіи, должны были продолжать преслѣдованіе его за-границей и освободить Европу отъ его ига. Для этого Россія жертвовала не только своими войсками, но должна была тратить еще свои деньги на содержаніе войскъ за-границею. Звонкой монеты было недостаточно, поэтому *13 января 1813 г.* послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, данный генералъ-фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову, которымъ повелѣно: 1) сдѣлать объявленіе на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы во всѣхъ тѣхъ областяхъ Пруссіи и

Германіи, которыя будутъ заняты русскими войсками, принимали всѣ русскія монеты, не исключая и ассигнацій, за которыя будутъ уплачены наличныя деньги, и 2) для пріема отъ мѣстныхъ жителей россійскихъ ассигнацій и выдачи за нихъ квитанцій, по которымъ они могли получить показанныя въ оныхъ суммы звонкою монетою въ городахъ: Гродно, Вильно, Варшавѣ и С.-Петербургѣ, учредить при Россійской арміи промѣнныя конторы.

Съ 1812 по 1817 годъ включительно выпущено было новыхъ ассигнацій на 254 м. р. и масса всѣхъ ассигнацій, обращавшихся въ народѣ, къ 1818 году простиралась до 836.000,000 р.; за то и достоинство ихъ упало на 75 процентовъ противъ серебряной монеты.

Съ 1818 года прекращается выпускъ ассигнацій, и съ этого времени правительство начало принимать дѣйствительныя и рѣшительныя мѣры какъ къ уменьшенію массы ассигнацій, такъ и къ возвышенію ихъ достоинства, о чемъ подробно изложено въ IV главѣ этой записки.

Слѣдующая таблица показываетъ постепенное, съ каждымъ годомъ, увеличеніе массы ассигнацій съ 1769 по 1818 г. и какъ по мѣрѣ умноженія ассигнацій падало достоинство ихъ, сравнительно съ серебряною монетою. Съ 1818 до 1824 г. масса ассигнацій постепенно уменьшалась и дошла до суммы 595.776,310 р. Въ такой суммѣ ассигнаціи оставались неизмѣнно до 1843 г., т.-е. до начала замѣны ихъ кредитными билетами.

Годы:	Выпускъ ассигнацій по годамъ.	Сумма всѣхъ ассигнацій.	Достоинство ассигнаціоннаго рубля противъ рубля серебрянаго (по с.-петербургскому биржевому курсу).
1769	2.619,975	2.619,975	99 к.
1770	3.757,700	6.378,675	99 »
1771	4.291,325	10.670,000	98 »
1772	3.378,225	14.048,225	97 »
1773	3.796,500	17.844,725	98 »
1774	2.207,075	20.051,800	100 »
1775	1.448.200	21.500,000	99 »
1776	1.500,000	23,000,000	99 »
1777	500,000	23.500,000	99 »
1778	Выпуска не было.	23.500,000	99 »
1779	Выпуска не было.	23,500,000	99 »
1780	1.000,000	24,500,000	99 »
1781	2.892,300	27.392,300	99 »
1782	5.897,125	33,289,425	99 »
1783	3.451,000	36.740,425	99 »
1784	3.415,975	40.156,400	98 »

Годы:	Выпускъ ассигнацій по годамъ.	Сумма всѣхъ ассигнацій.	Достоинство ассигнаціоннаго рубля противъ рубля серебрянаго (по с.-петербургскому биржевому курсу).
1785	5.154,025	45.310,425	98 »
1786	908,825	46.219,250	98 »
1787	53.780,750	100.000,000	97 »
1788	Выпуска не было.	100.000,000	92 3/4 »
1789		100.000,000	91 3/4 »
1790	11.000,000	111.000,000	87 »
1791	6.000,000	117.000,000	81 1/2 »
1792	3.000,000	120.000,000	79 1/2 »
1793	4.000,000	124.000,000	71 »
1794	21.550,000	145.550,000	68 1/2 »
1795	4.450,000	150.000,000	70 1/2 »
1796	7.703,640	157.703,640	79 »
1797	5.871,200	163.574,840	73 »
1798	31.356,765	194,931,605	62 1/2 »
1799	15.068,395	210.000,000	65 1/2 »
1800	2.689,335	212.689,335	66 1/4 »
1801	8.799,000	221.488,335	71 2/3 »
1802	8.976,090	230.464,425	80 »
1803	19.535,575	250.000,000	79 1/3 »
1804	10.658,550	260.648.550	77 »
1805	31.540,560	292.199,110	73 »
1806	27.040,850	319.239,960	67 1/2 »
1807	63.089,545	382.329,505	53 3/4 »
1808	95.039,075	477.368,580	44 2/3 »
1809	55.832,720	533.201,300	43 1/3 »
1810	46.172,580	579.373,880	25 2/5 »
1811	2.020,520	581.394,400	26 2/5 »
1812	64.500,000	645.894,400	25 1/5 »
1813	103.440,000	749.334,400	25 1/5 »
1814	48.791,500	798.125,900	20 »
1815	27.697,800	825.823,700	20 »
1816	5.600,000	831.423,700	25 1/3 »
1817	4.576,300	836.000,000	25 1/6 »
»	Прекращеніе выпуска ассигнацій.		
	Уничтожено:		
1818	38.023,875	797.976,125	25 1/4 »
1819	78.650,530	719.325,595	26 1/2 »
1820	34.153,050	685.172,545	26 1/2 »
1821	33.487,445	651.685,100	25 2/3 »
1822	44,968,230	606.716,870	26 1/4 »
	Не предъявлено къ обмѣну:		
1823	10.940,560	595.776,310	26 2/5 »
1824		595.776,310	26 1/2 »
1825		595.776,310	26 2/5 »
1826		595.776,310	26 2/3 »

Годы:	Выпускъ ассигнацій по годамъ.	Сумма всѣхъ ассигнацій.	Достоинство ассигнаціоннаго рубля противъ рубля серебрянаго (по с.-петербургскому биржевому курсу).
1827		595.776,310	26⅚ »
1828		595.776,310	26⅚ »
1829		595.776,310	27²/₇ »
1830		595.776,310	26⅛ »
1831		595.776,310	26⁸/₉ »
1832		595.776,310	27⅙ »
1833		595.776,310	27¼ »
1834		595.776,310	
1835		595.776,310	
1836		595.776,310	
1837		595.776,310	
1838		595.776,310	
1839		595.776,310	
1840		595.776,310	
1841		595.776,310	
1842		595,776,310	27¼ »
1843	Начало обмѣна госуд. ассигнацій на кредитные билеты.		

III.

Хотя въ манифестѣ 29-го декабря 1768 г., о введеніи государственныхъ ассигнацій, не говорится опредѣлительно, какою именно звонкою монетою будутъ оплачиваемы государственныя ассигнаціи, сказано только: *наличными деньгами*; но на самомъ дѣлѣ ассигнаціи съ самаго начала оплачивались *мѣдною монетою*, для этой цѣли первые капиталы, по 500,000 рублей, положены были въ банки с.-петербургскій и московскій мѣдною монетою.

Обмѣнъ ассигнацій на наличныя деньги, и наоборотъ, можно было производить сперва только въ двухъ мѣстахъ: въ петербургскомъ банкѣ и въ московскомъ, и притомъ каждая государственная ассигнація могла быть обмѣниваема только въ томъ банкѣ, на который она ассигнована, т.-е. с.-петербургская — въ с.-петербургскомъ, а московская—въ московскомъ.

Послѣ годового обращенія государственныхъ ассигнацій, когда публика нѣсколько съ ними ознакомилась и познала ихъ очевидную пользу, требованіе на ассигнаціи возрастало съ каждымъ днемъ. Правительство, желая еще болѣе увеличить довѣріе къ ассигнаціямъ и дать имъ еще быстрѣйшее обращеніе въ народѣ,

разрѣшило обмѣнъ ассигнацій во всѣхъ губерніяхъ имперіи; именно манифестомъ *22 января 1770 года* постановлено:

«1) Когда будутъ находиться въ губернскихъ канцеляріяхъ въ наличности мѣдною монетою государственные доходы, подлежащіе пересылкѣ въ столицы въ какія бы то ни было правительства и казенныя мѣста, а частные люди явятся съ государственными ассигнаціями и объявятъ намѣреніе свое ихъ обмѣнять на деньги, то въ томъ ихъ довольствовать, принимая отъ нихъ тѣ ассигнаціи, выдавать, изъ помянутыхъ доходовъ, надлежащую сумму безъ малѣйшаго промедленія. Полученныя же такимъ образомъ ассигнаціи отсылать, куда слѣдуетъ.

«2) Какъ по сіе время банки состоятъ единственно на казенномъ содержаніи, не имѣя отъ обращеній своихъ никакихъ доходовъ, хотя по справедливости сему послѣднему и быть должно, чему вездѣ и примѣры обрѣтаются, то, взамѣнъ хотя нѣкоторой части издержки казны, чтобы удерживаемо было, при выдачѣ изъ губернскихъ канцелярій частнымъ людямъ за государственныя ассигнаціи наличныхъ денегъ, по полупроцента, т.-е. съ каждыхъ 25 рублей по $12^1/_2$ коп., кромѣ новгородской губернской канцеляріи, въ которой удерживать токмо по $^1/_4$ процента съ рубля и оныя суммы считать принадлежащими банкамъ».

Но спустя годъ обнаружилось, что, вслѣдствіе вышеозначенныхъ удержаній $^1/_2$ и $^1/_4$ процента изъ выдаваемой суммы, достоинство государственныхъ ассигнацій въ народномъ обращеніи настолько же упало; а потому, для сохраненія ихъ достоинства, именнымъ указомъ, даннымъ сенату *3 февраля 1771 года*, повелѣно:

«Впредь обмѣнъ государственныхъ ассигнацій на ходячую монету во всѣхъ губернскихъ канцеляріяхъ производить безъ удержанія процентовъ, выдавая частнымъ людямъ, представляющимъ ассигнаціи и требующимъ за оныя наличныя деньги, всю слѣдующую сумму сполна, сколько въ которой ассигнаціи напечатано будетъ».

Наконецъ, для бо́льшей удобности обмѣна ассигнацій на наличныя деньги, манифестомъ *17 мая 1771 г.* повелѣно: «чтобы банки с.-петербургскій и московскій для вымѣна государственныхъ ассигнацій впредь платили каждый за ассигнаціи другого банка, когда только оныя представлены будутъ, равно какъ за свои, безъ малѣйшаго затрудненія и замедленія».

Затѣмъ, *22 іюня 1771 г.* послѣдовалъ манифестъ, объ учрежденіи банковыхъ конторъ въ г. Ярославлѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе настоять будетъ надобность, съ единственною

цѣлью довольствовать публику мелкою (мѣдною) монетою за представляемыя ассигнаціи, платя за оныя надлежащія суммы сполна.

На семъ основаніи съ 1772 по 1788 г. заведено было 23 конторы; но изъ нихъ въ 1796 году остались только три: въ Рыбинскѣ, Вышнемъ-Волочкѣ и Архангельскѣ. Въ 1804 г. таковая контора учреждена была въ Одессѣ, а въ 1806 г. въ г. Таганрогѣ. Въ каждую изъ нихъ былъ положенъ капиталъ мѣдною монетою отъ 100 т. до 300 т., сообразно потребности.

Манифестомъ *8 октября 1780 г.* запрещенъ какъ вывозъ за границу, такъ и привозъ изъ чужихъ краевъ россійскихъ ассигнацій, и только въ уваженіе того, что можетъ быть нѣкоторое количество ассигнацій разными случаями вышло внѣ имперіи, и дабы имѣющіе ихъ въ рукахъ своихъ, по недовольному знанію сего установленія не лишились своихъ капиталовъ, назначенъ былъ крайній срокъ 10 января 1781 г., до котораго дозволено было высылать изъ-за границы въ С.-Петербургъ, въ правленіе банковъ, для вымѣна государственныхъ ассигнацій, съ письменнымъ означеніемъ: кому за оныя платежъ получить вѣрять и съ точнымъ надписаніемъ на пакетахъ, сколько въ нихъ вложено; за таковыя ассигнаціи, по надлежащемъ освидѣтельствованіи, если онѣ признаны будутъ дѣйствительными, немедленно учиненъ былъ платежъ; позже же означеннаго срока нигдѣ черезъ границу въ Россію ассигнаціи впускаемы быть не могли.

Запрещеніе вывоза и ввоза банковыхъ ассигнацій подтверждено было именнымъ указомъ, даннымъ генералъ-прокурору 26 апрѣля 1787 года.

Павелъ I, вступивъ на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на тогдашнее состояніе монетной системы; онъ призналъ за благо привесть всѣ разнообразныя ходячія въ Россіи деньги въ порядокъ и соразмѣрное между собою отношеніе. Въ этомъ намѣреніи именнымъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату *18 декабря 1797 г.*, постановлено: «для выкупа государственныхъ ассигнацій, которыя всегда Мы признавали и признаемъ истиннымъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ Нашей и тѣмъ священнѣйшимъ, что онъ способствовалъ нуждамъ государственнымъ, опредѣлили Мы не малыя суммы, и между ними знатное количество въ золотѣ и серебрѣ, дабы, вымѣнивая на оныя ассигнаціи, достигнуть цѣли Нашей, къ обезпеченію кредита государственнаго и блага общаго клонящейся».

Въ исполненіе сего указа ассигнаціонному банку было предписано: при выкупѣ государственныхъ ассигнацій, предъявителя удовлетворять каждаго выдачею мѣдной или серебряной монетою,

съ лажемъ 30-копѣечнымъ на рубль, какъ кто пожелалъ. Но какъ только распоряженіе это сдѣлалось извѣстнымъ въ публикѣ, то вдругъ всѣ стали требовать не мѣдную, а серебряную монету такъ, что въ нѣсколько дней въ банкѣ серебряныя деньги совсѣмъ истощились; а потому банкъ принужденъ былъ по прежнему выдавать однѣ только мѣдныя деньги впредь до будущаго распоряженія. Получать изъ казны серебряную монету для частныхъ лицъ было очень выгодно потому, что серебряныя деньги, по тогдашнему курсу на здѣшней биржѣ, были выше ассигнацій на 40 процентовъ.

Въ отвращеніе этого, *21 іюля 1798 года* данъ сенату именной указъ слѣдующаго содержанія: «признаемъ Мы за нужное повелѣть: 1) въ пресѣченіе злоупотребленія, корыстолюбіемъ чинимаго, вымѣниваніемъ въ государственномъ ассигнаціонномъ банкѣ золотой и серебряной монеты съ положеннымъ лажемъ по 30 коп. за рубль, въ томъ намѣреніи, дабы по причинѣ стоящаго на сію монету на биржѣ и у частныхъ людей 40-копѣечнаго и болѣе промѣна, выигрывать прибыль, а тѣмъ самымъ способствовать день-ото-дня возвышенію онаго, поднять оный до 40 к. на рубль и ожидать, какой надлежитъ постановить на монету промѣнъ, непремѣнный или сообразный биржевому курсу».

Но при новыхъ выпускахъ ассигнацій при императорѣ Александрѣ I, и по случаю военныхъ дѣйствій за границею, куда требовалась серебряная и золотая монета, казна не въ состояніи была обмѣнивать ассигнаціи на серебряную монету даже по биржевому курсу, и продолжался обмѣнъ только на мѣдныя деньги. Такимъ образомъ, отъ постояннаго обмѣна ассигнацій на мѣдную монету образовалось понятіе *объ ассигнаціонномъ рублѣ*, который составлялъ 100 копѣекъ мѣдныхъ.

IV.

Екатерина II, послѣдовавъ примѣру другихъ европейскихъ государствъ, ввела въ наше монетное обращеніе государственныя ассигнаціи, какъ удобные денежные знаки.

Она сознавала всю пользу ихъ, и въ своемъ манифестѣ, 29 декабря 1768 г., старалась объяснить пользу ихъ и всему народу. Въ манифестѣ она писала, что отъ быстраго обращенія денегъ развивается цвѣтущее состояніе торговли и промышленности, а отъ нихъ зависитъ благоденствіе народа. Самымъ лучшимъ спо-

собомъ къ быстрому обращенію денегъ служатъ выдаваемыя въ публику изъ установленій, банками именуемыхъ, обязательства, которыя, посредствомъ ихъ кредита, употреблялись бы въ народѣ, какъ наличныя деньги, не имѣя однакожъ сопряженныхъ съ ними тяжестей въ перевозахъ и трудностей въ сбереженіи.

Объяснивъ пользу, Екатерина II, при введеніи ассигнацій, принимала слѣдующія мѣры, чтобы онѣ на первыхъ порахъ заслужили народное довѣріе:

1) Въ установленные два банка въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, для вымѣна государственныхъ ассигнацій, она повелѣла положить по 500,000 руб. въ каждый и выдавать изъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ государственныхъ ассигнацій не болѣе, какъ въ вышеозначенныхъ банкахъ будетъ состоять наличнаго капитала;

2) Всѣ правительственныя и казенныя мѣста должны были принимать государственныя ассигнаціи во всѣ сборы безъ малѣйшаго затрудненія, какъ наличныя деньги, даже вмѣнено было въ обязанность частнымъ лицамъ, чтобы, при взносѣ въ казну денегъ, на каждые 500 руб. было по одной 25-рублевой ассигнаціи.

3) Каждый изъ частныхъ лицъ могъ всегда обратить свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя изъ оныхъ московскія въ московскій банкъ, а с.-петербургскія въ с.-петербургскій банкъ. При этомъ банкамъ было предписано прилагать крайнее стараніе, чтобъ не задерживать такихъ приносителей ни мало, не требуя отъ нихъ никакихъ росписокъ, даже не спрашивая, кто они и откуда получили ассигнаціи.

4) Въ 1771 году, для облегченія обращенія ассигнацій, повелѣно обоимъ банкамъ безразлично обмѣнивать ихъ на наличныя деньги, будутъ ли онѣ с.-петербургскія или московскія. Для той же цѣли учреждены были банковыя конторы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе настояла нужда въ обмѣнѣ государственныхъ ассигнацій.

Всѣми этими мѣрами утвердилось народное довѣріе къ ассигнаціямъ и первоначальная цѣль ихъ введенія была вполнѣ достигнута, т.-е. посредствомъ ихъ облегчено движеніе звонкой монеты.

Съ 1769 по 1786 г. государственныя ассигнаціи были не что иное, какъ размѣнные билеты, совершенно обезпеченные наличностію звонкой монеты; а потому въ первое время рубль ассигнаціонный въ обращеніи имѣлъ значеніе рубля серебрянаго, и только при новыхъ выпускахъ ассигнацій достоинство ихъ на

одинъ или на два процента стало ниже стоимости серебряной монеты; но и это маловажное пониженіе ассигнацій было только на биржѣ, въ общемъ же обращеніи не только не было пониженія, но часто было даже нѣкоторое и превышеніе противъ серебряной монеты, по причинѣ удобства при пересылкѣ ихъ.

Но съ 1786 г. прежній характеръ государственныхъ ассигнацій измѣняется, онѣ принимаютъ значеніе бумагъ чисто *кредитныхъ*. Въ 1786 г. оба промѣнные банка соединяются въ одинъ, подъ именемъ *ассигнаціоннаго*. Въ 1787 г. сумма выпущенныхъ въ народное обращеніе ассигнацій достигла уже до 100.000,000 руб.; оттого размѣнъ ихъ на наличныя деньги началъ затрудняться, и достоинство ассигнацій съ этого времени стало опираться уже не на размѣнѣ, а единственно на пріемѣ ихъ въ податяхъ и казенныхъ сборахъ, и уже для поддержанія ихъ достоинства неоднократно и торжественно было заявляемо, что количество ассигнацій никогда и ни въ какомъ случаѣ не будетъ превышать ста милліоновъ рублей.

Паденіе достоинства ассигнацій началось съ 1788 г., т.-е. годъ спустя послѣ того, какъ было выпущено ихъ всего на 100 м. рублей; достоинство ихъ упало съ 97 на 92. По мѣрѣ возрастанія цифры государственныхъ ассигнацій выше ста милліоновъ, достоинство ихъ постепенно падало противъ серебряной монеты, и въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, когда ихъ было въ обращеніи 157 мил., онѣ были ниже на 30 процентовъ противъ серебряной монеты.

Съ того времени, какъ достоинство государственныхъ ассигнацій чувствительно понизилось, явились въ нашей денежной системѣ двѣ единицы: *рубль серебряный* и *рубль ассигнаціонный*.

Для поддержанія достоинства ассигнацій, правительство должно было принимать разныя мѣры. Вотъ главныя изъ нихъ:

1. Павелъ I, желая возвысить достоинство ассигнацій, указомъ, даннымъ правительствующему сенату 18 декабря 1797 г., повелѣлъ: для выкупа банковыхъ ассигнацій, назначить знатное количество золотой и серебряной монеты, и вслѣдствіе сего было предписано ассигнаціонному банку удовлетворять каждаго предъявителя ассигнацій выдачею мѣдной или золотой и серебряной монеты съ лажемъ 30 коп. на рубль, какъ кто пожелаетъ. Это распоряженіе подняло достоинство ассигнацій почти на 10 процентовъ; но оно продолжалось нѣсколько дней; какъ только серебряный фондъ банка истощился и банкъ вынужденъ былъ по прежнему обмѣнивать ассигнаціи на мѣдную монету, достоинство ассигнацій, которыхъ масса еще увеличилась въ 1799 году до

210.000,000 р., понизилось на 33 процента, противъ серебряного рубля.

2. Въ первые годы царствованія императора Александра I были сдѣланы новые и большіе выпуски ассигнацій и достоинство ихъ понизилось, сравнительно съ серебрянымъ рублемъ, на 67 процентовъ. Такое пониженіе достоинства государственныхъ ассигнацій побудило императора Александра издать манифестъ *2 февраля 1810 г.*, въ которомъ постановлено: что всѣ государственныя банковыя ассигнаціи признаются дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ на всѣхъ богатствахъ имперіи, и что новый выпускъ ассигнацій отнынѣ пресѣкается. Манифестомъ *13 апрѣля 1810 г.* повелѣно: всю массу обращающихся государственныхъ ассигнацій ограничить круглымъ числомъ 577 милліоновъ, а остальныя уничтожить. Для уменьшенія количества ассигнацій и для уплаты государственныхъ долговъ, манифестомъ *27 мая 1810 г.* открытъ былъ срочный внутренній заемъ ассигнаціями въ 100 м. рублей, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Всѣ ассигнаціи, займомъ симъ выручаемыя, по мѣрѣ ихъ вступленія, предаются публичному сожженію.

2) Капиталы сего займа принимаются во вновь учреждаемую коммиссію погашенія долговъ, которая выдаетъ на нихъ облигаціи, производитъ платежъ процентовъ, и, по истеченіи срока, возвращаетъ капиталъ.

3) Въ займѣ могутъ участвовать люди всякаго состоянія, какъ россійскіе подданные, такъ и иностранные.

4) Капиталы, какъ россійскіе, такъ и иностранные, въ займѣ помѣщенные, ни въ какомъ случаѣ не подвергаются казенному секвестру ни въ процентахъ ихъ, ни въ первоначальномъ вкладѣ, и составляютъ ненарушимую собственность каждаго.

5) Пересылка ассигнацій въ коммиссію и доставленіе облигацій къ вкладчикамъ по почтѣ внутри имперіи производится безъ платежа страховыхъ процентовъ; утраченныя на почтѣ, возвращаются отъ казны немедленно.

6) Заемъ раздѣляется на пять частей, по 20 м. р. въ каждой, и открывается постепенно, по мѣрѣ наполненія частей предъидущихъ.

7) Проценты платятся одинъ разъ въ годъ, а капиталъ возвращается по истеченіи срока. Платежъ капитала и процентовъ производится серебромъ настоящаго достоинства, 83 1/4 пробы, или золотомъ по курсу его на серебряную монету.

8) Въ первую часть займа принимаются два рубля ассигнаціонные за одинъ рубль серебромъ.

9) Проценты первой части займа полагаются въ 6% на каждый серебряный рубль.

10) Капиталы, вложенные въ первую часть займа, возвращаются серебромъ въ 1817 г. означеннаго достоинства или золотомъ по курсу противъ серебра.

11) На каждый капиталъ, въ заемъ вносимый, выдается облигація отъ коммиссіи погашенія долговъ. Капиталы принимаются одними круглыми числами и не ниже 1000 рублей ассигнаціями.

12) Облигаціи выдаются на имя вкладчика, или на предъявителя, по желанію вкладчика.

13) Облигаціи принимаются во всѣ казенные залоги по торгамъ, подрядамъ и поставкамъ по ассигнаціонной ихъ цѣнѣ, какъ и наличныя ассигнаціи.

14) Облигаціи не только принимаются по ассигнаціонной ихъ цѣнѣ при покупкѣ всѣхъ казенныхъ имѣній, продаваемыхъ для погашенія долговъ, но, въ случаѣ равенства цѣнъ, принимаются въ платежъ предпочтительно.

15) Между частными людьми облигаціи обращаются добровольно съ одною надписью перваго вкладчика, когда онѣ выданы на имя; прочія же переходятъ безъ надписи.

3. Кромѣ того, манифестомъ *10 сентября 1810 г.* постановлено: «для составленія особеннаго капитала погашенія долговъ, изъ государственныхъ имуществъ, кои всегда служили ассигнаціямъ залогомъ, отдѣляется извѣстная часть для продажи въ частную собственность.

«Изъ сей массы государственныхъ имуществъ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ сего года, опредѣленное количество ежегодно будетъ обращаемо въ продажу съ публичныхъ торговъ по губерніямъ, гдѣ имѣнія сіи состоятъ; окончательное же сихъ торговъ заключеніе совершаемо будетъ въ С.-Петербургѣ».

Продажа имѣній открыта въ началѣ 1811 г., въ оную обращена часть имѣній старостинскихъ, находящихся въ западныхъ губерніяхъ, и часть имѣній незаселенныхъ и оброчныхъ статей въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерніяхъ; но уплата за проданныя имѣнія производилась неисправно, а потому въ 1817 г. продажа государственныхъ имуществъ совсѣмъ прекращена.

4. До 1812 года, государственныя ассигнаціи имѣли свободное обращеніе только во внутреннихъ губерніяхъ имперіи; но въ 6 пограничныхъ западныхъ губерніяхъ и 3 остзейскихъ, всѣ частныя сдѣлки и торговые обороты производились на металлическую монету не только русскую, но и иностранную, несмотря на то, что манифестомъ *20 іюня 1810 г.* было постановлено: во

всѣхъ губерніяхъ безъ изъятія всѣ законные акты, крѣпости, векселя, условія и сдѣлки съ 1811 г. писать на россійскую монету, и съ сего времени, т.-е. съ 1811 года, счетъ на иностранную монету, какъ-то: на ефимики, талеры, злотые и тому подобные во всѣхъ дѣлахъ внутреннихъ прекратить». Государственные сборы и налоги подчинялись болѣе или менѣе этимъ привычкамъ, и такимъ образомъ ассигнаціи не могли войти тамъ въ свободное и общее обращеніе, и оставались только въ рукахъ малаго числа чиновниковъ и военныхъ, получавшихъ ими свое жалованье и принужденныхъ промѣнивать на монету. По причинѣ высокаго промѣна, котораго возвышеніе нерѣдко производимо было умышленно, по разсчетамъ лихоимства, ассигнаціи въ означенныхъ губерніяхъ еще болѣе теряли свое достоинство, нежели во внутреннихъ великорусскихъ губерніяхъ. Не говоря уже о частныхъ лицахъ, само правительство терпѣло отъ этого убытки: оно, на содержаніе казенныхъ учрежденій и войскъ, находившихся въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ, вынуждено было употреблять звонкую монету, скупая оную въ столицахъ и внутри государства. Оттого въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ звонкая монета накоплялась болѣе и болѣе, а внутри Россіи она уменьшалась и отъ недостатка ея достоинство ассигнацій тамъ болѣе падало. Таково было слѣдствіе отступленія отъ первыхъ основныхъ правилъ государственной экономіи, допустившаго разность въ обращеніи денегъ въ предѣлахъ одного и того же государства.

Правительство, признавая всю важность возстановленія достоинства ассигнацій, должно было къ вышеупомянутымъ мѣрамъ еще присовокупить расширеніе круга свободнаго обращенія ассигнацій на губерніи западныя и остзейскія. А потому, бывшій министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, 31 октября 1811 года, внесъ представленіе въ государственный совѣтъ *о томъ, чтобы обращеніе банковыхъ ассигнацій учредить единообразное во всѣхъ частяхъ имперіи безъ изъятія и основать на оныхъ всѣ законные денежные обороты во всемъ пространствѣ государства.*

Государственный совѣтъ, при общемъ обозрѣніи способовъ къ возвышенію достоинства ассигнацій, призналъ, что расширеніе обращенія ассигнацій въ тѣхъ провинціяхъ имперіи, гдѣ доселѣ всѣ сдѣлки совершались на серебро, можетъ произвести то же самое дѣйствіе, какъ и уменьшеніе количества ассигнацій, и, слѣдовательно, способствовать мѣрамъ, принятымъ къ приведенію достоинства ихъ въ соразмѣрность съ серебромъ.

Вслѣдствіе сего *9 апрѣля 1812 г.* изданъ былъ слѣдующій манифестъ:

„Доходящія до Насъ свѣдѣнія о затрудненіяхъ, каковыя возникли по обстоятельствамъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ имперіи Нашей въ частныхъ и публичныхъ денежныхъ оборотахъ, убѣждаютъ паче и паче въ необходимости ввести повсемѣстно единообразное обращеніе государственныхъ ассигнацій. Вслѣдствіе сего, внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, разсудили Мы за благо постановить слѣдующее:

1. На всемъ пространствѣ имперіи счеты и платежи, съ изданія сего, основать на государственныхъ банковыхъ ассигнаціяхъ.

2. На семъ основаніи учреждаются всѣ денежные обороты слѣдующіе:

1) Въ платежѣ частныхъ лицъ казнѣ.

2) Въ платежѣ казны частнымъ лицамъ—и

3) Въ платежахъ частныхъ лицъ между собою.

Затѣмъ излагались подробныя правила.

Манифестъ этотъ имѣлъ бы свое дѣйствіе на возвышеніе достоинства ассигнацій, если бы обстоятельства 1812 г. и слѣдующихъ 3-хъ лѣтъ не потребовали новыхъ и огромныхъ выпусковъ ассигнацій, умножившихся до 836 мил.; курсъ ихъ въ теченіи помянутыхъ лѣтъ былъ самый низкій—$25^1/_5$ к., а въ 1814 и 1815 гг. дошелъ даже до 20 к. противъ серебрянаго рубля.

Причины такого упадка достоинства ассигнацій были слѣдующія:

Во-1-хъ, самая масса ихъ достигла такого размѣра, какого не бывало ни прежде, ни послѣ (836 мил.).

Во 2-хъ, появилось весьма значительное количество поддѣльныхъ ассигнацій, внесенныхъ французскими войсками. Вслѣдствіе этого въ особенности поселяне и рабочіе съ недовѣрчивостью и опасеніемъ принимали ассигнаціи, и охотно, даже съ большою уступкою, мѣняли ихъ на серебряныя и мѣдныя деньги. Такой отказъ отъ пріема ассигнацій побудилъ министерство финансовъ, съ высочайшаго разрѣшенія, въ 1817 г. сдѣлать распоряженіе, чтобы въ ассигнаціонномъ банкѣ за фальшивыя ассигнаціи такого рода, коихъ дѣлатели уже извѣстны и открыты по прежнимъ случаямъ, не останавливая приносителей и не сообщая полиціи, платили немедленно настоящими ассигнаціями, а фальшивыя ассигнаціи извѣстной французской поддѣлки съ печатными подписями, не производя за нихъ платежа, отбирать отъ приносителей и оставлять до разрѣшенія, въ чемъ и выдавать квитанцію—и

Въ-3-хъ, когда, при выступленіи нашихъ войскъ за границу, объявленъ былъ свободный ходъ ассигнацій въ Пруссіи и Германіи, и для пріема ихъ отъ мѣстныхъ жителей учреждены

были промѣнныя конторы при нашей арміи, которыя выдавали квитанціи на полученіе наличныхъ денегъ въ Гродно, Вильно, Варшавѣ и въ С.-Петербургѣ, то таковыхъ квитанцій въ 1813 и въ началѣ 1814 г. въ одинъ только Петербургъ представлено было на сумму до 30 мил. р. Конечно, въ то время невозможно было уплатить ихъ всѣ вдругъ, и оттого довѣріе къ ассигнаціямъ за границею падало.

5. Для возстановленія довѣрія къ нимъ правительство наше принуждено было принять слѣдующую мѣру: *13 августа 1814 г.* послѣдовалъ высочайшій указъ на имя министра финансовъ, въ которомъ изложено: «для поддержанія достоинства россійскихъ государственныхъ ассигнацій, остающихся въ обращеніи въ Пруссіи и Германіи и для облегченія самихъ жителей сихъ областей, желающихъ перевести оныя въ Россію, или обмѣнять на звонкую монету, повелѣваю предписать директорамъ учрежденныхъ за границею промѣнныхъ конторъ, чтобы они всѣмъ, являющимся въ сіи конторы съ россійскими государственными ассигнаціями съ требованіемъ за оныя квитанцій, для пересылки въ Россію, предлагали вмѣсто сихъ квитанцій: 1) третью часть представленной суммы наличною монетою, считая по 29 прусскихъ ходячихъ талеровъ за сто рублей ассигнаціями, или векселями на Лондонъ, срокомъ въ два мѣсяца, считая за сто рублей не выше пяти фунтовъ стерлинговъ и восемь шиллинговъ, соображаясь, впрочемъ, съ существующимъ курсомъ; 2) за остальныя двѣ трети—двѣ облигаціи, приносящія по 7 процентовъ въ годъ, срокомъ одна на *девять*, а другая на *восемнадцать мѣсяцевъ* со дня ихъ выдачи, полагая за сто рублей ассигнаціями по 30 прусскихъ серебряныхъ ходячихъ талеровъ, которые, по истеченіи означеннаго въ облигаціяхъ срока, съ причитающимися процентами заплачены будутъ».

Эта мѣра подняла опять достоинство ассигнацій до 25 к., каковая цѣна не измѣнялась въ продолженіи 1816, 1817 и 1818 гг. Въ теченіи этого времени народъ привыкъ считать серебряную монету въ 25 коп. или четвертакъ *ассигнаціоннымъ рублемъ*, а такъ какъ ассигнаціи, съ самаго ихъ введенія, почти всегда обмѣнивались въ ассигнаціонномъ банкѣ и его конторахъ на мѣдную монету, то съ 1816 г. серебряная монета въ 25 к. или четвертакъ принималась за сто копѣекъ мѣдной монеты, серебряная монета въ 20 к. за 80 к. мѣдныхъ; серебряная монета въ 10 к. принималась за 40 к. и серебряная монета въ 5 к.—за 20 к. мѣдныхъ.

6. Самая рѣшительная и самая дѣйствительная мѣра для

возвышенія достоинства ассигнацій была принята правительствомъ въ 1817 г. По возстановленіи прочнаго мира представилась возможность приступить къ уменьшенію массы государственныхъ ассигнацій. *16-го апрѣля 1817 г.* учреждена государственная коммиссія погашенія долговъ и утвержденъ для нея уставъ, въ которомъ, въ главѣ V, установлено:

«§ 69. Для уменьшенія количества государственныхъ ассигнацій, предполагается извлекать ихъ постепенно изъ обращенія до того времени, пока оныя не приблизятся къ достоинству звонкой монеты.

«§ 70. Для сего опредѣляется ежегодно: 1) *тридцать милліоновъ рублей* изъ доходовъ государственныхъ имуществъ; 2) всѣ остаточныя суммы отъ постепенной уплаты срочныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ долговъ; 3) остатки, какіе могутъ послѣдовать ежегодно отъ государственныхъ доходовъ, за удовлетвореніемъ общихъ государственныхъ расходовъ, и 4) суммы, слѣдующія коммиссіи за проданныя имущества.

«§ 71. Для скорѣйшаго уменьшенія количества ассигнацій въ обращеніи, имѣютъ быть открываемы займы, сообразно главнымъ правиламъ, въ уставѣ семъ изложеннымъ, на особенныхъ условіяхъ, какія впредь, по соображенію обстоятельствъ, будутъ съ высочайшаго утвержденія постановляемы и объявляемы.

«§ 72. Платежъ таковыхъ займовъ имѣетъ производиться изъ 30 милліоновъ рублей, въ § 70 означенныхъ.

«§ 73. Все количество ассигнацій, которое посредствомъ сихъ займовъ поступитъ въ государственную коммиссію погашенія долговъ, имѣетъ быть предаваемо публичному сожженію.

«§ 74. Суммы, въ § 70 означенныя, исключая тѣ, которыя обращены будутъ на обезпеченіе платежа по симъ займамъ, также будутъ ежегодно предаваемы сожженію».

Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ установленныхъ правилъ государственными кредитными установленіями и для ревизіи отчетовъ ихъ, *7-го мая 1817 г.* учрежденъ совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, коему, между прочимъ, вмѣнено въ обязанность входить въ разсмотрѣніе:

«1) Государственныя ассигнаціи извлекаются ли, на основаніи устава коммиссіи погашенія долговъ, изъ обращенія и предаются ли истребленію.

«2) Дѣйствія ассигнаціоннаго банка ограничиваются ли однимъ вымѣномъ ветхихъ и крупныхъ ассигнацій, и законъ о прекращеніи ихъ дальнѣйшаго выпуска исполняется ли во всей точности».

10-го мая 1817 г. высочайше утверждено положеніе о пріемѣ добровольныхъ вкладовъ въ государственную коммиссію погашенія долговъ съ 1 іюля по 29 декабря 1817 г. Всѣ вклады, какіе, на основаніи сего положенія, внесены были въ коммиссію, съ прибавленіемъ 29 процентовъ на каждые сто рублей, были вписаны въ государственную долговую книгу, съ обращеніемъ ихъ въ *обезпеченный безсрочный долгъ*, и взамѣнъ ихъ были вы-

даны билеты, приносящіе по 6 процентовъ непрерывнаго дохода. Вклады эти предназначались во всемъ ихъ количествѣ единственно для скорѣйшаго уменьшенія въ обращеніи государственныхъ ассигнацій.

На основаніи этого положенія внесено было въ коммиссію погашенія долговъ вкладовъ на сумму 28.252,237 р. 82¼ к.

16-го іюня 1818 г. высочайше утверждено второе положеніе, о пріемѣ въ государственную коммиссію погашенія долговъ вкладовъ, предназначенныхъ также во всемъ ихъ количествѣ для уменьшенія въ обращеніи государственныхъ ассигнацій. За каждые влагаемые 85 руб. вписаны были въ государственную долговую книгу 100 руб., съ обращеніемъ ихъ *въ безсрочный долгъ*, и на внесенные капиталы были выданы билеты, приносящіе непрерывнаго дохода по 6 процентовъ.

На основаніи этого второго положенія внесено было въ коммиссію вкладовъ русскими подданными и иностранцами на сумму 80.084,400 рублей.

Для такого же назначенія занято у заграничныхъ банкировъ, по высочайшимъ указамъ, даннымъ на имя министра финансовъ: 16 августа 1820 г.—у братьевъ Берингъ, въ Лондонѣ, и Гопе, въ Амстердамѣ, 40 милліоновъ рублей серебромъ, и 23 іюня 1822 г. у Ротшильда 43 милліона рублей.

По полученіи изъ вышеозначенныхъ вкладовъ и займовъ суммъ, государственная коммиссія погашенія долговъ, на основаніи §§ 73 и 74 даннаго ей устава, уничтожила сожженіемъ государственныхъ ассигнацій:

Въ 1818	году	на	38.023,875	рублей.
» 1819	»	»	78.650,530	»
» 1820	»	»	34.153,050	»
» 1821	»	»	33.487,445	»
» 1822	»	»	44.968,230	»
		Итого	229.283,130	рублей.

Кромѣ того, не представлено къ обмѣну, въ назначенные сроки, ассигнацій прежнихъ образцовъ на новыя—на 10.940,560 р. [1]), а всего изъято изъ обращенія 240.223,690 рублей. Дальнѣйшее изъятіе изъ обращенія государственныхъ ассигнацій совѣтомъ кредитныхъ установленій признано неудобнымъ, такъ какъ оно не имѣло ощутительнаго вліянія на промѣнъ серебра; а между тѣмъ операція эта обременила государство огромными долгами,

[1]) На счетъ этихъ 10.940,560 р. отнесена уплата, согласно преподаннымъ правиламъ, за фальшивыя ассигнаціи, представленныя въ 1819 г. на 1.578,500 р., въ 1820 г. на 1.461,055 р. и въ 1821 г. на 3.754,965 р.; итого на 6.794,520 рублей.

требовавшими ежегодно большихъ суммъ на уплату процентовъ по онымъ. А потому высочайше утвержденнымъ, 25-го апрѣля 1824 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта положено: остатки отъ суммъ коммиссіи погашенія долговъ за 1822 и 1823 годы, не предавая истребленію, обратить въ капиталъ выкупа. Затѣмъ уже съ 1823 г. осталось въ обращеніи государственныхъ ассигнацій на 595.776,310 р., и въ этомъ количествѣ онѣ оставались неизмѣнно до 1843 года, т.-е. до замѣна ихъ кредитными билетами.

До 1817 года манифестъ 9 апрѣля 1812 г., по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не былъ приведенъ окончательно въ исполненіе; только въ 1817 г. въ первый разъ по государственной росписи всѣ государственные доходы были назначены къ поступленію ассигнаціями и мѣдною монетою, и вслѣдствіе этого было предписано всѣмъ казеннымъ палатамъ и казеннымъ экспедиціямъ принимать въ казну всѣ подати и сборы только государственными *ассигнаціями* или *мѣдною монетою*. Цѣль манифеста, какъ упомянуто выше, была та, чтобъ возвысить достоинство ассигнацій. Но по мѣрѣ уменьшенія количества ассигнацій, манифестъ 9-го апрѣля 1812 г. сталъ обнаруживать свое стѣснительное дѣйствіе; съ одной стороны, онъ сталъ затруднять уплату податей и сборовъ, потому что плательщики должны были нарочно пріобрѣтать для этого ассигнаціи, а съ другой содѣйствовалъ къ появленію такъ-называемаго *простонароднаго лажа*, который былъ не что иное, какъ произвольная надбавка нѣсколькихъ процентовъ къ нарицательной стоимости ассигнацій, а также и къ золотой и серебряной монетѣ. Такая надбавка чрезвычайно запутывала разсчеты между частными лицами. Оттого явилось множество просьбъ и жалобъ на неудобства и убыточность уплачивать подати и сборы ассигнаціями; уже въ 1818 г. правительство сдѣлало исключеніе сперва для тѣхъ сборовъ, кои, на основаніи прежнихъ узаконеній, поступали въ казну золотою и серебряною монетою, даже иностранною, а потомъ дозволило и винопродавцамъ, при покупкѣ ими казеннаго вина, платить за оное, кромѣ ассигнацій и мѣдной монеты, золотою и серебряной монетою, по установленному курсу. Но помѣщики и поселяне принуждены были, для взноса въ казну податей и другихъ платежей, покупать ассигнаціи по цѣнѣ выше ихъ стоимости, потому что явились люди, которые скупали ассигнаціи для продажи ихъ нуждающимся; такимъ образомъ, возникъ промѣнъ на ассигнаціи, который возвышался или понижался, смотря по количеству находящихся въ извѣстной мѣстности ассигнацій. По при-

чинѣ такого убытка для плательщиковъ податей, начальники многихъ губерній заявили, чрезъ управлявшаго министерствомъ полиціи, комитету министровъ, о недостаткѣ ассигнацій и о допущеніи пріема звонкой монеты въ платежъ податей; но комитетъ министровъ положилъ, чтобы платежъ податей производимъ былъ, по точной силѣ манифеста 9 апрѣля 1812 г., непремѣнно ассигнаціями и мѣдною монетою. Таковое мнѣніе высочайше утверждено 25 февраля 1819 г. Послѣ того нѣкоторые губернаторы донесли правительствующему сенату, что плательщики податей затрудняются пріобрѣтеніемъ ассигнацій, и что вслѣдствіе этого возрасли недоимки; а потому ходатайствовали о дозволеніи вносить въ уплату податей серебряную монету. Правительствующій сенатъ, основываясь на данномъ министромъ финансовъ объясненіи, что ассигнацій и мѣдной монеты находится въ народномъ обращеніи весьма довольное количество и что, кто имѣетъ серебряную монету, тотъ можетъ во всякое время получить за оную ассигнаціи по промѣну, какой гдѣ существуетъ, и какой для частныхъ людей, особенно для крестьянъ, по малозначительности вносимыхъ податей, не составитъ ощутительнаго отягощенія, указомъ 17-го декабря 1820 г., предписалъ симъ губернаторамъ, чтобы, на основаніи манифеста 9 апрѣля 1812 г., всѣ подати и недоимки взносимы были государственными ассигнаціями или мѣдною монетою.

Для устраненія затрудненій въ пріобрѣтеніи ассигнацій, въ 1824 г. предписано было казеннымъ палатамъ обмѣнивать всѣмъ податнымъ состояніямъ серебро на ассигнаціи, по курсу 3 р. 70 к.; но чтобы самый взносъ податей происходилъ по прежнему на ассигнаціи. Затѣмъ, для облегченія уплаты податей, въ 1827 г. разрѣшено было нѣкоторымъ палатамъ принимать отъ всѣхъ лицъ, обязанныхъ платежомъ податей, въ уплату оныхъ серебряную монету до 500 т. руб., считая серебряный рубль въ 3 р. 70 к., а высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя министра финансовъ, отъ 11 ноября 1827 г., дозволено за паспорты и частію за гербовую бумагу принимать въ казну, кромѣ ассигнацій и мѣдной монеты, также и серебро, по установленному курсу.

Наконецъ, для устраненія простонароднаго произвольнаго лажа, министръ финансовъ счелъ необходимымъ внести въ государственный совѣтъ представленіе о разрѣшеніи вездѣ и по всѣмъ сборамъ пріема въ казну отъ плательщиковъ золотой, серебряной и платиновой монеты. Вслѣдствіе сего, 11 декабря 1830 г. данъ былъ высочайшій указъ министру финансовъ, въ которомъ, между прочимъ, изложено:

«Принявъ нынѣ въ соображеніе избытокъ звонкой монеты въ народномъ обращеніи по нѣкоторымъ губерніямъ и что пріемъ оной въ большомъ количествѣ въ казну послужитъ облегченіемъ для плательщиковъ, избавляя ихъ отъ излишнихъ издержекъ при вымѣнѣ ассигнацій, Мы признали за благо постановить:

«1. При платежахъ, въ указѣ 11 ноября 1827 года поименованныхъ, принимать въ казначействахъ серебряную и платиновую монету на всякую сумму.

«2. Сверхъ того, дозволяется министру финансовъ, по мѣрѣ избытка серебряной монеты въ одной губерніи противъ другой, распространять пріемъ оной, по желанію плательщиковъ, и на всѣ вообще подати, равно и на прочіе платежи въ казну, кои исчислены на ассигнаціи, объявляя о томъ каждый разъ въ губерніи повсемѣстно и донося правительствующему сенату, для свѣдѣнія.

«3. На сей конецъ установляется на 1831 г., при пріемѣ въ казначействахъ, курсъ серебряному рублю, безъ различія крупной и мелкой монеты, по 3 руб. 60 коп.

«4. Казеннымъ палатамъ поставить при сихъ распоряженіяхъ на видъ, что предоставляется каждому на волю вносить означенные платежи въ казначейства такою монетою, какою кто пожелаетъ, т.-е. или ассигнаціями, или серебряною и платиновою монетою, по опредѣленному симъ указомъ курсу.

«5. Что принадлежитъ до доходовъ казны по заключеннымъ съ нею контрактамъ и платежа занятыхъ изъ казны суммъ, то правила о взносѣ денегъ по симъ частямъ, нынѣ существующія, остаются въ своей силѣ—и

«6. Съ тѣмъ вмѣстѣ Мы разрѣшаемъ министру финансовъ и израсходованія, въ случаѣ надобности, по означенному въ 3 ст. курсу поступающей въ казначейства звонкой монеты на мѣстныя штатныя выдачи, а при значительномъ накопленіи оной, и на другія издержки, также и на отпускъ другимъ вѣдомствамъ по удобности».

Такимъ образомъ, этимъ послѣднимъ указомъ окончательно отмѣнены стѣснительныя для плательщиковъ податей и казенныхъ сборовъ статьи манифеста 9 апрѣля 1812 г.

Вотъ всѣ мѣры, которыя правительство наше принимало для возвышенія ассигнацій до первоначальнаго ихъ достоинства, т.-е. до уравненія рубля ассигнаціоннаго съ рублемъ серебрянымъ. Въ особенности этому возвышенію должно было содѣйствовать изъятіе изъ обращенія государственныхъ ассигнацій на 240 мил. рублей. Но, несмотря на всѣ эти мѣры, даже на то, что каждогодно были новые выпуски золотой и серебряной монеты,—такъ, напримѣръ, съ 1827 по 1837 годъ золотой и серебряной монеты вычеканено на сумму 105.635,000 руб. сер., составляющихъ на ассигнаціи 383.914,000 руб.,—несмотря на то, что наша отпускная торговля каждогодно превышала привозную, отчего появилось въ Россіи много иностранной монеты, государственныя ассигнаціи въ теченіи 25 лѣтъ, съ 1817 по 1843 гг., возвысились въ своемъ достоинствѣ только на $2^1/_2$%, т.-е. ассигнаціонный рубль изъ 25 к. серебряныхъ достигъ $27^1/_2$.

Правда, въ народномъ обращеніи государственныя ассигнаціи цѣнились выше и установившійся такъ-называемый *лажъ* на ассигнаціи хотя понемногу, но безпрерывно возвышался. Такъ, напримѣръ, въ 1837 г. лажъ на ассигнаціи былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 18%, въ Москвѣ 17%, въ Астрахани 10%, въ С.-Петербургѣ 6%, въ Псковѣ 5%.

«Отчего же упавшее достоинство ассигнацій такъ мало возвысилось при самыхъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ?»

На этотъ вопросъ съ большою вѣроятностью можно отвѣчать такъ: всѣ вышеозначенныя, предпринятыя правительствомъ мѣры были искусственныя, придуманныя, а не естественныя. Естественною и дѣйствительною мѣрою къ уравненію ассигнацій съ серебряною монетою былъ бы *свободный обмѣнъ* ихъ на таковую монету и обратно. Но къ такой мѣрѣ правительство не приступало съ рѣшительнымъ намѣреніемъ, конечно, сперва оттого, что не имѣло возможности этого сдѣлать, по причинѣ слишкомъ большой массы выпущенныхъ ассигнацій противъ звонкой монеты, а потомъ считало эту мѣру невыгодною для казны и неудобною для народа, потому что народъ съ 1811 г. привыкъ уже считать ассигнаціонный рубль около $^1/_4$ серебрянаго рубля; по ассигнаціонному рублю уже велись всѣ счеты, по немъ же твердо установилась цѣнность всѣхъ вещей, имуществъ и трудовъ, а крутая финансовая перемѣна цѣнности ассигнаціи весьма невыгодно отозвалась бы во всемъ государствѣ.

Итакъ, исторія государственныхъ ассигнацій ясно показываетъ, что непоколебимое достоинство кредитныхъ бумагъ можетъ быть основано единственно только на свободномъ обмѣнѣ ихъ государственнымъ казначействомъ на добротную звонкую монету и обратно, по желанію каждаго, и что упадокъ достоинства кредитныхъ бумагъ зависитъ отъ излишества, отъ несоразмѣрности ихъ со звонкою монетою. Опредѣлить соразмѣрность между звонкою монетою и бумажными ихъ представителями численно нельзя, т.-е. нельзя полагать, что отношеніе звонкой монеты къ бумажнымъ ея представителямъ должно быть, какъ 1:3, какъ 1:4, или какъ 1:5 и т. д., потому что оно зависитъ отъ многихъ причинъ: наприм., отъ быстроты обращенія капиталовъ, отъ политическаго состоянія государства, отъ степени его образованности, отъ бо́льшей или меньшей потребности денежныхъ знаковъ и проч. Эта соразмѣрность опредѣляется только путемъ практическимъ, путемъ опыта. Если достоинство кредитныхъ бумагъ становится выше звонкой монеты, то это значитъ, что ихъ мало противъ звонкой монеты. Напротивъ, если достоинство кредит-

ныхъ бумагъ становится ниже звонкой монеты, то это показываетъ, что ихъ масса велика противъ звонкой монеты; только при надлежащей соразмѣрности государственныя кредитныя бумаги несомнѣнно содѣйствуютъ развитію торговли, промышленности и вообще развитію богатства государственнаго, хотя сами по себѣ онѣ составляютъ не что иное, какъ внутренній долгъ.

Относительно послѣдствій паденія достоинства ассигнацій, мы приведемъ въ подлинникѣ мысли графа М. М. Сперанскаго, изложенныя имъ въ замѣчательной запискѣ его, о «Монетномъ обращеніи», доставленной 22 января 1839 г. бывшему министру финансовъ графу Канкрину, по случаю разсужденія въ государственномъ совѣтѣ о мѣрахъ для уничтоженія простонароднаго лажа.

Вотъ что онъ писалъ о послѣдствіяхъ паденія ассигнацій:

«Паденіе ассигнацій у насъ началось съ 1788 года, т.-е. годъ спустя послѣ того, какъ къ прежнимъ 40 милл. прибавились новые выпуски, такъ что, когда въ теченіе 3 послѣдующихъ лѣтъ выпущено было всего 100 м., то достоинство ихъ съ 97 коп. упало на 92, потомъ на 91, а въ послѣдующій 1790 г., когда къ прежнимъ 100 м. прибавлено еще только 11 м., онѣ упали до 87 к. и съ тѣхъ поръ, уже вмѣстѣ съ ежегодными выпусками, онѣ ежегодно болѣе и болѣе упадали; въ то же самое время понизились и всѣ заграничные курсы на биржѣ; курсъ на Амстердамъ отъ 39 штиверовъ упалъ на 34; въ слѣдующемъ году на 30 и т. д.

«*Кто терялъ отъ сего упадка?*

«Прежде всѣхъ и всего болѣе тутъ теряла казна. Ассигнаціи, въ теченіе года выпущенныя, возвращались къ ней въ последующемъ году въ видѣ доходовъ, хотя въ томъ же счетѣ, но уже въ меньшемъ достоинствѣ.

«Такъ, напримѣръ, въ 1790 г. ассигнацій по счету было 111 м., но въ видѣ доходовъ онѣ уже составляли только 96 м. Слѣдовательно, казна въ доходахъ своихъ утратила 15 м. Въ 1801 г. масса ассигнацій составляла 221 м., а въ видѣ доходовъ онѣ составляли не болѣе какъ 146 м., т.-е. 75 м. менѣе противъ цѣны ихъ именовательной. Въ 1810 году 577 м. составляли въ доходахъ не болѣе 199 м., т.-е. на 378 м. менѣе цѣны ихъ именовательной; и наконецъ, въ исходѣ сего періода, съ 1810 по 1815 г. все огромное количество ихъ, 825 м., составляло въ доходахъ не болѣе какъ 165 м. Въ теченіе того же самаго времени, соразмѣрно тому упадали и биржевые курсы,

такъ что, наприм., курсъ на Амстердамъ отъ 39 штиверовъ упалъ на 9 штиверовъ.

«Если каждый выпускъ есть не что иное, какъ заемъ на счетъ будущихъ доходовъ, то, спрашивается, какой ростъ несла казна при семъ зачетѣ? Она несла сначала 1%, потомъ 3%, потомъ 8%, 10%, 20% и т. д., постепенно, наконецъ, она несла росту 75%. Никому, конечно, она не платила сего росту (и въ семъ-то, между прочимъ, состоитъ вся иллюзія ассигнацій); но она теряла его тѣмъ не менѣе дѣйствительно, въ постепенномъ пониженіи ея доходовъ. Возьмемъ для примѣра подушную подать. Положимъ, что она въ 1788 г. составляла, какъ и нынѣ, 3 р.; но какъ рубль тогда составлялъ въ ассигнаціяхъ 92 к., то, вмѣсто 3 рублей, казна получала уже 2 руб. 76 к., убытокъ для нея былъ 24 коп.; въ 1810 г. тѣ же 3 рубля въ ассигнаціяхъ составляли уже только 99 к. Слѣдовательно, убытокъ для нея былъ 2 руб. съ копѣйкою. Въ 1811 и послѣдующихъ годахъ, когда рубль ассигнаціонный дошелъ до 25 к., она получала уже, вмѣсто прежнихъ 3 рублей, 75 коп. Слѣдовательно, убытокъ ея составлялъ 2 руб. 25 к. Здѣсь должно примѣтить, что убытокъ для нея былъ бы несносенъ, еслибы онъ весь падалъ, такъ сказать, лично на казначейство; но онъ раздроблялся на всѣ тѣ лица, кои состояли съ нею въ связи по обязанностямъ службы или дѣлъ, и сія-то раздробительность дѣлала убытокъ не столько тягостнымъ, хотя для всѣхъ болѣе или менѣе чувствительнымъ. Къ сему должно присоединить еще и то обстоятельство, что хотя отъ пониженія ассигнацій цѣны на вещи возвышаются, но не въ одинаковой соразмѣрности; сила производительная часто превышаетъ силу потребленія.

«Столь значительный ущербъ въ доходахъ былъ отчасти вознагражденъ прибавкою въ податяхъ и пошлинахъ; такъ, наприм., въ 1810 г. сдѣланы значительные налоги; но сей образъ вознагражденія, всегда трудный, не могъ быть возобновляемъ ежегодно; между тѣмъ, паденіе ассигнацій усиливалось ежегодно. Другой способъ вознагражденія могъ бы быть въ пониженіи цѣнъ на вещи; но, напротивъ, съ пониженіемъ монеты, цѣны на вещи обыкновенно возвышаются.

«По счастью, сіе возвышеніе у насъ не было соразмѣрно паденію ассигнацій. Производительныя силы возрастали быстрѣе, нежели потребности. За убыткомъ казны слѣдуютъ убытки частныхъ лицъ. Здѣсь потери не для всѣхъ равны; напротивъ, одни теряли безъ вины, другіе пріобрѣтали безъ права. Теряли всѣ должностныя лица, всѣ получающіе жалованье или пенсіоны,

всѣ тѣ, кому казна была должна, теряли всѣ кредитныя установленія, всѣ капиталисты, всѣ заимодавцы. Потеря ихъ была двоякая: они теряли отъ пониженія заграничныхъ курсовъ въ потребностяхъ, получаемыхъ посредствомъ внѣшней торговли; они теряли отъ пониженія ассигнацій въ потребностяхъ внутреннихъ: ибо, хотя, какъ выше примѣчено, цѣны на вещи и не возвышались въ той же мѣрѣ, какъ упадали ассигнаціи, все, однакожъ, было возвышеніе. Но то, что̀ увеличивало сіи потери для всѣхъ, это были ихъ неизвѣстность и внезапность. Какъ выпуски ассигнацій были хотя и ежегодны, но не равны, то и нельзя было сдѣлать впередъ никакого правильнаго разсчета, никакой предварительной смѣты ни доходовъ, ни расходовъ.

«Неизвѣстность умножилась еще и оттого, что упадокъ ассигнацій обнаруживался не вдругъ при каждомъ ихъ выпускѣ, но становился явнымъ уже тогда, когда онѣ совершали весь кругъ своего обращенія, иногда черезъ годъ и болѣе.

«Пріобрѣтали, напротивъ, отъ упадка ассигнацій всѣ тѣ, кои должны были другимъ и особенно въ отдаленные сроки; ибо они платили униженною монетою то, что̀ занимали высшею.

«Правда, что какъ потери, такъ и пріобрѣтенія уравнивались отчасти тѣмъ, что одно и то же лицо могло быть и заимодавцемъ и должникомъ, и продавцомъ и покупателемъ, и производителемъ и потребителемъ. Безъ сомнѣнія, во многихъ случаяхъ отъ сего смягчались потери, но не всѣхъ; ибо не всѣ въ той же мѣрѣ суть производители и потребители; многіе, напротивъ, живя отдѣльными доходами, могли постоянно терять и ничего не пріобрѣтать.

«Сверхъ убытковъ, есть еще одно послѣдствіе упадка ассигнацій, которое здѣсь должно замѣтить.

«До 1788 г., рубль серебряный былъ у насъ твердою монетною единицею не только въ законѣ, но и на практикѣ. Подати и пошлины бо̀льшею частію вступали серебромъ; всѣ приходы и расходы исчисляемы были на серебро; самое золото оцѣнивалось серебромъ по внутреннему, сравнительному его достоинству. Монета мѣдная хотя не всегда въ цѣнѣ ея соотвѣтствовала серебру, но вознаграждала сей недостатокъ потребностію ея въ мелкихъ размѣнахъ; она безпрепятственно принималась на серебро. Сей порядокъ вещей, сіе единство монетной нашей системы начали измѣняться съ 1788 г. По мѣрѣ того, какъ умножались выпуски ассигнацій, по мѣрѣ того, какъ онѣ упадали, серебро начало скрываться изъ обращенія и, наконецъ, совсѣмъ почти скрылось; ассигнаціи заняли мѣсто дѣйствительной монеты; по нимъ стали

исчислять и биржевые курсы; онѣ стали настоящими деньгами, а серебро сдѣлалось товаромъ.

«Въ 1810 г., когда положено было на мѣрѣ остановить выпускъ ассигнацій и принять обратный ходъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обращено было вниманіе и на монетную нашу систему. Въ устройствѣ ея принято основаніемъ прежнее правило, и рубль серебряный въ манифестѣ снова провозглашенъ былъ монетною единицею.

«Но всѣ мѣры 1810 г. прерваны были войною, и, какъ легко можно было предвидѣть, что во время войны нельзя помышлять о погашеніи ассигнацій; напротивъ, близкою тогда представлялась необходимость новыхъ ихъ выпусковъ, то и надлежало помышлять о томъ, какъ возвратить или усилить къ нимъ довѣріе. Въ семъ-то намѣреніи въ 1812 г. объявлено было, что всѣ платежи по долгамъ, даже и на серебрѣ основаннымъ, могутъ быть уплачиваемы ассигнаціями по курсу. Симъ постановленіемъ не единица монетная измѣнилась, но данъ былъ ассигнаціямъ принужденный ходъ (cours forcé), коего прежде онѣ не имѣли: ибо по прежнему правилу долги на серебро платились серебромъ. Очевидно, что это было временное отступленіе отъ правила, вынужденное необходимостію; ибо въ 1815 г., какъ скоро миновалась сія необходимость, планъ 1810 г. возобновленъ и расширенъ, и снова положено все приводить къ серебру, какъ къ твердой и неизмѣнной единицѣ. Но какъ нельзя было сего достигнуть вдругъ, то впослѣдствіи и принято правиломъ установлять между серебромъ и ассигнаціями ежегодное отношеніе или такъ называемый *казенный курсъ*.

«Слѣдовательно, не странное какое-либо заблужденіе правительства въ дѣлѣ столь простомъ и ясномъ, но сила обстоятельствъ, военная необходимость были единственною причиною отступленія отъ того общаго кореннаго нашего правила, что серебряный рубль есть у насъ дѣйствительная монетная единица».

V.

Государственныя ассигнаціи перемѣнялись три раза:

Первыя	имѣли	обращеніе	съ	1769	по	1786	г.	включительно.
Вторыя	»	»	»	1787	»	1719	»	»
Третьи	»	»	»	1820	»	1843	»	»

Съ 1768 по 1785 г. бумага для ассигнацій дѣлалась на бумажной фабрикѣ оберъ-гофъ-маршала графа Сиверса; для над-

зора за производствомъ этой бумаги былъ командированъ, каждый разъ, одинъ изъ сенатскихъ экзекуторовъ, и такое командированіе записывалось въ сенатскій журналъ.

Печатаніе государственныхъ ассигнацій производилось при сенатѣ, а напечатанныя ассигнаціи и приготовленная для нихъ бумага хранились при сенатѣ же, въ особой экспедиціи; главное завѣдываніе ассигнаціями поручено было генералъ-прокурору.

30-го января 1785 г. учреждена была казенная бумажная мельница въ Царскомъ-Селѣ, для дѣланія ассигнаціонной бумаги. Но печатаніе и штемпелеваніе ассигнацій производились по-прежнему при сенатѣ, подъ назоромъ одного изъ совѣтниковъ, находившихся въ экспедиціяхъ для казеннаго управленія.

Первыя государственныя ассигнаціи были слѣдующихъ четырехъ достоинствъ: *100*-рубл., *75*-рубл., *50*-рубл. и *25*-рубл., и были двухъ родовъ: с.-петербургскія—по которымъ платежъ производилъ с.-петербургскій банкъ, и московскія—по которымъ платилъ московскій банкъ. Всѣ онѣ были на бѣлой бумагѣ, имѣвшей видъ четыреугольника, по сторонамъ съ внутренними просвѣчивающимися прописями: вверху—*любовь къ отечеству*, внизу—*дѣйствуетъ къ пользѣ оного*, съ лѣвой стороны—*государственная казна*, а съ правой—достоинство ассигнаціи прописью и церковными буквами, означающими число рублей. Прописи эти ограничены съ четырехъ сторонъ просвѣчивающимися полосками, въ видѣ рамки. Вверху напечатанъ черною краскою № ассигнаціи, подъ нимъ вытиснены два сухія штемпеля, подъ которыми напечатано: «*объявителю сей государственной ассигнаціи платитъ с.-петербургскій* (московскій) *банкъ сто рублей, семьдесятъ-пять рублей, пятьдесятъ-рублей, двадцать-пять рублей ходячею монетою, такой-то годъ* [1]), *С.-Петербургъ*». Подъ этими словами слѣдовали подписи двухъ сенаторовъ, совѣтника правленія банковъ и директора банка, писанныя собственноручно перомъ. Подъ подписями напечатаны по сторонамъ еще два нумера.

По случаѣ вступленія въ с.-петербургскій банкъ нѣсколькихъ ассигнацій, такъ искусно передѣланныхъ изъ 25-рублеваго достоинства въ 75-рублевыя, что при первомъ взглядѣ, и не будучи о томъ предувѣдомлену, трудно было таковую подложность распознать, именнымъ указомъ 20-го іюля 1771 г. всенародно объявлено и повелѣно: «всѣмъ и каждому имѣющимъ 75-рублевую ассигнацію одного или другого банка со всею прилежностью оныя разсмотрѣть, и когда окажутся въ томъ числѣ подложныя,

1) Т.-е. годъ печатанія ассигнаціи.

то таковыя въ столицахъ въ банки, а въ прочихъ городахъ въ главныя присутственныя мѣста приносить, гдѣ за нихъ, хотя онѣ подложныя, имѣютъ быть уплачены по 75 р. за каждую, взносить же ихъ не позже, какъ въ 7 дней, считая въ каждомъ мѣстѣ со дня публикаціи сего указа; по истеченіи же семидневнаго срока поскобленныя гдѣ-либо ассигнаціи въ казенныхъ мѣстахъ не принимать и въ банкахъ не платить. Если же кто, наче чаянія, принесетъ ассигнацію, нагло и грубо поскобленную и переписанную такъ, что съ перваго обозрѣнія всякій то распознать можетъ, то таковый, кто бы онъ ни былъ, сверхъ того, что подастъ о себѣ родъ подозрѣнія, не имѣетъ никакой платы за такую ассигнацію получить, ибо онъ самъ то усмотрѣть долженствовалъ».

Сверхъ того повелѣно: «и настоящія обоихъ банковъ ассигнаціи 75-рублевыя приносить въ столицахъ въ тѣ банки, а въ прочихъ городахъ въ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи не позже какъ въ 4 мѣсяца, считая въ каждомъ мѣстѣ со дня публикаціи этого указа, и за тѣ бумаги вездѣ изъ наличныхъ всякаго сбора денегъ платить сполна написанныя въ оныхъ суммы безъ какихъ-либо протяжекъ и медленія, за что главные тѣхъ мѣстъ имѣютъ отвѣтствовать. А когда случится гдѣ въ наличности другихъ сортовъ государственныя ассигнаціи и частные люди пожелаютъ 75 р. ассигнаціи обмѣнять на оныя, а не на ходячую монету, то ихъ въ томъ довольствовать, наблюдая только то, чтобъ выдавать имъ ассигнаціи на столько суммою, сколько отъ нихъ принято будетъ».

Въ тотъ же день, т.-е. 20-го іюля 1771 г., данъ былъ именной указъ сенату, о недѣланіи впредь 75-рублевыхъ ассигнацій и всѣ изготовленныя, подписанныя и неподписанныя 75-рублевыя ассигнаціи въ присутствіи сената истребить.

Затѣмъ остались въ обращеніи 100-руб., 50-руб. и 25-рублевыя.

Первыя государственныя ассигнаціи имѣли обращеніе въ народѣ 18 лѣтъ. Обмѣнъ первыхъ ассигнацій начался съ 1786 г. и продолжался до исхода 1787 г.; въ теченіи этого времени обмѣнено ихъ на новыя на сумму 46.003,725 р.; противъ выпуска не представлено къ обмѣну на 215,525 рублей.

По случаю появленія въ народномъ обращеніи значительнаго количества поддѣльныхъ ассигнацій, именнымъ указомъ, даннымъ сенату *16 марта 1786 г.*, повелѣно:

«1) Печатать государственныя ассигнаціи по новому образцу на бумагѣ новаго состава.

«2) Для повсемѣстнаго обнародованія о новыхъ банковыхъ ассигнаціяхъ составить обстоятельное описаніе и разослать во всѣ губерніи съ образцовыми разныхъ цѣнъ ассигнаціями.

«3) Заготовя то число новыхъ ассигнацій, сколько потребно на вымѣнъ всѣхъ до нынѣ изъ банковъ выданныхъ, назначить полугодовой срокъ для приноса прежнихъ ассигнацій въ государственные ассигнаціонные банки и въ ихъ конторы, въ разныхъ городахъ имперіи учрежденныя.

«4) Всѣ вымѣниваемыя въ банковыхъ конторахъ ассигнаціи присылать с.-петербургскія — въ с.-петербургскій банкъ, а московскія — въ тамошній, для свидѣтельства и очистки счетовъ; послѣ того тѣ ассигнаціи, по перечерненіи, представлять въ правленіе банковъ, а оному взнести въ здѣшній сенатъ для провѣрки ихъ съ отпусками и для совершеннаго истребленія.

«5) Всякъ приносящій прежнюю государственную ассигнацію властенъ взять новую той же цѣны, или получить денежный платежъ немедленно, въ соблюденіе кредита государственнаго».

Въ исполненіе этого указа сенатъ, 10-го апрѣля 1786 г., разослалъ слѣдующее описаніе государственныхъ ассигнацій новаго образца:

«Сіи ассигнаціи на бѣлой вновь сдѣланнаго состава бумагѣ съ штемпелями прежняго изображенія за подписью: одного совѣтника правленія банковъ, одного банковаго директора и одного кассира, трояхаго достоинства и разныхъ видовъ».

Перваго достоинства *сторублевая* имѣла видъ равносторонняго четыреугольника и означалась по всѣмъ сторонамъ сими внутренними прописями—сверху: *любовь къ отечеству*, снизу: *дѣйствуетъ къ пользѣ онаго*. Съ лѣвой стороны: *государственная казна*, съ правой стороны цѣна вдвойнѣ *сто рублей* и церковная цифра ρ; между прописями, по угламъ, изображены были гербы 4-хъ царствъ: Астраханскаго, Московскаго, Казанскаго и Сибирскаго, съ принадлежащею каждому изъ нихъ короною; напечатано между штемпелями: №, сумма цифрами 100, подъ тѣмъ въ строкахъ складомъ: *объявителю сей государственной ассигнаціи платитъ ассигнаціонный банкъ сто рублей ходячею монетою*, подъ тѣмъ въ лѣвой сторонѣ годъ и подлѣ года въ черномъ полѣ складомъ цѣна бѣлыми буквами *сто*; подъ годомъ буквы *Др. Б.*, означающія директоръ банка; подъ симъ два №№; на оборотѣ подъ штемпелями въ лѣвой сторонѣ буквы *Сов. Пр. Б.*, означающія совѣтникъ правленія банковъ.

Второго достоинства, *пятидесятирублевая* въ видѣ продолговатаго четыреугольника, съ двумя наискось отъятыми, на подобіе отрѣзанныхъ, углами; внутренніе знаки вверху, внизу и въ лѣвой сторонѣ съ тѣми же прописями и по угламъ четырьмя гербами, что̀ и въ сторублевой; въ правой сторонѣ цѣна вдвойнѣ складомъ *пятьдесятъ рублей* и церковная цифра н; напечатано

сверху между штемпелями №; подъ нимъ въ черномъ полѣ цѣна складомъ бѣлыми буквами: *пятьдесятъ*; подъ симъ цифрами 50; подъ штемпелями въ строкахъ: *объявителю сей государственной ассигнаціи платитъ ассигнаціонный банкъ пятьдесятъ рублей ходячею монетою.* Годъ, подъ тѣмъ въ лѣвой сторонѣ буквы Др. Б., подъ симъ два №№. На оборотѣ ассигнаціи въ лѣвой сторонѣ буквы *Сов. Пр. Б.*

Третьяго достоинства, *двадцатипятирублевая* въ видѣ продолговатаго четыреугольника; но всѣ четыре угла отняты, на подобіе отрѣзанныхъ; внутренніе знаки вверху, внизу и въ лѣвой сторонѣ съ тѣми же прописями и по угламъ съ тѣми же гербами, чтó и въ сторублевой, въ правой сторонѣ вдвойнѣ цѣна складомъ *двадцать-пять рублей* и церковныя цифры к. є.; напечатано въ лѣвой сторонѣ сверху подъ штемпелями цѣна цифрою 25, подъ тѣмъ въ строкахъ: *объявителю сей государственной ассигнаціи платитъ ассигнаціонный банкъ двадцать-пять рублей ходячею монетою;* подъ годомъ буквы *Др. Б.*, подъ симъ два №№. На оборотѣ въ лѣвой сторонѣ буквы *Сов. Пр. Б.* [1]).

Въ манифестѣ *28-го іюня 1786 года*, объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка, въ ст. 33 постановлено:

«Въ облегченіе хожденію и оборотамъ денегъ повелѣваемъ установить ассигнаціи въ *десять рублей* и въ *пять рублей*, кои печатать, для лучшаго различенія, десятирублевыя на красной и пятирублевыя на синей бумагѣ разными образцами». Десятирублевая и пятирублевая ассигнаціи имѣли тѣ же внутреннія прописи, какъ и предъидущія; но пропись: *объявителю сей государственной ассигнаціи* и проч. напечатана на десятирублевой наискось отъ нижняго лѣваго угла къ правому верхнему.

Вторыя государственныя ассигнаціи имѣли обращеніе въ народѣ съ 1786 по 1819 г., въ теченіи 33 лѣтъ. Противъ выпуска ихъ не представлено къ обмѣну на 10.940,560 р.

Необходимость перемѣны вторыхъ ассигнацій возникла еще въ царствованіе Павла I-го; именно въ іюнѣ 1800 г. генералъ-прокуроръ правительствующаго сената докладывалъ, что всѣ слѣдствія о фальшивыхъ ассигнаціяхъ открываютъ вездѣ почти одинаковые способы и пріемы въ ихъ поддѣлкѣ, и получилъ высочайшее повелѣніе снестись, съ кѣмъ слѣдуетъ, о перемѣнѣ формы ассигнацій. Вслѣдствіе этого составлена была особая коммиссія: изъ генералъ-прокурора Обольянинова, государственнаго казначея

---

[1]) Впослѣдствіи отрѣзываніе угловъ на 50-руб. и 25-рублевыхъ ассигнаціяхъ было отмѣнено.

Г. Р. Державина и главнаго директора государственнаго ассигнаціоннаго банка Свистунова.

Коммиссія эта, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и подробностей, до сего дѣла относящихся, составила докладъ, въ которомъ изъяснила, что существующія ассигнаціи большихъ и меньшихъ достоинствъ, различаясь только цвѣтами бумаги, во всемъ прочемъ одинаковы и таковымъ единообразіемъ представляютъ едвали не самую главнѣйшую удобность къ поддѣлкѣ ихъ, ибо если поддѣлыватель запасется потребными буквами для одного достоинства, то оныя для всѣхъ могутъ служить, а подписаться подъ чужія руки не такъ трудно; что же касается до цвѣтовъ бумаги, то они, какъ показываетъ опытъ, не только не могутъ быть существеннымъ препятствіемъ къ поддѣлыванію ассигнацій, но еще способствуютъ оному, ибо на красной и синей бумагѣ, отъ обращенія истертшейся и полинявшей, не такъ скоро можно примѣтить и самый подлогъ, какъ бѣлой.

А потому на будущее время коммиссія полагала бы:

1) Вмѣсто обращающихся государственныхъ ассигнацій трехъ цвѣтовъ, сдѣлать новыя на одной бѣлой бумагѣ, раздѣляя только сорты всѣхъ пяти достоинствъ слѣдующимъ образомъ: сто, пятидесяти и двадцати-пяти-рублевыя имѣть въ форматѣ нынѣ обращающихся сто-рублевыхъ; десяти-рублевыя — въ пятидесяти-рублевомъ, и пяти-рублевыя — въ двадцати-пяти-рублевомъ, нѣсколько уменьшенномъ форматѣ. Для бóльшаго затрудненія въ поддѣлываніи, печатать каждое достоинство особымъ шрифтомъ съ бортиками разныхъ фигуръ; во внутреннемъ же расположеніи бумаги останутся тѣ же самые гербы и слова, какіе въ теперешнихъ находятся.

2) Для того, чтобъ отвратить умноженіе ветхихъ ассигнацій, надобно ассигнаціонную бумагу сдѣлать прочнѣйшею, сравнительно съ нынѣшнею.

3) Для того, чтобы не навлечь затрудненія въ печатаніи нумеровъ и не произвесть въ публикѣ разные толки и замѣчанія о количествѣ капитала, состоящаго въ ассигнаціяхъ, не безполезно печатать ихъ съ перваго нумера въ каждомъ достоинствѣ, чрезъ это не могутъ оные выходить въ каждомъ году болѣе противъ нынѣшнихъ, кои едва доходятъ до 2-хъ милліоннаго.

4) Хотя для предохраненія новыхъ ассигнацій отъ поддѣлки взяты всѣ возможныя мѣры перемѣною ихъ формы, печатаніемъ разными буквами и съ разными фигурами, но для бóльшей предосторожности, и чтобы еще болѣе затруднить въ поддѣлываніи новаго образца, сверхъ подписи по распредѣленію совѣтниковъ,

директоровъ и кассировъ, штемпелевать каждую на оборотѣ особымъ клеймомъ изъ фигурно связанныхъ словъ Г. Д. А. Б., что̀ означаетъ главный директоръ ассигнаціоннаго банка.

Таковой докладъ коммиссіи былъ представленъ на благоусмотрѣніе государя императора и 22 декабря 1800 г. былъ высочайше утвержденъ, а вслѣдъ затѣмъ утверждены и новые образцы ассигнацій.

За утвержденіемъ образцовъ, приступили къ заготовленію новыхъ банковыхъ ассигнацій, которыхъ уже отпечатано было на 85 м. рублей [1]), но, по восшествіи на престолъ императора Александра I, послѣдовалъ, 10 апрѣля 1801 г., высочайшій указъ на имя государственнаго казначея барона Васильева, коимъ повелѣно: операцію эту отложить до удобнѣйшаго времени, въ уваженіе злоупотребленій, могущихъ возникнуть отъ преждевременной гласности; при этомъ повелѣно, не выпуская изъ виду главнаго предмета такой операціи, продолжать ее со всею скрытностію подъ наблюденіемъ государственнаго казначея.

Простота и несовершенство отдѣлки государственныхъ ассигнацій, обращавшихся съ 1786 г., были причиною умноженія фальшивыхъ ассигнацій: поддѣлывателями являлись даже люди изъ состояній необразованныхъ, какъ-то: крестьяне и татары. Поэтому надлежало позаботиться о перемѣнѣ вида и объ усовершенствованіи отдѣлки ассигнацій, соотвѣтственно степени развитія искусства печатанія и гравированія. Настоятельность этой перемѣны еще болѣе сдѣлалась необходимою, когда, при вторженіи Наполеона въ 1812 году, французскія войска внесли съ собою множество фальшивыхъ ассигнацій, и когда потомъ, при выступленіи нашихъ войскъ за-границу, дозволенъ былъ ходъ россійскихъ ассигнацій внѣ предѣловъ государства, гдѣ поддѣлка облегчалась трудностію открытія злоумышленниковъ. Фальшивыхъ ассигнацій представлено было въ ассигнаціонный банкъ:

въ 1813 году	на	987,330	рублей.
» 1814 »	»	2.830,655	»
» 1815 »	»	883,965	»
» 1816 »	»	626,450	»
» 1817 »	»	285,980	»
Итого . . .		5.614,380	рублей.

По всѣмъ этимъ причинамъ министръ финансовъ еще въ декабрѣ 1813 года представлялъ о необходимости перемѣны преж-

[1]) Эти приготовленныя новаго образца ассигнаціи и бумага для нихъ, по положенію комитета министровъ 20 ноября 1817 г., истреблены 13 апрѣля 1818 г.

нихъ ассигнацій на новыя. Отсутствіе императора и военныя обстоятельства не дозволили, однако, приступить къ исполненію этой операціи прежде 1816 г. Притомъ же, для приготовленія такого огромнаго количества ассигнацій новаго образца на 836 м. рублей, недостаточны уже были средства прежнихъ заведеній, учрежденныхъ для этого дѣла. Поэтому, для устройства новаго заведенія, пріобрѣтенъ былъ на р. Фонтанкѣ домъ и мѣсто наслѣдниковъ надворнаго совѣтника Чоглокова. По докладу министра финансовъ 4 марта 1816 г., высочайше утверждены были планы и смѣты на устройство новаго заведенія для приготовленія ассигнацій, разнаго рода гербовой бумаги, вексельной и паспортной, и исполненіе этого поручено, извѣстному въ то время по своимъ познаніямъ въ искусственной части, генералъ-лейтенанту Бетанкуру. Въ февралѣ 1818 г. новое заведеніе было принято отъ генерала Бетанкура въ вѣдомство министерства финансовъ. По важности этого заведенія, министръ финансовъ счелъ нужнымъ дать ему наименованіе, соотвѣтствующее предназначенной цѣли: *Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ*, а для соблюденія строгаго надзора и отчетности въ производствѣ работъ составить проектъ штата, который и представилъ въ государственный совѣтъ. Проектъ учрежденія и штатъ высочайше утвержденъ 21 августа 1818 г. Съ іюля мѣсяца 1818 г. началось заготовленіе государственныхъ ассигнацій по новымъ образцамъ, высочайше утвержденнымъ 14 февраля 1819 г. (200, 100, 50 и 25 рубл.) и 4 іюля 1819 г. (10 и 5 рубл.).

Я. Пѣчоринъ.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

ВЪ РОССІИ *)

Статья Д. Макензи Уоллеса (переводъ съ англійской рукописи автора).

Вопросъ о сельской общинѣ возбуждаетъ въ послѣднее время особый интересъ; онъ составляетъ предметъ работъ и ученыхъ, и литературныхъ. Наиболѣе общій интересъ представляетъ сельская община съ исторической точки зрѣнія. Въ послѣднее время многіе изслѣдователи полагаютъ, что сельская община, въ какой бы то ни было формѣ, существовала, если не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ странахъ и составляла естественную ступень въ исторіи экономическаго и соціальнаго развитія человѣческаго общества.

Но, кромѣ этого, крайне интереснаго вопроса для изслѣдованія, вопросъ о сельской общинѣ представляетъ для Россіи огромный интересъ съ практической точки зрѣнія, такъ какъ то или другое разрѣшеніе его обусловливаетъ характеръ будущаго экономическаго и общественнаго развитія русскаго народа.

Имѣя намѣреніе предпринять, въ недалекомъ будущемъ, подробное изслѣдованіе русской сельской общины, въ разныхъ ея

*) Эта статья составляетъ одну изъ главъ большого сочиненія того же автора о Россіи, которое скоро должно появиться въ англійской литературѣ подъ заглавіемъ „Russia Past and Present" (Прежняя и настоящая Россія). Во время перевода, первая часть настоящей статьи, составляющая описательную сторону русской сельской общины, появилась въ англійскомъ журналѣ „Macmillan's Magazine".

формахъ и въ различныхъ мѣстностяхъ, мы ограничиваемся здѣсь описаніемъ общихъ формъ, присущихъ ей въ большинствѣ случаевъ въ настоящую минуту, не входя въ подробности, которыя видоизмѣняются, смотря по мѣстностямъ и частнымъ причинамъ.

Въ русскихъ общинныхъ учрежденіяхъ слѣдуетъ тщательно различать два элемента: одинъ административный, другой экономическій. Будемъ сперва говорить объ административномъ.

Какъ органъ мѣстной администраціи, сельская община въ Россіи не представляетъ большихъ особенностей. Въ небольшихъ деревняхъ существуетъ одно только должностное лицо,—сельскій староста, а въ болѣе крупныхъ старостѣ помогаетъ въ исполненіи его обязанностей сельскій сборщикъ податей. Когда двѣ или три небольшія деревни расположены близко одна къ другой, то онѣ образуютъ иногда одну общину. Должностныя лица—простые крестьяне, выбранные своими односельцами на опредѣленный срокъ: на одинъ, два или три года, смотря по мѣстному обычаю. Жалованье имъ назначается общиной, а такъ какъ оно обыкновенно очень мало (внѣ всякой соразмѣрности съ безпокойствомъ и трудомъ), то «служба» въ этихъ сельскихъ демократіяхъ считается скорѣе тягостью, нежели почетомъ. Но разъ крестьянинъ выбранъ, онъ,—хочетъ, не хочетъ,—долженъ служить. Если онъ можетъ представить какую-нибудь достаточно уважительную причину, какъ, напр., болѣзнь или необходимость частыхъ отлучекъ, то община освобождаетъ его обыкновенно отъ тягости службы, въ особенности, если онъ согласится угостить членовъ ея водкой, но простое желаніе освободиться отъ безпокойствъ не считается существеннымъ основаніемъ для увольненія отъ службы. Обязанности старосты состоятъ въ томъ, чтобы охранять порядокъ и наблюдать за правильнымъ сборомъ податей, но онъ имѣетъ очень немного власти, потому что настоящая власть находится въ сельскомъ сходѣ и староста только исполнитель его воли.

Эти сельскіе сходы состоятъ обыкновенно изъ всѣхъ взрослыхъ членовъ общины, но въ важныхъ дѣлахъ только хозяева принимаютъ дѣятельное участіе въ преніяхъ. Я говорю—хозяева, а не отцы семействъ, потому что часто случается, что *patria potestas* находится въ рукахъ старшаго брата или женщины. Такимъ образомъ, точно говоря, сходъ состоитъ изъ представителей семействъ, и если глава семейства въ отлучкѣ, то его мѣсто занимаетъ его жена, сынъ или младшій братъ. Поэтому всегда

можно замѣтить, что на сходѣ присутствуютъ двѣ или три женщины, и въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ большая часть взрослаго мужского населенія ежегодно уходитъ изъ дому для прінсканія работы, женщины составляютъ часто большинство. Сходки происходятъ на открытомъ воздухѣ, у церкви или около дома старосты, или въ другомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ достаточно простора и мало грязи. За исключеніемъ особенныхъ случаевъ, недопускающихъ отлагательства, сходки собираются по воскресеньямъ или по праздникамъ. Можно видѣть, какъ, передъ вечеромъ, вкусивъ послѣобѣденный отдыхъ, всѣ крестьяне, не торопясь, направляются къ одному и тому же мѣсту. Собравшись, они группируются въ небольшія кучки и начинаютъ толковать о предметѣ, который они собрались обсуждать. Сначала разныя группы вовсе не обращаютъ вниманія одна на другую, но постепенно одна исключительная группа, заключающая въ себѣ самыхъ смышленыхъ и вліятельныхъ крестьянъ, привлекаетъ другихъ. Всѣ собираются вокругъ этихъ неизбранныхъ вожаковъ и слушаютъ ихъ. Такимъ образомъ сходъ составленъ, или, точнѣе, составляется самъ собою, но и здѣсь онъ все-таки остается вполнѣ свободенъ отъ всякихъ формальностей. Часто два-три крестьянина или больше говорятъ въ одно время, и когда пренія становятся жаркими, можно услышать непарламентскія выраженія, въ родѣ,—«дуракъ», «болтунъ», «болванъ», а иногда и еще болѣе странныя выраженія, шокирующія слухъ людей воспитанныхъ и употребляемыя у насъ въ Англіи только между моряками. Но такія крѣпкія выраженія никогда не разстраиваютъ добродушнаго настроенія тѣхъ, къ кому они обращаются, и самое бо́льшее, если вызовутъ возраженіе въ родѣ «tu quoque», которое производитъ громкій смѣхъ. Если услышите пискливый женскій голосъ, возвышающійся надъ общимъ шумомъ, то можете быть увѣрены, что это голосъ вдовы или жены, мужъ которой отсутствуетъ. Нѣкоторые изъ этихъ членовъ-женщинъ обладаютъ большою говорливостью и порядочною силою ѣдкой брани, но ихъ діалектическія стремленія сильно ослабляются несчастной склонностью удаляться отъ предмета и намекать на частныя и домашнія дѣла ихъ противниковъ, — дѣла, неимѣющія ничего общаго съ обсуждаемымъ предметомъ. Вообще, на сходкахъ не проявляются попытки произносить рѣчи, но бываетъ иногда, что какой-нибудь молодой «сельскій Hampden», побывавшій въ Москвѣ или Петербургѣ и вывезшій оттуда молодецкій видъ и порядочную дозу самомнѣнія, произноситъ что-то въ родѣ спича и наслаждается звуками собственнаго голоса. Сначала онъ иногда встрѣчаетъ выраженія

одобренія или удивленія со стороны молодыхъ членовъ сходки, но рѣдко или никогда не производитъ впечатлѣнія на большинство своихъ слушателей. Скоро, кто-нибудь изъ старшихъ членовъ, теряя терпѣніе, прерываетъ рѣчь лаконическимъ: «молчи, краснобай», и совѣтуетъ говоруну не открывать рта, пока онъ не придумаетъ чего-нибудь разумнаго; пристыженный ораторъ, слыша хихиканье своихъ прежнихъ поклонниковъ, бормочетъ возраженіе или скрывается за парою широкихъ плечъ.

Предметы, вносимые для разбора въ эти собранія, бываютъ самые разнообразные, потому что сельская сходка по бóльшей части не имѣетъ никакого понятія о законахъ, ограничивающихъ ея право, и готова разбирать все, чтó бы ни касалось общаго блага. Такими предметами могутъ быть: приказъ, полученный отъ высшаго начальства, обязанность поставить рекрута, наемъ пастуха, назначеніе дня для начала пашни и сѣнокоса, поправка плотины на рѣкѣ. Это немногіе примѣры тѣхъ предметовъ, которые разбираются на сходкахъ. Способъ ихъ рѣшенія такъ же лишенъ формальности, какъ и способъ обсужденія. Очень рѣдко или даже почти никогда не случается, чтобы на сходкѣ вопросъ вотировался [1]). Когда общее мнѣніе становится яснымъ, тогда староста говоритъ толпѣ: «ну, православные, такъ ли вы рѣшили?» — «Ладно, ладно», возражаетъ толпа, и дѣло кончено. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что большинствомъ бываетъ иногда скорѣе большинство вліятельности, нежели большинство членовъ. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, которыя не относятся къ вопросу дня, рѣшеніе (мірской приговоръ) записывается и члены подписываютъ свои имена или ставятъ свои знаки.

Въ прежнее время община вѣдала также и судебныя дѣла, какъ, напр., ссоры между членами и маловажные уголовные проступки. Въ нѣкоторыхъ общинахъ эти дѣла судились сельской сходкой; въ другихъ было обыкновеніе выбирать между членами судей. Эти судебныя должности, какъ мы увидимъ ниже, были уничтожены закономъ, во время освобожденія крестьянъ (1861); но, не взирая на этотъ законъ, до сихъ поръ бываютъ случаи, что община рѣшаетъ ссоры и наказываетъ за обиды. Такъ какъ эти случаи, хотя теперь и рѣдки, указываютъ, безъ сомнѣнія, на старый обычай, то я представлю нѣсколько примѣровъ, дошедшихъ до моего свѣдѣнія. Въ одномъ случаѣ, въ ярославской гу-

[1]) Я видѣлъ случаи, когда староста приказывалъ тѣмъ, кто говоритъ „да", становиться на правую сторону, а тѣмъ, кто говоритъ „нѣтъ"—на лѣвую, но я увѣренъ, что такой обычай недавнее нововведеніе и до сихъ поръ рѣдко употребляется.

берніи, община опредѣлила то, что во французскомъ матримоніальномъ законѣ называется «séparation de corps et de biens» [1]); въ другомъ, въ самарской губерніи, она приговорила: жену, изобличенную въ супружеской невѣрности, раздѣть до-нага и приказать оскорбленному мужу запречь ее въ телѣгу и, вооруженному кнутомъ, гнать ее черезъ деревню [2]). Я слышалъ объ *одномъ* случаѣ, бывшемъ въ оренбургской губерніи, гдѣ сельская сходка опредѣлила провезти преступника въ маленькихъ санкахъ по деревнѣ, причемъ крестьяне должны были при его проѣздѣ бить его или плевать на него. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ восточной окраины этотъ родъ позорнаго столба вовсе, какъ говорятъ, нерѣдокъ. Въ двухъ изъ случаевъ, которые я собралъ (одинъ въ симбирской губерніи, а другой между чувашами казанской губерніи) община замѣнила обыкновенный судъ по отношенію къ преступникамъ, которые избѣжали наказанія по приговору настоящихъ судей и присяжныхъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ крестьяне употребили наказаніе, очень походящее на старый обычай сажанія на колъ, возмутительныя подробности котораго я не стану передавать.

Вотъ все, чтó касается общины, какъ органа мѣстнаго самоуправленія. Разсмотримъ ее теперь, какъ экономическую единицу. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ нѣкоторыя особенности, отличающія ее отъ общинныхъ учрежденій западной Европы, и въ силу этихъ особенностей ее часто считаютъ не только общинной, но и коммунистической организаціей. Насколько такой взглядъ основателенъ, выяснится ниже.

Община есть абсолютная владѣтельница общинной земли и можетъ раздавать ее своимъ членамъ, какъ она находитъ это удобнымъ,—руководствуясь, конечно, обычаемъ и понятіями о правѣ, основанными на преданіи. Далѣе, всѣ члены отвѣтственны, всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно, за полную сумму государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ, возложенныхъ на общину. Двѣ основныя черты этого учрежденія—общее владѣніе землею и общая отвѣтственность за подати и другія повинности.

Общинная земля, въ полной своей формѣ (хотя должно ска-

---

1) Къ этому курьёзному факту я еще вернусь ниже, когда буду говорить о понятіяхъ крестьянъ о законѣ.

2) Кажется, подобный обычай существовалъ у древнихъ германцевъ. Тацитъ передаетъ (Germania, c. 18): „paene praesens et marito permissa; abscisis crinibus, nudatam, coram propinquis expellet domo maritus ac per omnem vicum verbere agit“. Объ этомъ обычаѣ другіе авторитеты приводятся Вайцомъ. Verfassungsgeschichte (Kiel, 1865), I, ст. 54.

зать, что эта полная форма рѣдко встрѣчается) состоитъ изъ четырехъ родовъ: земли усадебной, земель пахатныхъ, луговъ и лѣса.

На первой изъ нихъ каждое семейство имѣетъ деревянный домъ, огороженный дворъ съ хлѣвами и навѣсами, капустный огородъ и иногда кусочекъ земли для разведенія конопли. На этой землѣ нѣтъ общиннаго владѣнія. Домъ со всѣми принадлежностями считается наслѣдственною собственностью, для которой существуетъ только одно ограниченіе, именно, что собственникъ не можетъ ни продать, ни завѣщать дома и его принадлежностей лицу, которое не состоитъ членомъ общины.

Право на владѣніе пахатной землей совершенно другого рода. Тутъ каждое семейство, говоря точно, не имѣетъ вовсе права владѣнія, а только право пользованія; другими словами, пахатная земля подвергается періодическимъ передѣламъ между семьями, изъ которыхъ состоитъ община. Такъ какъ способы раздѣла очень различны въ разныхъ мѣстностяхъ, то, чтобы избѣжать неточности, лучше всего описать то, что можно назвать нормальнымъ способомъ, и затѣмъ указать на самыя важныя отклоненія отъ него.

Когда Петръ Великій ввелъ подушную подать вмѣсто существовавшихъ прежде налоговъ на дѣйствительную собственность [1]), онъ положилъ основаніемъ, чтобы мужское сельское населеніе перечислялось періодически и записывалось въ оффиціальныхъ ревизскихъ сказкахъ, и чтобы каждая община платила подушную подать за всѣхъ записанныхъ въ ней членовъ. Эта система прямого налога продолжаетъ существовать до сихъ поръ. Съ 1719 года ревизіи производились десять разъ съ различными между ними промежутками, колебавшимися отъ пяти до двадцати-восьми лѣтъ. Финансовое управленіе не обращаетъ никакого вниманія на увеличеніе или уменьшеніе народонаселенія въ продолженіи промежутковъ между ревизіями, и ежегодно взимаетъ съ каждой общины тѣмъ путемъ, какой представляется наиболѣе удобнымъ, сумму, соотвѣтствующую ревизскому числу ея членовъ.

Затѣмъ читатель долженъ знать, что въ умѣ русскихъ крестьянъ мысль объ обложеніи неразрывно связана съ мыслію о владѣніи землею. Измѣняя предметъ обложенія, перенося его съ земли на личность (несмотря на то, владѣетъ ли она землею или нѣтъ), Петръ не измѣнилъ крѣпко вкоренившихся понятій

---

[1]) Это измѣненіе въ финансовой системѣ описано Лебедевымъ: „О поземельномъ налогѣ“. Спб. 1868, стр. 127 и слѣд.

народа, основанныхъ на преданіи. Крестьяне продолжали и продолжаютъ до сихъ поръ считать подати неразрывно связанными съ землею. Даже въ настоящее время, въ чисто-земледѣльческихъ уѣздахъ (а надо помнить, что прежде вся Россія была чисто-земледѣльческою) отецъ семейства разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «если я долженъ платить подати, то долженъ имѣть землю, потому что если у меня ея нѣтъ, то откуда же я возьму деньги для платежей? И если я долженъ платить двойной окладъ — за себя и за малолѣтняго сына, то я долженъ имѣть «двойной надѣлъ».

Посмотримъ теперь, насколько соединенное вліяніе этихъ понятій, основанныхъ на древнихъ преданіяхъ, съ новою системою обложенія подѣйствовали на способъ раздачи общинной земли.

Если община примѣняетъ къ семьямъ, изъ которыхъ она состоитъ, ту же систему, какую правительство примѣняетъ къ общинамъ, и взимаетъ съ каждой семьи подушную подать за каждаго мужского члена семейства, то изъ этого, конечно, слѣдуетъ, по крестьянской логикѣ, что она должна дать каждой семьѣ соотвѣтствующее количество земли. Семейство, платящее четыре доли подушной подати, должно имѣть и четыре доли общинной земли, между тѣмъ какъ семья, платящая за одного, и земли должна имѣть только на одного. Если община дѣлаетъ еще шагъ въ своемъ подражаніи правительству, и не только раздаетъ землю, но продолжаетъ налагать подати согласно съ ревизской сказкой,— не обращая вниманія ни на рождаемость, ни на смертность между ревизіями, — то понятно, что періодическіе передѣлы общинной земли должны происходить правильно послѣ каждой ревизіи.

Вотъ въ чемъ, собственно, и состоитъ нормальный способъ, какъ я его назвалъ, распредѣленія общинной земли. Община распредѣляетъ подати и землю поровну между всѣми своими членами мужского пола, записанными въ ревизской сказкѣ, и производитъ передѣлъ каждый разъ, какъ правительство составляетъ новую ревизскую сказку. Такимъ образомъ, каждая семья получаетъ количество земли и несетъ количество повинностей, соразмѣрное съ числомъ «ревизскихъ душъ», составляющихъ ее, и продолжаетъ владѣть этою землей и нести эти повинности безъ измѣненія, пока новая ревизія не измѣнитъ прежнихъ условій. Хотя я это называю для ясности нормальнымъ способомъ распредѣленія, но я долженъ предупредить читателя, что онъ далеко не всеобщій. По крайней мѣрѣ я думаю, что еслибы можно было собрать статистическія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, то оказалось бы, что очень немногія общины держатся этого способа. Какъ

бы то ни было, вѣрно то, что такой порядокъ существуетъ въ тѣхъ только частяхъ страны, въ которыхъ почва плодородна и населеніе сравнительно густо, гдѣ, слѣдовательно, владѣніе землею всегда выгодно и гдѣ каждый старается имѣть ее въ возможно бо́льшемъ количествѣ. Въ сѣверныхъ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ почва бѣдна и населеніе рѣдко, такой способъ непримѣнимъ и тамъ попытки ввести его производятъ бѣдственныя послѣдствія. Мы встрѣчаемъ описаніе этихъ послѣдствій въ одномъ оффиціальномъ документѣ еще 1771 года, когда нѣкоторыя общины пытались, повидимому, ввести эту систему въ малонаселенныхъ уѣздахъ [1]).

Для избѣжанія этихъ дурныхъ послѣдствій принималась довольно простая мѣра: въ распредѣленіи земли и повинностей, связанныхъ съ нею, каждая семья получала долю не въ пропорціи съ числомъ мужскихъ душъ, заключающихся въ ней, а въ пропорціи съ ея рабочей силой.

Тѣмъ не менѣе, хотя бы распредѣленіе земли и повинностей въ данный моментъ и было совершенно справедливо, но естественный ходъ вещей: рождаемость и смертность, вызываетъ необходимость измѣнять отъ времени до времени и существующій порядокъ. Прежде всего населеніе обыкновенно увеличивается въ силу естественнаго приращенія. Тамъ, гдѣ земли много, нѣкоторыя общины предупреждаютъ это приращеніе, удерживая извѣстное число запасныхъ участковъ и раздавая ихъ молодымъ членамъ, когда послѣдніе подростаютъ и дѣлаются способными нести долю общественныхъ повинностей; но такой обычай, кажется, вовсе не часто встрѣчается [2]). Существуетъ ли такой запасъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ неизбѣжно происходитъ то, что въ теченіи немногихъ лѣтъ распредѣленіе перестаетъ быть равномѣрнымъ. Нѣкоторыя семьи увеличиваются, между тѣмъ какъ другія уменьшаются или вырождаются, и тогда становится необходимымъ произвести общій передѣлъ земли и повинностей. Тамъ, гдѣ земля одинакова по своимъ качествамъ и не требуетъ удобренія, гдѣ, слѣдовательно, легко раздѣлить земли на какое бы ни было число участковъ, равныхъ между собою по количеству и качеству, и гдѣ никто особенно не желаетъ удержать именно тотъ участокъ, которымъ онъ пользуется въ данный моментъ (по той простой причинѣ, что одинъ участокъ такъ же хорошъ, какъ и другой),

---

[1]) См. Полн. Собр. Закон., № 13590, § 6.

[2]) Я слышалъ о немъ только въ новгородской и ярославской губерніяхъ и не знаю, существуетъ ли онъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

тамъ общіе передѣлы всегда часты, а иногда и ежегодны. Напротивъ, на сѣверѣ, гдѣ неодинаковость качества почвы затрудняетъ раздѣлъ земли на участки, равные по своему качеству, и гдѣ употребленіе удобренія заставляетъ каждую семью находить спеціальную выгоду въ томъ участкѣ, которымъ она владѣетъ, тамъ общіе передѣлы производятъ до извѣстной степени экономическій переворотъ въ общинѣ и, слѣдовательно, совершаются чрезъ промежутки времени, гораздо болѣе длинные.

Такъ какъ эти общіе передѣлы составляютъ одно изъ самыхъ важныхъ событій въ жизни крестьянъ, то я постараюсь передать здѣсь читателю понятіе о томъ способѣ, какимъ они совершаются. Возьмемъ сперва такой случай, гдѣ операція эта совершается сравнительно просто, т.-е. тамъ, гдѣ употребляется то, что̀ я назвалъ нормальнымъ способомъ.

Вся пахатная земля общины въ бо̀льшей части губерній европейской Россіи состоитъ изъ трехъ полей, потому что трехпольная система земледѣлія общеупотребительна у крестьянъ. Первое поле заключаетъ въ себѣ озимый хлѣбъ (рожь или озимую пшеницу), второе—яровой (овесъ и пр.), а третье — оставляется подъ паромъ. Каждое изъ этихъ полей дѣлится сперва на неопредѣленное число частей по качеству почвы, и каждая часть или каждая категорія части дѣлится также на число участковъ, соотвѣтствующее числу ревизскихъ душъ. Эта операція совершается самими крестьянами, безъ помощи землемѣра, но слѣдуетъ замѣтить, что, хотя они не имѣютъ никакого понятія о математикѣ и никакихъ инструментовъ, кромѣ простого шеста для измѣренія, они совершаютъ это дѣло (часто затрудняемое неправильными формами участковъ) съ удивительною точностью. Когда участки размѣрены, они распредѣляются между крестьянами, иногда посредствомъ метанія жребія, а иногда по общему согласію.

Въ тѣхъ общинахъ, которыя значительно отклоняются отъ нормальнаго способа распредѣленія земель, эта операція имѣетъ совершенно другой характеръ и гораздо болѣе сложна. Въ случаѣ только-что приведенномъ представляется очень мало причинъ для споровъ. Между крестьянами каждая семья желаетъ имѣть возможно бо̀льшее количество земли, но число участковъ, которое она должна получить, опредѣлено числомъ ея «ревизскихъ душъ» и какія бы требованія она ни предъявила, они могутъ быть тотчасъ же разрѣшены простою справкою съ ревизской сказкой общины. Напротивъ, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ земля бѣдна, гдѣ ея много, и гдѣ, какъ мы видѣли, нормальный способъ непримѣ-

нимъ, тамъ основанія для распредѣленія земли не такъ просты. Здѣсь главный вопросъ состоитъ не въ томъ, сколько земли получитъ каждая семья, а въ томъ, какую долю общественныхъ повинностей должна она будетъ нести, и для рѣшенія этого вопроса ревизская сказка представляетъ очень несовершенный критерій. Можетъ, напр., быть, что какая-нибудь семья имѣетъ по ревизской сказкѣ четыре лица мужского пола и, слѣдовательно, должна получить четыре доли земли и нести четыре доли повинностей, но оказывается, что она состоитъ изъ вдовы и четырехъ мальчиковъ отъ трехъ до десяти лѣтъ. Совершенно безполезно налагать четыре доли земли на такую семью, потому что она, несомнѣнно, не будетъ въ состояніи платить соотвѣтствующихъ повинностей и община, отвѣтственная передъ правительствомъ за всю сумму податей, должна будетъ уплачивать дефицитъ. Поэтому гораздо лучше дать такой семьѣ одну или, самое большее, двѣ доли, а остальныя отдать такимъ семьямъ, въ которыхъ есть нѣсколько дюжихъ работниковъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что прежде распредѣленія участковъ община должна рѣшить, сколько участковъ должна получить каждая отдѣльная семья, и въ этой трудной операціи она руководится не какой-либо ясной, опредѣленной нормой, но наиболѣе подходящимъ къ даннымъ условіямъ способомъ исчисленія рабочей или платежной силы каждой семьи.

Когда мы скажемъ, что исчисленіе это производится не однимъ или двумя диктаторами, но общиннымъ собраніемъ, т. е. всѣми домохозяевами, то читатель можетъ легко представить себѣ споры и смятеніе, которые неизбѣжно должны возникать. Если общинной земли ровно столько, чтобы удовлетворить нужды членовъ общины, то главы семействъ легко соглашаются между собою въ томъ, сколько каждый изъ нихъ долженъ получить. Но если земли больше, нежели нужно, если она очень бѣдна, каждый старается получить ее какъ можно менѣе, чтобы какъ можно менѣе платить за нее; въ такихъ случаяхъ споры, конечно, становятся жаркими, непарламентскій языкъ тратится очень щедро, и наблюдатель можетъ услышать разговоры въ такомъ родѣ:

— Ну, Иванъ, — говоритъ пожилой крестьянинъ, пользующійся несомнѣнно авторитетомъ между своими односельцами,— ты мужикъ здоровый, у тебя есть сынъ, молодецъ, который можетъ работать за двоихъ: тебѣ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, три доли.

— Ему надо дать три души съ половиною,—кричитъ голосъ изъ толпы.

— Нѣтъ, я не могу, — говоритъ молящимъ тономъ крестья-

нинъ, къ которому это относится,—ей-Богу, не могу. Мой сынъ-то, слава Богу, здоровъ, да я-то самъ уже не тотъ, что̀ былъ; а моя старая хозяйка совсѣмъ плоха, только и годна, что ставить щи въ печку! Ей-Богу, не могу!

— Если твоя старуха плоха, такъ за то твоя невѣстка чистый быкъ, здоровѣе другой лошадёнки.

Хихиканье въ заднихъ рядахъ толпы свидѣтельствуетъ, что молодая баба, о которой шла рѣчь, находится между зрителями.

— Ей-Богу, не по силамъ,—умоляетъ Иванъ.

— Тутъ нечего разговаривать, — возражаетъ авторитетный старикъ.—Кто-нибудь да долженъ же взять на себя лишнія души. Ты долженъ взять три надѣла.

— Ну, нечего дѣлать, — замѣчаетъ Иванъ, слегка поднимая плечи и почесывая затылокъ, съ видомъ досады и покорности.

— Ну, а ты, Прасковья, сколько желаешь? — спрашиваетъ старикъ, обращаясь къ стоящей возлѣ него женщинѣ съ ребенкомъ на рукахъ.

— Какъ міръ прикажетъ, такъ пусть и будетъ.

— Что ты, батюшка, говоришь? Слышите, православные? На меня хотятъ наложить полторы души. Слыханное-ли это дѣло? Мужъ мой съ самой Святой лежитъ безъ ногъ, словно наговòренъ, ничто не помогаетъ. Ногъ на полъ спустить не можетъ,— все одно что въ могилѣ, только хлѣбъ ѣстъ.

— Толкуй вздоръ! — говоритъ одинъ сосѣдъ,—а на прошлой-то недѣлѣ въ кабакѣ кто былъ?

— Ахъ, ты! — восклицаетъ женщина, удаляясь вдругъ отъ предмета преній,—а ты-то что̀ дѣлалъ самъ, когда былъ у насъ послѣдній престолъ? Не ты ли, пьяный, билъ свою хозяйку такъ, что всю деревню разбудили крикомъ! Тфу! ты лѣшій!

— Ну, слушай, — говоритъ старикъ, прерывая потокъ брани,— ты должна взять, по крайней мѣрѣ, одну съ четвертью доли. Если сама не можешь справиться съ нею, то можешь взять кого-нибудь въ помощь.

— Да какъ же это можно? Откуда я возьму денегъ? — спрашиваетъ женщина съ плачемъ и множествомъ причитаній.—Пожалѣйте, православные, бѣдныхъ сиротокъ. Богъ наградитъ васъ.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Мнѣ нѣтъ надобности утомлять читателя длиннымъ описаніемъ этихъ сценъ, которыя обыкновенно бываютъ продолжительны и иногда очень горячи. Всѣ крестьяне глубоко заинтересованы въ дѣлѣ, потому что ихъ экономическое положеніе въ большой мѣрѣ зависитъ отъ количества удѣленной имъ земли. Нако-

нецъ, послѣ нескончаемыхъ толковъ и споровъ, число надѣловъ, которое должно взять каждое семейство, опредѣлено и назначается день для распредѣленія земли.

Процессъ распредѣленія земли возбуждаетъ новые споры и ссоры, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ необходимо удобрять землю. Семейства, которыя хорошо удобряли свою землю, стараются, насколько возможно, вернуть свои прежніе участки, и община уважаетъ обыкновенно ихъ требованія, насколько они совмѣстимы съ новымъ распредѣленіемъ. Но иногда приходится смышленому работящему крестьянину видѣть, что часть его хорошо удобренной земли переходитъ въ руки лѣнтяя и пьяницы; просьбы и жалобы его въ такомъ случаѣ безплодны, потому что на рѣшеніе общины нѣтъ аппеляціи.

Въ изложенномъ мною описаніи я говорилъ о рабочей и о платежной силѣ семействъ. Эти два выраженія въ чисто-земледѣльческихъ общинахъ составляютъ синонимы, но въ селахъ, гдѣ есть крестьяне ремесленники или торговцы, тамъ эти силы никакимъ образомъ не тождественны и въ подобныхъ селахъ можно иногда найти обычай чисто патріархальный. Если какой-нибудь членъ общины составитъ себѣ посредствомъ ремесла или торговли гораздо бо́льшій доходъ, нежели его односельцы, онъ и платитъ иногда бо́льшую долю повинностей. «Ну, Сидоръ,—скажетъ ему какой-нибудь вліятельный членъ на сходкѣ, — ты каждый годъ сколачиваешь себѣ порядочно денегъ, а мы, бѣдняки, работаемъ много, а получаемъ мало; ты можешь взять и двойной надѣлъ.

— Да, да,—кричитъ съ полдюжины голосовъ,—ты это можешь!

— Я не богатъ, — возражаетъ Сидоръ съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости и самодовольства, — я не богатъ, но могу это сдѣлать! Пускай такъ!

И Сидоръ беретъ двойную долю, и вѣроятно клянется въ своемъ сердцѣ извлечь ее изъ общины какимъ-нибудь другимъ путемъ. Тотъ же обычай приводится иногда въ дѣйствіе и не въ такой безобидной формѣ. Если извѣстно, что какой-нибудь крестьянинъ получаетъ хорошій доходъ въ Москвѣ или Петербургѣ, община можетъ его избрать въ старосты и дать ему знать, неоффиціальнымъ путемъ, что если будетъ его милость прислать десять или пятнадцать рублей, то выборъ будетъ похеренъ и будетъ выбранъ другой. Выбранному старостѣ, конечно, болѣе выгодно пожертвовать небольшой или даже значительной суммой, чѣмъ бросить свои дѣла и вернуться въ свою деревню. Безъ сомнѣнія, въ такого рода поступкѣ есть нѣкоторая несправедливость, и подобные случаи служатъ иногда предметомъ толковъ о

тираннія общины; но если мы внимательно вникнемъ въ это дѣло, то должны будемъ допустить, что такой способъ дѣйствій есть на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ грубое примѣненіе принципа подоходнаго налога. Тѣмъ не менѣе такое снисходительное толкованіе, къ несчастію, не всегда примѣнимо, потому что случается иногда, что денежный доходъ, вмѣсто того, чтобы идти въ общинную кассу, употребляется на общинный кутежъ.

Теперь перейдемъ къ третьему роду общественныхъ земель, къ лугамъ. Такъ какъ травосѣяніе не существуетъ въ первобытной системѣ земледѣлія русскихъ крестьянъ, то всѣ низменныя и влажныя земли, по необходимости, оставляются подъ луга [1]. Эта часть общинной собственности ежегодно распредѣляется между семьями въ той же пропорціи, какъ и пахатная земля, но есть два способа, которыми можетъ совершиться это распредѣленіе. Самый простой состоитъ въ дѣлежѣ сѣна послѣ его уборки. Но этотъ способъ имѣетъ иногда нѣкоторыя практическія неудобства. Сѣно бываетъ обыкновенно въ однѣхъ частяхъ луга лучше, нежели въ другихъ, и поэтому простой дѣлежъ былъ бы несправедливъ. Чтобы избѣгнуть этого, многія общины дѣлятъ луга на извѣстное число полосъ соотвѣтственно качеству сѣна, и подраздѣляютъ эти полосы на семейные участки, предоставляя каждой семьѣ косить ея участокъ.

Четвертый родъ общественной собственности составляютъ лѣса; но очень немногія общины настолько счастливы, что владѣютъ лѣсными дачами, и способы пользованія ими настолько разнообразны, что я не беру на себя изложить какое-нибудь общее правило въ этомъ отношеніи.

Община носитъ обыкновенно по-русски названіе *міра*, и это названіе до извѣстной степени справедливо, потому-что каждая община составляетъ во многихъ отношеніяхъ небольшой отдѣльный міръ и противится, насколько возможно, всякому вмѣшательству извнѣ. Однакоже эти попытки сопротивленія никогда не были вполнѣ удачны. Полная общинная автономія была всегда, по крайней мѣрѣ съ основанія имперіи, невозможностью. Общины крестьянъ государственныхъ имуществъ подчинялись попечительству правительства, другія—вмѣшательству помѣщиковъ. Въ царствованіе императора Николая была попытка,—ввести до извѣстной степени въ традиціонные обычаи государственныхъ кре-

[1] Лучшіе луга тѣ, которые ежегодно затопляются весенними водами. Эти заливные луга, какъ они называются, обыкновенно гораздо цѣннѣе хорошей пахатной земли.

стьянъ формальное производство, но эти нововведенія никогда не пускали корней [1]). Вмѣшательство помѣщиковъ было гораздо болѣе дѣйствительно и прочно. Они не только вліяли постоянно на всѣ дѣла общины, но даже были причиною введенія нѣкоторыхъ особенныхъ обычаевъ, о которыхъ я буду говорить при описаніи быта крестьянъ и помѣщиковъ въ послѣдніе годы крѣпостного права.

Прежде думали, что только-что описанная форма сельской общины была учрежденіемъ чисто русскимъ или, по крайней мѣрѣ, славянскимъ. Такое мнѣніе не выдерживаетъ строгой критики, такъ какъ подобныя учрежденія были найдены въ различныхъ частяхъ земного шара, и въ послѣднее время начинають склоняться къ предположенію, что общинная система составляетъ необходимую ступень въ экономическомъ развитіи общества.

«Теперь,—говоритъ послѣдній защитникъ этой теоріи [2]),—уже можно доказать, что такія общины существовали у самыхъ различныхъ народовъ: у германцевъ и въ древней Италіи, въ Перу и Китаѣ, въ Мексикѣ и Индіи, у скандинавовъ и арабовъ, и вездѣ съ совершенно одинаковымъ характеромъ. Такимъ образомъ, встрѣчая это учрежденіе во всѣхъ климатахъ и у всѣхъ племенъ, можно въ немъ видѣть необходимый фазисъ развитія обществъ и родъ мірового закона, управляющаго движеніемъ всѣхъ формъ землевладѣнія».

Я не имѣю намѣренія входить здѣсь въ разборъ этой общей теоріи, которая, конечно, очень неточна и основана на поспѣшномъ обобщеніи явленій, недостаточно изученныхъ; но я желаю сказать нѣсколько словъ относительно того участія, которое можетъ принять русская община въ научномъ выводѣ. Почти всегда принимаютъ безъ провѣрки, что русская общинная система, какъ она теперь существуетъ, есть очень древнее учрежденіе, которое дошло до насъ отъ до-историческихъ временъ въ неизмѣненномъ почти видѣ. Такое предположеніе, по моему мнѣнію, не только не доказано, но и невѣрно. Существенная особенность русской общины, въ ея настоящемъ видѣ, заключается въ передѣлѣ пахатной земли соотвѣтственно числу мужскихъ душъ или способныхъ работниковъ, и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы этотъ обычай существовалъ раньше семнадцатаго столѣтія. Я знаю въ Россіи одинъ округъ, въ которомъ эта система вво-

[1]) Однимъ изъ такихъ нововведеній была баллотировка, которую крестьяне называли въ насмѣшку „игрою въ шарики“ или „игрою въ орѣхи“.

[2]) Laveleye. De la Propriété et de ses formes primitives. Paris, 1874.

дится только теперь, хотя земля принадлежитъ русскимъ уже три столѣтія. Этотъ округъ—земля войска донского, и я считаю нужнымъ вкратцѣ описать перемѣну, которая совершается тамъ въ настоящую минуту, потому что это можетъ бросить свѣтъ на происхожденіе періодическихъ передѣловъ.

Во многихъ казацкихъ общинахъ или станицахъ, какъ онѣ обыкновенно называются, существовалъ немного лѣтъ тому назадъ обычай, по которому каждый казакъ могъ воздѣлывать столько земли, сколько хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, въ границахъ общины, пока онъ не нарушалъ правъ другихъ. Право перваго занятія было единственнымъ признаннымъ правомъ. Когда владѣлецъ видѣлъ, что почва начинаетъ истощаться, онъ бросалъ свой участокъ и переходилъ на другую часть общинной земли, никѣмъ не занятой. Увеличеніе народонаселенія естественно затрудняло все болѣе и болѣе такую систему, пока наконецъ въ нѣкоторыхъ общинахъ не была занята вся общинная земля [1]), и каждый земледѣлецъ былъ принужденъ довольствоваться тою частью земли, какою онъ владѣлъ въ данное время. Спустя нѣсколько лѣтъ владѣнія, каждый сталъ считать землю, которою онъ владѣлъ, своею личною собственностью и ревниво сберегалъ ее для своего пользованія. Такъ какъ населеніе продолжало рости, а новой земли не получалось, то естественно образовался классъ безземельныхъ казаковъ. Въ молодой британской колоніи ничего не было бы ненормальнаго или неудобнаго въ существованіи класса людей, не владѣющихъ земельной собственностью; они перешли бы въ какую-нибудь другую область, гдѣ могли бы получить землю, или, оставшись на мѣстѣ, поступить въ работники къ тѣмъ, кто владѣлъ землею. Ни одинъ изъ этихъ исходовъ не могъ быть принятъ казакомъ. Онъ не могъ перейти въ другую область, потому что существующая военная организація препятствуетъ переселеніямъ; съ другой стороны, сдѣлавшись работникомъ, онъ не могъ бы исполнять свои обязанности въ отношеніи государства, которыя состоятъ въ томъ, чтобы снарядить себя лошадью, экипировкою и мундиромъ и служить извѣстное число лѣтъ. Такимъ образомъ, эти безземельные казаки не могли не почувствовать, что они терпятъ несправедливость. Они были обязаны исполнять тѣ же обязанности, какъ товарищи ихъ, не пользуясь тѣми же преимуществами или вознагражденіемъ, а именно—владѣніемъ землею. Какъ скоро число ихъ настолько возрасло,

[1]) Это произошло еще отчасти отъ того, что правительство пожаловало землями казацкихъ офицеровъ.

что они пріобрѣли вліяніе на общинныя дѣла, они стали требовать передѣла земли, такъ чтобы каждый казакъ имѣлъ свою долю, и во многихъ общинахъ требованія ихъ уже удовлетворены. Несомнѣнно, что тѣ, кто владѣлъ землею, были побуждены сдѣлать уступки отчасти и потому, что между членами общины существуетъ извѣстная взаимная отвѣтственность и что, слѣдовательно, каждое отдѣльное лицо заинтересовано въ томъ, чтобы всѣ члены были въ состояніи исполнять свои обязанности въ отношеніи государства [1]).

Изъ этихъ и подобныхъ данныхъ [2]), собранныхъ мною, я вывожу слѣдующія заключенія:

1) Тамъ, гдѣ земли очень много, распредѣленіе общественныхъ земель можетъ оставаться совершенно нерегулированнымъ.

2) Отъ этого нерегулированнаго пользованія общинною землею возможны два перехода: а) прямой переходъ къ личной или семейной собственности, и б) переходъ къ системѣ періодическихъ передѣловъ.

3) Главныя причины, склоняющія къ предпочтенію послѣдняго перехода передъ первымъ, заключаются въ слѣдующемъ: а) въ стѣсненіи переселеній, б) въ системѣ прямого обложенія не собственности, а лица, и в) во взаимной отвѣтственности между всѣми членами за подати каждаго изъ нихъ.

Фактъ, что въ Великороссіи совершился послѣдній переходъ, можетъ быть объясненъ, по моему мнѣнію, прикрѣпленіемъ къ землѣ, введеніемъ подушнаго обложенія и круговой поруки при сборѣ податей. Если эти объясненія вѣрны, то должно допустить предположеніе, что періодическіе передѣлы учрежденіе новое,— предположеніе, сильно подтверждаемое всѣми древними свидѣтельствами и актами.

Вотъ вопросъ, который въ русской сельской общинѣ представляетъ огромный интересъ для изслѣдованія съ обще-исторической точки зрѣнія.

Но для Россіи, со времени освобожденія крестьянъ, вопросъ объ общинѣ получилъ, какъ мы сказали, очень важное практическое значеніе. Какъ скоро, въ началѣ нынѣшняго царствованія, заговорили объ освобожденіи крестьянъ, то тотчасъ же возникли споры о практическомъ значеніи сельской общины. Нѣкоторые писатели, принимая въ буквальномъ смыслѣ общепринятыя на-

[1]) См. „Труды Стат. Ком. Земли Войска Донского“, 1874 г.

[2]) Я сохраняю эти данныя и болѣе подробныя разъясненія для предполагаемой спеціальной работы объ общинныхъ учрежденіяхъ въ Россіи, о которой я уже упоминалъ.

чала ортодоксальной политической экономіи, объявили, что необходимо тотчасъ же уничтожить общину, чтобы дать просторъ для развитія личной свободы и предпріимчивости. Другіе,—и должно сказать, большинство въ русской литературѣ,—напротивъ, отстаивали общину, утверждая, что въ ней лежитъ лучшее практическое разрѣшеніе всѣхъ аграрныхъ вопросовъ, что сохраненіемъ общины можно избѣгнуть созданія пролетаріата и многихъ другихъ соціальныхъ золъ, которыя существуютъ на Западѣ. При освобожденіи крестьянъ это послѣднее мнѣніе взяло верхъ, и крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ въ этомъ смыслѣ. На нѣсколько лѣтъ споръ замолкъ, но въ послѣднее время снова поднимается, и въ настоящую минуту въ Россіи есть лица, которыя утверждаютъ, что сельская община составляетъ главную причину неудовлетворительнаго экономическаго положенія крестьянъ и главное препятствіе къ экономическому развитію страны.

Теперь приходится на фактахъ провѣрить это мнѣніе.

Предлагающіе, какъ средство излеченія, болѣе или менѣе глубокія измѣненія въ существующихъ общинныхъ учрежденіяхъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одни полагаютъ, что зло лежитъ въ общинной администраціи въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ; другіе утверждаютъ, что она лежитъ въ основномъ принципѣ общины. Разсмотримъ послѣдовательно эти два мнѣнія.

Во время освобожденія крестьянъ огромное большинство образованнаго класса въ Россіи питало почти фанатическую вѣру въ едва-ли не чудотворную силу мѣстнаго демократическаго самоуправленія, и законъ освобожденія былъ разработанъ подъ вліяніемъ этой вѣры. Общины получили почти полную автономію и помѣщики были тщательно устранены отъ дѣлъ и исключены изъ вѣдѣнія общины. Такимъ образомъ, произошло очень своеобразное явленіе: обширная система крестьянскаго самоуправленія, заботливо обереженнаго отъ вліянія другихъ классовъ общества, до того заботливо, что даже помѣщикъ, котораго имѣніе лежитъ среди волости, не имѣетъ никакого права принимать участія въ дѣлахъ своей волости. Ожидали слишкомъ многаго отъ результата этой геніальной попытки, но ожиданія не осуществились, и теперь нѣкоторые вліятельные люди объявляютъ, что въ этой-то обособленной администраціи лежитъ главная причина настоящаго неудовлетворительнаго положенія крестьянъ.

Что крестьянское самоуправленіе далеко отъ удовлетворительнаго состоянія, въ этомъ долженъ сознаться всякій безпристрастный наблюдатель. Самые трудолюбивые и обстоятельные кресть-

яне стараются изъ всѣхъ силъ избѣгать выбора въ должностныя лица и оставляютъ администрацію въ рукахъ членовъ общины, наименѣе достойныхъ уваженія. Дѣятельность крестьянской администраціи при обыденномъ теченіи дѣлъ едва замѣтна, въ случаяхъ же народныхъ бѣдствій, какъ, напр., пожаровъ или падежей, власти оказываются апатичными или безсильными. Нерѣдко случается, что волостной старшина промышляетъ деньгами, собираемыми имъ на подати и налоги, и, въ случаѣ его несостоятельности, крестьяне должны платить ихъ во второй разъ. Волостной судъ часто доступенъ вліянію угощенія и другого рода подкуповъ, такъ что во многихъ уѣздахъ онъ упалъ въ довѣріи и крестьяне говорятъ, что кто дѣлается судьею, тотъ «беретъ на душу грѣхъ». Общинныя сходки также стали хуже, чѣмъ были во время крѣпостного права. Въ то время домохозяева были немногочислены; это были люди по бо́льшей части трудолюбивые и обстоятельные, они держали лѣнивыхъ и безпутныхъ членовъ подъ строгимъ надзоромъ. Теперь, когда большія семейства раздѣлились и почти каждый взрослый крестьянинъ сдѣлался домохозяиномъ, общинныя дѣла часто рѣшаются шумнымъ большинствомъ и очень часто общинное рѣшеніе получается помощью угощенія міра. Я часто слышалъ, какъ старые крестьяне говорили обо всемъ этомъ и заканчивали свой разсказъ о настоящихъ бѣдствіяхъ какимъ-нибудь замѣчаніемъ въ родѣ слѣдующаго: «теперь нѣтъ порядка; народъ избаловался: въ господское время было лучше».

Эти недостатки дѣйствительно очень важные и я не желаю уменьшать ихъ, но я увѣренъ, что зло вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно полагаютъ. Общественное мнѣніе находится сильно подъ вліяніемъ филиппикъ помѣщиковъ, страдающихъ отъ какой-нибудь личной досады, которая не можетъ быть уничтожена при помощи прежней короткой расправы. Я часто слышалъ, какъ помѣщики увѣряли, что нѣтъ болѣе возможности жить въ деревнѣ, что скоро нужно будетъ строить крѣпости и т. п.; но, хотя я и много жилъ въ деревнѣ, я никогда не видалъ ничего, что́ могло бы дать малѣйшее основаніе для такихъ преувеличенныхъ жалобъ. Многіе требуютъ отъ крестьянской администраціи такъ много, что едва ли можетъ осуществить какая бы то ни была администрація; слѣдовательно, многіе изъ самыхъ обыкновенныхъ жалобъ не имѣютъ никакого реальнаго основанія. Чтобы осуществить то, что́ желаютъ многіе помѣщики, необходимо было бы дать волостному старшинѣ или другому должностному лицу патріархальную власть, которую прежде имѣлъ помѣщикъ, что́

было бы равносильно возвращенію самаго худшаго элемента стараго порядка вещей. Жалобы идутъ, правда, не отъ однихъ помѣщиковъ: можно услышать, какъ и старики крестьяне говорятъ, что теперь порядка меньше, чѣмъ прежде. Но такія жалобы не должно принимать слишкомъ буквально. Всѣ старые люди склонны сожалѣть о добромъ старомъ времени, въ особенности же, если недавнія перемѣны лишили ихъ отчасти ихъ авторитета; а изъ этого правила русскіе не составляютъ исключенія. Въ борьбѣ съ трудностями настоящаго времени они склонны забывать или невольно ослаблять прошедшія тягости и зло. Что случайныя жалобы стариковъ на теперешнія общинныя сходки преувеличены, въ этомъ я убѣжденъ не только общими разсужденіями, но очень знаменательнымъ фактомъ. Если бы лѣнивые, недостойные члены общины дѣйствительно управляли дѣлами общины, то мы нашли бы, что въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ необходимо удобрять почву, періодическіе передѣлы общинной земли были бы очень часты, потому что при новомъ раздѣлѣ лѣнивый крестьянинъ имѣетъ шансъ получить хорошо удобренный участокъ взамѣнъ того, который онъ истощилъ. Между тѣмъ, насколько простираются мои наблюденія, я ничего не нашелъ подобнаго, къ великому, признаться, моему удивленію. Во всѣхъ или почти во всѣхъ общинахъ, въ которыхъ я былъ во всей этой части страны, я нашелъ, что съ освобожденія не было сдѣлано ни одного общаго передѣла. Было бы очень интересно знать, насколько мои наблюденія въ этомъ отношеніи даютъ вѣрное изображеніе нынѣ существующаго положенія вещей, но, къ несчастію, до сихъ поръ не было собрано никакихъ статистическихъ данныхъ объ этомъ предметѣ.

Если даже допустить, что крестьянское самоуправленіе такъ дурно, какъ это обыкновенно полагаютъ, изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы можно было принять воззрѣніе тѣхъ, кто предлагаетъ его уничтожить. Можетъ быть, было бы полезно послѣ тщательнаго изученія ввести въ немъ нѣкоторыя частныя измѣненія; но я увѣренъ, что не произошло бы ничего хорошаго отъ насильственныхъ перемѣнъ. Еще рано осуждать эти новыя учрежденія и, конечно, слишкомъ рано произносить надъ ними смертный приговоръ. Крестьяне были подняты вдругъ отъ крѣпостного права до самоуправленія и имѣли до сихъ поръ только пятнадцать лѣтъ, чтобы привыкнуть къ этому новому порядку вещей и къ своимъ новымъ обязанностямъ. Правда, что самоуправленіе крестьянъ существовало споконъ вѣковъ, но во время крѣпостного права оно находилось подъ попечительствомъ помѣщиковъ

или общей администраціи. Были, конечно, имѣнія, гдѣ попечительства этого не было и, какъ говорятъ, въ этихъ-то имѣніяхъ крестьянское самоуправленіе находится теперь въ самомъ лучшемъ положеніи. Но это были исключенія, и только со времени освобожденія крестьянъ самоуправленіе ихъ начало развиваться самостоятельнымъ путемъ. Дѣйствительное самоуправленіе не можетъ возникнуть въ такой короткій промежутокъ времени. Я говорю—возникнуть, потому что самоуправленіе не можетъ, говоря точно, быть созданнымъ посредствомъ законодательства. Все, что можетъ сдѣлать законодательство, — это устранять препятствія и создавать формы; духъ, долженствующій оживить эти формы, долженъ выдти изъ народа и можетъ быть развитъ только долгимъ опытомъ. Уничтожить эти новыя учрежденія было бы равносильно тому, чтобы вновь присудить крестьянъ къ продолжительному административному попечительству и пустить по вѣтру ту опытность, которую они пріобрѣли въ продолженіи этихъ пятнадцати лѣтъ. Эта опытность не осталась безплодною. Всѣ болѣе разумные крестьяне вполнѣ сознаютъ существующее зло и искренно желаютъ его искорененія. Это уже великій шагъ къ улучшенію, потому что самые способы излеченія зла легко могутъ быть отысканы. Напр., если крестьяне видятъ, что волостной старшина не аккуратно вноситъ въ казначейство ихъ подати и что имъ поэтому приходится платить ихъ во второй разъ, то они, конечно, въ слѣдующій разъ потребуютъ, чтобы имъ были показаны квитанціи казначейства. Въ русскомъ крестьянинѣ нельзя замѣтить особаго расположенія дѣлать многое ради улучшенія общественныхъ нравовъ, но если онъ видитъ, что какое-нибудь административное злоупотребленіе затрогиваетъ его собственный карманъ, онъ теряетъ большую долю своей обыкновенной апатіи. Поэтому мнѣ кажется, что было бы гораздо лучше предоставить крестьянъ самимъ себѣ и дозволить имъ ознакомиться на опытѣ съ тѣми уроками, которыхъ нельзя выучить никакимъ другимъ путемъ. Часто повторяемое увѣреніе, что нынѣшній строй кладетъ страшную преграду цивилизующему вліянію образованныхъ классовъ, имѣетъ мало значенія для тѣхъ, кто близко знакомъ съ подробностями русской деревенской жизни. Никакой помѣщикъ, способный и желающій имѣть цивилизующее вліяніе на своихъ необразованныхъ сосѣдей, не имѣетъ вовсе надобности въ томъ, чтобы административный авторитетъ помогалъ ему въ его задачѣ; а кто не можетъ пріобрѣсти этого вліянія своими собственными усиліями, тѣ, по всей вѣроятности, стали бы злоупотреблять всякой ввѣренной имъ властью. Всѣ помѣщики вообще

имѣли въ продолженіи многихъ поколѣній неограниченную власть надъ своими крестьянами, а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы ихъ цивилизующее вліяніе было очень велико. Въ дѣйствительности же эти фразы высказываются тѣми изъ помѣщиковъ, которые только думаютъ, что было бы прекрасно имѣть цивилизующее вліяніе на крестьянъ, но не желаютъ дать себѣ трудъ пріобрѣсти его естественнымъ, законнымъ путемъ. Здѣсь мы имѣемъ еще примѣръ несчастной склонности, столь обыкновенной въ Россіи, полагаться на силы законодательства и на административныя формы, а не на личныя усилія и самопомощь.

Всякая насильственная перемѣна въ существующихъ учрежденіяхъ не только была бы, по моему убѣжденію, безполезна, но и повела бы къ очень вреднымъ послѣдствіямъ. Для объясненія этого я могу указать на волостные суды, которые во многихъ мѣстностяхъ составляютъ худшую часть сельскаго самоуправленія.

Многимъ преобразователямъ вопросъ о волостныхъ судахъ кажется очень простымъ. Слыша со всѣхъ сторонъ, что эти суды судятъ несправедливо и что мировыми судьями, напротивъ, всѣ болѣе или менѣе довольны, они предлагаютъ, безъ дальнѣйшаго обсужденія, чтобы волостные суды были уничтожены и дѣла ихъ были переданы мировымъ судьямъ. Такой методъ разрѣшенія затрудненій, можетъ быть, очень простъ, но онъ очень несовершенъ. Волостные суды судятъ только согласно съ обычаемъ, основаннымъ на преданіяхъ, и согласно съ здравымъ смысломъ, между тѣмъ какъ мировые судьи должны судить согласно съ гражданскимъ закономъ, который неизвѣстенъ крестьянамъ и непримѣнимъ къ ихъ дѣламъ. Очень мало изъ мировыхъ судей, да, пожалуй, и никто изъ нихъ, не имѣетъ достаточно близкаго знакомства съ мелкими деталями крестьянской жизни для того, чтобы быть въ состояніи судить справедливо тѣ дѣла, которыя поступаютъ на рѣшеніе волостныхъ судовъ; да если судья даже и имѣетъ достаточное знакомство съ крестьянской жизнью, онъ все-таки не можетъ привить себѣ нравственныхъ и юридическихъ понятій крестьянъ. «Но почему бы намъ не приложить къ крестьянамъ,—говорятъ преобразователи школы Петра Великаго,—тѣхъ болѣе высокихъ принциповъ правосудія, которые заключаются въ писанномъ законѣ и въ сознаніи образованнаго класса?» Въ этомъ-то именно и лежитъ, по моему мнѣнію, опасность. Еслибы lex scripta была внезапно приложена къ той сферѣ отношеній, въ которой все до сихъ поръ управлялось обычнымъ правомъ, это произвело бы переворотъ въ нравственныхъ понятіяхъ крестья-

нина и довершило бы подрывъ его понятій о добрѣ и злѣ,—и безъ того уже довольно спутанныхъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что нравственная нетвердость, замѣчаемая въ крестьянинѣ, происходитъ до нѣкоторой степени отъ тѣхъ крутыхъ реформъ, которыя были такъ часты въ послѣднія два столѣтія русской исторіи. Списокъ ихъ уже достаточно длиненъ и безъ прибавленія еще къ нему уничтоженія волостныхъ судовъ и приложенія писаннаго закона ко всѣмъ крестьянскимъ судамъ [1]).

Теперь бросимъ взглядъ на мнѣніе тѣхъ, кто утверждаетъ, что матеріальному прогрессу крестьянъ препятствуютъ, главнымъ образомъ, не злоупотребленія общинной администраціи, но основные принципы общинныхъ учрежденій. «Крѣпостное право, говорятъ сторонники этого мнѣнія, было уничтожено только по названію; прежде крестьянинъ былъ крѣпостнымъ помѣщика, теперь онъ крѣпостной общины. Онъ все-таки прикрѣпленъ къ землѣ и не можетъ оставить своего дома, даже на короткое время, не получивъ отъ общины формальнаго дозволенія, за которое ему часто приходится платить невѣроятную сумму. Если онъ нашелъ выгодную работу въ городахъ или въ какой-нибудь другой части страны, община можетъ во всякій данный моментъ, и подъ самымъ пустымъ предлогомъ, приказать ему вернуться домой, и если онъ не послушается, его приведутъ назадъ, какъ осужденнаго. Онъ получаетъ долю общинной земли, но у него нѣтъ никакого побужденія улучшать ее, потому что община можетъ во всякое время произвести передѣлъ земли, и что такимъ образомъ трудъ, который онъ потратилъ на свой участокъ, будетъ для него потерянъ.

Я не могу входить здѣсь въ quaestio vexata относительно выгодъ и невыгодъ общинной собственности вообще, но постараюсь разсѣять немного мракъ, который окружаетъ этотъ предметъ. Тѣ, кто пишетъ и говоритъ объ этомъ предметѣ, упускаютъ почти всегда изъ вида тотъ важный фактъ, что община далеко не представляетъ однихъ и тѣхъ же условій въ разныхъ частяхъ государства. Въ черноземныхъ полосахъ, гдѣ цифра ежегодныхъ налоговъ менѣе цифры средней ренты съ земли, тамъ принадлежать къ общинѣ составляетъ преимущество; въ нечерноземныхъ же полосахъ, гдѣ цифра налоговъ превышаетъ цифру средняго дохода, тамъ принадлежать къ общинѣ состав-

[1]) На это могутъ возразить, что волостные суды были введены только недавно. Это правда, но обычное право, которое выражаютъ ихъ рѣшенія, очень старо. Это въ дѣйствительности не что иное, какъ плодъ соединенной опытности многихъ поколѣній.

ляетъ тягость. Поэтому нельзя не признать, что въ сѣверныхъ полосахъ община дѣйствительно замѣнила помѣщика и держитъ своихъ членовъ въ полукрѣпостномъ состояніи; но, чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ прибавить, что за это нельзя обвинять общину. Такъ какъ она отвѣтственна за налоги всѣхъ своихъ членовъ и такъ какъ эти налоги превышаютъ цѣнность тѣхъ выгодъ, которыя она имѣетъ возможность предоставить имъ въ видѣ надѣла, то она вынуждена удерживать своихъ членовъ насильно, несмотря на то, желаютъ ли они владѣть землею или нѣтъ. Однимъ словомъ, въ этой части страны община превращена, противъ ея воли, въ сборщика податей и принуждена употреблять строгія мѣры, потому что налоги тяжелы, а она отвѣтственна за ихъ уплату. Поэтому въ такъ-называемой общинной тиранніи слѣдуетъ винить не общину, которая въ этомъ отношеніи не что иное, какъ простое орудіе въ рукахъ финансовой администраціи, но законъ освобожденія, который принудилъ крестьянъ этой части страны купить свою свободу подъ личиною платежа за землю, доставшуюся имъ въ надѣлъ безъ ихъ согласія. Въ черноземной полосѣ, гдѣ налоги не превышаютъ средней ренты и гдѣ, слѣдовательно, община имѣетъ болѣе характеръ добровольной ассоціаціи, слышно мало или даже вовсе не слышно жалобъ на общинную тираннію. Здѣсь каждый членъ, желающій уйти, можетъ легко передать свой надѣлъ и налоги другому члену, нуждающемуся въ большомъ количествѣ земли. Онъ можетъ даже, если желаетъ, совсѣмъ оставить общину и записаться въ мѣщане въ какой-нибудь городъ, потому что другіе члены охотно соглашаются платить его налоги за тотъ участокъ, который онъ оставляетъ. Все это показываетъ, что многіе изъ тѣхъ обвиненій, которыя взводятъ обыкновенно на общину, должны бы быть обращены на существующую систему налоговъ. Какъ бы ни была тяжела и отвратительна какая-нибудь подать, нельзя благоразумно обвинять сборщика податей за то только, что онъ исполняетъ свою обязанность, въ особенности же, если его сдѣлали сборщикомъ податей противъ его воли. Затѣмъ намъ остается разсмотрѣть трудный вопросъ, насколько право общины на владѣніе землею и періодическіе передѣлы, порождаемые этимъ правомъ, ограничиваютъ свободу дѣйствій крестьянина при обработкѣ его надѣла и лишаютъ его всякаго побужденія улучшать почву. Съ теоретической точки зрѣнія этотъ вопросъ представляетъ большой интересъ и въ будущемъ пріобрѣтетъ, безъ сомнѣнія, огромное практическое значеніе; но въ настоящее время не имѣетъ, по моему мнѣнію, той важности, которую обык-

новенно ему приписываютъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что гораздо труднѣе хорошо хозяйничать на большомъ числѣ узкихъ полосъ земли, изъ которыхъ многія находятся на значительномъ разстояніи отъ жилья, нежели на сплошномъ кускѣ земли, который земледѣлецъ можетъ раздѣлить и употребить, какъ онъ желаетъ. Не менѣе вѣрно и то, что земледѣлецъ скорѣе станетъ улучшать свою землю, если его право на нее вѣрно, или если онъ увѣренъ, что въ случаѣ отчужденія земли онъ получитъ приличное вознагражденіе за потраченные капиталъ и трудъ. Все это и многое другое въ этомъ родѣ должно быть принято, какъ неоспоримая истина, но все это мало имѣетъ отношенія къ практическому вопросу, который мы обсуждаемъ въ настоящую минуту. Мы не обсуждаемъ отвлеченнаго вопроса о томъ, было ли бы лучше или нѣтъ, еслибы крестьянинъ владѣлъ фермою съ большимъ капиталомъ и всѣми новѣйшими примѣненіями агрономической науки, а просто практическій вопросъ: въ чемъ заключаются препятствія, мѣшающія въ настоящую минуту крестьянину улучшать свое настоящее положеніе. Поэтому не станемъ удаляться отъ обсуждаемаго предмета.

Чтобы избѣжать сбивчивости, необходимо разсмотрѣть сперва тѣ препятствія, которыя община, какъ предполагаютъ, ставитъ прогрессу матеріальнаго благосостоянія, и, во-вторыхъ, тѣ средства, которыя предлагаются для удаленія этихъ препятствій.

Предполагаютъ, что община кладетъ препятствія тремя способами: 1) не допуская хорошей культуры при существующей теперь системѣ земледѣлія; 2) препятствуя крестьянамъ переходить къ болѣе высокой системѣ земледѣлія, и 3) препятствуя предпринимать прочныя усовершенствованія. Подвергнемъ три посылки анализу, основанному на фактахъ.

Во-первыхъ, дѣйствительно ли препятствуетъ община въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, хорошей обработкѣ земли при системѣ земледѣлія, нынѣ существующей?

За исключеніемъ дальняго сѣвера и степной полосы, гдѣ существуютъ культуры особаго рода, приноровленныя къ мѣстнымъ условіямъ, обыкновенная система земледѣлія въ Россіи, существующая повсемѣстно, есть система трехпольная въ ея простѣйшей формѣ. При этой системѣ, хорошая культура, говоря практически, состоитъ въ обильномъ удобреніи и хорошихъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Поэтому, мы можемъ выше выраженный вопросъ свести къ болѣе опредѣленному выраженію. Препятствуетъ ли крестьянамъ существованіе общины хорошо удо-

брать ихъ поля и вводить въ употребленіе улучшенныя земледѣльческія орудія?

Многіе, рѣшающіе вопросъ этотъ очень авторитетнымъ тономъ, повидимому воображаютъ, что крестьяне вообще не удобряютъ своихъ полей. Такое убѣжденіе положительная ошибка. Правда, въ тѣхъ полосахъ, гдѣ богатый черноземъ сохранилъ еще и до сихъ поръ бо́льшую долю своего дѣвственнаго плодородія, навозъ употребляется какъ топливо или просто выкидывается, потому что крестьяне думаютъ, что было бы безполезно класть его на свои поля, и такое убѣжденіе, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, имѣетъ основаніе; но въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ неудобренная почва не даетъ почти никакого урожая, крестьяне кладутъ на свою землю все удобреніе, какое у нихъ есть. Если они не кладутъ его достаточно, то это по очень простой причинѣ, что у нихъ мало скота а, слѣдовательно, мало и удобренія. Въ средней полосѣ, гдѣ почва уже теряетъ свое естественное плодородіе, крестьяне не начинаютъ употреблять удобренія такъ рано, какъ это бы слѣдовало, и продолжаютъ выбрасывать его, между тѣмъ какъ оно могло быть съ бо́льшею пользою положено на поля. Но это явленіе, очевидно, должно быть объяснено невѣжествомъ и силою рутины и не имѣетъ никакого отношенія къ существованію общины, потому что многіе помѣщики въ этихъ мѣстностяхъ поступаютъ тѣмъ же безразсуднымъ способомъ. Какъ скоро крестьяне убѣждаются въ томъ, что употребленіе навоза болѣе, чѣмъ вознаградитъ ихъ за лишній трудъ, они всегда начинаютъ употреблять его, и если видятъ въ немъ пользу, то продолжаютъ удобрять свои поля.

Но не стали ли бы крестьяне сѣверныхъ губерній увеличивать числа своего скота и класть больше навоза на свои земли, еслибы не боялись несправедливости общины?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны сначала ясно опредѣлить, что́ значитъ въ этомъ случаѣ несправедливость общины. Въ умѣ тѣхъ, кто обыкновенно ставитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него утвердительно, это выраженіе имѣетъ двойной смыслъ. Есть двѣ случайности, которыхъ крестьянинъ, какъ предполагаютъ, долженъ бояться. Во-первыхъ, часть его скота можетъ быть продана съ аукціона полиціей за общественныя недоимки, хотя бы онъ заплатилъ сполна свою долю податей и налоговъ; а, во-вторыхъ, община можетъ сдѣлать общій передѣлъ земли и отдать другимъ поля и полосы, которыя онъ тщательно удобрялъ.

Первое изъ этихъ обстоятельствъ иногда случается и должно имѣть до извѣстной степени устрашающее вліяніе на тѣхъ кре-

стьянъ, которые желаютъ увеличить число своего скота, но вина въ этомъ лежитъ не въ общинѣ, а въ существующей финансовой системѣ. Такія конфискаціи частной собственности за долги общины бываютъ также и въ Малороссіи, гдѣ община, въ русскомъ значеніи этого слова, не существуетъ. Поэтому лучше будетъ оставить этотъ предметъ, пока мы не дойдемъ до обсужденія вліянія существующей финансовой системы на благосостояніе сельскихъ классовъ.

Вторая случайность составляетъ любимое оружіе тѣхъ, кто желаетъ уничтоженія общины, но, по моему мнѣнію, она имѣетъ на крестьянъ гораздо менѣе вліянія, чѣмъ это обыкновенно утверждаютъ. Чтобы придать этому оружію всю его силу, я стану утверждать вмѣстѣ съ ними (конечно, это будетъ черезъ-чуръ смѣло), что большинство крестьянъ безчувственны ко всякимъ требованіямъ справедливости, что не существуетъ ничего похожаго на честность общины и что большинство членовъ ея всегда готово обобрать меньшинство, если находитъ это выгоднымъ. Однимъ словомъ, я отброшу всѣ нравственные вопросы и ограничусь простымъ разсмотрѣніемъ фактовъ. Посмотримъ же, что говорятъ намъ факты. Въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ не нужно никакого удобренія, періодическіе передѣлы бываютъ почти ежегодно; идя по направленію къ сѣверу, мы видимъ, что сроки передѣловъ становятся длиннѣе, и въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ удобреніе необходимо, общіе передѣлы почти неизвѣстны. Въ ярославской губерніи, напримѣръ, общинная земля состоитъ обыкновенно изъ двухъ частей удобренной земли, лежащей близко къ деревнѣ, и неудобренной, лежащей за деревней. Только послѣдняя подвергается періодическимъ передѣламъ, и когда становится необходимымъ дать участокъ первой новому хозяйству, то эта операція совершается съ возможно меньшимъ ущербомъ для существующихъ правъ. Затѣмъ, чтобы община препятствовала введенію улучшенныхъ орудій,—этого, насколько мнѣ извѣстно, никто еще не осмѣлился выразить. Поэтому мы можемъ покончить съ первымъ вопросомъ и обратиться ко второму. Препятствуетъ ли существованіе общины переходу крестьянъ къ болѣе высокой и раціональной системѣ земледѣлія?

Что община препятствуетъ крестьянамъ принимать различныя системы высокой культуры,—истинно въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ истинно то, что отсутствіе университетовъ въ far-west'ѣ Америки препятствуетъ краснокожимъ индійцамъ отличаться въ классической учености. Крестьяне еще не думаютъ ни о какой перемѣнѣ въ такомъ родѣ, да еслибы они и подумали о подобныхъ

перемѣнахъ, то не имѣютъ ни достаточныхъ знаній, ни капиталовъ, чтобы осуществить ихъ. Во многихъ деревняхъ нѣкоторые изъ болѣе богатыхъ и смышленыхъ крестьянъ купили землю и обработываютъ ее, какъ желаютъ, свободно отъ всякихъ общинныхъ стѣсненій, и я всегда видѣлъ, что они воздѣлываютъ эту собственность свою точно такъ же, какъ свой участокъ на общинной землѣ. Если никакое стремленіе къ болѣе высокой культурѣ не проявилось еще между этими людьми, которые, можно утверждать какъ правило, разумнѣе, трудолюбивѣе и энергичнѣе ихъ товарищей, то мы можемъ безопасно заключить, что другіе и не начинали думать объ этихъ улучшеніяхъ. Что же касается до болѣе мелкихъ перемѣнъ, какъ, напримѣръ, введенія новаго рода культуры, то мы знаемъ по опыту, что община не ставитъ имъ никакихъ серьёзныхъ препятствій. Воздѣлываніе свекловицы для производства сахара быстро развилось въ послѣднія нѣсколько лѣтъ въ центральныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, а ленъ производится въ большомъ количествѣ въ общинахъ сѣверныхъ губерній, гдѣ онъ прежде производился только для домашняго употребленія. Общинныя учрежденія въ дѣйствительности очень эластичны и могутъ быть измѣнены почти до безконечности, коль скоро большинство членовъ признаетъ эти измѣненія полезными.

Отвѣтъ на третій вопросъ заключается въ томъ, что̀ я только что сказалъ. Крестьяне еще не начинали думать о прочныхъ улучшеніяхъ, каковы: дренажъ, орошеніе и т. п. Когда они начнутъ думать объ этомъ, то найдутъ, что общинныя учрежденія послужатъ скорѣе помощью, нежели будутъ препятствіемъ, потому что если предпринимать такія улучшенія, то ихъ слѣдуетъ предпринимать въ большихъ размѣрахъ, а община составляетъ уже существующую ассоціацію. Единственное прочное улучшеніе, какое можетъ быть полезнымъ въ настоящее время, состоитъ въ разработкѣ неудобныхъ пустыхъ земель, и подобныя улучшенія уже вводятся. Я знаю по крайней мѣрѣ одинъ случай, что община культивировала значительное пространство неудобной земли помощью наемныхъ работниковъ, и во многихъ общинахъ въ сѣверныхъ губерніяхъ принятъ въ обычномъ правѣ принципъ, по которому, если кто-либо изъ членовъ разработаетъ неудобную, дикую землю, онъ имѣетъ право владѣть ею извѣстное число лѣтъ сообразно съ количествомъ потраченнаго труда.

Тѣ, кто утверждаетъ, что община дѣйствительно представляетъ серьёзныя препятствія экономическому прогрессу сельскаго населенія, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, согласно съ тѣми средствами исправленія, какія они предлагаютъ. Одна ка-

тегорія думаетъ, что принципъ общинной собственности долженъ быть сразу уничтоженъ, и общинная земля раздѣлена на число участковъ, соотвѣтствующее числу существующихъ хозяйствъ. Другая категорія предлагаетъ, чтобы община была пока сохранена, но чтобы ея дѣйствія были регулированы нѣкоторыми законодательными постановленіями.

Оба эти проекта кажутся мнѣ ошибкой. Уничтоженіе общинной собственности произвело бы, я думаю, такой экономическій переворотъ, въ сравненіи съ которымъ освобожденіе крестьянъ ничего бы не значило, и я нахожу этотъ переворотъ вовсе не нужнымъ. Я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто убѣжденъ, что община воспрепятствуетъ навсегда образованію пролетаріата, и еще менѣе мечты тѣхъ, кто видитъ въ русской общинѣ всецѣлебное лекарство отъ всѣхъ почти соціальныхъ золъ. Напротивъ, я думаю, что періодическимъ передѣламъ земли, составляющимъ основной отличительный ея признакъ, суждено исчезнуть. Но я думаю, что было бы серьёзной ошибкой совершить вдругъ и насильственно то, что̀ совершится постепенно, естественнымъ ходомъ событій. Въ этомъ дѣлѣ крестьяне единственные компетентные судьи, потому что они одни имѣютъ практическое знакомство съ дѣятельностью общины, а между ними, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ почти ни одного аболюціониста. Каждая община имѣетъ уже право раздѣлить свою землю на участки и передать безвозвратно каждому семейству такой участокъ, но очень мало общинъ выказало до сихъ поръ желаніе воспользоваться своимъ правомъ.

Предложеніе регулировать дѣятельность общины посредствомъ узаконеній едва ли, по моему мнѣнію, менѣе достойно порицанія. Безъ сомнѣнія, придетъ время, когда традиціонныя понятія, управляющія теперь этою дѣятельностью, окажутся уже недостаточными и будетъ необходимо пополнить обычное право положительнымъ законодательствомъ. Но это время еще не пришло. Учрежденіе общины имѣетъ еще достаточно живненности, чтобы не нуждаться въ постороннихъ вліяніяхъ. Оно понимаетъ свой собственный интересъ гораздо лучше, чѣмъ тѣ, кто желаетъ издавать для него законы, и вполнѣ способно дѣлать въ своихъ установленіяхъ и методахъ ихъ исполненія всякія измѣненія, какія можетъ требовать его интересъ. Что оно колетъ глаза настоящимъ бюрократамъ, это довольно понятно, потому что это единственное учрежденіе въ Россіи, которое избѣжало до сихъ поръ разлагающаго вліянія административнаго попечительства, — единственное учрежденіе, имѣющее въ себѣ естественную, самобыт-

ную, независимую жизненность и не нуждающееся въ гальваническомъ возбужденіи отъ центральной власти. Но странно видѣть, что люди, воображающіе себя сторонниками самоуправленія, дѣлаютъ всевозможное для того, чтобы уничтожить единственный образчикъ самоуправленія, существующій въ странѣ. Всѣ остальные органы самоуправленія въ Россіи болѣе или менѣе искусственны, служатъ скорѣе украшеніемъ, и власть, которая создала ихъ, можетъ разомъ ихъ уничтожить, не произведя никакого серьёзнаго разстройства; одна только община имѣетъ глубокіе корни въ преданіяхъ, обычаяхъ и каждодневныхъ интересахъ народа.

Итакъ, я снова повторю, что только крестьяне могутъ быть вполнѣ компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ, и я думаю, что они имѣютъ сильныя причины молить Бога, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ ихъ друзей и непрошенныхъ адвокатовъ.

Елена Безакъ.

НОВЫЕ ОПЫТЫ
ПОСТРОЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Ивана *Забѣлина*. Часть первая. М. 1876.

Разысканія о началѣ Руси. Вмѣсто введенія въ русскую исторію. Сочиненіе *Д. Иловайскаго*. М. 1876.

Русская исторія. Д. Иловайскаго. М. 1876.

Въ трудахъ, заглавія которыхъ мы выписали, намъ обѣщають новыя изложенія русской исторіи: г. Забѣлинъ, какъ видно изъ названія его книги, намѣренъ представить исторію русской жизни, т.-е., вѣроятно, то, что̀ называютъ исторіей культуры,—задача, въ высшей степени интересная, особенно со стороны автора, который всѣми прежними трудами такъ хорошо къ ней приготовленъ; г. Иловайскій предпринимаетъ—цѣльную политическую исторію. Потребность въ подобныхъ трудахъ не нуждается въ объясненіи: въ послѣднія десятилѣтія наши историческія изученія идутъ очень дѣятельно, и уже собрать въ одно цѣлое разбросанныя подробности было бы большой заслугой, а въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемъ намѣреніе поставить дѣло самостоятельно, установить новыя точки зрѣнія. Тѣмъ лучше.

Оба автора начинаютъ съ подробнаго разсмотрѣнія перваго вопроса — о происхожденіи самаго народа: одинъ посвящаетъ этому предмету около половины своей книги, другой—цѣлый отдѣльный томъ «Разысканій». Оба автора проникнуты желаніемъ выяснить до-историческую древность племени, а также и дать отпоръ такъ-называемой норманской теоріи, которую одинъ изъ нихъ считаетъ по преимуществу нѣмецкой и тѣмъ самымъ

анти-славянской, почти явно враждебной русскому достоинству. Оба автора придаютъ вопросу большую важность, какъ будто полагаютъ въ немъ центръ тяжести русской исторіи. Не станемъ разбирать, насколько можетъ получить такую роль преданіе, столь темное и отдаленное, — и не заключается ли историческая важность въ цѣломъ характерѣ народнаго развитія и его отношеній къ общечеловѣческой образованности, и обратимся къ нашимъ историкамъ.

Вопросъ о началѣ Руси такъ старъ, какъ вся русская исторіографія. Первыя научныя попытки изложить русскую исторію встрѣтились съ этимъ вопросомъ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, и тогдашнее рѣшеніе до недавняго времени было если не общепризнаннымъ, то господствующимъ и оффиціально принятымъ. Начало Руси отъ призванія варяговъ заняло мѣсто въ учебникахъ и еще занимаетъ его. Тѣмъ не менѣе, еще съ прошлаго вѣка не переставали являться возраженія противъ норманской теоріи, вызванныя или поддержанныя національнымъ самолюбіемъ писателей, которые никакъ не хотѣли предоставить основанія русскаго государства «нѣмцамъ» (норманновъ считали за тѣхъ же нѣмцевъ, и главные аргументы норманской теоріи были собраны нѣмецкими учеными, чтò пошло въ тотъ же счетъ). Съ тридцатыхъ годовъ, эти возраженія возникли вновь, на этотъ разъ сильнѣе подкрѣпленныя доказательствами. Не признавая начала Руси отъ варяговъ, противники норманской теоріи выводили князей отъ хазаръ, съ Чернаго моря, отъ балтійскихъ славянъ, наконецъ, отъ славянской Руси въ Скандинавіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ г. Костомаровъ высказалъ свой взглядъ, находившій варяговъ въ Литвѣ. Нѣсколько позднѣе явились «Отрывки» о варяжскомъ вопросѣ г. Гедеонова; авторъ, съ огромной начитанностью въ средневѣковыхъ источникахъ, представилъ норманистамъ новыя возраженія, какихъ они и не подозрѣвали; явилась и еще одна теорія, приписывавшая князьямъ угро-финское происхожденіе. Наконецъ, новые труды г. Забѣлина и Иловайскаго возвращаются опять къ пресловутому вопросу и предлагаютъ новыя рѣшенія, опять враждебныя норманской теоріи.

Какъ мы сказали, сочиненія обоихъ авторовъ представляютъ начало обширныхъ предпріятій, которыя должны обнять все теченіе русской исторіи. Безъ сомнѣнія, оба предпріятія способны возбудить живѣйшій интересъ: историческое изученіе есть одинъ изъ важнѣйшихъ путей общественнаго самосознанія, и новый опытъ опредѣлить цѣлое движеніе народной жизни долженъ отвѣтить на много вопросовъ, возбужденныхъ и ученымъ изыска-

ніемъ и самой жизнью; при этомъ ожидается, конечно, что новые труды воспользуются тѣмъ, чтó сдѣлано до сихъ поръ,—если не разрѣшать спорные пункты, которыхъ существуетъ довольно, то не забудутъ ихъ и займутъ къ нимъ то или другое опредѣленное положеніе, и словомъ, прибавятъ нѣчто новое къ тому, чтó уже извѣстно.

Г. Забѣлинъ—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и заслуженныхъ нашихъ археологовъ. Его литературная дѣятельность считаетъ уже три десятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ статья «Троицкіе походы» въ первый разъ сдѣлала извѣстнымъ его имя. Первый опытъ показалъ уже въ авторѣ изслѣдователя и любителя старины, внимательнаго къ характернымъ чертамъ стараго быта и самымъ мелкимъ частностямъ обычаевъ и нравовъ, и умѣвшаго возстановить изъ нихъ оживленную картину старой жизни. Въ пятидесятыхъ годахъ г. Забѣлинъ началъ свои разсказы о домашнемъ бытѣ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ, составившіе потомъ двѣ извѣстныя его книги о старомъ царскомъ дворѣ и его обычаяхъ. Эти изслѣдованія, несмотря на видимую исключительность предмета, имѣли, однако, общее археологическое значеніе: высшій и низшій слой народа въ тѣ времена еще не были раздѣлены въ характерѣ быта и сложная обрядность царскаго двора была только наиболѣе пышной формой общенароднаго обычая. Собрать черты этого быта, которыя въ разсказѣ нашего археолога являются передъ нами со всѣми мельчайшими подробностями, было однако не легко: нужно было употребить много упорнаго труда, чтобы выбрать ихъ по крупицамъ изъ массы старыхъ дѣлъ, сухихъ документовъ, приходо-расходныхъ книгъ и всякихъ хозяйственныхъ записей. Г. Забѣлинъ съ замѣчательной настойчивостью преодолѣлъ этотъ матеріалъ, найденный имъ въ московскихъ архивахъ, и превратилъ его въ живописный разсказъ. Рядомъ съ тѣмъ шли другія его работы, почти исключительно по той же бытовой археологіи, которыя недавно авторъ собралъ въ отдѣльномъ изданіи («Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», 1873; вышла еще только первая часть). Читатели «Вѣстника Европы» припомнятъ замѣчательное изслѣдованіе о древностяхъ Москвы. Въ шестидесятыхъ годахъ археологическая дѣятельность г. Забѣлина направилась на другую сторону древности: въ качествѣ члена археологической коммиссіи, завѣдующей разысканіемъ древностей, онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занимался раскопками кургановъ на югѣ Россіи, которыя и доставили много замѣчательныхъ остатковъ древности,

признанной за скиѳскую. На-дняхъ только мы прочли объ оставленіи имъ этой коммиссіи.

Настоящій трудъ г. Забѣлина долженъ, повидимому, представить цѣльное изложеніе русской бытовой археологіи. Но, какъ можно видѣть по самому заглавію книги, авторъ не думаетъ ограничиться археологіей въ тѣсномъ смыслѣ, и намѣренъ въ изображеніи народной жизни объяснить и ея основныя идеи, или по крайней мѣрѣ указать путь къ этому объясненію,—потому что извѣстная идея, по словамъ автора, господствуетъ не только въ общей государственной жизни народа, но и въ мелкомъ повседневномъ быту, и раскрыть эти частныя жизненныя проявленія основной народной идеи есть обязанность изслѣдователя народнаго быта.

Поставивъ себѣ эту задачу, г. Забѣлинъ въ особенности остановился на томъ обстоятельствѣ, что, по словамъ его, «русскій человѣкъ относительно своей культуры, или исторической и бытовой выработки, и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ сознаніи образованнаго общества представляется въ сущности *пустымъ мѣстомъ*, чистымъ листомъ бумаги, на которомъ, по волѣ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и другихъ всякихъ обстоятельствъ, всякія народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и художества, даже народныя эпическія пѣсни и т. д., то-есть всякія народности, какъ бы ни было незначительно ихъ собственное развитіе, являлись однако образователями и воздѣлывателями всего того, чѣмъ живетъ русское племя до сихъ поръ».

Дальше авторъ разъясняетъ еще свою мысль:

«Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ достовѣрно и безъ боязни никто не можетъ сказать, находится ли чтó въ русскомъ быту собственно русское, самостоятельное и самобытное. Въ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ о томъ, откуда чтó взялось въ русской старинѣ и древности, оказывается, что русскій своего ничего не имѣетъ: все у него чужое, заимствованное у финновъ, у норманновъ, у татаръ, у нѣмцевъ, французовъ и т. д. Русская страна, для русскаго, какъ свидѣтельствуетъ исторія, чужая страна. Онъ откуда-то пришелъ въ нее сравнительно въ очень позднее время, чуть не наканунѣ призванія варяговъ, ибо до прихода Рюрика нигдѣ не видятъ, даже и въ курганахъ, никакого слѣда русской древности. Да и въ рюриковъ вѣкъ виднѣются все одни норманскіе, или финскіе, или другіе какіе слѣды, но отнюдь не русскіе въ смыслѣ русскаго славянства. А между тѣмъ, благодаря всемірной выставкѣ въ Парижѣ, на которой боязливо было

представлено на общій европейскій судъ такъ-называемое русское древнее искусство (орнаменты), разсудительные и знающіе европейцы съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ отнеслись къ своеобразію и самобытности этого искусства и засвидѣтельствовали, что до тѣхъ поръ ничего подобнаго они не примѣчали нигдѣ. Съ того времени (?), мало-по-малу, въ Европѣ стала рости мысль, что въ ряду самобытной выработки искусства у разныхъ народовъ есть, существуютъ признаки и самобытнаго русскаго искусства. Очень можетъ случиться, что объ этомъ впервые со всѣми подробностями и со всѣми доказательствами мы узнаемъ отъ французовъ или нѣмцевъ, ибо собственными изслѣдованіями до такой непредубѣжденной истины дойти намъ очень трудно. Нашъ ученый историческій и археологическій кругозоръ стѣсненъ до крайности. Дальше варяговъ и кромѣ варяговъ мы ничего не можемъ разсмотрѣть. Между тѣмъ варяги-норманны, сколько бы ихъ ни изучали, въ сущности, объясняютъ весьма немногое и въ нашей исторіи, и въ нашей археологіи... Вотъ непосредственная и первая причина такого множества мнѣній о происхожденіи Руси. Естественно, что та же причина заставила и автора настоящей книги отдать этому вопросу не послѣднее мѣсто. Быть можетъ, увлекшись, онъ погрѣшилъ по этому поводу на многихъ страницахъ своей книги. Но этому варяжскому вопросу онъ придаетъ большое культурное значеніе, какъ первому участнику въ постройкѣ на извѣстный ладъ не только ученаго, но и общественнаго воззрѣнія на русскую древность и даже на русскую народность вообще» (стр. VI—VIII).

Авторъ, какъ видимъ, становится на защиту русской народности отъ тѣхъ ученыхъ и общественныхъ мнѣній, которыя досихъ-поръ не отдавали должнаго ни ея самобытному характеру, ни ея творчеству, ни ея историческому прошлому. Онъ хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить ея послѣдовательное развитіе, въ которомъ до сихъ поръ даютъ такъ много мѣста чужому и случайному, и потому нимало не расположенъ поддаваться тѣмъ взглядамъ, которые, по его выраженію, представляютъ русскую народность «пустымъ мѣстомъ», открытымъ всякому чужому вліянію и какъ будто неспособному имѣть собственное содержаніе. Онъ не вѣритъ въ это «пустое мѣсто» и хочетъ, напротивъ, указать въ исторіи русской народности ея самобытное, несомнѣнно ей принадлежащее и оригинальное содержаніе. Этой цѣли—защитить народную исторію и внушить уваженіе къ народу—нельзя не отдать самаго полнаго сочувствія,—быть можетъ, особенно теперь, когда въ большой долѣ такъ-называемаго «обще-

ства» начинаетъ развиваться новое себялюбивое одичаніе, требующее отпора, а народъ такъ нуждается въ сочувствіи, пониманіи и помощи. Историческій выводъ, пріобрѣтенный въ этомъ смыслѣ, могъ бы имѣть то нравственное значеніе, какого ищетъ авторъ, — могъ бы вѣрнѣе направить общественное сознаніе, доселѣ крайне смутное и путаное. Но для достиженія такого результата нужно ясно опредѣлить себѣ положеніе вещей, чтобы видѣть его основную причину и не полагать всего дѣла въ томъ, что есть только подробность и результатъ болѣе общей и широкой причины. Съ любопытствомъ ждемъ дальнѣйшихъ томовъ сочиненія г. Забѣлина; но, быть можетъ, и теперь, на первыхъ порахъ, нѣкоторыя замѣчанія объ его руководящей мысли окажутся неизлишними.

Г. Забѣлинъ только отчасти правъ въ своихъ жалобахъ на одностороннее объясненіе русской жизни и народности, господствующее въ наукѣ и обществѣ, и на нежеланіе видѣть ея самостоятельную сущность; и всего меньше онъ правъ, когда, указывая въ обществѣ недостатокъ раціональнаго сознанія, обвиняетъ въ этомъ нашу науку, или ту нѣмецкую ученость, которой она подчинялась и подчиняется. Мы не имѣемъ преувеличеннаго понятія о значительности русской науки, но ее всего меньше мы обвинили бы въ подобномъ случаѣ:—при всѣхъ ея недостаткахъ, она все-таки была однимъ изъ главныхъ средствъ просвѣщенія невѣжественнаго общества. Обратимся, впрочемъ, къ самому историческому вопросу.

Первоначальная исторія наша еще далеко не разъяснена, но теперь уже не оставляется «пустымъ мѣстомъ». Періодъ до основанія государства едва ли когда-нибудь можно будетъ объяснить досконально (если только не откроются новые источники); но и для этой поры историки нашли уже русскія народно-бытовыя черты, для чего источникомъ взяты были и преданія родственныхъ славянскихъ племенъ, и историческій ходъ народнаго быта, и современный обычай, вообще основанія, принадлежащія самой народной сущности,—какъ этого и требуетъ нашъ авторъ. Длинный споръ о родовомъ или общинномъ бытѣ древней Руси именно отыскивалъ эти самобытно-народныя черты жизни. Самые норманисты, обличенію которыхъ г. Забѣлинъ даетъ такъ много мѣста въ своей книгѣ, соглашались, что призванные варяги-норманны въ первыхъ же поколѣніяхъ сливаются съ туземцами, принимаютъ ихъ нравы, языкъ и проч., такъ что въ сущности призваніе не измѣнило характера народной жизни и первая исторія князей есть та же народная русская исторія. Автору кажется,

будто наши историки и этнографы утверждали, что у русскаго «все чужое, заимствованное у финновъ, у норманновъ, у татаръ, у нѣмцевъ, французовъ и т. д.». Мы не помнимъ въ литературѣ нашей исторіи и этнографіи такихъ категорическихъ отрицаній чего-либо самобытнаго въ русской народности; мнѣнія отдѣльныхъ лицъ объ отдѣльныхъ заимствованіяхъ, конечно, бывали, но эти мнѣнія никогда не были цѣлой и общепринимаемой системой,—а въ частныхъ случаяхъ указанія заимствованій бывали и очень справедливы. Въ прежнее время, когда самая наука этнографіи не существовала и историческая критика не знала новѣйшихъ теорій органическаго развитія, и когда та и другая не умѣли справляться съ фактами народной жизни, дилеттанты филологи и этнографы любили изощряться въ производствахъ словъ или обычаевъ изъ того или другого источника; но теперь подобные примѣры уже рѣдки, и главное,—эти болѣе или менѣе произвольныя толкованія стараго времени не нашли себѣ мѣста въ наукѣ. Съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду, что были и несомнѣнныя заимствованія, старыя и новыя, крупныя и мелкія, полезныя и вредныя, которыя на національномъ характерѣ во всякомъ случаѣ отражались. Писатель серьёзный, сколько бы онъ ни дорожилъ національнымъ достоинствомъ, не долженъ скрывать отъ себя ни лучшихъ, ни худшихъ сторонъ дѣла, и напрасно бы онъ сталъ смущаться при этомъ за достоинство племени и народа: на свѣтѣ нѣтъ чистыхъ, безпримѣсныхъ націй, которыя пріобрѣли бы извѣстное историческое значеніе, не сталкиваясь или не мѣшаясь съ другими народами, не заимствуясь отъ нихъ въ самыхъ основныхъ явленіяхъ народной жизни, какъ религія, литература, и въ мелкихъ обычаяхъ частной жизни. Авторъ могъ бы не смущаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что «дальше варяговъ мы ничего не можемъ разсмотрѣть»: въ цѣломъ значеніи нашей исторіи это вовсе не такъ важно. Новыя европейскія націи не старѣе насъ: нынѣшніе германцы не тѣ, которыхъ описывалъ Тацитъ,—потому что съ тѣхъ поръ восприняли много кельтскаго, римскаго и славянскаго; нынѣшніе французы—ни галлы, ни потомки римлянъ или франковъ, и нынѣшній типъ этого племени не восходитъ дальше X—XI вѣка; такіе же смѣшанные и новые народы—итальянцы и испанцы; нынѣшній англійскій типъ также не старѣе XII—XIII вѣка. Если бы норманисты были даже совершенно правы въ своемъ мнѣніи о сильномъ участіи норманскаго элемента въ старой русской народности, эта народность все равно осталась бы своеобразной и самостоятельной единицей въ общеевропейской семьѣ, и ея исто-

рическая заслуга должна состоять не столько въ первыхъ темныхъ начаткахъ ея гражданственности, сколько во всемъ послѣдующемъ развитіи, которое шло на глазахъ исторіи и при возможности яснаго сравненія съ движеніемъ иныхъ европейскихъ племенъ.

Очень большимъ преувеличеніемъ было также сказать, что будто только послѣ появленія на парижской выставкѣ русскаго орнамента въ Европѣ стала рости мысль, что существуютъ между прочимъ и признаки самобытнаго русскаго искусства, и что, можетъ очень быть, мы въ первый разъ узнаемъ объ этомъ когда-нибудь отъ нѣмцевъ или французовъ. Не будемъ говорить о томъ, насколько одинъ орнаментъ можетъ служить свидѣтельствомъ художественнаго творчества въ болѣе крупныхъ областяхъ искусства. Но иностранцы и до парижской выставки знали о существованіи различныхъ памятниковъ русскаго искусства; если же мы до сихъ поръ все-таки мало знаемъ особенности русской жизни, то едва ли нужно винить въ этомъ кого-нибудь, кромѣ насъ самихъ, и винить не за наклонность идти только по указаніямъ иноземцевъ (какъ повидимому думаетъ авторъ), а просто за недостатокъ образованія и общественнаго смысла, за отсутствіе живого интереса къ наукѣ въ большинствѣ общества. Дѣло сводится вообще ко всѣмъ условіямъ нашей общественности, а не къ одной археологіи или этнографіи. Нуженъ интересъ вообще къ наукѣ, нужны условія для болѣе широкаго развитія научныхъ занятій всякаго рода, и мы безъ сомнѣнія имѣли бы тогда несравненно больше знанія—между прочимъ и въ той области, которую г. Забѣлинъ принимаетъ подъ свою защиту. Но отъ чего зависятъ эти условія? Надо было бы идти слишкомъ далеко, чтобы розыскать это; и намъ кажется, лучше бы не ставить обвиненія въ неопредѣленной формѣ, когда трудно выяснить его до конца. Напримѣръ, въ послѣднее время особенно нельзя жаловаться на недостатокъ охоты къ изученію народнаго быта въ различныхъ отношеніяхъ, къ описанію народнаго быта, собиранію пѣсенъ, и т. д.: но встрѣчаетъ ли все это столько поддержки въ обществѣ, сколько было бы желательно? Съ одной стороны, собиратель, не обставленный особыми бюрократическими удобствами, обезпеченъ ли и теперь отъ извѣстныхъ случайностей, какія приходилось испытывать у насъ собирателямъ пѣсенъ, фотографамъ, желавшимъ собирать мѣстные типы, даже ученымъ профессорамъ, отправлявшимся на экскурсіи,—которыхъ хватали какъ подозрительныхъ людей не только одичалые обыватели, но и сами провинціальныя власти? Съ другой стороны,—

не говоря о той, такъ сказать ташкентской части общества, въ которой смѣшно и предположить какую-нибудь охоту къ изученію народной жизни,—для людей, серьёзно понимающихъ вещи, археологическій и этнографическій интересъ, увлекающій спеціалистовъ, можетъ существовать только въ связи съ другимъ, более жизненнымъ народнымъ интересомъ: трудно ожидать, въ самомъ дѣлѣ, чтобы общество, предполагая въ немъ наилучшія стремленія, могло увлекаться только чисто книжнымъ, такъ сказать платоническимъ сочувствіемъ къ народной старинѣ и быту, безъ возможности какого-нибудь дѣятельнаго и дѣйствительнаго примѣненія своихъ сочувствій. Но возможность такого дѣйствительнаго примѣненія, конечно, не существуетъ для общества въ такой степени, чтобы дать основаніе для сильнаго научнаго движенія въ этой области. Мы недавно были свидѣтелями толковъ о «деревнѣ»: въ какія неясныя формы одѣлось у партизановъ деревни ихъ совершенно законное и похвальное сочувствіе къ народному быту,—какъ спуталась самая мысль этихъ партизановъ «деревни», когда они хотѣли указать, въ чемъ долженъ быть этотъ дѣйствительный смыслъ сочувствій къ народу. Если, несмотря на весьма существенныя помѣхи, у насъ очень развилось, въ послѣднее время, этнографическое изученіе, оно, кажется, намъ благимъ признакомъ, что въ обществѣ (хотя и въ небольшомъ его слоѣ) живетъ искреннее и серьёзное желаніе выяснить себѣ народный вопросъ и работать для него сколько возможно. Если работа менѣе успѣшна, чѣмъ желательно, причинъ тому надо искать не тамъ, гдѣ думаетъ, кажется, г. Забѣлинъ, и по крайней мѣрѣ, не выставлять неопредѣленныхъ упрековъ, которые, въ головахъ читателей, мало думающихъ, могутъ упасть именно на тѣхъ, кто всего меньше виноватъ въ томъ неуспѣхѣ.

Книга г. Забѣлина заключаетъ въ себѣ пять главъ: 1-я посвящена «природѣ русской страны»; 2-я рѣшаетъ вопросъ: «откуда идетъ русское имя?» 3-я представляетъ «исторію русской страны съ древнѣйшихъ временъ»; гл. 4-я: «первые слухи о русской Руси»; гл. 5-я: «русская лѣтопись и ея сказанія о древнихъ временахъ».

Не будемъ останавливаться на первой главѣ. Попытки географическаго объясненія исторіи и народнаго характера дѣлались уже не одинъ разъ. Съ этого начиналъ г. Соловьевъ свою исторію. Г. Забѣлинъ также дѣлаетъ общій очеркъ страны, и складомъ ея объясняетъ видоизмѣненія народнаго типа и образованіе историческихъ центровъ. Здѣсь много вѣрныхъ замѣчаній о характерѣ земли русскаго племени, южной степи и поля, сѣ-

вернаго лѣса, распредѣленіи рѣчной системы и т. д. Но въ этихъ чисто географическихъ опредѣленіяхъ очень возможенъ, однако, значительный произволъ. Они обыкновенно хотятъ доказывать a priori, изъ географіи страны, народную исторію, которая уже совершилась, и мнимое апріорическое построеніе въ сущности держится на послѣдующихъ историческихъ фактахъ. Кромѣ того, г. Забѣлинъ выходитъ, какъ увидимъ, изъ того главнаго положенія, что разнообразіе народовъ, упоминаемыхъ въ этой странѣ древними и средневѣковыми историками, есть только разнообразіе названій, которыя разными путями являлись у историковъ; что на дѣлѣ русская страна издавна, съ незапамятныхъ временъ, принадлежала тому же племени, какое мы видимъ на ней въ историческія времена,—и для той незапамятной эпохи авторъ ставитъ границы этой страны такъ широко, какъ это еще не можетъ быть доказано прочными историческими данными. Многое, что́ авторъ принимаетъ и излагаетъ за факты, есть только догадка, которая еще нуждается въ доказательствѣ. Такъ, напримѣръ, очень гадательны въ этомъ географическомъ очеркѣ выводы автора о тѣсныхъ связяхъ Чернаго и Балтійскаго поморья (стр. 27), о томъ, что «область Ростовская самымъ именемъ показываетъ большое родство съ Днѣпровскою Росью», что Ростовъ могъ получить начало «еще въ то время, когда по всей нашей странѣ господствовало имя роксоланъ (около Р. Х.), которые если хаживали на самихъ римлянъ за Дунай, то очень могли ходить и на сѣверъ къ Ростовской Волгѣ» (стр. 31), — заключенія о географическомъ значеніи угла, образуемаго сліяніемъ Волги и Оки. Здѣсь, по словамъ автора, условія самой мѣстности вызывали промышленный трудъ: «здѣсь образовалась сама собою какъ бы особая ремесленная и промышленная школа, гдѣ были бы способныя руки, а выучиться было можно всему на свѣтѣ» (?). Этимъ авторъ объясняетъ значеніе, пріобрѣтенное Ростовомъ, Суздалемъ, и потомъ Москвою. Ихъ побѣды надъ остальными силами земли были побѣдами рабочей, промышленной силы надъ господствомъ исключительно дружинныхъ военныхъ порядковъ. «Такимъ образомъ», заключаетъ авторъ (стр. 33), «этотъ, сравнительно не великій, уголъ между Окою и Волгою *самъ собою* возродился въ великую земскую и государственную силу всей русской земли, сталъ ея настоящимъ сердцемъ, отъ котораго *естественно* сдѣлались зависимыми и всѣ другіе близкіе и далекіе края Руси. *Всѣ* политическія побѣды этого угла совершились только потому, что была велика его промышленная способность и сила». Но подобныя объясненія, быть можетъ, уже слишкомъ

упрощаютъ рѣшеніе историческихъ вопросовъ: отчего же эта промышленная и рабочая сила могла появиться только здѣсь, въ *менѣе* благопріятной странѣ, какъ будто нуждалась непремѣнно въ болѣе плохой и бѣдной природѣ? Отчего это случилось не раньше, какъ только съ XIII вѣка? Не получилъ ли этотъ уголъ своего значенія, между прочимъ, оттого, что югъ былъ отнятъ у племени татарскимъ нашествіемъ и Литвой? Словомъ, не участвовали ли здѣсь, кромѣ этихъ географическихъ обстоятельствъ, и многія другія историческія обстоятельства? Безъ сомнѣнія, участвовали, и безъ ихъ оцѣнки рѣшеніе является одностороннимъ.

Переходя къ вопросу о происхожденіи русскаго имени, г. Забѣлинъ посвящаетъ много мѣста норманской теоріи и ея опровéрженію. По его мнѣнію, это—теорія не историческая и чисто отрицательная: она отвергаетъ самобытность русскаго имени и вообще всѣ простыя качества древнѣйшей народной жизни, созданныя самою природою страны, отрицаетъ всю историческую жизнь народа до предполагаемаго призванія варяговъ, и въ начало исторіи ставитъ фантастическое вліяніе скандинавскихъ норманновъ, будто бы въ первый разъ оживившихъ славянское населеніе своей предпріимчивостью и энергіей. Отвергая самымъ рѣшительнымъ образомъ норманскую теорію, г. Забѣлинъ противопоставляетъ ей теорію Руси славянской, которая одна можетъ объяснить событія согласно съ здравымъ смысломъ и съ послѣдующимъ ходомъ исторіи. Авторъ указываетъ главныя основанія той и другой теоріи, главные эпизоды ихъ борьбы, и приходитъ къ заключенію, что первая, кромѣ того, что была невѣрна, была и враждебна славянской національности и произошла всего больше изъ враждебной односторонности нѣмецкихъ ученыхъ.

Главою норманской теоріи былъ Шлёцеръ, замѣчательный критикъ, но нѣмецъ, относившійся къ славянству съ крайнимъ высокомѣріемъ. «По свойству человѣческой природы, — говоритъ авторъ,—и особенно по свойству всякаго личнаго развитія и образованія, историку бываетъ очень трудно и почти совсѣмъ невозможно освободить свои взгляды и изысканія отъ разныхъ ученыхъ или же національныхъ и даже модныхъ убѣжденій и предубѣжденій. Намъ кажется, что иные ученые критики-изслѣдователи отводятъ только глаза у неопытныхъ читателей или у самихъ себя (?), когда съ видомъ величайшей добросовѣстности и якобы полнѣйшаго безпристрастія стараются ихъ увѣрить, что ведутъ свои изслѣдованія чистѣйшимъ *путемъ науки* и вовсе не увлекаются какими-либо патріотическими, какъ обыкновенно го-

ворить, или субъективными идеями и побужденіями. Читатель напередъ долженъ знать, что въ обработкѣ исторіи это — дѣло рѣшительно невозможное. Исторія наука не точная, не математика» и т. д. (стр. 55). Не будемъ говорить о томъ, что это замѣчаніе неопытный читатель можетъ понять очень превратно, и подумать, напр., что «путь науки» въ самомъ дѣлѣ пустяки; а болѣе опытный читатель можетъ, пожалуй, примѣнить то же замѣчаніе и къ самому почтенному писателю, его высказавшему. Въ настоящемъ случаѣ авторъ примѣняетъ свое замѣчаніе къ Шлёцеру. Нѣмецкая ученость, разъяснявшая начало Руси, руководилась дѣйствительно своими нѣмецкими идеями, которыя дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ограниченнѣе были тогдашнія свѣдѣнія о русской и славянской древности. Шлёцеръ зналъ только политическую, государственную исторію и былъ высокаго мнѣнія о германскомъ племени, распространявшемъ въ средніе вѣка государственную цивилизацію: не только Востокъ, но и Сѣверъ Европы представлялся ему въ полудикомъ состояніи. Поэтому, ему въ голову не приходило сомнѣваться ни въ призваніи норманновъ, ни въ томъ, что они основали правительственную власть и государство, — хотя онъ сравнивалъ цивилизацію, принесенную ими къ славянамъ, съ той, какую приносили русскіе казаки къ камчадаламъ. Г. Забѣлинъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ, до и послѣ Шлёцера, какъ фактъ призванія варяговъ объясняемъ былъ нѣмецкими учеными именно въ нѣмецкомъ смыслѣ — превосходства германцевъ и ничтожества самихъ славянъ: оказывалось, что норманны дали древней Россіи все, и государство, и воинственную предпріимчивость, и законы, и даже христіанство. Онъ приводитъ потомъ другіе примѣры, какъ эта нѣмецкая точка зрѣнія, высказанная иногда (напр., въ диссертаціи Миллера, возбудившей бурю со стороны русскихъ членовъ академіи) какъ будто съ намѣреннымъ пренебреженіемъ къ русской національности, вызывала негодованіе и отпоръ въ русскихъ ученыхъ, еще со временъ Ломоносова и Тредьяковскаго. Норманская теорія пріобрѣла, однако, перевѣсъ, и всего больше авторитетъ Шлёцера, по словамъ г. Забѣлина, «запугалъ» русскихъ историковъ, которые и приняли ее безпрекословно—даже Карамзинъ, «національный» историкъ, даже Погодинъ, который всегда былъ рьянымъ защитникомъ и панегиристомъ русской славы и славянскихъ доблестей. По мнѣнію г. Забѣлина, и Карамзинъ, и Погодинъ были просто въ ослѣпленіи,— первый и самъ не освободился отъ вліяній иностранныхъ взглядовъ; второй начиналъ проглядывать истину, но онъ такъ много

препирался въ своей жизни за норманизмъ, что ему трудно было признать ошибку всей жизни.

Словомъ, насъ спутали и сбили съ толку нѣмцы: норманская теорія — по преимуществу ихъ теорія (какъ-то странно это слышать, когда эту теорію принимали Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ, — три поколѣнія важнѣйшихъ русскихъ историковъ!); она хотѣла увѣрить насъ въ ничтожествѣ славянства самого по себѣ, въ томъ, что славянское государство могло основаться только благодаря германской власти; такимъ образомъ теорія подрывала, на первыхъ шагахъ исторіи, наше національное сознаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта теорія и не научна; нѣмецкіе историки *не хотѣли* знать русской древности до Рюрика, отклоняли отъ ея изученія, считая его безплоднымъ, — такъ что Русь до-варяжская дѣйствительно оставалась «пустымъ мѣстомъ». Совсѣмъ иначе ставится, и отличается иными свойствами теорія, признающая славянское происхожденіе Руси, признающая давнюю предварительную исторію русскаго племени, и предоставляющая самому этому племени и основаніе государства, и его первые шумные подвиги, и обширное распространеніе колонизаціи и т. д. Эта теорія, которая есть и теорія г. Забѣлина, имѣетъ, по его словамъ, двоякую важность и цѣну, и тѣмъ, что устраняетъ совсѣмъ всякія нѣмецкія притязанія въ ущербъ національности русской, и сохраняетъ невредимымъ наше національное сознаніе и достоинство; и тѣмъ, что въ чисто историческомъ смыслѣ даетъ возможность естественно объяснить весь процессъ образованія русской націи и государства, который все-таки оставался необъяснимымъ въ норманской теоріи.

Вотъ слова г. Забѣлина:

«Основная истина славянскаго ученія заключается въ томъ, что Русь старобытна на своемъ мѣстѣ, и народомъ, и самымъ именемъ. Этою истиною въ познаніе русской древности вносится основа широкая и положительная, и потому всѣ явленія древняго русскаго быта и древней русской исторіи объясняются легко, безъ малѣйшихъ натяжекъ. Самое дѣло призванія князей становится не только понятнымъ, но и явленіемъ такъ-сказать ныхъ илигчымъ русской древности.
убѣжденій. Нное развитіе торговыхъ сношеній съ древнѣйшаго
тели отводятъ толмени, возникновеніе городовъ еще до прихода
михъ себя (?), когда изнаки самостоятельной и могущественной
якобы полнѣйшаго бегторою Русь вдругъ выходитъ на сцену
ведутъ свои изслѣдованія что и вѣрно, однимъ только здравымъ
увлекаются какими-либо па.

предположеніемъ, что источники или корни этой силы находятся далеко за предѣлами варяжскаго девятаго столѣтія.

«Словомъ сказать, ученіе о славянствѣ Руси, опираясь на естественный ходъ нашей исторіи, выросшей такъ-сказать изъ самой земли, принимая ея началомъ простое, такъ-сказать растительное естество жизни, уже тѣмъ самымъ вноситъ въ свою изслѣдовательность одни положительныя, созидающія свойства и вполнѣ согласуется съ законами не чудодѣйственнаго, а самаго обыкновеннаго хода всякой первоначальной исторіи.

«Напротивъ того, ученіе о скандинавствѣ Руси все держится только на *отрицаніи* и руководится однимъ *отрицаніемъ*. Какъ ученіе нѣмецкое, оно и родилось въ минуту всесторонняго отрицанія русской народной древности...

«Духъ шлёцеровскаго отрицанія и сомнѣнія поселился и на той нивѣ, на которой происходила обработка первоначальной русской исторіи. Здѣсь, скандинавство Руси, какъ прочная и твердая основа, само собою явилось краеугольнымъ камнемъ этого отрицающаго направленія» (стр. 128—129).

Переданное нами въ немногихъ словахъ объясняется у автора на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ второй (а потомъ и третьей) главы — такую важность придаетъ онъ вопросу о первомъ началѣ русской исторіи. Скажемъ впередъ, что мы вовсе не расположены защищать норманской теоріи, и находимъ очень много вѣроятнаго въ той, которую авторъ называетъ славянскою (хотя думаемъ, что она еще не собрала всѣхъ доказательствъ, нужныхъ для ея прочнаго утвержденія). Но исторія этого вопроса, какъ излагаетъ ее г. Забѣлинъ, по нашему мнѣнію, не свободна отъ натяжекъ и односторонностей, не безвредныхъ для «неопытнаго читателя».

Справедливо, что исторія — не математика, какъ не математика и всѣ нравственныя и политическія науки, имѣющія дѣло съ человѣческой личностью и жизнью общества. Но исторія не есть вовсе и дѣло произвольныхъ соображеній, гдѣ изыскатель будто бы руководится главнымъ образомъ или только субъективными идеями и пристрастіями. Такъ нерѣдко бываетъ въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, потому что и въ исторіи, и въ другой подобной наукѣ очень легко и естественно отражается личность писателя. Но въ цѣломъ исторія имѣетъ свои неотразимыя, именно «научныя» логическія требованія, которыя въ концѣ-концовъ, въ результатѣ многихъ послѣдовательныхъ изысканій и провѣрокъ, берутъ верхъ надъ произволомъ частныхъ мнѣній и, устраняя его, доставляютъ выводъ — обязательный (конечно, по данному

состоянію всѣхъ историческихъ знаній), какъ обязателенъ логическій выводъ.

Такъ было и въ вопросѣ о происхожденіи Руси. По изложенію г. Забѣлина выходитъ, будто вся теорія выросла изъ произвола нѣмецкихъ идей Байеровой и Шлёцеровой школы, которому неблагоразумно подчинились и русскіе историки. Но странно обвинять Байера или Шлёцера, когда—увы!—лѣтописный разсказъ самымъ очевиднымъ образомъ говоритъ о призваніи изъ-за моря какихъ-то варяговъ, поставленныхъ рядомъ съ сѣверными германскими племенами. И Байеръ и Шлёцеръ основались на этомъ прямомъ смыслѣ лѣтописи: славянская теорія хочетъ видѣть въ варягахъ ту же славянскую Русь, но если эта теорія до сихъ поръ, при всемъ успѣхѣ историческаго знанія со временъ Байера и Шлёцера, еще не можетъ считаться вполнѣ и несомнѣнно доказанною, то при *тогдашнемъ* положеніи вопроса и по *тогдашнимъ* свѣдѣніямъ о русской и славянской древности, нѣмецкіе ученые (говоря вообще, и исключая нѣкоторыя частныя мнѣнія ихъ) были въ полномъ правѣ принять призваніе норманскихъ варяговъ и дѣлать изъ него свои историко-политическіе выводы. Нынѣшняя славянская теорія не можетъ не допустить присутствія норманскаго элемента въ княжеской дружинѣ, связей съ норманнами; собственныя имена князей и дружинниковъ, которыхъ доселѣ все-таки не могутъ объяснить вполнѣ изъ славянскихъ источниковъ, давали опять поводъ видѣть въ древней Руси норманновъ, и историческая критика того времени, свято дорожившая «источниками», была только вѣрна Нестору, когда утверждала призваніе варяговъ. Извѣстно, какъ Шлёцеръ удивлялся и цѣнилъ этого Нестора. Извѣстно, наконецъ, что сами русскіе стараго времени вѣрили въ шведское происхожденіе призванныхъ варяговъ, и въ этомъ смыслѣ говорили о нихъ еще въ началѣ XVII вѣка. Если авторъ находитъ въ норманской теоріи ученыхъ «только отрицающее созерцаніе нашей образованности о собственной ея русской исторіи» (стр. 131), то по справедливости долженъ перевести это отрицающее созерцаніе до начала XVII вѣка или даже до самаго лѣтописца.

Возвращаемся къ Шлёцеру и нѣмецкой учености. «Для него, говоритъ авторъ,—положительный вѣсъ имѣла одна *государственная* исторія, и то въ нѣмецкомъ смыслѣ. Предъ лицомъ такой исторіи онъ отрицалъ все, что съ нею не согласовалось, т.-е. всякія народныя стихіи, въ которыхъ не замѣчалось его государственности. Съ этой точки зрѣнія онъ не нашелъ ничего достойнаго вниманія даже въ исторіи древней Греціи, такъ какъ

государства ея были слабы и безсильны, религія была глупа и т. д.» (стр. 129). Это собственное замѣчаніе автора объясняетъ, что историческія мнѣнія Шлёцера вовсе не были придуманы имъ собственно только для исторіи древней Руси; напротивъ, такова была вообще его точка зрѣнія, которую онъ прилагалъ къ древней Руси точно такъ же, какъ и къ древней Греціи; мало того, это былъ даже не личный его взглядъ, а взглядъ всей тогдашней образованности: во всей тогдашней литературѣ не было иной исторической точки зрѣнія. Вниманіе къ «народной стихіи» было вообще чуждо XVIII вѣку; его недостаетъ даже многимъ историкамъ XIX вѣка, — у насъ не только Карамзину, но и Погодину. Возникновеніе этой новой точки зрѣнія было цѣлымъ переворотомъ во всей европейской исторіографіи. «Народная стихія» впервые привлекла къ себѣ вниманіе науки въ эпоху романтизма, въ періодъ возрожденія національностей, съ возникновеніемъ цѣлаго ряда новыхъ научныхъ изысканій, которыя стали вникать въ историческое развитіе народныхъ организмовъ, и изучать не столько личный элементъ руководящихъ дѣятелей, сколько стихійный элементъ племенныхъ и національныхъ массъ и т. д. Если мы настаиваемъ теперь на важности изученія «народной стихіи» въ нашей жизни и исторіи, это есть, конечно, результатъ нашего національнаго сознанія; но и самое это сознаніе явилось у насъ не безъ сильныхъ возбужденій европейской жизни и образованности, именно всѣхъ тѣхъ стремленій этой образованности, которыя клонились къ отрицанію всевозможнаго средневѣковаго феодализма, къ освобожденію личности, къ народнымъ сочувствіямъ,—такъ что, въ существѣ дѣла, и то обращеніе къ «народной стихіи», которое авторъ указываетъ въ славянской теоріи, было внушено не только собственнымъ ростомъ нашего общественнаго сознанія, но и помощью европейской образованности; а самые способы пониманія народной стихіи, пути ея научнаго уразумѣнія сообщаются именно тѣми знаніями, какія даетъ современное развитіе науки. Словомъ, нашъ взглядъ превосходитъ взгляды Шлёцера и его русскихъ послѣдователей всѣмъ развитіемъ, какое совершилось съ тѣхъ поръ въ исторической наукѣ,—и этимъ больше всего.

По взгляду г. Забѣлина казалось бы, что нѣмецкая ученость должна была систематически «отрицать» то же, что̀ отрицалъ Шлёцеръ. На дѣлѣ, въ этой учености вовсе не было согласія даже въ очень существенныхъ пунктахъ. Самъ Шлёцеръ возставалъ противъ Миллера въ предметахъ, гдѣ тенденція мнѣній Миллера могла ему нравиться, но гдѣ онъ видѣлъ отсутствіе

исторической критики. Другой нѣмецъ, Кругъ, не соглашался съ мнѣніями Шлёцера о предполагаемой имъ грубости первыхъ вѣковъ нашей исторіи, и т. д. Словомъ, крайне несправедливо было бы винить поголовно нѣмецкую ученость въ національномъ пристрастіи и не признать за ней сильнаго научнаго запроса, который у серьёзныхъ людей и стоялъ на первомъ планѣ. Примѣры пристрастія бывали, но они исчезаютъ въ огромной научной работѣ, которая была совершена этими учеными и послужила для русскихъ ученыхъ основой исторической критики. Этого мало: даже въ томъ новомъ направленіи изслѣдованія, которое обратилось къ изученію «народной стихіи», бытовой сущности древней Руси, нѣмецкій ученый предшествовалъ русскимъ: это былъ Эверсъ, который кстати былъ и противникомъ норманской теоріи.

Отчего же, съ другой стороны, имѣла такъ мало успѣха та славянская теорія, въ которой, по словамъ г. Забѣлина, было столько здраваго, простого и яснаго? Ни Ломоносовъ, ни въ наше время Венелинъ и его послѣдователи не нашли признанія своимъ взглядамъ именно потому, что научная сторона ихъ теоріи была слаба, во всякомъ случаѣ слабѣе, чѣмъ доказательства противной стороны. Если нынѣшніе ученые начинаютъ болѣе или менѣе возвращаться къ славянской теоріи, то основательность ихъ мнѣній зависитъ не отъ ихъ національныхъ чувствованій, а отъ силы увеличившейся научной разработки и *вновь* найденныхъ доказательствъ. Таково обращеніе къ «народной стихіи»; таковы новыя данныя объ исторіи балтійскаго славянства, на которой въ особенности утверждается теорія балтійской Руси, раздѣляемая г. Забѣлинымъ; а для изученія балтійскаго славянства существенный матеріалъ доставленъ изданіями и розысканіями опять нѣмецкихъ ученыхъ, и только за ними и на ихъ основаніи послѣдовала и русская разработка (Гильфердинга, Котляревскаго, Павинскаго и проч.).

Обвиненія противъ нѣмецкой науки авторъ продолжаетъ и въ слѣдующей главѣ. Мы упоминали его основную мысль, что славянское племя было исконнымъ старожиломъ той страны, въ которой мы видимъ его въ историческія времена, что русская часть славянства не могла явиться здѣсь только съ VI-го вѣка по Р. Х., какъ обыкновенно принимаютъ, но, что напротивъ, именно къ русскому славянству должны относиться свѣдѣнія древнихъ писателей о народахъ, жившихъ въ нынѣшней Россіи. Такое предположеніе высказывалъ еще въ прошломъ столѣтіи Татищевъ, а въ новѣйшее время болѣе смѣло и доказательно Ле-

левель и особенно Венелинъ. Напротивъ, нѣмецкіе ученые, по словамъ г. Забѣлина,—«неохотники до славянства»; они повсюду отыскивали германцевъ, узнавали въ описаніяхъ древнихъ племена финновъ и литвы, но не видѣли нигдѣ славянъ. Въ этомъ повиненъ даже великій знатокъ славянства Шафарикъ, который рѣшительно отказывается самъ и отвращалъ другихъ изслѣдователей отъ всякихъ поисковъ славянства между древними скиѳами, сарматами, роксоланами, которые были народами кочевыми и потому не казались ему славянами (а кромѣ того, были слишкомъ мало извѣстны).

И на этотъ разъ авторъ преувеличилъ. У нѣмцевъ была и есть національная вражда къ славянству, но не до такой степени, чтобы историки намѣренно умалчивали явные факты такого отдаленнаго времени, гдѣ и враждовать было не о чемъ. Если нѣкоторые нѣмецкіе писатели молчали о древнихъ славянахъ тамъ, гдѣ они были по мнѣнію Забѣлина, и находили только готовъ и германцевъ, то это часто бывало просто потому, что главное вниманіе ихъ было обращено на предковъ своей націи,—какъ напр., вниманіе нашего писателя обращено на предковъ русскаго славянства; или потому, что свѣдѣнія о славянскомъ племени не могли быть ими собраны по недостаточному знанію славянскихъ источниковъ и языка, да и мало были разработаны самими славянскими учеными; или потому, что сказанія древнихъ, какъ Геродотъ, Птолемей или Страбонъ, вовсе не казались имъ столь очевидными, какъ они кажутся нашей славянской теоріи. Шафарикъ не былъ, конечно, врагомъ славянства, въ свое время его книга была великимъ ученымъ подвигомъ и исторической апологіей славянства; но это былъ осторожный ученый и онъ совершенно добросовѣстно отказывался искать славянъ тамъ, гдѣ не представлялось для этого довольно вѣроятностей. Въ прошломъ столѣтіи Шлёцеръ не думалъ упускать изъ виду страбоновыхъ роксоланъ, на которыхъ хочетъ опереться теперь славянская теорія; но онъ, конечно, совершенно добросовѣстно сказалъ объ этой исторической области: «и я также потерялъ въ этихъ изысканіяхъ много времени и труда; однако же не жалѣю объ этой потерѣ: ибо теперь вѣрно знаю то, что ничего не знаю, и что изъ этихъ изысканій никто не можетъ извлечь ничего вѣрнаго». Мы увидимъ дальше, что и славянская теорія, при всемъ стараніи, до сихъ поръ не извлекла отсюда ничего вѣрнаго. Наконецъ, по поводу отношенія нѣмецкихъ ученыхъ къ славянскому міру авторъ забылъ и ихъ положительную заслугу: не говоря о прежнемъ времени, нѣмецкіе ученые, а не иные, въ первый разъ,

на основаніи языка, указали мѣсто славянства въ индо-европейскомъ мірѣ, а въ послѣднее время обратились и къ изученію той древности, которую славянская теорія усвояетъ славянамъ; лучшія изслѣдованія о скиѳахъ сдѣланы учеными французскими и нѣмецкими.

Мы останавливались на этомъ такъ долго потому, что эти обвиненія нѣмецкой учености даютъ превратное понятіе о дѣлѣ. Въ научной литературѣ каждаго народа есть вещи, изслѣдованіе которыхъ составляетъ ихъ ближайшую задачу и потребность и для изученія которыхъ онѣ имѣли бы особенное удобство: нѣмецкой литературѣ естественно изслѣдовать вопросы германской древности, славянской—древность славянскую. Между тѣмъ, когда наша древность мало или неправильно изслѣдована, намъ говорятъ, что въ этомъ виноваты нѣмцы; когда бѣдна собственная наука, упрекаютъ нѣмцевъ, что они не дѣлали нашего дѣла; указываютъ въ нѣмецкой учености признаки вражды къ славянству—но забываютъ услуги этой учености, которыми мы воспользовались. Выводъ изъ всей этой исторіи долженъ бы заключаться главнымъ образомъ—въ признаніи недостатковъ собственной науки и въ возбужденіи болѣе серьёзнаго интереса къ ея изученію. Ужъ если разыскивать эту вражду и вредъ, нанесенный ею русской жизни, слѣдовало бы обвинять болѣе крупныя и вредоносныя ея проявленія—вмѣсто того, чтобъ успокоивать себя обвиненіемъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые при всѣхъ своихъ пристрастіяхъ принесли несомнѣнную пользу нашей образованности. Миллеръ поддался мелкому побужденію унижать русскихъ славянъ IX столѣтія, но сами нѣмцы, какъ Шлёцеръ и Шумахеръ, осудили его, а онъ заслужилъ потомъ свою ошибку прилежнымъ собираніемъ русскихъ историческихъ матеріаловъ. Нѣмцевъ винятъ за то, что въ призваніи варяговъ они видѣли превосходство германскаго элемента надъ славянскимъ; но въ XVIII вѣкѣ опять происходило явленіе, похожее на призваніе варяговъ, — кто же призывалъ новыхъ варяговъ или допускалъ ихъ вліяніе и ихъ притязанія, какъ не сами русскіе?...

Указавши, какъ мало объяснена древнѣйшая исторія русской страны, какъ наши историки только мимоходомъ, и по нѣмецкимъ взглядамъ и неясно, упоминали о скиѳахъ, сарматахъ, роксоланахъ, гуннахъ и т. д., г. Забѣлинъ настаиваетъ на необходимости внимательнаго изслѣдованія тѣхъ временъ и тѣхъ народовъ.

«Для нашей *государственной* исторіи — это пустые непонятные звуки, не имѣющіе никакого смысла и значенія. Однако,

необходимо согласиться, что для нашей *народной* земской исторіи, они (эти народы) очень значительны, ибо прямо указываютъ на старинныхъ хозяевъ нашей земли, которые въ теченіе вѣковъ не могли же не оставить намъ кое-чего въ наслѣдство. Быть можетъ, въ этихъ іероглифахъ скрывается особая лѣтопись. Необходимо же когда-либо ее разобрать и прочитать, такъ какъ она говоритъ все о нашей же родной странѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что никакая отрицающая и сомнѣвающаяся строгая шлёцеровская критика не можетъ отнять у русской исторіи ея истиннаго сокровища, ея перваго лѣтописца, которымъ является самъ отецъ исторіи—Геродотъ» (стр. 217).

Этими словами авторъ вводитъ насъ въ Геродотово описаніе Скиѳіи (за 450 л. до Р. Х.). Мы упоминали выше его основную мысль, что въ разсказахъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей одинъ и тотъ же народъ часто является подъ разными именами, смотря по источнику, откуда писатель бралъ свои свѣдѣнія; что надо слѣдить не столько исторію именъ, сколько исторію самой страны, и что поэтому, несмотря на разнообразную массу именъ, которыя заставляли обыкновенно историковъ предполагать чрезвычайное передвиженіе и смѣну племенъ, надо думать, что на дѣлѣ главные большіе народы постоянно оставались на своихъ мѣстахъ (ср. стр. 266—267 и друг.). Такимъ образомъ, Геродотовъ разсказъ о Скиѳіи долженъ представлять исторію предковъ славянскаго племени или даже прямо *русскаго* славянства. Точно также сарматы, роксоланы, самые гунны кажутся автору только новыми именами одного племени, такъ что, начиная съ Геродота, Тацитъ, Страбонъ, Птолемей, наконецъ средневѣковые писатели, Прокопій, Іорнандъ и т. д. доставляютъ намъ исторію славянства, даже именно Руси и ея подраздѣленій.

Но здѣсь-то и оказывается, что это историческое отождествленіе вовсе не такъ просто, и что довольно трудно обвинить прежнихъ ученыхъ, и нѣмецкихъ и славянскихъ (какъ Шафарикъ), которые не рѣшались на это отождествленіе: въ сближеніяхъ нашего автора несравненно больше чистаго произвола, чѣмъ доказательствъ. Геродотъ дѣлитъ скиѳовъ на нѣсколько разныхъ разрядовъ. Главные были «царскіе скиѳы»—кочевые, повелѣвавшіе всѣми другими. Затѣмъ скиѳы-земледѣльцы; по мнѣнію г. Забѣлина, это не кто иные, какъ кіевскіе поляне—единственнымъ основаніемъ къ этому остаются ихъ земледѣльческія занятія, потому что мѣстность опредѣлена у Геродота недостаточно ясно. Мѣсто геродотовыхъ «невровъ» г. Забѣлинъ опредѣляетъ отъ Львова по Западному Бугу—на томъ только основаніи, что въ этой мѣстно-

сти есть рѣка Наревъ и мѣстность Нуръ. Кромѣ того, Геродотъ разсказываетъ переданное ему извѣстіе, будто *каждый* невръ *ежегодно* превращается на нѣсколько дней въ волка, а потомъ опять становится человѣкомъ: «это повѣрье,—замѣчаетъ г. Забѣлинъ,—и доселѣ живетъ во всей той странѣ» (стр. 222). То-есть, конечно, повѣрье о волкодлакахъ или оборотняхъ; но оно очень извѣстно не въ одной этой странѣ, а во множествѣ славянскихъ и неславянскихъ странъ. Переселеніе невровъ въ землю будиновъ (жившихъ на востокъ отъ Скиѳіи), будто бы вслѣдствіе размноженія змѣй въ ихъ странѣ, авторъ приравниваетъ къ переселенію радимичей и вятичей, разсказанному у Нестора. Названіе Борисѳена (Днѣпра), по словамъ г. Забѣлина, передавало собственно названіе Березины или Березани,—такимъ образомъ, что въ древнія времена Березина почиталась верхнимъ теченіемъ Днѣпра,—хотя при этомъ могло быть и наоборотъ, что славянская «Березина» была осмысленіемъ прежняго чужого имени; притомъ рѣка носитъ у славянъ другое имя—Днѣпра. Далѣе, названіе знаменитой скиѳской страны Герросъ, лежавшей, какъ полагаютъ, у поворота теченія Днѣпра съ сѣвера на юго-западъ, по мнѣнію г. Забѣлина, есть не что иное, какъ славянское «гора», въ смыслѣ верхняго теченія рѣки. Будиновъ или, какъ пишетъ г. Забѣлинъ, вудиновъ онъ считаетъ за тѣ родственныя другъ другу племена, какъ мордва, черемиса, особенно вотяки, которые живутъ въ странѣ, указанной Геродотомъ: будины были народъ многочисленный и жившій въ лѣсахъ, а такіе народы не скоро исчезаютъ. Корень самаго имени «вудиновъ», по мнѣнію г. Забѣлина, сохранился донынѣ у вотяковъ, которые сами себя называютъ отъ, утъ, удь-мортъ (мортъ—человѣкъ, откуда и мордва): «Геродотъ очень правильно передаетъ это первобытное прозваніе *вудины*, присовокупляя только свое окончаніе для народнаго имени и ставя впереди потребную для легкаго выговора букву *в*» (стр. 232). Но дѣло въ томъ, что это имя произносилось *будины*, а не вудины, и въ этой формѣ не такъ легко сближается съ приведенными названіями мордовскихъ народовъ [1]). Далѣе, такимъ же образомъ г. Забѣлинъ толкуетъ Геродотовыхъ алазоновъ лѣтописными уличами, ѳиссагетовъ—весью, исседоновъ—производитъ отъ рѣки Исети и т. д.

Переходя затѣмъ къ извѣстіямъ Страбона, Птолемея и т. д.,

---

[1]) Приставка буквы *в* (если ужъ считать ее за *в*) „для легкаго выговора" — конечно, совершенно произвольное предположеніе: въ греческомъ языкѣ такая приставка вовсе не требовалась.

авторъ также мало затрудняется истолкованіемъ ихъ показаній, отыскивая по легкимъ созвучіямъ и приблизительной мѣстности племена древней Руси. Правда, въ опредѣленіи Геродотовыхъ племенъ авторъ пользуется также немногими упоминаніями о нравахъ, которые старается пріурочить къ нравамъ обитателей странъ древней Руси, — но все это, и въ особенности сравненія именъ, отзываются такимъ произволомъ или столь небольшою степенью вѣроятія, что разсказъ Геродота остается, какъ прежде, загадоченъ и тёменъ.

Возставая (только до извѣстной степени справедливо) противъ тѣхъ историковъ, которые по мѣнявшимся именамъ племенъ у древнихъ писателей заключали о появленіи новыхъ народовъ и ихъ передвиженіяхъ, авторъ самъ преувеличиваетъ въ другую сторону. По его теоріи выходитъ, что не только вообще какая-нибудь форма славянства, но именно Несторовы русскія племена уже во время Геродота (то-есть тысячи за полторы лѣтъ до нашего лѣтописца), а потомъ Птолемея и т. д. сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ и съ тѣми же мѣстными именами; авторъ не подумалъ о томъ, что въ теченіи такого продолжительнаго періода очень могли перемѣниться имена, какъ многія изъ лѣтописныхъ именъ исчезли лѣтъ черезъ сто или меньше послѣ того, какъ лѣтописецъ записалъ ихъ,—какъ исчезли всѣ эти поляне, древляне, радимичи, дреговичи, дулебы, уличи, сами новгородскіе «славяне» и т. д. Если на памяти исторіи исчезали народныя имена,—это особенно могло случиться въ такой долгій періодъ времени, какъ періодъ отъ Геродота или Птолемея до Нестора,—эти имена могли измѣниться не только у иноземныхъ писателей, но у самихъ туземцевъ, на мѣстѣ, а это, конечно, происходило только вслѣдствіе какихъ-нибудь невѣдомыхъ намъ событій и переворотовъ. Но кромѣ именъ, очевидно, мѣнялись и самыя племена: во-первыхъ, измѣнялъ ихъ чрезвычайно самый процессъ развитія, и о древнихъ періодахъ этого процесса надо судить съ большой осторожностью; во-вторыхъ, многія мѣстности позднѣйшаго русскаго племени первоначально были заняты другими народами, какъ несомнѣнно граница финскаго племени была западнѣе, чѣмъ мы ее знаемъ по Нестору, и т. п. Понятно, что когда изъ тѣхъ отдаленныхъ временъ доходитъ до насъ случайно какое-нибудь болѣе или менѣе испорченное народное имя (неизвѣстно, притомъ, свое или даваемое другими народами), осторожные историки не поддавались соблазну легкихъ, но шаткихъ выводовъ. Г. Забѣлинъ удивляется, что одинъ изъ нашихъ историковъ съ недовѣріемъ встрѣтилъ приведенное Шафарикомъ свидѣтельство, что имя славянъ, и при-

томъ новгородскихъ, является еще въ географіи Птолемея: «можетъ быть это такъ, можетъ быть нѣтъ» (стр. 213). Не скроемъ, что мы и теперь сказали бы, что можетъ быть это такъ, а можетъ быть нѣтъ. При неопредѣленныхъ данныхъ, возможно только условное предположеніе, а вовсе не увѣренное рѣшеніе, и, говоря объ отдаленной до-исторической жизни, столь бѣдной положительными данными, для исторіи мало разницы отодвигать предполагаемое бытіе племени за то или другое число столѣтій: положительная исторія здѣсь невозможна, и гораздо болѣе достовѣрнымъ свидѣтельствомъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ остается языкъ. Сравнительное изученіе языка уже теперь выяснило, хотя въ общихъ чертахъ, главныя ступени развитія, пройденныя славянскимъ племенемъ, со времени выдѣленія его изъ обще-арійскаго союза до его частныхъ народныхъ дѣленій. Правда, эта исторія не даетъ, и едвали когда-нибудь дастъ, точныхъ хронологическихъ указаній, но по крайней мѣрѣ дастъ указанія объ основныхъ чертахъ быта и понятій. Эти указанія (доставленныя, какъ замѣчено, главнымъ образомъ нѣмецкой филологіей) достаточно утверждаютъ и обезпечиваютъ ту древность и самобытность славянства въ средѣ европейскихъ народовъ, которую хочетъ защищать г. Забѣлинъ на темной исторической почвѣ.

Очень возможно, что нѣкоторыя свидѣтельства древнихъ писателей, относимыя славянской теоріей непремѣнно къ славянству, и дѣйствительно къ нему относятся, но при нынѣшнемъ положеніи вопроса здѣсь невозможны положительныя утвержденія—для нихъ нѣтъ доказательствъ; а настаивать на нихъ безъ этихъ доказательствъ будетъ та же самая фантазія, гдѣ умъ уходитъ за разумъ,—въ которой Шафарикъ и нашъ авторъ также упрекаютъ нѣмецкихъ ученыхъ (стр. 40).

Наконецъ, нельзя безъ большихъ ограниченій принять и тотъ взглядъ, что будто бы историки изъ перемѣны именъ выводили исчезновеніе цѣлыхъ народовъ и появленіе новыхъ, выводили громадныя передвиженія и т. д., и что въ нашемъ случаѣ мы вѣрнѣе поймемъ дѣйствительное положеніе вещей, если будемъ слѣдить исторію самой земли и пр. Правда, здѣсь могли быть ошибки и недоразумѣнія; но ихъ было вовсе не такъ много, какъ думаетъ авторъ. Въ самомъ славянскомъ мірѣ исторія отмѣтила столько несомнѣнныхъ и громадныхъ передвиженій, что необходимо, напротивъ, принять фактъ, что первые вѣка нашей эры были дѣйствительно ознаменованы странствіями цѣлыхъ племенъ въ новыя мѣста, гдѣ они потомъ утвердились, и гдѣ вовсе не была ихъ первая родина, о которой они здѣсь совсѣмъ даже забыли. Таково

движеніе славянства на Балканскій полуостровъ, въ Грецію и даже Малую Азію, движеніе, записанное исторіей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію и движеніе германскихъ племенъ, которое оставило, конечно, не случайные слѣды въ крымскихъ готахъ, балтійскомъ Готландѣ и т. п., и которое отъ Крыма шло до Балканскаго полуострова, Италіи, Испаніи, Галліи, даже Африки и на сѣверѣ отъ Скандинавіи до Британіи. Движеніе азіатскихъ ордъ, не говоря о малоизвѣстныхъ гуннахъ и аварахъ, оставило и доселѣ венгерскую орду, которая вошла клиномъ въ центральную Европу, и т. д. Невозможно себѣ представить, чтобы все это обошлось безъ чрезвычайной перетасовки народовъ, безъ гибели цѣлыхъ племенъ, какъ гибли авары, какъ пропадали славяне на самомъ югѣ Балканскаго полуострова, какъ гибли вандалы; или безъ смѣшенія, которое производило совсѣмъ новые народные типы (присутствіе славянскаго элемента въ румынскомъ племени, въ албанцахъ и т. п.). Притомъ, самыя племена въ отдаленные вѣка были органически не тѣ, какія мы знаемъ въ ихъ средневѣковыхъ типахъ: было время, когда славяне, литва и германцы были одно племя, и никакая положительная исторія, кромѣ исторіи языка, не даетъ намъ понятія о томъ типѣ и той формѣ жизни, какіе отличали это древнее племя.... Нужно очень много доказательствъ, чтобы можно было съ увѣренностью говорить, что геродотовскіе скиѳы-оратаи были не кто иные, какъ поляне, невры—радимичи, будины—мордва, алазоны—уличи и т. п.

Не будемъ слѣдить за изслѣдованіями автора о сарматахъ, роксоланахъ и гуннахъ, гдѣ онъ, отвергая господствующія, особенно нѣмецкія, понятія объ исторіи этихъ племенъ, находитъ въ нихъ или цѣликомъ, или частями славянскіе народы. Что славянскій элементъ былъ въ полчищахъ гунновъ, это давно признаютъ многіе изъ нашихъ изслѣдователей; но г. Забѣлинъ не довольствуется однимъ неопредѣленнымъ принятіемъ этого факта, и утверждаетъ, что это и были сами славяне, какъ не сомнѣвается относительно роксоланъ, что это было русское племя, и свои выводы старается подтвердить толкованіемъ именъ, которое едвали можно принять за историческое доказательство.

При всемъ томъ, хотя мы и не считаемъ возможнымъ согласиться съ авторомъ, что предки русскаго народа отысканы имъ въ скиѳахъ и гуннахъ, мы совершенно согласны съ общей мыслью автора, именно, что начало русскаго племени надо считать за много вѣковъ передъ историческимъ основаніемъ государства, что за много вѣковъ должна была совершаться въ его землѣ славянская жизнь, и главное, что необходимы новыя изслѣдо-

ванія въ этой области средневѣковаго мрака, которыя, быть можетъ, больше нынѣшняго разъяснятъ предварительную исторію русскаго народа. Едвали и кто-нибудь станетъ спорить противъ заключенія, что этотъ народъ не явился здѣсь въ одно прекрасное утро, внезапно, и что первому историческому факту, записанному лѣтописью, несомнѣнно предшествовалъ цѣлый періодъ жизни, подготовившій бытовыя основанія, дѣйствовавшія въ историческую эпоху.

Но если въ объясненіяхъ древней этнографіи мы не соглашались съ авторомъ и находили въ его изслѣдованіяхъ слишкомъ много спорнаго или прямо произвольнаго, то другая сторона его изысканій представляетъ замѣчательныя достоинства. Это—сторона, гдѣ авторъ вступаетъ въ болѣе достовѣрныя историческія времена и въ болѣе реальную область бытовыхъ отношеній. Несмотря на то, что множество всевозможныхъ комбинацій придумывалось учеными для объясненія избитаго вопроса о «призваніи варяговъ», авторъ съумѣлъ сказать о немъ новое, и такое, что̀ если не разрѣшаетъ окончательно давнишній вопросъ, то, по нашему мнѣнію, очень близко подходитъ къ его разрѣшенію. Относительно происхожденія варяговъ авторъ принимаетъ мнѣнія г. Гедеонова, что это были балтійскіе славяне, которые издавна были въ связяхъ съ сѣверомъ русской земли: слѣдъ этихъ отношеній авторъ указываетъ въ мѣстныхъ названіяхъ, которыя идутъ цѣлымъ рядомъ сходныхъ именъ городовъ, рѣкъ и мѣстностей отъ балтійскаго поморья до сѣверной и средней Россіи. Смыслъ лѣтописнаго преданья авторъ относитъ не ко времени лѣтописнаго Рюрика, а напротивъ, видитъ въ немъ далекое преданіе о варяжской колонизаціи на сѣверѣ нынѣшней Россіи, колонизаціи, съ особенною силою приходившей отъ балтійскаго поморья. Правда, заключенія изъ мѣстныхъ названій еще должны быть точнѣе провѣрены, но вообще этотъ пріемъ можетъ повести къ сближеніямъ, важнымъ для рѣшенія вопроса.

Для объясненія «призванія» авторъ обращается къ состоянію внутренняго быта племени. Эта часть изслѣдованія—лучшая, и, по всему своему содержанію, важнѣйшая сторона труда г. Забѣлина. Если онъ искалъ настоящей связи между временами доисторическими и основаніемъ государства, то здѣсь она объяснена всего лучше, безъ помощи скиѳовъ или гунновъ. Извѣстно, что для объясненія древней русской жизни ученые прибѣгали до сихъ поръ въ особенности къ двумъ теоріямъ—знаменитой теоріи родового быта, выставленной сначала Эверсомъ и потомъ развитой въ особенности гг. Соловьевымъ и Кавелинымъ,—и славянофиль-

свой теоріи быта общиннаго, которая утверждала, что русская земля «изначала была наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля». Г. Забѣлинъ самостоятельно взглянулъ на предметъ, и занялъ середину между указанными теоріями, впрочемъ, считая больше основаній за первой, нежели за второй. Его собственная теорія, передача которой завлекла бы насъ слишкомъ далеко, весьма отчетливо и ясно рисуетъ отношенія древняго быта семейнаго, родового и городскаго-общественнаго. Въ связи съ этимъ исторія самаго «призванія» получаетъ свое, сколько мы думаемъ, наиболѣе естественное толкованіе: въ этомъ толкованіи оно не имѣетъ своей странной исключительности и, напротивъ, является сообразнымъ съ общимъ ходомъ народныхъ отношеній.

Исторія древняго города только въ послѣднее время стала привлекать вниманіе нашихъ ученыхъ. До сихъ поръ, для успѣшнаго изученія этой исторіи недоставало одного изъ главныхъ матеріаловъ—именно изслѣдованія тѣхъ остатковъ древности, которые остались донынѣ слѣдомъ старинныхъ городовъ, укрѣпленныхъ мѣстъ и могилъ. Это—такъ-называемыя городища и остатки городовъ, часто окруженные могильными курганами. До сихъ поръ они изслѣдованы только самой незначительной долей; но по общему характеру ихъ, изслѣдователи пришли къ извѣстнымъ заключеніямъ о постепенномъ развитіи города изъ деревни и волости (новѣйшіе труды гг. Самоквасова и Леонтовича). Г. Забѣлинъ, невполнѣ соглашаясь съ высказанными доселѣ мнѣніями, и здѣсь послѣдовательно проводитъ свой взглядъ, самостоятельно объясняющій историческую сторону предмета.

Много вѣрныхъ и живыхъ замѣчаній разбросано въ его изложеніи литературныхъ начатковъ древняго періода, въ особенности лѣтописи. Г. Забѣлинъ придерживается иногда старыхъ мнѣній, напр., объ авторѣ лѣтописи. «Доказано, — говоритъ онъ, — что нашу первую лѣтопись написалъ инокъ черноризецъ кіевскаго печерскаго Ѳеодосіева монастыря, преподобный Несторъ»,—когда это совсѣмъ не доказано. Г. Забѣлинъ также слишкомъ идеализируетъ лѣтопись, какъ произведеніе не личнаго авторства, а какъ дѣло гражданское, мірское, общественное: лѣтопись велась въ монастырѣ, и авторъ рисуетъ оживленную картину печерской обители, которая какъ умственная и нравственная сила оказывала вліяніе на самихъ князей, представляла общественную мысль и въ лѣтописи выражала возроставшее въ Кіевѣ народное сознаніе. Справедливо, что въ лѣтописи былъ именно этотъ элементъ и, намъ кажется, до сихъ поръ никто рельефнѣе не вы-

ставилъ его въ старомъ лѣтописаніи; справедливо и то, что и другія мѣстныя лѣтописи, какія велись по городамъ, также имѣли въ виду именно не монашескій только, а скорѣе мірской и общественный интересъ;—но, для бо́льшей точности этого изображенія древняго лѣтописанія, слѣдовало указать и то, что́ въ ней было личнымъ и случайнымъ элементомъ или отголоскомъ партій. Первая лѣтопись была уже сборникомъ, и потомъ ведется не въ одномъ только мѣстѣ—въ Кіевѣ, кромѣ печерскаго, еще въ выдубецкомъ монастырѣ; иныя кіевскія извѣстія сохранились даже только въ иногородныхъ лѣтописяхъ,—такъ что въ ней не было и полнаго единства записи; личный характеръ и талантъ лѣтописца отражались бо́льшею или меньшей живостью разсказа; съ давняго времени начинаетъ отражаться въ лѣтописи и вліяніе мѣстныхъ партій,—не говоря о томъ, что кіевскія, новгородскія, ростовскія и т. д. записи нерѣдко совершенно расходятся въ оцѣнкѣ событій, руководясь интересомъ своихъ земель... Впрочемъ, это вѣроятно будетъ разъяснено авторомъ впереди.

Въ общемъ выводѣ трудъ г. Забѣлина составляетъ замѣчательный вкладъ въ нашу историческую литературу. Можно не согласиться со многими его взглядами относительно нашей доисторической древности, которыхъ, впрочемъ, самъ авторъ не выдаетъ за окончательныя рѣшенія, но и здѣсь его критика указываетъ много слабыхъ сторонъ въ господствующихъ мнѣніяхъ и вызываетъ на новыя изслѣдованія; много отдѣльныхъ замѣтокъ послужатъ съ пользою для послѣдующихъ изыскателей; историческій обзоръ ученыхъ мнѣній о началѣ Руси (хотя полемическій смыслъ его, по нашему мнѣнію, преувеличенъ) мѣтко характеризуетъ многіе факты нашей исторіографіи. Наконецъ, послѣ вводной части книги, положительными достоинствами отличаются всѣ тѣ отдѣлы изслѣдованія, которые относятся къ бытовой археологіи. Изображеніе древняго общинно-родового быта, путей и способовъ народной колонизаціи, обстоятельствъ, вызвавшихъ «призваніе варяговъ», начатковъ городской жизни и болѣе сложнаго общественнаго порядка; характеристика древней лѣтописи и т. д. принадлежатъ къ лучшему, что́ только сдѣлано было по этимъ предметамъ въ послѣднее время.

«Разысканія» г. Иловайскаго разработываютъ ту же самую тэму, какъ и сочиненіе г. Забѣлина. Это — также попытка новаго изложенія русской исторіи, также полемика противъ норманистовъ и нѣмецкой учености, и новое построеніе русской древ-

ности на національныхъ основаніяхъ. При общей тэмѣ, оба сочиненія нерѣдко сходны по самому взгляду на предметъ, а также сходны по ошибкамъ; но «Разысканія» посвящены преимущественно опредѣленію древнихъ народностей, дѣйствовавшихъ въ области русскаго племени. Авторъ такъ объясняетъ поводъ къ своему труду. Онъ задумалъ сдѣлать, въ довольно обширномъ размѣрѣ, изложеніе русской исторіи. При этомъ онъ не могъ, конечно, имѣть въ виду самостоятельныхъ изслѣдованій по вопросамъ второстепенной важности, но не могъ обойти главнѣйшихъ вопросовъ, и особенно такихъ, какъ происхожденіе государственнаго быта, не подвергнувъ ихъ внимательному разбору. «Пересмотръ вопроса о происхожденіи русской національности и русской государственности, — говоритъ г. Иловайскій, — повелъ меня далеко въ глубь прошедшихъ вѣковъ; привелъ въ скиѳскія и сарматскія дебри; заставилъ пересмотрѣть и теоріи о другихъ народностяхъ, имѣвшихъ когда-то близкія отношенія къ Руси, въ особенности о болгарахъ». Эти изысканія начали появляться нѣсколько лѣтъ тому назадъ отдѣльными статьями въ журналахъ и теперь собраны въ одно цѣлое. То, что́ относится собственно къ норманскому вопросу, вызывало тогда и полемику, гдѣ г. Иловайскій спорилъ съ Погодинымъ, съ г. Куникомъ и Васильевскимъ.

Книга г. Иловайскаго распадается на нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя всѣ вращаются около древнѣйшаго періода исторіи русскаго народа или русской земли. Послѣ разсказа объ эллино-скиѳскомъ мірѣ на берегахъ Понта, идетъ изслѣдованіе о болгарахъ и Руси на Азовскомъ поморьѣ, далѣе — «о мнимомъ призваніи варяговъ» и о славянскомъ происхожденіи дунайскихъ болгаръ. Мы не имѣемъ возможности въ журнальной статьѣ входить въ подробности этихъ изслѣдованій, но ограничимся нѣсколькими пунктами. При всемъ сходствѣ многихъ тэмъ г. Иловайскаго съ мнѣніями г. Забѣлина, — какъ увидимъ, есть между ними и значительная разница. Г. Иловайскій также восходитъ до «скиѳскихъ дебрей», чтобы начать русскую исторію; также рѣшительно отрицаетъ мнѣнія норманистовъ о варяжскомъ призваніи; также вѣритъ въ своенародное начало русскаго государства; настаиваетъ на славянскомъ происхожденіи тѣхъ болгаръ, которые, послѣ предполагаемаго завоеванія въ VII вѣкѣ, дали свое имя балканскому племени славянъ, — при этомъ авторъ также недовѣрчиво относится къ прежнимъ ученымъ и аппелируетъ къ «непредубѣжденному» читателю. Несмотря на то, что оба автора выходятъ изъ общихъ основаній, въ ихъ выводахъ оказывается нерѣдко весьма

существенная разница. Такъ, въ самомъ началѣ изслѣдованія о скиѳахъ, г. Иловайскій сильно расходится съ г. Забѣлинымъ: послѣдній находитъ въ скиѳахъ (а потомъ сарматахъ и роксоланахъ) предковъ именно русскаго славянства; первый видитъ въ нихъ гораздо болѣе далекую, первобытную племенную формацію, именно думаетъ, что «скиѳы составляли одну изъ обширныхъ вѣтвей арійской или индоевропейской семьи народовъ, именно вѣтвь германо-славяно-литовскую» (стр. 7); скиѳы были разныхъ народностей, но главная ихъ масса — царскіе скиѳы, сарматы, будины (которыхъ г. Забѣлинъ называетъ вудинами, и считаетъ мордвой или вотяками), невры (по г. Забѣлину едва ли не радимичи)—принадлежала, по г. Иловайскому, къ семьѣ народовъ славяно-литовскихъ (стр. 22). Гунновъ авторъ считаетъ вовсе не славянскимъ, а угорскимъ племенемъ. «Артанія», упоминаемая у восточныхъ писателей какъ одна изъ земель русскаго славянства, по г. Забѣлину, есть несомнѣнно «Рязань», по г. Иловайскому, столь же несомнѣнно—Тмутараканское княжество, или Черная Болгарія (стр. 125). Извѣстный водный путь «изъ Варягъ въ Греки», по г. Забѣлину, несомнѣнно былъ извѣстенъ за нѣсколько столѣтій до историческаго основанія русскаго государства; по г. Иловайскому, онъ сталъ извѣстенъ уже только тогда, когда князья успѣли вполнѣ объединить русскую землю, т.-е. столѣтія два спустя послѣ лѣтописнаго основанія государства (стр. 228).

Изъ этихъ нѣсколькихъ примѣровъ (ихъ можно было бы привести еще больше) видно, что отвергнуть предразсудки и предубѣжденія нѣмецкой учености легче, чѣмъ найти дѣйствительное объясненіе трудныхъ историческихъ вопросовъ. Оба автора думаютъ, что наша первоначальная исторія спутана этими предразсудками; г. Иловайскій, въ особенности, думаетъ, что трудные вопросы рѣшаются очень легко, и однакоже оба изыскателя, выходя изъ одной точки зрѣнія и руководясь однимъ побужденіемъ, приходятъ къ результатамъ, замѣчательно непохожимъ и далекимъ одинъ отъ другого. Опять оказывается, что прежнія ошибки (если онѣ были) происходятъ не отъ одного нежеланія увидѣть истину, не отъ однихъ ученыхъ предразсудковъ, а оттого, что есть темные вопросы, которые вовсе не легко поддаются рѣшенію.

Главными цѣлями разысканій г. Иловайскаго было опровергнуть норманскую теорію, доказать самостоятельное происхожденіе государства въ средѣ самаго русскаго племени и также доказать славянское происхожденіе дунайскихъ болгаръ, которыхъ

авторъ придаетъ гораздо больше значенія въ древней русской исторіи, чѣмъ обыкновенно давалось до сихъ поръ. Мы укажемъ дальше различныя слабыя стороны теорій г. Иловайскаго, но охотно признаемъ, что въ его изслѣдованіяхъ высказано также не мало вѣскихъ возраженій противъ существующихъ понятій о древнемъ періодѣ нашей исторіи, и нѣкоторыя его замѣчанія не могутъ быть обойдены въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ, и вѣроятно окажутся очень справедливыми.

Г. Иловайскій утверждаетъ, что въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о призваніи мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ, какъ думаютъ норманисты, а съ частнымъ преданіемъ, которому онъ даже приписываетъ очень позднее происхожденіе. Онъ справедливо замѣчаетъ несообразность въ предположеніи о приходѣ цѣлаго племени и о внезапномъ преобразованіи «тихихъ и смирныхъ» славянъ въ воинственный и предпріимчивый народъ и устройствѣ государства, когда русское племя еще раньше было распространено въ южныхъ краяхъ, когда «Русь» (въ одномъ древнемъ варіантѣ лѣтописнаго извѣстія) является въ числѣ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи, когда призванные варяги оказываются имѣющими славянское поклоненіе Перуну и Волосу, когда о призваніи ничего не знаютъ иноземные писатели, которые хорошо знали, напримѣръ, объ Ольгѣ, и могли бы имѣть свѣдѣнія о томъ, какъ столь еще недавно передъ тѣмъ основалось впервые русское государство, и т. д. Авторъ справедливо указываетъ недостаточность и натянутость многихъ толкованій норманской теоріи, которыя притомъ, настаивая на отдѣльныхъ подробностяхъ лѣтописнаго разсказа, не разъясняютъ общаго состоянія народной жизни до и послѣ предполагаемаго призванія. Собственная мысль г. Иловайскаго (стр. 232 и слѣд.) состоитъ въ томъ, что добровольное призваніе иноземныхъ властителей немыслимо (стр. 190), и лѣтописный разсказъ о Рюрикѣ есть поздняя легенда, составившаяся лишь въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка, когда, по его мнѣнію, составлялся и первый лѣтописный сводъ; что эта легенда произошла вѣроятно въ Новгородѣ, гдѣ призваніе князей было обычаемъ; и тотъ фактъ, что другіе русскіе источники древняго періода ничего не знаютъ о призваніи варяговъ, показываетъ, что это была только частная варіація разсказовъ, ходившихъ о началѣ Руси. (Здѣсь опять замѣтимъ разницу съ г. Забѣлинымъ: онъ, напротивъ, вѣритъ въ призваніе и приводитъ историческій примѣръ приглашенія чужеземнаго властителя,—считаетъ только варяговъ не норманнами, а балтійскими славянами, и хронологію лѣтописи ошибочной).

Относительно другой своей тэмы—славянскаго происхожденія болгаръ, г. Иловайскій также совершенно расходится съ общепринятымъ мнѣніемъ, приписывающимъ этому племени угро-финское или алтайское происхожденіе. Разыскивая, по византійскимъ и арабскимъ источникамъ, исторію этого племени до нашествія его на Балканскій полуостровъ, когда оно еще держалось въ своихъ первоначальныхъ жилищахъ на берегу Азовскаго, потомъ Чернаго моря, и сличая имена, подъ которыми является это племя у разныхъ историковъ и въ разное время, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что это было племя славянское; подтвержденіе тому находитъ онъ въ томъ быстромъ смѣшеніи его съ покоренными балканскими славянами, которое не оставило въ послѣднихъ никакого угро-финскаго слѣда. Признавши ихъ славянами, авторъ объясняетъ этимъ различные факты, которые до сихъ поръ оставались темными и загадочными въ исторіи древней Руси: такъ авторъ объясняетъ основаніе далекаго русскаго княжества въ Тмутаракани (нынѣшняя Тамань), гдѣ русскіе князья, по его предположенію, могли утвердиться потому, что встрѣтили родственное болгарское племя; такъ онъ приписываетъ крымскимъ болгарамъ тѣ «русскія письмена», которыя по преданію найдены были Кирилломъ въ Корсуни и которыя до сихъ поръ составляютъ для ученыхъ камень преткновенія. Г. Иловайскій думаетъ, что это и были тѣ письмена, изобрѣтеніе которыхъ приписывается Кириллу, и что первое начало ихъ восходитъ къ гораздо болѣе раннему времени.

Не лишены вѣроятности предположенія г. Иловайскаго о давней связи кіевской Руси съ азовскимъ краемъ и ихъ сношеніяхъ не черезъ устье Днѣпра, а прямо отъ восточнаго угла, образуемаго теченіемъ этой рѣки, волокомъ и рѣками, впадающими въ Азовское море; этимъ путемъ, по Азовскому морю и Дономъ въ Волгу, по его мнѣнію шли извѣстныя нашествія руссовъ на при-каспійскія земли; и Саркелъ, на Дону, построенной хазарами при помощи греческихъ мастеровъ, назначался между прочимъ противъ руссовъ, почему Святославъ и разрушилъ эту крѣпость (стр. 105, 114).

По указаннымъ здѣсь историческимъ вопросамъ, изслѣдованія г. Иловайскаго представляютъ не мало счастливыхъ соображеній, которыя могутъ найти мѣсто въ наукѣ—но только послѣ новой болѣе внимательной повѣрки. Новые взгляды г. Иловайскаго вообще больше намекаютъ на рѣшеніе вопросовъ, чѣмъ рѣшаютъ ихъ дѣйствительно; основываются на общихъ историческихъ вѣроятностяхъ, чѣмъ на прочныхъ доказательствахъ. Авторъ не-

рѣдко очень удачно открываетъ слабые пункты прежнихъ мнѣній, но его собственныя построенія остаются мало доказательны, неясны, а многія подробности совершенно произвольны и ниже всякой критики.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Отвергая норманскихъ варяговъ, онъ объявляетъ лѣтописное извѣстіе чистой легендой. Очень возможно; но легенда не есть нѣчто совсѣмъ произвольное, чтó историкъ можетъ просто отложить въ сторону, какъ ни къ чему ненужную вещь. Можно не принять ея разсказа за дѣйствительный фактъ, но необходимо объяснить, почему же она могла произойти. Легенда можетъ представлять ошибочно событіе, ею передаваемое, но она сама есть историческій фактъ, выражая понятія своего времени, и въ этомъ смыслѣ она вовсе не случайна и требуетъ обстоятельнаго объясненія. Въ данномъ случаѣ, легенда указываетъ ясный и точный фактъ, что именно тогда-то призваны были князья по совѣту нѣсколькихъ соединившихся племенъ; лѣтописецъ выдаетъ это вовсе не за предположеніе или слухъ, какъ за слухъ выдаетъ онъ свои разсказы о Кіѣ и основаніи Кіева или даже о мѣстѣ крещенія Владиміра; самъ онъ, очевидно, не сомнѣвается въ призваніи варяговъ, потому что говоритъ о немъ въ ясной, положительной формѣ. Что же нашелъ г. Иловайскій сказать о происхожденіи легенды? Онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 230 и слѣд.) приписываетъ ее Новгороду, который имѣлъ дѣйствительныя отношенія съ варягами и гдѣ было въ обычаѣ призывать къ себѣ князей; въ другомъ мѣстѣ (стр. 288 и слѣд.) онъ такъ объясняетъ появленіе легенды въ кіевской лѣтописи. Кіевскій лѣтописецъ конца XII или начала XIII вѣка говоритъ съ великими похвалами о кіевскомъ князѣ Рюрикѣ Ростиславичѣ, который покровительствовалъ Выдубецкому монастырю, гдѣ велась лѣтопись; по мнѣнію автора, лѣтописецъ Выдубецкаго монастыря, которому приписываетъ онъ и самое составленіе лѣтописнаго свода, законченнаго на Рюрикѣ Ростиславичѣ, могъ вставить легенду о призваніи для прославленія имени этого позднѣйшаго Рюрика [1]). Предположеніе, черезчуръ произвольное: чтобы дать ему вѣроятіе, надо вновь перестроить всё

---

[1]) „Итакъ, весь этотъ лѣтописный сводъ не получитъ ли въ нашихъ глазахъ характеръ нѣкоторой цѣльности и нѣкотораго литературнаго построенія, такъ какъ повѣствованіе о русскихъ князьяхъ начинается Рюрикомъ и кончается также Рюрикомъ? Другими словами: насколько такое совпаденіе есть дѣло простого случая? Или: имѣемъ ли право предположить, что Выдубецкій монастырь поусердствовалъ своему благодѣтелю, выдвигая въ лѣтописи на передній планъ *домыселъ* о призваніи варяговъ, украшенный именемъ его благодѣтеля?"

сдѣланныя до сихъ поръ изслѣдованія о составѣ лѣтописи; притомъ вовсе неясно, какимъ образомъ новгородская легенда послужила для кіевскаго панегирика; въ самой передачѣ легенды нѣтъ ни малѣйшаго признака, чтобы она приводилась для какого-нибудь хвалебнаго сопоставленія; если нуженъ былъ Рюрикъ для такого сопоставленія, то зачѣмъ являются еще Синеусъ и Труворъ, зачѣмъ Оскольдъ и Диръ, и т. д. и т. д.?

Отвергая призваніе варяговъ вообще, г. Иловайскій отвергаетъ и приходъ князей съ балтійскаго поморья, защищаемый г. Гедеоновымъ, но удовольствовался однимъ голословнымъ отрицаніемъ (стр. 188), которое не весьма убѣдительно, потому что теорія г. Гедеонова обставлена все-таки довольно прочно; это отрицаніе не разъясняетъ недоумѣнія о древнѣйшихъ фактахъ, записанныхъ въ начальной лѣтописи.

Точно также доказательства славянскаго происхожденія болгаръ и выводимыя изъ него заключенія основаны опять не столько на ясныхъ историческихъ данныхъ, сколько на общихъ соображеніяхъ, на исторической теоріи вѣроятностей. Не споримъ, что въ разсужденіяхъ автора дѣйствительно есть извѣстная доля вѣроятности; но онъ слишкомъ полагается на свои выводы и слишкомъ торопится къ выводу, когда дѣло еще далеко не выяснено: онъ слишкомъ рано считаетъ опровергнутыми мнѣнія противниковъ, и, быть можетъ, поэтому не ищетъ для своего взгляда болѣе точныхъ аргументовъ, которые были бы нелишними. Точно также и въ вопросѣ объ изобрѣтеніи славянской азбуки. Этотъ вопросъ издавна привлекалъ вниманіе ученыхъ, и въ послѣднія десятилѣтія особенно былъ изслѣдуемъ лучшими знатоками славянской древности, и однако въ немъ остаются темные пункты, которые не поддавались объясненію именно потому, что эти ученые искали разрѣшить ихъ не одними догадками, а твердыми историческими основаніями. Г. Иловайскій употребляетъ и здѣсь героическое средство—смѣлую догадку, пущенную на авось.

Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Иловайскаго есть цѣлая большая доля, гдѣ «авось» господствуетъ неограниченно; это—та доля разсужденій, гдѣ авторъ дѣлаетъ сличенія и филологическія производства собственныхъ именъ народовъ, городовъ, рѣкъ и людей. Г. Забѣлинъ (отчасти и самъ г. Иловайскій) обвиняли норманистовъ за злоупотребленіе подобными сравненіями, когда норманисты старались объяснять русскія имена скандинавскими; но здѣсь, въ «славянской» школѣ, мы имѣемъ образчики такого непостижимаго произвола, какой у норманистовъ можно встрѣ-

тить развѣ только лѣтъ сто тому назадъ. Ограничимся изъ массы примѣровъ только немногими.

Авторъ не затрудняется объяснить изъ русскаго языка самыя мудреныя имена, которыя приводили въ недоумѣніе самыхъ пытливыхъ ученыхъ. Возьмемъ, напримѣръ, скиѳовъ, тавроскиѳовъ или готовъ. Г. Иловайскій разсуждаетъ объ этихъ именахъ такъ: «тавроскиѳы суть видоизмѣненіе болѣе древняго названія греческаго Тиригеты или Тырангиты (!), т.-е. обитатели береговъ рѣки Тыра [1]). Тыръ, Туръ и Тауръ или Тавръ суть разныя произношенія одного и того же слова (?). *Точно также* гиты, геты, готы и гуты суть видоизмѣненіе корня *гыт*, которое мы сближаемъ съ *кыт*, отвуда пошли *кут*, *кит*, *кат* и *кот* (или *кош*); звукъ *г*, какъ извѣстно, легко переходитъ въ *к*. Букву *с* мы считаемъ приставочною въ словѣ скиты. Что у грековъ скиты (т.-е. скиѳы) могло быть видоизмѣненіемъ слова геты или гиты съ приставкою *с* по эолійскому произношенію (!), было высказано еще Салмазіемъ, лейденскимъ профессоромъ въ XVII-мъ вѣкѣ» и т. д. Эти невѣроятныя словопроизводства читатель можетъ видѣть на стр. 243—244.

Несторовы «Тиверцы» послѣ этого совершенно ясны; это— Тавричи или Тыричи.

Если читатель пожелаетъ узнать, что́ такое были сарматы, онъ и на это получитъ такой же положительный отвѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ авторъ объясняетъ, что «имя сербы или сервы въ болѣе полной формѣ (!) было серваты, сарваты, савароматы, савроматы, или сарматы» (стр. 225). Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ: «*извѣстно*, что наша севера (т.-е. сѣвера, или сѣверяне) есть тоже, что сервы или сербы, имя, когда-то бывшее не видовымъ, а родовымъ названіемъ для значительной части славянскихъ племенъ» (стр. 112, 258). Но, во-первыхъ, авторъ неправильно пишетъ самое имя сѣверскаго племени; во-вторыхъ, что сѣверяне и сербы одно и то же, это далеко не «извѣстно».

Относительно вятичей г. Иловайскій съ полной увѣренностью говоритъ, что это—анты, древнее названіе славянскаго племени (т.-е. догадку Гильфердинга онъ выдаетъ за фактъ).

Хорваты,—послѣ ряда такихъ же переодѣваній, какимъ подвергнуты были скиѳы и сербы,—оказываются кривичами и авторъ совсѣмъ отвергаетъ то объясненіе этого племени, какое принимаетъ г. Забѣлинъ (стр. 225); волыняне оказываются тѣми хвалисами, по которымъ называли нѣкогда Каспійское море.

---

[1]) Такъ переименовалъ г. Иловайскій рѣку Тирасъ, какъ древніе называли Днѣстръ.

Разсуждая о роксоланахъ, которые были, конечно, русскіе, г. Иловайскій замѣчаетъ: «обратимъ вниманіе на роксоланскія имена у Іорнанда. Санелга (знатная роксоланская женщина), *очевидно* (?), заключаетъ въ себѣ коренное древне-русское имя Ольга или Елга (въ этой формѣ у Константина Багрянороднаго), встрѣчающееся также въ названіяхъ рѣкъ Олегъ, Волга, Ольга (болото) и проч.» (стр. 108). Другія роксоланскія имена были, наприм.: Распарасанъ, Сарусъ, Амміусъ и т. п.—очевидно, самыя русскія. Черезъ нѣсколько страницъ, имя Елгъ (какъ авторъ переименовываетъ Олега) оказывается очень близкимъ къ имени «Илигеръ» у народа сабировъ, жившаго подъ Кавказомъ (стр. 113): относительно этихъ сабировъ или савировъ авторъ не рѣшаетъ, означаютъ ли они аваръ или все тѣхъ же нашихъ сѣверянъ, или же савроматовъ (авторъ забылъ, что по его же толкованію савроматы то же что сербы, а сербы то же что сѣверяне).

Не меньшую смѣлость филологическихъ объясненій показываетъ г. Иловайскій въ толкованіи имени острова Ѳулы (Thule). Преданіе разсказываетъ, что герулы, убивши своего царя, посылали на этотъ островъ посольство, для призванія другого царя изъ ихъ рода. Обыкновенно думаютъ, что островъ Thule означаетъ Исландію, Скандинавію или Британію. Но г. Иловайскій думаетъ, что это названіе перенесено было на сѣверъ изъ болѣе южныхъ странъ. «Если возьмемъ въ разсчетъ обычный въ арійскихъ языкахъ переходъ *р* въ *л*, то вмѣсто Ѳула или Тула получимъ Тура, т.-е названіе, которое будетъ въ связи съ рѣкою Тыръ (Днѣстръ) и полуостровомъ Тавръ (Крымъ): послѣдній представлялся древнимъ также и островомъ» (стр. 252). Этотъ удивительный Тыръ объясняетъ у г. Иловайскаго все что угодно: Тырь превращается въ Стырь, потомъ въ Стрибога (стр. 260). Филологическія объясненія древнихъ славянскихъ божествъ (стр. 261—262), собственныхъ именъ въ Игоревомъ договорѣ и т. п. просто ужасны.

Не говоримъ о болѣе мелкихъ ошибкахъ, которыя странно встрѣчать въ ученомъ и притомъ полемически-наступательномъ сочиненіи; такъ, напр., г. Иловайскій упорно пишетъ Ѳанагорія вмѣсто Фанагорія, и т. п. Такъ странно совмѣщены въ книгѣ г. Иловайскаго замѣчанія, очень полезныя для дальнѣйшей разработки вопроса, и странныя, ребяческія ошибки, отъ которыхъ могло бы предохранить даже самое общее знакомство съ филологическими пріемами и съ тѣмъ, что уже сдѣлано для изученія стараго языка и миѳологіи.

Но несмотря на это не весьма счастливое «Введеніе», самая

книга г. Иловайскаго, т.-е. первая часть его «Русской Исторіи», производитъ пріятное впечатлѣніе. Мы не повторимъ отзыва, явившагося недавно въ одномъ изданіи, объ этой книгѣ, какъ о замѣчательномъ «художественномъ» произведеніи, — потому что имѣемъ объ этомъ словѣ другое понятіе,—но книга написана живо, читается легко и съ интересомъ. Оригинальную новость въ этой «Исторіи» составляютъ тѣ взгляды автора, которые мы указывали въ «Разысканіяхъ» — отверженіе варяговъ и другія упомянутыя выше подробности: авторъ начинаетъ прямо съ очень живого изображенія Константинополя X-го вѣка, какъ перваго мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, является Русь впервые на чисто историческомъ поприщѣ во время нападенія Игоря; Рюрикъ не упомянутъ словомъ,—его мѣсто не въ исторіи, а въ литературной легендѣ,—Олегъ упомянутъ мелькомъ, а первымъ историческимъ княземъ названъ Игорь. Впрочемъ, эти нововведенія—какъ мы видѣли, не вполнѣ еще доказанныя, — выставлены здѣсь въ довольно осторожной формѣ, и къ счастію, авторъ избѣжалъ здѣсь филологическихъ соображеній. Въ дальнѣйшемъ изложеніи быта, нравовъ и событій особенно новаго немного, но разсказъ хорошъ. Изложеніе доведено въ 1-й части до начала XIII-го вѣка.

А. Пыпинъ.

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

и

НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

ФРИДРИХА II, IОСИФА II.

1780—1786.

XIV *).

Фридрихъ II и подготовка „Союза князей“.

Значеніе національной политики Фридриха II.—Предсказаніе Ленина.—Предсмертное настроеніе Фридриха.—Его увлеченіе идеей княжескаго союза.—Указъ Фридриха о союзѣ.—Первыя депеши и противодѣйствіе имъ Герцберга.—Характеристика Фридриха-Августа III саксонскаго, Штуттергейма и Георга III ганноверскаго.—Отвѣтъ Саксоніи и Ганновера на проектъ Фридриха II.—Фридрихъ и владыки.—Вторая попытка Фридриха.—Первый проектъ Герцберга.—Вліяніе обмѣна земель.—Фердинандъ брауншвейгскій.—Сочувствіе Ганновера къ лигѣ.—«Окончательный» проектъ Герцберга.—Разсылка проекта.—Союзъ князей и политическое положеніе Европы.

Фридриху II, а не Герцбергу съ кронпринцемъ, принадлежала идея союза князей. Она уже сложилась въ его головѣ, когда онъ вступилъ на престолъ; она сопровождала его и въ могилу. Фридрихъ хватался за нее при всякомъ удобномъ случаѣ, и въ мирное время, и среди громовъ войны (см. гл. I и

---

*) См. выше: іюль, 279 стр.

IV). Онъ готовъ былъ провести ее въ жизнь всякими средствами, не исключая «покровительства русскаго двора», и только отказъ Екатерины и ея союзъ съ Іосифомъ заставили его полагаться въ этомъ дѣлѣ только на самого себя. Съ тѣхъ-то поръ Фридрихъ сталъ внушать нѣмцамъ, что Россія—самый опасный врагъ ихъ, за которымъ нужно зорко слѣдить, и что Іосифъ измѣнилъ «отечеству» уже вслѣдствіе своего союза съ нею. Съ тѣхъ же поръ онъ началъ привыкать къ роли нѣмецкаго патріота, которая такъ изумляла его самого въ началѣ царствованія. И въ этомъ смыслѣ правъ нѣмецкій историкъ, доказывающій, что сознаніе связи съ Германіей, «бывшее сначала смутнымъ предчувствіемъ, росло въ Пруссіи вмѣстѣ съ Фридрихомъ Великимъ» [1]).

Конечно, вслѣдствіе перемѣны въ политикѣ Фридриха послѣ губертсбургскаго мира не измѣнилось значеніе національной роли Пруссіи. Тотъ же нѣмецкій историкъ замѣчаетъ: «какъ нѣмецкая политика Австріи австрійская, такъ нѣмецкая политика Пруссіи всегда была прежде всего прусская—тутъ не должно обманывать себя, и она въ томъ только случаѣ могла превратиться въ истинно-нѣмецкую, когда бы Германія и Пруссія растворились другъ въ другѣ... Фридрихъ II, защищая имперскую конституцію, дѣйствовалъ вовсе не изъ фантастическаго стремленія сохранить имперскую систему, а лишь изъ желанія спасти ее отъ постепеннаго поглощенія Австріей» [2]). Должно припомнить, что уже въ 1757 году храбрые генералы въ Потсдамѣ поговаривали объ украшеніи Фридриха императорскою короной. И тогда же воскресло старое предсказаніе Ленина [3]), которое усердно стали растолковывать мудрецы, въ особенности же его 95-й стихъ:

Et pastor gregem recipit, Germania regem
(И пастырь находитъ свое стадо, а Германія своего короля).

---

[1]) *Ad. Schmidt*: Preussens deutsche Politik, 25.

[2]) Тамъ же, 23—25.

[3]) Это предсказаніе мнимаго древняго ленинскаго монаха, состоящее изъ сотни плохихъ латинскихъ стиховъ, составлено наканунѣ XVIII вѣка, и по всей вѣроятности въ Берлинѣ. Его судьба представляетъ любопытное культурное явленіе, характеризующее общество прошлаго вѣка. Пророчество сначала ходило по рукамъ въ рукописи, какъ святыня, и увлекало всѣхъ, отъ крестьянина до дипломата и ученаго. Въ печати оно появилось въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, и съ тѣхъ поръ выдержало множество изданій съ кучей курьёзныхъ комментаріевъ. Кому только мудрые толкователи не предназначали императорскую корону! И къ какимъ только уловкамъ не прибѣгали они, чтобы вывернуться тамъ, гдѣ пророчество уже было опровергнуто событіями самымъ безпощаднымъ образомъ! На-дняхъ появилось новѣйшее изданіе ленинскаго пророчества (*Hilgenfeld:* Die Lehninische Weissagung

Чѣмъ дряхлѣе становился Фридрихъ, тѣмъ болѣе выдвигалась у него на первый планъ идея «союза князей». А никогда онъ не былъ такою развалиной, какъ въ тѣ минуты, до которыхъ мы дошли. Тяжело читать его письма того времени къ любимому брату, Генриху: «люди — говоритъ онъ, — пресмѣшное созданье, бездѣлка, рейнсбергскій муравей... Мы—жалкій атомъ, прозябающій въ самомъ презрѣнномъ состояніи... Не старайся, братъ, возвысить, облагородить, въ моихъ глазахъ, родъ человѣческій... Стоитъ ли онъ чего-нибудь, когда въ немъ порой мудрѣйшихъ увлекаютъ тѣ, которымъ они должны бы предписывать законы?.. Наши дѣла—дѣтскія игры... Ни религія, ни философія — ничто не исправитъ человѣчества, движимаго однѣми страстями... Не стоитъ ничего желать, ни о чемъ сожалѣть. Уходя изъ жизни, немного теряешь». Самъ все еще не довѣряя религіознымъ истинамъ, какъ въ юности, Фридрихъ однако начиналъ сожалѣть объ ихъ ослабленіи и предвѣщать великія опасности обществу отъ новаго направленія умовъ. Вездѣ представлялись ему одни трупы, и прежде всего его собственный. «Мои страданія — говоритъ онъ — предшественники смерти... Мое дряблое тѣло, почти лишенное памяти — ветхая, разбитая машина... Я кое-какъ таскаю мои старыя кости: силъ уже нѣтъ, остается одна добрая воля, да и той не надолго хватитъ... Ко мнѣ идутъ слова Марка-Аврелія: ты — душа, влачащая трупъ». Часто Фридрихъ упоминаетъ о своемъ близкомъ «путешествіи ad patres, въ Елисейскія поля», куда уже отправленъ его «главный багажъ». «Другъ мой, укладывайся!» говоритъ онъ самъ себѣ и прибавляетъ, что нисколько не сожалѣетъ объ этомъ, ибо «смерть желательнѣе страдальческой жизни».

Чѣмъ сильнѣе овладѣвало Фридрихомъ это предсмертное настроеніе, тѣмъ болѣе онъ становился, по его собственному сознанію, «боязливымъ и осторожнымъ». Европейская политика представлялась ему ужаснымъ «хаосомъ» и «кризисомъ», въ которомъ Пруссія кружилась, какъ пылинка въ вихрѣ. «Интересы Пруссіи и даже Германіи, по его словамъ, — мелочи, къ которымъ равнодушна вселенная. Планеты все также будутъ двигаться вокругъ солнца, увлекая насъ за собой — будемъ ли мы свободными, или рабами... Не намъ, пруссакамъ, разсѣять этотъ странный политическій хаосъ: это — дѣло двухъ императорскихъ дворовъ. Мы висимъ въ воздухѣ, безъ союзовъ, безъ друзей, уединенные, какъ Англія». Никогда еще Іосифъ и Екатерина не

über die Mark Brandenburg nebst der Weissagung von Benedictbeuren über Bayern. Ленинское предсказаніе вызвало нѣсколько серьёзныхъ изслѣдованій (Wilken, Giesebrecht).—Ср. *Schmidt*: Preussens deutsche Politik, 11—16.

были такъ страшны и ненавистны Фридриху. Въ концѣ 1782 года, когда онъ еще не зналъ о русско-австрійскомъ союзѣ, ему казалось, что Іосифъ одинъ «внезапно бросится на Пруссію и начнетъ столь же разрушительную войну, какъ въ 1756 г.». Онъ жаловался брату, что этотъ «буйный, проклятый» Іосифъ, съ своими «гнусными проектами», не дастъ ему умереть спокойно. Екатерину Фридрихъ иначе не называлъ тогда, какъ «великою, вседержавною повелительницей (grande pantocratrice), которая не даетъ дороги Провидѣнію и съ высоты своего престола будетъ предписывать деспотическіе законы потентатамъ нашей планеты». Онъ «чувствовалъ свое униженіе передъ ней», но оправдывался тѣмъ, что «былинка не должна жаловаться, если дубовая вѣтвь свалится на нее и раздавитъ ее». Онъ только выражалъ желаніе, чтобы русскіе, «эти варвары, эти медвѣди (oursomanes) занимались какою-нибудь Кубанью, а не Пруссіей». Но при всѣхъ такихъ мрачныхъ разсужденіяхъ, Фридрихъ восклицалъ: «я слишкомъ люблю мое отечество, чтобы безчувственно смотрѣть на угрожающую ему участь!.. Я не хочу заслужить упрека; не хочу, чтобы сказали, по смерти моей, что я пренебрегъ хоть чѣмъ-нибудь!.. Стражъ долженъ быть бдителенъ!.. Я работаю на благо государства, какъ честный человѣкъ» [1]).

Фридрихъ разумѣлъ подъ «работой» самый важный изъ политическихъ союзовъ, объ отсутствіи которыхъ онъ такъ сожалѣлъ — союзъ князей. Тогда онъ, можно сказать, только и жилъ этою идеей. Онъ рѣшился «непремѣнно осуществить ее до своей смерти». Фридрихъ опредѣлилъ посвятить ей свои послѣдніе дни, какъ «честный гражданинъ», какъ «вѣрный слуга отечеству». Онъ не хотѣлъ промѣнять ее ни на что — ни даже на земельныя пріобрѣтенія. Эта идея была въ глазахъ Фридриха «послѣднимъ средствомъ противъ честолюбія, прожорливости и деспотизма императора», которое «если не сдѣлаетъ всего, то хоть отсрочитъ» бѣдствіе. Онъ даже надѣялся извлечь изъ нея прямую пользу для Пруссіи, собравъ во имя ея «нѣсколько денегъ для субсидій, которыя становились необходимой издержкой, въ виду окружающихъ обстоятельствъ». Наконецъ, онъ думалъ, что лига устранитъ страхъ, связанный съ изолированнымъ положеніемъ въ Европѣ, который мучилъ его и «не давалъ ему заняться необходимыми внутренними операціями» [2]).

---

[1]) Переписка Фридриха съ братомъ, въ его *Oeuvres*, XXVI, 478—532. Cf. XXVII (1 part), 351 sq.

[2]) Изъ инструкцій Фридриха своимъ министрамъ и дипломатамъ, напечатанныхъ у *Шмидта*: Unionsbestrebungen, I, 51, 171, 204, 219, 246.

Такъ какъ Фридрихъ еще въ 1783 году часто заговаривалъ съ своими министрами о союзѣ князей, и даже открыто, на обѣдахъ, а между тѣмъ все еще чего-то опасался, чего-то поджидалъ, то его не поняли даже приближенные. Наслѣдный принцъ и Герцбергъ думали, что это лишь болтовня старика, который «боится то шума, то издержекъ», и что «при малѣйшемъ препятствіи все превратится въ комедію». Но весной 1784 года передъ ними какъ-бы снова воскресъ молодой Фрицъ. Теперь, точно также какъ передъ баварской войной, Фридриху трудно было рѣшиться на важный шагъ; но разъ рѣшившись, онъ уже пошелъ бодро, съ прежней ловкостью и непоколебимой энергіей. Онъ негодовалъ на мѣшкотность своего министерства и, можно сказать, ежедневно настаивалъ на немедленномъ исполненіи плана, потому что «пришла пора—и безъ этого Пруссія погибла; а въ двѣ недѣли не соберешь столько головъ подъ одну шапку» [1]).

Послѣднимъ толчкомъ къ рѣшенію Фридриха были тревожныя вѣсти изъ Регенсбурга о новыхъ происках Австріи на сеймѣ и о какихъ-то «захватахъ» въ Германіи, замышляемыхъ Іосифомъ, который тогда поднималъ дѣло объ обмѣнѣ земель. Въ мартѣ 1784 года Фридрихъ далъ своему министерству замѣчательный кабинетный указъ, который служитъ исходною точкой союза князей. Въ немъ сказано: «мы совершенно лишены союзниковъ, поэтому намъ крайне необходимо работать изъ всѣхъ силъ, чтобы устроить въ имперіи родъ *ассоціаціи*, на подобіе Шмалькальденской лиги. У насъ нѣтъ другого средства, *ибо мы* положительно *не можемъ разсчитывать на Россію.* Напротивъ, можно даже предвидѣть, что, если не умретъ императрица, императоръ вовлечетъ ее въ свои виды. Сѣверныя державы, то-есть Данія и Швеція, трепещущія передъ Россіей, не пошевелятся, да онѣ и не въ состояніи ничего сдѣлать, вслѣдствіе своего безсилія. Англія истощена послѣднею войной, да если бы и оправилась, не станетъ дѣйствовать противъ Россіи. Франція только-что сняла маску, гнусно и низко потворствуя Австріи... Соображая все это и еще принимая въ разсчетъ мои лѣта, я не вижу другого средства, какъ составить лигу въ имперіи для поддержки правъ и преимуществъ князей. Такъ можно надѣяться вовлечь въ ассоціацію *какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ фюрстовъ.* Но чтобы имѣть успѣхъ, нужно быть готовымъ платить субсидіи этимъ господамъ, какъ только придется пустить ихъ въ ходъ... Тутъ должно браться за дѣло не лѣниво.... Если мы будемъ си-

[1]) *Schmidt*: Unionsbestrebungen I, 24 sq. 50—56, 75, 81, 171, 228.

дѣть, сложа руки, никто не возьмется за него. Поэтому куйте желѣзо возможно скорѣе... Не должно медлить съ началомъ дѣла» [1]).

Замыселъ Фридриха тотчасъ же встрѣтилъ сопротивленіе въ его собственныхъ министрахъ. Старикъ Финкенштейнъ медлилъ просто по свойственной ему вялости и нерѣшительности; Герцбергъ же, служившій молодому двору, сознательно старался затянуть дѣло. Онъ даже пытался отсовѣтовать его, ссылаясь на неблагопріятный моментъ, и находилъ, что лучше бы, вмѣсто этихъ опасныхъ затѣй, не скупиться и содержать въ Германіи министра, а не простого резидента. Но воля Фридриха была непреклонна, и тотчасъ же были отправлены извѣстительныя депеши въ Цвейбрюкенъ, Дрезденъ и Ганноверъ: согласіе этихъ князей означало бы соединеніе всѣхъ свѣтскихъ курфюрстовъ, такъ какъ, въ виду близкой смерти Карла-Теодора, курфюрстомъ пфальцскимъ считался въ Берлинѣ уже не онъ, а его племянникъ. Впрочемъ, это было опять лишь сондированіе почвы да «подготовка матеріаловъ». Говорилось только о «дружеской перепискѣ, о соглашеніи и неусыпномъ присматриваніи» за происками императора. И до того боялись огласки дѣла, что Фридрихъ, рѣшившись извѣстить также маркграфа аншпахъ-байрётскаго, какъ своего родственника, послалъ депешу къ нему черезъ Дрезденъ, чтобы миновать австрійскія владѣнія. Но хуже всего было то, что Герцбергъ приложилъ къ депешамъ свои частныя письма, въ которыхъ совѣтовалъ фюрстамъ «отдѣлаться какими-нибудь общими отвѣтами», потому что въ Потсдамѣ вовсе не думаютъ «теперь же браться за дѣло». Прусскій министръ увѣрялъ, что Фридрихъ «мучитъ» своихъ сотрудниковъ лишь «вздоромъ» (chipotage) и «совершенно парадоксальными» затѣями, которыя притомъ хочетъ проводить черезъ «ничтожныхъ агентовъ, служащихъ даромъ, не видавшихъ въ глаза никакого двора и понимающихъ только рекрутскія да колонистскія дѣла». Герцбергъ утѣшалъ своихъ корреспондентовъ только тѣмъ, что у короля довольно сильные припадки подагры [2]).

При такихъ условіяхъ начало дѣла не предвѣщало успѣха. Отвѣты на извѣстительныя депеши были неутѣшительны. Изъ Цвейбрюкена пришло только письмо Гофенфельса къ Герцбергу, въ которомъ, конечно, вполнѣ одобрялся взглядъ послѣдняго. Въ

[1]) Фридрихъ Финкенштейну, отъ 6-го марта 1784 года. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 50 sq.

[2]) *Görtz*, I, 281.—*Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 57—75.

Саксоніи господствовалъ такой же разладъ въ правительственныхъ кругахъ, какъ въ Берлинѣ. Курфюрсту Фридриху-Августу III (1768—1827) было гораздо легче справляться съ своею внутренней, чѣмъ съ внѣшней политикой. Подъ его почти 20-ти-лѣтнимъ правленіемъ страна отдохнула отъ той сказочной роскоши двора, при двухъ польскихъ Августахъ, слѣдствія которой были вреднѣе ужасовъ Семилѣтней войны. Правда, въ началѣ царствованія Фридриха-Августа при дворѣ все еще числилось 150 камергеровъ и 97 камеръ-юнкеровъ, а въ 25-тысячной арміи—4 генералъ-фельдмаршала, 13 генералъ-лейтенантовъ, 13 генералъ-маіоровъ и т. д., и дворъ поглощалъ $^1/_6$, а армія $^1/_3$ бюджета. Но эти расходы постоянно сокращались, а управленіе становилось все проще и разумнѣе. Финансы поправились и Европа изумлялась процвѣтанію кредита въ Саксоніи; города богатѣли и обнаруживали духъ независимости; даже печать, стѣсняемая менѣе, чѣмъ у другихъ фюрстовъ, выказывала признаки жизни, и появились школы новой, лучшей системы, учительскія семинаріи, новыя каѳедры въ университетахъ. Этому способствовало сохраненіе земства. Іосифъ II находилъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого хорошаго земскаго управленія, и называлъ Саксонію «самымъ счастливымъ соединеніемъ монархіи съ демократіей» [1]). Много значила и благодарная природа страны. Въ Саксоніи промышленность, безъ правительственной опеки, была солиднѣе, чѣмъ въ Пруссіи, гдѣ Фридрихъ II старался помогать ей всѣми мѣрами. Но внѣшняя политика Саксоніи всегда представляла гордіевъ узелъ. Страна была какъ въ тискахъ, между великими державами Германіи. Къ тому же связь съ Польшей, послѣ двухъ Августовъ, стала какъ-бы династическимъ преданіемъ въ Дрезденѣ и вовлекла Саксонію въ русскую политику.

Фридрихъ-Августъ, конечно, страшился усиленія такого союзника какъ Гогенцоллернъ, но онъ помнилъ, чего стоила его предшественнику склонность къ Габсбургамъ, въ эпоху Семилѣтней войны, и даже считалъ себя лично обязаннымъ Фридриху II [2]). Сверхъ того, властолюбивыя стремленія Іосифа заставляли его, въ описываемое время, не только отвернуться отъ Вѣны, но даже тайкомъ искать опоры противъ нея. Курфюрсту, а также большинству его министровъ, понравилась идея союза князей: по-

---

[1]) *Testament politique de Joseph II*, II, 172.

[2]) Мать ненавидѣла Фридриха-Августа и желала доставить корону своему второму сыну. Съ этою цѣлью она рѣшилась, жертвуя своею честью, заявить на имперскомъ сеймѣ, что Фридрихъ-Августъ ея незаконный сынъ. Фридрихъ II помогъ послѣднему, во-время извѣстивъ его объ опасности.

добно фюрстамъ-патріотамъ, онъ могъ обольщаться мыслью, что Пруссія будетъ играть здѣсь лишь роль Бранденбурга, то-есть курфюршества, и притомъ менѣе важнаго, чѣмъ Саксонія. Но, съ другой стороны, Фридрихъ-Августъ весьма опасался, что такой серьёзный шагъ противъ императора вовлечетъ его въ войну, которая прежде всего охватила бы его владѣнія, и ужъ во всякомъ случаѣ это разстроило бы дружбу Дрездена съ Петербургомъ, откуда курфюрстъ все еще мечталъ получить польскую корону. А главное—Фридрихъ-Августъ боялся нарушить «нейтральную систему», которая составляла гордость и древнее преданіе страны, согласно съ ея географическимъ положеніемъ. Внѣшней политикѣ Саксоніи соотвѣтствовалъ характеръ ея государя. Фридрихъ-Августъ былъ человѣкъ болѣе прилежный, чѣмъ даровитый. Онъ самъ изучалъ дѣла до мелочей, распредѣляя свои занятія по часамъ съ поразительной пунктуальностью. Это былъ завзятый законникъ до формализма: онъ и себѣ не дозволялъ ничего лишняго, не желалъ увеличить свои земли или власть, и его называли справедливымъ. Фридрихъ-Августъ былъ во всемъ умѣренъ и аккуратенъ, а экономность его граничила съ скупостью: и его казна все увеличивалась, безъ ущерба подданнымъ, а армія была доведена до 30 тысячъ. Онъ былъ скорѣе консерваторъ, чѣмъ «просвѣщенный»: но, изучивъ добросовѣстно дѣла, онъ находилъ, что не должно быть клерикализма, бюрократіи, кабинетной юстиціи, продажи судебныхъ мѣстъ, пытокъ и т. д. Саксонцы не любили этого сухого, скрытнаго и черезчуръ осторожнаго формалиста, но уважали его за скромность: они сами были тяжелы на подъемъ и не терпѣли быстрыхъ мѣръ. Подозрительность и боязливость Фридриха-Августа лучше всего проявлялись во внѣшней политикѣ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Карла цвейбрюкенскаго, женатаго, въ свою очередь, на его сестрѣ, переговаривался съ Карлсбергомъ и принималъ у себя прусскихъ агентовъ, но въ то же время старался женить своихъ сыновей на австрійскихъ принцессахъ [1]).

Колебанія курфюрста были разсѣяны тайнымъ совѣтникомъ Штуттергеймомъ, который игралъ роль Одиссея въ дрезденской дипломатіи. Это былъ хитрый, опытный старикъ, извѣдавшій какъ военное, такъ и дипломатическое поприще. Онъ лѣтъ десять былъ посланникомъ въ Берлинѣ и уже лѣтъ семь занималъ должность

[1]) *Joseph II und Leopold*, II, 7, 11, 30, 32.—*Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 169.—*Böttiger*: Geschichte des Kurstaates und Königreiches Sachsen. Hamburg. 1831, II B. S. 393—497. (Въ изданіи *Гефена* и *Укерта*).

кабинетъ-министра и министра иностранныхъ дѣлъ въ Дрезденѣ. Штуттергеймъ надоѣдалъ всѣмъ своей крайней осторожностью и подозрительностью. Имъ тяготились товарищи; его не терпѣли въ Потсдамѣ; Іосифъ называлъ его «плутомъ и продажною душой» [1]). Къ Штуттергейму болѣе всего подходила роль поборника знаменитой «нейтральной системы», и онъ убѣдилъ курфюрста, что союзъ князей прямо противорѣчитъ этой системѣ. Вотъ почему въ Потсдамѣ получили такой отвѣтъ изъ Дрездена: вообще, союзъ — несвоевременное и мудреное дѣло, а соединеніе съ духовными князьями просто «химера» [2]).

Но важнѣе всего было знать, чтó отвѣтятъ изъ Ганновера. По справедливому замѣчанію Румянцова, Ганноверъ игралъ первостепенную роль въ Германіи, благодаря «репутаціи своего министерства, какъ гнѣзда публицистовъ, и высокому мнѣнію нѣмцевъ объ Англіи». Онъ могъ придать лигѣ дѣйствительную силу и «привлечь къ ней многихъ, которыхъ никогда не пріобрѣлъ бы берлинскій дворъ» [3]). Курфюрстъ ганноверскій или брауншвейгъ-люнебургскій, онъ же и король англійскій, Георгъ III, состоялъ въ родствѣ съ важными фюрстами: герцогъ брауншвейгскій принадлежалъ къ одной съ нимъ фамиліи, а герцогъ мекленбургъ-стрелицкій былъ братомъ его жены. Сверхъ того, Георгъ пользовался издавна большимъ вліяніемъ въ Касселѣ, а его второй сынъ, Фридрихъ Іоркскій, былъ епископомъ оснабрюкскимъ, и за него управляли ганноверскіе тайные совѣтники. Наконецъ, курфюрстъ саксонскій подчинялся ему, какъ своему кредитору [4]). Ганноверъ и самъ по себѣ, помимо этихъ связей, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ и лучшихъ государствъ въ Германіи. Его нравственное вліяніе среди нѣмцевъ было безспорно. Отсюда выходили пресловутые имперскіе законники, и сюда обращались за совѣтами фюрсты, запутавшіеся въ своихъ юридическихъ спорахъ. Здѣсь было истинное средоточіе нѣмецкой науки, начиная со временъ Лейбница, и гёттингенскій университетъ славился, какъ высшая школа всей Германіи. Здѣсь дѣйствовали такія свѣтскія ум-

---

[1]) *Maria-Theresia und Joseph*, III, 161.

[2]) Донесеніе прусскаго посланника въ Дрезденѣ. *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 75 sqq.

[3]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года. Здѣсь Румянцовъ, доказывая, что затѣя Фридриха не важна, прибавляетъ: „Mais tout ceci dans la supposition que Hanovre restera neutre. La réputation de son Ministère en Allemagne, qu'on a toujours regardé comme le foyer des Publicistes, l'opinion, que l'on a de l'Angleterre, pourroit fort bien réunir à nos adversaires plusieurs de ceux que la Cour de Berlin seule n'eût jamais gagné.

[4]) *Böttiger*, II, 403.

ственныя силы, какъ Лессингъ, Гердеръ, Гейне, Пюттеръ, Михаелисъ, Ю. Мёзеръ, Ахенваль, Шпиттлеръ. Въ описываемое время нигдѣ не было такого уваженія къ печати, какъ въ Ганноверѣ, гдѣ поэтому возникла политическая журналистика—изданія Шлёцера, К. Ф. Мозера, Бюшинга, Лихтенберга и Георга Форстера, бичевавшія нелѣпое правленіе фюрстовъ. Отъ ганноверскихъ публицистовъ такъ досталось епископу шпейерскому, что онъ просилъ защиты у всѣхъ имперскихъ чиновъ и совѣтовалъ имъ не пускать своихъ подданныхъ въ тлетворный гёттингенскій университетъ [1]). Точно также рѣдко гдѣ въ Германіи земство сохранило столько значенія, какъ въ Ганноверѣ, что́ способствовало водворенію порядочнаго управленія. Ганноверъ не былъ лишенъ и матеріальнаго значенія. Его армія достигала 20,000. Его старыя полотняныя и нитяныя фабрики пользовались заслуженною славой. Только 70-лѣтняя связь съ Англіей, придававшая Ганноверу внѣшній блескъ, нарушала его мирное процвѣтаніе. Она вовлекала его въ чуждые интересы, запутывала его политику и ставила курфюрстовъ въ ложное положеніе. Послѣдніе постоянно играли роль Януса, и нерѣдко курфюрстъ прямо вредилъ королю, или наоборотъ. Правда, Ганноверъ не могъ пожаловаться, чтобы курфюрсты забывали его, переселившись въ Лондонъ: они, напротивъ, до того любили его, что находились черезъ это въ вѣчной войнѣ съ британскимъ парламентомъ. Къ счастью для Англіи, первые два Георга такъ были увлечены мыслью о своемъ Ганноверѣ, что предоставили ей управляться, какъ она хочетъ. Но Георгъ III хотѣлъ самъ руководить королевствомъ; а между тѣмъ это былъ типъ нѣмецкаго фюрста, перенесенный на берега Темзы.

Георгъ III былъ недалекъ и, лѣтъ десять спустя по вступленіи на престолъ, началъ по временамъ впадать въ помѣшательство. Онъ велѣлъ живописцу изобразить себя великаномъ изъ «Путешествія Гулливера», разсматривающимъ въ бинокль карлика Наполеона I! На управленіе конституціонной страной онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія Карла-Теодора пфальцскаго. Къ несчастью, онъ былъ упрямъ и серьёзно задумалъ возстановить дѣло Стюартовъ—разрушеніе англійской конституціи, тогда какъ самъ подчинялся своей матери, принцессѣ саксенъ-готской, и ея любовнику. Оттого на первомъ планѣ у Георга III было самое педантическое соблюденіе придворнаго этикета, какъ при дворахъ нѣмецкихъ князей. Оттого же онъ, хотя и родился въ Англіи, готовъ былъ промѣнять ее на Ганноверъ, гдѣ процвѣталъ весь придворный

[1]) *Biedermann*, I, 142 sqq.

чинъ съ массой придворныхъ, лошадей и церемоній, важно совершавшихся передъ портретомъ вѣчно отсутствующаго курфюрста. «Англійскій король — говоритъ Румянцовъ—личное и особливое къ германскимъ дѣламъ прилѣпленіе оказываетъ, желая частыя и подробныя получать извѣстія о всякихъ до здѣшняго края касающихся мелочахъ. Ганноверскій кабинетъ, лаская сей страсти, почти еженедѣльно отправляетъ къ нему курьеровъ». Понятно, что «въ Англіи народъ и министерство осуждали короля за творимые имъ поступки въ качествѣ ганноверскаго курфюрста» [1]). Это воплощеніе курфюрстскаго духа болѣе 20 лѣтъ упрямо боролось съ англійской конституціей, благодаря развращенности парламента. Но въ 1783 году оно было сломлено знаменитой коалиціей между торіями и вигами [2]). Оттого въ описываемое время нельзя было предвидѣть поступковъ Георга III: сегодня изъ-за него показывался курфюрстъ ганноверскій, завтра—король англійскій. Въ качествѣ перваго, Георгъ уважалъ Фридриха II и такъ опасался властолюбія Іосифа, что, по заявленію его министра ганноверскихъ дѣлъ въ Лондонѣ, Альвенслебена, готовъ былъ противиться «всякому замыслу, клонящемуся къ нарушенію имперскихъ законовъ»; а епископъ оснабрюкскій былъ, по словамъ Румянцова, «первѣйшимъ виновникомъ связи между Ганноверомъ и Берлиномъ и самъ страстно къ сей (прусской) партіи прилѣпленъ». Но какъ король англійскій, Георгъ III долженъ былъ подчиняться враждебному чувству парламента къ Пруссіи. Вотъ почему въ Потсдамѣ два мѣсяца не получали никакихъ извѣстій изъ Ганновера насчетъ депешъ Герцберга о союзѣ князей.

Наконецъ, послѣдовалъ отвѣтъ, который былъ немного утѣшительнѣе саксонскаго: Фридрихъ назвалъ его «неопредѣленнымъ и темнымъ». Король англійскій, «въ качествѣ курфюрста брауншвейгъ-люнебургскаго», признавалъ положеніе Германіи «крайне опаснымъ» и поэтому «считалъ необходимымъ принять общія мѣры», а именно вступить въ «точное дружественное соглашеніе». Но болѣе ничего не было въ его отвѣтѣ. А вслѣдъ затѣмъ, ганноверскіе министры стали писать въ Потсдамъ, что положеніе Германіи вовсе не такъ тревожно, какъ имъ казалось сначала, что Іосифъ пока не посмѣетъ двинуть такія опасныя дѣла, какъ избраніе римскаго императора или предоставленіе курфюршескаго достоинства Вюртембергу. Они все допытывались, именно какіе

---

1) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 3/14 апрѣля 1786 года.

2) Статья *Абеля* „Das Parteiwesen in England und die Coalition zwischen Fox und North“ въ Historische Zeitschrift *Зибеля*, за 1867 годъ, 2-tes Heft.

фюрсты обѣщали свое согласіе Фридриху. Мало того. Они поднимали религіозный вопросъ, совѣтуя сначала устроить союзъ только между тремя *евангелическими* курфюрстами. Ганноверскіе дипломаты сходились въ этомъ случаѣ съ саксонскими; а Фридрихъ положилъ въ основаніе своего плана вѣротерпимость и политическіе принципы. Онъ дорожилъ этой идеей и именно въ ту минуту писалъ своему министерству: «съ нашей стороны было бы всего благоразумнѣе прилагать усилія тамъ, гдѣ можно надѣяться на успѣхъ—въ Гильдесгеймѣ, Падерборнѣ, Бамбергѣ, Вюрцбургѣ, Майнцѣ, Трирѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ епископствахъ Германіи. А есть такіе, гдѣ мы ничего не можемъ сдѣлать: такъ, намъ не должно и вмѣшиваться въ выборы зальцбургскаго».

Отвѣты Саксоніи и Ганновера подтверждали справедливость взгляда молодого двора. Герцбергъ торжествовалъ. Онъ даже рѣшился воспользоваться этою минутой, чтобы раскрыть королю тяготившую его тайну переговоровъ съ фюрстами, которую уже трудно было сохранять далѣе. Конечно, онъ представилъ ее, какъ самое невинное усиліе «положить нѣкоторое основаніе» дѣлу, о которомъ не разъ говорилъ ему самъ король. При этомъ Герцбергъ совершенно скрылъ участіе кронпринца и представилъ только планъ Эдельсгейма. Правда, тогда еще у него не было въ рукахъ проекта Гофенфельса, который шелъ длиннымъ окольнымъ путемъ; но и получивши его, онъ болѣе мѣсяца не упоминалъ о немъ ни слова. Затѣмъ, представляя Фридриху трудъ своего цвейбрюкенскаго агента, Герцбергъ опять распространился насчетъ несвоевременности «формальной конфедераціи». Онъ снова совѣтовалъ подождать, пока «опасность со стороны императора станетъ болѣе рѣшительною», причемъ его знаменитые «сроки» уже сократились до одного—до смерти Карла-Теодора баварскаго. До тѣхъ же поръ Герцбергъ не видѣлъ другого средства, кромѣ своей «подготовки всѣхъ матеріаловъ» посредствомъ «тайной переписки между самыми благонамѣренными фюрстами». Онъ настаивалъ также «послать искуснаго министра въ имперію», въ особенности же во Франконію, и даже указывалъ на одного чиновника, выгнаннаго великимъ Гёте изъ Веймара [1]).

Скупой Фридрихъ отвѣчалъ своимъ министрамъ только на послѣднее предложеніе и, конечно, отказалъ, такъ какъ веймарскій чиновникъ требовалъ слишкомъ большого жалованья. Въ главномъ же онъ замолчалъ мѣсяца на три. Но въ октябрѣ министры внезапно получили отъ него собственноручный планъ

---

[1]) *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 81—103, 169.

«лиги нѣмецкихъ князей». Здѣсь снова требовалось участіе всѣхъ фюрстовъ, «безъ различія религій»; цѣль опредѣлялась оборонительная—отпоръ «тираническому деспотизму» императора. Лига должна была защищать права и земли князей, а также сохранять имперскій сеймъ и судъ «во всей ихъ силѣ». Фридрихъ доказывалъ примѣрами, что тотъ, кто не вступитъ въ союзъ, удостоится «привилегіи грота Полифема, то-есть будетъ сожранъ послѣднимъ». Онъ приказывалъ Герцбергу разработать этотъ планъ въ подробностяхъ [1]), но упрямый министръ не думалъ спѣшить и не утерпѣлъ—опять намекнулъ на необходимость выбрать «настоящую пору, чтобы не сдѣлать чего-нибудь либо слишкомъ рано, либо слишкомъ поздно».

Въ это время пришло весьма тревожное письмо отъ Гофенфельса, извѣщавшаго о «дьявольскихъ замыслахъ» Іосифа и Румянцова (гл. VIII). Цвейбрюкенскій министръ даже просился на службу къ «великому королю», еслибы ему пришлось «пасть въ борьбѣ за правое дѣло». Фридрихъ разгорячился и воскликнулъ, упрекая своихъ министровъ въ «лѣни»: «побольше нервовъ да рвенія! Огня, огня, господа!»

Герцбергу уже нельзя было болѣе затягивать дѣло. Онъ представилъ свою работу, но это была его старая пѣсня. Опять явился проектъ, «которымъ не могъ бы оскорбиться самъ императоръ», такъ какъ онъ касался «самыхъ общихъ и всѣмъ близкихъ предметовъ». И снова министръ увѣщевалъ короля подождать, устрашая его движеніемъ войскъ императора въ Голландію. Тутъ Фридрихъ позвалъ къ себѣ Герцберга для личныхъ совѣщаній, воскликнувъ: «если мы не станемъ ничего дѣлать и будемъ сидѣть сложа руки, то вѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$, что никто не подумаетъ о подобномъ союзѣ, и ослабнетъ узда, сдерживающая императора!» Послѣ личныхъ переговоровъ, министерство представило новый «планъ конституціонной конфедераціи князей и чиновъ нѣмецкой имперіи». Но это было только новымъ проявленіемъ упрямства Герцберга. Послѣдній больше всего распространялся о необходимости подправить «чудовищную и полную недостатковъ», но все-таки «весьма годную для благоденствія Германіи и даже всей Европы» нѣмецкую конституцію, то-есть «возстановить дѣятельность имперскаго сейма и суда». Сверхъ того, онъ особенно совѣтовалъ доказать на сеймѣ, что католическіе чины не въ правѣ одни, безъ протестантскихъ, преобразовывать и секу-

---

[1]) Планъ Фридриха, вошедшій въ сборникъ Герцберга, и въ *Oeuvres de Frederic* вѣрнѣе всего напечатанъ у *Шмидта:* Unionsbestrebungen, I, 105 sq.

ляризовать свои монастыри. Это означало, что протестантскіе князья протягиваютъ дружескую руку католическимъ. Сюда же клонилось требованіе, «чтобы возстановили древній обычай—не выбирать въ каноники и прелаты младшихъ принцевъ важныхъ фамилій». О самой конфедераціи въ проектѣ говорилось немного и неясно: собственно были только подобраны оправдывающіе ее законы и примѣры, да рекомендовалась «тайная переписка».

Дѣло, казалось, опять стушевывалось. По замѣчанію самого Герцберга, снова около трехъ мѣсяцевъ «не думали объ имперской ассоціаціи», и вмѣсто нея старый Фрицъ устроивалъ карнавалъ [1]). Но Іосифъ помогъ послѣднему въ его борьбѣ съ своимъ министерствомъ. Всврылся планъ обмѣна земель. Фридрихъ былъ пораженъ и сначала даже не повѣрилъ; но письмо герцога цвейбрюкенскаго, проникнутое торжественнымъ тономъ, раскрыло ему глаза. «Священныя чернила,—возвѣщалъ герцогъ Карлъ,—сберегались до послѣдней крайности. Теперь я пользуюсь ими, чтобы увѣдомить ваше величество о гибели, угрожающей моему дому. Вы хранитель нѣмецкой системы и вольности, вы одни способны остановить широкіе замыслы государя, у котораго, вмѣстѣ съ силами, возрастаетъ всепожирающее честолюбіе и алчность. Великодушіе и высокая мудрость внушаютъ вамъ, государь, стремленіе къ этому, а могущество даетъ вамъ средство. Умоляю васъ употребить эти средства, въ соединеніи съ французскимъ дворомъ, на защиту дома, который вы уже спасли великодушно, сохранивши его. Этимъ вы увѣнчаете славу, уже пріобрѣтенную вами передъ лицомъ Европы и потомства. Если врагамъ удалось внушить дурное мнѣніе о моемъ поведеніи, то умоляю ваше величество повѣрить, что скорѣе я погребу себя подъ развалинами Баваріи, чѣмъ соглашусь на раздѣлъ моего дома». Въ то же время Гофенфельсъ прислалъ документы, касающіеся обмѣна земель и знаменитаго разговора Румянцова съ герцогомъ Карломъ; а вслѣдъ затѣмъ онъ и самъ пріѣхалъ въ Берлинъ [2]).

Теперь у Фридриха закипѣла работа. Онъ успокоилъ герцога цвейбрюкенскаго тѣмъ, что взялся сдѣлать «все зависящее отъ него во Франціи и въ Россіи». Затѣмъ поскакали курьеры въ Петербургъ, Версаль и Лондонъ; а Герцбергъ съ Гофенфельсомъ засѣли за изготовленіе доказательствъ незаконности обмѣна земель. Самъ же Фридрихъ въ одинъ день написалъ три кабинетныхъ указа своему министерству, живо рисующихъ его тяже-

---

[1]) *Schmidt*, I, 107—127.—*Dohm*, III, 49 sq.
[2]) *Schmidt*, I, 129—136.—*Dohm*, III, 43.

лое нравственное состоянiе.—«Господи, говоритъ онъ,—съ какою гнусною дрянью (infâme drogue) приходится намъ возиться! И какъ намъ однимъ поддержать германскую конституцiю и возстать противъ необузданнаго грабительства этого проклятаго вѣнскаго тирана (ce maudit tiran Viennois), когда насъ окружаютъ трусливыя и продажныя канальи! Признаюсь, все это бѣситъ меня (me met hors des gonds), ибо при такой всеобщей смутѣ не за что даже схватиться, чтобы сообразить... Непонятное, мерзкое положенiе! Оно останавливаетъ мои внутреннiя дѣла. Къ тому же, если воевать, то нужно сейчасъ же готовиться, а мы потеряемъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданiяхъ... А можетъ быть, цезарь Iосифъ отложитъ на время этотъ планъ обмѣна, въ ожиданiи болѣе удобной минуты... Вы видите, я стараюсь разгадать; но нужно подождать какихъ-нибудь данныхъ, чтобы составить себѣ болѣе основательное сужденiе». Фридрихъ вѣрилъ, что Карлъ-Теодоръ баварскiй согласится, ибо это—«тросточка, которая гнется при самомъ легкомъ пожиманiи бѣсноватаго (l'endiablé) Iосифа». Но онъ не понималъ Францiи, отъ которой, въ его глазахъ, все зависѣло. Ему казалось, что цезарь можетъ «принимать и обольстить» ее (allécher, corrompre) посредствомъ Люксембурга. «Флегматичный тонъ французскаго посланника—писалъ онъ своимъ министрамъ—когда онъ говорилъ съ вами объ этихъ замыслахъ бѣсноватаго Iосифа, доказываетъ, что у Францiи не хватитъ энергiи въ эту рѣшительную минуту, и она струситъ (segner du néz), не устоитъ (soutenir La Gageure)». Во всякомъ случаѣ, «единственнымъ, хотя и крайне труднымъ средствомъ» выпутаться изъ бѣды представлялся Фридриху союзъ князей. Король «чувствовалъ, что это дѣло трудное» и что «не слѣдовало дѣлать его поспѣшно и некстати». Но онъ былъ убѣжденъ, что «если не подготовить его заранѣе, то трудно будетъ вдругъ соединить столько головъ, и все пропадетъ, когда начнешь дѣйствовать съ этимъ народомъ». Прежде всего Фридриху хотѣлось узнать, какое впечатлѣнiе произвела вѣсть объ обмѣнѣ земель въ Ганноверѣ [1]).

Теперь Герцбергъ принужденъ былъ заговорить уже другимъ тономъ. Онъ горячо доказывалъ ганноверскимъ, что необходимо «соединиться всѣмъ князьямъ патрiотамъ» и дѣйствовать противъ замысла Iосифа «не только на имперскомъ сеймѣ, но и другими,

---

[1]) Кабинетные указы Фридриха, отъ 10 и 11 февраля 1785 года, см. у *Ранке*: Die deutschen Mächte, II, 250—253.—*Schmidt*, I, 136—140.

болѣе сильными средствами» [1]). Сверхъ того, Герцбергъ, зная уклончивость министровъ Георга III, обратился за помощью къ герцогу брауншвейгскому, Карлу-Вильгельму-*Фердинанду*, который играетъ не послѣднюю роль въ исторіи союза князей.

Древнее гнѣздо Гвельфовъ, Брауншвейгъ, былъ близокъ къ Ганноверу не только по своимъ династическимъ, историческимъ и географическимъ условіямъ, но и по своему характеру. Онъ также принадлежалъ къ числу менѣе отсталыхъ княжествъ. Здѣсь еще сохранялось вліяніе земства; здѣсь почти не знали, что́ такое цензура, съ ея запретными плодами. Рано и живо откликнулись въ Брауншвейгѣ на призывъ «просвѣщенія». Но, конечно, фюрсты и здѣсь умѣли пожить: герцогъ Фердинандъ принялъ въ 1780 году маленькое государство съ огромнымъ долгомъ. Но онъ устранилъ и этотъ недостатокъ. Фердинандъ брауншвейгскій одинъ изъ лучшихъ фюрстовъ своего времени. Человѣкъ развитый и многосторонній, онъ презиралъ своихъ отсталыхъ соотечественниковъ съ ихъ доморощенными порядками. Его окружали иностранцы, въ особенности французы, и одинъ изъ нихъ однажды сказалъ гостепріимному хозяину: «странно, здѣсь вы—единственный иностранецъ!» Хотя герцогу было тогда уже подъ пятьдесятъ, онъ увлекался теоріями «просвѣщенія», защищалъ Лессинга и обласкалъ Мирабо́. Онъ не считалъ французскую революцію дѣломъ «адвокатишковъ» и ненавидѣлъ эмигрантовъ, наводнившихъ тогда Германію. Фердинандъ завелъ дешевое мѣщански-патріархальное правленіе и самъ работалъ съ утра до ночи, то надъ дѣлами, то надъ изученіемъ государственныхъ наукъ. Скромный и прекрасный семьянинъ, герцогъ отказывалъ себѣ во всемъ: у него почти не было солдатъ. Экономность его доходила до скряжничества—и въ десять лѣтъ государственный долгъ сократился на половину, а чрезвычайные налоги были отмѣнены. Но у Фердинанда все дѣлалось медленно и черезчуръ аккуратно. Онъ отличался убійственнымъ терпѣніемъ и тѣмъ крайнимъ благоразуміемъ, которое приводитъ къ вялости. Желая обнять предметъ со всѣхъ сторонъ, онъ добросовѣстно придумывалъ всякія возраженія и, запутываясь въ противорѣчіяхъ, восклицалъ: «нѣтъ, это мнѣ не подъ силу!» Особенно мучило его сознаніе, что часто ложное мнѣніе брало верхъ у него на глазахъ, потому что высказывалось смѣло и ясно, а онъ молчалъ. Оттого, желая добра, онъ часто поступалъ противоположно, подчиняясь чуждому влія-

[1]) Прусское министерство брауншвейгъ-люнебургскому, отъ 12 февраля 1785 года. *Schmidt*, I, 142 sq.

нію: ненавидя эмигрантовъ и австрійцевъ, онъ, въ 1792 году, сражался въ союзѣ съ ними; стремясь къ независимости, онъ былъ слугой Пруссіи. Къ тому же, не рѣшаясь противорѣчить прямо, Фердинандъ силился тайкомъ проводить свою мысль и былъ уклончивъ со всѣми. Оттого его считали двуличнымъ и даже продажнымъ: но онъ получалъ только англо-ганноверскія субсидіи. Трудно догадаться, что это тотъ самый Фердинандъ брауншвейгскій, который считался тогда первымъ полководцемъ въ Европѣ, и которому французская республика хотѣла ввѣрить свои знамена. Но этимъ герцогъ былъ обязанъ «великому» королю, у котораго онъ служилъ съ юности. Слава Фридриха II какъ-бы воплотилась въ его ученикѣ: она и погибла вмѣстѣ съ нимъ на поляхъ Іены и Ауерштедта. Счастье довершило дѣло. Въ Семилѣтнюю войну Фердинанду пришлось драться съ такимъ ничтожнымъ врагомъ, какъ маршалы маркизы Помпадуръ; затѣмъ прогремѣла слава его похода въ Голландію, гдѣ онъ боролся съ мастеровыми. Но пришло настоящее испытаніе—и Фердинандъ такъ неудачно воевалъ противъ французской революціи, что разнеслась молва, будто его подкупилъ Дюмурье. А Ауерштедтъ былъ могилой его славы: израненый представитель Фридриховой системы умеръ въ бѣгствѣ съ этого ужаснаго поля.

Политика герцога Фердинанда опредѣлялась сколько его характеромъ, столько же и положеніемъ Брауншвейга, поставленнаго между двухъ могущественныхъ державъ—Англіи (Ганновера) и Пруссіи. Англія была интересна въ денежномъ отношеніи; но за то Пруссія была страшна, да и здѣсь было больше связей у Фердинанда. Онъ доводился племянникомъ Фридриху II и рано поступилъ къ нему на службу. Вотъ почему онъ называлъ замыслы фюрстовъ-патріотовъ «мечтой» и не сводилъ глазъ съ Потсдама. Герцогъ не любилъ Фридриха, который обращался съ нимъ холодно и повелительно, какъ съ подданнымъ, но сильно побаивался его и льстилъ ему, какъ «величайшему изъ королей и герою нашего вѣка». Впрочемъ, онъ не прочь былъ обратиться и къ восходящему свѣтилу. Герцогъ уже давно былъ самымъ аккуратнымъ и ревностнымъ корреспондентомъ Герцберга. Онъ выказывалъ дружбу къ этому министру, осторожно видѣлся съ нимъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, и порой льстилъ ему немилосердно. Основною идеей Фердинанда въ нѣмецкихъ дѣлахъ было возможное противодѣйствіе Австріи, но непремѣнно «подъ покровительствомъ Пруссіи» и при содѣйствіи Ганновера. Эго былъ естественный и самый усердный посредникъ между Фридри-

хомъ II и Георгомъ III, а также между Потсдамомъ и Касселемъ [1]).

Герцогъ брауншвейгскій обрадовался, когда Герцбергъ обратился къ нему за помощью уже отъ имени самого короля, а не кронпринца: для него исчезли опасенія попасть въ просакъ, дѣйствуя хотя и въ прусскомъ духѣ, но безъ вѣдома страшнаго Фрица. Никогда еще онъ не выказывалъ такой ревности къ Потсдаму и такого подобострастія къ Герцбергу. Фердинандъ брауншвейгскій отвѣчалъ послѣднему, что онъ горячо желаетъ содѣйствія Ганновера, который долженъ «доставить Фридриху ландграфа кассельскаго и крошечнаго (très petit) герцога брауншвейгскаго», то-есть самого корреспондента. Поэтому, опасаясь, чтобы такой великій государственный мужъ, какъ Герцбергъ, не разсердился на ничтожныхъ и упрямыхъ ганноверскихъ министровъ, онъ прибавлялъ: «эти господа неопытны въ большой политикѣ и боятся всякаго дѣла, выходящаго изъ ряда; они будутъ поступать нерѣшительно и трусливо. Умоляю васъ, не теряйте терпѣнія съ ними! Это—дѣти, которыхъ вы должны обучать и вести за собой тихонько, безъ застращиванія».

На этотъ разъ предостереженія Фердинанда были преждевременны. Сначала важнѣе всего было уяснить положеніе англійскаго короля, а не ганноверскаго курфюрста. Къ счастью, въ этомъ случаѣ у Георга III не произошло раздвоенія между этими двумя званіями. Британское министерство, искавшее тогда союзовъ для своей обезсиленной страны, разсчитывало, что участіе Георга въ лигѣ послужитъ къ возстановленію дружбы между Англіей и Пруссіей, тѣмъ болѣе, что Франція все еще сохраняла свои связи съ Австріей. Вотъ почему въ Берлинѣ быстро получили отвѣтъ изъ Лондона. Георгъ III признавалъ обмѣнъ земель «крайне важнымъ обстоятельствомъ» и охотно соглашался на «всѣ мѣры, ведущія къ цѣли». Онъ даже предоставлялъ ходъ дѣла Фридриху, заявивъ только одно желаніе — чтобы прежде всего герцогъ цвейбрюкенскій обратился къ имперскимъ чинамъ съ оффиціальною просьбой объ обезпеченіи его владѣній. Схватившись за эту просьбу, Пруссія, Ганноверъ и Саксонія могли бы соединиться и составить ядро союза, къ которому призвали бы потомъ и другихъ князей, «безъ различія религій». Сверхъ

---

[1]) Два взгляда нѣмецкихъ историковъ на Фердинанда брауншвейгскаго см. *Sybel*: Geschichte der Revolutionszeit, 2-te Aufl., I, 482—484. — *Häusser*: Deutsche Geschichte, I, 423.—*Schmidt*, I, 70 sq., 102. — Для сужденія о характерѣ и политикѣ герцога интересны замѣчанія *Дома* (III, 118—122), хорошо знавшаго его лично.

того, Георгъ совѣтовалъ тотчасъ же назначить мѣсто, гдѣ съѣхаться министрамъ трехъ курфюрстовъ для переговоровъ о союзѣ.

Фридрихъ соглашался, что нужно «пустить въ ходъ» герцога цвейбрюкенскаго: онъ находилъ, что «гораздо лучше играть тайкомъ», чѣмъ «выступать открыто». Но Герцбергъ доказывалъ, что это слишкомъ рано раскрыло бы планъ союза князей и было бы весьма опасно, въ виду рѣшительнаго вліянія Версаля въ Карлсбергѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ и составилъ депешу изъ Лондона. Король сурово приказалъ своему министерству «идти прямо къ цѣли, не создавая себѣ призраковъ». Но Герцбергъ все-таки объявилъ въ Лондонѣ, что теперь, когда Іосифъ отказался отъ своего плана, заявленіе герцога цвейбрюкенскаго было бы «преждевременнымъ»: оно можетъ быть сдѣлано «только въ томъ случаѣ, если императоръ возвратится къ обмѣну земель, чтó онъ не преминетъ сдѣлать рано или поздно» [1]).

Препятствуя своему королю въ мелочахъ, Герцбергъ долженъ былъ, однако, подчиниться ему въ главномъ. Именно, въ эту минуту Фридрихъ твердо указалъ ему на необходимость «новыхъ основъ» въ «хаосѣ европейской политики» и повелѣлъ немедленно представить «*окончательный* проектъ уніи». Въ тотъ же день, 17 марта, явился этотъ проектъ подъ скромнымъ именемъ «соединенія имперскихъ князей, согласнаго съ имперскою конституціею». Союзники должны были обязаться подписью и «своимъ княжескимъ старо-нѣмецкимъ честнымъ словомъ», вступить въ полное соглашеніе и дружескую переписку для блага Германіи и прежде всего для исправленія имперскихъ учрежденій. «Въ случаѣ, еслибъ кто бы то ни было вздумалъ тревожить и насиловать любого члена имперіи—все равно, той или другой религіи и состоящаго въ семъ союзѣ или нѣтъ», союзники обязывались «противодѣйствовать этому всѣми законными средствами и всѣми своими наличными силами, а также сохранять какъ владѣнія всякаго члена имперіи, такъ и имперскую конституцію». Конечно, и этотъ проектъ далеко не былъ удовлетворителенъ. Самъ Герцбергъ справедливо назвалъ его, въ докладѣ королю, опять лишь «подготовкой» умовъ, притомъ составленной «въ самыхъ общихъ выраженіяхъ». Онъ хотѣлъ даже сдѣлать его доступнымъ для самого Іосифа, и только по требованію Финкенштейна выкинулъ наивную фразу: «можно надѣяться, что императоръ не только не осудитъ этой лиги, но будетъ покровительствовать ей, какъ отецъ имперіи». Герцбергъ не могъ также удержаться, чтобы не вы-

---

1) *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 143—148, 163—167, 170.

сказать своихъ опасеній, особенно насчетъ Саксоніи и Франціи. Фридрихъ отвѣчалъ: «мнѣ кажется, не должно быть рабомъ ни французовъ, ни австрійцевъ, ни русскихъ. Для насъ должно быть рѣшительно все равно — одобряетъ Франція союзъ князей или нѣтъ. А Саксонія дѣлаетъ только гримасу нейтральности. На этихъ господъ всегда произведетъ сильное впечатлѣніе такой доводъ: если вы не остановите австрійцевъ, то, вѣдь, удостоитесь Полифемовой милости быть сожранными послѣ всѣхъ». Король приказалъ министрамъ разослать проектъ «всюду, куда имъ угодно»! Черезъ два дня онъ освѣдомился о немъ и, узнавъ, что онъ еще не посланъ, упрекнулъ ихъ въ мѣшкотности.

Герцбергъ принужденъ былъ повиноваться и отправилъ свое произведеніе въ Ганноверъ, Лондонъ и Дрезденъ. Въ то же время Фридрихъ старался, черезъ своего посланника, разжечь ненависть Георга III къ Іосифу, въ особенности же убѣдить его, что «германскія дѣла не имѣютъ никакой связи съ англійскими и не могутъ ни въ чемъ стѣснять Великобританію». Считая все-нѣмецкій съѣздъ опаснымъ, онъ совѣтовалъ сговориться «подъ рукой», гдѣ-нибудь на ярмаркѣ и черезъ ничтожныхъ агентовъ [1]).

Мало того. Тогда же явилось самое сильное доказательство, что въ Потсдамѣ серьёзно рѣшились привести дѣло къ концу. При всей своей скаредности, Фридрихъ согласился, наконецъ, разослать своихъ агентовъ по Германіи. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ баронъ Секендорфъ, на котораго возлагали большія надежды. Это былъ дѣйствительно человѣкъ способный, живой и симпатичный. Кромѣ того, у него были родные и знакомые во Франконіи, а братъ его управлялъ министерствомъ въ Аншпахѣ и Байрётѣ. Секендорфа послали во франконскій округъ и къ саксонскимъ мелкимъ князьямъ: онъ долженъ былъ посѣтить дворы веймарскій, готскій, вюрцбургскій и аншпахскій. Въ Кассель отправили расторопнаго и усерднаго генералъ-майора Гёрца, брата петербургскаго посланника. Вскорѣ за этими агентами послѣдовало нѣсколько новыхъ. Конечно, на всѣ эти дипломатическія миссіи выходило много денегъ; но за то такая щедрость Фридриха была какъ нельзя болѣе умѣстна. Тогда была лучшая пора для прусскихъ интригъ. Послѣднія могли развиваться на просторѣ, такъ какъ австрійскіе и русскіе дипломаты должны были притихнуть, скомпрометтированные планомъ обмѣна земель. Румянцовъ прямо жаловался тогда Остерману, что не можетъ

[1]) *Schmidt:* Unionsbestrebungen, I, 149—155.—*Görtz*, I, 283.

бороться съ прусскими агентами, такъ какъ Екатерина запретила ему суетиться и разъѣзжать по нѣмецкимъ дворамъ. Онъ долженъ былъ довольствоваться свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, отъ своихъ тайныхъ друзей при мелкихъ дворахъ, въ особенности же отъ датскихъ посланниковъ [1]).

Не прошло года съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ самъ взялся за подготовку союза князей—и она уже была окончена. Нельзя не удивляться силѣ воли и глубинѣ убѣжденія стараго короля, которому одному она была обязана своимъ существованіемъ. Фридрихъ дѣйствовалъ, какъ азартный игрокъ, потому что союзъ князей былъ, въ самомъ дѣлѣ, его «послѣднимъ средствомъ». Онъ, можно сказать, оканчивалъ свою жизнь такимъ же отважнымъ подвигомъ, какимъ начиналъ ее. Союзъ князей, это—Семилѣтняя война въ дипломатіи. Фридрихъ выступалъ въ опасный походъ противъ Австріи безъ союзниковъ въ Европѣ и даже въ самой Германіи. Оставляя въ сторонѣ личные разсчеты партіи молодого двора, должно сознаться, что была значительная доля правды въ словахъ Герцберга, когда онъ представлялъ всѣ опасности, связанныя съ идеей Фридриха.

Политическое положеніе Европы было неблагопріятно для княжескаго союза. Россія и Австрія, стремившіяся къ расширенію своихъ границъ, были хорошо приготовлены къ войнѣ. Екатерина, еще разъ покинувшая своего союзника въ критическую минуту и болѣе, чѣмъ когда-либо нуждавшаяся въ его помощи, должна была расквитаться съ нимъ хоть теперь. Къ тому же, противодѣйствіе союзу князей соотвѣтствовало ея національной задачѣ: выражаясь словами Гофенфельса, это значило постараться, чтобы и этотъ «нѣмецкій сосѣдъ не сталъ для Россіи опаснѣе турецкаго». Англія была до того истощена, что ея помощь не представляла особеннаго интереса, и самъ Фридрихъ смотрѣлъ на союзъ съ нею лишь какъ на «меньшее зло (pis-aller)». Но, кромѣ того, напрасно прусскій король задумывался объ этомъ союзѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ему измѣнила Россія. Англія обыкновенно вовлекалась въ войну только при значительныхъ и очевидныхъ выгодахъ, а идея Фридриха не представляла ей ничего, кромѣ тревогъ. Здѣсь нація только и думала о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ нѣмецкихъ интересовъ своего короля, которые втягивали ее въ вѣчную подземную войну съ Франціей и даже съ Россіей; а тогда англичане серьёзно желали заключить союзъ

[1]) *Schmidt*, I, 156 sq.—*Ranke*, II, 277, 279, 282 —*Görtz*, I, 284.—*Dohm*, III, 86. *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785.

съ Екатериной. Копенгагенскій дворъ находился въ тѣсныхъ связяхъ съ петербургскимъ: его посланники при дворахъ фюрстовъ постоянно поддерживали дѣловыя и дружескія сношенія съ Румянцовымъ, точно также какъ Румянцовъ съ Меттернихомъ. Версаль не только внушалъ опасенія, но уже обнаруживалъ раздражительность противъ берлинскаго двора, который своимъ замысломъ разрушалъ его старинное и могущественное вліяніе въ Германіи. Въ Потсдамъ доносили изъ Регенсбурга, что Верженъ уже началъ прямо противодѣйствовать прусской лигѣ. Французскій министръ разжигалъ стремленіе фюрстовъ къ независимости какъ отъ Австріи, такъ и отъ Пруссіи. Онъ совѣтовалъ имъ устроить изъ сильнѣйшихъ княжествъ — Саксоніи, Ганновера и Баваріи—«среднюю партію (partie tierce) въ имперіи». Верженъ даже прямо ручался, что «Франція, какъ порука за Вестфальскій миръ, была бы въ восторгѣ поддержать эту партію», которая «выставила бы болѣе 100,000 войска для уравновѣшенія силы державъ, преобладающихъ въ имперіи». Даже поведеніе Франціи въ голландскомъ дѣлѣ объясняли ея желаніемъ завлечь пруссаковъ въ войну и потомъ взвалить на нихъ всю ея тяжесть. Тогдашніе отзывы Фридриха о Версалѣ отличались почти болѣзненной раздражительностью. Онъ считалъ его «способнымъ на всякую низость» для избѣжанія войны, потерявшимъ чувство чести и даже игрушкой графа Мерси, этого австрійскаго «вице-короля». Во всей Европѣ у Фридриха оказывался одинъ только другъ, да и тотъ король испанскій, который, вознегодовавъ на императора за обѣщаніе бургундскаго «королевства» Карлу цвейбрюкенскому, восклицалъ: «Іосифъ можетъ дѣлать королей, сколько ему угодно, но Карлъ III не признаетъ ихъ!» [1])

Въ самой Германіи обстоятельства были неблагопріятны идеѣ Фридриха.

---

[1]) *Schmidt*, I, 169, 189, 191, 205, 353, 367.

XV.

«Перворазрядные фюрсты». Кассель и Вюртембергъ.

Слабыя надежды Фридриха на фюрстовъ. — Значеніе Касселя. — Фридрихъ II, ландграфъ кассельскій.—Его двусмысленная политика.—Вильгельмъ IX кассельскій.—Характеристика Швабіи и швабовъ.—Карлъ вюртембергскій. — Судьба Шубарта и І. Я. Мозера. — Борьба Карла съ земствомъ. — Вюртембержцы просятъ защиты у Екатерины. — Новая эра въ Штутгартѣ. — Фридрихъ вюртембергскій. — Политика герцога Карла. — Его сношенія съ Екатериной и Іосифомъ.—Карлъ и контръ-лига.

Довольно припомнить исторію «броженія» у фюрстовъ, чтобы видѣть, какъ мало было друзей у Пруссіи въ Германіи и какую ничтожную силу представляли они. Къ тому же, въ началѣ 1785 года броженіе уже прекращалось, вслѣдствіе отреченія Іосифа отъ своего задушевнаго плана. Фюрсты рады были возвратиться къ своей обычной спячкѣ, тѣмъ болѣе, что императоръ уже не казался имъ страшилищемъ, послѣ того, какъ могущественная Екатерина не защищала его отъ пораженія со стороны ничтожнаго герцога цвейбрюкенскаго. Но самъ Фридрихъ и его министры лучше всего знакомятъ насъ съ шаткостью надеждъ, которыя они могли тогда возлагать на «отечество». Стараясь увлечь Георга III, они представили ему только слѣдующую малоутѣшительную картину. Можно «вполнѣ разсчитывать» только на истинно-патріотическій тріумвиратъ—Веймаръ, Готу и Дессау; можно «ожидать такихъ же чувствъ» отъ Цвейбрюкена, Брауншвейга, Мекленбурга, Бадена, Аншпаха, Дармштадта и отъ Ангальтскаго дома, за исключеніемъ только Цербста, подчиняющагося Россіи; можно «надѣяться» склонить къ лигѣ Майнцъ и Кассель; Саксонія указываетъ на свой нейтралитетъ, но, «быть можетъ», склонится потомъ къ патріотамъ. Осмотрительный Фердинандъ брауншвейгскій вычиталъ изъ этого счета Цвейбрюкенъ, Баденъ и духовныхъ князей, да и на остальныхъ (въ томъ числѣ на себя самого) надѣялся только въ томъ случаѣ, когда предварительно состоится союзъ между Бранденбургомъ, Ганноверомъ и Саксоніей. Такимъ образомъ, его разсчеты сводились всего къ 27,000 войска. Но и онъ ошибался, потому что здѣсь приходилось болѣе 10,000 на Кассель, который былъ вовсе ненадеженъ [1]). Словомъ, выходило такъ: курфюрсты все еще воз-

[1]) *Schmidt*, I, 102, 156 sq., 166.

буждали сомнѣнія, а главный изъ нихъ, баварскій, стоялъ на сторонѣ Австріи; изъ фюрстовъ были надежны только потентаты III разряда, да нѣсколько II. Перворазрядные же, Кассель и Вюртембергъ, едвали не болѣе всѣхъ доставляли хлопотъ Потсдаму.

Гессенъ-Кассель считался важнымъ государствомъ въ нѣмецкомъ мелкодержавіи, какъ по обширности своихъ владѣній и по вліянію въ Верхнерейнскомъ округѣ, такъ и по своимъ связямъ съ великими державами. По мнѣнію Румянцова, «даже одно его замедленіе приступить къ лигѣ могло весьма много ослабить послѣднюю и повредить ея репутаціи». Оттого-то дворъ въ Ганау, гдѣ проживали тогда ландграфы кассельскіе, былъ поприщемъ оживленныхъ интригъ Австріи и Пруссіи. Ландграфы много думали о себѣ. Они давно мечтали о курфюршескомъ достоинствѣ, которое и получили въ 1803 году, хотя черезъ три года снова утратили, вмѣстѣ со всѣми своими владѣніями. Но эти треволненія наполеоновской эпохи пришлось испытать уже сыну ландграфа Фридриха II, царствовавшаго въ описываемое время.

Фридрихъ самъ не воевалъ, но подданные его постоянно проливали кровь. Этотъ фюрстъ превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей въ торговлѣ людьми: во время американской войны онъ въ пять лѣтъ продалъ англичанамъ около 20,000 солдатъ, изъ которыхъ болѣе трети погибло, а выручилъ за нихъ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; при этомъ онъ пріобрѣталъ еще ту выгоду, что сбывалъ своихъ каторжниковъ. Въ этомъ случаѣ ландграфъ не стѣснялся никакою политикой: онъ готовъ былъ получать деньги съ кого угодно, оттого всякій разсчитывалъ подкупить его. Даже скупой Фрицъ подумывалъ объ этомъ. А въ депешахъ Румянцова встрѣчаемъ такое краснорѣчивое извѣстіе: «получилъ 4,781 р. 49 к. — треть жалованья и пенсіи (appointemens et pension), назначенныя ландграфу и его наслѣднику». Сверхъ того, Фридрихъ кассельскій усердно подражалъ Фридриху прусскому въ преданности меркантилизму: онъ взялъ себѣ монополію такихъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, кофе. Но во всемъ остальномъ ландграфъ разыгрывалъ роль патріарха, и Румянцовъ называетъ его «добрымъ». Онъ даже былъ не прочь попользоваться «просвѣщеніемъ» для своихъ честолюбивыхъ цѣлей. У него строились больницы и дома призрѣнія бѣдныхъ, разводились школы даже для рабочихъ. Кассель соперничалъ съ Готой и Веймаромъ въ меценатствѣ. Впрочемъ, страна была обязана этимъ случайнымъ возрожденіемъ министру ландграфа, Шлиффену. Безграничное вліяніе послѣдняго указываетъ также

на политику Касселя. Въ глубинѣ души, ландграфъ былъ особнякъ. Говорятъ, онъ не только мечталъ о чинѣ курфюрста, но даже о разныхъ коронахъ—то о польской, то о римско-нѣмецкой. Если присоединить къ этому, съ одной стороны, продажность ландграфа, съ другой — его страхъ за свои владѣнія, лежащія между Ганноверомъ и Бранденбургомъ, то не мудрено, что онъ надѣлалъ много хлопотъ Потсдаму. Казалось, прусское вліяніе было обставлено въ Ганау какъ нельзя лучше. Фридрихъ кассельскій былъ женатъ на племянницѣ Фридриха прусскаго, который вдобавокъ выручилъ какъ-то его отца въ спорѣ съ Майнцомъ, пригрозивъ послѣднему своими штыками. Онъ числился на прусской службѣ, и его собственными войсками завѣдывалъ потсдамскій генералъ Шлибенъ. Но все это ничего не значило при ганаускомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что прусскій король былъ скупъ. Здѣсь жила еще идея всемогущаго министра, хотя и нѣсколько видоизмѣненная. Шлиффенъ думалъ тогда о союзѣ между Касселемъ, Ганноверомъ и Брауншвейгомъ, переписывался объ этомъ съ герцогомъ Фердинандомъ и посылалъ Витторфа въ Ганноверъ для переговоровъ [1]). А ландграфъ былъ хорошъ не съ одними прусскими, но также съ австрійскими и русскими агентами, не зная, откуда легче получить курфюршеское достоинство и побольше денегъ. Къ тому же, онъ дорожилъ должностью имперскаго полковника Верхне-рейнскаго округа, зависѣвшею отъ императора: а «съ этою должностью — по словамъ Румянцова — была сопряжена нарочитая въ округѣ инфлюенція». И именно въ описываемое время Іосифъ сильно запугалъ его: ландграфъ просто хотѣлъ сбарышничать, продавъ свои войска голландцамъ, а императоръ принялъ это за политическій намекъ и предложилъ ему на выборъ—или «курфюршескую шляпу, или зимнія квартиры австрійцевъ въ Касселѣ». Въ то же время Румянцовъ представлялъ ландграфу въ перспективѣ орденъ св. Екатерины на ландграфинѣ. Наконецъ, было еще одно опасное для Пруссіи обстоятельство. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка жалкій бытъ фюрстовъ характеризовался, между прочимъ, переходами протестантскихъ князей въ католичество, по крайне эгоистическимъ побужденіямъ. Казалось, въ эпоху «просвѣщенія» этого уже не могло случиться; но Фридрихъ кассельскій перешелъ въ католичество, въ 1749 году, когда былъ еще наслѣднымъ принцемъ. Пять лѣтъ скрывалъ онъ этотъ поступокъ, который потомъ встревожилъ всю Герма-

1) *Dohm*, III, 94, sq.

нію. Отецъ возненавидѣлъ Фридриха и призвалъ на помощь Пруссію и Ганноверъ, собралъ земство, которое осудило отступника на ограниченіе власти и отняло у него сыновей, отославъ ихъ въ гёттингенскій университетъ.

Впрочемъ, какъ ни трудно было Фридриху прусскому слѣдить за каждымъ шагомъ ганаускаго потентата, онъ все-таки разсчитывалъ на него, основываясь на финансовыхъ соображеніяхъ. Дѣйствительно, алчность Фридриха кассельскаго удовлетворялась, главнымъ образомъ, Англіей: слѣдовательно, стоило привлечь Ганноверъ—и Кассель потянулся бы за нимъ. Но хуже всего было то, что Фридрихъ кассельскій, прожившій уже 65 лѣтъ, былъ хилъ, а его сынъ, графъ ганаускій, вступившій на престолъ въ 1785 году, подъ именемъ Вильгельма IX, обѣщалъ окончательно смутить потсдамскую дипломатію. Графъ ганаускій думалъ о себѣ гораздо больше, чѣмъ его отецъ и даже всѣ прежніе кассельскіе потентаты. Онъ «питалъ мечты въ главѣ своей», и не робкія. Онъ «почиталъ волю свою правиломъ не обманчивымъ и при всякомъ случаѣ первому ея устремленію уступалъ, противорѣчій же не любилъ». Какъ великій человѣкъ, онъ презиралъ роскошь и пустыя забавы и предавался воинственности—все мечталъ увеличить свою армію свыше 13,000. Графъ ганаускій выказывалъ презрѣніе ко всему, начиная, конечно, съ своего двора. Онъ такъ суетился и шумѣлъ у себя дома, что былъ тираномъ старика-отца, тѣмъ болѣе, что разыгрывалъ роль пламеннаго лютеранина, будущаго Густава-Адольфа. А для придворныхъ онъ былъ истиннымъ страшилищемъ. Несчастные жаловались наѣзжавшимъ дипломатамъ на его «извѣстную суровость» и уже старались угодить ему, а не старому ландграфу. Графъ хотѣлъ показать свое величіе и цѣлой Европѣ. «Не имѣя никакого понятія о политическихъ дѣлахъ, ни о важности и мощи державъ первой степени, ниже о взаимномъ ихъ сношеніи», онъ смотрѣлъ свысока и на Екатерину, и на Іосифа, и на Фридриха. Онъ говорилъ, что не понимаетъ, какое право имѣетъ императрица на участіе въ дѣлахъ Германіи. Графъ хотѣлъ ограничить власть императора и строго заявлялъ, что обмѣнъ земель дѣло «неумѣстное». Сверхъ того, онъ именно тогда былъ лично обиженъ Іосифомъ. Графъ вздумалъ не платить законной пенсіи одному своему чиновнику, Галлу; тотъ пожаловался императору, который прислалъ кассельскому принцу «строгое повелѣніе платить и жестокія угрозы, каковыя онъ право не имѣетъ чинить». Графъ рѣшился «принять мѣры возбранить императору мѣшаться въ домашнія дѣла германскихъ принцевъ

и насылать строгія къ нимъ повелѣнія, яко бы къ подданнымъ». Но Екатерина и Іосифъ все-таки были императрица и императоръ. Чтó же значилъ, въ глазахъ графа ганаускаго, курфюрстъ бранденбургскій? Вильгельмъ IX не видѣлъ Фридриха II, какъ его отецъ, во всей славѣ: его еще не было на свѣтѣ, когда у Маріи-Терезіи была отнята Силезія. Онъ зналъ только дряхлаго Фрица, а справляться съ исторіей было не по плечу ему: онъ хотѣлъ самъ создавать ее. Графъ старался съ шумомъ выказать свое презрѣніе къ этому выскочкѣ. Онъ не хотѣлъ занять мѣсто отца въ прусской службѣ и, по смерти старика, торжественно послалъ въ Берлинъ адъютанта съ его орденскими знаками. Оттого-то Вильгельмъ IX болѣе своего отца былъ любезенъ съ агентами Россіи и Австріи. При жизни старика, онъ принималъ у себя Румянцова и высказывалъ ему желаніе сблизиться съ Іосифомъ на извѣстныхъ условіяхъ. А Румянцовъ не преминулъ, конечно, намекнуть на орденъ св. Екатерины для графини ганауской, которая, вдобавокъ, была сестрой дружественнаго съ императрицей датскаго короля. Все это знали въ Потсдамѣ и желали здравствовать Фридриху II кассельскому, хотя онъ вовсе не принадлежалъ къ «благонамѣреннымъ» [1]).

Другой «перворазрядный» фюрстъ, герцогъ вюртембергскій, доставлялъ Потсдаму меньше хлопотъ, но только потому, что его направленіе было ясно: это былъ открытый и упорный врагъ Пруссіи и пріятель императорскихъ дворовъ. Здѣсь царствовалъ тогда Карлъ-Евгеній, прославившійся во всей Европѣ, какъ лучшій образчикъ фюрста-тирана.

Выдающаяся личность Карла объясняется свойствами страны и ея обитателей. Швабія представляетъ пеструю панораму цвѣтущихъ долинъ и пустынныхъ вершинъ, угрюмыхъ лѣсовъ по ущельямъ и свѣтлыхъ луговъ и потоковъ. Таковы же и швабы— древнее крѣпкое племя горцевъ: они отличаются развитіемъ личности, съ ея разнообразіемъ дарованій, съ ея оригинальностью и упрямствомъ. Здѣсь было средоточіе нѣмецкаго мелкодержавія. Пестрѣла масса духовныхъ и свѣтскихъ княжествъ, простыхъ и «окняженныхъ» графствъ, аббатствъ, имперскихъ городовъ и даже селъ и цѣлый муравейникъ «непосредственныхъ рыцарскихъ» владѣній. На голыхъ утесахъ лѣпились неприступные зáмки, воспитавшіе неукротимое рыцарское племя. Въ тихихъ долинахъ,

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 27-го іюля (7-го августа) 1784 года; 2/13 декабря 1785; 20/31 января, 5/16 февраля и 3/14 апрѣля 1786 года.—*Румянцовъ Остерману* отъ 16/28 іюня 1785 года.—*Румянцовъ Голицыну*, отъ 9/20 сентября 1785 года. *Мемуаръ герцога веймарскаго*: *Ranke*, II, 268 sq.—*Schmidt*, I, 232 sq.

по ущельямъ, таились одинокія обители, клонившія къ раздумью и созерцанію, чтó привело къ изобилію сектъ. У водной системы Рейна, Неккара и Дуная высились толстыя стѣны именитыхъ городовъ, гордыхъ своими вѣковыми ратушами. Непокорный швабъ на всякомъ поприщѣ боролся за свою неприкосновенность и легко разрывалъ всякія узы. Въ былое время отсюда тянулись за Альпы отряды буйныхъ рыцарей и свирѣпыхъ ландскнехтовъ, и здѣсь впервые раздалась любовная пѣсня миннезенгеровъ. Швабія воспитала Шиллера, Кеплера, Мозеровъ, Шеллинга, Гегеля и критическую школу въ богословіи—этихъ безстрашныхъ Штраусовъ и Бауровъ. И гдѣ только не встрѣтишь швабскаго колониста или часовщика — отъ Одессы и обѣихъ Индій до Калифорніи и Техаса! Долго сохранялись въ Швабіи слѣды сословной свободы. Здѣсь, въ концѣ прошлаго вѣка, города были самыми независимыми въ Германіи, а земство уступало развѣ только мекленбургскому. Могущественна была и церковь въ Швабіи, къ голосу которой покорно прислушивался весь протестантизмъ южной Германіи. Строгая, неподвижная и фанатичная, она казалась скорѣе католическимъ, чѣмъ лютеранскимъ учрежденіемъ, особенно если взять въ разсчетъ ея независимое положеніе передъ правительствомъ. Принятая не по волѣ сверху, а совѣстью и усиліями народа, она не поглощалась государствомъ, а стояла подлѣ него, какъ равномѣрная сила. Духовенство составляло крѣпкое замкнутое сословіе, съ своимъ собственнымъ управленіемъ. Оно владѣло капиталами, массой лѣсовъ, усадьбъ, селъ со всякими угодьями и съ 70,000 крестьянъ—всего болѣе чѣмъ на 30 милліоновъ. Оно завѣдывало всей системой образованія, за исключеніемъ одного тюбингенскаго университета. Оно орудовало на земскомъ сеймѣ, гдѣ засѣдало 14 владыкъ и вовсе не было рыцарей. Наконецъ, въ рукахъ духовенства была полицейская власть: пасторъ, рядомъ съ покаяніемъ, налагалъ штрафы и сажалъ въ тюрьму. Крестьянинъ также подобострастно кланялся ему, снимая шапку, какъ и своему исправнику. А герцоги также ненавидѣли духовенство, какъ и земство, въ особенности въ 1733—1797 годахъ, когда они обратились въ католицизмъ, и имъ дозволялось, только какъ-бы украдкой, совершать домашнее богослуженіе.

Но и представители монархизма въ Швабіи были недюжинныя личности. Они отличались желѣзной волей, неукротимостью и необузданной отвагой. Они любили борьбу, сначала какъ рыцари, потомъ изъ грубыхъ своекорыстныхъ видовъ. Отуманенные то призраками славы, то властолюбіемъ и алчностью, они не знали, чтó называется преступленіемъ и злодѣяніемъ. Изъ Шва-

біи вышли Гогенштауфены, Габсбурги, Гогенцоллерны, отчасти Гвельфы. Таковы же были и графы вюртембергскіе, которые выдвинулись съ XIV вѣка и стали герцогами съ конца XV столѣтія. Они вѣчно дрались то съ императоромъ, то съ городскими и рыцарскими союзами — словомъ, со всѣмъ окружавшимъ ихъ свѣтомъ, и прозвища ихъ переносятъ насъ въ сказочный міръ — синихъ бородъ и злыдней. Имъ давно уже хотѣлось выбиться изъ сословныхъ оковъ феодализма. Съ Вестфальскаго мира они начали жестокую войну съ земствомъ, по принципу: «не суй своего носа въ наши дѣла», какъ выразился одинъ изъ нихъ. Герцоги вюртембергскіе одни изъ первыхъ фюрстовъ схватились за подражаніе Людовику XIV и, заведя хозяйство метрессъ, построили близъ Штутгарта роскошную резиденцію Людвигсбургъ. Здѣсь-то, въ новомъ гнѣздѣ абсолютизма, воспитался герцогъ Карлъ (1737—1793).

Карлъ былъ не дюжинная натура, но среда заглушила его дарованія. Его отецъ былъ отчаянный охотникъ, кутила и развратникъ, отъ котораго жена бѣжала съ дѣтьми въ Брюссель. Мать была ханжа до фанатизма и чудачка: она прославилась званіемъ мальтійскаго рыцаря и участіемъ въ одномъ университетскомъ диспутѣ. Воспитаніе Карла было ввѣрено двумъ французамъ, пропитаннымъ версальскимъ духомъ. Въ правленіе отсталаго земства юноша видѣлъ жестокія бичеванія, колесованія, обезглавленія и замѣчалъ, какъ ландраты вмѣшивались въ домашнюю жизнь подданныхъ до ихъ семейныхъ разговоровъ и молитвъ. Вступивъ на престолъ 16 лѣтъ, Карлъ началъ съ того, что выслалъ мать изъ столицы подъ конвоемъ и на намекъ объ интересахъ отечества воскликнулъ: «Отечество?.. *Я* — отечество!» Вскорѣ онъ прославился по всей Европѣ своимъ тиранствомъ. Его политическій пріятель, Румянцовъ, писалъ въ Петербургъ: «всѣ поступки герцога быстры и отмѣчены печатью характера упрямаго и горячаго» [1]). Отъ Карла не было житья даже его собственнымъ и знатнымъ креатурамъ: онъ собственноручно билъ ихъ палкой. Участь остальныхъ подданныхъ характеризуется примѣромъ двухъ литературныхъ знаменитостей, не считая Шиллера, который успѣлъ бѣжать во-время. Близъ границъ Вюртемберга, поэтъ Шубартъ издавалъ журналъ, въ которомъ, рядомъ съ лестью Карлу, разоблачались и нѣкоторые изъ его пороковъ. Его заманили обманомъ въ Штутгартъ и бросили въ сырую темную

[1]) *Румянцовъ Остерману*, въ мартѣ 1786 года. „Toutes les démarches du Duc sont promptes et marquées au coin d'un caractère entier et ardent".

башню. Лишь на девятомъ году заточенія пустили жену и дѣтей взглянуть на несчастнаго, а на десятомъ — внезапно освободили. Другою громкою жертвою былъ почтенный публицистъ и совѣтникъ земскаго сейма, старикъ Іоганнъ Якобъ Мозеръ. Однажды Карлъ вздумалъ сразу покончить съ земствомъ за его «непочтительную назойливость, крайнее тупоуміе и преступную порочность». Онъ разогналъ сеймъ, грозя сдѣлать его членовъ несчастными «до четвертаго поколѣнія». Затѣмъ были наказаны земскія власти, кто огромнымъ штрафомъ, кто арестомъ, а Мозера подвергли одиночному заключенію въ мрачной тюрьмѣ, на шесть лѣтъ. У этого же злополучнаго публициста отобрали на дому рукопись о государственномъ правѣ, какъ только пронюхали объ ея существованіи: это образчикъ особеннаго рода цензуры, и уже третьей, потому что у Карла была обыкновенная и высшая цензура — «Censur und Hochcensur»! Такъ же смотрѣлъ герцогъ на жизнь, честь и достояніе своихъ подданныхъ. Вюртембержцы хорошо знали всѣ страсти своего властителя. Герцогъ любилъ солдатчину и вербовщики вторгались въ церкви, хватали мужей и единственныхъ сыновей, не щадили даже иностраннаго путешественника, если онъ попадался подъ руку; а артиллерія, драгуны и офицеры выводили себѣ лошадей изъ любого станка. Герцогъ чувствовалъ пристрастіе къ прекрасному полу—и ни одна семья, какъ самая знатная, такъ и крестьянская, не была обезпечена отъ его высочайшаго вниманія. Даже коронованнымъ особамъ приходилось выносить скандалы. По обычаю фюрстовъ, у Карла завелась и постоянная любовница, какая-то баронесса, бросившая мужа и возведенная въ санъ графини Гогенгеймъ. Она играла роль соправительницы и супруги герцога до того, что ѣздила за нимъ повсюду. Леопольдъ тосканскій не зналъ, что̀ дѣлать, когда его посѣтила эта чета, оскорблявшая нравственность его дамъ [1]). Румянцовъ разсказываетъ, какъ однажды Карлъ, бывшій въ ссорѣ даже съ родными, вздумалъ-было примириться съ своимъ братомъ, Лудвигомъ, «ханжество котораго достигало крайнихъ предѣловъ». Онъ внезапно заѣхалъ къ нему на имянины, и Гогенгеймъ съ нимъ. Лудвигъ прогналъ его, ибо было «противно его принципамъ принимать въ своемъ домѣ графиню» [2]). Герцогомъ часто овладѣвалъ охотничій азартъ—и вюртембержцы превращались въ егерей, ходили на облавы, стерегли дичь, которая разрушала ихъ поля, гдѣ рубили просѣки, гдѣ разводили лѣса. Наконецъ,

[1]) *Joseph II und Leopold*, I, 109—111.
[2]) *Румянцовъ Остерману* въ январѣ 1786 года.

у герцога было принципомъ, что—стóитъ подражать пышности и тщеславію Версаля—и станешь могущественнымъ потентатомъ въ Европѣ. Придворный штатъ состоялъ у него изъ 2,000 лицъ, а путешествовалъ онъ со свитой въ 700 человѣкъ, на 600 лошадяхъ. У него служило 20 принцевъ и имперскихъ графовъ, до 200 дворянъ, а въ пяти-тысячной арміи числилось два генералъ-лейтенанта и 8 генералъ-маіоровъ. Въ Штутгартѣ были первые виртуозы и актеры, знаменитый балетъ, лучшая послѣ парижской опера, и постановка иныхъ пьесъ обходилась въ 100,000 флориновъ. Здѣсь кружился рой всевозможныхъ гостей, отъ коронованныхъ особъ до знаменитыхъ шарлатановъ и авантюристовъ, въ родѣ Казановы. Карлъ считалъ дѣломъ чести и княжескаго долга затмить всѣхъ фюрстовъ въ блескѣ празднествъ. Передъ очарованными гостями совершались чудеса: то исчезали, то внезапно возникали цѣлые лѣса, парки, пруды и фонтаны, выростали изъ земли фантастическіе зáмки, развалины и ландшафты, вырывались озера на горахъ, чтобы на потѣху загнать туда стадо оленей. Гуляющихъ гостей повсюду встрѣчали затѣйливые сюрпризы—каскады, древніе рыцари, расфранченные пейзане и плѣнительныя пастушки. Въ полночь вдругъ загорались пестрые огни по лѣсамъ, и изъ гротовъ выходили феи, фавны, сатиры. Не то шли цѣлой вереницей, смѣняя другъ друга, балы и маскарады, балеты и оперы (итальянскія и французскія), драмы и водевили, концерты и банки съ ихъ дикимъ азартомъ, карусели и фейерверки, а по ночамъ шумные ужины, кончавшіеся сладострастнымъ шопотомъ по угламъ, въ полумракѣ нишъ, закутанныхъ сѣткой цвѣтовъ. Однажды, въ годовщину своего рожденія, Карлъ цѣлыхъ двѣ недѣли возился съ 300 гостей высшаго ранга. Повара выбились изъ силъ, придумывая кушанья подороже и поизысканнѣе; а крестьяне измучились, день и ночь гоняя дичь, которой собрано было болѣе 5000 штукъ. Въ заключеніе каждый гость былъ пріятно пораженъ, найдя на своемъ кувертѣ богатѣйшій подарокъ, а подданные перепились до отвала изъ винныхъ фонтановъ, бившихъ передъ дворцомъ на всеобщую потребу. Не мудрено, что подобныя празднества стоили до полмилліона гульденовъ. Труднѣе высчитать, во чтó обходились быстро смѣнявшіяся любовницы герцога и его роскошныя сооруженія—опера, солитюдъ, дворцы въ четырехъ мѣстахъ. Не дешево стоило и меценатство Карла, которое было тогда обязательною принадлежностью княжескаго чина, точно также какъ и noble passion. Наконецъ, фюрстъ прошлаго вѣка немыслимъ безъ какого-ни-

будь спеціальнаго каприза или чудачества: страстью Карла было собирать библіи, чего бы онѣ ни стоили, и у него уже накопилось ихъ, по счету Румянцова, болѣе 5000.

Все это должна была содержать страна въ полтораста квадратныхъ миль и съ полмилліономъ населенія! Но за то Карлъ изумлялъ всѣхъ своей финансовой беззастѣнчивостью и изобрѣтательностью. Онъ не даромъ, въ концѣ своего воспитанія, пробылъ три года въ Берлинѣ: Фридрихова система монополій, акцизовъ и косвенныхъ налоговъ привилась къ нему, какъ нельзя лучше. Онъ обратилъ табакъ и соль въ свою монополію, причемъ очень дорого продавалъ плохой товаръ и насильно заставлялъ покупать его больше, чѣмъ нужно. Онъ принуждалъ коневодовъ продавать себѣ лошадей за ничтожную цѣну, а самъ перепродавалъ ихъ дорого. Онъ бралъ хлѣбъ изъ общественныхъ магазиновъ и продавалъ его въ свою пользу. Онъ, съ помощью военныхъ экзекуцій, вторично собиралъ уже уплаченныя подати или бралъ за будущіе годы. Онъ опустошалъ земскія, церковныя и госпитальныя кассы. Стараясь довести составъ войска до 10 тысячъ слишкомъ, Карлъ собиралъ особенно тяжкую подать на содержаніе всѣхъ солдатъ, хотя часть ихъ тотчасъ же продавалась за границу. Земство, чиновниковъ и священниковъ часто принуждали давать герцогу деньги взаймы безъ отдачи, а на крестьянъ налагались все новыя барщины, при каждой его затѣѣ, при каждомъ его капризѣ. Не были забыты и лоттереи, къ устройству которыхъ принуждали даже церковныя учрежденія. Объ особенной финансовой виртуозности Карла свидѣтельствовала его типографія, занимавшаяся печатаніемъ стиховъ несчастнаго Шубарта, такъ какъ они имѣли хорошій сбытъ. Наконецъ, открыто продавались должности и солдаты. Послѣднихъ Карлъ сбывалъ преимущественно во Францію: во время Семилѣтней войны онъ въ пять лѣтъ получилъ за нихъ полтора милліона франковъ. Въ описываемое время Карлъ далъ отрядъ и Іосифу, причемъ такъ торговался черезъ посредство Петербурга, что надоѣлъ Екатеринѣ. И все-таки долги герцога возрасли до того, что едва не превосходили стоимость всего герцогства! Наконецъ, Карлъ долженъ былъ пожать плоды своего правленія. Всѣ ждали или возстанія, или поголовнаго выселенія жителей изъ Вюртемберга. Въ отчаяніи, земство начало непримиримую борьбу съ своимъ государемъ, которая длилась 14 лѣтъ. Тогда Карлъ рѣшился истребить его. Онъ «только и говорилъ, что про месть подданнымъ», и даже на вмѣшательство Фридриха II отвѣчалъ «гордо и высокомѣрно,

какъ первый государь въ мірѣ» [1]), что это не его дѣло. Но земство обратилось за помощью къ Пруссіи, Ганноверу и Даніи — евангелическимъ державамъ, давно поручившимся за его права, а также пожаловалось имперскому суду. Такъ возгорѣлось дѣло, которое обратило на себя всеобщее вниманіе, вызвало множество памфлетовъ и разоблачило, въ глазахъ публики, преступленія мелкаго европейскаго султана.

Надѣясь на неповоротливость и продажность имперскаго правосудія, а также на покровительство императора, Карлъ поступалъ еще свирѣпѣе, презирая голосъ общественнаго мнѣнія и даже просьбы собственныхъ братьевъ, совѣтовавшихъ ему смириться. Вотъ какое впечатлѣніе произвелъ онъ на прибывшаго тогда въ Штутгартъ датскаго уполномоченнаго: «Вюртембергъ управляется государемъ, необузданнымъ во всѣхъ своихъ желаніяхъ, бездушнымъ, спѣсивымъ, незнающимъ состраданія и преданнымъ всѣмъ своимъ страстямъ. Мало того. На несчастную страну наводитъ ужасъ графъ Монмартенъ. Это—надменный, предпріимчивый министръ и интриганъ, который не церемонится въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ гибельныхъ цѣлей и плохо знаетъ договоры между герцогомъ и его подданными. Врагъ всего, что дерзаетъ поднимать голову передъ нимъ, онъ не умѣетъ прощать и открыто грозитъ своимъ гнѣвомъ даже дѣтямъ тѣхъ, кто будто-бы оскорбилъ его. Льстецъ, пресмыкающійся передъ своимъ господиномъ и его необузданными желаніями, онъ обогащается на счетъ крови народа, слушаетъ совѣты людей одного съ нимъ разбора, предается распутству,—словомъ, существуетъ лишь для того, чтобы служить бичомъ всего, что только есть вюртембергскаго». Пять лѣтъ тянулась тяжба этихъ палачей съ ихъ жертвами. Въ Штутгартъ наѣхали уполномоченные Пруссіи, Ганновера и Даніи и имперская слѣдственная коммиссія. Въ то же время другая коммиссія работала въ вѣнскомъ надворномъ судѣ, который, наконецъ, вмѣстѣ съ самимъ императоромъ, приказалъ Карлу освободить Мозера и уступить земству. Въ 1770 году герцогомъ былъ подписанъ договоръ, возстановлявшій права земства. Но насколько онъ былъ надеженъ, видно изъ того, что Карлъ всячески затягивалъ его и взялъ за подписаніе круглую сумму съ народа, а земство умоляло уполномоченныхъ евангелическихъ державъ не покидать Штутгарта. И дѣйствительно, съ

[1]) Слова Ассебурга, который былъ посланъ Даніей для разбирательства этого дѣла въ 1760 годахъ и подробно описалъ его. У него указаны жалобы земства, хорошо рисующія безвыходное положеніе подданныхъ Карла. *Asseburg*, 203—228.

тѣхъ поръ одинъ изъ послѣднихъ поочередно жилъ въ Вюртембергѣ. Въ то же время Ассебургъ, по настоятельнымъ просьбамъ земства, отправилъ къ графу Панину замѣчательное «предложеніе», которое онъ самъ назвалъ «совершенно неожиданнымъ и незнакомымъ» для Петербурга. Въ этой бумагѣ тепло описаны «угнетенія герцогства, возбудившія вниманіе и соболѣзнованіе даже за предѣлами Германіи». Ассебургъ взывалъ къ «доброму и сострадательному сердцу» русскаго министра, умоляя его помочь несчастнымъ, ибо «договоръ не измѣнитъ сердца этого фюрста». «Вюртембержцы,—говоритъ онъ,—питаютъ смиренное желаніе, чтобы великая и могущественная повелительница россійской имперіи стала доброю защитницей ихъ правъ и вольностей. Они хотятъ, чтобы императрица сама, или именемъ своего сына, какъ герцога голштинскаго, приняла поручительство за всѣ земскіе договоры Вюртемберга, по примѣру королей датскаго, прусскаго и ганноверскаго». «Я знаю—прибавлялъ Ассебургъ,—что этотъ призывъ почти безпримѣренъ и что имперская конституція противится иностранной гарантіи», но подобные примѣры были. Далѣе, указавъ на хорошія отношенія между Россіей, Пруссіей, Даніей и Англіей, Ассебургъ напоминалъ Панину: «ваше сіятельство сами писали мнѣ въ прошломъ году, что это счастливое согласіе между четырьмя коронами и есть та пора, когда Россія можетъ принять ближайшее участіе въ нѣмецкой конституціи, съ вѣдома союзныхъ дворовъ. Пусть же въ Вюртембергѣ будетъ положено начало этому! Пусть эта вѣчно тревожная страна будетъ первою, которая похвалится милостью и всегда благодѣтельными попеченіями величайшей императрицы! Повѣрьте, ваше сіятельство, что нѣтъ ничего достойнѣе вашихъ усилій, какъ дѣло, въ которомъ кроется спокойствіе и безопасность многихъ тысячъ людей! Благословеніе и благоволеніе будутъ спутниками такого поступка» [1]).

Этотъ вопль вюртембержцевъ о помощи остался безъ отзыва; а онъ былъ справедливъ. Правда, запуганный Карлъ сталъ говорить о раскаяніи и усвоивать языкъ «просвѣщенія». Въ 50-й день своего рожденія онъ возвѣстилъ подданнымъ впервые, будто онъ «человѣкъ» и потому иногда ошибался, но что отнынѣ «начинаетъ второй періодъ его жизни» и онъ становится «вѣрнѣйшимъ отцомъ отечества». Онъ сталъ даже подражать Фридриху II—рано вставать для занятій. Онъ усерднѣе прежняго меценатствовалъ и даже завелъ «Карлову академію» съ тремя факульте-

1) *Ассебургъ Панину*, отъ 1-го мая 1770 года. *Assebury*, 236—239.

тами [1]). Но это не было искреннее раскаяніе. Нѣкоторыя улучшенія произошли только тамъ, гдѣ дѣйствовалъ страхъ передъ имперскимъ судомъ и соглядатаями евангелическихъ державъ, или гдѣ старость и пресыщеніе брали свое, сущность же оставалась прежняя. Исторія съ Шубартомъ случилась послѣ новой эры во дворцѣ. Раннія занятія по утрамъ вскорѣ оказались комедіей. Новобранцевъ ловили по церквамъ и продавали за-границу по прежнему, а академія была новою забавой деспота. Шубартъ мѣтко назвалъ ее «плантаціей рабовъ»: здѣсь воспитывались рабскія души, подъ вліяніемъ военной дисциплины, которая господствовала во всемъ, начиная съ косичекъ и кончая духомъ преподаванія. Наконецъ, земство все еще должно было воевать съ своимъ государемъ и обороняться.

Политика герцога Карла была весьма не сложна по идеямъ. Онъ любилъ доказывать, въ своихъ письмахъ Румянцову, что «живетъ только изъ сознанія своего перваго долга—соблюсти благополучіе своего дома и своего народа», причемъ послѣднее слово должно отнести къ обычной стилистикѣ фюрстовъ. Съ этою цѣлью онъ «принималъ свои мѣры предосторожности», что означало на его языкѣ изысканіе средствъ къ удовлетворенію своей алчности и своего честолюбія, въ какомъ бы лагерѣ ни находились они. Въ своихъ политическихъ разсчетахъ Карлъ и его родственники подѣлили между собой великія державы, у которыхъ выгодно было заискивать. Карьерой его брата Фридриха было служеніе Пруссіи. Этотъ Фридрихъ, въ потомство котораго перешла вюртембергская корона, по смерти бездѣтнаго Карла всю свою жизнь бѣдствовалъ. Онъ владѣлъ маленькимъ графствомъ Монбельяръ, въ Эльзасѣ, заброшеннымъ среди французскихъ земель; а отъ пышной трапезы брата, конечно, мало крохъ перепадало на его долю. По словамъ Іосифа, монбельярская чета, обремененная кучей дѣтей, жила «самымъ мѣщанскимъ образомъ». Она извертывалась всячески, причемъ жена Фридриха отличалась попрошайствомъ [2]). Такъ, она согласилась за пенсію отъ вюртембергскаго земства воспитывать свою дочь Елизавету

---

[1]) *Румянцовъ* даже донесъ *Остерману*, 17/28 января 1785 года: „герцогъ купилъ у курфюрста майнцскаго за 400 тысячъ флориновъ сеньерію Беннингенъ, лежащую среди его земель. Всѣ хвалятъ его, всѣ очарованы и изумлены, видя, что этотъ фюрстъ привелъ въ порядокъ свои финансы, тѣмъ болѣе, что все его царствованіе не отличалось этимъ духомъ порядка“.

[2]) Когда она однажды хотѣла пріѣхать въ Вѣну, Іосифъ приказалъ Кауницу какъ-нибудь отклонить посѣщеніе, потому что гостья непремѣнно станетъ выпрашивать денегъ.—*Beer:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 117.

въ лютеранской религіи [1]). Фридрихъ больше всего жилъ насчетъ Пруссіи. Онъ женился на племянницѣ Фридриха II и служилъ у послѣдняго то генераломъ, то байрётскимъ губернаторомъ. Своего старшаго сына Фридриха онъ также отдалъ въ прусскую службу. Впрочемъ, ему было несчастье на дѣтей. Фридрихъ, который былъ потомъ первымъ вюртембергскимъ королемъ и прославился неукротимостью едвали не болѣе своего дяди Карла, перессорился съ начальствомъ и сталъ русскимъ генераломъ, а потомъ финляндскимъ намѣстникомъ и херсонскимъ губернаторомъ. Но его выгнали и изъ русской службы, потому что жена умоляла Екатерину защитить ее отъ его тиранствъ,—и онъ скитался по всей Европѣ, пока не попалъ на вюртембергскій престолъ. Другой сынъ Фридриха навлекъ на себя ненависть отца самовольной помолвкой съ княжной Чарторыйской. Изъ дочерей одна скончалась 19-ти лѣтъ, вскорѣ послѣ свадьбы, другая, Елизавета, умерла также молодою и была образцомъ безобразія, бездарности и крайне мѣщанскихъ манеръ. Только одна представляла счастливое исключеніе и по своей натурѣ, и по своей судьбѣ—Марія Θеодоровна, супруга Павла Петровича. Но въ описываемое время, вслѣдствіе сближенія между Россіей и Австріей, монбельярская чета сочла выгоднымъ измѣнить свою карьеру. Одну изъ своихъ дочерей она выдала замужъ за герцога голштейнъ-ольденбургскаго, другую (Елизавету), за племянника Іосифа II, Франца, будущаго нѣмецкаго императора; а одинъ изъ ея сыновей поступилъ въ австрійскую службу [2]).

Самъ же герцогъ Карлъ былъ неизмѣннымъ приверженцемъ Австріи, слѣдуя по стопамъ своего отца, который служилъ императору и занималъ постъ бѣлградскаго губернатора. Онъ забылъ, что Габсбурги всегда жаднымъ взоромъ посматривали на евангелическій Вюртембергъ и уже два раза въ (XVI и XVII вѣкахъ) захватывали его, а про Іосифа всѣ говорили, что онъ намѣренъ, послѣ Баваріи, промѣнять Модену или Миланъ на Вюртембергъ. Карлъ считалъ себя настолько могущественнымъ, что не опасался подобныхъ дерзостей со стороны императора. Къ тому же, въ Вѣнѣ помнили рвеніе, съ которымъ онъ выступилъ противъ Пруссіи въ Семилѣтнюю войну, и Габсбургамъ было выгодно поддерживать католическаго государя въ протестантской странѣ.

---

[1]) Самъ Фридрихъ былъ католикъ, а его жена реформатка.

[2]) *Румянцовъ Остерману*, въ октябрѣ 1784 года.—*Герцогъ Карлъ Румянцову*, отъ 19 января н. с. 1785 и отвѣтъ ему Румянцова.—*Joseph II und Leopold*, I, 285, 327, 339—343.—*Ségur*, II, 418 sq.

Въ началѣ спора Карла съ земствомъ Марія-Терезія колебалась и даже дѣлала внушенія послѣднему. Въ то же время Фридрихъ II горячо сталъ за вюртембержцевъ и доставилъ имъ побѣду надъ своимъ герцогомъ. Къ тому же, онъ открыто то порицалъ, то осмѣивалъ поведеніе своего неудачнаго ученика. Карлъ, подобно своему сопернику, графу ганаускому, ненавидѣлъ Фрица, какъ дерзкаго выскочку. Сверхъ того, онъ надѣялся получить много выгодъ отъ союза съ императоромъ—и прежде всего денегъ: а въ Вѣнѣ не были такъ скупы, какъ въ Берлинѣ, и Австрія была тогда въ дружбѣ съ Версалемъ, щедро снабжавшимъ герцога франками. Второю заботой Карла было пріобрѣтеніе курфюршескаго достоинства, которое зависѣло отъ императора, а не отъ курфюрста бранденбургскаго. Въ описываемое время герцогъ особенно дорожилъ связями съ Іосифомъ, потому что это сближало его съ Екатериной, а онъ уже давно считалъ помощь императрицы самымъ важнымъ обстоятельствомъ въ своей карьерѣ: такимъ образомъ, въ одно и то же время и герцогъ, и его подданные обратили свои взоры на сѣверъ. Карлъ, прежде всего, ожидалъ горъ золота изъ Россіи, затѣмъ курфюршескій чинъ, давно обѣщанный ему Екатериной [1]), наконецъ русскія «кавалеріи» и защиту Монбельяра отъ когтей Франціи. Были у него и еще нѣкоторыя просьбы къ Екатеринѣ. Такъ, при ея поддержкѣ, герцогъ дерзалъ даже помышлять о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ. Онъ просилъ Екатерину, чтобы, въ случаѣ войны въ Германіи, «ея покровительствомъ были причислены къ его владѣніямъ нѣкоторые изъ малыхъ имперскихъ вольныхъ городовъ, лежащихъ среди нихъ». Ему хотѣлось также промѣнять, при ея содѣйствіи, Монбельяръ на нѣкоторыя земли Іосифа въ Швабіи, такъ какъ «императору легче будетъ сохранить сіе графство отъ угнетеній и, можетъ быть, завоеваній со стороны Франціи» [2]). Еще Карлъ просилъ Екатерину выхлопотать ему у Іосифа признаніе графини Гогенгеймъ его женой и возведеніе ея въ санъ герцогини. Наконецъ, герцогъ умолялъ вывести его изъ одного затрудненія, въ которое онъ попалъ тогда изъ корысти. Онъ продалъ Іосифу 800 человѣкъ своихъ подданныхъ для голландской войны, не думая, конечно, что Франція серьёзно вмѣшается въ это дѣло. Вѣрные вюртембержцы были, наконецъ, выведены

---

[1]) Герцогъ напоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ Румянцову, не смѣя безпокоить самоё Екатерину, „дабы сохранить правило слѣпаго повиновенія" къ ней. *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 7/18 марта 1785 года.

[2]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 7/18 и 25 марта (6 апрѣля) 1785 года.

изъ терпѣнія такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ ихъ головами. Они взволновались и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, обратились къ датскому посланнику съ просьбой, чтобы державы-поруки уничтожили постыдную военную конвенцію ихъ государя съ императоромъ. Копенгагенскій дворъ, «по дружбѣ (intimité) къ петербургскому» совѣтовалъ имъ успокоиться. Но не успѣли успокоиться вюртембергскіе «чины», какъ грозное положеніе Франціи окончательно встревожило герцога. Онъ просилъ Іосифа не употреблять его легіона противъ французовъ и даже выхлопотать у Людовика XVI декларацію въ томъ смыслѣ, что вѣнская конвенція не повліяетъ на дружескія сношенія между Штуттгартомъ и Версалемъ. Въ то же время Карлъ взывалъ о помощи къ Екатеринѣ, доказывая ей, что онъ «можетъ держаться только системы нейтралитета во все время, пока будутъ несогласія». Но онъ напрасно билъ тревогу. Голландскій вопросъ началъ затихать, и Іосифъ самъ уничтожилъ конвенцію, замѣтивъ при этомъ не безъ ироніи, что «принялъ ее только изъ угожденія» герцогу и что послѣдній «можетъ даже употребить ея расторженіе въ свою пользу въ Версалѣ». Этотъ, повидимому, желанный исходъ дѣла былъ причиной новаго безпокойства въ Штутгартѣ, такъ какъ, по минованіи бѣды, Карломъ снова овладѣвало корыстолюбіе: ему захотѣлось даромъ получить деньги. Онъ сталъ доказывать, что свято почитаетъ конвенцію — и его легіонъ, набранный изъ лучшихъ солдатъ и офицеровъ, готовъ къ походу. «Я — писалъ онъ Іосифу — былъ крайне польщенъ уже тѣмъ, что осмѣлился заключить конвенцію съ вашимъ величествомъ, то-есть доказать всему міру, что я глубоко привязанъ къ вашей священной особѣ, и ничто въ мірѣ не можетъ измѣнить моихъ чувствъ». Правда, герцогъ не могъ удержаться отъ заявленія, что ему заплатили только за мѣсяцъ, а не за полгода; но такъ какъ этимъ его издержки уже покрыты, то, «никогда не руководясь разсчетами», онъ «готовъ былъ безропотно принять на себя все это бремя» [1]). Карлъ тотчасъ же увѣдо-

---

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 17/28 января 1785 года. При депешахъ Румянцова приложены слѣдующіе документы: *копія письма герцога вюртембергскаго къ императору*, отъ 17 января 1785 года; *копія отвѣта императора*, отъ 21 января; *копія письма герцога императору*, отъ 30 января. Въ послѣдней сказано, между прочимъ: „J'ai été trop flatté d'oser conclure une convention avec V. M. I. et de prouver par là au monde entier combien je suis respectueusement attaché à sa Personne Sacrée pour que rien au monde ne puisse me faire changer de sentiments... L'interêt ne m'a jamais guidé: je prends tous ces fardeaux sur moi sans murmurer, moyennant les argents qui j'ai reçu de Sa (императора) part et qui à peine ont suffi à tout. Cependant, Sire, je reitère encore mes voeux de pouvoir être utile au

милъ Петербургъ о своемъ великодушіи, которое будто бы означало его желаніе «заслужить милостивое одобреніе ея величества» [1]).

Вообще, въ описываемое время, герцогъ вюртембергскій находился въ перепискѣ съ Румянцовымъ и Остерманомъ, отчасти даже съ самой Екатериной и Павломъ Петровичемъ. Обыкновенно эти письма были лирическими изліяніями на одну и ту же тэму. «Отъ вашего императорскаго величества—писалъ Карлъ Екатеринѣ—зависитъ и всегда останется въ вашихъ рукахъ счастье мое и моего дома. Стóитъ вамъ сказать слово императору и французскому королю—и я буду спокоенъ, доволенъ, счастливъ... Вѣдь ваше счастье состоитъ единственно въ содѣланіи другихъ счастливыми... Пользуясь милостями и покровительствомъ вашего величества, я—самый спокойный и довольный изъ смертныхъ, ибо ваша поддержка—все для меня, а безъ васъ я не желалъ бы быть ничѣмъ» [2]). Весной 1785 года, когда въ Берлинѣ былъ составленъ проектъ лиги, Румянцовъ доносилъ Екатеринѣ: «герцогъ вюртембергскій, вручивъ себя, домъ свой и подданныхъ вашему покровительству, пребываетъ безопасенъ среди грозящихъ тучъ, не желая себѣ иного блага, кромѣ того, которое всеавгустѣйшимъ вашимъ посредствомъ получить можетъ». Екатерина отмалчивалась и на письма, и на просьбы герцога Карла. Только Румянцовъ утѣшалъ его увѣреніями, что императрица хлопочетъ въ Вѣнѣ о доставленіи ему курфюршескаго достоинства [3]). Сверхъ того, онъ посылалъ герцогу подобнаго

---

service de S. M. I.“.—*Копія письма императора герцогу*, отъ 3 февраля: затѣмъ послѣдовало окончаніе дѣла о конвенціи въ томъ смыслѣ, что Іосифъ предоставлялъ рѣшить денежный вопросъ вюртембергскому министру-резиденту вмѣстѣ съ вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ.

[1]) При депешахъ Румянцова находится *подлинное письмо герцога Карла Екатеринѣ*, отъ 8 февраля 1785 года. Въ немъ сказано, между прочимъ: „J'ai la consolation de n'avoir rien à me reprocher, d'avoir rempli touts les points de mon engagement, et d'avoir mesme fait plus par envie de meriter les bontés de Sa Majesté L'Empereur et la gratieuse approbation de Votre Majesté Imperiale, qui sera toujours le but de touttes Mes actions“.

[2]) При депешахъ Румянцова находятся: *копія письма герцога вюртембергскаго Румянцову*, отъ 19 января 1785 года; подлинное *письмо герцога Екатеринѣ*, отъ 19 января 1785 года; *письмо герцога Румянцову*, отъ 8 февраля 1785 года. Въ послѣднемъ сказано: „Avec les bontés et la protection de Sa M-té I-le (Екатерины) je suis le plus tranquile et content des mortels, car Son appuy m'est tout et sans Elle je ne voudrais rien être“.

[3]) Дѣйствительно, Голицынъ доносилъ Остерману, отъ 31 іюля (11 августа) 1784 года, что, исполняя его приказаніе, онъ убѣждалъ Кауница въ необходимости возвышенія герцога въ курфюршеское достоинство и требовалъ составить общій планъ

рода аттестаціи въ поведеніи: «мнѣ остается только удивляться свѣтлому взгляду и мудрости, которыми запечатлѣны ваши поступки въ отношеніи моего двора... Нѣтъ ничего достойнѣе вашей мудрости, какъ считать императрицу ангеломъ-хранителемъ вашего дома. Это довѣріе съ вашей стороны не преминетъ произвести самое хорошее впечатлѣніе» [1]).

Когда, вслѣдъ затѣмъ, вскрылся планъ Фридриха составить союзъ князей, рвеніе герцога вюртембергскаго достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ не хотѣлъ ограничиваться пассивнымъ сопротивленіемъ и сообщилъ Румянцову «по дружбѣ», что затѣваетъ устроить «сговоръ между фюрстами, дабы пустымъ не пугаться и не вооружаться, а быть въ готовности идти противъ нарушителя имперскихъ законовъ»; при этомъ сговоръ «не долженъ былъ имѣть видъ лиги и отнюдь не должно было допускать постороннюю державу въ участницы или предводительницы». Когда Румянцовъ пришелъ въ недоумѣніе отъ этого мудренаго плана, герцогъ объяснилъ, что сговоръ направленъ противъ Версаля и Берлина. Карлъ сталъ разъѣзжать по дворамъ фюрстовъ, былъ въ Майнцѣ и Франкфуртѣ; но больше всего разсчитывалъ онъ на Баварію и Вюрцбургъ. Его повсюду постигла неудача. Всѣ ограничивались уклончивыми фразами; одинъ епископъ вюрцбургскій охотно соглашался и совѣтовалъ обратиться къ курфюрсту кёльнскому. Но послѣдняго Карлъ не считалъ надежнымъ. Онъ хотѣлъ лучше обратиться въ Дармштадтъ, но покинулъ и это намѣреніе, развѣдавши, что ландграфъ находится въ сношеніяхъ съ Франціей черезъ свою жену. Всего недѣли черезъ двѣ послѣ начала дѣйствій, герцогъ Карлъ объявилъ Румянцову, что его планъ погибаетъ, ибо даже епископъ вюрцбургскій, «уступая своей склонности къ медлительности, тянетъ дѣло въ протяжку»; самъ же онъ, «будучи одинъ, не смѣетъ открываться прочимъ принцамъ, дабы они не выдали его Франціи».

Такъ погибла мимолетная идея контръ-лиги въ русско-австрій-

для этого. Кауницъ согласился и успокоилъ Голицына въ томъ отношеніи, что ландграфъ кассельскій никакъ не можетъ разсчитывать на курфюршеское званіе „ужъ потому, что опоздалъ обратиться въ Вѣну“. Но на этомъ дѣло и остановилось.

[1]) *Румянцовъ герцогу вюртембергскому*, отъ 10 февраля 1785 года: „Il ne me reste, comme je fois, qu'à admirer l'esprit de lumière et de sagesse qui caracterisent Vos demarches à l'egard de ma Cour“.—*Тоже*, отъ 19 января: „Rien n'est plus juste, Monseigneur, que la sollicitude de Père que Vous manifestés pour Vos sujets rien n'est plus digne de Votre sagesse, que de regarder l'Imperatrice comme l'Ange tutelaire de Vôtre Sérénissime Maison, et cette confiance... ne peut manquer d'avoir un très bon effet“.

скихъ интересахъ. Румянцовъ сказалъ тогда герцогу вюртембергскому: «по моему слабому мнѣнію, невозможно есть дать чинамъ германской имперіи духъ единомыслія. Каждому изъ нихъ, для избѣжанія быть жертвою замысловъ другого, кажется, лучше пещись особенно о собственномъ сохраненіи и благѣ своемъ». Что же касается самого Карла, то нашъ посланникъ утѣшалъ его презрительнымъ отзывомъ объ его главномъ врагѣ, ландграфѣ кассельскомъ. Онъ доказывалъ, что послѣднему далеко до него, герцога,—чина столь могущественнаго и даровитаго: ландграфъ «слабѣе уже потому, что не прилѣпленъ къ двумъ императорскимъ дворамъ». Герцогъ увѣрялъ, что и впредь намѣренъ придерживаться своихъ великихъ покровителей. Въ доказательство своей искренности, онъ сообщилъ, что прусскій посланникъ, въ разговорѣ съ его министрами, не разъ говорилъ, какъ Фридрихъ II уважаетъ его и надѣется, что онъ посѣтитъ Берлинъ въ предстоящее свое путешествіе [1]).

XVI.

Фюрсты, Іосифъ и Екатерина наканунѣ союза князей.

Недоумѣніе «патріотовъ» и ихъ сочувствіе лигѣ.—Неудачи Секендорфа во Франконіи и Гёрца въ Касселѣ.—Румянцовъ въ Касселѣ.—Русскій взглядъ на начало лиги.—Майскій циркуляръ Іосифа.—Настроеніе и энергія Фридриха.—Его надежды на фюрстовъ.—Патріотическое рвеніе Фердинанда брауншвейгскаго.—Согласіе Ганновера.—Характеристика Бейльвица.—Взглядъ ганноверцевъ на Пруссію.—Переговоры о конгрессѣ евангелическихъ курфюрстовъ.—Характеристика Дома.—Ошибки вѣнской дипломатіи.—Отвѣты на вѣнскіе циркуляры.—«Gewaltsam» ганноверскихъ законниковъ.—Павелъ Петровичъ и лига.—Вліяніе майскаго циркуляра Екатерины.

При описанныхъ условіяхъ, начало дѣла, затѣяннаго Фридрихомъ, не предвѣщало успѣха. «Окончательный» проектъ Герцберга встрѣтилъ сочувствіе только у самыхъ мелкихъ фюрстовъ, да и здѣсь, на первыхъ порахъ, не обошлось безъ недоразумѣній. Когда Секендорфъ прежде всего заѣхалъ къ Карлу-Августу веймарскому, чтобы узнать отъ него о настроеніи фюрстовъ, хозяинъ былъ крайне смущенъ такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ агента *короля*. До сихъ поръ герцогъ имѣлъ дѣло только съ *кронпринцемъ* и не зналъ теперь, въ какомъ отно-

[1]) *Румянцовъ Екатеринѣ*, отъ 7/18 и 25 марта (5 апрѣля) 1785 года.—*Румянцовъ Голицыну*, отъ 24 мая (4 іюня) 1785 года.

шенія находятся между собой замыслы молодого и стараго двора въ Пруссіи. Онъ счелъ болѣе безопаснымъ скрыть свои переговоры съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и тотчасъ же написалъ объ этомъ своему пріятелю, Францу дессаускому. Изъ этого письма видно, что патріотическій тріумвиратъ связывалъ свою будущность съ кронпринцемъ: безъ него онъ не желалъ идти далѣе блѣднаго заявленія сочувствія всему, что̀ можетъ поддержать имперскую конституцію. Но вслѣдъ затѣмъ патріоты были выведены изъ затрудненія. Ихъ извѣстили изъ Берлина, что Фридрихъ-Вильгельмъ раздѣляетъ планъ своего дяди и вполнѣ одобряетъ посольство Севендорфа, съ которымъ онъ хорошо знакомъ лично. Теперь радости тріумвировъ не было конца. Нѣкоторые изъ нихъ даже обнаружили готовность принести все, не исключая своей жизни, на алтарь «отечества». При этомъ сила патріотизма фюрстовъ была, можно сказать, обратно пропорціональна ихъ значенію. Такъ, пламеннѣе всѣхъ выражался Эрнстъ готскій. Онъ писалъ Карлу-Августу веймарскому: «Мы, нѣмецкіе князья, должны поставить на походную ногу армію, чтобы защитить наши земли и наши личности отъ ига Іосифа. Никто, кромѣ вашего дяди, герцога брауншвейгскаго, не долженъ предводительствовать этою арміей, и я почту за честь служить подъ его начальствомъ». А дессаускій писалъ веймарскому: «Успѣхъ и благословеніе вашему мужественному предпріятію и его точному исполненію! Меня также не упрекнутъ въ нерадѣніи или равнодушіи. Но не забывайте, что у меня, бѣдняги (Armer), всего четверть голоса на имперскомъ сеймѣ, и мнѣ, пожалуй, не удастся побудить господъ моихъ родственниковъ къ разумнымъ мѣрамъ» [1]).

Патріотическій тріумвиратъ не ограничивался изліяніями чувствъ. Онъ началъ разъѣзжать по дворамъ мелкихъ фюрстовъ. Особенно часто «пребывалъ онъ въ окрестностяхъ Франкфурта, чтобы подъ разными предлогами являться въ Майнцъ». Такъ доносилъ въ Петербургъ Румянцовъ, на глазахъ у котораго совершались эти разъѣзды. И теперь-то онъ впервые узналъ, что Фридрихъ рѣшился устроить «формальную негоціацію», не довольствуясь возбужденіемъ повсюду «скрытнаго и глухого неудовольствія противъ Вѣны и Петербурга, посредствомъ лейденскихъ газетъ и берлинскихъ эмиссаровъ, стучавшихся у всѣхъ дверей въ Германіи» [2]).

---

[1]) *Герцогъ готскій герцогу веймарскому*, отъ 24 февраля, и *Фридрихъ-Вильгельмъ герцогу веймарскому*, отъ 2 марта 1785 года. *Ranke*: Die deutschen Mächte, II, 278—282.—*Ranke*, I, 216—218.

[2]) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 24 мая (4 іюня) 1785 года.—*Румянцовъ Остер-*

Но этимъ и ограничивались, на первыхъ порахъ, всѣ успѣхи «окончательнаго» проекта. Посольство Секендорфа, на которое возлагалось такъ много надеждъ и въ Берлинѣ, и у тріумвирата, не произвело особеннаго впечатлѣнія. Этотъ энергическій дипломатъ дѣйствовалъ безукоризненно. Онъ пустилъ въ ходъ и авторитетъ Фридриха, и имя наслѣднаго принца, котораго описывалъ «патріотическимъ, великимъ», уважающимъ права католической церкви. Онъ живыми красками нарисовалъ картину погибели Германіи и требовалъ у фюрстовъ войскъ, которыя Пруссія будетъ содержать на собственный счетъ. Онъ даже развертывалъ передъ ними планъ кампаніи—одну армію двинуть въ Богемію, другую въ Баварію, третью во Франконію и къ Рейну, а пока собиралъ свѣдѣнія о запасахъ хлѣба и фуража во Франконіи. Но рвеніе и пылкое краснорѣчіе Секендорфа только запугивало миролюбивыхъ фюрстовъ, косившихся на потсдамскія казармы и трепетавшихъ передъ могуществомъ императора. Самое важное лицо во Франконіи, на которое Секендорфу приказано было направить всѣ свои усилія, директоръ этого имперскаго округа, епископъ вюрцбургскій, прямо отказался отъ прусской лиги: онъ переговаривался тогда съ герцогомъ вюртембергскимъ. А за нимъ послѣдовалъ и его товарищъ, содиректоръ округа, маркграфъ аншпахъ-байрётскій: несмотря на свою принадлежность къ бранденбургскому дому, онъ «даже обнаружилъ еще болѣе молчанія», чѣмъ вюрцбургскій владыка [1]).

Столь же мало успѣха имѣлъ Гёрцъ въ Касселѣ, хотя последній до того интересовалъ Фридриха, что онъ далъ своему агенту собственноручную инструкцію, какъ вести переговоры съ ландграфомъ, и любезное письмо къ своему соименнику. Гёрцъ долженъ былъ прежде всего развѣдать, не вступилъ ли ландграфъ въ какія-нибудь обязательства съ Австріей и продолжаетъ ли онъ получать субсидіи изъ Лондона, а затѣмъ осыпать его обѣщаніями, хотя и «не положительными». Но король побоялся снабдить своего агента оффиціальными бумагами, чѣмъ и воспользовались въ Касселѣ, чтобы затянуть дѣло. Пока Гёрцъ ожидалъ изъ Берлина потребованной у него бумаги, ганауское министер-

---

ману, отъ 19/30 іюня 1785 года. Здѣсь сказано: „Le Roi de Prusse ne se contenta pas d'eventer par la voye du Gazetier de Leyde la proposition que j'avois faite aux Deux Ponts, il sonna le tocsin, Ses emissaires frapperent en Allemagne à toutes les portes, et comme tout cela ne produisoit encore qu'une inquietude sourde et cachée, il eut recours à la voye d'une Negociation formelle".

[1]) *Румянцовъ Голицыну и Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года. *Schmidt*, I, 179 sq.—*Ranke*, I, 220 sq.

ство успѣло снестись съ Ганноверомъ, откуда отвѣчали, что еще ничего не рѣшили насчетъ лиги. Послѣ этого было объявлено Гёрцу, что ландграфъ желаетъ посовѣтоваться съ тѣми, «съ которыми онъ уже прежде находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ». Тутъ Гёрцъ рѣшился солгать, будто между его королемъ и Георгомъ III уже послѣдовало соглашеніе, что̀ еще болѣе подорвало его кредитъ. Затѣмъ онъ пообѣщалъ ландграфу курфюршеское достоинство, намекнувъ, что теперь оно зависитъ не отъ императора, а отъ прусскаго короля, которому принадлежитъ большинство въ курфюршеской коллегіи. Наконецъ, онъ хотѣлъ «прельстить» его деньгами и спросилъ, за какія субсидіи далъ бы онъ Фридриху корпусъ войскъ, въ случаѣ войны. Ему отвѣчали прямо, что не предвидятъ войны и вообще намѣрены слѣдовать по стопамъ Ганновера. На этомъ оборвались переговоры; но Гёрцъ остался въ Касселѣ. Чтобы уяснить положеніе дѣлъ, встревоженный ландграфъ послалъ въ Ганноверъ самого Витторфа, своего министра иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь говорили уклончиво, потому что еще не получали извѣстій изъ Лондона и Берлина, куда послали нарочныхъ курьеровъ. Съ одной стороны, бранили Австрію и одобряли планъ лиги; съ другой — совѣтовали «остерегаться видовъ прусскаго короля и, готовясь къ собственной защитѣ, не дѣлать ничего такого, что̀ бы могло справедливо огорчить императора».

Между тѣмъ, сверхъ всякаго ожиданія, къ ганаускому двору прибылъ Румянцовъ. Получая отсюда противорѣчивыя извѣстія отъ своего пріятеля, датскаго министра, онъ не выдержалъ и ослушался приказа Екатерины. Румянцовъ подробно ознакомился съ положеніемъ дѣлъ черезъ одного изъ кассельскихъ придворныхъ, а впослѣдствіи самъ Витторфъ показывалъ ему документы. Вообще, съ нимъ обходились весьма предупредительно, такъ что онъ подумалъ, будто ландграфъ «поставилъ себѣ правиломъ снискать благоволеніе обоихъ императорскихъ дворовъ» и будто онъ ссылался на Ганноверъ именно потому, что «почиталъ англійскаго короля ихъ другомъ». Это убѣжденіе утвердилось у Румянцова послѣ свиданія съ Вильгельмомъ кассельскимъ. Нашъ посланникъ доносилъ Екатеринѣ: «Я высказалъ наслѣдному принцу увѣренность въ томъ, что его родитель, а особливо онъ самъ понимаютъ свои интересы и будутъ сохранять себя въ мѣрахъ угодныхъ двумъ императорскимъ дворамъ; и что ваше величество, показавъ уже опытомъ при всякомъ случаѣ каковое попеченіе о благѣ германской имперіи имѣете, конечно особливаго воззрѣнія не лишите знатныхъ ея членовъ и, слѣдовательно, гессенъ-кассель-

скій домъ; что сей домъ и именно онъ, наслѣдный принцъ, мощное во всякомъ случаѣ покровительство вашего императорскаго величества восчувствуютъ, когда токмо своею преданностію къ Россійскому двору напередъ достойнымъ онаго явятся. Принцъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, никто изъ постороннихъ монарховъ Германіи столько полезенъ быть не можетъ, какъ ваше императорское величество; что онъ персонально при всякомъ случаѣ особливому вашего императорскаго величества покровительству вручаетъ и щастливымъ себя почтетъ соразмѣрить поступки свои высокимъ видамъ вашего величества; что неоднократно желалъ онъ почтительно письмомъ отзываться предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, но воздержимъ былъ опасеніемъ; нынѣ же, вслѣдствіе моей рѣчи, дерзнетъ при удобномъ случаѣ то учинить».

Такимъ образомъ, документы, до мелочей освѣщающіе возникновеніе лиги, оправдываютъ оптимистическій взглядъ Румянцова, который доносилъ тогда Екатеринѣ: «лига, которую родить хотѣлъ король прусскій, при первыхъ о томъ стараніяхъ не сбылася» [1]). Онъ твердилъ тогда, что «лига безсильна и послужитъ лишь къ торжеству императорскихъ дворовъ, если только за нихъ будутъ Баварія, Вюртембергъ и Кассель» [2]). Румянцовъ значительно успокоился и ободрился, когда получилъ майскій циркуляръ (гл. X), который долженъ былъ поднять, въ глазахъ фюрстовъ, павшій кредитъ Россіи. Конечно, онъ больше всего обрадовался тому, что циркуляръ развязывалъ ему руки и даже предписывалъ «частно» бесѣдовать съ чинами имперіи. Румянцовъ снова пустился въъ объѣздъ по дворамъ фюрстовъ.

---

1) *Румянцовъ Голицыну*, отъ 24-го мая (4-го іюня) 1785 года. Тогда же ($^{20}/_{31}$ мая) *Румянцовъ* доносилъ *Екатеринѣ*: „Поднятый нашими врагами вопль по случаю промѣна Баваріи имѣлъ должное слѣдствіе, то-есть если имъ удалось родить въ германскихъ чинахъ временное сомнѣніе противу видовъ императора, то не менѣе они тѣхъ же самыхъ противу себя остерегли и я смѣло донесть могу, что въ пространствѣ миссіи моей донынѣ бо́льшая часть германской имперіи чиновъ не подается на творимыя имъ подъ рукою внушенія, а та малая часть, которая на то попускается, чинитъ сіе осторожно, и оказывая опасеніе, дабы сей ея поступокъ въ истинномъ своемъ видѣ мнѣ не явился. Сіе въ такой землѣ, гдѣ противу самаго начальника сей имперіи явно озлобляться можно и гдѣ не хранятъ отнюдь мѣръ благопристойности, кажется мнѣ почитаться можетъ знакомъ большого почтенія къ вашей особѣ“.

2) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1785 года: „J'ai eu l'honneur de le dire à Vôtre Excellence et je le repête volontiers: dés que les deux Cours Imperiales auront pour Elles la Bavière, Cassel et Wurtemberg, Elles n'auront Contre Elles en Allemagne q'une ligue impuissante et dont les efforts et la faiblesse ne servira qu'a rehausser l'eclat et l'opinion que l'on a de la puissance des deux Cours: tout comerage tombera sur ses auteurs et nous sortirons triomphans et avec dignité de l'embaras, que la Cour de Berlin cherche à nous susciter maintenant en Allemagne“.

Въ оправданіе Румянцова должно сказать еще и то, что тогда въ Петербургѣ точно также считали замыселъ Фридриха неудавшимся. Остерманъ успокоивалъ Кауница, доказывая, что Фридриху не «прибрать князей совершенно въ свои руки и въ свои услуги»: въ этомъ ручается уклончивость Дрездена и Касселя, а также зависимость Ганновера отъ Англіи, которая не вступитъ ни въ какой союзъ, пока прусскій король будетъ въ тѣсныхъ связяхъ съ французскимъ. Къ тому же, тутъ Россія всегда поддержитъ Австрію. И Екатерина тотчасъ же доказала это на дѣлѣ. Несмотря на политическую безтактность, которую именно тогда позволилъ себѣ Іосифъ относительно Россіи [1]), ея дипломатія повсюду искренно дѣйствовала въ его пользу. Такъ какъ Іосифъ просилъ тогда Екатерину «наилучше подкрѣпить подвиги его министровъ въ Германіи къ опроверженію берлинскихъ происковъ», то Остерманъ поспѣшилъ послать русскимъ посланникамъ инструкціи, «по возможности согласныя съ волей и наставленіями императора». Сверхъ того, Екатерина объявила въ Берлинѣ и Дрезденѣ, что не видитъ причинъ, которыя вызывали бы новый союзъ для огражденія свободы и конституціи Германіи; напротивъ, она опасается, что подобный союзъ послужилъ бы только къ возбужденію недовѣрія и разногласія. Наконецъ, ея майскій циркуляръ, по словамъ самого Остермана, «имѣлъ цѣлью воспрепятствовать заключенію нѣмецкаго союза», хотя въ немъ и не говорилось ни слова объ этомъ предметѣ [2]).

---

[1]) Тогда шли переговоры о торговомъ трактатѣ между Россіей и Австріей, причемъ Іосифъ строго выставлялъ нѣкоторыя стѣснительныя для насъ требованія. Екатерина сдѣлала нѣсколько уступокъ, выразивши только удивленіе, что Іосифъ упорствуетъ въ такихъ пустякахъ, когда оба двора столь серьёзно помогаютъ другъ другу въ важныхъ политическихъ вопросахъ. Въ рескриптѣ Голицыну по этому поводу (отъ 28-го апрѣля 1785 года) сказано: „Не было и нѣтъ у насъ намѣренія торговаться съ императоромъ, союзникомъ нашимъ, въ торговыхъ постановленіяхъ, когда мы взаимно на обѣ стороны не торговались и не торгуемся между собою въ дѣлахъ политическихъ гораздо бо́льшей важности; какъ мы предъ симъ дѣятельно испытали всю пользу его дружбы и доброхотства по дѣламъ съ Портою оттоманскою, такъ взаимно и съ нашей стороны всячески готовы были подкрѣплять его въ слѣдствіяхъ извѣстнаго промѣна Нидерландовъ на баварскія области и распрей съ республикою голландскою, кои нынѣ достигаютъ до полюбовной развязки, сколько отъ свойственнаго императору человѣколюбія, столько же можетъ быть и по твердости гласа нашего въ пользу его требованій". Это тотъ самый торговый трактатъ, про который самъ Іосифъ писалъ своему брату: „Онъ совсѣмъ безполезенъ какъ для императрицы, такъ равно для меня и для вашихъ подданныхъ, но не для министровъ и канцелярскихъ, которые получили подарки, и я именно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы получше помазать ихъ (graisser)". *Joseph II und Leopold*, I, 308.

[2]) *Рескриптъ Голицыну*, отъ 19-го мая 1785 года.—*Dohm*, III, 68.—*Görtz*, I, 287 sq.

Не дремали и въ Вѣнѣ. Съ этой стороны планъ Фридриха тотчасъ же встрѣтилъ отпоръ. Уже въ апрѣлѣ Кауницъ приказалъ своимъ посланникамъ въ Германіи опровергать слухи, распускаемые Берлиномъ о Вѣнѣ, какъ публичную клевету; а въ маѣ явился циркуляръ Іосифа, надѣлавшій еще болѣе шуму въ Европѣ, чѣмъ майскій циркуляръ Екатерины. Онъ былъ дѣйствительно замѣчателенъ и удивилъ всѣхъ. Императоръ, желая «самымъ дѣломъ доказать, какъ твердо рѣшился онъ всецѣло сохранять имперскую конституцію», которой угрожаетъ Пруссія, рѣшился составить собственный союзъ князей. Фюрсты приглашались присоединиться къ этому «лучшему и поразительному свидѣтельству заботливости императора о сохраненіи германской конституціи». И послѣ этого тѣ, «которые вступили бы въ какіе-либо посторонніе союзы, уже доказали бы неопровержимо всему безпристрастному міру, что у нихъ кроются совсѣмъ другіе замыслы и побужденія, чѣмъ тѣ, которые они выставляютъ». Эта угроза была поддержана еще болѣе сильными и даже суровыми увѣщательными нотами ко многимъ фюрстамъ. Въ нихъ «строго» (ernstlich) напоминалось, что лиги, подобныя затѣянной Фридрихомъ, противозаконны и «неизбѣжно» навлекаютъ на своихъ участниковъ «невознаградимыя потери и вредъ» [1]).

Итакъ, весной 1785 года княжескій союзъ Фридриха повсюду встрѣчалъ препятствія, и ближайшія къ дѣлу лица не вѣрили въ него; а между тѣмъ, именно въ томъ самомъ маѣ, который былъ ознаменованъ циркулярами Екатерины и Іосифа, онъ становился на практическую почву, конечно, въ Берлинѣ.

Здѣсь кипѣла работа въ рукахъ Фридриха. Его увлеченіе союзною идеей возрастало съ каждымъ днемъ. Онъ повсюду видѣлъ новые поводы къ ней. Пугливое воображеніе дѣлало его довѣрчивымъ ко всякимъ слухамъ и даже анонимнымъ доносамъ о неминуемой опасности, угрожающей Германіи отъ императорскихъ дворовъ. А тогда броженіе у фюрстовъ, электризуемое затѣей Фридриха, достигало крайней степени. Въ Потсдамѣ скоплялись тревожныя извѣстія со всѣхъ концовъ Германіи, въ особенности же изъ главныхъ политическихъ пунктовъ—изъ Мюнхена и Цвейбрюкена, изъ Майнца и Регенсбурга. Слишкомъ усердные агенты Пруссіи и «патріоты» увѣряли, что Карлъ-Теодоръ, затѣявшій тогда поѣздку въ Дюссельдорфъ, въ сущности

[1]) *Кауницъ Лербаху* отъ 11-го мая 1785 года. Это письмо приложено къ депешѣ Румянцова Остерману, отъ 18/30 іюня; оно напечатано у *Шмидта*, I (211—213), съ нѣкоторыми, впрочемъ, неважными неточностями.—*Dohm*, III, 64 sq. — *Schmidt*, I, 226.

пробирается въ Брюссель и уже не возвратится оттуда, а «тѣмъ временемъ въ Баварію вступитъ австрійская армія, самъ же Іосифъ, вмѣстѣ съ Екатериной, ударятъ на прусскаго короля съ трехъ сторонъ», чтобы отвлечь его отъ германскихъ дѣлъ. Конечно, болѣе всѣхъ суетился Гофенфельсъ, который самъ сознавался тогда, что «слишкомъ горячо» взялся за дѣло. Онъ уже совѣтовалъ своему герцогу послать одного родственника въ Баварію, а Фридриху внушалъ отправить туда же опытнаго офицера. Прусскіе министры считали всѣ подобные слухи «преувеличенными или нарочно выдуманными, чтобы поднять тревогу и смятеніе». Но въ глазахъ Фридриха они рисовали «весьма мрачную и прискорбную картину». Онъ былъ увѣренъ, что походъ Іосифа въ Голландію, а Екатерины въ Турцію только предлоги: ему уже казалось, что первый нападаетъ на него изъ Мюнхена и Брюсселя, а вторая изъ Лифляндіи и Галиціи. Фридрихъ снова надоѣдалъ своимъ министрамъ, требуя, чтобы они «собрали всю свою энергію и обратились въ одни нервы». Самъ же онъ, выражаясь его собственными словами, «развѣдывалъ у всѣхъ дворовъ и все пустилъ въ ходъ» для своего любимаго дѣла. Онъ ежедневно издавалъ указы о лигѣ своимъ министрамъ и собственноручно писалъ депеши къ важнѣйшимъ дворамъ [1]).

Неутомимая дѣятельность Фридриха уже начинала приносить плоды. Фердинандъ брауншвейгскій обрадовался оффиціальному извѣщенію объ «окончательномъ» проектѣ и сталъ соперничать съ патріотическимъ тріумвиратомъ въ усердіи. Онъ отвѣчалъ Фридриху, что это—«самый мудрый планъ» и что уже «много вѣковъ не появлялось ничего столь патріотическаго». И такъ какъ герцогъ именно тогда просилъ отставки у Фридриха, то умолялъ его всетаки считать его «однимъ изъ своихъ ревностнѣйшихъ слугъ и постояннымъ приверженцемъ его государства». Онъ даже негодовалъ на уклончивость Саксоніи, словно на личную обиду. И его министръ, Гарденбергъ, сталъ чаще видѣться съ своимъ пріятелемъ, епископомъ оснабрюкскимъ или герцогомъ іоркскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ наѣзжать въ Ганноверъ. Въ то же время Гофенфельсъ увѣрялъ, что его герцогъ медлитъ только изъ опасенія Версаля и Вѣны и тотчасъ же приступитъ къ лигѣ, какъ только Ганноверъ и Саксонія соединятся съ Пруссіей. Изъ Майнца приходили все болѣе и болѣе утѣшительныя извѣстія. Являлись надежды на Мекленбургъ, Дармштадтъ и Вольфенбюттель. Кто-то давалъ понять, что и въ Касселѣ не все потеряно. Наконецъ,

---

[1]) *Schmidt*: Unionsbestrebungen, I, 172 sq., 182—193, 213—217.

думали, что даже герцогъ вюртембергскій не останется равнодушнымъ къ любезностямъ, расточаемымъ изъ Потсдама [1]). Карлъ самъ признался тогда Румянцову, что Герцбергъ удостоилъ его нѣсколькихъ «комплиментовъ (cajolerie) за его литературные труды», а прусскій посланникъ дополнилъ его собраніе библій прекраснымъ экземпляромъ. И какъ ни увѣрялъ онъ, что это— пустяки для него, Румянцовъ доносилъ, что въ Германіи уже считаютъ его «новымъ приверженцемъ лиги» [2]).

Правда, Саксонія, съ ея «нейтральной» уклончивостью, все еще представляла одно изъ главныхъ препятствій къ осуществленію идеи Фридриха. Но въ Потсдамѣ понимали, что ея поведеніе зависитъ отъ Ганновера. Сюда и были направлены главныя усилія Фридриха.

Георгъ III, съ самаго начала выразившій сочувствіе идеѣ Фридриха (гл. XIV), тотчасъ же согласился съ «окончательнымъ» проектомъ. Мало того. Онъ заявилъ желаніе избѣгать всякихъ формальностей, чтобы ускорить ходъ дѣла, и уже спрашивалъ, сколько войскъ намѣренъ выставить каждый изъ договаривающихся князей. Обрадованный Фридрихъ поспѣшилъ собственноручно написать депешу графу Люси, чтобы поддержать рвеніе ганноверскаго курфюрста. Онъ горячо доказывалъ близость погибели Германіи, потому что Іосифъ объявленъ душеприказчикомъ Карла-Теодора, завѣщаніе котораго, составленное въ пользу побочныхъ дѣтей, даетъ ему тысячу предлоговъ нарушать права герцога цвейбрюкенскаго. Сверхъ того, изобиліе принцевъ у домовъ тосканскаго, неаполитанскаго и миланскаго даетъ императору возможность вскорѣ захватить и секуляризовать всѣ епископства въ Германіи. Фридрихъ до того увлекся своею аргументаціей, что, желая искоренить склонность Англіи къ Россіи, увѣрялъ, будто торговыя связи между этими державами приносятъ пользу только послѣдней [3]).

Можно было ожидать, что окончательное соглашеніе между Берлиномъ и Ганноверомъ будетъ тотчасъ же достигнуто; но въ этомъ случаѣ министерства не могли поспѣвать за идеями своихъ государей. Теперь пришлось вспомнить предостереженія Фердинанда брауншвейгскаго насчетъ «нерѣшительности и трусливости»

---

[1]) Уже въ апрѣлѣ 1785 года прусскіе министры писали ганноверскимъ: „У насъ есть даже нелишенная основанія надежда относительно герцога вюртембергскаго". *Schmidt*, I, 179.

[2]) *Schmidt*, I, 168 sq., 184 sq., 194—196.—*Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.

[3]) *Schmidt*, I, 167 sq., 172, 180.

ганноверскихъ тайныхъ совѣтниковъ. Оказалось, что у Георга былъ свой Герцбергъ въ дѣлѣ лиги — министръ иностранныхъ дѣлъ Бейльвицъ. Бейльвицу было подъ шестьдесятъ, и онъ свѣковалъ чиновникомъ мелкаго нѣмецкаго княжества. Прежде чѣмъ достигнуть поста государственнаго министра, онъ служилъ сначала при веймарскомъ дворѣ, потомъ по судебному вѣдомству въ Ганноверѣ. Но важнѣе всего, что Бейльвицъ долго былъ посланникомъ на имперскомъ сеймѣ, гдѣ и образовался изъ него типъ нѣмецкаго крючкотворца того времени, неповоротливаго педанта. Не было въ мірѣ такого великаго интереса, который могъ бы вывести ганноверскаго министра изъ апатіи и крайней мѣшкотности, прикрываемой маской обширныхъ и глубокомысленныхъ соображеній, а всякое предложеніе изъ Берлина окончательно парализовало его энергію. Бейльвицъ, по выраженію Дома, имѣлъ «удивительное понятіе о прусскихъ порядкахъ» и о потсдамскомъ бытѣ. Они стѣсняли и страшили его даже издали. Къ тому же, «онъ зналъ, что ходъ занятій на имперскомъ сеймѣ былъ предметомъ насмѣшекъ Фридриха и что послѣдній былъ не очень высокаго мнѣнія о дѣльцахъ, образовавшихся въ этой школѣ». Такое настроеніе ганноверскаго министра поддерживалось общественнымъ мнѣніемъ страны, которое было даже менѣе благопріятно Пруссіи, чѣмъ въ Лондонѣ. — «Мнѣ приходилось — писалъ Домъ Фридриху — бороться съ господствующими здѣсь противъ насъ предубѣжденіями и многими опасеніями насчетъ послѣдствій ассоціаціи: иногда, кажется, что здѣсь сочувствують цѣли, *но не средствамъ*» [1]).

Понятно, что ганноверское министерство медлило отвѣтомъ на воззваніе Фридриха. Лишь мѣсяцъ спустя высказалось оно, и то по настоянію Георга III. Ганноверъ потребовалъ ограничиться, на первый разъ, союзомъ «трехъ евангелическихъ курфюршествъ» и предложилъ собраться ихъ уполномоченнымъ въ какомъ-нибудь незначительномъ и уединенномъ мѣстѣ, въ родѣ имперскаго города Нордгаузена, въ Нижне-саксонскомъ округѣ. Сверхъ того, Георгъ III побуждалъ курфюрста саксонскаго склониться къ этому плану, и мнѣніе Фридриха о дрезденскомъ дворѣ оправдалось: тамъ исчезли всѣ колебанія, какъ только обнаружилось искреннее желаніе Ганновера приступить къ лигѣ. Соглашеніе между тремя евангелическими курфюрстами состоялось бы тотчасъ же, такъ какъ Фридрихъ рѣшился уступать во всѣхъ

[1]) *Домъ Фридриху и Герцбергу*, отъ 16 іюня 1785 года; у *Шмидта*, I, 248 sq.— *Dohm*: Denkwürdigkeiten, III, 76 sq.

мелочахъ и формальностяхъ; но берлинское министерство снова помѣшало своему королю. Герцбергу хотѣлось играть роль руководителя, и потому онъ требовалъ конгресса въ Берлинѣ. Саксонія ничего не имѣла противъ этого; но Ганноверъ настаивалъ на Нордгаузенѣ. Сверхъ того, Бейльвицъ потребовалъ собраться не обыкновеннымъ агентамъ, которымъ приходилось бы выжидать инструкцій отъ своихъ правительствъ, а «довѣреннымъ министрамъ, которые, зная всю систему своихъ дворовъ, могли бы, въ тишинѣ и безъ долгихъ разсужденій, заключить союзъ, въ сущности уже признанный договаривающимися сторонами. Герцбергъ схватился за эту мысль, чтобы, по крайней мѣрѣ, самому поѣхать въ Нордгаузенъ. Онъ просилъ послать его, какъ милости, какъ знака, что Фридрихъ «еще не совсѣмъ лишилъ его довѣрія», и ручался, что окончитъ дѣло въ нѣсколько дней. Но король уже совсѣмъ охладѣлъ къ своему министру въ послѣднее время. Къ тому же, онъ съ самаго начала высказывалъ мысль, что дѣло лиги нужно вести черезъ незначительныхъ чиновниковъ, чтобы не возбудить подозрѣнія въ Европѣ. Въ Нордгаузенъ былъ посланъ не Герцбергъ, а секретарь его канцеляріи, Домъ. Это былъ умный, образованный и распорядительный человѣкъ, настолько знакомый съ имперскими законами и исторіей, что къ его перу часто прибѣгали для защиты гогенцоллернскихъ интересовъ. Но лучшею пропагандой въ пользу Пруссіи были его «Записки», посвященныя прославленію Фридриха, написанныя сухимъ, но яснымъ языкомъ и обличающія глубокое знаніе фюрстовъ и ихъ министровъ. Выборъ этого надежнаго дѣльца былъ тѣмъ болѣе удаченъ, что Домъ недавно ѣздилъ въ Гильдесгеймъ, по поводу коадъюторскихъ выборовъ: можно было разгласить, что теперь онъ отправляется туда же и лишь случайно завернетъ въ Нордгаузенъ. Но въ глазахъ Герцберга Домъ, этотъ канцеляристъ, который «не можетъ летать на своихъ собственныхъ крыльяхъ», былъ, конечно, нѣсколько слабымъ и еще мало набившимъ руку (peu routiné) для подобныхъ порученій. Упрямый берлинскій министръ не вытерпѣлъ. Воспользовавшись фразой Фридриха, что ему все равно — гдѣ бы ни собирались, лишь бы дѣло дѣлали, онъ приказалъ Дому уговорить ганноверскихъ министровъ устроить совѣщаніе если не въ Берлинѣ, то хоть въ менѣе отдаленномъ Дессау.

Заѣхавши, по дорогѣ, въ Брауншвейгъ для «весьма полезныхъ» бесѣдъ съ герцогомъ Фердинандомъ, Домъ прибылъ въ Ганноверъ, гдѣ главною и труднѣйшею его задачей было сойтись съ упрямымъ Бейльвицомъ и сдѣлать послѣднюю попытку

въ пользу назначенія Берлина мѣстомъ конгресса. Министръ маленькаго нѣмецкаго двора обнаруживалъ рѣшительное отвращеніе къ прусской столицѣ, говорилъ, что его семья боится большого свѣта, особенно визитовъ, самъ же онъ стѣсняется даже тѣмъ, что не можетъ бѣгло говорить по-французски. Домъ увѣрялъ его, что «нѣмецкій король намѣренъ лишь по-нѣмецки бесѣдовать съ нѣмецкимъ государственнымъ человѣкомъ о нѣмецкомъ дѣлѣ». Но важнѣе всего, что Георгъ III, дорожа участіемъ важныхъ сановниковъ въ столь серьёзномъ дѣлѣ, приказалъ своему министру отправляться въ Берлинъ. Въ концѣ іюня, Бейльвицъ уже лично заявилъ Фридриху, что ему приказано «не только противодѣйствовать всякому несправедливому расширенію австрійскихъ владѣній, но и договориться объ избраніи римскаго императора, о девятомъ курфюршествѣ и о томъ, какъ три двора должны помогать другъ другу». Незадолго передъ тѣмъ, саксонскій посланникъ въ Берлинѣ, Цинцендорфъ, получилъ инструкціи отъ своего двора и приказаніе «работать со всѣмъ усердіемъ и ревностью въ пользу лиги» [1]). По словамъ Гейссера, Цинцендорфъ не имѣлъ никакого значенія. Бейльвицъ говоритъ, что природа плохо одарила его умственно, его собственное прилежаніе доставило ему мало свѣдѣній, а его дворъ не снабдилъ его никакими опредѣленными инструкціями. Весь его разговоръ состоялъ, можно сказать, изъ одной фразы: «принимаю это ad referendum». Герцбергъ не довѣрялъ ему, какъ природному австрійцу, а въ его поведеніи выражалась скорѣе боязливость, чѣмъ усердіе къ дѣлу. По увѣренію Бейльвица, если онъ поднимался съ собственнымъ предложеніемъ, то всегда «лишь съ цѣлью прикрыть трусливый саксонскій дворъ крыльями прусскаго орла» [2]).

Румянцовъ справедливо доносилъ тогда Екатеринѣ, что лига, которую считали тогда погибшею, воскресла въ моментъ своего паденія. Онъ совершенно вѣрно видѣлъ причины этого неожиданнаго явленія сколько въ согласіи Ганновера, столько же и въ безтактныхъ дѣйствіяхъ вѣнской дипломатіи [3]).

Все, что ни выходило изъ Вѣны для разрушенія лиги, только помогало ей и радовало Фридриха, какъ «сущее золото», выра-

---

[1]) *Schmidt*, I, 174—179, 191, 197, 199—206, 228, 235, 249, 251.—*Dohm*, I, 76; III, 72—77.—*Фридрихъ-Вильгельмъ Карлу-Августу веймарскому*, отъ 22-го мая 1785 года; у *Ранке*, II, 283.

[2]) *Haüsser* Deutsche Geschichte, I, 230.

[3]) *Румянцовъ Остерману*, отъ $^{19}/_{30}$ 1785 года.

жаясь его собственными словами [1]). По справедливому замѣчанію Румянцова, циркуляры Кауница служили во вредъ Австріи, ибо въ лигѣ, которую они старались отразить, участвовали лишь ничтожные князья, а эти безсильныя существа дерзки больше всего на свѣтѣ, когда показываешь видъ, что боишься ихъ, и столь же малодушны, когда видятъ, что ихъ цѣнятъ по достоинству [2]). Заявленія Кауница обнаруживали слабость вѣнскаго правительства уже тѣмъ, что были проникнуты страстнымъ и высокомѣрнымъ тономъ, который усиливалъ всеобщее недовѣріе къ императору. Еще хуже была вовсе не соотвѣтствовавшая этому тону робость, съ которой предъявлялись вѣнскіе циркуляры. Эти словесные протесты Австріи, дѣлаемые какъ-бы подъ рукой, съ оглядкой, тѣмъ болѣе имѣли видъ интриги, что императоръ молчалъ тамъ, гдѣ было всего приличнѣе прямо поднять вопросъ—именно на сеймѣ. Фюрсты удивлялись также, что, опровергая слухи о коварныхъ замыслахъ императора *вообще*, циркуляры ни слова не говорили въ объясненіе баварскаго плана. А вслѣдъ затѣмъ явился майскій циркуляръ Екатерины, оффиціально выдавшій тайну «обмѣна земель»—и Кауницъ принужденъ былъ признаться въ новой декларацій, что роковой планъ существовалъ! Онъ доказывалъ только, что этотъ планъ «далекъ отъ *насильственнаго* (gewaltsam) поступка, противнаго конституціи». Что касается грубыхъ угрозъ императора друзьямъ лиги, то онѣ были не только крайне оскорбительны, но, во многихъ случаяхъ, и совсѣмъ неумѣстны. Нѣкоторые фюрсты впервые узнали черезъ нихъ о лигѣ, которая проводилась до того таинственно, что, напримѣръ, герцогъ брауншвейгскій сожигалъ письма Герцберга. А участники союза князей могли воспользоваться угрозами Австріи, чтобы уличить ее въ клеветѣ, прикинувшись ничего незнающими, что́ и сдѣлало ганноверское министерство. Еще болѣе безтактно было предложеніе устроить контръ-лигу. Австрія не могла выставить никакихъ причинъ для этого. Никто не понималъ, противъ кого, почему и для чего понадобилось соединяться князьямъ? И съ кѣмъ? Съ тѣмъ, чей коварный поступокъ противъ имперской конституціи не былъ поддержанъ даже друзьями—Россіей и Франціей! Кромѣ того, по замѣчанію Румянцова, такая лига «открывала бы двери къ реформѣ кон-

---

1) *Schmidt*, I, 209 sq.

2) *Румянцовъ Остерману* отъ 19/30 іюня 1875 года: „Dans la ligue qu'elle (майская декларація Кауница) cherchoit... à parer il n'y avoit que des Princes destitués de puissance et rien n'est si temeraire que les faibles lorsqu'on a l'air de les craindre, rien de si pusillanime, lorsqu'on semble les aprécier au juste.

ституціи». Въ самомъ дѣлѣ, иначе трудно было представить себѣ, какимъ образомъ Іосифъ былъ бы, въ одно и то же время, и главой имперскихъ чиновъ, и главой лиги — двухъ совершенно различныхъ и несовмѣстимыхъ между собой учрежденій? [1]).

Послѣдствія ошибокъ вѣнской дипломатіи не замедлили обнаружиться. Никто изъ фюрстовъ не согласился пристать къ лигѣ императора, а многіе были раздражены или обижены; нѣкоторые даже отвѣчали то холодно, то сурово и колко. Нечего говорить про впечатлѣніе майскаго циркуляра на дворы, связанные съ Потсдамомъ: они немедленно переслали его туда. Но онъ помогалъ Пруссіи даже въ колебавшемся Касселѣ. Здѣсь австрійскій посланникъ сначала даже не рѣшился и предъявлять циркуляра, а когда онъ прочелъ его, ему отвѣчали, не безъ ироніи, что «никогда и не сомнѣвались въ отеческихъ заботахъ императора объ имперской конституціи». Обидѣлся даже Карлъ вюртембергскій. Онъ удивлялся, какъ могутъ заподозривать его въ томъ, чего онъ даже вовсе не знаетъ. При этомъ герцогъ не преминулъ напомнить о «справедливости, которой заслуживаетъ его поведеніе, столь рѣдкое вообще, въ Германіи же безпримѣрное и дорого стоющее ему» [2]). Герцогъ голштинскій, который, какъ король датскій, вообще строго придерживался нейтралитета и, кромѣ того, былъ близокъ къ петербургскому двору, заявилъ Кауницу свое удивленіе по поводу «неумѣренныхъ выраженій» въ майскомъ циркулярѣ, а Фридриху сообщилъ, что считаетъ контръ-лигу «контръ-батареей, лишенною здраваго смысла». Въ Дрезденѣ отвѣчали Іосифу точно такъ же, какъ въ Касселѣ, причемъ указали на свою испытанную «нейтральную систему». Ганноверъ отвѣчалъ отправкой Бейльвица въ Берлинъ; но, кромѣ того, здѣсь законники не преминули воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы высказать свои публицистическіе таланты и ученость. Они, что оказывается, разобрали по косточкамъ произведенія дипломатическаго оракула въ Вѣнѣ. Ганноверскіе выставили всѣ свои права и ощущеніе обиды, ибо всѣ поводы къ «увѣщанію», какъ опредѣлили они майскій циркуляръ, указаны въ законахъ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ въ данномъ случаѣ. Они доказали, что въ ихъ волѣ заключать какіе-угодно союзы, и въ каждомъ словѣ уви-

---

1) *Dohm* III, 65—70. *Schmidt*, I, 169, 208, 319 sq. *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.

2) При депешѣ *Румянцова Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года, приложены копіи слѣдующихъ документовъ, сообщенныхъ ему герцогомъ: 1) письмо *Лербаха* къ *герцогу*; 2) приложенный при немъ майскій циркуляръ, въ видѣ письма *Кауница* къ *Лербаху*; 3) отвѣтъ *герцога Лербаху*, отъ 16 іюня.

дѣли «обмѣнъ земель». Но торжествомъ ученаго остроумія «ганноверскихъ париковъ» было обнаруженіе, по всѣмъ правиламъ схоластики, истиннаго смысла слова «насильственный»—именно, что это коварное выраженіе не устраняетъ «добровольной» сдѣлки. Это блистательное открытіе первыхъ германскихъ законниковъ стало событіемъ въ нѣмецкомъ мірѣ, и слово *gewaltsam* быстро облетѣло всѣ дворы фюрстовъ, какъ лозунгъ [1]).

Русская дипломатія не больше австрійской помогала Іосифу, который обратился въ Екатеринѣ съ «изъявленіемъ самой живой тревоги и огорченія» по поводу лиги, и «заклиналъ» ее употребить всѣ усилія для отклоненія этого «гибельнаго удара». Въ Петербургѣ какъ будто сговорились вредить императору. Прежде всего, конечно, не дремали друзья Пруссіи. Гёрцъ весьма похвально отзывался Фридриху о «прошлогоднемъ другѣ», какъ было условлено между ними называть Павла Петровича. Этотъ другъ настроивалъ саксонскаго посланника въ пользу лиги и не разъ заявлялъ Фридриху черезъ Гёрца, что «больше всего на свѣтѣ желаетъ соединенія князей, которое кажется ему весьма важнымъ для интересовъ прусскаго короля». «Прошлогодній другъ» доносилъ, что извѣстіе о лигѣ было «столь же непріятно» Екатеринѣ, какъ Іосифу: «она вдругъ увидѣла съ изумленіемъ дурныя послѣдствія своего поступка въ Цвейбрюкенѣ. Она оцѣнила средства, изысканныя геніемъ и высокой мудростью короля, чтобы не только воспрепятствовать обмѣну земель, но еще извлечь изъ него пользу для своей славы и для своего великаго значенія». Павелъ Петровичъ намекалъ этимъ на то, что Фридрихъ «принудилъ два честолюбивые императорскіе двора формально отпираться и отречься отъ плана, который они считали столь важнымъ и легкимъ». Здѣсь признаются,—прибавлялъ «прошлогодній другъ»,—что не ожидали этого и не предвидѣли послѣдствій... Эти дворы сами доказываютъ, какъ необходима ассоціація князей. И еслибы, къ несчастью, она не удалась, то не было бы хуже прежняго! Вѣдь у этихъ дворовъ осталось бы желаніе отмстить за опасный ударъ, который нанесли-было честолюбію императора».

Не только «прошлогодній другъ», но даже сама Екатерина вредила Іосифу, хотя, конечно, невольно. По его собственной просьбѣ, она издала свой майскій циркуляръ для успокоенія фюрстовъ. Но онъ былъ полезенъ только нашей «инфлюенціи» въ Германіи, какъ сознается самъ прусскій агентъ Домъ, Іосифу же

[1]) *Румянцовъ Остерману*, отъ 19/30 іюня 1785 года.—*Dohm*, III, 69 sq.—*Schmidt*, I, 169, 221, 224—227, 231 sq., 236, 239.

имъ была оказана медвѣжья услуга, потому что здѣсь Екатерина искренно сознавалась въ ошибкѣ и тѣмъ выдавала своего союзника. Съ умысломъ ни слова не говоря о лигѣ, циркуляръ прямо называлъ обмѣнъ земель, который такъ тщательно скрывала и опровергала австрійская дипломатія. Вотъ почему Кауницъ принужденъ былъ впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою и употребить въ своемъ новомъ, третьемъ циркулярѣ, злополучное «gewaltsam» [1]).

Послѣ этого, можно повѣрить словамъ Фридриха, что заявленіе Екатерины обрадовало его не меньше циркуляровъ Іосифа. Онъ совершенно спокойно приказалъ министерству идти своею дорогой, не обращая никакого вниманія на императорскіе дворы, прибавивъ съ старческимъ цинизмомъ: «Plus on remue les immondices, et plus elles puent» [2]).

XVII.

Заключеніе союза князей.

Уступчивость Фридриха. — Проектъ Бейльвица. — «Корпусъ трактата». — «Секретная» и «секретнѣйшая» статьи. — Перерывъ конференцій. — Отвѣтъ Саксоніи Іосифу. — Требовательность Саксоніи на конференціяхъ. — Содержаніе корпуса трактата. — VIII и IX пункты. — Значеніе союза князей. — Мнѣніе о немъ враговъ и друзей. — Старый и молодой дворъ въ Берлинѣ.

Когда въ Берлинѣ пошли своею дорогой, дѣло окончилось весьма скоро—если не въ восемь дней, какъ требовалъ Фридрихъ, то въ одинъ мѣсяцъ, всего въ пять засѣданій конференціи, состоявшей изъ Герцберга, Бейльвица и Цинцендора. Оно было обязано этимъ исключительно самому королю, который не только постоянно торопилъ своихъ министровъ, но и приказалъ имъ уступать во всѣхъ «бездѣлицахъ». Фридрихъ даже велѣлъ Герцбергу тотчасъ же убрать собственный проектъ, какъ только Бейльвицъ представилъ ганноверскій. Въ сущности, обѣ бумаги были одинаковы, но проектъ Бейльвица былъ, по словамъ Герцберга, образцомъ «имперскаго пустословія». То была кропотливая работа нѣмецкаго законника, распланированная по всѣмъ правиламъ публицистическаго искусства. Тутъ былъ сначала самый

---

1) Этотъ вѣнскій циркуляръ, отъ 23 іюня 1785 года, представляетъ лучшій образчикъ дипломатической изворотливости и крючкотворства Кауница; онъ напечатанъ у *Шмидта*, I, 320 sq.—*Dohm*, III, 68.—*Schmidt*, I, 221—223.

2) *Фридрихъ Финкенштейну*, отъ 21 іюня 1785 года, у *Шмидта*, I. 244.

«корпусъ трактата», потомъ цѣлая куча «отдѣльныхъ статей»— каждая въ особенной формѣ: именно двѣ «секретныя», одна просто «отдѣльная», три «отдѣльныя и секретныя» и одна «секретнѣйшая». У Бейльвица только корпусъ предназначался для всеобщаго свѣдѣнія, а у Герцберга весь трактатъ: въ этомъ собственно и заключалась существенная разница между прусскимъ и ганноверскимъ проектомъ.

Съ корпусомъ всѣ согласились въ первыя же два засѣданія. Въ немъ подверглись обсужденію только два важнѣйшихъ пункта— VIII и IX, которые обязывали троихъ курфюрстовъ обезпечивать владѣнія имперскихъ чиновъ не только словомъ, но и дѣломъ. Герцбергу хотѣлось придать имъ «побольше силы и ясности, чтобы хорошенько запугать императора». Но это значило принять уже устраненный прусскій проектъ. Бейльвицъ доказывалъ, что, напротивъ, нужно отнести къ секретнымъ статьямъ все, «слишкомъ явно направленное противъ императора, чтобы не запугать мелкихъ чиновъ». Цинцендорфъ поддержалъ его—и Герцбергъ долженъ былъ уступить.

Споры сосредоточивались на отдѣльныхъ статьяхъ, начиная съ первой «секретной». Это было именно то, что Герцбергу хотѣлось внести въ корпусъ трактата. Здѣсь прямо говорилось объ обмѣнѣ Нидерландовъ на Баварію, какъ о планѣ, гибельномъ для имперіи и отнюдь не покинутомъ. Курфюрсты обязывались «всѣми силами не допускать его» и даже «возможно дружно и рѣшительно принять противъ него сильныя и дѣйствительныя мѣры»; то же самое повторено и относительно «всякихъ подобныхъ плановъ обмѣна земель, а также касательно секуляризацій и раздробленія непосредственныхъ нѣмецкихъ церковныхъ учрежденій». При обсужденіи этой статьи возникъ особенно упорный и характеризующій Герцберга споръ изъ-за фразы: «союзники не допустятъ баварскаго обмѣна безъ *добровольнаго* согласія заинтересованныхъ сторонъ». Это было новое выраженіе для первоначальнаго требованія Георга III, чтобы дѣло началось съ жалобы герцога цвейбрюкенскаго на императора. Упрямый Герцбергъ теперь точно такъ же, какъ прежде, сталъ противъ этого требованія, на которое соглашался его король. Напрасно товарищи доказывали ему, что подъ «заинтересованными сторонами» разумѣется не одинъ пфальцскій домъ, но также Пруссія и вся имперія; напрасно Финкенштейнъ и самъ Фридрихъ напоминали, что «мы ничѣмъ не рискуемъ, ибо увѣрены въ герцогѣ цвейбрюкенскомъ»,—Герцбергъ твердилъ, что это значитъ «связать себѣ руки на будущее время», и настоялъ-таки на своемъ: спор-

ная фраза была выкинута. Но тутъ возникла новая бѣда: въ статьѣ не осталось ни слова про «добровольный» обмѣнъ, что могло надѣлать не меньше хлопотъ, чѣмъ знаменитое «gewaltsam», если бы иному законнику ганноверскаго закала вздумалось и въ этомъ случаѣ принять молчаніе за знакъ согласія. Герцбергъ вывелъ конференцію изъ затрудненія, вставивъ въ пригласительной нотѣ фюрстамъ слѣдующую фразу: «герцогъ же цвейбрюкенскій приглашается не только приступить къ лигѣ, но и быть готовымъ обязаться, со всѣмъ своимъ домомъ, передъ тремя курфюрстами никогда не соглашаться на *добровольный* обмѣнъ Баваріи и даже не входить ни въ какіе переговоры объ этомъ».

Герцбергъ завелъ споръ и по поводу «секретнѣйшей» статьи, связанной съ секретною и дѣйствительно весьма важной. Въ ней установлялся «случай союза» (casus foederis) или военный вопросъ, о которомъ съ самаго начала первый заговорилъ Георгъ III, почему онъ и явился въ проектѣ Бейльвица. Впрочемъ, онъ былъ выраженъ не точно: «въ случаѣ войны изъ-за этого трактата» курфюрсты обязывались помогать другъ другу «войсками» въ ихъ владѣніяхъ, «лежащихъ въ нѣмецкой имперіи». Теперь уже не Герцбергъ, а самъ Фридрихъ потребовалъ измѣненій. Чтобы придать статьѣ болѣе точности и энергіи, онъ предложилъ сказать «всѣми силами», вмѣсто «войсками», и прибавить: «въ случаѣ обмѣна или иного беззаконнаго способа занятія Баваріи». Сверхъ того, онъ доказывалъ, что на него нападутъ именно со стороны Силезіи и собственной Пруссіи, то-есть провинцій, которыя не лежатъ въ нѣмецкой имперіи. Поэтому Герцбергъ потребовалъ сказать, что въ случаѣ, если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію «въ своихъ владѣніяхъ», остальные немедленно выставляютъ войска для взаимной защиты ихъ земель, «лежащихъ въ нѣмецкой имперіи». Это значило, что если Россія и Австрія вторгнутся въ Пруссію и Силезію, то Ганноверъ и Саксонія дадутъ войска, которыя не пойдутъ туда, а будутъ прикрывать только «германскія» владѣнія Фридриха. Обѣ поправки секретнѣйшей статьи были приняты. Сверхъ того, было опредѣлено количество выставляемыхъ союзниками войскъ— 12,000 пѣхоты и 3000 кавалеріи,—содержимыхъ каждымъ на собственный счетъ. Но въ случаѣ нужды это число увеличивается и союзники обязуются даже помогать другъ другу «сообща всѣми силами».

Впрочемъ, съ этими важными приложеніями къ корпусу трактата покончили не такъ скоро, какъ думали. Они выводили изъ терпѣнія Фридриха. Въ то время, какъ король ежедневно писалъ

своимъ министрамъ рескрипты и кабинетные приказы, жалуясь на «медленный и методическій ходъ» конференцій, Цинцендорфъ вдругъ потребовалъ пятидневной отсрочки, чтобы снестись съ своимъ дворомъ по поводу этихъ статей. И прошло 15 дней, а изъ Дрездена не было отвѣта. Фридрихъ не могъ скрыть своей тревоги и раздраженія. Сначала онъ «заклиналъ» Фридриха-Августа поспѣшить, чтобы Іосифъ не «предупредилъ фюрстовъ, не ослабилъ ихъ расположенія пристать къ лигѣ», и увѣрялъ, что «вовсе не намѣренъ ни вовлекать Саксонію въ какой-нибудь опасный или наступательный союзъ, ни отклонять ее отъ системы нейтралитета». Потомъ онъ уже заговорилъ сурово, угрожающимъ тономъ. Выразивъ подозрѣніе, что «саксонскій дворъ допустилъ усыпить себя или запугать заявленіями императорскихъ дворовъ», Фридрихъ прямо сказалъ: «если онъ хочетъ усвоить систему вѣнскаго двора, то между нами не останется ничего общаго, а послѣдствія не ускользнутъ отъ проницательности курфюрста, въ виду его положенія между мною и австрійскимъ домомъ».

Вскорѣ дѣло разъяснилось, и къ полному удовольствію Фридриха, гораздо лучше, чѣмъ онъ смѣлъ надѣяться. Тогда, дѣйствительно, кромѣ «крайней медленности, прирожденной дрезденскому кабинету», Саксонія должна была испытать послѣднее усиліе Іосифа разстроить замыслы Фридриха. Кауницъ потребовалъ у Фридриха-Августа «совершенно свободнаго, но яснаго и категорическаго отвѣта—считаетъ ли онъ прусскую лигу излишнею и ненужною, и желаетъ ли приступить къ контръ-лигѣ императора?» Дрезденскій дворъ отвѣчалъ весьма твердо и рѣшительно, какъ-бы забывая свое пристрастіе къ нейтралитету. «Неоднократныя заявленія императора (сказано въ саксонской депешѣ) въ пользу сохраненія имперской конституціи служатъ лучшимъ доказательствомъ, что ассоціація чиновъ именно съ этою цѣлью не можетъ противорѣчить симъ лучшимъ его желаніямъ. Поэтому курфюрстъ считаетъ упомянутую ассоціацію совершенно невинной. Онъ даже находитъ въ возвышенномъ и справедливомъ образѣ мыслей главы имперіи столь полное обезпеченіе, что почитаетъ излишнимъ вступать съ императоромъ по этому поводу въ какое-либо иное соглашеніе, кромѣ того, которое уже заключается въ избирательныхъ условіяхъ». Понятно, что это категорическое заявленіе «восхитило» Берлинъ. Фридрихъ назвалъ его «мудрымъ, твердымъ и весьма удачнымъ», а Герцбергъ — «благороднымъ, патріотическимъ, рѣшительнымъ и рѣзкимъ (nerveuse)» [1]). Дѣйствительно, это былъ весьма важный мо-

1) *Schmidt*, I, 252—308.

ментъ въ исторіи Саксоніи: съ этихъ поръ послѣдняя окончательно приняла «сѣверо-германское положеніе» [1]).

Но Фридрихъ-Августъ считалъ себя вправѣ требовать вознагражденія за такой безпримѣрный патріотизмъ и серьёзно оградить себя отъ его опасныхъ послѣдствій. Цинцендорфъ становился несговорчивѣе, началъ представлять разныя неожиданныя предложенія [2]), и наконецъ выступилъ съ весьма важнымъ заявленіемъ. Онъ потребовалъ, чтобы Пруссія формально признала поколебленный нейтралитетъ Саксоніи и «поддерживала его, въ случаѣ нужды». Мало того. Онъ вызывалъ Фридриха «письменно и точно» опредѣлить, «именно какъ явится сильная и поспѣшная помощь для спасенія Саксоніи, въ случаѣ внезапнаго нападенія Австріи». Герцбергъ обрадовался дрезденскому предложенію, вообразивъ, что въ сущности это былъ бы союзный договоръ. Но Финкенштейнъ доказалъ, что Саксонія никогда не откажется отъ своего «прославленнаго» нейтралитета и что она желаетъ связать руки не себѣ, а Пруссіи. Поэтому Фридрихъ отвѣчалъ дрезденскому двору, что готовъ помогать ему лишь «насколько позволятъ обстоятельства». Онъ прибавилъ, что тогда только обезпечитъ нейтралитетъ Саксоніи, когда послѣдняя обяжется «не только въ лигѣ, но и во всѣхъ другихъ политическихъ случаяхъ дѣйствовать согласно съ нимъ и не вступать во вредныя ему связи съ вѣнскимъ и другими дворами». На этомъ дѣло и остановилось. Но Саксоніи удалось нѣсколько оградить свой нейтралитетъ хоть въ трактатѣ о лигѣ. Цинцендорфъ добился, что вставили фразу о приступленіи Саксоніи къ лигѣ не по собственному ея почину, а «по сдѣланному ей дружескому предложенію». Мало того. Пруссія и Ганноверъ сдѣлали даже уступку Саксоніи въ дипломатическомъ этикетѣ, значеніе котораго въ то время намъ уже извѣстно. Этотъ вопросъ, конечно, былъ поднятъ спеціалистомъ въ имперской формалистикѣ, Бейльвицомъ. Онъ припасъ «отдѣльную» статью о способахъ усмиренія австрійскаго посланника на сеймѣ, который, будучи лишь уполномоченнымъ «эрцгерцога», осмѣливался равняться съ посланниками «курфюрстовъ». Правда, это измышленіе ганновер-

---

1) *Böttiger*, II, 403.

2) Между прочимъ, Цинцендорфъ предлагалъ выбросить статью объ устраненіи австрійскаго дома отъ коадъюторскихъ выборовъ, на томъ основаніи, что это было бы противозаконно. Герцбергъ видѣлъ тутъ желаніе дрезденскаго двора сдѣлать со временемъ коадъюторами своихъ собственныхъ принцевъ. Пруссія и Ганноверъ уступили Саксоніи, выкинули статью, но сдѣлали изъ нея отдѣльную конвенцію между собой, назвавъ ее „секретною и спеціальною“. *Schmidt*, I, 254, 284, 293, 310 sq.

скаго законника было единодушно отвергнуто, безъ дальнихъ размышленій. Но тотчасъ же возникло опасеніе, что Саксонія, которая въ своихъ бумагахъ всегда ставила себя во главѣ курфюршествъ, захочетъ того же и въ трактатѣ о лигѣ. Фридрихъ и здѣсь рѣшился уступкой предупредить столкновеніе изъ-за этикета. Онъ самъ предложилъ слѣдовать въ редакціи договора «коллегіальному порядку курфюрстовъ», а въ коллегіи курфюрстовъ на сеймѣ первое мѣсто принадлежало Саксоніи. Это предложеніе было принято — и тщеславіе Саксоніи было удовлетворено; а Ганноверу Фридрихъ польстилъ тѣмъ, что уступилъ ему первое мѣсто при подписаніи трактата.

23 іюля 1785 года былъ подписанъ «трактатъ объ *ассоціаціи* между курфюрстами: саксонскимъ, бранденбургскимъ и брауншвейгъ-люнебургскимъ» [1]. Мы уже знаемъ самыя существенныя его стороны, скрытыя въ приложеніяхъ, куда вошли и остальные важнѣйшіе пункты — именно о согласномъ дѣйствіи союзниковъ относительно императорскихъ выборовъ, избирательныхъ условій, учрежденія новаго курфюршества и соблюденія Тешенскаго мира на ряду съ Вестфальскимъ.

Устранивъ всѣ эти приложенія, мы не найдемъ въ корпусѣ трактата ничего, кромѣ самой общей теоріи всенѣмецкаго союза, напоминающей первый проектъ Герцберга. Курфюрсты указывали на критическое положеніе «имперской системы», отъ которой зависятъ «свобода и безопасность цѣлой Европы». Чтобъ устранить его, они устраиваютъ «дружескій (vertrauliches) союзъ, никого не оскорбляющій, всего менѣе направленный противъ императора и имперіи и основанный на законахъ и мирныхъ договорахъ нѣмецкой имперіи». Этотъ союзъ состоитъ лишь въ томъ, что курфюрсты будутъ поддерживать между собой «полное согласіе» посредствомъ «дружеской переписки и черезъ своихъ пословъ какъ при дворахъ, такъ и на имперскихъ и окружныхъ сеймахъ». Затѣмъ, опредѣляя подробно свои цѣли, союзники больше всего распространялись о конституціонныхъ вопросахъ. Эти параграфы интересны въ томъ отношеніи, что обрисовываютъ имперскіе порядки, хотя и курьёзнымъ слогомъ имперскихъ канцелярій. Курфюрсты обязывались «усерднѣйше работать» надъ тѣмъ, чтобы имперскій сеймъ «сохранялъ свои законныя свойства, былъ въ

---

[1]) *Schmidt*, I, 253—255, 285 sq., 289—292, 298 sq., 310, 335 sq. Названіе *Fürstenbund* или „союзъ князей" явилось позднѣе, при преемникѣ Фридриха, когда нѣмецкій языкъ началъ освобождаться отъ иностраннаго вліянія, благодаря высокому литературному полету Германіи. Въ описываемое же время употреблялись выраженія: „ассоціація", „унія", „лига" и изрѣдка „конфедерація".

ходу, въ постоянной дѣятельности, по возможности обсуждалъ и рѣшалъ вносимыя въ него дѣла». Они должны были наблюдать, чтобы имперскіе суды «не нарушали правъ имперскихъ чиновъ, не препятствовали законодательной власти, не вмѣшивались ни въ толкованіе законовъ чужихъ вѣдомствъ, ни въ дѣла, зависящія отъ этихъ законовъ, не засыпали чиновъ процессами и экзекуціями, не захватывали чуждыхъ имъ вопросовъ, не исполняли противныхъ конституціи экзекуцій, не уклонялись отъ должнаго повиновенія императору и имперіи—наконецъ, вообще не поступали, въ судебныхъ или иныхъ дѣлахъ, беззаконно, по произволу, по постороннимъ соображеніямъ или чуждымъ вліяніямъ». Въ томъ же родѣ сказано въ договорѣ объ имперскихъ округахъ, то-есть объ администраціи, и все это закрѣплено подобными же соображеніями еще «вообще объ имперской конституціи».

Такимъ образомъ, корпусъ трактата, предназначенный къ обнародованію, сводился къ тому сентиментализму, къ тѣмъ безплоднымъ мечтамъ объ исправленіи ветхой машины имперскаго наряда, которыми утѣшались мелкіе патріоты. Ему могли придать цвѣтъ и практическое значеніе только дѣйствительно важные VIII и IX пункты, но, вслѣдствіе оппозиціи Ганновера и Саксоніи, они были выражены слишкомъ блѣдно и неточно. Союзники обѣщали только, между прочимъ, «со всеусердіемъ стараться» о ненарушимомъ сохраненіи за чинами ихъ земель и людей. И они избирали для этого обыкновенный конституціонный путь, лишь въ крайности обязываясь прибѣгнуть «къ болѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ средствамъ», но опять «сообразно съ имперскими законами и конституціей» [1]).

Союзный договоръ казался самимъ современникамъ блѣднымъ и невиннымъ документомъ. Но его исторія доказываетъ, что въ этомъ виноватъ не столько самъ Фридрихъ, сколько окружающая среда, которую онъ хотѣлъ передѣлать. Прусскій король былъ смѣлѣе всѣхъ изъ договаривавшихся сторонъ и готовъ былъ энергически выразить передъ лицомъ Европы свою задушевную идею. Онъ вовсе не считалъ союзнаго договора дѣйствительною мѣрой для осуществленія своихъ замысловъ, но, въ его глазахъ, это было «единственное средство спасенія, за недостаткомъ лучшихъ».

---

[1]) Договоръ о союзѣ князей впервые былъ вѣрно напечатанъ *Домомъ* (III, 185—196, 206—219), по берлинскому архиву, и авторъ не зналъ, какъ превознести прусское правительство за такой либерализмъ относительно дипломатическихъ бумагъ, который вовсе не былъ тогда въ модѣ. Текстъ Дома послужилъ основаніемъ тексту, напечатанному у *Шмидта* (I, 298—311), который сличилъ его и съ оригиналомъ, и съ саксонскою ратификаціей.

Фридрихъ не видѣлъ другого исхода изъ бѣдствій, которыя рисовало ему его мрачное воображеніе; у него не было выбора, и онъ схватился за плохое средство со всѣмъ своимъ жаромъ и настойчивостью, съ полнымъ самоотреченіемъ до мелочей. Такъ стоять за мѣру неудовлетворительную, но необходимую, какъ первый и неизбѣжный шагъ къ осуществленію великой идеи—стоять, не обольщая себя, не преувеличивая своей роли, могъ только замѣчательный политикъ. Повторяемъ, въ исторіи Фридриха-дипломата это такое же торжество, какъ Семилѣтняя война въ исторіи Фридриха-полководца. И здѣсь ему приходилось бороться одному противъ всѣхъ, начиная съ своихъ родственниковъ и министровъ и кончая общественнымъ мнѣніемъ той же самой Германіи, о которой онъ столько хлопоталъ.

Правда, тогда нѣмцы все еще боялись Австріи, съ ея энергическимъ и молодымъ императоромъ, съ ея готовыми арміями, съ ея могущественной союзницей и еще нерасторгнутыми связями съ Франціей. Но въ то же время они все еще не довѣряли Пруссіи, этой революціонной державѣ въ германскомъ мірѣ, съ ея суровыми порядками и воинственными стремленіями, особенно заявленными Фридрихомъ. Притомъ они знали, что герой Россбаха и Лейтена теперь уже былъ не въ состояніи смѣло защищать князей, еслибы на нихъ напали изъ-за его лиги. Чего можно было ожидать отъ общественнаго мнѣнія Германіи, на это ясно намекало поведеніе первыхъ участниковъ лиги. Ганноверъ и Саксонія втягивались въ нее какъ-бы нéхотя, черезчуръ осторожно, недовѣрчиво. Саксонія даже прямо вела себя, какъ полупринужденная. И дѣйствительно, во все время переговоровъ и тотчасъ послѣ нихъ въ дрезденскомъ дворцѣ происходили сцены между курфюрстомъ и его министрами. Фридрихъ-Августъ спѣшилъ вызвать своего посланника въ Парижѣ, чтобы отправить его въ Вѣну, вѣроятно, «для какого-нибудь униженія», какъ доносили Фридриху. А характеристическіе переговоры съ Пруссіей о нейтралитетѣ окончились тѣмъ, что Цинцендорфъ объявилъ, «особенно въ виду императорскихъ дворовъ»: «Саксонія сохраняетъ свободу дѣйствій и твердо держится своей нейтральной системы во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся ея земель и сохраненія имперской конституціи» [1]). Послѣ этого можно ли было надѣяться на остальныхъ фюрстовъ? Вотъ любопытное признаніе Дома, мѣтко очерчивающее впечатлѣніе, произведенное на нихъ договоромъ 23 іюля:

«Многимъ фюрстамъ, желавшимъ добра Германіи, не нрави-

---

[1]) *Schmidt*, I, 238, 337—339.

лось, что именно трое могущественнѣйшихъ курфюрстовъ лишь между собою заключили союзъ. Они опасались, какъ бы эти курфюрсты не вздумали воспользоваться силами союза для своихъ собственныхъ цѣлей, не обращая вниманія на положеніе прочихъ чиновъ. Нѣкоторые боялись еще попасть въ бѣду съ этимъ прусскимъ союзомъ, навлекши на себя неудовольствіе и недовѣріе императорскаго двора, который—чтò бы тамъ ни говорили—будетъ считать союзъ направленнымъ собственно противъ него.... Многіе подвергались сомнѣніямъ и колебаніямъ, опасаясь, что изъ этого союза возникнетъ расколъ и рознь между имперскими чинами. Правда, благонамѣренные фюрсты не думали, чтобы дѣло дошло до междоусобной войны; но они боялись, съ одной стороны, нерасположенія главы имперіи, съ другой—опасной зависимости отъ Пруссіи. Они говорили, что послѣдняя весьма легко можетъ вовлекать союзниковъ во всѣ войны и замѣшательства, не имѣющія отношенія къ благу Германіи. Многіе ожидали также дурныхъ послѣдствій отъ соединенія съ курфюрстомъ ганноверскимъ, которое возбудило бы недовѣріе Франціи, такъ какъ курфюрстъ въ то же время король Англіи. Всѣ пришли къ убѣжденію, которое уже прежде проглядывало у болѣе разумныхъ—именно, что самое лучшее было бы устроить союзъ изъ тѣхъ только фюрстовъ, которые не играютъ роли европейскихъ державъ и потому не имѣютъ интересовъ, чуждыхъ нѣмецкой имперіи. Такой союзъ нельзя было бы упрекнуть въ пристрастіи къ той или другой сторонѣ». Сверхъ того, не видѣли причинъ къ особенной тревогѣ, потому что пфальцскій домъ вправѣ дѣлать чтò ему угодно съ своими владѣніями, и Іосифъ покинулъ свой планъ обмѣна при несогласіи одного только члена этого дома. Наконецъ, вообще считали прусскій союзъ безполезнымъ для Германіи и даже боялись, что онъ «приведетъ къ новымъ замѣшательствамъ и опасностямъ» въ имперіи, тѣмъ болѣе, что конституція не даетъ права чинамъ на такія соединенія. Цѣль союза есть цѣль всей имперіи. Но жалоба въ имперскій сеймъ представляетъ самый простой и правильный путь для защиты чиновъ, хотя бы противъ самого императора; поэтому какой-то еще особенный союзъ возбуждаетъ сомнѣніе относительно цѣлей, которыми онъ прикрывается. И именно во всей этой затѣѣ видѣли лишь эгоизмъ Пруссіи. «Прусскій король—толковали тогда—потому только высказываетъ такое участіе, что боится за самого себя, если Австрія усилится на его счетъ. Онъ лишь ради собственной защиты старается притянуть къ себѣ имперскіе чины, а представься ему случай устроиться иначе—онъ не задумается по-

жертвовать ими. Весьма слѣдуетъ опасаться, что между тѣмъ какъ фюрсты, вслѣдствіе тѣснаго союза съ Пруссіей, втянутся, во вредъ себѣ, въ ея распри, обѣ великія (нѣмецкія) державы пожертвуютъ ими въ собственныхъ интересахъ, какъ только примирятся между собой». И Домъ прибавляетъ отъ себя: «конечно, нельзя этого отрицать»—Фридрихъ потому обязался защищать нѣмецкую имперію, что считалъ ея существованіе сообразнымъ съ интересами своего собственнаго государства и предвидѣлъ великую опасность какъ для Пруссіи, такъ и для своего дома, еслибы императоръ сталъ владыкой части Германіи.... Но въ то время, кажется, не было противорѣчія между прусскими и нѣмецкими интересами. А еслибы когда-либо, въ далекомъ будущемъ, случилось иначе, то можно ли осуждать извѣстную политическую мѣру за то, что она была принята лишь въ виду тѣхъ отношеній, которыя *дѣйствительно существуютъ и, вѣроятно, еще долго сохранятся*, а не тѣхъ, которыя, пожалуй, *возможны* когда-нибудь».

Правда, вслѣдъ затѣмъ участникъ событій и панегиристъ Фридриха рисуетъ и лицевую сторону медали; но изъ его же словъ оказывается, что даже наиболѣе патріотическіе фюрсты, которые дѣйствительно приступили потомъ къ лигѣ, рѣшились на это лишь за отсутствіемъ лучшаго исхода. Домъ не отрицаетъ, что и у нихъ шевелились сомнѣнія, но тотчасъ же прибавляетъ: «это настроеніе было побѣждено тѣмъ соображеніемъ, что то, чтó, конечно, *было бы лучше* (was allerdings das Bessere gewesen wäre), вѣдь не случилось же, да и пока не можетъ случиться, вслѣдствіе слишкомъ большихъ затрудненій. Понимали, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нужно было довольствоваться тѣмъ, чтó исполнимо.... Не видѣли другой защиты, кромѣ той, которую предлагала Пруссія.... Думали, что если даже придется подвергнуться нѣкоторой опасности, которою, конечно (allerdings), угрожало соединеніе съ Пруссіей, то это не будетъ значить слишкомъ дорого купить независимость Германіи.... Къ тому же, уже въ силу собственныхъ интересовъ Пруссіи, такой опасности нельзя было ожидать въ *ближайшемъ будущемъ*. А самозащищеніе отъ того, что *возможно* далеко впереди, можно предоставить потомкамъ».

Домъ не разъ возвращается къ возраженіямъ противъ лиги. Онъ подмѣтилъ ихъ даже въ своемъ собственномъ лагерѣ. Здѣсь по бóльшей части не видѣли никакой пользы для Пруссіи отъ лиги. «Въ Берлинѣ говорили: можетъ ли Пруссія, въ случаѣ серьёзной опасности, ожидать сильной помощи отъ всѣхъ этихъ фюрстовъ, у которыхъ, по бóльшей части, нѣтъ обученныхъ войскъ, а финансы разстроены? Они затянутъ короля въ свои дѣла и за-

ставятъ его жертвовать для нихъ силами своего государства; а какъ только придетъ очередь имъ самимъ сдѣлать что-нибудь для Пруссіи, у каждаго найдется предлогъ уклониться; если же у кого и окажется благонамѣренность, того Австрія или соблазнитъ выгодами, или устрашитъ и даже совсѣмъ уничтожитъ. Сверхъ того, какая польза Пруссіи изъ того, что сохранится безобразное зданіе нѣмецкой имперіи, и масса маленькихъ фюрстовъ, графовъ, епископовъ и прелатовъ будетъ по старому роскошно жить на счетъ своихъ угнетенныхъ подданныхъ? Какая польза въ томъ, что имперскіе города, лишенные жизни, внутренней силы, дѣятельности и достатка, все еще будутъ влачить свое жалкое существованіе въ устарѣлыхъ формахъ? Какая польза въ томъ, что, благодаря медленному и пристрастному ходу дѣлъ въ имперскихъ судахъ, увѣковѣчатся тяжбы и будутъ высосаны соки народа, или же въ томъ, что имперскій сеймъ будетъ вѣчно препираться, съ смѣшной важностью, изъ-за предсѣдательства и титула пословъ и тому подобнаго вздора? Что пользы, если католики и протестанты никогда не откажутся отъ взаимнаго ожесточенія, столь нелѣпаго и несоотвѣтствующаго развитію нашего времени? Неужели сохраненіе всего этого, съ опасностью для себя и для своего народа, есть роль, достойная короля Пруссіи? И можетъ ли титулъ защитника нѣмецкой свободы служить ему вознагражденіемъ за то, что онъ самъ на себя возлагаетъ узы и обязуется не пользоваться благопріятными обстоятельствами для столь необходимаго округленія и расширенія границъ своего государства? Ибо, явись такой случай—и, конечно, тѣ же самые доводы, которые выставляются теперь противъ Австріи, послужатъ противъ Пруссіи, и первой легко будетъ, при ея обширномъ вліяніи, посѣять недовѣріе къ Берлину между имперскими чинами. Но хуже всего, что своею новою системой король нанесетъ чувствительное оскорбленіе французскому двору, который считаетъ честью называться порукой за германскую конституцію. Стремясь, въ этомъ случаѣ, занять его мѣсто, Фридрихъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ возобновленіе связей съ этимъ естественнымъ своимъ союзникомъ, которыя, казалось, именно теперь завязывались. А это тѣмъ болѣе было бы ошибкой, что именно теперь Пруссія отдалилась и отъ Россіи, столь серьёзно возставши противъ плана, который хотѣла провести императрица. Интересы Пруссіи требуютъ серьёзнаго соединенія съ одною изъ этихъ двухъ державъ, ибо иначе она не въ силахъ сохранить свой вѣсъ въ системѣ европейскихъ государствъ. Королю слѣдовало бы равнодушно смотрѣть, какъ императоръ усиливается насчетъ нѣмецкихъ го-

сударствъ и даже разрушаетъ имперскую конституцію, а въ удобную минуту самому попытать того же, въ свою собственную пользу: вотъ поведеніе, предписываемое государственнымъ разсчетомъ, а союзъ князей затрудняетъ его!»

Эти послѣднія признанія Дома дорисовываютъ извѣстную намъ картину разлада, господствовавшаго въ Берлинѣ, въ концѣ царствованія Фридриха. Королевскій панегиристъ прямо говоритъ, что обнаруженныя имъ берлинскія мнѣнія принадлежали молодому двору или партіи дѣйствія, во главѣ которой стояли наслѣдный принцъ, братъ короля Генрихъ и Герцбергъ. Теперь старый и молодой дворъ какъ-бы представляли собою двѣ противоположныя черты гогенцоллернскаго типа. Фридрихъ, съ своимъ Финкенштейномъ, который молча осуждалъ лигу, считая ее опасною, возбуждающею къ войнѣ, былъ олицетвореннымъ практицизмомъ, съ его крайней осмотрительностью и довольствомъ малымъ. Сохраняя свойственную ему проницательность и потому не преувеличивая значенія своего плана, онъ тѣмъ болѣе дорожилъ имъ, что сознавалъ свое нравственное паденіе, и становился поборникомъ имперской старины, осмѣянной имъ въ юности. Партія дѣйствія была проникнута гогенцоллернской отвагой. Въ ней жилъ духъ того Фрица, который жаждалъ переворотовъ, самъ искалъ бурь. Не вдаваясь въ нравственную оцѣнку средствъ и цѣлей, она негодовала на стараго короля, который мѣшалъ ей «попытаться усилить Пруссію насчетъ нѣмецкихъ государствъ и даже разрушить имперскую конституцію». Она издѣвалась надъ его лигой, какъ надъ холостымъ зарядомъ. «По ея мнѣнію, союзъ былъ слишкомъ неопредѣленъ: онъ выраженъ крайне неточно для того, чтобы въ случаѣ дѣйствительной опасности ожидать отъ него чего-нибудь. Союзникамъ слѣдовало бы ясно указать случаи, въ которыхъ, на ихъ взглядъ, нарушается нѣмецкая конституція, а также то, чтó они обязаны дѣлать. Они должны были твердо условиться на счетъ соединенія своихъ силъ. Иначе союзъ никогда не проявитъ своей дѣятельности въ нужное время. Въ насмѣшку сравнивали этотъ союзъ съ *незаряженнымъ ружьемъ*».

Партія дѣйствія утѣшала себя только тѣмъ, что она «не потратитъ много времени на заряженье ружья» [1]).

А. Трачевскій.

[1]) *Dohm*, III, 82—86, 105—109, 114, 129—133, 137 sq.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1876.

«Апатія» и «отсутствіе идеаловъ».—Литература и общество. — Задачи и настроеніе общества.—Поиски публицистики за идеалами.—Вопросъ о «розни».—Обращеніе къ реальности.

Все вниманіе наше привлекаютъ теперь герцеговинцы, черногорцы, сербы и болгары. Борьба требуетъ отъ нихъ тяжкихъ жертвъ, но она имѣетъ и хорошую сторону—означаетъ сознаніе, увѣренность въ себѣ, бодрость, сильное біеніе пульса, означаетъ полноту жизни. Многіе изъ нихъ падутъ на пути, но всѣ они живутъ зная куда ведетъ ихъ путь. За цѣлый мѣсяцъ наши газеты, занимаясь, по обязанности, всѣми текущими дѣлами, *живутъ* почти исключительно тѣми интересами, въ которыхъ бьетъ ключъ жизни, стремленіями и усиліями славянъ. Изъ внутреннихъ же „вопросовъ", обсуждавшихся газетами за послѣднее время, наиболѣе живые представлялись лѣсоистребленіемъ, пожарами и пересмотромъ вексельнаго устава. Не кстати ли будетъ въ самой срединѣ этого „мертваго сезона" бросить взглядъ на причины такого „вялаго настроенія" на нашей интеллектуальной биржѣ и на отношенія печати къ обществу?

Какъ извѣстно, нравственная апатія русскаго образованнаго общества, русской интеллигенціи, нашими консерваторами и либералами объясняется весьма различно; тѣ и другіе согласны въ одномъ, что апатія проявляется на ряду съ безсиліемъ. Но такъ какъ въ психологическомъ смыслѣ эти два термина—почти синонимы, то подстановка одного изъ нихъ взамѣнъ другого еще ничего не объясняетъ. А отчего зависитъ безсиліе—вотъ тутъ-то два кружковыя воззрѣнія совсѣмъ расходятся. Оттого — говорятъ консерваторы — что русское общество не представляетъ опредѣленнаго наслоенія и правильной организаціи верхняго слоя. Оттого — говорятъ либералы—что между обществомъ и массой народа существуетъ „рознь",

что интересы, идеи, стремленія этихъ двухъ частей націи различны. Сообразно съ такими воззрѣніями, и предлагаемыя средства различны. Наши консерваторы полагаютъ, что апатія и безсиліе прекратятся съ пріобрѣтеніемъ бóльшихъ правъ, бóльшей власти, но это расширеніе правъ и пріобрѣтеніе власти они проектируютъ въ ущербъ массѣ народа и въ пользу даже не всего „образованнаго общества“, но только одного изъ его слоевъ, которому придаютъ значеніе „историческаго и культурнаго“.

Однако, если сто рублей раздѣлить на десять человѣкъ такимъ образомъ, чтобы двоимъ досталось по сорока рублей, а остальнымъ восьми по два съ полтиной, то сто рублей, очевидно, не сдѣлаются больше ста рублей, и если прежде могли приносить только 5 руб. дохода, то и теперь не принесутъ десяти. Либералы это хорошо понимали прежде, понимаютъ и теперь, только мало говорятъ объ этомъ. Они твердили прежде, что если при наличномъ капиталѣ общественныхъ правъ оказывается безсиліе, то необходимо приращеніе капитала на 50%, а иные полагали и на 100%, и тогда безсиліе уступило бы мѣсто самой производительной дѣятельности, которой не могло проявиться даже и въ томъ случаѣ, еслибы приращеніе капитала послѣдовало въ размѣрахъ небольшихъ, напримѣръ, въ видѣ 3-хъ и хотя бы 10-ти процентовъ. Вопросъ былъ поставленъ ясно и — для самихъ либераловъ — вполнѣ убѣдительно. О „розни“ они въ то время не толковали: „рознь“ въ то время была исключительной собственностью славянофиловъ, которые, несмотря на нѣкоторыя свои либеральныя стремленія, а въ особенности замашки, либералами признаваемы не были. Но когда произошло „разочарованіе“, то либералы пуще прежняго сознали свое безсиліе. Они убѣдились, что въ ихъ постановкѣ вопроса заключалась та логическая ошибка, которая называется petitio principii: чтобы выдти изъ безсилія посредствомъ расширенія правъ, надо прежде всего не быть безсильными для расширенія ихъ.

Въ то время одна изъ тѣхъ случайностей исторіи, которыя только кажутся случайностями, сблизила умѣренныхъ либераловъ съ славянофилами; звеномъ сближенія послужило возбужденіе національнаго чувства. Съ тѣхъ поръ, славянофилы стали болѣе либеральны, менѣе замкнуты въ цѣльность своего философскаго міросозерцанія, чѣмъ были прежде, и включены были въ сонмъ несомнѣнныхъ либераловъ, а прежніе либералы-западники (мы говоримъ о тѣхъ, на кого событія оказали нравственное вліяніе) въ нѣкоторой мѣрѣ ославянофилились. Они еще помнятъ свою прежнюю постановку вопроса, внутренно даже сочувствуютъ еще ей, но такъ, какъ мы вообще вспоминаемъ не безъ сочувствія хорошія увлеченія своей молодости. Въ

наружной же, такъ сказать оффиціальной своей программѣ они оставили пробѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде красовались ихъ юношескія увлеченія, главное же мѣсто отвели чисто-славянофильскимъ положеніямъ о существованіи „розни", о гибельности этой розни, о „сліяніи" съ народомъ, и о „непочатыхъ силахъ" народной массы, „деревни", проявленія которыхъ слѣдуетъ ожидать, на которыя должно уповать, и отъ которыхъ будетъ зависѣть все дальнѣйшее развитіе и самое „расширеніе правъ".

Вслѣдствіе, съ одной стороны, реформъ, а съ другой — такого видоизмѣненія въ воззрѣніяхъ тѣхъ либеральныхъ группъ, которыхъ взгляды проявляются въ большинствѣ органовъ русской печати, произошли нѣкоторыя новыя явленія. Консерваторы, въ старину бывшіе откровенными противниками реформъ, требовавшіе только сохраненія status quo и при этомъ выставлявшіе на первомъ планѣ принципъ бюрократическій,—послѣ произведенія реформъ, преобразились въ англичанъ, друзей self-government'a, но этотъ self-government понимали не въ англійскомъ, а въ мекленбургскомъ, старопрусскомъ и современномъ балтійскомъ смыслѣ. Бюрократическій принципъ, столь имъ любезный до тѣхъ поръ, пока сословныя преимущества можно было отстаивать, прикрывая ихъ охраненіемъ „интересовъ власти", обратился послѣ реформъ въ главную видимую цѣль ихъ нападокъ; вся ихъ аргументація построилась на принципѣ прямо противоположномъ, на принципѣ общественнаго самоуправленія. Но къ какой части „общества" относятся ихъ попеченія, которой они хотятъ поручить „завѣдываніе" самоуправленіемъ? Они думаютъ только о *дворянствѣ*, въ смыслѣ крупнаго дворянскаго землевладѣнія.

Съ своей стороны либералы, разочаровавшись въ настоящемъ, признавъ современную интеллигенцію безсильною для проложенія новыхъ путей, должны были или совершенно отречься отъ либеральныхъ идеаловъ, признавъ несоотвѣтствующимъ потребности, ненужнымъ тотъ ходъ впередъ, который они сперва имѣли въ виду въ идеѣ осуществленія общеевропейскихъ либеральныхъ формулъ, или сохранить за собой званіе либераловъ, но носить мундиръ такой арміи, которая не имѣетъ знамени, утѣшая себя мыслью, что знамя найдется впослѣдствіи, что оно само выростетъ изъ почвы „непочатыхъ силъ". Винить тутъ либераловъ не за что, такъ какъ они дѣйствовали подъ вліяніемъ не лицемѣрія, но разочарованія въ своихъ силахъ и вмѣстѣ добросовѣстной преданности прежнимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Они сохранили инстинктъ и честно слѣдовали ему, хотя онъ ничего опредѣленнаго имъ не внушалъ, кромѣ въ смыслѣ отрицательномъ. Они не попрали ногами того, чему поклонялись

вчера, не перешли въ консервативный лагерь, и стали брести въ одиночку, въ истертомъ мундирѣ либерализма, безъ знамени, куда-то вдаль, къ неопредѣленной цѣли, но все-таки въ ту сторону, гдѣ, по ихъ гаданіямъ, должно оказаться сборное мѣсто всѣхъ истинныхъ патріотовъ. Такъ, вѣрные солдаты разсѣяннаго отряда не дезертируютъ, не переходятъ въ лагерь противника, но тянутся въ-раздробь, по неизвѣстнымъ дорогамъ, туда, гдѣ предполагаютъ будущую главную квартиру своей арміи, разочарованные, безоружные, въ мундирахъ частей быть можетъ уже упраздненныхъ, но подкрѣпляемые гаданіями о большомъ новомъ воинствѣ, которое соберется со временемъ и признаетъ ихъ хотя бы только въ званіи честныхъ инвалидовъ.

Гаданіямъ нашихъ либераловъ пособляла одна, наиболѣе уцѣлѣвшая сторона ихъ прежняго маршрута: изъ либерализма въ тѣсномъ смыслѣ, какъ его понимали прежде, они теперь ничего извлечь не могли, онъ казался совершенно непригоднымъ, по обстоятельствамъ; но въ основѣ либеральной программы лежалъ и демократизмъ. Освобожденіе и уравненіе массъ—вотъ тѣ пункты прежней либеральной программы, которые не оказались миѳами, какъ многіе другіе пункты. Этотъ принципъ былъ проведенъ въ осуществленныхъ реформахъ, во всякомъ случаѣ въ мѣрѣ, достаточной для того, чтобы считать его дѣйствительно внесеннымъ въ общественное развитіе Россіи. Здѣсь представлялось, стало быть, нѣчто реальное, могущее послужить и утѣшеніемъ, и указаніемъ предстоящаго пути.

Умѣренные либералы были, такимъ образомъ, именно вслѣдствіе искренности, подъ вліяніемъ внутренней потребности приведены къ нѣкоторому самоотреченію и даже самоотрицанію. Они сознали невозможность осуществленія общеевропейскаго либерализма въ настоящемъ, а потому утѣшали себя мечтами о будущемъ своеобразномъ развитіи русской жизни. Сознавъ безсиліе настоящаго общества, они возложили всѣ свои упованія на *крестьянство*. Убѣдившись—быть можетъ, слишкомъ поспѣшно—въ неосуществимости либеральныхъ началъ Запада, они съ вѣрой, надеждой и любовью, обратились къ началамъ „русскимъ", къ земельному надѣлу, сельской общинѣ и безсословности (хотя собственно послѣднее начало есть принципъ либеральной партіи во всѣхъ странахъ). Но какъ совершителемъ всѣхъ надеждъ, возлагаемыхъ на эти начала, должно явиться одно крестьянство, то наши либералы въ настоящее время и ждутъ всего отъ крестьянства. Оно, по мнѣнію ихъ, должно и дать указанія, и выставить людей, создать новое общество, связанное съ землей, а не состоящее изъ отщепенцовъ, отлученныхъ отъ нея вѣковой рознью.

Мы сейчасъ возвратимся къ оцѣнкѣ такого взгляда по его сущ-

ности и логическимъ послѣдствіямъ. Но сперва укажемъ замѣчательное явленіе, которое истекло изъ такого „преобразованія" партій въ Россіи за послѣднія лѣтъ десять-двѣнадцать (говоримъ: „партій"—только въ смыслѣ коллективныхъ мнѣній). Въ то время, какъ нынѣшніе консерваторы всѣ силы для будущаго благоустройства и благосостоянія Россіи ищутъ въ дворянствѣ, разумѣя его въ смыслѣ небольшого числа крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, а наши либералы обновленія и развитія Россіи, даже созданія новыхъ нравственныхъ идеаловъ ожидаютъ отъ крестьянства,—спрашивается: какова же должна быть доля того многочисленнаго, образованнаго и работящаго класса въ Россіи, который совершенно справедливо названъ ея интеллигенціею, который представляетъ настоящій цвѣтъ русской земли, который у насъ еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо долженъ бы служить средой для уясненія и проявленія истинной національной мысли; тотъ классъ, который стремленіями своими подготовилъ реформы, а трудами своими привелъ ихъ въ исполненіе, классъ, къ которому принадлежатъ сами наши публицисты обоихъ лагерей, къ которому принадлежитъ и громадное большинство юношества, учащагося въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ? Очевидно, что, стоя посреди указываемыхъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны—рѣшающихъ сферъ, ему и мѣста нѣтъ хотя бы въ подготовительномъ обсужденіи рѣшеній. Консерваторы не удостоиваютъ его своимъ вниманіемъ, а если и удостоиваютъ, то развѣ только такъ, какъ спартанцы замѣчали за обѣдомъ илота, котораго нарочно поили въ назиданіе своей трезвости. Либералы нынѣ отводятъ этому классу мѣсто какого-то отпѣтаго поколѣнія, отщепенцовъ отъ народа, прокаженныхъ розныю (все слова, заимствованныя современными либералами отъ славянофиловъ), которымъ въ исторіи предстоитъ одна роль—исчезнуть въ сонмѣ будущихъ истинныхъ дѣятелей, созданныхъ почвою и твердо на нее опирающихся.

Войдемъ въ положеніе молодого человѣка нашего времени, который, кипя жаждою установленія принциповъ для будущей своей дѣятельности, сталъ бы отыскивать для нея идеаловъ въ современной русской публицистикѣ и хотя бы въ беллетристикѣ. Чтó онъ найдетъ въ нихъ? Консервативный идеалъ измышляемой олигархіи не удовлетворитъ его, если онъ не принадлежитъ къ особому, малочисленному классу, да и въ послѣднемъ случаѣ едвали бы удовлетворилъ его, потому что молодой умъ впечатлителенъ къ несправедливости. Если онъ обратится къ либераламъ, то они скажутъ ему приблизительно слѣдующее:—у насъ формулированныхъ идеаловъ нѣтъ, мы не идеалисты, и въ этомъ отличіе наше отъ людей „сороковыхъ годовъ"; идеалъ есть не что иное, какъ *иксъ*, выраженіе неизвѣстнаго, и въ

этомъ смыслѣ нашъ идеалъ—крестьянство, съ которымъ ни мы, ни вы не имѣемъ ничего общаго, такъ какъ насъ заѣдаетъ рознь; создастся новое общество изъ крестьянства, и повѣдаетъ неизвѣстныя намъ еще слова; а покамѣстъ наше и ваше время—переходное время, и назначеніе общее вамъ съ нами исчезнуть, какъ исчезаетъ видовая форма, отмѣняемая условіями борьбы за существованіе.—Если, наконецъ, онъ попытается уяснить себѣ, нѣтъ ли у либераловъ хотя бы одной наиболѣе близкой, опредѣленной цѣли, сознаніемъ которой ему можно было бы насытить свою потребность нравственной жизни въ общественной дѣятельности, то найдетъ, что такой ближайшей цѣлью въ настоящее время у либераловъ служитъ установленіе подоходнаго налога, такъ какъ податная реформа должна облегчить и ускорить развитіе того новаго общества, которое должно выдти изъ сельской общины и взять въ свои руки будущее Россіи.

Согласитесь, что такой результатъ изслѣдованій современной печати молодого ума не удовлетворитъ ни въ какомъ случаѣ. Результатъ этотъ покажется ему столь безотраднымъ, что молодой мыслитель скорѣе отброситъ и ту долю правды, которая находится въ приведенномъ приговорѣ, даже обвинитъ печать въ лжи, апатіи, лицемѣріи, сытости монополіею малаго числа изданій, но не повѣритъ тому, чему вѣрить ему не велитъ природа, а именно, что полнота его силъ и его добраго желанія ни на что непригодна. Скорѣе онъ соблазнится опасными внушеніями, приходящими извнѣ, чѣмъ примирится съ такою fin de non recevoir.

Да и немолодое, дѣйствующее поколѣніе образованнаго русскаго общества съ нею примириться не могло и не можетъ. Отсюда замѣтное охлажденіе общества къ печати, сознаваемое самой печатью и служащее ей иногда поводомъ къ сѣтованіямъ. Но это не все. Отсюда еще ослабленіе нравственнаго значенія въ Россіи тѣхъ городовъ, которые служатъ умственными центрами, то-есть университетскихъ городовъ вообще и, въ особенности, весьма замѣтное ослабленіе руководящаго значенія Петербурга. Это совершенно естественно: масса общества не находитъ въ печати отклика на свою потребность въ „идеалѣ" для дѣятельности, то-есть не находитъ отвѣта на весьма скромный вопросъ, который каждый развитой человѣкъ задаетъ себѣ. какъ понимать свое назначеніе въ настоящую минуту и въ ближайшемъ будущемъ? Этотъ вопросъ печатью въ настоящій моментъ или вовсе игнорируется, или прямо устраняется въ смыслѣ полной отсрочки, предложенія сойти со сцены, удовлетвориться выжиданіемъ чего-то неизвѣстнаго, то-есть будущаго отвѣта отъ будущихъ людей, отъ крестьянства политически-сознательнаго, то-есть отъ такой среды, которой еще не существуетъ. Это никого удовлетворить не можетъ,

потому именно, что вопросъ, о которомъ сейчасъ упомянуто, есть непреложное условіе, сопровождающее извѣстную умственную развитость. Его устранить нельзя, и послѣдствіемъ уклоненія печати отъ формулированія отвѣта является только то, что каждый отдѣльный человѣкъ долженъ разрѣшать себѣ этотъ вопросъ самъ, единично, безъ помощи органа коллективной общественной интеллигенціи, какимъ должна быть печать. Одинъ человѣкъ рѣшаетъ его себѣ такъ, другой иначе, но всѣхъ тяготитъ сознаніе своей изолированности и взаимно-отчужденности, своего нравственнаго одиночества.

Естественно, что когда органическая дѣятельность центровъ не удовлетворяетъ потребности жизненной силы, то значеніе ихъ уменьшается. Такъ, неправильное дѣйствіе центральныхъ мозговыхъ органовъ произведетъ взаимнопротиворѣчивые, анархическія, конвульсивныя движенія мускуловъ, подъ вліяніемъ разобщенныхъ конечныхъ нервовъ. Ослабѣло значеніе печати, уменьшилась руководящая общественная роль Петербурга и Москвы,—изъ провинціи слышны голоса, громко заявляющіе, что тамъ отвыкаютъ „обращать глаза" къ Петербургу. Такое положеніе какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ индифферентизму, а затѣмъ и меркантилизму мысли. Коль скоро у развитаго человѣка нѣтъ въ настоящемъ нравственнаго призванія и назначенія, коль скоро нравственный идеалъ, выработываемый единичнымъ человѣкомъ, не признанъ, не имѣетъ курса даже въ ближайшемъ ему кружкѣ, то человѣкъ поневолѣ начинаетъ жить для себя одного, считаетъ своимъ единственнымъ назначеніемъ пріобрѣтать какъ можно болѣе тѣхъ цѣнностей, которыя имѣютъ курсъ всѣми признаваемый, разжиться поскорѣе, какими бы то ни было путями (при отсутствіи общихъ нравственныхъ представленій не можетъ быть и яснаго разграниченія между дозволеннымъ и непозволительнымъ), и затѣмъ жить—для того, что̀, повидимому, должно служить единственнымъ его назначеніемъ въ „нынѣшнее переходное время", то-есть для удовлетворенія своего тщеславія и страстей. Лучшіе люди, тѣ, въ которыхъ потребность отвѣта на „вопросъ" наиболѣе сильна, рѣшаютъ его себѣ сами и живутъ отшельниками въ своей нравственной берлогѣ. Является полное дробленіе, разбродъ мысли въ обществѣ, она перестаетъ быть общественною потому именно, что въ ней нѣтъ ровно никакой коллективности; даже кружковыхъ нравственныхъ представленій у насъ теперь нѣтъ, за единственнымъ, можно сказать, исключеніемъ одного изъ литературныхъ кружковъ; да и тотъ держится принципа выжиданія и полнаго самоустраненія, того принципа abstention, который почти всегда губитъ партіи, его примѣняющія. Надъ всѣми этими единичными измышленіями развертывается въ современномъ русскомъ обществѣ картина поклоненія

золотому тельцу, въ его нынѣшней бумажной формѣ, и это понятно. „Не сотвори себѣ кумира"—записано древнѣйшимъ законодателемъ; но, вѣдь, рядомъ съ этой скрижалью имъ были переданы девять другихъ, содержавшихъ въ себѣ полный нравственный кодексъ. И современная наша печать имѣетъ право говорить русскому обществу: не сотвори себѣ кумира; но вѣдь это только одна заповѣдь; гдѣ же остальныя девять, дала ли ихъ печать? Нѣтъ. А если не установленъ, не повѣданъ культъ истины, если провозглашеніе истины отлагается на неопредѣленное время, какъ отсрочивается рѣшеніе суда до вызова новыхъ свидѣтелей, то удивляться ли поклоненію ложнымъ богамъ?

Разбирая неправильно формулированный и произвольно рѣшенный г. Фаддѣевымъ вопросъ: „чѣмъ намъ быть", мы тогда же оговорились, что онъ вѣрно указалъ на фактъ нравственнаго разброда въ современномъ нашемъ обществѣ, хотя ошибочно опредѣлилъ его причины, и предложилъ противъ „разброда" лекарство чисто-механическаго свойства, хотѣлъ нравственный разбродъ лечить наложеніемъ искусственныхъ внѣшнихъ обручей... Причиной разброда было не разсѣяніе россійскаго дворянства и не отреченіе отъ „русскихъ основъ", которыя были извѣстны только славянофиламъ, но неудача, испытанная общественной мыслью, какъ она начала формоваться во время до и непосредственно послѣ 1861 года. Разочарованіе въ своихъ силахъ и разбродъ шли вмѣстѣ; но когда, подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія, печать увлеклась въ крайность, дошла до теоріи полнаго безсилія современности, до отрицанія въ ней всякой творческой дѣятельности, до прекращенія всего судоговоренія о нашемъ прогрессѣ, съ передачею его—несуществующей еще въ смыслѣ политическаго сознанія инстанціи—крестьянству, тогда именно и проявились указанныя выше явленія: нравственная безвыходность общества, разрозненность его съ печатью, которая перестала удовлетворять его неотмѣнной потребности. Жить въ нравственномъ смыслѣ значитъ—стремиться. Созерцаніе, самоотрицаніе и упованіе на неизвѣстное—не жизнь; это для немногихъ можетъ быть, пожалуй, факирствомъ, для большинства же это означаетъ спячку или полный разбродъ и унылые личные порывы. Въ этомъ смыслѣ, общественная мысль въ сороковыхъ годахъ, когда ей совершенно противорѣчила дѣйствительность, была живѣе, бодрѣе нынѣшняго разномыслія и безмыслія. Людей способныхъ мыслить тогда было несравненно меньше, но ихъ умственная жизнь была здоровѣе, они въ ней находили удовлетвореніе, котораго не было въ дѣйствительности. Все, что возникало изъ почвы, изъ несознательнаго чернозема, всякая персть, которой прикасалось дуновеніе духа, всякій новорожденный въ сознаніи человѣкъ явно видѣлъ,

ясно знали, къ чему и къ кому примкнуть. У арміи будущаго русскаго прогресса были кадры. Когда настало время реформъ, кто были нашими инструкторами, кто нашими вождями?—Люди сороковыхъ годовъ. Не таковъ ли неизмѣнный законъ, не такъ ли должно бы быть и для будущаго сыновей нашихъ? Но гдѣ же нынѣ кадры, къ кому и къ чему примыкать новымъ силамъ, которыхъ мы ждемъ изъ русской земли? Люди есть; но нѣтъ ни признанія, ни согласія, ни охоты, ни смѣлости, ни бодрости. Инструкторы сами подали въ отставку и ждутъ инструкціи отъ новобранцовъ. Старѣйшины мірской сходки вновь ждутъ варяговъ, но уже не изъ-за моря: придите княжить и владѣть нами.

Мы лично помнимъ сороковые года только изъ толковъ людей старшихъ и по тѣмъ внѣшнимъ, мелкимъ, но краснорѣчивымъ признакамъ, которые особенно запечатлѣваются въ незрѣломъ умѣ. Но позднѣйшее, литературное ознакомленіе съ тою эпохой вполнѣ подтвердило вѣрность смутнаго личнаго впечатлѣнія: все давило развитыхъ людей на улицѣ, но въ домахъ, въ дружеской бесѣдѣ они находили утѣху въ свѣтлой мысли, въ бодромъ сознаніи. Сравненіе убѣждаетъ насъ—странно сказать!—что въ то время мыслящимъ людямъ все-таки лучше жилось, чѣмъ нынѣ, когда ничто на улицѣ ихъ не давитъ, когда, напротивъ, на ней кромѣ благоустройства ничего не встрѣчается. Ихъ давитъ нынче тоска на дому, уединеніе въ своемъ углу, безучастіе, безотвѣтность окружающихъ, безъисходность внутренняго стремленія...

Современная печать, какъ уже замѣчено, сознаетъ свою утрату престижа въ обществѣ и его разобщенность съ нею. Она винитъ въ томъ иногда апатію общества, принимая слѣдствіе за причину—иногда, и чаще,—свое положеніе. Иностранная политика и нѣсколько спеціальныхъ вопросовъ—вотъ мой просторъ, такъ извиняется она: какъ же ожидать сочувствія общества къ печати безцвѣтной по необходимости. Невозможно отрицать, что здѣсь есть правда. Но безпристрастное сравненіе заставляетъ признать, что въ сороковыхъ годахъ положеніе печати было гораздо труднѣе, а нравственное значеніе ея все-таки гораздо больше, чѣмъ нынѣ; она почти не имѣла простора, чтобы сдѣлать шагъ, а между тѣмъ она вела общество. Теперь ходить можно сколько угодно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и не безъ частыхъ поворотовъ въ сторону, для минованія неудобныхъ мѣстъ, но никто нейдетъ за нами, почему? Не потому ли, что мы показываемъ видъ, будто намъ вести некого и некуда.

Оставимъ публицистику и обратимся къ беллетристикѣ и критикѣ—двумъ отраслямъ, въ которыхъ прежде находило исходъ слово общественной мысли. Что мы находимъ здѣсь? Съ одной стороны явное

предпочтеніе иностранныхъ романовъ русскимъ, съ другой—отсутствіе идеаловъ не только въ беллетристикѣ, но и въ самой критикѣ, стало быть не только на практикѣ, но и въ теоріи. Понятно, что, ненаходя въ отечественныхъ произведеніяхъ правды, пригодной для русскаго общества, читатель отдаетъ предпочтеніе романамъ иностраннымъ, въ которыхъ находитъ правду пригодную для человѣка вообще, для человѣческой особи. Жалоба на „отсутствіе идеаловъ" въ современной русской беллетристикѣ у насъ почти стала общимъ мѣстомъ. Но что̀ такое беллетристъ въ смыслѣ общественной дѣятельности? Онъ—только популяризаторъ и граверъ идей публицистики. Идеаловъ испробовано и перетерто нѣсколько, но то были идеалы, такъ-сказать, слишкомъ идеальные. То были идеалы „новыхъ людей". Если современная критика выяснила что-либо, такъ развѣ именно тотъ фактъ, что „новые люди" окончательно износились и спроса на нихъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что они дѣйствительной потребности не соотвѣтствовали. Русскому обществу желательно бы выяснить себѣ свое назначеніе въ томъ видѣ, какъ общество есть, а ему вмѣсто того стали подносить въ „новыхъ людяхъ" проекты преобразованія общества, проекты о томъ, какъ вновь слѣдуетъ воспитываться, брачиться, умирать и едва ли не родиться. Эти идеалы, каково бы ни было ихъ абсолютное достоинство, шли гораздо далѣе потребности, а лучше сказать оставались внѣ ея. Они позабавили новостью и скоро надоѣли, какъ всякая забава. Что же касается отвѣта на серьёзный вопросъ, какъ понимать образованнымъ людямъ свое общественное назначеніе, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ ихъ создала дѣйствительная русская жизнь, то отвѣты на этотъ вопросъ беллетристами давались только отрицательные, да иныхъ и не могло быть, такъ какъ беллетристы не находили въ самой публицистикѣ ничего иного. Данное общество, признанное безсильнымъ, было признано „отпѣтымъ", и беллетристы стали отпѣвать его. Намъ пришлось бы сдѣлать литературный очеркъ, чтобъ показать, на какіе лады его отпѣвали въ разныхъ сферахъ, затронутыхъ русскимъ романомъ: въ службѣ, въ земствѣ, въ литературной, адвокатской, врачебной, землевладѣльческой и иныхъ профессіяхъ. Повсюду современный русскій образованный дѣятель былъ разбитъ препятствіями, заѣденъ сознаніемъ своего безсилія и сданъ въ кунсткамеру для назиданія грядущихъ поколѣній. Беллетристика частью одновременно, частью еще раньше, пошла „глубже" безплоднаго наноснаго слоя, заглянула въ крестьянство. Но хорошіе результаты такой попытки были только при самомъ ея началѣ, то-есть до освобожденія крестьянъ. Въ позднѣйшемъ же періодѣ, когда наши беллетристы уходили въ народъ для противопоставленія его отпѣтому обществу, результаты получи-

лись ни къ чему непригодные. Забота о реальности, самая добросовѣстность разсказчиковъ помѣшала имъ впасть въ фальшь, въ идеализацію; а „реальности“ было представлено такъ много и столь неутѣшительной, что попытка эта ровно ничего новаго въ сознаніе общества не внесла. Что въ крестьянской средѣ много горя и грубости—это фактъ въ высокой степени важный. Но онъ показываетъ только необходимость дальнѣйшей государственной помощи крестьянству, и больше ничего. Отвѣта относительно назначенія нынѣшняго образованнаго общества, удовлетворенія для его потребности въ ясномъ познаніи себя, отсюда все-таки не получается и получиться не можетъ. Мы охотно допустимъ, что вопросъ объ облегченіи выкупныхъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ совокупность сборовъ съ крестьянъ превышаетъ средній доходъ съ земли, есть въ настоящее время важнѣйшій изъ государственныхъ вопросовъ. Но это прежде всего вопросъ государственный и хозяйственный, а не общественный, частный и нравственный. На сознаніи необходимости подобной мѣры нельзя утвердить нравственную жизнь наличнаго общества, нельзя и воспитать къ нравственной цѣльности и бодрости общественной мысли наростающее нынѣ поколѣніе. Всѣ же тѣ нравственныя стремленія, какія рекомендуются въ видѣ „сліянія съ народомъ“ „устраненія розни“ съ нимъ, ожиданія идеаловъ отъ „русской деревни“—въ сущности ничего не означаютъ и представляютъ только пустыя слова, перенятыя отъ славянофиловъ. Но къ этому мы еще возвратимся.

Въ то время, какъ беллетристикѣ не удалось переработать прежнихъ идеаловъ въ новые, отвѣчающіе потребностямъ дѣйствительной жизни даннаго, существующаго (а не измышленнаго вновь) общества, наша критика утратила всякій критерій для сужденія; критеріи изнашивались немногимъ медленнѣе, чѣмъ самые идеалы беллетристики. Что такое критика? Она есть провѣрка литературныхъ произведеній даннаго времени—съ его философскимъ міровоззрѣніемъ съ одной стороны, съ его общественными потребностями — съ другой. Критика есть популярная форма публицистики, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Значеніе критики бываетъ особенно велико, когда публицистика стѣснена до невозможности прямого дѣйствія на общество. Такъ, Бѣлинскій былъ отраженіемъ европейской мысли въ примѣненіи или, лучше сказать, полномъ отрицаніи современной ему русской дѣйствительности. Если онъ уклонялся порою въ разныя стороны отъ взглядовъ Грановскаго, Станкевича и его кружка и мѣнялъ свои положительные идеалы, то это было неважно въ то время, такъ какъ назначеніе его было въ дѣйствительности чисто отрицательное, а это назначеніе онъ всегда исполнялъ, съ какой

бы колеблющейся точки зрѣнія ни редактировался имъ его непоколебимый и неустанный протестъ. Обществу нуженъ былъ будильникъ и красноречивый свидѣтель, что честная, неподкупная, невозмущенная мысль въ немъ не умерла—вотъ все, что̀ было нужно тогдашнему обществу, и Бѣлинскій вполнѣ соотвѣтствовалъ этой задачѣ, именно отрицательной стороной своей критики. Добролюбовъ, а послѣ него Писаревъ были отраженіями другихъ публицистовъ, изъ которыхъ стоявшіе близко къ Добролюбову имѣли большое значеніе. Въ эпохи пробужденія отъ долговременнаго застоя почти всегда случается, что талантливѣйшіе люди оказываются въ партіи крайней. Въ минуты взрыва, удѣльный вѣсъ перестаетъ быть условіемъ устойчивости; наоборотъ, онъ дѣлается условіемъ стремительности; такъ кирпичъ летитъ далѣе щепки, камень дальше кирпича, а свинецъ дальше камня. Во время Добролюбова перевѣсъ таланта безъ малаго сомнѣнія былъ на сторонѣ кружковъ радикальнихъ. Но это еще не значитъ, что они вѣрнѣе понимали реальное общественное настроеніе, чѣмъ умѣренные либералы, даже—признаемся въ томъ—чѣмъ сами консерваторы.

Насталъ именно тотъ моментъ, когда критика должна была указать, по даннымъ общественнымъ потребностямъ, переработку старыхъ, частью отжившихъ, частью туманныхъ и неполныхъ идеаловъ въ новые, пригодные для жизни. Но талантъ Добролюбова удержалъ „скипетръ“ критики въ рукахъ безусловнаго протеста, полнаго отрицанія. Отрицаніе и въ то время, правда, все еще соотвѣтствовало живымъ потребностямъ, насколько онѣ не были удовлетворяемы, и этимъ, кромѣ личнаго таланта, объяснялось вліяніе Добролюбова; но нельзя однако не признать, что отрицаніе шло далѣе потребностей общества, велось въ силу такихъ идеаловъ, которые заходили гораздо далѣе этихъ потребностей. Такое полное отрицаніе, во-первыхъ, теперь уже не оправдывалось прежней каменной неподатливостью русской дѣйствительности, а во-вторыхъ, велось въ силу такихъ новыхъ политическо-соціальныхъ воззрѣній, которыя для громаднаго большинства русскаго общества оставались тайною, а еслибы стали ему извѣстны, то были бы имъ отвергнуты, какъ безконечно переходящія за предѣлъ его потребностей. Очевидно, что такихъ скачковъ, какъ отъ единообразія, чинопочитанія и полной безотвѣтности сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, до усилія общества къ пересозданію, перерожденію основныхъ его формъ, въ исторіи быть не можетъ. Тогдашнее общество еще дѣтски радовалось первому свободному вздоху, приходило въ наивный восторгъ отъ обличенія исправниковъ во взяткахъ, а ему хотѣли предложить такія усилія, которыя еще не подъ-стать Швейцаріи и Сѣверной Америкѣ.

Такимъ образомъ, критика сохранила чисто-отрицательное направленіе, но на немъ могла сама сохранять нѣкоторый престижъ и значеніе только благодаря блеску личныхъ талантовъ нѣсколькихъ писателей. Ихъ дѣятельность прекратилась смертью и по другимъ обстоятельствамъ, а преемники ихъ продолжали тянуть ноту, которой не могло быть отголоска въ обществѣ. Такъ создалась условная, искусственная, лишенная всякой связи съ общественнымъ инстинктомъ, критическая дѣятельность, продолжавшая отрицаніе во имя идеаловъ большинству не только непонятныхъ, но даже неизвѣстныхъ. Общество, во-первыхъ, перестало увлекаться блескомъ критики, который утратился; во-вторыхъ, болѣе и болѣе замѣчало, что критика вообще не даетъ ему насущной пищи; въ-третьихъ, наконецъ, что почти всѣ замѣчательнѣйшіе беллетристы, которые сохранили свойство сколько-нибудь трогать его, были преданы критикою осужденію, объявлены стоящими въ разрѣзъ со здравымъ направленіемъ.

Тогда произошла реакція; критика подѣлилась на два лагеря. Несоотвѣтствіе „тенденціозной" критики живымъ потребностямъ и явная несправедливость нѣкоторыхъ ея приговоровъ воскресили въ другомъ критическомъ лагерѣ принципъ „искусства для искусства", но на этотъ разъ онъ получилъ особое примѣненіе, противное самой его сущности. По внутреннему содержанію своему исключающій изъ критики и литературнаго творчества всякое политическое намѣреніе, онъ теперь неожиданно былъ пріуроченъ къ мысли о политической реакціи. Легкій Пегазъ, снабженный крыльями для того именно, чтобы летать превыше общественной арены, Пегазъ, чье копыто однажды коснулось почвы только для того, чтобы извлечь чистый источникъ гиппокрена, родникъ поэзіи, этотъ воздушный конь былъ запряженъ въ телѣгу, нагруженную всѣмъ консервативнымъ хламомъ, вырытымъ изъ развалившагося цейхгауза.

Въ виду такого новаго явленія, критика либеральная пошатнулась въ своихъ принципахъ. Дѣло было не въ томъ, чтобы теорія „искусства для искусства" предъявила какіе-нибудь новые аргументы, способные произвесть замѣшательство въ ряду противниковъ. Ничего новаго она не сказала. То, что въ ней было абстрактно-вѣрнаго прежде, осталось такимъ же и нынѣ; то, что въ ней было мелочного, анти-реальнаго, давно было блистательно опровергнуто прежними вожаками „тенденціозности", давно было осмѣяно ими и считалось уничтоженнымъ навсегда. Но дѣло было въ самомъ фактѣ, что теорія та *могла* воскреснуть, что она нашла въ обществѣ приверженцевъ, что общество, которое прежде смѣялось съ либеральными критиками, когда они ее осмѣивали, теперь смѣяться съ ними перестало, и критики „тенденціозные" чувствовали, что они смѣются—одни.

И вотъ, либеральная критика, критика, державшаяся традицiею начала шестидесятыхъ годовъ, пришла въ полное замѣшательство. Пересоздаться она не могла, потому что публицистика ей не давала ничего, кромѣ матерiаловъ для „отпѣванiя" общества, теорiи самоотрицанiя и неопредѣленнаго упованiя на неизвѣстныя силы. Внѣшнiй отрицательный характеръ эта критика продолжала сохранять, въ немъ одномъ только и осталась вѣрною своей традицiи. Но именно только внѣшнiй отрицательный характеръ. Добролюбовъ, даже Писаревъ были продолжателями Бѣлинскаго; между ними и имъ не было перерыва, они отрицали во имя страстной преданности своимъ (хотя и различнымъ) идеаламъ. Но перерывъ въ значенiи критики произошелъ гораздо позднѣе, именно послѣ факта „разочарованiя". Тутъ явилось уже отрицанiе *безъ* идеаловъ, отрицанiе такъ сказать по рутинѣ. Отрицанiе свое эта позднѣйшая либеральная критика обратила на все, даже на свои прежнiя излюбленныя тэмы; отрицая ветхiе идеалы, которые пробовала извлечь на свѣтъ божiй новая школа „искусства для искусства", она осмѣяла и „новыхъ людей", и въ отношенiи къ этимъ несчастнымъ „новымъ людямъ" сдѣлала свое дѣло исправно, сдала ихъ въ самомъ дѣлѣ въ архивъ. Теперь въ этой „тенденцiозной" критикѣ ослабла самая тенденцiя, а критерiя совсѣмъ нѣтъ; она истощила ихъ всѣ и такъ сказать заѣла самое себя.

Трудно даже себѣ и представить, чтó могъ бы написать въ настоящее время величайшiй талантъ въ беллетристикѣ такого, чтó бы могло заслужить полное одобренiе той критики. Такъ какъ либеральная публицистика остановилась на точкѣ упованiя на непочатыя силы, то надо думать, что беллетристу слѣдовало бы сочинять на тэму такого крестьянскаго общества, которое было бы изображено совершенно вѣрно дѣйствительности, а между тѣмъ представляло бы сознательное отношенiе къ нравственно-философскимъ и политическимъ вопросамъ, и притомъ выдѣляло бы изъ себя такiе живые, рельефные типы, полные невѣдомой силы, которые нравственно подчиняли бы себѣ ближайшихъ представителей нашей безсильной, дряблой, разрозненной отъ народа, „городской" интеллигенцiи. Но не поручимся за то, что еслибы такая картина беллетристу и удалась, либеральная критика не признала бы ее „фальшью" и „идеализацiею", потому что критика эта сохранила въ себѣ все-таки гораздо болѣе добросовѣстности, чѣмъ опредѣленной тенденцiи.

Все, чтó мы сказали доселѣ, не должно, однако, ни въ какомъ случаѣ быть понимаемо такъ, что мы въ „отсутствiи идеаловъ" виним одну литературу. Время весьма неблагопрiятно „идеаламъ" вообще, и литературныя условiя неблагопрiятны для начертанiя широкихъ идеаловъ. Еслибы насъ спросили: а почему вы знаете, чтó

сказала бы литература?... то на такую условную форму вопроса мы ничего не могли бы отвѣтить. Внѣшнія условія играютъ весьма важную роль и отъ соображенія ихъ никакъ отрѣшиться нельзя. Но мы совсѣмъ не то хотѣли сказать. Очень можетъ быть, что беллетристика и критика въ настоящее время не могутъ имѣть того значенія, какое имѣли прежде, потому что теперь одного неяснаго, недосказаннаго побужденія общества впередъ уже недостаточно, а точныхъ формулъ развивать не приходится. Все наше разсужденіе клонится къ тому, чтобы показать, что если беллетристика и критика разрознились съ обществомъ и „идеалы отсутствуютъ", то ни сближенія литературы съ обществомъ, ни возникновенія хотя бы самыхъ умѣренныхъ и скромныхъ идеаловъ *не можетъ быть* и при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ—до тѣхъ поръ, пока либеральная публицистика будетъ стоять на точкѣ отреченія современнаго образованнаго общества, въ пользу неизвѣстнаго, грядущаго политически-сознательнаго крестьянства.

Возможны ли такое отреченіе и такая отсрочка? Можетъ ли нація отрѣшаться отъ своего наличнаго ума, каковъ бы онъ ни былъ? Развѣ онъ представляетъ случайное наслоеніе произвольныхъ, самозародившихся элементовъ, а не естественный фактъ, не продуктъ исторіи, столь же законный и полноправный, какъ все, чтó можетъ нарости со временемъ? Ясно, что все, чтó наростетъ со временемъ изъ „деревни", примкнетъ къ тому же сознательному общественному элементу, который имѣется въ настоящее время.

Здѣсь мы должны точнѣе опредѣлить частью реальные, частью воображаемые факты, которые нынѣ обозначаются у насъ словами: „идеалы", „заимствованныя и самобытныя основы", „городъ и деревня", „общество и народъ" и „рознь" между ними.

„Общественные идеалы"—понятіе не вполнѣ опредѣленное. Въ тѣсномъ смыслѣ, это—тѣ формы общественнаго быта, которыя, проникнувъ въ сознаніе общества, стали такою его потребностью, которая еще неудовлетворена дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ „общественные идеалы" никогда не бываютъ чѣмъ-либо безспорнымъ и окончательно убѣдительнымъ для всѣхъ членовъ общества. Они обыкновенно формулируются сперва въ умѣ меньшинства просвѣщеннѣйшихъ, мыслящихъ людей, которые угадываютъ стремленія, еще смутно сознаваемыя въ обществѣ, а потомъ, если угаданы вѣрно, дѣлаются умственнымъ состояніемъ большинства образованнаго общества, но все-таки не цѣлой его совокупности. Въ этомъ смыслѣ вопросъ о положительныхъ общественныхъ идеалахъ и соотвѣтствующихъ имъ партіяхъ рѣшается именно однимъ критеріемъ—критеріемъ большинства, которое одно можетъ засвидѣтельствовать, выражаетъ ли идеалъ дѣй-

ствительную потребность. Только впослѣдствіи уже исторія ясно увидитъ и укажетъ, на которой сторонѣ была истинная народная потребность. Это—*задачи общественной народной жизни*, которая ищетъ имъ удовлетворенія, иногда колеблется между предлагаемыми рѣшеніями, но, наконецъ, принимаетъ и осуществляетъ то, которое было подсказано ею самой и только было угадано людьми мысли, органами власти или представителями партій. Таково было въ Россіи, напримѣръ, освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, независимо отъ нѣкоторыхъ условій, которыми онъ сопровождался. Но въ этомъ смыслѣ „общественные идеалы" гораздо проще и опредѣленнѣе будетъ такъ и называть задачами общественной народной жизни, уже потому, что слово „идеалъ" включаетъ въ себѣ нѣчто философское, а потому болѣе личное, чѣмъ общественное, болѣе общечеловѣческое и нравственное, чѣмъ народное и политическое. Такъ, напримѣръ, рѣшеніе рабочаго вопроса есть одна изъ задачъ народной жизни, но совсѣмъ не „идеалъ". Когда мы говоримъ о подобныхъ задачахъ и стараемся угадать ихъ наилучшее, соотвѣтствующее народной потребности рѣшеніе, то мы не имѣемъ никакого права туманными ссылками на необходимость „устраненія розни" или обращенія къ „деревнѣ", угадыванія „психологической народной подкладки", отказываться прямо и практически формулировать рѣшеніе, какъ мы его понимаемъ. Все это пустыя слова, возможныя только потому, что прикрываются такимъ философскимъ выраженіемъ какъ „идеалъ"; а въ столь положительномъ дѣлѣ, допускающемъ только опредѣленныя экономическія и политическія рѣшенія, нѣтъ мѣста ни для какой психологіи и нравственныхъ настроеній.

Если же мы подъ словомъ „общественные идеалы" разумѣемъ *культурныя понятія*, тогда будетъ совсѣмъ другое дѣло. Кажется, у насъ нѣсколько смѣшиваютъ „идеалы" перваго и второго рода. Культурныя понятія это — нравственный обликъ общества, данный ему исторіею, съ тѣми географическими и этнографическими элементами, которые въ нее входятъ, и степенью его умственнаго развитія, то-есть просвѣщенія. Въ этой категоріи понятій можетъ и должна быть рѣчь о „психологіи" общества; въ ней принимается въ главное соображеніе его духъ, настроеніе настоящаго времени, зависящее въ весьма значительной степени отъ того, какъ отнеслась современная историческая дѣйствительность къ рѣшенію задачъ общественной народной жизни, въ какой мѣрѣ удовлетворены или предвидятъ себѣ удовлетвореніе потребности образованнаго общества и всего народа. Вотъ, въ этой-то сферѣ идеаловъ общественно-личныхъ, въ сферѣ понятій о нашихъ отношеніяхъ къ европейской жизни, о современномъ настроеніи русскаго общества, о сознаніи или несознаніи имъ назна-

ченія его, мы и должны признать замѣтную раздробленность, колебаніе, отчужденность личностей и то „отсутствіе идеаловъ“, которое мы должны были допустить выше какъ фактъ. Фактъ этотъ зависитъ отъ того, что общественныя задачи, общественныя потребности въ весьма значительной степени еще ждутъ своего рѣшенія и удовлетворенія, оттого, что въ стремленіяхъ шестидесятыхъ годовъ произошло то, что мы должны были назвать „разочарованіемъ“. Литература въ этой сферѣ обязана просто констатировать факты, оставлять каждый изъ нихъ на его мѣстѣ и объяснять ихъ, а не стараться совершенно перевернуть культурныя понятія общества, совѣтуя ему схватиться за голову и необычайнымъ, невозможнымъ усиліемъ перенесть себя самого съ почвы обще-европейскаго развитія на какую-то новую „самобытно-русскую“ культурную почву. Возможенъ ли такой скачокъ? Онъ удался доселѣ только барону Мюнхгаузену, который, завязнувъ съ лошадью въ болотѣ, схватилъ себя за косу и, непомѣрнымъ усиліемъ, вытащилъ себя и лошадь подъ собою на твердую почву. Въ сферѣ культурныхъ понятій мы не можемъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чѣмъ мы есть, чѣмъ создала насъ исторія послѣднихъ двухъ вѣковъ, создавшая современное русское общество. Здѣсь весь вопросъ въ томъ, чтобы намъ не путаться, не сбивать самихъ себя, и не унывать. Съ яснымъ сознаніемъ у насъ явится и бодрость.

Современное русское общество — европейское общество; въ этомъ все его опредѣленіе, вся его причина быть, и все его значеніе. Его создало европейское образованіе, и оно должно служить дѣлу образованія въ русскомъ народѣ. При полной безсословности, при демократичности, лежащей въ основѣ нашихъ нравовъ и законовъ, русское „общество“ имѣетъ значеніе только какъ *образованное* общество; оно есть не что иное, какъ образованная часть народа. Никакой розни у него съ нимъ нѣтъ и быть не можетъ, кромѣ той, какая представляется степенью образованія. Вотъ единственная реальная рознь, но она постепенно будетъ сглаживаться, когда сдѣлаютъ свое дѣло низшія городскія и высшія сельскія училища, когда создастся въ крестьянствѣ многочисленный грамотный классъ, а въ образованномъ обществѣ большой контингентъ людей выдвинутыхъ снизу образованіемъ и примкнувшихъ къ тому же обществу, къ наличнымъ его кадрамъ, а чрезъ него—къ образованной Европѣ. Не только въ силу законовъ, но и въ силу нашихъ нравовъ, эти люди свободно вступаютъ въ составъ нашего общества и признаются имъ за равноправныхъ его членовъ. Да это явленіе совершается и на нашихъ глазахъ: сравните число читателей газетъ и посѣтителей театровъ, число людей, носящихъ европейскую одежду, у насъ теперь, съ тѣмъ, какое

было на лицо двадцать лѣтъ тому назадъ и вы убѣдитесь, что составъ общества расширился, что число его членовъ по меньшей мѣрѣ удвоилось. И въ этомъ явленіи въ сущности нѣтъ ничего новаго: этимъ самымъ путемъ наросло, за ничтожными исключеніями, все русское общество, начиная отъ Петра Великаго. О какой же розни тутъ можетъ быть рѣчь? Если нѣтъ сословныхъ граней, то какая же можетъ быть рознь?

Новѣйшіе либералы, говорящіе о „розни" и противополагающіе „заимствованныя основы—самобытнымъ", городъ—деревнѣ, общество—народу, взяли свои слова у славянофиловъ, но забыли, что такое слова эти у славянофиловъ въ дѣйствительности означали. Славянофильскія „основы" въ сущности своей вовсе не далеки были отъ знаменитыхъ уваровскихъ „трехъ началъ". Такъ, клерикализмъ занималъ въ средѣ ихъ далеко не послѣднее мѣсто. Мы не можемъ не признать, что между образованнымъ русскимъ, который, положимъ, не постится, но считаетъ дикой глупостью бить жену, и „деревней" есть рознь въ культурныхъ понятіяхъ; но мы совершенно отказываемся допустить, чтобы между уваженіемъ образованнаго русскаго къ учрежденіямъ западной Европы и историческимъ вѣчевымъ началомъ, сохранившимся въ народно-общинномъ управленіи крестьянства, было противорѣчіе и чтобы могла быть рознь изъ-за этого. Здѣсь если есть рознь, то не потому, что общество не понимаетъ народа, а потому, что народъ *не знаетъ*. Знаніе пріобрѣтется тѣмъ, кто получитъ образованіе, и это знаніе уничтожитъ недоразумѣнія. Что касается розни въ культурныхъ понятіяхъ, то очевидно, что все получившее образованіе тѣмъ самымъ отрознится отъ невѣжества. Крестьянинъ, получившій среднее образованіе, безпрепятственно и неизбѣжно примкнетъ къ наличному образованному обществу, усвоитъ себѣ его культурныя понятія. На этой ступени, его умъ будетъ сознавать потребности всей страны, а не исключительныя условія крестьянскаго быта: не земельный надѣлъ и не община наложатъ печать на умственный складъ развитаго крестьянина, потому что умственное развитіе поставитъ его гораздо выше условій экономическаго быта, предполагая даже, что условія эти, въ своемъ данномъ видѣ, будутъ еще имѣть для него матеріальное значеніе.

Славянофильство есть не что иное, какъ мистицизмъ народнаго самолюбія. Сознаніе, что мы отстали отъ Европы, нестерпимо для нѣкоторыхъ раздражительныхъ умовъ, которые принимаютъ за патріотизмъ народное тщеславіе, и думаютъ, что большое географическое протяженіе имѣетъ право на особую цивилизацію. Пріятно однимъ почеркомъ пера смѣнить смиренность на гордыню и, вмѣсто „мы от-

стали", стараться вбить себѣ въ сознаніе, будто „мы перегнали". Прочтите, что нынче пишетъ г. Достоевскій о славянскомъ призваніи Россіи. Онъ очень полезенъ тѣмъ, что можетъ напомнить нашимъ либераламъ, каково истинное значеніе тѣхъ словъ, которыя они у славянофиловъ переняли. Въ сущности, у славянофиловъ всѣ начала, даже община, занимаютъ второе мѣсто въ сравненіи съ главнымъ (по ихъ мнѣнію) отличіемъ нашимъ отъ Европы—православіемъ. Мы уважаемъ религіозныя вѣрованія, но не можемъ не сказать, что культурнымъ и политическимъ воззрѣніямъ, основаннымъ на особенностяхъ какого-либо вѣроисповѣданія, мѣсто не въ публицистикѣ. У нея долженъ быть научный методъ, а не экстазъ, она имѣетъ дѣло съ видимымъ, а не съ невидимымъ міромъ, съ дѣловыми мнѣніями, а не съ мистическими вѣрованіями. А впрочемъ, даже и съ точки зрѣнія вѣрованій, нельзя не замѣтить, что вѣрованіе требуетъ прежде всего священнаго авторитета. Между тѣмъ, ни св. соборы и ни одинъ изъ русскихъ іерарховъ никогда не утверждали догмата, что раса славянская призвана смѣнить расы греко-латинскую и англо-саксонскую, и обновить человѣчество. Для подобнаго *вѣрованія* имѣются только авторитеты весьма некомпетентные, а для такого *убѣжденія* не имѣется ни одного серьёзнаго факта.

Стойкость русскаго народа въ вѣковомъ сохраненіи вѣчевыхъ общинныхъ началъ представляетъ явленіе грандіозное и поучительное. Но оно важно для насъ только какъ примѣръ, а не какъ откровеніе. Тѣ же начала намъ извѣстны изъ европейской жизни и отсылать насъ „къ деревнѣ", для отысканія ихъ, совершенно излишне. Культурныхъ идеаловъ мы тамъ *не найдемъ*, а идеалы общественные, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть рѣшенія общественныхъ народныхъ задачъ не лежатъ въ одномъ мѣстномъ слоѣ, въ видѣ скрытаго въ немъ именно сокровища, зарытаго въ немъ одномъ клада,—ни въ деревнѣ, ни въ городѣ; они носятся надъ всей страной и вѣрнѣе могутъ быть угаданы изъ итоговъ народной жизни, изъ совокупности условій всего народнаго быта, при помощи науки, чѣмъ изъ подробностей сельскаго, городского или фабричнаго житья, подробностей, которыя, при всей своей реальности, могутъ быть понимаемы различно и толкуемы произвольно. Мы не были „въ деревнѣ", куда насъ теперь приглашаютъ, въ то время, когда сознали необходимость освобожденія крестьянъ. Насколько это сознаніе было „вычитано нами изъ нѣмецкихъ книжекъ", какъ въ томъ насъ упрекаютъ, и насколько почерпнуто изъ непосредственнаго нашего сознанія, какъ части народа, это—все равно. Мы принадлежимъ къ европейскому обществу и, будучи солидарны съ европейской мыслью, пользуясь европейской

наукой, сохраняемъ въ себѣ народное сознаніе, потому что мы не что иное, какъ образованная часть народа. Нѣмецкія книжки не помѣшали большинству общества желать освобожденія крестьянъ съ надѣломъ, а не безъ него, потому что мы сами — русское, а не нѣмецкое общество, и если мыслимъ съ Европой, то чувствуемъ съ народомъ. Начало, лежащее въ сельскомъ мірскомъ управленіи, есть только ископаемый остатокъ тѣхъ учрежденій, которыя возникли въ Руси тогда, когда она еще не была отчуждена отъ западной Европы. Нѣтъ никакой причины отрекаться отъ науки и проводить нашъ сельскій міръ чрезъ вѣка „самобытнаго" развитія, чтобы убѣдиться, соотвѣтствуютъ ли ему современныя европейскія начала; они вытекли изъ той самой идеи, которая у насъ сохранилась въ сельскомъ мірскомъ управленіи. Науки точнѣйшія, по своему методу, чѣмъ соціологія, не нуждаются въ подобныхъ экспериментахъ. Натуралистъ, не колеблясь, признаетъ разновидности рода за одинъ родъ, не ожидая вѣкового опыта, которымъ можно было бы возвратить одну разновидность къ тождеству съ другой разновидностью.

Русь нѣкогда была Европой, и Россія должна быть Европой; та самобытность, которую произвели вѣка гнета и невѣжества, исчезнетъ вслѣдствіе реформъ и образованія. Для рѣшенія общественныхъ народныхъ задачъ дорога у всѣхъ одна: наука и голосъ народа. Что касается культурныхъ понятій, то въ нихъ и отражается именно національное отличіе; они сами видоизмѣняются съ теченіемъ времени, но измѣнить ихъ совѣтами или усиліями нельзя, хотя литература можетъ въ каждый данный моментъ содѣйствовать ихъ уясненію или запутанности.

У насъ слишкомъ много занимаются вопросомъ о томъ, „чѣмъ намъ быть" и слишкомъ мало уясняютъ себѣ фактъ „чѣмъ мы есть". Консерваторы видятъ идеалъ и монопольный органъ нашего развитія въ дворянскомъ землевладѣніи, либералы—въ крестьянскомъ землевладѣніи, иностранные писатели о Россіи—въ созданіи у насъ буржуазіи. Однимъ словомъ, всѣ хотятъ передать нашу будущность въ руки элементовъ еще неизвѣстныхъ, несуществующихъ, ставятъ одно уравненіе съ двумя неизвѣстными величинами, изъ которыхъ одна—искомый идеалъ нашей будущности, а другая, служащая къ опредѣленію первой—величина предполагаемая, еще несуществующая, стало быть также неизвѣстная. Но рѣшать уравненіе съ двумя неизвѣстными значитъ только забавляться, тѣшить себя. Англійской gentry у насъ нѣтъ, буржуазіи въ томъ смыслѣ, какъ ее предполагаютъ создать иностранные писатели, у насъ нѣтъ, наконецъ политически-сознательнаго крестьянства у насъ также нѣтъ. Неужели

же устранять въ пользу несуществующихъ элементовъ тотъ совершенно реальный элементъ, который у насъ дѣйствительно находится и который представляется просто всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ?

Въ немъ у насъ соединяются всѣ три названные европейскіе элемента. Въ отдѣльности они у насъ не существуютъ, но нравственныя свойства каждаго изъ нихъ, то-есть именно то, что̀ имѣетъ наиболѣе цѣны, у насъ есть, иначе мы совсѣмъ не были бы похожи на Европу. Только соединены они въ одномъ, неограниченномъ никакими сословными рамками, классѣ. Такъ, понятіе gentry о службѣ государству, о спеціальной передъ нимъ обязанности, есть основное понятіе нашего образованнаго класса, для котораго ядромъ было служилое сословіе; понятіе о правахъ личности или „правахъ человѣка", независимо отъ сословности, то самое понятіе, которое было выдвинуто европейскою буржуазіею, присуще у насъ классу, въ огромномъ большинствѣ основанному на личной заслугѣ; понятіе о всенародности, о волѣ массы, не можетъ быть чуждо у насъ тому классу, который вербуется изъ народа же, который болѣе и болѣе пополняется людьми свѣже-вышедшими изъ массы. Классъ этотъ—единственный хранитель государственной традиціи за два вѣка; онъ европейски образованъ и если даже допустить, что въ своемъ большинствѣ уступаетъ относительно образованности европейской буржуазіи, то уже несомнѣнно выше ея по чувству своей солидарности съ государствомъ; онъ гораздо великодушнѣе европейской буржуазіи, менѣе эгоистиченъ и узокъ въ своихъ понятіяхъ, болѣе готовъ къ самопожертвованіямъ, однимъ словомъ, онъ классъ болѣе государственный, чѣмъ робкая, себялюбивая и презирающая неимущіе классы буржуазія. По положенію своему, онъ соотвѣтствуетъ западной буржуазіи, но въ немъ есть и лучшее свойство западнаго дворянства, и элементы чисто-народные. Несмотря на разнообразіе своихъ составныхъ частей, онъ цѣленъ, потому что части эти не обособляются въ кристаллическихъ формахъ, но остаются въ растворѣ. Г. Фаддѣевъ называетъ это распущенностью, а мы называемъ это цѣльностью, единствомъ.

Если въ этомъ классѣ обстоятельства вызвали разбродъ, то все-таки разбродъ не сословный, а личный, общій всѣмъ членамъ класса въ одиночку, разбродъ временный, зависящій отъ неудовлетворенности, но поддерживаемый искусственно публицистикой, когда она приглашаетъ наши единственныя наличныя умственныя силы не только остаться въ „разочарованіи", но еще отречься отъ самихъ себя, признать самихъ себя негодными и ненужными для выработки будущаго, которое будто бы сидитъ гдѣ-то тамъ, „въ деревнѣ" и

когда-нибудь внезапно придетъ къ намъ, какъ „женихъ въ полунощи". Когда и откуда бы ни пришелъ „женихъ въ полунощи", намъ не слѣдуетъ уподобляться спящимъ дѣвамъ, но тѣмъ, у которыхъ не погасъ свѣтильникъ.

Если публицистика и литература искренно хотятъ „оживленія" русскаго общества, то прежде всего онѣ должны ободрять его какъ законное, полноправное дитя русскаго народа, а не предъявлять сомнѣніе въ законности его рожденія и правахъ его представлять собою отечество. Временное уныніе произвело такую запутанность понятій, что русское общество какъ-то не смѣло смотритъ на самого себя. А между тѣмъ, единственно истинное и здоровое правило въ общественной, какъ и въ частной жизни — быть самимъ собою, не стыдиться себя и не преувеличивать ни своихъ достоинствъ, ни своихъ силъ. Русское общество—европейское общество, и идеалы его—общеевропейскіе идеалы. Если оно въ настоящее время запутанности не признается въ нихъ даже самому себѣ, то все-таки думаетъ и можетъ думать только о нихъ. Внѣ общеевропейскихъ началъ еще не открыто формулы, а за ними—опытъ передовыхъ народовъ.

Наше образованное общество должно смѣло признаваться себѣ въ томъ, что̀ думаетъ, и не отрекаться, но исполнять свое назначеніе... Общеевропейскія начала, которыя легли въ основу нашихъ реформъ, оно должно проводить въ жизнь, въ службѣ, въ земской и во всякой частной дѣятельности. Нужды нѣтъ, что дѣятельность его ограничена этими сферами; не одни актеры способствуютъ успѣху драматическаго представленія, но и сами зрители. Не только въ роли дѣятелей, но хотя бы только въ качествѣ зрителей можно имѣть вліяніе на успѣхъ развитія, нравственно относясь такъ или иначе къ различнымъ фактамъ. Возьмемъ въ примѣръ печать. Если она нѣсколько виновна передъ современнымъ обществомъ, то и общество не безъ вины передъ нею. Входитъ ли оно въ ея положеніе, затрогиваетъ ли его за живое тотъ или другой фактъ изъ судьбы журналистики? Достаточно ли вы помните ихъ, сознаете ли вы въ ней филіацію, преемственность хода русской мысли, и дорожите ли вы печатью въ этомъ смыслѣ?

Повторяемъ, уже само нравственное вліяніе зрителей бываетъ весьма велико, если только зрители ясно отдаютъ себѣ отчетъ и бодро признаются себѣ въ томъ, чего они хотятъ. Общество безсословное и демократическое, вы сочувственно относитесь къ той части либеральной программы, которая проведена въ безсословности, демократичности нашихъ реформъ, но сочувствіе ваше не можетъ на этомъ остановиться.

Въ общественномъ и частномъ быту у насъ нѣтъ тѣхъ стимуловъ, которые представляются въ другихъ странахъ сословнымъ отличіемъ, интересомъ кружковъ и солидарностью съ ними ихъ членовъ. Но у насъ есть плодотворная идея, соотвѣтствующая исторіи русскаго общества—идея личной заслуги. Она вполнѣ пригодна и въ будущемъ. Каждый человѣкъ долженъ создать себѣ личную цѣну, пріобрѣсть себѣ положеніе личною работой, заслугой. Разница съ прошлымъ только та, что теперь здѣсь должна разумѣться не одна заслуга въ государственной службѣ, но вообще заслуга передъ обществомъ, передъ всѣмъ народомъ. Пусть публицистика ободряетъ общество къ ясному сознанію его силъ и назначенія, а литература представляетъ намъ типы живыхъ членовъ общества, исполняющихъ его историческое назначеніе—вносить и поддерживать европейскія начала въ народную дѣйствительность, не насилуя тѣхъ народныхъ формъ, которыя своеобразны, но нисколько не противорѣчатъ современной европейской культурѣ, представляющей высокій фазисъ развитія той самой идеи, остатокъ которой уцѣлѣлъ у насъ въ народномъ сельскомъ мірѣ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е августа, 1876.

Война на Балканскомъ полуостровѣ.

Мнѣніе о достигнутомъ доселѣ результатѣ военныхъ дѣйствій славянъ противъ турокъ можетъ быть различно, смотря по тому, чего мы ожидали. Если мы ожидали, что регулярныя, но худо содержимыя и худо оплачиваемыя, лишенныя одушевленія турецкія войска неспособны стойко выдерживать въ открытомъ полѣ натиска полныхъ народнаго энтузіазма и природной воинственности славянскихъ дружинъ, а населенія Босніи и Болгаріи только ожидали перваго движенія сербовъ и черногорцевъ, чтобы возстать поголовно противъ своихъ притѣснителей, въ такомъ случаѣ мы должны быть недовольны и, какъ водится въ такихъ случаяхъ, готовы приписать неуспѣхъ ошибочному плану славянскихъ вождей. Въ самомъ дѣлѣ, тому взгляду на обстоятельства, который только-что очерченъ, соотвѣтствовала бы иная, болѣе рѣшительно-наступательная система дѣйствій. Вмѣсто того, чтобы раздѣлять свои силы на шесть, даже семь отрядовъ, дѣйствующихъ на западѣ въ Босніи и Герцеговинѣ, на югѣ у Новаго-Базара и Сѣнницы, на юговостокѣ и востокѣ противъ Ниша и передъ Виддиномъ, и принужденныхъ, по необходимости, за шагомъ впередъ, къ наступленію, дѣлать шагъ назадъ, къ оборонѣ, можно было дѣйствовать смѣлѣе. Допустимъ на минуту, что вмѣсто славянскихъ ополченій были бы регулярныя войска, сверхъ того, что босняки и болгары столь же готовы къ возстанію, какъ были нѣкогда венгры и итальянцы противъ Австріи. Въ такомъ случаѣ Герцеговина и Боснія могли бы быть предоставлены черногорцамъ, а въ Сербіи, въ Княжевацѣ могла быть оставлена одна оборонительная дивизія для наблюденія за турецкими гарнизонами Ниша и Виддина. Всѣ же остальныя силы Сербіи могли бы быть обращены къ наступленію на югъ, сперва на Сѣнницу, чтобы установить прочную связь съ Черногоріею и отрѣзать всѣ сухопутныя пути изъ внутреннихъ провинцій Турціи въ Герцеговину и Боснію. Затѣмъ, дѣломъ черногорцевъ было бы отрѣзать морскіе пути туда же, чрезъ Клекъ и Антивари, и движеніемъ на Мостаръ, потомъ на Сараево, поддержаннымъ всеобщимъ возстаніемъ герцеговинцевъ и босняковъ, уничтожить турецкія силы въ Герцеговинѣ и Босніи, совершенно отрѣзан-

ныя отъ Турціи и лишенныя возможности получать какія-либо подкрѣпленія. Между тѣмъ, главныя силы сербовъ могли обратиться отъ Сѣнницы и Рашки по рѣкѣ Ибару на Новый-Базаръ и Митровицу, которая служитъ „головою" салоникской желѣзной дороги. Тогда отъ внутреннихъ провинцій Турціи была бы отрѣзана и Албанія, а при помощи поголовнаго возстанія болгаръ сербскія войска могли бы, наконецъ, генеральнымъ сраженіемъ между Софіею и Филиппополемъ, рѣшить участь войны, угрожая Адріанополю; однимъ словомъ, при помощи возстанія въ Болгаріи, не только нейтрализовать турецкія силы Ниша и Виддина, но и произвесть въ тылу ихъ такую диверсію, которая заставила бы самого Абдулъ-Керима стянуть свои войска къ Софіи и Филиппополю и дать здѣсь большое сраженіе, которое или уничтожило бы сербскую армію, или отдало бы въ руки сербовъ ту желѣзную дорогу, которой послѣдняя станція—Константинополь.

Мы начертили этотъ воображаемый планъ не потому, чтобы хотѣли забавляться стратегическимъ сочиненіемъ, но для того, чтобы сгруппировать и привесть въ связь все, что можно, въ видѣ сѣтованій, противопоставить тому образу дѣйствій, какому слѣдовали славянскіе вожди въ дѣйствительности. И однакожъ, оказывается, что планъ подобный начертанному могъ быть основанъ только на такихъ двухъ данныхъ, которыхъ въ дѣйствительности не оказывается. Во-первыхъ, турецкія регулярныя войска не уступаютъ сербской милиціи въ стойкости; наоборотъ, сербскія войска нуждаются еще въ пріученіи къ правильности дѣйствій подъ огнемъ; во-вторыхъ, ни Ранко Алимпичъ въ Бѣлинѣ, ни Черняевъ при Акъ-Паланкѣ, ни Лѣшанинъ за Тимокомъ, не встрѣчали еще, повидимому, ни одной вооруженной банды возставшихъ босняковъ и болгаръ, стремящихся на соединеніе съ ними, хотя видѣли обозы безоружныхъ жителей, бѣгущихъ отъ ужасовъ, совершаемыхъ турками.

При такомъ положеніи дѣлъ, мы не имѣемъ права упрекать сербскихъ вождей въ излишней осторожности и медленности, и если даже въ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ замѣчаемъ нѣкоторое колебаніе, то можемъ порицать ихъ планъ развѣ только въ подробностяхъ, но не въ сущности, не въ основномъ его наступательно-оборонительномъ свойствѣ. Мы должны признать, что болѣе рѣшительный и односторонній, то-есть исключительно разсчитанный на наступленіе, планъ былъ бы сумасбродствомъ. Мы должны имѣть въ виду, что сербскіе вожди хотя несравненно лучше насъ знали реальныя условія, то-есть свойства своей арміи и непріятеля, но все-таки знали не все, а именно не могли знать съ точностью, какое нравственное впечатлѣніе произведетъ первое движеніе сербовъ на христіанское насе-

леніе, подвластное Турціи. Поэтому, располагая пока только силами малочисленнаго народа противъ весьма значительнаго государства, они должны были имѣть въ виду оборону Сербіи не менѣе, чѣмъ наступленіе противъ Турціи. Для обороны нужно было дробленіе силъ на западъ, югъ и востокъ; для наступленія осторожнаго нужно было также дробленіе; естественно было устроить по всѣмъ сербскимъ границамъ родъ лагерей въ видѣ центровъ, фокусовъ для предполагаемаго общаго возстанія райи. При такихъ соображеніяхъ Нишъ и Виддинъ получали, очевидно, гораздо бóльшее значеніе, чѣмъ въ томъ смѣломъ, но совершенно гадательномъ предположеніи, которое было изложено выше. Если сербскіе отряды не должны были удаляться много отъ сербскихъ границъ, то имъ естественно было предметомъ первыхъ наступательныхъ дѣйствій на юго-востокѣ и востокѣ избрать—пресѣченіе сообщеній этихъ крѣпостей съ внутренними провинціями Турціи. Таковъ былъ смыслъ перваго движенія отрядовъ корпуса Черняева по болгарской Моравѣ, къ югу отъ Ниша и къ востоку отъ него, на Акъ-Паланку, между тѣмъ какъ главныя его силы направлялись на Бабину-Главу. Что касается вступленія въ Боснію, сближенія сербскихъ войскъ къ Черногоріи, съ пресѣченіемъ туркамъ сухопутныхъ сообщеній съ Герцеговиной и Босніею, наконецъ, наступленія черногорцевъ на Мостаръ и вмѣстѣ на пути сообщенія съ морскими портами, то и всѣ эти требованія были исполнены, но не безъ оглядки, а съ необходимой по обстоятельствамъ осторожностью.

Ранко Алимпичъ перешелъ границу на сѣверозападѣ, но остановился тамъ, передъ Бѣлиной; Захъ и Чолокантичъ на югѣ сдѣлали движеніе на Новый-Базаръ и на Сѣнницу, то-есть приближаясь съ одной стороны къ салоникской желѣзной дорогѣ, а съ другой къ Черногоріи, но также не рѣшились значительно удалиться отъ сербской границы. Все это были указанія того самаго плана, который изложенъ выше, но не болѣе, чѣмъ указанія. Наконецъ, черногорцы, имѣющіе, по природѣ своей страны, наименѣе причинъ опасаться быстраго вторженія въ нее непріятеля, могли слѣдовать естественному плану наступленія болѣе рѣшительнымъ образомъ—и такъ и сдѣлали, двинувшись на Мостаръ, и дойдя до Благая, который всего въ 10—15-верстахъ отъ Мостара, а вмѣстѣ направивъ герцеговинскихъ усташей на сообщенія съ Клекомъ.

Теперь спрашивается, въ чемъ же собственно заключаются тѣ неудачи, въ которыхъ обвиняютъ славянскихъ вождей? Если онѣ заключаются въ томъ, что въ Болгаріи доселѣ не возникло серьёзнаго возстанія, а въ Босніи возстаніе не приняло пока бóльшихъ противъ прежняго размѣровъ, то это, конечно, важный неуспѣхъ, но

это не есть неудача сербскихъ вождей и не можетъ быть поставлено имъ въ вину. Безъ серьёзнаго возстанія въ Болгаріи, наступленіе Черняева внутрь Болгаріи, съ пренебреженіемъ крѣпостей Ниша и Виддина, немыслимо. Безъ поголовнаго вооруженія босняковъ въ тѣхъ сѣверныхъ округахъ, куда выступилъ Алимпичъ, движеніе его внутрь Босніи, на Сараево, невозможно, такъ какъ оно открыло бы путь туркамъ въ обходъ его съ запада, изъ крѣпости Большого-Зворника. Наконецъ, Захъ и Чолокантичъ, нынѣ принявшій начальство надъ всѣмъ южнымъ отрядомъ, не могли захватить салоникской дороги и исполнить ту важнѣйшую часть всего дѣла, которая при рѣшительномъ наступленіи должна была бы выпасть именно на долю южнаго отряда, уже по малочисленности его (до 20-ти тысячъ чел.), которая обусловлена дробленіемъ силъ, необходимымъ для оборонительной системы. Что касается Лѣшанина, дѣйствующаго изъ Зайчара противъ Виддина, то назначеніе его отряда (12 т. чел.) было уже безусловно оборонительное: Виддинъ стоитъ въ томъ углу турецкой территоріи, который наиболѣе врѣзывается въ Сербію, и въ Зайчарѣ сосредоточиваются нѣсколько дорогъ. Въ виду неоправдавшихся доселѣ ожиданій возстанія въ Болгаріи, можно, наоборотъ, сказать, что сербскіе вожди весьма удачно избрали оборонительный планъ, ограничиваясь выставленіемъ впереди границъ нѣсколькихъ отрядовъ, которые должны были служить какъ для защиты Сербіи, такъ и для вызова наружу возстанія, еслибы оно имѣло произойти.

Турки хорошо поняли всю важность возстанія болгаръ въ тылу ихъ передовой, лучшей арміи, и это доказывается тѣмъ страшнымъ истребленіемъ и жестокостями, которыя они стали производить въ Болгаріи, казня и сожигая все по малѣйшему подозрѣнію и даже безъ подозрѣнія; цѣлью ихъ было удержать болгаръ отъ возстанія террором, и доселѣ они достигли своей цѣли.

Намъ слѣдовало бы теперь, для полной оцѣнки бывшихъ доселѣ военныхъ дѣйствій, разсказать ихъ съ нѣкоторой подробностью и опредѣлить боевое положеніе дѣлъ. Но такъ какъ эти страницы выйдутъ въ свѣтъ дней черезъ десять послѣ составленія, то новѣйшіе факты измѣнятъ то положеніе дѣлъ, которое мы могли бы очертить. Поэтому мы ограничимся нѣсколькими словами, имѣя главной цѣлью только показать, что если есть неуспѣхъ, то онъ зависитъ отъ неудачи возстанія въ Болгаріи, а не отъ неудачъ славянскихъ вождей.

Дѣйствія Черняева противъ Ниша, овладѣніе въ виду этой крѣпости одной турецкой позиціей были правильны и осторожны. Необходимъ былъ первый успѣхъ, чтобы произвесть нравственный результатъ, и первое движеніе Черняева достигло этой цѣли, причемъ понесены ничтожныя потери. До какой степени со стороны сербовъ со-

блюдается осторожность, ясно, во-первыхъ, изъ того, что Черняевъ однажды велѣлъ передовому отряду Стратимировича очистить Акъ-Паланку, которая всего верстахъ въ 30-ти отъ Ниша, считая этотъ пунктъ слишкомъ выдающимся впередъ отъ главной сербской линіи. Потомъ Акъ-Паланка досталась сербамъ безъ бою, но впослѣдствіи, на военномъ совѣтѣ въ Парачинѣ, признано было необходимымъ, чтобы Черняевъ оставилъ не только Акъ-Паланку, но даже свою позицію на Бабиной-Главѣ. Неудачи тутъ никакой не было. Для обороны Сербіи совершенно все равно, стоитъ ли моравскій корпусъ (Черняева) на Бабиной-Главѣ или еще ближе къ границѣ, если только онъ находится между Нишемъ и Виддиномъ. Пока серьёзное наступленіе невозможно, то чѣмъ болѣе осторожности, тѣмъ лучше.

Менѣе понятно было движеніе изъ Зайчара къ Виддину, и то сраженіе, данное Черняевымъ, поддерживавшимъ Лѣшанина, въ которомъ палъ Кирѣевъ. Сколько-нибудь прочнаго успѣха здѣсь быть не могло, такъ какъ о взятіи Виддина или хотя бы только объ обложеніи такой крѣпости не могло быть рѣчи, а новаго нравственнаго впечатлѣнія не требовалось; это значило рискнуть уменьшить значеніе перваго успѣха. Такъ, къ сожалѣнію, и случилось. Это должно быть признано неудачей, но она не имѣла никакого вліянія на положеніе дѣлъ, такъ какъ сербы сохранили прежнія свои позиціи и впослѣдствіи отбили турокъ отъ Великаго-Извора назадъ, на турецкую территорію.

Отряды ибарскій (Заха и Чолокантича) и дринскій (Алимпича) доселѣ не предпринимали столь наступательныхъ дѣйствій, какъ отряды моравскій (Черняева) съ тимокскимъ (Лѣшанина), за исключеніемъ успѣшнаго движенія Чолокантича къ Сѣницѣ и Кладницѣ, которое было, впрочемъ, только слѣдованіемъ вдоль сербской границы, а не отдаленіемъ отъ нея, каковы были до нѣкоторой степени двѣ попытки Черняева. Главный успѣхъ Чолокантича и Алимпича заключался пока въ томъ, что они отразили нѣсколько турецкихъ нападеній; неудачи на Ибарѣ и Дринѣ, стало быть, никакой не было.

Единственная боевая неудача, постигшая славянъ, кромѣ дѣла на Тимокѣ, гдѣ былъ убитъ Кирѣевъ, выпала на долю черногорцевъ, и она отчасти уже поправлена въ тотъ день, когда мы пишемъ эти строки. Мы уже сказали, что черногорцы, болѣе спокойные насчетъ своей страны, чѣмъ сербы, дѣйствовали болѣе рѣшительно въ смыслѣ наступленія въ Герцеговину. Они подошли-было къ самому Мостару, который находится уже верстахъ въ 70 отъ черногорской границы, и заняли въ виду его Благай. Но затѣмъ, по ошибкѣ Радонича, командовавшаго авангардомъ, они проиграли сраженіе при Билинѣ 11 (23) іюля, и отступили къ Корито, т.-е. приблизились обратно къ

Черногоріи болѣе, чѣмъ на полпути отъ черногорской границы до Мостара. Впрочемъ, турецкій командующій Мухтаръ-паша не рѣшился немедленно преслѣдовать ихъ, такъ что черногорцы не были разстроены и потомъ могли чрезъ пять дней, а именно 16 (28) іюля, выдержать новое сраженіе, на этотъ разъ при Врбицѣ, въ которомъ разбили Мухтара и взяли много турокъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного пашу. Однако надо замѣтить, что Врбица (близъ Билека) лежитъ еще ближе къ черногорской границѣ, чѣмъ Корито; стало быть, черногорцы продолжали отступленіе, преслѣдуемые Мухтаромъ и, слѣдовательно, первый ихъ походъ на Мостаръ не удался. Понятно, что такъ какъ возстаніе въ Босніи не приняло пока размѣровъ бо́льшихъ, чѣмъ прежде, то Мухтаръ могъ направить всѣ свои силы на князя Николая черногорскаго. Затѣмъ представлялись здѣсь два вопроса: должна ли была побѣда черногорцевъ при Врбицѣ послужить поворотомъ къ новому наступленію ихъ на Мостаръ, или же нѣтъ, и если бы Мухтаръ, получивъ подкрѣпленія, продолжалъ идти по пятамъ дальнѣйшаго отступленія черногорцевъ, то не вызвало ли бы это оттягиваніе турецкихъ силъ къ Черногоріи усиленія возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи?

Что касается дипломатическаго положенія вопроса въ настоящее время, то, сколько извѣстно, рейхштадтское свиданіе устранило весьма важное затрудненіе. Изъ оффиціальной переписки, сообщенной англійскому парламенту, оказывается, что Австрія противилась идеѣ объ автономіи Герцеговины и Босніи, то-есть о составленіи изъ нихъ новаго самостоятельнаго владѣнія, подвластнаго Турціи. Это разоблаченіе весьма важно: оно даетъ ключъ къ разъясненію безплодныхъ дипломатическихъ проектовъ, изъ-за которыхъ потеряно столько времени. Когда возстаніе въ этихъ областяхъ продержалось зиму и продолжало возрастать, когда Сербію и Черногорію приходилось уже почти насильно удерживать отъ вмѣшательства, было совершенно непонятно, какъ европейская дипломатія, вмѣсто проектовъ турецкихъ реформъ, не взялась прямо за мысль объ автономіи Герцеговины и Босніи, тѣмъ болѣе, что еще годъ тому назадъ о такой комбинаціи заговорили первыя въ европейской печати—газеты англійскія. Можно было думать, что комбинація эта должна была понравиться сентъ-джемскому кабинету уже потому, что, получивъ самостоятельность, Боснія лишилась бы шанса присоединенія къ Сербіи и, по всей вѣроятности, подпала бы вліянію Австріи. Но теперь мы узнали, что само австро-венгерское правительство этого не желало, подчиняясь притомъ, очевидно, уже не внушеніямъ изъ Берлина, но чисто-мадьярскимъ соображеніямъ своихъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ людей, такъ какъ примѣръ полученія самостоятельности пограничной съ австро-венгерской монархіею славянской областью былъ бы „вреднымъ“

примѣромъ для славянъ „соединенныхъ частей" венгерской короны.

Но та же дипломатическая переписка удостовѣряетъ, что „такой взглядъ вѣнскаго кабинета принадлежитъ уже къ области прошлаго", иными словами, что Австрія теперь не будетъ противиться автономіи Босніи и Герцеговины. Рейхштадтское свиданіе должно было укрѣпить и сдѣлать обязательнымъ для вѣнскаго кабинета такое измѣненіе въ его взглядахъ. Англія противъ автономіи этихъ провинцій не будетъ имѣть ничего, да и сама Порта охотно купила бы этой цѣною миръ даже и тогда, если бы ходъ войны былъ рѣшительно благопріятенъ для ея оружія, исключая развѣ такого крайняго случая, какъ занятіе турками и Цетинья, и Бѣлграда.

Оставивъ въ сторонѣ такой случай, какъ мало вѣроятный, мы должны будемъ признать, что нынѣшняя война безплодною для славянъ остаться не можетъ, хотя бы военные успѣхи сербовъ и черногорцевъ не были значительны. Даже въ томъ крайнемъ случаѣ, о которомъ сейчасъ упомянуто, въ случаѣ полнаго и повсемѣстнаго торжества турокъ, единственнымъ вреднымъ послѣдствіемъ могла бы быть для славянъ именно только неизбѣжная при такихъ обстоятельствахъ безплодность принесенныхъ ими тяжкихъ жертвъ. О лишеніи же самостоятельности Сербіи или о подчиненіи черногорцевъ Турціи, даже при совершенномъ пораженіи славянъ, никто не заикнется; самъ г. Дизраэли не рѣшился бы выступить съ такой политикой передъ британскимъ парламентомъ.

Затѣмъ, въ предположеніи, что при помощи неожиданныхъ успѣховъ возстанія среди райи, сербамъ удалось бы въ непродолжительномъ времени перенесть театръ войны внутрь Болгаріи, само собою разумѣется, дипломатіи не было бы никакого повода выходить изъ нейтралитета, обусловленнаго послѣднимъ сношеніемъ кабинетовъ. Въ этомъ предположеніи, славяне могли бы выиграть очень много, а сколько—это зависѣло бы уже отъ размѣровъ ихъ военныхъ успѣховъ: полную независимость Сербіи и нѣкоторыя территоріальныя пріобрѣтенія для обоихъ княжествъ, по меньшей мѣрѣ.

Наконецъ, разсмотримъ и тотъ случай, когда вмѣшательство дипломатіи имѣло бы поводъ состояться. Это предполагало бы, что война долгое время велась бы такъ, какъ она теперь ведется мѣсяцъ. Въ томъ видѣ, какъ она ведется доселѣ, нѣтъ причины, чтобы она не велась цѣлые годы. Пока не будетъ возстанія въ тылу главной турецкой арміи, въ Болгаріи, сербы не рѣшатся на рѣшительное наступленіе внутрь этой страны, будутъ держаться своихъ границъ, на которыхъ будетъ происходить рядъ безплодныхъ сраженій. А между тѣмъ, турки, несмотря ни на какія обѣщанія и слѣдственныя

коммиссіи, будутъ поддерживать въ Болгаріи терроръ тѣми злодѣяніями, которыя въ частностяхъ представляя продуктъ фанатизма и варварства, въ общности своей представляютъ явный стратегическій разсчетъ. Неужели же европейская дипломатія была бы въ состояніи, при такомъ положеніи дѣлъ, сохранять въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ принципъ невмѣшательства, предоставляя туркамъ рѣзать въ Болгаріи женщинъ и дѣтей, какъ то было съ греками въ ихъ войну за независимость? Это невозможно, потому что истекшее съ тѣхъ поръ полустолѣтіе дало голосу народовъ, общественному мнѣнію, гораздо болѣе вліянія на дѣйствія кабинетовъ, чѣмъ было въ двадцатыхъ годахъ.

Извѣстно, что уже теперь, всего послѣ мѣсяца турецкихъ злодѣйствъ въ Болгаріи, вопросъ о необходимости европейскаго вмѣшательства, о невозможности держаться до конца принципа laisser-faire, когда онъ производитъ такія послѣдствія, возникъ въ дипломатіи. Одна телеграмма изъ Парижа по всей вѣроятности вѣрно передавала общее настроеніе кабинетовъ, сообщая, что они готовы были бы на вмѣшательство теперь же, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшается первымъ выступить съ предложеніемъ о немъ. Такая нерѣшимость не можетъ, однако, продлиться годы. Ясно стало быть, что при продолжительной безплодности войны, Европа вмѣшается, придя къ какому-либо соглашенію, насчетъ высадки въ Клекѣ итальянскихъ войскъ, вступленіе которыхъ было бы наименѣе подозрительно для обѣихъ сторонъ, или насчетъ одновременнаго вступленія войскъ австрійскихъ и русскихъ въ Боснію, Сербію и Болгарію, русскихъ чрезъ Румынію. Въ этомъ случаѣ основаніемъ для замиренія, по всей вѣроятности, и послужило бы предоставленіе Герцеговинѣ и Босніи автономіи, такъ какъ противъ этого плана намъ не предвидится серьёзныхъ возраженій ни съ чьей стороны, и всего менѣе со стороны подчиненной Англіи Порты. Въ настоящую минуту было бы полезно вмѣшательство не военное, но дипломатическое, съ цѣлью прекратить рѣзню безоружныхъ болгаръ установленіемъ общаго перемирія. А болгарамъ слѣдовало бы теперь же составить меморію къ кабинетамъ, въ смыслѣ автономіи, и послать съ такой запиской почетныхъ лицъ, въ качествѣ депутатовъ, въ столицы великихъ державъ. Итакъ, всѣ предположенія, наиболѣе вѣроятныя, приводятъ къ такому заключенію, что общее положеніе славянскаго дѣла на Востокѣ стало болѣе благопріятнымъ со времени начала войны. Славяне въ лучшемъ случаѣ могутъ выиграть весьма многое, а въ худшемъ ничего не потеряютъ, кромѣ— легко сказать! — тѣхъ потоковъ крови, которые неизбѣжно сопровождаютъ всякое возстаніе и всякій опытъ исправить худой миръ доброй бранью.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 іюля, 1876.

Промышленный кризисъ и «аграріи».

Въ то время, какъ по заключеніи парламентской сессіи всегда наступаетъ болѣе или менѣе безусловное политическое затишье, нынѣшній годъ случилось какъ разъ наоборотъ, и не только—какъ это можно было бы думать—вслѣдствіе остраго состоянія, переживаемаго восточнымъ вопросомъ, сколько вслѣдствіе того, что во внутреннихъ дѣлахъ наступилъ переломъ, вызывающій всеобщее тревожное настроеніе.

Послѣдняя сессія была мало удовлетворительна, принимая во вниманіе ея продолжительность, и когда она окончилась, то всякій почувствовалъ, что у него какъ-бы скатилась гора съ плечъ. Несомнѣнно одно: что парламентская сессія завершилась диссонансомъ, который выразился со стороны правительства въ краткомъ и безцвѣтномъ заявленіи, съ какимъ оно распустило ландтагъ, со стороны же палаты депутатовъ въ томъ недовѣріи, съ какимъ она относится къ настоящимъ намѣреніямъ правительства, недовѣріи, проявляющемся уже въ первыхъ дѣйствіяхъ, предпринимаемыхъ партіями въ виду предстоящихъ осенью выборовъ. Это недовѣріе возбуждается прежде всего мракомъ, которымъ князь Бисмаркъ окутываетъ свои планы, чтб подаетъ поводъ, съ его желанія или противъ него, ко всякаго рода интригамъ и все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ мысли, что въ сущности онъ ничего лучшаго не желаетъ, какъ пораженія либеральной партіи, которое дастъ ему возможность вести реакціонную внутреннюю политику. О князѣ Бисмаркѣ мало-помалу сложилось такое мнѣніе, что онъ вообще мало смыслитъ въ вопросахъ внутренней политики и столько же мелокъ въ этой сферѣ. сколько великъ въ сферѣ внѣшней политики. Долженъ сознаться, что не вполнѣ раздѣляю это воззрѣніе. Государственный человѣкъ, выказывающій большіе таланты въ одной какой-нибудь сферѣ, не можетъ быть совершенной бездарностью въ другой, и князь Бисмаркъ доказалъ свою организаторскую способность германской имперской конституціей, которая главнымъ образомъ есть дѣло его рукъ. Гораздо сомнительнѣе то, насколько онъ интересуется преобразовательными законами въ сферѣ самоуправленія. Что касается перваго и главнѣйшаго изъ нихъ, окружнаго положенія, то онъ отстаивалъ его изъ всѣхъ

силъ, а такъ какъ всѣмъ остальнымъ министръ внутреннихъ дѣлъ всегда содѣйствовалъ, то нельзя допустить мысли, что онъ ими недоволенъ. Истинный корень зла заключается въ томъ, что въ Пруссіи все еще держатся анти-конституціоннаго воззрѣнія, что министры, тотчасъ же по вступленіи въ свою должность, должны прерывать всякія сношенія съ своими бывшими политическими единомышленниками и такимъ образомъ утрачиваютъ всякое вліяніе на нихъ, тогда какъ въ Англіи важнѣйшей задачей каждаго министра является связь съ его партіей, т.-е. съ парламентскимъ большинствомъ. Но, между общей дѣятельностью правительства и парламента существуетъ такая большая разница, что даже въ Англіи министерства зачастую расходятся во взглядахъ съ дружелюбнымъ большинствомъ, и тѣмъ больше возможна такая вещь въ Пруссіи, гдѣ ничто не можетъ помѣшать такому разладу. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что настоящее министерство не избрано изъ среды національ-либеральной партіи. Даже либеральнѣйшій изъ министровъ, Кампгаузенъ, не принадлежитъ къ этой партіи, хотя по своимъ политическимъ воззрѣніямъ довольно близко къ ней подходитъ. Слѣдствіемъ этого является то, что когда правительство и большинство разойдутся во взглядахъ, то необходимо установить соглашеніе, для чего министръ обращается къ вожакамъ партій, но это по бо́льшей части случается слишкомъ поздно, а потому оставляетъ непріятное ощущеніе, что уступили насильственному давленію.

Что сами вожаки національ-либеральной партіи неспокойны, доказываютъ многія заявленія съ ихъ стороны, такъ, напр., заявленіе фонъ-Беннигсена, непосредственно вслѣдъ за закрытіемъ парламентской сессіи, и рѣчь, которую недавно произнесъ Бамбергеръ передъ своими избирателями. Какъ тотъ, такъ и другой неопровержимо доказываютъ, что весь прогрессъ въ сферѣ законодательства, совершившійся за послѣднее десятилѣтіе, произошелъ отъ совмѣстныхъ усилій правительства и національ-либеральной партіи и что такъ должно быть и на будущее время. Но безусловнаго довѣрія не можетъ быть, такъ какъ извѣстно, что политическое развитіе не безусловно согласуется съ законами логики, а обусловливается совсѣмъ иными факторами. Эта неувѣренность выражается уже въ первыхъ мѣрахъ, которыя принимаются національ-либеральной партіей въ виду предстоящихъ выборовъ. Такъ, напр., въ провинціи Саксоніи произошло сліяніе между національ-либералами и прогрессивной партіей на такомъ основаніи, что обѣ, не утрачивая своей самостоятельности, смотрятъ другъ на друга, какъ на союзниковъ и во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ оказываютъ другъ другу поддержку. Газеты поднимаютъ по этому поводу страшный гвалтъ и нѣкоторыя даже ста-

раются доказать, что естественными союзниками прогрессивной партіи являются ультрамонтаны и что національ-либеральной партіи слѣдуетъ, поэтому, искать поддержки среди умѣренно-консервативныхъ элементовъ. Но справедливаго тутъ только то, что прогрессивная партія при различныхъ важныхъ голосованіяхъ вотировала за-одно съ ультрамонтанами, но чистѣйшимъ преувеличеніемъ будетъ утверждать на этомъ основаніи о симпатіи, соединяющей прогрессивную партію съ ультрамонтанами. Не слѣдуетъ, съ другой стороны, упускать изъ виду, что національ-либералы выдѣлились первоначально изъ прогрессивной партіи, и если они сами объявляютъ, что хотя отнюдь не отрицаютъ заслуги умѣренныхъ консерваторовъ и всегда готовы, когда нужно, совмѣстно дѣйствовать, но въ общихъ и главныхъ чертахъ все же ближе стоятъ къ прогрессивной партіи, чѣмъ къ консервативной,—то совершенно безплодно читать имъ нотаціи о томъ, что это-де не такъ. Дѣло очевидно таково, что какъ только національ-либералы замѣтятъ угрожающую опасность и стремленіе ихъ разъединить, такъ они немедленно вспоминаютъ о своей связи съ прогрессивными либералами и по возможности примыкаютъ къ послѣднимъ.

Мудрость такой политики тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что со стороны консерваторовъ мы видимъ совершенно противоположное. Теперь уже скоро годъ будетъ, какъ заговорили, сначала таинственно, а затѣмъ все громче, о намѣреніи образовать новую консервативную партію. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, существовало такое намѣреніе, то гораздо благоразумнѣе было бы поменьше о томъ говорить и побольше дѣйствовать, и въ одинъ прекрасный день выступить впередъ съ совершившимся фактомъ. Натурально, для этого существовалъ только одинъ разумный путь. Вожакамъ различныхъ консервативныхъ фракцій слѣдовало вступить другъ съ другомъ въ переговоры, испытать, въ какихъ пунктахъ ихъ воззрѣнія расходятся и въ какихъ согласуются, и возможно ли вообще между ними соглашеніе. Но ничего такого не произошло и первая попытка къ соглашенію консервативныхъ элементовъ, выразившаяся недавно въ формѣ программы нѣмецкой консервативной партіи, очень смахиваетъ на фіаско.

Программа содержитъ нѣсколько общихъ фразъ, подъ которыми могъ бы подписаться не только каждый консерваторъ, но и каждый либералъ. Такъ, напримѣръ, одна изъ этихъ фразъ вѣщаетъ: „мы желаемъ скрѣпить единство, завоеванное нашимъ отечествомъ, на основаніи имперской конституціи въ національномъ духѣ. Мы желаемъ, чтобы среди этого единства сохранились справедливая самостоятельность и самобытность отдѣльныхъ государствъ, провинцій и племенъ“.

При этомъ, конечно, каждый можетъ думать, какъ хочетъ; одинъ придаетъ больше значенія первому положенію, другой второму, и въ первомъ же практическомъ вопросѣ оказывается полнѣйшая разладица. Но самый щекотливый пунктъ програмы относится до церковной распри. Нѣмецкіе консерваторы объявляютъ, что считаютъ эту распрю, которую либералы, подъ видомъ „культурной борьбы", обращаютъ въ борьбу противъ христіанства, величайшимъ несчастіемъ для имперіи и для народа и готовы содѣйствовать прекращенію оной". Хотя далѣе и говорится, что консерваторы признаютъ за государствомъ право, въ силу своего самодержавія, регулировать свои отношенія къ церкви и желаютъ оказывать ему поддержку противъ притязаній римской куріи, но такъ какъ еще дальше они говорятъ, что не желаютъ никакихъ вторженій государственнаго законодательства въ сферу внутренней церковной жизни, и готовы въ этомъ смыслѣ пересмотрѣть законы, изданные во время борьбы,—то очевидно, что они намѣренно забываютъ при этомъ, что споръ идетъ именно о томъ, *гдѣ* начинается внутренняя церковная жизнь, или, вѣрнѣе, гдѣ она кончается. По мнѣнію ультрамонтановъ, послушаніе непогрѣшимому папѣ должно быть безусловное и неограниченное, и въ томъ случаѣ, когда госудáрство приходитъ въ столкновеніе съ повелѣніями папы, для католика нѣтъ другого выбора, какъ безусловное повиновеніе папѣ. Къ пересмотру церковно-политическихъ законовъ государство тоже готово, но лишь подъ условіемъ, что духовенство сперва признаетъ себя обязаннымъ повиноваться государственнымъ законамъ, и только *тогда*, когда это условіе будетъ выполнено, можно устранить нѣкоторую излишнюю суровость этихъ законовъ. Всеобщее мнѣніе таково, что какъ разъ этотъ пунктъ прикрываетъ враждебность къ теперешней политикѣ правительства и главнымъ образомъ къ министру Фальку. Но если правительство не окажетъ поддержки програмѣ, то-есть той партіи, которая за ней скрывается, то эта програма вполнѣ безцѣльна. Ультрамонтаны, которыхъ, по всей вѣроятности, желаютъ приманить вышеупомянутымъ заявленіемъ, отказываются вообще заключить предлагаемый союзъ, чего всегда и слѣдовало ожидать, такъ какъ они отнюдь не консервативная, да и вообще не политическая партія, а просто-напросто представители свѣтскихъ цѣлей своей церкви. Даже и тогда, когда случайныя обстоятельства вынуждаютъ ихъ примкнуть къ какой-нибудь другой партіи, то всегда лишь въ томъ разсчетѣ, чтобы эксплуатировать эту партію насколько возможно и затѣмъ преслѣдовать далѣе собственныя цѣли.

Само собой разумѣется, что при существующихъ обстоятельствахъ не можетъ не быть рѣчи въ политической програмѣ какой-либо

партіи объ экономическомъ вопросѣ. Матеріальное положеніе Германіи, безспорно, весьма неудовлетворительно, и консерваторы сваливаютъ вину въ томъ на господствующую либеральную систему, необузданную свободу, какъ они выражаются. Какъ разъ въ послѣднее время эта борьба снова разгорѣлась и ожесточилась, вслѣдствіе цѣлаго ряда случайностей. Во-первыхъ, тутъ повліяло сужденіе генеральнаго коммиссара Германіи на филадельфійской выставкѣ, талантливаго профессора Рёло (Reuleaux), возбудившее всеобщее вниманіе. Несомнѣнный фактъ, что нѣмецкая промышленность плохо представлена въ Филадельфіи. Уже численное отношеніе экспонентовъ показываетъ это. Въ Вѣнѣ, на выставкѣ 1873 г., число экспонентовъ доходило до 8663, а въ Филадельфіи ихъ всего 1001. Причины этого, конечно, очевидны: во-первыхъ, издержки провоза въ Филадельфію вдесятеро значительнѣе, чѣмъ издержки провоза на вѣнскую или парижскую выставку, а во-вторыхъ, при существующихъ таможенныхъ условіяхъ нѣмецкіе экспоненты не видятъ никакой возможности найти въ Америкѣ сбытъ для своихъ произведеній. Извѣстно также, что нѣмецкіе промышленники вначалѣ не имѣли ни малѣйшей охоты посылать свои товары на выставку въ Филадельфію, между тѣмъ нѣмецкое правительство и въ особенности Бисмаркъ, изъ понятнаго чувства національной гордости, желали, чтобы Германія была бы тамъ возможно блистательнѣе представлена. Поэтому правительство употребило все свое вліяніе на преданныхъ ему промышленниковъ, и только благодаря этому обстоятельству стало возможно теперешнее, все-таки сравнительно значительное участіе. Профессоръ Рёло оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о сравнительно незначительномъ числѣ экспонентовъ и говоритъ лишь о качествѣ выставленныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи онъ прежде всего упрекаетъ нѣмецкую промышленность въ томъ, что она придерживается правила давать дешевый, но плохой товаръ, и считаетъ это правило даже чѣмъ-то непреложнымъ. Конечно, было бы пріятнѣе, еслибы промышленность могла производить дешево и хорошо. Но весь вопросъ въ томъ, можетъ ли она это сдѣлать. Когда народъ пріученъ прежде всего цѣнить дешевизну товара, то промышленность безсильна внушить ему другой взглядъ. Покупщикъ указываетъ на свой тощій кошелекъ и объявляетъ, что не можетъ заплатить дороже. Такой споръ длится до безконечности, не приводя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Но еще больше шума надѣлало сужденіе профессора Рёло (высказанное имъ вообще въ фельетонѣ „Національной Газеты") касательно второго пункта.

Онъ говоритъ: „Германія не знаетъ больше никакихъ иныхъ мотивовъ въ ремесленныхъ и образовательныхъ искусствахъ, кромѣ

тенденціозно-патріотическихъ, которые, однако, неумѣстны на всесвѣтномъ рынкѣ и которыхъ не проявляетъ никакая другая нація. Германія утратила чувство безтенденціозной, самобытной красоты. Чувство стыда охватываетъ насъ, когда мы обозрѣваемъ выставку и наталкиваемся въ нашемъ отдѣлѣ на цѣлые батальоны марширующихъ Германій, Боруссій, императорскихъ кронпринцевъ, красныхъ принцевъ (подъ этимъ подразумѣвается принцъ Фридрихъ-Карлъ, который всегда изображается въ своемъ красномъ гусарскомъ мундирѣ), Бисмарковъ, Мольтке, Рооновъ, которые глядятъ на насъ изъ всѣхъ угловъ и со всѣхъ сторонъ изъ фарфора, цинка, бронзы, желѣза и глины, и нарисованные, вышитые, вытканные, отпечатанные, литографированные. И цѣлыхъ два Седана на художественной выставкѣ! О чемъ думала художественная коммиссія, при пріемѣ подобныхъ картинъ! И затѣмъ въ отдѣлѣ машинъ: семь-восьмыхъ пространства отведено для крупповскихъ гигантскихъ пушекъ, для смертоубійственныхъ машинъ, какъ ихъ называютъ, которыя выдѣляются какъ угроза среди мирныхъ произведеній, выставленныхъ другими странами. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ истинное выраженіе нѣмецкой миссіи? Не слѣдуетъ ли признать, что шовинизмъ и византійство развито у насъ въ непомѣрной степени? Не вынуждаемъ ли мы другія націи придти къ такому заключенію?"

Съ двухъ сторонъ сужденіе профессора Рёло встрѣтило чрезвычайное сочувствіе. Во-первыхъ, со стороны демократической, то-есть оппозиціонной печати. Эта послѣдняя всегда говорила, что послѣдствія войны очень вредно отзываются на ремеслахъ и искусствѣ и вообще на умственной жизни народовъ. И вотъ, теперь эти опасенія подтверждаются человѣкомъ, котораго нельзя заподозрить въ томъ, что онъ враждебенъ правительству; нѣкоторыя газеты утверждаютъ даже, что положеніе дѣлъ не улучшится, пока правительство не сократитъ арміи. Другіе, воспользовавшіеся сужденіемъ Рёло для своихъ цѣлей—это протекціонисты. Эти послѣдніе всегда утверждали, что промышленность, благодаря отмѣнѣ охранительной пошлины, падаетъ все ниже и ниже, и въ плохомъ представительствѣ нѣмецкой промышленности на филадельфійской выставкѣ усматриваютъ новое доказательство тому.

Одинъ восточный государь предложилъ, однажды, своимъ ученымъ вопросъ: почему, если въ сосудъ, до-верху налитый водой, бросить рыбу, то вода не расплещется. Ученые долго спорили вкривь и вкось, пока, наконецъ, одному не пришла въ голову умная мысль испытать, точно ли правда, что рыба, брошенная въ воду, наполняющую сосудъ до краевъ, не заставитъ ее расплескаться. Съ такого опыта слѣдовало начать, прежде чѣмъ обсуждать мнѣнія профессора Рёло. До-

статочно извѣстно, что нѣмецкая промышленность вообще представлена не такъ блистательно въ Филадельфіи, какъ бы того желалось. Но она достаточно блистательно представлена нѣкоторыми отдѣлами. Выставка фарфора съ королевской фарфоровой фабрики всѣми очень расхваливается, равно какъ и химическая выставка и еще нѣсколько другихъ промышленныхъ отраслей. Смѣшно, право, упрекать Круппа за то, что онъ выставилъ свои гигантскія пушки, потому что на какихъ же выставкахъ не фигурировали гигантскія орудія смерти?

Принявъ все это въ соображеніе, слѣдуетъ придти къ заключенію, что профессоръ Рёло высказалъ свои упреки нѣсколько необдуманно, и въ особенности это подтверждаетъ каталогъ художественныхъ произведеній. Въ немъ показано 12 скульптурныхъ произведеній, 165 масляныхъ и акварельныхъ картинъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся портреты кронпринца, князя Бисмарка, императора и графа Мольтке, одна картина, изображающая Седанъ и одна князя Бисмарка, въ его Лауенбургскомъ помѣстьи, гуляющимъ по лѣсу. Громадное же большинство посвящено совершенно безобиднымъ сюжетамъ: ландшафты, картины *жанра*, сюжеты изъ древней исторіи, и, вмѣсто того, чтобы упрекать художниковъ въ византійствѣ, можно скорѣе подивиться, что они въ такой возбужденный періодъ, какъ годы, слѣдовавшіе за войнами 1866 и 1870 г., были такъ мало возбуждены и увлекались самобытной красотой, помимо всякихъ патріотическихъ тенденцій. Ужъ не говорю про древнихъ грековъ, которыхъ, конечно, нельзя обвинять въ узколобомъ партикуляризмѣ и которыхъ пониманіе прекраснаго считается и по сіе время идеаломъ художественныхъ воззрѣній. Развѣ послѣ великихъ національныхъ войнъ, успѣшно оконченныхъ ими, въ твореніяхъ ихъ не проявлялась патріотическая гордость? И въ новѣйшее время, какому народу ставили въ упрекъ, если въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ прославлялъ геройскія дѣла своихъ современниковъ или предковъ? Напротивъ того, можно только дивиться, какъ мало истинно художественныхъ произведеній въ патріотическомъ духѣ породилъ настоящій періодъ. Я, конечно, не говорю про портреты или статуи, которыя могутъ считаться художественными произведеніями лишь въ извѣстномъ смыслѣ. Для того, чтобы они стали популярными, прославляемое ими лицо должно всегда быть представлено въ опредѣленной связи съ событіями. Французы отлично понимаютъ это. Ихъ изображенія Наполеона I въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ были такъ ловко задуманы, что обошли всю вселенную, и ихъ можно по сіе время необыкновенно часто встрѣтить внѣ Франціи. Напротивъ того, какъ мало прочныхъ слѣдовъ въ искусствѣ оставили у насъ даже такія событія, какъ семилѣтняя война, война за освобожденіе 1813—1815 гг. и послѣдняя война

Одно изъ самыхъ патріотическихъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснѣйшее драматическое произведеніе нѣмецкой литературы есть „Минна фонъ-Барнгельмъ", Лессинга, написанное въ послѣдній годъ семилѣтней войны. Оно является безсмертнымъ отраженіемъ чувствъ, одушевлявшихъ въ то время нѣмецкій народъ. Напротивъ того, послѣднія войны не вызвали въ литературѣ ни одного замѣчательнаго произведенія, несмотря на то, что государи особенно поощряютъ патріотическое направленіе въ искусствѣ. Таково рѣшеніе судьбы, съ которымъ невозможно бороться. Александръ Великій жаловался на то, что для него нѣтъ Гомера. Онъ не нашелъ даже сноснаго историка, и образъ великаго человѣка, который несомнѣнно могъ вдохновлять собою художниковъ, приходится возсоздавать по жалкимъ компиляціямъ. Я, конечно, не знаю, какимъ можетъ представляться иностранцамъ настроеніе Германіи. Сколько я могу судить, мнѣ кажется, оно вовсе не отличается непріятнымъ высокомѣріемъ. Дѣло было бы не важно, еслибы общественное мнѣніе не вводилось въ заблужденіе сужденіемъ такого человѣка и не начинало искать источника зла въ ложномъ мѣстѣ. Неоспоримо, что французская промышленность необыкновенно развилась послѣ войны, тогда какъ нѣмецкая пришла въ упадокъ. Нельзя отрицать того факта, что милліарды принесли такъ же мало пользы Германіи, какъ мало вреда Франціи. Но много обстоятельствъ обусловливаютъ это явленіе. На первомъ мѣстѣ стоитъ то, что Франція необыкновенно богато одаренная природою страна. Годы, слѣдовавшіе за войною, были особенно плодородны, и такимъ образомъ явилась возможность въ сравнительно короткій срокъ исправить ущербъ, нанесенный войною. Далѣе, всѣмъ извѣстно, что французъ вообще болѣе искусный работникъ и даже болѣе бережливый человѣкъ, чѣмъ нѣмецъ. Неудачи послѣдней войны были очень чувствительны для французовъ, и они рѣшили—что, конечно, дѣлаетъ имъ честь—напряженными усиліями вознаградить утраченное и снова завоевать первенствующее мѣсто, занимаемое ими нѣкогда. Быть можетъ, слова мои покажутся циничными, но такъ какъ дальше я намѣренъ говорить о вредномъ вліяніи, какое оказываютъ на нѣмецкихъ рабочихъ соціалистическія теоріи и агитаціи, то не могу не затронуть вопроса: не содѣйствовало ли пораженіе парижской коммуны и жестокое возмездіе, выпавшее на долю ея участниковъ, тому, чтобы надолго обезоружить и подавить соціалистическія агитаціи во Франціи.

Во всякомъ случаѣ нельзя не признать за французами—и ни одинъ разумный нѣмецъ этого не отрицаетъ,—что они воодушевлены благороднымъ патріотическимъ духомъ и гораздо единодушнѣе, чѣмъ

это можно было бы думать, судя по раздорамъ партій въ національномъ собраніи. Единодушіе же и общія національныя стремленія всегда сообщаютъ величайшую силу странѣ, и въ этомъ именно отношеніи Германіи приходится очень плохо. Во-первыхъ, бросается въ глаза громадный раздоръ, поселенный борьбой государства съ католической церковью. Я и по сіе время убѣжденъ, что въ цѣломъ и въ общемъ правительство не могло дѣйствовать иначе, чѣмъ оно дѣйствовало; къ сожалѣнію, политика послабленій, которой держались почти полстолѣтія, до такой степени усилила римско-католическое духовенство, что оно можетъ вести войну съ государствомъ, не утрачивая всѣхъ надеждъ на успѣхъ. Третьей причиной раздвоенія интересовъ въ Германіи является все еще неискорененный партикуляризмъ нѣмецкихъ племенъ, и этотъ послѣдній проявляется всего рѣзче и опаснѣе тамъ, гдѣ онъ идетъ рука объ руку съ ультрамонтанствомъ, какъ это мы видимъ въ Баваріи. Далѣе, партіи относятся другъ къ другу гораздо съ бо́льшею враждебностью, чѣмъ это обусловливается различіемъ взглядовъ. Чисто политическія партіи, начиная съ прогрессивной и кончая консервативной, сравнительно такъ близки одна къ другой, что по-истинѣ не имѣютъ надобности съ такимъ ожесточеніемъ нападать другъ на друга, какъ онѣ это дѣлаютъ. Въ Англіи тоже ведется оживленная борьба партій, во время которой сильно разыгрываются страсти. Но долгой конституціонной жизнью партіи тамъ пріучены къ тому, что послѣдуютъ другъ другу въ управленіи дѣлами страны; поэтому онѣ стоятъ на одной почвѣ, тогда какъ въ Германіи консерваторы думаютъ, что власть монарха была бы ослаблена, еслибы министерство избиралось изъ среды парламентскаго большинства, а прогрессивныя, либеральныя партіи, неимѣющія никакой надежды попасть въ правительство, ожесточенно нападаютъ на противниковъ, обвиняя ихъ въ преслѣдованіи эгоистическихъ интересовъ. Но всѣ эти невыгодныя обстоятельства еще не объясняютъ громадной разницы въ матеріальномъ благосостояніи, существующей въ настоящее время между Франціей и Германіей. Вы, конечно, укажете мнѣ на то, что періодъ мошенническихъ предпріятій значительно содѣйствовалъ тому, чтобы нравственно и матеріально убить страну. Вы недавно изложили вашимъ читателямъ, на основаніи извѣстнаго сочиненія Глагау, исторію тѣхъ предпріятій, которыя, какъ полагаютъ, превратили въ прахъ французскіе милліарды.

Мнѣ всегда казалось, что паѳосъ г. Глагау нѣсколько искусственный, и что цѣль его произведенія, отдѣльныя главы которой первоначально были напечатаны въ „Gartenlaube,“ заключается главнымъ

образомъ въ удовлетвореніи личной вражды [1]). Мошенническій періодъ 1870—1873 г. не есть такое явленіе, которое распространяется только на одну Германію и вообще отнюдь не представляетъ чего-нибудь небывалаго и неслыханнаго. Въ Англіи, въ Америкѣ и въ Австріи, которыя однако не получали никакихъ милліардовъ, мошенничество проявлялось въ такихъ же громадныхъ размѣрахъ, какъ и въ Германіи. Въ эти годы тамъ повторялись тѣ же явленія, какія впервые проявились въ семнадцатомъ столѣтіи въ Нидерландахъ и о которыхъ одинъ англійскій писатель, Джонъ Френсисъ, говоритъ: „исторія тюльпанной маніи въ Голландіи такъ же поучительна, какъ любой подобный періодъ. Въ 1634 г. главные города Нидерландовъ предавались такой азартной игрѣ, которая одинаково увлекала богатыхъ, какъ и бѣдныхъ людей, и окончилась, какъ и всѣ подобныя эпохи, всеобщимъ разореніемъ". То самое можно сказать и про систему Лоу во Франціи, про мошенническую спекуляцію Южнаго моря въ Англіи и всѣ крупные промышленные кризисы, которые постоянно возвращались въ извѣстные промежутки времени. Одинъ писатель, который задолго до послѣдняго кризиса изучалъ сущность подобныхъ кризисовъ, перечисляетъ причины, приводящія къ нимъ и при этомъ замѣчаетъ, что самымъ опаснымъ элементомъ является злоупотребленіе кредитомъ и злоупотребленіе спекуляціей, наступающія преимущественно въ эпохи, слѣдующія за благополучно разрѣшившейся національной или гражданской опасностью или въ такія эпохи, когда открытія и изобрѣтенія произведутъ крупный переворотъ въ обращеніи и въ производствѣ и откроютъ новые пути для спекуляціи. Никакой врачъ не могъ бы вѣрнѣе опредѣлить діагностики болѣзни, чѣмъ сдѣлалъ это вышеупомянутый писатель (Максъ Виртъ) въ „Исторіи торговыхъ кризисовъ", появившейся въ 1858 г. Кризисъ 1873 г. былъ вызванъ тѣмъ, что крупная національная и гражданская опасность, а именно война съ Франціей, окончилась благополучно. Въ той же самой книгѣ, написанной вообще подъ впечатлѣніемъ серьёзнаго кризиса, бывшаго въ 1857 г., приводятся въ заключеніе признаки, по которымъ можно узнать наступленіе подобнаго кризиса, и въ ихъ числѣ слѣдующіе: большая предпріимчивость

---

[1]) Каковы бы ни были цѣли Глагау, дѣло въ фактахъ, которые онъ сообщаетъ. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что возлагать главное обвиненіе на увлеченіе общества опасно тѣмъ, что это можетъ быть понимаемо въ смыслѣ уменьшенія вины главныхъ виновниковъ. Почтенный нашъ корреспондентъ говоритъ далѣе, что купцамъ свойственно расхваливать свой товаръ; но вѣдь суды нынѣ въ Пруссіи и караютъ не за „расхваливаніе", но за „обсчитываніе", относительно котораго судъ не можетъ быть достаточно строгъ, хотя бы это даже и стѣсняло „духъ предпріимчивости".

Ред.

и необыкновенная смѣлость спекуляціи, эпидемически распространяющееся стремленіе къ быстрому обогащенію и пренебреженію вѣрныхъ, но медленныхъ барышей; поразительное легковѣріе публики, жадно бросающейся на новыя предпріятія, которыя при самомъ поверхностномъ наблюденіи оказываются вполнѣ несостоятельными, причемъ публика покупаетъ такія бумаги, которыя носятъ печать обмана; быстрое распространеніе роскоши, отчаянная биржевая игра, вздорожаніе жизненныхъ припасовъ и пр.

Повторяю, я цитирую буквально. Всѣ вышеисчисленные признаки отмѣчали 1872 и 1873 гг. Въ предостереженіяхъ не было недостатка, но какъ немногіе обращали на нихъ вниманіе, да и эти немногіе не могутъ похвалиться особой мудростью, потому что въ ихъ числѣ были вообще тѣ осторожные люди, которые боятся всякаго риска— качество, можетъ и прекрасное, но не изъ тѣхъ, которыя ведутъ націю впередъ. Обогатиться могутъ частныя лица, какъ и націи, только благодаря предпріимчивому духу, а не существуетъ такого предпріятія, съ которымъ бы не былъ связанъ извѣстный рискъ.

Многіе врачи утверждаютъ, что когда въ городѣ царствуетъ холера, то каждый человѣкъ зараженъ ея ядомъ, съ тою только разницею, что одинъ отъ него умираетъ, а другой даже не замѣчаетъ его присутствія. То же самое бываетъ и въ эпоху всеобщаго мошенничества. Каждый зараженъ духомъ спекуляціи, и совершенно ошибочно полагаютъ, что тѣ люди, которыхъ въ настоящее время клеймятъ какъ спекулянтовъ, дѣйствительно руководились цѣлью надувать публику. Напротивъ того, первыя спекуляціи были по большей части полезными и солидными предпріятіями, давшими извѣстный, умѣренный барышъ. Но какъ всегда бываетъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Новыя сомнительныя спекуляціи слѣдуютъ немедленно и обѣщаютъ громадные барыши. Но во всемъ этомъ играетъ главную роль кредитъ, и вотъ, наступаетъ такой моментъ, когда люди, даже не пользующіеся кредитомъ, затѣваютъ предпріятія: то азартные игроки, которыхъ не пугаютъ двусмысленныя манипуляціи. Обыкновенно первымъ шагомъ бываетъ то, что пренебрегается акціонерный законъ, въ силу котораго часть основного капитала компаніи должна быть подписана, а часть уплачена наличными деньгами. Тогда начинаются затрудненія. Имѣющихся подъ руками средствъ не хватаетъ на веденіе дѣла. Если посчастливится пріобрѣсти кредитъ, то приходится платить громадные проценты и неизбѣжное банкротство надвигается съ страшною быстротою. Такія гнилыя предпріятія зачастую своимъ паденіемъ даютъ первый толчокъ всеобщему кризису.

И если страсти, разыгравшіяся въ эпоху спекуляціи, отвратительны, то затѣмъ выступаютъ на сцену еще отвратительнѣйшія. Въ эпоху

разыгравшейся спекуляціи царствуетъ высокомѣріе съ одной—и раболѣпство съ другой стороны. Биржевикъ, ворочающій милліонами, чествуется князьями и графами, ласкается сановниками и даже награждается правительствомъ титулами и орденами. Чиновникъ съ его маленькимъ жалованьемъ, ученый съ его незначительнымъ доходомъ третируются съ пренебреженіемъ денежными выскочками. Общественная совѣсть становится все податливѣе, понятіе о дозволенномъ все расширяется.

Но еще отвратительнѣе сцены, слѣдующія вслѣдъ за наступленіемъ кризиса. Во-первыхъ, каждый стремится спасти самого себя. Недовѣріе воцаряется между вчерашними со-дѣльцами, и если одинъ изъ нихъ упадетъ, то стремится увлечь за собой и другихъ. Тѣ, которые всего рьянѣе участвовали во всеобщей погонѣ за скорѣйшей наживой, подымаютъ жалостные вопли и увѣряютъ, что они невинно пострадали и стали жертвой обмана. Но этого еще мало! Затѣмъ, выступаютъ тѣ, которыхъ обошелъ золотой дождь, потому что они стояли внѣ того района, гдѣ онъ падалъ. Они разыгрываютъ защитниковъ общественной нравственности, Катоновъ; они прикрываются мантіей добродѣтели и дѣлаютъ видъ, что спасаютъ отечество отъ опасности, когда просто-на-просто срываютъ личную злобу и зависть. Эти люди установили цѣлую систему доносовъ и почти не существуетъ финансиста или даже депутата, которыхъ бы они не задѣвали своими ябедами. Они точь-въ-точь доносчики изъ временъ римской имперіи или демагоги эпохи краснаго террора во Франціи, непрестанно требующіе новыхъ жертвъ для гильотины и утверждающіе, что они одни настоящіе патріоты. Подъ давленіемъ этой искусственной травли правительство нашлось вынужденнымъ возбудить процессы противъ многихъ предпринимателей, и въ этомъ ему сочувствуютъ, конечно, не одни только доносчики, но и большинство прессы и публики. Особенно энергическій прокуроръ, руководящій судебнымъ преслѣдованіемъ, сталъ рѣшительно самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Берлинѣ, если не въ цѣлой Германіи, и публика формально жаждетъ новыхъ жертвъ.

Полагаю, что мнѣ нѣтъ надобности опасаться, что мои слова возбудятъ недоразумѣнія, будто я желалъ бы укрыть отъ кары закона дѣйствительный обманъ. И раньше осуждаемы бывали дѣловые люди за обманъ; будутъ они осуждаемы и позже. Но вопросъ тутъ ставится нѣсколько иначе. Тѣ предпріятія, противъ зачинателей которыхъ возбуждено нынѣ судебное преслѣдованіе, основаны были 3, 4, даже 5 лѣтъ тому назадъ, и каждому, кто не затыкалъ себѣ глазъ и ушей, были извѣстны тѣ факты, за которые ихъ теперь преслѣдуютъ. Эти предприниматели, при заключеніи своихъ договоровъ, приглашали

знаменитѣйшихъ юристовъ Берлина, чтобы быть увѣренными, что не допустили по незнанію чего-либо противозаконнаго, и эти юристы, само собой разумѣется, совѣтовали имъ только то, что̀ считали вполнѣ законнымъ. Тѣмъ временемъ воззрѣнія судовъ касательно одного именно пункта измѣнились. Они постановили правиломъ, что невѣрныя показанія въ объявленіяхъ суть мошенническое дѣйствіе, въ которомъ повинны подписавшіеся подъ объявленіемъ, и что они не только подлежатъ уголовной отвѣтственности, но и обязаны гражданскимъ порядкомъ удовлетворить истцовъ. Ваши читатели, конечно, хорошо знакомы съ характеромъ подобныхъ объявленій. Подобно тому, какъ купецъ расхваливаетъ свой товаръ, не всегда строго придерживаясь истины, такъ и составители вышеупомянутыхъ объявленій старались представить свои предпріятія въ возможно благопріятномъ свѣтѣ, предоставляя публикѣ провѣрить истинность ихъ заявленій. Но послѣ того, какъ суды выработали воззрѣніе, котораго прежде не придерживались, самыя непредвидѣнныя послѣдствія возникаютъ для каждаго, кто когда-либо подписался подъ такимъ объявленіемъ. Отвѣтственность слѣдуетъ, конечно, понимать не въ томъ смыслѣ, что каждый, владѣющій въ настоящую минуту акціей, можетъ потребовать возвращенія капитала отъ подписавшагося подъ объявленіемъ, содержащимъ невѣрныя данныя. Такое право предоставлено только первымъ подписчикамъ. Но такъ какъ, натурально, существуетъ много первыхъ подписчиковъ, то вотъ постепенно образовалась особаго рода промышленность: акціи скупаются и обращаются въ орудіе противъ подписавшихся подъ подобнымъ объявленіемъ подъ угрозой доноса. Говорятъ, что многіе предприниматели уже заплатили большія суммы съ тѣмъ, чтобы избѣжать невыгоднаго для каждаго купца—даже въ случаѣ оправданія — процесса. Одинъ весьма уважаемый доселѣ и старый торговый домъ въ Штеттинѣ и здѣсь недавно былъ притянутъ къ такому процессу. Онъ былъ компаньономъ въ одной фабрикѣ, которая вдобавокъ принадлежитъ къ такимъ предпріятіямъ, что̀ давали до сихъ поръ 7% дивиденда. Но въ объявленіи умолчали о барышѣ, который имѣли учредители при покупкѣ земельнаго участка. Послѣдовали доносъ, затѣмъ процессъ, осужденіе и послѣ его осада торговаго дома кредиторами, вслѣдствіе которой ему пришлось объявить себя несостоятельнымъ, хотя онъ и имѣлъ въ наличности 100,000 марокъ. Само собой разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ все имущество погибаетъ безвозвратно.

Очевидно, что такой образъ дѣйствія не можетъ поощрить духа предпріимчивости.

Правительство, разумѣется, тоже не могло не усмотрѣть, какъ худо отзываются на экономическомъ положеніи страны подобнаго

рода процессы, растравляющіе старыя раны. Оно получило даже въ этомъ смыслѣ довольно чувствительный урокъ. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ для покрытія расходовъ по желѣзнымъ дорогамъ выпущенъ былъ 4% заемъ въ 100.000,000 марокъ. Правительство поручило нѣсколькимъ банкирамъ заключить его. Банкиры открыли подписку..... и что же?—случилось невѣроятное, а именно: что только четвертая часть займа, по истинѣ мизерная сумма въ 25.000,000 марокъ была покрыта. Правительство не потерпѣло при этомъ никакого ущерба, потому что банкиры, за 1% вознагражденія, взяли заемъ на себя и обязались выплатить правительству полную сумму въ 100.000,000 марокъ. Но это происшествіе неопровержимо доказываетъ невѣрность весьма распространеннаго представленія. А именно: до сихъ поръ воображеніе, что въ Германіи находится денегъ въ изобиліи и что онѣ просто отступаютъ передъ рискованными предпріятіями и ждутъ вѣрнаго помѣщенія. Правительству дѣлали даже неоднократно упрекъ въ томъ, что оно, погасивъ часть государственнаго долга, вынудило капиталы обратиться къ сомнительнымъ предпріятіямъ. Быть можетъ, это и было справедливо въ свое время, но съ тѣхъ поръ деньги исчезли изъ всѣхъ кармановъ. Неудача этого займа тѣмъ поразительнѣе, что въ Парижѣ опять городской заемъ покрытъ гораздо бо́льшей суммою, чѣмъ требовалось (въ 64 раза) и будетъ непріятна для министра финансовъ Кампгаузена, такъ какъ до сихъ поръ онъ неуклонно держался оптимистическаго взгляда на положеніе дѣлъ и принципа laisser-aller. Но очевидно, что этотъ принципъ одинъ изъ опаснѣйшихъ для правительства. Число людей, утверждающихъ, что этотъ принципъ не безусловно вѣренъ, и что въ критическихъ случаяхъ правительство весьма часто можетъ смягчить экономическія затрудненія, растетъ со дня на день. Газеты, придерживавшіяся прежде чистѣйшей манчестерской теоріи, теперь высказываютъ весьма еретическія воззрѣнія, и между тѣмъ какъ прежде почли бы нарушителемъ святого закона манчестерской національной экономіи человѣка, который не сталъ бы утверждать, что безусловное примѣненіе свободы торговли выгодно государству даже по отношенію къ такимъ государствамъ, которыя придерживаются запретительной системы,— въ настоящее время повсемѣстно распространено убѣжденіе, что при заключеніи торговыхъ договоровъ слѣдуетъ по крайней мѣрѣ держаться принципа обоюдности. Послѣ приверженцевъ охранительной системы, всего враждебнѣе относятся къ современной финансовой системѣ такъ-называемые аграріи или экономическіе реформаторы, какъ они себя называютъ и которые, по всей вѣроятности, будутъ играть значительную роль на предстоящихъ выборахъ. Аграріи впервые выступили на политическую арену на выборахъ три года тому назадъ. Въ ихъ

главѣ стоитъ консервативная часть дворянства, а именно дворяне средней и восточной части Пруссіи. Они утверждаютъ, что законодательство составлено въ ущербъ землевладѣнію и ремесламъ и въ пользу движимаго капитала. „Движимый капиталъ,—такъ гласитъ одинъ изъ ихъ памфлетовъ,—или скрытыя преимущества, которыми пользуется денежный капиталъ почти во всѣхъ случаяхъ — вотъ что подтачиваетъ всѣ существованія; эта власть давитъ промыслы и землевладѣніе. Вина лежитъ въ привилегіяхъ и преимуществахъ, которыя онъ пріобрѣлъ передъ землей, промыслами, вообще передъ трудомъ и честнымъ производствомъ. Движимый капиталъ сосредоточивается въ большихъ и торговыхъ городахъ и оттуда подчиняетъ себѣ трудъ и производство даже въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ. Центръ политической и экономической тяжести находится въ большихъ городахъ; всѣ новѣйшія учрежденія созданы такъ, что прежде всего выгодны большимъ городамъ. Провинція становится все бѣднѣе и бѣднѣе, населеніе все рѣже и рѣже; оно скучивается въ большихъ городахъ. Но когда тамъ наступаетъ застой въ дѣлахъ, то бѣдствія и нищета проявляются въ большихъ размѣрахъ; происходятъ даже бунты и вся страна должна искупать грѣхи большихъ городовъ". „Коротко и ясно,—такъ говорится въ заключеніи этихъ разсужденій,—что прежде слѣдуетъ помочь производителямъ, то-есть ремесленнику, каждому работнику, который дѣйствительно работаетъ, и земледѣльцу".

Рѣчи, надо сознаться, для консерваторовъ весьма демагогическія и соціалистическія. Аграріи выставили програму изъ 9 пунктовъ. Прежде всего они желаютъ добиваться равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, чтобы обремененные не въ мѣру землевладѣніе и честный трудъ во всѣхъ его отрасляхъ были облегчены. Во-вторыхъ, двойной налогъ, которымъ обложены земля, строенія и промыслы, долженъ быть отмѣненъ. Налогъ на доходы съ капиталовъ долженъ значительно превышать налогъ на трудъ. Противъ укрывательства капиталовъ должны быть созданы дѣйствительныя мѣры. Партія эта противъ охранительной системы, однако считаетъ винную пошлину и пошлину на съѣстные припасы вопросомъ нерѣшеннымъ. Она требуетъ налога на биржевые обороты и иностранныя бумажныя цѣнности и пересмотра закона о штемпеляхъ и таксахъ. Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ акціонерную эксплуатацію должна замѣнить болѣе дешевая и вѣрная государственная эксплуатація, съ устраненіемъ всѣхъ дифференціальныхъ тарифовъ, не нарушая правъ собственности отдѣльныхъ государствъ. Далѣе требуется коренная реформа акціонернаго закона 11-го іюня 1870 г., пересмотръ ремесленнаго устава и закона касательно обезпеченія договоровъ между рабочими и нанимателями. Наконецъ, эта партія требуетъ отмѣны римскаго

права, измѣненія порядка преслѣдованія за долги и другого закона о наслѣдствѣ для землевладѣнія. Аграріи желають именно закона, воспрещающаго дѣлить землю, и желають обратить по крайней мѣрѣ всѣ крупныя имѣнія въ неотчуждаемыя владѣнія.

Въ дѣйствительности справедливо, что земля, строенія и ремесла обложены въ нѣкоторомъ родѣ двойнымъ налогомъ; во-первыхъ, оцѣняютъ чистый доходъ съ помѣстья и владѣлецъ долженъ заплатить изъ него поземельную подать, затѣмъ онъ платитъ съ общаго своего дохода подоходный или классный налогъ. То же самое нужно сказать и о домовладѣльцахъ и городскихъ промыслахъ. Первые платятъ налогъ со строенія, хотя бы домъ и былъ заложенъ, а затѣмъ уплачиваютъ еще подоходный налогъ. Промысловыя заведенія платятъ, согласно размѣру ихъ дѣлъ и числу рабочихъ рукъ, промысловый налогъ, безразлично—даютъ ли онѣ доходъ или приносятъ убытокъ, и затѣмъ еще промышленники обложены подоходнымъ налогомъ. Слѣдовательно, двойной налогъ не есть нѣчто тяготѣющее надъ однимъ землевладѣніемъ, но равно распространяется на города, какъ и на села, на землевладѣніе и на промыслы. Хотя аграріи и обѣщаютъ отмѣнить налоги, однако умалчиваютъ, чѣмъ они ихъ замѣнятъ. Общая сумма налоговъ на землю, строенія и промыслы составляетъ 74 милліона марокъ, то-есть почти половину прямыхъ налоговъ (поземельный налогъ даетъ 40 милліоновъ, налогъ на строенія 16 милліоновъ, налогъ на промыслы $17^1/_2$ милліоновъ, классный налогъ $41^1/_2$ милліоновъ, подоходный налогъ $29^1/_2$ милліоновъ). Если отмѣнить первые три налога, то придется удвоить классный и подоходный налоги, и бремя ихъ сдѣлается невыносимымъ какъ-разъ для бѣднѣйшихъ и среднихъ классовъ. Воззрѣніе, что налогъ на доходы съ капитала долженъ быть значительнѣе, чѣмъ налогъ на трудъ—раздѣляется также и либералами; все затрудненіе только въ томъ лишь, что этотъ доходъ легко ускользаетъ отъ контроля. Только чиновники не могутъ скрыть отъ начальства истиннаго размѣра своего дохода. Поэтому они неизбѣжно уплачиваютъ налогъ сполна, тогда какъ не только капиталистъ, но и землевладѣлецъ имѣетъ полную возможность утаить настоящій размѣръ своего дохода. Либералы ничего не имѣютъ также и противъ биржевого налога; вся бѣда лишь въ томъ, что опытъ показываетъ, что господа биржевики отлично умѣютъ сваливать этотъ налогъ съ себя на публику и несомнѣнно также, что подобный налогъ стѣснилъ бы дѣловые обороты.

Ремесленная свобода есть давнишнее прусское учрежденіе. Она введена была въ Пруссіи великимъ министромъ Штейномъ и принесла вообще самые благодѣтельные результаты. Хотя въ 1845 и 1849 гг.

и были дѣлаемы попытки къ ея ограниченію, но съ плохимъ результатомъ для промышленности. Съ 1860 г. большинство нѣмецкихъ государствъ ввело у себя промысловую свободу, а съ 1869 г. она введена была во всей Германіи, по образцу саксонскихъ законовъ. Во Франціи и Англіи ремесленная свобода существуетъ болѣе столѣтія и никогда не помышляютъ, когда наступаютъ плохія времена, о томъ, чтобы вернуться къ стариннымъ стѣсненіямъ, цехамъ, и пр. для исправленія бѣды. Зло, отъ котораго страдаетъ промышленность, лежитъ гораздо глубже. Оно лежитъ въ розни интересовъ капитала и труда. Нѣмецкій соціалистъ-демократъ стремится убить капиталъ. Что останется отъ самаго учрежденія, къ которому онъ принадлежитъ, ему до этого нѣтъ дѣла, лишь бы ему добиться отъ предпринимателя наиболѣе высокой заработной платы. Мы видѣли здѣсь, въ Берлинѣ, недавно самое яркое доказательство этому. Едва ли въ другомъ какомъ классѣ рабочихъ въ Германіи соціалистическіе принципы пустили такіе глубокіе корни, какъ въ сословіи наборщиковъ. Эти послѣдніе весьма ловко воспользовались эпохой спекулятивной горячки. Газеты, которыя уже послѣ войнъ 1866 и 1870 гг. значительно расширили кругъ своей дѣятельности, дѣлали блистательные обороты въ періодъ процвѣтанія промышленности. Наборщики, между которыми существуетъ строгая дисциплина, все увеличивали и увеличивали свои требованія, а какъ скоро газеты не соглашались на нихъ, грозили пріостановкой работы. Средство оказывалось всегда дѣйствительнымъ, потому что натурально никакая газета не можетъ выдержать безъ значительнаго убытка перерывъ въ выходѣ изданія, а на единодушное дѣйствіе со стороны различныхъ владѣльцевъ газетъ отнюдь нельзя было разсчитывать. Эта тактика наборщиковъ оказалась такой успѣшной, что они стали считать себя необходимыми. Въ 1873 г. они издали въ Берлинѣ такъ называемый нормальный тарифъ, который обезпечивалъ за ними чрезвычайныя преимущества и долженствовалъ сохранять свою силу въ теченіи трехъ лѣтъ, т.-е. по 1 іюля текущаго года. Этотъ тарифъ состоялъ изъ двухъ частей: одна распространялась на всю Германію, а другая лишь на нѣкоторые города При этомъ въ основаніе былъ принятъ слѣдующій принципъ: всеобщій тарифъ представлялъ наидешевѣйшую плату, за которую вообще можно работать. Но затѣмъ, смотря по величинѣ города, наборщики входили въ соглашеніе съ своими принципалами касательно мѣстной прибавки, которая достигала 10%, 20%, 25%, и даже, въ Берлинѣ, до $33\frac{1}{3}$% противъ нормальной платы, т.-е. тѣ наборщики, которые по общему тарифу заработали 3 талера, получали четыре талера. Результатомъ этого было то, что тѣ изъ типографій, которыя печатали обыкновенныя сочиненія, не

могли выдержать конкурренціи съ средними маленькими городками. Въ маленькихъ городкахъ Бранденбурга, Саксоніи, Тюрингіи типографіи процвѣтали, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ закрывались. Тщетны были жалобы здѣшнихъ типографовъ. Наборщики держались принципа, что для нихъ выгоднѣе, чтобы въ Берлинѣ удерживалась наиболѣе высокая цѣна и, конечно, тѣмъ изъ наборщиковъ, которые оставались въ Берлинѣ, это было крайне выгодно. Желѣзныя оковы дисциплины, связующей все сословіе, дѣлали то, что изгоняемые наборщики покорно мирились съ своей участью. Поэтому здѣшніе наборщики такъ увѣровали въ свою непобѣдимость, что когда принципалы вошли въ іюнѣ мѣсяцѣ съ ними въ переговоры, то держали себя крайне высокомѣрно. Первоначально въ Лейпцигѣ засѣдала въ теченіи нѣсколькихъ недѣль коммиссія, составленная изъ равнаго числа принципаловъ и наборщиковъ, которые должны были выработать новый общій тарифъ. Она пришла къ соглашенію и тарифъ былъ принятъ, при предварительномъ обсужденіи во всей Германіи большинствомъ принципаловъ и наборщиковъ. Только въ Берлинѣ послѣдніе были противъ него, но согласно своимъ собственнымъ демократическимъ принципамъ должны были подчиниться рѣшенію большинства. Но лейпцигская коммиссія, какъ уже сказано, постановила только общій тарифъ. За наборщиками оставалось право требовать добавочной платы. Наученные опытомъ, здѣшніе принципалы почувствовали, что необходимо единодушіе. Владѣльцы типографій порѣшили дѣйствовать дружно, и до сихъ поръ большинство ихъ держалось этого рѣшенія. Переговоры длились нѣкоторое время, не приводя къ окончательному результату. Принципалы объявили, какъ окончательное свое рѣшеніе, что не намѣрены давать больше 25% прибавки, а наборщики продолжали требовать $33^1/_3$%.

Въ одинъ прекрасный день, 27 іюня, они вдругъ прекратили работу, въ твердомъ убѣжденіи, что ни одна газета не рѣшится подвергнуться перерыву въ своемъ изданіи въ такое время. Они были такъ увѣрены въ своемъ дѣлѣ, что отправились „in corpore" въ ресторація, объявивъ, что когда принципалы примутъ ихъ условія и пришлютъ за ними, то они къ ихъ услугамъ. Но владѣльцы типографій оказались на этотъ разъ неуступчивѣе, чѣмъ наборщики этого ожидали. Забастовка произошла въ среду, рано утромъ, а несмотря на то уже въ 4 часа вечернія газеты появились, хотя и въ сокращенномъ видѣ. Въ иныхъ типографіяхъ не оставалось ни единаго наборщика. Пришлось прибѣгнуть къ немногимъ имѣвшимся подъ рукою ученикамъ; сами типографы, факторы, бывшіе въ свое время наборщиками, взялись за дѣло. Наборщицы „Letteverein", въ которомъ въ эту минуту насчитывалось тридцать болѣе или менѣе искус-

ныхъ наборщицъ, оказали свое содѣйствіе и такимъ образомъ совершилось невѣроятное, а именно, что ни одна газета не была вынуждена пріостановить свое изданіе. Наборщики во всякомъ случаѣ издавна уже приготовлялись къ борьбѣ и капиталъ ихъ, заготовленный—на случай забастовокъ—доходитъ до 100—150,000 марокъ, такъ что каждому члену забастовки можетъ быть выдаваемо пособіе, женатымъ по 24 марки въ недѣлю, а холостымъ по 15 марокъ. Поэтому они могутъ нѣкоторое время спокойно пережидать событія. Они прибѣгаютъ также къ обычному средству: снабжаютъ путевыми деньгами тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые желаютъ эмигрировать, а также употребляютъ всѣ усилія, чтобы помѣшать наплыву рабочихъ рукъ со стороны. Но они упустили при этомъ изъ виду слѣдующее обстоятельство: многіе наборщики, получавшіе въ небольшихъ городкахъ незначительную плату, давно уже мечтали перебраться въ Берлинъ и теперь не преминули воспользоваться представившимся случаемъ. Хотя я не могу сказать, чтобы забастовка окончательно рушилась, но вотъ уже прошло четыре недѣли со времени ея начала, газеты подыскали полный или почти-что полный новый персоналъ, съ которымъ уже не разстанутся, и многія корпораціи наборщиковъ, пользовавшіяся совершенно исключительнымъ положеніемъ, лишились его и теперь должны поодиночкѣ искать себѣ новыхъ средствъ для существованія. Во всякомъ случаѣ, исходъ этой забастовки оказался неблагопріятенъ для рабочихъ и надо полагать, что это сдѣлаетъ ихъ осторожнѣе на будущее время.

При этомъ случаѣ оказалось также, что нарушеніе контракта—оружіе обоюдоострое. Консерваторы ставили тяжкимъ упрекомъ новому законодательству то, что оно не преслѣдуетъ уголовнымъ судомъ за нарушеніе контракта. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла видно, какъ мало пользы принесло бы уголовное преслѣдованіе. Какая польза будетъ, напримѣръ, для землевладѣльца, у котораго рабочіе разбѣгутся во время жатвы, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя законъ накажетъ ихъ тюремнымъ заключеніемъ, которое вдобавокъ отнюдь не можетъ быть слишкомъ продолжительнымъ. Другое дѣло, еслибы можно было принудить рабочихъ снова взяться за работу. Но такая вещь практически невыполнима, а въ особенности въ такомъ дѣлѣ, какъ печатаніе газеты, гдѣ могутъ возникать тысячи проволочекъ и промаховъ безъ того, чтобы возможно было услѣдить за ихъ виновниками. И теперь даже, въ первые дни забастовки, въ одной изъ здѣшнихъ большихъ газетъ проскользнули двѣ такихъ опечатки, изъ которыхъ каждая составляетъ тяжкое оскорбленіе величества, а виновники остались неразысканными и можно только догадываться, что они были подкуплены участниками забастовки.

Но я долженъ снова вернуться къ аграріямъ. Какъ я уже говорилъ, ядро ихъ состоитъ изъ старопрусскаго дворянства, т.-е. изъ тѣхъ самыхъ людей, которые управляли Пруссіей съ 1821 по 1848 г. и затѣмъ снова съ 1850 г. Это по большей части старинныя фамиліи, которыя еще во времена курфюрстовъ вели борьбу противъ нивеллирующей государственной власти, мало-по-малу сравнивающей въ правахъ дворянство, бюргерство и крестьянство. Во времена Штейна они противодѣйствовали освобожденію крестьянъ; во времена Гумбольдта и Гарденберга помѣшали изданію конституціи. Это небольшая, но сильная партія, которая послѣ войны за освобожденіе парализовала внутреннее развитіе въ Пруссіи и съ такимъ ожесточеніемъ сопротивлялась всякому прогрессу, что вызвала революцію 1848 г., послѣ которой снова наступила реакція, свирѣпствовавшая почти цѣлыхъ десять лѣтъ.

Въ послѣднее время партія аграріевъ вообще, кажется, отказалась дѣйствовать особнякомъ и примкнула къ партіи „Крестовой Газеты“ и къ ново-консерваторамъ, и изъ этого союза должна возникнуть новая консервативная партія, о которой толкуютъ почти цѣлый годъ и которая долженствуетъ быть идеаломъ князя Бисмарка.

Эта новая коалиція выступила двѣ недѣли тому назадъ съ вышеупомянутой программой, и эта послѣдняя съ тѣхъ поръ служитъ, несмотря на военныя событія и на дипломатическія усложненія, главной тэмой оживленнѣйшихъ толковъ въ нѣмецкой прессѣ. Немедленно вслѣдъ за обнародованіемъ этой программы, былъ напечатанъ списокъ лицъ, подписавшихся подъ ней, и при этомъ обнаружилось, что ядромъ ихъ являются сподвижники „Крестовой Газеты“, люди, подписавшіеся подъ знаменитой декларацiей въ пользу „Крестовой Газеты“, которая такъ раздосадовала Бисмарка. Такъ, въ числѣ ихъ встрѣчаемъ, между прочемъ, Натузіуса Людома, бывшаго редактора „Крестовой Газеты“, вынужденнаго оставить редакцію этой газеты вслѣдствіе того, что сообщалъ ей слишкомъ враждебное отношеніе къ правительству и грозилъ оттолкнуть отъ нея всѣхъ умѣренныхъ членовъ партіи. Находимъ также Дитцъ-Добера, маленькаго интригана, который разсказываетъ въ военныхъ и высшихъ кружкахъ анекдоты про Бисмарка, направленные къ тому, чтобы убѣдить всѣхъ, что Бисмаркъ обнаруживаетъ непочтеніе къ императору и желаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ вице-короля. Въ числѣ ихъ находимъ совѣтника Вильманса, злѣйшаго реакціонера, написавшаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ яростную брошюру подъ заглавіемъ „Золотой Интернаціоналъ“, въ которой науськивалъ на евреевъ. Въ числѣ ихъ находится фонъ-Клейстъ-Ретцовъ, отъявленный противникъ прусско-нѣмецкой политики съ 1867 г. При такихъ обстоятельствахъ понятно,

что оффиціозный органъ правительства „Provinzialcorrespondenz" отвѣтила новой партіи такъ-сказать отказомъ. Хотя въ програмѣ она порицала только нерѣшительность мнѣнія о церковной политикѣ, но при этомъ указала на то, что правительство питаетъ глубокое недовѣріе къ нѣкоторымъ изъ лицъ, подписавшихъ програму. Говорятъ, что самъ Висмаркъ выразился о програмѣ такъ: что это *ein falscher start*. Вы знаете, что это выраженіе употребляется на скачкахъ, когда флагъ, которымъ подается знакъ къ скачкѣ, спускается раньше, чѣмъ лошади выравнялись, такъ что ихъ приходится ворочать. Сознаюсь, что нахожу эту характеристику удачной, потому что съ такими вождями консервативная партія не организуется. Теперь нельзя еще предвидѣть, будутъ ли сдѣланы новыя попытки привлечь также и умѣренные консервативные элементы, но я считаю это невозможнымъ.

Конечно, никто не можетъ предугадать, что̀ ожидаетъ насъ впереди и какія, быть можетъ, чрезвычайныя событія разыграются до наступленія выборовъ. 6 іюля прошлаго года вспыхнула первая искорка возстанія въ Герцеговинѣ и никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы это было нѣчто болѣе серьёзное обычныхъ лѣтнихъ возмущеній. Князь Висмаркъ еще 9 февраля шутилъ надъ крошкой Герцеговиной. Съ тѣхъ поръ возстаніе разрослось, Черногорія и Сербія втянуты въ войну, въ Румыніи и Греціи фитиль поднесенъ уже къ бочкѣ съ порохомъ. Вся Турція въ переполохѣ; варварскія орды снова перекочевываютъ изъ Азіи въ Европу, какъ и за сотни лѣтъ тому назадъ; смѣна одного султана другимъ, убіеніе министровъ, дипломатическія конференціи, съѣзды монарховъ одинъ за другимъ, перемѣщеніе флотовъ, мракъ, слухи о различныхъ военныхъ приготовленіяхъ, варварскія дѣла, раздирающія сердце, ожесточенныя битвы слѣдуютъ другъ за другомъ. Каждый день приноситъ что-нибудь неожиданное, и кто знаетъ, что̀ еще кроется впереди.

Я не имѣлъ намѣренія касаться этого пункта. Въ Россіи чувствуютъ живѣйшую симпатію къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ христіанамъ Балканскаго полуострова. Но и западная Европа, а именно Германія, не остается равнодушной. Воззрѣніе, что *status quo* долѣе невозможно въ Турціи, съ каждымъ день все болѣе и болѣе распространяется. Къ сожалѣнію, духовенство не исполняетъ своихъ обязанностей. Римско-католическое духовенство желаетъ, чтобы побѣда осталась скорѣе на сторонѣ турокъ, чѣмъ на сторонѣ греческой церкви, а евангелическое такъ непрозорливо, что, за немногими исключеніями, не нашло еще ни одного сильнаго выраженія въ доказательство того, что всѣ, кто вѣруютъ въ Христа, обязаны составить священный союзъ противъ невѣрныхъ.

Но какія бы затрудненія ни предстояли намъ впереди, въ одномъ мы можемъ быть увѣрены, что дружба между Пруссіей и Россіей удержится, несмотря ни на какія обстоятельства, и это служитъ ручательствомъ въ томъ, что даже большая война не произведетъ пертурбаціи въ Европѣ.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

XVII *).

Какъ умираютъ и какъ хоронятъ во Франціи.

I.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, я изобразилъ вамъ комедію брака во Франціи, трагическіе и забавные свадебные эпизоды изъ жизни аристократіи, высшей буржуазіи, коммерціи и простонародья. Теперь хочу изобразить вамъ комедію смерти, послѣднія гримасы,—то́, какъ удаляются со сцены великіе и малые міра сего, богатые и бѣдные, и какой хоръ рыданій или взрывъ смѣха несется имъ вслѣдъ.

Смерть—вещь неопрятная, и мы постарались ее цивилизовать. Трупъ поспѣшно закупориваютъ въ ящикъ и зарываютъ въ землю. Зрѣлище это безобразно и ужасно, и его стараются по возможности сократить. Мертвецъ въ домѣ стѣсняетъ и обезкураживаетъ самую страстную привязанность. Его надо предать землѣ. Двери запираются и мрачный туалетъ совершается въ тиши алькова, а когда покойникъ въ послѣдній разъ показывается на улицѣ и въ толпѣ, онъ прикрытъ деревомъ и драпировками и его съ пышностью отвозятъ на кладбище. Присущая намъ потребность идеализировать самихъ себя заставляетъ насъ разукрашать цвѣтами свои бренные останки и переносить по ту сторону гроба лживый апоѳеозъ царя природы. Только звѣри издыхаютъ на распутьи и гніютъ на открытомъ воздухѣ, привлекая тучи мухъ. Люди прибираютъ тѣла себѣ подобныхъ изъ отвращенія и жалости. Прикрытая смерть, какъ-бы перестаетъ существовать, достаточно, чтобы земля была чиста на поверхности, и мы вѣримъ въ жизнь.

---

*) См. выше, іюль, 383 стр.

Исторію смерти еще предстоитъ написать. Не во всѣ вѣка люди умирали съ одинаковымъ мужествомъ. Нужно быть несчастнымъ, чтобы хорошо умереть. Въ извѣстныя эпохи, когда человѣчество изнывало отъ бѣдствій и горя, люди умирали съ лихорадочной торопливостью; они сбрасывали съ себя тѣло, какъ бремя, ища забвенья и покоя. Чѣмъ народъ богаче, чѣмъ сильнѣе развито благосостояніе во всѣхъ его классахъ, тѣмъ смерть кажется страшнѣе. Слѣдовало бы также упомянуть о повальныхъ истребленіяхъ, войнахъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, производящихъ бреши въ людскихъ массахъ и сразу скашивающихъ тысячи головъ, подобно тому какъ жнецъ однимъ взмахомъ скашиваетъ пропасть колосьевъ. Книга вышла бы поразительная, еслибы ее написалъ поэтъ. Люди вообще безпечны и разсѣянны; никто не помышляетъ объ общей могилѣ; женщины смѣются, мужчины хлопочутъ; затѣмъ внезапно раздается горестный вопль, когда окончательная развязка стираетъ съ лица земли поколѣнія.

А вокругъ удаляющагося съ арены жизни покойника живые грызутся. Вотъ когда разыгрываются трагикомедіи. Смерть затрогиваетъ всѣ интересы. О своей собственной никогда не думаешь, но о чужой частенько размышляешь. Въ комнатѣ, гдѣ угасъ человѣкъ, людская драма разыгрывается съ бо̀льшей глубиной, полнотой и силой, чѣмъ съумѣлъ бы то изобразить самый геніальный романистъ. Тутъ мы видимъ, какъ горе давитъ однихъ, ужасъ оковываетъ другихъ, какъ проявляется алчность и ложь; видимъ всѣ безобразія и все величіе человѣческой природы, притворныя и искреннія слезы, ужасающія мысли, которыя всегда останутся подъ спудомъ сожалѣній, облегчаемыя рыданіемъ. Если хочешь увидѣть обнаженныя сердца людей, то слѣдуетъ наблюдать за ними передъ лицомъ смерти.

Я не хочу философствовать, но хочу разсказать, какъ люди умираютъ и какъ ихъ хоронятъ. Если изъ всего этого можно вывести какое-нибудь нравоученіе, то прошу читателей взять этотъ трудъ на себя. Я передаю правдивыя повѣсти, разыгрывающіяся ежедневно. Я постараюсь только свести въ одно разрозненныя черты и представить всѣ акты трагикомедіи. Мы далеки уже отъ тѣхъ варварскихъ временъ, когда трупы валялись по полямъ и лугамъ. Мнѣ кажется, что не безъинтересно будетъ изучить цивилизованную смерть, со всей суматохой интересовъ, которую она производитъ.

II.

Графу де-Вертёйль пятьдесятъ лѣтъ. Онъ принадлежитъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій Франціи и имѣетъ громадное состояніе. Будируя правительство, онъ развлекался какъ только могъ, писалъ статьи въ серьёзные журналы, и, благодаря имъ, былъ принятъ въ академію нравственныхъ и политическихъ наукъ. Бросался въ различныя крупныя предпріятія, поочередно увлекаясь земледѣліемъ, скотоводствомъ и изящными искусствами. Даже одно время былъ депутатомъ и отличался рѣзкостью своей оппозиціи. Графъ—одна изъ наиболѣе выдающихся личностей въ Парижѣ; очень любезный человѣкъ, много бывающій въ свѣтѣ и сохраняющій маленькій оттѣнокъ самой изящной дерзости среди pêle-mêle современнаго общества.

Женѣ его, Матильдѣ де-Вертёйль, тридцать-восемь лѣтъ. Ее считаютъ самой очаровательной блондинкой Парижа. Лѣта какъ будто дѣлаютъ бѣлѣе ея кожу. Она была немного худощава прежде; но теперь плечи ея округлились, какъ зрѣлый плодъ. Она такъ хороша, какъ никогда еще не была. Когда она входитъ въ гостиную, то ея золотистые волосы и нѣжный цвѣтъ лица дѣлаютъ ее подобной восходящему свѣтилу; молодыя женщины завидуютъ ей.

Семейная жизнь графа и графини не возбуждаетъ никакихъ толковъ. Они поженились на томъ основаніи, на какомъ это принято въ ихъ обществѣ. Увѣряютъ даже, что они очень хорошо прожили другъ съ другомъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Въ ту эпоху у нихъ родился сынъ, Фернандъ, который служитъ капитаномъ и дочь, Бланшъ, которую они выдали въ прошломъ году замужъ за рекетмейстера де-Люссака. Они примирились съ правительствомъ въ лицѣ своихъ дѣтей. Давно уже между ними порваны всякія отношенія; однако они друзья на видъ, чтó не мѣшаетъ имъ жить эгоистической и обособленной жизнью. Они спрашиваютъ совѣта другъ у друга, безукоризненно вѣжливы другъ съ другомъ въ обществѣ, но запираются каждый на своей половинѣ, гдѣ принимаютъ по благоусмотрѣнію интимныхъ друзей.

Однажды, когда Матильда вернулась съ бала въ два часа утра, горничная, раздѣвъ ее и уложивъ спать, сообщила, прежде чѣмъ выдти изъ комнаты:

— Его сіятельство графъ почувствовалъ себя слегка нездоровымъ сегодня вечеромъ.

Графиня, въ полуснѣ, лѣниво поворачиваетъ голову.

— А!—бормочетъ она.

Потомъ вытягивается въ постели, прибавивъ:

— Пройдетъ, конечно... Разбудите меня завтра въ десять часовъ; я жду модистку.

На другое утро, такъ какъ графъ не появляется за завтракомъ, графиня сначала посылаетъ узнать объ его здоровьи; затѣмъ рѣшается сама навѣстить его. Она находитъ его въ постели, очень блѣднымъ, но безукоризненно приличнымъ. Трое врачей уже навѣдывались къ нему, потолковали шопотомъ, и оставили рецепты; въ теченіи дня они должны завернуть опять. За больнымъ ухаживаютъ двое слугъ, серьёзныхъ и молчаливыхъ, неслышно скользящихъ по коврамъ, появляющихся и исчезающихъ какъ тѣни. Въ большомъ покоѣ царствуетъ строгій порядокъ; не видно никакихъ стклянокъ, мебель чинно разставлена по своимъ мѣстамъ. Передъ нами приличная и аккуратная болѣзнь, болѣзнь церемонная, ожидающая визитовъ. Можно было бы подумать, что графъ въ клубѣ и долженъ сейчасъ вернуться, еслибы его мертвенная голова не виднѣлась изъ-подъ одѣяла, на которомъ не видно ни одной складочки.

— Вы нездоровы, мой другъ?—спрашиваетъ графиня, входя.

Но онъ дѣлаетъ усиліе и улыбается.

— О, пустяки, небольшая усталость,—отвѣчаетъ онъ.—Мнѣ нуженъ только покой... Благодарю за безпокойство.

Проходятъ два дня. Покой больного не утратилъ строгой чинности. Каждая вещь на своемъ мѣстѣ, лекарства исчезаютъ безслѣдно, заботы о больномъ скрадываются быстротой, съ какой совершаются всѣ услуги. Двое слугъ молча дѣлаютъ свое дѣло; на бритыхъ лицахъ ихъ не выражается даже скуки. Можно войти, когда угодно, графъ всегда готовъ принять гостей. Между тѣмъ онъ знаетъ, что положеніе его опасно, онъ потребовалъ отъ докторовъ, безпрестанно попадающихся на лѣстницѣ, правды. Онъ предоставляетъ имъ дѣйствовать, не произнося ни единой жалобы. Чаще всего онъ лежитъ по цѣлымъ часамъ, съ закрытыми глазами, или же глядитъ пристально въ пространство, какъ-бы размышляя о своемъ одиночествѣ. Мало-по-малу онъ становится очень слабъ, что̀ не мѣшаетъ ему заботиться о приличной позѣ и натягивать одѣяло подъ самый подбородокъ, а голову держать посрединѣ подушки.

Тѣмъ временемъ графиня въ свѣтѣ говоритъ, что мужъ ея слегка нездоровъ. Она ничего не измѣнила въ своемъ образѣ жизни, ѣстъ, спитъ, катается въ обычные часы. Каждое утро и каждый вечеръ она сама приходитъ освѣдомиться у графа, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Ну, что̀? лучше ли вамъ, мой другъ?

— Да, да, гораздо лучше, благодарю васъ, моя милая Матильда.

— Если вы желаете, то я останусь при васъ.

— О! это было бы совсѣмъ безполезно. Жюльенъ и Франсуа

отлично ухаживають за мной. Къ чему вамъ утомляться изъ-за пустяковъ.

Они понимають другъ друга; они жили порознь и желають порознь умереть. Въ особенности графъ испытываетъ ѣдкую радость эгоиста, желающаго умереть въ одиночку, не допуская вокругъ себя комедіи горести. Ему стóитъ сказать слово, и жена не отойдетъ отъ его постели; но онъ желаетъ избавить себя и ее отъ тягости этого послѣдняго tête-à-tête. Ему хочется умереть прилично, какъ подобаетъ благовоспитанному человѣку, не желающему никого безпокоить и оставить по себѣ непріятное воспоминаніе. Онъ самъ даетъ графинѣ предлогъ ничего не мѣнять въ своей жизни и за нимъ-то она и приходитъ къ нему ежедневно.

Совсѣмъ тѣмъ, однажды вечеромъ, когда онъ уже на ладонъ дышетъ, онъ начинаетъ опасаться, что врядъ ли переживетъ ночь. И вотъ, когда графиня приходитъ съ обычнымъ визитомъ, онъ говоритъ ей, находя силы въ послѣдній разъ улыбнуться:

— Я нехорошо себя чувствую... Не выѣзжайте изъ дому.

Онъ не желаетъ подвергать ее свѣтскимъ пересудамъ. Она съ своей стороны дожидалась этого предупрежденія. Надо, чтобы она была дома, когда онъ отдастъ послѣдній вздохъ. И вотъ, она переселяется въ его комнату. Врачи не отходятъ больше отъ умирающаго. Слуги продолжаютъ ухаживать за нимъ съ тѣмъ же молчаливымъ усердіемъ. Послали за дѣтьми, Фернандомъ и Бланшъ, и они стоятъ у постели вмѣстѣ съ матерью. Остальные родственники находятся въ сосѣдней комнатѣ; половина ночи проходитъ въ торжественномъ ожиданіи; церемоніалъ выполненъ; графъ можетъ умереть. Онъ не торопится и какъ будто находитъ въ себѣ новыя силы избѣжать конвульсивной и шумной смерти. Только дыханіе его наполняетъ обширный, суровый покой шумомъ испорченныхъ часовъ. Можно было бы отпереть двери и пригласить гостей, настолько весь ужасъ смерти скрадывается здѣсь и агонія какъ-бы скрывается роскошью обстановки. Здѣсь умираетъ благовоспитанный человѣкъ. Поцѣловавъ жену и дѣтей, онъ отталкиваетъ ихъ послѣднимъ жестомъ, поворачивается къ стѣнѣ и умираетъ довольный, что не стѣснилъ присутствующихъ.

Тогда одинъ изъ врачей наклоняется, закрываетъ глаза покойнику и, выпрямившись, произноситъ вполголоса:

— Все кончено!

Раздаются слабыя рыданія. Графиня, Фернандъ и Бланшъ опускаются на колѣни передъ постелью. Они плачутъ, закрывъ лицо руками. Лицъ ихъ не видно. Затѣмъ уходятъ; дѣти уводятъ мать, которая, дойдя до двери, чтобы доказать свое отчаяніе, рыдая раска-

чиваетъ туловищемъ. Съ этого момента покойникъ принадлежитъ церемоніалу похоронъ. Врачи удалились, сгибая спину и состроивъ печальныя лица. Поспѣшно призываютъ священника изъ ближайшей церкви, чтобы сидѣть надъ тѣломъ. Двое слугъ остаются вмѣстѣ съ этимъ священникомъ. Они сидятъ на стульяхъ, чопорные и приличные; это ожиданный конецъ ихъ службы, и лица ихъ сохраняютъ невозмутимое выраженіе хорошо вымуштрованныхъ лакеевъ, готовыхъ къ услугамъ своего господина даже и тогда, когда его болѣе нѣтъ на свѣтѣ. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ ложку, позабытую на столѣ; онъ встаетъ и поспѣшно прячетъ ее въ карманъ, чтобы порядокъ комнаты ничѣмъ не нарушался. На разсвѣтѣ, внизу, въ большомъ салонѣ, раздается стукъ молотковъ; это обойщики, призванные превратить обширный покой въ монументальный катафалкъ. Все утро занято бальзамированіемъ; двери заперты, операторъ одинъ съ своими помощниками остается съ трупомъ. И когда графа спускаютъ внизъ, когда его кладутъ подъ катафалкъ, онъ во фракѣ и съ нарумяненными щеками; лицо свѣжо и юно и удаляетъ всякія печальныя мысли.

Между тѣмъ уже съ девяти часовъ утра отель наполняется скромнымъ шумомъ голосовъ. Сынъ и зять покойнаго въ салонѣ нижняго этажа принимаютъ толпу посѣтителей въ черныхъ фракахъ; они раскланиваются, пожимаютъ кое-кому руку и хранятъ молчаливую вѣжливость огорченныхъ людей. Передъ ними проходятъ всѣ знаменитости, дворянство, армія, магистратура; появляются даже депутаты и академики. Наконецъ, въ десять часовъ шествіе трогается съ мѣста, направляясь къ церкви. Похоронныя дроги перваго разряда, увѣнчаны султаномъ изъ перьевъ, покрыты драпировками, украшены по четыремъ угламъ серебряными статуями, плакальщицами, поддерживающими куполъ. Кисти гробового покрова поддерживаются однимъ маршаломъ Франціи, однимъ герцогомъ, старымъ пріятелемъ покойнаго, однимъ бывшимъ министромъ и однимъ академикомъ. Сзади дрогъ, на подушкѣ изъ краснаго бархата, церемоніймейстеръ несетъ ордена покойнаго. Фернандъ де Вертейль и де-Люссакъ предводительствуютъ похороннымъ шествіемъ. За ними идетъ толпа народа въ черныхъ галстукахъ и перчаткахъ, все лица важныя, двигающіяся съ топотомъ разбившагося стада. Обычай требуетъ, чтобы въ церковь шли пѣшкомъ; кареты, пустыя, слѣдуютъ за кортежемъ, нескончаемый рядъ каретъ, запруживающихъ улицы, черезъ которыя онъ проходитъ. Весь кварталъ впопыхахъ и толпится у оконъ; прохожіе выравниваются стѣной на троттуарахъ, снимаютъ шляпы и глядятъ, покачивая головой, на тріумфальныя дроги; омнибусы, фіакры сталкиваются на перекресткахъ; сообщеніе прервано; слышится ругань ку-

черовъ и хлопанье бичей. А въ это самое время графиня де-Вертёйль, оставшись дома, заперлась въ своей комнатѣ, приказавъ объявлять всѣмъ посѣтителямъ, что слезы привели ее въ изнеможеніе. Растянувшись на кушеткѣ, играя костями своего пояса, она глядитъ въ потолокъ, успокоенная и задумчивая.

Въ церкви церемонія длится около двухъ часовъ. Все духовенство на ногахъ; съ утра только и видно было, какъ бѣгали озабоченные священники въ эпитрахиляхъ, отдавали приказанія, вытирая лобъ носовымъ платкомъ и сморкаясь съ раскатистымъ трескомъ. Церковь обтянута чернымъ сукномъ и посрединѣ ее возвышается катафалкъ. Гербъ покойнаго, вышитый серебромъ, красуется со всѣхъ сторонъ на драпировкахъ. Шествіе вошло; дамы выстроились по лѣвую, мужчины по правую сторону; органъ уныло гудитъ, пѣвцы глухо ноютъ, „enfants de choeur" пронзительно завываютъ, а зеленое пламя въ свѣтильникахъ придаетъ похоронный колоритъ торжественной церемоніи.

— Неправда ли, Форъ долженъ пѣть „Pie Jesu"?—спрашиваетъ одинъ депутатъ у сосѣда.

— Да, кажется,—отвѣчаетъ сосѣдъ, бывшій префектъ, красавецъ-мужчина, издали улыбающійся дамамъ.

И когда голосъ пѣвца раздается въ звучной церкви:

— Гмъ! какая метода, какая искусная фразировка,—замѣчаетъ бывшій префектъ, раскачивая головой съ восхищеніемъ.

Всѣ присутствующіе въ восторгѣ. Дамы слегка улыбаются, припоминая вечера, проведенные въ оперѣ, мужчины одобряютъ покачиваніемъ головы. Этотъ Форъ, право, преталантливый. Одинъ другъ покойнаго говоритъ даже:

— Никогда не пѣвалъ онъ лучше... Какъ жаль, что бѣдный Вертёйль не можетъ его слышать; онъ его такъ любилъ!

Тѣмъ временемъ два старые господина у одной изъ колоннъ болтаютъ другъ съ другомъ и оцѣняютъ стоимость похоронъ. Говорили, что семья скупая, однако она сдѣлала приличныя похороны. Если считать круглымъ числомъ, то церковь получитъ девятьсотъ франковъ, да гробовщики шесть тысячъ франковъ, не считая пѣвчихъ, милостыни и всего остальнаго. Въ общемъ итогѣ выйдетъ около десяти тысячъ франковъ. Надо же поддержать свое достоинство. Пѣвчіе, въ черныхъ мантіяхъ, прохаживаются вокругъ катафалка; священники, въ числѣ двадцати человѣкъ, усложняютъ церемоніалъ, кланяются, хоромъ подхватываютъ латинскія фразы, размахиваютъ кропиломъ. Наконецъ, сама публика проходитъ мимо гроба и каждый кропитъ святой водой сукно съ большимъ бѣлымъ крестомъ, покрывающее гробъ; по выходѣ изъ церкви солнечный свѣтъ ослѣпляетъ глаза.

Чудный іюльскій день. Въ прозрачномъ воздухѣ носятся легкія паутинки. Въ этотъ моментъ передъ церковью на маленькой площади

воцаряется страшная суматоха. Люди, не желающіе провожать покойника на кладбище, жмутъ руки направо и налѣво и исчезаютъ. Кортежъ медленно выстраивается. Вдали, на концѣ улицы, уже виднѣется султанъ дрогъ, раскачивающійся и теряющійся изъ вида, когда площадь вся еще загромождена каретами. Слышно, какъ щелкаютъ дверца и лошади рысью бѣгутъ по мостовой. Наконецъ, экипажи выстраиваются и кортéжъ направляется къ кладбищу.

Въ каретахъ не стѣсняются и можно подумать, что сидящіе въ нихъ ѣдутъ въ „Лѣсъ", вдоль весенняго Парижа. Такъ какъ дрогъ больше не видать, то похороны скоро забыты, и завязываются разговоры; дамы толкуютъ о предстоящемъ лѣтнемъ сезонѣ, мужчины о дѣлахъ.

— Скажите, душа моя, вы опять ѣдете въ Біаррицъ этотъ годъ?

— Да, можетъ быть, сама не знаю еще. Но во всякомъ случаѣ не раньше августа мѣсяца... Въ пятницу мы уѣзжаемъ въ наше Луарское имѣніе.

— Я надѣюсь осенью посѣтить Италію. Я обожаю путешествія... Кромѣ того, мнѣ хочется видѣть папу!

— Ну, вотъ, mon cher, онъ и перехватилъ письмо, и они дрались,— о! легонько! такъ, небольшая царапина... Вечеромъ я обѣдалъ съ нимъ въ клубѣ. И даже онъ выигралъ у меня двадцать-пять луидоровъ.

— Не правда ли, собраніе акціонеровъ назначено на послѣ-завтра... Меня хотятъ избрать въ ревизіонную коммиссію. А я такъ занятъ, что право не знаю, можно ли мнѣ будетъ... Но тамъ увидимъ...

Кортéжъ съ минуту какъ уже въѣхалъ въ аллею. Свѣжая прохлада ложится отъ деревьевъ и солнечные лучи весело играютъ въ вѣтвяхъ. Вдругъ какая-то вѣтреная дама наклоняется къ дверцѣ кареты и вскрикиваетъ:

— Поглядите-ка! да здѣсь премило!—Въ этотъ самый моментъ кортéжъ вступилъ на Монпарнасское кладбище. Голоса умолкаютъ, слышенъ только скрипъ колесъ по песку аллей. Приходится забираться совсѣмъ въ глубь; тамъ находится склепъ де-Вертéйль изъ бѣлаго мрамора, нѣчто въ родѣ часовни, покрытой скульптурными украшеніями. Гробъ ставятъ передъ этой часовней и начинаются рѣчи. Ихъ всѣхъ произносится четыре. Бывшій министръ характеризуетъ политическую жизнь покойника, котораго онъ изображаетъ какъ скромнаго великаго человѣка, невѣдомаго генія, который бы спасъ Францію, еслибы не презиралъ интригу. Затѣмъ, другъ покойнаго распространяется на счетъ семейныхъ добродѣтелей того, кого всѣ оплакиваютъ. Затѣмъ, одинъ господинъ, фамиліи которою никто не знаетъ, говоритъ, въ качествѣ делегата промышленнаго общества, въ которомъ графъ де-Вертéйль былъ почетнымъ президентомъ. Наконецъ маленькій человѣчекъ, съ сѣрымъ лицомъ, держитъ рѣчь отъ

лица академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Во время всѣхъ этихъ рѣчей присутствующіе интересуются сосѣдними гробницами, читаютъ имена на мраморныхъ плитахъ. Кто насторожитъ уши, тотъ ловитъ только обрывки фразъ. Одинъ старикъ съ тонкими губами, до котораго долетаютъ слова: „...качества сердца, великодушіе и доброта великихъ душъ...“—качаетъ головой, бормоча:

— Ну, вотъ еще! я знавалъ его. Онъ былъ настоящій кулакъ.

Послѣднее прощальное привѣтствіе уносится въ воздухѣ, священники въ послѣдней разъ благословляютъ тѣло; народъ расходится и въ уединенномъ уголку кладбища остаются одни могильщики, спускающіе гробъ въ могилу. Веревки глухо скрипятъ; дубовый гробъ трещитъ. Графъ де-Вертёйль у себя дома.

А графиня, тѣмъ временемъ, лежитъ неподвижно на кушеткѣ. Она продолжаетъ играть кистями своего пояса и, устремивъ глаза въ потолокъ, кажется погруженной въ глубокую думу, которая мало-по-малу разрумяниваетъ щеки красивой блондинки.

III.

M-me Гераръ—вдова. Мужъ ея, котораго она лишилась восемь лѣтъ тому назадъ, былъ судьей. Она принадлежитъ къ высшей буржуазіи и владѣетъ состояніемъ въ два милліона. У нея трое дѣтей, три сына, которые по смерти отца получили въ наслѣдство по пятисотъ тысячъ франковъ. Но сыновья, въ этой строгой, холодной и чинной семьѣ выросли, непонятно какъ, шалопаями и мотами. Въ нѣсколько лѣтъ они промотали свои пятьсотъ тысячъ. Старшій, Шарль, пристрастился къ механикѣ и просадилъ безумныя деньги на невозможныя изобрѣтенія. Второй, Жоржъ, промоталъ все на женщинъ, третій, Морисъ, былъ обокраденъ пріятелемъ, съ которымъ затѣялъ-было построить театръ. Въ настоящее время всѣ трое сыновей живутъ у матери, которая соглашается ихъ кормить и содержать, но изъ предосторожности не разстается съ ключами отъ шкаповъ.

Весь этотъ людъ живетъ въ просторной квартирѣ улицы Тюреннъ, въ Марэ. M-me Гераръ шестьдесятъ-восемь лѣтъ. Вмѣстѣ съ годами развились у нея различныя маніи. Она требуетъ, чтобы въ ея домѣ царствовала монастырская тишина и чистота. Она скупа, считаетъ куски сахару, и сама прячетъ начатыя бутылки, сама выдаетъ бѣлье и посуду, по мѣрѣ надобности. Сыновья, конечно, очень ея любятъ и она сохраняетъ надъ ними, несмотря на ихъ тридцатилѣтній возрастъ и шалопайство, безусловное вліяніе. Но когда она видитъ себя наединѣ съ этими тремя балбесами, то испытываетъ смутную тревогу; она постоянно опасается, что у нея попросятъ денегъ, а

она не съумѣетъ отказать. Поэтому, она всѣ свои капиталы превратила въ недвижимую собственность; у нея три дома въ Парижѣ и участки земли близъ Венсенна. Это имущество причиняетъ ей много хлопотъ, но тѣмъ не менѣе ей такъ спокойнѣе; у нея есть предлогъ не выдавать слишкомъ много денегъ заразъ.

Вообще, Шарль, Жоржъ и Морисъ объѣдаютъ мать насколько могутъ. Они живутъ у нея и ссорятся изъ-за каждой крохи, попрекая другъ друга каждымъ кускомъ. Они опять будутъ богаты по смерти матери; они это знаютъ и, по ихъ мнѣнію, это достаточно хорошій предлогъ къ тому, чтобы жить въ праздности. Хотя они никогда объ этомъ не говорятъ, но постоянно думаютъ о томъ, какъ совершится дѣлежъ; если они не столкуются между собой, то придется продать имущество, а это всегда бываетъ разорительной операціей. И вотъ они размышляютъ обо всемъ этомъ, но безъ всякихъ злостныхъ мыслей, а такъ только, потому что надо все предвидѣть! Они веселы, добродушны, дюжинно честны; какъ и всѣ, они желаютъ, чтобы мать ихъ подольше жила. Они ждутъ, вотъ и все.

Однажды вечеромъ, выходя изъ-за стола, m-me Жераръ почувствовала себя нехорошо. Сыновья дождались, пока она легла въ постель и оставили ее съ горничной, когда она увѣрила ихъ, что ей лучше, что у нея просто-на-просто сильная мигрень. Но на другой день старухѣ стало хуже и встревоженный домашній врачъ потребовалъ консультаціи. M-me Гераръ въ опасномъ положеніи. И вотъ когда въ комнатѣ больной начинаетъ разыгрываться драма.

Ея первой заботой, когда она увидѣла себя прикованной къ постели, было спросить ключи и спрятать ихъ у себя подъ подушкой. Она хочетъ, не вставая съ постели, управлять домомъ, спасти свои шкапы отъ грабежа. Страшная борьба совершается въ ней, мучительныя сомнѣнія терзаютъ ее. Она принимаетъ рѣшеніе только послѣ долгихъ колебаній. Трое сыновей при ней и она мутными глазами изучаетъ ихъ лица, ждетъ вдохновенія.

Одинъ день Жоржъ внушаетъ ей больше довѣрія. Она дѣлаетъ ему знакъ подойти и говоритъ вполголоса:

— Возьми, вотъ ключъ отъ буфета, вынь сахаръ... Да смотри, не забудь запереть буфетъ и принеси мнѣ ключъ обратно.

На другой день она не довѣряетъ Жоржу, слѣдитъ за нимъ глазами, только-что онъ пошевелится, точно боится, что онъ положитъ себѣ въ карманъ бездѣлушки, стоящія на каминѣ. Она подзываетъ Шарля, поручаетъ ему на этотъ разъ ключи, бормоча:

— Горничная пойдетъ съ тобой. Присмотри за тѣмъ, какъ она выметъ простыни и самъ запри шкапъ.

Въ ея агоніи величайшей для ней мукой является то, что она не можетъ сама слѣдить за расходами дома. Ей припоминаются ду-

расточительства сыновей, громадныя суммы, которыя они выбросили за окошко. Она знаетъ, что они лѣнивы, любятъ хорошо поѣсть, съ безпутной головой и наклонностью къ мотовству. Давно уже она утратила къ нимъ всякое уваженіе, потому что они не осуществили ни одного изъ ея идеаловъ и оскорбляютъ ея привычки экономіи и строгости. Только привязанность къ нимъ все еще живетъ въ ней и заставляетъ относиться къ нимъ снисходительно. Но въ ея умоляющихъ взорахъ можно прочесть, что она Христомъ-Богомъ молитъ ихъ дать ей умереть, прежде чѣмъ начать опустошать ея ящики и дѣлить ея добро. Дѣлежъ при ея жизни разбилъ бы сердце умирающей скряги.

Между тѣмъ Шарль, Жоржъ и Морисъ очень добры къ ней. Они чередуются, чтобы ни на минуту не оставлять ее одну. Искренняя привязанность ихъ къ ней выражается въ мельчайшихъ услугахъ. Но роковымъ образомъ они вносятъ съ собой безпечность внѣшняго міра, запахъ сигары, выкуренной ими, развлеченіе новостями, обѣгающими городъ. И эгоизмъ больной страдаетъ оттого, что она не поглощаетъ всѣхъ думъ дѣтей въ моментъ своей кончины. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ она ослабѣваетъ, ея недовѣріе вызываетъ натянутыя отношенія между ней и молодыми людьми. Еслибы они и не помышляли о богатствѣ, которому должны наслѣдовать, то она заронила бы въ нихъ мысль о деньгахъ тѣмъ, какъ отстаиваетъ свою кубышку до послѣдней минуты. Она глядитъ на нихъ такъ пронзительно, съ такимъ страхомъ во взорѣ, что они наконецъ смущаются и отворачиваютъ голову. Тогда ей кажется, что они стерегутъ ея смерть, и по правдѣ сказать, они о ней думаютъ; она напоминаетъ имъ о ней нѣмымъ вопросомъ, выражающимся въ ея глазахъ. Она сама вселяетъ въ нихъ алчность. Когда она замѣтитъ, что кто-нибудь изъ нихъ задумался, то спрашиваетъ:

— Поди ко мнѣ... О чемъ ты думаешь?

— Ни о чемъ, матушка.

Но онъ вздрогнулъ при этомъ. Тогда она медленно качаетъ головой, прибавляя:

— Я много заботъ причиняю вамъ, дѣтушки. Потерпите, не безпокойтесь; скоро меня не будетъ въ живыхъ.

Они окружаютъ ее, клянутся, что любятъ и спасутъ ее. Она отвѣчаетъ „нѣтъ“ упрямымъ качаніемъ головы и еще сильнѣе укрѣпляется въ своемъ недовѣріи. Вотъ ужасная агонія, отравленная деньгами.

Болѣзнь длится три недѣли. Уже пять разъ сзывали консультацію и величайшія медицинскія знаменитости были приглашаемы. Горничная помогаетъ сыновьямъ ухаживать за матерью, но, несмотря на всѣ старанія, нѣкоторый безпорядокъ водворился въ комнатѣ.

Нѣтъ больше никакой надежды на выздоровленіе и врачъ объявилъ, что больная можетъ умереть съ минуты на минуту.

И вотъ, однажды утромъ, когда сыновья думаютъ, что мать спитъ, они начинаютъ бесѣдовать другъ съ другомъ у окна о возникающихъ дѣловыхъ затрудненіяхъ. Наступило 15 іюля; она имѣла обыкновеніе сама получать квартирныя деньги съ жильцовъ, и сыновья не знаютъ, какъ имъ теперь получить эти деньги. Привратники уже приходили за приказаніями. При ея слабости они не могутъ говорить ей о дѣлахъ, а между тѣмъ въ случаѣ катастрофы имъ понадобятся деньги на похороны.

— Боже мой!—сказалъ Шарль вполголоса:—я обойду, если хотите, жильцовъ... Они поймутъ наше положеніе и заплатятъ.

Но Жоржу и Морису, повидимому, не по сердцу это предложеніе. Они тоже стали недовѣрчивы.

— Мы могли бы сопровождать тебя,—говоритъ первый.

— Намъ всѣмъ троимъ предстоятъ расходы.

— Ну, такъ я вамъ и передамъ деньги... Не считаете же вы меня способнымъ убѣжать съ ними?

— Нѣтъ, но лучше намъ идти всѣмъ троимъ вмѣстѣ. Это будетъ правильнѣе.

И они глядятъ другъ на друга глазами, гдѣ уже свѣтятся неуступчивость и алчность дѣлежа. Наслѣдство на носу и каждый желаетъ получить львиную долю. Шарль вдругъ громко высказываетъ тайныя мысли братьевъ.

— Послушайте, мы все продадимъ, этакъ будетъ лучше... Если мы уже теперь ссоримся, то потомъ поѣдимъ другъ друга.

Но тутъ храпѣніе умирающей заставляетъ ихъ живо повернуть голову. Мать приподнялась, блѣдная, съ блуждающимъ взоромъ, вся трясясь. Она слышала ихъ; она протягиваетъ костлявыя руки и повторяетъ испуганнымъ голосомъ:

— Дѣти мои, дѣти мои...

Но тутъ конвульсивно падаетъ на подушки и умираетъ съ жестокой мыслью, что дѣти грабятъ ее.

Всѣ трое въ ужасѣ бросаются на колѣни передъ кроватью. Они цѣлуютъ руку покойницы и съ рыданіями закрываютъ ей глаза. Въ эту минуту молодость просыпается въ ихъ сердцѣ и они сознаютъ только одно, что осиротѣли. Но ужасная смерть матери заронила имъ въ сердцѣ угрызеніе совѣсти и какъ-бы ненависть другъ къ другу. Мать оставила имъ въ наслѣдство не только богатство, она завѣщала имъ также алчность и злобу.

Покойницу одѣваетъ горничная. Посылаютъ за монахиней, чтобы остаться при тѣлѣ. Въ это время сыновья бѣгаютъ по дѣламъ; имъ нужно объявить о смерти, заказать похоронные билеты и распоря-

диться на счетъ похоронъ. Ночью они чередуются и вмѣстѣ съ монахиней остаются при покойницѣ. Въ большомъ покоѣ, съ опущенными занавѣсами, покойница лежитъ на кровати съ скрещенными руками и серебрянымъ распятіемъ на груди. Возлѣ нея горитъ восковая свѣча. Вѣтка стоитъ въ водѣ, наполненной святой водой. Ночь проходитъ и наступаетъ свѣжее утро. Монахиня проситъ, чтобы ей дали теплаго молока, потому что чувствуетъ себя нехорошо.

Такъ какъ квартира находится въ первомъ этажѣ, то лѣстница наполняется народомъ за часъ до погребальнаго шествія. Къ счастію, при домѣ есть большой дворъ, куда посѣтители рѣшаются сойти въ ожиданіи церемоніи. Ворота обтянуты чернымъ сукномъ съ бѣлой бахромой. Тамъ стоитъ гробъ, точно въ тѣсной часовнѣ, окруженный восковыми свѣчами, прикрытый двумя громадными вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ. Каждый приходящій беретъ кропило и кропитъ тѣло святой водой. Въ одиннадцать часовъ погребальное шествіе выступаетъ. Сыновья покойной руководятъ процессіей. Между присутствующими много судейскихъ, нѣсколько богатыхъ промышленниковъ, цѣлая толпа степенныхъ и важныхъ буржуа, двигающихся размѣреннымъ шагомъ, искоса поглядывя на любопытныхъ, выровнявшихся вдоль троттуаровъ. Шествіе замыкается двѣнадцатью траурными каретами. Кварталъ считаетъ ихъ и онѣ производятъ сенсацію.

Между тѣмъ присутствующіе соболѣзнуютъ о Шарлѣ, Жоржѣ и Морисѣ; они, во фракахъ, черныхъ перчаткахъ, идутъ позади гроба, поникнувъ головой, съ красными отъ слезъ глазами. Всѣ хоромъ признаютъ, что они хорошо распорядились и хоронятъ мать съ честью. Дроги третьяго разряда и присутствующіе разсчитываютъ, что похороны обойдутся въ нѣсколько тысячъ франковъ. Одинъ старикъ нотаріусъ замѣчаетъ съ тонкой улыбкой:

— Еслибы m-me Герарь сама заказала свои похороны, она бы сократила число каретъ по крайней мѣрѣ на половину.

Въ церкви дверь обтянута сукномъ, органъ играетъ, отпускная дается приходскимъ священникомъ. Служба длится три-четверти часа. Затѣмъ, когда присутствующіе проходятъ мимо тѣла, они находятъ всѣхъ трехъ сыновей при входѣ въ церковь выстроившимися въ рядъ, чтобы проститься съ тѣми, кто не можетъ провожать покойницу до кладбища. Въ теченіи двадцати минутъ они стоятъ съ протянутыми руками, пожимая руки гостей, не узнавая ихъ въ лицо. Они раскланиваются и бормочатъ что-то, кусая губы, сдерживая слезы. Они чувствуютъ большое облегченіе, когда церковь наконецъ пустѣетъ и они могутъ возобновить свое медленное шествіе за гробомъ.

Склепъ фамиліи Герарь находится на кладбищѣ Père Lachaise. До него недалеко изъ квартала Марэ. Многіе идутъ пѣшкомъ, нѣкоторые садятся въ траурныя кареты. Кортѣжъ пересѣкаетъ Ба-

стильскую площадь и сворачиваетъ въ улицу Ла-Рокетъ. Прохожіе поднимаютъ головы, снимаютъ шляпы и читаютъ букву *Г*, вышитую серебромъ на драпировкѣ дрогъ. То богатые похороны, и рабочіе этого люднаго квартала глядятъ на нихъ, закусывая сосисками съ хлѣбомъ.

Вступивъ на кладбище, шествіе поворачиваетъ налѣво и тотчасъ же приходятъ къ склепу. То небольшой памятникъ, родъ готической часовни, на фронтонѣ которой вырѣзаны слова: *Фамилія Гераръ*. Чугунная рѣзная дверь раскрыта настежь и черезъ нея виденъ алтарь, на которомъ горятъ восковыя свѣчи. Вокругъ этого памятника другіе сооруженія въ томъ же родѣ образуютъ переулки; можно подумать, что тутъ выставка мебельнаго магазина со шкапами, комодами, конторками, только-что отдѣланными и симметрично разставленными на выставкѣ. Присутствующіе разсѣяны, заняты окружающей архитектурой и ищутъ тѣни подъ жидкими деревьями аллеи. Одна дама отправилась любоваться великолѣпнымъ розовымъ кустомъ, выросшемъ, точно цвѣтущій и душистый букетъ, на сосѣдней могилѣ.

Между тѣмъ гробъ спустили въ склепъ, священникъ читаетъ надъ нимъ послѣднія молитвы, а могильщики въ синихъ курткахъ дожидаются въ нѣсколькихъ шагахъ. Сыновья рыдаютъ, устремивъ глаза на разверзстый склепъ, съ котораго сняли плиту. Тамъ, подъ этой прохладной тѣнью, лягутъ и они въ свое время. Друзья уводятъ ихъ, когда могильщики подходятъ.

А два дня спустя, на собраніи у нотаріуса ихъ покойной матери они спорятъ съ стиснутыми зубами и сухими глазами, съ ожесточеніемъ враговъ, рѣшившихся не уступать ни одного сантима. Въ ихъ интересахъ было бы подождать и не торопиться съ продажей имущества. Но они высказываютъ другъ другу правду въ глаза: Шарль все размотаетъ съ своими изобрѣтеніями; Жоржа навѣрное оберетъ какая-нибудь дѣвчонка, а Морисъ непремѣнно ввяжется въ какое-нибудь предпріятіе, которое поглотитъ ихъ капиталы. Тщетно нотаріусъ старается склонить ихъ къ полюбовной сдѣлкѣ. Они расходятся, грозя другъ другу судомъ.

Въ нихъ проснулась покойница съ ея скупостью и боязнью быть ограбленной. Когда деньги отравляютъ смерть, смерть порождаетъ только злобу. Надъ гробомъ начинается потасовка.

IV.

М-r Руссо́ женился двадцати лѣтъ на восемнадцатилѣтней сиротѣ, Адели Лемерсье. Обзаводясь хозяйствомъ, они имѣли семьдесятъ франковъ капитала. Сначала они продавали почтовую бумагу и сургучъ подъ воротами. Затѣмъ наняли лачугу, лавчонку, величи-

ной съ ладонь, въ которой просидѣли десять лѣтъ, мало-по-малу расширяя свою торговлю. Теперь у нихъ есть бумажный магазинъ въ улицѣ Клиши, который стоитъ добрыхъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. У нихъ уже есть кое-какія сбереженія, но они разсчитали, что имъ нужно проработать еще лѣтъ десять, если они хотятъ удалиться въ провинцію и жить спокойно рантьерами.

Адель не очень крѣпкаго здоровья. Спертый воздухъ магазина, неподвижное сидѣніе за прилавкомъ для нея никуда не годятся. Врачъ, съ которымъ она посовѣтовалась, предписалъ ей покой и прогулки въ хорошую погоду. Но это такія предписанія, которымъ невозможно слѣдовать, когда желаешь поскорѣе сколотить копѣйку чтобы приготовить себѣ спокойную старость. Адель говоритъ, что она отдохнетъ и нагуляется впослѣдствіи, когда они продадутъ магазинъ и переселятся въ провинцію.

Самого Руссо тревожатъ, конечно, подчасъ ея блѣдность и красныя пятна на щекахъ. Но его поглощаетъ торговля; онъ не можетъ ходить по пятамъ жены и мѣшать ей быть неосторожной. По цѣлымъ недѣлямъ онъ не успѣваетъ переговорить съ ней на счетъ ея здоровья! Но, вотъ, его поразилъ ея сухой кашель. Тогда онъ разсердился, и заставилъ ее надѣть шаль и прогуляться съ нимъ въ Елисейскихъ поляхъ. Но она возвращается съ прогулки утомленная и кашляетъ сильнѣе. Дѣла снова захватываютъ Руссо, болѣзнь снова забывается до новаго кризиса. Такъ бываетъ всегда у торговыхъ людей: они умираютъ, за неимѣніемъ досуга лечиться.

Однажды m-r Руссо отводитъ врача въ сторону и проситъ его сказать откровенно: находится ли его жена въ опасности? Врачъ начинаетъ съ того, что говоритъ, что надо всегда разсчитывать на природу; что онъ видѣлъ, какъ люди болѣе серьёзно больные выздоравливали. Затѣмъ, когда его прижали къ стѣнкѣ, признался, что у m-me Руссо чахотка и даже въ значительной степени. Мужъ весь побѣлѣлъ, услышавъ это признаніе. Онъ любитъ Адель за тѣ долгія усилія, какія раздѣлялъ съ нею, прежде чѣмъ они получили возможность каждый день ѣсть бѣлый хлѣбъ. Въ ней онъ нашелъ не только жену, но и помощника, толковость и дѣятельность котораго ему хорошо извѣстны. Если онъ лишится ея, то это будетъ заразъ ударъ его сердцу и его торговлѣ. Однако ему необходимо призвать на помощь свое мужество. Онъ не можетъ запереть магазинъ, чтобы плакать на свободѣ. И вотъ, онъ рѣшается ни слова не говорить Адели и не пугать ее, показавшись ей съ красными глазами. Онъ возвращается къ обычному образу жизни. Черезъ мѣсяцъ, когда онъ вспоминаетъ объ этихъ грустныхъ вещахъ, то говоритъ себѣ, что врачи зачастую ошибаются и что женѣ его на видъ нисколько не

хуже. Кончается тѣмъ, что она медленно угасаетъ у него на глазахъ, а онъ не особенно мучится этимъ, поглощенный дѣлами; онъ, конечно, ждетъ катастрофы, но мысленно отдаляетъ ее на неопредѣленный срокъ.

Адель безпрестанно повторяетъ:

— Ахъ! когда мы переселимся въ деревню, ты увидишь, какъ я буду здорова.... Боже мой! намъ осталось ждать всего восемь лѣтъ; они скоро пройдутъ.

А Руссб и въ голову не приходитъ, что они могли бы бросить дѣло немедленно, удовольствовавшись меньшими сбереженіями. Къ тому же, Адель на это не согласилась бы. Когда назначешь себѣ цифру, то надо ее достигнуть.

Между тѣмъ уже два раза m-me Руссб приходилось пролежать нѣкоторое время въ постелѣ. Она однако поднималась на ноги, и снова усаживалась за прилавокъ. Но сосѣди говорятъ: „бѣдняжка не долго протянетъ". И они не ошибаются. Какъ разъ въ моментъ повѣрки магазина, она въ третій разъ слегла въ постель. Врачъ пріѣхалъ утромъ, поговорилъ съ ней и написалъ рецептъ съ разсѣяннымъ видомъ. Руссб, предупрежденный, знаетъ, что приближается роковая развязка. Но инвентарь удерживаетъ его внизу, въ лавкѣ, и ему съ трудомъ удается вырваться время отъ времени минутъ на пять къ женѣ. Онъ приходитъ къ ней, когда у ней сидитъ врачъ; потомъ уходитъ съ нимъ вмѣстѣ и опять появляется на минуту передъ завтракомъ. Онъ ложится спать въ одиннадцать часовъ въ кабинетѣ, куда ему постилаютъ соломенный матрацъ. Ухаживаетъ за больной служанка, Франсуаза. Бѣдовая дѣвка, эта Франсуаза; овернятка съ грубыми большими ручищами и весьма умѣренной опрятности и вѣжливости. Она толкаетъ умирающую, съ ворчаніемъ подаетъ ей лекарство, нестерпимо шумитъ, подметая комнату, которую держитъ въ большомъ безпорядкѣ. Захватанныя стклянки валяются на комодѣ, тазы никогда не моются, тряпки висятъ на спинкахъ креселъ; не знаешь, гдѣ ступить, до того полъ заваленъ всякой дрянью. Но m-me Руссб не жалуется и довольствуется тѣмъ, что стучитъ кулакомъ въ стѣну, когда на ея зовъ Франсуаза не откликается. Франсуазѣ не одно дѣло—за ней ходить; она должна прибирать лавку, стряпать для хозяина и приказчиковъ, не считая бѣготни съ порученіями и другія разныя непредвидѣнныя дѣла. Поэтому больная не можетъ требовать, чтобы она отъ нея не отходила ни на минуту. За ней ухаживаютъ урывками.

Впрочемъ, лежа въ постели Адель занимается торговлей. Она слѣдитъ за продажей, каждый вечеръ освѣдомляется о томъ, какъ идутъ дѣла. Инвентарь ее безпокоитъ. Когда мужу удается забѣжать къ ней на минутку, она никогда не говоритъ съ нимъ о своемъ здоровьѣ.

а разспрашиваетъ про барыши, на которые можно разсчитывать. Она очень огорчается, узнавъ, что годъ вышелъ посредственный и далъ на тысячу четыреста франковъ меньше, чѣмъ предъидущій. Когда лихорадка трясетъ ее, она припоминаетъ про заказы, сдѣланные на прошлой недѣлѣ, распутываетъ счеты, руководитъ домомъ, и сама отсылаетъ мужа, когда онъ засидится въ ея комнатѣ. Его присутствіе ее не вылечитъ, а повредитъ дѣлу. Она увѣрена, что приказчики зѣваютъ, вмѣсто того, чтобы работать.

— Сойди внизъ, мой другъ, мнѣ ничего не надо, увѣряю тебя. Да незабудь заказать реестры. Скоро начнутся классы, и мы рискуемъ остаться безъ нихъ.

Долгое время она заблуждается на счетъ своего положенія. Она все надѣется встать завтра и снова засѣсть за прилавкомъ. Она даже составляетъ различные планы; если ей можно будетъ скоро выдти изъ дому, то они проведутъ одно изъ воскресеньевъ въ Сенъ-Клу. Никогда еще ей такъ не хотѣлось поглядѣть на деревья. Затѣмъ, вдругъ въ одно утро она нахмурилась. Ночью, лежа одинокой, съ раскрытыми глазами, она поняла, что должна умереть. Она до вечера не проронила ни словечка и все размышляла, устремивъ глаза въ потолокъ, а вечеромъ задержала мужа и спокойно заговорила съ нимъ, какъ будто дѣло шло о накладной.

— Послушай,—сказала она,—приведи завтра ко мнѣ нотаріуса. Здѣсь есть одинъ по близости, въ улицѣ Сенъ-Лазаръ.

— Зачѣмъ тебѣ нотаріусъ!—вскрикиваетъ Руссо.—Дѣло не такъ плохо, слава Богу.

Но она продолжаетъ съ своимъ спокойнымъ и разсудительнымъ видомъ:

— Можетъ быть! Но только я буду спокойнѣе, когда дѣла будутъ въ порядкѣ... Мы женились при условіи общаго имущества, когда у насъ не было за душой ни копѣйки, ни у тебя, ни у меня. Теперь, когда мы сколотили копѣйку, я вовсе не желаю, чтобы послѣ моей смерти мои родные обобрали тебя... Сестра Агата не настолько добра ко мнѣ, чтобы я оставила ей что-нибудь. Я ужъ лучше забрала бы все съ собой въ могилу.

И настаиваетъ, чтобы мужъ на другой день сходилъ за нотаріусомъ. Она долго толкуетъ съ послѣднимъ, чтобы всѣ предосторожности были приняты и не было никакого повода къ оспариванію завѣщанія. Когда завѣщаніе составлено и нотаріусъ ушелъ, она вытягивается въ постелѣ, бормоча:

— Теперь я могу умереть спокойно... Я однако заработала себѣ право пожить въ деревнѣ; не могу сказать, чтобы я не сожалѣла о деревнѣ. Но ты въ ней поселишься, не правда ли... Обѣщай мнѣ

поселиться въ томъ мѣстѣ, которое мы съ тобой избрали; знаешь то село, гдѣ родилась твоя мать, возлѣ Медёна. Мнѣ это будетъ пріятно.

M-r Руссо́ заливается горькими слезами. Она утѣшаетъ его, даетъ ему добрые совѣты. Если ему будетъ скучно одному, то пускай онъ женится вторично, но только пусть выберетъ женщину постарше, а то молодыя дѣвушки выходятъ бо́льшею частію за вдовцовъ только изъ-за денегъ. И она называетъ ему даже одну даму, ихъ знакомую, съ которой ей пріятно будетъ если онъ соединится.

Затѣмъ въ ту же ночь она переживаетъ мучительную агонію. Она задыхается, проситъ воздуха.

Франсуаза заснула, сидя на стулѣ. Руссо́, стоя у кровати, можетъ только взять руки умирающей и пожать ихъ, чтобы сказать ей, что онъ здѣсь, что онъ ее не покидаетъ.

Утромъ вдругъ она испытываетъ облегченіе; она очень блѣдна, глаза ея закрыты и она медленно дышетъ. Мужъ полагаетъ, что можетъ спуститься вмѣстѣ съ Франсуазой и отпереть лавку. Когда онъ всходитъ наверхъ, то находитъ жену такою же блѣдною и застывшею въ той же позѣ. Но только глаза ея открыты. Она умерла.

Давно уже Руссо́ ожидалъ ея смерти. Онъ не плачетъ, онъ едва на ногахъ стоитъ отъ усталости. Онъ спускается внизъ и глядитъ, какъ Франсуаза снова запираетъ ставни лавки и собственноручно пишетъ на листѣ бумаги: „Заперто по случаю кончины", потомъ приклеиваетъ листъ къ ставнямъ четырьмя облатками. Наверху все утро проходитъ въ чисткѣ и уборкѣ комнаты. Франсуаза вытираетъ полъ мокрой тряпкой, убираетъ всѣ стклянки, ставитъ возлѣ покойницы зажженную восковую свѣчу и чашку съ святой водой; ждутъ сестру Адели, ту самую Агату, у которой языкъ точно змѣиное жало, и Франсуаза не хочетъ, чтобы она могла попрекнуть ее въ томъ, что она худо содержитъ хозяйство. M-r Руссо́ послалъ одного изъ приказчиковъ выполнить всѣ формальности. Самъ онъ отправился въ церковь и долго торговался на счетъ погребенія: потому что онъ въ горѣ, это не значитъ, что его нужно грабить. Онъ очень любилъ жену, и если она еще можетъ его видѣть, то навѣрное довольна, что онъ торгуется съ священниками и гробовщиками. Совсѣмъ тѣмъ онъ желаетъ, ради квартала, чтобы все было, какъ слѣдуетъ. Наконецъ онъ поладилъ со всѣми: онъ даетъ сто-шестьдесятъ франковъ церкви и триста франковъ гробовщикамъ. Онъ разсчитываетъ, что съ мелочными расходами онъ не отдѣлается дешевле пятисотъ франковъ.

Когда m-r Руссо́ возвращается домой, то находитъ свою невѣстку Агату возлѣ покойницы. Агата—высокая, сухопарая особа, съ красными глазами, и безцвѣтными, тонкими губами. Въ послѣдніе три года сестра и зять были съ ней въ ссорѣ и не видались! Она церемонно встаетъ и цѣлуетъ зятя. Передъ лицомъ смерти всѣ ссо-

ры должны прекращаться. Тогда m-r Руссó, который не могъ плакать утромъ, заливается слезами, найдя свою бѣдную жену блѣдною и недвижимою, съ удлинившимся носомъ и такимъ исхудалымъ лицомъ, что едва можетъ ее узнать. Агата не проронила ни слезинки. Она усѣлась въ самое покойное кресло и медленно обводитъ глазами комнату, точно желая составить самый точный инвентарь мельчайшихъ предметовъ. До сихъ поръ она не заговаривала о денежныхъ вопросахъ, но видно, что она въ тревожномъ настроенiи духа и должно быть съ смертельнымъ страхомъ задаетъ себѣ вопросъ: есть ли завѣщанiе, или нѣтъ.

Въ утро похоронъ, въ тотъ моментъ, какъ покойницу кладутъ въ гробъ, оказывается, что гробовщикъ ошибся и прислалъ слишкомъ короткiй гробъ. Факельщики принуждены идти за другимъ гробомъ. Между тѣмъ дроги ждутъ у дверей, весь кварталъ на ногахъ. M-r Руссó находитъ всѣ эти церемонiи очень долгими и тяжелыми. Еслибы еще жена его могла воскреснуть отъ того, что ее такъ долго не хоронятъ! Когда въ домѣ мертвецъ, то какъ бы ни любилъ его, а наступаетъ такая минута, когда готовъ умолять людей унести его съ глазъ долой и припрятать подальше. Наконецъ факельщики укладываютъ бѣдную m-me Руссó въ гробъ и онъ въ теченiи пяти минутъ выставленъ внизу у дверей, обитыхъ чернымъ. Человѣкъ сто дожидается на улицѣ: мѣстные торговцы, жильцы дома, друзья семейства, нѣсколько работниковъ въ пальто. Кортéжъ трогается съ мѣста, m-r Руссó предводительствуетъ процессiей.

На ея пути сосѣдки крестятся и торопливо шепчутся: „это бумажная торговка, не правда ли? знаете, бѣдная маленькая женщина, такая желтая, и у которой были только кожа да кости. Ну, что-жъ! ей будетъ лучше въ могилкѣ! Судьба-то наша, однако, какъ подумаешь. Вѣдь они достаточные торговцы; они работали, чтобы обезпечить свою старость! Вотъ теперь бѣдная женщина осталась непричемъ. И сосѣдки находятъ m-r Руссó очень интереснымъ, очень приличнымъ, потому что онъ идетъ за гробомъ съ непокрытой головой, одинокiй, блѣдный, и рѣдкiе волосы его развѣваются на вѣтрѣ.

Въ церкви въ сорокъ минутъ попы отмахали церемонiю. Агата, помѣстившаяся въ первомъ ряду, какъ будто считаетъ сколько зажжено свѣчей. Конечно, она думаетъ, что зять истратилъ слишкомъ много денегъ; вѣдь если нѣтъ завѣщанiя и она наслѣдуетъ половину имущества, то должно будетъ заплатить половину издержекъ на похороны. Священникъ читаетъ послѣднюю молитву, кропило передается изъ рукъ въ руки, и выходятъ изъ церкви. Почти всѣ расходятся. Наняты только три похоронныхъ кареты и въ нихъ усаживаются дамы. За гробомъ остается одинъ Руссó, все съ непокрытой головой и человѣкъ тридцать друзей, нерѣшающихся разойтись. Дроги убра-

ны только черной драпировкой съ бѣлой бахромой. Прохожіе снимаютъ шляпы и поспѣшно проходятъ.

Такъ какъ у m-r Руссо́ нѣтъ семейной гробницы, то онъ купилъ просто пятилѣтнюю концессію на Монмартрскомъ кладбищѣ, обѣщаясь самому себѣ, пріобрѣсти впослѣдствіи вѣчную концессію и окончательно водворить жену въ могилѣ.

Когда разбогатѣешь, то позаботишься о томъ, чтобы возобновить свою мебель и обставить себя пороскошнѣе; но никогда не подумаешь о томъ, чтобы пріобрѣсти клочокъ земли на кладбищѣ. Надо, чтобы смерть застигла васъ врасплохъ, тогда только начинаешь помышлять о мѣстѣ, гдѣ придется спать вмѣстѣ съ близкими людьми.

Дроги останавливаются на концѣ одной аллеи и гробъ проносятъ на рукахъ мимо низкихъ могилъ, до ямы, вырытой въ рыхлой землѣ. Присутствующіе топчутся съ минуту на мѣстѣ. Затѣмъ священникъ уходитъ, пробормотавъ словъ двадцать сквозь зубы. Со всѣхъ сторонъ виднѣются маленькіе садики, обнесенные рѣшетками; могилы, украшенныя левкоями и зелеными деревьями; бѣлыя плиты, среди всей этой зелени кажутся новёхонькими и веселенькими. M-r Руссо́ особенно поражаетъ одна изъ такихъ плитъ, узенькая плита съ небольшой урной посрединѣ. Утромъ мраморщикъ приходилъ мучить его своими планами, и онъ рѣшаетъ, что въ ожиданіи, пока онъ пріобрѣтетъ вѣчную концессію, онъ велитъ положить на могилу жены такую плиту съ такой урной.

Между тѣмъ Агата уводитъ его и по возвращеніи въ лавку рѣшается, наконецъ, заговорить о дѣлахъ. Когда она узнаетъ, что есть завѣщаніе, она выпрямляется во весь ростъ и уходитъ, хлопнувъ дверью. Никогда больше нога ея не переступитъ за порогъ этой лачуги. M-r Руссо́ минутами испытываетъ приливы сильнаго горя; но что́ его окончательно выбиваетъ изъ колеи и дѣлаетъ совсѣмъ дуракомъ, незнающимъ куда дѣвать руки и ноги, такъ это то, что магазинъ запертъ въ будній день.

V.

Зима стояла лютая. Ни работы, ни хлѣба, ни топлива у бѣднаго люда. Морены пропадали отъ нищеты съ октября и по февраль мѣсяцъ. Жена прачка, мужъ каменьщикъ. Они живутъ въ Батиньолѣ, въ улицѣ Кардинэ, въ мрачномъ домѣ, отравляющемъ весь кварталъ. Комната ихъ, въ пятомъ этажѣ, до того ветха, что дождь входитъ черезъ потолокъ. Вѣтеръ тамъ у себя дома. Морены все бы легче перенесли это, еслибы не ихъ сынишка, Шарло, десятилѣтній мальчуганъ, которому необходима была бы хорошая пища, чтобы вырости

сильнымъ мужчиной. Ребенокъ слабый, бездѣлица сваливаетъ его съ ногъ. Когда онъ ходилъ въ школу, то какъ только принимался ретиво учиться, желая всему сразу научиться, непремѣнно заболѣвалъ. При этомъ онъ очень смышленый, славный мальчуганъ, разсуждающій точно взрослый. У каменьщика и у прачки, натурально, сердце болитъ, когда они не могутъ накормить мальчика. Сами они подтягиваютъ себѣ животы; но у ребятишекъ животикъ слишкомъ нѣженъ, чтобы его можно было стягивать. Тѣмъ болѣе, что дѣти мрутъ, какъ мухи въ домѣ, до того это нездоровое жилье.

Февраль въ этомъ году вышелъ снѣжнымъ. На улицахъ разбиваютъ ледъ и даже дядя Моренъ могъ найти себѣ работу; онъ расчищаетъ замерзшія лужи, и вечеромъ приноситъ домой сорокъ су. Въ ожиданіи пока начнутся постройки, этого все же достаточно, чтобы не умереть съ голода. Но однажды вечеромъ, возвращаясь домой, онъ находитъ Шарло въ постелѣ. Мать не знаетъ чтò съ нимъ такое. Она посылала его въ Курсель, къ теткѣ, торгующей старымъ тряпьемъ, поглядѣть, не найдется ли у нея куртки потеплѣе, чѣмъ его собственная; онъ вѣдь всю зиму ходилъ въ полотняной курткѣ. У тетки оказались только старые пальто со взрослыхъ мужчинъ, и мальчикъ вернулся весь дрожа, съ безсмысленнымъ лицомъ, точно пьяный. Теперь онъ лежитъ красный какъ ракъ, на подушкѣ, городитъ вздоръ, воображаетъ, что играетъ въ кегли и поетъ пѣсни.

Въ комнатѣ темно, потому что m-me Моренъ повѣсила обрывокъ шали передъ окномъ, чтобы закрыть разбитыя стекла; наверху остались незакрытыми только два стекла, пропускающія грязноватый свѣтъ. Нищета опорожнила комодъ. Все бѣлье въ закладѣ. Разъ вечеромъ, чтобы купить хлѣба, даже продали столъ и два стула. Теперь остается только доска на двухъ подставкахъ, два стула и кровать. Шарло спалъ на полу. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ боленъ, ему уступили кровать, хотя все-таки ему непокойно, потому что изъ матраца повытаскали много шерсти и стащили ее къ торговкѣ старыми вещами, которая платитъ по десяти су за фунтъ шерсти. Теперь отецъ и мать спятъ на полу, на соломенномъ тюфякѣ, отъ котораго отвернулись бы собаки.

Между тѣмъ родители глядятъ на Шарло, который мечется въ постелѣ. Чтò такое случилось съ мальчуганомъ, что онъ бредитъ? Ужъ не укусила ли его бѣшеная собака, или не опоили ли его какимъ зельемъ? Пришла сосѣдка, m-me Боннэ, и, поглядѣвъ на больного, стала утверждать, что это горячка. Ей знакома эта болѣзнь, отъ нея умеръ ея мужъ. Эти слова жестоко пугаютъ Мореновъ, мать плачетъ, сжимая Шарло въ своихъ объятіяхъ, отецъ выбѣгаетъ какъ полоумный, чтобы привести доктора. Онъ дѣйствительно приводитъ какого-то очень высокаго, съ чопорнымъ видомъ; при входѣ въ комнату на

лицѣ у него изображается отвращеніе. Однако онъ выслушиваетъ спину мальчика, стучитъ ему въ грудь, не говоря ни слова. Потомъ проситъ пера, чтобы написать рецептъ; но у Мореновъ нѣтъ пера, и m-me Боннэ приноситъ отъ себя карандашъ и клочокъ бумаги. Написавъ рецептъ, докторъ уходитъ, все не говоря ни слова. Тогда мать въ тревогѣ идетъ за нимъ, говоря задавленнымъ голосомъ:

— Чтó съ нимъ такое, сударь?

— Плевритъ,—отвѣчаетъ тотъ, безъ всякаго объясненія.

Потомъ въ свою очередь спрашиваетъ:

— Записаны ли вы въ благотворительномъ бюро?

— Нѣтъ, сударь... Мы не нуждались прошлымъ лѣтомъ. Насъ доконала зима.

— Тѣмъ хуже! тѣмъ хуже!

И сходитъ съ лѣстницы, избѣгая дотрогиваться до перилъ, покрытыхъ грязью, однако обѣщая навѣдаться и завтра. Но величайшее затрудненіе заключается теперь въ томъ, чтобы сходить въ аптеку и купить лекарство. M-me Боннэ даетъ въ долгъ двадцать су. Вмѣстѣ съ сорока су, принесенными дядей Мореномъ, это составляетъ три франка; а такъ какъ лекарство обходится въ два франка двадцать-пять сантимовъ, то остается еще пятнадцать су, чтобы купить каменнаго угля и сальную свѣчку. Первая ночь проходитъ благополучно. Мать затопила печку. Больной, усыпленный жарой, стихъ. Маленькія ручки его горятъ; все тѣло точно раскаленное. Морены успокоиваются, видя его окованнымъ горячкой. Они говорятъ, что дѣло обойдется и снова пугаются до смерти, когда докторъ на другой день качаетъ головой и какъ будто объявляетъ, что дѣло плохо.

Въ теченіи пяти дней не происходитъ никакой перемѣны; больной лежитъ, какъ пластъ. Въ комнатѣ нищета выдаетъ себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо; она какъ-будто проникаетъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, черезъ скважины оконъ и дверей. На второй вечеръ пришлось опять вытащить охабки шерсти изъ-подъ больного, чтобы было чѣмъ заплатить въ аптеку. На третій вечеръ продали послѣднія двѣ рубашки матери. Затѣмъ, истощивъ всѣ средства, не знаютъ, чтó и предпринять. Дядя Моренъ продолжаетъ наниматься разбивать ледъ; но только сорока су теперь уже недостаточно. Къ тому же, работа неважная и можетъ прекратиться каждую минуту. Такъ какъ докторъ сказалъ, что эта лютая стужа вовсе не годится для ребенка и можетъ свести его въ могилу, Морены желаютъ оттепели, хотя тутъ же соображаютъ, что вмѣстѣ съ оттепелью отецъ лишится послѣдняго заработка. Утромъ, выходя изъ дома, онъ радуется видя улицы покрытыми снѣгомъ, и всѣ лужи замерзшими; потомъ вспоминаетъ про мальчика, томящагося на чердакѣ, и желаетъ солнечнаго луча, весенняго тепла, которые согнали бы снѣгъ.

Ахъ! еслибы они были записаны въ благотворительномъ бюро, то пользовались бы медицинской помощью и лекарствами даромъ. Мать ходила въ мэрію, но ей отвѣчали, что слишкомъ много желающихъ и ей надо подождать. Ей выдали нѣсколько квитанцій на полученіе хлѣба; одна сострадательная дама дала ей франкъ. Затѣмъ, нищета одолѣваетъ ихъ по прежнему. На пятый день болѣзни Моренъ приноситъ послѣдніе сорокъ су. Началась оттепель и его разсчитали. Тогда начинается агонія; печку топить нечѣмъ, хлѣба нѣтъ, за лекарствомъ въ аптеку идти не съ чѣмъ. Въ темной, сырой комнатѣ отецъ и мать дрожатъ отъ холода, возлѣ мальчика, умирающаго. M-me Боннэ перестала ходить къ нимъ, потому что она чувствительна и ей тяжело глядѣть на нихъ. Остальные жильцы торопливо проходятъ мимо ихъ двери. Минутами рыданія тѣснятъ грудь m-me Моренъ и она бросается на кровать, точно думаетъ облегчить страданія своего ребенка и вылечить его, прижавъ къ груди. Моренъ, одурѣлый, по цѣлымъ часамъ стоитъ у окна, приподнявъ уголокъ шали и глядя на оттепель, на воду, крупными каплями сбѣгающую съ крышъ на мостовую. Онъ пытается утѣшать себя мыслію, что, быть можетъ, Шарло станетъ легче.

Въ одно утро докторъ объявляетъ, что больше не придетъ, потому что это безполезно. Ребенокъ не встанетъ.

— Сырое время окончательно сгубило его,—прибавляетъ онъ.

Тогда Моренъ грозитъ кулакомъ небу. Всякая погода вредна, значитъ, для бѣдняковъ! Былъ морозъ, и это было худо; началась оттепель, стало и того хуже. Если жена согласна, то не зажечь ли имъ жаровни съ углемъ и отправиться на тотъ свѣтъ всѣмъ троимъ. Лучше покончить сразу, если нельзя больше терпѣть, и для нихъ нѣтъ на землѣ мѣста. Между тѣмъ m-me Моренъ опять сходила въ мэрію, тамъ ей обѣщали доставить пособіе. И вотъ они ждутъ. О! какъ дологъ и тяжелъ день. На улицѣ слышно, какъ льетъ дождь. Мракъ и холодъ струится отъ потолка; въ одномъ углу проходитъ дождь и надо было поставить глиняный горшокъ для воды. Со вчерашняго дня мать и отецъ ничего не ѣли, ребенокъ выпилъ только чашку липоваго цвѣта, принесенную привратницей. Моренъ, сидя передъ доской, служащей имъ вмѣсто стола, уронилъ голову на руки; онъ не спитъ, но совсѣмъ отупѣлъ, въ ушахъ у него звонъ. Какъ только въ корридорѣ раздадутся шаги, m-me Моренъ бѣжитъ къ двери, думая, что это можетъ быть обѣщанное пособіе. Въ шесть часовъ наступаетъ ночь, а никто еще не приходилъ. Ихъ окружаютъ потемки, мрачныя, холодныя, томительныя и зловѣщія, какъ агонія.

Вдругъ Шарло бормочетъ прерывающимся голосомъ:

— Мамаша, мамаша...

Мать подходитъ и чувствуетъ на лицѣ его дыханіе. Затѣмъ съ насту-

пающей темнотой дыханіе становится нечувствительно и она видитъ, какъ ребенокъ опрокидывается назадъ, въ окоченѣлой позѣ. Она кричитъ, она молитъ:

— Свѣчу! зажгите свѣчу!... Шарло, скажи мнѣ что-нибудь.

Нѣтъ больше свѣчей. Дрожащими руками силится она зажечь спички, но онѣ ломаются въ ея пальцахъ. Наконецъ ей удается освѣтить безжизненное лицо Шарло, которое тотчасъ же скрывается во мракѣ.

Она вскрикиваетъ:

— Ахъ! Боже мой! онъ умеръ... Погляди, Моренъ, онъ умеръ.

Отецъ поднимаетъ голову, одурѣлый, ослѣпленный темнотой. И бормочетъ:

— Ну да, умеръ? чтóжъ дѣлать... Этакъ лучше.

Затѣмъ снова роняетъ голову на руки. Онъ не спитъ, онъ не думаетъ. Еслибы онъ могъ навсегда такъ остаться, то былъ бы счастливъ.

Между тѣмъ, заслышавъ рыданія матери, m-me Боннэ рѣшилась придти съ своей лампой. Обѣ женщины убираютъ ребенка. Ахъ! и что же это за жалкій дѣтскій трупикъ, худенькій, легонькій, какъ перышко! Его совсѣмъ непримѣтно на кровати. Еслибы на нее положили воробья, убитаго морозомъ и подобраннаго на троттуарѣ, то воробей занялъ бы не больше мѣста. Отецъ съ матерью могли бы снова занять кровать, отъ него имъ не было бы тѣсно.

Въ семь часовъ, когда обѣ женщины кончаютъ одѣвать ребенка, въ дверь стучатся. То явилось пособіе: пять франковъ и квитанціи на полученіе хлѣба, мяса. Дядя Моренъ глухо смѣется, говоря, что благотворительное бюро всегда опаздываетъ на поѣздъ, между тѣмъ m-me Боннэ, снова сдѣлавшаяся весьма обязательной, когда увидѣла, что ребенокъ умеръ, объясняетъ, что его не воскресятъ тѣмъ, что будутъ голодать возлѣ него, и вызывается сходить за хлѣбомъ и мясомъ, обѣщая принести и свѣчей.

Они соглашаются. Воротившись, она накрываетъ на столъ и подаетъ горячія сосиски, купленныя ею. И Морены, изголодавшіеся, жадно ѣдятъ возлѣ Шарло, маленькое блѣдное личико котораго виднѣется изъ-подъ простыни. Печка затоплена, всѣмъ очень удобно. Минутами глаза матери наполняются слезами, которыя капаютъ ей на хлѣбъ. Ахъ! еслибы Шарло былъ еще живъ, съ какой охотой онъ поѣлъ бы сосисекъ!

M-me Боннэ желаетъ во что бы то ни стало провести ночь съ m-me Моренъ. Около полуночи, когда дядя Моренъ наконецъ уснулъ, положивъ голову на край кровати, обѣ женщины варятъ кофе. Другая сосѣдка, восемнадцатилѣтняя швея, толстая Софи, приглашена ими: она приноситъ съ собой бутылку водки, чтобы съ своей стороны

участвовать въ угощеніи. И вотъ, всѣ три женщины медленно распиваютъ кофе, разсказывая другъ другу шопотомъ исторіи о разныхъ необыкновенныхъ смертяхъ; мало-по-малу голоса ихъ возвышаются, сплетни разростаются: онѣ перебираютъ косточки всѣмъ живущимъ въ домѣ, въ кварталѣ; говорятъ о преступленіи, совершенномъ въ улицѣНоллэ, объ одной содержанкѣ, которую бросилъ любовникъ, чтобы жениться на графинѣ. Въ пять часовъ утра онѣ вторично завариваютъ кофе. Время отъ времени m-me Моренъ встаетъ, чтобы поглядѣть на Шарло, точно затѣмъ, чтобы увѣриться, что онъ не шевелится.

Назавтра имъ приходится весь день держать трупъ у себя, потому что заявленіе о смерти не было сдѣлано наканунѣ вечеромъ. Такъ какъ у Мореновъ всего одна комната, то они живутъ съ Шарло, ѣдятъ и спятъ возлѣ него. Минутами они про него забываютъ; потомъ, когда, повернувъ голову, увидятъ его, то испытываютъ такое чувство, какъ еслибы вторично лишились его. Наконецъ проходитъ вторая ночь и гробовщики приходятъ за тѣломъ.

Дядя Моренъ сходилъ объявить администраціи, что у него умеръ сынъ и что онъ не въ состояніи похоронить его на свой счетъ. Ахъ! администрація не разорилась на гробъ, нѣтъ сомнѣнія. Онъ не больше игрушечнаго ящика: четыре плохо сколоченныхъ доски и съ десятокъ гвоздей. Но такъ какъ лѣстница крутая, то гробовщикамъ все-таки много хлопотъ, на каждой площадкѣ гробъ ударяется о перила лѣстницы. Носильщики оставили внизу свои носилки, узенькія носилки, съ полукруглой покрышкой, грубо выкрашенныя въ черную краску и безъ всякой драпировки. Съ Богомъ, въ путь! въ церковь пускаются почти бѣгомъ.

Позади носильщиковъ идетъ отецъ съ двумя товарищами, которые повстрѣчались на пути; затѣмъ m-me Моренъ, m-me Боннэ и толстая Софи. Весь этотъ людъ шлёпаетъ по грязи. Дождя нѣтъ, но туманъ такой влажный, что насквозь пропитываетъ платье. Въ церкви ихъ принимаютъ у дверей; священникъ въ грязной ризѣ скороговоркой валяетъ службу. Всего какихъ-нибудь пять минутъ — и церемонія кончена; шествіе возобновляется по грязной мостовой. Кладбище у чорта на куличкахъ, за укрѣпленіями. Проходятъ по аллеѣ Сентъ-Уэнъ, черезъ заставу и наконецъ приходятъ на кладбище. Это обширное поле, родъ пустыря, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ бѣлою стѣною. На немъ растетъ сорная трава, перерытая земля образуетъ горбыли, а въ глубинѣ идетъ рядъ тощихъ и черныхъ деревъ, грязнящихъ сѣрое небо. Шествіе двигается по мягкой землѣ. Теперь пошелъ дождь и приходится ждать подъ дождемъ сердитаго священника, который выходитъ изъ маленькой часовеньки. Шарло будетъ спать въ общей могилѣ. Неглубокія траншеи прорываются на-

раллельно и въ нихъ день за день зарываются бѣдняки; яма забрасывается землей и гробы прикрываются, за исключеніемъ послѣдняго, всегда просвѣчивающаго своими новыми досками. Поле усѣяно черными крестами съ вѣнками, сгнившими на дождѣ, нищенское и похоронное поле, опустошенное, угрюмое, грязное, изобличающее скопленіе мертвецовъ, подготовляемое холодомъ и голодомъ въ Парижѣ.

Земля сыплется и до половины прикрываетъ Шарло, и родители уходятъ, не имѣвъ даже возможности преклонить колѣни, потому что слишкомъ грязно. Такъ какъ дождь продолжаетъ лить, то дядя Моренъ, у котораго еще остались три франка изъ пяти, присланныхъ благотворительнымъ бюро, приглашаетъ двухъ товарищей и обѣихъ сосѣдокъ зайти въ винный погребокъ. Компанія усаживается за столъ, распиваетъ два литра и заѣдаетъ ихъ сыромъ бри. Затѣмъ оба товарища отъ себя ставятъ два литра. Когда компанія возвращается въ Парижъ, она очень весела.

VI.

Жану-Луи Лакуръ семьдесятъ лѣтъ. Онъ родился и состарѣлся въ Куртёйль, деревушкѣ, насчитывающей полтораста жителей и затерявшейся въ глуши. Въ жизнь свою онъ былъ только разъ въ Анжерѣ, отстоящемъ въ пятидесяти льё. Но онъ былъ тогда такъ молодъ, что ничего не помнитъ. У него трое дѣтей; два сына: Антуанъ и Жозефъ и дочь Катринъ. Послѣдняя вышла замужъ, но мужъ ея умеръ и она вернулась къ отцу съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, Жакинэ. Вся семья живетъ небольшой земелькой, которая даетъ ровно столько, чтобы не умереть съ голоду и прикрыть бренное тѣло. Они не изъ самыхъ бѣдныхъ въ той мѣстности, но имъ надо работать, не покладывая рукъ. Они заработываютъ свое варево ударами заступа. Каждую рюмку вина получаютъ они въ потѣ лица.

Куртёйль лежитъ въ долинѣ и окружена со всѣхъ сторонъ лѣсами, которые ее замыкаютъ и скрываютъ отъ взоровъ. Церкви нѣтъ, потому что община слишкомъ бѣдна; священникъ изъ Кормье пріѣзжаетъ служить обѣдню, а такъ какъ ему приходится дѣлать два льё, то онъ пріѣзжаетъ разъ въ двѣ недѣли. Домики, десятка два шаткихъ лачугъ, разбросаны въ безпорядкѣ вдоль дороги. Куры роются въ навозѣ у дверей. Когда кто-нибудь чужой проходитъ по дорогѣ, то это кажется до того необыкновеннымъ, что всѣ женщины вытягиваютъ шеи, а ребятишки, валяющіеся на солнцѣ, разбѣгаются съ воплями ужаса.

Никогда Жанъ-Луи не былъ боленъ. Онъ высокъ и жилистъ, какъ старый дубъ. Солнце высушило его, сожгло и закалило его кожу, такъ что теперь она похожа на грубую кору. Онъ заимствовалъ

цвѣтъ, крѣпость и спокойствіе деревъ. Съ лѣтами онъ сталъ нѣмъ, какъ рыба. Онъ больше не говоритъ, конечно потому, что находитъ это безполезнымъ. У него медленная и упрямая походка, и мирная сила быка. Глаза его смотрятъ въ землю, туловище слегка сгорбилось въ трудѣ, а руки всегда сжаты, точно онъ никогда не выпускаетъ изъ нихъ заступа. Въ прошломъ году онъ еще былъ сильнѣе сыновей, и бралъ на себя тягчайшія работы, молча обработывая свое поле, которое какъ будто знало и трепетало его. Но вотъ однажды, мѣсяца два тому назадъ, онъ упалъ и пролежалъ два часа на бороздѣ, точно срубленный древесный стволъ. На другой день онъ снова взялся за работу, но только сила его неизвѣстно куда дѣвалась и земля его больше не слушалась. Сыновья качаютъ головой. Дочь хочетъ удержать его дома. Но онъ упрямится и къ нему приставляютъ Жакинэ, чтобы онъ закричалъ, если дѣдушка упадетъ.

— Чтó ты тутъ дѣлаешь, лѣнтяй! говоритъ Жанъ-Луи мальчугану, не отходящему отъ него.—Въ твои годы я заработывалъ свой хлѣбъ.

— Дѣдушка, я васъ стерегу,—отвѣчаетъ ребенокъ.

Слова эти дѣйствуютъ на старика потрясающимъ образомъ. Вечеромъ, вернувшись домой, онъ ложится и больше не встаетъ. На другое утро, когда сыновья и дочь собираются въ поле, они заходятъ взглянуть на отца, не слыша, чтобы онъ шевелился. Они находятъ его лежащимъ въ постелѣ, съ раскрытыми глазами, съ видомъ размышленія. Кожа его такъ груба и темна, что нельзя даже разглядѣть, поблѣднѣлъ ли онъ отъ болѣзни.

— Что, батюшка, не лучше вамъ?

Онъ ворчитъ и отрицательно киваетъ головой.

— Значитъ, вы не пойдете съ нами; мы уйдемъ безъ васъ.

Да, онъ дѣлаетъ имъ знакъ, чтобы они шли безъ него. Жатва началась; всѣ руки нужны въ полѣ. Если потерять утро, то чего добраго налетитъ гроза и размечетъ снопы. Самъ Жакинэ идетъ съ матерью и дядьями. Старикъ Лакуръ остается одинъ. Вечеромъ, когда дѣти возвращаются съ поля, они находятъ его въ той же позѣ, по прежнему лежащимъ на спинѣ, съ раскрытыми глазами и видомъ раздумья.

— Ну что, батюшка, не лучше вамъ?

Нѣтъ, не лучше. Онъ ворчитъ и трясетъ головой. Чтó бы такое ему сдѣлать? Катринъ приходитъ въ голову напоить его виномъ, настоеннымъ на травахъ; но это слишкомъ сильное средство и чуть его не убиваетъ. Тогда Жозефъ говоритъ, что утро вечера мудренѣе, и всѣ ложатся спать.

На другой день, прежде чѣмъ идти въ поле, оба сына и дочь простаиваютъ нѣсколько минутъ у постели. Рѣшительно старикъ боленъ. Никогда еще ему не случалось лежать пластомъ. Не худо было

бы, пожалуй, съѣздить за докторомъ. Скучно то, что надо ѣхать въ Ружмонъ; шесть льё туда, да шесть льё обратно, это составитъ двѣнадцать. Потеряешь цѣлый день. Старикъ, слушающій дѣтей, волнуется и какъ будто сердится. Ему не нужно докторовъ; они ни на что не годны и стоютъ большихъ денегъ.

— Вы не хотите?—спрашиваетъ Антуанъ. — Значитъ, мы можемъ идти на работу?

Конечно, они могутъ идти на работу. Чѣмъ они ему помогутъ, торча при немъ? Земля нуждается въ бо́льшемъ уходѣ, нежели онъ. Если онъ и околѣетъ, то это дѣло его и Божье, между тѣмъ какъ всѣ будутъ страдать, если жатва пропадетъ. И такимъ образомъ проходятъ три дня, дѣти каждый день ходятъ на поле, Жанъ-Луи лежитъ недвижимо, отпивая воды изъ кружки, когда захочетъ пить. Онъ точно лошадь, свалившаяся отъ усталости гдѣ-нибудь въ углу и которой не мѣшаютъ умереть. Онъ шестьдесятъ лѣтъ трудился и ему не́чего жаловаться; теперь онъ можетъ умереть, потому что ни на что не годенъ больше и будетъ только даромъ бременить землю и стѣснять дѣтей. Развѣ кто задумается срубить дерево, которое погнулось? Сами дѣти не очень горюютъ. Земля научила ихъ покоряться неизбѣжнымъ вещамъ. Они слишкомъ близки къ землѣ, чтобы негодовать на нее за то, что она стремится забрать въ свои нѣдра старыхъ людей. Они провѣдаютъ старика утромъ, провѣдаютъ его вечеромъ, больше они ничего не могутъ сдѣлать. Если отецъ поправится, то это докажетъ, что онъ крѣпко сшитъ. Если онъ умретъ, то значитъ у него была смерть въ тѣлѣ, а всѣмъ извѣстно, что когда смерть поселится въ тѣлѣ, то ее ничѣмъ оттуда не выживешь, ни крестомъ, ни лекарствами. Корову еще сто́итъ того лечить, потому что если спасешь ее, то въ карманѣ останется двѣсти франковъ.

Жанъ-Луи по вечерамъ взглядомъ спрашиваетъ дѣтей про жатву. Когда онъ слышитъ, какъ они считаютъ снопы, толкуютъ про хорошую погоду, которая благопріятствуетъ уборкѣ, онъ мигаетъ глазами съ довольнымъ видомъ. Потолковали-было о томъ, чтобы сходить за докторомъ, но рѣшительно это слишкомъ далеко. Жакинэ не добредетъ, а мужчинамъ невозможно отлучиться. Старикъ велитъ только призвать полевого сторожа, его стараго пріятеля. Дядя Николай, полевой сторожъ, старше его, потому что ему минетъ семьдесятъ пять лѣтъ въ Срѣтеніе. Онъ все еще прямъ, какъ тополь. Онъ приходитъ и садится возлѣ Жана-Луи, покачивая головой. Жанъ-Луи, который съ утра лишился языка, поглядываетъ на него своими маленькими, потухшими глазками. Дядя Николай, человѣкъ неразговорчивый, такъ же глядитъ на него, не имѣя что́ сказать. И оба старика сидятъ такимъ образомъ другъ противъ друга, въ продолженіи часа, не промолвивъ ни слова, довольные, что видятъ другъ друга и припоминая

про себя вещи, происходившія давно, давно тому назадъ. Въ этотъ самый вечеръ дѣти, воротясь съ поля, находятъ отца мертвымъ, лежащимъ на спинѣ, окоченѣвшимъ и съ открытыми глазами.

Да, старикъ умеръ, не пошевеливъ ни однимъ членомъ. Какъ животныя, которыя укрываются и покорно умираютъ, онъ не безпокоилъ сосѣдей; онъ умеръ въ одиночествѣ, сожалѣя, быть можетъ, о тѣхъ хлопотахъ, которыя причинитъ дѣтямъ его тѣло.

— Отецъ умеръ, — сказалъ старшій Антуанъ, кличa остальныхъ.

И всѣ: Жозефъ, Катринъ и самъ Жакинэ повторяютъ:

— Отецъ умеръ.

Это ихъ не удивляетъ. Жакинэ съ любопытствомъ вытягиваетъ шею, мать его вынимаетъ носовой платокъ, а оба дяди молча прохаживаются, съ серьёзными и поблѣднѣвшими, несмотря на загаръ, лицами. Онъ все-таки пожилъ и былъ куда силенъ, старикъ отецъ. И дѣти утѣшаются этой мыслью. Они гордятся крѣпостью своего рода. Надъ тѣломъ отца просиживаютъ до десяти часовъ вечера, затѣмъ всѣ укладываются спать и Жанъ-Луи снова остается одинъ съ раскрытыми глазами. На зарѣ Жозефъ отправляется въ Кормье, чтобы извѣстить кюрэ. Тѣмъ временемъ, такъ какъ не всѣ еще снопы свезены съ поля, то Антуанъ и Катринъ уходятъ съ утра въ поле, поручивъ надзирать за тѣломъ Жакинэ. Мальчугану скучно съ дѣдушкой, который даже не шевелится, и онъ порою выбѣгаетъ на улицу, швыряетъ камнями въ воробьевъ, глядитъ на разнощика, разложившаго фуляры передъ двумя сосѣдками; затѣмъ, вспомнивъ про старика, поспѣшно бѣжитъ домой, удостовѣряется, что мертвецъ не пошевелился и снова убѣгаетъ поглядѣть, какъ дерутся двѣ собаки. Такъ какъ онъ оставляетъ дверь отворенной, то въ горницу входятъ куры и спокойно прохаживаются вокругъ кровати, клюя носомъ глиняный полъ. Красный пѣтухъ выпрямляется, вытягиваетъ шею, таращитъ огненный глазъ, встревоженный тѣломъ, присутствіе котораго, должно быть, не можетъ себѣ объяснить. Пѣтухъ этотъ осторожный и смышленый, онъ знаетъ, что старикъ не имѣетъ привычки валяться, когда солнце уже встало. И вотъ, наконецъ, онъ испускаетъ свой звучный крикъ, понявъ, быть можетъ, въ чемъ дѣло и воспѣвая смерть старика, между тѣмъ какъ куры выходятъ одна за другой, клохча и клюя полъ.

Кюрэ изъ Кормье присылаетъ сказать, что прибудетъ только къ четыремъ часамъ. Съ утра уже слышно, какъ телѣжникъ пилитъ доски и вколачиваетъ гвозди; онъ готовитъ гробъ для дяди Лакура, и визгъ пилы и стукъ молотка разносятся по деревнѣ. Тогда тѣ, до которыхъ еще не дошла вѣсть, говорятъ: „Эге! значитъ Жанъ-Луи умеръ!“ потому что обитателямъ Куртейль знакомы эти звуки. Антуанъ и Катринъ вернулись съ поля, жатва окончена; они не могутъ

сказать, что недовольны, потому что вотъ уже лѣтъ десять какъ не бывало такого урожая. Вся семья дожидается кюре, занимаясь разнымъ дѣломъ, чтобы не скучно было ждать: Катринъ ставитъ супъ на огонь, Жозефъ таскаетъ воду; Жакинэ послали поглядѣть, вырыта-ли могила на кладбищѣ. Наконецъ, только въ пять часовъ является кюрэ. Онъ пріѣхалъ въ телѣжкѣ, вмѣстѣ съ мальчишкой, служащимъ ему за дьячка. Онъ сходитъ съ телѣжки передъ домомъ Лакура, вынимаетъ изъ бумаги эпитрахиль и стихарь; затѣмъ одѣвается, говоря:

— Не будемъ мѣшкать! Я долженъ быть къ семи часамъ дома.

Однако, никто не торопится. Пришлось сходить за двумя сосѣдями, которые бы согласились нести гробъ на кладбище. Однѣ и тѣ же носилки и одно и то же сукно, изъѣденное молью, служатъ уже пятьдесятъ лѣтъ. Дѣти укладываютъ старика въ ящикъ, принесенный телѣжникомъ, настоящую квашню, до того доски толсты. Когда процессія готовится тронуться съ мѣста, прибѣгаетъ Жакинэ, крича, что могила еще не совсѣмъ вырыта, но что тѣмъ не менѣе можно идти.

Тогда священникъ идетъ впереди, читая вслухъ по-латыни въ книгѣ. За нимъ слѣдуетъ маленькій дьячокъ, неся въ рукѣ старую мѣдную чашу съ святою водой и съ кропильницей. Посреди села другой ребенокъ выходитъ изъ риги, гдѣ обыкновенно служатъ обѣдню, каждыя двѣ недѣли, и становится во главѣ шествія съ большимъ крестомъ, насаженнымъ на палку. Затѣмъ слѣдуетъ тѣло на носилкахъ, которыя несутъ два крестьянина. За ними идетъ семья; мало-по-малу къ кортежу присоединяются всѣ деревенскіе жители, и нѣсколько мальчишекъ, простоволосыхъ, оборванныхъ, босыхъ, замыкаютъ шествіе.

Кладбище расположено на другомъ концѣ Куртѣйль. Поэтому крестьяне два раза опускаютъ носилки на дорогу и дуютъ на руки, предварительно поплевавъ на нихъ, причемъ шествіе останавливается. Затѣмъ идутъ дальше и слышенъ стукъ деревянныхъ башмаковъ о твердую землю. Когда приходятъ на кладбище, то могила дѣйствительно оказывается еще не готовой; могильщикъ стоитъ на днѣ ея и видно какъ показывается и исчезаетъ его голова, причемъ онъ выбрасываетъ землю на заступѣ.

Какое мирное кладбище, убаюкиваемое солнечными лучами! Его окружаетъ живая изгородь, изгородь, въ которой малиновки вьютъ гнѣзда. Тамъ растутъ также кусты ежевики, и ребятишки приходятъ въ сентябрѣ обирать ягоды. Кладбище похоже на дикій садъ, гдѣ все растетъ на волѣ. Въ глубинѣ виднѣются громадные кусты смородины. Грушевое дерево въ углу выросло съ добрый дубъ; посрединѣ липовая аллея манитъ своею тѣнистою прохладой, и туда лѣтомъ приходятъ старики курить трубку. Кромѣ того, невоздѣланная почва поросла высокою травой, великолѣпными репейниками, пестрыми

коврами, надъ которыми носятся тучи бѣлыхъ бабочекъ. Солнце палитъ, кузнечики трещатъ, золотистыя мухи жужжатъ среди зноя. Тишина, царствующая на кладбищѣ, полна жизни; красный макъ расцвѣтаетъ на жирной землѣ, вскормленный ея соками.

Гробъ поставили возлѣ могилы, между тѣмъ какъ могильщикъ выбрасываетъ заступомъ землю. Мальчишка, который несъ крестъ, воткнулъ его въ землю, въ ногахъ покойника, а священникъ, стоя въ головахъ, продолжаетъ читать латынь по книгѣ. Присутствующихъ всего болѣе занимаетъ работа могильщика. Они окружаютъ могилу и слѣдятъ за взмахами заступа, и вдругъ, обернувшись, видятъ, что кюрэ ушелъ вмѣстѣ съ двумя мальчиками и осталась только одна семья покойнаго.

Наконецъ могила вырыта.

— Будетъ, такъ достаточно глубоко! — кричитъ одинъ изъ крестьянъ, которые несли тѣло.

И всѣ помогаютъ спустить гробъ въ могилу. Дядѣ Лакуру покойно будетъ въ ней лежать! Онъ знаетъ землю и земля его знаетъ. Они поладятъ другъ съ другомъ. Вотъ уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ какъ она назначила ему это свиданіе, въ тотъ самый день, когда онъ впервые всадилъ въ нее заступъ. Связь ихъ должна была разрѣшиться такимъ образомъ и земля должна была въ концѣ-концовъ завладѣть имъ навѣки. И что за чудный покой! Онъ будетъ слышать только, какъ прыгаютъ птицы по его могилѣ. Никто не станетъ попирать его ногами. Долгіе годы пробудетъ онъ въ своемъ уголку и никто его не побезпокоитъ, потому что въ Куртёйлѣ не умираетъ и двухъ человѣкъ въ годъ, молодые старѣются на свободѣ и умираютъ въ свою очередь, не тревожа своихъ предшественниковъ. Тутъ царитъ мирная смерть, позолоченная солнечными лучами, сонъ безъ просыпа среди безмятежности полей.

Дѣти подошли ближе. Катринъ, Антуанъ, Жозефъ берутъ по горсти земли и бросаютъ ее на старика. Жакинэ, нарвавшій моху, бросаетъ и его въ могилу. Затѣмъ семья возвращается домой, скотъ приходитъ съ полей, солнце садится и теплая ночь окутываетъ селеніе.

VI.

Вотъ вамъ пять смертей. Ужъ, разумѣется, я не завидую ни графу де-Вертёйль въ его мраморной гробницѣ, ни m-me Гераръ въ ея буржуазномъ склепѣ, ни Адели Руссб, схороненной въ землѣ, пріобрѣтенной срокомъ на пять лѣтъ, ни Шарло, положенному въ общую могилу. Еслибы ужъ непремѣнно надо было высказать какое-нибудь

желаніе, еслибы стремленіе къ идеалу, которое насъ мучитъ, побуждало меня безпокоиться о томъ уголкѣ, гдѣ будутъ спать мои кости, то я выбралъ бы сельское кладбище, на которомъ схороненъ Жанъ-Луи-Лакуръ.

Да, тамъ смерть должна быть самой пріятной; въ томъ невѣдомомъ уголку, безъ креста, безъ имени на надгробномъ камнѣ. Жанъ-Луи Лакуръ подъ грушевымъ деревомъ оживаетъ въ цвѣтахъ и плодахъ. Мнѣ представляется, что крѣпче спится на яркомъ солнцѣ, подъ жужжаніе золотистыхъ мухъ. Если позднѣе, черезъ какихъ-нибудь лѣтъ сто, плугъ пройдетъ по кладбищу, то кости мертвецовъ будутъ покоиться среди хлѣбныхъ полей.

Но было бы еще слаще, быть можетъ, улетучиться, исчезнуть въ пространствѣ. Слѣдовало бы вернуться къ древнему костру и оставлять по себѣ только горсточку пепла. Да! хорошо разлетаться дымомъ, быть развѣяннымъ проносящимся вѣтромъ и разсѣять свои атомы по всей обширной вселенной! Не это ли тѣ крылья, о которыхъ мечтаютъ за гробомъ? И какъ легче было бы умирать, когда бы зналъ навѣрное, что не будешь отравлять живыхъ людей своимъ гніеніемъ! Я недавно читалъ, что три большихъ парижскихъ кладбища, разбитыхъ на глинистой почвѣ, портятъ воду цѣлаго города и распространяютъ на десятки верстъ заразу, пропитывая его подземные слои. Въ видахъ общественнаго здравія и требованій гигіены, слѣдовало бы упразднить эти кладбища. Слѣдовало бы устроить на четырехъ концахъ города обширныя заведенія для сожиганія труповъ и высокія трубы ежечасно выпускали бы изъ себя покойниковъ; парижскіе мертвецы уносились бы въ клубахъ синеватаго дыма.

Но говорятъ, что такое желаніе противно религіи и нравственности. Если такъ, то я возвращаюсь опять къ грушевому дереву. Я мечтаю распуститься въ зеленыхъ листьяхъ, раскинуть свои вѣтви и соблазнять своими плодами деревенскихъ ребятишекъ.

Эмиль Зола.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

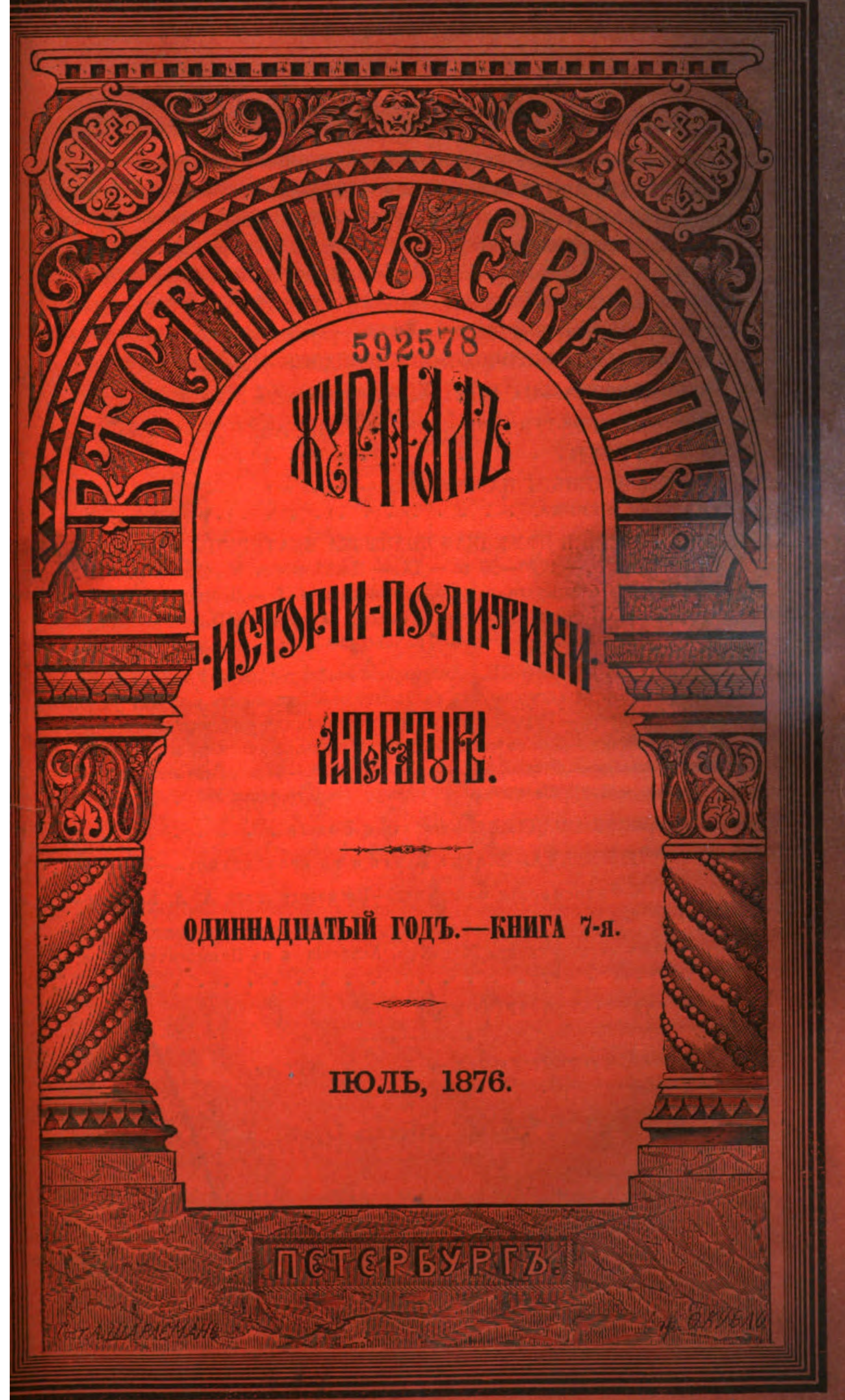
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1876.

Книга седьмая.—Іюль.

Книга восьмая.—Августъ.



Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1876.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Соч. *А. Н. Пыпина*. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Стр. 314 и 374. Ц. 4 р., въ англ. перепл. 4 р. 50 к.

Читателямъ нашего журнала этотъ обширный трудъ знакомъ въ первой его редакціи, какъ онъ печатался, въ видѣ опыта, отдѣльными статьями. Въ новомъ, особомъ изданіи авторъ не только существенно переработалъ прежній свой текстъ, но и значительно дополнилъ его новѣйшими матеріалами, поступившими къ нему въ послѣднее время, или вновь появившимися въ печати. Скоро исполнится 30 лѣтъ со смерти Бѣлинскаго; ряды его современниковъ и друзей сильно уже порѣдѣли, а потому трудъ А. Н. Пыпина спасаетъ теперь многое, что̀ было уже близко къ забвенію и потерѣ. Первыя восемь лѣтъ по смерти Бѣлинскаго имя его жило въ одномъ устномъ преданіи; только съ 1856 г. начали появляться въ печати воспоминанія о немъ; наконецъ, въ позднѣйшее время сдѣлано было и полное собраніе его сочиненій въ восьми томахъ, выдержавшее четыре изданія. Но Бѣлинскій въ устномъ преданіи былъ доступенъ немногимъ, а въ его произведеніяхъ, въ печати, и притомъ того времени, онъ былъ иногда неузнаваемъ для самого себя; теперь предъ нами его переписка съ пріятелями,—и кажется, что мы встрѣчаемся съ человѣкомъ, котораго вовсе не знали, и о которомъ можно было только догадываться. Благодаря этому изданію, мы, кромѣ того, присутствуемъ при томъ въ высшей степени любопытномъ внутреннемъ процессѣ, который медленно совершался въ Бѣлинскомъ и велъ его разными путями—къ одной жизненной цѣли. Въ интимныхъ письмахъ, нестѣсняемый ничѣмъ, и самый литературный талантъ Бѣлинскаго является иногда въ такомъ блескѣ, какой не всегда имѣли его произведенія въ печати. Конечно, мы и теперь еще, несмотря на прошедшія 30 лѣтъ, не можемъ считать настоящее изданіе его переписки полнѣйшимъ, но и то, что̀ явилось, служитъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу и важнымъ историческимъ памятникомъ, если сравнить изданное г. Пыпинымъ со всѣмъ тѣмъ, что̀ мы имѣли о Бѣлинскомъ и для Бѣлинскаго въ теченіи тридцати лѣтъ.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Ив. Забѣлина*. Ч. 1-я. М. 1876. Стр. 647. Ц. 4 р.

И. Е. Забѣлинъ, извѣстный знатокъ нашихъ древностей и ихъ изслѣдователь, положилъ начало новому труду, который обѣщаетъ быть весьма замѣчательнымъ и совершенно оригинальнымъ у насъ по замыслу. Это то, что̀ западные историки давно называютъ исторіею культуры, цивилизаціи, и чего намъ всегда недоставало. Г-нъ Забѣлинъ представилъ уже образчики подобнаго рода изслѣдованія въ двухъ своихъ трудахъ, посвященныхъ домашнему быту русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Настоящая книга должна служить обширнымъ введеніемъ къ дальнѣйшему послѣдовательному изысканію автора по исторіи русскаго домашняго быта вообще. То, что̀ мы считаемъ началомъ политической исторіи, то не бываетъ началомъ и народной жизни: годъ спустя, по призваніи варяговъ, русскій человѣкъ жилъ, конечно, такъ же, какъ жилъ и за годъ предъ тѣмъ; обыденная жизнь продолжалась прежняя, и для нея тутъ не было никакого начала. Настоящее введеніе, впрочемъ, посвящено преимущественно тѣмъ вопросамъ, которые, по нашему мнѣнію, не имѣютъ еще прямого отношенія къ главной задачѣ автора, какъ мы понимаемъ ее, а именно, показать намъ, какъ жилъ русскій человѣкъ, думалъ, трудился, подъ вліяніемъ окружавшаго его міра и различныхъ политическихъ условій. Мы надѣемся при первомъ случаѣ познакомить ближе читателей съ замѣчательнымъ трудомъ г-на Забѣлина, которому пожелаемъ довести это счастливо задуманное дѣло до конца, придерживаясь строго своей собственной программы историка культуры, безъ уклоненій на чуждые ему въ настоящемъ случаѣ пути.

Исторія кодификаціи гражданскаго права. *С. В. Пахмана*. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Стр. 472 и 485.

Авторъ имѣлъ въ виду своимъ обширнымъ трудомъ нагляднѣе показать всю необходимость полнаго пересмотра нашихъ гражданскихъ законовъ, и вмѣстѣ послужить, въ случаѣ такой новой кодификаціи, изложеніемъ исторіи подобныхъ же работъ, какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ. Согласно съ такою цѣлью, авторъ представляетъ въ первомъ томѣ сжатый очеркъ римской и западной кодификаціи, а также и нашей до 1826 года. Второй томъ посвященъ цѣликомъ послѣдней кодификаціи русскаго права съ 1826 года, а равно и разнообразныхъ мѣстныхъ правъ въ Россіи. Въ исторіи кодификаціи русскаго права, кромѣ общаго обзора свода гражданскихъ законовъ, излагается въ подробности содержаніе X тома. Важность самаго труда проф. Пахмана понятна каждому, помимо одной его обширности; оцѣнки же самаго выполненія слѣдуетъ ожидать отъ компетентныхъ спеціалистовъ этого дѣла.

Юнкерскія училища. Условія благоустройства. Ген.-м. *П. О. Бобровскаго*. Т. III, часть IV. Спб. 1876. Стр. 265. Ц. 2 р.

Новый выпускъ извѣстнаго труда г-на Бобровскаго посвященъ интересамъ военнаго образованія офицеровъ нашей арміи изъ среды вольноопредѣляющихся. Соотвѣтственно тому, авторъ не ограничивается изложеніемъ однихъ основныхъ началъ благоустройства юнкерскихъ училищъ, но и разсматриваетъ узаконенія относительно пріема, курса и испытаній, въ зависимости отъ устава воинской повинности. Почтенный авторъ весьма справедливо замѣчаетъ, что при современномъ у насъ положеніи общаго образованія, задача юнкерскаго училища весьма осложнена тѣмъ, что въ немъ нельзя обойтись безъ общеобразовательнаго класса, а потому, дальнѣйшее успѣшное развитіе этихъ дешевыхъ разсадниковъ для образованія офицеровъ въ той огромной массѣ, какая требуется для комплекта всего корпуса армейскихъ офицеровъ, и какой поставить сполна военныя училища были бы не въ состояніи, — зависитъ отъ успѣховъ общаго образованія въ нашей общественной массѣ. Изъ приложенныхъ таблицъ видно, что за три года (1871—74) содержаніе всѣхъ юнкерскихъ училищъ въ Россіи обошлось въ 2.270,000 слишкомъ, и на эту сумму получено 4225 офицеровъ, т.-е. полное образованіе каждаго стоило около 580 рублей.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту.

На 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты; 24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

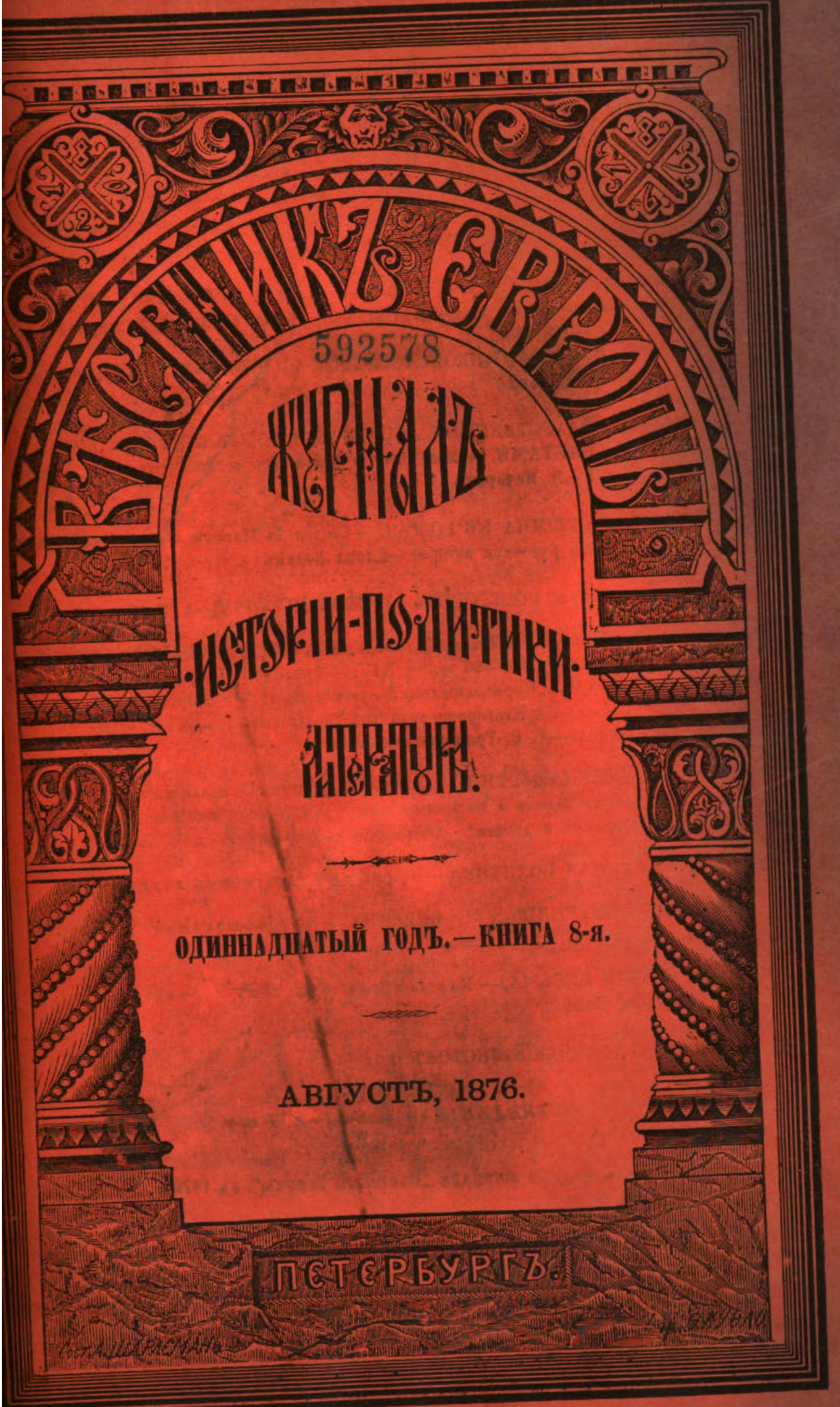
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.



Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1876.

***ОБЪЯВЛЕНІЯ** см. ниже: I—XVI стр.*

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 15. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 15.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., пересылочныхъ за 4 фунта.

Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ. Н. Страхова. Ц. 2 р. перес. 2 ф.

Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія. Фрэнсисъ Гальтонъ. Перев. съ англ. Спб. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Начало цивилизаціи. Умственное и общественное состояніе дикарей. Сэръ Дженъ Леббокъ. Переводъ съ третьяго (дополненнаго) изданія. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Огюстъ Контъ и положительная философія. Г. Г. Льюисъ и Д. С. Милль. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Опытъ исторіи мысли. Т. I, выпускъ I. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства. Соч. М. Зеленскаго. Спб. 1876 г. Т. I. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Маудсли. Пер. съ англ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ученіе о развитіи органическаго міра. Оскара Шмидта, профессора Страсбургскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

☞ **Философскій словарь или краткое объясненіе философскихъ и другихъ научныхъ выраженій, встрѣчающихся въ исторіи философіи.** С. Г. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к., перес. за 1 ф.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Американки XVIII вѣка. Составлено по мемуарамъ Мистриссъ Эллетъ. М. Цебриковой. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

Англійскіе поэты, въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Спб. 1875. Стр. 448 въ два столбца. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Барчуки. Картинки прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бережливость (Thrift). Сочиненіе Самуиля Смайльса. Автора „Самодѣятельности“, „Характера“ и пр. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Бѣлинскій, В. Г. Его жизнь и переписка. Сочиненіе А. Н. Пыпина. 2 т. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., въ переплетѣ 4 р. 50 к., съ пересылкою.

Вокругъ луны. Жюля Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Галлъ. Сцены изъ римской жизни временъ Августа. Соч. В. А. Беккера. Съ рисунками. Спб. 1876. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Драматическая трилогія: I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ. III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстого. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Его Превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ второй французской имперіи, Эмиля Зола. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., пер. за 3 ф.

Живая Душа. Романъ Марка Вовчка. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

---

*) Книги, поступившія въ Складъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, указаны ☞; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Записки гувернантки. Повѣсть М. Цебриковой. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Записки причетника. Сочиненіе Марка Вовчка. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Збірникъ творівъ. Іеремія Галки. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-й. Выпускъ I. Кіевъ. 1875 г. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Игорь, князь сѣверскій. (Слово о полку Игоря). Поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Перевелъ съ древне-русскаго Николай Гербель. Изданіе пятое. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., въ роскошномъ переплетѣ 3 р., вѣс. 3 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кобзарь Т. Г. Шевченко з додаткомъ споминокъ про Шевченка писателів Тургенева и Полонского. У Празі 1876 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Крестьяне-присяжные. Бытовые очерки. Картинки. Разсказы Н. Златовратскаго. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

Луговые разбойники изъ американской жизни. Романъ въ 2-хъ томахъ, Фр. Герштекера. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Медицина и медики. Э. Литтре. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. Цебриковой. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Народныя южнорусскія сказки. Выпускъ 2-й. Издалъ И. Рудченко. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Натанъ Мудрый, драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Спб. 1875. Ц. 2 р. въ бумажкѣ, въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и портретомъ автора 3 р., вѣс. 3 ф.

Наши чудодѣи. Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода. Сост. Касьянъ Касьяновъ. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Новые разсказы Жюля Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесять дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвиля. Текстъ: П. Сталя, Бальзака, де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена Франклина, Густава Дроза, Жюля Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес за 3 ф.

Озими. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Часть I и II. Спб. 1876 г. Ц. 3 руб., пересылочныхъ за 3 фунта.

Патриція Кэмбаль. Романъ въ 3-хъ частяхъ Э. Линнъ Линтонъ. Переводъ М. Цебриковой. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Повісті Івана Левіцькаго. Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 ф.

Повѣсти изъ жизни бѣдныхъ. П. Засодимскаго. Содержаніе: Темныя силы. Старый домъ. Дуракъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к., пересылочныхъ за 2 фунта.

Повісті Осипа Федьковича. З передним словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Подлинная исторія маленькаго оборвыша. Романъ Джемса Гринвуда. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Потомокъ Тайроновъ. Романъ Макъ-Карти. **Пуритане.** Хроника XVII-го вѣка. Джона Марша. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Путешествіе къ центру земли. Жюля Верна, съ 60 рисунками художника Рію. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Пѣсни Беранже. Переводы Василія Курочкина. Изданіе шестое, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніями, біографіей и портретомъ Беранже. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р., перес. за 2 ф.

Пѣсни Беранже, 1810—1816, за исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др. Переводъ Н. Лебедева. Кіевъ. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

☞ **Сборникъ** газеты „Сибирь", томъ 1-й. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Соборъ парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). В. Гюго, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р.

Сочиненія Аполлона Григорьева Т. I (съ

портретомъ автора). Критическія статьи. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

☞ **Сочиненія Е. П. Гребенки.** Въ пяти томахъ, съ портретомъ автора. Ц. 6 р. съ пересылкою.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

☞ **Сочиненія Ксенофонта.** Анабазисъ. (Отступленіе 10,000 грековъ). Перевелъ Г. А. Янчевецкій. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣсов. 1 ф.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія А. Шкляревскаго. Разсказы слѣдователя. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Старосвѣтская дѣвушка. Американская повѣсть Луизы Олькотъ. Переводъ Е. Бекетовой. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Гекерторна, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Францъ фонъ-Зиккингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Крилъ. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Харикль. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. В. А. Беккера. Съ рисунками. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Христоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, сост. Ник. Вас. Гербель. Ц. въ бум. 3 р., въ переп. 3 р. 70 к., вѣс. 4 ф.

Чумацкія народныя пѣсни. И. Я. Рудченко. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 2 ф.

Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I, II, III, IV. Ц. 14 р., вѣс. 8 ф.

Шиллеръ и его время. Соч. Іоганна Шерра, въ 3-хъ книгахъ. Москва. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Англія и Ирландія. Джонъ-Стюартъ Милль. Ц. 75 к., пересылочныхъ за 1 ф.

Годъ Вѣстника Европы. Историко-политическое обозрѣніе за 1873—74 гг. Т. I. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.—За 1872—73 г., т. II, ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. 1809—1831. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Записки князя Якова Петровича Шаховскаго. 1705 — 1777 гг. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Часть первая. М. 1876 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Три тома. Т. I—783 стр.; Т. II—966 стр.; Т. III, часть первая—824 стр. Всѣ три тома—7 р. съ пересылкою.

Исторія Тверскаго Княжества. В. С. Борзаковскаго. Спб. 1876 года. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ. Сост. I. Купчанко. Ц. 50 к. вѣс. 1 ф.

Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII-го вѣка. Соч. О. Левицкаго. В. I. Кіевъ. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Разсказы о временахъ Меровинговъ. Соч. Огюстена Тьерри. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ленормана. Переводъ подъ редакцій М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 р. 10 к., перес. за 4 ф.

Русская Исторія. К. Вестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на полученіе т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. 16 томовъ. Ц. 46 руб.; вѣс. 50 ф. Отдѣльно каждый томъ 3 руб.; вѣс. 3 ф., за исключеніемъ т. 1 и 2-го, которые стоятъ по 2 рубля.

Этнографическіе и біографическіе очерки изъ всеобщей и русской исторіи И. Христофорова. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Измаилія. Разсказъ объ экспедиціи въ Среднюю Африку съ цѣлью уничтоженія торговли невольниками, снаряженной Измаиломъ, хедивомъ Египта. Сэра Сэмьюля У. Бэкера Паши. Съ 2-мя картами, пятидесятью таблицами и портретотъ автора. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Кіевъ и его предмѣстія по переписи 2 марта 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Начальныя основанія ботанической географіи. Соч. Д. Г. Бэкера. Перевелъ съ англійскаго П. Е. Волкенштейнъ. Спб. 1876 г. Ц. 70 к., перес. за 1 ф.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Ботаническія изслѣдованія. Первоцвѣтныя и лилейныя, съ 22-мя таблицами, обработалъ Э. Регель. Ц. простому экземпляру 3 р. 50 к., зелененому 5 р., перес. за 5 ф.

Путешествіе въ Туркестанъ, А. П. Федченко. Выпускъ 11-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Жесткокрылыя, обработалъ С. М. Сольскій. Ц. простому экз. 2 р., зелененому 3 р., перес. за 4 ф.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Вып. 13-й. 1876 г. Зоогеографическія изслѣдованія. Пчелы. Тетрадь вторая, съ 3 таблицами. Ц. простому экземпляру 1 р. 70 к., зелененому 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Путешествіе въ Африку къ водопадамъ Викторіи на Замбези. Соч. Эдуарда Мора. Съ портретомъ автора, картой и многими рисунками, гравированными въ Лейпцигѣ. Спб. 1876 г. Ц. за 2 т. 4 р., перес. за 3 ф.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сборникъ разсказовъ изъ путешествій и быта народовъ. Сост. по Дилицу. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Курсъ статистики, составленный въ первой половинѣ 1876 г. для студентовъ И. У. Св. Владиміра профессоромъ Н. Х. Бунге. Изданіе 2-ое. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Д. Ростиславова. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Строй экономическихъ предпріятій. Изслѣдованія морфологіи хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и денежная рабочая плата. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Учебныя записки по статистикѣ. Курсъ старшаго класса военныхъ училищъ. Составилъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Л. Н. Толстого въ 12 книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Бабушкины сказки. Жоржъ-Сандъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Задачникъ къ начальной ариѳметикѣ. А. Беме. Кіевъ. 1876 г. Ц. 35 к., перес. за 1 ф.

Изъ природы. Разсказы для дѣтей по Герману Вагнеру. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Листы подвижныхъ нотныхъ знаковъ Составилъ Н. А. Соловьевъ (Несмѣловъ). Ц. 10 к., вѣс. 1 ф.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

Методика начальной ариѳметики. А. Беме. Для учительскихъ семинарій, учителей народныхъ школъ, и для домашняго обученія. Кіевъ. 1876 г. Ц. 85 к., перес. за 1 ф.

Народы-старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Первые разсказы изъ естественной исторіи. М. Выковой. Для дѣтей, только-что научившихся читать. Спб. 1876 г. Ц. въ бумажкѣ 25 к., въ папкѣ 85 к., въ коленкорѣ 60 к., вѣс. 1 ф.

☞ **Первые разсказы изъ естественной исторіи** для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Переводъ Вал. Висковатова. 3 книги. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными политипажами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ. Н. Р. Выпускъ I. Маменьки. Ц. 60 к., перес. за 1 ф. Выпускъ II. Самодуры. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

☞ **Руководство къ родиновѣдѣнію** Ознакомленіе ребенка съ окружающимъ его міромъ, при посредствѣ нагляднаго обученія. Составилъ по Фингеру И. Бѣловъ. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русская христоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Левъ Поливановъ. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сказки и быль. Марка Вовчка. Ц. 1 р. 50 к., пер. 2 ф.

Сказки Массе и Сталя. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Учебникъ прямолинейной тригонометріи. И. И. Макаревича. Казань. 1876 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

☞ **Учебникъ древней исторіи** въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Физика. Профессора Бальфура Стюарта. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Эмиль XIX-го вѣка. Альфонса Эскироса, съ приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія" Спенсера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Азбука и скоропись XVII вѣка для нагляднаго изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Ѳ. Страшкевичемъ. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по програмѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. **Часть французско-**русская и русско-французская. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Мифы классической древности. Г. В. Штоля. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Опытъ руско-украинскаго словаря. Сост. Михаилъ Левченко. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА— ХИМІЯ.

Алгебра. Іосифа Бертрана. 5 выпуск. Ц. 1 р. 85 к., вѣс. 3 ф.

Геометрія теоретическая и практическая. Сонна. Выпускъ I: о линіяхъ. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

Геометрія теоретическая и практическая. Сонна. Выпускъ II. О плоскихъ фигурахъ до площадей. М. 1875 г. Ц. 70 к., съ пересылк. 85 к.

Дополнительный курсъ элементарной геометріи съ XIII таблицами чертежей. составилъ М. Федорченко. Ц. 1 р. 50 к., пер. 1 ф.

Начертательная геометрія. Состав. I. Сомовъ. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Очеркъ теоріи соединеній (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Гришинъ. Спб. 1875 г. Ц. 30 к.

Приготовительный курсъ геометріи. Сост. З. Вулихъ. Ц. 50 к., вѣс. 2 ф.

Раціональная механика. Часть первая. Кинематика. Сост. I. Сомовъ. Ц. 2 руб. 50 к.; вѣс. 2 ф.

——— часть II, выпускъ I, съ билетомъ на полученіе II выпуска. Введеніе въ статику и динамику, и статика. Сост. I. Сомовъ. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Э. Вольфа. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Сборникъ математическихъ задачъ. Составилъ А. Ломовскій. Ц. 1 р. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Физическая географія. Мери Сомервиль. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Альпійскіе Ледники. Сочин. Джона Тиндаля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсович ъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Воздухъ и его жизнь. Популярные очерки атмосферныхъ явленій съ 8-ю хромолитографированными картинами и политипажами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Древность человѣка. Чарльзъ Ляйэлль. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Единство мірозданія. Сочин. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Естествознаніе и политика. Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу. Вальтеръ Беджготъ. Перев. съ англійскаго, подъ редакціею Д. А. Коропчевскаго. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Исторія кусочка хлѣба. Описаніе жизни человѣка и животныхъ, въ письмахъ. Сочиненіе Массе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ. Сочин. Фридриха Мора. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Картины растительности земнаго шара. Людвига Рудольфа. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Клиническія лекціи Труссо. 2 ч. Ц. 12 р., вѣс. 10 ф.

Курсъ Акушерства профессора Монури и Сальмона, съ 115-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Compendium **дѣтскихъ болѣзней**, для студентовъ и врачей, D-r Johann Steiner, Переводъ подъ редакціею д-ра Липскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Крупный рогатый скотъ. Соч. О. Роде. Содержаніе: 1) Породы рогатаго скота. 2) Молочное хозяйство. 3) Ученіе о кормленіи. Съ 72 рисунками въ текстѣ. Ц. 4 р., пересылка за 4 фунта.

Курсъ физіологіи. Профессора И. Ціона. 2 т. Т. I Кровеобращеніе, дыханіе и питаніе.—Т. II. Нервная и мышечная система и органы чувствъ.—Ц. 5 р., пер. за 4 ф.

Лекціи о скотоводствѣ и познаніи породъ. Германа Натузіуса. Ц. 1 р., пересылочныхъ за 2 фунта.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Море и его жизнь. Сочиненіе Гартвига. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

На берегу моря. Зоологическіе этюды. Георга Генри Льюиса. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ. Ген. Валь Бэтса. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Н. Страховъ. Ц. 1 р., перес. 1 ф.

☛ **Новая химія.** Джосіи Кука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Бутлерова. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Общая естественная исторія насѣкомыхъ. Соч. Кэрби и Спенсъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. Соч. Эд. Люкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Опытное руководство къ молочному хозяйству, съ 9-ю политипажами въ текстѣ. П. М. Преображенскаго. М. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Соч. Чарльза Дарвина. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. д-ра Карла Клауса. 3 ч. Ц. 6 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. доктора Клауса. Выпускъ II, птицы и млекопитающія, съ 292 политипажами. М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Основныя начала геологіи или новѣйшія измѣненія земли и ея обитателей. Чарльза Ляйэлля. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Бокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Очерки животной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

☛ **Паразиты женскихъ половыхъ органовъ.** Клиническія наблюденія проф. И. Лазаревича, съ 4-мя таблицами рисунковъ. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Переселяющіяся животныя. Соч. Карла Корнеліуса. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ. Соч. Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. І. К. Прокшъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія М. I. Шлейдена. Ц. 3 р. вѣс. 3 ф.

Раціональное кормленіе сельско-хозяйственныхъ животныхъ. По новѣйшимъ физіологическимъ изслѣдованіямъ. Общепонятное изложеніе ученія о кормленіи. Д-ра Эмиля Вольфа. Ц. 1 р. 25 к., пересылка за 2 ф.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экснера, съ 8-ми политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ физіологіи для врачей и студентовъ (Phisiologie des Menschen) Fick'а. Переводъ лекаря Саваровскаго. Выпускъ 1-й: Физіологія мышцъ, нервовъ и органовъ чувствъ: осязанія, вкуса, обонянія и слуха, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1876 г. Ц. 75 к., пересылочныхъ за 1 ф.

Руководство къ частной патологіи и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на физіологію и патологическую анатомію. D. von Niemeyer. В. I, болѣзни органовъ дыханія и кровообращенія. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. В. II, болѣзни органовъ пищеваренія, печени, желчныхъ путей и селезенки. К. 1876 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Свиноводство. Сочиненіе О. Роде. Съ 12-ю литографированными рисунками и 42 политипажами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., пересылка за 4 ф.

Сельско-хозяйственное коневодство. Выращиваніе сельской рабочей лошади. Проф. В. Дильга. Съ 20 политипажами въ текстѣ. Ц. 1 р., пересылочныхъ за 2 ф.

Собираніе растеній и составленіе гербарія, Н. И. Раевскаго. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Сохраненіе энергіи. Бальфуръ Стьюарта. Съ 14 политипажами, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Общепонятно изложено Фридрихомъ Ролле. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ученіе о здоровьи, популярное изложеніе гигіеническихъ и медицинскихъ наставленій. Д-ра О. Штаубе, съ прибавленіемъ статьи „Главныя основы гигіены". Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Шокальскій. М. 1875 г. т. I. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Физіологія обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Физіологическія картины. Сочин. Людовика Бюхнера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Физіологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физіологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Химическія удобренія. Сельско-хозяйственныя бесѣды на венсенскомъ опытномъ полѣ. Ж. Вилля. Съ многими политипажами и рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., пересылочныхъ за 2 ф.

Чудеса подземнаго міра. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Этюды. Популярныя чтенія М. I. Шлейдена. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Языкъ чувствъ. Популярное изложеніе сочиненія Дарвина: „О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ", съ 17-ю политипажами, исполненными на деревѣ. Чарльзъ Дарвинъ. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876 г. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

☞ **Древнѣйшая исторія учрежденій.** Лекціи Сэра Генри Сёмнера Мэна. Переводъ съ англійскаго А. П. Нахимова. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія. Рудольфа Іеринга. Часть I. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ. М. И. Зарудныго Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій Изданіе второе. Вятка. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Значеніе римскаго права для новаго міра. Рудольфа Іеринга. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Изученіе соціологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ

преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ гражданскаго судопроизводства. Соч. Кронида Малышева. Т. I-й. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, съ дополненіемъ всѣхъ обнародованныхъ узаконеній, вошедшихъ въ силу 1-го іюля 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф. Спб. 1875 г.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія соціологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

☛ **О судебныхъ доказательствахъ.** Трактатъ Іереміи Бентама, по изданію Дюмона. Переведенъ съ французскаго И. Гороновичемъ. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Очерки нашихъ порядковъ административныхъ и общественныхъ. Е. П. Карновича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Первобытная собственность. Эмиль-де-Лавелэ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Всадникъ. Практическій курсъ верховой ѣзды. Виктора Франкони. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. I: 1) Это мой маленькій капризъ. 2) Роковое признаніе. 3) Дядя Беккеръ подшутилъ. 4) По кривой дорогѣ впередъ не видать. 5) До поры до времени. 6) Не хмѣль бѣда—похмѣлье. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

——— ——— Т. II: 1) Сорви голова. 2) Завоеванное счастіе. 3) Старое старится —молодое растетъ. 4) Двѣ скорби. 5) Клинъ клиномъ вышибай. 6) Въ погоню за прекрасной Еленой. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Руководство къ изученію сценическаго искусства, въ двухъ частяхъ. Составилъ Н. Свѣдѣнцовъ. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Самоучитель строительнаго искусства. Спеціально-практическое руководство, съ присовокупленіемъ нужнѣйшихъ статей изъ Высочайше утвержденнаго урочнаго положенія, 300 политипажныхъ рисунковъ и атласа на 32-хъ листахъ. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

☛ **Школьная гимнастика въ Голландіи, Даніи, Швеціи и Германіи.** Изданіе С.-Петербургскаго Гимнастическаго Общества. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Народный сельско-хозяйственный Календарь. Настольная книга для сельскихъ хозяевъ. Съ картинами и политипажами. П. М. Преображенскаго. М. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Ницца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жизнь. В. Тунѣева. Guide Russe à Nice. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ, перес. за 1 ф.

☛ **Общедоступный деневый и вкусный столъ.** Н. А. Коломійцева. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Состав. В. С. Глуховъ, П. И. Собко и Ѳ. И. Сулима. Изд. 2-е. Ц. 4 р., пер. за 2 ф.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Сост. А. Н—въ. Въ текстѣ политипажные рисунки. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Русская родословная книга. Изданіе „Русской Старины“ Т. I. Ц. 3 р., перес. за 3 ф. Т. II. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

☛ **Фабрикація портландскаго цемента.** Съ прибавленіемъ описанія плана безконечной печи для обжиганія кирпичей, глиняныхъ издѣлій, извести и цемента. В. Ф. Котельникова. Съ 3 таблиц. и 28 чертежами. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

BULLETIN LITTERAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. Munx).

St.-Pétersbourg, Perspective de Nevsky, № 14.

Nouveautés de Juillet, 1876.

ARMAND, American. Jagd u. Reiseabenteuer. 2 Azl. 2 r. 40 k.

BERTLING, O. Philosophische Briefe. 2 r. 50 k.

BRACHVOGEL, A. Des Misstrauens Opfer. 3 Bde. 7 r. 50 k.

BRYANT & GAY. A popular history of United States. I. 4 r. 50 k.

COLBAN, M. Novellen. Deutsch v. A. Strodtmann. 2 Bde. 4 r. 50 k.

COX, E. The Mechanism of man. I. 5 r. 25 k.

DU BOISGOBEY. Les Mystères du nouveau Paris. 2 vls. 2 r. 40 k.

EGER, G. Das Reichs-Haftplicht-Gesetz betreff. die Verbindlichkeit zum Schadenersatz. 5 r. 50 k.

EVANS, A. Trough Bosnia and the Herzegovina during the insurrection. August and Septb. 75. 9 r.

EXHIBITION, INTERNAT. Illustrated catalogue. The masterpieces of the international exhibition 1876. Parts 1—3. à 1 r. 25 k.

FIELITZ, W. Studien zu Schillers Dramen. 1 r. 20 k.

FITZINGER, L. Der Hund und seine Racen. 4 r.

GAY, I. From Pall Mall to the Punjaubor with Prince in India. 9 r.

GORDON. The roof of the world. 15 r. 75 k.

HERBAULT, P. De l'hypothèque maritime. 2 r.

HOUDOY, I. La beautè des femmes dans la littérature et dans l'art du XII au XVI siècle. 4 r.

JAEGER, E. Geschichte der socialen Bewegung u. des Socialismus in Frankreich. I. 4 r.

INMANN, J. Ancient faiths and modern. 7 r. 50 k.

KARTOFFEL, DIE U. ihre Cultur. Amtl. Bericht üb. d. Kartoffel-Ausstellung. 8 r.

LACROIX, P. Les sciences & les lettres au moyen age. 13 r. 20 k.

LESSINGS. Laokoon herausg. u. erl. v. H. Blümner. 3 r.

MACLEOD, G. Theory and practice of banking. 3 ed. 2 vls. 13 r.

MARGARY, A. Journey from Shangae to Bhams and back to Manwyne. 5 r. 25 k.

MASCART. Traité d'électricité statique. 2 vls. 12 r.

MAUDSLEY. The Physiology of mind. 5 r. 25 k.

MAYNARD. La sainte Vierge. 13 r. 20 k.

MICHAUD. Le prêtre. 1 r. 40 k.

MONCKHOVEN. Traité pratique de photographie au charbon. 2 r.

ONCKEN, W. Oesterreich u. Preussen im Befreiungskriege. I. 4 r. 50 k.

OSBORNE, R. Islam under the Arabs. 6 r.

PELLETAN, I. Le Microscope. 6 r. 40 k.

PIRON, H. L'île de Cuba. Santiago. La Havane. 1 r. 60 c.

PROBYN. Systems of land tenure in varies countries. 1 r. 75 k.

RABINOWICZ. Législation criminelle du Talmud. 4 r. 80 k.

RATZEL, I. Die chinesische Auswanderung. 2 r.

REUSCH, H. Bibel und Natur. Vorlesungen über mosaische Urgeschichte. 4 r. 25 k.

RICHTER, C. Die Fortschritte der Cultur. 2 r. 50 k.

SAVERNY, M. La femme chez elle et dans le monde. 2 r.

SAINT-SIMON. Scènes et portraits choisis de ses memoires. 2 r. 80 k.

SCHINDLER, L. Theoret. pract. Handbuch für den ersten Schulunterricht. I. 2 r. 50 k.

SCHIRREN, C. Beiträge zur Kritik älterer holsteinischer Geschichtsquellen. 3 r. 40 k.

SCHWEICHEL, R. Der Bildschnitzer von Achensee. 3 Afl. 1 r. 50 k.

SMILES, S. Die Sparsamkeit. Uebers v. Busch. 3 r.

TELFER. Crimea and Transcaucasia. 2 vls. 16 r.

TSCHABUSCHNIGG. Aus dem Buche der Reisen. 2 r.

ения; такъ, Менерова артелъ сложилась порво- | опре...

Въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича находятся на складѣ слѣдующія книги:

ОСНОВАНІЯ СОЦІОЛОГІИ

ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

Томъ I. Содержаніе: 1) Надъ-органическое развитіе. 2) Факторы общественныхъ явленій. 3) Первобытные внѣшніе факторы. 4) Первобытные внутренніе факторы. 5) Первобытный человѣкъ. — Сторона физическая. 6) Первобытный человѣкъ.—Чувства. 7) Первобытный человѣкъ.—Умъ. 8) Первобытныя идеи. 9) Идеи объ одушевленномъ и неодушевленномъ. 10) Идеи о снѣ и сновидѣніяхъ. 11) Идеи объ обморокѣ, апоплексіи, каталепсіи, эстатическомъ изступленіи и другихъ формахъ безчувственнаго состоянія. 12) Идеи о смерти и воскресеніи. 13) Идеи о душахъ, тѣняхъ (привидѣніяхъ), духахъ, демонахъ и пр. 14) Идеи о загробной жизни. 15) Идеи о загробномъ мірѣ. 16) Идеи о сверхъестественныхъ дѣятеляхъ. 17) О сверхъестественныхъ дѣятеляхъ, какъ о причинахъ эпилепсіи и конвульсій, горячечнаго бреда и помѣшательства, болѣзней и смерти. 18) Вдохновеніе, ясновидѣніе, заклинаніе, колдовство. 19) Священныя мѣста, храмы и алтари, жертвоприношеніе, постъ и умилостивленіе; славословіе, молитва и пр. 20) Поклоненіе предкамъ вообще. 21) Поклоненіе идоламъ и фетишамъ. 22) Поклоненіе животнымъ. 23) Поклоненіе растеніямъ. 24) Поклоненіе природѣ. 25) Божества. 26) Первобытное міросозерцаніе. 27) Область соціологіи.

Цѣна Т. I 3 р. съ пересылкою.

УЧЕБНИКЪ ФИЗІОЛОГІИ

ЭРНСТА БРЮККЕ

Переводъ съ нѣмецкаго профессоровъ физіологіи: **Н. О. Ковалевскаго, Ф. В. Овсянникова, И. М. Сѣченова, О. П. Шереметевскаго** и **И. П. Щелкова.** *Эмбріологія* въ переводѣ профессора **И. И. Мечникова.**

Цѣна за два тома 6 руб. съ пересылкою.

Въ Книжный Складъ Типографіи М. Стасюлевича поступили въ продажу слѣдующія книги:

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПІИ,

ИЗДАННОЕ ПРОФЕССОРОМЪ V. ZIEMSSEN'ОМЪ.

Вып. I. Брюшной тифъ. Вып. II. Возвратный тифъ, сыпной тифъ и холера. Вып. III. Чума, желтая горячка, дизентерія и дифтеритъ. Вып. IV. Вѣтряная оспа, корь, краснуха и скарлатина. Вып. V. Оспа, рожа, потная лихорадка, гриппъ, дэнгэ, сѣнная лихорадка, малярійныя инфекціи и mening. cerebro-spin. epidemica. Вып. VI. Сифилисъ. Вып. VII. Инвазіонныя болѣзни и зараженія животными ядами. Цѣна 9 руб., перес. за 9 фунтовъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

РѢШЕНІЙ

ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ЗА 1874 ГОДЪ.

СОСТАВИЛИ:

А. Книримъ и Е. Ковалевскій.

Томъ I. Матеріальное право. Цѣна 2 р. 50 к., пересылочныхъ за 2 фунта.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Его Превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ второй имперіи Эм. Зола. Пер. съ франц. *Ан. Энгельгардтъ*. Спб. 1876. Стр. 400. Ц. 2 р.

Въ новомъ романѣ, извѣстномъ нашимъ читателямъ, Э. Зола продолжаетъ выполненіе своей главной задачи—написать исторію семьи, какъ на ней отражалась исторія цѣлой страны, сообразно индивидуальному характеру различныхъ представителей того или другого поколѣнія. Нынѣшній разъ авторъ остановился на апогеѣ второй имперіи и вывелъ на сцену самое типичное ея лицо, въ которомъ не трудно узнать того, кого при Наполеонѣ III называли „вице-императоромъ", и кто до сихъ поръ остается корифеемъ бонапартизма. При всемъ томъ, авторъ не впадаетъ въ тенденціозность, не пишетъ на заданную тэму, и такія сцены, какъ, напримѣръ, крестины императорскаго принца, охота и обѣдъ въ Компьенѣ, или совѣтъ министровъ въ С.-Клу—обращаютъ на себя вниманіе прежде всего художественною правдою воспроизведенія фактовъ до мельчайшихъ ихъ подробностей, такъ что при чтеніи возникаетъ впечатлѣніе уже не читателя, а почти зрителя.

Общинное владѣніе. *К. Кавелина*. Спб. 1876. Стр. 63. Ц. 50 к.

Вопросъ о сельской общинѣ принадлежитъ издавна къ числу весьма спорныхъ и рѣшаемыхъ въ самомъ противоположномъ смыслѣ. Нельзя не отдать справедливости автору настоящей брошюры: онъ, извѣстный партизанъ общины, не закрываетъ глазъ на доводы своихъ противниковъ, и ставитъ себѣ основною цѣлью, если мы вѣрно его понимаемъ, то, чтобы открыть условія, при которыхъ общинное владѣніе не убивало бы понятія о личной поземельной собственности. Итакъ, онъ допускаетъ, что община не есть безусловная панацея отъ всякаго зла. Не менѣе вѣрно другое его замѣчаніе, что въ этомъ вопросѣ до сихъ поръ приходится ограничиваться одними общими соображеніями, вмѣсто разработки самыхъ фактовъ, собранныхъ пока въ самомъ ограниченномъ числѣ. Отъ этого послѣдняго обстоятельства, безъ сомнѣнія, зависитъ и самая рознь мнѣній объ общинѣ, и та смѣлость, съ которою рѣшается этотъ вопросъ какъ защитниками, такъ и противниками общиннаго владѣнія у насъ. Мы увѣрены впрочемъ, что и тѣ, и другіе прочтутъ очеркъ г. Кавелина съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ вполнѣ заслуживаетъ,—тѣмъ болѣе, что почтенный авторъ не стоитъ на абсолютной точкѣ зрѣнія.

Биржевыя артели въ С.-Петербургѣ. *Гр. Немирова*. Спб. 1876.

Это—первое спеціальное изслѣдованіе предмета, весьма общеизвѣстнаго по имени, но внутреннее устройство биржевой артели, условія ея быта и вообще сколько-нибудь близкое понятіе о сущности ея знакомы развѣ однимъ ея членамъ, и то на практикѣ. А между тѣмъ, эти артели, по изслѣдованію г. Немирова, почти ровесники Петербургу, мѣсту ихъ перваго рожденія; такъ, Мейерова артель сложилась первоначально въ 1712 году. Число артелей въ настоящее время достигаетъ 25, а всѣхъ членовъ—болѣе 2,500 человѣкъ. Г. Немировъ даетъ самое полное понятіе о всемъ, что касается не только устройства артели, но и порядка работъ въ ней, обращенія капитала, пользованія имъ и т. д., а также приводитъ и перечень законодательныхъ постановленій объ артеляхъ, и притомъ не только собственно о биржевыхъ, но и всякихъ другихъ, состоящихъ при биржѣ, какъ-то: купоровъ, дрягилей, штуровъ и т. п.

Кобзарь Тараса Шевченко, въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Изд. п. р. *Н. В. Гербеля*. Спб. 1876.

Одновременно съ третьимъ изданіемъ великорусскаго переложенія поэзіи Шевченко, явилось изданіе въ Прагѣ, на основаніи котораго въ послѣдней, іюньской книжкѣ „Revue d. d. Mondes" напечатана статья г. Дюрана о Шевченкѣ и его поэзіи — новое доказательство интереса, возбуждаемаго во Франціи ко всему русскому, и основательности, съ какою начали на Западѣ изучать нашу культуру, безъ всякихъ предразсудковъ и даже съ большою симпатіею; слова: „казакъ и поэзія" — для француза были до сихъ поръ понятія мало примиримыя. Особенно любопытенъ еретическій для француза взглядъ г. Дюрана на причину особой прелести поэзіи Шевченко: г. Дюранъ объясняетъ ее тѣмъ, что Шевченко не былъ образованъ классически: „il aurait fabriqué des fleurs artificielles assez semblables à celles du passé pour que le premier coup d'oeil s'y laissât décevoir,—mais des fleurs mortes sans avoir vécu". Нельзя согласиться съ этимъ толкованіемъ безусловно, но схоластическій классицизмъ, господствующій во Франціи, какъ искусство украшать себя чужими мыслями, могъ справедливо навести г. Дюрана на приведенное выше толкованіе. Успѣхъ Шевченки у насъ свидѣтельствуется третьимъ изданіемъ, которое, кстати сказать, вновь исправлено и дополнено.

Историческій очеркъ пересылки арестантовъ въ Россіи. *Н. Румянцева*. Спб. 1876. Стр. 67.

Указываемъ нашимъ читателямъ на эту весьма обстоятельно составленную брошюру, между прочимъ и потому, что въ двухъ послѣднихъ книжкахъ журнала 1875 года мы помѣстили статью г. Ядринцева о „положеніи ссыльныхъ въ Сибири". Эта брошюра кончается тамъ, гдѣ начинается изслѣдованіе нашего сотрудника. Г. Румянцевъ, съ документами въ рукахъ, объясняетъ, что въ послѣднія 10—12 лѣтъ для улучшенія пересылки арестантовъ сдѣлано болѣе, чѣмъ за все предшествовавшее время. Это совершенно справедливо, какъ справедливо и то, что реформа пересыльной системы, при всемъ томъ, не должна считаться оконченною. Но и при всѣхъ улучшеніяхъ пересылки, главный вопросъ о положеніи пересланныхъ на мѣстѣ остается въ томъ же состояніи, въ какомъ очертилъ его г. Ядринцевъ, а потому, каковы бы ни были улучшенія транспорта, они останутся безцѣльны, если благополучно пересланные будутъ погибать нравственно и физически на мѣстѣ и заражать собою цѣлый край.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту.

На 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты; 24 р.—Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☚

От редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.